This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

3422.30 (2)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Г/III/51.
317748.
П.67.

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

ВЪ ОТДѢЛЬНЫХЪ

ОЧЕРКАХЪ, ЭПИЗОДАХЪ, ЛЕГЕНДАХЪ И БІОГРАФІЯХЪ

В. Лотто.

БИБЛІОТЕКА ГРЕНАДЕРСКАГО ЕЛИСАВЕТПОЛЬСКАГО ПОЛКА БАТАЛІОНА.

Вы теперь близко увидите, какъ живетъ и умираетъ Кавказскій воинъ, съ какимъ самоотверженіемъ совершаетъ онъ свой подвигъ и сколько неизвѣстныхъ исторіи героевъ молча легло для защиты знамени и долга.

(Изъ привѣтственной рѣчи Графа Соллогуба Е. И. В. Великому Князю Михаилу Николаевичу при назначеніи Его намѣстникомъ Кавказа).

1638
ИНВ. 1896

Томъ II рекомендованъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.
Сочиненіе это внесено въ «Основной каталогъ» для офицерскихъ библіотекъ.

ТОМЪ 2-й

ЕРМОЛОВСКОЕ ВРЕМЯ.

Библіотека Г. У. В. У.

ВЫПУСКЪ I.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Изданіе книжнаго склада В. А. БЕРЕЗОВСКАГО.
С-Петербургъ, Колокольная, собств. д., № 14.
1887.

Slav 3422.30 (2)

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
OCT 2 1958

110

Типографія Е. Евдокимова. Б. Итальянская, № 11.

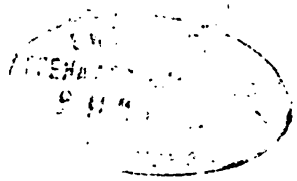
Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 марта 1887 г.

26613
23-3

Библиотека
Гренадерского полка
Е. И. В. Наслѣдника
Цесаревича

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ЕРМОЛОВСКОЕ ВРЕМЯ.



ОГЛАВЛЕНІЕ I ВЫПУСКА.

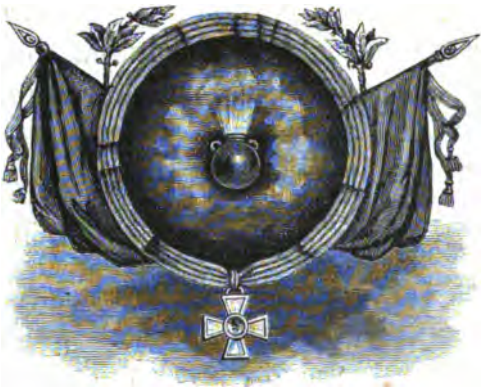
I. Ермоловъ 1
II. Посольство въ Персію 29
III. Плѣнъ Швецова 53
IV. Чечня 61
V. Грозная 81
VI. Крѣпость Внезапная 97
VII. Въ лѣсахъ и аулахъ Чечни. (Генералъ Грековъ). 113
VIII. Два типа. (Черновъ и Бей-Булатъ) 129
IX. Чеченскій мятежъ 1825 года 142
X. Герзель-Аулъ. (Гибель Грекова и Лисаневича) . 153
XI. Ермоловъ въ Чечнѣ 167

Библиотека Императорскаго Николаевскаго Кавалерійскаго Училища. Библіотека

ПРЕДИСЛОВІЕ КО II-му ТОМУ.

Ермоловское время Кавказской войны, которому посвященъ этотъ второй томъ, отличается особымъ характеромъ, требующимъ обдуманнаго изложенія. Событія шли тогда въ такомъ сложномъ и смѣшанномъ порядкѣ, что среди нихъ легко запутаться и потерять ту общую связь, то единство идеи Ермолова, которая, между тѣмъ, была именно отличительною чертою времени его. Сегодня дѣйствія происходили въ Чечнѣ, завтра въ Дагестанѣ, послѣзавтра въ Чечнѣ и Кабардѣ, въ Закавказьѣ, на Кубани и т. д., такъ что въ этой сумятицѣ мелочной борьбы легко затеряться, если излагать ее въ хронологическомъ порядкѣ. Между тѣмъ, ближе вглядѣвшись въ цѣлый ходъ событій десятилѣтняго періода, въ который Ермоловъ управлялъ Кавказомъ, невозможно не замѣтить того обстоятельства, что весь Кавказъ тогда распадался на нѣсколько почти самостоятельныхъ театровъ военныхъ дѣйствій: Чечню, Дагестанъ, Кабарду, Прикубанье, Закавказье — изъ которыхъ въ каждомъ дѣйствія направлялись стройно къ опредѣленнымъ цѣлямъ и представляли собою стройное цѣлое, полное смысла. Сообразно съ этимъ и авторъ, предпославъ въ первой статьѣ, о Ермоловѣ, сжатый очеркъ событій всей Ермоловской эпохи и выяснивъ ихъ значеніе въ

исторіи всей Кавказской войны, затѣмъ, при изложеніи подробномъ, уже раздѣлилъ исторію этого времени на отдѣльныя части, изъ которыхъ каждая обнимаетъ собою событія отдѣльнаго театра дѣйствій. Именно, первый выпускъ посвящается общему обзору дѣятельности Ермолова и Чечнѣ, второй — Дагестану, третій — Кабардѣ и Прикубанью, четвертый — Закавказью и началу Персидской войны 1826—1828 годовъ. Отъ такого изложенія исторія Кавказской войны чрезвычайно выигрываетъ въ ясности, ничего не теряя въ достовѣрности и послѣдовательности.



I.

Ермоловъ.

Но се, востокъ подъемлетъ вой!..
Поникни снѣжной головой,
Смирись, Кавказъ—идетъ Ермоловъ!

А. Пушкинъ.

... И ты, Ермоловъ незабвенный,
Россіи слава, горцамъ страхъ,—
Чье имя, какъ завѣтъ священный,
Штыками врѣзано въ горахъ...

Домонтовичъ.

Новый, обильный блестящими послѣдствіями періодъ русскаго владычества въ краѣ начинается тысяча восемь сотъ шестнадцатымъ годомъ, когда на Кавказѣ появляется Ермоловъ. Кавказскія войска съ восторгомъ узнали о назначеніи главою ихъ—Ермолова, героя Бородина и Кульма, любимца народной молвы, стяжавшаго себѣ громкую славу и качествами опытнаго и талантливаго вождя, обходимаго офиціальными реляціями, но популярнѣйшаго въ войскахъ, и своею неподкупною честностью, и своею истинно русскою душою, и мѣткими, злыми остротами надъ господствовав-

шими тогда всюду въ Россіи „нѣмцами“, народное нерасположеніе къ которымъ усилилось недавней народной войною 1812 года. Даже въ блестящей плеядѣ дѣятелей того недавняго прошлаго нашей народной и государственной жизни, Ермоловъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ, на которыхъ во всѣ грядущіе вѣка съ удивленнымъ вниманіемъ и глубокимъ сочувствіемъ остановится взоръ всякаго русскаго, кому дорога русская національная слава. Природа, казалось, самою внѣшностью хотѣла отмѣтить любимаго витязя русскихъ войскъ. „Изъ ряда людей, прославленныхъ отечественной войною, изъ тѣснаго круга дѣятелей государственныхъ,—говоритъ о немъ историкъ Ковалевскій:—возвышается величавая фигура, выдающаяся изъ всѣхъ другихъ. Мужественная голова со смѣлою и гордою посадкой на мощныхъ плечахъ, привлекательныя очертанія лица, соразмѣрность членовъ и самыя движенія свидѣтельствуютъ о великой нравственной и физической силѣ Ермолова, этого необыкновеннаго человѣка“. И вдохновенный русскій поэтъ съ полнымъ правомъ могъ воскликнуть: „смирись, Кавказъ—идетъ Ермоловъ!“

Личная судьба Ермолова, какъ извѣстно, можетъ служить разительнымъ примѣромъ непостоянства и перемѣнчивости земного счастія; но потомство цѣнитъ только заслуги передъ отчизною, и въ его глазахъ несправедливость судьбы только возвышаетъ славнаго вождя, не всегда цѣнимаго своими современниками.

Начало блистательнаго военнаго поприща Ермолова захватываетъ еще славныя Екатерининскія времена, и на первыхъ же шагахъ онъ былъ замѣченъ геніальнымъ Суворовымъ, изъ рукъ котораго получилъ георгіевскій крестъ. Родившись 24 мая 1777 года, въ Москвѣ, онъ, по тогдашнему обыкновенію, еще въ дѣтствѣ записанъ былъ въ гвардію. Князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій отвезъ его въ Петербургъ въ 1792 году, когда Ермоловъ имѣлъ 15 лѣтъ и уже чинъ капитана гвардіи. Зачисленный въ Нижегородскій драгунскій полкъ, стоявшій на Кавказѣ, онъ однако остался въ Петербургѣ адъютантомъ при генералъ-прокурорѣ графѣ Самойловѣ, у котораго отецъ Ермолова былъ тогда правителемъ канцеляріи. Пытливый, молодой умъ не давалъ однако Ермолову

погрузиться въ чисто практическую службу, и постоянныя занятія военными науками скоро привели его въ шляхетскій артиллерійскій корпусъ, выгоднѣе другихъ тогдашнихъ учебныхъ заведеній обставленный научными средствами. Въ 1793 году Ермоловъ выдержалъ требовавшійся тогда для перевода въ артиллерію экзаменъ съ особымъ отличіемъ и, въ составѣ корпуса Дерфельдена, уже артиллеристомъ, выступилъ въ походъ противъ Польши. Здѣсь-то онъ и имѣлъ случай обратить на себя особенное вниманіе Суворова, лично назначившаго ему, послѣ штурма Праги, орденъ св. Георгія 4 степени. Польскій походъ былъ для Ермолова началомъ цѣлаго ряда лѣтъ, проведенныхъ среди бранныхъ тревогъ и опасностей. Отправленный вскорѣ въ Италію, онъ, съ австрійскою арміею, сдѣлалъ кампанію противъ французовъ, а по возвращеніи въ Россію, назначенъ былъ въ корпусъ графа Валеріана Зубова, шедшій на Персію, участвовалъ во взятіи Дербента и ходилъ къ Ганжѣ противъ Аги-Магометъ-Хана, двигавшагося навстрѣчу русскимъ съ огромнымъ войскомъ и восемьюдесятью слонами. Здѣсь въ первый разъ Ермоловъ познакомился съ Кавказомъ, глубоко заинтересовался его судьбами и полюбилъ его всею душою, видя въ то же время недостатки управленія и политики въ немъ, грозившіе странѣ столькими бѣдами. Впослѣдствіи, мысль сдѣлаться начальникомъ Кавказскаго края стала лучшею мечтою его жизни.

Ермолову было только 19 лѣтъ, а онъ уже имѣлъ за персидскій походъ владимірскій крестъ и чинъ подполковника. Но, со вступленіемъ на престолъ императора Павла, въ его судьбѣ все вдругъ круто измѣнилось. Войска, участвовавшія въ походѣ въ Персію, получили приказаніе немедленно возвратиться въ Россію, и весь отрядъ отступилъ на Терекъ, гдѣ его ожидалъ, по выраженію Давыдова, „своенравный графъ Гудовичъ, пылавшій гнѣвомъ за то, что не ему было ввѣрено начальство надъ экспедиціоннымъ корпусомъ“. Избѣгая встрѣчи съ нимъ, многіе пробрались степью прямо въ Астрахань; въ числѣ ихъ былъ и Ермоловъ.

Вскорѣ случилось новое обстоятельство, надолго совершенно устранившее Ермолова отъ военной дѣятельности. Между офицерами армейскихъ полковъ, квартировавшихъ въ Смоленской гу-

берніи, развилось сильное неудовольствіе на крутыя мѣры и преобразованія, вводимыя новымъ императоромъ, и особенно на опалу, постигшую тогда любимаго фельдмаршала Суворова. По доносу смоленскаго губернатора, было назначено слѣдствіе, и между скомпрометированными офицерами былъ родной братъ Ермолова по матери, Коховскій, а письма, найденныя у него, замѣшали въ дѣло также и Ермолова. Онъ очутился въ Петропавловской крѣпости, но такъ какъ невиновность его была скоро обнаружена, то его выпустили, а вслѣдъ за тѣмъ внезапно арестовали опять и безъ объясненія причинъ сослали въ городъ Кострому, гдѣ въ то время жилъ въ ссылкѣ же знаменитый впослѣдствіи графъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ. Изгнанники часто проводили время вмѣстѣ и, печальные, бесѣдовали о подвигахъ своихъ соратниковъ на Альпійскихъ горахъ. Это было время безсмертнаго Италійскаго похода Суворова.

Ссылка помѣшала Ермолову участвовать въ этомъ славномъ походѣ; но время бездѣйствія не пропало для него даромъ. Въ своемъ уединеніи онъ изучалъ латинскій языкъ и читалъ Цезаря въ то время, какъ новый цезарь и нашъ славный Суворовъ, одинъ послѣ другого, оглашали громомъ побѣдъ тѣ самыя мѣста, которыя видѣли нѣкогда предводимыя Цезаремъ римскія когорты.

По вступленіи на престолъ Александра Павловича, Ермоловъ былъ изъ ссылки возвращенъ. Но опредѣленіе его снова на службу долго встрѣчало большія затрудненія. „Съ трудомъ—говорится въ запискахъ Ермолова:—получилъ я роту конной артиллеріи, которую колебались мнѣ повѣрить, какъ неизвѣстному офицеру между людьми новой категоріи. Я имѣлъ за прежнюю службу георгіевскій и владимірскій ордена, былъ употребленъ въ Польшѣ и противъ персіянъ, находился съ австрійской арміей въ приморскихъ Альпахъ, но все сіе ни къ чему мнѣ не послужило, ибо неизвѣстенъ я былъ въ экзерциргаузахъ и чуждъ Смоленскаго поля, которое было школою многихъ знаменитыхъ людей нашего времени“.

Испытанія, посланныя судьбою Ермолову, несомнѣнно закалили его и безъ того сильный характеръ, укрѣпили въ немъ силу воли. Но самолюбіе его отъ того не менѣе страдало при мысли, что

многіе изъ товарищей и сверстниковъ далеко обошли его въ службѣ и могли сдѣлаться въ недалекомъ будущемъ его начальниками. Къ тому же колкій языкъ Ермолова, его смѣлыя и язвительныя замѣчанія пріобрѣли ему сильнаго врага въ лицѣ инспектора всей артиллеріи, графа Аракчеева. Всѣмъ былъ извѣстенъ острый отвѣтъ его по поводу замѣчанія Аракчеева о худобѣ казенныхъ строевыхъ лошадей. Аракчееву оставалось только притвориться тогда не понявшимъ отвѣта, но Ермоловъ скоро почувствовалъ на себѣ всю тяжесть начальническаго гнѣва. Въ это-то время онъ писалъ: „Мнѣ остается или выйти въ отставку, или ожидать войны, чтобы съ конца своей шпаги достать себѣ все мною потерянное". Въ этихъ гордыхъ словахъ сказалось только сознаніе своей силы,—Ермоловъ зналъ себѣ цѣну. И дѣйствительно, когда война началась, Ермоловъ явился на ратномъ полѣ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей, учителемъ многихъ старшихъ себя по службѣ и, не смотря на все недоброжелательство къ себѣ сильныхъ и вліятельныхъ людей, проложилъ себѣ дорогу къ отличіямъ и сдѣлался лично извѣстенъ императору Александру Павловичу.

Первые блистательные подвиги оказаны Ермоловымъ въ компанію 1805 года, гдѣ онъ заслужилъ дружбу знаменитаго князя Петра Ивановича Багратіона, продолжавшуюся до смерти послѣдняго. За Аустерлицкое сраженіе Ермоловъ былъ наконецъ произведенъ въ полковники. Но, кажется, и эта награда была получена имъ только потому, что Кутузовъ выразилъ удивленіе, что отличный офицеръ, имѣвшій два знака отличія временъ Екатерины, девять лѣтъ сидитъ подполковникомъ, — почти небывалый случай при быстрыхъ производствахъ тогдашняго времени.

Чинъ полковника былъ первою ступенью къ быстрому служебному возвышенію Ермолова, которому чрезвычайно много послужила кампанія 1807 года. Ею начинается и эпоха необыкновенной популярности Ермолова въ арміи. Послѣ битвы при Прейсишъ-Эйлау, гдѣ предводимая имъ конно-артиллерійская рота отстояла лѣвый флангъ русской арміи — и Паленъ, и Бенигсенъ одновременно ходатайствовали о награжденіи его орденомъ св.

Георгія 3-го класса. Но георгіевскій крестъ былъ данъ молодому графу Кутайсову, Ермоловъ же получилъ Владиміра 3-й степени. Князь Багратіонъ почелъ несправедливость, нанесенную Ермолову, личнымъ для себя оскорбленіемъ и жаловался цесаревичу. Ермоловъ съ своей стороны тоже не считалъ нужнымъ молча переносить обиду. И когда, по приказанію начальника артиллеріи, Рѣзваго, Кутайсовъ потребовалъ отъ него списки отличившихся, онъ, представляя эти списки, написалъ къ нему: „Благодарю ваше сіятельство, что вамъ угодно извѣстить меня, что вы были моимъ начальникомъ во время битвы". Истинныя заслуги и дарованія не нуждались однако въ покровителяхъ: за Голыминъ Ермоловъ получилъ золотую саблю, за Гейльсбергъ—алмазные знаки ордена св. Анны 2-го класса, и наконецъ за дѣло при Гутштадтѣ и Пассаргѣ добился-таки Георгія на шею, въ которомъ на этотъ разъ уже никто не могъ отказать ему. Извѣстность, пріобрѣтенная имъ въ теченіе этой войны, была такъ велика, что одного удостовѣренія его казалось достаточно, чтобы получили георгіевскіе кресты три штабъ-офицера, отличившіеся на его глазахъ подъ Гейльсбергомъ. Когда солдаты наши замѣчали роту Ермолова, выѣзжавшую на позицію, и видѣли его колоссальную, гигантскую фигуру, они ободрялись и громко выражали увѣренность, что „Ермоловъ за себя постоитъ".

Произведенный по окончаніи войны въ генералъ-маіоры, Ермоловъ получилъ въ командованіе гвардейскую артиллерійскую бригаду, а вслѣдъ за тѣмъ, по личному выбору государя, сдѣлался начальникомъ гвардейской пѣхотной дивизіи. Попытку уклониться отъ этого почетнаго назначенія съ тѣмъ, чтобы ѣхать въ Дунайскую армію, императоръ Александръ принялъ за интригу противъ Ермолова и приказалъ передать ему, что впредь всѣ назначенія его по службѣ будутъ зависѣть отъ самого государя и что онъ ни въ комъ нужды не имѣетъ.

Пріѣздъ Ермолова въ Петербургъ однакоже замедлился; онъ сломалъ руку и долженъ былъ надолго слечь въ Кіевѣ. Вниманіе государя простерлось до того, что онъ прислалъ курьера узнать о его здоровьѣ и приказалъ увѣдомлять себя каждыя двѣ недѣли о ходѣ лѣченія.

„Удивленъ я былъ симъ вниманіемъ, пишетъ Ермоловъ:—и сталъ сберегать руку, принадлежащую гвардіи; до того же менѣе заботился я объ армейской головѣ моей“.

Между тѣмъ наступилъ годъ, „памятный каждому Россіянину, тяжкій несчастіями, знаменитый блистательною славою въ роды родовъ“—годъ отечественной войны, когда потребовались для спасенія отчизны необычайныя усилія и энергическіе люди,—и Ермоловъ назначается начальникомъ главнаго штаба въ арміи Барклая-де-Толли, противъ желанія вліятельнаго графа Аракчеева, рекомендовавшаго на этотъ постъ Тучкова. Своими распоряженіями въ качествѣ начальника штаба Ермоловъ, по общимъ отзывамъ историковъ, не разъ спасаетъ русскую армію отъ опасности и непосредственно, частными письмами, доноситъ государю о положеніи дѣлъ, настоятельно прося его о назначеніи одного общаго главнокомандующаго. Высокій постъ, занятый имъ по волѣ императора, создалъ ему въ арміи много сильныхъ враговъ, завидовавшихъ быстрому его возвышенію, тѣмъ болѣе, что онъ, подобно князю Багратіону, держался открытымъ противникомъ руководившей тогда всѣмъ нѣмецкой партіи, во главѣ которой стояли Барклай, Витгенштейнъ и другіе. Разсказываютъ, что у Ермолова спросили однажды: какой онъ желаетъ милости?—„Пусть пожалуютъ меня въ нѣмцы, отвѣтилъ онъ, — а тогда я получу все уже самъ“. Въ другой разъ, войдя въ залу передъ внутренними покоями императора Александра, гдѣ ждало много военныхъ генераловъ, онъ вдругъ обратился къ нимъ съ вопросомъ: „позвольте узнать, господа, не говоритъ ли кто-нибудь изъ васъ по-русски?“ О самомъ штабѣ Барклая онъ отзывался съ своею обычною рѣзкостью. „Здѣсь все нѣмцы, сказалъ онъ однажды:—одинъ русскій, да и тотъ Безродный“. Безродный—фамилія одного чиновника, служившаго при штабѣ, впослѣдствіи сенатора. Понятно, что Ермоловъ стоялъ въ прямой оппозиціи со многими сильными людьми, не упускавшими случая вредить ему.

Съ назначеніемъ Кутузова главнокомандующимъ русскою арміею, положеніе Ермолова въ главной квартирѣ нѣсколько стушевывается: на первый планъ выступаютъ любимцы стараго кня-

зя, Коновницынъ и Толь. Но Кутузовъ, не приближавшій его къ себѣ, тѣмъ не менѣе постоянно употребляетъ его во всѣхъ трудныхъ случаяхъ: и подъ Бородинымъ, гдѣ Ермоловъ вырвалъ изъ рукъ французовъ батарею Раевскаго, запечатлѣвъ геройскій подвигъ своею кровью (онъ былъ раненъ картечью въ шею), и подъ Тарутинымъ, и подъ Мало-Ярославцемъ, и подъ Вязьмой, и подъ Краснымъ. Однажды Кутузовъ, окруженный своимъ штабомъ, смотрѣлъ на отступленіе французовъ. Когда мимо него на своемъ боевомъ конѣ пронесся Ермоловъ, старый фельдмаршалъ, указывая на него окружающимъ, сказалъ: „Еще этому орлу я полета не даю". И потомъ повторилъ нѣсколько разъ: „онъ рожденъ командовать арміями".

Произведенный въ генералъ-лейтенанты за сраженіе подъ Заболотьемъ, близъ Смоленска, Ермоловъ за Бородинскую битву былъ представленъ Барклаемъ-де-Толли къ ордену Георгія 2-го класса. „Весьма справедливо сдѣлали, что мнѣ его не дали, говоритъ Ермоловъ въ своихъ запискахъ:—ибо не должно уменьшать важности онаго; но странно, что отказали „александра", котораго просилъ за меня свѣтлѣйшій, а дали анненскую, наравнѣ съ чиновниками, бывшими у построенія мостовъ".

Могильное молчаніе реляцій не могло уничтожить заслугъ Ермолова и даже, напротивъ, придавало имъ особенный блескъ. Подвиги его сдѣлались достояніемъ устныхъ разсказовъ, сообщавшихъ имъ легендарный характеръ, и тѣмъ дороже былъ герой для всѣхъ обожавшихъ его подчиненныхъ, что ему не отдавалось должной справедливости. Устная молва сдѣлала для Ермолова гораздо болѣе, чѣмъ могли бы сдѣлать самыя пышныя реляціи главнокомандующихъ: имя его перешло въ народъ, и онъ занялъ одно изъ виднѣйшихъ мѣстъ среди *народныхъ* героевъ 1812 года.

„Ермоловъ, говоритъ въ своихъ запискахъ Писаревъ: — напоминаетъ собою людей Святославова вѣка; онъ всегда при саблѣ, всегда спитъ на плащѣ. Ни гагачьи пуховыя постели помпадурскія, ни штофныя занавѣсы Монтеспанъ не манятъ его къ нѣгѣ и ко сну, который и въ столицѣ, какъ равно и въ кочевыхъ станахъ, продолжается у него только до разсвѣта".

Жуковскій въ знаменитомъ „Пѣвцѣ во станѣ русскихъ воиновъ“ такъ характеризуетъ геройскую личность Ермолова:

Хвала сподвижникамъ—вождямъ;
Ермоловъ, витязь юный,
Ты ратнымъ братъ, ты жизнь полкамъ,
И страхъ твои перуны.

„Если мы, говоритъ Давыдовъ: — современники и очевидцы магическаго дѣйствія, производимаго въ нашихъ войскахъ однимъ именемъ Ермолова, были глубоко удивлены необычайною популярностью, которой онъ всегда пользовался, то наши потомки будутъ въ правѣ думать, что извѣстіе о томъ, если не вымышлено, то, по крайней мѣрѣ, весьма преувеличено; а между тѣмъ самые враги его, бывшіе не разъ свидѣтелями необыкновенной любви и преданности, питаемыхъ къ нему войсками, не могутъ отрицать этого обстоятельства“.

При открытіи заграничной кампаніи 1813 года, Ермоловъ получаетъ въ командованіе артиллерію всѣхъ дѣйствующихъ армій. На этомъ посту онъ остается впрочемъ не долго. Главнокомандующій князь Витгенштейнъ, весьма неблаговолившій къ Ермолову, воспользовался неудачею Люцынскаго боя, чтобы свалить на него всю вину, несправедливо приписавъ его нераспорядительности недостатокъ артиллерійскихъ снарядовъ. Ермоловъ сдаетъ должность князю Яшвилю, опять впадаетъ какъ бы въ немилость, и остается безъ команды до самаго Кульмскаго боя. Только подъ Бауценомъ ему поручаютъ ничтожный арьергардъ, съ которымъ онъ борется однако, на глазахъ государя, почти противъ всей французской арміи, приводя въ восторгъ даже самого Витгенштейна. „Я оставилъ на полѣ сраженія,—писалъ этотъ послѣдній къ государю:—на полтора часа Ермолова; но онъ удержался на немъ, со свойственнымъ ему упрямствомъ, гораздо долѣе и сохранилъ тѣмъ Вашему Величеству около 50 орудій“.

Подъ Кульмомъ Ермоловъ командуетъ русскою гвардіей, — и первый день этого великаго по своимъ послѣдствіямъ боя безспорно составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній военнаго по-

прища его. Въ самомъ началѣ сраженія ядро оторвало графу Остерману руку, и боемъ до конца руководилъ одинъ Ермоловъ.

Узнавъ объ этомъ, императоръ Александръ сказалъ: „Ермоловъ укрѣпилъ за собою гвардію“, и пожаловалъ ему александровскую ленту.

Реляція объ этомъ сраженіи была написана самимъ Ермоловымъ. Весь успѣхъ дѣла онъ отнесъ въ ней непоколебимой стойкости войскъ и распорядительности графа Остермана, совершенно умолчавъ о своемъ командованіи и о своихъ заслугахъ. Прочитавъ эту реляцію, Остерманъ, несмотря на жестокія страданія, собственноручно написалъ Ермолову:

„Довольно возблагодарить не могу ваше превосходительство; нахожу лишь только, что вы мало упомянули о генералѣ Ермоловѣ, которому всю истинную справедливость отдавать привыченъ“.

Когда флигель-адъютантъ Голицынъ привезъ графу Остерману знаки св. Георгія 2 класса, мужественный генералъ сказалъ ему: „Передайте государю, что этотъ орденъ долженъ принадлежать не мнѣ, а Ермолову“. Впослѣдствіи, когда Остерманъ удалился отъ дѣлъ и поселился въ Женевѣ, онъ пріобрѣлъ и повѣсилъ въ своемъ кабинетѣ портретъ Ермолова, служившій ему живымъ напоминаніемъ славнаго прошедшаго.

Наполеоновскія войны Ермоловъ блистательно закончилъ подъ стѣнами Парижа, командуя при взятіи его русскою и прусскою гвардіей. Парижу обязанъ онъ Георгіемъ 2 класса съ звѣздою, который съ своей груди надѣлъ на него цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Пруссаки также спѣшили поздравить Ермолова и, намекая на несомнѣнно предстоящую ему награду орденомъ Чернаго Орла, говорили: „сегодня вашъ Красный Орелъ почернѣетъ“. Но прусскій король, недовольный потерей, понесенной его гвардіей, которую Ермоловъ, по собственному его выраженію, „вывелъ въ расходъ“,—не пожаловалъ ему этого ордена.

По низложеніи Наполеона, Ермолову порученъ былъ 8-ми тысячный обсерваціонный корпусъ на границахъ Австріи, и затѣмъ ему предоставлялась еще болѣе широкая дѣятельность. Графъ Аракчеевъ держалъ пари, что Ермоловъ будетъ военнымъ ми-

нистромъ, и, дѣйствительно, сказалъ однажды государю слѣдующія памятныя слова:

— „Армія наша, изнуренная продолжительными войнами нуждается въ хорошемъ военномъ министрѣ; я могу указать Вашему Величеству на двухъ генераловъ; это—графъ Воронцовъ и Ермоловъ. Назначенію перваго, имѣющаго большія связи и богатства, всегда любезнаго и пріятнаго въ обществѣ, возрадовались бы многіе; но Ваше Величество скоро усмотрѣли бы въ немъ недостатокъ энергіи и бережливости, какія намъ въ настоящее время необходимы. Назначеніе Ермолова было бы для многихъ весьма непріятно, потому что онъ начнетъ съ того, что перегрызется со всѣми; но его дѣятельность, умъ, твердость характера, безкорыстіе и бережливость вполнѣ бы его оправдали".

Характеристика эта была совершенно вѣрна; но государь готовилъ ему другое назначеніе. Въ то время, какъ онъ находился въ отпуску, въ орловскомъ имѣніи своего отца, высочайшимъ приказомъ отъ 24 мая 1816 года онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Грузію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и чрезвычайнымъ посланникомъ въ Персію. Завѣтная мечта Ермолова, зародившаяся, какъ сказано выше, еще въ началѣ его военнаго поприща, такимъ образомъ исполнилась.

— Я бы не повѣрилъ, сказалъ ему при свиданіи государь:— что ты можешь желать этого назначенія, но меня увѣрили въ томъ Волхонскій и Аракчеевъ.

„Объясненіемъ симъ, говоритъ Ермоловъ:—государь истолковалъ мнѣ, какого онъ о Грузіи мнѣнія. Сего достаточно было, чтобы на мѣстѣ моемъ устрашить многихъ, но я рѣшился повѣрить себя моему счастію. Не съ равнымъ удовольствіемъ принялъ я назначеніе меня посломъ въ Персію. Меня устрашали дѣла, по роду своему совершенно мнѣ незнакомыя. Я наслышался о хитрости и коварныхъ свойствахъ персіянъ и отчаявался исполнить съ успѣхомъ порученіе государя. Ничто такъ не оскорбляетъ самолюбія, какъ быть обманутымъ, а я никакъ не надѣялся избѣжать того".

И вотъ на тридцать девятомъ году отъ роду, въ лучшую пору

дѣятельности человѣка, Ермоловъ становится самостоятельнымъ правителемъ обширнаго, воинственнаго края, съ правами почти неограниченными, которыхъ до него не имѣлъ никто изъ его предмѣстниковъ. Вся предыдущая дѣятельность его обѣщала для Кавказа эпоху великихъ дѣлъ, и самая наружность Ермолова какъ бы соотвѣтствовала той силѣ и власти, которыми онъ былъ облеченъ: необыкновенная физическая сила, могучее тѣлосложеніе, громадный ростъ и характерная круглая голова, съ сѣдыми, въ безпорядкѣ лежавшими волосами, напоминавшая собою голову льва. Такимъ изображенъ онъ въ портретной галлереѣ Зимняго Дворца. Величественная и грозная фигура его, одѣтая въ косматую черкесскую бурку, опирается на обнаженную шашку; лицо дышетъ суровою энергіею и непреклонною волею; на заднемъ планѣ — скалы, надъ головою нависли грозныя тучи. Портретъ этотъ писанъ извѣстнымъ художникомъ Доу *). Слѣдующіе стихи къ этому портрету весьма удачно передаютъ его характернѣйшія черты:

На снѣжномъ подножьи кавказскихъ вершинъ,
Угрюмъ, одинокій стоитъ исполинъ;
Онъ буркой косматой картинно одѣтъ,
Вокругъ его блещетъ румяный разсвѣтъ.
На шашкѣ булатной покоится длань,
Могучъ онъ и грозенъ, какъ смертная брань,
Свинцовая дума въ морщинахъ чела
Всей тяжестью смѣло, глубоко легла.

Осенью 1816 года Ермоловъ пріѣхалъ въ Георгіевскъ, тогдашній центръ управленія сѣвернаго Кавказа, но пробылъ тамъ лишь нѣсколько дней, спѣша въ Персію, чтобы прежде всего обезпечить границы со стороны этого безпокойнаго сосѣда. Но уже и въ короткое время, знакомясь въ самыхъ общихъ чертахъ съ положеніемъ дѣлъ на Кавказской линіи, онъ успѣлъ вывести далеко не утѣшительныя заключенія. Онъ былъ уже въ этихъ мѣстахъ молодымъ артиллерійскимъ капитаномъ съ корпусомъ графа Зубова, и теперь, двадцать лѣтъ спустя, былъ пораженъ, не найдя почти

*) Къ сожалѣнію, прекрасная гравюра, сдѣланная съ этого портрета, составляетъ теперь библіографическую рѣдкость.

никакой перемѣны къ лучшему. Рѣки крови русской, казалось, были пролиты здѣсь совершенно даромъ. Терскія станицы и лежащія за ними русскія поселенія по прежнему были ареной кровавыхъ набѣговъ и держались въ постоянной осадѣ. Не только сообщенія между ними сопряжены были съ серьезными опасностями, но даже выйти за ворота укрѣпленія уже значило рисковать свободой и жизнью. Населеніе и войска держались въ постоянномъ напряженіи, и о мирномъ развитіи края не могло быть и рѣчи.

Сдѣлавъ нѣсколько общихъ распоряженій, Ермоловъ отправился далѣе и вечеромъ 10 октября, въ простой рогожной кибиткѣ, въѣхалъ въ заставу Тифлиса. Но и Закавказье поразило его незначительностью достигнутыхъ русскою властью результатовъ во внутреннемъ управленіи. Пятнадцать лѣтъ минуло послѣ присоединенія къ намъ Грузіи; Закавказскія владѣнія, особенно благодаря побѣдамъ Циціанова и Котляревскаго, раздвинулись отъ моря до моря и въ самую глубь вѣчно враждебныхъ сосѣднихъ земель, а между тѣмъ сдѣлано было еще очень немногое, чтобы успокоить эту цвѣтущую окраину русскаго государства и поставить ее на путь мирнаго развитія. Пограничныя магометанскія ханства, богатыя дарами природы, но управляемыя алчными азіятскими деспотами, могли служить особенно рѣзкимъ примѣромъ неустройства закавказскихъ дѣлъ, оставаясь, какъ и въ моментъ ихъ завоеванія, все тѣми же ненадежными владѣніями, всегда держащими сторону сильнаго и готовыми отложиться при первомъ удобномъ случаѣ, при первыхъ успѣхахъ Персіи или Турціи. И прежде чѣмъ отправиться въ Тегеранъ, Ермоловъ почелъ необходимымъ ближе ознакомиться съ ханствами и объѣхалъ ихъ, чтобы съ большей ясностью понимать задачи политическаго разграниченія Россіи съ Персіей. Изъ осмотра ихъ онъ вывелъ еще то заключеніе, что подъ русскимъ управленіемъ ханства могли приносить Россіи въ десять разъ больше доходовъ и выгодъ, чѣмъ при автономномъ управленіи ханами.

Весною 1817 года, Ермоловъ уѣхалъ наконецъ въ Персію для выполненія своей политической миссіи. Положеніе его было въ выс-

шей степени трудное. Императоръ Александръ далъ шаху обѣщаніе возвратить часть завоеванныхъ земель, а между тѣмъ изъ осмотра ханствъ Ермоловъ успѣлъ вынести твердое убѣжденіе, что всякія уступки невозможны и излишни и грозили бы только дальнѣйшими бѣдствіями войнъ. И передъ нимъ теперь лежала не легкая задача избѣжать исполненія обѣщаній императора. Но Ермоловъ съ честью вышелъ изъ затрудненій: онъ дѣйствовалъ съ такимъ искусствомъ, выказалъ такъ много энергіи, что заставилъ шаха самого отказаться отъ притязаній, и всѣ мусульманскія закавказскія земли остались за Россіей. Миръ Россіи на границахъ Персіи былъ обезпеченъ по крайней мѣрѣ на нѣсколько лѣтъ, и Ермоловъ могъ сосредоточить все свое вниманіе и заботы на внутреннемъ устройствѣ Кавказскаго края.

Эпоха Ермолова была для Кавказа прежде всего эпохою полнаго измѣненія внутренней политики. Наши традиціонныя отношенія къ завоеваннымъ ханствамъ и горскимъ народамъ были фальшивы въ самомъ своемъ основаніи, и это поняли изъ прежнихъ начальниковъ Закавказскаго края лишь князь Циціановъ, ставшій за то грозой для всѣхъ своихъ азіятскихъ сосѣдей, да маркизъ Паулуччи, понявшій всю правоту Циціанова, но не успѣвшій сдѣлать что-нибудь, по кратковременности своего начальствованія въ краѣ. Всѣ наши сношенія съ мелкими кавказскими владѣніями носили характеръ какихъ-то мирныхъ переговоровъ и договоровъ, при чемъ Россія всегда являлась какъ бы данницею. Большей части не только дагестанскихъ и иныхъ хановъ, но даже чеченскимъ старшинамъ, простымъ и грубымъ разбойникамъ, Россія платила жалованье, поддерживая тѣмъ въ нихъ алчность и возбуждая въ другихъ зависть и стремленіе набѣгами вынудить Россію платить «*дань*» и имъ. Какое-то совершенно ничтожное Анцуховское общество, обитавшее въ трущобахъ Дагестана, уже во времена Ермолова считало себя обиженнымъ, не получая отъ Россіи денегъ. Анцуховцы писали Ермолову, что обѣщаютъ жить въ мирѣ съ русскими только въ такомъ случаѣ, если будутъ получать дань, какую платили имъ грузинскіе цари.

Съ появленіемъ Ермолова на Кавказѣ все это прекратилось.

Онъ понималъ, что если азіятскіе владѣльцы сами и не считаютъ желаніе Россіи откупиться отъ набѣговъ за слабость и робость передъ ними, то имѣютъ прямую выгоду представлять дѣло въ такомъ свѣтѣ передъ своими подданными, и уже въ одномъ этомъ обстоятельствѣ лежала причина дерзости горскихъ племенъ и вносимой ими въ наши предѣлы вѣчной войны, конца которой, при принятой системѣ сношеній съ врагами, невозможно было предвидѣть въ самомъ далекомъ будущемъ. Изъ этого взгляда прямо вытекала замѣна пассивной политики, съ палліативнымъ и недостигающимъ цѣли средствомъ задариванія враговъ,—политикою дѣятельною, имѣющею своею цѣлью не временный непрочный миръ, а полную побѣду, полное покореніе враждебныхъ земель. Принципомъ Ермолова было, что золото — не охрана отъ непріятеля, а приманка его, и онъ сталъ давать цѣну только желѣзу, которое и заставилъ цѣнить болѣе золота. „Хочу, говорилъ онъ однажды:— чтобы имя мое стерегло страхомъ наши границы крѣпче цѣпей и укрѣпленій, чтобы слово мое было для азіятцевъ закономъ, вѣрнѣе неизбѣжной смерти. Снисхожденіе въ глазахъ азіятцевъ — знакъ слабости, и я прямо изъ человѣколюбія бываю строгъ неумолимо. Одна казнь сохранитъ сотни русскихъ отъ гибели и тысячи мусульманъ отъ измѣны".

Въ этихъ словахъ вся система Ермолова. Онъ смотрѣлъ на всѣ мирныя и не мирныя племена, населявшія Кавказскія горы, если не какъ на подданныхъ Россіи, то рано или поздно долженствующихъ сдѣлаться ими, и во всякомъ случаѣ требовалъ отъ нихъ безусловнаго повиновенія. И прежняя система подкупа и задариваній въ его рукахъ смѣнилась системою строгихъ наказаній, мѣръ суровыхъ, доходящихъ до жестокости, но всегда неизмѣнно соединенныхъ съ правосудіемъ и великодушіемъ. „Великодушіе, безкорыстная храбрость и правосудіе—вотъ три орудія, которыми можно покорить весь Кавказъ,—говоритъ извѣстный мусульманскій ученый Казем-Бекъ:—одно безъ другого не можетъ имѣть успѣха. Имя Ермолова было страшно и особенно памятно для здѣшняго края: онъ былъ великодушенъ и строгъ иногда до жестокости, но онъ былъ правосуденъ, и мѣры, принятыя имъ для

удержанія Кавказа въ повиновеніи, были тогда современны и разумны".

Система дѣйствій, положенная Ермоловымъ въ основаніе русскихъ отношеній на Кавказѣ, вывела ихъ на тотъ путь, на который они рано или поздно должны были стать. Россія не могла уже отказаться отъ своего вліянія на племена, населявшія Кавказскія горы. Она уже прочно утвердила тогда свое почти вынужденное, исторически создавшееся, подъ вліяніемъ тяжкой судьбы христіанскихъ народовъ того края, господство въ Закавказьѣ. Но между коренной Россіей и этой отдаленной окраиной лежалъ только одинъ путь сообщеній, черезъ перешеекъ между двумя морями, занятый Кавказскимъ хребтомъ, населеннымъ непокорными племенами, которыя всѣми зависящими отъ нихъ способами преграждали путь черезъ Кавказскія горы. Очевидно, чтобы власть Россіи въ Закавказьѣ была прочна, необходимо было вынудить черезполосныя земли Кавказа не мѣшать сношеніямъ черезъ нихъ. И если разъ система мира и подарковъ оказывалась недостигающею этой цѣли,— для Россіи оставался одинъ путь, путь войны, какихъ бы жертвъ она ни потребовала, тѣмъ болѣе, что когда-нибудь вѣдь нужно же было прекратить унизительную для Россіи политику, годившуюся еще развѣ во время войнъ съ Персіей и Турціей и безпорядковъ въ самомъ Закавказьѣ, но теперь совершенно безполезную.

Ермоловъ, постигая въ полномъ объемѣ эту неизбѣжность грядущихъ событій, первый выступилъ на настоящій путь отношеній къ кавказскимъ народамъ,—путь военный, путь открытой борьбы, исходъ которой не могъ для Россіи подлежать сомнѣнію. Онъ сознательно поставилъ себѣ задачу завоеванія Кавказскихъ горъ и, прекрасно понимая характеръ театра предстоявшихъ военныхъ дѣйствій, создалъ и новую цѣлесообразную программу ихъ. „Кавказъ, говорилъ онъ, смотря на вздымавшіяся передъ нимъ горы:— это огромная крѣпость, защищаемая многочисленнымъ, полумилліоннымъ гарнизономъ. Надо штурмовать ее или овладѣть траншеями. Штурмъ будетъ стоить дорого, такъ поведемъ же осаду". И въ этихъ словахъ вся сущность руководящей дѣятельности Ермолова.

БИБЛИОТЕКА АКАДЕМІИ

Частности этого великаго дѣла, поднятаго на свои плечи Ермоловымъ, опредѣлялись,—какъ это всегда бываетъ у замѣчательныхъ людей,—самими обстоятельствами. Всѣ южные склоны главнаго Кавказскаго хребта и весь Закавказскій край, не только въ его христіанскихъ странахъ, но даже и въ магометанскихъ ханствахъ, были покорны Россіи, а мирный договоръ, заключенный съ Персіей, обезпечилъ Ермолову на нѣсколько лѣтъ полную свободу дѣйствій для развитія и укрѣпленія русскаго вліянія среди воинственныхъ племенъ, населявшихъ сѣверные отроги и склоны Кавказа. Поэтому вся дѣятельность его и сосредоточилась именно тамъ, въ то время какъ за хребтомъ она ограничилась лишь мирнымъ закрѣпленіемъ русскаго владычества въ пограничныхъ ханствахъ, да успокоеніемъ возникавшихъ по временамъ среди христіанскихъ племенъ, именно въ Имеретіи и Абхазіи, волненій. Не лишнее прибавить, что и въ послѣдующія времена, до самыхъ послѣднихъ дней, вся политика Россіи въ Закавказьѣ носила тотъ же мирный характеръ, за исключеніемъ острыхъ моментовъ персидскихъ и турецкихъ войнъ, всегда вносившихъ въ край нѣкоторыя волненія.

Но задачи, предстоявшія Ермолову на сѣверномъ Кавказѣ, требовали именно его энергіи и ума. Военно-Грузинская дорога дѣлитъ Кавказъ на двѣ полосы: къ востоку отъ нея—Чечня и Дагестанъ, къ западу—Кабарда, простирающаяся до верховій Кубани, а далѣе Закубанскія земли, населенныя черкесами. Чечня съ Дагестаномъ, Кабарда и наконецъ Черкесія и составили три главнѣйшихъ театра борьбы, и по отношенію къ каждому изъ нихъ потребовались особыя мѣры.

Ермоловъ началъ съ Чечни, расположенной непосредственно къ югу за среднимъ теченіемъ Терека. Аулы чеченцевъ еще сидѣли въ то время на самомъ Терекѣ и тѣмъ весьма облегчали соплеменникамъ своимъ кровавые набѣги на русскія станицы. Ермоловъ началъ съ того, что оттѣснилъ чеченцевъ за Сунжу, а на ней, въ 1818 году, поставилъ первую свою крѣпость, Грозную, связавши ее рядомъ укрѣпленій съ Владикавказомъ, стоявшимъ у самаго прохода въ горы, на стражѣ Военно-Грузинской дороги. Это

и была первая параллель къ „крѣпости“, какъ Ермоловъ называлъ Кавказскія горы. Чеченцамъ былъ прегражденъ свободный путь на Средній Терекъ,—и бѣдствія прежнихъ временъ съ тѣхъ поръ тамъ миновали.

Но на Нижній Терекъ открытый путь оставался еще черезъ Кумыкскія степи, и Ермоловъ, въ слѣдующемъ же, 1819, году, поставилъ близъ Андреевскаго аула новую крѣпость, Внезапную, раздѣлившую чеченцевъ отъ кумыковъ и въ то же время преграждавшую первымъ путь къ дагестанцамъ черезъ Салатавскія горы. Внезапная была соединена съ Грозною также рядомъ укрѣпленій. А далѣе, за Кумыками, къ морю, лежало дружественное намъ шахмальство, и желѣзный полукругъ уже охватывалъ Чечню и часть Дагестана. Чеченцы присмирѣли.

Непрочно однако было это мирное настроеніе Чечни, пока сама природа стояла на стражѣ ея границъ, дѣлая почти вовсе недоступными ея аулы. Прямо за Сунжею начинались огромные, непроходимые для русскихъ войскъ лѣса, въ которыхъ каждое дерево было равнозначуще вооруженному человѣку. Ермоловъ прекрасно понялъ, что дѣйствительнѣйшее средство борьбы съ непокорною Чечней, это сдѣлать доступными ея внутреннія поселенія, и время его было началомъ медленнаго, но прочнаго завоеванія страны посредствомъ завоеванія природы. При Ермоловѣ въ первый разъ возникла система рубки лѣсовъ. Широкія просѣки легли отъ одного аула къ другому и, мало по малу, начали дѣлать возможнымъ доступъ русскимъ въ самыя нѣдра чеченской земли, въ тотъ очагъ, гдѣ закалялась ненависть къ сильнымъ пришельцамъ и жили „преданья вольности“, волновавшія и взрослаго мужа и юнаго джигита. И эта система до самыхъ послѣднихъ дней кавказской войны стала необходимою основою всѣхъ дѣйствій, главнѣйшимъ средствомъ покоренія Кавказа,—и жестоко платились тѣ, которые отъ нея отступали.

Народы Дагестана, между тѣмъ, видя въ судьбѣ Чечни угрожающую и имъ опасность, уже съ начала 1818 года подняли знамя возстанія. Въ Дагестанѣ возникло стремленіе составить обширный союзъ народовъ, чтобы разомъ и соединенными силами

дѣйствовать противъ русскихъ. Къ союзу примкнули внутреннія ханства Аварское и Казикумыкское, вольное Акушинское общество и владѣнія, примыкавшія къ морю: Метхула, Каракайтагъ и Табасарань. Въ то же время дагестанцы старались привлечь къ союзу на сѣверѣ шахмальство, а на югѣ Кюринское владѣніе, нѣкогда отторгнутое Россіей отъ Казикумыка и уже потому отличавшееся постоянною вѣрностью хановъ. Возстаніе охватило обширную площадь. Ермоловъ понималъ опасность надвигавшейся грозы со стороны Дагестана и рѣшился одновременно вести борьбу и съ нимъ и съ Чечнею; лѣтомъ войска дѣйствовали въ Чечнѣ и на Кумыкской плоскости, зимою—въ Дагестанѣ.

„Государь!—писалъ Ермоловъ въ это время императору Александру:—внѣшней войны опасаться нельзя. Голова моя должна отвѣтствовать, если вина будетъ съ нашей стороны. Но внутреннія безпокойства гораздо для насъ опаснѣе. Горскіе народы примѣромъ независимости своей въ самыхъ подданныхъ Вашего Императорскаго Величества порождаютъ духъ мятежный и любовь независимости“... Онъ просилъ объ усиленіи Кавказскаго корпуса и писалъ, что „прибавленные полки уничтожатъ злодѣйскую власть хановъ, которыхъ правленіе не соотвѣтствуетъ славѣ царствованія Вашего Величества, а жители ханствъ, стенящіе подъ тяжестію сей власти, уразумѣютъ счастіе быть подданными Великаго Государя“... И дѣйствія Ермолова въ Дагестанѣ отличались еще большею рѣшимостью и быстротою, нежели въ Чечнѣ. Онъ началъ съ того, что зимою 1818 года, пройдя черезъ шахмальство, разгромилъ Метхулу и, уничтоживъ самостоятельность этого ханства, обратилъ его въ простое русское приставство. Въ слѣдующемъ году генералъ-маіоръ князь Мадатовъ, дѣйствуя съ юга, со стороны Кубинской провинціи, покорилъ Табасарань и весь Каракайтагъ, докончивши такимъ образомъ непрерывную приморскую полосу русскихъ владѣній. Въ то же время Ермоловъ, съ своей стороны, наступая съ сѣвера, и соединившись съ Мадатовымъ въ шахмальствѣ, проникъ въ самыя нѣдра горъ, и битва подъ Лавашами, 19 декабря 1819 года, рѣшила судьбу сѣвернаго Дагестана: сильная, воинственная Акума была занята войсками и при-

сягнула на вѣрность Россіи. Еще годъ—и перестало существовать независимое Казикумыкское ханство. Такъ послѣдовательно все тѣснѣе и тѣснѣе сжималось желѣзное кольцо вокругъ недоступныхъ Дагестантскихъ горъ, и племена ихъ, истощенныя въ непосильной борьбѣ, на долгое время замолкли.

Съ этихъ поръ до самаго расцвѣта въ горахъ мюридизма, необыкновенно фанатизировавшаго духъ магометанскаго Кавказа, Дагестанъ не пытался ни разу возобновлять открыто враждебныхъ дѣйствій противъ русскихъ, и даже персидская война 1826 года, начатая при самыхъ неблагопріятныхъ для насъ условіяхъ, не оказала на него вліянія,—горцы остались спокойными.

Обуздавши Чечню и Дагестанъ, Ермоловъ въ 1822 году рѣшился окончательно обуздать и кабардинцевъ. Кабарда, расположенная между рѣками Кубанью, Малкой и Терекомъ, была сравнительно спокойна. Но время отъ времени волновались и ея племена, угрожая русскимъ границамъ, селамъ и особенно сообщеніямъ по Военно-Грузинской дорогѣ. Ермоловъ, желая сразу и навсегда прекратить возможность кабардинскихъ волненій и набѣговъ, поставилъ, какъ и въ Чечнѣ, рядъ укрѣпленій, расположивши ихъ при выходахъ изъ горныхъ ущелій, образуемыхъ долинами рѣкъ Малки, Баксана, Чегема, Уруха и Нальчика. И съ тѣхъ поръ Кабарда при всѣхъ превратностяхъ кавказской борьбы оставалась постоянно спокойною, раздѣляя собою во все послѣдующее время воюющій Кавказъ на два совершенно отдѣльныхъ театра войны,—Чечню и Дагестанъ на востокѣ и прикубанскую Черкесію—на западѣ.

Ставъ твердою ногою въ Кабардѣ, Ермоловъ нашелъ возможнымъ значительно обезопасить сообщенія съ Закавказьемъ перенесеніемъ Военно-Грузинской дороги на лѣвый берегъ Терека. Старая дорога отъ Моздока до Владикавказа, весьма неудобная, затруднительная для движенія транспортовъ и подверженная частымъ нападеніямъ хищниковъ, была оставлена. Ермоловъ проложилъ новый путь къ Владикавказу изъ Екатериноградa, прикрытый слѣва, отъ стороны чеченцевъ, Терекомъ, а справа—рядомъ укрѣпленій, поставленныхъ въ Кабардѣ,—и съ тѣхъ поръ „оказіи“ ходили уже въ сравнительной безопасности.

чество русскихъ въ краѣ утверждено было прочно, и 1825 годъ, когда Чечня и Кабарда кровавымъ бун- низложить преграды, положенныя для нихъ Ер- уже ничего не могъ измѣнить въ судьбѣ этихъ странъ —усмиреніе было быстро и рѣшительно.

Ермоловъ, сдѣлавшій на востокѣ все, что было въ силахъ мѣчательнаго ума и характера, по историческимъ обстоятельствамъ не могъ многаго сдѣлать на западѣ. Черкесскія племена, жившія по ту сторону Кубани, считались турецкими подданными, и самая Кубань служила рубежемъ съ Турціей, опиравшейся въ тѣхъ отдаленныхъ отъ нея краяхъ не на одну только вѣру, но и на сильныя крѣпости Анапу и Сунджукъ-Кале,—столько разъ уже завоеванныя и столько разъ возвращаемыя ей обратно. И турки, всегда съ удовольствіемъ смотрѣвшіе на разореніе русскихъ предѣловъ, тайно поощрявшіе горцевъ къ набѣгамъ, ревниво оберегали ихъ въ ихъ собственныхъ земляхъ,—и появленіе одного казака за Кубанью вело къ безконечнымъ протестамъ, спорамъ и дипломатической перепискѣ. Напрасно съ 20-го года Черноморское войско перешло въ сильныя руки Ермолова, напрасно цѣлымъ рядомъ крутыхъ энергическихъ мѣръ, принятыхъ на линіи, и неоднократными большими походами въ Закубанскія земли давались черкесамъ суровые уроки,—корень зла лежалъ глубже: до тѣхъ поръ, пока Турція стояла на прикавказскомъ Черноморьѣ, миръ на Кубани былъ невозможенъ. И во все время командованія Кавказомъ Ермолова Кубань была ареною борьбы, и смерть тамъ грозила ежеминутно всякому, кто переступалъ этотъ заповѣдный порогъ.

Таковы военныя дѣла Ермолова на Кавказѣ и результаты имъ достигнутые. Въ русской военной литературѣ появлялись мнѣнія, что военныя дѣйствія во времена Ермолова были не трудны, что горцы, разобщенные между собою, питавшіе страхъ къ артиллеріи, не могли оказывать упорнаго сопротивленія и разбѣгались отъ одного гула пушечныхъ выстрѣловъ. Не трудно оцѣнить и всю неправильность подобнаго вывода. Развѣ до Ермолова Гудовичъ, Глазенапъ, Булгаковъ, Портнягинъ и Ртищевъ не имѣли дѣла съ

тою же разрозненностію горцевъ и не громили ихъ тою же картечью и ядрами? Между тѣмъ результаты были иные.

Прозрѣвая въ будущее и зная, что война родитъ ненависть, родящую войну, Ермоловъ разсчитывалъ не на одну силу оружія, а пользовался и всѣми представлявшимися ему мирными средствами для укрѣпленія Кавказа за Россіею и для развитія въ немъ благосостоянія. Первая изъ этихъ расчетливыхъ мѣръ была политическая система присоединенія ханствъ. Систему эту, примѣненную, какъ мы видѣли, во время военныхъ дѣйствій въ нѣкоторыхъ странахъ Дагестана, онъ широко развилъ и въ Закавказьѣ. Воспользовавшись тѣмъ, что шекинскій ханъ умеръ бездѣтнымъ, онъ тотчасъ ввелъ въ ханствѣ русское управленіе. Ханы Карабага и Ширвани, недовольные крутыми мѣрами, стѣснявшими ихъ деспотическій произволъ, бѣжали въ Персію—и Карабагъ и Ширвань стали простыми русскими провинціями. Только въ далекомъ Талышинскомъ владѣніи Ермоловъ не безъ расчета оставилъ прежняго хана, полагая, что тотъ всегда останется вѣренъ Россіи, боясь персіянъ, вѣчно стремившихся захватить его владѣнія. Въ общемъ получилась картина полнаго и прочнаго присоединенія къ Россіи всего Закавказья.

Трудная задача, выполненная Ермоловымъ, требовала, конечно, и соотвѣтствующихъ силъ,—и онъ нашелъ ихъ въ кавказскомъ солдатѣ. Но и кавказскій солдатъ обязанъ ему именно той высотою нравственнаго духа, который отличаетъ его. Какъ всякій замѣчательный полководецъ, Ермоловъ понималъ, что побѣда бываетъ всегда результатомъ нравственнаго единенія вождя съ предводимыми, что любовь солдата къ полководцу есть сила, — и много заботъ положено было имъ на то, чтобы воспитать солдата именно въ духѣ войны и облегчить всегда сопряженное съ тяжестями положеніе его; онъ смотрѣлъ на солдатъ не какъ на мертвую силу, хотѣлъ поднять до извѣстной высоты личность каждаго изъ нихъ и въ своихъ приказахъ называлъ ихъ „товарищами“. Понятно, что онъ пользовался, какъ всякій замѣчательный полководецъ, глубокою любовью солдата.

Наличныя военныя силы, находившіяся въ то время на Кав-

казѣ, были при всемъ томъ недостаточны для выполненія военныхъ проектовъ Ермолова. Когда онъ вступилъ въ командованіе корпусомъ, онъ нашелъ некомплектъ въ кавказскихъ полкахъ до 27 тысячъ штыковъ, и по его настоятельнымъ требованіямъ рѣшено было наконецъ довести Грузинскій корпусъ до полнаго боевого состава. Но вмѣсто того, чтобы пополнить его рекрутами, которые не скоро бы свыклись и съ климатомъ, и съ тяжестями военной жизни, императоръ Александръ повелѣлъ отправить туда шесть пѣхотныхъ полковъ въ полномъ трехъ-батальонномъ составѣ. Съ этою цѣлью изъ арміи и выбраны были полки: Тенгинскій, Навагинскій, Мингрельскій, Апшеронскій, Куринскій и Ширванскій, носившіе названія по кавказскимъ мѣстностямъ и учрежденіе которыхъ относилось еще ко временамъ существованія Низоваго корпуса.

Затѣмъ тѣ полки, которые уже находились на Кавказѣ, носили русскія названія: Вологодскій, Суздальскій, Казанскій, Бѣлевскій, Троицкій и Севастопольскій,—должны были отдѣлить отъ себя столько офицеровъ и нижнихъ чиновъ, сколько было нужно, чтобы довести прибывшіе полки до полнаго боевого комплекта, и затѣмъ въ кадровомъ составѣ возвратиться въ Россію.

Та же самая мѣра принята была по отношенію и къ егерскимъ полкамъ, изъ которыхъ старые: 9, 15, 16 и 17 отправились въ Россію, а новые 41, 42, 43 и 44 оставались на Кавказѣ.

Такимъ образомъ перемѣнился почти весь составъ Грузинскаго корпуса. Изъ старыхъ частей въ немъ оставались только полки гренадерской бригады, Нижегородскій драгунскій и два пѣхотные: Тифлисскій и Кабардинскій; но послѣдній долженъ былъ перейти изъ Грузіи на Кавказскую линію.

Не надо однако думать, чтобы съ перемѣной полковъ перемѣнился и составъ собственно людей Грузинскаго корпуса. Огромное большинство старыхъ кавказскихъ солдатъ и офицеровъ, участниковъ прежнихъ походовъ, осталось на Кавказѣ, слившись съ пришедшими изъ Россіи опытными же войсками, которымъ они и сообщили свой кавказскій духъ. Въ Россію же вернулись почти одни знамена тѣхъ полковъ, въ которыхъ они состояли до тѣхъ

поръ, и подъ эти знамена тамъ должны были стать рекруты.

При этихъ перемѣнахъ произошелъ эпизодъ, надѣлавшій непостижимую путаницу въ распоряженіяхъ, приведшую къ безконечной перепискѣ и поставившую втупикъ три полка, не могшихъ никакъ уяснить себѣ: что произошло съ ними въ 1819 году? Эпизодъ этотъ необходимо знать, чтобы ясно представлять себѣ послѣдующее участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ этихъ полковъ.

Дѣло въ томъ, что Ермоловъ, желая оставить свой любимый Кабардинскій полкъ въ Грузіи—распоряженіемъ отъ 4-го ноября 1819 года,—взялъ да и переименовалъ его въ Ширванскій; но такъ какъ имя Кабардинскаго полка все же должно было остаться, то Казанскому полку, находившемуся на линіи, приказано было именоваться Кабардинскимъ, а все, что осталось отъ настоящаго Ширванскаго полка, подъ именемъ Казанскаго, отправлено обратно въ Россію. И все это вмѣсто самаго простого представленія разрѣшить Кабардинскій полкъ оставить въ 20, а Ширванскій въ 19 дивизіи,—что даже слѣдовало сдѣлать, дабы избѣжать напраснаго передвиженія черезъ горы штабовъ Кабардинскаго полка на Кавказскую линію, а Ширванскаго, прибывшаго уже въ Георгіевскъ, въ Грузію.

Эта перетасовка, а также бумаги, писанныя тяжелымъ неяснымъ языкомъ, до того затемнили дѣло, что когда дѣлались, напр., предписанія одному изъ этихъ полковъ, они попадали въ другой, носившій прежде то же имя, или наоборотъ, такъ какъ одни называли полки по старому, другіе по новому. Самъ Кавказскій штабъ наконецъ сбился съ толку; въ Петербургѣ же и вовсе не могли уяснить себѣ, что такое произошло съ полками. Чтобы яснѣе показать, какова была путаница, достаточно взглянуть на судьбу полковыхъ знаменъ въ этихъ трехъ полкахъ. Мальтійскія знамена, полученныя Кабардинскимъ полкомъ за пораженіе лезгинъ 7 ноября 1800 г. на Іорѣ, поступили въ Казанскій, который никогда за Кавказомъ не былъ; георгіевскія знамена, данныя Ширванскому полку за сраженія противъ французовъ, очутились въ Кабардинскомъ полку, который никогда ни одного француза не видѣлъ, а на долю Ширванцевъ—героевъ Краона, достались про-

стыя знамена Казанскаго полка, съ которыми они и ушли въ Россію.

Правда, спустя нѣсколько лѣтъ, въ маѣ 1825 года, послѣдовало высочайшее повелѣніе: „всѣмъ тремъ полкамъ именоваться прежними своими названіями"; но это нисколько не поправило дѣла. Чтобы въ дѣйствительности возвратить каждому полку прежнее имя, которое онъ носилъ до 1819 года, пришлось бы: Ширванскій полкъ опять назвать Кабардинскимъ; Кабардинскій—Казанскимъ и отправить его въ Россію, а изъ Россіи Казанскій полкъ, назвавъ его Ширванскимъ, отослать на Кавказъ. Но подобное передвиженіе, сопряженное съ большими издержками, само собою не могло быть приведено въ исполненіе и дѣло кончилось тѣмъ, что храбрый Кабардинскій полкъ, въ полномъ своемъ составѣ, продолжалъ и кончилъ такъ доблестно начатую имъ кавказскую войну, уже подъ именемъ Ширванскаго, а Казанцамъ, не имѣвшимъ прежде случая составить себѣ на Кавказѣ извѣстности, пришлось пріобрѣтать себѣ новую славу, чтобы достойно носить славное и грозное врагамъ имя Кабардинцевъ. Къ счастію, сѣмя упало на добрую почву и быть можетъ самое имя Кабардинскаго полка постояло за себя. Не прошло десяти, пятнадцати лѣтъ, какъ лѣтописи кавказской войны уже опять были полны этимъ именемъ и за Кубанью, и за Сунжей, и въ нѣдрахъ Дагестана—вездѣ, гдѣ наши войска вели ожесточенную борьбу съ усиливавшимся тогда мюридизмомъ. Самые кровавые эпизоды, самые изумительные геройскіе подвиги связаны съ именемъ Кабардинцевъ. „Таково значеніе полкового имени, и такова сила полкового преданія", замѣчаетъ Зиссерманъ, въ своей „Исторіи Кабардинскаго полка".

Переформированіе Грузинскаго корпуса завершилось въ концѣ 1820 года, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнилось и самое имя его, что имѣло свой смыслъ, свое весьма большое значеніе.

Владычество Россіи распространилось въ то время уже далеко за предѣлы Грузіи, которая составляла лишь небольшую центральную часть нашихъ владѣній за хребтомъ Кавказскихъ горъ. И чтобы убѣдить разнохарактерное и въ высшей степени разнообразное населеніе въ томъ, что отнынѣ все, что живетъ на Кавказѣ

и въ Закавказьѣ, должно составлять одно цѣлое съ Русскою имперіею, названіе Грузинскаго корпуса было упразднено, и войска, расположенныя какъ въ Грузіи, такъ на Кавказской линіи и въ Черноморіи, получили общее наименованіе—Кавказскаго корпуса.

Но посреди военныхъ заботъ, Ермоловъ не упускалъ изъ виду и другихъ интересовъ отечества. Его вниманіе устремлялось и на восточный берегъ Каспійскаго моря, гдѣ онъ хотѣлъ завести торговую факторію. Его заботили также улучшеніе быта и жизни грузинъ, посредствомъ распространенія среди нихъ образованія, украшеніе Тифлиса, начавшаго мало по малу принимать при немъ видъ европейскаго города, развитіе отраслей мѣстной промышленности, особенно мареноводства, шелкозаводства и винодѣлія. Въ этихъ же видахъ онъ поселилъ въ Грузіи до 500 виртембергскихъ семействъ, которыя образовали нѣсколько колоній и могли служить туземному населенію образцомъ хозяйственнаго порядка и довольства, до котораго можетъ достичь поселянинъ трудомъ и умѣньемъ пользоваться богатыми дарами природы.

Такъ, во время пребыванія своего на Кавказѣ, Ермоловъ отдавалъ ему всю свою жизнь, всѣ силы своего ума и всѣ свои помышленія. Но въ 1821 году Кавказъ едва не потерялъ его. Революція въ Италіи потребовала значительныхъ усилій для своего подавленія, и императоръ Александръ, находившійся тогда въ Лайбахѣ, назначилъ на помощь Австріи стотысячную русскую армію. Ермоловъ былъ вызванъ въ Петербургъ, а затѣмъ высочайшимъ рескриптомъ — въ Лайбахъ. Было уже и секретное распоряженіе о назначеніи его главнокомандующимъ; но революція потухла, и русскія войска получили приказаніе остановиться. „Такимъ образомъ, говоритъ Ермоловъ: — сверхъ всякаго ожиданія моего, былъ я главнокомандующимъ арміи, которой я не видѣлъ, и доселѣ не знаю, почему назначеніе мое должно было сопровождаемо быть тайною“. Но Ермоловъ, если судить по его словамъ, и не былъ доволенъ готовившимся ему назначеніемъ. „Конечно, говоритъ онъ: — не было доселѣ примѣра, чтобы начальникъ, предназначенный къ командованію арміею, былъ столько, какъ я, доволенъ, что война не имѣла мѣста. Довольно сказать, что я очень хорошо

понималъ невыгоды явиться въ Италіи вскорѣ послѣ Суворова и Бонапарте, которымъ вѣка удивляться будутъ".

Еще до поѣздки Ермолова въ Лайбахъ, графъ Аракчеевъ, по приказанію государя, вручилъ ему владимірскую ленту, а по возвращеніи въ Петербургъ, императоръ назначилъ ему аренду въ 40 тысячъ рублей. Но Ермоловъ съ рѣдкимъ безкорыстіемъ отказался отъ послѣдней награды; онъ убѣдилъ государя взять назадъ уже подписанный указъ и употребить эту сумму въ помощь бѣднымъ служащимъ, обремененнымъ семействами. „Равно великодушенъ былъ Государь, — говоритъ онъ: — и награждая меня, и выслушивая отзывъ мой, что я награды не пріемлю. Могу признаться, что въ отказъ мой не вмѣшивалось самолюбіе, но почиталъ я награду свыше заслугъ моихъ и мнѣ ни по какимъ причинамъ не принадлежащую. Средства существованія, хотя не роскошныя, доставляла мнѣ служба, а внѣ оной не страшился бы я возвратиться къ тому скудному состоянію, въ которомъ я рожденъ". И высочайшій рескриптъ, уже заготовленный на имя Ермолова, былъ уничтоженъ. „Я знаю, что ты ничего не имѣешь, сказалъ ему государь: — и тѣмъ болѣе благодарю тебя за твой деликатный и безкорыстный поступокъ". Враги Ермолова толковали, что это уловка, хитрость съ его стороны, и что въ этомъ отказѣ крылась задняя мысль — желаніе получить со временемъ болѣе. „Жаль, замѣчаетъ съ справедливою ироніею историкъ Ковалевскій: — что они сами не прибѣгли къ такой же уловкѣ, отъ этого наши финансы, конечно, много бы выиграли".

Такимъ образомъ вызовъ Ермолова въ Лайбахъ и пребываніе его при особѣ государя не принесли ему лично никакихъ существенныхъ выгодъ; но это не отдалило отъ него неудовольствія тѣхъ, которые почитали себя въ правѣ быть ему предпочтенными, и даже умножило число его враговъ и завистниковъ. „Немного оправдался я въ глазахъ ихъ, говоритъ Ермоловъ: — оставшись тѣмъ же, какъ и прежде, корпуснымъ командиромъ".

28 октября 1821 года Ермоловъ былъ уже снова на лелѣемомъ имъ Кавказѣ, „чего, какъ замѣчаетъ онъ, многіе не ожидали", и плодотворная, богатая результатами дѣятельность его въ краѣ продолжалась еще пять лѣтъ.

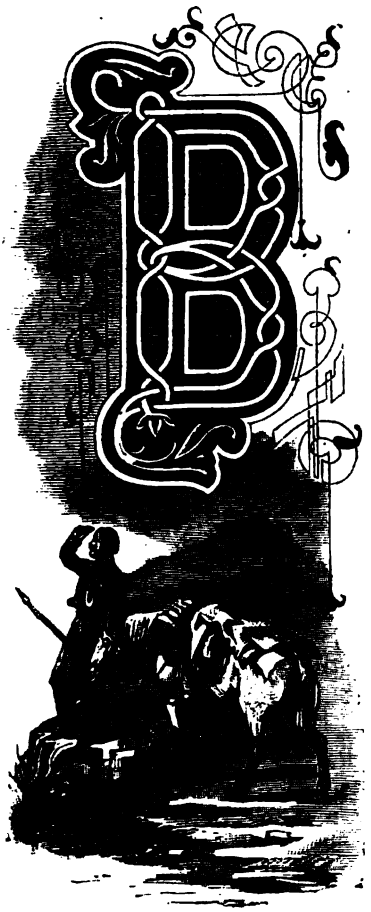
1826 годъ сдѣлался переломомъ и въ жизни Кавказа, и въ жизни Ермолова. Обстоятельства вдругъ неожиданно перемѣнились, и „надъ неуязвимымъ до того Ермоловымъ начала собираться грозная туча“. Въ іюнѣ мѣсяцѣ персіяне внезапно вторглись въ русскіе предѣлы; мусульманскія провинціи возстали. Опасность, угрожавшая Грузіи, естественно заставила обратить всѣ силы туда и оставить дѣла на сѣверномъ Кавказѣ до болѣе благопріятнаго времени. Между тѣмъ и въ горахъ уже становилось неспокойно; тамъ зрѣлъ мюридизмъ, являлись признаки новой невѣдомой силы, и предвѣстники грядущей бури становились все ярче и неудержимѣе. Быть можетъ никогда такъ не былъ нуженъ Кавказу Ермоловъ, какъ въ это время, но судьба распорядилась иначе: Ермоловъ долженъ былъ оставить его. Нѣсколько отдѣльныхъ, неудачныхъ дѣйствій, сопровождавшихъ первые моменты персидскаго вторженія,—дѣйствій, не зависѣвшихъ непосредственно отъ самого Ермолова, но которыя онъ все-таки могъ бы предвидѣть и предупредить, — послужили поводомъ къ назначенію на Кавказъ Паскевича.

Ермоловъ палъ. Но сѣдыя вершины Кавказа и понынѣ хранятъ память о славномъ вождѣ,

Чье имя, какъ завѣтъ священный,
Штыками врѣзано въ горахъ.

II.

Посольство въ Персію.



Въ то время, когда Ермоловъ получилъ назначеніе на Кавказъ, одною изъ главнѣйшихъ задачъ Россіи въ тамошнихъ краяхъ было—установить прочныя отношенія съ Персіей, не оставлявшей своихъ притязаній на обширныя земли, уступленныя ею по Гюлистанскому миру, вынужденному безпримѣрными побѣдами Котляревскаго. Настоянія Персіи, въ которыхъ не малое участіе нужно приписать вліянію Англіи, были настолько велики, что императоръ Александръ уже далъ въ принципѣ согласіе возвратить Персіи нѣкоторыя изъ ея бывшихъ провинцій. Чтобы уладить это неотложное дѣло и въ то же время ослабить вліяніе англичанъ, посредствомъ установленія съ Персіей постоянныхъ дипломатическихъ сношеній, Ермоловъ, отправляясь на Кавказъ, получилъ вмѣстѣ съ тѣмъ назначеніе полномочнымъ императорскимъ посломъ въ Персію.

Выборъ былъ какъ нельзя болѣе удаченъ. Въ сношеніяхъ съ персіянами чрезвычайно много значила настойчивость, твердая воля, а она и составляла именно одно изъ главнѣйшихъ качествъ Ермолова. Руководимый самими обстоятельствами, онъ съ большою твердостію, умомъ и достоинствомъ съумѣлъ удержаться на высотѣ представителя великой державы, отклонить всѣ требованія Персіи и отпарировать свойственное восточной политикѣ постоянное стремленіе унизить чужеземнаго посла.

Понимая, какъ вліяетъ на восточные народы внѣшній блескъ, роскошь, безъ которыхъ они не могутъ себѣ и представить могущества, Ермоловъ принялъ всѣ мѣры, чтобы явиться въ Персію со всевозможною пышностью. И изъ всѣхъ русскихъ посольствъ, когда-либо отправленныхъ въ эту страну, посольство Ермолова было безспорно самымъ блестящимъ, какъ по своему личному составу, такъ и по денежнымъ на него затратамъ. Посольство выѣхало изъ Тифлиса 17-го апрѣля 1817 года. Около 4-хъ часовъ пополудни, въ Сіонскомъ соборѣ, торжественно и при большомъ стеченіи народа, совершено было преосвященнымъ митрополитомъ Грузіи Варлаамомъ напутственное молебствіе: отъѣзжающіе прямо изъ-подъ сводовъ древняго храма сѣли на лошадей и, при всевозможныхъ добрыхъ пожеланіяхъ, направились изъ города къ персидскимъ границамъ. Погода стояла ясная, теплая, и посольство, идя безостановочно, 30 апрѣля благополучно достигло уже Талыни—перваго большаго селенія, лежавшаго за пограничною чертою, какъ разъ на половинѣ пути между Гумри и Эриванью.

Талынь, опустошенная русскими войсками въ послѣднюю передъ тѣмъ персидскую войну, по разсказамъ старожиловъ армянъ, нѣкогда была большимъ, многолюднымъ городомъ, не уступавшимъ Эривани. Персіяне выстроили здѣсь сильную крѣпость, внутри которой стоялъ древній, уже тогда полуразрушенный, съ четырьмя высокими башнями замокъ, которому армяне насчитываютъ болѣе тысячи лѣтъ. Народная молва облекла этотъ замокъ поэтическою легендою, свидѣтельствующею о былой славѣ Талыни. Послѣднею владѣтельницей города легенда называетъ какую-то армянскую княгиню Лютру, оставившую по себѣ въ народѣ память басно-

словною красотою и еще болѣе баснословными разбойничьми подвигами, которые она совершала съ толпою своихъ обожателей — сподвижниковъ. Персидскій шахъ Ага-Магометъ-Ханъ, подступивъ въ 1795 году къ Эривани, потребовалъ отъ нея покорности, но встрѣтилъ презрительный отказъ. Тогда замокъ былъ взятъ кровопролитнымъ приступомъ и разрушенъ, но евнуху-побѣдителю достался только трупъ прекрасной княгини. Исторія замка и несчастная кончина героини-красавицы понынѣ воспламеняютъ воображеніе восточныхъ поэтовъ.

Въ Талыни Ермолова привѣтствовали родственникъ эриванскаго сардаря и назначенный состоять при посольствѣ главный приставъ Аскиръ-Ханъ, бывшій посломъ въ Парижѣ при Наполеонѣ. Ермоловъ очаровалъ ихъ своею любезностью, но при этомъ тонко замѣтилъ, что эриванскому сардарю будетъ прилично встрѣтить его, когда онъ будетъ въѣзжать въ Эривань.

Слѣдующимъ за Талынью важнымъ пунктомъ на пути посольства былъ Эчміадзинъ, первопрестольный армянскій монастырь. На встрѣчу Ермолову выѣхалъ самъ патріархъ Ефремъ на прекрасной лошади въ золотой сбруѣ; остальное духовенство въ полномъ облаченіи и съ хоругвями ожидало у монастырскихъ воротъ. При колокольномъ звонѣ, пѣніи гимновъ и стрѣльбѣ изъ фальконетовъ прослѣдовало посольство до назначеннаго ему помѣщенія. „Я съ намѣреніемъ, говорилъ Ермоловъ:—не пошелъ прямо въ церковь, дабы не привести съ собою толпы встрѣчавшихъ меня персіянъ, которые въ храмахъ нашихъ обыкновенно не оказываютъ никакого уваженія къ святынѣ“. Этотъ тактъ, впрочемъ, не избавилъ Ермолова отъ предвидѣннаго имъ униженія православной церкви. „Съ прискорбіемъ увидѣлъ я (на слѣдующій день, во время литургіи), разсказываетъ онъ далѣе:—что чиновники персидскіе требовали стулья и сидѣли, когда не могли не замѣтить они, что я не только не сѣлъ на предложенное мнѣ кресло, ниже сталъ на коверъ, нарочно для меня разостланный“. Для русскаго чувства Ермолова это было непріятно тѣмъ болѣе, что „чиновники сіи не смѣютъ сидѣть при сардарѣ эриванскомъ или нѣсколько разъ заставятъ повторить приглашеніе, почитая то за рѣдкую и величайшую милость“.

Но Ермоловъ былъ изъ тѣхъ людей, которыхъ препятствія только закаляютъ, и тѣмъ рѣшительнѣе становились его стремленія заставить персіянъ уважать въ немъ русскаго посла.

3-го мая, на половинѣ пути между Эчміадзиномъ и Эриванью, Ермоловъ былъ встрѣченъ пятитысячнымъ отрядомъ куртинской конницы, подъ начальствомъ брата сардаря, Гассанъ-Хана, славившагося своею храбростью; а за версту отъ города выѣхалъ къ нему навстрѣчу и самъ эриванскій сардарь, Гуссейнъ-Ханъ. Къ сожалѣнію, проливной дождь много помѣшалъ торжественности вступленія въ городъ и усилилъ еще больше неудовольствіе сардаря, гордость котораго была задѣта необходимостію выѣхать навстрѣчу русскому послу.

„Въ квартирѣ, которую намъ отвели въ Эривани,—разсказываетъ Грибоѣдовъ, находившійся въ свитѣ Ермолова:—были стулья. Такое особенное предпочтеніе только намъ, русскимъ; и между тѣмъ, какъ англичане смиренно сгибаютъ колѣни и садятся на полъ, какъ Богъ велитъ и разутые, мы на возвышенныхъ сѣдалищахъ беззаботно топчемъ нашими толстыми подошвами многоцѣнные персидскіе ковры. Ермолову обязаны его соотчичи той степенью уваженія, на которой они справедливо удерживаются въ здѣшнемъ народѣ“.

Во время своего пребыванія въ Эривани Ермоловъ отмѣчаетъ въ путевомъ журналѣ своемъ только слѣдующій любопытный фактъ. „До прибытія моего въ Эривань, говоритъ онъ: — разнесся въ простомъ народѣ слухъ, что я веду съ собою войско. Глупому персидскому легковѣрію казалось возможнымъ, что я везу скрытыхъ въ ящикахъ солдатъ, которые могутъ овладѣть городомъ. Невидимые мои легіоны состояли изъ 24 человѣкъ пѣхоты и столькихъ же казаковъ, а регулярная конница вся заключалась въ одномъ драгунскомъ унтеръ-офицерѣ, который присматривалъ за единственною моею верховою лошадью. Вотъ всѣ силы, которыя приводили въ трепетъ пограничныя провинціи Персидской монархіи. Казалось, что и въ нѣкоторыхъ чиновникахъ гордость и притворство не скрыли страха, издавна вселеннаго въ нихъ русскими“.

Отъ Эривани и до самаго Тавриза, гдѣ Ермолову предстояли переговоры съ наслѣдникомъ персидскаго престола, посольство не сдѣлало шагу безъ сопровожденія войсками. „Весьма примѣтно было, говоритъ Ермоловъ: — что персіяне старались показать ихъ сколько можно болѣе и, сколько умѣли, въ лучшемъ видѣ. Въ городахъ не оставалось ремесленника, на котораго не нацѣпили бы ружья, хватали пріѣзжавшихъ на торгъ персіянъ и составляли изъ нихъ конницу, дабы вразумить насъ, какими страшными ополченіями ограждены пограничныя области Персіи. Изъ благопристойности я только смѣялся сему, но не столько смѣшно было то персіянамъ".

За 15 верстъ до Тавриза, въ городѣ Сагланѣ, посольство остановилось, чтобы приготовиться къ торжественному вступленію въ резиденцію персидскаго наслѣдника. Здѣсь Ермолову присланы были отъ Аббасъ-Мирзы фрукты съ пышнымъ привѣтствіемъ, смыслъ котораго заключался въ желаніи, „чтобы столько же сладко было ихъ знакомство, какъ сладки присланные фрукты". 19 мая посольство вступало въ Тавризъ. По мѣрѣ приближенія къ городу, къ свитѣ Ермолова начали присоединяться персидскіе чины и разнаго званія люди, спѣшившіе одинъ передъ другимъ привѣтствовать русскаго посла съ счастливымъ прибытіемъ въ столицу Адербейджана. Далѣе стояло 16 тысячъ войска, выстроеннаго по обѣимъ сторонамъ дороги до самаго Тавриза. Съ приближеніемъ посольства началась пушечная пальба. Стеченіе народа было громадно. И въ то самое время, какъ Ермоловъ, предшествуемый хоромъ русской музыки и окруженный свитою, проѣзжалъ посреди персидскихъ войскъ, отдававшихъ ему воинскія почести, позади фронта, сквозь густую толпу любопытныхъ, пробирался на дорогомъ конѣ всадникъ, тщательно закрывавшій лицо черною епанчею. Незнакомецъ, какъ было замѣчено, не сводилъ глазъ съ Ермолова и зорко слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ, какъ бы желая проникнуть ему въ душу. Передъ самымъ городомъ таинственный всадникъ скрылся. То былъ самъ наслѣдникъ персидскаго престола, Аббасъ-Мирза.

На 21 мая назначена была парадная аудіенція.

Обычаи и церемоніи персидскаго двора при пріемѣ дипломатическихъ агентовъ отличались унизительнымъ для послѣднихъ

характеромъ. Сколько бы ни былъ шахъ Персіи убѣжденъ въ своемъ безсиліи передъ могущественнымъ противникомъ, въ глазахъ своего народа онъ всегда долженъ былъ казаться властелиномъ вселенной, и чужеземный посолъ принимался какъ данникъ, ищущій милости повелителя. Изъ этихъ обычаевъ придворнаго персидскаго этикета самымъ унизительнымъ для европейцевъ, но строго соблюдавшимся—было сниманіе сапоговъ и надѣваніе красныхъ чулокъ, безъ которыхъ ни одинъ изъ подданныхъ шаха не дерзалъ являться ко двору. Французы и англичане безпрекословно подчинялись этому правилу. „А такъ какъ я, говоритъ Ермоловъ въ своемъ журналѣ:—не пріѣхалъ ни съ чувствами наполеонова шпіона, ни съ прибыточными расчетами прикащика купечествующей націи, то и не согласился ни на красные чулки, ни на другія условія". Склонить Ермолова на уступку оказалось невозможнымъ. Тогда Аббасъ-Мирза, не желая нарушать установившагося при дворѣ этикета, рѣшилъ принять Ермолова не въ комнатѣ, а передъ домомъ, и не на коврахъ, которыхъ не дерзалъ попирать ни одинъ сапогъ, а на каменномъ помостѣ внутренняго двора, у самаго окна, подъ портретомъ своего отца.

Аудіенція назначена была ровно въ полдень. Отъ самаго дома, отведеннаго посольству, по тѣснымъ, кривымъ и неопрятнымъ улицамъ, Ермоловъ ѣхалъ на богато убранномъ конѣ, присланномъ принцемъ, посреди двухъ рядовъ персидскаго войска. На большомъ дворѣ посолъ и вся свита сошли съ лошадей. Темными и узкими переходами ихъ провели во второй дворъ, наконецъ въ третій, прекрасно вымощенный и украшенный нѣсколькими бассейнами. Въ концѣ этого двора, подъ палаточнымъ навѣсомъ, стоялъ Аббасъ-Мирза, одѣтый безъ всякой роскоши—поверхъ каба (родъ подрясника) изъ синей матеріи, на немъ былъ темно-красный плащъ съ длинными рукавами (джуббе), на головѣ каджарская шапка, и только за шалевымъ поясомъ сверкалъ осыпанный алмазами кинжалъ. По лѣвую сторону принца стояли три мальчика въ богатѣйшемъ убранствѣ.

„Можно было не узнать, что тотъ былъ наслѣдникъ, разсказываетъ Ермоловъ:—но шедшіе впереди насъ церемоніймейстеръ и адъютанты его начали поспѣшно снимать свои туфли и кланяться

почти до земли. Мы, не останавливаясь, продолжали идти далѣе; на серединѣ двора они опять догнали насъ и опять начались поклоны, но уже не столько продолжительные, ибо, снявъ прежде туфли, нѣтъ обыкновенія снимать что либо болѣе. И такъ приближаемся мы къ полотняному навѣсу и уже вблизи видимъ наслѣдника. Мы въ сію минуту походимъ на военныхъ людей, утомленныхъ сильнымъ въ знойное время переходомъ, поспѣшающихъ на отдыхъ подъ ставку маркитанта".

Отъ проницательности Ермолова не скрылось, почему Аббасъ-Мирза принялъ его на дворѣ, и онъ рѣшился отплатить персіянамъ не меньшею невѣжливостью. Остановившись въ шести шагахъ отъ принца и сдѣлавъ видъ, что его не знаетъ, онъ обратился къ провожавшимъ его персіянамъ и спросилъ: „гдѣ же Его Высочество?"—и только послѣ отвѣта снялъ шляпу, чему послѣдовала и вся свита. Тогда Аббасъ-Мирза сдѣлалъ три шага впередъ и подалъ Ермолову руку. Свиданіе продолжалось съ часъ. Раскланявшись при прощаніи съ принцемъ, Ермоловъ повернулся, тутъ же надѣлъ шляпу, что сдѣлала и свита его, и посольство тѣмъ же порядкомъ возвратилось въ отведенный ему домъ. За аудіенціею слѣдовали празднества въ честь посольства. Изъ нихъ Ермоловъ отмѣчаетъ въ своемъ журналѣ лишь осмотръ войскъ, на которомъ присутствовалъ и наслѣдный принцъ. Персидская конница вызвала общее одобреніе, но артиллерія оказалась плоха: изъ 18 орудій, изъ которыхъ каждое сдѣлало по шести выстрѣловъ, ни одно не попало въ цѣль. Тѣмъ не менѣе Аббасъ-Мирза былъ о ней весьма высокаго мнѣнія и между прочимъ сказалъ, что завести артиллерію его научили русскіе. Ермоловъ не упустилъ при этомъ случая кольнуть самолюбіе принца, сказавъ, что если русскіе были причиною того, что онъ завелъ артиллерію, то и принцъ, въ свою очередь, вразумилъ другихъ насчетъ ея необходимости, что народъ самый непросвѣщенный, какъ туркмены,— и тѣ просятъ завести у нихъ артиллерію. Для поясненія нужно прибавить, что туркмены были злѣйшими врагами персіянъ.— „Къ кому же они отнеслись съ этой просьбою?" спросилъ Аббасъ-Мирза. — „Я отвѣчалъ, разсказываетъ Ермоловъ: — что за отсутствіемъ моимъ изъ Грузіи поручилъ заняться этимъ заступающему

мое мѣсто начальнику". Аббасъ-Мирза смутился; ему непріятно было слышать о прогрессѣ военнаго дѣла у непримиримыхъ враговъ Персіи.

Послѣ смотра Ермоловъ приглашенъ былъ принцемъ на чай и шербетъ. Его приняли въ саду, въ бесѣдкѣ, изъ которой открывался превосходный видъ на городъ и окрестности. Посольская свита была съ нимъ, и это обстоятельство было опять крайне непріятно Аббасъ-Мирзѣ. Дѣло въ томъ, что, по закону своей земли, онъ не могъ ѣсть и пить въ присутствіи невѣрныхъ, исключеніе сдѣлано было для одного Ермолова, а не для свиты его, и присутствіе послѣдней на званомъ шербетѣ было униженіемъ для принца. Такимъ образомъ онъ, искавшій случая унизить русскихъ въ глазахъ своихъ будущихъ подданныхъ и возвысить понятіе о собственномъ величіи и могуществѣ, встрѣчалъ въ Ермоловѣ, слишкомъ хорошо понимавшемъ персіянъ, постоянный отпоръ. На гордость и надменность принца въ ущербъ чести и достоинству русскаго посольства—Ермоловъ отвѣчалъ почти открытымъ презрѣніемъ. И когда принцъ, простившись, хотѣлъ выѣхать изъ сада одинъ, Ермоловъ далъ знакъ своему ординарцу—и рядомъ съ лошадью принца явилась и лошадь Ермолова,—они выѣхали вмѣстѣ. Все это, конечно, раздражало персіянъ; но Ермоловъ все устраивалъ какъ бы случайно такъ, что имъ приходилось скрывать свое неудовольствіе.

Борьба съ принцемъ изъ-за этикета была слишкомъ непріятнымъ дѣломъ, и Ермоловъ старался по возможности сократить свое пребываніе въ Тавризѣ. Извѣстій о томъ, гдѣ и когда шаху угодно будетъ принять его, однако не имѣлось. Но лишь только, 24 мая, получено было письмо, приглашавшее посла въ лѣтнюю резиденцію шаха, Султаніэ, Ермоловъ немедленно собрался въ путь. Наканунѣ его выѣзда Аббасъ-Мирза пригласилъ его на загородную прогулку. Но Ермоловъ черезъ каймакама отвѣтилъ, что, выѣзжая на слѣдующее утро и страдая глазами, онъ не можетъ исполнить желаніе принца. „Я бы дождался облегченія отъ болѣзни, прибавилъ Ермоловъ:— чтобы имѣть у принца прощальную аудіенцію, но какъ я не былъ принятъ имъ приличнымъ образомъ, а встрѣтился съ нимъ на дворѣ и за аудіенцію того почесть не могу,

то и не полагаю себя въ обязанности откланиваться ему; впрочемъ, какъ съ человѣкомъ милымъ и любезнымъ, съ которымъ пріятно мнѣ было сдѣлать знакомство, желалъ бы я еще гдѣ нибудь встрѣтиться".

Этотъ неожиданный и рѣзкій отвѣтъ какъ громомъ поразилъ каймакама. Напрасно онъ старался доказывать, что пріемъ на дворѣ есть доказательство величайшаго къ нему уваженія, что до него всѣ посланники, принимаемые въ комнатахъ, были обязаны надѣвать красные чулки. Ермоловъ отвѣчалъ, „что онъ въ сравненіе съ другими идти не намѣренъ; если же безъ красныхъ чулковъ обойтись нельзя, то онъ проситъ каймакама заблаговременно предупредить шаха, что онъ ихъ не надѣнетъ, а между тѣмъ, чтобы не дѣлать безполезно излишняго пути, онъ на дорогѣ будетъ ожидать отвѣта: ѣхать ли ему далѣе, или возвратиться въ Россію?" На слѣдующее утро откланивался только совѣтникъ посольства. Въ городѣ, гдѣ готовились къ торжественнымъ проводамъ, поднялась суматоха; но съ восходомъ солнца Ермолова уже не было въ Тавризѣ.

Главный караванный путь изъ Тавриза въ Тегеранъ, по которому слѣдовало посольство, не представляетъ ничего замѣчательнаго. Только Султанійская долина и роскошные сады, въ которыхъ утопаетъ Казвинъ, нарушаютъ утомительное однообразіе, составляющее отличительный характеръ этой части Персіи, въ противоположность чудной природѣ по сѣверную сторону Эльбурза въ прикаспійскихъ провинціяхъ.

28 мая Ермоловъ остановился въ прекрасномъ замкѣ, построенномъ Аббасъ-Мирзою для его царственнаго отца и называвшимся Уджанъ, что значитъ „Царская роза". Говорятъ, что постройка этого замка стоила до 30 т. червонцевъ; но уже во времена пребыванія въ немъ Ермолова онъ видимо клонился къ упадку, и убранство его было очень бѣдно. Въ этомъ-то замкѣ Ермоловъ и видѣлъ знаменитую картину, изображающую побѣду персіянъ надъ русскими. Картинъ было собственно двѣ. На одной былъ изображенъ Аббасъ-Мирза, представляющій шаху регулярныя войска и артиллерію; шахъ нарисованъ сидящимъ верхомъ во всемъ царскомъ убранствѣ, Аббасъ-Мирза — лежащимъ на землѣ у переднихъ ногъ его лошади, „какъ бы просящимъ, по

ироническому замѣчанію Ермолова, — помилованія за введеніе въ войскахъ европейскаго устройства, что въ шахѣ могло возбудить подозрѣніе на какіе-нибудь замыслы". На другой картинѣ изображены русскіе, обращенные въ бѣгство. Ермоловъ такъ описываетъ представленную на ней сцену: „ни одинъ (русскій) не дерзаетъ остановиться противъ непобѣдимыхъ войскъ Аббасъ-Мирзы; многіе увлекаемы въ плѣнъ, или съ униженіемъ просятъ помилованія; головы дерзнувшихъ противиться повергаются передъ его лошадью. Нѣтъ въ помощь несчастнымъ русскимъ ни единой преграды, могущей удержать стремленіе героевъ Персіи. Какъ вихри несутъ кони ужасную артиллерію, уже разсѣваетъ она смерть между русскими и—гибель ихъ неотвратима. Со стороны русскихъ одно орудіе, около котораго спасаются разсѣянные, и оно уже готово впасть во власть побѣдителя. Разрушается россійская монархія и день сей изглаживаетъ имя русское съ лица земли! Но кто виновникъ сихъ ужасныхъ перемѣнъ на земномъ шарѣ? Не самъ ли шахъ, столько царствованіемъ своимъ прославленный? Нѣтъ, онъ не оставлялъ гарема своего, населеннаго множествомъ красотъ, и труды, во славу отечества имъ подъятые, обогатили его семью младенцами, въ одинъ день рожденными, въ дополненіе къ сотнѣ, которыхъ имѣлъ онъ прежде. Не Аббасъ ли Мирзѣ, наслѣднику, предоставила судьба уничтоженіе сильнѣйшаго въ мірѣ народа? Нѣтъ, никогда не провождалъ онъ войска къ побѣдамъ, никогда не видалъ онъ торжествующихъ, и слава на полѣ битвы всегда принадлежала рѣзвому коню его, спасавшему его быстрымъ бѣгомъ. Герой, вѣнчавшій себя безсмертною славою, есть англичанинъ Линдезей, изъ войскъ Остъ-Индской компаніи. Онъ изображенъ на картинѣ повелѣвающимъ артиллеріею"... Вопросъ Ермолова: „не асландузское ли или ленкоранское это сраженіе?"—былъ очень кстати.

Въ Уджанѣ посольство пробыло цѣлую недѣлю и только 5 іюня двинулось впередъ. Но и дальнѣйшій путь часто прерывался болѣе или менѣе длинными остановками, такъ что только черезъ мѣсяцъ посольство прибыло наконецъ на урочище Саман-архи, лежащее верстахъ въ 10 отъ Султаніэ, куда ожидали вскорѣ прибытія шаха.

Ермолова встрѣтилъ Мирза-Абдулъ-Вахабъ, министръ, пользовавшійся особенною довѣренностію шаха. Онъ присланъ былъ узнать, въ чемъ именно будутъ состоять предложенія посла. Но на всѣ его домогательства Ермоловъ отвѣчалъ, что ни въ какіе оффиціальные переговоры до личнаго свиданія съ шахомъ онъ вдаваться не можетъ. Тѣмъ не менѣе между ними было нѣсколько совѣщаній, сопровождавшихся горячими спорами. Абдулъ-Вахабъ утверждалъ, что шахъ не перестанетъ разсчитывать на уступку ему земель, отторгнутыхъ Россіею, въ особенности Карабага, и что за отказомъ можетъ послѣдовать война. Ермоловъ отвѣчалъ, что изъ земель онъ не уступитъ ни единой пяди; «если же, прибавилъ онъ, —замѣчу я малѣйшую холодность въ пріемѣ шаха, то, охраняя достоинство моей родины, самъ объявлю войну и потребую границъ уже по Араксъ, назначивъ день, когда русскія войска возьмутъ Тавризъ».

Такъ прошло время до 19 іюля,—день прибытія Фетъ-Али-Шаха въ Султаніэ. Ермоловъ и нѣкоторые изъ его чиновниковъ отправились посмотрѣть любопытное зрѣлище въѣзда шаха. Шествіе показалось часовъ въ 9 утра. Впереди вели слона, на которомъ былъ утвержденъ великолѣпный балдахинъ; за нимъ слѣдовали по порядку: 500 верблюдовъ съ пушками и знаменами, азіятская музыка на верблюдахъ же и куртинскій конвой, за которымъ вели 16 богато убранныхъ лошадей; затѣмъ шли скороходы и, наконецъ, на сѣрой лошади, у которой ноги, животъ, грива и хвостъ были выкрашены въ оранжевый цвѣтъ, ѣхалъ самъ Фетъ-Али-Шахъ, съ огромною бородою, спускавшеюся ниже пояса. Передъ самымъ въѣздомъ въ Султаніэ былъ заколотъ верблюдъ, и голова его брошена подъ ноги шаха; это былъ обрядъ жертвоприношенія. Толпы народа, собравшагося на зрѣлище, хранили глубокое молчаніе и, скрестивъ руки на груди, съ невыразимой покорностью взирали на своего повелителя.

Черезъ шесть дней былъ парадный въѣздъ и русскаго посольства въ Султаніэ, гдѣ для него устроенъ былъ особенный лагерь. Едва Ермоловъ подъѣхалъ къ посольскому шатру, устланному коврами, надъ нимъ взвился флагъ съ Россійскимъ гербомъ, и одинъ изъ шахскихъ адъютантовъ явился съ привѣтствіемъ отъ

лица своего повелителя. Въ тотъ же день Ермоловъ сдѣлалъ визитъ великому визирю. Хитрый 80-лѣтній старикъ, уже сорокъ лѣтъ занимавшій эту должность, осыпалъ русскаго посла чрезвычайными любезностями. Ермоловъ въ долгу не остался и воспользовался всѣми выгодами, какія ему могли представиться. „Изъ учтивости, говоритъ онъ:—я платилъ ему тѣмъ же, и чтобы не быть совершенно неловкимъ, я сталъ показывать удивленіе къ его высокимъ качествамъ и добродѣтелямъ. Старикъ принялъ лесть за настоящую правду, и я, снискавъ довѣріе къ своему простосердечію, свелъ съ нимъ знакомство. Какъ мужа опытнаго и мудраго, просилъ я его наставленія и увѣрялъ, что, руководимый имъ, я не могу не сдѣлать полезнаго. Въ знакъ большей къ нему привязанности я далъ ему названіе отца и, какъ покорный сынъ, обѣщалъ ему откровенность во всѣхъ поступкахъ и дѣлахъ. Итакъ, о чемъ невыгодно мнѣ было трактовать съ нимъ, какъ съ верховнымъ визиремъ, я обращался къ нему, какъ къ отцу, когда же надобно было возражать ему или даже постращать, то, храня почтеніе, какъ сынъ, я облекался въ образъ посла. Сею эгидою покрывалъ я себя однакоже въ однихъ крайнихъ случаяхъ и всегда выходилъ торжествующимъ“.

Нѣсколько дней посвящено было прежде всего на составленіе церемоніала шахской аудіенціи. Шахъ оказался гораздо сговорчивѣе Аббасъ-Мирзы, и вопросъ о красныхъ чулкахъ былъ порѣшенъ безъ особыхъ затрудненій; условлено было, чтобы, за сто шаговъ до палатки, одинъ изъ служителей только отеръ пыль съ сапоговъ Ермолова, и то потому, что кресло, приготовленное для посланника, стояло на томъ же коврѣ, на которомъ возсѣдалъ и самъ повелитель Персіи. Торжественная аудіенція послѣдовала 31 іюля. Внутри обширной площадки, обнесенной парусинною оградою, стояла довольно большая палатка. Въ ней, на возвышеніи, устланномъ шалевыми коврами, поставленъ былъ тронъ, на подножіи котораго былъ изображенъ отдыхающій левъ. По правую сторону трона, на небольшомъ коврѣ, обшитомъ по краямъ жемчугомъ, лежали два круглые бархатные мутака, также украшенные большими жемчужинами; на четырехъ углахъ ковра стояли не-

большіе сосуды, въ родѣ курильницъ, а по серединѣ помѣщался шахскій кальянъ, осыпанный алмазами и другими драгоцѣнными камнями.

За нѣсколько минутъ до начала аудіенціи въ палатку вошелъ Фетъ-Али-Шахъ и занялъ мѣсто на тронѣ. Онъ былъ въ золотой коронѣ, блестѣвшей драгоцѣнными камнями и богатѣйшимъ алмазнымъ перомъ. Отъ плечъ до локтей на шахѣ были нарукавники, осыпанные рубинами, сафирами, яхонтами, алмазами, сливавшими свѣтъ свой съ ослѣпительнымъ блескомъ двухъ знаменитѣйшихъ въ мірѣ алмазовъ: „Горы свѣта“ и „Моря свѣта“, изъ которыхъ только одинъ послѣдній вѣсилъ 243 карата и цѣнился въ 6 милліоновъ рублей.

Въ глубинѣ палатки, около задней стѣны, помѣстились 14 шахскихъ сыновей, а по сторонамъ трона стали лица, державшія шахскія регаліи: малую корону, щитъ, саблю, скипетръ и государственную печать.

Ермоловъ приближался, сопровождаемый Аллахъ-Яр-Ханомъ и двумя совѣтниками, изъ которыхъ одинъ несъ на золотомъ блюдѣ императорскую грамату. При самомъ входѣ на площадку онъ остановился и сдѣлалъ первый поклонъ; на серединѣ между входомъ на площадку и палаткой слѣдовалъ второй поклонъ, и передъ самой палаткой—третій. Тогда Аллахъ-Яр-Ханъ громко сказалъ:

„Чрезвычайный и полномочный россійско-императорскій посолъ желаетъ имѣть счастіе представиться средоточію вселенной и убѣжищу міра“.

— „Хош-гельды“ (добро пожаловать)!—отвѣтилъ шахъ и жестомъ руки пригласилъ посла въ палатку.

Ермоловъ вошелъ, поклонился и, сказавъ короткую привѣтственную рѣчь, передалъ императорскую грамату. По приглашенію шаха, онъ сѣлъ на назначенное для него кресло. Слѣдовавшій затѣмъ разговоръ былъ вполнѣ оффиціальнаго характера. При всякомъ обращеніи къ нему шаха, посолъ вставалъ и бесѣдовалъ стоя. Представляя затѣмъ чиновъ посольства, Ермоловъ обратилъ особенное вниманіе шаха на штабсъ-капитана Коцебу *), сказавъ, что тотъ совершилъ кругосвѣтное плаваніе и явился съ нимъ въ Персію, ведомый

*) Морицъ Евстафьевичъ—родной братъ извѣстнаго Варшавскаго генералъ-губернатора, Павла Евстафьевича Коцебу.

желаніемъ видѣть великаго Фетъ-Али-Шаха. „Теперь онъ, конечно, все видѣлъ“, съ видимымъ удовольствіемъ произнесъ шахъ и, отпуская посла, выразилъ желаніе, чтобы всѣ чиновники посольской свиты, по возвращеніи въ Россію, были произведены въ слѣдующіе чины.

За первою аудіенціею слѣдовала вторая, сопровождавшаяся поднесеніемъ подарковъ шаху отъ императора. Тогда былъ магометанскій праздникъ Байрама, и Ермолова предварительно пригласили въ Диванъ-ханэ. Тамъ онъ поздравилъ шаха съ праздникомъ и смотрѣлъ вмѣстѣ съ нимъ персидскій увеселительный спектакль, во время котораго Фетъ-Али-Шахъ милостиво и дружественно разговаривалъ съ посломъ. Спустя часъ шахъ намѣревался посѣтить палатку съ царскими дарами. Но въ этотъ короткій промежутокъ времени поднялся сильный вихрь, едва не разметавшій всѣ дары, спасенные только благодаря величайшимъ усиліямъ цѣлой сотни ферраше́й, успѣвшихъ ухватиться за веревки и удержать на мѣстѣ палатку. Когда вѣтеръ стихъ, шахъ прислалъ узнать, цѣлы ли подарки, а вслѣдъ за тѣмъ и самъ показался на дворцовой лѣстницѣ, въ сопровожденіи всѣхъ своихъ сыновей. Но едва только онъ дошелъ до палатки, въ которой принималъ посольство, какъ долженъ былъ въ ней укрыться отъ страшной пыли, поднятой новымъ, еще сильнѣйшимъ порывомъ вѣтра. Но вотъ пыль улеглась, воздухъ попрежнему сталъ чистъ и прозраченъ, и шахъ перешелъ въ близстоявшую палатку, гдѣ ожидалъ его Ермоловъ вмѣстѣ съ верховнымъ визиремъ. Богатство и изящество подарковъ съ перваго взгляда очаровали шаха; онъ невольно остановился у входа въ палатку и, только послѣ изъявленія Ермолову своего удовольствія, сталъ переходить отъ одного предмета къ другому, разсматривая каждую вещь до мельчайшихъ подробностей. Особенное восхищеніе вызвали въ шахѣ зеркала громаднѣйшихъ размѣровъ, какихъ ему еще не приходилось видѣть. Въ первый разъ въ жизни увидѣлъ онъ себя такъ хорошо во весь ростъ. По разсказу Ермолова, онъ долго и неподвижно разсматривалъ самого себя и обливавшіе его алмазы и бриллiанты, въ безчисленныхъ сіяніяхъ отражавшіеся въ глубинѣ волшебнаго трюмо. Всѣ молчали, никто не смѣлъ нарушить очарованія шаха, который хотѣлъ не разъ отойти отъ зер-

калъ и снова къ нимъ возвращался. Осмотрѣвъ остальные подарки состоявшіе изъ драгоцѣнныхъ хрустальныхъ сервизовъ, мѣховъ, парчи и, наконецъ, брилліантовъ, шахъ еще разъ поблагодарилъ Ермолова и удалился во дворецъ, замѣтивъ на прощанье, что ему было бы несравненно легче пріобрѣсти милліоны, чѣмъ эти подарки русскаго вѣнценосца, которыхъ онъ не промѣняетъ ни на какія сокровища въ мірѣ. Впослѣдствіи шахъ говорилъ своимъ придворнымъ, что онъ чрезвычайно доволенъ Ермоловымъ, что передъ нимъ, какъ государемъ, болѣе Ермолова почтительнымъ быть невозможно. Умѣнье посла затронуть слабыя стороны повелителя Персіи болѣе всего способствовало успѣшному и блестящему окончанію переговоровъ.

Уже наступилъ вечеръ, когда Ермоловъ, послѣ этой аудіенціи, возвратился въ посольскій лагерь. Здѣсь первою заботою его было немедленно отправить и къ великому визирю назначенные отъ государя подарки: брилліантовое перо съ огромнымъ изумрудомъ, золотую табакерку, осыпанную рубинами, парчу и собольи мѣха. Такое вниманіе русскаго царя необыкновенно польстило дряхлому премьеру, и онъ жалѣлъ о томъ, что ночь помѣшала народу быть свидѣтелемъ оказанной ему почести. А Ермоловъ, торопясь окончить возложенное на него порученіе, пока еще не изгладилось пріятное впечатлѣніе отъ подарковъ, при первомъ свиданіи съ великимъ визиремъ настоятельно потребовалъ начатія переговоровъ. Недовѣряя словеснымъ объясненіямъ и обѣщаніямъ персіянъ, онъ условился вести переговоры не иначе, какъ на бумагѣ. Не лишнее замѣтить, что всю возникшую затѣмъ переписку Ермоловъ велъ собственноручно, чтобы, въ случаѣ какихъ либо промаховъ не подвергать нареканіямъ или упрекамъ другихъ, а за все быть отвѣтственнымъ самому. Характеристичная и рѣдкая черта въ начальникѣ!

А промахи могли быть, и Ермоловъ вполнѣ сознавалъ ихъ возможность и для самого себя. „Будучи военнымъ человѣкомъ, говоритъ онъ между прочимъ въ своихъ запискахъ: — не имѣлъ я въ предметѣ подобныхъ порученій, къ нимъ не пріуготовлялъ себя, и погрѣшности мои не стыдятъ меня, ибо происходятъ отъ новости предмета, отнюдь не отъ недостатка усердія или желанія добра. Симъ новымъ занятіемъ, по счастію для меня временнымъ, не сдѣ-

лаю я себѣ имени, не хочу скрывать моихъ ошибокъ, говорю о нихъ, и охотно надъ собою смѣяться буду".

Передъ Ермоловымъ главнѣйшею и весьма трудною задачею было, какъ выше сказано, удержать за Россіею области, которыхъ сильно домогалась Персія, но въ то же время не только сохранить, но и упрочить дружественныя связи съ этою страною. И сначала Ермоловъ думалъ, что переговоры затянутся, что ему не скоро еще удастся выѣхать изъ Султаніэ. Но онъ напалъ на настоящій путь къ дипломатической побѣдѣ, путь „лести шаху" и энергической настойчивости, напротивъ, съ его министрами. Такимъ образомъ дѣйствій онъ отнялъ у послѣднихъ всякую охоту длить переговоры, и все ограничилось нѣсколькими свиданіями и одною конференціею 12 августа, впрочемъ довольно бурною. Верховный визирь и Мирза-Абдулъ-Вахабъ истощили все свое краснорѣчіе, чтобы склонить Ермолова на уступку Карабага или по крайней мѣрѣ хоть части Талышинскаго ханства,—Ермоловъ не уступилъ ничего. Въ пылу спора, здѣсь онъ вторично объявилъ персидскимъ министрамъ, что „если увидитъ хотя малѣйшую холодность или намѣреніе перервать дружбу, то для достоинства Россіи не потерпитъ, чтобы они первые объявили войну, и тотчасъ потребуетъ земли уже по Араксъ и назначитъ день, когда возьметъ Тавризъ". „Угрюмая рожа моя, юмористически описываетъ онъ свои дѣйствія въ письмѣ къ графу Арсенію Андреевичу Закревскому:—всегда хорошо изображала чувства мои, и когда я говорилъ о войнѣ, то она принимала выраженіе человѣка, готоваго схватить зубами за горло. Я замѣтилъ, что они (персидскіе министры) того не любятъ, и всякій разъ, когда мнѣ не доставало убѣдительныхъ доказательствъ, я дѣйствовалъ звѣрскою рожею, огромною своею фигурою, которая производила ужасное дѣйствіе, и широкимъ горломъ, такъ что они убѣждались, что не можетъ же человѣкъ такъ громко кричать, не имѣя основательныхъ и справедливыхъ причинъ. Когда доходило до шаха, что я человѣкъ—звѣрь неприступный, то при первомъ свиданіи съ нимъ, я отравлялъ его лестью, такъ что уже не смѣли ему говорить противъ меня, и онъ готовъ былъ обвинять того, кто мнѣ угодить не можетъ".

Въ другомъ письмѣ Ермоловъ говоритъ: „многіе обыкновенно стараются все приписать своимъ способностямъ и талантамъ; я же признаюсь чистосердечно, что къ успѣху болѣе всего способствовала огромная фигура моя, и пріятное лицо, которое омрачилъ я ужасными усами, и очаровательный взглядъ мой, и грудь высокая, въ которую ударяя, производилъ я звукъ, подобный громовымъ ударамъ. Когда говорилъ я, персіяне думали, что съ голосомъ моимъ соединяются голоса ста тысячъ людей, согласныхъ со мною въ намѣреніяхъ, единодушныхъ въ дѣйствіи“...

Изучивъ слабыя стороны своихъ противниковъ, Ермоловъ вообще широко пользовался всѣмъ, чѣмъ могъ, не пренебрегалъ никакими средствами для внушенія персіянамъ и ихъ правительству должнаго къ себѣ уваженія. „Я всегда, разсказываетъ онъ: — безтрепетно призывалъ во свидѣтели великаго пророка Магомета и снискивалъ къ обѣщаніямъ моимъ довѣренность. Я увѣрилъ персіянъ, что предки мои были татары и выдалъ себя за потомка Чингизъ-Хана, удивляя ихъ замѣчаніемъ, что въ той самой странѣ, гдѣ владычествовали мои предки, гдѣ все покорствовало страшному ихъ оружію, я нахожусь посломъ, утверждающимъ миръ и дружбу. О семъ доведено было до свѣдѣнія шаха, и онъ съ уваженіемъ смотрѣлъ на потомка столь ужаснаго завоевателя. Доказательствомъ неоспоримымъ происхожденія моего служилъ, бывшій въ числѣ чиновниковъ посольства, двоюродный братъ мой, полковникъ Ермоловъ, которому, къ счастью моему, природа дала черные подслѣповатые глаза и, выдвинувъ впередъ скуластыя щеки, расширила лицо на подобіе калмыцкаго. Шаху донесено было о сихъ явныхъ признакахъ моей породы, и онъ приказалъ показать себѣ моего брата. Одинъ изъ вельможей спросилъ у меня, сохранилъ ли я родословную; рѣшительный отвѣтъ, что она хранится у старшаго фамиліи нашей, утвердилъ навсегда принадлежность мою Чингизъ-Хану. Въ случаѣ войны, потомокъ Чингизъ-Хана, начальствующій непобѣдимыми россійскими войсками, будетъ имѣть великое на народъ вліяніе“.

Персидскіе сановники убѣдились наконецъ въ непреклонности намѣреній Ермолова — не уступать имъ ничего и прибѣгли къ послѣдней отчаянной уловкѣ, заявивъ, что шахъ до того былъ

увѣренъ въ уступкѣ ему областей, что они страшатся одной мысли заявить ему о неудачѣ переговоровъ по этому предмету.

„Въ такомъ случаѣ, сказалъ имъ Ермоловъ:--я готовъ вывести васъ изъ затрудненія и лично объяснюсь съ его величествомъ".

Этотъ отвѣтъ отрѣзалъ министрамъ всякое отступленіе, и они должны были чистосердечно сознаться, что всѣ предложенія были дѣланы ими, безъ предварительной на то воли шаха; но что, тѣмъ не менѣе, они сами разсчитывали на уступку, считая ее вполнѣ справедливою. „Если я увижу во снѣ, вскричалъ Ермоловъ:—что вамъ отдаютъ земли, то, конечно, не пробужусь во-вѣки"!

Тогда персидскіе вельможи попытались дѣйствовать иными средствами, попробовали смягчить Ермолова цѣнными подарками. Вотъ какъ онъ самъ разсказываетъ объ этомъ. Однажды Ермоловъ былъ приглашенъ на парадный обѣдъ къ низам-уд-доулэ, т. е. къ министру внутреннихъ дѣлъ. Когда собрались приглашенные, хозяинъ взялъ Ермолова подъ руку, чтобы вести его къ столу, и въ это время весьма страннымъ образомъ сталъ перебирать пальцы его лѣвой руки. „Я позволилъ ему сію забаву, говоритъ Ермоловъ:—думая, что въ восточныхъ обычаяхъ значитъ то изъявленіе пріязни, но вдругъ почувствовалъ я на пальцѣ необыкновенной величины перстень. Оторвавъ руку, я сказалъ ему, что подобныхъ подарковъ и такимъ образомъ предложенныхъ я не принимаю и скажу ему на то причину. Онъ обидѣлся отказомъ, и если бы за столомъ могъ онъ сидѣть со мною рядомъ, то конечно пустился бы на другое какое-либо предпріятіе; но меня спасъ высокій чинъ, ибо возлѣ меня по приличію мѣсто занимаемо было знатнѣйшими. Однакоже въ продолженіе стола объяснилъ онъ мнѣ черезъ переводчика, что если не принимаю я перстень, то предлагаетъ онъ мнѣ неоправленный камень, и я разстался съ нимъ, не умѣвши растолковать ему, что можно отказаться отъ пріобрѣтенія драгоцѣннаго подарка". На слѣдующій день низам-уд-доулэ повторилъ свой маневръ, предлагая въ подарокъ Ермолову необычайной цѣны синій яхонтъ; но и на этотъ разъ онъ потерпѣлъ неудачу, также какъ и великій визирь, желавшій надѣлить посла ниткой крупнаго жемчуга.

Наконецъ, 16 августа Ермоловъ получилъ офиціальное увѣ-

домленіе, что Фетъ-Али-Шахъ приказалъ считать вопросъ объ областяхъ, отошедшихъ къ Россіи по Гюлистанскому трактату, поконченнымъ, что „земли тѣ впредь въ возвратъ требованы не будутъ, такъ какъ пріязнь государя императора шахъ предпочитаетъ пользѣ, происходящей отъ пріобрѣтенія земель". Шахъ снова повторилъ это лично Ермолову, при первомъ же съ нимъ свиданіи. Но затѣмъ, обратившись къ своему зятю, прибавилъ шутя: „взгляни на посла,—какъ ему совѣстно, что не исполнилъ моего желанія, когда я, съ своей стороны, готовъ сдѣлать все угодное его государю". Произнеся это, шахъ спросилъ у Ермолова: „Скажи по правдѣ, ты передашь разговоръ нашъ государю?"

„Непремѣнно,—отвѣчалъ Ермоловъ:—и присоединю къ тому, что его величество, шахъ, говорилъ мнѣ о томъ самымъ благосклоннѣйшимъ образомъ, что въ глазахъ его не только не было ни малѣйшаго негодованія, но, напротивъ, прочелъ я въ нихъ намѣреніе шаха всегда быть истиннымъ другомъ русскихъ". Шахъ остался отвѣтомъ очень доволенъ и завелъ рѣчь о своей власти, которую считалъ несравненно выше власти другихъ вѣнценосцевъ, уподобляя себя тѣни Аллаха на землѣ.

„Пріятна, сказалъ ему Ермоловъ:—тѣнь отъ человѣка, подъ скипетромъ котораго благоденствуетъ нѣсколько милліоновъ народа, считающаго дни его „благотвореніями",—и послѣ этого, какъ бы мимоходомъ, онъ спросилъ у шаха:—какова была тѣнь дядюшки его, Аги-Магометъ-Хана? намекая тѣмъ на звѣрства этого послѣдняго, нисколько не похожія на „благотворенія". Шахъ принялъ, однако, этотъ вопросъ не только безъ неудовольствія, а даже усмѣхаясь.

Расположеніе шаха къ Ермолову простерлось до того, что онъ приказалъ показать ему всѣ свои сокровища, рѣдко кому показываемыя. Большую часть ихъ шахъ имѣетъ всегда при себѣ и на войнѣ, и въ дорогѣ, не ввѣряя никому, кромѣ одного неразлучнаго съ нимъ евнуха. Значеніе шахскихъ сокровищъ гораздо больше, чѣмъ простого богатства. Бывали примѣры, что тотъ, кто овладѣвалъ шахскими сокровищами, становился тѣмъ самымъ и обладателемъ персидскаго престола, и самъ Фетъ-Али-Шахъ, получивъ вѣсть о смерти дяди своего Аги-Магометъ-Хана, прежде

всего поспѣшилъ захватить всѣ драгоцѣнности, бывшія въ Тегеранѣ, зная имъ цѣну. Хранившій ихъ былъ человѣкъ преданный ему; и тѣмъ не менѣе, опасаясь превратностей судьбы, шахъ взялъ лучшихъ своихъ лошадей и въ пять дней изъ Шираза прискакалъ верхомъ въ Тегеранъ... „Шахъ, замѣчаетъ между прочимъ Ермоловъ: — и теперь удерживаетъ породу быстрыхъ лошадей, ибо не можетъ быть увѣренъ, чтобы не случилось съ такою же скоростію спасаться, съ каковою спѣшилъ къ обладанію".

Въ комнатѣ, гдѣ хранились сокровища, Ермоловъ видѣлъ огромный алмазъ, которому по величинѣ нѣтъ даже подобнаго въ цѣломъ свѣтѣ, и нѣсколько другихъ, какими украшены лишь немногія изъ коронъ могущественныхъ государей. Тутъ же, при осмотрѣ драгоцѣнностей, Аллахъ-Яр-Ханъ, зять Фетъ-Али-Шаха, поднесъ Ермолову два большіе портрета своего повелителя, изъ которыхъ одинъ предназначался государю императору, а другой ему. „Оба портрета, говоритъ о нихъ Ермоловъ:—написаны ужаснѣйшимъ образомъ, и, кажется, шахъ менѣе всего заботился о сходствѣ, но чтобы борода написана была длиннѣе даже обыкновеннаго, глаза самые черные, каковыхъ у него нѣтъ, и чтобы одежда была богатою. Въ разсужденіи драгоцѣнныхъ камней онъ великодушно позволяетъ изобразить ихъ въ большемъ видѣ, нежели они есть". Портреты отъ дворца до палатки Ермолова отнесены были персидскими офицерами, но онъ почелъ необходимымъ сопровождать ихъ, доставивъ этимъ большое удовольствіе шаху.

Утромъ 27 августа посольству присланы были шахскіе подарки. Ермолову назначены были: орденъ Льва и Солнца 1 степени съ бриллiантами, сабля, принадлежавшая Измаилъ-Шаху, съ богатѣйшею портупеею, 10 дорогихъ шалей и 14 кусковъ золотой парчи. Принцъ Мамедъ-Мирза, съ своей стороны, прислалъ ему 4 шали, нѣсколько кусковъ парчи и двѣ арабскія лошади (кобылу и жеребца). Отъ персидскихъ сановниковъ также получены были подарки, но Ермоловъ отправилъ ихъ назадъ, оставивъ только девять лошадей персидской породы.

Вечеромъ того же дня состоялась и прощальная аудіенція. Ермоловъ явился къ шаху въ персидской лентѣ, чѣмъ опять очень

угодилъ ему. И, передавая Ермолову письмо къ государю, шахъ сказалъ: „Ты до того расположилъ меня къ себѣ, что языкъ мой не хочетъ произнесть, что я отпускаю тебя". Милостиво простившись съ посольскою свитою, шахъ отпустилъ Ермолова, пожелавъ ему „благополучнаго возвращенія въ Грузію и полнаго счастія въ будущемъ".

Посольство Ермолова окончилось. Главнѣйшая цѣль его—разрѣшить вопросъ о пограничныхъ ханствахъ, была достигнута. Оставалось однако еще два нерѣшенныхъ вопроса—объ учрежденіи въ нѣкоторыхъ пунктахъ Персіи русскихъ консульствъ и о возвращеніи тѣхъ изъ русскихъ дезертировъ, которые сами пожелали бы возвратиться въ отечество. Но переговоры по этому поводу были отданы на рѣшеніе Аббасъ-Мирзы, какъ лица, завѣдывавшаго пограничными областями Персіи, и Ермоловъ долженъ былъ снова обратиться къ нему.

29 августа, въ ясный и теплый день, посольство русское, оставивъ шахскую резиденцію, выступило въ обратный путь. Ермоловъ, по его собственнымъ словамъ, оставлялъ Султаніэ безъ сожалѣнія, однакоже уносилъ съ собою не мало и пріятныхъ воспоминаній, которыя впрочемъ сосредоточивались почти исключительно на Фетъ-Али-Шахѣ, съ такою готовностью скрѣпившемъ узы добраго согласія и сосѣдской дружбы между Персіей и Россіей. Но не могъ онъ равнодушно думать объ Аббасъ-Мирзѣ, къ которому теперь направлялъ путь свой и по милости котораго ему предстояло пережить еще нѣсколько тревожныхъ дней. Дорого заплатилъ бы Ермоловъ, чтобы миновать Тавризъ и не встрѣтиться болѣе ни съ наслѣдникомъ, ни въ особенности съ ненавистнымъ ему каймакамомъ, но приходилось покориться обстоятельствамъ.

На одномъ изъ переходовъ посольство обогнали англичане, ѣхавшіе изъ Султаніэ также въ Тавризъ, и передали Ермолову письмо отъ верховнаго визиря. Послѣдній писалъ въ немъ, что полонъ отчаянія послѣ разлуки и чувствуетъ приближеніе къ гробу, лишившись надежды видѣться съ Ермоловымъ. Посолъ отвѣчалъ ему въ восточномъ вкусѣ: „Со дня разлуки солнце печально освѣщаетъ природу; увяли розы и припахиваютъ полынью. Померкъ свѣтъ въ глазахъ моихъ, и какъ уже позади меня тѣ мѣста которыя украшаетъ онъ своимъ присутствіемъ, то глаза, единымъ

зрѣніемъ его насыщаясь, желаютъ переселиться въ затылокъ". „Я, прибавляетъ Ермоловъ:—не оспаривалъ въ немъ чувство приближенія къ гробу, ибо казалось мнѣ нѣсколько неловкимъ хвалить цвѣтущую молодость въ человѣкѣ въ 90 лѣтъ"...

9 сентября посольство прибыло въ Тавризъ. Милостивый и ласковый пріемъ, сдѣланный Ермолову Фетъ-Али-Шахомъ, произвелъ свое дѣйствіе и на принца. О прежнихъ требованіяхъ въ соблюденіи придворнаго этикета не могло теперь быть и рѣчи, и посолъ каждый разъ былъ принимаемъ въ аудіенцъ-залѣ, гдѣ для него всегда стояло кресло и куда вмѣстѣ съ нимъ входила и вся его свита. На конференціяхъ, начавшихся немедленно по прибытіи посольства, скоро всѣ вопросные пункты разрѣшены были удовлетворительно, за исключеніемъ однако самаго щекотливаго и труднаго изъ нихъ, касающагося до возвращенія нашихъ бѣглыхъ. Оказалось, что персіяне, какъ выражается Ермоловъ,—„сплутовали", заблаговременно отправивъ баталіонъ русскихъ дезертировъ въ походъ, а тѣхъ, которые остались въ Тавризѣ, держа подъ карауломъ и никуда не выпуская, пока посольство находилось въ резиденціи. Узнавши объ этомъ, Ермоловъ въ глаза разругалъ каймакама, и въ отмщеніе уклонился отъ офиціальнаго признанія за Аббазъ-Мирзою титула наслѣдника, чего тотъ настойчиво домогался.

20 сентября, послѣ прощальной аудіенціи, посольство наконецъ оставило и Тавризъ. Ермоловъ былъ утомленъ борьбою съ вѣроломствомъ и хитростью персіянъ, и потому день этотъ, по собственному его признанію, былъ одинъ изъ пріятнѣйшихъ въ его жизни; онъ не иначе согласился бы снова увидѣть Персію, какъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Притомъ, вынесенныя Ермоловымъ на пути, особенно обратномъ, впечатлѣнія отъ восточнаго растлѣнія нравовъ, подкупности властей и раболѣпія народа—поражали его непріятно. Еще по пути въ Тавризъ, въ Нахичевани, ему пришлось познакомиться съ жертвою страшнаго шахскаго деспотизма. Ханъ, управлявшій небольшою областью этой, былъ ослѣпленъ во время обладанія Персіею Аги-Магометъ-Ханомъ, и возмущенный Ермоловъ отнесся къ нему съ особымъ участіемъ и уваженіемъ. Ханъ былъ тронутъ,

и у него вырвалась даже горькая жалоба на жестокость тирана. „Но странно смотрѣли на мое соболѣзнованіе провожавшіе меня персіяне“, говоритъ Ермоловъ въ запискахъ:—„рабы сіи изъ подобострастія готовы почитать глаза излишествомъ“... „И ничто не изгладитъ моего презрѣнія, которое я почувствовалъ къ персидскому правительству!“ восклицаетъ онъ. Теперь, на возвратномъ пути, Ермоловъ остановился опять въ домѣ этого хана, который оставилъ въ немъ пріятныя воспоминанія. „Онъ одинъ, говорится въ запискахъ Ермолова:—чувствуетъ гнусность правленія, которому крайность одна заставляетъ его повиноваться. Онъ имѣетъ твердость смѣло разсуждать о немъ и самимъ персіянамъ выхваляетъ преимущество правленія россійскаго“. Дѣйствительно, старый и слѣпой ханъ, только недавно возвращенный на ханство, оставившій притомъ сына своего заложникомъ въ рукахъ персидскаго двора, научился смотрѣть дальше своихъ соотечественниковъ умственными очами.

„Здѣсь, говорилъ онъ Ермолову:—сидя у окна, восхищался я нѣкогда богатствомъ прекраснѣйшей долины, простиравшейся къ Араксу; она была покрыта обширными садами и лѣсомъ, и многолюдное населеніе оживляло ее. Теперь, сказываютъ мнѣ, она обращена въ пустыню, и нѣтъ слѣдовъ прежняго ея богатства. Мысль о семъ уменьшаетъ горесть, что я лишенъ зрѣнія, и я нерѣдко благодарю судьбу, что она закрыла мои глаза на разоренія земли, которая въ продолженіе трехъ вѣковъ блаженствовала подъ управленіемъ моихъ предковъ. Междоусобныя войны и прохожденія армій Шахъ-Надира вносили въ мою несчастную землю опустошенія, и каждый шагъ сего завоевателя ознаменованъ былъ бѣдствіями народовъ. Не такъ давно здѣсь были и русскія войска, но они не заставили проливать слезъ въ землѣ нашей,—и зломъ не вспоминаютъ о нихъ соотечественники мои. Теперь вы, посолъ сильнѣйшаго государя въ мірѣ, удостоиваете меня вашей пріязнью и, не пренебрегая бѣднымъ жилищемъ моимъ, позволяете принять себя, какъ друга. Не измѣните тѣхъ же чувствъ благорасположенія, господинъ посолъ, когда неопреодолимыя войска государя вашего войдутъ побѣдителями въ страну сію. Хотя приближаюсь я къ старости, но еще не сокрушитъ она силъ моихъ, и послѣд-

ніе дни жизни моей успокою я подъ сильной защитою вашего оружія. Нѣкоторое предчувствіе меня въ томъ увѣряетъ... Я знаю персіянъ, и потому не полагаюсь на прочность дружбы, которую вы утвердить столько старались. Я не сомнѣваюсь, что или они нарушатъ дружбу своимъ вѣроломствомъ, или васъ заставятъ нарушить ее, вызывая къ отмщенію вѣроломства"...

Возмущаясь на каждомъ шагу зрѣлищами, которыя оскорбляли въ немъ его человѣческія чувства, Ермоловъ нетерпѣливо торопился оставить Персію, и 2 октября посольство было уже на русской границѣ. Здѣсь его встрѣтила команда донскихъ казаковъ, высланная въ конвой, а вскорѣ показалось на возвышеніи и развѣвающееся знамя храбрыхъ русскихъ войскъ. „Удовольствіе мое, говоритъ объ этой минутѣ Ермоловъ:—было свыше всякаго выраженія, и теперь не вспоминаю о томъ равнодушно. Далеки были отъ меня горделивыя помышленія, что я начальствую въ странахъ сихъ, что мнѣ повинуются страшныя сіи войска. Я сталъ бы въ рядахъ сихъ храбрыхъ воиновъ, и товарищемъ ихъ нашелъ бы я удовлетвореніе своей гордости. Никогда не разлучно со мною чувство, что я россіянинъ".

Ермоловъ вынесъ изъ Персіи ненависть къ этой странѣ, столь чуждой ему по духу.

„Тебѣ, Персія,—обращается онъ къ ней:—не дерзающая расторгнуть оковы поноснѣйшаго рабства, которыя налагаетъ ненасытная власть, никакихъ предѣловъ не признающая, гдѣ подлыя свойства народа уничтожаютъ достоинство человѣка и отъемлютъ познаніе правъ его, гдѣ обязанности каждаго истолковываются раболѣпнымъ угожденіемъ властителю, гдѣ самая вѣра научаетъ злодѣяніямъ и дѣла добрыя не получаютъ возмездія—тебѣ посвящаю я ненависть мою, и отягчая проклятіемъ, прорицаю паденіе твое".

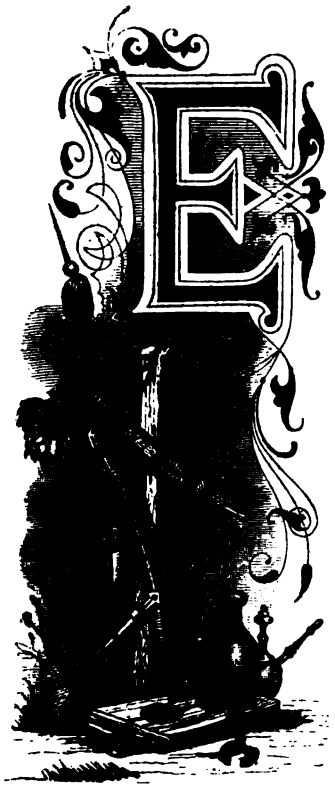
Такъ заканчиваются записки Ермолова о Персіи.

Но думалъ ли тогда Ермоловъ, говоритъ Берже въ своей монографіи о посольствѣ Ермолова въ Персію, —что именно то государство, надъ которымъ онъ произноситъ суровый приговоръ свой, прежде чѣмъ распасться самому, подготовитъ его собственную гибель?...

Ермолову, дѣйствительно, предстояло въ туманномъ будущемъ роковое столкновеніе съ Персіей, тяжко отозвавшееся на его личной судьбѣ.

III.

Плѣнъ Швецова.



Едва вступилъ Ермоловъ на кавказскую почву, какъ ему представился случай рельефно выказать свой взглядъ на то, каковы должны быть отношенія русскихъ начальниковъ къ горскимъ народамъ. Проѣзжая черезъ Георгіевскъ въ Тифлисъ, онъ остановилъ свое вниманіе между прочимъ на одномъ обстоятельствѣ, не имѣвшемъ обще-государственнаго интереса, и тѣмъ не менѣе заинтересовавшемъ тогда всю военную Россію. Дѣло шло, именно, о выкупѣ изъ плѣна русскаго офицера, и Ермоловъ далъ сразу поразившій всѣхъ примѣръ той твердости, которая не могла не повести къ счастливымъ результатамъ.

6-го февраля 1816 года проѣзжалъ по дорогѣ въ Кизляръ изъ Казіюрта маіоръ Грузинскаго гренадерскаго полка Павелъ Швецовъ, одинъ изъ лучшихъ боевыхъ офицеровъ Кавказскаго корпуса, любимый ученикъ Котляревскаго, сподвижникъ славныхъ его дѣлъ подъ Мигри, Ахалкалаки, Асландузомъ и Ленкоранью. Швецовъ ѣхалъ изъ Шемахи въ отпускъ, повидаться съ родными; и чтобы сократить путь, направился не обыкновенною военно-грузинскою

дорогою, а на Кубу и Дербентъ, разсчитывая черезъ Дагестанскія владѣнія скорѣе пробраться на Терекъ, въ Кизляръ, гдѣ одинъ изъ его старшихъ братьевъ былъ полицеймейстеромъ.

Пріѣхавъ въ Казіюртъ вечеромъ 5-го февраля, Швецовъ просилъ воинскаго начальника укрѣпленія, штабсъ-капитана Прошкова, снабдить его конвоемъ. Прошковъ резонно отвѣчалъ, что на посту находится только одна рота пѣхоты и 25 казаковъ, что они не имѣютъ назначенія конвоировать проѣзжающихъ и что, наконецъ, за безопасность пути между Дербентомъ и Кизляромъ отвѣчаютъ тѣ горскіе владѣльцы, которымъ принадлежатъ попутныя земли. Во всякомъ случаѣ, по его мнѣнію, было бы гораздо благоразумнѣе пробыть въ Казіюртѣ день или два, чтобы дождаться оказіи, которая пойдетъ отсюда до карантинной заставы. Швецовъ отвѣчалъ, что ему нельзя терять времени, и обратился съ просьбой о конвоѣ къ одному изъ кумыкскихъ князей, Шефи-Беку. Тотъ прислалъ сына съ четырьмя узденями, собралось еще нѣсколько жителей, и составившійся такимъ образомъ отрядъ изъ 19 человѣкъ верховыхъ, не считая самого Швецова, выѣхалъ изъ Казіюрта.

До Лащуринскаго карантина доѣхали благополучно; миновали еще восемь, девять верстъ, и дорога пошла густымъ камышемъ, простирающимся до самаго Терека. Уже до Кизляра оставалось верстъ шесть, когда изъ придорожнаго кустарника вдругъ грянулъ залпъ, и партія, человѣкъ въ пятьдесятъ конныхъ, сидѣвшая въ засадѣ, съ гикомъ ринулась на путниковъ. Лошадь подъ Швецовымъ была убита: онъ упалъ вмѣстѣ съ нею, и едва вскочилъ на ноги, какъ на него уже напала цѣлая толпа чеченцовъ. Отчаяніе, однако, придало ему и силы и мужества; онъ выхватилъ шашку и сталъ защищаться. Трое чеченцевъ были изрублены, остальные отпрянули. Только тогда, оглянувшись кругомъ, Швецовъ увидѣлъ, что остался одинъ. Изъ 19 спутниковъ его, трое, спасшіеся какимъ-то чудомъ, успѣли ускакать въ Кизляръ, 11 лежали убитыми и трое—тяжело изранеными; оба деньщика Швецова были взяты въ плѣнъ; вьюки — разграблены. Швецовъ не могъ не сознавать отчаянности своего положенія, и тѣмъ не ме-

нѣе, привычный къ опасностямъ, онъ быстро составилъ планъ обороны, разсчитывая продержаться хоть съ полчаса, чтобы дать время прискакать казакамъ изъ Кизляра. А на линіи уже шла тревога, и глухіе удары пушечныхъ выстрѣловъ доносились по вѣтру. Чеченцамъ также медлить было нельзя. И вотъ, пока они, столпившись въ кучу, старались выманить послѣдній выстрѣлъ со стороны Швецова, и когда все вниманіе послѣдняго было обращено именно на то, что дѣлалось у него передъ глазами, одинъ изъ чеченцевъ, скрытно, какъ змѣя, проползъ ему въ тылъ и внезапнымъ ударомъ сзади по головѣ повергъ Швецова на землю. Тогда чеченцы толпою набросились на раненаго, скрутили его арканами и взбросили на лошадь. Теперь имъ оставалось только избѣгнуть погони, и партія, чтобы запутать свой слѣдъ, пустилась не прямо къ горамъ, а камышами къ Каспійскому морю.

Погоня между тѣмъ уже неслась изъ Кизляра. Трое татаръ, прискакавши въ городъ, подняли тамъ тревогу, и старшій братъ Швецова, быстро собравъ до 50 конныхъ ногайцевъ, поспѣшилъ съ ними на мѣсто происшествія, чтобы оттуда начать преслѣдованіе. По дорогѣ, отъ раненыхъ, уже подобранныхъ жителями, Швецовъ узналъ, что братъ его живъ, но въ плѣну, а далѣе ему указали и направленіе партіи. Онъ тотчасъ обрѣзалъ слѣдъ и понесся на перерѣзъ хищникамъ.

Тогда уже и капитанъ Прошковъ со своими казаками, и самъ владѣлецъ Шефи-Бекъ, и сосѣдніе кумыкскіе князья также отправились въ погоню за партіей. Но пока они искали ее въ камышахъ, по берегу моря, Швецовъ уже напалъ на слѣдъ и преслѣдовалъ партію до самой ночи. И она, наконецъ, была настигнута. Хищники, въ свою очередь увидѣвши, что имъ не уйти безъ боя— остановились. Съ ихъ стороны выѣхалъ парламентеръ, а между тѣмъ они вывели впередъ и плѣннаго Швецова, по бокамъ котораго стали двое чеченцевъ съ обнаженными кинжалами. Парламентеръ объявилъ, что если чеченцевъ не пропустятъ, они будутъ драться до послѣдняго человѣка, но что первою жертвою неминуемо сдѣлается плѣнный, котораго зарѣжутъ, чтобы никто не осмѣлился послѣ сказать, что татары отбили у нихъ добычу. Не-

счастный плѣнникъ, хорошо сознавая свое положеніе, самъ просилъ брата не домогаться его освобожденія, положившись съ полнымъ упованіемъ на милосердіе Божіе. Волею-неволею пришлось покориться обстоятельствамъ; условія были заключены, и чеченцы, отпустивъ одного изъ плѣнныхъ денщиковъ, спокойно потянулись въ горы.

Нѣсколько дней путешествія—и горцы достигли наконецъ аула Большіе-Атаги. По обычаю своей родины, они еще издали возвѣстили объ удачномъ набѣгѣ ружейною пальбою и этимъ вызвали изъ саклей навстрѣчу къ себѣ все, что только могло участвовать въ общей народной радости. И старые и молодые тѣснились около смѣлыхъ наѣздниковъ и разсматривали плѣннаго. Находились фанатики, подбѣгавшіе къ нему только за тѣмъ, чтобы нанести оскорбленіе,—плюнуть ему въ лицо, ударить камнемъ или, вынувъ кинжалъ, показать, съ какимъ удовольствіемъ они, если бы можно, изрѣзали его на части. Ихъ безъ церемоніи, однако, отгоняли нагайками, и плѣннаго бережно доставили въ домъ къ одному изъ почетнѣйшихъ стариковъ аула. Здѣсь его посадили въ какую-то тѣсную каморку, набили на него кандалы и, протянувъ тяжелую цѣпь сквозь стѣну въ смежное отдѣленіе сакли, приставили караульныхъ. Вѣроятно, чеченцы принимали Швецова за лицо весьма значительное; по крайней мѣрѣ, вопреки обыкновенію замѣнять одежду плѣнника рубищемъ, они оставили на Швецовѣ мундиръ и даже не коснулись до бывшихъ на немъ орденовъ. Въ такомъ положеніи плѣнный оставался около двухъ мѣсяцевъ. Чеченцы, не видя со стороны его никакихъ попытокъ къ побѣгу, ослабили цѣпь, стали его лучше кормить и, наконецъ, позволили писать къ роднымъ и хлопотать о выкупѣ, назначивъ цѣну—десять арбъ серебряною монетою.

Случилось, что въ это самое время родственники Швецова, кабардинскіе князья, собрали до полутораста человѣкъ отчаянныхъ головорѣзовъ и скрытно отправились въ Чечню съ тѣмъ, чтобы или выкрасть плѣннаго или отбить его оружіемъ. Попытка эта не имѣла успѣха и лишь жестоко ухудшила положеніе узника. Чеченцы узнали, что въ окрестныхъ лѣсахъ скрывается партія

кабардинцевъ, и догадались въ чемъ дѣло. Тогда они вырыли яму глубиною до четырехъ аршинъ, вкопали въ нее толстый столбъ, и Швецова, скованнаго опять по рукамъ и ногамъ, спустили на веревкахъ въ это подземелье, тамъ приковали его къ столбу и бросили для подстилки ему пукъ гнилой соломы. Верхъ ямы они задѣлали толстыми досками, оставивъ одно небольшое отверстіе для воздуха. Въ этомъ ужасномъ жилищѣ страдалецъ долженъ былъ провести годъ и четыре мѣсяца.

Письмо Швецова, посланное съ его денщикомъ, между тѣмъ получено было на линіи. Генералъ Дельпоццо тотчасъ сообщилъ объ этомъ матери Швецова, но просилъ ее ничего не писать къ сыну о намѣреніи правительства выкупить его изъ плѣна, разсчитывая сбить чеченцевъ съ требуемой суммы. Чеченцы, дѣйствительно, сбавили цѣну и, вмѣсто десяти арбъ серебра, стали требовать 250 тысячъ рублей. Такой огромной суммы, конечно, взять было неоткуда. Тогда въ судьбѣ несчастнаго принялъ горячее участіе израненный герой Ленкорани, Петръ Степановичъ Котляревскій. Онъ написалъ письмо къ своему доброму пріятелю, контръ-адмиралу Головину, и два благородные товарища, знавшіе Швецова съ давнихъ поръ, сдѣлали черезъ газеты воззваніе къ русскому обществу. По всей Россіи открыта была подписка для сбора посильныхъ приношеній, и Котляревскій и Головинъ были первыми вкладчиками въ эту священную сумму. Благородный призывъ ихъ нашелъ отголосокъ во всѣхъ слояхъ общества, и даже простые солдаты, не хотѣвшіе отстать въ этомъ общемъ единодушномъ движеніи, несли свои лепты; такъ, нижніе чины бывшаго корпуса графа Воронцова, стоявшаго во Франціи, сдѣлали между собою постановленіе: отдавать на выкупъ Швецова половину своего третного жалованья. Всѣ пожертвованія собирались въ одну общую кассу и скоро достигли весьма значительной цифры.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда на Кавказъ явился Ермоловъ. Торопясь въ Тифлисъ и въ Персію, онъ лично не могъ хлопотать объ освобожденіи плѣннаго; и тѣмъ не менѣе онъ круто повернулъ дѣло къ благополучному исходу. „Честью отвѣ-

чаю вамъ, писалъ онъ собственноручно къ матери Швецова:—что заступающему мое мѣсто поставлено будетъ въ особую обязанность обратить вниманіе на участь сына вашего, и онъ столько же усердно будетъ о томъ заботиться, какъ и я самъ. Насъ всѣхъ должна побуждать къ тому обязанность пещись объ участи товарищей по службѣ". И, выѣзжая изъ Георгіевска, онъ, дѣйствительно, приказалъ генералу Дельпоццо вызвать всѣхъ кумыкскихъ князей и владѣльцевъ, черезъ земли которыхъ провезенъ былъ Швецовъ, заключить ихъ въ кизлярскую крѣпость и объявить, что если черезъ десять дней они не изыщутъ средства къ освобожденію Швецова, то всѣ, въ числѣ 18 человѣкъ, будутъ повѣшены на крѣпостномъ бастіонѣ.

Такая рѣшительная мѣра заставила арестованныхъ подумать о спасеніи уже собственной жизни, и они скоро успѣли склонить горцевъ понизить сумму выкупа до 10 тысячъ рублей. Но Ермоловъ не хотѣлъ платить и этихъ денегъ отъ имени русскаго правительства; онъ вступилъ въ секретные переговоры съ аварскимъ ханомъ, „съ другомъ всѣхъ мошенниковъ", какъ называетъ его самъ Ермоловъ,—и устроилъ дѣло такъ, чтобы тотъ велъ переговоры отъ собственнаго лица и предложилъ на выкупъ собственныя деньги. Пока дѣло улаживалось, Ермоловъ все время держался въ сторонѣ, и только тогда, когда Швецовъ уже былъ на свободѣ, онъ, какъ бы въ видѣ особой милости, приказалъ возвратить аварскому хану истраченную имъ сумму. Такимъ образомъ только энергіи Ермолова и обязано было это тяжелое дѣло скорымъ окончаніемъ.

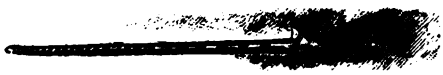
Между тѣмъ несчастный узникъ томился, ничего не зная о мѣрахъ правительства къ его освобожденію. Прошло болѣе года, какъ онъ не получалъ никакихъ извѣстій, и надежда на лучшіе дни уже угасала въ страдальческой душѣ его. Но вотъ, однажды, когда въ аулѣ только что пропѣли первые пѣтухи, онъ былъ разбуженъ необычайнымъ шумомъ и понялъ, что доски, которыми наглухо была задѣлана яма, срываютъ. Приливъ свѣжаго воздуха въ невыносимый смрадъ темницы повергъ несчастнаго въ безпамятство. Потомъ его вытащили изъ ямы, сняли съ него оковы,

крѣпко завязали ему глаза, посадили на лошадь и отправились въ путь. Ѣхали всѣ въ глубокомъ молчаніи. Швецову всего естественнѣе было предполагать, что наступаютъ послѣднія минуты его жизни и что скоро ему придется предстать на позорное мѣсто передъ собравшимся чеченскимъ народомъ. Конецъ былъ извѣстенъ. По обычаю страны, его привяжутъ къ дереву, и каждый изъ присутствующихъ на этомъ судѣ будетъ наносить обреченной жертвѣ не смертельные, но мучительные удары ножомъ, пока, наконецъ, не потухнетъ послѣдняя искра жизни въ несчастномъ мученикѣ. Но вотъ послышался какой-то шумъ; поѣздъ остановился. Швецова сняли съ сѣдла и поставили среди дороги, не развязывая глазъ. Несчастный слышалъ только, какъ чеченцы вдругъ поскакали назадъ и какъ постепенно вдали замиралъ топотъ ихъ лошадей; но онъ былъ такъ измученъ, что не могъ сообразить причины ихъ отъѣзда... И вотъ опять новый шумъ, новыя восклицанія!.. Со всѣхъ сторонъ бѣгутъ къ нему люди; съ глазъ его срываютъ повязку—и онъ видитъ русскихъ. Это былъ сильный отрядъ съ орудіями, высланный на границу Чечни для принятія плѣннаго. Впечатлѣніе неожиданной свободы было такъ сильно, что нервный припадокъ помутилъ умъ несчастнаго. Искусство медиковъ, попеченіе родныхъ и товарищей скоро возвратили ему разсудокъ, но глубокіе слѣды отъ тяжкихъ оковъ на опухшихъ ногахъ всю жизнь напоминали ему о пережитыхъ страданіяхъ.

Возвратившись изъ Персіи, Ермоловъ обратилъ на освобожденнаго плѣнника особенное вниманіе, и черезъ два, три года Швецовъ, послѣ ряда блистательныхъ подвиговъ, оказанныхъ имъ въ Чечнѣ и Дагестанѣ, уже получилъ въ командованіе Куринскій полкъ, расположенный тогда въ Дербентѣ. Будущность улыбалась Швецову, но судьба судила иначе. Въ Дербентѣ онъ заболѣлъ горячкой и въ 1822 году скончался, искренно оплаканный товарищами.

Передавая эту грустную повѣсть, родной братъ Швецова, также служившій на Кавказѣ и извѣстный своимъ сочиненіемъ: „о горскихъ народахъ“, говоритъ, между прочимъ, что и въ послѣднемъ убѣжищѣ праху брата его не суждено было спокойствіе,

Извѣстный на Кавказѣ Амалатъ-Бекъ, добивавшійся руки не менѣе извѣстной Солтанеты, дочери аварскаго хана, по требованію послѣдняго измѣннически убилъ полковника Верховскаго, друга Швецова и его преемника по командованію Куринскимъ полкомъ. И Верховскій и Швецовъ были похоронены рядомъ. Случилось однако, что аварскій ханъ потребовалъ отъ Амалата головы врага, въ доказательство, что тотъ дѣйствительно убитъ, и Амалатъ отправился за нею къ Дербенту. Татаринъ, жившій близъ города, взялся указать ему ночью на кладбищѣ могилу Верховскаго; но второпяхъ, несмотря на полный свѣтъ луны, они ошиблись мѣстомъ, разрыли могилу Швецова и, вытащивъ трупъ, отрубили у него голову и руки. Съ этою кровавою добычей явился Амалатъ къ аварскому хану, но нашелъ его на смертномъ одрѣ. Ханъ умеръ, а кости Швецова были выброшены и остались навѣки въ чуждой землѣ, лишенными мѣста успокоенія.



IV.

Чечня.

Чечнею называется обширная страна, расположенная въ неопредѣленныхъ границахъ, которыя приблизительно совпадаютъ: на сѣверѣ съ Терекомъ и Качкалыковскимъ горнымъ кряжемъ, отдѣляющимъ ее отъ Кумыкской степи; на востокѣ съ рѣкою Акташемъ, за которою начинается уже собственно Дагестанъ; на югѣ съ Андійскимъ и главнымъ Кавказскимъ хребтами, и на западѣ— съ верхнимъ теченіемъ Терека и Малой Кабардою, представляющей собой по населенію уже получеченскій, полукабардинскій край.

Эта малодоступная страна лежала первою на пути распространенія русскаго владычества не потому только, что она приходилась ближайшею къ русскимъ владѣніямъ, съ которыми не могла не сталкиваться постоянно. Главнѣйшее значеніе ея было въ томъ, что она, съ своими богатыми горными пастбищами, съ дремучими лѣсами, посреди которыхъ издавна раскидывались роскошные оазисы воздѣланныхъ полей, съ равнинами, орошенными множе-

ствомъ рѣкъ и покрытыми богатою растительностью всякаго рода,— была житницею безплоднаго каменистаго Дагестана. И только покоривъ Чечню, можно было разсчитывать принудить къ покорности и мирной гражданственной жизни горные народы восточной полосы Кавказа. Но ничего не было труднѣе, какъ подчинить какой либо власти не столько полудикій чеченскій народъ, какъ дикую природу Чечни, въ которой населеніе находило себѣ непреодолимую защиту. И первыя попытки русскихъ посягнуть на нее и проникнуть внутрь страны,—экспедиція Пьери при графѣ Павлѣ Потемкинѣ и булгаковскій штурмъ Ханкальскаго ущелья,—разрѣшились кровопролитнѣйшими эпизодами, а послѣ Булгакова больше уже не возобновлялись. И природа и люди Чечни стояли крѣпко на стражѣ своей независимости.

Топографически Чечня распадается на двѣ весьма отличныя другъ отъ друга части, южную—нагорную и сѣверную—плоскую, обѣ одинаково покрытыя вѣковыми лѣсами.

Собственно настоящая лѣсистая Чечня начинается, впрочемъ, только за Сунжею; въ пространствѣ же отъ Терека и вплоть до Сунжи, въ обширномъ треугольникѣ, образуемомъ этими рѣками и перерѣзанномъ параллельно Тереку двумя невысокими горными кряжами, раскинулась степная глушь, все орошеніе которой ограничивается лишь нѣсколькими минеральными, преимущественно теплыми ключами. Край этотъ почти необитаемъ, и чеченскіе аулы встрѣчались, ко времени Ермолова, только по его окраинамъ: по правому берегу Терека и лѣвому Сунжи.

Но за Сунжею уже прямо начинаются безгранично господствующіе лѣса. Равнина, питающая ихъ, слегка покатая отъ горъ къ сѣверу, орошается многочисленными и многоводными, почти параллельными притоками Сунжи, изъ которыхъ быстрая Гойта дѣлитъ всю мѣстность на двѣ почти равныя части, извѣстныя подъ именемъ Большой (восточной) и Малой (западной) Чечни. Здѣсь-то, среди лѣсовъ, въ которыхъ огромные чинары, дубы, клены и особенно орѣшникъ, перевитые дикимъ виноградомъ и другими вьющимися и цѣпкими растеніями, образуютъ непроходимыя дебри,— по преимуществу и лежатъ обширныя, прекрасно обработанныя

поляны и тучные луга, дѣлавшіе Чечню житницею восточнаго нагорнаго Кавказа. Но здѣсь же, главнымъ образомъ, въ этой лѣсистой Чечнѣ, шла и суровая борьба свободныхъ горскихъ племенъ съ сѣвернымъ колоссомъ; тутъ, что ни шагъ, то слѣдъ битвы, что ни рѣка или аулъ, то историческое имя, связанное съ кровавымъ эпизодомъ и памятное часто не одному Кавказу; тутъ лежатъ аулы Герменчугъ, Шали, Маюртупъ, Большіе и Малые Атаги, Урусъ-Мартанъ, Алды, Чеченъ, Бѣлготой и другіе; тутъ несутъ свои волны Фортянга, Рошня, Гойта, Геха, и быстрый Аргунъ и воспѣтый Лермонтовымъ Валерикъ, и много другихъ, оставившихъ неизгладимые слѣды въ памяти старыхъ кавказцевъ.

Непрерывныя усилія Россіи нынѣ отняли у лѣсистой засунженской Чечни ея неприступный характеръ; широкія просѣки даютъ возможность проникать повсюду, и нѣтъ болѣе недоступныхъ ауловъ. Но южная, нагорная Чечня, бывшая ареною борьбы гораздо позже, уже въ послѣднія времена кавказскаго завоеванія, и теперь еще сохраняетъ свою вѣковую физіономію. Попрежнему вершины и склоны горъ ея одинаково закутаны вѣковыми, корабельными, лиственными лѣсами, давшими этимъ чеченскимъ возвышенностямъ имя Черныхъ горъ, въ противоположность горамъ главнаго Кавказскаго и Андійскаго хребтовъ, постоянно одѣтыхъ бѣлою пеленою снѣга. И горные лѣса эти, прорѣзываемые могучими горными потоками, почти до послѣднихъ дней борьбы служили для чеченцевъ естественной крѣпостью, изъ которой они дѣлали свои буйныя вылазки и куда запирались каждый разъ, какъ русскія войска выгоняли ихъ изъ лѣсовъ Чеченской плоскости, составлявшихъ для нихъ какъ бы передовыя укрѣпленія.

Среди этой-то суровой природы жило оригинальное племя, воспитанное вѣковою борьбою съ внѣшними врагами и закаленное внутренними междоусобіями.

Чеченцевъ обыкновенно дѣлятъ на множество группъ, или обществъ, давая имъ имя отъ рѣкъ и горъ, на которыхъ они обитали, или отъ значительныхъ ауловъ, обнаруживавшихъ вліяніе на другіе. Таковы Алдинцы, Атагинцы, Назрановцы, Карабулаки, Джерахи, Галгаевцы, Мичиковцы, Качкалыковцы, Ичкеринцы, Ау-

ховцы и проч., и проч. Но это раздѣленіе чеченскаго народа на множество отдѣльныхъ родовъ сдѣлано однакоже русскими и, въ строгомъ смыслѣ, имѣетъ значеніе только для нихъ же. Туземцамъ оно совершенно неизвѣстно. Чеченцы сами себя называютъ „Нахче", т. е. народъ, и названіе это относится одинаково ко всѣмъ племенамъ и поколѣніямъ, говорящимъ на чеченскомъ языкѣ и его нарѣчіяхъ.

Происхожденіе и исторія чеченскаго народа, какъ и большей части кавказскихъ племенъ, теряются въ туманѣ прошлаго. Достовѣрныхъ историческихъ данныхъ объ этомъ нѣтъ, а народныя преданія поражаютъ своею необычайною бѣдностью и ординарностью. Еще о происхожденіи народа сохранились кое-какія сказанія; но о томъ, какъ народъ этотъ росъ и развивался, какова была его дальнѣйшая судьба до появленія на Кавказѣ русскихъ,— обо всемъ этомъ, вмѣсто цѣльныхъ легендъ эпическаго характера, встрѣчаемыхъ у другихъ народовъ, чеченцы сохранили лишь жалкіе обрывки преданій безъ именъ и безъ характеристическихъ особенностей мѣста и времени, и притомъ всѣ эти преданія касаются только средней, засунженской Чечни.

Старики чеченцы, именно, разскажутъ вамъ, что въ дремучихъ, непроходимыхъ лѣсахъ богатой плоскости, простирающейся отъ сѣвернаго склона дагестанскихъ горъ до Сунжи, еще не такъ давно рыскали только дикіе звѣри и совершенно не встрѣчалось слѣдовъ человѣческаго существованія. Лишь назадъ тому не болѣе двухсотъ пятидесяти лѣтъ, на эту плоскость спустилось съ горъ Ичкеріи нѣсколько горскихъ семей и, слѣдуя по теченію водъ, поселилось въ нынѣшней лѣсистой Чечнѣ, на плодородной почвѣ по Аргуну, Гойтѣ, Гехѣ и другимъ притокамъ Сунжи. Родоначальникомъ этихъ выходцевъ одно изъ преданій называетъ нѣкоего Али-Араба, уроженца Дамаска. Преступленія, совершонныя имъ на родинѣ, заставили его бѣжать въ кавказскія горы; онъ поселился въ верховьяхъ Ассы, у Галгаевцевъ, женился тамъ, а ловкость, смѣтливость и восточное краснорѣчіе араба создали ему между жителями горъ почетное положеніе. Сынъ его, Начхоо, отличался необыкновенною силой и неустрашимостью, за что и получилъ

названіе Турпаль (богатырь), а внуки, носившіе уже одно общее имя Нахче и какимъ-то образомъ очутившіеся далеко отъ территоріи Галгаевцевъ, на другомъ краѣ нагорной Чечни,—вслѣдствіе семейныхъ раздоровъ, раздѣлились между собой и, выйдя изъ Ичкеріи, положили начало племени, которое, принимая къ себѣ различныхъ выходцевъ, постепенно размножилось до значительнаго народа. Чеченцы и понынѣ считаютъ Ичкерію своею колыбелью и знаютъ имя Начхоо, какъ имя своего родоначальника. Вотъ что говоритъ объ этомъ старинная чеченская пѣсня:

„Не охотно приближаемся къ старости, не охотно удаляемся отъ молодости. Не хотите ли, добрые молодцы, храбрые потомки Турпаля Начхоо, я спою вамъ нашу родную пѣсню. Какъ отъ удара шашки о кремень сыплются искры, такъ и мы явились отъ Турпаля Начхоо. Родились мы въ ту ночь, когда щенилась волчица; имена намъ даны были въ то утро, когда голодный барсъ ревомъ своимъ будилъ уснувшія окрестности. Вотъ мы кто—потомки Турпаля Начхоо“.

Укрытые отъ хищныхъ сосѣдей вѣковыми лѣсами и быстрыми горными рѣчками, чеченцы долго жили спокойно и мирно, пока хищные кумыки, начавшіе распространяться по Сулаку и Аксаю, не встрѣтились съ ними на Мичикѣ. Тогда и кумыки, а вслѣдъ за ними ногайцы и кабардинцы — народы искони воинственные, провѣдавъ о богатыхъ сосѣдяхъ, сдѣлали ихъ предметомъ своихъ постоянныхъ кровавыхъ нападеній и грабежей. Эти-то тяжкія обстоятельства, вѣчная необходимость защиты и отпора, по преданію, быстро измѣнили характеръ чеченцевъ и сдѣлали пастушеское племя самымъ суровымъ и воинственнымъ народомъ изъ всѣхъ племенъ, обитавшихъ тогда на Кавказѣ.

Въ теченіе долгаго времени чеченцы не умѣли находить мѣръ и средствъ для своей защиты, и долго набѣгъ въ Чечню былъ настоящимъ праздникомъ для удалыхъ наѣздниковъ; добыча тамъ была богатая и почти всегда вѣрная, а опасности мало, потому что въ Чечнѣ жилъ народъ, не знавшій ни единства, ни порядка. Бѣдствія заставили, наконецъ, чеченцевъ понять весь вредъ разъеди-

ненія и подсказали имъ средство завести порядокъ: они рѣшили сообща призвать къ себѣ сильнаго, храбраго князя и вручить ему власть надъ всею, разрозненною до того, землей. Депутація отъ чеченцевъ отправилась въ Гумбетъ; и вскорѣ явилась изъ горъ славная семья дагестанскихъ князей Турловыхъ,—многочисленная дружина которыхъ была всегда готова столько же идти за ними въ битву, сколько, по первому знаку ихъ, заглушить сѣмена бунта и неповиновенія въ самой Чечнѣ. Власть Турловыхъ скоро окрѣпла и принесла странѣ благодѣтельные плоды. Чеченцы, подчиненные одному княжескому дому, тогда впервые сознали свое народное единство и сплотились на долгое время въ нѣчто цѣлое. Когда князья выѣзжали на тревогу, жители, ограничивавшіеся прежде защитою лишь своего родного аула, теперь должны были слѣдовать за ними и принимать дѣятельное участіе въ защитѣ общенародной. Страна отдохнула подъ управленіемъ князей и разбогатѣла. Но возникшее сознаніе собственной силы вызвало уже среди самихъ чеченцевъ хищническіе инстинкты, и, не довольствуясь обороной, партіи смѣльчаковъ ихъ стали вторгаться къ сосѣдямъ и опустошать ихъ земли. И скоро кумыки и кабардинцы перестали презирать чеченцевъ, а калмыки и ногайцы стали ихъ бояться.

Къ этому періоду чеченской исторіи относится сохранившееся въ народѣ преданіе о нашествіи на нихъ тавлинцевъ, подъ именемъ которыхъ разумѣлись жители сосѣдней съ ними Горной Чечни. Эти бывшіе одноплеменники, завидуя ихъ благосостоянію, огромнымъ скопищемъ спустились къ нимъ за добычею. Они вышли на равнину изъ Аргунскаго ущелья, гдѣ нынѣ крѣпость Воздвиженская, и направились къ ущелью Ханъ-Кальскому. Чеченцы не препятствовали ихъ движенію впередъ, показывая видъ, что спѣшатъ укрыть въ лѣса семейства и имущество; но то была только хитрость, позволившая имъ обойти врага и занять позицію въ тылу его, у входа въ Аргунское ущелье. Тавлинцы, видя, что имъ заграждено отступленіе, пытались пробиться назадъ, но мгновенно были окружены и разсѣяны, при чемъ большая половина ихъ истреблена. Съ тѣхъ поръ у чеченцевъ сложилась поговорка, которая и понынѣ служитъ памятникомъ этой кровопролитной битвы.

Чтобы вызвать представленіе объ огромномъ количествѣ ничего не стоющихъ вещей, они говорятъ: «это дешевле, чѣмъ тавлинскія папахи на Аргунѣ». Преданіе, утратившее точность относительно времени, причисляетъ это событіе къ эпохѣ, когда минуло сто лѣтъ послѣ выхода чеченцевъ изъ горъ.

Имя князей Турловыхъ долгое время пользовалось въ странѣ общимъ уваженіемъ. Но по мѣрѣ того, какъ силы чеченцевъ росли, въ нихъ возставалъ и прежній духъ необузданной вольности. Скоро княжеская власть стала казаться имъ уже тяжелымъ ярмомъ,— и Турловы были изгнаны. Они удалились, впрочемъ, лишь въ надтеречные чеченскіе аулы и тамъ долго еще пользовались правами княжеской власти, а чеченцы, обитавшіе за Сунжей, упрочивъ за собою занятыя земли, возвратились къ своему старинному быту.

На этой стадіи развитія политическаго и общественнаго быта застали чеченцевъ русскіе. Они нашли въ нихъ упорнаго, неукротимаго врага, котораго и физическія силы, и чисто демократическіе обычаи, и весь образъ жизни, словомъ, дышали войной и волей.

Чеченецъ красивъ и силенъ. Высокаго роста, стройный, съ рѣзкими чертами лица и быстрымъ рѣшительнымъ взглядомъ, онъ поражаетъ своею подвижностью, проворствомъ, ловкостью. Одѣтый просто, безъ всякихъ затѣй, онъ щеголяетъ исключительно оружіемъ, соревнуя въ этомъ отношеніи съ кабардинцами, и носитъ его съ тѣмъ особеннымъ шикомъ, который сразу бросается въ глаза казаку или горцу.

По характеру чеченецъ имѣетъ много общаго съ другими горными племенами Кавказа; онъ также вспыльчивъ, неукротимъ и легко переходитъ отъ одного впечатлѣнія къ другому; но въ его характерѣ нѣтъ той благородной открытости, которая составляетъ характерную черту, напримѣръ, кровнаго кабардинца; они коварны, мстительны, вѣроломны и въ минуты увлеченія опасны даже для друга.

Собственно военныя способности народа были не велики; но этотъ недостатокъ съ лихвою вознаграждался у него необыкно-

венною личною храбростію, доходившей до полнаго забвенія опасности. И въ пѣсняхъ чеченской женщины съ особенною яркостью отражается этотъ дерзкій, предпріимчивый, разбойничій духъ чеченскаго наѣздника:

„Я положу (поетъ она) руку подъ голову моему молодцу-храбрецу.

„Онъ среди ночи, на вороном конѣ, не разбирая броду, переплываетъ Терекъ.

„Вотъ онъ подъѣхалъ къ казацкой станицѣ, — перепрыгнулъ ограду!

„Вотъ онъ схватилъ курчаваго мальчугана; вотъ онъ увозитъ мальчугана.

„Смотрите, подруги: вонъ толпа казаковъ гонится за моимъ молодцомъ-храбрецомъ.

„И пыль и дымъ отъ выстрѣломъ затемняютъ звѣздочки,— ничего не видно.

„Вотъ настигаютъ моего молодца-храбреца. Вотъ онъ выхватилъ изъ чехла свое крымское ружье;

„Вотъ онъ повалилъ одного казака; вотъ другая казачья лошадь скачетъ безъ всадника.

„О, Аллахъ! мой молодецъ-храбрецъ раненъ, кровь течетъ по его рукѣ.

„Ахъ, какая радость, какое счастіе! я буду ухаживать за моимъ молодцомъ-храбрецомъ, перевязывать буду рану моимъ шелковымъ рукавомъ.

„Мой храбрецъ-молодецъ продастъ мальчугана въ Эндери, въ Дагестанъ, и привезетъ мнѣ подарковъ.

„То-то мы будемъ жить-поживать съ нимъ!...“

Такова чеченская народная пѣсня.

Дерзкіе при наступленіи, чеченцы бывали еще отважнѣе при преслѣдованіи врага, но не имѣли ни стойкости, ни хладнокровія, чтобы выдержать правильную битву. Въ аулахъ чеченцы защищались рѣдко, развѣ случайно удавалось захватить ихъ врасплохъ; обыкновенно они бросали дома на произволъ судьбы, мало дорожа своими постройками, которыя всегда могли легко возобновить, при

изобиліи лѣсного матеріала. Но тамъ, гдѣ были дремучіе лѣса, овраги и горныя трущобы, они являлись поистинѣ страшными противниками.

Русскія войска, вступая въ Чечню, въ открытыхъ мѣстахъ обыкновенно совершенно не встрѣчали сопротивленія. Но только что начинался лѣсъ, какъ загоралась сильная перестрѣлка, рѣдко въ авангардѣ, чаще въ боковыхъ цѣпяхъ и почти всегда въ арьергардѣ. И чѣмъ пересѣченнѣе была мѣстность, чѣмъ гуще лѣсъ, тѣмъ сильнѣе шла и перестрѣлка. Вѣковыя деревья, за которыми скрывался непріятель, окутывались дымомъ и звучные перекаты ружейнаго огня далеко будили сонныя окрестности. И такъ дѣло шло обыкновенно до тѣхъ поръ, пока войска стойко сохраняли порядокъ. Но горе, если ослабѣвала или разстраивалась гдѣ-нибудь цѣпь; тогда сотни шашекъ и кинжаловъ мгновенно выростали передъ ней, какъ изъ земли, и чеченцы съ гикомъ кидались въ середину колонны. Начиналась ужасная рѣзня, потому что чеченцы проворны и безпощадны, какъ тигры. Кровь опьяняла ихъ, омрачала разсудокъ; глаза ихъ загорались фосфорическимъ блескомъ, движенія становились еще болѣе ловки и быстры; изъ гортани вылетали звуки, напоминающіе скорѣе рычаніе тигра, чѣмъ голосъ человѣка. Такими они были, по разсказамъ очевидцевъ, во время рѣзни въ Ичкеринскихъ лѣсахъ, и такими являлись всегда, когда имѣли дѣло со слабыми, разстроенными командами или съ одиночными людьми.

Одинъ изъ русскихъ писателей, выражая характеръ военныхъ экспедицій въ Чечню, прекрасно сказалъ, что „въ Чечнѣ только то мѣсто наше, гдѣ стоитъ отрядъ, а сдвинулся онъ—и эти мѣста тотчасъ же занималъ непріятель. Нашъ отрядъ, какъ корабль, прорѣзывалъ волны вездѣ, но нигдѣ не оставлялъ послѣ себя ни слѣда, ни воспоминанія“.

Такимъ образомъ, чеченцы являлись въ сущности не воинами, а просто разбойниками, варварами, дѣйствовавшими на войнѣ съ пріемами жестокихъ и хищныхъ дикарей. Кто-то справедливо замѣтилъ, что въ типѣ чеченца, въ его нравственномъ обликѣ,— есть нѣчто, напоминающее волка. И это вѣрно уже потому, что

чеченцы въ своихъ легендахъ и пѣсняхъ сами любятъ сравнивать своихъ героевъ именно съ волками, которые имъ хорошо извѣстны; волкъ—самый поэтическій звѣрь по понятіямъ горца. „Левъ и орелъ, говорятъ они:—изображаютъ силу: тѣ идутъ на слабаго; а волкъ идетъ и на болѣе сильнаго, нежели самъ, замѣняя въ послѣднемъ случаѣ все — безграничною дерзостью, отвагой и ловкостью. Въ темныя ночи отправляется онъ за своею добычей и бродитъ вокругъ ауловъ и стадъ, откуда ежеминутно грозитъ ему смерть... И разъ—попадется онъ въ бѣду безысходную, то умираетъ уже молча, не выражая ни страха, ни боли“. Не тѣ же ли самыя черты рисуютъ передъ нами и образъ настоящаго чеченскаго героя, самое рожденіе котораго какъ бы отмѣчается природою: въ одной изъ лучшихъ поэтическихъ пѣсенъ народа говорится, что „волкъ щетинится въ ту ночь, когда мать рожаетъ чеченца“...

При такихъ типичныхъ свойствахъ характера, понятно, что чеченецъ и въ мирное время, у домашняго очага, выше всего ставилъ свою дикую, необузданную волю, и потому никогда не могъ достигнуть духа общественности и мирнаго развитія.

Естественно, что бытъ чеченцевъ отличался обычной простотою, патріархальностію самыхъ первобытныхъ обществъ; родовое начало было въ немъ преобладающимъ элементомъ, и притомъ настолько сильнымъ, что каждое общество, каждое селеніе жило своею особенною самостоятельною жизнію. Это были отдѣльные независимые мірки, въ которыхъ адатъ (обычай) замѣнялъ законъ, а старшій въ родѣ былъ въ одно и то же время военнымъ предводителемъ, судьей и первосвященникомъ. Каждая деревня имѣла свои обычаи, сохраняла свои преданія и старалась не имѣть никакихъ общихъ интересовъ даже съ сосѣдними аулами. Но, конечно, столкновенія были неизбѣжны, и прямымъ послѣдствіемъ ихъ являлись ссоры, оканчивавшіяся нерѣдко убійствами и грабежами, потому что пылкій чеченецъ никогда не прощалъ обиды. Тогда начинался длинный рядъ кровомщеній, „канлы“, ведшій къ истребленію цѣлыхъ семей и даже ауловъ. Не лишнее сказать здѣсь, что обычай кровомщенія, бывшій причиной постоянныхъ междоусобій въ чеченской

семьѣ, былъ лучшимъ союзникомъ русскихъ, которые нерѣдко прямо пользовались имъ, какъ средствомъ бросить въ страну сѣмена розни и внутренней вражды. И это средство было тѣмъ дѣйствительнѣе, что „канлы" былъ обычаемъ священнымъ, неисполненіе котораго набрасывало на виновнаго всеобщее презрѣніе. Вотъ что говорится въ одной народной чеченской пѣснѣ:

„Высохнетъ земля на могилѣ моей—и забудешь ты меня, моя родная мать.

„Поростетъ кладбище могильною травою — заглушитъ трава твое горе, мой старый отецъ.

„Слезы высохнутъ на глазахъ сестры моей—тогда улетитъ и горе изъ сердца ея.

„Но не забудешь ты меня, мой старшій братъ,—пока не отомстишь моей смерти.

„Не забудешь меня ты и младшій братъ—пока не ляжешь въ могилу рядомъ со мною.

„Горяча ты пуля, и несешь ты смерть,—но не ты ли была моей вѣрной рабою?

„Земля черная, ты покроешь меня,—но не я ли тебя конемъ топталъ?

„Холодна ты смерть, даже смерть храбреца,—но вѣдь я былъ твоимъ господиномъ".

На почвѣ именно обычая кровомщенія выработался въ Чечнѣ, какъ и въ другихъ кавказскихъ странахъ, особый, любопытнѣйшій типъ людей, называвшихся абреками. Названіе это обыкновенно присвоивалось русскими всѣмъ отважнымъ наѣздникамъ, пускавшимся въ набѣги небольшими партіями; но, въ сущности, абрекъ есть нѣчто совершенно иное; это родъ принявшаго на себя обѣтъ долгой мести и отчужденія отъ общества, вслѣдствіе какого-нибудь сильнаго горя, обиды, позора или несчастія. И нигдѣ абречество не принимало такого удручающаго характера, какъ у чеченцевъ. Эти люди становились одинаково страшными и чужимъ и своимъ, отличаясь жестокою, безпощадною ненавистью ко всему человѣческому. Уже по клятвѣ, которую приносилъ чеченецъ, рѣшавшійся сдѣлаться абрекомъ, можно судить о безграничномъ че-

ловѣконенавистничествѣ, на которое онъ обрекалъ себя. Вотъ эта клятва, записанная съ возможною точностью:

„Я, сынъ такого-то, сынъ честнаго и славнаго джигита, клянусь святымъ, почитаемымъ мною мѣстомъ, на которомъ стою, принять столько-то лѣтній подвигъ абречества,—и во дни этихъ годовъ не щадить ни своей крови, ни крови всѣхъ людей, истребляя ихъ, какъ звѣря хищнаго. Клянусь отнимать у людей все, что дорого ихъ сердцу, ихъ совѣсти, ихъ храбрости. Отниму грудного младенца у матери, сожгу домъ бѣдняка, и тамъ, гдѣ радость, принесу горе. Если же я не исполню клятвы моей, если сердце мое забьется для кого-нибудь любовью или жалостью—пусть не увижу гробовъ предковъ моихъ, пусть родная земля не приметъ меня, пусть вода не утолитъ моей жажды, хлѣбъ не накормитъ меня, а на прахъ мой, брошенный на распутьи, пусть прольется кровь нечистаго животнаго“.

Встрѣча съ абрекомъ—несчастіе, и вотъ какъ описываетъ ее одинъ изъ путешественниковъ:

„Если вы, говоритъ онъ: — завидѣли въ горахъ кабардинку, опушенную бѣлымъ шелкомъ шерсти горнаго козла, и изъ-подъ этихъ прядей шелка, раскинутыхъ вѣтромъ едва ли не по плечамъ наѣздника, мутный, окровавленный и безумно блуждающій взоръ, бѣгите отъ владѣтеля бѣлой кабардинки — это абрекъ. Дитя ли, женщина ли, дряхлый ли, безсильный старикъ, ему все равно, была бы жертва, была бы жизнь, которую онъ можетъ отнять, хотя бы съ опасностью потерять свою собственную. Жизнь, которою наслаждаются, для него смертельная обида. Любимое дѣло и удаль абрека, надвинувши на глаза кабардинку, проскакать подъ сотнею ружейныхъ или винтовочныхъ стволовъ и врѣзаться въ самую середину врага.

„Слово абрекъ значитъ заклятый. И никакое слово такъ рѣзко не высказываетъ назначенія человѣка, разорвавшаго узы дружбы, кровнаго родства, отказавшагося отъ любви, чести, совѣсти, состраданія, словомъ—отъ всѣхъ чувствъ, которыя могутъ отличить человѣка отъ звѣря. И абрекъ поистинѣ есть самый страшный звѣрь горъ, опасный для своихъ и чужихъ: кровь—его стихія,

кинжалъ—неразлучный спутникъ, самъ онъ—вѣрный и неизмѣнный слуга шайтана"...

Абреки нерѣдко составляли небольшія партіи, или шли во главѣ партій, перенося всю силу своей ненависти на русскихъ. И встрѣча съ ними войскъ неизбѣжно вела за собою кровопролитныя схватки. Абрековъ можно было перебить, но не взять живыми.

Впослѣдствіи мюридизмъ, нѣсколько подчинившій свободныя проявленія воли—волѣ и пользѣ общественной, значительно ослабилъ обычай кровомщенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и абречество; но во времена Ермолова и тотъ и другое процвѣтали еще во всей своей силѣ.

Такова была страна и таковы люди, трудная задача покоренія которыхъ лежала передъ русскими. Но чтобы не ограничиться ничего не говорящими воображенію опредѣленіями свойствъ чуждаго народа, приводимъ разсказъ, въ которомъ, въ картинѣ набѣга, отражены бытовыя черты чеченскихъ племенъ, ихъ взаимныя междоусобія и недостатокъ внутренней племенной связи, мѣшавшія имъ направить всю силу своей непреклонной и дикой энергіи противъ внѣшнихъ враговъ, уже стоявшихъ на рубежѣ ихъ родины. И это было до тѣхъ самыхъ поръ, пока, наконецъ, въ горахъ Дагестана не появились, съ мечомъ въ одной рукѣ и съ Кораномъ въ другой, грозные вожди „газавата", извѣстные въ исторіи подъ именемъ кавказскихъ имамовъ и слившіе разрозненныя общества въ одно грозное политическое цѣлое.

ЧЕЧЕНСКІЙ НАБѢГЪ.

Въ той мѣстности, которая теперь извѣстна подъ именемъ Малой Чечни, въ верховьяхъ быстраго Шато-Аргуна, среди дремучихъ лѣсовъ, стояло нѣкогда богатое селеніе Шары. Вѣка прошли надъ нимъ съ бѣдствіями войны и разоренія, многочисленные народы приходили одинъ за другимъ искать его гибели, и рѣки крови своей и чужой были пролиты шарцами при защитѣ родныхъ лѣ-

совъ, за которыми они считали себя безопасными... И вотъ, въ одну бурную ночь, цвѣтущее селеніе погибло: остались только печальныя развалины, стѣны рухнувшихъ сакель, закоптѣлыя, съ провалившимися потолками, башни, да черные, обугленные пни деревьевъ, по которымъ время отъ времени вспыхивали и пробѣгали тонкія зловѣщія огненныя змѣйки.

Всю ночь бушевала страшная буря, и свирѣпый пожаръ быстро совершалъ свое разрушительное дѣло. Подъ утро набѣжала тучка, но было уже поздно. Огонь, правда, легко уступилъ враждебной стихіи и, свившись въ черные клубы дыма, прилегъ къ пепелищу,—но все уже было покончено съ Шарами.

Во время пожара никто не приходилъ спасать имущество; не было обыкновенныхъ въ такое время явленій: суеты, криковъ, бѣготни, тревоги. Шары сгорѣли спокойно, какъ жертва на кострѣ, заранѣе лишенная жизни. Людей, по крайней мѣрѣ живыхъ, въ то время тамъ уже не было. И гордый аулъ не увидѣлъ восходящаго надъ собою солнца.

Шары были жертвою междуплеменной вражды.

Раздоры между ними и однимъ изъ ауловъ карабулакскихъ были древни, какъ самое существованіе этихъ народовъ. Отцы заповѣдывали ихъ дѣтямъ, поколѣнія—поколѣніямъ. И пробилъ, наконецъ, часъ возмездія — послѣдній страшный часъ шарцевъ. Карабулаки, соединившись съ ингушами *), темною ночью прокрались черезъ лѣса, въ глубокой тишинѣ окружили Шары и, по условному знаку, напали на сонныхъ жителей аула. Коротокъ, но безпощаденъ былъ этотъ бой, въ которомъ всѣ шансы были на сторонѣ нападавшихъ. Когда окончилъ свое дѣло мечъ, началъ огонь, его всегдашній преемникъ.

На утро не было и слѣдовъ богатаго селенія. Союзники, въ ожиданіи ночи, которая должна была скрыть ихъ отступленіе, расположились станомъ на ближней возвышенности. Они захватили съ собою все, что могли: домашнюю утварь, скотъ, хлѣбъ и пр., а чтобы предохранить себя отъ всякихъ покушеній со стороны

*) Ингуши (назрановцы) жили по рѣкамъ: Камбилейкѣ, Верхней Сунжѣ и Назрановкѣ, а карабулаки—по рѣкамъ Ассѣ, Сунжѣ и Фортангѣ.

непріятеля, такъ какъ часть шарцевъ могла избѣжать меча и огня, площадка холма была окружена ѣкопомъ.

Набѣгъ былъ совершенъ буйною шайкой, составленной изъ разнаго сброда. Здѣсь были и ингуши язычники, и ингуши магометане, были, наконецъ, христіане или, по крайней мѣрѣ, считавшіе себя христіанами. На Кавказѣ всегда было обычнымъ дѣломъ, что два врага подавали другъ другу руки и общими силами губили третьяго, чтобы послѣ снова начать рѣзню между собою. Такъ было и тутъ. Цѣль похода была достигнута—и миру не было уже мѣста въ таборѣ союзниковъ. Съ послѣднимъ выстрѣломъ проснулись всѣ замолчавшіе на время распри; ихъ старыя племенныя и фамильныя ссоры, забытыя на короткое время набѣга, снова зашевелились и подняли свои „сто голосовъ и сто языковъ".

Главнымъ предметомъ несогласій была, какъ и слѣдовало ожидать, захваченная добыча. Рѣдкій былъ такъ счастливъ, чтобы въ грабежѣ захватить себѣ нужное; холостому досталось нѣсколько паръ женскихъ тумановъ, христіанскому священнику попалъ въ руки богатый коранъ; кто разсчитывалъ добыть коня—захватилъ корову или нѣсколько барановъ; одинъ видѣлъ себя обладателемъ воза безъ упряжной скотины; другой, наоборотъ, владѣлъ скотомъ, а не было воза... Словомъ, мѣновая торговля сдѣлалась неизбѣжною потребностью шайки.

Пока разбирались съ добычей, плѣнницы, согнанныя къ одной сторонѣ табора, сидѣли въ углу, возлѣ самаго вала, и оглашали станъ печальнымъ причитаньемъ надъ родными покойниками, тѣла которыхъ остались въ глубинѣ долины, тамъ, гдѣ еще курились свѣжія, облитыя кровью, развалины. Тяжела и печальна участь кавказской женщины, попавшейся въ плѣнъ, въ руки неистовыхъ варваровъ!

Въ срединѣ стана, гдѣ шелъ базаръ и мѣнялась добыча, стояли три или четыре намета горскихъ предводителей. При каждомъ изъ нихъ развѣвались значки изъ красной или синей матеріи, и при каждомъ значкѣ находился часовой, отъ бдительности котораго зависѣла честь народа и войска, къ которымъ онъ принадлежалъ. Одинъ изъ этихъ часовыхъ, усатый ингушъ, въ огромной бараньей

папахѣ, съ накинутымъ на плечи нагольнымъ тулупомъ, опершись о винтовку, стоялъ съ ложкою въ рукѣ между кадушкой сливокъ и кадушкой меду, въ нерѣшительности, чему отдать предпочтеніе. Прочіе сидѣли вокругъ костра, и одинъ изъ нихъ насаживалъ на рожонъ кусочки баранины, чтобы готовить шашлыкъ. Но тутъ случилось обстоятельство, которое погубило и шашлыкъ, и кадушки. У одного изъ наметовъ стоялъ огромный рыжій быкъ, привязанный къ колу, а возлѣ развѣвалось раздражавшее его красное знамя. Быкъ трясся отъ ярости, билъ и копалъ землю ногами и, наконецъ, бѣшенымъ прыжкомъ оборвалъ свою привязь. Значокъ первый сдѣлался жертвою его ярости, за значкомъ пострадали кадушки, шашлыкъ и, наконецъ часовой, который возился съ вертеломъ. Быкъ устремился далѣе. Въ это время обладатель кадушекъ, не успѣвшій ничего отвѣдать ни изъ той, ни изъ другой, въ припадкѣ гнѣва приложился изъ винтовки; грянулъ выстрѣлъ и— „непріятель“ былъ раненъ. Почувствовавъ боль, разъяренный быкъ еще ужаснѣе заметался по табору, все опрокидывая и сокрушая въ дребезги на своемъ пути. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, изъ которыхъ часть попала въ людей, быкъ, весь израненный, вскочилъ въ огромный костеръ и разбросалъ головни во всѣ стороны. Одна изъ нихъ упала на чье-то тряпье, которое мгновенно и вспыхнуло. Бывшіе вокругъ него, чтобы остановить пожаръ, разбросали впопыхахъ тряпье и такое, которое уже тлѣло, и подожгли остальную рухлядь. Пожаръ, раздуваемый сильнымъ вѣтромъ, охватилъ весь станъ. Въ суматохѣ не успѣли выхватить нѣсколькихъ ящиковъ съ порохомъ,—и холмъ потрясся отъ страшнаго грохота взрыва.

Паника охватила весь станъ. Ингуши и карабулаки съ крикомъ и проклятіями бросились въ разныя стороны, толкая другъ друга и топча упавшихъ. Валъ, который долженъ былъ служить охраною, едва не сдѣлался причиною ихъ гибели. И пока удалось имъ выбраться изъ окоповъ, истребительная стихія много обожгла усовъ и бородъ. Крики боли, страха и проклятій, смѣшавшись съ ревомъ перепуганнаго скота, составили поражающую музыку. Наконецъ преграда была разрушена—и отлогіе скаты холма покрылись толпами бѣгущихъ. Счастливъ былъ тотъ, кто цѣлымъ очу-

тился внизу, потому что бывшіе назади валили переднихъ, топтали ихъ въ бѣгствѣ, путались и сами падали. Однако-же нашлись смѣльчаки, которые, презирая опасность, возвратились къ вещамъ, чтобы по крайней мѣрѣ спасти то, что было подрагоцѣннѣе.

Добыча подверглась новому грабежу. Право собственности, уже нѣсколько установившееся, опять уничтожилось.

Усатый ингушъ, который своимъ необдуманнымъ мщеніемъ за опрокинутыя кадушки былъ главною причиною несчастія, бросился къ плѣнницамъ, о которыхъ въ суматохѣ совсѣмъ забыли. Схвативъ первую попавшуюся, онъ сдернулъ съ нея чадру, взглянулъ въ лицо, плюнулъ—и столкнулъ ее въ пропасть; другую, третью постигла та же участь. Наконецъ онъ попалъ на одну, которая ему понравилась. Но едва онъ сбѣжалъ съ своею добычею, внизъ къ подножію холма, на него накинулись двое, съ крикомъ доказывавшихъ, что эта плѣнница ихъ и принадлежитъ обоимъ по ровной долѣ. Крикъ перешелъ въ ссору, и ссора готова была уже разразиться рукопашною свалкою. Но въ ту минуту, какъ новый обладатель плѣнницы готовился доказывать свои права кулаками, кто-то толкнулъ его въ затылокъ—и онъ упалъ на-земь. Два претендента, пользуясь счастливымъ моментомъ, уже схватили плѣнницу одинъ за одну, другой за другую руку, и намѣревались скрыться съ нею, но усатый ингушъ, вскочивши съ земли, успѣлъ схватить несчастную за ноги. Всѣ трое снова закричали, посылая другъ другу угрозы и проклятія, а бѣдная жертва ихъ спора едва слабымъ стономъ изъявляла признаки жизни и неминуемо жестоко пострадала бы въ этомъ распинаніи, если бы не явился четвертый и не вмѣшался въ ссору. То былъ самъ предводитель, поспѣшившій на шумъ, чтобы помѣшать начинавшемуся побоищу.

„Стойте!“ сказалъ онъ.—„Вы оба домогаетесь права на половину этой плѣнницы,—такъ?“—„Такъ.“—„Слѣдовательно, вся-то она, какъ есть, никому не принадлежитъ изъ васъ?“—„Никому,“ отвѣчали оба претендента.— „А ты, третій, спасъ ее отъ огня и теперь говоришь, что она твоя?“—„Моя.“—„Почему же?“—„Потому, что я спасъ ее отъ огня.“—„Эта причина недостаточна,“ сказалъ предводитель.—„Напримѣръ, если кто кому спасетъ жену—неужели

же онъ можетъ присвоить ее себѣ? Если бы ты спасъ меня самого, то неужели и я былъ бы твой? Каждый скажетъ, что нѣтъ. Слѣдовательно, дѣвушка и тебѣ не принадлежитъ, также какъ и имъ".

Поднялся новый споръ, и тогда порѣшили бросить жребій. По жеребью дѣвушка досталась усатому ингушу.

— Уступи мнѣ ее за двадцать барановъ, сказалъ тогда предводитель.

— „Да ты спроси прежде, кто она такая?" не безъ гордости возразилъ ингушъ: „вѣдь она сестра здѣшнихъ узденей— Лейля".

— Такъ что-жъ изъ того! Узденн лежатъ подъ пепломъ своего аула, выкупа отъ нихъ не дождешься.

— „Но кто же видалъ, чтобы сестру узденей продавать за двадцать барановъ!" говорилъ усачъ, соображая, сколько же онъ можетъ попросить за плѣнницу.

— Ну, хорошо. Возьми за нее мою крымскую винтовку.

Ингушъ призадумался. Винтовка была хороша,—лучше ея не найти... А все же дѣвка можетъ стоить дороже.

— Ну, такъ слушай же, сказалъ предводитель:—бери винтовку и, въ придачу, любого изъ моихъ жеребцовъ—на выборъ.

На этомъ торгъ наконецъ состоялся, и Лейля перешла къ новому владѣльцу.

Между тѣмъ наступила ночь, и партія направилась въ обратный путь. Пискливыя зурны открывали шествіе. Напрасно предводители старались ихъ унять, убѣждая, что отступленіе требуетъ глубочайшей скрытности и тишины; но набѣгъ окончился—и никто больше не думалъ о повиновеніи. Партіи приходилось прежде всего пройти густой лѣсъ, перерѣзанный множествомъ овраговъ, безъ всякаго слѣда торной дороги. Ночь была темная; дождь лилъ, какъ изъ ведра, и земля, растворившись, образовала непролазную грязь. Коннымъ труднѣе было держаться вмѣстѣ, чѣмъ пѣшимъ, и потому они разбрелись по цѣлому лѣсу: кто попалъ на тропинку, тотъ отправился самъ по себѣ, а кто засѣлъ въ оврагѣ, или застрялъ въ кустахъ, тотъ выбирался, гдѣ и какъ ему было удобнѣе.

И вдругъ, посреди лѣсной тишины, зловѣще грянулъ ружейный выстрѣлъ, за нимъ другой... Двое раненыхъ присѣли, схватившись одинъ за голову, другой за ногу. Въ шайкѣ пошла суматоха, и нѣсколько винтовокъ ударили наудачу.

Брань и крики ингушевцевъ послышались съ той стороны, куда направленъ былъ залпъ карабулаковъ.

— Да тамъ наша конница, заговорили пѣшіе.—Кто же это стрѣляетъ-то?..

Но снова грянулъ выстрѣлъ, за нимъ опять другой—и двое новыхъ раненыхъ опять опустились на землю.

— Въ шашки! въ шашки! живьемъ хватайте ихъ! кричали ингушевцы и карабулаки. И хотя всѣ гикали во всю мочь, однако-же лишь немногіе сунулись впередъ, да и тѣ воротились, потерявши одного убитымъ. Послѣ этого уже никто не счелъ себя обязаннымъ рисковать жизнью—и на каждый выстрѣлъ шайка отзывалась только угрозами и крикомъ. А тѣмъ временемъ два невидимые стрѣлка посылали пулю за пулей, и рѣдкій выстрѣлъ ихъ не выносилъ новой жертвы.

Заколдованный лѣсъ наконецъ окончился, шайка подошла къ рѣкѣ. Но вслѣдствіе сильнаго дождя, шедшаго всю ночь, переправы не было. Одна конница съ трудомъ перебралась вплавь, да и то потерявши нѣсколько человѣкъ, унесенныхъ теченіемъ воды. И вдругъ изъ кустовъ выскочили два человѣка и кинулись рубить все, что ни попало подъ руку. Испуганная неожиданнымъ нападеніемъ, шайка метнулась въ сторону, и пока опомнилась, пока пришла въ себя и сообразила, что нападающихъ только двое—тѣ уже снова скрылись въ кусты, а на песчаномъ берегу лежали слѣды ихъ нападенія—нѣсколько изрубленныхъ труповъ.

Утро наступившаго дня было пасмурное, но не дождливое. Между развалинами сожженнаго аула чернѣла сумрачная башня, и изъ ея бойницъ кое-гдѣ пробивался дымокъ, какъ бы отъ разложеннаго внутри ея небольшаго костра. Тамъ, погруженные въ мрачныя думы, сидѣли два человѣка, два героя нынѣшней ночи. Они одни пережили родной аулъ и справили по немъ кровавую

тризну. Эти два человѣка были уздени, братья несчастной плѣнницы Лейли.

Не скоро оправились Шары отъ этого погрома, а когда оправились, то сотни другихъ ауловъ уже лежали въ развалинахъ, свидѣтельствуя все о томъ же непокорномъ и строптивомъ духѣ чеченской земли, вносившемъ рознь и смуту во всѣ ея жизненныя проявленія и облегчавшемъ чуждымъ пришельцамъ овладѣть ея недоступными лѣсными дебрями и горными твердынями.

V.

Грозная.

Насталъ одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ исторіи Кавказской войны.

Возвратившись изъ Персіи, Ермоловъ приступилъ къ выполненію обширнаго плана, имѣвшаго конечною цѣлью дѣйствительное покореніе Кавказа, которое одно только и могло вывести богатый и плодоносный край на путь мирнаго развитія. Чечнѣ приходилось первой испытать на себѣ всю силу энергіи новаго главнокомандующаго.

Грозная молва въ горахъ предшествовала Ермолову. Говорили, что даже самъ князь Циціановъ,—этотъ памятный всѣмъ бичъ кавказскихъ горъ, — смиренный агнецъ передъ свирѣпымъ и страшнымъ „Ярмуломъ". Молва имѣла свои основанія. Первыя распоряженія Ермолова уже внушали страхъ, показывая горцамъ, что кончилось время, когда отъ на-

бѣговъ ихъ откупались, когда русскія войска, если и вторгались въ ихъ земли и жгли ихъ аулы, то и сами несли огромныя потери, ничего не измѣняя въ сложившихся отношеніяхъ и ничего не пріобрѣтая для будущаго. Всѣмъ было извѣстно, какъ энергически распорядился Ермоловъ въ дѣлѣ освобожденія Швецова, заключивъ въ Кизлярскую крѣпость всѣхъ кумыкскихъ князей, по землямъ которыхъ проѣзжали хищники, и пригрозивъ имъ даже висѣлицей. Стоустая молва создавала, по обыкновенію, множество преувеличенныхъ слуховъ. Въ горахъ говорили, что Ермоловъ приказалъ изъ плѣнныхъ чеченокъ отбирать красивѣйшихъ и выдавать ихъ замужъ въ далекую Имеретію, а некрасивыхъ и старыхъ распродавать лезгинамъ по рублю за каждую. И чеченцы ожидали Ермолова съ тревогою. Но въ то же время они не прекращали и своихъ набѣговъ, усилившихся особенно съ тѣхъ поръ, какъ русскіе поставили на Сунжѣ новый редутъ, названный Преграднымъ Станомъ.

Рѣшивъ перенести передовую линію за Терекъ, Ермоловъ на первомъ шагу имѣлъ передъ собою двѣ ближайшія цѣли, составлявшія, впрочемъ, только начальныя звенья въ длинной цѣпи предстоявшихъ дѣйствій:—обузданіе такъ называемыхъ „мирныхъ“ чеченцевъ и заложеніе крѣпости, которая обезпечила бы устойчивость новой, Сунженской линіи. Но къ исполненію своихъ предначертаній ему удалось приступить не безъ препятствій, которыя онъ встрѣтилъ вначалѣ со стороны Петербурга. А между тѣмъ, въ предначертаніяхъ Ермолова сказалась именно только обычная ему проницательность.

Мирные чеченцы, дѣйствительно, составляли одно изъ главныхъ золъ въ нашихъ отношеніяхъ къ горцамъ. Еще въ 1783 году, во время управленія кавказскимъ краемъ Потемкина, чеченскіе выходцы, жившіе до того въ вассальной зависимости отъ кумыкскихъ князей, сбросивъ съ себя это иго, просили позволенія поселиться на плоскости между рѣками Сунжей и Терекомъ, обѣщая составить передовые посты для Терской линіи. Обѣщанія этого они, конечно, не сдержали, а между тѣмъ весь правый берегъ Терека, издавна принадлежавшій казакамъ, отошелъ подъ чечен-

скія поселенія. Такимъ образомъ явилось это особое сословіе мирныхъ чеченцевъ, самыхъ злыхъ и опасныхъ сосѣдей прилинейнаго жителя. Мирные аулы служили притономъ для разбойниковъ всѣхъ кавказскихъ племенъ; въ нихъ укрывались партіи передъ тѣмъ, чтобы сдѣлать набѣгъ на линію; здѣсь находили радушный пріемъ всѣ преступники, и нигдѣ не было такъ много бѣглыхъ русскихъ солдатъ, какъ именно въ этихъ надтеречныхъ аулахъ. Принявъ магометанство, многіе изъ дезертировъ женились, обзавелись хозяйствомъ и при набѣгахъ бывали лучшими проводниками для чеченскихъ партій. Ермоловъ видѣлъ зло, которое приносила намъ близость этихъ ауловъ; онъ признавалъ необходимымъ возвратить казакамъ ихъ древнія затеречныя владѣнія и просилъ о дозволеніи желавшимъ изъ нихъ переходить на Сунжу цѣлыми станицами.

„Съ устройствомъ крѣпостей, писалъ онъ къ государю:— я предложу живущимъ между Терекомъ и Сунжей злодѣямъ, мирными именующимся, правила для жизни и нѣкоторыя повинности, кои истолкуютъ имъ, что они подданные Вашего Величества, а не союзники, какъ до сего времени о томъ мечтаютъ. Если будутъ они повиноваться по надлежащему, то назначу по числу ихъ нужное имъ количество земли, раздѣливъ остальную между казаками и караногайцами; если же нѣтъ,—предложу имъ удалиться къ прочимъ разбойникамъ, отъ которыхъ различествуютъ они однимъ только именемъ,—и въ семъ случаѣ уже всѣ земли останутся въ распоряженіи нашемъ“.

Отстаивая необходимость занятія Сунжи, Ермоловъ писалъ, что эта мысль принадлежала еще покойному князю Циціанову, которому только преждевременная смерть помѣшала привести ее въ исполненіе. Онъ не скрывалъ отъ государя, что предпріятіе не безопасно, что чеченцы не позволятъ спокойно возводить укрѣпленій на своей землѣ, и, въ обезпеченіе успѣха, просилъ усилить войска на линіи хотя однимъ егерскимъ полкомъ, изъ числа расположенныхъ въ Крыму, „въ мѣстности, наиболѣе сходной по климату съ Кавказомъ“. „Рано или поздно, Государь, приступить къ сему необходимо, писалъ онъ императору: — но

теперь повсюду миръ и спокойствіе тому благопріятствуютъ. Кавказская линія требуетъ защиты, а я желаю, чтобы въ Ваше царствованіе она воспользовалась спокойствіемъ и безопасностью".

Но въ Петербургѣ смотрѣли на дѣло иначе. Тамъ никакъ не могли себѣ уяснить, что такое затѣвается на Кавказѣ, почему тамъ постоянныя хищничества и къ чему поведутъ наступательныя дѣйствія. Крутыми, энергическими мѣрами новаго главнокомандующаго также не были довольны — и это тѣмъ болѣе, что онѣ шли въ разрѣзъ съ мыслями самого государя, требовавшаго кроткаго обращенія съ сосѣдями. Въ столицѣ считали полудикихъ горцевъ чѣмъ-то въ родѣ воюющей державы, съ которой можно было заключить мирный выгодный договоръ и успокоиться. Но Ермоловъ, стоявшій у самаго дѣла, сознавалъ, что чеченцы совсѣмъ не „держава", а просто шайка разбойниковъ, и рядомъ представленій, разъясняя сущность дѣла, настойчиво добивался разрѣшенія дѣйствовать наступательно.

„Если Вашему Величеству благоугодно будетъ утвердить мои предположенія, писалъ онъ къ государю:—то нуженъ на имя мое высочайшій указъ въ руководство и непремѣнную цѣль преемникамъ моимъ. Въ предположеніи моемъ нѣтъ собственной моей пользы; не могу я имѣть въ предметѣ составлять военную репутацію мою на счетъ разбойниковъ, и потому въ мой разсчетъ входятъ не однѣ средства оружія. Не у всякаго однако же на моемъ мѣстѣ могутъ быть одинаковые виды".

И наконецъ Ермоловъ добился утвержденія своихъ предположеній. Передъ нимъ теперь оставались только тѣ препятствія, которыя ему могли противопоставить горцы и съ которыми ему управиться уже было легче. Съ весны тысяча восемь сотъ восемнадцатаго года и начинается на линіи строгое проведеніе Ермоловской системы.

Къ этому времени на Сунжѣ существовали уже два небольшихъ укрѣпленія. Генералъ Дельпоццо, еще во времена командованія Ртищева, поставилъ на ней Назрановскій редутъ, съ спеціальною цѣлью прикрыть Военно-Грузинскую дорогу, проходившую

тогда отъ Моздока къ Владикавказу черезъ землю ингушевцевъ; а въ 1817 году, Ермоловъ, уѣзжая въ Персію, приказалъ поставить и другое укрѣпленіе „Преградный Станъ", въ 50 верстахъ отъ Назрана, близъ нынѣшней Михайловской станицы. Этотъ новый редутъ былъ занятъ ротою Владикавказскаго гарнизоннаго полка съ двумя орудіями и сотнею казаковъ. Лѣсъ противъ него за Сунжею былъ вырубленъ, и мѣра эта сильно обезпокоила чеченцевъ своею неожиданностью. Планъ главнокомандующаго сталъ передъ ними выясняться. Но чеченцы еще слишкомъ надѣялись на неприступность своихъ ауловъ, закрытыхъ густыми лѣсами и топкими шавдонами, чтобы при первыхъ признакахъ надвигавшейся грозы изъявить покорность; они колебались только въ выборѣ системы борьбы: обороняться-ли въ случаѣ движенія русскихъ на Сунжу, или самимъ нападать на нихъ. И когда поставленъ былъ Преградный Станъ, они отвѣтили рядомъ набѣговъ, распространяя опустошенія по Тереку, гдѣ стало опасно выходить за ворота станицъ. По примѣру прежнихъ лѣтъ, они надѣялись вынудить тѣмъ и Ермолова войти съ ними въ соглашенія и заключить договоры. При всемъ ужасѣ, возбуждаемомъ въ нихъ „Ярмуломъ", они все еще не вѣрили его угрозамъ, и даже сборъ войскъ на Терекѣ мало безпокоилъ чеченцевъ, привыкшихъ къ мимолетнымъ вторженіямъ русскихъ и думавшихъ, что, сдѣлавъ два, три перехода, войска вернутся назадъ, — и все останется попрежнему. Только мирные чеченцы, обитавшіе между Сунжей и Терекомъ, могли до нѣкоторой степени оцѣнивать значеніе совершавшихся событій.

Но чѣмъ безпокойнѣе и злѣе становились чеченцы, тѣмъ скорѣе должно было наступить возмездіе, тѣмъ больше было поводовъ Ермолову перейти отъ угрозъ къ рѣшительному дѣйствію, и съ ранней весны 1817 года на Терекѣ началъ сосредоточиваться сильный отрядъ. Къ двумъ батальонамъ 16 егерскаго полка, стоявшимъ здѣсь зимою, прибылъ изъ Крыма 8 егерскій полкъ, пришелъ изъ Кубы батальонъ Троицкаго полка и былъ передвинутъ изъ Грузіи батальонъ Кабардинцевъ. Въ станицѣ Червленной въ то же время сосредоточено 16 орудій и до 500

донскихъ и линейныхъ казаковъ. Вскорѣ на линію прибылъ и самъ Ермоловъ, чтобы лично руководить военными дѣйствіями. Онъ выѣхалъ изъ Тифлиса въ апрѣлѣ, когда дорога черезъ горы еще была завалена глубокими снѣгами, и большую часть пути сдѣлалъ пѣшкомъ. Объѣхавъ затѣмъ весь правый флангъ Кавказской линіи и Кабарду, онъ прибылъ наконецъ въ станицы Гребенскаго войска и 18 мая остановился въ Червленной, откуда должно было начаться движеніе въ Чеченскую землю.

Здѣсь первымъ дѣломъ Ермолова было дать урокъ мирнымъ чеченцамъ. Онъ вызвалъ къ себѣ старшинъ и владѣльцевъ всѣхъ ближнихъ ауловъ, раскинутыхъ по Тереку, и объявилъ, что если они пропустятъ черезъ свои земли хоть одну партію хищниковъ, то находящіеся въ Георгіевскѣ аманаты ихъ будутъ повѣшены, а сами они загнаны въ горы, гдѣ истребятъ ихъ голодъ и моровая язва. „Мнѣ не нужны мирные мошенники, сказалъ имъ Ермоловъ: — выбирайте любое — покорность или истребленіе ужасное“.

А 25 мая войска уже перешли за Терекъ. Батальонъ Кабардинцевъ и двѣ отборныя сотни Волжскаго казачьяго полка, подъ общею командой маіора Швецова, недавно возвращеннаго изъ плѣна, шли въ авангардѣ. Дни стояли жаркіе, и Ермоловъ разрѣшилъ войскамъ идти безъ мундировъ, въ однѣхъ рубахахъ, а для отданія чести ни передъ кѣмъ не снимать фуражекъ.

Въ шести верстахъ отъ знаменитаго Ханкальскаго ущелья, прославленнаго и древними, и новыми битвами, отрядъ остановился. Здѣсь должна была вырости крѣпость, которой суждено было играть видную роль во всѣхъ дальнѣйшихъ событіяхъ Кавказской войны, до послѣдняго выстрѣла, раздавшагося уже на вершинахъ Гуниба. Чеченцы издали слѣдили за отрядомъ, не рѣшаясь пока начать перестрѣлку. Тѣ изъ жителей окрестныхъ селеній, которые чувствовали себя виноватыми, бѣжали въ горы, остальные остались въ домахъ; а Ермоловъ — отъ всѣхъ ауловъ, сидѣвшихъ надъ Сунжей, взялъ аманатовъ. Въ Чечнѣ между тѣмъ держался упорный слухъ, что русскія войска, пробывши нѣсколько

времени на Сунжѣ, непремѣнно возвратятся на линію, — въ возможность заложенія крѣпости въ здѣшнихъ мѣстахъ чеченцамъ какъ-то не вѣрилось. Но тѣмъ сильнѣе были они поражены, когда, 10 іюня, въ русскомъ лагерѣ совершено было торжественное молебствіе, а затѣмъ, при громѣ пушекъ, заложена была сильная крѣпость о шести бастіонахъ, которую Ермоловъ назвалъ *Грозною*. Тогда чеченцы бросились укрѣплять и безъ того почти неприступное Ханкальское ущелье, чтобы заградить доступъ внутрь чеченской земли. И съ этихъ поръ уже рѣдкая ночь проходила для русскихъ безъ тревоги. Но постройка крѣпости подвигалась быстро, солдаты работали неутомимо, а чеченцы, между тѣмъ, день ото дня становились отважнѣе и дерзче; выстрѣлы по ночамъ въ секретахъ то и дѣло поднимали отрядъ и заставляли его становиться въ ружье. Солдаты, проводившіе дни на работахъ, а ночи безъ сна, изнурялись, и Ермоловъ рѣшился наконецъ проучить чеченцевъ, чтобы отвадить ихъ отъ русскаго лагеря.

Однажды, разсказываетъ Цыловъ, ближайшій изъ ординарцевъ Ермолова, когда привезли батарейныя орудія для вооруженія крѣпости, Ермоловъ приказалъ пятидесяти отборнымъ казакамъ изъ своего конвоя ночью выѣхать за цѣпь на назначенное мѣсто и затѣмъ, подманивъ къ себѣ чеченцевъ, бросить пушку, а самимъ уходить въ разсыпную... Съ вечера мѣстность была осмотрѣна, разстоянія измѣрены, орудія наведены—и, какъ только наступила ночь и казаки вышли изъ лагеря,—артиллеристы, съ пальниками въ рукахъ, расположились ожидать появленія горцевъ. Старымъ охотникамъ весь этотъ маневръ не могъ не напомнить хорошо знакомыхъ съ дѣтства картинъ волчьихъ засадъ, которыя часто устраиваются крестьянами въ нашихъ степныхъ губерніяхъ. Пушка была отличною приманкою, — и горные волки попались въ ловушку. Чеченскіе караулы, замѣтивъ безпечно стоявшую сотню, дали знать о томъ въ сосѣдніе аулы. Горцы вообразили, что могутъ отрѣзать казакамъ отступленіе,—и тысячная партія, на самомъ свѣту, вынеслась изъ лѣсу... Казаки, проворно обрубивъ гужи, бросили пушку и поскакали въ лагерь. Чеченцы ихъ даже

не преслѣдовали. Обрадованные рѣдкимъ трофеемъ, они столпились около пушки, спѣшились, и стали прилаживаться какъ бы ее увезти. Въ этотъ самый моментъ шесть батарейныхъ орудій ударили по нимъ картечью, другія шесть—гранатами. Что произошло тогда въ толпѣ чеченцевъ,—описать невозможно: ни одна картечь, ни одинъ осколокъ гранаты не миновалъ цѣли,—и сотни истерзанныхъ труповъ, и людскихъ и конскихъ, пали на землю. Чеченцы—оторопѣли; въ первую минуту паники они потеряли даже способность бѣжать отъ страшнаго мѣста и машинально стали поднимать убитыхъ. Между тѣмъ орудія были заряжены вновь; опять грянулъ залпъ,—и только тогда очнувшіеся чеченцы бросились бѣжать въ разныя стороны. Двѣсти труповъ и столько же раненыхъ, оставшихся на мѣстѣ катастрофы, послужили для горцевъ хорошимъ урокомъ и надолго отбили охоту къ ночнымъ нападеніямъ.

Прошелъ уже цѣлый мѣсяцъ, какъ русскіе строили крѣпость, а въ окрестностяхъ Грозной не было еще ни одного сколько-нибудь серьезнаго дѣла. Чеченцы, ожидавшіе, что войска, какъ прежде, пойдутъ на проломъ, будутъ гоняться за ними въ лѣсахъ и штурмовать завалы, на этотъ разъ жестоко ошиблись и теперь недоумѣвали, что имъ дѣлать,—Ермоловъ упорно не давалъ имъ ни единаго случая къ лишнему выстрѣлу. Такое бездѣйствіе нравственно утомляло чеченцевъ, поселяло въ нихъ уныніе и подрывало послѣднюю дисциплину, которая, въ наскоро собранныхъ шайкахъ, могла держаться только во время безпрерывныхъ битвъ или набѣговъ. Штурмовать же русскій лагерь—они не рѣшались; имъ нужна была помощь. И вотъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, сталъ ходить слухъ о тайныхъ сношеніяхъ между Чечнею и Дагестаномъ. Чеченцы, дѣйствительно, ѣздили къ аварскому хану и старались выставить передъ нимъ постройку крѣпости на ихъ землѣ, какъ посягательство на вольность всѣхъ кавказскихъ народовъ. Указывая ему на собственный примѣръ, они предрекали и Дагестану горькую участь, если русскіе не будутъ остановлены общими силами. Посольство имѣло полный успѣхъ. Дагестанскіе владѣльцы и сами непріязненно смотрѣли на возведе-

ніе Грозной, предвидя, что Ермоловъ на этомъ не остановится; но они еще не смѣли открыто перейти на сторону нашихъ враговъ, и потому рѣшили отправить въ Чечню только партію охотниковъ, подъ предводительствомъ извѣстнаго белада *) Нуръ-Магомета. Чеченцы ожидали прибытія лезгинъ съ нетерпѣніемъ, а между тѣмъ просили помощи отъ сосѣднихъ съ ними кумыковъ и отъ единокровныхъ качкалыковцевъ.

Въ русскомъ лагерѣ извѣстія день ото дня становились тревожнѣе. Мегти-Шамхалъ—изъ Тарковъ, и Пестель—изъ Кубы, одинаково доносили, что въ горахъ примѣтно рождается духъ мятежа и что Дагестанъ—наканунѣ возстанія. Но Ермоловъ, уже заранѣе предвидѣвшій возможность подобныхъ событій, принялъ свои мѣры. Пестелю приказано было немедленно вступить съ войсками въ южный Дагестанъ; къ кумыкамъ—отправлена прокламація, въ которой объявлялось, что ежели качкалыковскіе чеченцы, живущіе на аксаевскихъ земляхъ, осмѣлятся поднять оружіе, то не только этотъ народъ будетъ наказанъ совершеннымъ истребленіемъ, но и кумыкскіе князья поплатятся своими головами. Прокламація кончалась лаконически: „для сего довольно вамъ знать, что я у васъ буду“.

Кумыки, передъ тѣмъ нѣсколько волновавшіеся, почли за лучшее остаться спокойными, а также не позволили возстать и качкалыковцамъ. Но дагестанцы пришли. Съ появленіемъ Нуръ-Магомета въ засунженскихъ аулахъ, среди чеченцевъ тотчасъ проявились необыкновенное оживленіе, дѣятельность и приготовленія къ чему-то рѣшительному. Одна изъ нашихъ колоннъ, высланная подъ командой подполковника Верховскаго въ лѣсъ, за дровами, была атакована такъ сильно, что изъ лагеря пришлось отправить въ помощь къ ней батальонъ Кабардинцевъ съ двумя орудіями. 29 іюля нападеніе повторилось: чеченская конница, внезапно, среди бѣлаго дня, бросилась на наши отводные караулы и едва не ворвалась въ лагерь; но 150 казаковъ, выскочившіе на тре-

*) Беладъ—вожакъ хищническихъ партій.

вогу, съ донскимъ генераломъ Сысоевымъ во главѣ, опрокинули и прогнали ее съ урономъ. Болѣе же крупное дѣло должно было произойти 4-го августа.

Въ этотъ день ожидали въ Грозную транспортъ, слѣдовавшій съ Кавказской линіи, подъ прикрытіемъ роты пѣхоты съ однимъ орудіемъ. Транспортъ былъ большой; съ нимъ ѣхало къ отряду много офицеровъ, чиновниковъ и маркитантовъ съ товарами. Чеченцы и лезгины, отчасти соблазненные добычей, отчасти разсчитывавшіе, что успѣхъ подниметъ ихъ нравственныя силы, рѣшились сдѣлать на него нападеніе. Дерзкое предпріятіе обдумано было хорошо и держалось въ такомъ секретѣ, что лазутчики дали знать о немъ, когда и безъ нихъ въ Грозной замѣтили непріятеля, двигавшагося въ значительныхъ силахъ по ту сторону Сунжи.

Ермоловъ немедленно выслалъ изъ крѣпости навстрѣчу къ транспорту сильный отрядъ и послалъ вмѣстѣ съ нимъ своего начальника штаба, полковника Вельяминова, на котораго полагался какъ на самого себя. Въ это время чеченцы уже перешли за Сунжу, и конница ихъ первая понеслась на транспортъ; за нею двинулись густыя толпы пѣшихъ, оставивъ однако сзади себя, на переправѣ, сильные резервы. Внезапное появленіе Вельяминова разстроило нападеніе. Чеченцы, сами угрожаемые съ тыла, повернули назадъ и всѣми силами пошли навстрѣчу къ отряду. Загорѣлась сильная перестрѣлка. Чеченцы въ этотъ день, по словамъ самого Ермолова, дрались необычайно смѣло; но всѣ порывы ихъ бѣшеной храбрости сокрушились о ледяное хладнокровіе Вельяминова, не хотѣвшаго допустить ни рукопашнаго боя, ни даже ружейнаго огня въ стрѣлковыхъ цѣпяхъ. Поставивъ отрядъ съ ружьемъ у ноги, и выдвинувъ впередъ артиллерію, онъ принялся осыпать нестройныя толпы враговъ гранатами и ядрами. Напрасно нѣсколько разъ чеченцы съ гикомъ бросались на пушки— картечь била ихъ сотнями. Непріятель сталъ, наконецъ, колебаться. Конница его, потерпѣвшая наибольшій уронъ, первая покинула поле сраженія; пѣхота еще держалась нѣкоторое время. Но когда Вельяминовъ неожиданно двинулся къ д. Ачаги, чтобы захватить переправу, тогда и чеченская пѣхота обратилась въ полное и без-

порядочное бѣгство. Въ тѣсныхъ улицахъ деревни Ачаги столпились перепуганныя массы пѣшихъ и конныхъ людей; здѣсь русскія войска могли бы нанести чеченцамъ громадный уронъ; но такъ какъ при этомъ неминуемо пострадали бы вѣрные намъ ачагинцы, то Вельяминовъ, снисходя къ ихъ просьбамъ, остановилъ преслѣдованіе.

Потеря наша въ этомъ дѣлѣ была сравнительно ничтожна. Но до какой степени было сильно нападеніе чеченцевъ, можно судить уже по тому, что, несмотря на всѣ выгоды нашего положенія, мы все-таки потеряли двухъ штабъ-офицеровъ и больше 20 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными.

Неудачный исходъ предпріятія поссорилъ между собою союзниковъ, и послѣ взаимныхъ пререканій, едва не окончившихся дракой, Нуръ-Магометъ удалился во свояси. „Симъ окончились всѣ подвиги лезгинъ, говоритъ Ермоловъ:—и чеченцы, знавшіе ихъ по молвѣ за людей весьма храбрыхъ, вразумились, что подобными трусами напрасно они насъ устрашали“.

Любопытно, что, спустя нѣсколько дней послѣ этого происшествія, Ермоловъ получилъ письмо отъ аварскаго хана, извѣщавшее, что Нуръ-Магометъ собирается на помощь къ чеченцамъ, и что онъ, аварскій ханъ, какъ добрый пріятель, торопится предупредить объ этомъ Ермолова. Ясно было изъ этого письма только то, что ханъ, провѣдавъ о неудачѣ, торопился отклонить отъ себя подозрѣнія. Ермоловъ отвѣчалъ ему, что не только знаетъ о намѣреніи Нуръ-Магомета, но давно уже прогналъ его въ горы. „Какъ новый въ здѣшнемъ краѣ начальникъ, не зная хорошо лезгинъ, имѣлъ я къ нимъ нѣсколько еще уваженія, язвительно писалъ онъ аварскому хану, также лезгину:—но теперь достойный Нуръ-Магометъ меня съ ними познакомилъ, и я вижу, что болѣе подлѣйшихъ трусовъ нѣтъ на свѣтѣ“. Ермоловъ вообще не скупился на рѣзкія выраженія относительно горцевъ. Такъ, описывая въ приказѣ по войскамъ дѣло 4-го августа и говоря о полномъ пораженіи горцевъ, онъ прибавляетъ: „Невозможно описать ни страха, ни безпорядка, въ какомъ они спасались, ни точно опредѣлить, кто величайшіе и подлѣйшіе трусы, чеченцы

или лезгины". Этотъ презрительный тонъ былъ вызываемъ, впрочемъ, болѣе политическимъ разсчетомъ, чѣмъ дѣйствительными взглядами самого Ермолова на противниковъ. Не даромъ же онъ былъ такъ остороженъ въ дѣйствіяхъ противъ чеченцевъ; не даромъ и они заставляли его, главнокомандующаго, выходить на встрѣчу къ каждой оказіи, если приходилось удаляться отъ крѣпости верстъ на десять, а на ближайшія разстоянія посылать съ колоннами начальника корпуснаго штаба. Ермоловъ, конечно, не дѣлалъ бы этого, если бы не признавалъ за чеченцами извѣстнаго рода силу; но каждая похвала ихъ храбрости поощряла бы ихъ дерзость.

Весьма любопытны также письма Ермолова, относящіяся къ этой эпохѣ и показывающія, какъ самъ онъ относился къ совершаемому имъ дѣлу. „Остается добавить, писалъ онъ однажды въ шутливомъ тонѣ къ Денису Давыдову: что я пріятное лицо мое омрачилъ густыми усами, ибо, не плѣняя именемъ, не безполезно страшить и наружностью. Я многихъ по необходимости придерживаюсь азіятскихъ обычаевъ и вижу, что проконсулъ Кавказа жестокость здѣшнихъ нравовъ не можетъ укротить милосердіемъ. И я ношу кинжалъ, безъ котораго ни шагу. Тебѣ истолкуетъ Раевскій слово „канлы", значащее взаимную нѣжность"...

Позже, онъ писалъ къ Меллеру-Закомельскому: „Теперь судьба позволила царямъ наслаждаться миромъ. Даже нѣмецкіе редакторы, имѣющіе способность все предвидѣть, не грозятъ намъ бурею вражды и несогласія. Спокойно стаканъ пива наливается мирнымъ гражданиномъ; къ роскошному дыму кнастера не примѣшивается дымъ пороха, и картофель растетъ не для реквизиціи. Одинъ я, отчужденный миролюбивой системы, наполняю Кавказъ звукомъ оружія. Съ чеченцами употреблялъ я кротость ангельскую шесть мѣсяцевъ, плѣнялъ ихъ простотой и невинностію лагерной жизни, но никакъ не могъ внушить равнодушія къ охраненію ихъ жилищъ, когда приходилъ превращать ихъ въ бивуаки, столь удобно уравнивающіе всѣ состоянія. Только успѣлъ пріучить ихъ къ нѣкоторой умѣренности, отнявъ лучшую половину хлѣбородной земли, которую они не будутъ имѣть труда воздѣлывать. Они

даже не постигаютъ самаго удобопонятнаго права,—права сильнаго"...

Постройка Грозной между тѣмъ шла своимъ чередомъ. Къ 1 октября крѣпость была готова настолько, что Ермоловъ могъ уже отправиться на линію, куда призывали его спѣшныя кабардинскія дѣла. А въ отсутствіе его случились крупныя происшествія на Сунжѣ. Нужно сказать, что Ермоловъ съ намѣреніемъ ласкалъ и берегъ нѣсколько ближайшихъ мирныхъ ауловъ, разсчитывая, что жители ихъ, живя подъ охраною крѣпости, мало по малу пріучатся къ русскимъ, займутся хлѣбопашествомъ и будутъ доставлять гарнизону необходимые жизненные припасы. Случай испортилъ всѣ расчеты Ермолова. Одинъ изъ жителей деревни Суюнджи-Юртъ выстрѣлилъ въ команду, посланную за покупкой провіанта. Что послужило поводомъ къ выстрѣлу — осталось не разъясненнымъ. Разсказывали, впрочемъ, что горецъ узналъ своего вола, запряженнаго въ казенную повозку, и потребовалъ его возвращенія, когда же его отогнали, чеченецъ выхватилъ винтовку и выстрѣлилъ. Офицеръ приказалъ арестовать преступника, но чеченцы, сбѣжавшіеся на выстрѣлъ, сами бросились на офицера, схватили лошадь его за поводья, и тотъ едва успѣлъ избѣгнуть смерти. Команда принуждена была отступить. Въ тотъ же день чеченцы стали перегонять за Сунжу скотъ и перевозить имущество. Вельяминовъ послалъ успокоить жителей и сказать, что имъ нечего бояться мщенія за вину одного человѣка, но требовалъ выдачи преступника. Чеченцы отвѣчали, что, по обычаямъ родины, они виновнаго не выдадутъ, а если войска придутъ брать его, то они будутъ защищаться. Всякая поблажка послѣ такого отвѣта была бы неумѣстна,—и Вельяминовъ пошелъ къ нимъ съ отрядомъ. Семьи чеченцевъ, какъ оказалось, уже покинули въ это время аулъ, и въ немъ остались одни мужчины. Они дѣйствительно встрѣтили войска ружейнымъ огнемъ, и тогда деревня, взятая штурмомъ, была истреблена до основанія. Послѣдствіемъ этого было, что большая часть мирныхъ окрестныхъ ауловъ бѣжала въ горы, и цвѣтущіе берега Сунжи съ тѣхъ поръ надолго опустѣли.

Возвратившись изъ Кабарды, Ермоловъ нашелъ всѣ земляныя работы въ Грозной оконченными, землянки, устраиваемыя для гарнизона на зиму, были готовы, крѣпость вооружена.

Окончаніе Грозной совпало какъ разъ съ тревожными слухами, что въ Дагестанѣ бунтъ, что русскій отрядъ генерала Пестеля разбитъ въ Каракайтагѣ и опасность угрожаетъ Кубинской провинціи. Несмотря на суровую осень, Ермоловъ немедленно приказалъ войскамъ готовиться къ далекому походу въ горы. Но надо было прежде покончить дѣло въ Чечнѣ, и Ермоловъ сдѣлалъ рядъ цѣлесообразныхъ распоряженій. Для прикрытія сообщеній Грозной со старою Терскою линіею поставленъ былъ небольшой редутъ при Старо-Юртовскомъ аулѣ и въ немъ расположена рота пѣхоты. Всѣмъ владѣльцамъ чеченскихъ деревень, лежавшихъ по правому берегу Терека, объявлено, чтобы они, подъ страхомъ наказанія, не терпѣли у себя вредныхъ людей, не пропускали черезъ свои земли хищниковъ и содержали бы въ извѣстныхъ мѣстахъ караулы. Въ то же время составлены и разосланы были строгія инструкціи и правила, по которымъ мирные чеченцы подчинялись русскимъ военнымъ начальникамъ и по первому требованію ихъ должны были высылать на службу конныхъ людей съ собственнымъ вооруженіемъ и на собственномъ содержаніи. „Еще не было примѣра, говоритъ Ермоловъ по этому поводу:—чтобы кто-нибудь могъ заставить чеченца драться съ своими единоземцами; но уже сдѣланъ первый къ тому шагъ, и имъ внушено, что того и всегда отъ нихъ требовать будутъ“.—„Малѣйшее неповиновеніе, набѣгъ или грабежъ на линіи, объявилъ онъ мирнымъ чеченцамъ:—и ваши аулы будутъ разрушены, семейства распроданы въ горы, аманаты повѣшены“. Даже въ случаѣ открытаго прорыва чрезъ ихъ аулы сильной непріятельской партіи, жители обязаны были защищаться; мало того, что защищаться,—въ такихъ случаяхъ еще назначалось слѣдствіе и повѣрялось, какъ они защищались, что именно дѣлали, были ли съ ихъ стороны убитые въ сраженіи, или, напротивъ, дѣло кончалось ничтожной перестрѣлкой, и сопротивленіе было слабое. „Въ послѣднемъ случаѣ, гласила инструкція:—деревня истребляется огнемъ; женъ и дѣтей вырѣзываютъ“. „Лучше

отъ Терека до Сунжи оставлю пустынныя степи, говорилъ Ермоловъ: — нежели въ тылу укрѣпленій нашихъ потерплю разбои".

Грозная, энергическая военная система вынуждалась со стороны Ермолова лишь крайнею необходимостью и глубокимъ пониманіемъ духа и характера народа, съ которымъ ему приходилось имѣть дѣло. Чеченцы, слишкомъ далекіе отъ гуманныхъ воззрѣній европейскихъ народовъ, умѣли цѣнить и уважать только физическую силу; гуманныя дѣйствія съ ними они неизбѣжно приписывали слабости, но зато прекрасно понимали строгія мѣры Ермолова.

Наконецъ, когда всѣ распоряженія были окончены, девять ротъ егерей, шесть орудій и 400 линейныхъ казаковъ, подъ командою храбраго полковника Грекова, заняли Грозную. И въ то время, какъ этотъ гарнизонъ спокойно устраивалъ себѣ зимовую стоянку въ крѣпости, остальныя войска уже переправились за Сунжу, откуда имъ предстоялъ далекій путь въ невѣдомыя Дагестанскія горы.

Какъ славный памятникъ Ермоловской эпохи сохранялась долго, почти до нашихъ временъ, та скромная, уединенная землянка, въ которой, во время возведенія Грозной, жилъ и трудился самъ Алексѣй Петровичъ, перенося лишенія наравнѣ съ своими товарищами-солдатами. И всякій путешественникъ, былъ ли то царственный мужъ или простой человѣкъ,—съ одинаковымъ благоговѣйнымъ чувствомъ приходилъ видѣть эту бѣдную землянку, изъ которой, по выраженію Муравьева, „при малыхъ средствахъ исходила та сила, которая положила основаніе крѣпости Грозной и покоренію Чечни". Въ углу двора обширнаго и пышнаго дворца,— „какъ укоризна нашему времени",—полстолѣтія стояла она, хранимая уваженіемъ къ славной памяти героя-вождя. Но то, противъ чего безсильно было время, разрушено невѣжественнымъ равнодушіемъ къ славѣ предковъ и памятникамъ ея. Одинъ изъ позднѣй-

шихъ воинскихъ начальниковъ Грозной, по непонятнымъ, ничѣмъ не объяснимымъ побужденіямъ, приказалъ снести эту ветхую землянку—и предметъ гордости всякаго истинно русскаго сердца, предметъ благоговѣйнаго почитанія старыхъ кавказцевъ—исчезъ.

Но не исчезла память о немъ, и не стереть ея ни времени, ни равнодушію къ славнымъ преданіямъ нашей сѣдой старины.

VI.

Крѣпость Внезапная.

а сѣверо-востокъ отъ Чечни, за Качкалыковскимъ хребтомъ на обширной плоскости, раскинувшейся между Нижнимъ Терекомъ, Каспійскимъ моремъ, Сулакомъ и послѣдними отрогами Ауховскихъ и Салатавскихъ горъ, живутъ Андреевскія, Аксаевскія и Костековскія племена татарской крови, извѣстныя подъ общимъ именемъ кумыковъ; въ образѣ жизни они почти ничѣмъ не отличаются отъ чеченцевъ, но нравомъ значительно мягче и спокойнѣе.

Кумыкская плоскость орошается только четырьмя мелководными, вытекающими изъ горныхъ ущелій, рѣчками (Аксай, Яманъ-Су, Ярыкъ-Су и Акташъ), изъ которыхъ притомъ ни одна не достигаетъ моря, теряясь въ камышахъ и болотахъ, образуемыхъ ихъ водами,—и потому населеніе ея, по словамъ Ермолова, было ничтожно.

Сохранилось преданіе, что начало заселенію этой плоскости кумыками положили выходцы изъ сосѣдняго съ нею шамхальства. У одного изъ тарковскихъ шамхаловъ—говоритъ оно—былъ сынъ Султанъ-Мутъ, рожденный отъ простой кабардинки, и потому, по кореннымъ обычаямъ страны, неимѣвшій тѣхъ правъ, какія получаютъ дѣти отъ матерей княжеской крови. Изгнанный братьями, онъ поселился близъ нынѣшняго Чиръ-Юрта и, терпя крайнюю бѣдность, своими руками обработывалъ поля. И до сихъ поръ еще, близъ

Болтугая, на тѣхъ поляхъ, которыя, по преданію, были воздѣланы имъ, существуетъ курганъ, носящій названіе Султанъ-Мутъ-Тюбе.

Потерявъ надежду получить отъ братьевъ удѣлъ съ добраго согласія, Султанъ-Мутъ удалился въ Кабарду, собралъ, при помощи родныхъ по матери, войско и вооруженною рукой овладѣлъ участкомъ земли на правомъ берегу Сулака. Тамъ онъ заложилъ деревню, на самомъ мѣстѣ нынѣшняго Чиръ-Юрта, и поселился въ ней съ своею кабардинскою дружиной.

Слава объ его умѣ, храбрости и справедливости скоро привлекла къ нему толпы выходцевъ, преимущественно изъ Мехтулы и шамхальства. Дружина князя стала такъ велика, что не могла уже свободно ужиться на занятомъ участкѣ, и часть ея, перейдя за Сулакъ, основала у выхода изъ Салатавскихъ горъ знаменитую впослѣдствіи деревню Эндери (Андреевскій аулъ). Тогда и самъ Султанъ-Мутъ, покинувъ Чиръ-Юртъ, переселился туда же. Приливъ переселенцевъ изъ шамхальскихъ владѣній между тѣмъ не прекращался; народонаселеніе росло быстро и переносило сюда свой языкъ, нравы и обычаи, въ которыхъ скоро потонула кабардинская народность. Но, утративъ языкъ и нравы, кабардинцы успѣли передать кумыкамъ народно-аристократическое общественное устройство своей родины.

Преданіе говоритъ далѣе, что Султанъ-Мутъ былъ убитъ при изгнаніи изъ Дагестана русскихъ, приходившихъ туда съ воеводою Бутурлинымъ въ 1604 году. Дѣти его жили еще въ Эндери, но внуки уже раздѣлились и сдѣлались родоначальниками отдѣльныхъ княжескихъ фамилій: одни изъ нихъ остались въ Эндери, другіе основали Аксай, на Акташѣ, близъ нынѣшняго Герзель-Аула, а третьи—Костекъ и Казіюртъ на Сулакѣ. Это и были три главныя поселенія Кумыкской плоскости, возлѣ которыхъ группировались всѣ остальныя деревни. Такъ образовалось у кумыковъ сословіе князей, потомковъ храбраго Мута, которымъ все остальное населеніе обязывалось извѣстными повинностями, и, по феодальному устройству кабардинцевъ, становилось ихъ узденями. Свободными остались только тѣ, которые еще при жизни самого Султанъ-Мута получили отъ него надѣлъ—и теперь составили

свободное сословіе, извѣстное подъ именемъ Сала-Узденей. Сословіе это гордилось своею независимостью и, уступая первенство только князьямъ, отличалось удальствомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наклонностью къ буйству и безпорядкамъ.

Черезъ Кумыкскія земли лежалъ издавна чеченскій путь набѣговъ на Нижній Терекъ, и уже по этому самому они не могли избѣгнуть гнета отъ страшныхъ, воинственныхъ сосѣдей, которые стали переходить и селиться въ кумыкскихъ владѣніяхъ цѣлыми аулами. Такимъ образомъ, на лучшихъ кумыкскихъ земляхъ, у самаго подножія лѣсистыхъ Качкалыковскихъ горъ, образовалось обширное чеченское населеніе, которое, въ отличіе отъ другихъ чеченскихъ племенъ, и стало называться качкалыковскимъ. Ермоловъ засталъ кумыковъ въ такомъ стѣсненномъ положеніи отъ этихъ выходцевъ, что бѣдные кумыки даже на своей землѣ не могли считать себя безопасными иначе, какъ поддерживая связи и входя въ родство съ качкалыковскими чеченцами. Ни одинъ изъ князей кумыкскихъ, по словамъ Ермолова, не смѣлъ выѣзжать, не будучи сопровождаемъ чеченцемъ. Очутившись въ полной зависимости отъ новыхъ пришельцевъ, кумыки вынуждены были давать не только свободный пропускъ ихъ разбойничьимъ шайкамъ на Терекъ, но даже участвовать съ ними въ набѣгахъ, а въ случаѣ неудачъ или преслѣдованія ихъ русскими войсками, укрывать преступниковъ. Когда Грозная значительно затруднила чеченцамъ набѣги съ той стороны и они перенесли свои дѣйствія преимущественно на Верхній Терекъ, — тѣмъ больше опасности стали представлять ничѣмъ не обезпеченныя границы со стороны Кумыкской плоскости. Ермоловъ потому и рѣшилъ поставить на ней сильную крѣпость, выгнавъ въ то же время всѣхъ чеченцевъ изъ Кумыкскихъ владѣній. Этимъ сразу достигались двѣ цѣли: кумыки, отрѣзанные отъ чеченцевъ и освободившіеся отъ ихъ вліянія, перестали быть опасными, а передъ чеченцами воздвигалась преграда.

Возвращаясь изъ Дагестана, куда онъ ходилъ громить Мехтулинское ханство, Ермоловъ, зимою съ 18 на 19-й годъ, посѣтилъ Кумыкскія владѣнія и убѣдился, что Эндери, или Андреевская де-

ревня, какъ ее называли русскіе *), представляетъ по своему положенію одно изъ самыхъ важныхъ мѣстъ на всемъ лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи и можетъ служить удобнѣйшимъ стратегическимъ пунктомъ. Расположенный при выходѣ изъ Салатавскихъ горъ, аулъ этотъ былъ главнымъ рынкомъ для всей Чечни и Дагестана; здѣсь сосредоточивались всѣ связи и сношенія горцевъ, и здѣсь же производился торгъ невольниками, которыхъ вывозили изъ горъ и за дорогую цѣну продавали въ Константинополь. Этотъ пунктъ и избралъ Ермоловъ для постройки сильнаго укрѣпленія.

Весною 1819 года русскій отрядъ, подъ командою начальника корпуснаго штаба генерала Вельяминова, собрался на Терекѣ, въ въ станицѣ Шелкозаводской, чтобы отсюда двинуться къ Андреевскому аулу. Батальонъ Троицкаго полка оставленъ былъ по дорогѣ, для прикрытія сообщеній съ Кавказскою линіею, а остальныя силы отряда: два батальона Кабардинцевъ, 8-й егерскій полкъ, 16 орудій и 300 линейныхъ казаковъ—вышли на постройку крѣпости.

Занятіе Андреевскаго аула такъ встревожило весь Дагестанъ, что аварскій ханъ рѣшился наконецъ открыто стать во главѣ движенія. Распуская слухъ, что русскіе, захвативъ въ Андреевской деревнѣ всѣхъ женъ, распродали ихъ на рынкахъ и что подобная же участь грозитъ всѣмъ мусульманамъ, онъ призывалъ ихъ стать подъ свои знамена и вмѣстѣ съ нимъ защищать свободу и вѣру. Слѣдовавшая за нимъ толпа, наскоро собранная изъ дальнихъ горъ, большею частію никогда не видала русскихъ и вѣрила ему на-слово. Но почти и всѣ жители Андреевской деревни вошли въ заговоръ съ лезгинцами и клялись аварскому хану въ повиновеніи.

Между тѣмъ русскія войска стояли бивуакомъ, рубили лѣсъ, дѣлали сырцовый кирпичъ изъ глины съ соломенною трухою и вообще заготовляли исподволь строительные матеріалы. 2 іюля въ лагерь прибылъ самъ главнокомандующій. Работы пошли спорѣе, и 18 іюля заложена была сильная крѣпость на цѣлый батальонъ пѣхоты съ блокгаузами въ два яруса и названа *Внезапною*.

*) У русскихъ существуетъ преданіе, что названіе Андреевской деревни (по-татарски Эндери) произошло отъ имени какого-то казацкаго атамана Андрея; но гораздо вѣроятнѣе другое объясненіе, что Эндери—испорченное кумыкское слово «Индри», означающее мѣсто, гдѣ молотятъ хлѣбъ.

Волненія на Кумыкской плоскости усиливались однако со дня на день; аулы быстро пустѣли. Пріѣздъ Ермолова вызвалъ между тѣмъ еще бо́льшую лихорадочную дѣятельность со стороны дагестанскихъ предводителей. Качкалыковскіе чеченцы также собирались въ разныхъ мѣстяхъ небольшими партіями и, ожидая прибытія изъ горъ лезгинъ, скрывались въ лѣсахъ. Носились слухи, что и засунженскіе чеченцы намѣрены напасть на Грозную и перервать наши сообщенія съ Терекомъ. Но тамъ находился Грековъ— и Ермоловъ былъ спокоенъ. Онъ только торопился теперь какъ можно скорѣе окончить работы, чтобы имѣть свободу дѣйствовать въ полѣ, и подъ его надзоромъ постройка крѣпости дѣйствительно производилась съ быстротою сказочною. Внезапная росла, какъ грибъ. „Крѣпость такая,—писалъ Ермоловъ къ Мадатову:—что и не здѣшнимъ дуракамъ взять ее невозможно. Скоро начнутъ приходить полки наши изъ Россіи и мы, поистинѣ, будемъ ужасны. Не даромъ горцы насъ потрушиваютъ—все будетъ благополучно.“

Увѣренность главнокомандующаго съ одной стороны вполнѣ оправдалась. Отъ полковника Грекова вскорѣ пришло донесеніе, что онъ былъ за Ханкальскимъ ущельемъ и никого не встрѣтилъ вплоть до Аргуна и Шавдона; всѣ жители бѣжали въ горы, деревни были пусты—точно все вымерло. За Грозную опасаться было, слѣдовательно, нечего. Но тѣмъ тревожнѣе шли извѣстія съ другой стороны. Правда, появленіе князя Мадатова съ войсками въ Южномъ Дагестанѣ отвлекло туда значительную часть дагестанцевъ; но это же самое обстоятельство заставило и аварскаго хана выйти изъ выжидательнаго положенія, съ тѣмъ, чтобы атаковать самого Ермолова. Въ половинѣ августа, въ 16 верстахъ отъ русскаго лагеря, въ тѣсныхъ горныхъ ущельяхъ Салатавіи, расположилось сильное лезгинское скопище, подъ личнымъ предводительствомъ Султана-Ахметъ-Хана. Здѣсь былъ назначенъ сборный пунктъ всѣмъ горскимъ народамъ, которымъ ханъ обѣщалъ не только воспрепятствовать постройкѣ крѣпости, но прогнать русскій отрядъ за Терекъ и разорить Кизляръ. Съ прибытіемъ дагестанской силы, чеченцы также вышли изъ горъ и окружили лагерь своими мелкими партіями. Однажды, ночью, кинувшись на отрядный табунъ, они

угнали даже до четырехсотъ артиллерійскихъ и полковыхъ лошадей. Положеніе принимало серьезный характеръ. Сообщенія съ линіей не могли производиться иначе, какъ подъ прикрытіемъ сильныхъ конвоевъ; для защиты Кизляра пришлось отправить въ Казіюртъ двѣ роты и два орудія, и въ лагерѣ осталось не болѣе четырехъ батальоновъ *), — утомляемыхъ притомъ непрерывными тяжелыми работами, производившимися даже и ночью при зажженныхъ кострахъ и факелахъ. Къ счастію еще, больныхъ въ отрядѣ было не много: Ермоловъ смотрѣлъ, чтобы солдаты были хорошо накормлены и рабочіе каждый день получали водку.

Другихъ свободныхъ войскъ не было. А между тѣмъ большая часть окрестныхъ кумыкскихъ селеній одно за другимъ переходило на сторону аварскаго хана. Салатавцы также отъ насъ отложились,—отрядъ окружали измѣна и заговоры.

Но Ермоловъ не терялъ спокойствія духа и, чтобы поддержать его въ войскахъ, часто ходилъ по лагерю и шутилъ съ солдатами. Солдаты и сами любили пошутить „съ батюшкой Алексѣемъ Петровичемъ", какъ они называли его между собою. Онъ заботился о нихъ сколько могъ, — они отвѣчали ему любовью и откровенностью. Цыловъ, ординарецъ Ермолова, разсказываетъ такой случай. Разъ какъ-то два—три дня рабочимъ не давали водки. Кабардинцы рѣшились заявить протестъ. Возвращаясь съ работъ, и какъ всегда съ пѣснями,—они на этотъ разъ приноровили такъ, что передъ самою ставкою главнокомандующаго грянули слова:

Жомини да Жомини, —
А объ водкѣ ни полъ-слова!..

Ермоловъ усмѣхнулся — и вышелъ къ нимъ навстрѣчу. „Здорово, ребята! крикнулъ онъ своимъ звучнымъ голосомъ:—водка — передъ кашицей!"—И водка явилась.

Наконецъ стали прибывать подкрѣпленія. Первымъ пришелъ 42-й егерскій полкъ изъ Таганрога, и его одного было уже довольно Ермолову, чтобы самому перейти въ наступленіе. На разсвѣтѣ 29 августа, оставивъ во Внезапной для прикрытія крѣпостныхъ работъ достаточный гарнизонъ, онъ съ остальными войсками

*) Изъ этихъ батальоновъ, одинъ, егерскаго полка, былъ весь составленъ изъ рекрутъ и не могъ быть употребленъ на боевую службу.

вышелъ изъ лагеря и, не доходя селенія Болтугай, напротивъ Чиръ-Юрта, былъ встрѣченъ непріятелемъ. Двѣ роты 8-го егерскаго полка, слѣдовавшія въ авангардѣ, подверглись горячему нападенію горцевъ и стойко выдержали сильный огонь ихъ; но когда лезгины бросились въ кинжалы, егеря, незадолго прибывшіе изъ Крыма, такъ были озадачены этимъ новымъ родомъ нападенія, что совершенно смѣшались и побѣжали... Къ счастію, картечь удержала стремительное преслѣдованіе горцевъ а подоспѣвшія двѣ роты Кабардинцевъ, съ маіоромъ Ковалевымъ, во главѣ, безъ выстрѣла ударили въ штыки—и все опрокинули. По крутизнѣ горъ однакоже было немыслимо преслѣдовать бѣгущихъ враговъ, и лезгины оправились, засѣли въ утесахъ за крѣпкими завалами, въ то время какъ наши войска заняли Болтугай и расположились по окружнымъ высотамъ на ружейный выстрѣлъ отъ непріятеля. Зная, что между горцами не можетъ долго сохраниться единодушіе, и не желая безполезно терять людей на приступѣ, Ермоловъ рѣшилъ выждать и въ продолженіе четырехъ дней ограничивался однимъ бомбардированіемъ непріятельскихъ позицій. Ожиданія его оправдались: уже на третій день между лезгинами, стѣсненными въ окопахъ, начались взаимныя ссоры, драки, убійства, а на четвертый—самъ аварскій ханъ бѣжалъ; вслѣдъ за нимъ побѣжало остальное скопище.

Пользуясь паникой, обуявшей непріятеля, Ермоловъ двинулся въ горы. Сдѣлавъ нѣсколько переходовъ по мѣстамъ столь труднымъ для движенія, что войска едва могли провезти два легкія орудія, онъ истребилъ нѣсколько селеній, сжегъ хлѣба и, не встрѣтивъ на пути ни одного человѣка, 1-го сентября возвратился къ Внезапной. Спокойствіе водворилось на всей Кумыкской плоскости. Но успѣхъ этотъ купленъ былъ дорогою цѣною: изъ строя Ермоловскаго отряда выбыло три офицера и 127 нижнихъ чиновъ убитыми, ранеными и пропавшими безъ вѣсти.

Героями дня были двѣ Кабардинскія роты, и имъ пожаловано было 12 георгіевскихъ крестовъ; маіоръ Ковалевъ произведенъ въ подполковники, штабсъ-капитанъ Грековъ и прапорщики Марковъ и Барабановъ—получили владимірскіе кресты, Юдинъ и Веніеръ—

разграблены, и сочли за лучшее вернуть свои семьи. И хотя русскіе сами по себѣ составляютъ предметъ ненависти магометанъ, но тѣмъ не менѣе довѣріе къ нимъ такъ велико, что мужское населеніе безбоязненно отправило впередъ своихъ женъ и дѣтей. Но сами мужчины медлили еще возвращаться до послѣдней возможности: они опасались заслуженнаго наказанія за всѣ убійства, грабежи и всякаго рода насилія, которые позволяли себѣ противъ русскихъ въ тѣ немногіе дни, когда въ горахъ Салатавіи стояла грозная сила аварцевъ.

„Въ башнѣ, гдѣ находилась главная квартира, намъ сказали, что обѣдъ давно готовъ. Но въ виду того, что Ермоловъ въ этотъ день отправлялъ депеши къ императору, въ которыхъ давалъ подробный отчетъ о дѣйствіяхъ отряда, намъ пришлось ожидать его еще цѣлый часъ. Я вышелъ съ нѣкоторыми офицерами въ садъ, изъ котораго открывался превосходный видъ на весь аулъ и его окрестности. Отсюда мы прошли въ мечеть, смежную съ башней; я нашелъ въ ней нѣсколько пергаментовъ, написанныхъ на незнакомомъ мнѣ языкѣ, и взялъ ихъ, чтобы подарить іезуиту въ Моздокѣ.

„По возвращеніи въ столовую, я увидѣлъ, что гостей больше чѣмъ мѣстъ, обстоятельство повторявшееся довольно часто, потому что всякій имѣлъ право являться безъ приглашенія къ столу Алексѣя Петровича, какъ называли всѣ главнокомандующаго. Слуги въ подобныхъ случаяхъ приставляли къ столу деревянныя скамьи работы русскихъ солдатъ. По принятому обычаю мы всѣ ожидали прихода генерала, чтобы занять свои мѣста. Наконецъ онъ вошелъ, поздоровался со всѣми съ своимъ обычнымъ добродушіемъ, не дѣлая никакихъ различій, и сѣлъ у середины стола, пригласивъ нѣкоторыхъ начальниковъ сѣсть рядомъ съ нимъ, а меня и одного прибывшаго со мною маіора усадилъ на почетныя мѣста въ концѣ стола.

„Обыкновенно Ермоловъ передъ обѣдомъ усиленно занимается дѣлами съ своими молодыми адъютантами, не отдавая предпочтенія ни одному изъ нихъ. Какъ словесные, такъ и письменные приказы онъ поручаетъ тому, кто первый попадается подъ руку. Я слышалъ отъ людей, знавшихъ Ермолова въ молодости, что онъ

всегда любилъ серьезное чтеніе и хорошо знакомъ съ классиками. При этомъ онъ не терпѣлъ пьянства и картежничества; послѣднее онъ строго преслѣдовалъ, хотя страсть эту очень трудно вывести между его соотечественниками. Это единственная вещь, гдѣ онъ выказывалъ нетерпимость, особенно если чувствовалъ нѣкоторое уваженіе къ лицу, имѣвшему этотъ порокъ.

„Вечеромъ, по уходѣ приближенныхъ, которые почти ежедневно собираются у него за чаемъ, Ермоловъ пишетъ и читаетъ; а такъ какъ онъ никогда не употребляетъ ни стѣнныхъ, ни карманныхъ часовъ, то не ложится спать до тѣхъ поръ, пока не смѣнится караулъ у его окна. Однако несмотря на это, прежде чѣмъ пушечный выстрѣлъ возвѣститъ приближеніе зари, онъ уже на ногахъ и производитъ осмотръ лагеря. Таковъ неизмѣнный образъ жизни этого человѣка, который несетъ такую тяжелую отвѣтственность и которому приходится переносить столько трудовъ по обширному и сложному управленію отдаленнымъ краемъ. Съ солдатами онъ обращается, какъ съ братьями, дорожитъ каждой каплей ихъ крови и во время экспедицій употребляетъ всѣ мѣры, чтобы обезпечить успѣхъ съ наименьшей потерей. Благодаря этому онъ пользуется общею любовью и уваженіемъ своихъ подчиненныхъ“.

Такъ описалъ этотъ чуждый человѣкъ поразившаго его кавказскаго героя.

Въ половинѣ сентября мѣсяца, Внезапная была окончена, вооружена и занята гарнизономъ. Настала очередь расплаты съ чеченцами. Вся Салатавія, принимавшая участіе въ замыслахъ аварскаго хана, была обложена данью, которой до сихъ поръ никогда никому не платила; андреевскія, аксаевскія и костековскія селенія подвергнуты большой контрибуціи, и всѣмъ князьямъ приказано было собрать и доставить въ лагерь такое же число лошадей, какое было отбито чеченцами.

Было между прочимъ дознано, что чеченцы, угнавшіе табунъ, принадлежали къ качкалыковскому племени, издавна, какъ мы уже видѣли, поселившемуся на кумыкской землѣ. Чтобы разъ навсегда отдѣлаться отъ этихъ безпокойныхъ сосѣдей, равно наносившихъ вредъ и русскимъ и кумыкамъ, Ермоловъ рѣшилъ очистить всю

кумыкскую плоскость отъ наноснаго сброда, заставивъ чеченцевъ уйти отсюда за горный Качкалыковскій хребетъ. Деревни качкалыковцевъ лежали однакоже въ твердыхъ и лѣсистыхъ мѣстахъ; съ ними были ихъ семьи, а защищая семьи, чеченцы дерутся упорно, и побѣда надъ ними не обходится дешево. Нужно было добиться того, чтобы чеченцы сами удалили свои семейства, а къ этому понудить ихъ можно было только примѣромъ ужаса. И вотъ, искупительною жертвою былъ избранъ богатый надтеречный аулъ Дады-Юртъ, жители котораго были поголовно разбойники, умѣвшіе весьма искусно хоронить концы, а между тѣмъ болѣе всѣхъ тревожившіе казачьи станицы. Донскому генералу Сысоеву приказано было скрытно подойти къ аулу, окружить его и предложить жителямъ добровольно перебраться за Сунжу; въ случаѣ отказа — взять аулъ штурмомъ и не давать никому пощады.

15-го сентября, на разсвѣтѣ, Сысоевъ подошелъ къ аулу. Шесть Кабардинскихъ ротъ, семьсотъ казаковъ и пять орудій, развернулись въ боевой порядокъ — и стали въ ожиданіи отвѣта. Дады-юртовцы отказались, однако, принять предложенныя условія — и Кабардинскимъ ротамъ приказано было идти на приступъ. Чеченцы приготовились къ защитѣ. Начался отчаянный, кровопролитный бой, какого русскимъ войскамъ еще не случалось до того времени испытывать на Кавказѣ, не исключая даже извѣстныхъ Булгаковскихъ штурмовъ. Каждый дворъ, окруженный высокимъ каменнымъ заборомъ и представлявшій собою родъ небольшой крѣпостцы, приходилось сперва обстрѣлять артиллеріею и потомъ уже брать приступомъ. Солдаты на рукахъ перетаскивали орудія отъ одного дома къ другому и устанавливали ихъ подъ сильнѣйшимъ ружейнымъ огнемъ непріятеля, стрѣлявшаго почти въ упоръ, — и большая часть артиллеристовъ дѣйствительно была перебита или переранена; но ихъ замѣняли солдаты и казаки, и огонь не прекращался. И едва только пробивалась хотя малѣйшая брешь, едва осыпалась хоть небольшая часть стѣнки, солдаты бросались въ проломы, и тамъ, въ темныхъ и душныхъ сакляхъ шла невидимая кровавая рѣзня штыками и кинжалами. Ни одинъ солдатъ, попавшій въ лабиринты саклей, не могъ уже и думать объ от-

ступленіи; еще менѣе думали о немъ чеченцы, въ первый разъ атакованные русскими въ аулѣ, изъ котораго не успѣли вывести семействъ. Ожесточеніе съ обѣихъ сторонъ росло съ каждою новою жертвою. Нѣкоторые чеченцы, видя, что имъ не устоять, на глазахъ солдатъ рѣзали женъ и дѣтей; многія изъ женщинъ сами бросались на солдатъ съ кинжалами, или, напротивъ, кидались отъ нихъ въ горѣвшіе дома и живыми гибли въ пламени. Потери съ обѣихъ сторонъ быстро увеличивались. Пришлось наконецъ спѣшить большую часть казаковъ, чтобы послать ихъ на помощь къ Кабардинскимъ ротамъ,—и, несмотря на то, ужасное побоище длилось еще нѣсколько смертныхъ часовъ. Аулъ былъ взятъ окончательно только тогда, когда истреблены были поголовно всѣ его защитники, когда изъ многочисленнаго дады-юртовскаго населенія осталось въ живыхъ только 14 человѣкъ, да и то тяжело израненныхъ. Въ плѣнъ взяты 140 женщинъ и дѣтей, которыхъ солдаты пощадили изъ сожалѣнія, послѣ того, какъ они остались уже безо всякой защиты и просили помилованія. Многія женщины и даже дѣти были ранены; но вдвое большее число ихъ было вырѣзано или погибло въ пожарѣ, охватившемъ селеніе. Солдатамъ досталась богатая добыча, такъ какъ дады-юртовцы, жившіе по преимуществу разбоемъ и не пропускавшіе ни одного случая принять участіе въ набѣгѣ на русскія станицы, были богаты. Аулъ въ буквальномъ смыслѣ слова былъ уничтоженъ до основанія.

Потеря съ русской стороны была также весьма значительная; самъ генералъ-маіоръ Сысоевъ былъ раненъ пулею въ ногу, изъ строя выбыло 10 офицеровъ и около двухсотъ двадцати нижнихъ чиновъ, т. е. болѣе четверти всего отряда.

Прошло двѣ недѣли. Ермоловъ все еще стоялъ у Внезапной, а слухъ о жестокой судьбѣ Дады-Юрта между тѣмъ облетѣлъ уже горы и, разумѣется, ранѣе всѣхъ достигъ до качкалыковскихъ селеній. Качкалыковцы встревожились, особенно, когда, на другой или на третій день, распространился слухъ, что показались русскіе. Слухъ оказался вѣренъ; но, къ удивленію чеченцевъ, отрядъ остановился на самой границѣ качкалыковской земли и спокойно

расположился лагеремъ. Куда онъ направился — никто не зналъ. Качкалыковцы находились въ томительномъ ожиданіи.

„Съ ними, говоритъ Ермоловъ въ одномъ изъ своихъ частныхъ писемъ: — опредѣлилъ я систему медленія и, какъ римскій императоръ Августъ, могу сказать: „Я медленно спѣшу.“

Дѣйствительно, отрядъ полковника Базилевскаго былъ высланъ Ермоловымъ только для того, чтобы привлечь на себя вниманіе качкалыковцевъ и этимъ дать возможность Сысоеву пройти безъ потерь отъ разореннаго аула Дады-Юртъ ближайшею, но опаснѣйшею дорогою въ Грозную. Въ свою очередь Сысоевъ, достигнувъ Грозной, долженъ былъ ночью 30 сентября сдѣлать быстрый набѣгъ за Ханъ-Кале и этимъ отвлечь засунженскихъ чеченцевъ отъ помощи качкалыковцамъ. Такъ медленно, но вѣрно подготовлялъ Ермоловъ успѣхъ надъ качкалыковскими аулами, отъ которыхъ ожидалъ сильнаго сопротивленія.

И вотъ, 1 октября, пронеслась среди качкалыковцевъ вѣсть: „идетъ Ермоловъ.“ Со стороны Внезапной, извиваясь длинною лентой и сверкая штыками, дѣйствительно, двигались шесть батальоновъ и 16 полевыхъ орудій — прямо на качкалыковскія деревни. Въ аулахъ поднялась ужасная суматоха. Напуганные примѣромъ дады-юртовцевъ, чеченцы спѣшили сдѣлать то, чего именно и желалъ Ермоловъ, — т. е. отправляли въ дремучіе лѣса свои семьи; сами же они давали другъ другу клятвы умереть на развалинахъ своихъ ауловъ.

По мѣрѣ приближенія русскихъ войскъ, рѣшимость чеченцевъ умереть должна была, однакоже, значительно ослабѣвать; въ этомъ теперь не было и нужды: семьи ихъ были въ безопасности, слѣдовательно защищать имъ было некого, а деревянныя сакли въ мѣстности, обильной лѣсомъ, не стоили того, чтобы за нихъ терять хоть каплю крови. Эта логика должна была наконецъ восторжествовать; и когда войска 2 октября подошли къ Исти-Су (Горячая вода), главной качкалыковской деревнѣ, населенной, какъ выражается Ермоловъ, величайшими изъ разбойниковъ, то сопротивленіе оказалось сравнительно уже незначительнымъ. Чеченцы встрѣтили русскихъ, правда, ружейнымъ огнемъ изъ окоповъ. Но двѣ роты Кабардинцевъ быстро заняли сильный завалъ, устроенный на клад-

бищѣ, за которымъ скрывался непріятель, а третій батальонъ Апшеронцевъ былъ двинутъ на штурмъ аула. Это былъ первый дебютъ, первый кавказскій бой полка, которому суждено было впослѣдствіи уже въ безчисленныхъ бояхъ стяжать себѣ громкую и заслуженную извѣстность. Апшеронцы исполнили задачу молодцами. Пренебрегая огнемъ непріятеля, они безъ выстрѣла пошли въ штыки, ворвались въ аулъ и предали его пламени. Въ мечети да въ нѣкоторыхъ саклях произошли упорныя кровавыя схватки, но черезъ полчаса аулъ находился уже въ нашей власти, а чеченцы разсѣялись по окрестнымъ лѣсамъ. День этотъ тѣмъ не менѣе стоилъ русскимъ шести офицеровъ и 63 нижнихъ чиновъ, выбывшими изъ строя,—обстоятельство, показывающее, какъ много жертвъ предотвратили мудрыя распоряженія Ермолова.

На слѣдующій день той же участи подверглись Ноимъ-Берды и Аллаяръ аулъ. Изъ перваго чеченцы были выгнаны сильною канонадою, второй они оставили сами, потому что легко могли быть окруженными,—и обѣ деревни были совершенно разорены.

Аулъ Хошъ-Гельды встрѣтилъ Ермолова съ хлѣбомъ-солью и былъ пощаженъ. Аксаевскіе владѣльцы поручились за мирныя намѣренія жителей, которымъ и дозволено оставаться на мѣстахъ и воздѣлывать поля. Остальные аулы были пусты—жители ихъ бѣжали за горы. Такимъ образомъ, Кумыкская плоскость въ нѣсколько дней была совершенно очищена отъ хищныхъ чеченцевъ.

4 октября Ермоловъ вернулся къ Внезапной, а черезъ мѣсяцъ съ тѣми же самыми войсками онъ былъ уже въ Дагестанѣ и громилъ акушинцевъ.

Рѣшительныя дѣйствія Ермолова укрѣпили у горцевъ обычай, при приближеніи русскихъ, отправлять свои семьи и имущества въ лѣса. Лѣтъ тридцать—сорокъ назадъ, на Кавказѣ, въ устахъ солдатъ еще можно было слышать слѣдующую старинную пѣсню, относящуюся къ Ермоловской эпохѣ.

Въ лѣса бѣги, моя семья!
Бѣги, жена, бѣгите, дѣти!
А здѣсь одинъ останусь я.
Намъ русскій врагъ готовитъ сѣти:

Ермоловъ рать свою ведетъ,
Но онъ въ лѣсу васъ не найдетъ.
Къ чему же ты ихъ станешь ждать?
Бѣги скорѣй; бѣги ты съ нами!
Опаснѣй грома русскихъ рать—
Они убьютъ тебя штыками,—
Тебя отвага не спасетъ
Когда Ермоловъ ихъ ведетъ.
Спасенья нѣтъ родному краю...
Бѣгите,—близокъ ужъ разсвѣтъ.
Меня убьютъ, я это знаю,
Ермолову преграды нѣтъ.
Но я никакъ моимъ врагамъ
Безъ боя сакли не отдамъ.

Увѣряютъ, что это—дословный переводъ чеченской пѣсни, переложенный кѣмъ-то въ русскіе стихи. Легко быть можетъ, что впечатлительные чеченцы и создали ее именно въ то время, когда грозою по ихъ землямъ проходилъ Ермоловъ.

Съ построеніемъ крѣпости Внезапной направленіе передовой линіи опредѣлилось точно. Для большаго же прикрытія нижняго Терека, Ермоловъ заложилъ на Кумыкской плоскости еще два небольшія укрѣпленія: на мѣстѣ бывшаго аула Исти-Су—Неотступный станъ, обезпечивавшій путь къ Кизляру, и Герзель-Аулъ, у самаго Аксая, стоявшій на пути сообщенія съ Грозной. Впослѣдствіи къ нимъ прибавились еще: Амиръ-Аджи-Юртъ, прикрывавшій паромную переправу черезъ Терекъ, и Умаханъ-Юртъ, обезпечивавшій переправу черезъ Сунжу, на пути между Внезапною и Грозною.

Затѣмъ по Сунжѣ, начиная отъ Грозной, также протянулся рядъ небольшихъ укрѣпленій, связавшихъ ее съ Владикавказомъ, а для сообщенія всѣхъ ихъ, какъ между собою, такъ и съ задними линіями и съ Чечнею, приступлено было къ разработкѣ широкихъ лѣсныхъ просѣкъ, по которымъ можно бы было войскамъ безпрепятственно подходить къ ауламъ. Въ этомъ состояло дѣйствительное средство—держать чеченцевъ въ постоянномъ страхѣ.

Такъ выросла крѣпкая Сунженская линія. Не доставало на ней только казачьихъ станицъ; но довершить это дѣло уже выпало на долю князя Воронцова, когда, послѣ двѣнадцатилѣтнихъ напрасныхъ и кровавыхъ усилій покорить Кавказъ инымъ путемъ, пришлось возвратиться къ побѣдоносной Ермоловской системѣ.

VII.

Въ лѣсахъ и аулахъ Чечни.

(Генералъ Грековъ).

Въ числѣ даровитыхъ людей, прибывшихъ на Кавказъ съ Ермоловымъ, былъ начальникъ его штаба полковникъ Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ — личность впослѣдствіи пріобрѣтшая громадное значеніе въ исторіи Кавказской войны. Вельяминову обыкновенно и приписываютъ замѣчательную мысль о необходимости просѣкъ въ Чечнѣ, съ цѣлію отнять у ея разбойничьяго населенія возможность дѣлать набѣги и безнаказанно скрываться въ своихъ аулахъ за неприступными лѣсами отъ заслуженной кары. Ермоловъ оцѣнилъ вполнѣ значеніе этой мысли въ общемъ планѣ умиротворенія Кавказа, и рубка лѣсовъ заняла виднѣйшее мѣсто въ „ермоловской системѣ.“

Съ перенесеніемъ линіи на Сунжу, Ермоловъ принялъ Кабардинскую равнину за центръ Кавказской линіи, и отмежевалъ отсюда по Кубани правый, а по Тереку и его притокамъ лѣвый флангъ линіи — раздѣленіе, сохранившееся почти до послѣднихъ дней покоренія Кавказа. Центромъ управленія лѣваго фланга служила Грозная, какъ по своему положенію, такъ и по силѣ своихъ

укрѣпленій. Здѣсь помѣщались начальникъ лѣваго фланга, полковникъ Грековъ, и чеченскій приставъ, есаулъ Черновъ, на которыхъ и лежалъ ближайшій надзоръ за спокойствіемъ между мирными чеченскими аулами.

Николай Васильевичъ Грековъ былъ человѣкъ, обладавшій замѣчательною энергіею и не заурядными военными способностями. Дворянинъ Слободско-Украинской губерніи, онъ родился въ странѣ, гдѣ все дышало волей порубежной жизни, и съ малолѣтства съумѣлъ воспитать въ себѣ лучшія стороны казачества, которыя, какъ славный памятникъ прошлаго, оставила по себѣ въ томъ краѣ Запорожская Сѣчь. Пріѣхавъ на Кавказъ, онъ поступилъ на службу въ 1805 году въ Кабардинскій полкъ, вмѣстѣ съ пятью своими братьями, такими же героями, какъ самъ, и рядомъ боевыхъ отличій, оказанныхъ имъ въ то легендарно-героическое время, скоро успѣлъ добиться перевода въ гвардію. Но, воспользовавшись гвардейскими преимуществами, Грековъ остался на Кавказѣ—и это послужило началомъ его быстрой военной карьеры. Спустя одиннадцать лѣтъ, онъ былъ уже полковникомъ и командовалъ на линіи 16-мъ егерскимъ полкомъ, пользовавшимся громкою славой еще со временъ Лихачева. Это были „зеленые егеря,“ — когда-то страхъ и гроза прикубанскихъ народовъ *).

Ермоловъ, обладавшій замѣчательною способностію выбирать людей, остановилъ свое вниманіе на Грековѣ и, отъѣзжая въ Дагестанъ, поручилъ ему важный военный постъ начальника лѣваго фланга. На обязанности Грекова лежало дѣлать движенія за Сунжу, подробно изслѣдовать мѣстность на всемъ пространствѣ лѣсистой Чечни вплоть до подножія Черныхъ горъ, прокладывать на сообщеніяхъ между главнѣйшими пунктами широкія просѣки, устраивать дороги, а въ случаѣ нужды истреблять аулы, которые будутъ служить обычнымъ притономъ для хищниковъ. Грековъ принялся за

*) Съ прибытіемъ въ 1819 году полковъ изъ Россіи, 16 егерскій полкъ почти въ полномъ составѣ поступилъ на укомплектованіе новаго 34 егерскаго полка, который расположился въ Грозной. Грековъ, по распоряженію Ермолова, принялъ 43 полкъ, а прежній командиръ его съ кадрами 16 егерскаго полка возвратился въ Россію.

выполненіе этой сложной задачи съ замѣчательной настойчивостію и послѣдовательностію.

Какъ только тылъ его былъ прикрытъ небольшимъ Горячеводскимъ редутомъ (при Старомъ-Юртѣ), обезпечившимъ ему безопасныя сообщенія съ Терекомъ, онъ не замедлилъ перенести военныя дѣйствія на ту сторону Сунжи. Первые удары русской силы и должны были направиться на знаменитое Ханкальское ущелье— ворота въ Чечню, видѣвшія передъ собою рядъ племенъ и народовъ, приходившихъ помѣряться тамъ силами съ людьми и съ природою горъ. Ханкальское ущелье тѣмъ и было сильно, что, представляя удобный путь изъ Чечни, оно своими вѣковыми лѣсами дѣлало, напротивъ, путь въ Чечню чрезвычайно труднымъ, если вступавшій въ страну былъ врагъ ея. Весь лѣсъ оживалъ тогда и, казалось, каждое дерево сыпало смертоносными пулями на дерзкаго пришельца. Вырубить этотъ лѣсъ — значило сдѣлать путь въ чеченскую землю открытымъ. Но овладѣть Ханкальскимъ ущельемъ открытою силой было бы трудно. Здѣсь нужна была хитрость, и Грековъ прекрасно обдумалъ планъ своего нападенія. Ничего не предпринимая въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ послѣ занятія Грозной, онъ исподволь пріучилъ чеченцевъ къ безпечности и къ мысли, что слабый гарнизонъ не можетъ угрожать имъ серьезными набѣгами. И вотъ, когда въ аулахъ все успокоилось, когда суровые зимніе холода разогнали чеченскіе караулы къ очагамъ ихъ саклей, Грековъ скрытно притянулъ войска, стоявшія за Терекомъ, и темною ночью на 29 января 1819 года, внезапнымъ движеніемъ разомъ захватилъ въ свои руки все Ханкальское ущелье.

Еще заря не успѣла заняться на южномъ ночномъ небѣ, какъ шестьсотъ топоровъ дружно застучали по корнямъ деревъ, и съ громомъ и трескомъ стали валиться лѣсные исполины. Въ два дня прорублена была широкая просѣка,—и вѣковой, неприступный оплотъ грозной Чечни, стоившій столько жертвъ и крови Булгакову, палъ подъ топорами русскихъ солдатъ безъ единаго ружейнаго выстрѣла. Деревья, сложенныя въ кучи, запылали огромными чудовищными кострами. И только тогда, когда густой дымъ ги-

гантскими столбами сталъ подниматься надъ лѣсомъ, оплошавшіе чеченцы бросились смотрѣть, что такое творится въ ущельѣ... Но тамъ, гдѣ нѣкогда были дремучіе лѣса, защищавшіе ихъ родину, теперь была широкая просѣка и, какъ муравьиныя кучки, копошились на ней сѣрыя солдатскія шинели. Ворота въ Чечню стояли отворенными настежь.

Непосредственно за Ханкальскимъ ущельемъ простиралась обширная воздѣланная равнина; здѣсь были чеченскія поля, засѣянныя хлѣбомъ, здѣсь паслись стада, вокругъ—группировались богатѣйшія селенія. Теперь она лежала незащищенною передъ русскими войсками, неожиданно безъ всякаго боя, тихо и незамѣтно овладѣвшими ключемъ къ ней. Было о чемъ подумать чеченцамъ. Благоразуміе, однакоже, удержало ихъ отъ непріязненныхъ дѣйствій. Бой за Ханкальское ущелье, теперь, когда оно лишилось своей естественной защиты—неприступнаго лѣса, не имѣлъ болѣе смысла; оставалось хотя бы наружно покориться, потому что другого выбора не было. И съ ранняго утра со всѣхъ сторонъ потянулись къ русскому стану чеченскія депутаціи съ хлѣбомъ и солью. Грековъ, принимая эти выраженія покорности, понималъ, какъ мало въ нихъ искренности; чеченцы старались только удалить на время неожиданно нависшую надъ ними тучу, чтобы заручиться помощью со стороны дагестанцевъ,—и Грековъ зорко смотрѣлъ за чеченцами. Скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что жители Куллара, селенія, расположеннаго почти при самомъ впаденіи въ Сунжу притока ея, Гойты, вошли въ сношенія съ чеченцами, живущими въ дальнихъ горахъ, и не только снабжаютъ ихъ хлѣбомъ и принимаютъ у себя ихъ людей, но мало по малу сами перевозятъ свое имущество въ горы. Послѣднее обстоятельство издавна служило признакомъ, что чеченцы готовятся къ непріязненнымъ дѣйствіямъ; за имуществомъ обыкновенно слѣдовалъ скотъ, потомъ отправлялись семейства—и мужское населеніе поднимало оружіе.

Быстрымъ движеніемъ нагрянулъ Грековъ на Куллары — и разрушилъ ихъ до основанія; въ то же время сосѣднимъ деревнямъ было объявлено, что всякая попытка къ возстанію будетъ

строго наказана. Жители обложены были новою податью—доставкою бревенъ для укрѣпленій.

Наступила весна 1819 года. Начавшаяся въ то время постройка крѣпости Внезапной чрезвычайно усложнила задачи Грекова. Съ ничтожными силами онъ долженъ былъ препятствовать засунженскимъ чеченцамъ подать помощь мичиковцамъ и качкалыковцамъ, находившимся тогда въ полномъ возстаніи, и въ то же время заботиться объ устройствѣ безопасныхъ путей сообщенія по направленію къ новой крѣпости. По счастію, угрожающее положеніе, занятое Грековымъ у входа въ Ханкальское ущелье, уже само по себѣ оказывало ему огромную услугу; чеченцамъ приходилось думать о собственной защитѣ, и большая часть враждебныхъ ауловъ постепенно уходила въ горы. Ермолова однако тревожило положеніе Грекова, и какъ только изъ Россіи стали подходить полки, онъ приказалъ одному изъ нихъ, Куринскому, остановиться на Терекѣ, чтобы служить резервомъ для Грозной; вслѣдъ за тѣмъ туда же прибылъ изъ-подъ Внезапной отрядъ генерала Сысоева, которому приказано было сдѣлать поискъ за Сунжу. 30 сентября 1819 года войска ходили двумя колоннами: Сысоевъ—черезъ Ханкальское ущелье, Грековъ—вверхъ по теченію Сунжи. Оба отряда, встрѣчая аулы пустыми, топтали посѣвы и жгли хлѣба и сѣно, покинутые жителями. Всѣ эти дѣйствія въ совокупности имѣли результатомъ то, что ни одинъ чеченецъ изъ-за Сунжи не явился на поддержку качкалыковцевъ въ тѣ дни, когда Ермоловъ громилъ ихъ аулы.

Не лишнее замѣтить, что въ экспедиціи Сысоева въ первый разъ является на сценѣ Кавказской войны Куринскій полкъ, и именно въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, въ которыхъ впослѣдствіи слава была его неразлучною спутницею въ теченіе почти полувѣка. На этотъ разъ ему пришлось оказать братскую помощь своимъ артиллеристамъ, въ критическій моментъ, когда молодецкая горсть ихъ, спасая честь и славу своего оружія, уже готовилась лечь въ неравной борьбѣ съ врагами.

Пока отрядъ Сысоева двигался впередъ, непріятель издали слѣдилъ за его движеніемъ, ограничивая бой лишь слабою пере-

стрѣлкой; но когда началось отступленіе, чеченцы, пропустивъ мимо себя отрядъ за Амиръ-Ханъ-Кичу, кинулись на него съ такою стремительностью, что едва не захватили двухъ орудій (батарейное и казачье). Личное мужество командовавшаго взводомъ прапорщика Грамотина, впослѣдствіи извѣстнаго кавказскаго генерала, увлекло своимъ примѣромъ артиллерійскую прислугу, смѣло схватившуюся съ непріятелемъ въ рукопашную и отстоявшую пушки. Сотникъ Назаровъ, находившійся съ казачьимъ орудіемъ и раненый уже передъ тѣмъ подъ Болтугаемъ въ Салатавскихъ горахъ, вновь получилъ тяжелую рану шашкой и, вѣроятно, былъ бы изрубленъ совсѣмъ, если бы молодцы-артиллеристы не выручили его, отбиваясь банниками. Командиръ конно-артиллерійской роты, есаулъ Алпатовъ, замѣтивъ новыя густыя толпы пѣшихъ чеченцевъ, бѣжавшихъ къ батареѣ, вынесся навстрѣчу къ нимъ съ однимъ коннымъ орудіемъ и почти въ упоръ сдѣлалъ въ нихъ выстрѣлъ гранатою. Граната, попавши въ передніе ряды, пошла рикошетомъ, разорвалась и разметала чеченцевъ. Ошеломленные, они остановились, и въ это-то мгновеніе бѣгомъ подоспѣли Куринцы... Ермоловъ, самъ артиллеристъ, вполнѣ оцѣнилъ подвигъ своихъ товарищей по оружію, и урядникъ Андреевъ, наводившій орудіе, выпустившее гранату, получилъ изъ его рукъ Георгіевскій крестъ; Алпатовъ и Грамотинъ стали пользоваться съ тѣхъ поръ его особымъ расположеніемъ.

Весною 1820 года военныя дѣйствія возобновились съ новою силою. Однимъ изъ опаснѣйшихъ пунктовъ въ Чечнѣ считался въ то время богатый аулъ Герменчугъ на Джалкѣ, населенный почти поголовно разбойниками, принимавшими между прочимъ дѣятельное участіе и въ нападеніи при Амиръ-Ханъ-Кичу, вопіявшемъ объ отмщеніи.

Ближайшій путь къ нимъ шелъ въ обходъ Ханкальскаго ущелья, на селеніе Топли, охранявшее переправу черезъ Аргунъ и служившее какъ бы передовымъ редантомъ для герменчугцевъ. За Топли, отъ самаго Аргуна до Джалки, тянулся знаменитый сплошной, дремучій лѣсъ, служившій преградою для уничтоженія герменчугскихъ полей и пастбищъ. Съ этого-то лѣса Грековъ и

рѣшилъ начать свои дѣйствія, двигаясь на Герменчугъ съ ружьемъ въ рукѣ и съ топоромъ въ другой. Опытный въ войнѣ съ чеченцами, онъ опять скрытно сосредоточилъ въ Грозной отрядъ и, въ ночь на 6 марта, осторожно и тихо переправилъ его за Сунжу. Было темно, туманно и холодно; войска соблюдали глубокую тишину; колеса и цѣпи у орудій, обмотанныя соломой и рогожами, ни разу не брякнули; конь не заржалъ; горящіе фитили, спрятанные подъ бурками, ни разу не сбросили искры, которая предательски могла бы освѣтить отрядъ. Благодаря этимъ предосторожностямъ, войска совершенно неожиданно появились передъ селеніемъ Топли, захвативъ врасплохъ даже самые чеченскіе караулы. Гребенской казачій полкъ, посланный впередъ съ маіоромъ Ефимовичемъ, мгновенно и безъ сопротивленія ворвался въ аулъ, погруженный еще въ глубокій сонъ. Не теряя пороху, гребенцы кинулись по саклямъ съ кинжалами. Дикіе крики, вопль и стоны внезапно огласили безмолвныя дотолѣ окрестности. На помощь къ казакамъ скоро подоспѣли три роты егерей. Часть жителей была перерѣзана прежде, чѣмъ успѣла подняться съ постелей; другая просила пощады. Грековъ остановилъ кровопролитіе, собралъ старшинъ окрестныхъ деревень и приказалъ имъ немедленно выслать рабочихъ съ топорами для вырубки лѣса. Курящіяся развалины деревни, смотрѣвшія угрозой и краснорѣчиво говорившія о судьбѣ, которая постигнетъ сопротивляющихся, заставили чеченцевъ повиноваться Рабочіе явились; въ вѣковыхъ чеченскихъ лѣсахъ зазвенѣли чеченскіе топоры, и каждый ударъ ихъ по упругимъ стволамъ расчищалъ путь въ страну грознымъ пришельцамъ. Войска между тѣмъ, выдвинувшись впередъ, прикрыли рабочихъ.

Отрывочные выстрѣлы въ цѣпи свидѣтельствовали однако, что новый врагъ стоялъ передъ отрядомъ, и только пушки, снятыя съ передковъ, держали его въ почтительномъ разстояніи. Но топоры звучали отъ того только быстрѣе и чаще,—чеченцы должны были торопиться окончить работу, чтобы не попасть въ перекрестъ между своими и русскими.

Черезъ три дня была готова широкая просѣка, открывавшая большую поляну, на которой стоялъ Герменчугъ и множество

ауловъ. Но аулы были пусты, и лишь вдали, на задней опушкѣ лѣса, можно было видѣть группы верховыхъ и слышать оттуда нечастые выстрѣлы. Войска продвинулись впередъ, сожгли Герменчугъ и потянулись назадъ, въ Грозную.

Все лѣто 1820 года продолжались работы по обезпеченію лѣваго фланга. Едва войска покончили съ герменчугскою просѣкой, какъ Грековъ приступилъ къ вырубкѣ лѣса по Сунжѣ и къ постройкѣ на расчищенныхъ полянахъ двухъ новыхъ укрѣпленій: Усть-Мартанскаго редута и Злобнаго Окопа, одновременно съ тѣмъ, какъ со стороны Внезапной велись работы по направленію къ Сунженской линіи.

Тамъ также поставлены были три укрѣпленія: небольшой Амиръ-Аджи-Юртовскій редутъ — на переправѣ черезъ Терекъ, между Шелкозаводской и Щедринской станицами, Герзель-Аулъ на Акташѣ, въ кумыкскихъ владѣніяхъ, и Неотступный Станъ при Исти-Су, въ землѣ качкалыковскихъ чеченцевъ. Всѣ работы производились подъ личнымъ наблюденіемъ командующаго Кавказскою линіею, генерала-маіора Сталя, и въ помощь войскамъ лѣваго фланга приходилъ небольшой отрядъ изъ Дагестана, подъ начальствомъ полковника Верховскаго. Неотступный Станъ, запиравшій входъ въ земли аксаевцевъ и преграждавшій путь къ Кизляру, особенно безпокоилъ чеченцевъ и заставлялъ ихъ настойчиво препятствовать работамъ. Они собирались въ значительныхъ силахъ и, изо дня въ день, то тревожили русскіе передовые посты, то угрожали табунамъ, то нападали на сѣнокосы. Нерѣдко происходили при этомъ и горячія сшибки. Между ними выдается одна, въ которой линейные казаки, несравненно меньшіе числомъ, оказали необыкновенную неустрашимость. Русскій лагерь стоялъ тогда на послѣднемъ уступѣ Качкалыковскихъ горъ. Передъ нимъ простиралась въ необозримую даль, до самаго Терека, обширная равнина, вся изрѣзанная оврагами и балками, которыми чеченцы искусно пользовались для своихъ засадъ и внезапныхъ нападеній. Командиръ Гребенскаго полка, маіоръ Ефимовичъ, каждое утро лично объѣзжалъ съ разъѣздами эту опасную мѣстность, и только по возвращеніи его въ лагерь, высылались рабочіе, выгонялся

скотъ и выходили фуражиры. Однажды, когда обычный разъѣздъ уже былъ готовъ, лошадь, подведенная Ефимовичу, заупрямилась, стала на дыбы, и онъ, садясь въ сѣдло, оборвалъ шашку; нужно было спѣшить, и Ефимовичъ поѣхалъ въ разъѣздъ съ однимъ кинжаломъ на поясѣ да пистолетами въ кабурахъ.

Пропустивъ впередъ казаковъ и замѣтивъ, что они уже спустились въ овраги, Ефимовичъ повернулъ въ сторону, поднялся съ двумя гребенцами на высокій курганъ и, сойдя съ лошади, по обыкновенію сталъ осматривать въ бинокль ближайшія окрестности. Вдругъ сильная конная партія чеченцевъ вынеслась изъ оврага, между нимъ и его казаками. Не успѣлъ Ефимовичъ вскочить на коня, какъ чеченцы напали на разъѣздъ. Внезапно охваченные съ тылу, гребенцы не устояли подъ ударомъ пятисотъ чеченскихъ наѣздниковъ и, выскочивъ съ противоположнаго конца оврага, пустились кратчайшею дорогою въ лагерь. Ефимовичъ съ своими ординарцами былъ отъ нихъ отрѣзанъ. Горцы замѣтили трехъ всадниковъ, скакавшихъ въ густой травѣ, припавъ на гривы своихъ лошадей,—и понеслись за ними въ погоню. Обѣ стороны напрягли послѣднія силы,—казаки, чтобы уйти отъ погони, горцы—чтобы настигнуть. Но вотъ, нѣсколько отчаянныхъ чеченскихъ наѣздниковъ, сидѣвшихъ на лучшихъ скакунахъ, пересѣкли имъ путь. Гребенцы круто метнулись въ сторону. Но въ это время лошадь казака, скакавшаго впереди, запуталась въ травѣ и упала вмѣстѣ съ всадникомъ; Ефимовичъ, не успѣвшій сдержать своего коня, также вмѣстѣ съ нимъ полетѣлъ черезъ голову, а въ довершеніе несчастія упалъ вмѣстѣ съ лошадью и третій казакъ, споткнувшись на Ефимовича. Чеченцы уже были тутъ. Оба казака, не успѣвъ выбиться изъ-подъ лошадей, были изрублены; Ефимовичъ вскочилъ на ноги, но лошадь его ушла вмѣстѣ съ пистолетами. И вотъ онъ, вооруженный только кинжаломъ, очутился лицомъ къ лицу съ цѣлою сотней чеченцевъ. Положеніе его было поистинѣ безвыходное; горцы, замѣтивъ по одеждѣ, что передъ ними не простой казакъ, окружили его со всѣхъ сторонъ, и жестокій ударъ прикладомъ по головѣ сбилъ Ефимовича съ ногъ; онъ упалъ безъ чувствъ. Но въ тотъ моментъ, когда большинство

чеченцевъ, увлеченное добычею и не обращавшее уже больше ни на что вниманія, спѣшилось, чтобы связать плѣнника арканами, въ толпѣ ихъ вдругъ произошло смятеніе,—все съ копыта шарахнулось и понеслось назадъ, бросивъ Ефимовича, лежавшаго какъ трупъ, безъ всякаго движенія, посреди чистаго поля.

Случилось вотъ что: увидѣвъ полковницкую лошадь, скакавшую по полю безъ всадника, съ растрепаннымъ сѣдломъ, уходившій разъѣздъ мигомъ сообразилъ въ чемъ дѣло и, повернувъ назадъ, отчаянно кинулся въ шашки... Старые гребенцы не могли примириться съ мыслію, что они, хотя и невольно, оставили своего командира, и рѣшили искупить его жизнь или тѣло своими головами. Минутное колебаніе чеченцевъ подъ внезапнымъ и безстрашнымъ натискомъ людей, обрекшихъ себя почти на вѣрную смерть, спасло Ефимовича. Казаки мигомъ схватили его на сѣдло и понеслись домой. Восемь человѣкъ изъ нихъ однакоже были изрублены,—это были жертвы честнаго исполненія долга, святыхъ казачьихъ обычаевъ и привязанности къ любимому начальнику. Опомнившіеся чеченцы понеслись въ погоню. Съ террасы, на которой раскинутъ былъ лагерь, видѣли всю эту сцену. Двѣ сотни гребенцовъ, вскочивъ на коней, пустились на выручку станичниковъ; въ полуверстѣ отъ лагеря, они столкнулись съ пятисотенною чеченскою партіею, врѣзались въ нее—и черезъ мгновеніе чеченцы скакали назадъ, а гребенцы настигали и рубили бѣгущихъ. Изъ лагеря этотъ лихой кавалерійскій бой виденъ былъ, какъ на ладони.

„Мы насчитали, говоритъ одинъ участникъ этого похода:—болѣе 50 чеченцевъ, сбитыхъ съ лошадей ударами казацкихъ шашекъ. Были ли они убиты или ранены—не знаю; но во всякомъ случаѣ чеченцы порядочно поплатились за кратковременное торжество свое надъ казаками“.

Наступилъ 1821 годъ. Ермоловъ былъ тогда въ Петербургѣ; тѣмъ не менѣе войска лѣваго фланга продолжали настойчиво исполнять начертанную имъ программу. Съ 4-го февраля Грековъ приступилъ къ разработкѣ путей въ глубь чеченской земли со стороны Злобнаго Окопа. Широкія просѣки пролегли черезъ Гехинскіе,

Гойтинскіе, Шалинскіе и Герменчугскіе лѣса до самаго Маюртупа, лежавшаго за Хулкулау, на Гудермесѣ, тамъ, гдѣ уже начинались земли мичиковцевъ. Отсюда отрядъ повернулъ назадъ и старыми просѣками воротился въ Грозную. Въ продолженіе этой экспедиціи непріятель нигдѣ не оказалъ сопротивленія. Зная по опыту, что съ Грековымъ шутить невозможно, что всякое нападеніе на отрядъ неминуемо повлечетъ за собою смертную казнь или ссылку въ Сибирь аманатовъ, чеченцы волей-неволей мирились съ тѣмъ, что падали и исчезали лѣса—ихъ вѣковѣчная защита. Лишь немногіе, не желавшіе покориться, бѣжали въ горы, гдѣ Ахметъ-Ханъ собиралъ толпы для нападенія на укрѣпленія, строящіяся въ Дагестанѣ; остальные встрѣчали Грекова съ наружной покорностью. Войска оставляли ихъ аулы неприкосновенными, и только близъ Гельдигена, хуторъ знаменитаго Бей-Булата, за прежніе грѣхи этого стараго разбойника, давно укрывшагося въ горы, былъ разоренъ до основанія.

Въ Грозной войска простояли недѣлю, другую. А тамъ Грековъ снова повелъ ихъ разрабатывать дороги въ Чечню, уже съ противоположной стороны, отъ горъ Качкалыковскихъ. Чтобы разгадать, кто за насъ и кто противъ насъ, отъ всѣхъ чеченскихъ и качкалыковскихъ деревень потребованы были рабочіе съ топорами. Ихъ набралось до 11 тысячъ человѣкъ, и всѣ безмолвно исполняли даваемыя имъ приказанія. Громадное скопище въ самомъ русскомъ лагерѣ людей, питавшихъ къ русскимъ затаенную ненависть и все-таки повиновавшихся, представляло любопытный фактъ, объясняемый только необычайнымъ нравственнымъ вліяніемъ, которое Грековъ имѣлъ на окружающія племена. Жители сами привозили даже провіантъ, пригоняли скотъ и доставляли все нужное для работъ. Качкалыковцы высылали людей съ топорами и рубили лѣсъ; кумыки—содержали караулы и разъѣзды. Совершенно упавшіе духомъ засунженскіе чеченцы не могли не понимать, что мѣры, принятыя Ермоловымъ, скоро поставятъ ихъ въ полную зависимость отъ русскихъ, что ихъ разгульной жизни набѣговъ и разбоя близится конецъ.

Экспедиція достигла всѣхъ своихъ цѣлей. Войска, собранныя

при Амиръ-Аджи-Юртѣ, 1 марта быстро пошли впередъ, окружили селеніе Ойсунгуръ, лежавшее на сѣверномъ склонѣ Качкалыковскаго хребта, и въ наказаніе жителей, бѣжавшихъ передъ ихъ приходомъ, совершенно его разрушили. Въ это время чеченцы вырубили лѣсъ въ одну сторону до Исти-Су (Неотступный Станъ), въ другую до Мичика. Когда войска появились въ этой мѣстности, еще ни разу не посѣщенной русскими, качкалыковцы попробовали остановить ихъ оружіемъ, и въ лѣсной перестрѣлкѣ нанесли русскимъ уронъ изъ трехъ офицеровъ и 30 человѣкъ нижнихъ чиновъ, выбывшихъ изъ строя. Но нападеніе не могло повліять на работы. Просѣка была довершена, и войска 6-го марта возвратились на линію. Дальнѣйшія просѣки отъ Амиръ-Аджи-Юрта до Ойсунгура, Исти-Су и Герзель-Аула, черезъ узкую лѣсистую полосу, разрабатывали сами туземцы, подъ наблюденіемъ аксаевскихъ князей.

Едва войска расположились на отдыхъ, какъ Грековъ сталъ уже получать тревожныя извѣстія. Въ Чечнѣ что-то затѣвалось, хотя обстоятельно объяснить: что именно—не могъ ни одинъ лазутчикъ. Даже чеченскій приставъ Черновъ, извѣстный своимъ пониманіемъ характера народа и ловкостью, не могъ добиться никакихъ положительныхъ свѣдѣній. Ясно было одно, что населеніе глухо волновалось и что причиною этихъ волненій было турецкое правительство, распустившее подъ рукою слухъ о близкой войнѣ своей съ Россіею. Имя султана, какъ государя сильнѣйшаго въ свѣтѣ, естественнаго покровителя всѣхъ мусульманъ—обаятельно дѣйствовало на легковѣрные умы. Чеченцы вообразили, что борьба съ султаномъ отвлечетъ всѣ силы Россіи, не отставивъ свободныхъ средствъ для дѣйствій противъ нихъ, и что наступаетъ время опять безнаказанно хозяйничать въ станицахъ и селахъ по Кавказской линіи. Мечта была такъ привлекательна, а характеръ впечатлительнаго народа такъ необузданъ, что катастрофа разразилась даже гораздо ранѣе, чѣмъ можно было ожидать. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ тѣ самые чеченцы, которые за нѣсколько недѣль служили Грекову съ такимъ усердіемъ при вырубкѣ просѣкъ, теперь въ значительныхъ силахъ бросились на Амиръ-Аджи-Юртовскій ре-

дуть. Это былъ слабѣйшій пунктъ русской позиціи; въ редутѣ было только 25 солдатъ, подъ командою унтеръ-офицера. Но то были солдаты стараго Кабардинскаго полка (теперь Ширванцы), испытанные въ битвахъ, закаленные въ опасностяхъ, и чеченцы потерпѣли неудачу. Къ сожалѣнію, геройскій подвигъ унтеръ-офицера Махонина, цѣлый день защищавшаго ничтожный редутъ противъ громаднаго скопища чеченцевъ—не извѣстенъ во всѣхъ его подробностяхъ, сдѣлавшихся жертвою забвенія, подобно многимъ другимъ славнымъ дѣламъ кавказскаго корпуса, умѣвшаго дѣлать дѣло молча и не заботившагося о прославленіи и передачѣ своихъ подвиговъ потомству. Извѣстно только, что въ бою за обладаніе редутомъ, продолжавшемся съ утра до поздняго вечера, Кабардинцы положили на мѣстѣ до сорока человѣкъ чеченцевъ, потерявъ и сами большую половину людей. Къ вечеру озлобленный непріятель бѣшено кинулся на валъ, ворвался внутрь укрѣпленія и рѣзался въ рукопашную; самъ Махонинъ былъ изрубленъ въ куски. Но чеченцы все-таки не могли удержаться въ редутѣ и были отбиты, а подоспѣвшая помощь окончательно заставила ихъ разсѣяться.

Взрывъ, всегда возможный въ народѣ, какъ чеченцы, не имѣлъ на этотъ разъ никакихъ серьезныхъ послѣдствій. Какъ быстро началось волненіе, такъ быстро оно и упало. Понятно, что теперь когда русскія войска пріобрѣли возможность проходить безпрепятственно по Чечнѣ съ одной стороны до Хулхулау и Гудермеса, а съ другой до Мичика, подобныя вспышки въ этихъ мѣстахъ и не могли быть особенно опасными. Но между этими двумя рѣками, на пространствѣ въ 20 верстъ, оставался еще мрачный Маюртупскій лѣсъ, гдѣ и сосредоточилось теперь все, что только было враждебнаго русскимъ. Грековъ призналъ необходимымъ вырубить его и нашелъ болѣе удобнымъ вести просѣку отъ Мичика, чтобы заодно наказать мятежныхъ качкалыковцевъ. Но чтобы безпрепятственно пройти на Мичикъ, нужно было уничтожить зорко оберегавшіе дороги близъ Ойсунгура и Исти-Су чеченскіе караулы, нарочно и за большую плату нанятые для этого качкалыковцами. Успѣхъ задуманнаго предпріятія зависѣлъ, слѣдовательно, отъ нечаянности и быстроты нападенія. И вотъ, Грековъ распустилъ

слухъ, что идетъ къ Внезапной. Дѣйствительно, войска отъ Амиръ-Аджи-Юрта пошли окружною дорогой на Тангъ-Кичу и 18-го іюля расположились здѣсь на ночлегъ со всѣми обозами. Отъ обремененнаго тяжестями отряда чеченцы не могли ожидать никакихъ энергическихъ, внезапныхъ движеній, а между тѣмъ Грековъ въ самую полночь тихо поднялъ отрядъ, свернулъ вправо и быстро повелъ его къ Ойсунгуру. Линейные казаки съ конными орудіями понеслись впередъ напрямикъ черезъ просѣки и кустарники, чтобы отрѣзать непріятельскіе посты отъ Мичика. Главный караулъ, въ 80 человѣкъ, былъ окруженъ и уничтоженъ безъ выстрѣла. Черезъ день, 20-го іюля, Грековъ столь же удачно снялъ караулъ, стоявшій при Исти-Су, и войска, перевалившись черезъ лѣсистый Качкалыковскій хребетъ, уже спокойно заняли Мичикъ. Маюртупскій лѣсъ былъ затѣмъ вырубленъ, всѣ находившіеся въ немъ аулы и хутора—уничтожены. Сопротивленіе непріятеля, захваченнаго совершенно врасплохъ, было настолько слабо, что въ два дня войска израсходовали только шесть ядеръ и три картечные заряда. Успѣхъ экспедиціи Грековъ приписывалъ блистательному поведенію въ бою моздокскихъ и гребенскихъ казаковъ. „Всѣ казаки безъ изъятія, доносилъ онъ Ермолову:—заслуживаютъ полнѣйшей благодарности; никакія преграды и опасности ихъ не останавливаютъ; казачьи орудія не отстаютъ отъ конныхъ полковъ, и рѣшительный ударъ моздокцевъ и гребенцовъ подъ Ойсунгуромъ и Исти-Су достоинъ величайшей похвалы". Самъ Грековъ, за отличія въ этихъ дѣлахъ, произведенъ былъ въ генералъ-маіоры, на шестнадцатомъ году своей службы; онъ остался начальникомъ лѣваго фланга и вмѣстѣ съ тѣмъ командовалъ 2-й бригадой 22-й пѣхотной дивизіи, а 43-й егерскій полкъ принялъ отъ него подполковникъ Сорочанъ.

Не смотря на энергическія дѣйствія Грекова, волненія въ Чечнѣ къ началу 1822 года снова приняли довольно серьезные размѣры. Турецкія прокламаціи, призывавшія Кавказъ къ оружію и имѣвшія большой успѣхъ среди кабардинцевъ, передавались черезъ нихъ въ Чечню. Въ Герменчугѣ появился даже проповѣдникъ, бывшій тамошній кадій, Абдулъ-Кадыръ, подъ знаменемъ котораго и стали

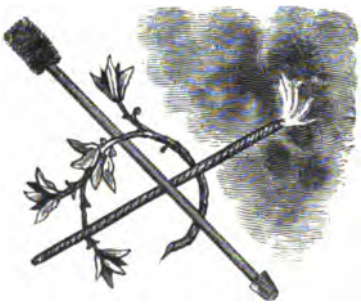
собираться толпы православныхъ. Онъ обѣщалъ убитымъ рай Магомета, предсказывалъ гибель русск[illegible]ой увѣрялъ, что черезъ четыре мѣсяца турецкія войска [illegible]ижѣ. Подъ вліяніемъ его проповѣдей и новыхъ извѣстій, [illegible]шая часть войскъ, расположенныхъ по Тереку, ушла въ Ка[illegible]ду, чеченцы простерли до того свою дерзость, что покусились напасть на Неотступный Станъ. Ихъ конница, пренебрегая выстрѣлами крѣпостного орудія, смѣло приблизилась къ стѣнамъ укрѣпленія, но принятая картечью въ перекрестъ изъ двухъ полевыхъ орудій, поспѣшно повернулась назадъ и укрылась въ балкахъ. Многіе аулы стали переселяться въ горы; даже жители Стараго-Юрта, лежавшаго верстахъ въ 10 отъ Терека, сохранявшіе доселѣ неизмѣнную вѣрность, покусились бѣжать. Грековъ успѣлъ однако принять свои мѣры и, возвративъ бѣглецовъ на прежнія мѣста, 4-го февраля самъ съ небольшимъ отрядомъ двинулся къ Аргуну, чтобы возобновить старыя, уже начавшія заростать просѣки отъ Топли къ Герменчугу и Шали. Чеченцы, подъ предводительствомъ Абдулъ-Кадыра, встрѣтили его на Аргунѣ съ оружіемъ. Два часа длился бой за лѣсную опушку, но наконецъ наши войска ворвались въ лѣсъ, и въ то же время пушечное ядро оторвало Абдулъ-Кадыру ногу. Онъ не пережилъ этой раны и на третій день умеръ. Смерть проповѣдника, такъ много обѣщавшаго и перваго поплатившагося за возстаніе, образумила чеченцевъ; волненіе опять затихло. Тѣмъ не менѣе Грековъ двинулся далѣе, сжегъ селенія Шали и Малыя Атаги, расчистилъ просѣки и уже только тогда возвратился въ Грозную.

Здѣсь ожидало его извѣстіе о необычайной смертности, открывшейся въ укрѣпленіи Неотступный Станъ, вслѣдствіе скученности войскъ и дурныхъ климатическихъ условій. Ермоловъ приказалъ его бросить и гарнизонъ перевели въ Амиръ-Аджи-Юртъ, гдѣ наскоро и были возведены окопы.

Такимъ образомъ, къ исходу 1822 года передовая линія по Сунжѣ и Кумыкской плоскости до береговъ Каспійскаго моря была окончательно устроена, насколько то было возможно при тогдашнихъ средствахъ и условіяхъ.

Мирно протекли на Сунжѣ 1823 и 1824 годы, въ продолженіи которыхъ утихла Кабарда и покорился Дагестанъ. Небольшія экспедиціи генерала Грекова, предпринимавшіяся время отъ времени для наказанія за мелкія хищничества, напр. уничтоженіе аула Большой Чеченъ, стоявшаго у выхода изъ Ханкальскаго ущелья, не измѣняли общаго мирнаго положенія дѣлъ. Самъ знаменитый Бей-Булатъ, глава чеченскихъ хищниковъ, вышелъ изъ горъ и явился къ Ермолову съ повинною.

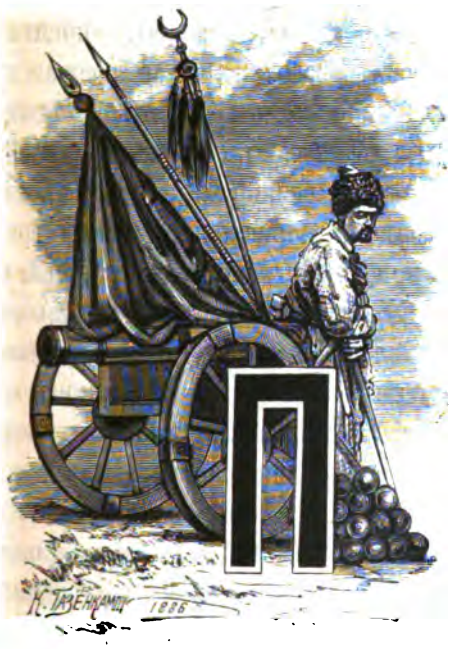
Но тишина бываетъ передъ бурей. Въ 1825 году грозою разразилось общее, единодушное возстаніе чеченцевъ.



VIII.

Два типа.

Черновъ и Бей-Булатъ.



Постоянныя войны и опасности, набѣги и отраженія, естественно закалили безстрашіе и воинственную отвагу. Но въ крайнемъ своемъ развитіи типы русскаго отважнаго казака и неустрашимаго горскаго джигита должны были породить необычайный сортъ людей, для которыхъ тревоги, битвы, кровь, опасности—дѣлались потребностью, страстью. Это были артисты войны, любившіе ее, какъ искусство, наслаждавшіеся ею, находившіе въ ней душевное удовлетвореніе. Они не только не страшились опасностей, но искали ихъ. И ихъ увлекательная беззавѣтная храб-

рость, полная своеобразной и диковоинственной поэзіи, дѣйствовала заразительно на массы. Мирныя времена были для нихъ лишеніемъ и толкали ихъ на дѣйствія, съ точки зрѣнія гуманныхъ принциповъ становившіяся иной разъ настоящими преступленіями, но выражавшіяся у нихъ однимъ безотчетнымъ и необузданнымъ, не имѣвшимъ ни границъ, ни удержу стремленіемъ развернуться во всю ширь своей молодецкой удали.

Чтобы удовлетворить этой своей страсти къ опасностямъ, русскій казакъ могъ пойти съ чеченцами въ набѣгъ на русскую сторону, чеченцы могли враждовать съ чеченцами. И кавказскія преданія, дѣйствительно, говорятъ, что бывали казаки, которые съ кунаками горцами пробирались ночью въ свою же станицу, чтобы увезти лошадь, барана, или вообще что-нибудь украсть, лишь-бы испытать сильныя ощущенія, ловко обмануть секреты, обойти засаду, продѣлать весь этотъ процессъ увода, ползанья среди глухой ночи, хитрыхъ, увертливыхъ движеній,—и все это съ тѣмъ, чтобы послѣ въ грошъ не цѣнить трофей всѣхъ этихъ продѣлокъ. На Кавказѣ извѣстенъ былъ даже одинъ офицеръ, который въ ночной экспедиціи съ кунаками чеченцами нарвался на свой же секретъ и былъ раненъ въ ногу, о чемъ всѣ послѣ разсказывали съ хохотомъ; и самъ онъ при этомъ смѣялся, радуясь, что его выходка окончилась благополучно и прострѣленная нога не была отрѣзана.

Этотъ удивительный типъ успѣлъ получить отраженіе и въ русской литературѣ, въ отважномъ казакѣ Ерошкѣ, въ повѣсти графа Л. Н. Толстаго „Казаки.“ Этотъ герой—попрошайка, воръ и забіяка, контрабандистъ и перевозчикъ на русскій берегъ чумы, это изумительное смѣшеніе добра и зла, искреннѣйшій слуга царевъ и кунакъ храбраго чеченскаго джигита въ одно и то же время—представляетъ собою именно одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ типовъ кавказскаго искателя приключеній,—типъ, отраженный въ грубыхъ чертахъ простаго, невѣжественнаго казака. И дядя Ерошка не лицо только изъ русской повѣсти, а дѣйствительная быль. На Кавказѣ и до сихъ поръ помнятъ людей, подобныхъ Симену Атарщикову и Епишкѣ Сехину, изъ которыхъ послѣдній послужилъ прототипомъ „дяди Ерошки.“ Друзья и товарищи по службѣ и жизни,

они за свои дѣянія не разъ сидѣли въ острогахъ, не разъ прогуливались по „зеленой улицѣ“ и даже не разъ бывали въ петлѣ висѣлицы. Въ такихъ казусныхъ случаяхъ они свои головы выручали уже головами извѣстныхъ разбойниковъ, за которыми ѣздили въ горы. И кресты и медали, украшавшіе ихъ грудь, то снимались, то опять появлялись на нихъ...

Вліяніе этихъ людей на молодыя поколѣнія было сильно и, безспорно, имѣло свои хорошія стороны. Жадно слушая былины отчаянныхъ подвиговъ, свидѣтели которыхъ были передъ ними на-лицо, молодежь цѣнила ихъ заслуги и не заботилась о ихъ недостаткахъ. Отвага и удаль, какъ завѣтъ предковъ, глубоко западавшій въ душу, вызывали и среди нея молодецкія дѣла, и грозный типъ добродушнаго кавказскаго удальца,—но уже въ лучшихъ его проявленіяхъ,—переходилъ изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Во времена Ермолова, въ двадцатыхъ годахъ, на фонѣ общихъ кавказскихъ дѣлъ выдвинулись двѣ крупныхъ фигуры такихъ искателей опасныхъ приключеній, имѣвшія на самый ходъ событій существенное вліяніе. Это были на русской сторонѣ — чеченскій приставъ Черновъ, на чеченской—отважный наѣздникъ Бей-Булатъ.

Артамонъ Лазаревичъ Черновъ вышелъ изъ простыхъ казаковъ Калиновской станицы, Моздокскаго полка. Участвуя въ многочисленныхъ дѣлахъ на Кавказѣ и за Кавказомъ съ 1791 года, онъ уже давно сдѣлался извѣстенъ своею безпримѣрною храбростью, получилъ три золотыя медали, потомъ офицерскій чинъ и, дослужившись до есаула, съ владимірскимъ и анненскимъ крестами въ петлицѣ, командовалъ 2-ю конно-артиллерійскою казачьею ротою. Раненъ онъ былъ между тѣмъ только одинъ разъ въ жизни и то легко, въ лѣвую руку, пулею. При тѣхъ чрезвычайныхъ опасностяхъ, которымъ онъ всюду и постоянно, какъ бы шутя, подвергалъ свою жизнь, послѣднее обстоятельство казалось непонятнымъ, и про Чернова втихомолку говорили, что онъ—знахарь и съ помощію „черной силы“ умѣетъ заговорить вражескія пули.

Но особенно замѣчательнымъ свойствомъ его характера, испестрившимъ и его послужной списокъ, была страсть—выручать изъ плѣна русскихъ; вѣроятно, необычайная трудность подобныхъ пред-

пріятій именно и привлекала его отважную душу. Чтобы добиться своего, онъ пускалъ въ ходъ и открытую силу, и хитрость, и, наконецъ, золото, нерѣдко не щадя послѣднихъ остатковъ своего достоянія. Къ сожалѣнію, всѣ его подвиги остаются и вѣроятно навсегда останутся достояніемъ лишь тѣхъ изустныхъ разсказовъ про стародавнее, дѣдовское время, которые еще хранятся въ немногихъ казачьихъ семействахъ, годъ отъ году становясь все рѣже и рѣже. Умираютъ старые люди,—и съ ними исчезаютъ безслѣдно драгоцѣнные историческіе матеріалы. Какъ не пожалѣть вмѣстѣ съ Лермонтовымъ о томъ, „что у насъ такъ мало записываютъ.“ Но достаточно взглянуть только на однѣ сухія офиціальныя выписки изъ послужнаго списка Чернова, чтобы разгадать, сколько тяжкихъ драмъ пережито имъ или, по крайней мѣрѣ, прошло передъ его глазами.

„Въ 1804 году онъ пробирается въ горы и доставляетъ способъ свергнуть съ себя оковы маіору Каскамбѣ и подпоручику Полетаеву.“ „Съ 1807 по 1810 годъ онъ въ разное время освобождаетъ изъ плѣна 43 человѣка, жертвуя на то свою собственность и подвергая свою жизнь очевидной опасности.“ „Въ 1810 году онъ выселяетъ изъ неприступныхъ горъ на равнину 300 осетинскихъ семействъ и удерживаетъ черезъ вѣрныхъ конфидентовъ семисотенную партію чеченцевъ, слѣдовавшую въ секурсъ къ возмутившимся кабардинцамъ...“ И такъ далѣе и далѣе,—рядъ совершенно необычайныхъ заслугъ и подвиговъ окружаютъ имя Чернова.

При всемъ томъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что на ряду съ прекрасными, истинно героическими дѣлами, въ дѣятельности Чернова было не мало и темныхъ сторонъ. Подобно героическому Тарасу Бубьбѣ, хотѣвшему гдѣ бы ни воевать, лишь бы воевать, онъ, очевидно, держался мнѣнія, что гдѣ бы ни совершать необыкновенныя дѣла, лишь бы ихъ совершать, и съ одинаковой охотой онъ подвергалъ себя смертельной опасности и среди русскихъ и среди чеченцевъ, смотря по обстоятельствамъ, лишь бы не быть безъ того „спиннаго холода,“ который вызывается близостью смерти. Онъ, какъ и „дядя Ерошка“ Толстаго, былъ, дѣйствительно, и герой, и воръ, и конокрадъ — въ одно и то же время: онъ и чуму рас-

пространялъ посредствомъ контрабанднаго перетаскиванія зачумленныхъ бурокъ изъ-за Терека, онъ и табуны отбивалъ у ногаевъ, перегоняя ихъ за Терекъ, а если вѣрить преданіямъ, передаваемымъ шепотомъ, то изъ одного удальства пускался въ набѣги, какъ съ русскими на мирныхъ чеченцевъ, такъ и съ немирными чеченцами на русскихъ. Правда ли то, или нѣтъ—тайна Чернова, спящая съ нимъ въ могилѣ. Достовѣрно однако, что въ Чечнѣ онъ былъ свой человѣкъ, и всѣ овраги, балки и лѣсныя тропы чеченской земли зналъ не хуже своей станичной улицы. Какъ и всѣ подобные люди, Черновъ гремѣлъ по Кавказу своими дѣлами, представлявшими такое странное сплетеніе добраго и злого. Въ Чечнѣ онъ былъ и знаменитъ, и страшенъ, и ненавистенъ, въ одно и то же время; но особенную ненависть къ нему чеченцы обнаруживаютъ въ бытность его при Ермоловѣ чеченскимъ приставомъ.

По своему знанію земли, быта и характера чеченцевъ, Черновъ былъ незамѣнимымъ приставомъ, и мысль о назначеніи его на эту должность была вполнѣ естественна. Когда гребенской атаманъ Зачетовъ и начальникъ фланга — Грековъ рекомендовали его въ этомъ смыслѣ Ермолову, а Алексѣй Петровичъ безъ обиняковъ отвѣчалъ имъ, что, вѣдь, Черновъ—„мошенникъ,“—они возразили, что для такихъ мошенниковъ, какъ чеченцы, и нуженъ такой мошенникъ, какъ Черновъ, извѣдавшій до тонкости всѣ ихъ продѣлки, владѣвшій ихъ языкомъ едва ли не лучше, чѣмъ собственнымъ, и имѣвшій за Терекомъ множество и кунаковъ, и кровомстителей.

Назначенный приставомъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ (ему было тогда 52 года), Черновъ не выказалъ большой гуманности по отношенію къ своимъ бывшимъ затеречнымъ пріятелямъ, а между тѣмъ, надо сказать, должность пристава, уже и сама по себѣ, была ненавистна чеченцамъ, такъ какъ вносила къ нимъ нарушеніе ихъ традиціонныхъ судебныхъ обычаевъ, освященныхъ вѣками. Приставъ, при всей нелюбви къ бумажнымъ дѣламъ, конечно, не могъ не придерживаться существовавшихъ тогда русскихъ порядковъ и формальностей,—и въ производствѣ чеченскихъ дѣлъ явилась и неизбѣжная письменность, и нѣсколько инстанцій, изъ которыхъ приставъ составлялъ низшую; далѣе шли начальникъ лѣваго

фланга, за нимъ начальникъ Кавказской линіи, потомъ корпусный командиръ и такъ далѣе, до самыхъ высшихъ учрежденій столицы. Чеченцы не могли мириться съ такими порядками; они совсѣмъ иначе вершили свои дѣла въ былое время, когда не стояло надъ ними никакого пристава. Всякій споръ рѣшался у мечети, судъ былъ словесный, гласный и контролируемый общественнымъ мнѣніемъ; если тутъ и возможны были какія-либо злоупотребленія, они все же были сноснѣе народу, чѣмъ волокита и формалистика русскихъ судовъ. Грозныя рѣчи Ермолова, его обѣщанія истреблять аулы, вѣшать аманатовъ, вырѣзывать женъ и дѣтей — были чеченцамъ понятны, и они имъ подчинялись; но всякое вмѣшательство чуждой для нихъ власти въ область обыденныхъ, домашнихъ и семейныхъ дѣлъ ихъ оскорбляло. А чеченцы нетерпѣливы, горды и чрезмѣрно самолюбивы. Истинныя дѣти природы, они многое, пожалуй, перенесутъ съ ложнымъ сознаніемъ своего превосходства или съ затаенною мыслію о раннемъ или позднемъ мщеніи, но не перенесетъ чеченецъ одного—обиднаго или презрительнаго къ нему отношенія. Какъ ребенокъ, обидчивый и самолюбивый, онъ, какъ ребенокъ, любитъ и похвалы, и комплименты. Эту черту ихъ характера подмѣтить было не трудно, и нужно сказать, что власть Ермолова, а позднѣе—дагестанскихъ имамовъ, была тѣмъ и сильна, что они умѣли играть на ихъ душевныхъ струнахъ. Но, къ сожалѣнію, эта сторона дѣла игнорировалась людьми Ермоловской эпохи, подобными Чернову и Грекову; они слишкомъ натягивали струны и, можетъ быть, служили не послѣднею причиною къ мятежамъ, подобнымъ разразившемуся въ 1825 году. Всѣ знавшіе Чернова говорятъ, что онъ былъ непомѣрно строгъ: за одну попытку къ хищничеству онъ накладывалъ на чеченцевъ громадные штрафы, въ конецъ разорявшіе семьи, а сопротивлявшихся закапывалъ въ землю по поясъ. Особенно замѣчателенъ случай исчезновенія одного изъ членовъ вліятельной фамиліи Турловыхъ—кадія Магомы, надѣлавшій на Кавказѣ въ свое время большаго шуму. Куда онъ дѣвался—неизвѣстно; но чеченцы разсказывали, что Черновъ приказалъ зарыть его живаго въ могилу за одну попытку сказать въ мечети возмутительную рѣчь. Магома Турловъ былъ знаменитъ

укрывательствомъ и покровительствомъ всякому хищничеству, но слухи и говоръ, вызванные расправою съ нимъ Чернова, выставляли его, разумѣется, невиннѣйшею жертвою и мученикомъ. Слухи эти держались такъ долго и упорно, что даже дошли до императора Николая, вызвавъ переписку, весьма непріятную для Ермолова.

Съ другой стороны, Черновъ, съ своей точки зрѣнія, отлично понималъ, за кого перваго нужно было браться, чтобы ослабить неудобное единодушіе чеченцевъ, и его неумолимому преслѣдованію подвергалось все, что имѣло въ народѣ какой-нибудь вѣсъ и значеніе. Отъ его проницательности не укрывались даже старые грѣшки, всѣми давно позабытые, и онъ выводилъ ихъ на свѣжую воду, если только они касались лица вліятельнаго или сильнаго. Замѣчательно особенно одно изъ такихъ дѣлъ, въ которомъ Черновъ обрисовывается всею своеобразною своею фигурою.

На правомъ берегу Терека, какъ разъ напротивъ Щедринской станицы, стоялъ мирный аулъ Брагуны, управляемый въ то время княземъ Адиль-Гиреемъ. Основанный здѣсь лѣтъ за триста тому назадъ крымскими выходцами, аулъ этотъ получилъ свое названіе отъ имени своего перваго князя. Адиль-Гирей, наслѣдовавшій власть отъ своего отца, убитаго въ 1809 году, сохранялъ всѣ признаки наружной покорности русскимъ властямъ, но участіе его въ нѣкоторыхъ набѣгахъ на линію и грабежахъ, вообще сношенія съ немирными единоземцами и темное прошлое не скрылись отъ зоркаго глаза пристава. Между тѣмъ князь пользовался большимъ вліяніемъ и уваженіемъ въ народѣ. Этихъ обстоятельствъ было достаточно Чернову, чтобы попытаться раскопать всю подноготную Адиль-Гирея и погубить его. И старанія его увѣнчались успѣхомъ.

Нужно сказать, что задолго передъ тѣмъ, именно лѣтомъ 1809 года когда еще былъ живъ старый владѣлецъ аула Брагуновъ, маіоръ Кучукъ-Таймановъ, два его сына—средній, Минбулатъ, и младшій Адиль-Гирей, согласились между собою убить отца и старшаго брата, Ислама, чтобы скорѣе овладѣть наслѣдствомъ. Минбулатъ, находившійся въ то время въ бѣгахъ въ засунженскихъ аулахъ, подговорилъ на убійство шесть чеченцевъ и, 18 іюля 1809 года, въ темную, дождливую ночь, подъѣхалъ съ

ними къ саклѣ отца. Адиль-Гирей давно уже поджидалъ ихъ у калитки. Оставивъ чеченцевъ на улицѣ, онъ отправился въ комнату старшаго брата и подъ какимъ-то предлогомъ вызвалъ его на улицу. Исламъ, ничего не подозрѣвавшій, вышелъ. Но едва онъ наклонился, чтобы пройти въ калитку, какъ ударъ шашки по головѣ положилъ его на мѣстѣ. Оттащивъ трупъ къ сторонѣ, Адиль-Гирей отправился къ отцу. „Къ Исламу, сказалъ онъ ему:— пріѣхали какіе-то чеченцы, они толкуютъ съ нимъ на улицѣ и прислали меня сказать, чтобы ты вышелъ—дѣло очень нужное". Старикъ отправился и, подобно старшему сыну, былъ пораженъ кинжаломъ въ роковой калиткѣ. На утро огласилась смерть владѣльца; Минбулатъ тотчасъ вернулся домой и вмѣстѣ съ Адиль-Гиреемъ вступилъ въ управленіе ауломъ.

Командовавшій тогда линіею генералъ Булгаковъ приказалъ произвести о смерти маіора Тайманова строжайшее слѣдствіе, и подозрѣніе прямо пало на сыновей покойнаго. Слѣдствіе обнаружило, что и прежде, за годъ передъ тѣмъ, уже было съ ихъ стороны покушеніе на жизнь отца. Въ самой деревнѣ дѣло доходило тогда до ружейной перестрѣлки, и одинъ узденъ былъ убитъ Адиль-Гиреемъ. И Адиль-Гирей, и Минбулатъ были арестованы, судимы— и прощены только во вниманіе къ просьбамъ стараго Тайманова. Не смотря на то, Булгаковъ писалъ къ главнокомандующему, что полагалъ бы и теперь оставить дѣло безъ послѣдствія, такъ какъ въ Брагунахъ все спокойно, а вмѣшательство во внутреннюю жизнь аула можетъ только вызвать неудовольствіе населенія. Генералъ Тормасовъ согласился съ этимъ мнѣніемъ, и дѣло, казавшееся даже самимъ чеченцамъ ужаснымъ и дикимъ, было замято.

Но преступленія на этомъ не кончились. Не прошло и года, какъ Минбулатъ былъ найденъ задушеннымъ въ своей постелѣ, и молва прямо называла убійцею Адиль-Гирея, который ночью одинъ входилъ въ комнату брата. Но такъ или иначе, Адиль-Гирей, и на этотъ разъ избѣгнувъ наказанія, остался съ тѣхъ поръ единовластнымъ правителемъ Брагуновъ и скоро пріобрѣлъ на народъ большее вліяніе. Эту-то старую исторію и поднялъ Черновъ во имя правосудія.

Ермоловъ, получивъ донесеніе объ этихъ происшествіяхъ, долго не хотѣлъ повѣрить въ возможность такого звѣрскаго отцеубійства и братоубійства, почитая все простыми сплетнями, вызванными враждой или мщеніемъ, столь обыкновенными среди азіятцевъ. Черновъ нашелъ необходимыя улики—и Адиль-Гирей, преданный суду, былъ сосланъ въ Сибирь.

Этотъ случай пріобрѣлъ Чернову большое вліяніе надъ умами чеченцевъ, но въ то же время и усилилъ ихъ ненависть. Страхъ передъ нимъ былъ такъ великъ, что онъ свободно разъѣзжалъ по Чечнѣ, въ сопровожденіи только одного, такого же отпѣтаго, какъ самъ, казака-вѣстового. Чеченцы, видѣвшіе въ немъ что-то сверхъестественное, считали его вѣдуномъ, знавшимся съ нечистою силой, и не только боялись его тронуть, но даже избѣгали съ нимъ встрѣчи.

До какой степени была сильна однако ихъ ненависть—свидѣтельствуетъ месть, обошедшая его самого, но обрушившаяся, послѣ его смерти, на брата его, казака Тихона. Чеченцы подстерегали этого послѣдняго цѣлыхъ 17 лѣтъ и уже въ 42 году убили старика на работѣ, въ садахъ Калиновской станицы, а сына его, внука Чернова, взяли въ плѣнъ и подвергли жестокимъ истязаніямъ, объясняя ему, что мстятъ за дѣда, бывшаго у нихъ когда-то приставомъ.

Заболѣлъ и умеръ Черновъ внезапно, въ самомъ началѣ 1825 г. Богатыря, скованнаго какъ бы изъ желѣза, сломила скоротечная простудная чахотка, полученная имъ, вѣроятно, во время одной изъ отважныхъ поѣздокъ по Чечнѣ. Смерть его была большою потерею для русскихъ. Наступали тогда смутныя времена, въ которыхъ могли бы сослужить добрую службу его опытность и короткое знаніе чеченцевъ. При всемъ раздраженіи, которое поселяли среди необузданныхъ азіятовъ строгія и, быть можетъ, не всегда справедливыя дѣйствія людей, подобныхъ Чернову, они, эти люди, при существовавшей тогда русской системѣ, съ одной стороны, и при постоянномъ лукавомъ вѣроломствѣ чеченцевъ—съ другой, были необходимы. Они составляли прямой противовѣсъ такимъ же беззавѣтно отважнымъ, энергичнымъ людямъ, какъ они сами, су-

ществовавшимъ и во вражеской землѣ, типическимъ представителемъ которыхъ былъ Бей-Булатъ. Умирая, Черновъ, недаромъ бывшій правою рукою Грекова, въ своемъ лицѣ лишалъ русскихъ, столь необходимаго на время поднимавшаго голову мятежа, грознаго противника хищному чеченскому наѣзднику, которому съ тѣмъ вмѣстѣ открывалась возможность большей свободы дѣйствій.

Бей-Булатъ представлялъ собою типъ, отличительныя черты котораго имѣли много общаго съ Черновымъ; только среда, воспитавшая его, была другая. Это былъ одинъ изъ искуснѣйшихъ и храбрѣйшихъ предводителей чеченскихъ шаекъ.

Такъ какъ у чеченцевъ нѣтъ высшихъ сословій, какъ у кумыковъ или кабардинцевъ, и всѣ они равны между собою, то правомъ всеобщаго уваженія пользуются у нихъ только отличнѣйшіе разбойники и воры. Эти люди пріобрѣтаютъ скоро народное довѣріе и, подобно князьямъ въ Кабардѣ, всегда могутъ собирать подъ свое предводительство значительныя партіи хищниковъ. Таковъ именно былъ Бей-Булатъ, уже самою природою отличенный отъ другихъ, — средняго роста, плотный, широкоплечій, съ рѣзкими, энергическими движеніями и съ хитрыми, налитыми кровью глазами, которые прятались подъ тучею густыхъ нависшихъ черныхъ бровей. Родина его была Гельдигенъ, и тамъ онъ имѣлъ свои хутора, нажитые долговременнымъ разбойнымъ промысломъ около русскихъ дорогъ и станицъ. Этотъ человѣкъ постоянно былъ главною пружиной всѣхъ возмущеній и убійствъ въ Чечнѣ.

Прежніе главнокомандующіе обходились съ Бей-Булатомъ почтительно; они дарили его пешкешами и ласкали, удерживая тѣмъ отъ открытыхъ разбоевъ. Хотя Ермоловъ и былъ полнымъ противникомъ системы подарковъ, имѣвшихъ видъ нѣкоторой дани, взносимой за временное спокойствіе, однакоже и онъ не могъ не видѣть въ Бей-Булатѣ, по его значенію среди чеченцевъ, такую силу, съ которой надо было считаться. Онъ объявилъ желаніе видѣть у себя знаменитаго разбойника, — и они свидѣлись. Обласканный и одаренный Бей-Булатъ далъ слово прекратить разбои,

былъ зачисленъ въ русскую службу поручикомъ и получилъ позволеніе спокойно жить у себя на родинѣ.

Со времени возведенія Грозной, Бей-Булатъ исчезъ изъ сферы наблюденія русскихъ властей. Говорили, что онъ въ числѣ недовольныхъ укрылся въ горы; извѣстно было также, что онъ принялся опять за свое любимое ремесло и разбойничалъ по Моздокской дорогѣ. Напрасно Ермоловъ настойчиво требовалъ головы измѣнника, напрасно Грековъ употреблялъ всѣ мѣры выманить его изъ берлоги, подсылалъ къ нему наемныхъ убійцъ, пускалъ въ ходъ ядъ, порохъ,—Бей-Булатъ, какъ хитрый звѣрь, былъ всегда насторожѣ.

Однажды Грековъ подговорилъ двухъ чеченцевъ отправиться въ горы и обѣщалъ большую плату тому, кто привезетъ къ нему голову Бей-Булата. Въ случаѣ неудачи, убійцы должны были бросить черезъ трубу въ его саклю мѣшокъ съ порохомъ и взорвать ее на воздухъ вмѣстѣ съ нимъ и его семьею. И вотъ, разъ, въ темный вечеръ, кто-то тихонько постучался въ саклю Бей-Булата. Бей-Булатъ отозвался. „Выйди, сказалъ ему незнакомый голосъ:—мы изъ Гельдигена; пришли сообщить тебѣ важную новость“. Но Бей-Булатъ былъ слишкомъ опытный разбойникъ, чтобы поддаться на такую нехитрую уловку. Онъ подошелъ къ двери и старался сквозь маленькую щель разсмотрѣть лица пришедшихъ, но тѣ были закутаны башлыками. На дворѣ было темно и поздно; въ сосѣднихъ сакляхъ кое-гдѣ еще мелькали огоньки, но на улицѣ не видно было ни души. Бей-Булатъ тихо отошелъ отъ двери и выслалъ своего племянника. Чеченцы между тѣмъ притаились за дверьми, и едва юноша переступилъ за порогъ, какъ, принятый въ темнотѣ за Бей-Булата, былъ пораженъ двумя кинжалами. На крикъ его, изъ сакли какъ бѣшеный выскочилъ самъ Бей-Булатъ, ударомъ шашки положилъ одного чеченца на мѣстѣ, а другой былъ схваченъ сбѣжавшимся народомъ и на допросѣ, подъ мучительной пыткой, сознался, что подосланъ Грековымъ. Его посадили въ яму, обрекши на голодную смерть. Чтобы спасти себѣ жизнь, несчастный, томимый голодомъ, вынужденъ былъ наконецъ дать клятву отправиться въ Грозную и убить самого ненавистнаго Гре-

кова. Въ залогъ же, что клятва будетъ исполнена, онъ вызвалъ сына и оставилъ его аманатомъ. Отпуская чеченца, Бей-Булатъ сказалъ ему: „жизнь твоего сына теперь въ моихъ рукахъ; помни, ты можешь выкупить ее только головою Грекова; но если это не удастся, привези мнѣ въ такой-то срокъ триста рублей серебряными монетами, иначе твой сынъ умретъ“...

Назначая послѣднее условіе, Бей-Булатъ отлично зналъ, что его плѣнникъ бѣденъ и не въ состояніи добыть такой крупной для него суммы. Но на этотъ разъ онъ ошибся. Чеченецъ отправился прямо къ Грекову. Когда его впустили въ комнату, онъ объявилъ генералу, что съ ними случилось несчастіе: товарищъ его убитъ, а самъ онъ былъ схваченъ Бей-Булатомъ и долженъ былъ въ замѣнъ себя оставить сына, за котораго требуютъ выкупъ въ триста рублей серебромъ. Грековъ окинулъ его проницательнымъ взглядомъ. „Я вижу по твоимъ глазамъ, сказалъ онъ ему:—что ты не все говоришь: тебѣ велѣно убить меня“. Чеченецъ измѣнился въ лицѣ и, упавъ на колѣни, признался, что за жизнь своего сына онъ обѣщалъ Бей-Булату или выкупъ, или голову Грекова. Грековъ далъ ему триста рублей, и чеченецъ, выкупивъ сына, остался навсегда вѣрнымъ слугою генерала.

Случай этотъ однакоже убѣдилъ Бей-Булата въ необходимости искать хотя бы наружнаго примиренія съ русскими. Онъ понималъ, что Грековъ не оставитъ его въ покоѣ и рано или поздно доберется до его головы, что наемныхъ убійцъ въ Чечнѣ разыскать было не трудно, но не всѣ же убійцы будутъ такъ неловки, какъ первые. Подъ этимъ впечатлѣніемъ, онъ обратился съ письмомъ къ одному изъ кумыкскихъ князей, Мусѣ-Хасаеву, съ которымъ когда-то водилъ хлѣбъ-соль и ходилъ въ наѣзды, прося его быть посредникомъ между нимъ и Грековымъ. Муса посовѣтовалъ ему отправиться прямо къ Ермолову, бывшему тогда въ Дагестанѣ. Бей-Булатъ поѣхалъ. Его смиреніе и раскаяніе казались на этотъ разъ такъ искренни, что обманули даже проницательность самого Ермолова. Если бы онъ могъ предвидѣть кровавыя событія 25 года, то конечно приказалъ бы повѣсить Бей-Булата на первомъ попавшемся деревѣ! Но Бей-Булатъ явился къ нему съ пальмо-

вою вѣтвью мира и съ заманчивымъ предложеніемъ употребить свое вліяніе, чтобы подчинить русской власти все непокорное чеченское населеніе. Ермоловъ объявилъ ему забвеніе всѣхъ старыхъ счетовъ и, отправляя его въ Грозную, просилъ Грекова обходиться съ нимъ ласково.

Этого только и добивался Бей-Булатъ. Въ Грозной онъ уже повысилъ тонъ и заговорилъ съ Грековымъ объ условіяхъ, на которыхъ желаетъ покориться. Грековъ зналъ Бей-Булата лучше, нежели Ермоловъ, видѣлъ въ немъ непримиримаго и опаснаго врага, и потому принялъ его очень холодно. Тѣмъ не менѣе, исполняя волю главнокомандующаго, онъ выразилъ готовность выслушать его условія. Бей-Булатъ потребовалъ подчиненія ему всѣхъ вообще чеченцевъ, съ правомъ налагать на каждаго изъ нихъ денежные штрафы, говоря, что только въ такомъ случаѣ онъ отвѣчаетъ за спокойствіе Чечни и не позволитъ ни одному чеченцу разбойничать въ русскихъ предѣлахъ. Кромѣ того, онъ требовалъ жалованья за все прошедшее время, когда онъ скрывался. Грековъ отвѣчалъ, что надо сперва заслужить, а потомъ требовать или ожидать награды; что, впрочемъ, жалованье ему будетъ выдано, не прежде однакоже, какъ онъ доставитъ аманатовъ отъ покорившихся чеченцевъ. Они разстались врагами. Но Бей-Булатъ достигнулъ главнаго—личной своей безопасности. Онъ удалился въ горы и, уже не помышляя болѣе о жалованьѣ, принялся подъ рукою возмущать чеченцевъ. Грековъ донесъ объ этомъ Ермолову. Ермоловъ опять предписалъ захватить измѣнника; но было уже поздно. Бей-Булатъ съ своей стороны не дремалъ, и русскимъ предстояло выпить до дна горькую чашу борьбы съ возмущеніемъ всей Чечни отъ горъ Дагестана до предѣловъ военно-грузинской дороги.

IX.

Чеченскій мятежъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1824 года, по всей Чечнѣ, за Терекомъ и Сунжею рыскали всадники, распространявшіе въ народѣ слухъ, что появился Имамъ, который избавитъ его отъ власти невѣрныхъ. Существуютъ данныя предполагать, что то были приверженцы знаменитаго народнаго чеченскаго героя Бей-Булата.

Нужно сказать, что незадолго передъ тѣмъ возникло и стало было распространяться въ горахъ Дагестана новое религіозное ученіе, впослѣдствіи извѣстное подъ именемъ мюридизма, возводившаго священную войну противъ невѣрныхъ, „газаватъ," въ одинъ изъ важнѣйшихъ догматовъ мусульманской религіи. Сильною рукою Ермолова ученіе это было задавлено въ Дагестанѣ почти въ колыбели, но тѣмъ свободнѣе отголоски его могли проникнуть въ Чечню, гдѣ на него почти не обращали вниманія, между тѣмъ какъ оно смутно

волновало массы и дѣлало ихъ воспріимчивыми ко всякой мятежной пропагандѣ.

Такое настроеніе Чечни грозило опасностями. Въ продолженіе всего восьмидесятилѣтняго владычества нашего на Кавказѣ, всѣ сколько-нибудь значительные перевороты въ жизни горскихъ племенъ постоянно были вызываемы именно религіознымъ фанатизмомъ. Подъ вліяніемъ его измѣнялись не только добрыя отношенія ихъ къ русскимъ, и вновь исчезали всѣ хорошія начала, которыя съ большими усиліями вводились въ ихъ бытъ, но и самый характеръ жителей, стирались вѣковые обычаи и сгибался тотъ духъ вольности и необузданной свободы, который былъ всегда присущъ горцу. Нужно было явиться только смѣлому проповѣднику, нужно было, чтобы только одинъ обнажилъ шашку—и тогда тысячи шашекъ обнажались вслѣдъ за нею, и тысячи людей шли на смерть, думая, что они умираютъ за свою вѣру. Въ то время всѣ, кому не нравился существующій порядокъ вещей, всѣ, жалѣвшіе о добрыхъ старыхъ временахъ широкаго, безграничнаго разгула наѣздничеcкой жизни, охотно становились поборниками новаго ученія, не имѣя ни малѣйшаго понятія и нисколько не заботясь ни о какихъ догматахъ мусульманской религіи, и переводили это новое ученіе изъ области туманнаго мистицизма на простую и реальную почву воинственныхъ предпріятій.

Чтобы достигнуть своихъ цѣлей и возмутить Чечню, Бей-Булатъ и направилъ всѣ свои силы на возбужденіе именно этой стороны народнаго духа и характера. Ему удалось раздуть фанатизмъ въ народной массѣ до такой силы, такъ хорошо воспользоваться принципомъ нетерпимости, проповѣдуемой кораномъ, что было время, когда самая русская власть въ Чечнѣ колебалась и готова была, казалось, рушиться. Къ счастію, въ Ермоловѣ и его системѣ чеченцы встрѣтили такія преграды, которыхъ они преодолѣть не могли.

Слухи о появленіи имама, о разныхъ чудесахъ и небесныхъ знаменіяхъ принимались суевѣрною Чечнею за непреложныя истины. Грековъ видѣлъ, что всѣ они клонятся исключительно къ тому, чтобы возмутить народъ, и поспѣшилъ принять свои мѣры. Узнавъ,

что наибольшее участіе въ проповѣдяхъ къ народу принимаютъ вышедшій изъ горъ маюртупскій мулла Махома и мичиковскій чеченецъ Явка, онъ рѣшился захватить ихъ въ свои руки. Явка, дѣйствительно, былъ схваченъ, отправленъ въ Тифлисъ и на пути умеръ, какъ полагаютъ, отравленный ядомъ. Но Махома успѣлъ избѣжать опасности; и скоро дѣйствія его приняли весьма серьезный характеръ. Однажды, войдя въ мечеть, онъ громогласно заявилъ народу, что въ ночь его посѣтило необычайное видѣніе: явился мужъ, въ свѣтлыхъ одеждахъ, и сказалъ ему: „собери 45 правовѣрныхъ въ лѣсъ, близъ Маюртупа, и пусть они приведутъ съ собою взятаго у мусульманина краснаго быка, а у другого мусульманина—двухъ черныхъ барановъ. Я явлюсь самъ и отъ меня узнаютъ, что нужно дѣлать.“

Все было въ точности исполнено. Народъ собрался,—и вотъ у дерева явился имамъ; онъ благословилъ правовѣрныхъ — и сталъ невидимъ. Что такое тутъ произошло—объяснить мудрено, но народъ былъ убѣжденъ, что видѣлъ страшное чудо собственными глазами. Два дня чеченцы не выходили изъ лѣса, пока не съѣли быка и двухъ барановъ, а потомъ, разойдясь по домамъ, разсказывали всѣмъ, что видѣли Пророка и удостоились вкусить отъ яствъ, благословленныхъ его рукою.

Роль Пророка сыгралъ, какъ оказалось впослѣдствіи, герменчугскій чеченецъ Яухъ или Гаука, юродивый, котораго одни считали сумасшедшимъ, а другіе—вдохновеннымъ благодатію Аллаха. О волѣ Аллаха на этотъ разъ не было сказано имъ ни слова, тѣмъ не менѣе кто-то распустилъ слухъ, что имамъ явится, лишь только лѣсъ одѣнется свѣжею листвой. Грековъ, извѣщенный обо всемъ немедленно, не придалъ никакого значенія этой, какъ онъ думалъ, комедіи, слишкомъ глупой, чтобы можно было ожидать отъ нея какихъ-либо серьезныхъ послѣдствій.

Зима между тѣмъ прошла во всеобщей молвѣ между чеченцами о появленіи имама. Наступила весна 1825 года; приблизился, наконецъ, и послѣдній срокъ, въ который обѣщанный народу пророкъ долженъ былъ явиться. Къ этому времени самъ Бей-Булатъ и Махома, сдѣлавъ три знамени, вышли изъ Маюртупа и распо-

ложились въ лѣсу, на полянѣ. Сюда собралось къ нимъ множество народа. Всѣ съ напряженнымъ нетерпѣніемъ ожидали какого-то чуда; но чудо не являлось; не было и имама. Яухъ, назначенный для этой роли, куда-то пропалъ, и его не могли нигдѣ разыскать; а чеченцы между тѣмъ требовали и чуда, и имама. Въ толпѣ начинался ропотъ, медлить больше было невозможно. Тогда мулла Махома съ рѣдкою находчивостью рѣшился выкинуть отчаянную штуку. Какъ бы одержимый религіознымъ экстазомъ, онъ долго катался по землѣ и вдругъ заревѣлъ необыкновеннымъ голосомъ: „Правовѣрные! знайте: имамъ—это я! Я видѣлъ пророка; я слышалъ голосъ Аллаха; я посланъ избавить васъ отъ невѣрныхъ!“...

Какъ ни были легковѣрны чеченцы, но неожиданный пассажъ этотъ привелъ всѣхъ въ недоумѣніе. Найдись веселый человѣкъ и, очень можетъ быть, толпа, разразившись смѣхомъ, разошлась-бы по домамъ. Но Бей-Булатъ не далъ установиться неблагопріятному впечатлѣнію. Понимая, что наступила рѣшительная минута, онъ схватилъ коранъ и, бросившись къ ногамъ Махомы, воскликнулъ громовымъ голосомъ. „Народъ! Я, Бей-Булатъ, свидѣтельствую Богомъ живымъ, что видѣлъ собственными глазами ангела, сходящаго съ неба въ огненномъ образѣ, когда святой мужъ молился въ мечети!“ Приверженцы Бей-Булата поддержали его громкими криками. Народъ, сбитый съ толку, быстро перешелъ къ вѣрѣ въ новоявленнаго имама и требовалъ чуда. Но Махома спокойно сказалъ имъ: „За ваши грѣхи, время чудесъ еще не пришло. Вы увидите много чудесъ, но не всѣмъ изъ васъ будетъ дано понять, что это чудеса, явленныя небомъ“. Народъ остался доволенъ и такимъ объясненіемъ. Очевидно, струны были туго натянуты, и удары умѣлою рукою могли уже вызвать какіе угодно звуки.

И вотъ, по всѣмъ ауламъ Чечни пронеслась молва, что имамъ уже явился, что онъ летаетъ на буркѣ, совѣщается съ Пророкомъ и творитъ чудеса. Никто однако не могъ въ ту пору сказать, кто именно этотъ имамъ, творящій чудеса и поселявшій въ народѣ такія надежды на помощь свыше; даже и теперь чеченцы не знаютъ хорошенько, кто изъ двухъ,—Махома или Яухъ, — былъ настоящимъ пророкомъ.

Такъ или иначе, а пророкъ былъ найденъ. На минаретѣ маюртупской мечети развѣвались знамена, что ясно свидѣтельствовало о присутствіи здѣсь имама; по всей Чечнѣ скакали гонцы, кричавшіе „идите, правовѣрные, поклонитесь святому пророку!“

Религіозный фанатизмъ былъ возбужденъ; народъ волновался и со всѣхъ сторонъ валилъ къ Маюртупу. Здѣсь, послѣ молитвы, отважный Бей-Булатъ объявилъ о скоромъ прибытіи къ нимъ на помощь изъ Аваріи славнаго Амалатъ-Бека. Народъ вѣрилъ и этому. Въ самомъ Аксаѣ, у кумыковъ, явились также фанатики, усердно желавшіе, чтобы маюртупскій пророкъ избавилъ и ихъ отъ власти русскихъ, — и давнія связи аксаевцевъ съ качкалыковскими чеченцами возобновились. Грековъ внимательно слѣдилъ за поведеніемъ молодыхъ аксаевскихъ князей, кадія и всего духовенства.

22 іюня, въ Ичкерію, дѣйствительно, пришли двѣсти конныхъ и сто пѣшихъ дагестанцевъ, подъ начальствомъ гумбетовскаго кадія; но Амалатъ-Бека съ ними не было. Какъ только они явились, Бей-Булатъ послалъ гонцовъ къ мичиковцамъ созывать съ каждаго двора по одному человѣку для великаго общаго дѣла; мичиковцы собрались и пошли къ Маюртупу. Къ нимъ пристала часть ичкеринцевъ, ауховцы, качкалыковцы и жители Большой Чечни. Такъ совершилось первое чудо имама—сборъ весьма значительнаго войска, что сдѣлать было не совсѣмъ легко, подъ зоркимъ глазомъ недремлющаго Грекова.

Вооруженное скопище двинулось черезъ Шалинскую поляну и заняло аулъ Атаги, расположенный противъ Грозной за Ханкальскимъ ущельемъ. Чеченцы ликовали, потому что нигдѣ не видѣли русскаго войска. Мало-по-малу они увѣровали даже въ истину словъ проповѣдника, что имамъ Махома вовсе и не будетъ драться съ русскими, а только скажетъ слово—и они убѣгутъ за Терекъ.

Грековъ понялъ, что дѣла начинаютъ принимать нешуточный оборотъ; тогда онъ увѣдомилъ чеченцевъ, что черезъ три дня самъ придетъ къ нимъ за Ханъ-Кале, приказавъ объявить объ этомъ по всѣмъ ауламъ, чтобы никто не смѣлъ впослѣдствіи сказать, что о движеніи его не было извѣстно. Онъ писалъ при этомъ, что

если 30 іюля вся ихъ сволочь удержитъ его въ Ханъ-Кале, онъ позволитъ всякому вѣрить въ святость имама и поклоняться ему.

Наступило 30 число. Ночью Грековъ стянулъ свою конницу къ Грозной, усиливъ ее двумя слабыми егерскими ротами. И чуть забрезжился свѣтъ, онъ, вѣрный своему слову, уже велъ отрядъ къ Ханкальскому ущелью. День выдался весьма ненастный: черныя тучи висѣли надъ землею, шелъ дождь, гремѣла гроза, со свистомъ и воемъ налетали порывы вѣтра. Орудія и пѣхота вязли въ грязи, замедляя движеніе всего отряда. Но Грековъ не думалъ оставить предпріятія и, молча, завернувшись въ бурку, ѣхалъ впереди. Ханкальское ущелье отрядъ прошелъ безъ выстрѣла. Приблизились къ Атаги,—и увидѣли толпы мятежниковъ, въ страшномъ безпорядкѣ бѣгущія за Гойту. Дѣло въ томъ, что какъ только всадникъ прискакалъ съ извѣстіемъ, что Грековъ идетъ—Махома, по совѣту Бей-Булата, вышелъ къ волновавшемуся народу и сказалъ: „Теперь начинать бой не время! Укройтесь за Гойту, въ лѣса — и ожидайте совершенія чуда!“ Послушныя слову имама, толпы не заставили дважды повторять приказанія и пустились бѣжать съ такою поспѣшностью, что менѣе, нежели въ полчаса, атагинскія поля опустѣли. Только растерянная провизія, папахи и даже бурки свидѣтельствовали, что еще недавно здѣсь стояло значительное скопище. Предусмотрительность Бей-Булата была весьма благоразумна; онъ понималъ, что если на этотъ разъ толпы его будутъ разбиты Грековымъ, то все предпріятіе, устраиваемое съ такимъ трудомъ, разрушится разомъ, и самая вѣра въ святость имама исчезнетъ.

Занявъ Атаги, Грековъ между тѣмъ остановился. И немедленно изъ всѣхъ деревень, лежавшихъ вокругъ атагинской долины, явились къ нему депутаты съ заявленіемъ, что они—вѣрные слуги русскаго правительства и никогда не пойдутъ за имамомъ. Нужно сказать, однако, что многіе изъ депутатовъ только что отъ него возвратились. „Если хотите разрушить свое благосостояніе, испытать нищету и разореніе, сказалъ имъ Грековъ,—то соединяйтесь съ мятежниками. Вамъ извѣстно, что я всегда и вездѣ билъ чеченцевъ, надѣюсь и теперь строго наказать вѣроломныхъ.“ Страхъ

близкой опасности нѣсколько охладилъ многихъ приверженцевъ пророка. Качкалыковцы и ауховцы также прислали увѣреніе въ своей непоколебимой преданности. И хотя, конечно, это была только преданность на словахъ, однако, всѣ эти обстоятельства показываютъ, что угроза оружія еще могла разрушить очарованіе, какимъ старались ослѣпить народъ Бей-Булатъ и его сообщники. Къ сожалѣнію, Грековъ не имѣлъ достаточно силъ, чтобы дѣйствовать съ тою быстротой и рѣшимостію, какія требовались важностью минуты. Вся линія по Тереку и Сунжѣ охранялась только лишь слабымъ 43 егерскимъ полкомъ, разбросаннымъ въ нѣсколькихъ укрѣпленіяхъ, а въ самой Грозной между тѣмъ болѣзненность была такъ велика, что не доставало людей даже для карауловъ. Грековъ передъ тѣмъ убѣдительно просилъ прислать къ нему съ минеральныхъ водъ хоть сорокъ человѣкъ при офицерѣ; команда эта была къ нему отправлена, а вмѣстѣ съ тѣмъ Грекову разрѣшено было остановить батальонъ 41 егерскаго полка, проходившій изъ Дагестана въ Кабарду. Но затѣмъ бо́льшихъ подкрѣпленій даже и ожидать было нельзя: одновременный бунтъ въ Кабардѣ, происшествія на правомъ флангѣ и разгромъ русскихъ селеній между Кубанью и Терекомъ—поглощали всѣ русскія силы. Кавказская линія вся переживала чрезвычайно трудное время.

Такимъ образомъ, достигнувъ Атаги и полагая, что одного смѣлаго движенія его черезъ Ханкальское ущелье въ виду главнаго скопища мятежниковъ достаточно, чтобы образумить чеченцевъ, Грековъ въ тотъ же день возвратился въ Грозную. Но обычная предусмотрительность на этотъ разъ измѣнила ему. Бей-Булатъ именно и воспользовался его отсутствіемъ, разгласивъ, что русскіе, не сдѣлавъ вреда ни одному чеченцу, бѣжали отъ одного взгляда святаго имама. Это было второе чудо, совершонное послѣднимъ передъ цѣлымъ народомъ.

Послѣ торжественныхъ молитвъ, произнесенныхъ имамомъ, благодарившимъ небо за дарованную ему побѣду, скопище покинуло Гойтинскіе лѣса и стало на Гехинской полянѣ, правѣе Грозной, въ землѣ карабулаковъ, какъ въ мѣстности совершенно безопасной отъ нападенія русскихъ. Только тогда понялъ Грековъ, на-

сколько было бы лучше, если бы онъ, не вдаваясь въ пустые переговоры, внезапно, ночью, какъ дѣлывалъ прежде—напалъ на атагинское скопище и разбилъ бы его на-голову. Но поправлять ошибку было уже поздно; весь лѣвый флангъ, отъ Аксая и Сулака до Владикавказа, снова былъ въ возмущеніи.

Кумыки, именно аксаевцы, и качкалыковскіе чеченцы особенно озабочивали Грекова. Близость ихъ къ Дагестану, возможность получить оттуда помощь, наконецъ, опасность, чтобы пламя возстанія, перекатившись черезъ горы, не охватило бы собою и всего Дагестана, заставили Грекова начать усмиреніе съ Кумыкской плоскости.

7-го іюля, три роты егерей съ двумя орудіями и триста линейныхъ казаковъ форсированнымъ маршемъ подошли къ Аксаю. Внезапное появленіе войскъ наружно усмирило волненіе въ городѣ. Грековъ собралъ туда кумыкскихъ старшинъ и долго уговаривалъ ихъ не вдаваться въ обманъ и сохранить свою вѣковую вѣрность русскому государству. Кое-кто послушался. Но большинство въ тотъ же день бѣжало въ станъ мятежниковъ, расположившійся выше Аксая на полугорѣ, окруженной лѣсомъ. Говорятъ, что здѣсь находился самъ Бей-Булатъ; другіе, впрочемъ, утверждаютъ, что скопищемъ начальствовали гумбетовскій кадій и одинъ изъ аварскихъ старшинъ, Чанка-Андалъ. Около полудня непріятель началъ спускаться съ горъ и перестрѣливаться съ жителями. Грековъ тотчасъ вышелъ съ отрядомъ въ долину, чтобы завязать бой. Но непріятель поспѣшно сталъ отходить къ Качкалыковскимъ горамъ. Къ сожалѣнію, преслѣдовать его утомленному форсированнымъ маршемъ отряду было невозможно, и Грековъ на время долженъ былъ остановиться въ Аксаѣ. Мятежники между тѣмъ пошли на Амиръ-Аджи-Юртъ, на Терекѣ, отстоявшій отъ Аксая по прямому пути не болѣе какъ верстъ на 25. Это было небольшое укрѣпленьице, состоявшее изъ плетневой ограды, окопанной рвомъ, черезъ который можно было легко перепрыгнуть. Гарнизонъ его состоялъ изъ роты 43 егерскаго полка, подъ командою капитана Осипова, — человѣка храбраго, но, къ сожалѣнію, какъ говорятъ преданія, черезчуръ придерживавшагося чарочки. Грековъ, зная все

это и оставаясь самъ передъ Аксаемъ для удержанія въ повиновеніи кумыковъ, немедленно послалъ ему приказаніе быть осторожнымъ; въ сумеркахъ того же дня къ Осипову опять прискакалъ одинъ изъ аксаевскихъ жителей съ запиской, въ которой Грековъ уже положительно извѣщалъ его, что сильныя толпы чеченцевъ взяли направленіе къ посту и вѣроятно ночью его атакуютъ. Но капитанъ, получившій въ этотъ день орденъ св. Анны 3-й степени съ бантомъ, находился въ такомъ расположеніи духа, что не боялся никакихъ чеченцевъ. Когда принесли ему послѣднюю записку отъ Грекова, онъ, лежа на постелѣ, сунулъ ее подъ подушку и на вопросъ фельдфебеля: какое будетъ приказаніе?—велѣлъ сдѣлать расчетъ на случай тревоги и распустить людей по казармамъ. Онъ даже не усилилъ обыкновеннаго ночного караула передъ воротами. Трагична была развязка исторіи, завязанной этой безпечностью!

Была глухая, мрачная ночь. Вѣтеръ гудѣлъ по ущельямъ и подъ его шумъ чеченцы тихо и незамѣтно подошли къ укрѣпленію со стороны лѣса. Едва часовой, стоявшій на валу, успѣлъ выстрѣлить, какъ былъ уже изрубленъ, а вслѣдъ за тѣмъ рухнулъ плетень и чеченцы съ гикомъ вскочили въ укрѣпленіе. Только тогда на дежурномъ посту забили тревогу. Сонные солдаты по одиночкѣ стали выскакивать изъ казармы и попадали прямо въ руки чеченцевъ, успѣвшихъ уже захватить часть ружей и осадить казармы. Караулъ изъ девяти человѣкъ, подъ командою унтеръ-офицера, занимавшій постъ у выходныхъ воротъ на противоположной сторонѣ укрѣпленія, сталъ въ ружье. Къ нему прибѣжалъ капитанъ Осиповъ съ нѣсколькими солдатами. Отсюда открыли по чеченцамъ ружейный огонь и успѣли повернуть противу нихъ десяти-фунтовой единорогъ. Грянулъ картечный выстрѣлъ, чеченцы смѣшались. Но уже некому было воспользоваться этимъ благопріятнымъ моментомъ; разрозненный гарнизонъ потерялъ единодушіе, и поздняя храбрость осталась безполезною. Чеченцы заняли казармы, офицерскія квартиры и прочія строенія. Скоро загорѣлся какой-то сарай; пожаръ быстро распространился на дощатый навѣсъ съ камышевою крышей, подъ которымъ хранились

чугунныя пушки, свезенныя сюда изъ уничтоженнаго укрѣпленія Неотступный Станъ. Тамъ же стояло нѣсколько боченковъ съ порохомъ; послѣдовалъ взрывъ—и всѣ окрестныя зданія, патронные ящики, лафеты, пушки и толпившіеся здѣсь чеченцы и солдаты разлетѣлись на огромномъ разстояніи по окрестностямъ. Взрывъ былъ такъ силенъ, что нѣсколько изуродованныхъ труповъ перекинуло черезъ Терекъ. Тогда капитанъ Осиповъ, въ отчаяніи и уже раненый ружейною пулею, бросился въ рѣку. Два офицера и уцѣлѣвшіе солдаты послѣдовали за нимъ. Нѣкоторымъ удалось переплыть на русскую сторону, другіе, и въ числѣ ихъ самъ Осиповъ—погибли въ волнахъ. Впослѣдствіи, при разборкѣ обрушившихся стѣнъ въ укрѣпленіи, найдено было подъ мусоромъ 25 тѣлъ; но всѣ они были такъ изуродованы, что нельзя даже было различить: чеченцы ли то, или русскіе.

Разгромивъ укрѣпленіе, чеченцы вывезли изъ него одну уцѣлѣвшую пушку и взяли въ плѣнъ гарнизонной артиллеріи подпоручика Димитріева и 13 солдатъ. Изъ гарнизона спаслось, по офиціальнымъ даннымъ, 7 унтеръ-офицеровъ и 70 рядовыхъ, въ томъ числѣ 14 раненыхъ,—слѣдовательно, большая половина гарнизона погибла. Чеченцы при взрывѣ понесли также значительныя потери; но это утѣшеніе было слишкомъ слабымъ вознагражденіемъ за потерю укрѣпленія и 70 солдатъ. „Взбѣшенъ я былъ, говоритъ Ермоловъ въ своихъ запискахъ:—происшествіемъ симъ, единственно отъ оплошности нашей случившимся. Еще досаднѣе мнѣ было, что успѣхъ сей могъ усилить партію мятежниковъ, умноживъ вѣрующихъ въ лже-пророка“.

Ермоловъ не обманулся: мятежники торжествовали. Упоенные успѣхомъ, они двинулись по Сунжѣ, атаковали въ 10 верстахъ отъ Грозной укрѣпленіе Злобный Окопъ, заставили гарнизонъ его отступить на Терекъ и, перейдя къ Преградному Стану, выжгли въ немъ нѣсколько строеній, забрали плѣнныхъ и увезли два единорога. Мятежники уже мечтали добраться до Грозной, но ихъ удержала молва о приближеніи Грекова.

Получивъ въ Аксаѣ извѣстіе о паденіи Амиръ-Аджи-Юрта, Грековъ поспѣшно притянулъ къ себѣ батальонъ 41 егерскаго

полка и, оставивъ двѣ роты для усиленія гарнизоновъ въ Герзель-Аулѣ и Внезапной, которымъ угрожала явная опасность, поспѣшно возвратился въ Грозную, гдѣ присутствіе его казалось необходимымъ.

Но едва онъ появился на линіи, какъ Бей-Булатъ съ мятежниками быстро перенесся опять на Кумыкскую плоскость и сталъ на правомъ берегу Гудермеса, близъ нынѣшняго Умаханъ-Юртовскаго укрѣпленія. Ему удалось отсюда опять возмутить аксаевцевъ и аулъ Брагуны, стоявшій надъ Терекомъ; онъ угрожалъ даже овладѣть Старымъ-Юртомъ и окончательно перервать сообщенія Терека съ Грозной.

Положеніе дѣлъ становилось все серьезнѣе и серьезнѣе; Грековъ просилъ подкрѣпленій. Изъ Кабарды немедленно отправили къ нему на помощь Ширванскій пѣхотный полкъ: 1-й батальонъ—въ Грозную, 2-й—на Терекъ, и оба на подводахъ. Самъ областной начальникъ генералъ-лейтенантъ Лисаневичъ прискакалъ въ Науръ и вызвалъ Грекова къ себѣ на совѣщаніе.

А между тѣмъ мятежники устремили всѣ свои силы на то, чтобы завладѣть Герзель-Ауломъ, какъ укрѣпленіемъ, прикрывавшимъ путь отъ Внезапной къ Грозной и составлявшимъ постоянную угрозу аксаевцамъ. Непріятель попытался сначала взять его хитростью. Такъ, Герзель-аульскій комендантъ доносилъ Грекову, что 9-го іюля непріятель устроилъ ему „сюрпризъ". Къ укрѣпленію подъѣхалъ офицеръ, въ эполетахъ, съ большою свитой, и требовалъ, чтобы отворили ворота, увѣряя, что онъ присланъ на помощь; непрошеннаго гостя, однако, попросили убираться по добру по здорову, пригрозивъ, что будутъ стрѣлять, — а 12-го іюля огромное скопище уже обложило укрѣпленіе. Гарнизонъ геройски оборонялся пять дней, пока на помощь къ нему не пришли генералы Грековъ и Лисаневичъ. Мятежники, пораженные неудачею и гонимые страхомъ встрѣчи съ сравнительно большими силами русскихъ, отступили. Несчастная случайность испортила все дѣло: Грековъ и Лисаневичъ пали отъ руки фанатика. Снова загорѣлся мятежъ съ удвоенною силою.

Тогда на линіи появился Ермоловъ.

X.

Герзель-Аулъ.

(Гибель Грекова и Лисаневича).

Въ кровавой борьбѣ, вызванной чеченскимъ мятежемъ 1825 года, геройская защита Герзель-Аула,—небольшого укрѣпленія въ кумыкскихъ земляхъ, представляетъ собою самый свѣтлый, блестящій эпизодъ.

Тогда наступилъ самый критическій моментъ борьбы. Грековъ, отвлеченный изъ Аксая движеніемъ мятежниковъ къ Грозной, былъ на линіи, собирая возможную помощь, а кумыкскія земли, оберегаемыя лишь небольшими гарнизонами въ укрѣпленіяхъ, волновались и тянули въ сторону возстанія. Въ Костекѣ и Эндери кумыки еще оставались спокойными; но въ Аксаѣ жители вышли изъ всякаго повиновенія своему старшинѣ Мусѣ Хасаеву и сговаривались не только не драться съ Бей-Булатомъ, но и не давать никакой помощи русскимъ въ укрѣпленіи. Напрасно Муса Хасаевъ уговаривалъ ихъ опомниться и не навлекать на себя мщенія Ермолова,—его никто не слушалъ, и, напротивъ, ему самому становилось небезопасно оставаться въ аулѣ. Онъ уже подумывалъ бѣжать въ Герзель-Аулъ, какъ вдругъ узналъ, что всѣ

выходы изъ города заперты, и его не выпустятъ. Тогда, съ горстью своихъ сторонниковъ, онъ заперся въ башнѣ, предоставивъ жителямъ поступать, какъ знаютъ. Большая часть изъ нихъ тотчасъ же и перешла къ Бей-Булату.

Измѣна аксаевцевъ поставила Герзель-Аулъ въ весьма опасное положеніе,—онъ очутился въ самомъ центрѣ возстанія. Укрѣпленіе было, правда, вооружено весьма хорошо и могло съ успѣхомъ держаться противъ мятежниковъ, но ему угрожалъ недостатокъ воды; и если бы рѣка Аксай была отведена въ старое высохшее русло, которое жители легко могли обстрѣливать изъ своего аула, то добываніе воды для гарнизона каждый разъ стоило бы доброй вылазки.

Ночью 11 іюля имамъ благословилъ нападеніе. Распущенъ былъ слухъ, что русскія пули и ядра не будутъ вредить чеченцамъ, и—чеченцы ринулись потокомъ. Въ крѣпости ихъ ждали; съ валовъ ея грянулъ пушечный залпъ, — и пророчество имама едва не сбылось съ буквальною точностію, потому что разсохшіеся отъ сильной жары лафеты гарнизонныхъ пушекъ не выдержали залпа и разлетѣлись,—пушки попадали на землю. Гарнизонъ, состоявшій всего изъ 400 егерей, подъ командою храбраго маіора Пантелѣева, не потерялъ однако присутствія духа, и первое бѣшеное нападеніе чеченцевъ было отражено штыками. Наступившій день открылъ гарнизону, что число осаждавшихъ простиралось за шесть тысячъ, и что къ нимъ пристали аксаевцы и большая часть жителей Андреевскаго аула. Мятежъ угрожалъ разлиться даже и на Дагестанъ. Непріятель, между тѣмъ, отрѣзавъ гарнизонъ отъ воды, прикрылся окопами, въ видѣ траншей, и повелъ осаду.

Надѣлавъ огромныхъ туръ-мантелетовъ, чеченцы подкатывали ихъ на колесахъ туземныхъ арбъ подъ самую крѣпость и, укрываясь за ними, день и ночь вели перестрѣлку. Однѣ толпы чеченцевъ, уходя на отдыхъ, смѣнялись другими, а гарнизонъ все время оставался безъ смѣны и безъ отдыха. Люди не только не имѣли времени заснуть, но даже сварить себѣ пищу, и изнемогали.

Ко всему этому чеченцы зажгли сухой терновникъ, которымъ былъ обложенъ эскарпъ укрѣпленія, и засѣли во рву; солдаты съ тѣхъ поръ уже не смѣли отходить отъ вала, ежеминутно ожидая приступа. Дѣйствительно, каждый разъ послѣ вечерняго и утренняго намаза, чеченцы бѣшено бросались изо рва на валъ, но къ счастію постоянно были сбиваемы штыками; пули крестили укрѣпленіе по всѣмъ направленіямъ; показаться на площади значило почти навѣрное быть раненымъ или убитымъ. Иногда офицеры нарочно выставляли на палкахъ свои шапки въ видѣ приманки, и пули тотчасъ ихъ сбрасывали. Пробовали было выбить чеченцевъ изо рва ручными гранатами; но гранаты были такъ плохи, что одна изъ нихъ, разорвавшись въ рукахъ унтеръ-офицера, положила на мѣстѣ его самого.

— „Прощайте, братцы, сказалъ онъ людямъ, бросившимся его поднимать:—я умираю спокойно, зная, что вы будете спасены".

Надежды на спасеніе однако было не много. Уже пятыя сутки продолжалась осада. Въ первые три дня силы людей поддерживались еще запасомъ льда, сохранившагося въ ледникахъ, но запасъ его скоро истощился—и воды не стало. Четвертый день продержались кое-какъ, но на пятый всѣ страшно мучились жаждою и ослабѣли до такой степени, что многіе падали, моментально засыпая глубокимъ сномъ, изъ котораго вывести ихъ было почти невозможно. Напрасно, однакоже, чеченцы, думая поколебать стойкость гарнизона напоминаніемъ о гибели ихъ товарищей, какъ бы въ насмѣшку выходили въ мундирахъ и портупеяхъ черезъ плечо, захваченныхъ въ Амиръ-Аджи-Юртѣ, — раздраженные солдаты только осыпали ихъ ругательствами. Напрасно чеченцы требовали сдачи, обѣщая гарнизону пощаду, хлѣбъ и даже деньги; въ отвѣтъ на это солдаты кричали изъ крѣпости, что у нихъ вдоволь всего, и въ доказательство бросали имъ послѣдніе остатки черствыхъ сухарей и куски драгоцѣннаго льда. Храбрый Пантелѣевъ и офицеры, переносившіе всѣ лишенія наравнѣ съ солдатами, не допускали мысли о сдачѣ, и своимъ примѣромъ поддерживали муже-

ство нижнихъ чиновъ. Истощая всю силу солдатскаго краснорѣчія, Пантелѣевъ уговаривалъ своихъ егерей держаться до послѣдней капли крови. Ежеминутно ждали помощи, обращая взоры къ Тереку; но тамъ пока все было пусто и безмолвно. Пронесется ли по степи сорвавшійся, Богъ вѣсть откуда, вихрь—и всѣмъ представляется, что скачетъ на выручку конница; зачернѣетъ стадо—и разгоряченное воображеніе рисуетъ уже колонны идущей пѣхоты. Но есть предѣлъ и силѣ человѣческаго духа. Можетъ быть, сохраняя честь русскаго оружія, солдаты не сдались бы живыми; но еще день — и всѣ они безъ всякаго сомнѣнія были бы перерѣзаны чеченцами.

Но вотъ, наступилъ темный вечеръ пятаго дня, и осажденные увидѣли на горизонтѣ яркое зарево костровъ; то былъ вѣрный знакъ, что къ нимъ идутъ подкрѣпленія.

Получивъ извѣстіе о тяжкомъ положеніи Герзель-аульскаго гарнизона, генералы Лисаневичъ и Грековъ рѣшились не дожидать Ширванцевъ, а воспользоваться всѣмъ тѣмъ, что только можно было собрать на линіи. Это все—состояло изъ трехъ ротъ пѣхоты, шести орудій и четырехсотъ линейныхъ казаковъ. Отрядъ, ничтожный по силамъ, но имѣвшій во главѣ двухъ генераловъ, не признававшихъ никакихъ опасностей, бодро и весело двинулся на шеститысячное скопище, разсчитывая впереди на неминуемыя кровавыя битвы.

Но успѣхъ обошелся гораздо дешевле, чѣмъ можно было предполагать. Внезапное появленіе отряда совершенно смутило чеченцевъ, и конница ихъ, увидѣвъ линію бивуачныхъ огней, первая обратилась въ бѣгство. Это обстоятельство произвело невообразимую путаницу въ пѣшемъ станѣ мятежниковъ. Грековъ, воспользовавшись минутнымъ смятеніемъ, безъ выстрѣла проскакалъ съ казаками мимо враговъ и въ нетерпѣніи, не дождавшись пока передъ нимъ откроютъ ворота, перескочилъ въ укрѣпленіе черезъ валъ. Громкое ура привѣтствовало храбраго генерала. Поздравивъ егерей съ лихою обороною, онъ тотчасъ же приказалъ Пантелѣеву сдѣлать сильную вылазку. Солдаты построились. Въ эту минуту под-

скакалъ Лисаневичъ съ пикою въ рукѣ. „Ребята, крикнулъ онъ:— дружно помогать другъ другу, ура!—въ штыки!“ Солдаты бросились впередъ. Храбрѣйшіе изъ чеченцевъ встрѣтили вылазку залпомъ и бросились было на нее съ кинжалами и шашками, но горсть ихъ не могла оказать долгаго и рѣшительнаго сопротивленія. Имамъ и самъ Бей-Булатъ бѣжали изъ первыхъ, въ сопровожденіи небольшого числа сообщниковъ; прочіе разсѣялись по домамъ и ожидали теперь жестокаго наказанія *).

Обстоятельства сложились, такимъ образомъ, необыкновенно благопріятно, и мятежъ, волновавшій такъ долго Чечню, готовъ былъ потухнуть. Но одинъ неосторожный шагъ испортилъ все. Шагъ этотъ былъ сдѣланъ Лисаневичемъ.

Разсѣявъ чеченцевъ, вновь прибывшія роты расположились вокругъ укрѣпленія бивуакомъ, а оба генерала, въ сопровожденіи всѣхъ офицеровъ, отправились внутрь укрѣпленія привѣтствовать храбрый гарнизонъ. Тамъ ихъ встрѣтили кумыкскій приставъ Филатовъ и аксаевскій старшина Муса-Хасаевъ, все время осады просидѣвшій въ башнѣ. Они заявили, что жители Аксая просятъ пощады; но Лисаневичъ, желая устрашить мятежниковъ примѣромъ строгости, потребовалъ выдачи виновныхъ. На слѣдующій день, 18 іюля, въ Герзель-Аулѣ собрано было 318 кумыковъ. Тутъ были и наиболѣе замѣченные въ сношеніяхъ съ мятежниками, и старшины, и наконецъ люди, сохранявшіе все время безусловную преданность Россіи. При этомъ не было принято никакихъ предосторожностей; аксаевцы не обезоружены, караулъ же не только не усиленъ, но даже не вызванъ въ ружье. Съ утра были разосланы обычныя команды за фуражемъ, за дровами и по другимъ хозяйственнымъ надобностямъ, такъ что солдатъ въ укрѣпленіи оставалось меньше, чѣмъ кумыковъ. Говорятъ, что Грековъ намѣренъ былъ обезоружить послѣднихъ и приказалъ нарядить 20 солдатъ, но нетерпѣливый Лисаневичъ вышелъ изъ занимае-

*) Чеченское скопище бѣжало, оставивъ на мѣстѣ 200 тѣлъ. Съ нашей стороны потеря на вылазкѣ была небольшая, но пятидневная осада стоила 150 человѣкъ—т. е. цѣлой трети гарнизона.

маго имъ домика, не дождавшись исполненія этого приказанія. Его сопровождали генералъ-маіоръ Грековъ, Муса-Хасаевъ, приставъ Филатовъ, переводчикъ Соколовъ и адъютантъ поручикъ Трони. Надо замѣтить, что Лисаневичъ, проведшій большую часть своей жизни на Кавказѣ, въ фаталистической самоувѣренности и прежде никогда не обезоруживалъ передъ собою азіятцевъ, чтобы не дать имъ повода думать, что ихъ опасаются. Подойдя теперь къ кумыкамъ, онъ въ сильныхъ выраженіяхъ сталъ упрекать ихъ въ гнусной измѣнѣ и вѣроломствѣ. Зная отлично татарскій языкъ, онъ объяснялся свободно, безъ переводчика, и не щадилъ угрозъ. Затѣмъ онъ вынулъ списокъ и сталъ вызывать виновныхъ. Первые двое вышли безъ сопротивленія; но третій, мулла Учаръ-Хаджи, въ зеленомъ бешметѣ и бѣлой чалмѣ, съ голыми до колѣнъ ногами и съ большимъ кинжаломъ на поясѣ, стоялъ въ толпѣ съ дикимъ, блуждающимъ взоромъ и не хотѣлъ выходить. Лисаневичъ повторилъ вызовъ. Но едва переводчикъ подошелъ къ Учару и взялъ его за руку, какъ тотъ однимъ прыжкомъ очутился возлѣ Лисаневича и, прежде чѣмъ генералъ успѣлъ уклониться, нанесъ ему кинжаломъ смертельную рану въ грудь. Лисаневичъ упалъ на руки своего адъютанта. Пораженный Грековъ бросился къ нему на помощь, но въ то же мгновеніе палъ отъ руки Учара, получивъ двѣ раны, изъ которыхъ послѣдняя, въ грудь, — была безусловно смертельна. Опьяненный кровью, убійца бросился на Мусу-Хасаева, который спасся, успѣвши присѣсть. Учаръ споткнулся на него, и кумыкскій приставъ Филатовъ—человѣкъ уже не молодой, воспользовавшись этимъ моментомъ, схватилъ его за руки. Между ними завязалась борьба грудь на грудь, но злодѣй былъ сильнѣе и уже одолѣвалъ Филатова, когда подскочившій Муса-Хасаевъ ударилъ его шашкой по головѣ, а другой кумыкъ въ упоръ выстрѣлилъ въ него изъ ружья. Прочіе кумыки, объятые ужасомъ, бросились бѣжать. Лисаневичъ, держа рукою рану, стоялъ прислонившись къ забору, но сохраняя полное присутствіе духа. И только тогда, когда ему сказали о смерти Грекова, у него вырвалось роковое „коли!“ Солдаты поспѣшно заперли ворота, и на-

чалось истребленіе всѣхъ, кто былъ въ укрѣпленіи. Многіе изъ кумыковъ, видя бѣду, схватили изъ сошекъ солдатскія ружья, другіе защищались кинжалами, переранили 18 солдатъ, однакоже всѣ они полегли на мѣстѣ. Въ числѣ погибшихъ были люди и ни въ чемъ не повинные, отличавшіеся испытанной преданностью русскимъ, и даже нѣсколько андреевскихъ жителей. Озлобленные солдаты не давали пощады никому, кто попадался имъ на глаза въ азіятской одеждѣ. Убиты были даже трое грузинъ, находившихся при генералѣ, и нѣсколько гребенскихъ казаковъ. Немногіе кумыки успѣли выскочить изъ укрѣпленія, но и тѣхъ, видя тревогу, переколола команда, возвращавшаяся изъ лѣсу. А между тѣмъ, по словамъ Ермолова, „если бы аксаевцами не овладѣлъ совершенный испугъ, они сами могли бы безъ труда завладѣть всѣмъ укрѣпленіемъ и артиллеріей, при которой не было ни одного канонира“.

Ожесточенные солдаты хотѣли даже идти разорять Аксай, и полковнику Сорочану, принявшему начальство послѣ смерти Грекова, стоило большого труда удержать ихъ ярость.

Лисаневичъ, зажимая лѣвою рукою рану, между тѣмъ машинально шелъ къ воротамъ за кумыками, которыхъ кололи. Поручикъ Трони и Соколовъ, опасаясь чрезмѣрной потери крови, его удерживали. „Что вы? мнѣ ничего! сказалъ имъ генералъ: — онъ меня только ткнулъ немного“. „Однако надо перевязать рану“, возразилъ Трони и повелъ его въ комнату. На порогѣ Лисаневичъ лишился чувствъ; его отнесли въ постель и раздѣли. Осмотръ раны показалъ, что, пробивъ два ребра, кинжалъ прошелъ насквозь легкое, ниже праваго соска.

Грековъ лежалъ бездыханный. Черезъ нѣсколько дней въ Грозной умеръ и Лисаневичъ. Линія осиротѣла, и мятежъ снова поднялъ голову.

Такъ погибъ въ цвѣтущихъ лѣтахъ, когда ему не было и 35 лѣтъ, храбрый и даровитый генералъ Грековъ, „гроза чеченцевъ“, которому все предвѣщало блестящую военную карьеру. Къ счастію

онъ не оставилъ по себѣ горькаго плача—онъ былъ одинокъ,—и отошелъ въ вѣчность, сопровождаемый только сожалѣніемъ товарищей-подчиненныхъ.

Въ гибели его было нѣчто роковое. Въ тѣ дни, когда руководимыя имъ геройскія войска проникали въ самыя нѣдра чеченской земли, поражая непріязненную природу и враждебныя племена силою своего духа,—въ тѣ дни, всего какой-нибудь годъ назадъ, могъ ли онъ предугадать свою судьбу—гибель не среди боевыхъ кликовъ и звона оружія, а среди своихъ побѣдоносныхъ войскъ отъ совершенной и неожиданной случайности. Могъ ли онъ предвидѣть, что всѣ плоды его долгихъ и геройскихъ усилій не избавятъ край отъ смутъ, измѣны и потрясеній; что одинъ ничтожный мулла, прикрытый епанчею пророка, будетъ причиною всеобщаго гибельнаго возстанія охраняемой имъ страны; что другой фанатикъ, побѣжденный и униженный, пришедшій только затѣмъ, чтобы понести заслуженное наказаніе,—поразитъ его измѣнническимъ ударомъ; что, наконецъ, третій фанатикъ, глава и предводитель чеченскихъ разбойниковъ, жизнь котораго была помѣхой благосостоянію и миру страны, не только восторжествуетъ надъ всѣми стараніями погубить его, но еще разъ, погубивши его самого, станетъ снова почетнымъ гостемъ тѣхъ, кому онъ сдѣлалъ такъ много неисправимаго зла.

Въ лицѣ генерала Дмитрія Тихоновича Лисаневича Кавказская линія и весь Кавказскій край понесли также, быть можетъ, еще большую и незамѣнимую утрату. Лисаневичъ принадлежалъ къ весьма замѣчательнымъ военнымъ дѣятелямъ славной циціановской эпохи, и въ тѣ времена, когда въ бояхъ Закавказья „съ дерзостнымъ челомъ явился пылкій Циціановъ“, не много было крупныхъ событій, въ которыхъ не встрѣчалось бы и имени Лисаневича. Ему, правда, не представилось случая быть во главѣ самостоятельныхъ отрядовъ и играть въ событіяхъ первенствующую роль; но всюду, гдѣ онъ былъ и дѣйствовалъ, онъ былъ одною изъ крупнѣйшихъ величинъ.

Лисаневичъ происходилъ изъ небогатой дворянской семьи, во-

ронежской губерніи, и его военная карьера была сдѣлана безъ связей и протекцій,—взята въ бояхъ исключительно личнымъ мужествомъ и военными дарованіями. Онъ началъ службу въ 1793 году на Кавказѣ, въ Кубанскомъ корпусѣ рядовымъ, и первый походъ свой сдѣлалъ съ арміею графа Зубова къ персидскимъ предѣламъ. Тамъ, подъ стѣнами Дербента, Лисаневичъ, тогда еще 18-лѣтній юноша, на глазахъ главнокомандующаго штурмовалъ крѣпостныя башни, а въ кровавомъ бою подъ Алпанами, памятномъ гибелью цѣлаго батальона съ подполковникомъ Бакунинымъ, заслужилъ офицерскіе эполеты. Когда Кубанскій корпусъ былъ расформированъ, Лисаневичъ поступилъ въ славный 17-й егерскій полкъ и перешелъ съ нимъ въ Грузію. Тамъ, въ боевой школѣ Циціанова, Лазарева и Карягина, въ теченіе 12 лѣтъ изъ него выработался замѣчательный боевой генералъ. Уже черезъ два года по прибытіи въ Грузію, онъ, командуя ротой, обратилъ на себя особенное вниманіе въ Осетинскомъ походѣ, и на 24 году отъ роду былъ штабъ-офицеромъ. Еще годъ — и Ганжинскій штурмъ сдѣлалъ имя Лисаневича извѣстнымъ всему Грузинскому корпусу. Здѣсь, командуя батальономъ, онъ первый вошелъ на крѣпостную стѣну и во главѣ своихъ егерей ворвался въ укрѣпленную башню, гдѣ защищался и погибъ самъ Джаватъ-Ханъ Ганжинскій. За этотъ блестящій подвигъ Лисаневичъ получилъ Георгія.

При графѣ Гудовичѣ, во время персидской войны, на долю Лисаневича выпалъ рядъ новыхъ подвиговъ, между которыми особенно замѣчателенъ бой, 28 сентября 1808 года, при Кара-Бабѣ, гдѣ онъ, выдержавъ съ батальономъ пѣхоты нападеніе цѣлой персидской арміи, блистательною побѣдой открылъ отряду путь къ Нахичевани. И не далѣе какъ черезъ мѣсяцъ, 3 декабря, ему же обязаны были снова пораженіемъ персидской арміи, пытавшейся заградить отряду обратный путь у той же Кара-Бабы.

Назначенный за эти славныя дѣла шефомъ 9-го егерскаго полка, Лисаневичъ принималъ видное участіе въ покореніи Имеретинскаго царства и въ плѣненіи мятежнаго царя Соломона. Въ 1810 году онъ былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ знамени-

той побѣды подъ Ахалкалаки, и подвигъ, совершонный здѣсь, распространилъ извѣстность Лисаневича далеко за предѣлы Кавказа, по всей русской арміи, такъ какъ императоръ Александръ повелѣлъ сообщить о немъ въ приказѣ по войскамъ, „въ назиданіе современникамъ и потомству, что истинная храбрость замѣняетъ числительность, побѣждаетъ природу и торжествуетъ надъ многочисленностію непріятеля". Въ этомъ бою два русскіе батальона, предводимые Паулуччи и Лисаневичемъ, буквально истребили десятитысячный персидско-турецкій союзный корпусъ. Въ октябрѣ того же года, герой Ахалкалакъ усмиряетъ Кубинское ханство, находившееся въ возстаніи, благодаря нерѣшительнымъ дѣйствіямъ генерала Гурьева. Съ двумя егерскими ротами Лисаневичъ напалъ тогда на грозныя силы мятежниковъ, державшія въ блокадѣ цѣлый пѣхотный полкъ, разбилъ ихъ на голову, выручилъ Кубу вмѣстѣ съ запершимися въ ней батальонами и, перейдя въ Дагестанъ, преслѣдовалъ Шихъ-Али-Хана вплоть до снѣговыхъ горъ, укрывшихъ, наконецъ, непріятеля отъ его ударовъ.

Орденъ св. Владиміра 3 степени за Имеретію, чинъ генералъ-маіора за Ахалкалаки и золотая, осыпанная бриллiантами сабля за усмиреніе Кубинскаго ханства—таковы были царскія награды за славные подвиги.

Бдительная охрана русскихъ границъ со стороны Бомбака и Шурагеля, дѣло подъ Паргитомъ въ Карскомъ пашалыкѣ, набѣги въ Эриванское ханство, и особенно замѣчательный ночной переходъ отъ Мигри до Керчевани по горамъ, въ которыхъ не существовало никакихъ тропинокъ, въ 1812 году — достойно завершили собою славное боевое кавказское поприще Лисаневича.

На Кавказѣ Лисаневичъ успѣлъ однако выдвинуться не одною боевою отвагой, но и своими политическими и административными способностями. Еще при Циціановѣ, когда ему поручено было вести переговоры о принятіи Карабага въ русское подданство, Лисаневичъ, научившись въ короткое время въ совершенствѣ говорить по-татарски, пріобрѣлъ въ ханствѣ большое народное довѣріе, и его вліянію главнымъ образомъ должно быть приписано то, что

Россія удержала за собою Карабагъ, при нашествіи персіянъ въ 1805 году. Его присутствіе въ Шушѣ удержало жителей въ повиновеніи даже въ то время, когда часть Карабага передалась персіянамъ. Ему же обязана была заселеніемъ обширная Лорійская степь, еще со временъ грузинскихъ царей обращенная въ пустыню частыми нашествіями персіянъ и турокъ. Лисаневичъ первый обратилъ вниманіе на привольныя мѣста, вызвалъ сюда заграничныхъ армянъ, устроилъ для нихъ дома, помогъ завести хозяйство и вообще позаботился объ устройствѣ быта новыхъ поселенцевъ. Съ его легкой руки мертвая степь снова была призвана къ жизни и мало по малу достигла цвѣтущаго состоянія.

13 августа 1815 года Лисаневичъ простился съ Кавказомъ; онъ былъ назначенъ командиромъ одной изъ егерскихъ бригадъ, расположенныхъ внутри Россіи; но еще на пути къ мѣсту своего назначенія получилъ высочайшее повелѣніе вступить въ командованіе 7-ю пѣхотною дивизіею. Съ этой послѣдней онъ пробылъ нѣсколько лѣтъ во Франціи, въ составѣ корпуса графа Воронцова, и получилъ отъ французскаго короля орденъ Почетнаго Легіона большого креста со звѣздою. Возвратившись изъ Франціи, Лисаневичъ продолжалъ командовать тою же дивизіею до 5-го сентября 1824 года, когда назначенъ былъ командующимъ войсками на Кавказской линіи, на мѣсто умершаго генерала Сталя. Назначеніе это состоялось по личной волѣ государя, одновременно съ тѣмъ пожаловавшаго Лисаневичу и чинъ генералъ-лейтенанта. Нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ внѣ Кавказа, не охладили въ старомъ генералѣ прежняго воинственнаго пыла,—онъ былъ огонь и отвага,— и новое назначеніе его было ему по сердцу. 12 марта 1825 года онъ уже былъ въ Георгіевскѣ.

Но не весело встрѣтилъ Кавказъ на этотъ разъ Лисаневича. Не много нашелъ онъ въ войскахъ старинныхъ сослуживцевъ, дѣлившихъ съ нимъ былые походы по Закавказью. Многіе, конечно, знали его, но знали по наслышкѣ; и онъ не могъ не чувствовать себя одинокимъ. Къ тому же и отношенія между нимъ и Ермоловымъ сложились сразу нехорошо. Ермоловъ недоволенъ былъ на-

значеніемъ Лисаневича, состоявшимся помимо его желанія; а Лисаневичъ, справедливо гордившійся именно своею кавказскою службою, обижался оказываемыми ему недовѣріемъ и холодностію.

Кавказскую линію Лисаневичъ засталъ между тѣмъ въ смятеніи. Черкесы, врывавшіеся изъ-за Кубани, громили русскія села; Кабарда была объята возстаніемъ; въ Чечнѣ зрѣлъ бунтъ,—слухи о появленіи пророка собирали чеченцевъ въ буйныя шайки. По самому ходу событій Лисаневичъ долженъ былъ прежде всего обратить вниманіе на Кабарду, центральное положеніе которой сообщало ей первостепенное значеніе; здѣсь было управленіе главнаго начальника Кавказской линіи; здѣсь сосредоточивались всѣ запасы, магазины и парки; здѣсь проходила военно-грузинская дорога — единственный путь, по которому могло производиться безостановочное сообщеніе съ Грузіей. Заботы о Чечнѣ стояли на второмъ планѣ. Но не успѣлъ Лисаневичъ осмотрѣться среди этого хаоса событій, какъ взятіе чеченцами Амиръ-Аджи-Юрта и происшествія на Сунжѣ заставили его покинуть Кабарду и скакать въ Науръ, чтобы на мѣстѣ измѣрить степень опасности. Отъ Грекова онъ узналъ здѣсь, что войскъ свободныхъ нѣтъ, и для дѣйствія въ полѣ необходимо ждать прибытія ширванскихъ батальоновъ. Событія между тѣмъ не ждали. Отчаянное положеніе осажденнаго Герзель-Аула заставило генераловъ принять геройское рѣшеніе, увѣнчавшееся блестящимъ успѣхомъ, — но, какъ мы видѣли, оба они пали жертвой простой неосторожности и несчастнаго случая.

Кончина Лисаневича была трогательна. Когда ему нанесена была смертельная рана, онъ обратился къ полковнику Сорочану и сказалъ ему: „передайте генералу Ермолову — я человѣкъ бѣдный, служилъ государю 30 лѣтъ и въ продолженіе своей службы не нажилъ ничего; пусть онъ не оставитъ сиротъ—дѣтей моихъ и жену; тогда умру спокойно“. Его перевезли въ Грозную. Медики старались поддержать угасавшую жизнь, но нить ея была перервана. Нѣкогда грозный персіянамъ герой до послѣднихъ минутъ своихъ сохранялъ присутствіе духа; онъ не хотѣлъ лежать и надѣялся выздоровѣть. На шестой день, передъ самой кончиной,

когда онъ, сидя въ креслѣ, хотѣлъ подняться, и докторъ, съ трудомъ поддерживая его, согнулся подъ тяжестью, Лисаневичъ шутя сказалъ ему: „видишь, братецъ, хотя мнѣ остается жить пять минутъ, но я все-таки сильнѣе тебя". О своей семьѣ, о женѣ и дѣтяхъ вспоминалъ онъ часто; но они были далеко, въ Ставрополѣ, и не могли поспѣть ко времени его кончины. Разсказываютъ, что малютка, любимый сынъ его, узнавъ о смерти отца, плача говорилъ: „Ну, зачѣмъ онъ поѣхалъ?.. Вѣдь я говорилъ ему: эй, папа, не ѣзди!"

Лисаневичъ умеръ на 48 году отъ роду. Съ нимъ сошелъ въ могилу уже одинъ изъ послѣднихъ представителей славной на Кавказѣ Циціановской эпохи.

Судьба Лисаневича тѣмъ печальнѣе, что и самая смерть послужила поводомъ къ укору его памяти. Ермоловъ, быть можетъ, подъ вліяніемъ нерасположенія къ покойному генералу, приписалъ трагическія событія въ Чечнѣ „неспособности Лисаневича". Но государь лучше цѣнилъ послѣдняго и въ рескриптѣ на имя Ермолова написалъ слѣдующія памятныя строки: „Раздѣляя мнѣніе ваше, что причиною несчастія при Амиръ-Аджи-Юртѣ была оплошность капитана Осипова, и что смерть генерала Лисаневича послѣдовала отъ собственной его неосторожности, не могу, однако же, согласиться, чтобы сей генералъ былъ неспособенъ къ командованію, ибо, доказавъ въ продолженіе долговременной службы много опытовъ своего усердія, онъ и въ настоящемъ случаѣ первоначально успѣлъ разсѣять превосходныя силы непріятеля и тѣмъ освободить Герзель-Аулъ".

Память о Лисаневичѣ живетъ и понынѣ въ Грузіи. На Кавказской линіи собственно онъ былъ слишкомъ недолго, только четыре мѣсяца; но и здѣсь небольшой обелискъ, на бульварѣ въ крѣпости Грозной, поддерживаетъ въ молодомъ кавказскомъ поколѣніи память объ измѣннической смерти двухъ славныхъ кавказскихъ вождей. Къ сожалѣнію, мы даже не знаемъ, гдѣ лежитъ

прахъ Лисаневича; одни говорятъ, что онъ похороненъ въ Грозной, другіе—въ Георгіевскѣ. Могила его еще ожидаетъ памятника, — и нельзя не пожалѣть, что у насъ, даже среди военной семьи, такъ много равнодушія къ славнымъ могиламъ.

XI.

Ермоловъ въ Чечнѣ.

(1825—1826 года).

Чеченскій мятежъ 1825 года засталъ Ермолова въ Тифлисѣ. Увѣренный въ генералѣ Грековѣ, командовавшемъ на Сунженской линіи, онъ былъ однако спокоенъ, какъ вдругъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, пришло громовое извѣстіе о гибели въ Герзель-Аулѣ и Грекова и Лисаневича. На линіи не оставалось ни одного генерала. Ермоловъ немедленно послалъ приказаніе вступить въ командованіе ею начальнику своего штаба генералу Вельяминову, находившемуся тогда въ экспедиціи, далеко, за Кубанью, а на мѣсто Грекова вызвалъ генералъ-маіора Лаптева.

Но положеніе дѣлъ на линіи было настолько серьезно, что онъ считалъ необходимымъ тамъ свое личное присутствіе, и хотя извѣстіе о смерти Грекова и Лисаневича застало его больнымъ, но 24 іюля, спустя всего шесть дней послѣ герзель-аульской катастрофы, онъ былъ уже въ дорогѣ. Стояли страшные, томительные жары, и подъ вліяніемъ ихъ болѣзнь Ермолова усилилась. Во Вла-

дикавказѣ онъ слегъ окончательно, и были минуты, когда доктора отчаявались за самую жизнь его, что, вѣроятно, не осталось безъ вліянія и на духъ мятежниковъ. Дѣйствительно, въ это самое время въ лѣсахъ Малой Чечни, за Гойтой, предпріимчивый Бей-Булатъ снова соединялъ подъ знамена пророка Махомы разсѣянныя силы мятежниковъ, искусно волнуя и подстрекая въ то же время на Кумыкской плоскости андреевцевъ—указаніемъ на кровь лучшихъ людей ихъ, напрасно пролитую русскими въ Герзель-Аулѣ.

Только 3-го августа Ермоловъ могъ подняться съ постели и тотчасъ же поспѣшилъ въ Чечню. Отъ Владикавказа до Грозной онъ прошелъ съ однимъ батальономъ Ширванскаго полка, при двухъ орудіяхъ, и тремя неполными сотнями донскихъ казаковъ, нигдѣ не встрѣтивъ помѣхи отъ чеченцевъ. По пути онъ приказалъ уничтожить Преградный Станъ, стоявшій въ такомъ разстояніи отъ Сунжи, что легко могъ быть отрѣзанъ отъ воды, и нѣсколько малыхъ редутовъ, которые за отдаленностью отъ Грозной и Владикавказа не могли разсчитывать на своевременную помощь.

Въ Грозной Ермоловъ получилъ извѣстіе о безпорядкахъ въ Кабардѣ. Но вынужденный обстоятельствами оставить тамошнія дѣла на Вельяминова, онъ спѣшилъ прежде всего укрѣпить и обезпечить за собой Кумыкскую плоскость. Присоединивъ къ Ширванцамъ двѣ роты 41-го егерскаго полка съ двумя орудіями, онъ вышелъ къ Амиръ-Аджи-Юрту черезъ станицу Червленную, гдѣ отрядъ его усилился еще тремя стами линейныхъ казаковъ и пятью конными орудіями. Уже одинъ слухъ о движеніи Ермолова къ Андреевской деревнѣ произвелъ на кумыковъ потрясающее дѣйствіе. Нѣсколько дней назадъ сильная партія андреевцевъ требовала, чтобы чеченцы были впущены въ городъ, и непремѣнно добилась бы цѣли,—теперь вожаки ея первые предались поспѣшному бѣгству; остальные ожидали Ермолова съ повинной головою.

Въ Андреевѣ Ермоловъ засталъ батальонъ Апшеронцевъ, прибывшій поспѣшно изъ Бурной, и роту 41-го егерскаго полка. Это дало ему возможность немедленно приступить къ перестройкѣ крѣпости Внезапной, съ тѣмъ, чтобы уменьшить ея оборонительные

верки. Съ этою цѣлью нижнее, весьма обширное укрѣпленіе было совсѣмъ уничтожено и замѣнено одною каменной башней, съ пристройками, позволявшими всегда имѣть въ своемъ распоряженіи воду; внутреннее пространство укрѣпленія такимъ образомъ значительно уменьшилось, а профиль его, напротивъ, значительно былъ усиленъ,—и теперь, при несравненно меньшемъ гарнизонѣ, оно становилось неодолимымъ для горцевъ. Пока производились эти работы, на высотахъ въ окрестностяхъ города показались четыре тысячи чеченцевъ. Они видимо разсчитывали встрѣтить сочувствіе въ жителяхъ; но такъ какъ присутствіе отряда удерживало всѣхъ въ покорности, то Бей-Булатъ, погарцовавъ съ своею конницей за линіею выстрѣловъ, ушелъ обратно за Сунжу.

Опасаясь, однако, чтобы чеченское скопище не бросилось на Грозную, гдѣ заселенный недавно форштадтъ не былъ еще укрѣпленъ, Ермоловъ отправилъ туда двѣ роты 41-го егерскаго полка. И расчетъ его оказался вѣренъ. Бей-Булатъ, дѣйствительно, появился передъ Грозною, занялъ Ханкальское ущелье и принялся за его укрѣпленіе, разсчитывая съ одной стороны преградить свободный доступъ въ Чечню, съ другой,—угрозой внезапнаго нападенія, держать грозненскій гарнизонъ въ постоянной тревогѣ. Къ счастію, командиръ 43-го егерскаго полка, подполковникъ Сорочанъ, не былъ расположенъ равнодушно смотрѣть на дерзкую попытку Бей-Булата. Съ небольшимъ гарнизономъ онъ смѣло вышелъ навстрѣчу чеченцамъ и, 26 октября, у самаго входа въ Ханкальское ущелье, вступилъ съ ними въ битву. Конница его, набранная изъ мирныхъ чеченцевъ, жителей надтеречныхъ ауловъ, не выдержала бѣшеной атаки враговъ, была опрокинута, и въ безпорядочномъ бѣгствѣ, смявъ горсть линейцевъ, скакавшихъ къ ней на выручку, налетѣла на батальонъ пѣхоты, едва успѣвшей свернуться въ каре. Къ счастію, дружный батальный залпъ и картечь шести-орудійной батареи отбросили непріятеля. Разстроенная конница наша укрылась между тѣмъ за пѣхоту, которой и пришлось вынести на себѣ одной всю силу непріятельскаго натиска. Однако же самый фактъ бѣшеной храбрости чеченцевъ послужилъ только въ пользу отряда Сорочана; чѣмъ болѣе чеченцы теряли хладнокровіе, тѣмъ больше

становились потери ихъ и сотни тѣлъ, скошенныхъ картечью, ложились на кровавое поле давно не виданной въ Чечнѣ кавалерійской схватки. Но экзальтація обыкновенно смѣняется быстрымъ упадкомъ энергіи—и скоро чеченцы обратились въ бѣгство. Сороначъ ихъ не преслѣдовалъ и возвратился въ крѣпость; занимать Ханкальское ущелье ему теперь не было надобности, такъ какъ чеченцы сами покинули начатыя работы и удалились за Гойту Въ окрестностяхъ Грозной пока водворилось спокойствіе.

А Ермоловъ между тѣмъ перешелъ къ Аксаю. Съ самой смерти Лисаневича городъ этотъ находился въ совершенномъ запустѣніи, и жители его, за исключеніемъ нѣсколькихъ князей, скитались по лѣсамъ и горнымъ трущобамъ, не смѣя возвратиться въ дома. Ермоловъ объявилъ имъ амнистію, но приказалъ старый городъ Аксай разрушить и перенесть его на другое мѣсто, на рѣчку Ташъ-Кичу, куда онъ рѣшилъ перевести Герзель-аульское укрѣпленіе. Жителямъ волею-неволею пришлось покориться. Новый Аксай разбитъ былъ уже по плану, съ правильными улицами и площадями, и, въ противоположность старому, поставленъ въ полную зависимость отъ укрѣпленія; кругомъ его не было ни горъ, ни лѣсовъ, которые могли бы доставлять пріютъ мятежникамъ и поддерживать въ населеніи духъ своевольства и неповиновенія; напротивъ, его окружали теперь обширныя поля, и жители, подъ охраной укрѣпленія, должны были приняться за хлѣбопашество и скотоводство.

Постройка двухъ большихъ укрѣпленій у Ташъ-Кичу и въ Амиръ-Аджи-Юртѣ задержала войска у кумыковъ до глубокой осени; но время это не было потеряно даромъ въ смыслѣ успокоенія всего края. Новые опорные пункты и присутствіе въ нихъ Ермолова обнаружили рѣшительное вліяніе на Дагестанъ. Сильные акушинцы остались спокойными и своимъ примѣромъ удержали отъ мятежа и другіе дагестанскіе народы.

17 ноября работы въ укрѣпленіяхъ были окончены, и войска расположились по гребенскимъ станицамъ на отдыхъ. Между тѣмъ Ермоловъ дѣлалъ подготовительныя распоряженія къ зимнему походу, намѣреваясь теперь расплатиться съ чеченцами за ихъ кро-

вавый мятежъ. Но прежде онъ хотѣлъ лично познакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ Кабардѣ, и отправился въ Екатериноградъ.

На пути ему грозила страшная опасность, и только Божій Промыслъ спасъ ему жизнь. Это было 20 ноября, на проѣздѣ изъ Червленной станицы. День былъ мрачный, по землѣ разстилался густой туманъ; ходили слухи, что партія чеченцевъ намѣрена переправиться на лѣвый берегъ Терека. Дѣйствительно, въ этотъ самый день конная чеченская партія въ тысячу человѣкъ, подойдя къ Казіорскому шанцу, отрядила на русскую сторону 400 наѣздниковъ, чтобы захватить Ермолова. Туманъ помѣшалъ имъ видѣть приближающійся поѣздъ, и хищники ударили изъ-подъ обрывистаго берега Терека на большую дорогу, едва полчаса спустя, какъ проѣхалъ главнокомандующій. „Въ ясную погоду, разсказываетъ самъ Ермоловъ:—я былъ бы усмотрѣнъ съ дальняго разстоянія —и надлежало бы драться за свободу. Слабому конвою трудно было бы противустоять врагу, впятеро сильнѣйшему; но не думаю однакоже, чтобы для того только, дабы схватить меня, рѣшились они на большую потерю, безъ чего нельзя было преодолѣть казаковъ“.

Опоздавъ набѣгомъ, партія захватила нѣсколькихъ проѣзжавшихъ и бросилась грабить казачьи хутора. Едва Ермоловъ прибылъ въ Калиновскую станицу, какъ туда дали знать о появленіи чеченцевъ. 120 храбрыхъ гребенскихъ казаковъ, сопровождавшихъ Ермолова, первые понеслись назадъ, къ Казіорскому шанцу, а вслѣдъ за ними подоспѣли туда и казаки Калиновской станицы съ коннымъ орудіемъ. Атакованные въ шашки, чеченцы бросили плѣнныхъ и скрылись за Терекомъ. Вся добыча, захваченная на хуторахъ, была отбита.

Въ Екатериноградѣ Ермоловъ получилъ стороннее извѣстіе о кончинѣ императора Александра съ такими подробностями, которыя не оставляли мѣста сомнѣнію въ печальной истинѣ, и поспѣшилъ въ Червленную, гдѣ была его штабъ-квартира. Но едва войска присягнули на вѣрность Константину Павловичу, какъ 24 декабря прискакалъ новый фельдъегерь съ манифестомъ о воцареніи императора Николая. „Войска, говоритъ Ермоловъ: — приняли присягу въ величайшемъ порядкѣ и тишинѣ“.

А въ Грозной между тѣмъ сосредоточивался сильный отрядъ, и дѣлались приготовленія къ большой экспедиціи, которой суждено было занять одну изъ важнѣйшихъ страницъ въ военной исторіи Кавказа. Ермоловъ откладывалъ наказаніе чеченцевъ до конца зимы, или до начала весны не даромъ. Въ это время нашествіе русскихъ могло быть для нихъ наиболѣе пагубнымъ. Не смѣя держаться въ открытыхъ мѣстахъ, они должны были оставить свои поля не воздѣланными; а притомъ, съ весною, семьи ихъ, укрывавшіяся въ лѣсахъ, подвергались болѣзнямъ и смертности, которыя должны были усилиться неизбѣжнымъ голодомъ.

И вотъ, только 26 января 1826 года, Ермоловъ вышелъ наконецъ изъ Грозной, лично предводительствуя отрядомъ. Войска перешли черезъ Ханкальское ущелье и заняли аулъ Большіе Атаги. „Въ первый разъ, — говоритъ Ермоловъ въ своихъ запискахъ: — былъ я въ этихъ мѣстахъ и видѣлъ труды покойнаго генерала Грекова; едва оставались признаки лѣса, прежде непроходимаго, гдѣ генералъ Булгаковъ понесъ весьма чувствительный уронъ, много ободрившій чеченцевъ. Теперь обширная и прекрасная долина представляетъ свободный доступъ въ середину земли ихъ—и уже нѣтъ оплота, на который они столько надѣялись“.

Войска, расположившіяся лагеремъ вокругъ аула, два дня вели перестрѣлку съ непріятелемъ. Казаки дрались съ нимъ при обозрѣніи переправы черезъ рѣку Аргунъ; пѣхота—перестрѣливалась на аванпостахъ и въ караульныхъ цѣпяхъ. Чеченцы подходили не разъ такъ близко къ селенію, что могли обстрѣливать даже квартиру самого Ермолова, находившуюся на краю деревни. „Со мною,—пишетъ онъ по этому поводу въ одномъ изъ своихъ писемъ:—было забавное приключеніе: когда пули стали долетать до моего дома, поваръ отказался готовить мнѣ обѣдъ, говоря, что онъ не созданъ быть подъ пулями чеченскими; кажется, онъ желалъ заставить думать, что онъ менѣе гнушается пуль народовъ просвѣщеннѣйшихъ“. На третій день обстоятельства нѣсколько выяснились: въ малой Атагѣ, лежащей на противоположномъ берегу, замѣчены были большіе огни, слышны были выстрѣлы и крики радости, вызванные прибытіемъ на помощь сосѣдей. Къ

атагинцамъ, дѣйствительно, подошли мичиковцы, ичкеринцы и даже часть лезгинъ; пріѣхалъ, наконецъ, и самъ пророкъ Махома, вмѣстѣ съ Бей-Булатомъ. Нужно было ожидать рѣшительныхъ дѣйствій.

30 января былъ высланъ изъ лагеря сильный отрядъ изъ двухъ батальоновъ Ширванскаго полка, роты егерей и 500 линейныхъ казаковъ, подъ начальствомъ подполковника Ковалева, съ порученіемъ истребить аулъ Чахъ-Кери, служившій чеченцамъ опорнымъ пунктомъ на нашемъ берегу Аргуна. Ермоловъ зналъ, что посылаетъ отрядъ на опасное дѣло, и составилъ его изъ лучшихъ боевыхъ войскъ Кавказскаго корпуса. Непріятель, вопреки ожиданіямъ, не мѣшалъ однако же движенію; аулъ былъ взятъ и сожженъ безъ боя. Но едва отрядъ тронулся назадъ, какъ густой туманъ, смѣшавшись съ дымомъ отъ зажженной деревни, опустился на землю; наступила такая мгла, что уже за нѣсколько шаговъ ничего нельзя было видѣть.

Въ это самое время приспѣлъ непріятель изъ-за Аргуна. Ни русскіе не видѣли чеченцевъ, ни чеченцы не могли различить наши силы—и бой завязался наудачу. Русскіе стрѣляли туда, откуда слышался угрожающій гикъ чеченцевъ; чеченцы стрѣляли на огоньки русскихъ выстрѣловъ, и вообще туда, гдѣ только могли предполагать присутствіе войска. Несмотря на кромѣшную тьму, чеченская конница понеслась въ атаку. Она уже обскакала нашу стрѣлковую цѣпь, когда линейцы, замѣтивъ непріятеля, съ своей стороны ринулись въ шашки. Сила столкновенія была такъ велика, что нѣсколько чеченцевъ и казаковъ были опрокинуты вмѣстѣ съ своими лошадьми. „Рѣдко видятъ сіе кавалеристы, замѣчаетъ по этому поводу Ермоловъ — участникъ великихъ наполеоновскихъ войнъ:—хотя нерѣдко и говорятъ о шокѣ“. Обѣ стороны дрались съ одинаковою храбростью. Но вотъ чеченцы мало по малу стали подаваться назадъ—и дали тылъ. Линейцы насѣли на бѣгущихъ.

Въ эту минуту вся чеченская сила обрушилась на Ширванскіе батальоны. Бой завязался отчаянный. Самъ пророкъ Махома находился среди атакующихъ, муллы пѣли священныя молитвы, ободряя чеченцевъ. Два раза отбитый, непріятель бросился въ третій разъ — и это нападеніе, по свидѣтельству Ермолова, было силь-

нѣйшее и длилось долѣе прочихъ. Орудіямъ приходилось дѣйствовать почти въ упоръ, на разстояніи какихъ-нибудь 10—15 саженъ, и дѣйствіе картечи было поистинѣ ужасно. Сотни истерзанныхъ труповъ валились подъ самыя жерлы пушекъ, и тѣ, которые бросались поднимать ихъ, напрасно увеличивали собою потери. Кровавыя жертвы не останавливали однако же чеченцевъ, находившихся въ религіозномъ экстазѣ; они прорвались за цѣпь, и батальонамъ пришлось вступить въ штыковую схватку. Всѣ офицеры, находившіеся въ цѣпи, по словамъ Ермолова, должны были драться наравнѣ съ солдатами. Сами чеченцы говорили потомъ, что не помнятъ такой ожесточенной свалки. Но вотъ сталъ подниматься туманъ, и непріятель, увидѣвъ грозныя силы отряда, въ страшномъ безпорядкѣ бросился бѣжать за Аргунъ. Въ этомъ бою съ русской стороны пало 7 офицеровъ и до 60 нижнихъ чиновъ—потеря рѣдкая въ тѣхъ войскахъ, которыми предводительствовалъ самъ Ермоловъ.

Простоявъ нѣсколько дней бивуакомъ, отрядъ, 5 февраля, внезапно двинулся къ Аргуну и, захвативъ переправу у с. Большой Чеченъ, занялъ аулъ Бельготой. Посланныя отсюда по разнымъ направленіямъ партіи казаковъ нигдѣ не нашли значительныхъ вооруженныхъ скопищъ. Герменчугъ и Шали—два главныя и богатѣйшія селенія—просили пощады. Ермоловъ потребовалъ аманатовъ,—и аманаты въ тотъ же день были доставлены. 8 февраля, послѣ ничтожной перестрѣлки, покорились Алды, одинъ изъ самыхъ буйныхъ и мятежныхъ ауловъ. Отсюда Ермоловъ прошелъ дремучіе лѣса, лежавшіе по Гойтѣ и Гехѣ. Здѣсь всѣ ожидали битвы, но къ общему удивленію чеченцы защищались слабо. Только Моздокскіе казаки, подъ командою подполковника Петрова, имѣли довольно горячую схватку подъ ауломъ Белакай, взяли его и сожгли. Аулы Урусъ-Мартанъ, Рошня и Гехи были уничтожены; та же участь постигла большое селеніе Даутъ-Мартанъ—вѣчный пріютъ кабардинскихъ абрековъ. За Гойтою и Гехой отрядъ прошелъ обширными, прекрасными полями, принадлежавшими карабулакамъ, и вышелъ у Казакъ-Кичу на Сунжу. Жители вездѣ изъявляли покорность и просили помилованія.

Между тѣмъ наступила ненастная погода; началась весенняя распутица, передвиженіе обозовъ и пушекъ затруднилось, лошади падали отъ безкормицы. Ермоловъ счелъ необходимымъ пріостановить экспедицію до болѣе благопріятнаго времени, и войска, возвратившись за Терекъ, были расположены на отдыхъ по казачьимъ станицамъ.

Грозная экспедиція Ермолова оказала свое дѣйствіе. Мятежъ въ Чечнѣ, правда, еще держался, но отъ пророка многіе уже отступились. Посланные къ лезгинамъ просить помощи—привезли одни обѣщанія. Такъ прошло слишкомъ два мѣсяца. Войска отдыхали въ привольныхъ станицахъ; чеченцы находились въ крайнемъ напряженіи, изо дня въ день ожидая внезапнаго вторженія русскихъ,—и падали духомъ. И когда въ апрѣлѣ, передъ страстною недѣлей, Ермоловъ перешелъ за Сунжу, чтобы проложить за ней кратчайшія дороги и вырубить лѣса, съ которыми не успѣлъ еще покончить Грековъ, онъ уже не встрѣтилъ препятствія. Посреди работъ тихо и незамѣтно наступило Свѣтлое Христово Воскресенье. Войска встрѣтили его въ Алханъ-Юртѣ, среди боевой обстановки; всѣ поднялись съ полночи, но каждый помолился самъ по себѣ. Днемъ въ лагерь пріѣзжала депутація отъ дворянъ Кизлярскаго уѣзда вмѣстѣ со своимъ предводителемъ и, въ знакъ уваженія къ храбрымъ войскамъ, предложила офицерамъ обѣдъ; солдатамъ же еще наканунѣ доставлены были изъ Кизляра обильныя порціи вина и мяса.

Окончился праздникъ,—и Ермоловъ снова приступилъ къ работамъ, вызвавшимъ въ чеченцахъ уже послѣднія попытки къ сопротивленію. Широкія просѣки проложены были за Сунжею отъ Алханъ-Юрта, одна—до Гехи, другая—до Урусъ-Мартана. Въ послѣднемъ жители вздумали было защищаться; но рота тифлисскихъ гренадеръ и три роты апшеронцевъ взяли его приступомъ. Урусъ-Мартанъ истребленъ былъ вторично, и на этотъ разъ не были даже пощажены великолѣпные сады его и самыя деревья срублены подъ корень. Гулъ пушечныхъ выстрѣловъ вызвалъ окрестныхъ жителей на помощь къ аулу; но казаки и мирные чеченцы заняли дороги, и шайки, пробиравшіяся густыми лѣсами, вездѣ натыка-

лись на заставы. Тѣмъ не менѣе, когда отрядъ, покончивъ работу, отошелъ назадъ, вся конница, подъ начальствомъ Петрова, отправлена была опять къ развалинамъ Урусъ-Мартана, такъ какъ до Ермолова дошелъ слухъ, что въ немъ намѣренъ былъ собраться непріятель. Казаки, дѣйствительно, застали здѣсь значительныя силы, и 27 апрѣля выдержали жаркое дѣло. При отступленіи, чеченцы нѣсколько разъ преграждали имъ путь, но ничто, по словамъ самого Ермолова, не могло превзойти въ храбрости казаковъ Моздокскаго полка и Семейнаго войска: они то спѣшивались, то дрались на коняхъ, смѣло бросаясь въ шашки,—и повсюду сбивали горцевъ. Главный отрядъ между тѣмъ безъ выстрѣла дошелъ до Алханъ-Юрта, и отсюда конницу изъ мирныхъ чеченцевъ Ермоловъ распустилъ по домамъ для празднованія Байрама. „Она служила отлично, говоритъ онъ: — и загладила свою вину, когда въ экспедиціи полковника Сорочана бѣжала изъ боя, покинувъ нашихъ казаковъ“.

Небольшой отдыхъ — и затѣмъ опять усиленныя работы. Со 2 мая приступлено было къ расчисткѣ старыхъ просѣкъ на Герменчугскую, Теплинскую и Шалинскую поляны. Послѣдняя досталась намъ, однако, не безъ упорнаго боя. Когда, при сильной перестрѣлкѣ, лѣсъ былъ пройденъ, чеченцы бросились въ шашки на егерскую роту; къ счастію, на помощь къ ней подоспѣли линейцы, и часть казаковъ, спѣшившись, дралась наравнѣ съ пѣхотою. Герменчугцы также готовились къ сопротивленію и разослали гонцовъ просить у сосѣдей помощи. Старшины ихъ, впрочемъ, явились къ Ермолову и настойчиво старались отклонить его отъ проложенія дороги, говоря, что безъ этого не могутъ ручаться за спокойствіе жителей. Но Ермоловъ зналъ, что всякая уступка и даже колебаніе будутъ приняты за робость или недостатокъ силъ— и работа закипѣла съ еще большей энергіею. Войска рубили просѣку, а герменчугцы, успѣвшіе укрыть свои семьи, стояли въ числѣ 6 или 7 сотъ человѣкъ подъ ружьемъ у самаго входа въ селеніе. Перестрѣлки, однако же, не было. Въ ужасномъ безпокойствѣ находились чеченцы, когда увидѣли, что направленіе дороги пошло черезъ тѣ самыя мѣста, гдѣ укрыты были ихъ семьи. „Не былъ

покоенъ и я, разсказываетъ Ермоловъ: — въ лѣсу трудно было слѣдить за солдатами, а между тѣмъ малѣйшій безпорядокъ — и чеченцы ринулись бы въ бой на защиту семей". По счастію, войска вели себя безукоризненно; не было ни одного случая насилія, обиды или грабежа. Разсыпанные по лѣсу солдаты смотрѣли другъ за другомъ и, находя женщинъ, дѣтей и имущества, приставляли къ нимъ караулы. Великодушіе сломило наконецъ упорство чеченцевъ. На слѣдующій день всѣ семьи возвратились въ дома, и жители сами просили, чтобы войска охранили ихъ отъ показавшихся въ окрестностяхъ мичиковцевъ, которыхъ они же сами призвали на помощь. Еще два дня продолжались работы при безпрерывной перестрѣлкѣ, но уже съ мичиковцами; ширванская рота ходила даже въ штыки и имѣла упорную рукопашную схватку.

18 мая были окончены всѣ работы, предположенныя Ермоловымъ, и войска возвратились въ Грозную. Военныя дѣйствія затихли; только 500 гребенскихъ и моздокскихъ казаковъ еще разъ скрытно собрались въ Наурѣ и, подъ командою своихъ командировъ Петрова и Ефимовича, сдѣлали весьма удачный набѣгъ за Сунжу къ Даутъ-Мартану, откуда возвратились съ добычею. Это было послѣднее наказаніе чеченцевъ. Бунтъ, державшійся такъ долго, угасъ окончательно, и пока не заросли просѣки, изрѣзавшія Чечню по всѣмъ направленіямъ, общій мятежъ ея былъ уже невозможенъ.

Ермоловъ отдалъ полную справедливость всѣмъ войскамъ, участвовавшимъ въ этихъ походахъ:

„Труды ихъ, говоритъ онъ въ приказѣ: — были постоянны, ибо надлежало ежедневно или быть съ топоромъ на работѣ, или съ ружьемъ для охраны рабочихъ. Къ подобнымъ усиліямъ, безъ ропота, можетъ возбуждать одна привязанность къ своимъ начальникамъ, и сія справедливость принадлежитъ гг. офицерамъ". Мысль замѣчательная,—показывающая, съ какою глубиною Ермоловъ понималъ значеніе солдатской любви, и какъ много онъ на ней основывалъ.

Но особенное уваженіе его въ этихъ походахъ пріобрѣли ли-

нейные казаки, о которыхъ онъ нѣкогда отзывался съ такою рѣзкостію: „Прежде, говоритъ онъ: — видалъ я ихъ небольшими частями и не такъ близко; но теперь могу судить и о храбрости ихъ, и о ихъ предпріимчивости. Конечно, изъ всѣхъ многоразличныхъ казаковъ въ Россіи—нѣтъ имъ подобныхъ".

„Я не видалъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ: — ни одного казака, стрѣляющаго попустому; ни одного, ѣдущаго подъ сильнымъ огнемъ непріятеля иначе, какъ малымъ шагомъ. Смѣю думать, что это не самое легкое и въ регулярной конницѣ"...

Солдаты, съ своей стороны, отмѣтили этотъ походъ, какъ отмѣчали всѣ крупнѣйшія событія кавказской жизни, простою солдатскою пѣсней, навсегда закрѣпившей въ сердцахъ ихъ память и о любимомъ вождѣ, и о объ его походахъ. Вотъ эта пѣсня, которую и понынѣ можно услышать отъ старыхъ кавказцевъ:

«Не орелъ гуляетъ въ ясныхъ небесахъ,
Богатырь нашъ потѣшается въ лѣсахъ.
Онъ охотится съ дружиной молодцовъ,
Съ крѣпкимъ строемъ закавказскихъ удальцовъ.
Что буранъ крутитъ песокъ въ степяхъ,
Онъ громитъ и топчетъ горцевъ въ прахъ.
Съ нимъ стрѣлою громовой мы упадемъ,
Все разрушимъ, сокрушимъ и въ прахъ сотремъ.
Съ нимъ препятствій не встрѣчаемъ мы ни въ чемъ,
Съ нимъ намъ жизнь—шутиха нипочемъ.
Лѣсъ—сожжемъ, гора—снесемъ, рѣка—запремъ,
И въ скалѣ мечемъ дорогу просѣчемъ.
Гдѣ пройдемъ, тамъ разольемъ мы смерть и страхъ.
Слѣдъ нашъ—памятникъ въ потомствѣ и вѣкахъ.
О, да здравствуетъ нашъ батюшка—Сардарь,
Для побѣдъ его далъ Богъ и Государь!»

Роль Ермолова въ Чечнѣ была окончена. Онъ возвратился въ Тифлисъ, а вскорѣ ему суждено было оставить Кавказъ навсегда.

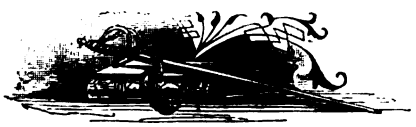
Сошли со сцены и главныя дѣйствующія лица чеченскаго мятежа. Пророкъ Махома исчезъ безслѣдно; Бей-Булатъ — скрылся въ горы. Но перемѣнились времена, ермоловская система была забыта, и Бей-Булатъ, при Паскевичѣ, снова выступаетъ на сцену, въ качествѣ лица, заслуживающаго вниманія и милостей. Его осыпаютъ подарками и онъ втихомолку принимается вновь за свой

старый разбойничій промыселъ. Конечно, онъ не отказался бы, въ благодарность за оказанныя ему благодѣянія, принять горячее и не совсѣмъ безопасное для русскихъ участіе въ кровавыхъ событіяхъ 1831 года; но, къ счастію, сама судьба освободила Кавказъ отъ этого безпокойнаго человѣка. Переломивъ въ послѣдній годъ своей жизни обѣ ноги, онъ уже не могъ лично водить партій въ набѣги, и потому вліяніе его на соотечественниковъ стало ослабѣвать. А вслѣдъ за тѣмъ одна случайная встрѣча сдѣлалась для него роковою.

14 іюля 1831 года, въ 8 верстахъ отъ Ташъ-Кичу, Бей-Булатъ встрѣтился съ аксаевскимъ княземъ Салатъ-Гиреемъ, возвращавшимся изъ кумыкскихъ деревень, расположенныхъ по Тереку. По обычаямъ страны онъ былъ обязанъ съѣхать съ дороги, чтобы пропустить старшаго. Но гордый Бей-Булатъ не сдѣлалъ этого, и самъ преградилъ ему путь.

Нужно сказать, что за девять лѣтъ передъ тѣмъ, когда на Кумыкской плоскости было возстаніе, Бей-Булатъ убилъ отца Салатъ-Гирея, князя Мехти,—и съ тѣхъ поръ они не встрѣчались. Но кровь отца, лежавшая на сынѣ, требовала мщенія. На Бей-Булатѣ теперь, какъ бы нарочно, было надѣто оружіе, нѣкогда снятое имъ съ убитаго Мехти, и это еще болѣе распалило Салатъ-Гирея. На требованіе посторониться, Бей-Булатъ насмѣшливо сказалъ ему: „я убилъ отца твоего,—но и тебѣ грозитъ то же самое". Тогда Салатъ-Гирей моментально выхватилъ пистолетъ изъ-за пояса и выстрѣлилъ въ упоръ въ Бей-Булата; пуля пробила сердце и когда тотъ падалъ съ сѣдла, Салатъ успѣлъ еще разрубить ему голову шашкой. Оставивъ тѣло на мѣстѣ, онъ прискакалъ въ Ташъ-Кичу, заявилъ о случившемся и былъ арестованъ.

Салатъ-Гирея судили, какъ простого убійцу, и отъ ссылки въ Сибирь спасло его только горячее заступничество командовавшаго тогда войсками на лѣвомъ флангѣ генералъ-маіора князя Бековича-Черкасскаго, любимца и сослуживца Ермолова.



КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
В. А. БЕРЕЗОВСКАГО.

С.-Петербургъ, Колокольная, собственный домъ, № 14.

принимаетъ на себя высылку учебниковъ, учебныхъ пособій, канцелярскихъ принадлежностей и книгъ по всѣмъ отраслямъ знаній, а также всѣхъ литературныхъ произведеній: романовъ, повѣстей, путешествій и т. п, по цѣнамъ, объявленнымъ издателями и магазинами. ЧАСТНЫЯ ЛИЦА благоволятъ высылать деньги одновременно съ заказами.

ИСТОРІЯ ВОЕННАГО ИСКУССТВА
ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА (V—XVI СТОЛ.)

съ отдѣльнымъ атласомъ.

Составилъ **А. Пузыревскій.**

Двѣ части. 1884 г.

Цѣна **6 руб.**, съ перес. **6 руб. 60 коп.**

Въ «Русскомъ Инвалидѣ» отъ 27-го октября 1884 г. за № 238 о книгѣ сказано:

. . . «Сочиненіе г. Пузыревскаго составляетъ важный вкладъ въ нашу «военную литературу и хотя предназначается какъ руководство для офицеровъ, «обучающихся въ Николаевской академіи генеральнаго штаба, по всей спра«ведливости должно быть изучено каждымъ офицеромъ, желающимъ созна«тельно отнестись къ дѣлу, которому онъ служитъ. Мало того, каждый обра«зованный человѣкъ можетъ съ удовольствіемъ и пользою прочитать эту книгу, «такъ хорошо рисующую въ военномъ отношеніи малоизвѣстные средніе вѣка».

РУССКАЯ АРМІЯ
ВЪ СЕМИЛѢТНЮЮ ВОЙНУ.

Выпускъ I.

Походъ Апраксина въ Восточную Пруссію (1756—1757 гг.).

Составилъ Генеральнаго Штаба Полковникъ МАСЛОВСКІЙ. 1886 г.

Цѣна **4 руб.**, съ перес. **4 руб. 50 коп.**

Въ № 2 «Военнаго Сборника» отъ 30-го февраля 1887 г. помѣщенъ обстоятельный разборъ этого сочиненія, заканчивающійся нижеслѣдующими строками:

«Въ заключеніе пожелаемъ отъ души автору продолжать свой крайне «поучительный трудъ и окончательно уяснить свойство нашей арміи за все «время участія ея въ Семилѣтней войнѣ. Имена другихъ нашихъ дѣятелей «Семилѣтней войны: Румянцева, Фермора, Штофельна, Салтыкова, Броуна, «Рязанова, картина Цорндорфскаго боя, заставившаго великаго полководца «признать, что этихъ людей (русскихъ) легче перебить, чѣмъ побѣдить; «побѣда при Цюлихау, разгромъ прусской арміи при Кунерсдорфѣ, приведшій «въ отчаяніе генія и поставившій на карту существованіе Пруссіи, занятіе «русскими войсками Берлина,—все это такія страницы русской военной исто«ріи, которыя давно ждали историка».

Въ Складѣ В. А. БЕРЕЗОВСКАГО.

С.-Петербургъ, Колокольная, № 14.

СЛАВЯНО-ТУРЕЦКАЯ БОРЬБА

1876—77—78 ГГ.

И ЕЯ ЗНАЧЕНІЕ

ВЪ ИСТОРІИ РАЗВИТІЯ ВОСТОЧНАГО ВОПРОСА.

Мысли, воспоминанія и впечатлѣнія

П. ГЕЙСМАНА.

Бывшаго участника войнъ 1876—77—78 гг.

ЧАСТЬ I.

Сербско-Турецкая война 1876 г.

СЪ ТРЕМЯ КАРТАМИ.

Цѣна **1 р. 50 к.**, съ пер. **1 р. 70 к.**

Въ «Русскомъ Инвалидѣ» отъ 7 марта 1887 г. за № 50 о книгѣ сказано:

....«Авторъ переходитъ къ изложенію хода военныхъ дѣйствій. Соотвѣтствующія главы полны живаго интереса, такъ какъ съ одной стороны, принадлежитъ автору вполнѣ компетентному, обладающему научными данными для правильной оцѣнки событій, а съ другой—изложены въ высшей степени популярно и иллюстрированы жизненными сценами и картинами».

А. В. СУВОРОВЪ

СРЕДИ ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЕЙ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ АРМІИ.

Н. Дубровина.

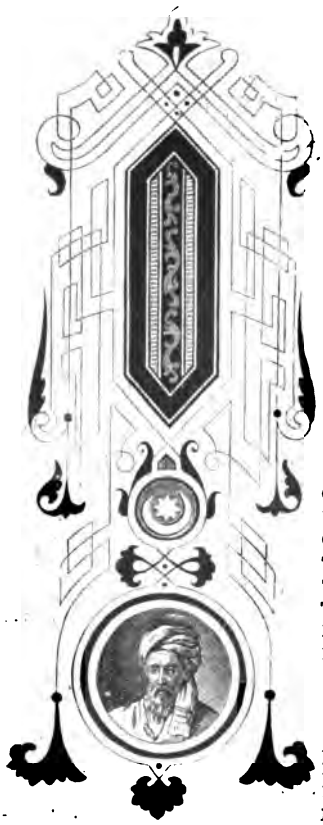
Печатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ 1886 г.

Цѣна **1 р. 50 к.**, съ перес. **1 р. 75 к.**

Въ № 163 «Русскаго Инвалида» отъ 26 Іюля 1886 г. сказано:

....«Повторяемъ, значеніе названныхъ сподвижниковъ Екатерины въ исторіи русскаго военнаго искусства мало кому извѣстно, а потому книга г. Дубровина, въ которой излагается паралельно военная дѣятельность Суворова, Румянцова и Потемкина является весьма цѣннымъ и высоко интереснымъ вкладомъ въ нашу военную литературу».

«Замѣтимъ кстати, что въ концѣ книги помѣщенъ составленный авторомъ, весьма полный библіографическій указатель 278 сочиненій о Суворовѣ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ».



САДЫ И ШТУРМЪ
КРѢПОСТИ КАРСА ВЪ 1877 Г.
ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Составилъ **В. Гиппіусъ.**

Съ тремя картами и пятью планами. 1885 г.

Цѣна 5 руб., съ перес. 5 руб. 50 коп.

Въ отзывѣ «Русскаго Инвалида» отъ 1-го іюня 1885 г. за № 117 о книгѣ между прочимъ сказано:

«При составленіи описанія авторъ руководствовался множествомъ напечатанныхъ матеріаловъ, касающихся предмета, и пополнилъ ихъ съ фактической стороны, какъ своими личными воспоминаніями, такъ и нѣкоторыми неизданными источниками, затѣмъ, каждое событіе разсмотрѣно имъ критически, такъ что все изложеніе отличается не только возможной фактической полнотой, но и многостороннимъ освѣщеніемъ описываемыхъ операцій.

...Сочиненіе г. Гиппіуса представляется самымъ полнымъ, самымъ освѣщеннымъ описаніемъ достопамятныхъ событій подъ Карсомъ въ минувшую войну; и офицеръ генеральнаго штаба, и артиллеристъ, и инженеръ, хотя нерѣдко поспорятъ съ г. Гиппіусомъ, но прочтутъ его трудъ съ такимъ же любопытствомъ, какъ и съ пользою для себя».

Кромѣ того, помѣщены отзывы:
«Инженерный журналъ» 1886 г. № 1. «Артиллерійскій журналъ» 1885 г. № 10. Русская Мысль» № 9. «Историческій Вѣстникъ» № 12. «Новое Время» № 3432. Петербургская Газета» № 298. «Петербургскій Листокъ» № 299.

АНЕКДОТЫ И ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ГРАФА МИЛОРАДОВИЧА.

Съ портретомъ и рисункомъ, изображающимъ смерть графа.

Составилъ **Гр. Г. М—чъ.** 1886 г.

Цѣна 1 рубль.

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ», ноябрь 1886 г., стр. 341 между прочимъ сказано:

...«И такое крупное историческое лицо не имѣетъ еще пока вполнѣ обработанной біографіи, а потому нельзя не быть признательнымъ составителю книги съ вышеозначеннымъ заглавіемъ. Она читается легко и полна интереса». К. А. Б.

Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» отъ 24-го декабря 1886 г. за № 282 о книгѣ сказано:

...«Но вышедшая на дняхъ книжка, составленная гр. Г. М—чемъ, представляетъ весьма интересный сборникъ подробностей, живо рисующихъ личность русскаго Баярда. Въ ней приведены любопытныя черты изъ боевой и частной жизни этого замѣчательнаго человѣка и много еще болѣе любопытныхъ анекдотовъ и изреченій, сохраненныхъ его современниками»...

ТРЕБОВАНІЯ АДРЕСОВАТЬ:

В. А. БЕРЕЗОВСКОМУ.

С.-Петербургъ, Колокольная ул., собственный домъ, № 14.

Дозволено цензурою. Спб. 3 сентября 1887 г.

Типографія Е. Евдокимова. Большая Итальянская, № 11.

Изданіе В. А. Березовскаго

Кавказскій воинъ

въ отдѣльныхъ эпизодахъ, легендахъ и біографіяхъ

В. Лотто.

Томъ IIй. Выпускъ второй.

Изданіе второе

С. Петербургъ.

Императорская Публичная Библіотека

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

В. А. БЕРЕЗОВСКАГО.

С.-Петербургъ, Колокольная, собственный домъ, № 14.

принимаетъ на себя высылку учебниковъ, учебныхъ пособій, канцелярскихъ принадлежностей и книгъ по всѣмъ отраслямъ знаній, а также всѣхъ литературныхъ произведеній: романовъ, повѣстей, путешествій и т. п., по цѣнамъ, объявленнымъ издателями и магазинами.

ЧАСТНЫЯ ЛИЦА благоволятъ высылать деньги одновременно съ заказами.

РЭЙДЫ

набѣги, наѣзды, поиски конницы въ Американской войнѣ 1861—1865 гг.

Профессора Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба и члена Военно-ученаго комитета Главнаго Штаба, Генеральнаго Штаба Генералъ-Маіора **Н. Н. Сухотина.** Изслѣдованіе. 2-е изданіе.

КРАШЕНО виньетками, 16 листовъ плановъ и 9 большихъ портретовъ, гравированныхъ В. В. Матэ. 1887 г.

ЦѢНА **4** Р., СЪ ПЕР. **4** Р. **50** К.

Въ газетѣ «Русскій Инвалидъ“ 1887 г. за № 229 между прочимъ сказано:

«... Какъ бы то ни было, но мы считаемъ нашимъ долгомъ обратить особенное вниманіе нашихъ кавалеристовъ на обновленный трудъ уважаемаго автора, въ увѣренности, что они найдутъ въ рекомендуемой книгѣ не только поучительное и интересное чтеніе, но въ описаніи славныхъ дѣйствій американской конницы сражавшейся при наличіи всѣхъ современныхъ условій веденія войны, почерпнутъ духъ бодрости и той кавалерійской отваги, безъ которой немыслима сколько нибудь плодотворная дѣятельность этого рода оружія на войнѣ. У такихъ богатырей какъ Стюартъ, Морганъ, Форестъ и др. есть чему поучиться для всякаго кавалериста, который желаетъ быть таковымъ не только по имени.

.... Съ внѣшней стороны книга представляется въ блестящемъ видѣ: напечатанная четкимъ шрифтомъ, на хорошей бумагѣ, она украшена портретами славнѣйшихъ главнокомандующихъ и партизановъ американскихъ армій; кромѣ того книга снабжена множествомъ соотвѣтственныхъ виньетокъ, рисованныхъ г. Газенкампфомъ; наконецъ къ ней приложены необходимые планы. Такимъ образомъ внѣшній видъ и внутреннее содержаніе вполнѣ гармонируютъ въ этомъ превосходномъ изданіи».

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

ВЪ ОТДѢЛЬНЫХЪ

ОЧЕРКАХЪ, ЭПИЗОДАХЪ, ЛЕГЕНДАХЪ И БІОГРАФІЯХЪ.

В. Лотто.

Вы теперь близко увидите, какъ живетъ и умираетъ Кавказскій воинъ, съ какимъ самоотверженіемъ совершаетъ онъ свой подвигъ и сколько неизвѣстныхъ исторіи героевъ молча легло для защиты знамени и долга.

(Изъ привѣтственной рѣчи Графа Соллогуба Е. И. В. Великому Князю Михаилу Николаевичу при назначеніи Его намѣстникомъ Кавказа).

Томъ II рекомендованъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Сочиненіе это внесено въ «Основной каталогъ» для офицерскихъ библіотекъ.

ТОМЪ 2-й

ЕРМОЛОВСКОЕ ВРЕМЯ.

ВЫПУСКЪ II.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Изданіе книжнаго склада В. А. БЕРЕЗОВСКАГО.
С-Петербургъ, Колокольная, собств. д., № 14.
1888.

180

Типографія Е. Евдокимова. Б. Итальянская, № 11.
Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 ноября 1887 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ II ВЫПУСКА.

XII. Дагестанъ. 181
XIII. Бѣгство царевича Александра. 201
XIV. Разгромъ Мехтулы. 209
XV. Покореніе Каракайтага. 227
XVI. Паденіе Акуши. 249
XVII. Защита Чирагскаго укрѣпленія. 267
XVIII. Походъ въ Казикумыкъ. 273
XIX. Дагестанъ въ 1821—1826 годы. 307
XX. Поѣздка Муравьева въ Хиву. 335

XII.

Дагестанъ.

За горами горы хмарою повиты,
Засѣяны горемъ, кровію политы...
Шевченко.

Дагестанъ — значитъ страна горъ. Подъ этимъ именемъ разумѣется обширная площадь, загроможденная огромными горными кряжами, хаотически переплетенными между собою, и террасами, спадающими къ Каспійскому морю. Къ востоку отъ Казбека, въ землѣ Хевсуровъ, тамъ, гдѣ возвышаются вершины Барбало, — третьяго высочайшаго пункта на всемъ Кавказѣ, — отъ главнаго Кавказскаго хребта отдѣляется, направляясь къ сѣверо-востоку, колоссальный Андійскій (Сулако-Терскій) кряжъ, который хотя уступаетъ высотою своихъ снѣговыхъ вершинъ главному Кавказу, но сохраняетъ вполнѣ тотъ же суровый, дикій и неприступный характеръ. Составляя водораздѣлъ бассейновъ Терека и Сунжи съ одной стороны и Сулака съ другой, онъ, постепенно понижаясь, оканчивается въ Салатавіи гигантскими округлыми зелеными высотами, господствующими надъ кумыкскою равниной и упирающимися въ долину Сулака.

И вотъ, если провести линіи: съ одной стороны по главному Кавказскому хребту, съ другой—по Андійскимъ горамъ и Сулаку, а затѣмъ по берегу Каспійскаго моря, то получится огромный прямой треугольникъ, въ которомъ главный Кавказскій хребетъ будетъ гипотенузою. Это и есть Дагестанъ.

Дагестанъ, какъ по самой природѣ мѣстности, такъ и по населенію, распадается на двѣ главныя части. Изъ нихъ отдаленнѣйшая отъ Каспійскаго моря, та, которая вся сплошь наполнена высочайшими горами, есть Нагорный, или Внутренній Дагестанъ, а по самому берегу Каспійскаго моря широкою полосою раскинулся Дагестанъ Прикаспійскій, Прибрежный. Послѣдній состоитъ изъ цѣлаго ряда независимыхъ другъ отъ друга владѣній: Шамхальство и Мехтула составляютъ Сѣверный Дагестанъ; Даргинскій союзъ, Казикумыкское ханство, уцмійство Каракайтагское и мейсумство Табасаранское—образуютъ Средній, а ханство Кюринское и Кубинская провинція, вмѣстѣ съ городами Дербентомъ и Баку, извѣстны подъ именемъ Дагестана Южнаго.

Быть можетъ, въ цѣломъ мірѣ нѣтъ страны, которая была бы угрюмѣе, диче, суровѣе и мрачнѣе, и въ то же время величавѣе, чѣмъ Нагорный Дагестанъ или гористыя мѣстности Дагестана Приморскаго. Безплодныя, каменистыя, заоблачныя горы, окрашенныя то въ бурый цвѣтъ съ фіолетовыми оттѣнками, то подернутыя сизоватою дымкою, мшистыя скалы, утесы, нависшіе надъ безднами, шумные каскады, низвергающіеся въ пропасти, бѣшеные потоки и неистово ревущія горныя рѣки—поражаютъ своимъ грознымъ и пустыннымъ величіемъ. Чѣмъ выше поднимаешься на горы, тѣмъ впечатлѣнія становятся суровѣе и могучѣе. Растительность постепенно бѣднѣетъ и наконецъ только яркозеленые и красноватые мхи да ягели оживляютъ пустынныя скалы; воздухъ рѣдѣетъ, ускоряя дыханіе и мучительно сжимая сердце. Если появляются облака и скрываютъ солнце—сырость и холодъ пронизываютъ насквозь, несмотря ни на какую одежду; разорванными клочьями носятся облака надъ головою, обращаясь мало-по-малу въ сплошную черную массу, скрывающую самые близкіе предметы, — и чувство одиночества овладѣваетъ человѣкомъ. Разыгрывается буря. За ослѣпительнымъ блескомъ молніи слѣдуютъ непрерывные удары грома, бурно раскатывающіеся по ущельямъ безчисленнымъ эхомъ; ихъ заглушаетъ ревъ паденія на каменныя громады проливного дождя, вдругъ смѣняющагося то снѣгомъ, то градомъ; внезапно налетѣвшій вихрь срываетъ снѣга съ горныхъ

вершинъ и производитъ мятель, среди которой непрестанно гремятъ громы и блистаютъ молніи. И эта грозная и вмѣстѣ очаровательная картина продолжается до тѣхъ поръ, пока снова не выглянетъ солнце и не обольетъ милліонами искръ снѣговыя вершины...

Въ то время, какъ приморскія страны были ареною постоянныхъ столкновеній народовъ, большою дорогой, по которой проникали изъ Азіи наводнявшія Европу воинственныя племена,—Дагестанъ Нагорный, закрытый и укрѣпленный своими вѣчными горами, стоялъ недоступный и грозный. Тамъ жило доисторическое аварское племя, едва ли имѣющее что-либо общее съ историческими аварами Европы, само себя называвшее общимъ именемъ маарулалъ, но сосѣдямъ извѣстное подъ чуждыми ему самому именами то тавлинцевъ, то—на югѣ, по ту сторону горъ, въ Грузіи,—лезгинъ,—слова на разныхъ языкахъ имѣющія одно и то же значеніе—жителей горъ, горцевъ. Племя это, широкою полосою простираясь черезъ весь Нагорный Дагестанъ, съ сѣвера на югъ, оставляетъ лишь по бокамъ мѣсто обломкамъ какихъ-то другихъ невѣдомыхъ племенъ, съ давнихъ поръ, впрочемъ, подчинившихся его вліянію.

Горы, по извѣстному закону, раздѣляютъ страны и людей, въ противоположность соединяющимъ ихъ морямъ. Въ Дагестанѣ каждая мѣстность отдѣлялась одна отъ другой трудно доступными горами, и естественно, что населеніе этой страны съ незапамятныхъ временъ распадалось на множество независимыхъ общинъ, маленькихъ племенъ, изъ которыхъ многія, впрочемъ, впослѣдствіи соединялись между собою, на чисто федеральныхъ основаніяхъ, въ сильные союзы. Центромъ политической жизни Нагорнаго Дагестана издавна служила Аварія, лежавшая въ самомъ центрѣ каменныхъ громадъ—нѣкогда могучее ханство, располагавшее судьбами цѣлаго Дагестана и даже ко временамъ Ермолова еще удержавшее часть своего вліянія. На сѣверъ отъ Аваріи лежали: Салатавія съ ея дремучими лѣсами и знаменитымъ Теренгульскимъ оврагомъ, Гумбетъ, и Андія—одно изъ богатѣйшихъ промышленныхъ обществъ, славившаяся производствомъ превосходныхъ дагестанскихъ бурокъ; на востокъ—земля Койсубулинцевъ съ голыми, безплодными уте-

сами и съ знаменитымъ селеніемъ Гимры—родиной Кази-муллы и колыбелью мюрюдизма; на западѣ, по обоимъ берегамъ Аварскаго Койсу, лежали: Буни, Тлохъ, Технуцалъ, Карата, Ункратль и нѣкоторые другіе. Это — самая глухая, страшная часть Дагестана, представляющая взору лишь обнаженныя, дикія, нагроможденныя однѣ на другія, безплодныя скалы. Къ югу — общества Гидатль, Кель — знаменитый производствомъ дорогихъ шалевыхъ суконъ, потомъ Тилитли, Куяда и, наконецъ, Андалялъ съ неприступнымъ ауломъ Чохъ и знаменитою въ исторіи кавказской войны горою Гунибъ-Дагомъ. Еще южнѣе, по самому сѣверному склону главнаго хребта, лежатъ Дидо и Антратльскій союзъ, составленный изъ девяти вольныхъ обществъ: Джурмутъ, Анцухъ и другія. Это уже ближайшіе сосѣди Грузіи; за ними, по ту сторону горъ, начиналась Кахетія и лежали земли лезгинъ джаро-бѣлоканскихъ.

Разсѣянные въ своихъ горахъ и ущельяхъ общины и союзы Дагестана, принадлежавшіе даже къ одному и тому же племени, нерѣдко отличались другъ отъ друга не только нарѣчіями и обычаями, но даже исповѣданіемъ ислама, господствовавшаго надъ всѣмъ, но получившаго чуть не въ каждой деревнѣ рѣзкіе особенности и оттѣнки, сообразно съ глубоко вкоренившимися въ тамошняго человѣка предразсудками.

Суровая природа горъ наложила однакоже на всѣхъ одинаковый, роковой отпечатокъ, создавъ оригинальный и яркій типъ дагестанскаго горца и отразившись на всей его жизни. Въ тяжкой, но привычной борьбѣ съ природою, въ стремленіи покорить ее своей власти, дагестанцы въ своемъ домашнемъ быту не ушли дальше первобытныхъ формъ. Ихъ аулы, какъ воронъи гнѣзда, лѣпятся на скалистыхъ утесахъ, часто на такой высотѣ, что, глядя на нихъ, не хочется вѣрить, чтобы это было жилье человѣка; лѣниво, въ крайнемъ неряшествѣ и бѣдности проводитъ тамъ свою жизнь дагестанскій горецъ, довольствуясь скудною пищею и плохою одеждою. Впрочемъ, и сама природа каменистыхъ горъ пріучаетъ его къ умѣренности, потому что пашни въ Нагорномъ Дагестанѣ встрѣчаются рѣдко, да и то небольшими клочками, раз-

бросанными на самыхъ высотахъ неприступныхъ горъ, куда лезгину приходилось взбираться съ помощью веревокъ и крючьевъ, чтобы засѣять горсть ячменя или проса.

Въ видѣ анекдота, отлично характеризующаго величину этихъ пашенъ, разсказываютъ, что одинъ дагестанскій горецъ, работавшій на подобной скалѣ, прилегъ отдохнуть на раскинутой буркѣ, а когда проснулся, то съ удивленіемъ и страхомъ увидѣлъ, что его драгоцѣнная поляна куда-то пропала. Не зная, что подумать о совершившемся чудѣ, и помянувъ недобрымъ словомъ шайтана, суевѣрный горецъ поспѣшно сталъ собираться домой, и когда съ азартомъ и бранью поднялъ съ земли свою бурку, тогда только замѣтилъ, что она-то именно и прикрывала его пахотную землю.

Горецъ, впрочемъ, презиралъ мирный трудъ, и всѣ работы не только домашнія, но и полевыя, лежали большею частью на женщинѣ, судьба которой въ Дагестанѣ, какъ и на всемъ Востокѣ, была жалка и печальна. Одѣтая въ неловкій и неудобный костюмъ, скрывавшій ея красоту и стройность, женщина въ Дагестанѣ являлась существомъ презираемымъ до того, что въ глазахъ лѣниваго горца жена и ешакъ имѣли почти одинаковую цѣну. Одинъ лезгинъ говорилъ серьезно, что женщина должна работать больше ешака, потому что ѣстъ чистый хлѣбъ, тогда какъ ешакъ питается мякиной.

Понятно, что при такой первобытной грубости отношеній къ женщинѣ и всеобщей суровости нравовъ, жизнь горца была лишена элементовъ мирной поэзіи. Горская молодежь, правда, любитъ повеселиться, но танцы Дагестана совершенно не похожи на бойкую „лезгинку“ жителей равнинъ, лишенные характеристическихъ чертъ ея—живости и какой-то беззавѣтной отваги. Не блестятъ богатствомъ содержанія и поэзіи также мирныя пѣсни лезгинъ, хотя, впрочемъ, ихъ унылые и монотонные припѣвы и не лишены оригинальной прелести.

Не въ домашнемъ быту и не въ мирныхъ занятіяхъ лежала поэзія жизни горнаго дагестанца. Обреченный безплодною природою своихъ горъ на лишенія и скудную бѣдность, онъ ею же часто вынуждался покидать свои скалистыя трущобы съ тѣмъ,

чтобы силою взять у сосѣднихъ народовъ то, въ чемъ ему отказывала родная природа, и онъ сумѣлъ развить въ себѣ въ теченіе многихъ поколѣній необыкновенный воинственный духъ и наклонности. Грузія и окрестныя страны часто видали на своихъ земляхъ этихъ горныхъ воителей, проникавшихъ до отдаленныхъ предѣловъ Турціи и Персіи, и пользовавшихся славою грозныхъ наѣздниковъ. Страны Приморскаго Дагестана, особенно владѣнія шамхала тарковскаго, не разъ трепетали передъ грознымъ именемъ сосѣднихъ горцевъ, и даже самъ непобѣдимый завоеватель Шахъ-Надиръ испыталъ на себѣ всю силу ихъ отваги.

Одинъ видъ дагестанскаго горца уже выдавалъ его воинственныя наклонности. Богатый горецъ былъ всегда обвѣшенъ оружіемъ, блестѣвшимъ серебромъ и золотой кубачинской насѣчкой, одѣтъ въ дорогой лезгинскій нарядъ, приближавшійся ближе къ персидскому, нежели къ черкескому: чоха съ длинными, откидными, рукавами, обложенная по краямъ широкимъ серебрянымъ галуномъ, шелковый архалукъ, такія же шаровары, сапоги съ большими загнутыми носками, на головѣ—черная остроконечная баранья шапка, за спиной—косматая бѣлая бурка, работа андійскихъ мастеровъ. Если ко всему этому онъ сидѣлъ на добромъ конѣ персидской породы,—то поистинѣ нельзя было не любоваться его воинственною фигурою. Многіе лезгины надѣвали при этомъ кольчуги со стальными поручами и шишаки съ красными лепестками сукна вмѣсто перьевъ,—и тогда они напоминали собою средневѣковыхъ рыцарей. Но этотъ костюмъ носился ими только въ торжественныхъ случаяхъ; собираясь же въ походъ, или въ домашнемъ быту лезгины одѣвали просто черкеску, общую всѣмъ обитателямъ Кавказа, а многія племена совсѣмъ не носили шашекъ, замѣняя ихъ кинжалами громадной величины, извѣстными подъ именемъ „тавлинскихъ“

Суровый, воспитанный среди опасностей горецъ зналъ себѣ цѣну, и потому во всѣхъ его движеніяхъ проглядывала гордость и глубокое сознаніе собственнаго достоинства. Все, чѣмъ красна была жизнь, слагалось для него въ однѣ военныя тревоги, и если наступали совсѣмъ мирныя времена, онъ цѣлые дни проводилъ къ совершенномъ бездѣйствіи, и скука одолѣвала его тогда до

одурѣнія. Но лишь повѣетъ войной — и онъ встрепенется, какъ расправляющій крылья орелъ. Приготовленія къ набѣгамъ были для горской молодежи минутами, полными поэтическихъ увлеченій, радужныхъ мечтаній, яркихъ надеждъ, таинственной заманчивости неизвѣстнаго будущаго. И въ самомъ дѣлѣ, два-три дня набѣга и до того безвѣстный юноша могъ воротиться героемъ, богачемъ, человѣкомъ вліятельнымъ, идоломъ красавицъ-горянокъ... И вотъ, при одномъ словѣ „сборъ" извилистыя, кривыя улицы лезгинскаго селенія мгновенно наполнялись толпами вооруженнаго народа. На открытомъ воздухѣ жарился шашлыкъ, приготовлялись хинкалы, другіе чистили оружіе, иные уже были верхомъ, или бродили вокругъ своихъ осѣдланныхъ коней. Боевая одежда ихъ не отличалась ни красотою, ни опрятностію, но за то каждый оборванный горецъ, сложивъ накрестъ руки, или взявшись за рукоять кинжала, или, наконецъ, опершись на винтовку, смотрѣлъ такъ величаво и гордо, какъ будто бы былъ властелиномъ вселенной, попираемой его сафьянными чевяками.

Эти преисполненныя душевныхъ треволненій приготовленія къ набѣгу описываются въ пѣсняхъ съ величайшими подробностями. „Снялъ—говорится въ одной изъ нихъ:—съ жерди овчинный полушубокъ, отряхнулъ отъ пыли и надѣлъ на себя, снялъ съ гвоздя хоросанскую шапку, два-три раза встряхнулъ ее и надѣлъ на голову..." Потомъ слѣдуетъ подробное перечисленіе оружія: „египетскій мечъ, съ написаннымъ привѣтствіемъ пророку, крымская или можарская винтовка съ голубымъ прикладомъ; конь, какъ невѣста, убранная къ свадьбѣ... Хлопнувъ ладонью по коню, садится на него молодецъ и пускается въ путь. Дай Богъ тебѣ счастія!.." Далѣе пѣвецъ такъ разсказываетъ о подвигахъ своихъ соотечественниковъ: „гдѣ коснулась рука наша — тамъ плачъ поднялся; куда ступила нога—тамъ пламя разлилося: захвачены прекрасныя дѣвы и пойманы мальчики, цвѣтущіе здоровьемъ..."

Справедливость требуетъ однако сказать, что по самымъ условіямъ мѣстности, среди которой они росли, горцы должны были уступать собственно въ наѣздничествѣ остальнымъ племенамъ Кавказа. Какое наѣздничество возможно было тамъ, гдѣ справа терлось

плечо объ отвѣсную скалу, а слѣва, подъ самымъ стременемъ зіяла бездонная пропасть! За то военныя соображенія лезгинъ были всегда дальновидны, здравы и основаны на знаніи мѣстности и обстоятельствъ. Въ этомъ отношеніи они далеко превосходили своихъ сосѣдей чеченцевъ. Всѣ крупныя историческія событія Кавказа начинались въ горахъ и лучшіе предводители горцевъ: Кази-Мулла, Гамзатъ-Бекъ, Шамиль, Сурхай, Ахверды-Магома, Шуаипъ-Мулла, Хаджи-Муратъ, Кибитъ-Магома—были уроженцами Нагорнаго Дагестана. И если чеченцы умѣли также искусно пользоваться мѣстностью, то лезгины неизмѣримо превосходили ихъ въ искусствѣ укрѣпляться, которое доведено было у нихъ до совершенства. Насколько чеченцы были отважны и дерзки, настолько же лезгины были рѣшительны и стойки—качества, недостававшія первымъ. Чеченцы были склонны преимущественно къ войнѣ наѣзднической: дагестанцы, наоборотъ, если вели войну, то имѣли всегда положительныя и вѣрныя цѣли; набѣги же, о которыхъ сказано выше, служили только забавою и военною школою для молодежи,—оселкомъ, на которомъ пробовалась храбрость каждаго изъ нихъ; но они никогда не пріобрѣтали серьезнаго значенія. Народъ поднимался только тогда, тогда предстояла нужда завоеванія, и особенно, когда ему угрожало вражеское нашествіе. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ природа являлась грозною союзницею горцевъ и самые аулы ихъ представляли непреодолимыя твердыни, брать которыя съ бою было дѣломъ отчаяннымъ, допускавшимся лишь въ исключительныхъ и особенно важныхъ для края обстоятельствахъ. Аулы лезгинъ строились всегда на трудно доступной мѣстности, и, чтобы добраться до нихъ, надо было или карабкаться по отвѣснымъ тропамъ подъ градомъ пуль и огромныхъ каменьевъ, сбрасываемыхъ со скалъ, или, напротивъ, спускаться въ бездонныя пропасти, лѣпясь по карнизамъ или по ступенямъ, высѣченнымъ въ скалѣ, висѣвшей надъ бездною въ тысячи футовъ глубиною. Впослѣдствіи, чтобы открыть свободный доступъ къ нѣкоторымъ селеніямъ горцевъ и проложить военныя дороги, русскимъ приходилось взрывать на воздухъ цѣлые утесы въ такихъ мѣстахъ, которые не представляли даже точки опоры

для ноги человѣка. Самыя сакли въ аулахъ помѣщались тѣсно, бокъ о бокъ одна съ другою, чтобы, въ случаѣ надобности, черезъ проломъ въ стѣнѣ можно было переходить изъ одного помѣщенія въ другое. Для удобства защиты, сакли нерѣдко располагались притомъ амфитеатромъ, въ нѣсколько ярусовъ, доставлявшихъ другъ другу взаимную оборону. Такимъ образомъ, даже ворвавшись въ аулъ, приходилось брать штурмомъ каждую отдѣльную саклю, а каменная сакля лезгина представляла видъ небольшой крѣпостцы, обнесенной стѣнами съ бойницами и башнями. Понятно, что потери при взятіи дагестанскихъ ауловъ должны были быть громадны. За то, впрочемъ, и взятый съ бою аулъ, преданный огню и превращенный въ груду мусора, дѣлалъ обитателей его нищими въ полномъ значеніи этого слова.

Какъ у всѣхъ истинно-воинственныхъ народовъ, павшіе въ бою джигиты пріобрѣтали въ глазахъ правовѣрныхъ священное значеніе, и надъ ихъ могилами водружались шагиды, знамена — такія же, какъ и въ Чечнѣ, и въ Кабардѣ и въ Закубаньѣ. И здѣсь ихъ было не меньше, потому что дагестанскіе горцы ничего не страшились такъ, какъ смерти безъ погребенія, и потому во время сраженій оказывали чудеса храбрости, чтобы вынести изъ боя тѣла своихъ павшихъ товарищей. Ничто не огорчало ихъ такъ, какъ обезглавленный трупъ горца, и они рѣшались на всякія жертвы, чтобы только выручить голову земляка и предать ее честному погребенію на родномъ кладбищѣ.

Всѣ поэтическія преданія, всѣ мечты горца сосредоточены на его военныхъ подвигахъ. Сверхъ пѣсенъ, подобныхъ приведенной выше, о приготовленіяхъ къ набѣгу, существуетъ еще цѣлый циклъ ихъ, посвященный разсказамъ о неисчислимыхъ набѣгахъ за Алазань въ Кахетію, или на плоскость — въ Шамхальство. Это собственно пѣсни о вождяхъ, предводительствовавшихъ набѣгами. Нѣкоторыя изъ нихъ, восходя къ отдаленнѣйшимъ временамъ, служатъ единственнымъ средствомъ для передачи славныхъ именъ предковъ въ назиданіе подростающимъ поколѣніямъ.

Рядомъ съ этими пѣснями въ Дагестанѣ есть много легендъ, свидѣтельствующихъ не только о богатствѣ народной фантазіи, но

и о пламенной любви дагестанцевъ къ ихъ бѣдной и суровой родинѣ. Народъ помнитъ, какъ на его свободу посягалъ великій завоеватель Шахъ-Надиръ, и съ понятною гордостью занесъ въ свои легенды побѣду надъ этимъ непобѣдимымъ властителемъ Ирана. И въ долгіе зимніе вечера, когда глубокій снѣгъ и вьюга не выпускаютъ горца изъ сакли, молодое поколѣніе, слушая передъ домашнимъ очагомъ разсказы старины, воспринимаетъ память о доблестной защитѣ отечества, какъ лучшее наслѣдіе предковъ. Съ одною изъ легендъ о вторженіи въ Дагестанъ Шахъ-Надира связывается, между прочимъ, преданіе о злополучномъ Шахъ-Манѣ, которое отразило на себѣ слѣды страшной и упорной борьбы народа за старину противъ попытокъ новаторства. Легенда эта заслуживаетъ нашего полнаго вниманія.

Долгое время—говоритъ преданіе—среди дагестанцевъ не было человѣка, который бы силой своего ума, энергіи и воли сплотилъ народъ во едино, обуздалъ его дикій характеръ и водворилъ бы въ странѣ порядокъ и устройство. Наконецъ, въ половинѣ минувшаго вѣка, такой человѣкъ явился въ лицѣ Шахъ-Мана, одного изъ владѣльцевъ, пылкаго, предпріимчиваго, одареннаго всѣми качествами, чтобы осчастливить свою родину благодѣтельными реформами. Но какая-то неблагопріятная звѣзда взошла надъ колыбелью этого владѣльца въ самый часъ его рожденія; какія-то темныя, враждебныя силы противодѣйствовали всѣмъ его добрымъ намѣреніямъ и, заставляя дѣлать зло, отравляли жизнь его всевозможными бѣдствіями. Весь преданный мысли составить счастіе своему народу, онъ задался несбыточными мечтами пересоздать общественный строй Дагестана, смягчить неукротимые нравы своихъ одноземцевъ и обратить ихъ силы и энергію на мирный трудъ земледѣлія, въ которомъ видѣлъ залогъ благоденствія, осѣдлости и гражданскаго устройства. Но мирная жизнь не могла удовлетворить дагестанцевъ. Началась глухая, подпольная борьба между нимъ и подданными, и эта борьба разрѣшилась наконецъ открытымъ возмущеніемъ, во главѣ котораго стали собственные его сыновья.

Однажды, въ праздникъ Байрама, когда Шахъ-Манъ сидѣлъ

съ своими нукерами за трапезой, толпа бунтовщиковъ ворвалась въ его домъ и потребовала, чтобы онъ оставилъ страну, угрожая въ противномъ случаѣ „судомъ кинжаловъ“.

Несчастный преобразователь всталъ изъ-за стола, надѣлъ полное вооруженіе и приказалъ подать себѣ боеваго коня. Мрачныя чувства наполняли его душу,—и грозный и суровый явился онъ передъ толпою, осудившей его на изгнаніе.

— „Неблагодарные! сказалъ онъ народу,—и взоръ его блеснулъ негодованіемъ:—не я ли хотѣлъ устроить ваше благоденствіе? Не я ли указалъ вамъ на лучшую жизнь? Чѣмъ же вы отблагодарили меня? Мое сердце и душа чисты передъ Аллахомъ и святымъ судомъ его; но вы какой отвѣтъ дадите ему въ страшный часъ смерти?“ Взоръ Шахъ-Мана остановился на сыновьяхъ, виновникахъ постигшаго его несчастія.

— „Не укроетесь вы отъ моего мщенія,—сказалъ онъ имъ:—какъ не укроетесь отъ праведнаго суда Божія! Прощай, страна неблагодарныхъ! Ты вооружила сыновей противъ отца, и раздраженный отецъ удаляется съ тѣмъ, чтобы вѣрнѣе отомстить тебѣ!“

Проѣзжая чужія владѣнія, Шахъ-Манъ всюду встрѣчалъ привѣтъ и радушіе. Сосѣди, уважая умъ и храбрость его, предлагали ему свою помощь, и сотни отважныхъ наѣздниковъ окружали дагестанскаго витязя. Но Шахъ-Манъ не довольствовался этимъ: онъ ѣхалъ искать покровительства Персіи.

Тихо прошли три года со времени изгнанія Шаха-Мана. Дагестанцы забыли уже объ его угрозахъ, какъ вдругъ пронеслась громовая вѣсть, что въ Дагестанъ вошли персіяне. То были передовые полки грознаго завоевателя Шахъ-Надира; съ ними былъ и Шахъ-Манъ.

Въ Чиръ-Виніатѣ произошла первая битва. Персіяне, предводимые братомъ шаха, Курбаномъ, были разбиты на голову; при второмъ пораженіи самъ Курбанъ захваченъ былъ въ плѣнъ, и озлобленные дагестанцы сожги его живымъ, а прахъ черезъ плѣннаго персіянина отослали къ шаху. Тогда Шахъ-Надиръ поклялся выстроить на мѣстѣ сожженія Курбана памятникъ изъ дагестанскихъ головъ,—и сдержалъ свою клятву.

Три дня бились дагестанцы съ персіянами, и побѣда долго не склонялась ни на ту, ни на другую сторону; на четвертый—дагестанцы были побѣждены, и едва только третья часть ихъ спаслась бѣгствомъ. Надъ могилою брата Надиръ, дѣйствительно, воздвигъ курганъ изъ камней и человѣческихъ головъ. И этотъ курганъ, развалины котораго существуютъ еще и понынѣ, служитъ нѣмымъ историческимъ памятникомъ, свидѣтельствующимъ о жестокой мстительности шаха надъ побѣжденными народами.

Но ни честолюбіе Надира, ни мщеніе Шахъ-Мана не могли довольствоваться только однимъ пораженіемъ дагестанцевъ. Шаху нужна была покорность страны; Шахъ-Ману—ея разореніе. И вотъ, дождавшись новыхъ несмѣтныхъ подкрѣпленій, прибывшихъ изъ Персіи, Надиръ, не встрѣчая уже нигдѣ сопротивленія, двинулся дальше, дошелъ до Казикумыкскаго ханства, разбилъ его защитниковъ,—и теперь ему оставалось только покорить небольшое племя андаляльцевъ, чтобы считать себя повелителемъ всего Дагестана. Но горсть отважныхъ андаляльцевъ укрѣпилась въ непроходимыхъ горахъ Обохскихъ и смѣло ожидала къ себѣ непріятеля. Враги встрѣтились въ глубокой долинѣ, омываемой пѣнистымъ Орда-Оромъ.

На Чохскомъ спускѣ—разсказываетъ одна дагестанская народная пѣсня—Шахъ-Надиръ, увидѣвъ подходившихъ андаляльцевъ, воскликнулъ: „Что это за мыши лѣзутъ на моихъ котовъ?“ Тогда предводитель андаляльцевъ, Муртазали, отвѣчалъ покорителю Индустана: „Подлый шіитъ! разгляди хорошенько своихъ куропатокъ и моихъ орловъ, твоихъ голубей и моихъ соколовъ!“ — Завязалась страшная битва. На сторонѣ персіянъ была громадная численная сила; на сторонѣ андаляльцевъ—правда и мужество. Шахъ выдвигалъ все новые и новые полки, а андаляльцамъ нечѣмъ было смѣнить своихъ уставшихъ воиновъ, — и мужество уступало силѣ. Андаляльцы уже колебались, уже персіяне торжествовали побѣду, когда внезапно, въ сторонѣ, заглушая шумъ битвы, раздался изступленный крикъ, заставившій смутиться побѣдителей. Это было послѣднее подкрѣпленіе андаляльцевъ, состоявшее изъ женщинъ и стариковъ, остававшихся дома. Съ дикою яростью устремились робкія женщины на пришельцевъ, и на

ихъ обнаженныхъ шашкахъ ярко отразились послѣдніе лучи заходящаго солнца. Орда-Оръ кровавыми пѣнистыми волнами катился въ утесистыхъ своихъ берегахъ и разносилъ по окрестнымъ горамъ вѣсть о гибели храбрыхъ мусульманокъ. Отчаянно бились андаляльцы и жены ихъ и дѣти, отстаивая свободу родины. Ночь разлучила враговъ. Но андаляльцы остались при твердомъ рѣшеніи или пасть всѣмъ до послѣдняго человѣка, или выгнать персіянъ изъ Дагестана. Въ наступившее утро, чтобы лучше обмануть непріятеля, мужчины одѣлись въ женское платье, а женщины въ мужское, въ томъ расчетѣ, что персіяне прежде всего устремятся на женщинъ. Впереди всѣхъ шли двое муллъ; одинъ несъ коранъ, другой—знамя Суни. И когда обѣ стороны сблизились, андаляльскій мулла открылъ коранъ и прочелъ стихъ: „Двери рая открыты для падшихъ за родину". Андаляльцы съ яростью бросились на персіянъ,— и на этотъ разъ сила уступила передъ мужествомъ. Началось нещадное истребленіе ненавистныхъ иранцевъ. Напрасно набожный мулла просилъ своихъ единовѣрцевъ щадить побѣжденнаго непріятеля; его никто не слушалъ: смерть, и смерть самая страшная, постигла большую часть незванныхъ гостей. Шахъ-Надиръ лишь съ нѣсколькими тѣлохранителями ускакалъ въ Дербентъ; Шахъ-Манъ скрылся въ сосѣднія горы.

Исторія говоритъ, что эта кровавая битва произошла въ 1742 году подъ андаляльскимъ ауломъ Чохомъ.

Тяжело было состояніе души Шахъ-Мана, убитаго горестью, терзаемаго угрызеніемъ совѣсти. Смотря на разореніе несчастной родины, онъ сознавалъ, что виновникомъ вражескаго нашествія былъ онъ одинъ, и жизнь стала для него тягостною. Видя въ роковыхъ, совершившихся событіяхъ предопредѣленіе судьбы, онъ рѣшилъ окончить жизнь свою тамъ, гдѣ ее началъ, и самъ отдался въ руки своихъ соотечественниковъ.

Былъ праздникъ. Дагестанцы толпою выходили изъ мечети, когда Шахъ-Манъ верхомъ и въ полномъ вооруженіи явился передъ ними.

— „Правовѣрные! сказалъ онъ имъ:—вы были несправедливы ко мнѣ, и я далъ клятву отомстить вамъ. Но Аллаху не угодно было, чтобы я ее исполнилъ. Я пришелъ умереть отъ вашихъ

рукъ. Но если въ сердцахъ вашихъ есть еще чувство справедливости, если вы еще боитесь гнѣва Аллаха, то его именемъ повелѣваю вамъ казнить на моей могилѣ этихъ чудовищъ!"—онъ указалъ рукою на своихъ сыновей.

Взволнованный народъ бросился на него съ кинжалами.

Онъ палъ. Но дагестанцы исполнили также и послѣднюю волю злосчастнаго хана: неблагодарные сыновья были заколоты на его могилѣ.

На почвѣ дикой воинственности возникали и въ мирномъ быту дагестанцевъ суровые, страшные нравы и отношенія. Какъ всѣ кавказскіе народы, лезгины признавали священнымъ обычай кровомщенія; но у нихъ онъ принималъ исключительные, чудовищные размѣры. Вотъ что разсказывалъ по этому поводу самъ Шамиль уже въ то время, когда послѣ полнаго покоренія Кавказа, онъ жилъ въ Калугѣ.

Лѣтъ за триста до нашего времени, житель мехтулинскаго аула Кадоръ, по имени Омаръ, укралъ у сосѣда своего Юсуфа, курицу—и поплатился за нее бараномъ. Находя, что сосѣдъ взялъ слишкомъ большіе проценты, и не желая оставаться въ долгу, Омаръ отнялъ у него, для уравненія счетовъ, двухъ барановъ. Тогда Юсуфъ, въ свою очередь, счелъ нужнымъ соблюсти справедливость и отбилъ у Омара корову. Корова стоила ему пару добрыхъ быковъ. Въ возмездіе за это олицетвореніе богатства горскихъ народовъ, Юсуфъ подкараулилъ Омарова жеребца и обратилъ его въ собственность. Хорошій конь цѣнится горцами Восточнаго Кавказа несравненно дороже, чѣмъ горцы Кавказа Западнаго цѣнятъ своихъ дочерей, а потому, для возмѣщенія своихъ убытковъ, Омаръ убилъ самого Юсуфа, вскочилъ на милаго своего жеребца и скрылся изъ родины.

Тогда ближайшіе родственники Юсуфа, обязанные по обычаю отмстить за кровь его, явились къ дому Омара и общими силами разрушили его до основанія. Убѣдившись однако, что самъ хозяинъ дома неизвѣстно куда бѣжалъ, они подкараулили какого-то дальняго родственника Омара, попавшагося имъ на глаза прежде

другихъ,—и убили его. Родственники этого родственника, находя, что въ убійствѣ Юсуфа онъ былъ лицомъ совсѣмъ посторонняго вѣдомства, убили одного изъ родственниковъ Юсуфа. Эти послѣдніе убили двухъ родственниковъ Омара,—и вотъ кровомщеніе, или, какъ русскіе привыкли называть его — „канлы", проявилось во всей своей силѣ. Въ этомъ, впрочемъ, нѣтъ ничего удивительнаго—кровомщеніе въ Дагестанѣ дѣло слишкомъ обычное. Но невозможно не ужаснуться, узнавъ, что кровомщеніе за Юсуфа, начавшееся триста лѣтъ назадъ, продолжалось еще при Шамилѣ. Триста лѣтъ людская кровь лилась изъ-за курицы.

Такой порядокъ дѣлъ обѣщалъ продолжаться безконечно. Поколѣнія, возросшія въ такихъ понятіяхъ и при такой окружающей жизни, гдѣ кровь считалась ни во что, и жизнь человѣческая цѣнилась дешевле цыпленка, смѣнялись такими же поколѣніями, пока въ лицѣ русскихъ не появилась цивилизующая, посторонняя сила, опрокинувшая ихъ кровавый бытъ. Но даже и теперь, долго спустя послѣ покоренія Кавказа, среди горъ можно встрѣтить стараго джигита, который съ презрѣніемъ смотритъ на новыхъ людей и на новые порядки и вздыхаетъ по старымъ временамъ, когда „совѣсть была, и потому соблюдался обычай мести".—„У васъ, русскихъ — скажетъ вамъ этотъ представитель отживающихъ поколѣній:—руки сильныя, да души воробьиныя... Развѣ подобаетъ мужу крови бояться?.. Эхъ, было время!"... При такихъ воззрѣніяхъ, грабежъ и разбой, доставлявшіе горцу нерѣдко обильныя средства для жизни, становились тѣмъ же, чѣмъ была торговля для образованныхъ народовъ, и отважный джигитъ, какъ почтенный купецъ среднихъ вѣковъ, пользовался всеобщимъ уваженіемъ.

«Украсть, отнять—имъ все равно:
Чихирь и медъ кинжаломъ просятъ,
И пулей платятъ за пшено...»

Единственное исключеніе, которое допускали воинственный бытъ и презрѣніе къ торговлѣ и вообще ко всякому мирному занятію, было въ пользу нѣкоторыхъ ремеслъ, которыми славились многія мѣстности. Но эти ремесла, впрочемъ, стояли въ тѣснѣй-

шей связи съ характеромъ народнымъ и устремлялись на предметы воинственнаго щегольства и на оружіе. Такъ, цѣлому Кавказу извѣстны знаменитые базалаевскіе кинжалы, кубачинская отдѣлка оружія, андійскія бурки, особенно бѣлыя, доступныя однако по цѣнамъ только людямъ очень богатымъ, наконецъ кельскія шали,— особый родъ мягкихъ превосходныхъ суконъ, выдѣлкою которыхъ занимаются, впрочемъ, исключительно женщины.

Естественно, что племена горнаго Дагестана, гордыя и воинственныя, опираясь на неодолимую преграду своего края, долго сохраняли свою независимость и противились всякой попыткѣ ограничить ихъ своевольную, разбойничью дерзость. Да и не могли они отказаться отъ своихъ набѣговъ на сосѣднія страны, какъ скоро тѣ уходили изъ-подъ ихъ вліянія и не дѣлились съ ними дарами богатой природы мирнымъ образомъ.

Отсюда и возникали тѣ странныя отношенія между Нагорнымъ Дагестаномъ и русскими властями на Кавказѣ, которыя поражаютъ на первый взглядъ своею неестественностью. Собственно Нагорный Дагестанъ никогда не былъ и не могъ быть театромъ борьбы его жителей съ сѣверными пришельцами. Въ самые острые моменты борьбы, даже въ послѣдніе дни окончательнаго покоренія страны, русскія войска не проникали далеко внутрь ея горъ, гдѣ совершенно не было путей, и ограничивались почти только окраинами ея. Но гдѣ бы ни появлялись русскія силы, онѣ всюду сталкивались съ лезгинами: Грузія вѣками служила для послѣднихъ ареною побѣдъ и обогащающаго грабежа; Чечня была житницею Дагестана; приморскія страны всегда были подъ ихъ вліяніемъ, — и русское владычество въ этихъ странахъ было равнозначуще съ поставленіемъ и самаго Дагестана въ зависимость отъ Россіи по отношенію къ самымъ существеннымъ интересамъ бѣдной нагорной страны.

Такимъ образомъ, еще задолго до Ермолова, русское вліяніе уже было сильно въ горахъ Дагестана. Правда, дагестанцы ненавидѣли русскихъ и не помышляли о настоящемъ, дѣйствительномъ подданствѣ Россіи. „У насъ, говорилъ одинъ койсубулинецъ: — не много мѣста для того, чтобы посѣять хлѣбъ, но его весьма

довольно, чтобы засѣять русскими головами. Гяуры задумали удержать нашу Койсу рѣшетомъ, такъ пусть же берегутъ и рѣшето и руки! Пока свѣтитъ солнце и блеститъ на солнцѣ желѣзо,—никто не будетъ указывать койсубулинцамъ, куда не ѣздить и чего не дѣлать!" Но это были слова и чувства, а фактическія, фатальныя обстоятельства дѣлали свое дѣло, и сильнѣйшій властитель самаго центра Нагорнаго Дагестана, аварскій ханъ, уже давно считался русскимъ подданнымъ, какъ и нѣкоторые другіе сосѣдніе горскіе племена и народы.

Но, конечно, это былъ только внѣшній видъ подданства, не гарантировавшій Россіи ни будущаго, ни настоящаго. Ко времени Ермолова аварскимъ ханомъ былъ Султанъ-Ахметъ-Ханъ, старавшійся увѣрить, что только его вліянію русскіе и были обязаны спокойствіемъ внутри Дагестана. „Многіе изъ моихъ предшественниковъ,—говоритъ Ермоловъ,—этому вѣрили и исходатайствовали ему чинъ генералъ-маіора и пять тысячъ рублей ежегоднаго содержанія. Исправнымъ полученіемъ этого жалованья, впрочемъ, и ограничивались всѣ его отношенія къ Россіи." Въ душѣ онъ ненавидѣлъ русскихъ и не терялъ удобныхъ случаевъ вредить имъ гдѣ только было можно. Гордый и честолюбивый, полный воспоминаніями о побѣдахъ своего предмѣстника, знаменитаго въ горахъ Омара-Хана, не разъ приводившаго въ трепетъ Грузію, онъ-то въ сущности и группировалъ около себя все, что было враждебно русскому вліянію въ Дагестанѣ. Ермоловъ своимъ пытливымъ и проницательнымъ умомъ скоро разгадалъ ту роль, которую игралъ аварскій ханъ, выставлявшій себя другомъ Россіи, и открытою политикою вынудилъ его къ откровеннымъ дѣйствіямъ. Послѣдовавшая затѣмъ неизбѣжная борьба принесла свои великіе плоды, обнаруживши передъ народами Нагорнаго Дагестана всю силу Россіи и водворивши въ этой странѣ полное спокойствіе, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока мусульманскій фанатизмъ снова не взволновалъ всѣ горы Кавказа отъ края до края.

Нѣсколько иную картину представляетъ собою Прибрежный, Приморскій, Прикаспійскій Дагестанъ. Правда, вся западная, боль-

шая половина его все еще загромождена горными отрогами Кавказскаго хребта и во многихъ отношеніяхъ составляетъ прямое продолженіе Нагорнаго Дагестана; но здѣсь уже переходныя формы горъ. Суровыя и неприступныя на западѣ, онѣ, по мѣрѣ приближенія къ морю, одѣвались роскошною зеленью, богатыми пастбищами и густыми лѣсами чинаръ и орѣшника. А дальше, за исключеніемъ незначительной мѣстности у самаго Дербента, гдѣ горы упираются въ море, все каспійское побережье, особенно на сѣверѣ и югѣ, представляетъ равнину. На сѣверѣ эта равнина песчана и солонцовата, но орошается многоводнымъ Сулакомъ, образующимся изъ сліянія четырехъ бѣшеныхъ горныхъ рѣкъ: Андійскаго, Аварскаго, Казикумыкскаго и Кара-Койсу. На югѣ, на пространствѣ болѣе 180 верстъ, по значительному склону мчится быстрый и необычно глубокій,—достигающій мѣстами до двухъ съ половиною саженъ глубины—могучій Самуръ, орошающій обширную долину, отличающуюся необыкновеннымъ плодородіемъ.

И жители этого края—иные. Здѣсь аварцы представляютъ уже исключеніе, а преобладающими племенами являются: на сѣверѣ—кумыки, на югѣ — татары и, наконецъ, въ самомъ центрѣ Приморскаго Дагестана—лаки, извѣстные подъ именемъ казикумыкцевъ. Кромѣ того, въ окрестностяхъ Кубы, въ Кюринскомъ ханствѣ, въ Карацайтагѣ и Табасарани—много потомковъ древнихъ евреевъ, проникшихъ, по преданію, даже и въ самыя горы, въ землю авдійцевъ. Съ теченіемъ времени племенныя отличія ихъ сгладились, и они слились съ другими племенами Дагестана.

Приморскому Дагестану досталась на долю вѣковая борьба съ многочисленными народами, мимоходомъ или съ цѣлью завоеваній приходившими сюда. Приморская долина была открытыми воротами для азіятцевъ, вторгавшихся въ южно-европейскія степи. Позже, со временъ Ивана Грознаго, русскіе настойчиво стремятся утвердить свое господство въ сѣверной части его, въ шамхальствѣ Тарковскомъ, чтобы открыть черезъ него свободныя сообщенія съ Грузіей. И когда, въ началѣ нынѣшняго вѣка, Россія твердою ногою стала въ Закавказьѣ—Приморскій Дагестанъ очутился въ серединѣ русскихъ владѣній. Судьба его была предрѣшена. И

сѣверъ, гдѣ лежало шамхальство Тарковское, и югъ, гдѣ были древнія ханства: Дербентское, Бакинское, Кубинское и, наконецъ, Кюринское, отторгнутое русскимъ оружіемъ изъ-подъ власти казикумыкскаго хана, скоро стали въ тѣснѣйшую зависимость отъ русскихъ и частію обратились даже въ простыя русскія провинціи.

Но средній Дагестанъ все еще оставался относительно независимъ. Правда, тамъ, за исключеніемъ Даргинскихъ обществъ, всѣ остальныя земли не разъ присягали на вѣрность русскому государству; но эта присяга образовывала чисто фиктивную зависимость, подобную той, въ какой находились народы Нагорнаго Дагестана, и только на нихъ, расположенныхъ въ болѣе доступныхъ мѣстахъ, у русскихъ руки были, такъ сказать, длиннѣе. Каракайтагъ, Казикумыкъ, Табасарань и даже ничтожная Мехтула, лежавшая на сѣверѣ, не только не принимали на себя никакихъ обязательствъ, не только не платили дани, а напротивъ, сами домогались получать нѣкоторую дань, въ видѣ жалуемыхъ владѣтелямъ ихъ чиновъ, отличій и содержаній. Сильнѣйшими изъ этихъ сосѣднихъ владѣтелей считались въ то время казикумыкскій ханъ Сурхай и каракайтагскій уцмій Адиль-Гирей. Обоимъ имъ предмѣстники Ермолова и предлагали чины генералъ-майора и по двѣ тысячи жалованья; но оба они съ негодованіемъ отвергли предложеніе, требуя, чтобы ихъ сравняли съ шамхаломъ, имѣвшимъ чинъ генералъ-лейтенанта и получавшимъ шесть тысячъ содержанія. Подобные переговоры и предложенія, дѣлаемыя людямъ, явно враждебнымъ Россіи, поселяли въ нихъ только мысль, что ихъ ласкаютъ изъ боязни,—и дерзость ихъ возростала по мѣрѣ русской уступчивости. Ермолову приходилось, такимъ образомъ, исправлять старыя, закоренѣлыя ошибки. И вотъ какъ поступаетъ онъ, напримѣръ, въ дѣлѣ съ мехтулинскимъ ханомъ.

Нужно сказать, что ханъ мехтулинскій представлялъ собою въ нѣкоторомъ родѣ исключеніе: онъ никогда не присягалъ на подданство Россіи и за то не пользовался отъ нея никакими прерогативами. Но передъ самымъ началомъ мятежа 1818 года, даже и онъ, черезъ посредство аварскаго хана, родного своего брата, обратился къ Ермолову съ просьбой о принятіи его въ поддан-

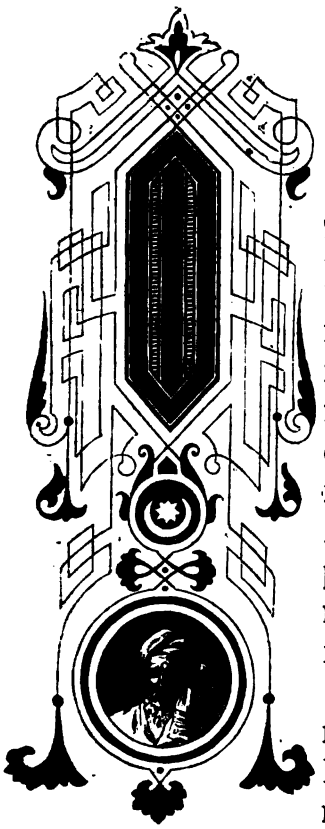
ство. Передавая эту просьбу, аварскій ханъ вкрадчиво спрашивалъ Ермолова: „какія же будутъ за это милости новому подданному отъ императора?“

Ермоловъ отвѣчалъ, что русскій государь не покупаетъ подданныхъ милостями и наградами, а щедро даетъ ихъ тому, въ комъ видитъ усердіе и вѣрность. „И брату вашему, писалъ онъ къ аварскому хану:—должно тѣ милости прежде заслужить, нежели просить ихъ“. „Впрочемъ — добавлялъ Ермоловъ: — долженъ сказать вамъ, что я брата вашего и другихъ, подобныхъ ему, бековъ не разумѣю иначе, какъ или подданными моего государя или какъ непріятелями Россіи. Я и въ томъ и въ другомъ случаѣ знаю, какъ мнѣ поступать надлежитъ“. Естественно, что политика Ермолова, не поощряя дерзостей хановъ, несомнѣнно увеличивала ихъ раздраженіе. Если прибавить къ этому, что въ Дагестанѣ укрывались постоянно бѣглый грузинскій царевичъ Александръ и изгнанный владѣлецъ Дербента Шихъ-Али-Ханъ,—оба закаленные въ ненависти и интригахъ противъ Россіи, то будетъ понятно, что именно въ Среднемъ Дагестанѣ, да въ Мехтулинскомъ ханствѣ, на сѣверѣ, скопились ко временамъ Ермолова многочисленные горючіе матеріалы возстанія. Здѣсь, слѣдовательно, и долженъ былъ образоваться театръ борьбы.

Энергическая, прямая и неуступчивая политика Ермолова должна была скоро воспламенить всѣ эти горючіе матеріалы и привести къ покоренію всѣхъ независимыхъ странъ Приморскаго Дагестана, охватившаго и Дагестанъ Нагорный желѣзнымъ кольцомъ русской власти. Съ тѣмъ вмѣстѣ должны были окончиться и времена какъ бы шуточныхъ, двусмысленныхъ зависимостей. Настаетъ эпоха дѣйствительнаго покоренія разбойничьихъ племенъ мощною рукою Ермолова.

XIII.

Бѣгство царевича Александра.



дною изъ первыхъ заботъ, встрѣтившихъ Ермолова на Кавказѣ, была забота о томъ, чтобы изыскать какія-либо средства воспрепятствовать грузинскому царевичу Александру, бывшему тогда въ Дагестанѣ, вносить вѣчныя смуты въ Грузію и въ смежныя съ нею земли. Задача, уже сама по себѣ представлявшая многія затрудненія, усложнялась предыдущею системою русскихъ отношеній къ царевичу, приведшею къ результатамъ какъ разъ противоположнымъ тѣмъ, которые были желательны.

Послѣ грузинскаго возмущенія 1812 г., царевичъ, загнанный рядомъ неудачъ въ Хевсурію, а оттуда, блестящимъ походомъ генерала Симановича, выбитый въ Дагестанъ, нѣкоторое время жилъ тревожною жизнію безпріютнаго скитальца и разъ былъ даже ограбленъ однимъ изъ дагестанскихъ народовъ, отнявшихъ у него трехъ русскихъ плѣнныхъ, лошадей и всѣ вещи. Но значеніе его и въ Дагестанѣ постепенно росло, и въ 1816 году онъ явля-

ется уже значительнымъ лицомъ, обнаруживающимъ вѣское вліяніе на умы народовъ Дагестана. Этимъ онъ обязанъ съ одной стороны стремленію персидскаго двора сдѣлать его орудіемъ своихъ цѣлей по отношенію къ Россіи, а съ другой—ряду ошибочныхъ въ политическомъ смыслѣ дѣйствій по отношенію къ нему русскихъ властей. Въ виду растущаго вліянія царевича, предшественникъ Ермолова, Ртищевъ, могъ опасаться, что царственный авантюристъ снова можетъ явиться съ лезгинскою силою въ отечествѣ своемъ и встрѣтить тамъ приверженцевъ среди дворянства, еще склоннаго ко всякимъ смутамъ, еще колеблемаго сомнѣніями насчетъ будущихъ судебъ родины. И снова на глазахъ у всѣхъ лезгины обогащались бы добычею, толпами отгоняли плѣнныхъ и продавали ихъ въ рабство, а ослѣпленные приверженцы старыхъ порядковъ, не замѣчая разоренія родины, стремились бы возвратить царевичу невозвратимо утраченный престолъ.

Чтобы предотвратить междоусобія въ Грузіи, и Ртищевъ и вообще предмѣстники Ермолова старались склонить царевича примириться съ русскою властію въ его наслѣдственномъ царствѣ, обѣщая ему всевозможныя милости русскаго государя. Но чѣмъ больше они ухаживали за царевичемъ, этимъ самымъ фактомъ они тѣмъ значительнѣе придавали ему роль,—онъ могъ открыто и доказательно похвастать передъ персидскимъ дворомъ, какъ важенъ онъ въ глазахъ русскихъ. По словамъ Ермолова, объ одномъ только маркизѣ Паулуччи можно сказать, что онъ не дѣлалъ царевичу никакихъ предложеній. Передъ самымъ пріѣздомъ Ермолова на Кавказъ съ царевичемъ велись переговоры при посредствѣ извѣстнаго армянина Ивана Карганова и шли, казалось, настолько успѣшно, что генералъ Дельпоццо, командовавшій тогда Кавказскою линіею, отправилъ къ нему богатые дары и былъ такъ увѣренъ въ его согласіи выѣхать изъ горъ на линію, что готовилъ ему въ Кизлярѣ пышную встрѣчу. Царевичъ, конечно, не ѣхалъ, и старался только выманить какъ можно больше денегъ.

Теперь Ермолову предстояли дѣйствія въ двухъ направленіяхъ, которыя онъ тотчасъ же и намѣтилъ. Рядъ дѣйствій его имѣлъ, во-первыхъ, цѣлію показать персидскому правительству, и народамъ Дагестана и Грузіи, что онъ не придаетъ ровно никакого

важнаго значенія царевичу; съ другой стороны, онъ принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы, если то будетъ возможно, захватить его въ свои руки и тѣмъ сразу покончить весь вопросъ.

Прежде всего Ермоловъ, еще проѣздомъ черезъ кавказскую линію въ Тифлисъ, приказалъ Дельпоццо прекратить съ царевичемъ сношенія. Царевичъ всего менѣе ожидалъ подобной невзгоды. „Изсякли вдругъ новые источники его доходовъ, говоритъ Ермоловъ:—и онъ во гнѣвѣ своемъ прислалъ ко мнѣ письмо, упрекая за происки лишить его жизни. Я отвѣтилъ ему, что человѣкъ знаменитый, какъ онъ (царевичъ), развратною жизнію, подлостью и трусостью—опасенъ быть не можетъ, и что я ни гроша не дамъ ни за жизнь, ни за смерть подобнаго подлеца. Письмо это было одно, которымъ онъ, конечно, не похвастался персидскому правительству".

Въ то же время, передъ отъѣздомъ въ Персію, Ермоловъ предъявилъ къ анцуховцамъ, у которыхъ тогда скрывался царевичъ, слѣдующее категорическое и безусловное требованіе: „...Итакъ, анцуховцы, я теперь требую и повелѣваю вамъ въ теченіе трехъ недѣль непремѣнно выдать мнѣ царевича Александра, какъ явнаго измѣнника противъ Россіи. Если же вы сего не исполните, то..." и Ермоловъ угрожалъ имъ напустить на нихъ джарцевъ и бѣлоканцевъ. Въ этомъ требованіи сказалась, между прочимъ, забота Ермолова поскорѣе захватить царевича въ свои руки, такъ какъ ему было извѣстно отъ анцухскихъ старшинъ, что приглашеніе царевича къ побѣгу въ Персію шло отъ самого Аббасъ-Мирзы, „и что отъ сего шахскаго сына выслано ему и денежное пособіе",—о чемъ Ермоловъ увѣдомилъ тогда же и министра иностранныхъ дѣлъ, графа Нессельроде.

Анцуховцы, впрочемъ, царевича не выдали; но, чтобы смягчить гнѣвъ Ермолова, они объясняли впослѣдствіи свой поступокъ тѣмъ, что „приняли къ себѣ царевича не съ вредными какимилибо намѣреніями, а какъ гостя, коему, по ихъ обычаю, не могли

отказать въ гостепріимствѣ, и были увѣрены, что онъ выѣхалъ отъ нихъ въ Кизляръ",—обстоятельства, давшія и Ермолову благовидный предлогъ освободиться отъ исполненія данной анцуховцамъ угрозы. Такъ или иначе, но царевичъ долженъ былъ оставить Анцухъ. Въ ночь на 13 іюня 1817 года онъ бѣжалъ въ сел. Гукхали, а оттуда въ вольное общество Каралаль, съ намѣреніемъ пробраться въ Персію въ армянскомъ платьѣ подъ видомъ торгующаго купца, а иногда и простого крестьянина.

Въ Каралалѣ царевичу грозила опасность выдачи. Нужно сказать, что еще въ то время, когда, лѣтомъ 1813 года, бѣглый царевичъ переходилъ изъ Михто въ Дичихъ, изъ Дичиха къ вершинамъ Шаро и т. д., — аварскій ханъ, какъ было дано знать царевичу изъ Хунзаха, велъ переговоры съ русскими о выдачѣ его за 6000 р. с. Теперь эта попытка была возобновлена. Аварская ханша писала Дельпоццо слѣдующее: „что царевичъ говоритъ, что буду въ Россіи—это только мягкія слова его для того, чтобы провести; но человѣкъ, имѣющій разсудокъ, этимъ словамъ не повѣритъ. Если вы отъѣзда его не желаете, то пріѣзжайте скорѣе сюда не теряя минуты и привозите денегъ". Чтобы обольстить каралальцевъ, необходимо было 10000 р., и Дельпоццо увѣряли, что „блескъ серебра и золота можетъ убѣдить навѣрное тотъ народъ измѣнить царевичу".

Но принимаемыя мѣры не привели однако ни къ чему. Годъ спустя, царевичъ успѣлъ пробраться въ Персію, чему, впрочемъ, помогла невѣроятная оплошность русскихъ пограничныхъ кордоновъ.

Дѣло было такъ:

Въ іюлѣ 1818 года стало извѣстнымъ, что царевичъ нанялъ за тысячу рублей въ проводники извѣстнаго лезгинскаго белада, вожака хищническихъ партій, Нуръ-Магомета. Еще было у всѣхъ въ памяти, что въ 1812 году царевичъ проѣхалъ изъ Ахалцыха въ Кахетію, переправившись черезъ Куру недалеко отъ Мцхета, въ Демурчасалахъ; знали также, что Нуръ-Магометъ разбойничалъ по большой части со стороны Карталиніи и нерѣдко пробирался въ Ахалцыхъ черезъ мѣста, лежавшія между Тіонетами и Эрцо, и что слѣдовательно ему всего удобнѣе было избрать именно эти

дороги, какъ наиболѣе извѣстныя. Такимъ образомъ путь бѣгства царевича былъ угаданъ и всѣмъ сторожевымъ постамъ, лежащимъ на этомъ пути, предписано было принять соотвѣтствующія мѣры.

Но всѣ предосторожности и предписанія помогли очень мало, и именно потому, что царевичъ на этотъ разъ повелъ все дѣло побѣга съ обыкновенною смѣлостью. Переправясь черезъ Куру, дѣйствительно, въ Демурчасалахъ, 16 августа, онъ отпустилъ лезгинъ и съ одною свитой, состоявшей изъ 12 человѣкъ грузинъ, поѣхалъ большою дорогой прямо черезъ казачьи посты, на которыхъ нерѣдко останавливался и даже разговаривалъ съ казаками. Это были донскіе казаки полка войскового старшины Табунщикова, занимавшаго тогда кордонную линію по всей турецкой границѣ. Ни одному казаку не пришло на мысль, что это царевичъ, хотя и не трудно было догадаться о томъ по запыленнымъ костюмамъ всадниковъ, видимо ѣхавшихъ издалека, и по дорожнымъ вьюкамъ, сопровождавшимъ ихъ. Черезъ десять дней, 26 августа, царевичъ уже былъ на Хуссейнъ-ханскомъ посту, послѣднемъ къ сторонѣ турецкой границы, верстахъ въ семи отъ полковой штабъ-квартиры. Табунщиковъ наканунѣ получилъ приказаніе обратить особенное вниманіе именно на этотъ постъ и стеречь царевича, уже выѣхавшаго изъ мѣста своего пребыванія съ 12 вооруженными всадниками. И тѣмъ не менѣе царевичъ переправился черезъ пограничную рѣчку въ виду постового начальника, который даже разговаривалъ съ нѣкоторыми людьми изъ его свиты. Оплошность была такъ велика, что царевичъ, какъ оказалось впослѣдствіи, среди бѣлаго дня проѣхалъ черезъ самую штабъ-квартиру полка, между домовъ, гдѣ жилъ самъ Табунщиковъ, и его огородами, на глазахъ казаковъ, смотрѣвшихъ на него и забавлявшихся пѣснями. О его проѣздѣ узнали только на слѣдующій день изъ словъ принадлежавшаго къ свитѣ царевича, князя Агата-Швили, который, неосторожно замѣшкавшись гдѣ-то въ Карталиніи, проѣзжалъ позже и былъ схваченъ казаками почти у самой границы. „Жаль мнѣ, писалъ Ермоловъ: — что оплошность донскихъ казаковъ уничтожила всѣ мѣры благоразумной осторожности, принятыя начальствомъ“. Однакоже онъ оставилъ виновныхъ безъ всякаго взы-

сканія, желая тѣмъ показать грузинамъ полнѣйшее равнодушіе къ судьбѣ царевича.

Царевичъ былъ уже въ турецкихъ земляхъ, въ Хертвисѣ. Но къ захвату его, хотя бы и въ турецкихъ владѣніяхъ, была сдѣлана новая попытка. Предпріимчивый полковникъ Ладинскій предполагалъ составить сильный конный отрядъ изъ татаръ и казаковъ, поддержанный частью пѣхоты, посаженной на лошадей, и захватить царевича при переѣздѣ его изъ Турціи въ Персію. Храбрый и распорядительный маіоръ Велецкій брался командовать партіею. „Не надобно затрудняться, писалъ по этому поводу Ермоловъ къ управляющему Грузіею генералу Вельяминову:—ежели схватятъ его (царевича) на земляхъ турецкихъ. Необходимо соблюсти только, чтобы употреблены были одни татары безъ нашихъ войскъ; маіоръ Велецкій можетъ начальствовать ими, только перемѣнивъ одежду. Царевича щадить и лишить его жизни только въ случаѣ крайности. Если удастся предпріятіе, то царевича живаго или мертваго доставить въ Тифлисъ, чтобы впослѣдствіи неблагонамѣренные люди не могли разгласить, что онъ живъ и волновать легковѣрныхъ грузинъ“. Предполагалось даже, что погребеніе царевича въ Тифлисѣ съ нѣкоторою почестью отниметъ поводы ко всякимъ вымысламъ. „Ободрите татаръ, писалъ при этомъ Ермоловъ къ Вельяминову: — которые намъ служатъ съ большею пользою, нежели донскіе казаки, а за сими послѣдними учредите строжайшее наблюденіе, ибо лучше не имѣть ихъ, нежели терпѣть безчестную ихъ службу“.

Сообразно съ приказаніемъ Ермолова, и Вельяминовъ писалъ къ Ладинскому: „жизнь царевича старайтесь сохранить, но съ персіянами, которые будутъ въ свитѣ его, не затрудняйтесь: если не уйдутъ они и не сдадутся, то ихъ истребите, ибо сіе не только не будетъ нарушеніемъ трактата съ нашей стороны, а напротивъ нарушеніемъ доброй пріязни со стороны самихъ персіянъ“. Позднѣе, распоряженіе объ отправкѣ царевича въ Тифлисъ было отмѣнено и приказано провезти его черезъ Анапуръ прямо въ Моздокъ.

Но съ одними татарами, какъ предполагалъ Ермоловъ, дѣй-

ствовать однако оказалось крайне рискованнымъ, такъ какъ слухъ о сборѣ ихъ неминуемо дошелъ бы до царевича и послужилъ бы ему предостереженіемъ. Тѣмъ не менѣе Ладинскій принялся подъ рукой собирать охотниковъ, а между тѣмъ послалъ въ Хертвисъ одного изъ мѣстныхъ татаръ, нѣкоего Али-Бека, чтобы узнать, кто будетъ сопутствовать царевичу. Было дознано, что царевичъ поѣдетъ подъ прикрытіемъ персидскаго конвоя въ 150 человѣкъ и въ сопровожденіи трехъ братьевъ, извѣстныхъ въ краѣ разбойниковъ,—Джелиля, Халиля и Ахмеда. Али-Бекъ уговорилъ ихъ повидаться съ Ладинскимъ, и въ то время, какъ старшій братъ остался при царевичѣ, двое младшихъ ночью были у Ладинскаго и дали клятву повести царевича по такой дорогѣ, гдѣ бы русскимъ удобно было сдѣлать засаду и напасть нечаянно. Условлено было, что они дадутъ знать за три дня до выѣзда царевича изъ Хертвиса, и что при нападеніи русскихъ они убьютъ подъ царевичемъ лошадь, схватятъ его и передадутъ русскому отряду. Братьямъ обѣщано было за то тысяча червонцевъ и пожизненные пенсіоны, „ибо, по мнѣнію Ермолова, лучше дать награду тѣмъ, кто истребитъ измѣнника, двадцать лѣтъ проливающаго кровь христіанъ, чѣмъ дать пенсіонъ самому измѣннику“.

Но всѣ эти надежды и приготовленія рушились сами собою. Турки задержали царевича въ Хертвисѣ помимо его воли, и онъ переправился въ Персію лишь въ январѣ 1819 года.

Въ Персіи его встрѣтили привѣтливо, разсчитывая, что онъ по прежнему будетъ играть безпокойную роль по отношенію къ Россіи. И съ этою цѣлію, по настоянію Аббасъ-Мирзы, ему отведена была во владѣніе, лежащая на самой Карабагской границѣ, богатая область Даралагези, населенная по большей части вышедшими прежде изъ Карабага жителями. Ему отпущены были даже деньги на устроеніе крѣпости на русской границѣ. Надѣялись, что онъ, имѣя въ Грузіи еще связи, сумѣетъ производить возмущенія въ ней и Дагестанѣ и даже привлечетъ въ свои владѣнія жителей изъ татарскихъ дистанцій. Заботы Аббасъ-Мирзы о царевичѣ шли такъ далеко, что онъ намѣревался даже женить его, „дабы имѣлъ онъ дѣтей мужескаго пола“...

Но политическая роль царевича, несмотря на всѣ ухищренія Персіи, быть можетъ благодаря именно твердости и политическому такту Ермолова, была окончена. Во время персидской войны 1826 года имя его уже не производитъ на народъ никакого обаянія— онъ просто былъ позабытъ. Царевичъ понялъ это и, удалившись въ Тавризъ, дожилъ свой долгій и мятежный вѣкъ частнымъ человѣкомъ. Онъ умеръ въ 1844 году, на 73-мъ году отъ рожденія, и могила его понынѣ видна въ Шахъ-Абдулъ-Амазскомъ кварталѣ Тавриза.

XIV.

Разгромъ Мехтулы.

Въ самые первые годы ермоловскаго управленія Кавказомъ, лезгины не тревожили русскихъ владѣній ни со стороны Грузіи, ни со стороны Терской линіи. Уроки, неоднократно данные имъ въ Джарахъ, Бѣлоканахъ и на Алазани, не прошли даромъ, и Дагестанъ, постоянно раздражаемый растущей русской властью, тѣмъ не менѣе оставался спокойнымъ, несмотря на присутствіе въ немъ грузинскаго царевича Александра, а съ нимъ и персидскихъ суммъ, назначавшихся главнѣйшимъ образомъ именно на возбужденіе въ странѣ волненій и возстаній противъ Россіи. Но порядокъ былъ непроченъ. Поддерживаемый только системою фиктивнаго подданства и русскими жалованьями, онъ не обѣщалъ долгаго мира и могъ быть ежеминутно нарушенъ. Дѣйствительно, хотя Ермоловъ, слишкомъ хорошо знавшій слабыя стороны системы подарковъ, имѣвшей въ глазахъ народовъ видъ дани, не могъ отказаться отъ нея совершенно и не выдавать, напр., пятитысячнаго жалованья аварскому хану, считавшемуся генералъ-маіоромъ русской службы, однакоже его твердость и забота объ

истинной, а не внѣшней, кажущейся только покорности въ этихъ странахъ скоро должна была вызвать волненія.

Ермолову удалось прежде всего устранить одну изъ причинъ безпорядковъ въ горахъ Кавказа, искусно лишивъ грузинскаго царевича Александра его прежняго вліянія. Съ царевичемъ было покончено безъ нарушенія спокойствія въ Дагестанѣ. Но когда начата была постройка Грозной, когда встревоженные чеченцы, выставляя возведеніе крѣпости на ихъ земляхъ угрозою свободѣ всѣхъ кавказскихъ народовъ, приглашали дагестанцевъ соединенными силами отвратить грозящую опасность, — въ горахъ Дагестана вспыхнулъ мятежъ. Горцы собрались на совѣтъ и положили отправить пока на помощь къ чеченцамъ белада Нуръ-Магомета съ толпою конныхъ и пѣшихъ аварцевъ. Въ то же время между ними возникаетъ мысль образовать союзъ изъ всѣхъ дагестанскихъ племенъ для совокупной борьбы съ Россіею. Аварскій ханъ съ своими сообщниками Хасаномъ дженгутайскимъ и Сурхаемъ казикумыкскимъ замыслили напасть на владѣнія шамхала тарковскаго, а при удачѣ и на богатую Кубинскую провинцію, прикрываемую незначительнымъ отрядомъ генерала Пестеля, чтобы и ихъ вынудить присоединиться къ союзу. Аварія, Мехтула и Казикумыкъ дѣйствовали единодушно; къ нимъ скоро пристала Табасарань, гдѣ Абдулъ-Бекъ-Ерсинскій, зять Шихъ-Али-Хана, успѣлъ сформировать вооруженныя скопища; въ то же время самъ Шихъ-Али, при помощи персидскаго золота, успѣлъ привлечь на сторону союза акушинскаго кадія и поднялъ воинственный, сильный и въ высшей степени свободолюбивый народъ акушинскій. Отъ шамхала потребовали, чтобы онъ отказался повиноваться русскимъ, и часть его владѣній тогда же занята была мехтулинцами. Такое же требованіе предъявлено было и къ уцмію каракайтагскому.

Ермоловъ, внимательно слѣдившій за ходомъ событій, видѣлъ, что рѣшающее значеніе въ этомъ движеніи будутъ имѣть акушинцы, а потому немедленно приказалъ генералу Пестелю съ двумя батальонами пѣхоты и кюринскою конницей занять пограничный съ Акушою Каракайтагъ, а отъ акушинцевъ потребовалъ присяги и аманатовъ.

Это внезапное требованіе смутило аварскаго хана, понявшаго, что Ермоловъ проникаетъ во всѣ тайные замыслы Дагестана. Напрасно ханъ, подъ личиною дружбы, старался отклонить Ермолова отъ его намѣренія, обѣщаясь употребить всѣ мѣры, чтобы удержать акушинцевъ спокойными и безъ аманатовъ. Ермоловъ, еще не имѣвшій въ рукахъ очевидныхъ доказательствъ измѣны аварскаго хана, показывалъ видъ, что вѣритъ его словамъ, письменно благодарилъ его, но прибавлялъ, что такъ какъ онъ, аварскій ханъ, упоминаетъ о существующихъ въ Дагестанѣ обычаяхъ, то долженъ сказать ему и о своемъ обыкновеніи: „Я, когда чего требую,— писалъ къ нему Ермоловъ,—то никогда уже того не перемѣняю. Аманаты отъ даргинскаго народа мнѣ надобны—и я ихъ имѣть буду, и присягу они дать должны. Можетъ быть хотятъ они имѣть войска Великаго Государя свидѣтелями оной, то и въ этой чести я имъ не откажу".

Двуличное поведеніе аварскаго хана, уже стоявшаго тогда во главѣ вооруженной силы и въ то же время писавшаго пріятельскія письма Ермолову, побудило главнокомандующаго къ энергическимъ мѣрамъ. „Аманатовъ надо дать теперь, или будетъ поздно,— писалъ къ нему Ермоловъ вторично:—если нѣтъ—постигнетъ мошенниковъ наказаніе, а вашему превосходительству, какъ другу ихъ, доставлю я удовольствіе дать имъ у себя въ горахъ убѣжище. Аманатовъ—или разореніе!"

Названный „другомъ мошенниковъ", аварскій ханъ понялъ, что ему не удалось обмануть главнокомандующаго. Тогда онъ сбросилъ съ себя личину покорности, призвалъ акушинцевъ и двинулъ ихъ къ Каракайтагу.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1818 года до русскаго лагеря уже дошли тревожные слухи. Говорили, что дагестанцы въ значительныхъ силахъ сдѣлали нападеніе на Пестеля, что бой длился два дня. Результаты сраженія однакоже еще извѣстны не были, и только изъ Казіюртовскаго укрѣпленія, на Сулакѣ, писали, что часть мятежниковъ идетъ въ Кубинскую провинцію, что сообщенія съ Дербентомъ прерваны и что послѣднія предписанія главнокомандующаго къ Пестелю не могли быть отправлены.

Положеніе Ермолова было затруднительное. Приходилось дѣйствовать разомъ въ Чечнѣ и Дагестанѣ, а между тѣмъ всѣ войска, какими онъ располагалъ, до послѣдней роты необходимы были подъ Грозною. Не имѣя возможности, по самому расчету времени, подать своевременную помощь Пестелю, Ермоловъ рѣшился сдѣлать диверсію въ Шамхальскія владѣнія, чтобы угрожать оттуда мехтулинскому хану, брату хана аварскаго, и этимъ отвлечь большую часть дагестанцевъ отъ преслѣдованія Пестеля. Онъ хорошо понималъ, что образумить горцевъ можно только быстрыми, рѣшительными дѣйствіями и поучительнымъ урокомъ, какого они еще никогда не испытывали—и походъ въ Дагестанъ былъ рѣшенъ безотлагательно, несмотря ни на малочисленность войскъ, ни на позднюю осень, ни на всю затруднительность дѣйствій въ незнакомыхъ горахъ, куда еще ни разу не проникало русское войско.

И 25 октября пять батальоновъ пѣхоты, триста казаковъ и 14 орудій уже выступали изъ Грозной. Стояла грязная и сырая осень. Слякоть и дождь предвѣщали большія затрудненія въ походѣ, но привычныя къ лишеніямъ всякаго рода кавказскія войска весело переправлялись въ бродъ черезъ Сунжу.

На берегу рѣки, нахмуривъ брови и скрестивъ на груди руки, стоялъ самъ главнокомандующій, слѣдившій за переходомъ на противоположный берегъ товарищей, какъ онъ называлъ всегда своихъ подчиненныхъ, не исключая солдатъ. На немъ надѣтъ былъ архалукъ, на головѣ папаха, черезъ плечо на простомъ ремнѣ висѣла шашка, сверху накинута бурка. Слѣдуя примѣру начальника, войска также не придерживались строго формы одежды; каждый солдатъ, каждый офицеръ былъ одѣтъ, какъ находилъ для себя удобнѣе: у одного на головѣ была папаха, у другого черкесская шапка, кто былъ въ архалукѣ, кто въ чекменѣ. Солдаты шли вольно, смотрѣли весело...

Главнокомандующій пристально слѣдилъ за переправою. Сосредоточенное, задумчивое лицо и атлетическое тѣлосложеніе придавали ему грозный и величественный видъ. Неподалеку отъ него, почти рядомъ, стоялъ Мазаровичъ, впослѣдствіи повѣренный при персидскомъ дворѣ, описавшій эту переправу. Посмотрѣвъ на Ермолова, онъ улыбнулся.

— Чему ты смѣешься? спросилъ главнокомандующій, быстро обернувшись къ нему.

— Мнѣ пришла смѣшная мысль, отвѣчалъ Мазаровичъ.— Смотря на васъ, мнѣ представилось, что вы не генералъ, а атаманъ разбойниковъ.

— А знаешь ли ты, о чемъ я думалъ въ эту минуту? возразилъ Ермоловъ:—что сказалъ бы государь, если бы пріѣхалъ сюда и увидѣлъ этихъ фигурантовъ?

Ермоловъ показалъ на отрядъ, спускавшійся къ броду въ пестрой и разнообразной одеждѣ, мало напоминавшей форму.

— Но я ручаюсь тебѣ, прибавилъ онъ:—что если бы только за два дня я узналъ о пріѣздѣ государя, то берусь этихъ самыхъ солдатъ представить ему. Правда, они не будутъ такими, какіе въ Петербургѣ, но бьюсь объ закладъ, что, взглянувъ на нихъ, государь остался бы доволенъ.

Сунжу перешли у самыхъ Брагуновъ и повернули къ кумыкамъ. На пути, въ Андреевской деревнѣ, слухи о дѣлѣ, бывшемъ у Пестеля, подтвердились. Говорили, что русскіе понесли большой уронъ, что у нихъ взяты даже пушки. „Въ послѣднемъ я могъ усомниться, говоритъ Ермоловъ:—ибо число пушекъ показывали болѣе того, какое было у Пестеля". Утверждали также, что аварскій ханъ самъ предводительствуетъ возмутившимися дагестанцами. Чѣмъ далѣе подвигался отрядъ, тѣмъ слухи становились тревожнѣе. Не было уже сомнѣнія, что Пестель потерпѣлъ пораженіе. Впослѣдствіи дѣло разъяснилось и оказалось вотъ что:

Вступивъ въ Каракайтагъ съ двумя батальонами пѣхоты и шестью орудіями, Пестель, вопреки приказаніямъ Ермолова расположиться на рѣкѣ Дарбахѣ, впереди Дербента, занялъ городъ Башлы, столицу каракайтагскаго уцмійства, всегда служившую примѣромъ для другихъ городовъ и отличавшуюся мятежнымъ настроеніемъ своихъ жителей, неповиновавшихся даже своему законному владѣтелю. Это было важною ошибкою со стороны Пестеля. Онъ очутился посреди многолюднаго города, окруженнаго густыми лѣсами, и долженъ былъ расположиться въ тѣсныхъ улицахъ, загромоздивъ ихъ такъ, что артиллеріи нашей нельзя

было дѣйствовать. Башлынцы, озлобленные занятіемъ ихъ города, тайно вошли въ сношенія съ аварскимъ ханомъ и пригласили его на помощь. Горцы поспѣшили воспользоваться невыгоднымъ расположеніемъ русскихъ въ городѣ—и скоро грозныя силы ихъ появились уже въ предѣлахъ Каракайтага.

И вотъ, 23 октября, передъ двухтысячнымъ русскимъ отрядомъ, занимавшимъ Башлы, уже стояло скопище горцевъ въ цѣлыхъ 20 тысячъ человѣкъ. Здѣсь можно было видѣть всѣ племена и народы Дагестана. Здѣсь находились и аварскій ханъ, и братъ его, Хассанъ дженгутайскій, и акушинскій кадій, и Сурхай съ своими сыновьями и Шихъ-Али-Ханъ съ своимъ зятемъ Абдуллою, бекомъ табасаранскимъ. Между ними недоставало только обычнаго спутника всякихъ возмущеній, царевича Александра; но его уже не было въ Дагестанѣ.

Въ два часа пополудни непріятель атаковалъ передовыя укрѣпленія русскихъ. Пестель не принялъ никакихъ мѣръ противъ нечаяннаго нападенія и былъ застигнутъ врасплохъ. Жители присоединились къ мятежникамъ. Солдаты, разбросанные по цѣлому городу, не успѣли сбѣжаться на тревогу и, окруженные въ улицахъ, дрались въ одиночку безъ связи и порядка. Самъ Пестель и командиръ Севастопольскаго полка подполковникъ Рябининъ заперлись въ замкѣ и при войскахъ во время сраженія не были. Только распорядительность артиллерійскаго подполковника Мищенки и Севастопольскаго полка маіора Износкова, изъ которыхъ первый былъ раненъ ружейною пулею,—спасла войска отъ конечной гибели: они успѣли собрать возлѣ себя кое-какія части отряда, стянули всю артиллерію и, проложивъ себѣ дорогу штыками, заняли позицію также около замка, по ту сторону канала, раздѣлявшаго городъ на двѣ половины. Отсюда никакія атаки непріятеля уже не могли ихъ выбить. Не разъ горцы пробовали бросаться на приступъ, доходили до самыхъ орудій,—и падали подъ картечными залпами. Нѣкоторые, надѣясь на свои панцыри, врывались въ ряды солдатъ, но гибли подъ штыками. Храбрый Износковъ каждый разъ выдвигалъ своихъ стрѣлковъ и закрывалъ батареи валомъ изъ непріятельскихъ тѣлъ.

Видя безуспѣшность атакъ, направленныхъ съ фронта, непріятель обратилъ свои силы на лѣвый флангъ и повелъ траншеи противъ замка уцмія, который занимали двѣ роты съ одною пушкою. Скоро пушка не могла уже дѣйствовать, и положеніе гарнизона сдѣлалось отчаяннымъ. Между тѣмъ, съ паденіемъ замка непріятель овладѣвалъ единственною дорогой, по которой отрядъ могъ отступить къ Дербенту. 25-го числа двѣ роты Троицкаго полка, подъ командою капитана Индутнаго 1-го, сдѣлали смѣлую вылазку и овладѣли траншеями. Индутный палъ, простреленный въ грудь на вылетъ ружейною пулею; солдаты отступили, но траншеи все-таки были разрушены—и это хотя на нѣкоторое время отдалило неизбѣжную гибель. Трое сутокъ отрядъ выдерживалъ безпрерывный бой, оставаясь безъ крова и сна. Солдаты изнемогали; сухари были на исходѣ, а помощи ожидать было неоткуда. На четвертый день получено было извѣстіе, что Шихъ-Али-Ханъ, отдѣлившись съ своими толпами, двинулся къ Кубѣ, чтобы овладѣть этимъ городомъ и запереть отряду выходъ изъ горъ. Тогда рѣшено было, наконецъ, оставить Башлы. Но едва, съ наступившей ночью, войска стали выходить изъ города, какъ жители съ остервененіемъ напали на отрядъ, чтобы отбить своихъ аманатовъ. Ихъ отразили съ урономъ, а между тѣмъ солдаты успѣли зажечь дома, и быстро распространившійся пожаръ, отвлекшій вниманіе жителей, далъ возможность отряду выбраться изъ города. Но и на пути отступленія многія каракайтагскія деревни были заняты вооруженными шайками, дороги перекопаны или завалены, мосты истреблены—и отряду всюду грозила гибель. Къ счастію, слабо преслѣдуемый непріятелемъ, онъ могъ обойти препятствія береговою дорогою и успѣлъ отступить къ Дербенту. Башлынская экспедиція стоила русскимъ 12 офицеровъ и до пятисотъ нижнихъ чиновъ. Взятые отрядомъ аманаты, въ числѣ 17 человѣкъ, были повѣшены.

Отступленіе Пестеля, какъ и слѣдовало ожидать, было принято горцами съ побѣднымъ торжествомъ. Дагестанъ ликовалъ, и гонцы его появлялись даже въ мусульманскихъ провинціяхъ, разглашая всюду радостную вѣсть объ изгнаніи русскихъ.

И не одинъ Дагестанъ праздновалъ пораженіе Пестеля. Въ Тавризѣ, въ резиденціи наслѣднаго персидскаго принца, слѣдовалъ по этому случаю также цѣлый рядъ празднествъ. Едва отгремѣла Башлынская битва, какъ Шихъ-Али-Ханъ съ нарочнымъ прислалъ туда цѣлый мѣшокъ ушей и рукъ, отрѣзанныхъ лезгинами на полѣ ихъ побѣды. Нарочный имѣлъ секретную аудіенцію у Аббасъ-Мирзы, и едва онъ вышелъ, городъ огласился пушечной пальбою—и торжество продолжалось три дня. Между тѣмъ прибыли въ Тавризъ и посланцы отъ аварскаго хана, отъ Казикумыка и другихъ вольныхъ обществъ. На всѣхъ ихъ сыпались подарки и деньги. Самъ Аббасъ-Мирза благосклонно принималъ ихъ, объявляя, что готовитъ большія субсидіи для поддержки Дагестана въ его рѣшительной борьбѣ съ русскими.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда Ермоловъ, 3-го ноября, подошелъ къ Таркамъ. Жители города находились въ большомъ уныніи, и даже прибытіе русскихъ войскъ успокоило ихъ не много. Тарковцы уже знали о пораженіи Пестеля, и такъ какъ шамхалъ находился при его отрядѣ, то они считали и его погибшимъ въ Башлахъ. Жены шамхала отправили уже все лучшее имущество свое за Сулакъ и сами были готовы къ выѣзду при первомъ извѣстіи о приближеніи непріятеля. Многіе изъ жителей бѣжали, опасаясь возмущенія въ самомъ шамхальствѣ, такъ какъ въ это самое время аварскій ханъ возвращался отъ города Башлы и собиралъ войска для защиты Мехтулинскаго ханства, принадлежавшаго его родному брату. Въ окрестныя села свозились раненые въ сраженіяхъ съ Пестелемъ, а также и тѣла убитыхъ, которыя погребались съ необычайною торжественностью.

Успокоивъ, насколько было возможно, тарковскихъ жителей, Ермоловъ послалъ Пестелю приказаніе воспользоваться тѣмъ, что вниманіе лезгинъ обращено на главный отрядъ, и наказать Башлы за вѣроловство. А самъ онъ двинулся на Мехтулу—роковой часъ для нея пробилъ.

Мехтулинское ханство лежало къ югу отъ шамхальскихъ владѣній, между землями койсубулинцевъ и Даргинскимъ союзомъ. По преданію, сохранившемуся въ народѣ, оно возникло лѣтъ за 200 передъ тѣмъ, когда одинъ изъ членовъ казикумыкскаго владѣтельнаго дома, носившій имя Кара-Мехти, поссорился съ тамошнимъ ханомъ и, покинувъ Кумухъ, поселился въ деревняхъ, жившихъ вольными, самостоятельными обществами. Кара-Мехти скоро сдѣлался извѣстенъ не только какъ гроза сосѣдей, нападавшихъ на эти вольныя общества, но и какъ человѣкъ, способный предохранить населеніе отъ междоусобій и неурядицы. Сперва аймякинцы, а потомъ жители деревни Оглы провозгласили его своимъ правителемъ. Вскорѣ примѣру ихъ послѣдовали другія селенія и, такимъ образомъ, мало по малу сложилось Мехтулинское ханство.

По смерти Кара-Мехти власть и права его перешли къ потомкамъ. Кто именно наслѣдовалъ ему и кто были его дальнѣйшими преемниками, пока наконецъ достоинство владѣтеля не досталось Хассанъ-Хану, свѣдѣній не сохранилось. Извѣстно только, что современникъ Ермолова, Хассанъ-Ханъ, былъ сынъ Али-Султанъ-Бека, добровольно отказавшагося отъ званія хана въ пользу младшаго брата своего. Этотъ братъ умеръ въ 1797 году бездѣтнымъ, и ханство снова перешло въ родъ Али-Бека, къ старшему сыну его Хассану. У Хассана былъ также младшій братъ, по имени Султанъ-Ахмедъ-Бекъ, женатый на единственной дочери знаменитаго Омара, хана аварскаго. И вотъ, когда въ 1800 году, со смертью Омара, пресѣклась мужская линія тамошнихъ владѣльцевъ, Султанъ-Ахмедъ-Бекъ, какъ зять покойнаго хана, былъ призванъ народомъ на аварское ханство. Такимъ образомъ еще при жизни стараго Али-Бека оба его сына сдѣлались ханами: Хассанъ—въ Мехтулѣ, а Султанъ-Ахмедъ—въ Аваріи.

Оба они издавна были непримиримыми врагами шамхаловъ тарковскихъ, и Хассанъ, какъ ближайшій сосѣдъ ихъ, радъ былъ воспользоваться наставшими смутами, чтобы насчетъ ихъ, усилить свои владѣнія. Собственныя средства его были ничтожны, но онъ опирался съ одной стороны на родственную ему Аварію, а съ

другой—на вольный союзъ даргинскихъ народовъ, извѣстныхъ у насъ подъ однимъ общимъ именемъ акушинцевъ. Всѣ обстоятельства, выдвигавшія Мехтулинское ханство на первый планъ въ возникшемъ движеніи Дагестана, вмѣстѣ съ тѣмъ быстро привели и къ его уничтоженію желѣзною волею Ермолова.

Оставивъ Тарки, отрядъ, 11 ноября, двинулся на Параулъ, лежавшій за горнымъ переваломъ, въ чертѣ мехтулинскихъ владѣній. Короткіе дни и невылазная грязь по дорогамъ, замедлявшая движеніе пушекъ, сдѣлали то, что войска только къ вечеру достигли до подошвы высокаго, довольно крутого хребта, называемаго Аскорай, за которымъ начинались мехтулинскія земли. Здѣсь, на самой границѣ, ожидалъ непріятель. Всѣ возвышенія, лежавшія кругомъ, были заняты лезгинами, число которыхъ, какъ говорили лазутчики, простиралось до 15 тысячъ. Нѣкоторые изъ свиты Ермолова замѣтили на вершинѣ горы самого аварскаго хана, дѣлавшаго какія-то распоряженія. Едва войска подошли къ подошвѣ хребта, какъ горцы открыли огонь, и съ вершины Талгинской горы посыпались на Ермолова самыя дерзкія ругательства.

— Анасымъ сыхымъ (дитя собаки) Ярмулъ! кричали ему горцы.

Солдаты, раздраженные дерзостью лезгинъ, рвались въ бой; но Ермоловъ, обогнавъ отрядъ, и окинувъ взоромъ расположеніе горцевъ, приказалъ остановиться и варить кашу.

Незначительная перестрѣлка закончила день. Погода была ужасная. Солдаты, офицеры и даже многіе изъ приближенныхъ Ермолова роптали, осуждая его за бездѣйствіе. Главнокомандующій все слышалъ и молчалъ. Нужно сказать, что Ермоловъ постоянно употреблялъ всѣ средства, чтобы ближе и короче узнавать своихъ офицеровъ. Онъ держалъ на походѣ всегда открытый столъ, къ которому каждый могъ приходить, и званый и незваный, и самъ не стѣснялся посѣщать офицерскіе кружки, вступая въ фамильярные и дружескіе разговоры съ своими подчиненными. И въ этотъ самый вечеръ,– какъ разсказываетъ Граматинъ, впослѣдствіи извѣстный кавказскій генералъ, тогда, въ экспедиціи, бывшій еще молодымъ офицеромъ,—Ермоловъ, закутавшись въ бурку, по обыкно-

венію направился было къ одному изъ офицерскихъ костровъ. Вокругъ огня сидѣли кабардинцы. Это былъ бивуакъ храбрѣйшаго полка, который самъ Ермоловъ называлъ «десятымъ легіономъ» (десятый легіонъ войскъ римскихъ славился, какъ извѣстно, своими доблестями). Ермоловъ зналъ въ этомъ полку поименно не только всѣхъ офицеровъ, но и большую часть унтеръ-офицеровъ и даже солдатъ. Подходя къ костру, онъ услышалъ густой басъ штабсъ-капитана Гогніева, который самыми неприличными, отборными словами ругалъ его за медленность. Большая часть офицеровъ соглашалась съ мнѣніемъ Гогніева. Ермоловъ постоялъ, послушалъ и, незамѣченный, вернулся, не сказавши ни слова.

Между тѣмъ горцы, увѣренные, что отрядъ не рѣшался атаковать ихъ сильную позицію, еще съ большею наглостью стали посылать въ русскій лагерь и брань и пули, которыя долетали по временамъ до палатки самого Ермолова. Но онъ приказалъ не отвѣчать на выстрѣлы. Лежа на буркѣ, главнокомандующій хладнокровно угощалъ офицеровъ походною закускою, и когда ему напоминали о горцахъ, онъ небрежно говорилъ: „пусть себѣ тѣшатся!“...

А ночь спустилась на окрестность темная, холодная, ненастная. Всѣ горы освѣтились непріятельскими кострами, и долго еще оттуда невнятно доносились по вѣтру до русскаго стана ликованія и пѣсни непріятеля. Но мало по малу въ обоихъ лагеряхъ все стихло и заснуло. Не спалъ только Ермоловъ.

Онъ говоритъ въ своихъ запискахъ, что предвидѣлъ возможность огромной потери при штурмѣ этой, дѣйствительно сильной позиціи, такъ какъ и безъ того трудные всходы на гору были всѣ перекопаны и заняты многочисленнымъ непріятелемъ. Объ отступленіи не могло быть и рѣчи. Въ первый разъ появились въ этой странѣ русскія войска и притомъ съ главнокомандующимъ на челѣ: весь Дагестанъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за событіями—и малѣйшая неудача повлекла бы для русскихъ неисчислимыя бѣдствія. Тогда всѣ дагестанскіе народы встали бы какъ одинъ человѣкъ, даже шахмальство могло быть увлечено общимъ потокомъ—и русскія войска очутились бы окруженными...

Оставалось единственное средство – обойти непріятеля съ фланга.

Одинъ изъ проводниковъ, старый туземецъ, отлично знавшій окрестныя мѣста, объяснилъ Ермолову, что въ четырехъ верстахъ отъ русскаго лагеря есть дорога на горы, но такая трудная, что ее забросили даже сами туземцы, почему вѣроятно она и теперь совершенно не охраняется горцами. „Если русскіе солдаты могутъ пройти по такой дорогѣ, говорилъ проводникъ, — то я берусь вывести ихъ незамѣтно прямо въ тылъ непріятелю". Былъ уже одиннадцатый часъ ночи. Ермоловъ потребовалъ къ себѣ извѣстнаго маіора Швецова, незадолго передъ тѣмъ вырученнаго имъ изъ плѣна, приказалъ ему взять 2-й батальонъ Кабардинскаго полка съ двумя орудіями и подняться обходными тропами на гору по указанію проводника, на вѣрность котораго Ермоловъ полагался. Весь скатъ горы и самая вершина ея были покрыты дремучимъ лѣсомъ. Этотъ-то лѣсъ долженъ былъ занять Швецовъ съ своими кабардинцами, и отсюда, на самомъ разсвѣтѣ, ударить непріятелю во флангъ или въ тылъ.

— „Только смотри, братъ, сказалъ ему Ермоловъ:—чтобы не было ни единаго выстрѣла; встрѣтишь гдѣ непріятельскій караулъ— уложи его штыками, а когда будешь на вершинѣ горы,—дай сигналъ, мы тебя поддержимъ.

Швецовъ готовился было уйти, но Ермоловъ остановилъ его.

— „Да помни, прибавилъ онъ:—оттуда тебѣ нѣтъ дороги назадъ. Я долженъ найти тебя на горѣ живымъ или мертвымъ".

Швецовъ поднялъ и вывелъ изъ лагеря свой батальонъ такъ тихо, что даже солдаты сосѣднихъ частей не замѣтили движенія кабардинцевъ. Штабсъ-капитанъ Гогніевъ повелъ свою роту въ авангардѣ.

Въ ночномъ безмолвіи разыгралась буря, и страшный вой вѣтра, заглушавшій всякій звукъ, покровительствовалъ скрытному движенію отряда. На горахъ догорали костры, то вспыхивавшіе, то снова потухавшіе, и люди спали. Но Ермоловъ, желая еще болѣе отвлечь вниманіе непріятеля, приказалъ сторожевой цѣпи завязать перестрѣлку. Выстрѣлы всполошили горцевъ; они принялись отвѣчать—и ружейный огонь не прекращался уже до самаго утра. А Швецовъ между тѣмъ поднялся на гору и, незамѣтно

пробравшись по густому лѣсу, подошелъ съ навѣтренной стороны вплоть къ непріятельскимъ карауламъ. Солдаты могли видѣть, какъ лезгины, подъ охраною дремавшей стражи, безпечно спали у своихъ потухавшихъ костровъ. Батальонъ приготовился къ нападенію. И вотъ, вдругъ, въ предразсвѣтной мглѣ, грянула пушка, загрохотали барабаны, загремѣло „ура!"—и кабардинцы стремительно ударили на непріятеля. Нападеніе было такъ неожиданно, что многіе изъ горцевъ погибли подъ штыками прежде, чѣмъ успѣли проснуться; остальные въ ужасѣ бѣжали врассыпную, кто въ чемъ былъ: кто спалъ въ одеждѣ, тотъ бѣжалъ безъ оружія; кто захватилъ оружіе, тотъ бѣжалъ безъ одежды. Дорогу охранялъ братъ аварскаго хана, Хассанъ дженгутайскій — и солдаты видѣли его впереди бѣгущихъ. Въ самое короткое время непріятель исчезъ, и батальонъ твердою ногою сталъ на вершинѣ горы.

При первомъ выстрѣлѣ Швецова весь русскій лагерь поднялся на ноги. Сводный батальонъ изъ ротъ Троицкаго и 8 егерскаго полковъ бѣгомъ былъ двинутъ на поддержку Швецова. Но помощь оказалась уже излишнею: гора занята была одними кабардинцами.

Весь день войска поднимались на гору, таща за собою обозы и пушки. Только къ вечеру выбрались они на плато и заняли позицію, на которой за день передъ тѣмъ стояли лезгины. Ермоловъ благодарилъ солдатъ и приказалъ дать имъ двойную порцію водки. Около него собрался обычный кружокъ офицеровъ.

— „ Вотъ вамъ, господа, урокъ, какъ должно беречь русскую кровь, сказалъ Ермоловъ:— по вашему, надо бы было вчера положить здѣсь нѣсколько сотъ русскихъ солдатъ... А для чего? Для того, чтобы занять эту гору?.. Но вотъ мы достигли того же самаго и не потеряли ни одного человѣка". (Въ батальонѣ Швецова было только двое раненыхъ).

Ермоловъ вызвалъ впередъ штабсъ-капитана Гогніева.

— „Спасибо, Гогніевъ! сказалъ онъ: — ты съ ротою первый вошелъ на завалы, могу тебя поздравить съ Владимірскимъ крестомъ. Только смотри, братъ, не ругайся такъ, какъ вчера ночью меня ругалъ".

Понятно, что офицеры и солдаты боготворили Ермолова.

На слѣдующій день войска спустились въ Параулъ—большое селеніе, гдѣ жилъ аварскій ханъ, когда еще былъ простымъ мехтулинскимъ бекомъ. Селеніе было пусто; жители разбѣжались, и потому все имущество ихъ отдано было войскамъ на разграбленіе. Отдохнувъ въ Параулѣ, отрядъ двинулся дальше, къ Большому Дженгутаю—резиденціи мехтулинскихъ хановъ. Тогдашній ханъ, по имени Хассанъ, былъ человѣкъ уже не молодой, отличавшійся суровою ненавистью къ русскимъ и пользовавшійся за то особымъ уваженіемъ населенія. Столица его чрезвычайно живописно раскидывалась на крутомъ возвышеніи, по самой серединѣ котораго стоялъ ханскій дворецъ, имѣвшій видъ рыцарскаго замка и отличавшійся отъ прочихъ строеній величиною и узкими стрѣльчатыми окнами, пробитыми въ наружную сторону; это былъ первый шагъ къ цивилизаціи въ этихъ странахъ, гдѣ окна всегда выходили на дворъ.

Въ Дженгутаѣ ожидали русскихъ главныя силы мятежниковъ. Ихъ позиція тянулась по высокой горѣ, защищаемой окопами и засѣками; на лѣвомъ флангѣ былъ Дженгутай, на правомъ—рѣка, къ которой примыкали обширные сады, занятые также лезгинами. Эта позиція была еще сильнѣе, нежели первая, а между тѣмъ откладывать атаку на этотъ разъ было невозможно: въ шести верстахъ стоялъ акушинскій кадій съ четырехъ-тысячнымъ скопищемъ,—и всякое промедленіе дало бы ему возможность зайти русскому отряду въ тылъ и поставить его подъ перекрестный огонь.

Приказавъ двумъ кабардинскимъ ротамъ, подъ начальствомъ храбраго капитана Капырева, слѣдить за акушинцами, Ермоловъ выдвинулъ впередъ артиллерію, — и скоро картечь заставила непріятеля очистить передовые завалы; въ то же время стрѣлки выбили его изъ крайнихъ домовъ селенія. Тогда орудія подвинулись ближе. И между тѣмъ какъ снаряды громили городъ, производя страшное опустошеніе въ тѣсныхъ улицахъ, донской есаулъ Чикалевъ съ казаками обскакалъ Дженгутай и рубилъ тѣхъ, которые пытались бѣжать изъ него. Одновременно съ этимъ, шло жаркое дѣло на правомъ флангѣ, въ колоннѣ подполковника Верховскаго. Тамъ были уже акушинцы и съ ними, какъ полагали, аварскій

ханъ. Кацыревъ вынужденъ былъ подкрѣпить сражавшихся. Но въ ту минуту, какъ бой разгорался по цѣлой линіи, изъ бокового ущелья вдругъ нахлынулъ туманъ, и густыя волны его скрыли сражавшихся. Ермоловъ тотчасъ рѣшилъ воспользоваться мглою; онъ приказалъ начальнику штаба полковнику Вельяминову штурмовать главную позицію—и въ одну минуту русская пѣхота, штыками выбивъ лезгинъ, заняла окопы. Часть непріятеля, будучи отрѣзана, кинулась въ городъ и засѣла въ мечети. Солдаты ворвались за ними и перекололи защитниковъ. Тогда аварскій ханъ, братъ его, мехтулинскій владѣлецъ, и знаменитый въ горахъ своею ученостью мулла Сеидъ-эфенди, проповѣдывавшій возстаніе, бѣжали въ горы. Большой Дженгутай былъ отданъ войскамъ на разграбленіе. Та же участь постигла на слѣдующій день и Малый Дженгутай, заблаговременно покинутый жителями.

Бой стоилъ русскимъ трехъ офицеровъ и 50 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными.

Въ Дженгутаѣ получено было извѣстіе, что и отрядъ Пестеля исправилъ первую свою неудачу: онъ снова занялъ Башлы и за измѣну жителей истребилъ городъ до основанія.

Впрочемъ, и этою удачею въ Башлахъ русскія войска обязаны были собственно не Пестелю. Нужно сказать, что Пестель только что былъ назначенъ военно-окружнымъ начальникомъ въ Дагестанъ на мѣсто генералъ-маіора Тихановскаго, слабымъ управленіемъ котораго не былъ доволенъ Ермоловъ. Но боевыя заслуги Тихановскаго были извѣстны цѣлому краю, и если административная дѣятельность его не была настолько же блестяща, какъ военные подвиги, то во всякомъ случаѣ замѣна его генераломъ Пестелемъ оказалась весьма неудачною. Самъ Ермоловъ говоритъ, что, во время перваго пребыванія въ Башлахъ, Пестель раздражалъ жителей самымъ оскорбительнымъ распутствомъ и постоянно былъ пьянъ; вотъ почему онъ и не видѣлъ, что жители находятся въ явныхъ сношеніяхъ съ мятежниками и вывозятъ изъ города имущество. Старшій же по немъ командиръ Севастопольскаго полка, подполковникъ Рябининъ, „во всѣхъ упражненіяхъ былъ лучшимъ ему товарищемъ“.

Слабость и неспособность Пестеля были таковы, что онъ и на этотъ разъ едва не погубилъ дѣла. Получивъ предписаніе Ермолова снова занять Башлы, онъ медлилъ выступленіемъ, ссылаясь на недостатокъ продовольствія, и повиновался только вторичному строгому напоминанію. Двигаясь къ Башламъ, - какъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Карягинъ,—отрядъ въ одной лѣсистой мѣстности наткнулся на непріятеля. Этого было довольно, чтобы Пестель приказалъ отступить. Тогда командиръ артиллерійской роты, полковникъ Мищенко, доложилъ генералу, что если войска сдѣлаютъ шагъ назадъ, то понесутъ такое же пораженіе, какъ и въ Башлахъ. Но когда доводы его не были уважены, Мищенко твердо сказалъ ему: „Генералъ! если вы не надѣетесь разбить непріятеля, или опасаетесь за собственную жизнь, въ такомъ случаѣ не угодно ли вамъ остаться при вагенбургѣ, подъ прикрытіемъ одного батальона, а остальными предоставьте распорядиться мнѣ“... И Пестель былъ настолько малодушенъ, что сложилъ съ себя команду. Тогда Мищенко смѣло пошелъ на завалы, разбилъ непріятеля,— и послѣдствіемъ этой побѣды было то, что Башлы, покинутые жителями, взяты были безъ боя. Храбрый Мищенко получилъ въ послѣдствіи крестъ св. Георгія, былъ произведенъ въ полковники и получилъ въ командованіе Апшеронскій пѣхотный полкъ. Пестель же отчисленъ былъ по армейской пѣхотѣ и высланъ Ермоловымъ въ Россію.

„Пестелю и подполковнику Рябинину, писалъ въ то же время Ермоловъ къ князю Волконскому, бывшему тогда начальникомъ главнаго штаба:—далъ я назначенія по наилучшимъ о нихъ свидѣтельствамъ, и таковыми обмануть будучи, представилъ я ихъ обоихъ къ награжденію за сраженіе при Башлахъ, въ которомъ они не были“...

Съ занятіемъ Башлы и Дженгутая на обоихъ пунктахъ борьбы торжество Ермолова было полное.

Слухъ о пораженіи дагестанцевъ мгновенно облетѣлъ всѣ горы до отдаленнѣйшихъ ущелій. Горцы, никогда не видѣвшіе въ своихъ селеніяхъ русскихъ войскъ, были въ страхѣ,—идея о неприступности ихъ жилищъ исчезла. Окрестности были пусты на да-

лекое разстояніе; но русскіе остановились и дальше Дженгутая не шли. Это мало по малу ободрило населеніе, и старшины окрестныхъ деревень стали являться съ просьбой о помилованіи. Ермоловъ встрѣчалъ ихъ грозною рѣчью.

— „Знаете ли, говорилъ онъ:—противъ кого вы осмѣлились поднять оружіе? Знаете ли вы все могущество русскаго императора?“

На горцевъ обнаруживали вліяніе и самая фигура главнокомандующаго, грозная и величественная, и суровый взглядъ его, пронизывавшій присутствующихъ. „Невольно,—говоритъ одинъ изъ участниковъ этого похода:—глядя на эти черты, отлитыя въ исполинскую форму старины, воображеніе переносилось ко временамъ римскаго величія. Это бытъ настоящій проконсулъ Кавказа. Не даромъ про него сказалъ поэтъ:

Бѣги лезгинецъ—блещетъ мечъ
Карателя Кубани,
Его дыханье—градъ картечъ,
Глаголъ—перуны брани;
Окрестъ угрюмаго чела
Толпятся роки боя,
Взглянулъ—и гибель протекла
За маніемъ героя.

Однако-же Ермоловъ снисходительно принималъ горцевъ: „Мнѣ—говоритъ онъ въ запискахъ:—приличествовало даровать пощаду“. И тѣмъ не менѣе метхулинцамъ было объявлено, что ханъ ихъ лишается владѣнія, и что никто изъ народа не долженъ повиноваться ему, какъ измѣннику.

Все, что составляло въ Мехтулѣ удѣлъ аварскаго хана, было конфисковано; его богатый домъ въ Параулѣ былъ разрушенъ до основанія, его деревни: Кака-Шура, Параулъ, Дургели и Урма переданы во владѣніе шамхала тарковскаго. Изъ остальныхъ селеній Мехтулинскаго ханства образовано особое приставство, подъ управленіемъ русскаго офицера войсковаго старшины Якова Батырева. Самостоятельность Метхулинскаго ханства исчезла навсегда и знаменитый дворецъ хановъ въ Дженгутаѣ сравненъ съ землею.

„Возмутившіеся“—писалъ Ермоловъ со своею обычною ироніею

къ одному изъ пріятелей:—„наказаны, и вознаграждены сохранившіе намъ вѣрность. Одному изъ сихъ послѣднихъ (шамхалу) далъ я въ управленіе 16 тысячъ душъ съ обширной и прекрасной страною. Такъ награждаетъ проконсулъ Кавказа“.

Въ селеніи Карабудагъ-Кентѣ впервые представился Ермолову прибывшій изъ Дербента шамхалъ тарковскій. Привыкши слышать о пышности главнокомандующихъ Кавказа, онъ удивлялся неприхотливой жизни и простой одеждѣ Ермолова. Короче познакомившись съ нимъ, онъ самъ говорилъ ему, что сначала не почиталъ его даже настоящимъ начальникомъ, думая, что подъ своимъ именемъ Ермоловъ прислалъ другаго генерала. „Всякія нелѣпости находятъ мѣсто въ головахъ здѣшнихъ жителей“, замѣчаетъ Ермоловъ.

Съ этихъ поръ вліяніе аварскаго хана въ говахъ значительно падаетъ. Онъ поспѣшилъ написать письмо къ главнокомандующему, стараясь оправдать свое поведеніе и прося прощенія.—„Нѣтъ прощенія подлымъ измѣнникамъ“, отвѣчалъ Ермоловъ - и именемъ государя лишилъ его генеральскаго чина и получаемаго содержанія.

Ермоловъ зналъ цѣну одержанныхъ имъ побѣдъ и понималъ безпристрастно значеніе средствъ, на нихъ употребленныхъ. „Ты не удивишься,—писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ частныхъ писемъ:—когда скажу тебѣ объ употребленныхъ средствахъ. Въ мѣстахъ, гдѣ я былъ, въ первый разъ слышенъ былъ звукъ пушекъ. Такое убѣдительное доказательство правъ нашихъ не могло не оставить выгодъ на моей сторонѣ. Весьма любопытно видѣть первое дѣйствіе сего невиннаго средства надъ сердцемъ человѣка, и я уразумѣлъ, сколько полезно владѣть первымъ, если не вдругъ можно пріобрѣсти послѣднее“.

Въ горахъ все еще ждали, что Ермоловъ двинется дальше; но онъ возвратился на линію. Окончательный расчетъ съ акушинцами былъ отложенъ до слѣдующаго года.

Такъ окончился знаменитый дагестанскій походъ 1818 года.

XV.

Покореніе Каракайтага

въ 1819 году.

1819 годъ въ Дагестанѣ начался при неблагопріятныхъ предзнаменованіяхъ. Погромъ Мехтулы и снятіе ея съ карты независимыхъ дагестанскихъ странъ не образумили дагестанцевъ, и всю зиму волненіе въ горахъ не прекращалось. Персія искусно поддерживала возстаніе и, какъ было извѣстно, отправила Шихъ-Али-Хану четыре тысячи тумановъ золота, около 20 тысячъ рублей серебромъ на наши деньги, для найма войска. Но ведя между собою дѣятельные переговоры о предстоящей войнѣ, хитрые дагестанскіе ханы въ то же время осаждали Ермолова дружескими письмами, жалуясь на то, что „ихъ непоколебимая вѣрность русскимъ остается безъ воздаянія". — „Со всѣми ими, говоритъ Ермоловъ:—я былъ въ пріязненной перепискѣ въ ожиданіи удобнаго случая воздать каждому изъ нихъ по заслугамъ".

Такъ наступило лѣто 1819 года. И вотъ, въ то время, какъ русскія войска воздвигали на Кумыкской плоскости крѣпость Внезапную, дагестанцы собрались въ значительныхъ силахъ, чтобы

препятствовать постройкѣ ея и вобще напасть на русскія владѣнія. Между ними было условлено, что Хассанъ дженгутайскій пойдетъ на Казіюртъ, аварскій ханъ къ Андреевской деревнѣ, а Шихъ-Али-Ханъ и Абдулла-Бекъ ерсинскій овладѣютъ Кюрой и Кубинской провинціей. Сильные акушинцы съ своей стороны угрожали тѣмъ, которые хотѣли оставаться вѣрными русскимъ. Преданный Ермолову кадій табасаранскій былъ убитъ заговорщиками. Асланъ-Ханъ кюринскій и шамхалъ тарковскій готовились къ оборонѣ. Сообщенія Кавказской линіи съ Дербентомъ между тѣмъ прекратились и торговля совершенно остановилась. „Такъ было и прежде, доносилъ Ермоловъ:—и конечно ничего не будетъ хуже того, что было при послѣднихъ моихъ предмѣстникахъ; но не въ моихъ правилахъ терпѣть, чтобы власть государя моего была неуважаема разбойниками". И онъ приготовлялся наказать ихъ.

Опасность угрожала всего болѣе югу Приморскаго Дагестана, — богатой Кубинской провинціи, на которую должны были пасть первые удары мятежниковъ. Среди кубинцевъ собственно нельзя было ожидать волненій; напротивъ, сами они образовали изъ себя конную пограничную стражу, служить въ которой считалось большимъ и не для всѣхъ доступнымъ почетомъ. Но о защитѣ провинціи отъ внѣшнихъ враговъ приходилось подумать серьезно. И малочисленность войскъ, которыми русскіе могли располагать для прикрытія границъ со стороны Дагестана, была не единственнымъ затрудненіемъ: нужно было еще отыскать надежнаго вождя, который своею опытностью, отвагой и предпріимчивостью могъ бы сдѣлать не чувствительною малочисленность этого войска. Прошлогоднее назначеніе Пестеля показало Ермолову, какая нужна осторожность въ выборѣ такого начальника. Смѣнившій Пестеля, генералъ Вреде, человѣкъ достойный, съ замѣчательными способностями, также не былъ удобенъ для этого назначенія, какъ не имѣющій за собою боевой репутаціи. Выборъ Ермолова остановился на генералъ-маіорѣ князѣ Мадатовѣ, военно-окружномъ начальникѣ ханствъ Шекинскаго, Ширванскаго и Карабагскаго.

Мадатовъ былъ самъ уроженецъ Карабага. Онъ вступилъ въ

русскую службу съ молодыхъ лѣтъ и теперь былъ въ апогеѣ своей боевой извѣстности. Командуя въ наполеоновскихъ войнахъ славнымъ Александрійскимъ гусарскимъ полкомъ, онъ уже въ чинѣ полковника носилъ Георгія на шеѣ и бриллiантовую саблю. Это былъ одинъ изъ выдающихся дѣятелей той громкой военной эпохи. Самое назначеніе его на Кавказъ состоялось по личной просьбѣ Ермолова, который и поручилъ ему въ управленіе мусульманскія ханства. Знаніе языковъ и обычаевъ страны, рядомъ съ необычайною храбростью, предпріимчивостью и представительною наружностью, дѣлали его незамѣнимымъ въ сношеніяхъ съ горцами. Лучшаго выбора, какъ показали послѣдствія, сдѣлать было невозможно.

Въ началѣ августа, въ селеніи Исталярѣ, Мадатовъ принялъ начальство надъ экспедиціоннымъ отрядомъ, назначеннымъ для охраны Кубинской провинціи. Весь этотъ отрядъ состоялъ всего изъ двухъ батальоновъ пѣхоты Севастопольскаго и Троицкаго полковъ, трехсотъ линейныхъ казаковъ и шести орудій пѣшей и двухъ—конной артиллеріи. Зная, какъ недостаточно этихъ силъ для предстоявшей борьбы съ Дагестаномъ, Мадатовъ рѣшилъ воспользоваться своимъ вліяніемъ на жителей мусульманскихъ провинцій, порученныхъ его управленію, и успѣлъ склонить ихъ выставить изъ каждаго ханства конныя дружины охотниковъ. И скоро изъ Карабага, Ширвани и Шеки, дѣйствительно, прибыли къ нему нѣсколько сотенъ превосходной азіятской конницы. Это былъ первый, неслыханный дотолѣ примѣръ, что мусульмане русскихъ провинцій шли въ рядахъ русскаго войска противъ Дагестана, т. е. противъ своихъ же единовѣрцевъ,—и притомъ шли не по найму, а добровольно, на собственный счетъ, ничего не прося и ничего не стоя нашему правительству. Ермоловъ въ шутку называлъ ихъ иностранными легіонами.

Несмотря на это увеличеніе, экспедиціонный отрядъ оставался настолько малъ, что Ермоловъ не считалъ возможнымъ вести съ нимъ наступательныя дѣйствія. „Ты, вѣрно, уже пришелъ съ иностранными твоими легіонами,—писалъ онъ къ Мадатову:—теперь надо ограничиться наблюденіемъ за Табасаранью. Ежели аку-

шинцы, которые по глупости своей думаютъ себя въ правѣ во все мѣшаться, обратятся къ тебѣ съ своими бумагами и посланцами, то отвѣчай имъ, что безъ приказанія моего не можешь вступить съ ними ни въ какія объясненія, но только знаешь, что будешь истреблять всѣхъ, которые осмѣлятся дѣлать вредъ подданнымъ Государя".

Мадатовъ однако понималъ свое положеніе и свою задачу иначе. Онъ видѣлъ необходимость перенести военныя дѣйствія на вражескую землю и, какъ только собрались войска, онъ ночью,— внезапнымъ, форсированнымъ движеніемъ проникъ въ Табасарань и занялъ крѣпкую позицію въ селеніи Марагѣ.

Табасарань, длинная, примыкающая къ морю полоса земли, расположившаяся около Дербента между Каракайтагомъ и Кюринскимъ ханствомъ, уже со времени занятія русскими войсками Дербента подпала подъ вліяніе и зависимость отъ Россіи, которая однако не коснулась внутренняго распорядка этой провинціи. Но именно это обстоятельство и повлекло за собою сначала междоусобія, а потомъ и необходимость уничтоженія ея самостоятельности. Управленіе Табасаранью прежде, въ теченіе долгаго періода времени, сосредоточивалось въ лицѣ майсума—титулъ, переходившій наслѣдственно въ одной извѣстной фамиліи. Это важное въ Дагестанѣ достоинство, вмѣстѣ съ достоинствомъ шамхаловъ и уцміевъ, составляетъ памятникъ могущества въ этомъ краѣ аравитянъ. Существуетъ преданіе, что арабы, обративъ въ магометанство жителей Табасарани, большая часть которыхъ были потомки древнихъ евреевъ, назначили правителемъ этой страны одного добродѣтельнаго и набожнаго человѣка изъ арабскаго войска, по имени Махмедъ-Майсума, а въ помощь ему дали двухъ кадіевъ, подчинивъ однакоже его, также какъ уцмія каракайтагскаго, Шахбалу—правителю казикумыковъ. Отъ имени Махмеда-Майсума и производится титулъ майсумовъ. Въ теченіе многихъ вѣковъ послѣ арабовъ, порядокъ этотъ оставался безъ измѣненія; впослѣдствіи же кадіи воспользовались слабостію нѣкоторыхъ майсумовъ и стали отъ нихъ независимы. Табасарань раздѣлилась южная осталась подъ управленіемъ майсумовъ, сѣверная—стала

управляться кадіями, которые становились все сильнѣе и сильнѣе майсумовъ и, вѣроятно, совершенно поглотили бы древнее могущество и права послѣднихъ, если бы страна скоро не перешла подъ власть Россіи. Волненія 1819 года частію даже и стояли въ зависимости отъ вражды членовъ династіи майсумовъ съ представителями фамиліи кадіевъ.

Въ этой-то странѣ, и главнымъ образомъ въ Сѣверной Табасарани, гдѣ мятежники, какъ сказано, убили кадія, теперь и приходилось дѣйствовать Мадатову. Испуганные внезапнымъ появленіемъ русскаго войска, жители, уже готовые къ возстанію, очутились въ нерѣшительности, не знали, что предпринять. Ихъ старшины и выборные отъ селеній поскакали для общаго совѣщанія въ Хошни, принадлежавшія зятю бѣглаго Шихъ-Али-Хана, Абдулъ-Беку ерсинскому, и тамъ собралось по этому случаю нѣсколько тысячъ мятежниковъ. Мадатовъ рѣшилъ немедленно напасть на сборище и, захвативъ въ свои руки коноводовъ мятежа, однимъ ударомъ покончить съ Сѣверною Табасаранью. Въ ночь съ 13 на 14 августа онъ выступилъ съ отборною частью конницы и пѣхоты, расположивъ остальныя войска въ укрѣпленномъ вагенбургѣ, составленномъ изъ обозовъ.

До селенія Хошни было тридцать верстъ. Это пространство нужно было пройти въ теченіе ночи, — иначе непріятель самъ могъ запереть отрядъ въ тѣснинѣ, гдѣ Мадатову уже пришлось бы драться за собственную свободу. Въ минувшемъ столѣтіи подобный случай уже былъ съ отрядомъ храбраго Криднера, едва не погибшаго въ горахъ Каракайтага, и спасшагося только тѣмъ, что непріятель почему-то не осмѣлился его преслѣдовать; но пушки тогда были брошены и составили трофей непріятеля. Мадатовъ зналъ изъ разсказовъ туземцевъ, въ какой неприступной мѣстности лежатъ аулы ерсинскаго бека, и потому-то именно онъ и взялъ не цѣлый отрядъ, а только отборныхъ людей, на желѣзныя силы которыхъ, на волю и безусловную храбрость могъ вполнѣ положиться. Ночь была темная, дороги неизвѣстныя; узкія ущелья, въ которыхъ отрядъ растягивался въ нитку, и бездонные каменистые овраги чередовались съ крутыми заоблачными

подъемами и отвѣсными спусками, покрытыми вѣковымъ дремучимъ лѣсомъ. Войска шли быстро, безъ отдыха и, въ глубокомъ молчаніи, на рукахъ перетаскивали пушки тамъ, гдѣ имъ нельзя было проѣхать. Гдѣ начинались камни—колеса обертывались солдатскими шинелями, а конница разъѣзжалась врознь, чтобы шумъ движенія не могъ предупредить непріятеля о приближеніи этой горсти отважныхъ.

На разсвѣтѣ отрядъ уже стоялъ на вершинѣ высокой горы, окутанной облаками; крутой и лѣсистый спускъ велъ отсюда прямо къ селенію Хошни, гдѣ въ густой, предразсвѣтной мглѣ осѣвшаго въ долинѣ тумана мерцало множество потухавшихъ огней. Это и былъ непріятельскій бивуакъ, до котораго еще оставалось версты четыре. Нетерпѣніе начинало овладѣвать войсками; татарская конница и казаки пошли впередъ на рысяхъ; пѣхота, забывая усталость, не отставала отъ конницы. Но вотъ татары пустились маршъ-маршъ, и быстро обскакали и бивуакъ и селеніе.

Пальба, стоны и дикіе крики раздались со всѣхъ сторонъ. Конница стремительнымъ ударомъ ворвалась въ непріятельскій станъ и произвела въ немъ полное смятеніе. Горцы, устрашенные внезапнымъ нападеніемъ, бросились бѣжать черезъ единственное ущеліе, которое еще не успѣли захватить русскіе. Убитыхъ и раненыхъ у непріятеля было не много, такъ какъ все дѣло окончилось первымъ натискомъ конницы; но въ числѣ пострадавшихъ былъ самъ Абдуллъ-Бекъ ерсинскій: подъ нимъ была убита лошадь, самъ онъ былъ раненъ пикою, и хотя успѣлъ спастись, но конвой его былъ изрубленъ и знамя его захвачено. Мадатовъ приказалъ оставить селеніе Хошни въ цѣлости и только одинъ домъ Абдуллы-Бека былъ сожженъ и садъ его истребленъ до основанія — наказаніе, которому по обычаю края подвергаются измѣнники. Отрядъ расположился бивуакомъ, готовый по первой тревогѣ двинуться туда, гдѣ показались бы вооруженныя скопища. Но вмѣсто нихъ на другой день старшины шести табасаранскихъ магаловъ явились съ повинною головою. Мадатовъ торжественно, именемъ императора, объявилъ имъ прощеніе и назначилъ на мѣ-

сто убитаго кадія правителемъ зятя шамхала тарковскаго, Абдуллъ-Разахъ-Бека. Вольная Табасарань, при громѣ пушекъ, приведена была къ присягѣ на вѣрность русскому государю.

Здѣсь же, у селенія Хошни, Мадатовъ получилъ извѣстіе, что и другая часть его отряда, оставленная имъ въ вагенбургѣ, въ деревнѣ Марагѣ, имѣла удачное дѣло съ непріятелемъ. Храбрый маіоръ Износковъ—герой Башлынскаго сраженія—сдѣлалъ весьма удачный набѣгъ на сел. Туруфъ, гдѣ жилъ одинъ изъ главныхъ коноводовъ движенія, Гирей-Бекъ казанищскій, который и бѣжалъ въ горы. Съ бѣгствомъ Гирея потухла и послѣдняя искра готовившагося возстанія.

Такъ, однимъ рѣшительнымъ и смѣлымъ ударомъ и почти безъ пролитія крови—усмирена была вся Табасарань.

Ермоловъ былъ чрезвычайно доволенъ дѣйствіями Мадатова. „Цѣлую тебя, любезный мой Мадатовъ, и поздравляю съ успѣхомъ—писалъ онъ ему:—ты предпринялъ дѣло смѣлое и кончилъ его славно“.

Но въ то же время Ермоловъ видимо страшился за слишкомъ рискованныя дѣйствія, боялся увлеченій со стороны Мадатова и, намекая ему на необходимость держаться болѣе оборонительнаго образа дѣйствій, писалъ къ нему между прочимъ:

„Нѣкоторое время долженъ я, любезный князь Валеріанъ Григорьевичъ, стѣснить твою дѣятельность, но сего требуютъ обстоятельства. Потерпи немного, недалеки случаи, гдѣ службѣ Царя нашего полезна будетъ храбрость твоя и усердіе“.

Но Мадатову виднѣе было положеніе края, и въ его умѣ уже созрѣлъ планъ покоренія Каракайтага.

1-го сентября 1819 года онъ перешелъ изъ Мараги въ Дербентъ и расположился впереди его лагеремъ при редутѣ Дарбахѣ, на большой дорогѣ, ведущей къ Таркамъ. Правый флангъ его примыкалъ къ берегу Каспійскаго моря, и, такимъ образомъ, отрядъ въ одно и то же время прикрывалъ Табасарань и угрожалъ селеніямъ буйныхъ каракайтагцевъ.

На сѣверъ отъ Дербента, занимая большую часть Каспійскаго побережья вплоть до владѣній шамхала тарковскаго, лежало Ка-

ракайтагское уцмійство. Оно состояло собственно изъ двухъ частей: Нижняго Каракайтага или Терекеме, лежащаго по берегу Каспійскаго моря, и Верхняго, или Горнаго, примыкавшаго къ владѣніямъ народовъ Даргинскаго союза и Казикумыкскаго ханства. Въ то время Каракайтагъ въ сущности еще былъ совершенно независимъ и сохранялъ политическое устройство, оставленное ему арабами. Преданія говорятъ, что въ исходѣ VIII столѣтія, послѣ того, какъ Казикумыкъ покорился арабамъ и принялъ исламъ, аравійское войско вошло въ Каракайтагъ. Здѣсь оно встрѣтило упорное сопротивленіе; но послѣ многихъ кровавыхъ битвъ, часть жителей была истреблена, а остальная искала спасенія въ покорности и также обратилась въ исламъ. Арабы поставили въ странѣ своего правителя Эмиръ-Хамзе съ титуломъ уцмія, и съ тѣхъ поръ титулъ этотъ считался въ Дагестанѣ по старшинству вторымъ послѣ шамхаловъ.

Въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія, каракайтагскимъ уцміемъ сдѣлался нѣкто Адиль-Гирей-Ханъ, человѣкъ безпокойный, коварный, подозрительный и осторожный. Когда Дербентъ подпалъ подъ власть Россіи,—вынужденъ былъ признать зависимость свою и Каракайтагъ. Но въ сущности, зависимость эта долго оставалась чисто номинальною. Уцмій не только не платилъ дани, но даже не отвѣчалъ за безопасность путей черезъ его владѣнія, и ни одинъ русскій не могъ переступить границъ Каракайтага иначе, какъ подъ прикрытіемъ сильнаго конвоя. Адиль-Ханъ самъ почти открыто содержалъ на жалованьи шайки хищниковъ, грабившихъ русскіе предѣлы, и помогалъ Шихъ-Али-Хану поддерживать старинныя связи въ Кубинской провинціи.

Скрывая непримиримую ненависть къ русскимъ, уцмій тяготился однакоже и тѣнію зависимости. Изъ политическихъ видовъ онъ избѣгалъ сношеній съ русскими, и если рѣшался видѣться съ кѣмъ-либо изъ генераловъ, то непремѣнно на такихъ условіяхъ, чтобы свиданіе происходило въ полѣ и въ присутствіи многочисленныхъ его тѣлохранителей. Странное поведеніе свое онъ объяснялъ тѣмъ, что связанъ страшною клятвою, данной еще въ лѣта своей юности, никогда не въѣзжать ни въ одинъ изъ

русскихъ городовъ, — не только въ Кизляръ или въ Тифлисъ, но даже въ сосѣдній мусульманскій Дербентъ.

Дѣйствительно, всему Каракайтагу извѣстна была эта клятва; но происхожденіе ея объясняли весьма различно. По разсказамъ самого уцмія, правившій Каракайтагомъ старшій братъ его, Али-Ханъ, желая удержать наслѣдственныя права на уцмійство за своимъ потомствомъ, заключилъ съ русскими тайное условіе, по которому онъ, Адиль-Гирей, при первомъ же удобномъ случаѣ былъ бы выданъ русскимъ и заключенъ въ крѣпость. Эти-то обстоятельства будто бы и побудили его тогда дать всенародную клятву — не ѣздить ни въ одинъ изъ городовъ, находившихся подъ властью Россіи. Другіе объясняли однако дѣло иначе. Говорили, что старый уцмій Али-Ханъ, также скрывавшій, подъ личиною преданности, непримиримую вражду къ Россіи и бывшій весьма дѣятельнымъ участникомъ въ разбояхъ на русской границѣ, опасался, чтобы братъ его, посѣщая Дербентъ, не выдалъ его тайныхъ дѣлъ, почему и заставилъ его всенародно, въ мечети, произнести клятву никогда не видѣться съ русскими. Такъ или иначе, но клятва эта стала находкою для самого Адиль-Гирея, когда онъ сдѣлался уцміемъ. Прикрываясь ею, онъ искусно маскировалъ многіе изъ своихъ поступковъ и, ненавидя русскихъ нисколько не меньше своего предмѣстника, уклонялся отъ сношенія съ русскими властями тамъ, гдѣ это было ему выгодно.

До Ермолова, особенно при слабомъ управленіи Ртищева, уцмію многое сходило съ рукъ безнаказанно; но когда явился Ермоловъ, и Дагестанъ почувствовалъ на себѣ его желѣзную власть, уцмій понялъ, что старые пріемы политики больше неумѣстны, и началъ искать самаго, повидимому, искренняго сближенія съ главнокомандующимъ, стараясь, конечно, извлечь отсюда возможныя выгоды.

Нужно сказать, что по смерти брата своего, уцмія Али-Хана, Адиль-Гирей истребилъ весь его родъ и приверженцевъ, съ цѣлію завладѣть ихъ богатствами. Гоненія, воздвигнутыя тогда на семью покойнаго брата, заставили и другихъ его племянниковъ, дѣтей его родной сестры, бывшей въ замужествѣ за Муртазали-бекомъ

въ Казикумыкѣ,—бѣжать и отдаться подъ покровительстоо аварскаго хана. Это была старшая линія Каракайтагскаго дома, имѣвшая теперь, послѣ ссылки Бала-Хана въ Сибирь, представителемъ своимъ талантливаго 17-лѣтняго брата его Эмиръ-Гамзу, пользовавшагося большою любовью въ народѣ. И уже по этому самому онъ не могъ не казаться опаснымъ подозрительному Адиль-Гирею, тѣмъ болѣе, что послѣ смерти послѣдняго достоинство уцмія должно было перейти именно къ Эмиръ-Гамзѣ, какъ старшему въ родѣ.

Тогда Адиль-Ханъ, отказавшись отъ открыто враждебныхъ дѣйствій противъ русскихъ, задумалъ попытаться, путемъ сближенія съ ними, устроить такъ, чтобы еще при жизни упрочить власть за своими сыновьями.

И вотъ, ссылаясь все на ту же будто бы тягостную клятву, которая затрудняла его добрыя сношенія съ русскими, Адиль-Гирей обратился къ Ермолову съ просьбою сложить съ него званіе уцмія и уволить въ Мекку, гдѣ онъ намѣренъ посвятить остатокъ своихъ дней молитвѣ, достоинство же уцмія передать его сыну, Мамедъ-Беку, незадолго передъ тѣмъ женившемуся на дочери шамхала. Планъ, искусно задуманный, поставилъ многихъ въ недоумѣніе. Но Ермоловъ проникъ въ истинныя намѣренія уцмія и не только отказалъ ему въ просьбѣ, но сдѣлалъ распоряженіе, ежели бы уцмій самовольно задумалъ отправиться въ Мекку,—задержать его въ Бакинской крѣпости. Въ то же время двуличное поведеніе Адиль-Гирея въ событіяхъ 1818 года, когда онъ допустилъ акушинцевъ напасть на русскій отрядъ въ Башлахъ, вынудило Ермолова принять противъ него болѣе рѣшительныя мѣры, и сынъ его Мамедъ-Бекъ, взятый въ аманаты, былъ отправленъ въ Дербентъ.

Наступилъ тревожный 1819 годъ, и роль уцмія становилась все труднѣе и труднѣе. Съ одной стороны Дагестанъ требовалъ присоединенія его къ союзу, съ другой—Ермоловъ зорко слѣдилъ за его поведеніемъ. Но уцмій, повидимому, надѣялся избѣгнуть представившихся ему подводныхъ камней хитростію, и, ведя дѣятельные переговоры съ мятежниками, онъ въ то же время старался поставить себя даже внѣ всякихъ подозрѣній, извѣщая Ермолова

о замыслахъ аварскаго хана, будто бы домогавшагося истребить Каракайтагскій домъ. Но Ермоловъ совершенно понималъ двойную игру уцмія. „Благодарю за письмо ваше,—писалъ онъ къ нему:— въ которомъ увѣдомляете меня о дѣлахъ дагестанскихъ. Знаю, что подлый измѣнникъ аварскій ханъ возмущаетъ народы, но не вижу, какую причину могутъ имѣть сіи народы желать истребить васъ, ибо они въ подвластныхъ вашихъ имѣютъ вѣрныхъ товарищей въ злыхъ намѣреніяхъ противу русскихъ".

Уцмій старался прежде всего выручить сына и, увѣряя въ своей вѣрности, просилъ Ермолова назначить ему въ помощники старшаго сына, ручаясь въ этомъ случаѣ удержать спокойствіе въ Каракайтагѣ. Ермоловъ отвѣчалъ: „въ прошломъ году сынъ вашъ былъ при васъ и народъ каракайтагскій весь возмутился противъ своего государя. Не сынъ вашъ, какъ человѣкъ молодой, а ваше высокостепенство должны управлять народомъ".

Всеобщее возмущеніе и погромъ Мадатовымъ Табасарани сдѣлали невозможными нерѣшительныя положенія и двойную игру. Въ самомъ Каракайтагѣ, именно въ Каракайтагѣ Нижнемъ, въ селеніяхъ, подвластныхъ Эмиръ-Гамзѣ, Ибахъ-Беку и другимъ, собирались шайки — и уцмію приходилось стать на ту или на другую сторону, тѣмъ болѣе, что Ермоловъ писалъ ему, что „не такимъ, какъ его, поведеніемъ доказывается вѣрность государю, и что того не довольно, чтобы явно не участвовать въ намѣреніяхъ непріятеля, но должно вѣрноподданному быть явно противъ оныхъ". Разгаданный Ермоловымъ, уцмій однакоже не могъ стать и прямо на сторону возстанія: князь Мадатовъ стоялъ уже на границѣ Каракайтага, а сынъ уцмія былъ аманатомъ въ Дербентѣ, и, такимъ образомъ, страхъ близкой грозы и страхъ за участь сына связывали дѣйствія уцмія.

Обстоятельства между тѣмъ не ждали. Усилившись табасаранскою конницею, добровольно ставшею теперь подъ русскія знамена, Мадатовъ, въ ночь съ 3-го на 4-е сентября, форсированнымъ маршемъ прошелъ черезъ терекеменскія селенія—и на свѣту былъ уже въ аулахъ Ибахъ-Бека. Подполковникъ Мищенко съ пѣхотою и казаками атаковалъ селеніе Бекерей, Мадатовъ съ татар-

скою конницею — Улу-Терекеме. И здѣсь и тамъ мятежники, не ожидавшіе удара, были разбиты на голову. Самъ Ибахъ-Бекъ, преслѣдуемый казаками, былъ раненъ пикою въ бокъ, и только благодаря лѣсистой мѣстности успѣлъ скрыться. Между тѣмъ карабагская конница и часть кюринцевъ преслѣдовали семейства жителей, уходившихъ къ Башламъ, и послѣ упорной борьбы, почти подъ стѣнами города, отбили до 500 арбъ, наполненныхъ дѣтьми и женщинами».

„Изъ послѣднихъ дѣйствій вашихъ—писалъ по этому поводу Ермоловъ къ князю Мадатову:—сужу я, что долженъ быть большой страхъ между врагами нашими, ибо и добыча досталась войскамъ богатая, и, что всего болѣе,—захвачены жены и дѣти. Здѣсь рѣдки весьма подобные случаи, и потому должны производить полезное впечатлѣніе. Потеря имущества не легко и не скоро вознаграждается.

Въ этихъ крайнихъ обстоятельствахъ уцмій уговорилъ сына бѣжать изъ Дербента. Молодой бекъ создалъ самый простой планъ побѣга: онъ сталъ прорубать стѣну дома, въ которомъ жилъ, чтобы уйти, не встрѣтясь со стражею. Но хозяинъ этого дома, человѣкъ вѣрный, да притомъ понимавшій, что можетъ поплатиться за аманата своею головою, извѣстилъ обо всемъ коменданта,—и замыслы Мамедъ-Бека рушились. Онъ былъ арестованъ и преданъ суду.

Уцмій, до сихъ поръ упрямо отказывавшійся отъ свиданія съ русскими начальниками, теперь, узнавъ о тяжкомъ наказаніи, ожидавшемъ его сына за попытку къ побѣгу, самъ просилъ князя Мадатова дать ему свиданіе, выговоривъ только, чтобы оно происходило внѣ городской черты, въ дербентскихъ садахъ. Мадатовъ воспользовался этими обстоятельствами съ тонкимъ расчетомъ и знаніемъ азіятскихъ нравовъ. Онъ принялъ уцмія съ восточною пышностью, показывалъ ему войска, ласкалъ его, а за обѣдомъ, при громѣ пушекъ, русскіе пили здоровье Адиль-Хана. Чтобы побѣдить недовѣрчивость уцмія, Мадатовъ поднесъ ему богатые подарки и не только простилъ сына, но даже позволилъ тому возвратиться къ отцу. Уцмій съ своей стороны обѣщалъ содѣй-

ствіе въ усмиреніи мятежа и, дѣйствительно, выслалъ часть своихъ войскъ въ русскій лагерь.

Мадатовъ, конечно, не разсчитывалъ на вѣрность уцмія и своимъ великодушіемъ хотѣлъ только обнаружить совершенно двойственныя дѣйствія его передъ его же подданными; по отношенію же къ этимъ послѣднимъ приняты были имъ мѣры, которыя могли бы обезоружить самыхъ непримиримыхъ враговъ: ни одно изъ терекеменскихъ селеній не было разрушено, женщины и дѣти, захваченныя татарскою конницею, возвращены ихъ семьямъ, плѣнные освобождены. Только 24 человѣка бекскихъ нукеровъ отправлены были въ Дербентъ на крѣпостныя работы, но и тѣмъ обѣщали свободу, какъ только владѣльцы ихъ изъявятъ покорность. Слѣдствія разсчетливыхъ дѣйствій Мадатова не замедлили обнаружиться. Какъ только уцмій достигъ своей цѣли—возвращенія сына, онъ тотчасъ, со всѣмъ своимъ семействомъ, удалился въ Верхній Кайтагъ и написалъ оттуда къ Мадатову: „я къ тебѣ являлся только для освобожденія сына; теперь возьми мои земли; жертвую ими, потому что не хочу имѣть надъ собою старшаго".

Но черная неблагодарность и измѣна уцмія отразились на терекеменскихъ селеніяхъ совершенно особеннымъ образомъ: они сами отказались отъ подчиненія уцмію и, явившись въ русскій лагерь, просили князя Мадатова привести ихъ къ присягѣ на вѣрноподданство русскому государю; весь Нижній Каракайтагъ покорился добровольно. Мадатовъ поручилъ управленіе Эмиръ-Гамзѣ-Беку и какъ старшему въ родѣ, и какъ кровному врагу уцмія,—обстоятельства, оба одинаково полезныя для русскихъ цѣлей.

Тогда уцмій, обманутый въ своихъ ожиданіяхъ и надеждахъ, снова спросилъ у Мадатова свиданія, и оно состоялось около селенія Иранъ-Хараба. По своему обычаю, уцмій явился въ кольчугѣ, вооруженный съ головы до ногъ, и въ сопровожденіи тысячи конныхъ панцырниковъ. Мадатовъ пріѣхалъ одинъ. Онъ никогда не страшился коварства горцевъ и являлся на свиданія съ ними всегда безоружный, желая тѣмъ показать, что не допускаетъ даже

мысли объ измѣнѣ. Онъ твердо былъ убѣжденъ, что, перемѣнивъ свой образъ дѣйствій, потерялъ бы то вліяніе, которое успѣлъ пріобрѣсти на Кавказѣ. Но свиданіе это не могло привести ни къ чему. Ермоловъ, съ своей стороны, не одобрилъ его и писалъ Мадатову: „я долженъ замѣтить вамъ, господинъ генералъ, что вы поступили не совсѣмъ благоразумно, принявъ приглашеніе уцмія видѣться съ нимъ въ Иранъ-Харабѣ, ибо сей злодѣй готовъ рѣшиться на всякое преступленіе“. И Ермоловъ потребовалъ, чтобы сношенія съ уцміемъ были прерваны.

Между тѣмъ уцмій укрѣпился въ Башлахъ, гдѣ собрано было до трехъ тысячъ горцевъ, подъ начальствомъ Абдуллы-Бека ерсинскаго. Мадатовъ рѣшился уничтожить Башлы,—вѣчное гнѣздо измѣны, и 4 октября войска уже шли по направленію къ этому городу. Башлы находятся въ концѣ ущелья, оберегавшагося сильнымъ сторожевымъ карауломъ, и внезапное нападеніе здѣсь не могло имѣть мѣста. Отрядъ ночевалъ въ 16 верстахъ отъ города, при самомъ входѣ въ горное ущелье. Огни непріятельскаго караула виднѣлись изъ русскаго лагеря въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ, и потому взяты были всѣ предосторожности противъ нечаяннаго нападенія, хотя они вообще не въ обыкновеніи горскихъ народовъ.

На слѣдующій день, едва развиднѣлось, какъ отрядъ двинулся дальше. Передовая конница, быстро опрокинувъ караулъ, не дала горцамъ времени воспользоваться скалистыми горами, облегающими дорогу, и сама заняла ихъ, обезопасивъ такимъ образомъ слѣдованіе отряду.

Ущелье мало по малу расширялось и переходило въ обширную долину. До города оставалось не болѣе двухъ верстъ. Тогда войска перестроились въ боевой порядокъ и остановились, а самъ Мадатовъ съ небольшою свитою выѣхалъ впередъ на рекогносцировку. Вдали виднѣлись Башлы, расположенные амфитеатромъ по отлогости горы, на которую можно было взобраться только по тропамъ, пробитымъ въ скалистыхъ утесахъ. Дома и улицы казались пусты; но вершина горы, командующая городомъ, и каменный валъ, проложенный по нижней террасѣ, были заняты толпами вооружен-

ныхъ башлынцевъ, готовыхъ отразить нападеніе. По другую сторону города протекала рѣчка, за которой опять тянулись горы, покрытыя лѣсомъ, и на одной изъ нихъ, надъ самою рѣкою, стоялъ древній замокъ—свидѣтель недавняго пораженія русскихъ. И замокъ и горы были также заняты толпами. Разноцвѣтныя знамена во множествѣ развѣвавшіяся и на бастіонахъ замка,—обнаруживали ясно, что въ предстоящей битвѣ примутъ участіе не одни башлынцы, а и всѣ жители сосѣднихъ обществъ. Непріятель велъ слабую перестрѣлку, и нѣсколько человѣкъ изъ татарской конницы, въ конвоѣ князя Мадатова, оказались ранеными.

Рекогносцировка дала между тѣмъ результаты неутѣшительные. Позиція непріятеля была крѣпка, силы его значительны,—и штурмъ при такихъ условіяхъ являлся средствомъ слишкомъ рискованнымъ. Если бы даже русскія войска и овладѣли городомъ, то, конечно, съ такими потерями, которыя могли бы сдѣлать дальнѣйшія военныя операціи невозможными. И въ то время, какъ непріяель все еще располагалъ бы огромными, еще не тронутыми подкрѣпленіями, у насъ въ тылу не осталось бы ни одного человѣка—граница русская стояла открытою.

Взять Башлы между тѣмъ приходилось во что бы то ни стало, и Мадатовъ приказалъ ударить подъемъ. Войска двинулись, артиллеріи приказано было подойти на ружейный выстрѣлъ къ городу и усиленнымъ бомбардированіемъ принудить непріятеля къ отступленію на гору; въ случаѣ сопротивленія, три колонны пѣхоты должны были вытѣснить его изъ-за вала штыками. Въ то же время двѣ роты и два орудія направлены были противъ замка, а еще два орудія поставлены отдѣльно на возвышенности, чтобы обстрѣливать толпы, занимавшія гору. Артиллерійскій огонь начался одновременно на всѣхъ назначенныхъ пунктахъ. Непріятель, занимавшій нижніе уступы города, отвѣчалъ живымъ ружейнымъ огнемъ; но картечь скоро заставила его умолкнуть, и мало по малу люди начали скрываться въ домахъ, представлявшихъ лучшія укрытія отъ артиллерійскихъ снарядовъ. Тогда Мадатовъ двинулъ пѣхоту. Глухо зарокотали барабаны наступленіе, и баталь-

онъ съ ружьемъ на перевѣсъ двинулся на приступъ. Но пріятель не выдержалъ удара и поспѣшно сталъ по скалистымъ тропамъ убираться на вершину горы. Покинутый городъ былъ занятъ; но замокъ оборонялся упорно, и толстыя стѣны его несокрушимо противостояли дѣйствію артиллерійскихъ снарядовъ. Тогда Мадатовъ послалъ батальонъ пѣхоты съ четырьмя орудіями обойти замокъ съ тылу и обложить осажденныхъ. Башлынцы, храбро оборонявшіеся, пока была возможность къ отступленію, теперь, едва увидѣли батальонъ, угрожавшій запереть имъ выходъ, обратились въ бѣгство. И городъ и замокъ были заняты. Непріятель сосредоточился на вершинѣ горы. Но положеніе его оказалось крайне невыгоднымъ. Сверху внизъ по крутизнѣ горы стрѣлять было не удобно, а наши гранаты между тѣмъ свободно ложились на самой горѣ и осколками наносили непріятелю огромныя потери. Войска рвались впередъ, чтобы покончить дѣло штыками; но Мадатовъ предпочиталъ менѣе блестящій, но за то болѣе дешевый и вѣрный успѣхъ. „Въ Грузіи солдатъ дорогъ, — повторялъ онъ тѣмъ, которые хотѣли приступа:—даромъ его не трать". Дѣйствительно, непріятель скоро скрылся въ лѣсахъ и ущельяхъ горъ, гдѣ трудно и безполезно было его преслѣдовать. Важный успѣхъ этотъ стоилъ русскимъ всего трехъ убитыхъ и 20 раненыхъ.

Домъ уцмія въ Башлахъ былъ разрушенъ. Мадатовъ угрожалъ истребленіемъ и городу, если жители не явятся съ покорностью. И старшины явились. Отъ лица народа они присягнули на подданство русскому государю, дали аманатовъ изъ лучшихъ фамилій и уплатили дань. Мадатовъ вывелъ войска изъ города, чтобы успокоить семейства башлынцевъ, которыя, скрываясь въ лѣсахъ, много терпѣли отъ страха, стужи и голода. Какъ велико было вліяніе Мадатова на умы покоренныхъ народовъ, можно судить по тому, что и здѣсь часть каракайтагцевъ тотчасъ же примкнула къ русскому отряду и вмѣстѣ съ нимъ двинулась въ Горный Каракайтагъ, который еще повиновался уцмію.

Разбитый въ Башлахъ, уцмій укрѣпился между тѣмъ въ м. Сумси, извѣстномъ своею неприступностью. Чтобы вызвать его изъ этой крѣпкой позиціи, Мадатовъ двинулся прямо къ его

резиденціи Янги-Кенду, и 20 октября первые лучи восходящаго солнца озарили отрядъ уже въ быстромъ движеніи къ этому городу. Храбрые янгикендцы приготовились къ оборонѣ, но, увидѣвъ въ нашихъ рядахъ своихъ единоземцевъ, поколебались. Въ эту минуту прибылъ Адиль-Ханъ со всѣми своими силами изъ Сумси; но было уже поздно. Батальонъ Троицкаго полка штыками взялъ укрѣпленныя высоты, и войска заняли городъ. Тогда народъ и здѣсь отказался отъ власти уцмія и присягнулъ на подданство Россіи. Такъ, въ два мѣсяца, съ горстью отважныхъ, въ мѣстахъ неизвѣстныхъ и большею частію неприступныхъ, князь Мадатовъ покорилъ всю Табасарань и весь Каракайтагъ.

Адиль-Ханъ бѣжалъ къ акушинцамъ, увеличивъ собою число скитавшихся бѣглыхъ владѣльцевъ. Ермоловъ объявилъ достоинство уцмія навсегда упраздненнымъ, а управленіе Каракайтагомъ временно поручилъ племяннику Адиль-Гирея, Эмиръ-Гамзѣ-Беку, но безъ титула уцмія и съ подчиненіемъ его дербентскому коменданту. Впослѣдствіи выработаны особыя правила для управленія Каракайтагомъ, и селеніе Великентъ назначено мѣстопребываніемъ русскаго пристава.

Семейная вражда и месть, обостренныя историческими обстоятельствами, скоро привели къ гибели почти всего дома нѣкогда славныхъ уціевъ Каракайтага.

Бѣжавшій уцмій укрылся въ Аварію. Было ясно, что пока онъ будетъ переѣзжать изъ одного владѣнія въ другое, находя пристанище даже въ самомъ Каракайтагѣ, гдѣ онъ проживалъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, спокойствіе въ Дагестанѣ будетъ постоянно нарушаемо. Поэтому къ поимкѣ его были приняты дѣятельныя мѣры, и особенныя заботы объ этомъ возложены на пристава, капитана Якубовскаго. Но уцмій былъ остороженъ, и долго всѣ мѣры къ захвату его были безуспѣшны. Наконецъ Якубовскій успѣлъ заручиться содѣйствіемъ Эмиръ-Гамзы-Бека, и сдѣлалъ его соучастникомъ заговора.

Нужно припомнить, что уцмій съ давнихъ поръ ненавидѣлъ

дѣтей своей старшей сестры, которыхъ было четверо: Бала-Ханъ, Эмиръ-Гамза-Бекъ, Бей-Бала-Бекъ и Элдаръ-Бекъ. Самая попытка его сблизиться съ русскими имѣла, какъ мы видѣли, связь съ этою фамильною враждою. Онъ началъ съ того, что успѣлъ очернить передъ русскими старшаго племянника, казавшагося ему наиболѣе опаснымъ, и молодой Була-Ханъ, по его настояніямъ, былъ сосланъ въ Сибирь. По изгнаніи уцмія, когда положеніе Эмиръ-Гамзы-Бека въ Каракайтагѣ упрочилось, и слухъ объ этомъ дошелъ до изгнанника, несчастный Була-Ханъ нашелъ случай переслать къ брату съ однимъ изъ бѣжавшихъ лезгиновъ письмо и два ружейные кремня, умоляя его о мщеніи. Эмиръ-Гамза, ненавидѣвшій дядю, далъ обѣдъ мести, такъ совпадавшій съ намѣреніями русскихъ властей, и потому охотно принялъ предложеніе пристава.

Благопріятный случай къ исполненію обѣта представился очень скоро.

Есть свѣдѣніе, что Адиль-Ханъ, испытавъ превратность судьбы и терпя крайнюю бѣдность, самъ началъ искать примиренія съ русскими, домогаясь получить свои родовыя имѣнія, и просилъ Эмиръ-Гамзу быть въ этомъ случаѣ посредникомъ. Гамза тотчасъ увѣдомилъ его, что русское правительство принимаетъ его предложенія и поручило ему, Эмиръ-Гамзѣ, заключить съ нимъ условія.

Назначено было мѣсто и время свиданія и условлено, чтобы при каждомъ было не болѣе двухъ нукеровъ. Вечеромъ съ 3 на 4-е октября 1822 года, Эмиръ-Гамза прибылъ къ условленному мѣсту свиданія, въ сопровожденіи, повидимому, только двухъ человѣкъ; но 50 вооруженныхъ всадниковъ остались невдалекѣ въ засадѣ. Обычная осторожность уцмія на этотъ разъ измѣнила ему. Онъ прибылъ только съ сыномъ Мамедъ-Ханомъ и однимъ прислужникомъ.

Размѣнявшись привѣтствіями, племянникъ и дядя сѣли другъ противъ друга на разостланной буркѣ и сняли ружья, положивъ ихъ однако, изъ предосторожности, на колѣни. Ружье Эмира заряжено было двумя пулями и въ курокъ былъ ввинченъ кремень, присланный Була-Ханомъ.

Бесѣда продолжалась довольно долго. Гамза льстилъ надеж-

дамъ дяди, и наконецъ сказалъ ему: „вели отойти сыну и нукеру, мнѣ нужно передать тебѣ кое-что по секрету“. Уцмій приказалъ тѣмъ удалиться. Мамедъ-Ханъ, все время не спускавшій глазъ съ Гамзы-Бека, исполнилъ приказаніе съ видимымъ неудовольствіемъ и только послѣ строго повтореннаго отцомъ приказанія. Впрочемъ, онъ скоро успокоился, такъ какъ видѣлъ, что отецъ и братъ его прощаются самымъ дружескимъ образомъ. Но едва Адиль-Ханъ, повернувшись, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ Гамза прицѣлился и выстрѣлилъ въ дядю сзади. Уцмій упалъ, пораженный на вылетъ двумя ружейными пулями. Онъ былъ убитъ наповалъ. Мамедъ-Бекъ, выхватилъ шашку, бросился на убійцу; Гамза и два его нукера побѣжали. Становилось темно. Два раза Мамедъ-Бекъ выстрѣлилъ на бѣгу изъ ружья, видѣлъ, какъ двое упали одинъ за другимъ;—но третій еще бѣжалъ. Пылкій Мамедъ, бросивъ ружье, преслѣдовалъ его по пятамъ съ обнаженной шашкой и наскочилъ на засаду, 50 винтовокъ встрѣтили его залпомъ, 50 человѣкъ кинулись на него съ кинжалами и шашками.... Уцѣлѣвшему непонятнымъ чудомъ, Мамеду удалось спрятаться въ лѣсу, отдѣлавшись легкою раною въ ногу. Онъ утѣшалъ себя мыслію, что все-таки успѣлъ убить Гамзу-Бека; но впослѣдствіи ему стало извѣстно, что Эмиръ избѣжалъ смерти; убиты же были его нукеры.

Въ современныхъ русскихъ донесеніяхъ дѣло излагается, впрочемъ, нѣсколько иначе, вѣроятно по показаніямъ самого Эмиръ-Гамзы-Бека. Они говорятъ, что Адиль-Ханъ, давно старавшійся погубить племянника, составилъ заговоръ на жизнь его вмѣстѣ съ Мамедъ-Ханомъ, и, прощаясь съ Гамзой, намѣревался убить его, но что Гамза предупредилъ ихъ замыселъ и выстрѣломъ изъ пистолета положилъ Адиль-Хана на мѣстѣ, а Мамедъ-Бека ранилъ въ ногу.

На другой день останки покойнаго уцмія перевезены были въ селеніе Янги-Кендъ въ Верхнемъ-Каракайтагѣ и тамъ погребены со всѣми почестями и пышностію, приличествовавшими его высокому званію.

Убійство уцмія было началомъ цѣлаго ряда катастрофъ. Въ концѣ

1826 года Эмиръ-Гамза былъ убитъ во время экспедиціи въ Табасарань, и Каракайтагомъ послѣдовательно управляли младшіе его братья — Бей-Бала и потомъ Элдаръ-Бекъ. Старшій ихъ братъ, Бала-Ханъ, былъ возвращенъ изъ Сибири только въ 31 году, но онъ черезъ годъ умеръ скоропостижно. Вслѣдъ за нимъ умеръ и Мамедъ-Бекъ — нѣкогда наслѣдникъ Каракайтагскаго уцмійства. Затѣмъ случайное обстоятельство послужило поводомъ къ кровавому эпизоду, въ которомъ погибли новые члены Каракайтагскаго дома.

Въ это время, т. е. въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, первою красавицею въ Дагестанѣ слыла Фатиматъ, дочь одного простаго горца, по имени Идаха. Элдаръ, еще въ то время, когда Кайтагомъ управлялъ его братъ Бей-Балла, влюбился въ нее и сталъ просить руки: но родители долго не соглашались на этотъ неравный бракъ, такъ какъ, по обычаямъ страны, сыновья отъ такого брака не пользуются ни званіемъ, ни правами бековъ; чтобы имѣть наслѣдниковъ законныхъ отъ жены простаго происхожденія, въ Дагестанѣ нужно было не имѣть другихъ женъ. И влюбленный Элдаръ присягнулъ тогда на коранѣ, что онъ на другой не женится, и что дѣти отъ Фатиматъ получатъ такимъ образомъ званіе и всѣ права бековъ. Но когда, послѣ смерти Бей-Баллы, Кайтагъ подчиненъ былъ Элдару, послѣдній, не смотря на свою клятву, женился на вдовѣ брата, женщинѣ умной и прекрасной. Фатиматъ не избѣгла горькой участи покинутыхъ женъ: Элдаръ ее бросилъ и она возвратилась къ братьямъ. Тогда раздраженная этимъ поступкомъ, семья стараго Ибаха поклялась мщеніемъ. Но, не смѣя дѣйствовать явно противъ владѣтеля, братья Фатиматъ рѣшились направить смертельный ударъ посторонней рукою.

Въ Кайтагѣ въ это время жилъ Устаръ-Ханъ, 17-ти-лѣтній юноша, третій сынъ покойнаго уцмія [1]). Неоднократно и явно высказывалъ онъ ненависть свою къ Элдару за убійство отца. Долго мучила Устара мысль, что это убійство остается безъ от-

---

1) Уцмій имѣлъ трехъ сыновей: Мамедъ-Хана, Джамовъ-Бека и Устаръ-Хана.

мщенія, и онъ не разъ насмѣхался надъ старшими братьями, укоряя ихъ въ нерѣшимости взяться за святое дѣло.

— „Будь мнѣ тогда, когда убили отца, хоть 15 лѣтъ,— говорилъ онъ:—я не замедлилъ бы въ ту же минуту успокоить его тѣнь. Но я и теперь найду средство исполнить сыновній долгъ“.

Братья считали эти слова просто хвастливостью ребенка, и не обращали на него вниманія. Но Устаръ, вѣрный своему обѣщанію и обладавшій смѣлымъ и упорнымъ характеромъ, выжидалъ только удобнаго времени. Онъ съ злобною радостью принялъ братьевъ Фатиматъ, въ надеждѣ, что найдетъ въ нихъ вѣрныхъ товарищей для мщенія Элдару и за себя, и за другихъ.

Была пасха 1836 года. По принятому обычаю владѣтель Кайтага поѣхалъ въ сел. Великентъ, чтобы поздравить съ праздникомъ русскаго пристава. Въ Великентѣ уже ожидалъ его Устаръ-Бекъ, вмѣстѣ съ братьями Фатиматъ и четырьмя нукерами испытанной храбрости. Встрѣтились они весьма дружелюбно и всѣ вмѣстѣ отправились къ приставу. Принятые съ почетомъ, Элдаръ и Устаръ-Бекъ сѣли рядомъ на диванъ и за завтракомъ пили даже за здоровье другъ друга. Товарищи и нукеры ихъ почтительно стояли по обѣимъ сторонамъ комнаты. Случилось, что вскорѣ послѣ завтрака приставъ за чѣмъ-то отлучился изъ комнаты. Въ это самое время одинъ изъ нукеровъ Устара подалъ условный сигналъ; Устаръ всталъ и вдругъ, выхвативъ изъ-за пояса пистолетъ, заряженный двумя пулями, въ упоръ выстрѣлилъ въ Элдара. Элдаръ упалъ, обливаясь кровью. На мгновеніе въ комнатѣ водворилась страшная тишина, всѣ оцѣпенѣли отъ ужаса. Тогда одинъ изъ братьевъ Фатиматъ, видя, что Элдаръ въ предсмертныхъ судорогахъ старается вынуть кинжалъ, крикнулъ зловѣщимъ голосомъ: „Устаръ, руби его!“ Слова эти заставили Устара опомниться, онъ выхватилъ шашку и въ остервененіи нанесъ до двадцати ударовъ по головѣ уже умершему Элдару. Тогда только друзья и нукеры владѣтеля схватились за оружіе и бросились на противниковъ. Устаръ первый палъ подъ ударами шашекъ. Нукеръ его, Бахамъ, желая спасти его тѣло, проворно подсунулъ его подъ диванъ и заслонилъ собою. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ съ

обѣихъ сторонъ началась страшная рѣзня кинжалами. Въ дыму, которымъ наполнилась небольшая комната, сражавшіеся едва могли различать другъ друга. Выстрѣлы, шумъ и дикіе крики подняли на ноги весь Великентъ. Прислуга пристава въ ужасѣ разбѣжалась. Самъ приставъ бросился на гауптвахту и приказалъ ударить тревогу. Команда солдатъ прибѣжала къ его дому, но никто не посмѣлъ войти,— и скоро комната была завалена тѣлами убитыхъ и умирающихъ. Погибло тринадцать человѣкъ, и только Бахамъ, защитникъ трупа Устара, покрытый тяжкими ранами, еще стоялъ на ногахъ. Въ эту минуту, растолкавъ столпившихся въ сѣняхъ солдатъ, въ комнату вскочилъ конюшій Элдара и, увидѣвъ бездушное тѣло своего господина, бросился на Бахама. Но Бахамъ имѣлъ еще достаточно силъ, чтобы на смерть поразить его кинжаломъ, а затѣмъ съ крикомъ: „прощай, Устаръ! довольно я послужилъ тебѣ!"—кинулся къ выходу. Острый кинжалъ, брошенный въ догонку ему умиравшимъ конюшимъ, просвистѣлъ мимо, и Бахамъ выскочилъ на дворъ, гдѣ его схватили солдаты.

Въ живыхъ еще оставался въ комнатѣ одинъ молодой Искандеръ-Бекъ, другъ и товарищъ Элдара: „Умираю! крикнулъ онъ:— но умираю съ гордостью: я честно защищалъ трупъ моего друга Элдара!" — и съ этими словами онъ бросилъ свой кинжалъ съ такою силою вверхъ, что тотъ глубоко врѣзался въ потолокъ.... Команда русскихъ солдатъ нашла, впрочемъ, и его мертвымъ.

И понынѣ путнику, проѣзжающему изъ Дербента въ Кизляръ или въ Темиръ-Ханъ-Шуру, укажутъ въ Великентѣ домъ, въ одной изъ комнатъ котораго, на потолкѣ, еще остается глубокій слѣдъ отъ кинжала Али-Искандеръ-Бека.

Такъ погибла вся фамилія бывшаго уцмія каракайтагскаго за исключеніемъ средняго сына Адиль-Хана—Джамовъ-Бека, случайно не попавшаго тогда въ Великентъ. Къ нему, какъ единственному представителю рода, и перешло управленіе Каракайтагомъ.

XVI.

ПАДЕНІЕ АКУШИ.

На рѣкѣ Койсу Казикумыкскомъ, въ глубинѣ Средняго Дагестана, лежитъ обширное лезгинское селеніе Акуши. Селеніе это было центромъ могучаго Акушинскаго, или, правильнѣе, Даргинскаго союза, знаменитаго въ горахъ любовью къ независимости и гордымъ воинственнымъ духомъ.

Даргинскій союзъ состоялъ изъ шести автономныхъ „магаловъ", обществъ, изъ которыхъ каждое управлялось своимъ кадіемъ; но акушинскій кадій считался главою союза, и акушинское общество преобладало надъ другими.

Въ исторіи Дагестана былъ моментъ, когда свободѣ горскихъ народовъ грозила опасность: великій завоеватель Шахъ-Надиръ стоялъ передъ ними. Тогда, въ кровавой битвѣ подъ Иранъ-Хараба, что значитъ: „гибель Персіи",—акушинскій народъ нанесъ ему страшное пораженіе. Бѣгство персовъ было такъ поспѣшно, что шахъ потерялъ на полѣ сраженія корону и драгоцѣнное сѣдло. Эти единственные въ мірѣ трофеи, нынѣ, къ сожалѣнію, кажется, совершенно утеряны; но они долго переходили въ Дагестанѣ изъ рукъ въ руки до послѣдняго имама Чечни и Дагестана, Шамиля, утратившаго ихъ только на Гунибѣ. Акушинцы, послѣ этой блестящей побѣды, слыли въ горахъ непобѣдимыми и, какъ силь-

нѣйшій народъ, привыкли съ давнихъ поръ вмѣшиваться въ постороннія распри и играть въ событіяхъ первенствующую роль.

Территорія Даргинскаго союза, лежавшая по рѣкамъ Кара-Койсу и Казикумыкскому-Койсу, граничила съ Шамхальствомъ Мехтулой, Каракайтагомъ, Казикумыкомъ и Андаляломъ. Такимъ образомъ, въ 1819 году, когда Каракайтагъ палъ передъ русскимъ оружіемъ, и вѣковое значеніе въ горахъ уцмія было стерто однимъ почеркомъ пера суроваго „сардаря"; когда, съ паденіемъ Каракайтага, запаялось грозное кольцо изъ русскихъ штыковъ вокругъ горъ Дагестана,—гордому акушинскому народу, ставшему теперь лицомъ къ лицу съ сѣверными пришельцами, выпало на долю явиться во главѣ движенія и на себѣ самомъ испытать силу русскаго оружія.

Покореніе русскими всего Каспійскаго побережья волновало тогда весь Дагестанъ. Опасность потерять независимость и возможность своеобразной полуразбойничьей жизни, вѣками взлелѣянной, угрожала въ равной мѣрѣ всѣмъ древнѣйшимъ дагестанскимъ владѣніямъ. Изгнанные изъ своихъ земель: уцмій каракайтагскій, Хассанъ мехтулинскій, Шихъ-Али дербентскій, наконецъ лишенный генеральскаго чина ханъ аварскій стояли передъ всѣми живымъ свидѣтельствомъ грозящихъ горамъ опасностей. И мысль соединиться Дагестану въ одинъ обширный союзъ, чтобы общими силами противодѣйствовать дальнѣйшимъ завоеваніямъ русскихъ, становилась болѣе твердою и распространенною. Съ этою именно цѣлію изгнанные владѣльцы съѣхались вмѣстѣ, чтобы общими усиліями поднять весь Дагестанъ противъ враговъ. Въ Дагестанѣ жило всего болѣе опасеніе, чтобы Ермоловъ не основалъ и въ горахъ такіе же опорные пункты, какіе уже были основаны имъ въ Чечнѣ и на Кумыкской плоскости,—и мысль о союзѣ крѣпла все болѣе и болѣе. Скоро Казикумыкъ и многія вольныя лезгинскія общества поднялись на защиту общаго дѣла вѣковой свободы и независимости, гордые акушинцы стали во главѣ движенія,—и акушинская земля должна была сдѣлаться ареною кроваваго столкновенія.

Теперь передъ русскими готовились не толпы бродячаго сброда,

которыми обыкновенно кишилъ Дагестанъ, а правильный военный союзъ владѣтельныхъ лицъ, союзовъ и обществъ, поставившихъ себѣ цѣлію отстоять общую независимость и, принудивъ къ союзу отпадшихъ, возстановить весь политическій строй Дагестана въ томъ видѣ, какъ онъ сложился вѣками и существовалъ до появленія русскихъ. Акушинскій кадій принялъ на себя главное руководительство; ему помогали аварскій ханъ, уцмій, Сурхай казикумыкскій и Шихъ-Али, располагавшій значительными денежными суммами, которыя онъ получалъ изъ Персіи. Войско мятежниковъ росло по часамъ. Предполагалось напасть на владѣнія шамхала, чтобы заставить его отложиться отъ русскихъ и примкнуть къ союзу; одновременно съ тѣмъ дагестанцы должны были атаковать Чирагскій постъ, чтобы открыть дорогу въ Кубу и разорить владѣнія преданнаго Россіи Ассанъ-Хана кюринскаго. Успѣхи на этихъ пунктахъ сулили мятежникамъ возможность предписать русскимъ условія мира и заставить ихъ возвратить Дербентъ, Кубу, Каракайтагъ и Дженгутай прежнимъ владѣльцамъ. Стремленіе горскихъ народовъ образовать изъ себя федерацію должно было вынудить русскихъ употребить всѣ силы на то, чтобы, напротивъ, разобщить горцевъ между собою,—и новый походъ въ Дагестанъ являлся неизбѣжнымъ уже просто съ цѣлями защиты подданныхъ.

Пока военныя дѣйствія происходили въ Южномъ Дагестанѣ, гдѣ Сурхай собиралъ войска, чтобы взять небольшое и слабое Чирагское укрѣпленіе, стоявшее на границѣ Кюринскаго ханства,—на сѣверѣ Дагестанъ поднялся противъ шамхала тарковскаго. Мехтула, забывъ прошлогодній погромъ, стала также на сторону мятежниковъ, Гассанъ-Ханъ вновь овладѣлъ правленіемъ, а русскій приставъ долженъ былъ покинуть Дженгутай, который первымъ поднялъ знамя возстанія. Волновались даже Тарки. До какого ожесточенія доходила въ горахъ ненависть къ шамхалу, можно судить по тому, что мать аварскаго хана, имѣвшая за нимъ въ замужествѣ двухъ своихъ дочерей, писала въ это время къ акушинскому кадію, чтобы тотъ старался захватить шамхала живымъ и „доставилъ бы ей удовольствіе напиться его крови“.—„Какія нѣжныя чувства женщины и великодушная попечительность о

зятѣ!“ замѣчаетъ по этому поводу Ермоловъ. Впрочемъ, необходимо сказать, что подобныя отношенія между родными въ Дагестанѣ не были случаями слишкомъ исключительными. Жена Ахметъ-Хана аварскаго, жестокосердая Гихили-Бике, нѣкогда злодѣйски умертвившая одного изъ своихъ жениховъ, присылала къ Ермолову муллу съ предложеніемъ отравить и мужа за извѣстную сумму денегъ; но Ермоловъ отвѣчалъ ей, что жизнь презрѣннаго негодяя ничего не стоитъ. Владѣтельный князь аула Брагуны умертвилъ самымъ варварскимъ образомъ отца и двухъ братьевъ, чтобы только захватить ихъ имущество; Сурхай погубилъ родного сына, Муртазали-Бека. Да врядъ ли и у каждаго изъ владѣтельныхъ особъ кавказскихъ горъ не было кроваваго пятна на совѣсти.

Угрожаемый со всѣхъ сторонъ, шамхалъ оставилъ Тарки и удалился въ свой небольшой загородный замокъ, гдѣ рѣшился лучше погибнуть, нежели перейти на сторону возстанія. Военныя дѣйствія противъ него поручены были Гассану дженгутайскому, который съ своими мехтулинцами и приступилъ къ осадѣ замка. Шамхалъ защищался отчаянно и отразилъ приступъ съ большимъ урономъ для нападающихъ. Положеніе шамхала становилось, однако, все болѣе и болѣе критическимъ, какъ вдругъ внезапная смерть Гассана, найденнаго въ одно прекрасное утро мертвымъ въ собственной постелѣ, развязало ему руки. Подозрѣваютъ, что Гассанъ былъ отравленъ молодою женой, которая давно искала случая извести ненавистнаго стараго мужа; но отрава—пріемъ не совсѣмъ обычный для женщинъ мусульманскаго міра, а потому можно было подозрѣвать здѣсь и другую, чью-нибудь болѣе вѣскую руку. На комъ бы ни тяготѣло это преступленіе, загадочная смерть мехтулинскаго хана, пользовавшагося въ горахъ большимъ вліяніемъ, нѣсколько разстроила планы союзниковъ, такъ какъ дженгутайцы, лишившись вождя, отложились отъ сборища.

Ермоловъ, громившій тогда Чечню, поспѣшилъ приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Въ отрядъ князя Мадатова, все еще стоявшій въ Каракайтагѣ, послано было приказаніе идти форсированнымъ маршемъ къ границамъ Акуши; вслѣдъ затѣмъ, 11-го ноября, въ

холодную буранную погоду, пошелъ къ Таркамъ и самъ Ермоловъ, съ девятью батальонами пѣхоты и сильною артиллеріею.

Начало экспедиціи ознаменовалось однимъ весьма печальнымъ эпизодомъ, о которомъ разсказываетъ участникъ этого похода, Цыловъ.

На первомъ переходѣ, когда отрядъ расположился на ночлегъ, Ермоловъ приказалъ принять всѣ мѣры военной предосторожности, чтобы не подвергнуть войска въ этой лѣсистой мѣстности внезапному нападенію. Пикеты и секреты были разставлены. Но Ермоловъ, не довольствуясь общимъ распоряженіемъ, ночью отправился вмѣстѣ съ начальникомъ штаба, Вельяминовымъ, самъ осматривать мѣстность и нашелъ одного солдата 8-го егерскаго полка, незадолго прибывшаго изъ Крыма, заснувшимъ въ секретной цѣпи. Въ подобныхъ случаяхъ Ермоловъ шутить не любилъ. Онъ потребовалъ къ себѣ полкового командира, полковника Шульца, котораго зналъ еще со временъ наполеоновскихъ войнъ, когда этотъ отличный офицеръ былъ адъютантомъ у графа Ланжерона,—сдѣлалъ ему передъ всѣми суровый выговоръ.

На слѣдующемъ ночлегѣ, верстахъ въ 20 отъ Андреевской деревни, Шульцъ, не полагаясь болѣе на своихъ подчиненныхъ, самъ отправился въ цѣпь, вмѣстѣ съ батальоннымъ командиромъ маіоромъ Ганеманомъ. Пробираясь верхомъ по густому орѣшнику и разговаривая между собою по-нѣмецки, ни тотъ ни другой не слыхали секретнаго лозунга, подаваемаго имъ изъ цѣпи. Сильный вѣтеръ относилъ окликъ въ сторону, и оба всадника продолжали ѣхать прямо на заложенный передъ ними секретъ. Изъ цѣпи былъ посланъ выстрѣлъ—и Шульцъ, смертельно раненый пулею въ животъ, упалъ съ лошади. Выстрѣлъ поднялъ на ноги весь отрядъ и тотчасъ же обнаружилъ несчастную ошибку.

Молодой, подававшій большія надежды, любимый и уважаемый всѣми товарищами, Шульцъ не пережилъ тяжкой раны и на третій день умеръ. На смертномъ одрѣ, за нѣсколько минутъ до кончины, онъ призвалъ къ себѣ того солдата, который поразилъ его выстрѣломъ, и отдалъ ему всѣ свои наличныя деньги. Печальны были похороны его. Сколотили четыре доски, тутъ же вытесанныя

изъ срубленнаго чинара, уложили въ этотъ простой, бѣдный гробъ тѣло, и ночью товарищи на рукахъ отнесли его въ могилу, вырытую на высокомъ придорожномъ курганѣ. Ермоловъ почтилъ погребеніе своимъ присутствіемъ. Ни музыки, ни ружейныхъ залповъ— ничего не было, чтобы не привлечь вниманія непріятеля и охранить могилу отъ алчности полудикихъ горцевъ.

Не билъ барабанъ передъ смутнымъ полкомъ,
Когда мы вождя хоронили,
И трупъ не съ ружейнымъ прощальнымъ огнемъ
Мы въ нѣдра земли опустили.
И бѣдная почесть въ ночи отдана,
Штыками могилу копали...

Присутствовавшіе не думали, чтобы печальный обрядъ похоронъ имѣлъ постороннихъ свидѣтелей; а между тѣмъ непріятель, окружившій отрядъ незримыми мелкими шайками, слѣдилъ, какъ оказалось потомъ, за каждымъ движеніемъ русскихъ. И на возвратномъ пути, когда отрядъ шелъ тою же дорогой, солдаты и офицеры просили остановиться у кургана, гдѣ былъ похороненъ ихъ любимый товарищъ, чтобы отслужить по немъ панихиду. Но тѣла покойнаго не оказалось въ могилѣ: его украли горцы, предполагая получить за выкупъ большія деньги. Отрядъ грустно помолился надъ разбитымъ, выброшеннымъ гробомъ, и двинулся дальше.

Но возвратимся къ разсказу.

14-го ноября Ермоловъ вступилъ въ Тарки. Сильныя мятели, какія не часто бываютъ даже и въ степныхъ полосахъ, задержали его здѣсь болѣе чѣмъ на двѣ недѣли. Довольно сказать, что не только артиллерійскій паркъ, но даже высокія фуры, стоявшія подъ городомъ, по ночамъ заметались сугробами такъ, что только концы приподнятыхъ вверхъ оглобель торчали изъ-подъ снѣгу. Болѣе двухъ тысячъ людей ежедневно высылались на расчистку дорогъ. Воочію сбывалось старинное повѣрье, что русскіе приносятъ съ собою зиму.

Пользуясь досугомъ, Ермоловъ совѣщался съ Мадатовымъ, прибывшимъ уже въ Карабудакентъ, и писалъ къ акушинцамъ.

прокламаціи, въ которыхъ требовалъ отъ нихъ аманатовъ и выдачи плѣнныхъ, обѣщая въ противномъ случаѣ наказать ихъ оружіемъ и истребить главное селеніе ихъ Акушу. Жителямъ Мехтулинскаго ханства объявлено было также, что если они не останутся спокойными, то будутъ разорены, и всѣ плѣнные, сколько бы ихъ ни случилось, будутъ отправлены въ Россію. Акушинцы пренебрегли угрозами: „Знай, писали они къ Ермолову:—что мы люди вольные, у насъ нѣтъ эмира и нѣтъ могущественныхъ владѣльцевъ въ нашихъ деревняхъ, мы только племя, называющееся узденями Мехти-Шамхала...“ Сильные отряды акушинцевъ уже двигались къ границамъ шамхальства и ихъ передовые разъѣзды стали показываться на высокой горѣ Калантау, черезъ которую лежала единственная дорога въ даргинскія земли.

Нужно сказать, что горный хребетъ, отдѣляющій Акушу отъ владѣній шамхала тарковскаго, одинъ изъ неприступнѣйшихъ хребтовъ на цѣломъ Кавказѣ. Дикія гранитныя скалы его лишь въ немногихъ мѣстахъ прорѣзываются горными ручьями, русла которыхъ и должны были служить дорогами для русской пѣхоты. Пути сообщенія тамъ—тѣсные корридоры между скалами, шириною въ одно горное орудіе; пятьдесятъ человѣкъ невооруженныхъ, только бросая каменья съ высотъ, могли бы остановить здѣсь многіе батальоны. Существуетъ одинъ только болѣе удобный перевалъ, и успѣй занять его акушинцы всею своею 25-тысячною массою,—русскимъ была бы преграждена дорога: обойти—невозможно, а лѣзть на горы съ одними штыками было бы безполезно. Болѣе чѣмъ на шесть верстъ тянулся крутой подъемъ, на которомъ всякій шагъ нужно было отвоевать оружіемъ, а на это никакой гигантской силы не достало бы. Ермоловъ все видѣлъ, и мастерскими переговорами, то льстя, то угрожая акушинцамъ, задерживалъ ихъ движеніе, усыплялъ ихъ вниманіе; а между тѣмъ отрядъ князя Мадатова, быстро двигавшійся отъ Карабудакента, успѣлъ предупредить ихъ и занялъ перевалъ безъ выстрѣла. Теперь дорога въ Акушу была открыта.

Чтобы судить, какія трудности пришлось тѣмъ не менѣе преодолѣть войскамъ князя Мадатова, довольно сказать, что для пере-

возки артиллеріи на разстояніи шести верстъ потребовалось три дня и громадное количество воловъ, такъ какъ лошади оказались для того недостаточно сильными. Послѣдній ночлегъ былъ на самой вершинѣ, покрытой густыми туманами; съ трудомъ собрали люди хворостъ и бурьянъ для разведенія бивуачныхъ огней, около которыхъ, при пронзительномъ вѣтрѣ и стужѣ, солдаты провели всю ночь безъ сна, ожидая съ нетерпѣніемъ первыхъ солнечныхъ лучей,—холодъ никому не дозволялъ сомкнуть глазъ.

12-го декабря русскій авангардъ спустился съ горъ. Проводники туземцы охотно указывали дорогу, не вѣря успѣху предпріятія и, быть можетъ, желая именно заманить русскихъ дальше въ глубь горной страны. Какъ бы въ насмѣшку, показывали они мѣста, гдѣ были разбиты войска Шахъ-Надира, дороги, по которымъ они бѣжали. „Таково было мнѣніе о могуществѣ акушинскаго народа— говоритъ Ермоловъ: — и не мало удивляло всѣхъ появленіе наше въ сей странѣ". Авангардъ однако же спустился благополучно и, оттѣснивъ непріятельскіе передовые посты, занялъ первую акушинскую деревню, Уруму. Верстахъ въ десяти отсюда виденъ былъ высокій хребетъ, расположенный амфитеатромъ, тремя уступами, постепенно возвышающимся отъ стороны селенія. Горы эти были усѣяны массами народа, толпившагося возлѣ небольшого укрѣпленія, въ которомъ развѣвались сотнями разноцвѣтные значки. Это была первая укрѣпленная позиція двадцати-тысячнаго акушинскаго ополченія.

16-го числа подошли сюда главныя силы Ермолова. Нѣсколько дней прошло однако же въ бездѣйствіи. Главнокомандующій то и дѣло ѣздилъ самъ осматривать мѣстность, дѣлались съемки. Акушинскіе старшины пріѣзжали въ русскій лагерь; ихъ угощали — а о военныхъ дѣйствіяхъ не было и помину.

— „Что это затѣваетъ нашъ Петровичъ?" говорили солдаты, искоса поглядывая на грозную непріятельскую позицію. А дѣло было просто. Ермоловъ видѣлъ, что взять неприступную позицію непріятеля съ фронта было невозможно. Онъ основательно страшился потерять на штурмѣ не сотни, а можетъ быть тысячи людей—и все-таки не взять позиціи. А между тѣмъ, для опытнаго

глаза не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что овладѣть ею очень легко, еслибы только найти какую-нибудь тропинку, по которой можно было бы взобраться на горы, въ обходъ праваго непріятельскаго фланга. Флангъ этотъ упирался въ неприступный утесъ, у подошвы котораго, въ дикомъ ущельѣ, пѣнилась рѣчка Манасъ и пролегала дорога въ Акушу. На третій день, въ сумеркахъ, нѣсколько линейныхъ казаковъ и татаръ, ѣздившихъ на обычные поиски, прискакали въ лагерь съ извѣстіемъ, что тропинка есть, и при томъ такая, что по ней можно втащить артиллерію.

Въ лагерѣ въ это время были акушинскіе старшины, въ послѣдній разъ пріѣзжавшіе для переговоровъ. Самонадѣянность непріятеля росла съ каждымъ днемъ бездѣйствія русскихъ, и самыя умѣренныя предложенія Ермолова, клонившіяся къ тому, чтобы предупредить напрасное пролитіе крови, были отвергнуты ими съ высокомѣріемъ. Тѣмъ не менѣе главнокомандующій приказалъ принять старшинъ съ предупредительною вѣжливостью, угощать какъ можно лучше, расточать передъ ними перлы восточнаго краснорѣчія, но отпустить домой не прежде, какъ около полуночи. Такъ это и было сдѣлано. Вернувшись домой поздно, старшины тотчасъ собрали «джаматъ» и передали ему свои впечатлѣнія. По ихъ разсказамъ выходило такъ, что у русскихъ войскъ мало, солдаты изнурены и вообще находятся въ такомъ состояніи, что противъ нихъ «едва ли достойно употребить оружіе». Пріятная вѣсть мгновенно пронеслась по стану, и гордые акушинцы, въ сознаніи собственнаго могущества, заснули спокойно. Никому изъ нихъ не приходило въ голову, что ожидало ихъ завтра; а грозное «завтра» между тѣмъ уже начиналось.

Какъ только старшины оставили лагерь, войска тихо стали въ ружье и осторожно, безъ шума, двинулись къ непріятельской позиціи. Пройти нужно было семь или восемь верстъ. Ночь была мѣсячная и чрезвычайно ясная; но войска прошли не замѣченныя непріятелемъ. Огни въ акушинскомъ станѣ уже угасали, когда весь отрядъ становился на пушечный выстрѣлъ отъ его укрѣпленій. Вдали виднѣлась большая деревня Лаваши, а впереди ея — рядъ крутыхъ возвышеній, занятыхъ окопами; лѣвый флангъ позиціи

оканчивался укрѣпленнымъ холмомъ, правый—упирался въ обрывъ, по дну котораго бѣжала рѣчка Манасъ. Въ этотъ-то обрывъ спустился ночью отрядъ князя Мадатова, въ бродъ перебрался черезъ рѣчку, и по тропинкѣ, открытой казаками, вошелъ на противоположный гребень горъ, откуда могъ открыть огонь вдоль всей непріятельской линіи. Путь къ Акушѣ и даже сообщеніе съ деревней Лавашами были акушинцамъ отрѣзаны. Между тѣмъ главныя силы, при которыхъ находился Ермоловъ, развернулись противъ фронта непріятельской позиціи; правѣе стала милиція шамхала, набранная имъ въ Таркахъ и въ Мехтулинскомъ ханствѣ, по расчету чисто политическому. «Не имѣлъ я ни малѣйшей надобности къ сей сволочи,—говоритъ Ермоловъ:—но потому приказалъ набрать оную, чтобы возродить вражду къ нимъ акушинцевъ и возбудить раздоръ, полезный на предбудущее время».

19-го декабря, съ разсвѣтомъ, начался памятный бой подъ Лавашами. Едва густой, предразсвѣтный туманъ разсѣялся, непріятель съ ужасомъ увидѣлъ отрядъ князя Мадатова, который успѣлъ уже развернуть свои силы на горахъ, по ту сторону оврага, гдѣ протекалъ Манасъ, и уже начиналъ обходить оконечность праваго фланга. Въ смятеніи бросились толпы акушинцевъ съ своей укрѣпленной позиціи, чтобы защищать другія высоты, лежавшія на пути къ Лавашамъ, гдѣ были собраны ихъ жены, дѣти и имущество. Въ отрядѣ Мадатова скоро загорѣлся сильный ружейный и орудійный огонь. Ермоловъ воспользовался этою минутою и приказалъ войскамъ штурмовать окопы. Пукъ георгіевскихъ крестовъ, сжатыхъ въ рукѣ его, былъ краснорѣчивою рѣчью. Войска ринулись впередъ. Непріятель, поражаемый перекрестнымъ пушечнымъ огнемъ съ фронта и съ фланга, скоро обратился въ бѣгство. Татарская конница (жители закавказскихъ ханствъ и Южнаго Дагестана) первая вскочила въ покинутое укрѣпленіе; за нею прибѣжалъ батальонъ ширванцевъ. Поставленныя здѣсь батарейныя орудія жестоко били въ тылъ бѣгущихъ акушинцевъ, а стрѣлки Куринскаго, Троицкаго и 42 егерскаго полковъ, овладѣвъ утесами, нависшими надъ самою дорогой, по которой тѣснился непріятель, провожали его фланговымъ огнемъ и били на выборъ. Триста ли-

нейныхъ казаковъ Моздокскаго полка съ храбрымъ командиромъ маіоромъ Петровымъ, опрокинувъ слабую конницу, пронеслись далеко впередъ, обскакали толпу и рубили бѣжавшихъ. Въ то же время татарская конница, желавшая отличиться на глазахъ главнокомандующаго, преслѣдовала непріятеля по такимъ мѣстамъ, „куда—по словамъ Ермолова—приводить можетъ одна добрая воля и никогда рѣшимость начальника".

Потеря акушинцевъ при такихъ условіяхъ не могла не быть громадною. Въ довершеніе всего, Мадатовъ двигался впередъ форсированнымъ маршемъ и занялъ Лаваши. Все это произошло такъ быстро, что непріятель не успѣлъ развернуть противъ русскихъ и четвертой части своихъ силъ,—все разсыпалось и разбѣжалось. „Многіе, опасаясь быть отрѣзанными, бросались внизъ съ такой крутизны,—разсказываетъ Ермоловъ:—что едва мы вѣрили глазамъ, чтобы съ нихъ спуститься было возможно". Бой продолжался не болѣе двухъ часовъ—и полный разгромъ акушинцевъ, столь гордыхъ побѣдою надъ Шахъ-Надиромъ, стоилъ побѣдителямъ только двухъ офицеровъ и 28 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными.

Отрядъ ночевалъ въ Лавашахъ. Здѣсь собственно стало вполнѣ извѣстнымъ, что въ бою были не одни акушинцы, что въ помощь къ нимъ приходили койсубулинскіе народы, казикумыкцы со старшимъ сыномъ Сурхай-Хана и многія другія вольныя общества Дагестана, и что вообще силы непріятеля простирались до 20 тысячъ. Изъ вождей, кромѣ акушинскаго кадія, замѣчены были уцмій каракайтагскій, Амалатъ-Бекъ, родной племянникъ и зять шамхала тарковскаго, и Шихъ-Али-Ханъ дербентскій. „Уцмій каракайтагскій,—говоритъ Ермоловъ въ своихъ запискахъ:—извѣстный между здѣшними народами за человѣка отличной храбрости, находился въ бою противъ войскъ нашего лѣваго крыла, и жители Лавашей видѣли его бѣжавшимъ ранѣе прочихъ. Шихъ-Али-Ханъ дербентскій составлялъ главнѣйшую въ совѣщаніяхъ особу, но въ опасности не вдавался и въ бѣгствѣ не былъ изъ послѣднихъ. Аварскій ханъ не былъ; изъ его подданныхъ приходили не многіе".

Впечатлѣніе, произведенное на акушинцевъ внезапнымъ, неожиданнымъ погромомъ, было такъ сильно, что на слѣдующій день русскія войска нигдѣ не встрѣчали непріятеля. Посланные въ разъѣздъ казаки открыли, что жители окрестныхъ деревень возятъ даже въ горы свои семейства и угоняютъ стада. Конница русская взяла нѣсколько плѣнныхъ, отбила обозы и множество скота. Изъ многихъ деревень непріятель бѣжалъ съ такою поспѣшностью, что были брошены даже грудныя дѣти.

Войска шли грозою и все, что встрѣчалось на пути непокорнаго, предавалось огню и разрушенію. „Разореніе, говоритъ Ермоловъ:—нужно было, какъ памятникъ наказанія гордаго и никому еще доселѣ не покорствующаго народа".

Съ удивленіемъ смотрѣли русскіе на прекрасныя жилища поселянъ, попадавшіяся имъ на пути. Большая часть домовъ, выстроенная изъ необожженнаго кирпича, были обширны, чисты и опрятны. Но что особенно поражало—это обработка земли въ гористой и неудобной мѣстности. Здѣсь-то именно на самыхъ страшныхъ крутизнахъ, и попадались площадки посѣвовъ, расчищенныя съ страшными усиліями и искусно поддерживаемыя контрфорсами. Обработка земли у дагестанцевъ могла бы сдѣлать честь самому просвѣщенному культурному народу.

По словамъ Ермолова, отличительными чертами акушинскаго народа служитъ добронравіе, кротость и трудолюбіе, несмотря на прирожденную имъ воинственность и гордость. Праздность почитается у нихъ порокомъ, — и, можетъ быть, эти-то именно качества и поставили ихъ выше сосѣдей, которымъ они уступаютъ въ силѣ, но которыхъ превосходятъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ. „Но начинаетъ уже, замѣчаетъ Ермоловъ:—и у нихъ вселяться развратъ отъ употребленія горячихъ напитковъ. Доселѣ роскошнѣйшимъ служитъ наше казенное вино, и развѣ спасетъ ихъ то,—иронически прибавляетъ онъ:—что вице-губернаторы продаютъ вмѣсто водки воду."

21 декабря войска подошли къ Акушѣ и заняли его безъ боя; городъ былъ пустъ. Жители, бѣжавшіе изъ него, укрывались въ сосѣднихъ горахъ. Но Ермоловъ приказалъ не преслѣдовать ихъ,

хотя, разсѣянные и объятые ужасомъ, они легко могли бы сдѣлаться добычею русскихъ. Войскамъ запрещено было касаться къ имуществу жителей, и всѣ покинутые дома остались цѣлы и неприкосновенны; разрушены были до основанія только тѣ, которые принадлежали друзьямъ бѣглаго Шихъ-Али-Хана, участвовавшимъ съ нимъ въ дѣйствіяхъ противъ русскихъ. Великодушная пощада, которой никто не ожидалъ, произвела на жителей поражающее впечатлѣніе. Мало по малу они стали стекаться въ городъ съ увѣренностію, что найдутъ снисхожденіе; женщины приходили въ самый лагерь и отыскивали тамъ грудныхъ дѣтей своихъ, которыхъ солдаты сберегали; одному изъ знатнѣйшихъ возвратили молодую дочь его, которую во время плѣна содержали съ предупредительнымъ уваженіемъ. Все это быстро измѣнило настроеніе акушинцевъ. Почетнѣйшіе изъ нихъ, въ числѣ 150 человѣкъ, явились къ Ермолову, чтобы изъявить ему отъ лица народа покорность.

Торжество побѣды омрачено было лишь, однимъ незначительнымъ въ сущности, но непріятнымъ эпизодомъ. Въ числѣ депутатовъ находился сѣдой, старый кадій селенія Макачу. Что привлекло его сюда — трудно сказать. Но въ ту минуту, когда все пало ницъ передъ Ермоловымъ, онъ вышелъ впередъ и, остановившись въ нѣсколькихъ шагахъ, въ самыхъ дерзкихъ выраженіяхъ сталъ говорить о томъ, что побѣда русскихъ ничтожна, что акушинцы сильны, какъ прежде, и что Аллахъ пошлетъ имъ побѣду. „Взгляни, сказалъ онъ:—на эти горные тропы и утесы и вспомни, что это тѣ самыя мѣста, въ которыхъ была разбита и уничтожена нашими предками многочисленная армія государя, въ десять разъ сильнѣйшаго противъ русскаго царя. Такъ можешь ли ты, послѣ Шахъ-Надира, съ горстью твоихъ солдатъ, предписать намъ законы...“ Глаза его, какъ глаза дикаго звѣря, наливались кровью, рука судорожно дрожала, хватаясь за рукоять кинжала. „Я стоялъ ближе всѣхъ къ генералу, — разсказываетъ Бѣгичевъ:—и опасаясь, чтобы фанатикъ въ изступленіи не бросился на него съ кинжаломъ, вынулъ пистолетъ и держалъ его со взведеннымъ куркомъ наготовѣ; многіе также невольно положили руки на шашки. Ужасъ и недоумѣніе выразились на ли-

цахъ акушинскихъ депутатовъ, не ожидавшихъ ничего подобнаго. Но Ермоловъ остался спокойнымъ и, опершись на саблю, слушалъ дерзкую рѣчь изувѣра. Когда тотъ кончилъ, Ермоловъ грозно сдвинулъ брови и крикнулъ: „взять его подъ арестъ!“ Акушинцы схватили стараго кадія. „Судите и накажите его сами“, сказалъ Ермоловъ. Народный судъ былъ не долгъ: озлобленные старшины тутъ же повалили кадія на землю и избили нагайками. Говорятъ, что кадій черезъ нѣсколько дней умеръ.

Когда въ городѣ водворился порядокъ, акушинскіе жители и собранные сюда главнѣйшіе изъ старѣйшинъ отъ всѣхъ селеній вольнаго Даргинскаго общества приведены были къ присягѣ на подданство русскому императору. Церемонія происходила въ великолѣпной городской мечети. Войска стояли въ ружьѣ, и, съ послѣднимъ словомъ присяги, сто одинъ пушечный выстрѣлъ возвѣстилъ сосѣднимъ горамъ о совершившемся фактѣ. Жители Акуши поднесли Ермолову въ память пребыванія его въ горахъ драгоцѣнную шашку.

— „Труды ваши, храбрые товарищи,—говорилъ Ермоловъ въ приказѣ по корпусу:—проложили намъ путь въ середину акушинскаго народа, воинственнаго и сильнѣйшаго въ Дагестанѣ. Страшными явились вы передъ лицомъ непріятеля, и многія тысячи не противостали вамъ, разсѣялись и бѣгствомъ снискали спасеніе. Область покорена, и новые подданные великаго нашего Государя благодарны за великодушную пощаду.

„Вижу, храбрые товарищи, что не вамъ могутъ предлежать горы неприступныя, пути непроходимые. Скажу волю Императора— и препятствія исчезаютъ передъ вами. Заслуги ваши смѣло свидѣтельствуютъ передъ Государемъ Императоромъ, и кто достойнѣйшій изъ васъ не одаренъ его милостью?»

Главнымъ кадіемъ Ермоловъ назначилъ стараго Зухума, уже бывшаго въ этомъ званіи прежде и извѣстнаго спокойнымъ характеромъ и умомъ. Отъ знатнѣйшихъ фамилій взяты аманаты и отправлены въ Дербентъ; на Акушинскій союзъ наложена дань, ничтожная въ матеріальномъ смыслѣ,—2000 барановъ ежегодно,—но важная по нравственному значенію, какъ доказательство ихъ зависимости.

Инымъ характеромъ отличались распоряженія Ермолова въ отношеніи къ мехтулинцамъ. Многіе изъ нихъ, приставшіе къ мятежу, отправлены были въ Кизляръ и тамъ повѣшены,—„дабы—по выраженію Ермолова:—безпокойные сосѣди кавказской линіи знали, что и въ Дагестанъ простирается власть наша и тщетна ихъ на него надежда". Значительная часть Мехтулинскаго ханства,—та, которая послѣ смерти Гассанъ-Хана должна была, по раздѣлу наслѣдства, перейти къ аварскому хану,—была закрѣплена за шамхальствомъ; остальная часть оставлена за малолѣтними дѣтьми умершаго владѣльца. Ермоловъ принялъ ихъ подъ покровительство государя императора и отправилъ въ Россію, вмѣстѣ съ бабкою, той злою и гнусною старухой, переписка которой съ акушинскимъ кадіемъ по поводу шамхала была захвачена въ Акушѣ.

Въ числѣ плѣнныхъ, содержавшихся въ русскомъ лагерѣ, находился въ то время и молодой Амалатъ-Бекъ, родной племянникъ шамхала тарковскаго. Какъ житель Мехтулы, онъ подлежалъ смертной казни, и былъ спасенъ отъ висѣлицы только благодаря заступничеству полковника Верховскаго, тронутаго молодостью преступника. Такимъ образомъ здѣсь, подъ Акушею, начался прологъ той романической драмы, которая, спустя три года, окончилась трагическою смертью одного изъ достойнѣйшихъ кавказскихъ офицеровъ, полковника Верховскаго, и послужила темой извѣстному роману Марлинскаго—«Амалатъ-Бекъ».

26 декабря войска оставили Акушинскія владѣнія, съ тѣмъ, чтобы возвратиться на линію. Но по пути, въ Мехтулинскомъ ханствѣ, оставленъ былъ зимовать особый отрядъ, подъ командою Верховскаго, на котораго возложено было и гражданское управленіе, какъ въ Мехтулѣ, такъ и въ другихъ мирныхъ обществахъ Сѣвернаго Дагестана.

Въ землѣ, гдѣ никогда доселѣ не располагались войска, солдаты, квартируя среди мусульманъ и даже вмѣстѣ съ ними въ домахъ, снискали полное довѣріе жителей. „Они уразумѣли,—говоритъ Ермоловъ про дагестанцевъ:—что войско, бывающее ужасомъ врагамъ, украшаетъ снисходительное и великодушное поведеніе,—послѣдствіями чего было то, что изъ горъ выведено было до 70 русскихъ плѣнныхъ".

Кацыревъ разсказываетъ, что одинъ акушинецъ привелъ стараго русскаго солдата и, прощаясь съ нимъ со слезами, давалъ ему двѣ тысячи рублей, 20 коровъ и 50 барановъ. Онъ пояснялъ всѣмъ бывшимъ при этомъ, что 18 лѣтъ назадъ, будучи въ крайней бѣдности, принялъ къ себѣ въ домъ этого солдата, который, женившись на его дочери, своимъ прилежаніемъ, трудолюбіемъ и добрымъ поведеніемъ пріобрѣлъ ему все настоящее богатство. Но солдатъ взялъ только 100 р.

Память о славномъ походѣ Ермолова и понынѣ осталась въ горахъ Дагестана въ народныхъ пѣсняхъ и разсказахъ горцевъ. Вотъ одна изъ этихъ пѣсенъ, записанная въ Кубачахъ, но которая поется не только въ Акушѣ и въ другихъ селеніяхъ Даргинскаго союза, а и въ Горномъ Кайтагѣ.

„Ермоловъ и шамхалъ—говоритъ она:—сходились на границѣ Дарги и совѣщались, какъ бы покорить его.

„И тамъ, гдѣ ни лисица, ни курица во всю свою жизнь не могли бы отыскать тропинки, Ермоловъ нашелъ для себя большую дорогу.

„Ермоловъ, въ присутствіи государя, ѣлъ очень мало, какъ ручной ястребъ, а на врага бросался, какъ голодный и разъяренный левъ.

„Руками онъ дѣйствовалъ, подобно желѣзному молоту, ломающему камни.

„Когда Ермоловъ сидѣлъ, то всѣ беки стояли передъ нимъ, какъ солдаты.

„Ермоловъ, ты внезапно появился въ Даргѣ съ повозками, наполненными серебромъ, и съ лошадьми, навьюченными сумками съ золотомъ.

„Какъ два противные вѣтра сталкиваются въ одномъ мѣстѣ и потомъ разлетаются, такъ точно и акушинцы, страшась сильнаго и храбраго Ермолова, узнавъ о его приближеніи, собрались въ одну кучу, а едва увидѣли его—разбѣжались въ разныя стороны.

„Какъ только Ермоловъ пришелъ къ Акушу, постарѣли и посѣдѣли отъ страха акушинскіе старшины и кадіи“.

„Ермоловъ, не употребляя ни пороху, ни ружей, ни пушекъ, покорилъ нашу Даргу одною острою саблей.

„Ермоловъ! Развѣ тебѣ не жаль было разорять нашу Даргу, видя слезы и слыша плачъ и рыданія нашихъ бѣдныхъ женъ и дѣтей.

„Ты пріобрѣлъ въ Даргѣ и на всемъ Кавказѣ столь великую славу, какъ турецкій султанъ.

„Ты такъ разорилъ насъ и навелъ такой великій и сильный страхъ на нашъ народъ, какъ персидскій шахъ,—

„Но бѣдныхъ ты наградилъ деньгами, а голодныхъ накормилъ хлѣбомъ.

„И народная память сохранитъ среди насъ славу Ермолова до тѣхъ поръ, пока міръ не разрушится“.

Даргинскій вольный союзъ былъ покоренъ, дѣйствительно, такъ прочно, что въ 1823 году, когда волненіе и мятежи опять возникли въ Дагестанѣ, даргинцы не только не приняли никакого участія въ безпорядкахъ, но даже понудили нѣкоторыя непокорныя селенія выдать аманатовъ. То же повторилось въ 1825 году, во время чеченскаго бунта, когда акушинцы своимъ вліяніемъ удержали въ спокойствіи весь Дагестанъ, уже готовый идти на помощь къ Чечнѣ тѣмъ съ большею охотой, что возстаніе было во имя религіи. Черезъ годъ послѣ этого, когда персіяне внезапно вторглись въ русскіе предѣлы и разослали свои прокламаціи, чтобы поднять противъ Россіи горскіе народы, когда даже и закавказскія мусульманскія провинціи склонились къ измѣнѣ, акушинцы остались вѣрными и не только не участвовали въ мятежѣ, но переслали къ Ермолову всѣ письма персіянъ, въ которыхъ тѣ обѣщали имъ богатые подарки и большія суммы денегъ. Ермоловъ достойно оцѣнилъ вѣрность даргинскаго народа и именемъ государя сложилъ съ него дань.

Государь не остановился однакоже на этой милости и приказалъ спросить Ермолова, не считаетъ ли онъ нужнымъ даровать даргинскому народу знамя или какой-либо клейнодъ для храненія въ потомствѣ, по примѣру регалій, жалуемыхъ казачьимъ войскамъ. И спустя годъ, уже при Паскевичѣ, акушинцамъ, дѣйствительно, пожалована была хоругвь, на которой арабскими буквами изображена слѣдующая надпись:

„Николай I-й, Императоръ Всероссійскій, Государь христіанскихъ народовъ разныхъ наименованій, повелитель многочисленныхъ племенъ и ордъ мусульманскихъ, вольному Акушинскому

обществу за соблюденіе долга вѣрности, даровалъ хоругвь сію въ управленіе Махамедъ-Кадія".

11-го января 1820 года Ермоловъ черезъ Мехтулинское ханство прибылъ въ Дербентъ, чтобы отсюда прямою дорогой проѣхать въ Тифлисъ, куда призывали его спѣшныя дѣла, по случаю возникшихъ тогда волненій и безпорядковъ въ Имеретіи. „Въ Дербентѣ,—говорится въ его запискахъ:—я съ удовольствіемъ взглянулъ на развалины одной батареи, гдѣ 24 года тому назадъ устроена была брешъ-батарея, которою командовалъ я, будучи артиллерійскимъ капитаномъ". Здѣсь же, въ Дербентѣ, къ Ермолову явился Муравьевъ, только что возвратившійся тогда изъ своей поѣздки въ Хиву, и получены были успокоительныя извѣстія изъ Имеретіи и Южнаго Дагестана, гдѣ попытка Сурхая казикумыкскаго пробиться въ Кубинскую провинцію разбилась о геройскую, достойную вѣчной памяти оборону Чирагскаго укрѣпленія.

Такимъ образомъ, повсюду въ Дагестанѣ возстановлялись спокойствіе и покорность. Но, бывши свидѣтельствомъ непреодолимой силы русскаго оружія, они не ручались за будущность и мирное развитіе страны, въ которой всѣ мечты народной поэзіи сосредоточивались на битвахъ съ блескомъ и звономъ оружія и съ доблестнымъ безстрашіемъ передъ грозными очами смерти. Достаточно было случая, чтобы разрушить мирное настроеніе даже акушинцевъ, хотя оно основывалось на лучшемъ ручательствѣ, на уваженіи къ нравственной силѣ русской. Въ то же время въ горахъ возникало и росло броженіе религіозной идеи, возстановляющей противъ гяуровъ. Нужно было позаботиться о томъ, чтобы не встрѣтить возможныхъ опасностей съ пустыми руками и неосновательными надеждами, — и Ермоловъ, пользуясь временнымъ затишьемъ, снова принялся за выполненіе своего плана—возможно прочнаго покоренія Дагестана. На очереди лежало наказаніе казикумыкскаго хана.

XVII.

Защита Чирагскаго укрѣпленія.

На границѣ между Казикумыкомъ и Кюрою, въ горномъ проходѣ, составляющемъ ключъ пограничныхъ позицій, стояло небольшое укрѣпленіе Чирагъ, устроенное еще до Ермолова.

Въ 1819 году, въ холодное зимнее время, когда въ Дагестанѣ былъ всеобщій мятежъ, и Ермоловъ шелъ походомъ на Акушу, пять или шесть тысячъ мятежниковъ, по заранѣе обдуманному плану военныхъ дѣйствій, направлялись въ Кюринское ханство, чтобы вынудить и его отложиться отъ русскихъ. Самъ Сурхай-Ханъ казикумыкскій велъ это скопище. На пути лежало Чирагское укрѣпленіе. Мятежники, очевидно, побоялись оставить удобнѣйшій горный проходъ не занятымъ,—и Чирагу, такимъ образомъ, пришлось вынести на своихъ плечахъ всю силу мятежническаго нападенія и прославиться доблестною защитою.

Въ то время въ укрѣпленіи стояли двѣ роты Троицкаго пѣхотнаго полка. Къ сожалѣнію, не всѣ онѣ помѣщались въ самой крѣпостцѣ, а нѣкоторая часть ихъ обыкновенно располагалась по

обывательскимъ саклямъ. Это обстоятельство трагически отразилось на судьбѣ защитниковъ укрѣпленія.

Однажды, когда тишина холодной декабрской ночи перерывалась только окликомъ часовыхъ да топотомъ конныхъ разъѣздовъ, окрестности Чирага внезапно огласились смутнымъ гамомъ битвы, раздались выстрѣлы, гики, стоны... Это лезгины, тихо спустившись съ горъ, неожиданно ворвались въ селеніе. Изъ восьмидесяти гренадеръ, бывшихъ въ сакляхъ, одни были перерѣзаны, другіе бѣжали въ крѣпостцу. Прапорщикъ же Щербина, молодой офицеръ, незадолго передъ тѣмъ пріѣхавшій на Кавказъ изъ кадетскаго корпуса, успѣлъ съ четырьмя стрѣлками пробиться сквозь толпу лезгинъ къ высокому каменному минарету, стоявшему передъ крѣпостцею и засѣлъ тамъ съ твердою рѣшимостью защищаться на-смерть. Лезгины окружили башню и открыли по ней ружейный огонь. Минаретъ былъ ветхъ; его старыя стѣны испещрены трещинами,— и десятки пуль, пронизывая какъ эти отверстія, такъ и деревянныя ставни оконъ и дверей, крестили въ башнѣ по всѣмъ направленіямъ. Штабсъ-капитанъ Овечкинъ, оставшійся главнымъ начальникомъ укрѣпленія, сдѣлалъ двѣ вылазки, желая выручить товарищей; но Щербина каждый разъ кричалъ ему: „воротись и береги людей для охраны крѣпости: они нужнѣе меня! Я уже обрекъ себя на смерть—и умру не даромъ. Если не станетъ свинцу, то я своимъ паденіемъ раздавлю непріятеля!“

Выстрѣлы осажденныхъ, у которыхъ, по счастію, случилось большое количество патроновъ, наносили горцамъ чувствительный вредъ и не позволяли приблизиться къ крѣпости. Не разъ, но напрасно, лезгины предлагали героямъ сдаться; наконецъ, озлобленные, они вломились внутрь минарета, изрубили стрѣлковъ, и по узкой винтообразной лѣстницѣ устремились вверхъ, куда скрылся Щербина. Съ мрачною рѣшимостію, облокотясь на шашку, стоялъ онъ на верху лѣстницы надъ самымъ отверстіемъ, и лишь просовывалась въ нее голова лезгина, какъ обезглавленный трупъ съ грохотомъ уже катился внизъ, поливая кровью каменныя ступени. Съ десятокъ вражьихъ головъ уже валялись у ногъ отважнаго юноши. Лезгины, убѣдившись, что силой имъ ничего

не подѣлать, рѣшили подкопать и свалить башню. Цѣлый день тянулась работа, а къ вечеру минаретъ рухнулъ. Къ несчастію, Щербина не погибъ подъ развалинами, и горцы, вытащивъ полураздавленнаго юношу, предали его страшнымъ мученіямъ: они нанесли ему множество несмертельныхъ ранъ и, постепенно выматывая жилы, замучили до смерти.

Такъ погибъ доблестный юноша, отличавшійся образованіемъ, умомъ и необыкновенною твердостію духа.

Съ паденіемъ башни, лезгины обратили всѣ свои силы противъ крѣпостцы, гдѣ защищалось четыреста человѣкъ Троицкаго полка. Обложивъ крѣпость и спустившись въ ровъ подъ убійственнымъ картечнымъ огнемъ, непріятель залегъ подъ самыми ея стѣнами. Два раза ходили горцы на приступъ и два раза были отбиты съ огромнымъ урономъ. Но и со стороны осажденныхъ потери были велики. Офицеры были перебиты всѣ, и подъ конецъ отстался одинъ только заслуженный штабсъ-капитанъ Овечкинъ, съ простреленною ногою и при немъ человѣкъ сто нижнихъ чиновъ, которые притомъ на половину были переранены.

Положеніе гарнизона становилось съ каждою минутой отчаяннѣе и отчаяннѣе. Осада длилась уже три дня, въ крѣпости не было ни капли воды, чтобы обмыть раны и промочить губы, запекшіяся отъ крови и жажды. Удальцы спускались ночью со стѣны и прокрадывались къ источнику, но немногимъ изъ нихъ удавалось возвращаться, — великодушные люди платили собственною кровью и жизнью за воду, добытую для товарищей. Солдаты грызли пули и глотали порохъ, чтобы тѣмъ освѣжить себя; но внутренній жаръ, усталость и безсонница усугубляли ихъ страданія.

Между тѣтъ лезгины настойчиво требовали сдачи.

— „Товарищи!—сказалъ Овечкинъ изнемогавшимъ солдатамъ, уже начинавшимъ отчаяваться въ спасеніи: — я дѣлилъ съ вами раны, не разъ водилъ васъ противъ врага, и никогда не видалъ въ побѣгѣ. Не дайте же мнѣ, при концѣ моей жизни, увидѣть васъ, какъ трусовъ, безъ оружія, а себя—въ постыдномъ плѣну. Не опозоримъ имени кавказскаго солдата. Коли не такъ,—то прежде

пристрѣлите меня, и тогда дѣлайте, что хотите, если не можете сдѣлать того, что обязаны".

Одушевленные этою рѣчью, съ крикомъ „ура", солдаты клялись умереть на стѣнахъ крѣпости, и на новое предложеніе сдаться—отвѣтили дружнымъ залпомъ изъ ружей и пушекъ.

Былъ полдень четвертаго дня осады. Храбрый Овечкинъ, истекая кровью, изнемогая отъ судорогъ, впалъ въ глубокій, продолжительный обморокъ. Тогда фельдфебель одной изъ ротъ сталъ уговаривать солдатъ сдаться. „Надежды на помощь нѣтъ,—говорилъ онъ: — порохъ на исходѣ, а мы — какъ тѣни отъ ранъ, жажды и истомы. Слышите ли, какъ они предлагаютъ намъ честный полонъ? Если не воспользуемся этимъ теперь, то будетъ уже поздно: черезъ часъ лезгины безъ выстрѣла возьмутъ нашу крѣпость и насъ передавятъ какъ мухъ".

Слова эти поразили пришедшаго въ себя Овечкина. Полный негодованія, онъ подозвалъ къ себѣ фельдфебеля и неожиданнымъ ударомъ повергъ его на землю. „Свяжите! Бросьте со стѣны этого измѣнника! —кричалъ онъ:—я застрѣлю перваго, кто упомянетъ о сдачѣ!"

Онъ приказалъ поднятъ себя къ пушкѣ, схватилъ дрожащею рукою фитиль и скомандовалъ: „отнимай доску»!

Амбразуры, за которыми стояли орудія, наглухо закрывались досками, предохранявшими артиллеристовъ отъ непріятельскаго огня. Доска была отнята, пушка грянула. Но въ то же время сотни пуль влетѣли въ открытое отверстіе и Овечкинъ, простреленный въ бокъ и въ ухо, замертво скатился съ платформы. Солдаты, воспламененные храбростью начальника, поклялись умереть безъ ропота.

Лезгины готовились, между тѣмъ, къ новому приступу. Гибель храбрыхъ, казалось, была неизбѣжна. Но вотъ вдали засверкали русскіе штыки; на помощь осажденнымъ съ окрестныхъ горъ спускался отрядъ. Это былъ самъ окружной начальникъ, генералъ-маіоръ Вреде, спѣшившій изъ Кюры съ ротою пѣхоты, и капитанъ Севастопольскаго полка Агѣевъ съ пятьюдесятью солдатами.

Въ это же самое время Сурхай-Ханъ получилъ извѣстіе, что

Акуша пала передъ русскими войсками. Смущенный, онъ не рѣшился продолжать борьбу и обратился въ бѣгство, пославъ въ Казикумыкъ приказаніе, чтобы семейство его спѣшило въ горы. Онъ ожидалъ, что измѣна его не будетъ оставлена безъ наказанія. Его примѣру послѣдовали и предводимыя имъ толпы. Чирагъ былъ освобожденъ.

Помощь подоспѣла во-время. Изъ цѣлаго гарнизона въ укрѣпленіи оставалось въ живыхъ только 70 человѣкъ, и изъ нихъ не раненыхъ—восемь.

Главнокомандующій представилъ Овечкина къ наградѣ орденомъ св. равноапостольнаго князя Владиміра 4 ст. съ бантомъ; но императору Александру угодно было увеличить награду храбраго офицера и слѣдующимъ чиномъ.

„Въ семъ примѣрѣ особенной награды, — писалъ Ермоловъ въ своемъ приказѣ по Кавказскому корпусу отъ 12 мая 1820 года:—каждый изъ служащихъ долженъ видѣть сильнѣйшее одобреніе, и что Императоръ, въ случаяхъ, отличнаго вниманія достойныхъ, не ограничиваетъ милостей своихъ ходатайствомъ начальниковъ и ихъ подчиненныхъ“.

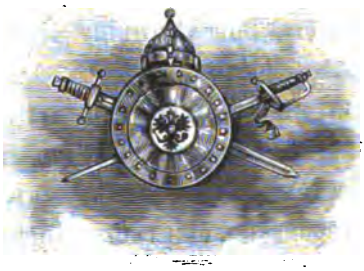
Черезъ полгода Овечкинъ выздоровѣлъ и находился уже въ строю: Ермоловъ, въ награду за оборону Чирага, назначилъ его въ передовые на приступъ аула Хозрекъ, гдѣ рѣшалась судьба Сурхая казикумыкскаго. Впослѣдствіи Овечкинъ командовалъ Тифлисскимъ пѣхотнымъ полкомъ.

Геройскимъ подвигомъ Чирагской защиты заканчивается лѣтопись Троицкаго полка на Кавказѣ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, онъ, въ кадровомъ составѣ, отправленъ былъ въ Россію. Но капитанъ Овечкинъ и геройскіе защитники Чирага не оставили Кавказа,—они поступили въ ряды Апшеронскаго полка.

На старомъ кладбищѣ въ Царскихъ Колодцахъ понынѣ можно найти простой камень съ лаконическою надписью: „Полковникъ Овечкинъ“. Подъ этимъ камнемъ и покоится прахъ героя,—одного изъ тѣхъ, чья память не должна умирать въ потомствѣ.

Защита Чирага принадлежитъ къ фактамъ незначительнымъ по размѣрамъ, къ тѣмъ, которые не могутъ вліять на судьбы на-

родовъ и государствъ. Но если смотрѣть на нее съ точки зрѣнія личнаго подвига, поучительнаго примѣра преданности отчизнѣ и беззавѣтнаго исполненія долга, — значеніе его возрастаетъ до великаго. Пусть тутъ не было сотенъ тысячъ противъ сотенъ тысячъ, и не было спора за обладаніе столицею обширнѣйшей страны. Но здѣсь одинъ офицеръ, съ помощью четырехъ рядовыхъ, удерживалъ цѣлый день многочисленныя толпы непріятеля, видя передъ собою неизбѣжную смерть, но и передъ лицомъ смерти исполненный одного желанія, чтобы гибель его послужила къ славѣ и къ пользѣ родины; здѣсь сотни боролись противъ тысячъ, стояли до конца и спасли, лежавшій за крѣпостью, обширный край отъ бѣдствій вражескаго вторженія. Важенъ тотъ духъ доблести, который жилъ въ защитникахъ Чирага, какъ и во всѣхъ кавказскихъ войскахъ. Защита Чирага есть одинъ изъ проблесковъ того великаго пламени любви къ отчизнѣ и беззавѣтной преданности долгу, который горѣлъ въ сердцахъ сыновъ Россіи, давшихъ ей Кавказъ. И пусть подвиги, подобные подвигамъ Щербины и Овечкина,—не умираютъ вовѣки.



XVIII.

Походъ въ Казикумыкъ.

въ 1820 году.

Существуетъ въ Дагестанѣ стародавнее преданіе, что въ числѣ населявшихъ его народовъ арабы застали многочисленное племя лаковъ, обитавшее на обширной территоріи съ главнымъ городомъ Кумухомъ. Племя это не оказало арабамъ большаго сопротивленія: оно первымъ въ Дагестанѣ приняло магометанство и, слѣдуя обычаямъ новой вѣры, двинулось за своими побѣдителями покорять ученію пророка новыхъ прозелитовъ. За то оно получило почетное названіе „Гази",—что значитъ: воюющіе за вѣру. Отъ сліянія двухъ словъ: Гази-Кумухъ, что можно бы было перевести выраженіемъ: кумухскіе воины за вѣру,—и произошло, какъ полагаютъ, испорченное названіе „казикумыки", подъ которымъ съ тѣхъ поръ извѣстны своимъ сосѣдямъ воинственные лаки.

Арабы поставили правителемъ лаковъ нѣкоего Шахъ-Бала. Покоривъ другія племена Кавказа и давъ каждому своихъ правителей подъ различными титулами (уцміи, мейсумы, кадіи и т. п.), всѣхъ ихъ они подчинили верховной власти Шахъ-Бала съ его потомствомъ. Оттуда, какъ полагаютъ, и произошелъ впослѣдствіи знаменитый верховный дагестанскій титулъ шамхала, который до самыхъ послѣднихъ временъ носилъ названіе „валія" Дагестана.

Шахмалы имѣли резиденцію въ Кумухѣ и отсюда управляли всею страною.

Такъ прошли вѣка. По какой-то неизвѣстной причинѣ, шамхалы перенесли свою резиденцію изъ горъ въ приморскіе Тарки, но Казикумыкъ долго еще считался ихъ наслѣдственнымъ владѣніемъ. Нужно думать, что лаки не легко мирились съ происшедшею перемѣною. Присутствіе въ ихъ землѣ шахмала давало имъ первенствующее положеніе между народами Дагестана, — теперь они обратились въ обыкновенный народъ, ставшій къ шахмалу въ вассальныя отношенія, и между ними, естественно, возникло стремленіе къ полной независимости. Этимъ настроеніемъ племени воспользовался, во времена Петра Великаго, знаменитый въ горахъ Чолакъ-Сурхай, провозгласившій себя независимымъ ханомъ племени лаковъ.

Съ тѣхъ поръ Казикумыкское ханство заключилось въ тѣсные предѣлы на верховьяхъ рѣки, извѣстной подъ именемъ казикумыкскаго Койсу, отдѣленное высокими, непроходимыми снѣговыми горами какъ отъ долины Самура и Кюры, такъ и отъ сосѣднихъ владѣній акушинцевъ аварцевъ, и андаляльцевъ. Изъ Акуши, Андаляла и Кюры существовали только три тропы, ведущія внутрь Казикумыка, которыя притомъ на каждомъ шагу представляли удобнѣйшія позиціи для упорной защиты отъ наступающаго врага. Страну изрѣзываютъ къ тому же вдоль и поперекъ крутыя, каменныя горы и глубокія пропасти и ущелья. Естественно, что Казикумыкъ уже по своему географическому строю всегда былъ мало доступенъ для проходившихъ одинъ за другимъ по Прибережному Дагестану воинственныхъ племенъ и развилъ въ себѣ гордое чувство независимости.

Съ другой стороны суровая, безлѣсная, каменная страна, не дававшая возможности населенію жить дарами родной природы, развила въ населеніи Казикумыка страсть къ войнѣ и къ жизни разбойничьихъ набѣговъ. Воинственныя свойства народа повели къ тому, что казикумыки стремились подчинить себѣ сосѣдей, а въ смутныя, безпокойныя времена вражескихъ нашествій и домашнихъ междоусобій, за ничтожную плату шли сражаться съ кѣмъ и противъ кого угодно.

Казикумыкъ и понынѣ хранитъ память о мудромъ основателѣ своей независимости. И не одинъ Казикумыкъ, — весь Дагестанъ знаетъ славное имя Чолака, давшаго своей странѣ такое вѣское значеніе, что всѣ владѣтели, союзы и общества Дагестана искали дружбы и покровительства его. Чолакъ-Сурхай — любимый герой дагестанскихъ легендъ. Самое достиженіе имъ власти облечено въ легендарныя формы. Вотъ какъ разсказываютъ объ этомъ народныя преданія.

Въ концѣ XVII или въ самомъ началѣ XVIII вѣка умеръ правитель Казикумыка, по имени Али-Бекъ. У него было два сына; но оба они умерли еще при жизни отца, оставивъ послѣ себя: старшій—вдову и семь сыновей, а младшій, Гирей,—вдову и одного сына, Сурхая. Дѣти старшаго брата не пользовались доброю славою и симпатіями народа; однакоже казикумыкцы считали ихъ старшими наслѣдниками власти, и потому отправили къ ихъ матери, женщинѣ, по преданію, надменной и злобной, своихъ старшинъ съ просьбой отпустить одного изъ сыновей для управленія страною. Разсказываютъ, что вдова даже не приняла старшинъ, а только приказала служанкѣ вынести къ нимъ свой старый башмакъ и сказать: „довольно будетъ съ васъ, дураковъ, подчиняться и этому башмаку, а сына я вамъ не дамъ ни одного“. Преданіе, сохранившее слова надменной дагестанки, къ сожалѣнію, не объясняетъ ихъ смысла, оставляя широкое поле догадкамъ и предположеніямъ.

Оскорбленные такимъ пріемомъ, старшины обратились тогда ко вдовѣ Гирея. Та приняла ихъ съ почетомъ, и въ ихъ же присутствіи дала Сурхаю наставленіе, какъ долженъ поступать онъ тогда, когда сдѣлается правителемъ. „Со старшимъ тебя— сказала она ему:—обращайся, какъ съ отцомъ, съ ровесникомъ, какъ съ братомъ, съ младшимъ, какъ съ сыномъ“.

Узнавъ оба отвѣта, казикумыкскій народъ тотчасъ же провозгласилъ Сурхая своимъ правителемъ, а для старшей семьи, оказавшей ему такое неуваженіе, потребовалъ немедленнаго изгнанія изъ Казикумыка. Боясь народнаго мщенія, она бѣжала поспѣшно въ Акушу, не успѣвъ захватить съ собою даже самыхъ необходимыхъ вещей.

Между тѣмъ, когда настало время собирать обычную подать на содержаніе правителя, семеро братьевъ старшей линіи всѣ явились въ селеніе Аштн, съ требованіемъ уплаты подати имъ, а не Сурхаю. Старшина далъ знать объ этомъ въ Кумухъ. Сурхай съ нѣсколькими нукерами самъ пріѣхалъ въ Аштн, но, не въѣзжая въ селеніе, вступилъ съ своими двоюродными братьями въ переговоры, склоняя ихъ отказаться отъ незаконнаго требованія и обѣщая обезпечить имъ содержаніе. Но тѣ ничего не хотѣли слушать. Тогда Сурхай предложилъ имъ кончить дѣло поединкомъ, объявивъ, что готовъ драться одинъ противъ семерыхъ, лишь бы не подвергать своихъ подданныхъ опасности междоусобія. Семь братьевъ, навѣрное разсчитывая уничтожить ненавистнаго имъ Сурхая, съ радостію приняли вызовъ. Въ назначенное время Сурхай, отдавъ приказаніе своимъ нукерамъ отнюдь не вмѣшиваться въ дѣло, пока онъ будетъ живъ, вышелъ навстрѣчу своимъ противникамъ къ аштинской полянѣ, и здѣсь завязалась неестественная битва на кинжалахъ одного противъ семерыхъ. Сурхай, обладавшій богатырскою силой и необыкновенною ловкостью и смѣлостью, бился отчаянно. Трое изъ его противниковъ были убиты; остальные четверо одинъ за другимъ присоединились къ братьямъ, покрытые тяжкими смертельными ранами. Но и Сурхай былъ также тяжело израненъ, а кисть лѣвой рукой его висѣла почти совсѣмъ отрубленная — обстоятельство, давшее ему прозвище „чолакъ“, что значитъ по-татарски „безрукій“. Но онъ выздровѣлъ на счастіе народу и создалъ эпоху процвѣтанія въ жизни казикумыкцевъ.

Во время персидскаго похода графа Зубова, Казикумыкскимъ ханствомъ владѣлъ внукъ Чолака, именемъ также Сурхай, наслѣдовавшій власть въ 1789 году, уже въ преклонныхъ лѣтахъ послѣ смерти своего отца Магомета-Хана. Это былъ энергическій человѣкъ, начавшій свое управленіе тѣмъ, что завладѣлъ страною кюринцевъ и дѣятельно распространялъ свое вліяніе на всю долину Самура. Но здѣсь онъ столкнулся съ интересами Россіи, которая, по взятіи Дербента и Кубы, также стремилась распространить и утвердить свою власть во всемъ Южномъ Дагестанѣ.

Сурхай тогда же во время зубовскаго похода, внезапно напалъ на русскій батальонъ Бакунина подъ селеніемъ Алпаны и поголовно истребилъ его; но вслѣдъ за тѣмъ на голову разбитъ былъ и самъ пришедшимъ на помощь Углицкимъ пѣхотнымъ полкомъ. Когда же генералъ Булгаковъ приказалъ истребить владѣнія хана, и массы русскихъ войскъ уже двинулись въ горы, Сурхай понялъ невозможность открытой борьбы и наружно смирился. Онъ далъ аманатовъ и тогда въ первый разъ торжественно присягнулъ на подданство Россіи. Эта присяга была началомъ цѣлаго ряда измѣнъ.

Съ окончаніемъ персидской войны, когда русскія войска вышли изъ Дагестана, Сурхай не оставилъ своихъ притязаній на Кубу— предметъ его постоянныхъ, упорныхъ честолюбивыхъ замысловъ,— и берега Самура, Куба и Дербентъ становятся ареною кровавыхъ междоусобій. Прошло десять лѣтъ. Грузія, а за нею Дербентъ и Куба присоединились къ Россіи, и Казикумыкъ окончательно сталъ пограничнымъ русскимъ владѣніемъ. Тогда, угрожаемый сильнымъ сосѣдствомъ, Сурхай вторично смиряется и присягаетъ на подданство; но съ этихъ же поръ онъ усвоиваетъ по отношенію къ Россіи коварную, мстительную политику, пользуясь каждымъ удобнымъ моментомъ вредить ей.

Осенью 1811 года, когда возстаніе охватило почти все Закавказье, Сурхай внезапно вторгнулся въ русскія владѣнія, и едва-едва не овладѣлъ Кубою. Послѣдствіемъ этого была экспедиція генерала Хотунцова въ горы и отторженіе отъ Казикумыка Кюринскаго ханства. Наказанный за явную измѣну лишеніемъ части своихъ владѣній и боясь за самый Кумухъ, Сурхай вынужденъ былъ опять покориться, и снова въ третій разъ, присягнулъ на вѣрность Россіи. Но въ самый моментъ этой присяги, онъ уже лелѣялъ коварный планъ новыхъ вторженій, и черезъ Шихъ-Али-Хана дербентскаго велъ переговоры съ персидскимъ правительствомъ, прося въ то же время помощи у акушинцевъ и аварцевъ. Желаніе Сурхая возвратить Кюру было такъ сильно, что онъ, даже не дождавшись уже обѣщанной ему помощи въ маѣ 1813 года, съ одними казикумыкцами вторгнулся въ Кю-

ринское ханство. Русскій баталіонъ, стоявшій въ Курахѣ, разбилъ его на голову. Сурхай бѣжалъ въ Тавризъ—искать защиты и покровительства Персіи; Казикумыкъ остался безъ правителя. Тогда Асланъ-Ханъ кюринскій переѣхалъ въ Кумухъ и овладѣлъ управленіемъ страны, несмотря на присутствіе въ ней Муртазали-Бека, одного изъ сыновей бѣжавшаго хана.

Около года скитался Сурхай на чужбинѣ. Онъ успѣлъ въ это время убѣдиться, что на помощь Персіи, руководимой исключительно желаніемъ вредить Россіи, сѣя въ ней смуты, — собственно ему разсчитывать нечего, и рѣшился вернуться въ Казикумыкъ. На русской границѣ онъ выдержалъ сильную стычку съ казачьимъ отрядомъ, однакоже пробился, и черезъ владѣнія султана елисуйскаго пробрался къ Хозреку. Народъ, подготовленный Муртизали-Бекомъ, принялъ его сторону. Асланъ-Ханъ бѣжалъ. Къ сожалѣнію, русскіе не воспользовались тогда благопріятнымъ моментомъ и не поддержали Асланъ-Хана.

Сурхай возвратился въ свою страну подозрительный и суровый, и рядъ деспотическихъ дѣйствій съ тѣхъ поръ лишаетъ его въ Казикумыкѣ и послѣдней популярности. Первые удары подозрительности пали на старшаго сына его Муртазали-Бека.

Обязанный именно ему своимъ возвращеніемъ въ Казикумыкъ, Сурхай тѣмъ не менѣе сталъ опасаться вліянія его на народъ, и старческая подозрительность подсказала средство избавиться отъ него. И вотъ, въ первыхъ числахъ марта 1816 года, внукъ Сурхая, Магометъ-Бекъ, внезапнымъ выстрѣломъ изъ пистолета смертельно ранилъ Муртазали, а когда тотъ упалъ, племянникъ хана, Гарунъ-Бекъ, дорубилъ его шашкой. Этотъ кровавый эпизодъ, подготовленный Сурхаемъ, вызвалъ негодованіе въ народѣ и далъ возможность Асланъ-Хану кюринскому, доводившемуся Муртазали-Беку сводным братомъ (они были отъ одной матери), дѣйствовать противъ Сурхая уже во имя священнаго обычая мести. Убійцы оставались въ Казикумыкѣ не долго. Когда Сурхай, впослѣдствіи, вторично бѣжалъ изъ отечества, Магометъ-Бекъ раздѣлилъ его участь, а Гарунъ, спасая свою голову, укрылся въ далекихъ рутульскихъ селеніяхъ.

Прошло почти двадцать лѣтъ. Умеръ Асланъ-Ханъ, умеръ его преемникъ Нуцалъ-Ханъ, и Казикумыкскимъ ханствомъ владѣлъ уже младшій сынъ его, Магометъ-Мирза, человѣкъ слабохарактерный, больной, и потому мало способный къ управленію такимъ народомъ, какъ казикумыки. Однакоже одно происшествіе вдругъ возвысило его въ глазахъ народа и заставило враждебныя партіи быть осторожнѣе въ своихъ замыслахъ противъ него. Полагая, что въ двадцать лѣтъ, протекшихъ со времени убійства Муртазали, страсти успѣли уже улечься, Гарунъ, давно наскучившій добровольнымъ изгнаніемъ, вернулся въ Казикумыкъ, какъ разъ въ то время, когда тамъ справлялись поминки по Нуцалъ-Ханѣ. Но едва онъ вошелъ во дворецъ, чтобы выразить хану свое сожалѣніе о смерти его брата, какъ Магометъ-Мирза, обѣдавшій въ то время съ мехтулинскимъ ханомъ, приказалъ нукерамъ тутъ же отрубить ему голову. Такъ отомщена была кровь несчастнаго Муртазали-Бека.

Но возвратимся къ разсказу.

Утвердившись въ Казикумыкѣ, Сурхай немедленно отправилъ къ главнокомандующему, генералу Ртищеву, письмо, изъявляя раскаяніе въ своихъ неоднократныхъ измѣнахъ. Главнокомандующій не отвѣчалъ, зная, что Сурхай желаетъ только выиграть время, собирая, между тѣмъ, войска, чтобы овладѣть Кюрою. И дѣйствительно, въ августѣ 1815 года, въ окрестностяхъ Кураха уже произошло жаркое дѣло; Сурхай вторгся въ Кюру, но былъ разбитъ батальономъ маіора Поздревскаго. Эта неудача и убійство Муртазали, вызвавшее внутреннія волненія въ ханствѣ, заставили однако Сурхая серьезно искать покровительства русскихъ. Онъ отправилъ въ Тифлисъ одного изъ своихъ сыновей съ письмомъ, въ которомъ обѣщалъ загладить прежнія вины ревностною службой на пользу Россіи, и даже предлагалъ свои услуги къ поимкѣ бѣглаго грузинскаго царевича Александра. Ртищевъ принялъ эти условія,—и Сурхай торжественно, въ четвертый разъ былъ приведенъ къ присягѣ на вѣчное вѣрноподданство Россіи. Нечего и говорить, что ни одного изъ своихъ обѣщаній онъ не исполнилъ.

„Если генерала Ртищева отвлекали важнѣйшія занятія,—го-

воритъ Ермоловъ по этому поводу въ своихъ запискахъ:—то могъ онъ по крайней мѣрѣ не входить въ сношенія съ явнымъ измѣнникомъ,—сношенія, которыя не иначе онъ долженъ разумѣть, какъ прощеніе его преступленій".

При Ермоловѣ роль Сурхая-Хана, болѣе всѣхъ страшившагося появленія въ горахъ русскихъ войскъ, пріобрѣтаетъ особое значеніе, какъ роль одного изъ главныхъ двигателей событій 18 и 19 годовъ въ Дагестанѣ. Онъ вмѣстѣ съ акушинцами нападаетъ на Пестеля, посылаетъ свои войска на помощь къ мехтулинскому хану, поддерживаетъ умція каракайтагскаго и, наконецъ, вмѣстѣ съ аварскимъ ханомъ сражается при Болтугаѣ. Уже вскорѣ послѣ этого сраженія Ермоловъ рѣшилъ предпринять серьезное движеніе въ Казикумыкъ, и его задержали только дѣла съ акушинцами. Нападеніе Сурхая на Чирагское укрѣпленіе, въ декабрѣ 1819 г., окончательно утвердило главнокомандующаго въ необходимости изгнать Сурхая изъ его владѣній. Сурхай зналъ это и, втайнѣ готовясь къ оборонѣ, собиралъ большія силы въ Хозрекѣ.

19 января 1820 года короткая прокламація Ермолова возвѣстила Дагестану, что въ наказаніе гнусной измѣны Сурхая, Казикумыкъ присоединяется къ Кюринскому владѣнію, и Асланъ-Ханъ кюринскій, священнымъ именемъ государя императора, возводится въ достоинство казикумыкскаго хана.

Еще прежде того, одного изъ сыновей Сурхая, содержавшагося аманатомъ въ Тифлисѣ, Ермоловъ приказалъ заточить въ Темнолѣсскую крѣпость, а всю прислугу и свиту его отправить въ Сибирь. Жребій войны былъ брошенъ.

Дагестанъ съ своей стороны принималъ всѣ мѣры къ защитѣ Сурхая. Аварскій ханъ, Шихъ-Али дербентскій, уцмій, Шанъ-Гирей и всѣ враги Россіи отправили въ Персію своихъ посланцевъ съ просьбою о помощи, распуская въ то же время слухъ, что не только Персія, но даже и Турція обѣщали и денегъ и войскъ. Посланцы, какъ говорятъ, пробрались въ Персію и на этотъ разъ черезъ владѣнія султана елисуйскаго. Ермоловъ на всякій случай приказалъ поспѣшно укрѣпить посты Рычинскій и Чирагскій. „Для защиты Чирага,—писалъ онъ къ генералу Вреде, окружному

начальнику въ Дагестанѣ:—употребите того же капитана Овечкина, на службу коего Государь Императоръ изъявилъ милостивое вниманіе". Въ то же время князю Мадатову предписано было съ сильнымъ отрядомъ вступить въ Казикумыкъ и выгнать Сурхая.

Въ началѣ іюня 1820 года, въ Ширванскомъ ханствѣ, Мадатовъ собралъ отрядъ изъ пяти батальоновъ пѣхоты отъ полковъ: Куринскаго, Апшеронскаго и 41-го егерскаго. При нихъ находилось 14 орудій, казачья сотня и до тысячи человѣкъ туземной татарской конницы, которую Мадатовъ, проѣзжая черезъ Карабагъ и Шеку, приказалъ собрать въ своемъ присутствіи. Осмотрѣвъ эту конницу, бодрую, храбрую, сидѣвшую на прекрасныхъ коняхъ, онъ отправилъ ее въ Южный Дагестанъ приморскою дорогой, а самъ съ пѣхотою пошелъ туда же кратчайшимъ путемъ прямо черезъ Кавказскій хребетъ.

Знаменитый походъ этотъ нашелъ въ лицѣ иностранца Ванъ-Галена любопытнаго наблюдателя. Изъ его описанія и заимствуются всѣ приведенныя здѣсь подробности.

Въ военной исторіи найдется не много горныхъ походовъ, которые по трудностямъ могли-бы равняться съ мадатовскимъ,— а между тѣмъ многимъ-ли изъ насъ, русскихъ, извѣстенъ этотъ походъ даже по названію?..

Дорога изъ Ширвани въ Южный Дагестанъ считается, дѣйствительно, однимъ изъ труднѣйшихъ путей на Кавказѣ. Узкія, мрачныя ущелья, загроможденныя обломками скалъ, почти отвѣсныя каменистыя горы, уходящія своими вершинами въ заоблачное пространство, вѣковые лѣса и бурные потоки—вотъ препятствія, съ которыми солдатамъ приходилось бороться на каждомъ шагу. Когда всѣ эти препятствія, повидимому, уже были пройдены, на самой высокой точкѣ перевала, русскому отряду преградила путь ужасная пропасть, саженъ въ шесть шириною и болѣе чѣмъ въ двѣсти саженъ глубиною. Черезъ нее переброшены были три старые полусгнившіе дуба, которые и представляли собою мостъ безъ перилъ, шириною около полутора шага. Князь Мадатовъ, ѣхавшій по обыкновенію впереди отряда, не остановился передъ пропастью и, какъ бы не замѣчая опасности, безстрашно въѣхалъ на своей

маленькой горной лошадкѣ на воздушныя, страшно качавшіяся бревна. Всѣ остановились въ недоумѣніи и съ ужасомъ слѣдили за переправою смѣлаго всадника, ежеминутно рисковавшаго низвергнуться въ бездонную пропасть. Но князь Мадатовъ проѣхалъ благополучно. „Волей-неволей,—разсказываетъ Ванъ-Галенъ: — должны были послѣдовать за нимъ и остальные. Когда всѣ, затаивъ дыханіе, перебрались на другую сторону, кто-то спросилъ у Мадатова: какъ называется этотъ мостъ? „Чортовскій", отвѣчалъ Мадатовъ:—и не думаю, чтобы онъ былъ достоинъ другого названія".

За пропастью начинался спускъ по горному ущелью. Утесы по краямъ дороги были такъ круты, сближаясь одинъ съ другимъ, и дикій лѣсъ, покрывавшій ущелье, такъ густъ, что свита Мадатова принуждена была сойти съ лошадей и пробираться пѣшкомъ. Былъ полдень. Ярко свѣтило знойное кавказское солнце, но подъ тѣнью деревъ, сплетшихся вѣтвями въ непроницаемый сводъ, было темно и сыро, какъ въ пещерѣ. У подошвы этихъ исполинскихъ горъ дорога сдѣлалась нѣсколько шире. Это былъ уже Дагестанъ; начиналась Кубинская провинція, производившая впечатлѣніе нескончаемаго сада. Къ вечеру другого дня отрядъ достигъ наконецъ и Кубы. Городъ этотъ—нѣкогда резиденція кубинскихъ хановъ, а тогда административный центръ русскаго управленія Дагестаномъ,—далеко не производилъ собою пріятнаго впечатлѣнія: обветшалыя городскія стѣны его были поразрушены, дома неопрятны, улицы грязны, кривы и такъ узки, что движеніе по нимъ въ экипажахъ было невозможно.

Въ Кубѣ русскій отрядъ нашелъ полковника Асланъ-Хана кюринскаго съ восемью стами отличныхъ наѣздниковъ. Мадатовъ сдѣлалъ смотръ этой блестящей конницѣ. Выстроившись на обширной полянѣ, она привѣтствовала появленіе князя шумными радостными криками: на всѣхъ лицахъ отражался восторгъ, вызываемый и ожиданіемъ близкихъ сраженій и звуками военной музыки, такъ сильно дѣйствовавшей на пылкое воображеніе азіятцевъ. Красота мѣста, гдѣ былъ смотръ, и ясная погода увеличивали великолѣпіе зрѣлища. Азіятцы начинали уже понимать

преимущества регулярнаго строя и старались подражать русскимъ казакамъ: они стояли въ непривычномъ для нихъ порядкѣ, стройными линіями; но затѣмъ, когда Мадатовъ объѣхалъ фронтъ, всадники перестроились въ лаву и посотенно пронеслись передъ нимъ въ карьеръ съ своимъ дикимъ гикомъ, пальбою и джигитовкою...

Особенно выдавались кюринцы Асланъ-Хана,—рослые, видные, отличавшіеся отъ другихъ своею осанкою и рыцарскимъ вооруженіемъ. Ихъ длинныя копья, блестящіе панцыри, шлемы, щиты и шашки, на которыхъ старыя надписи свидѣтельствовали о принадлежности ихъ ко временамъ крестовыхъ походовъ, уносили воображеніе въ далекую эпоху средневѣковаго рыцарства.

Среди этихъ наѣздниковъ вниманіе всѣхъ привлекали особенно два лица, которымъ суждено было играть видную роль въ предстоящемъ походѣ. Это были самъ Асланъ-Ханъ кюринскій, дородный человѣкъ, лѣтъ сорока пяти, и братъ его Гассанъ-Ага, необыкновенно красивый, еще молодой человѣкъ, считавшійся однимъ изъ храбрѣйшихъ наѣздниковъ Кавказа. Пламенный, гордый характеръ, заносчивость и жажда битвъ составляли отличительныя черты Гассана. Онъ былъ такого высокаго мнѣнія о себѣ, что однажды, разсказывая про свои боевые подвиги, въ восторженной заносчивости воскликнулъ, обращаясь къ Мадатову: „Если бы Аллахъ сказалъ мнѣ, что есть въ мірѣ человѣкъ храбрѣе меня,—я бы убилъ себя отъ стыда!“

Мадатовъ принялъ обоихъ братьевъ съ почетомъ, такъ какъ они много разъ оказывали важныя услуги правительству. Въ русскихъ войскахъ они пользовались также доброю памятью, особенно послѣ кроваваго башлынскаго боя, гдѣ въ самыя трудныя минуты братья не довольствовались дѣйствіями вмѣстѣ съ своей конницею, а участвовали также во всѣхъ атакахъ съ русской пѣхотою. Гассанъ-Агѣ тогда же пожалованъ былъ чинъ маіора, а Асланъ-Хану—золотая сабля, богато украшенная алмазами, по образцу турецкихъ.

Неукротимый, заносчивый характеръ Гассана едва не надѣлалъ однакоже хлопотъ Мадатову, почти наканунѣ выступленія

отряда въ походъ. Мадатовъ назначилъ Асланъ-Хана командующимъ всею татарскою конницею. Гассанъ обидѣлся, такъ какъ считалъ одного себя достойнымъ такого почетнаго назначенія. Въ бѣшенствѣ бросился онъ въ палатку брата и, осыпая его оскорбительною бранью, вызвалъ на поединокъ. Всѣ усилія присутствовавшихъ при этомъ русскихъ офицеровъ удержать Гассана были напрасны. По счастью, братъ его, человѣкъ уже болѣе цивилизованный, отказался отъ поединка. Тогда Гассанъ разорвалъ одежду и обнажилъ свою грудь, крича Асланъ-Хану: „Трусъ! Трусъ! достанетъ ли у тебя по крайней мѣрѣ смѣлости заколоть меня?“ Глаза Асланъ-Хана загорѣлись недобрымъ блескомъ; дѣло могло окончиться кровью. Дали знать Мадатову. Князь прибылъ немедленно, но и онъ успокоилъ Гассана только тѣмъ, что назначилъ его командовать авангардомъ мусульманской конницы. „Нужно было видѣть,—говоритъ очевидецъ,—какимъ огнемъ загорѣлись черные глаза кюринскаго наѣздника, какая радость отразилась на смугломъ и суровомъ его лицѣ“.—„Теперь, сказалъ онъ брату:—я докажу тебѣ, кто я!“ и бросивъ на него взглядъ, полный презрѣнія, гордо вышелъ изъ палатки.

Утромъ 5 іюня, получены были извѣстія о большомъ скопищѣ горцевъ въ Хозрекѣ; подошли и обозы, которыхъ дожидался князь Мадатовъ, а потому медлить было нечего, и отрядъ, на слѣдующій же день, выступилъ изъ Кубы къ Чирагу. На пути, у д. Зіахуры, предстояла переправа черезъ Самуръ, находившійся въ то время въ полномъ разливѣ. Русло Самура чрезвычайно наклонно, и потому широкая рѣка, усиленная таяніемъ горныхъ снѣговъ, летѣла грознымъ непрерывнымъ водопадомъ, унося не только вѣковыя дерева, сорванныя съ береговъ, но даже огромные камни и обломки скалъ, подмытые и отторгнутые волнами отъ окрестныхъ горъ. Опасная переправа продолжалась пять часовъ,—а къ вечеру войска уже вступили въ Кюринское ханство и стали лагеремъ на горѣ Кабиръ, въ очаровательномъ мѣстѣ, откуда ясно видны Дербентъ и берегъ Каспійскаго моря. Князь Мадатовъ собралъ начальниковъ разныхъ ополченій и, сидя подъ тѣнью развѣсистаго каштановаго дерева, бесѣдовалъ съ ними о предстоящей

экспедиціи. Еще ни разу въ прежніе походы русское войско не проникало до Хозрека. Дороги къ нему были неизвѣстны, а о самомъ Хозрекѣ даже въ татарскомъ ополченіи нѣкоторые знали только, какъ о позиціи крѣпкой, почти неприступной.

10 іюня, поутру, весь русскій лагерь передвинулся къ Чирагу. Небольшое укрѣпленіе это, недавно выдержавшее сильное нападеніе горцевъ, стояло на самой границѣ казикумыкскихъ владѣній. Ночью русскій авангардъ вступилъ на непріятельскую землю и сталъ верстахъ въ 26 отъ Хозрека. Это было поле предстоящей битвы, а Мадатовъ не имѣлъ никакихъ данныхъ, по которымъ могъ бы составить планъ для своихъ дѣйствій. О картѣ не могло быть и рѣчи, и даже, какъ нарочно, никто изъ татаръ, находившихся въ русскомъ лагерѣ, не бывалъ въ Хозрекѣ, такъ что свѣдѣнія ограничивались сбивчивыми и легендарными показаніями мѣстныхъ жителей.

Лазутчики, то и дѣло являвшіеся къ Мадатову, сообщали, что Сурхай собралъ у Хозрека поголовное казикумыкское ополченіе и и что съ вольными лезгинскими обществами, пришедшими къ нему на помощь, силы его простирались свыше 20 тысячъ человѣкъ. На этотъ разъ слухи не были преувеличены вѣстовщиками. Мадатовъ звалъ то же самое изъ другихъ, болѣе вѣрныхъ источниковъ. Несмотря на то, онъ рѣшилъ атаковать непріятеля.

12 іюня, въ густомъ предразсвѣтномъ туманѣ, отрядъ приближался къ Хозреку. Дорога шла по ущелью, лѣвый берегъ котораго, постепенно понижаясь, становился все отложе и отложе, тогда какъ правый, напротивъ, вздымался обрывистой громадною стѣною до самаго Хозрека. Было 6 часовъ утра. Сырой туманъ, облегавшій мѣстность, внезапно разсѣялся, и русскіе ясно увидѣли на правыхъ горахъ сильную непріятельскую конницу съ развѣющимися разноцвѣтными значками. Повидимому, это была оконечность лѣваго крыла непріятеля. До Хозрека оставалось еще семь верстъ, а дорога отряда пролегала какъ разъ у подошвы той горы, гдѣ стоялъ непріятель и откуда онъ могъ безнаказанно поражать русскихъ мѣткимъ ружейнымъ огнемъ. Тогда Мадатовъ, подозвавъ къ себѣ Гассанъ-Агу, приказалъ ему съ авангардною конницею

двинуться вправо, на горы, сбить непріятеля съ высотъ и открыть дорогу. Ванъ-Галенъ, какъ единственный кавалеристъ изъ русскихъ офицеровъ (онъ числился въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку), находившихся при князѣ Мадатовѣ, долженъ былъ присоединиться къ Гассанъ-Агѣ, чтобы принять дѣятельное участіе въ этомъ смѣломъ и опасномъ движеніи. Храбрый штабсъ-капитанъ Якубовичъ съ частію татарской конницы также получилъ приказаніе участвовать въ атакѣ.

Непріятель, стоявшій на высотѣ, встрѣтилъ, несшуюся на него конницу громкимъ крикомъ и ружейными выстрѣлами. Два раза врывалась она въ ряды враговъ и два раза, опрокинутая, обращалась въ бѣгство. „При этомъ,—разсказываетъ Ванъ-Галенъ: — я былъ невольнымъ свидѣтелемъ нѣсколькихъ сценъ, обрисовывающихъ свирѣпую ярость, до которой доходили азіятскіе бойцы, — и эти сцены были тѣмъ чаще, что въ этой гористой мѣстности не было никакого единства дѣйствій, и все зависѣло отъ личной храбрости. Я видѣлъ одного кюринскаго всадника, который боролся съ лезгиномъ въ предсмертной агоніи; они рвали другъ друга зубами и, наконецъ, обнявшись, покатились въ скалистую пропасть, увлекая за собою и своихъ лошадей, которыхъ держали въ поводу. Я видѣлъ другаго лезгина, который, поручивъ свою лошадь товарищу, сползалъ внизъ по страшной крутизнѣ подъ нашими выстрѣлами только для того, чтобы отрѣзать голову непріятеля, сто разъ рискуя при этомъ своею собственною головою“...

Гассанъ-Ага, отбитый два раза, не терялъ, однакоже, ни мужества, ни энергіи; онъ въ третій разъ понесся въ атаку, и конница его съ налета врѣзалась въ ряды непріятеля. Бой пошелъ одиночный. Противникъ защищалъ однако каждую пядь земли съ отчаянною храбростію,—и только тогда, когда боевая линія его была окончательно прорвана и смята, онъ обратился въ бѣгство и былъ преслѣдуемъ до самыхъ окоповъ.

Во время этой бѣшеной погони, Гассанъ-Ага, скакавшій впереди всѣхъ, вдругъ пошатнулся въ сѣдлѣ и грянулся о-земь. Пуля поразила его въ самое сердце. Онъ жилъ мгновеніе, но послѣднее слово, обращенное имъ къ окружающимъ, была просьба отом-

стить за его смерть. Потеря начальника парализовала татарскую конницу въ критическую минуту, когда нужна была вся энергія, чтобы довершить побѣду. Благодаря обычаю азіятцевъ оплакивать убитаго вождя тутъ же, на мѣстѣ боя, казикумыкцы успѣли собрать свои силы и, въ свою очередь, окружили конный авангардъ со всѣхъ сторонъ. Часть кубинской милиціи обратилась въ бѣгство. По счастію, князь Мадатовъ, слѣдившій издали за ходомъ дѣла, во-время замѣтилъ смятеніе, произведенное смертью Гассанъ-Аги, и самъ прискакалъ на мѣсто боя. Вслѣдъ за нимъ прибыли сюда же три апшеронскія роты съ маіоромъ Мартиненко. Ободренные присутствіемъ князя, не желая перенести позоръ въ глазахъ любимаго начальника, татары съ новымъ рвеніемъ устремились на непріятеля и на этотъ разъ окончательно сбили его съ позиціи. Лезгинская конница разсыпалась по окрестнымъ горамъ. Въ это самое время удачный выстрѣлъ изъ орудія взорвалъ въ самомъ селеніи непріятельскіе пороховые ящики, и смятеніе быстро охватило ряды и казикумыкской пѣхоты. Мартиненко, воспользовавшись этою минутой, бросился въ штыки и взялъ передовые окопы. Такимъ образомъ русскіе утвердились на высотахъ и могли угрожать лѣвому крылу непріятельскаго расположенія.

Съ горъ,—разсказываетъ Ванъ-Галенъ,—передъ нами открылась вся линія непріятельскихъ заваловъ и весь лагерь Сурхая казикумыкскаго. Его пестрая ставка была украшена знаменами; кругомъ были палатки его приближенныхъ, также покрытыя шелковыми разноцвѣтными матеріями. Тутъ же стояло множество осѣдланныхъ лошадей и нѣсколько отрядовъ пѣхоты, составлявшихъ непріятельскій резервъ. Все это представляло чрезвычайно оживленное зрѣлище, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ на рессурсы непріятеля и способы его защиты, что имѣло большое значеніе въ данный моментъ.

Поправивъ дѣла на правомъ флангѣ, Мадатовъ поскакалъ къ пѣхотѣ, приказавъ слѣдовать за собою Ванъ-Галену и Якубовичу съ частію татарской конницы. Отрядъ, между тѣмъ, весь миновалъ опасное ущелье и вышелъ въ лощину, полого разстилавшуюся до самаго Хозрека. Вся конница Асланъ-Хана Кюринскаго,

какъ туча, шла стороною, заходя во флангъ непріятелю, чтобы занять деревню Гулули и отрѣзать ему дорогу къ Кумуху. Пѣхота съ барабаннымъ боемъ продолжала наступленіе на Хозрекъ. Мадатовъ, какъ всегда спокойный и веселый, ѣхалъ впереди и самъ руководилъ атакой. Напрасно окружающіе просили его отъѣхать, чтобы не подвергаться опасности.—„А если я уѣду, то кто же возьметъ Хозрекъ?“ возразилъ онъ, обращаясь къ офицерамъ.

— Мы возьмемъ его, ваше сіятельство! отвѣчалъ за всѣхъ подполковникъ Сагиновъ, и съ батальономъ Апшеронскаго полка кинулся на приступъ. Онъ и маіоръ Ванъ-Галенъ первыми взошли на городскую стѣну,—и оба были ранены. Солдаты ворвались въ городъ и продожали бой въ тѣсныхъ улицахъ, въ домахъ, башняхъ и укрѣпленіяхъ. Непріятель вездѣ защищался отчаянно; но русскіе овладѣли въ короткое время мечетью, послѣднимъ редюитомъ защитниковъ—и знамя Апшеронскаго полка, утвержденное на минаретѣ, возвѣстило паденіе Хозрека.

Выбитый изъ города и отрѣзанный отъ большой Кумухской дороги татарскою конницей, непріятель вынужденъ былъ бѣжать по единственнему узкому ущелью, анфилируемому нашей артиллеріей. Дѣйствіе картечи въ этомъ узкомъ проходѣ было ужасно. Сурхай со своею конницею скакалъ впереди, опрокидывая все, что задерживало его на пути. Якубовичъ съ татарами преслѣдовалъ и рубилъ бѣгущихъ. На разстояніи шести верстъ земля была усѣяна тѣлами убитыхъ; 600 человѣкъ взято въ плѣнъ. Трофеями побѣды былъ также весь лагерь съ богатою ставкою Сурхая, 11 знаменъ и 2000 ружей. Блистательный штурмъ стоилъ однакоже и русскимъ трехъ штабъ-офицеровъ и болѣе двухсотъ нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными.

Уже темнѣло. Мадатовъ остановилъ преслѣдованіе, а вслѣдъ за тѣмъ отдалъ приказъ — вывести войска изъ Хозрека и расположиться лагеремъ подъ его стѣнами. Раненые горцы были поручены мулламъ, подъ надзоромъ одного изъ русскихъ врачей, который былъ оставленъ въ селеніи. Въ полночь всѣ плѣнные, готовившіеся къ смерти или тяжкой неволѣ, получили свободу. Изумленные такимъ великодушіемъ побѣдителя, жители Хозрека

мало по малу стали выходить изъ подземелій, въ которыхъ укрывались. Они являлись въ лагерь, гдѣ Мадатовъ принималъ ихъ привѣтливо, стараясь разъяснить, что русскіе воюютъ не съ ними, а съ ихъ вѣроломнымъ ханомъ.

Сурхай прискакалъ съ поля сраженія около полуночи къ воротамъ Кумуха, въ сопровожденіи лишь небольшаго числа своихъ нукеровъ. Но слухъ о пораженіи горцевъ уже опередилъ его, и онъ нашелъ городскія ворота запертыми. Старшины города появились на крѣпостной стѣнѣ и отъ имени всего народа посовѣтовали ему удалиться, если онъ не хочетъ быть принятъ, какъ непріятель. Сурхаю приходилось бѣжать, не успѣвъ ничего спасти изъ своего имущества. Напрасно, не рѣшаясь лишить себя жизни, онъ просилъ возвратить ему власть, предлагая самыя унизительныя условія,—они были отвергнуты, благодаря общей ненависти, какую Сурхай въ послѣднее время возбудилъ противъ себя подозрительною жестокостью и постоянными интригами. Наконецъ, городскіе старшины выслали ему, въ видѣ милости, женъ и дѣтей, подъ прикрытіемъ отряда, который долженъ былъ проводить его до границъ казикумыкскихъ владѣній.

Вслѣдъ за тѣмъ временное правленіе старшинъ отправило изъ своей среды трехъ человѣкъ къ Асланъ-Хану, чтобы черезъ посредство его просить мира и изъявить покорность русскому правительству. Депутаты явились въ лагерь въ три часа пополудни и были немедленно введены въ палатку князя Мадатова. Это были люди пожилые, со степенными манерами и воинственной осанкой, одѣтые очень богато, съ оружіемъ тонкой кубачинской работы. Между ними и Мадатовымъ было условлено, что присяга русскому императору, провозглашеніе Асланъ-Хана владѣтелемъ Казикумыка и нѣкоторыя другія условія мира будутъ совершены въ самой резиденціи хановъ. Съ вечера 13 іюня Мадатовъ сдѣлалъ всѣ распоряженія къ походу, а 14-го утромъ войска уже двигались къ Кумуху. Всѣ ожидали, что это путешествіе будетъ однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ, потому что Кумухъ со всѣхъ сторонъ ограждаютъ недоступныя горы, ущелья и пропасти. Но старшины Казикумыка постарались сами облегчить походъ: по ихъ приказанію жители

сосѣднихъ деревень въ теченіе ночи не только соорудили и исправили дорогу, гдѣ это возможно, но и явились помогать солдатамъ перетаскивать въ горахъ орудія и тяжести. Удивленіе жителей при видѣ громоздкихъ лафетовъ и четырехъ-колесныхъ фуръ ясно показывало, что прежде въ этой странѣ ничего подобнаго не видывали; находившіяся у нихъ пушки, нѣкогда отбитыя у персіянъ на границахъ Казикумыка, были, по словамъ стариковъ, привезены на саняхъ.

У самыхъ воротъ Кумуха Мадатова ожидала депутація со знаменами и высокими шестами, перевитыми зеленью. Почетнѣйшіе жители поднесли ему городскіе ключи на богатомъ блюдѣ, наполненномъ рисомъ. По обычаю страны, князь Мадатовъ долженъ былъ его отвѣдать. Тогда старшины просили его принять отъ города дары: это была красивая, богато осѣдланная лошадь и полное вооруженіе: ружье, пистолетъ, шашка и кинжалъ высокаго достоинства и превосходной работы. Свободно владѣя казикумыкскимъ нарѣчіемъ, князь Мадатовъ обратился къ народу съ цвѣтистою рѣчью, въ восточномъ вкусѣ; онъ говорилъ о миролюбивыхъ намѣреніяхъ императора Александра, приславшаго свои войска съ единственною цѣлью водворить у нихъ новаго хана, котораго ниспослало имъ Провидѣніе, располагающее судьбами царствъ и народовъ.

Сопровождаемый толпами народа, Мадатовъ вступилъ въ городъ и проѣхалъ въ ханскій дворецъ. „Мы вошли туда, разсказываетъ Ванъ-Галенъ: — по лѣстницѣ, устланной богатыми персидскими коврами и золотыми тканями“. Но, проводивъ Асланъ-Хана до главной залы, самъ Мадатовъ вернулся назадъ и приказалъ разбить для себя палатку за городскими стѣнами, запретивъ кому-либо изъ военныхъ оставаться къ городѣ.

Вначалѣ слухъ о прибытіи русскихъ войскъ вызвалъ всеобщее негодованіе въ окрестномъ населеніи. Это чувство было понятно: съ незапамятныхъ временъ никакія иноземныя войска не появлялись внутри Казикумыка, и персіяне, которые такъ долго владѣли Южнымъ Дагестаномъ, никогда не могли прочно утвердиться въ горахъ. Теперь прибытіе русскихъ являлось фактомъ непонятнымъ и возмущающимъ гордость свободнаго народа. Но рѣчь

Мадатова, быстро облетѣвшая весь Казикумыкъ, успокоила всѣхъ. Черезъ сутки и всѣ остальныя казикумыкскія войска положили оружіе, а жители со всѣхъ сторонъ толпами начали стекаться съ горъ и изъ долинъ, чтобы увидѣть своего новаго повелителя.

Церемонія возведенія Аслана въ достоинство казикумыкскихъ хановъ обставлена была всевозможною пышностью и торжественностью.

16 іюня, съ 10 часовъ утра, двери большой мечети растворены были настежъ. Асланъ вошелъ въ нее, спровождаемый блестящею и многочисленною свитою. Посреди мечети, на барабанѣ лежалъ коранъ, осѣненный распущеннымъ знаменемъ 2-го батальона Апшеронскаго полка. Старшины всѣхъ восьми магаловъ Казикумыка, собранные присутствовать при возведеніи хана, поочередно подходили къ корану, клали на него правую руку и произносили слова присяги на вѣрность русскому императору и на повиновеніе новому хану.

Лишь одна рота Апшеронскаго полка стояла у дверей мечети; прочія русскія войска были выстроены подъ ружьемъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ укрѣпленія. По окончаніи обряда присяги, когда Асланъ-Ханъ появился на крѣпостной стѣнѣ въ пурпуровой одеждѣ, въ которую облекаются ханы въ исключительныхъ торжественныхъ случаяхъ,—громъ русскихъ пушекъ, далеко отдавшійся въ горахъ, и крики народа слились въ одинъ привѣтъ новому повелителю. Вечеромъ Мадатовъ устроилъ въ городѣ иллюминацію.

Князь Мадатовъ не считалъ приличнымъ присутствовать при церемоніи и оставался въ своей палаткѣ, показывая тѣмъ, что все должно происходить по обычаямъ страны и доброму желанію народа, безъ всякаго на него посторонняго вліянія. Когда обрядъ и вся церемонія окончились, Асланъ-Ханъ, съ многочисленною свитою, самъ прибылъ къ князю и былъ торжественно встрѣченъ имъ у входа въ палатку. Въ рѣчи своей Асланъ-Ханъ ясно и точно изложилъ тѣ обстоятельства, которыя принимаетъ на себя Казикумыкское ханство по отношенію къ Русской имперіи, упомянулъ о разоренномъ состояніи страны и просилъ о выводѣ русскаго отряда. Князь Мадатовъ отвѣчалъ на это, что считаетъ

необходимымъ принять мѣры къ полному умиротворенію края, такъ какъ отвѣтственъ въ этомъ передъ генераломъ Ермоловымъ, и добавилъ, что русскія войска немедленно удалятся, какъ только ему будутъ даны прочныя гарантіи миролюбивыхъ намѣреній жителей. Асланъ-Ханъ указалъ на русскій орденъ, висѣвшій на его груди, и, схвативъ князя Мадатова за руку, сказалъ горячо, что ручается за вѣрность и прямодушіе своего народа. Мадатовъ объявилъ тогда, что окончательный отвѣтъ дастъ послѣ. Онъ тайно видѣлся затѣмъ съ Асланомъ, и уже послѣ того объявилъ собравшимся старшинамъ, что, зная добрыя намѣренія хана, онъ не потребуетъ отъ нихъ никакого залога въ вѣрности и удалится, какъ только будетъ приведена къ присягѣ остальная часть горнаго населенія, не участвовавшая въ церемоніи.

На слѣдующее утро казикумыкцы привели въ лагерь всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, захваченныхъ или купленныхъ ими въ разное время и, сверхъ того, выдали князю Мадатову, какъ военный трофей, десять мѣдныхъ пушекъ, отнятыхъ нѣкогда у Шахъ-Надира и хранившихся въ башняхъ ханскаго дворца.

Существенное содержаніе договора, заключеннаго Мадатовымъ съ Казикумыкомъ, состояло въ томъ, что ханъ обязался: 1) охранять свои границы и идти съ войсками, куда прикажутъ русскія власти; 2) не препятствовать постройкѣ укрѣпленій и проложенію дорогъ черезъ его владѣнія; 3) платить ежегодную дань въ три тысячи рублей серебромъ и 4) назначить въ Кюринское ханство особаго наиба, кого заблагоразсудитъ, но отнюдь не соединять обоихъ ханствъ вмѣстѣ, а каждымъ управлять особо.

Послѣднее условіе включено было въ тѣхъ видахъ, чтобы имѣть Асланъ-Хана въ рукахъ и, въ случаѣ измѣны его, раздѣлить силы обоихъ владѣній.

Когда договоръ былъ подписанъ, Мадатовъ объявилъ Асланъ-Хану о пожалованіи ему чина генералъ-маіора и вручилъ ему императорскую грамоту, знамя съ русскимъ гербомъ и драгоцѣнную саблю *).

*) Помимо того, за особыя отличія, оказанныя Асланъ-Ханомъ при покореніи Табасарани, Каракайтага и Казикумыка, ему пожалованъ былъ орденъ св. Георгія 4 степени.

Такъ совершилось покореніе Казикумыкскаго ханства.

Вечеромъ 19 іюня, войска, сопровождаемыя Асланъ-Ханомъ, оставили Казикумыкъ. На пути, къ князю Мадатову явились старшины отъ вольнаго Кубачинскаго общества и также принесли присягу на подданство Россіи.

Кубачинцы—удивительный народъ, загадочнаго происхожденія. Въ горахъ Кайтага, на высотѣ около пяти тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, на крутомъ склонѣ къ узкому ущелью рѣчки Сулекова повисъ аулъ Кубачи. На противоположной сторонѣ ущелья разбросаны еще три меньшихъ аула. Всѣ вмѣстѣ они и составляли вольное Кубачинское общество, славившееся по всему Кавказу своими превосходными оружейниками. Нѣкоторые оріенталисты приписываютъ кубачинцамъ европейское происхожденіе. Они, быть можетъ, и правы, тѣмъ болѣе, что и въ самомъ народѣ существуетъ преданіе, имѣющеее большое вѣроятіе. Говорятъ, что одинъ изъ ширванскихъ хановъ выписалъ откуда-то въ Дербентъ партію искусныхъ оружейниковъ, которыхъ всѣ называли „френги.“ Смѣлые и хорошо вооруженные люди эти составили отличный гарнизонъ города и не разъ имѣли случай выказать свое мужество при оборонахъ и вылазкахъ; но безпокойный и строптивый характеръ ихъ сильно тревожилъ дербентцевъ. И вотъ, чтобы избавиться отъ нихъ разъ на всегда, горожане однажды сдѣлали ложную тревогу, а когда френги выскочили изъ города въ поле, заперли за ними ворота и предложили имъ убираться куда угодно. Изгнанные не упали духомъ; они вытребовали изъ города свои семейства и сначала поселились въ предгоріяхъ Табасарани, а потомъ заняли самое возвышенное мѣсто въ горномъ Кайтагѣ и нѣсколько вѣковъ умѣли отстаивать свою независимость. Приготовленіе оружія и сбытъ его по цѣлому Кавказу скоро пріобрѣли кубачинцамъ всеобщую извѣстность и дали средства не только къ безбѣдному существованію, но даже къ нѣкоторому богатству и роскоши въ сравненіи съ сосѣдями. Нужно замѣтить однакоже, что если кубачинское оружіе и имѣло огромный сбытъ, то причиною тому было не столько внутреннее, боевое достоинство, сколько внѣшняя отдѣлка его. Кубачинская работа подъ чернь и особенно золотая

насѣчка по слоновой кости и донынѣ могутъ служить образцомъ чистоты и изящества,—но сами горцы, особенно горцы Западнаго Кавказа, имѣютъ къ кубачинскимъ издѣліямъ весьма небольшое довѣріе. Между ними самое названіе „кубачинское оружіе“ обратилось въ эмблему обмана внѣшностью на счетъ внутреннихъ достоинствъ и даже создало пословицу: „онъ лжетъ, какъ кабучинецъ“.

Вотъ этотъ-то народъ и сталъ теперь подданнымъ Россіи.

Война въ Казикумыкѣ была окончена въ двѣ недѣли, въ то время какъ самъ Ермоловъ предполагалъ, что она продолжится нѣсколько мѣсяцевъ и будетъ стоить войскамъ Кавказскаго корпуса большихъ потерь, трудовъ и упорной борьбы съ народомъ, извѣстнымъ своею воинственностію. Онъ благодарилъ Мадатова въ письмѣ за способъ, какимъ ведена была экспедиція, и поручалъ передать его благодарность отличившимся офицерамъ и солдатамъ.

„Еще наказуя противныхъ,—писалъ Ермоловъ въ приказѣ по корпусу: — надлежало вамъ, храбрые воины, вознести знамена наши на вершины Кавказа и войти съ побѣдою въ ханство Казикумыковъ. Сильный мужествомъ вашимъ, далъ я вамъ это приказаніе, и вы, непріятеля въ числѣ превосходнаго, въ мѣстахъ и окопахъ твердыхъ упорно защищавшагося,—ужаснымъ пораженіемъ наказали. Бѣжитъ коварный Сурхай-Ханъ, и владѣнія его вступили въ подданство великаго нашего Государя. Нѣтъ болѣе противящихся намъ народовъ въ Дагестанѣ...“

Въ то же время Ермоловъ доносилъ государю: „Довершено начатое въ прошломъ году покореніе Дагестана, и страна сія, гордая, воинственная, и въ первый разъ покорствующая, пала къ священнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества“.

Изгнанный изъ своихъ владѣній, Сурхай бѣжалъ въ Согратль, гдѣ надѣялся выждать удобнаго случая для возвращенія себѣ Казикумыка. Но онъ скоро убѣдился, что надежды его напрасны. Асланъ-Ханъ зорко слѣдилъ за всѣми его дѣйствіями и жестоко преслѣдовалъ его приверженцевъ. Тогда онъ снова рѣшился искать

покровительства Персіи, а джарскіе лезгины взялись проводить его за Куру скрытыми дорогами. Въ скоромъ времени онъ съ сыномъ своимъ Нух-бекомъ и нѣсколькими нукерами ѣхалъ уже шекинскимъ владѣніемъ. Комендантъ Нухи, узнавъ о бѣгствѣ Сурхая, выслалъ татарскую конницу захватить его. Казалось, Сурхаю не было возможности спастись. Но такъ какъ и самъ онъ и вся его малочисленная свита были одѣты въ бѣдное и простое платье, а на ихъ лошадяхъ были переметныя сумы, дававшія имъ видъ обыкновенныхъ обывателей, переѣзжавшихъ съ вещами изъ деревни въ деревню, то встрѣчные татары не узнавали ихъ. Къ этому присоединилась еще и измѣна. Шекинскіе беки, высланные съ ханскою конницею, точно зная, по какимъ дорогамъ поѣдетъ Сурхай-Ханъ, отправились по совершенно другимъ и, разумѣется, его тамъ не встрѣтили. Такъ Сурхаю удалось благополучно добраться до границъ ханства Ширванскаго. Тутъ путники остановились въ лѣсу близъ селенія Алмалы. Есть свѣдѣніе, что алманцы сначала не хотѣли пустить его къ себѣ, но имъ пригрозили джарцы—и тогда они покорились. Сурхай послалъ между тѣмъ къ нѣкоему Азанъ-Султану, извѣстному коноводу разбойниковъ, своего человѣка съ просьбою переправить его секретно за Куру. Азанъ-Султанъ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія ширванскаго хана, который приказалъ ему строго хранить тайну, и всякаго ширванца, который случайно узналъ бы о ней, немедленно убить. Для переправы же Сурхая черезъ Куру обѣщано было прислать особаго человѣка. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней прибылъ съ этою цѣлью нѣкто Али-Гассанъ, жившій при рѣкѣ Курѣ, который привезъ съ собою къ Сурхаю также разные припасы и вещи отъ дочери его—ширванской ханши. Но переправить ему удалось, и то почти въ виду русскаго казачьяго разъѣзда, только внука Сурхая съ шестьюдесятью всадниками. Самъ же Сурхай съ сыномъ и женою, скрытно наблюдавшій за его переправою, замѣтивъ какое-то движеніе въ русскомъ разъѣздѣ, не рѣшился переѣзжать Куру въ этомъ же самомъ мѣстѣ и поспѣшилъ вернуться въ Алмалы, не надѣясь на свои старческія силы въ случаѣ преслѣдованія. Въ Алмалахъ онъ опять скрывался два дня, но затѣмъ,

оставивъ жену у джарцевъ, переправился въ Ширванское ханство и, встрѣченный близъ Шемахи высланными къ нему беками, съ ихъ помощію проѣхалъ въ Персію.

Исторія, однако, этимъ не кончилась. Ермоловъ не хотѣлъ оставить безъ наказанія помощи въ побѣгѣ, оказанной Сурхаю алмалинцами, и приказалъ нухинскому коменданту подбить возможно секретнѣе нухинскихъ татаръ сжечь и истребить селеніе Алмалы, разграбить имущество и забрать женъ и дѣтей въ свою пользу.

1 августа 1820 года комендантъ выѣхалъ въ селеніе Тамбулахъ, верстахъ въ 20 отъ Нухи, и приказалъ собрать шекинскихъ татаръ. Къ вечеру ихъ собрано было до двухъ тысячъ конныхъ и пѣшихъ, на которыхъ и возложено было дѣло возмездія, подъ командою нухинскаго полиціймейстера Меликъ-Асланъ Бека. Отрядъ подошелъ къ Алмаламъ ночью, часа за три до свѣта, и тихо окружилъ селеніе. Дѣло, однакоже, было испорчено неумѣренною жадностью шекинцевъ къ добычѣ. Вмѣсто того, чтобы нечаяннымъ нападеніемъ произвести смятеніе, татары бросились грабить дома. Жители воспользовались этимъ и успѣли вывести свои семьи въ окружавшій Алмалы безпредѣльный лѣсъ, а сами, засѣвши въ сады, наносили большой уронъ зажигавшимъ дома пѣшимъ шекинцамъ. Тѣмъ не менѣе селеніе, состоявшее изъ двухсотъ домовъ и нѣсколькихъ купеческихъ лавокъ, почти все было предано пламени, имущество забрано, а скотъ, въ количествѣ двухъ тысячъ головъ, отогнанъ. Между тѣмъ въ окрестныхъ трехъ деревняхъ Джарской области узнали о нападеніи на алмалинцевъ, и скоро на помощь къ нимъ подошли лезгины. Роли перемѣнились. Теперь уже алмалинцы напали на разсѣянныхъ по садамъ и улицамъ татаръ. Шекинцы поспѣшно стали убираться изъ Алмаловъ съ захваченною добычею и скоро обратились въ совершенное бѣгство, объятые паникою. Къ счастію, человѣкъ 300 армянской конницы сохраняли еще кое-какой порядокъ и прикрыли бѣгущихъ. Имъ шекинцы и обязаны были тѣмъ, что успѣли сохранить добычу и отдѣлались сравнительно ничтожною потерею (25 человѣкъ убитыми и ранеными). Ожесточенные лез-

гины преслѣдовали ихъ верстъ десять до самой переправы черезъ рѣку Агра. Но преслѣдованіе это, конечно, не возвратило алмазинцамъ ихъ сожженныхъ домовъ и имущества, – и урокъ, данный имъ, долженъ былъ предохранить другихъ отъ помощи русскимъ измѣнникамъ. О потерѣ алмазинцевъ нѣтъ никакихъ оффиціальныхъ свѣдѣній, но матеріальные убытки ихъ высчитывались болѣе, чѣмъ въ 300,000 р. сер.

Ермоловъ былъ чрезвычайно доволенъ дѣйствіями шекинцевъ. „Хотя „чапаулъ" сей—писалъ по этому поводу Вельяминовъ къ нухинскому коменданту,—сдѣланъ былъ для собственной пользы участвовавшихъ въ немъ, и, слѣдовательно, одна добыча, полученная ими, должна бы служить имъ и наградою, а правительство таковую давать не обязано, но главнокомандующій единственно для поощренія шекинцевъ на будущее время явиться съ такою же готовностью на службу по требованію начальства, соизволяетъ на представленіе наиболѣе отличившихся къ наградамъ, съ тѣмъ однакоже, чтобы не болѣе трехъ человѣкъ были представлены къ чинамъ, и не болѣе трехъ человѣкъ—къ медалямъ; остальные же отличившіеся могутъ быть награждены при похвальныхъ листахъ экстраординарными вещами".

Дорога Сурхай-Хану обратно въ Дагестанъ была затруднена,—и съ тѣхъ поръ его роль становится ничтожною. Проживая въ Персіи, онъ не переставалъ просить помощи войсками и деньгами для возвращенія утраченнаго владѣнія, но безуспѣшно. Наконецъ, въ іюлѣ 1826 года, его мечтанія, казалось, начали сбываться. Персіяне вторглись въ Грузію, и Сурхай, воспользовавшись этимъ, пробрался черезъ Шемаху въ Аварію, откуда съ наемнымъ войскомъ напалъ на Казикумыкъ. Разбитый Асланъ-Ханомъ, онъ долженъ былъ бѣжать и скрылся въ горахъ, утративъ уже всякія надежды послѣ неудачъ, постигшихъ въ этой войнѣ персидское оружіе. Не прошло года, какъ онъ сошелъ въ могилу, по однимъ—отъ раны, полученной въ сраженіи, по другимъ—отъ болѣзней и нравственныхъ потрясеній.

Сурхай умеръ въ глубокой старости. Еще въ то время, когда онъ управлялъ Казикумыкомъ, онъ уже былъ извѣстенъ всему

Дагестану подъ прозвищемъ „кунъ-бутай“, что значитъ: дѣдушка. Не лишнее сказать, что прозвище это послужило къ забавному недоразумѣнію; русскія власти приняли его за одинъ изъ наслѣдственныхъ ханскихъ титуловъ, и въ оффиціальныхъ бумагахъ Сурхай писался: „Ханъ-Бутаемъ, ханомъ Казикумыкскимъ“. Незнакомое слово варьировалось на разные лады и Сурхай становился то „Ханъ-Бутаемъ“, то „Хамбутаемъ“, то, наконецъ, „Хомутаемъ“ и т. д.

По свидѣтельству знавшихъ близко Сурхая, это былъ человѣкъ примѣчательный даже по наружности. Онъ былъ высокаго роста и видъ имѣлъ, особенно подъ старость,—грозный. Въ горахъ онъ славился обширной ученостью въ мусульманскомъ духѣ, а по древности рода и большимъ связямъ во всемъ Дагестанѣ, пользовался уваженіемъ у всѣхъ сосѣднихъ народовъ.

Среди участниковъ казикумыкскаго похода выдвигаются двѣ личности, съ различныхъ точекъ зрѣнія, но въ равной мѣрѣ заслуживающія вниманія, обѣ игравшія дѣятельную роль при взятіи Хозрека, обѣ отмѣченныя Ермоловымъ и удостоенныя высокой по тогдашнему времени награды—орденомъ св. Владиміра,—именно: Якубовичъ и Ванъ-Галенъ. О первомъ изъ нихъ, сосланномъ на Кавказъ за дуэль, Ермоловъ писалъ тогдашнему начальнику Главнаго штаба князю Волконскому: „Заглаживая вину своей безразсудной молодости, онъ командовалъ у Мадатова мусульманскою конницею, и въ бою, при овладѣніи высотами, отличилъ себя поистинѣ блистательною храбростью. Если не достоинъ онъ воспользоваться милосердіемъ Императора для перевода въ гвардію, то прошу для него орденъ св. Владиміра 4 степени, ибо онъ по справедливости офицеръ отличный“. Но „блистательная храбрость“ Якубовича въ Казикумыкѣ была только началомъ громкой извѣстности, которую онъ вскорѣ пріобрѣлъ въ Кабардѣ и за Кубанью. А затѣмъ ему предстояло выпить горькую чашу каторги и дальной ссылки за участіе въ извѣстномъ дѣлѣ декабристовъ.

Въ то время какъ для одного еще только начиналось пре-

красное утро жизни, смѣнившееся такимъ тяжелымъ, пасмурнымъ днемъ,—другой, испанскій эмигрантъ Ванъ-Галенъ, доживалъ свою эпоху тяжелыхъ испытаній, которыми судьба не поскупилась на его долю.

Дѣйствительно, вся предыдущая жизнь Ванъ-Галена, доставившая ему въ свое время большую извѣстность, была доказательствомъ непостоянства счастія. Сынъ перемѣнчивой эпохи владычества Наполеона и реставраціи, онъ вынесъ на себѣ весь гнетъ переворотовъ, происходившихъ въ его отечествѣ въ началѣ нынѣшняго вѣка: онъ вмѣстѣ съ гверильясами сражался противъ французовъ, защищалъ Мадридъ противъ Наполеона, присягалъ королю Іосифу Бонапарте, съ которымъ потомъ и раздѣлялъ изгнаніе; возвратясь на родину, онъ сталъ въ ряды Каталонской арміи, сражавшейся за независимость. Паденіе Наполеона и возвращеніе въ Испанію короля Фердинанда VII—были для Ванъ-Галена началомъ тяжелыхъ личныхъ испытаній. Какъ извѣстно, Фердинандъ VII обманулъ самыя скромныя ожиданія испанскихъ патріотовъ: онъ измѣнилъ данному слову присягнуть конституціи 12 года и создалъ взамѣнъ ея эпоху правительственнаго террора. Ванъ-Галенъ, какъ человѣкъ близкій къ королю Іосифу, былъ одною изъ первыхъ жертвъ начавшихся гоненій. Уже въ 1815 году онъ былъ арестованъ и пережилъ много тяжелыхъ дней, зная, что король подписалъ указъ о его разстрѣляніи. И если Ванъ-Галенъ не былъ разстрѣлянъ, то лишь благодаря заступничеству гренадскаго правителя, графа Монтихо, имѣвшаго смѣлость остановить приказъ и разъяснить королю неосновательность приговора. Тѣмъ не менѣе все пережитое самимъ Ванъ-Галеномъ и страданія родины заставили его присоединиться къ одному изъ многочисленныхъ въ тѣ времена тайныхъ обществъ въ Испаніи. Но въ слѣдующемъ году, выданный правосудію однимъ изъ своихъ мнимыхъ друзей, оказавшимся шпіономъ, онъ снова былъ арестованъ и снова прошелъ черезъ инквизиціонныя тюрьмы Мурсіи и потомъ Мадрида. Несмотря на нѣкоторое сочувствіе къ себѣ самого короля, у котораго онъ добился аудіенціи, Ванъ-Галену не удалось на этотъ разъ избѣжать всѣхъ ужасовъ инквизиціи и даже пыт-

ки, оставившей неизгладимые слѣды на его здоровьи. Наконецъ, съ помощью одной великодушной дѣвушки, пріемной дочери простого тюремщика, рискнувшей, изъ сожалѣнія къ узнику, испортить всю свою будущность,—ему удалось бѣжать и при содѣйствіи нѣсколькихъ вѣрныхъ друзей пробраться въ Англію.

Самый способъ, употребленный имъ для бѣгства, былъ весьма оригиналенъ. Каждый день тюремщики обходили заключенныхъ, и Ванъ-Галенъ рѣшился воспользоваться именно этимъ обстоятельствомъ. Въ день и часъ, назначенный имъ для побѣга, онъ сталъ у двери своей комнаты, и едва тюремщикъ вошелъ, какъ Ванъ-Галенъ, моментально потушивъ свѣчу, толкнулъ его въ дальній уголъ, и, выскочивъ изъ дверей, заперъ ихъ на ключъ. Крикъ новаго узника только придалъ Ванъ-Галену силы: онъ смѣло прошелъ тюремные корридоры, и, встрѣтивъ поджидавшую его дѣвушку, выбрался наконецъ при помощи ея на улицу, гдѣ его ожидали друзья.

Не лишнее сказать, что эта дѣвушка, игравшая такую важную роль въ жизни Ванъ-Галена, сослана была въ монастырь на вѣчное заключеніе, и въ теченіе двухъ лѣтъ покорно выносила свою участь, пока событія 1820 года не возвратили ей свободы. Впослѣдствіи она вышла замужъ за одного солдата, котораго любила задолго до того времени, когда рѣшилась пожертвовать всѣмъ для человѣка, къ которому ничего не чувствовала, кромѣ состраданія.

Выброшенный судьбою на чужбину безъ всякихъ средствъ къ жизни, Ванъ-Галенъ видѣлъ для себя одинъ исходъ—искать военной службы въ такой странѣ, интересы которой не могли бы столкнуться съ интересами Испаніи. И мысли его, естественно, обратились къ далекой Россіи. Съ большимъ трудомъ и лишеніями, но снабженный совѣтами русскаго посланника и рекомендательными письмами къ нѣсколькимъ важнымъ лицамъ въ Петербургѣ, добрался онъ наконецъ до Россіи. Для поступленія на службу встрѣтились, однако, препятствія и здѣсь: тогда только что послѣдовало высочайшее повелѣніе, воспрещающее пріемъ иностранцевъ въ русскую службу. Кромѣ того, графъ Нессельроде,

министръ иностранныхъ дѣлъ, прямо заявилъ Ванъ-Галену, что императоръ не согласится на просьбу его, потому что испанскій посланникъ можетъ почесть это оскорбленіемъ для своего государя. Тогда Ванъ-Галенъ отправился къ посланнику. Тотъ долго старался отговорить его отъ принятаго намѣренія. „Вы этимъ дадите огласку нашимъ домашнимъ несогласіямъ,—говорилъ онъ: — и сверхъ того вы должны знать, что неприлично и не принято, чтобы испанцы, подобно швейцарцамъ, служили подъ чужими знаменами то въ одной странѣ, то въ другой, въ качествѣ авантюристовъ. Если вамъ будетъ угодно, то я похлопочу, чтобы васъ приняли въ отрядъ Абисбаля, который отправляется въ Южную Америку...“ Но Ванъ-Галенъ отказался наотрѣзъ и просилъ одного — не препятствовать его поступленію въ русскую армію. Посланникъ наконецъ согласился. Тогда друзья Ванъ-Галена дали ему добрый совѣтъ—проситься на Кавказъ, „гдѣ генералъ Ермоловъ заслужилъ общее уваженіе не только со стороны солдатъ и офицеровъ, но и со стороны покоренныхъ народовъ“. „Русскіе—замѣчаетъ Ванъ-Галенъ:—называютъ Грузію теплою Сибирью, потому что туда ссылаютъ офицеровъ, которыхъ политическія убѣжденія считаются неблагонадежными“,—но тѣмъ не менѣе тамъ шла война, тамъ нужны были храбрые офицеры, и это обстоятельство наконецъ устранило препятствія: какъ полковникъ испанской кавалеріи, Ванъ-Галенъ былъ зачисленъ маіоромъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ.

Первое знакомство съ Кавказомъ онъ свелъ осенью 1819 года, въ лагерѣ подъ крѣпостью Внезапной, гдѣ тогда находился Ермоловъ. Отсюда онъ пріѣхалъ въ Тифлисъ, а зиму съ 19 на 20-й годъ провелъ въ Кара-Агачѣ, гдѣ стояли тогда Нижегородцы. И хотя симпатичный характеръ Ванъ-Галена доставилъ ему на Кавказѣ много добрыхъ друзей, однакоже жизнь среди чуждыхъ для него условій, вдали отъ родины, какъ сознается онъ самъ, была для него тяжелою ссылкою.

Естественно, что образованнаго, пытливаго иностранца, стремившагося видѣть и величественную природу горнаго Кавказа, и его обитателей, не могла удовлетворять стоянка въ одномъ изъ

мирныхъ глухихъ уголковъ Кахетіи, — и онъ просился въ Дагестанъ, куда готовилась большая экспедиція. Ермоловъ назначилъ его состоять при Мадатовѣ, и такимъ образомъ Ванъ-Галенъ сдѣлался дѣятельнымъ участникомъ описаннаго имъ казикумыкскаго похода. Раненый при штурмѣ Хозрека, онъ обратилъ на себя вниманіе Ермолова, который, свидѣтельствуя о заслугахъ его, писалъ князю Волконскому: „Ванъ-Галенъ служилъ примѣромъ неустрашимости и усердія, которыя видѣлъ въ немъ каждый съ особеннымъ уваженіемъ. Я прошу исходатайствовать ему орденъ св. Владиміра 4 степени съ бантомъ. Иноземецъ въ странѣ отдаленной гордиться будетъ служеніемъ въ храбрыхъ войскахъ Государя великаго".

Экспедиція кончилась, и Ванъ-Галенъ, вмѣстѣ съ двумя офицерами, отправился въ Тифлисъ. „На слѣдующій день по моемъ пріѣздѣ—разсказываетъ онъ: — мы представились генералу Ермолову, который принялъ насъ самымъ лестнымъ образомъ и, указывая на знамена Хозрека, стоявшія въ углу его залы, отозвался съ похвалою о храбрости офицеровъ и солдатъ, находившихся въ отрядѣ князя Мадатова. Разспросивъ о нѣкоторыхъ неизвѣстныхъ ему подробностяхъ, онъ любезно пригласилъ насъ располагать его домомъ, обѣдомъ и библіотекой". Но Ванъ-Галенъ уже стремился на родину. Еще проѣздомъ въ Тифлисъ онъ получилъ извѣстіе о полномъ успѣхѣ испанской революціи,—и теперь, выждавъ удобную минуту, переговорилъ съ Ермоловымъ о причинахъ, побуждающихъ его оставить русскую службу. Ермоловъ раздѣлялъ его взгляды. Но тутъ случилось обстоятельство, которое должно было горько отозваться въ сердцѣ Ванъ-Галена. Дѣло въ томъ, что вмѣстѣ съ изъявленіемъ милостей императора участникамъ казикумыкскаго похода, Ермоловъ получилъ предписаніе исключить Ванъ-Галена изъ службы и выслать его за границу. Никто не зналъ причинъ подобнаго распоряженія; но есть основаніе думать, что въ Петербургѣ считали Ванъ-Галена однимъ изъ агентовъ испанской революціи, — по крайней мѣрѣ такъ объясняли тогда внезапную немилость государя. Ермоловъ, насколько возможно, откладывалъ непріятное объясненіе, стараясь всячески смягчить су-

ровость распоряженія, и сначала передалъ о немъ Ванъ-Галену стороною. Наконецъ онъ потребовалъ его къ себѣ, чтобы переговорить съ нимъ „объ очень важномъ дѣлѣ". Въ сценѣ этого свиданія, разсказанной самимъ Ванъ-Галеномъ, Ермоловъ выразился весь своими лучшими сторонами. Вотъ какъ описываетъ ее Ванъ-Галенъ.

„Я пришелъ къ Ермолову—говоритъ онъ:—въ назначенный часъ; онъ принялъ меня въ своемъ кабинетѣ и, сдѣлавъ нѣсколько общихъ замѣчаній относительно превратности моей судьбы, сообщилъ мнѣ высочайшую волю. Но при этомъ замѣтилъ, что не намѣренъ исполнять полученный приказъ во всей строгости, потому что знаетъ характеръ императора Александра и убѣжденъ, что подобное распоряженіе исходитъ не отъ самого императора. По моему мнѣнію,—продолжалъ онъ,—вы должны написать государю и изложить въ короткихъ словахъ всѣ тѣ несчастія, которыя вы испытали въ жизни, не исключая и послѣдняго распоряженія. Я съ своей стороны объясню, почему я позволилъ себѣ отступить отъ повелѣнія, которое могло дать поводъ обвинять его величество въ несправедливости. Я настолько дорожу честью и достоинствомъ его имени, что не допущу, чтобы офицеръ, на услуги котораго я хотѣлъ обратить его высочайшее вниманіе, уѣхалъ отъ насъ съ непріятнымъ впечатлѣніемъ. Въ виду этого я не стану торопить васъ съ отъѣздомъ и не считаю нужнымъ приставлять къ вамъ стражи; совѣтую даже по прежнему носить вашъ мундиръ, чтобы никто не догадался о настоящей причинѣ вашего отъѣзда".

Черезъ сутки письмо Ванъ-Галена было отправлено въ Петербургъ. Тѣмъ не менѣе онъ не желалъ увеличивать отвѣтственности Ермолова передъ государемъ, и рѣшилъ по возможности ускорить свой отъѣздъ изъ Тифлиса. Ему не удалось скопить денегъ на русской службѣ, такъ что онъ принужденъ былъ продать свою лошадь и книги; но и тутъ вырученная сумма не могла покрыть расходовъ путешествія съ одного конца Европы на другой. Это, впрочемъ, не особенно безпокоило Ванъ-Галена. Окончивъ свои дорожные сборы, онъ явился къ главнокомандующему, чтобы получить отъ него послѣднія приказанія.

Ермоловъ назначилъ ему маршрутъ до Дубно, гдѣ онъ долженъ былъ ожидать окончательной резолюціи государя, и тутъ же передалъ Ванъ-Галену письменный документъ за своею подписью о заслугахъ его въ Грузіи и особенно во время послѣдней экспедиціи противъ казикумыкскаго хана. Затѣмъ, узнавъ о желаніи одного изъ штабныхъ офицеровъ, молодого Рененкампфа, съ которымъ Ванъ-Галенъ жилъ на одной квартирѣ, проводить его до Моздока, Ермоловъ охотно далъ на это позволеніе; но только просилъ обоихъ друзей отложить свой отъѣздъ до вечера, чтобы еще разъ пообѣдать съ нимъ.

„Когда мы встали изъ-за стола, говоритъ Ванъ-Галенъ:—и я долженъ былъ окончательно проститься съ Ермоловымъ, онъ пригласилъ меня и Рененкампфа въ свой кабинетъ и, обращаясь ко мнѣ, спросилъ съ самымъ сердечнымъ участіемъ: имѣю ли я достаточно денегъ, чтобы совершить путешествіе отъ азіятской границы до самаго крайняго конца Европы? Я отвѣтилъ на это, что помимо тѣхъ денегъ, которыя имѣются у меня, я получилъ прогоны и надѣюсь доѣхать до Дубно.

— „А затѣмъ на какія средства вы будете продолжать свое путешествіе? спросилъ онъ.

— „Я думалъ обратиться къ помощи испанскаго посланника въ первой столицѣ, какая попадется на пути, и надѣюсь, что онъ дастъ мнѣ средства доѣхать до Испаніи.

„Ермоловъ добродушно усмѣхнулся и сказалъ: „У васъ довольно странное представленіе о посланникахъ! Но вѣдь это ребячество!... Я хочу устроить такимъ образомъ, чтобы вы могли вернуться домой, не подвергая себя напраснымъ униженіямъ... Примите это отъ меня... не смѣйте отказываться... Когда поправятся ваши дѣла, вы можете возвратить мнѣ эти деньги“.

„Съ этими словами онъ всунулъ въ мою руку кошелекъ съ тремя стами голландскихъ дукатовъ (3,300 франковъ). Это было все его достояніе въ этотъ моментъ, какъ я узналъ потомъ отъ Рененкампфа, въ чемъ врядъ ли кто могъ сомнѣваться, зная полное равнодушіе Ермолова къ деньгамъ и его безпримѣрную щед-

рость. Кромѣ того, онъ подарилъ мнѣ отличную бѣлую бурку и просилъ сохранить ее на память, какъ произведеніе страны, въ которой я находился на службѣ.

„Затѣмъ онъ крѣпко обнялъ меня съ отеческою нѣжностью и сказалъ: „Прощайте, мой дорогой другъ! Господь да благословитъ васъ".

Изъ Дубно Ванъ-Галена передали австрійцамъ. Тамъ еще не было рѣшено, что съ нимъ дѣлать, а потому приставили къ нему гренадера, который съ такою точностью исполнялъ свои обязанности, что былъ даже на обѣдѣ у австрійскаго коменданта. „Онъ къ моему удивленію сопровождалъ меня въ залу,—разсказываетъ Ванъ-Галенъ:—какъ тѣнь ходилъ за мной, когда я двигался, и стоялъ у моего стула, когда я садился. Во все время обѣда онъ не пошевельнулся и его суровый, серьезный видъ былъ въ высшей степени комиченъ при его неподвижной позѣ"...

Наконецъ, въ январѣ 1821 года, Ванъ-Галену позволили оставить Австрію, а 27 февраля 1821 года онъ, безъ дальнѣйшихъ приключеній, прибылъ на родину. Впослѣдствіи, въ тридцатыхъ годахъ, Ванъ-Галенъ, по приглашенію королевы Христины, опять вступилъ въ военную службу, былъ генераломъ и командовалъ дивизіею.

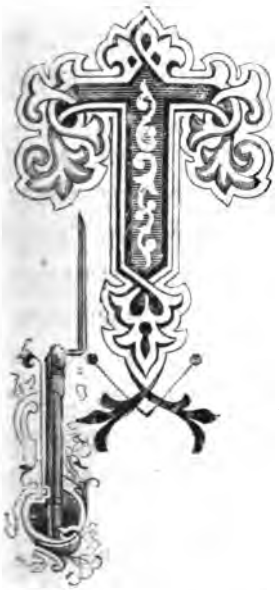
Въ самомъ началѣ тридцатыхъ годовъ, въ Лондонѣ, появились его замѣчательныя записки, въ которыхъ такъ много отведено мѣста Кавказу. Къ книгѣ былъ приложенъ и портретъ Ермолова. Это было первое живое слово, сказанное о Кавказѣ иностранцемъ, котораго судьба сдѣлала очевидцемъ значительныхъ тамъ событій,—и Ванъ-Галенъ представилъ Европѣ эту страну и русское въ ней вліяніе въ ихъ настоящемъ свѣтѣ и значеніи.

Такова замѣчательная личность Ванъ-Галена. Его значеніе собственно для Кавказа не исчерпывается его записками; оно заключается также и въ томъ, что онъ былъ изъ первыхъ иностранцевъ, которые, служа на Кавказѣ, раздѣляли богатырскіе труды съ кавказскимъ солдатомъ и многому отъ него научились... Его примѣръ, какъ извѣстно, не остался безъ подражанія. До-

вольно замѣтить, что славные вожди Германской имперіи—генералы Гиллеръ, Герздорфъ, Вердеръ,—герои Кенигсгреца, Седана и Парижа, получили свое первое боевое крещеніе также въ рядахъ славной кавказской арміи...

XIX.

Дагестанъ въ 1821—1826 годы.



Тысяча восемьсотъ двадцатый годъ былъ для Дагестана годомъ перелома. Испытавъ на себѣ поочередно силу русскаго оружія и въ то же время отчасти понявъ мирныя цѣли сѣверныхъ пришельцевъ, народы его затихли, и весь остальной періодъ управленія Ермолова Кавказомъ, до самаго конца 1826 года, можетъ считаться періодомъ сравнительнаго мира и добрыхъ отношеній между русскими властями и Дагестаномъ.

Но само собою разумѣется, что страна, вѣками сложившая въ себѣ полуразбойничій воинственный бытъ, не могла сразу перейти къ мирнымъ занятіямъ культурнаго порядка, и среди ея населенія должна была еще долго существовать энергическая партія, враждебная завоевателямъ страны, стремящаяся постоянно нарушить спокойствіе. Мирныя времена, поэтому, прерываются тамъ эпизодами мѣстныхъ смутъ, быстро возникавшихъ и быстро исчезавшихъ, потому что массы населенія были пока на сторонѣ мира съ русскими.

Первымъ поводомъ къ безпокойнымъ попыткамъ въ горахъ послужило основаніе русскими, внутри самаго Дагестана, въ Шамхальствѣ, прочнаго опорнаго пункта, чего такъ боялись горцы, но что было уже неизбѣжно, по самому ходу событій.

Въ апрѣлѣ 1821 года сильный русскій отрядъ изъ четырехъ батальоновъ пѣхоты, двухсотъ линейныхъ казаковъ и 14 орудій, переправившись черезъ Сулакъ въ Казіюртѣ, занялъ Тарки. Съ отрядомъ прибылъ самъ начальникъ корпуснаго штаба, генералъ-маіоръ Вельяминовъ, и немедленно заложилъ новую крѣпость, названную „Отрадной". Ермоловъ переименовалъ ее, впослѣдствіи, въ „Бурную".

Мѣстность, выбранная для крѣпости, находилась на западномъ берегу Каспійскаго моря, на крутой горѣ, стоявшей надъ узкой и низменной полосой Каспійскаго прибрежья, разстилавшейся передъ самымъ селеніемъ Тарки. Крѣпкій опорный пунктъ указанъ былъ здѣсь самими шамхалами.

Основаніемъ Бурной—колыбели нынѣшняго Петровска, достигались двѣ цѣли. Ею заканчивалась, во-первыхъ, предположенная Ермоловымъ передовая русская линія, начатая на берегахъ Сунжи, прорѣзавшая Кумыкскую плоскость и теперь переброшенная черезъ Сулакъ къ берегамъ Каспійскаго моря, и во-вторыхъ, завершалось окончальное и крѣпкое подчиненіе шамхальства, бывшаго во все время дагестанскихъ войнъ предметомъ нападеній горцевъ, стремившихся оторвать его отъ Россіи. Заложеніемъ русской крѣпости подъ стѣнами столицы шамхала навсегда оканчивалась нѣкогда знаменательная историческая роль шамхальства.

Угрюмые Тарки гнѣздятся въ сумрачномъ ущельи Тарковскихъ горъ, составляющихъ послѣднія отрасли Койсубулинскаго хребта, который здѣсь подходитъ близко къ морю. Съ своими каменными стѣнами, башнями, мечетями и цвѣтущими садами, Тарки издали довольно живописны; но вблизи очарованіе исчезаетъ, и передъ вами грязный аулъ, съ кривыми, тѣсными, перепутанными улицами и съ темными безкровельными саклями, построенными кое-какъ изъ глины и рубленной соломы. Когда-то встарину, по преданіямъ, на мѣстѣ этого аула стоялъ большой и богатый городъ, называв-

шійся Семендеръ, иначе Терреколь, — т. е. покрывало долины, о которомъ говорятъ арабскіе историки. Даже въ самомъ имени „Тарки“ хотятъ видѣть испорченное Терреколь. Но Ибнъ-Гаукалъ, описавшій этотъ городъ въ X столѣтіи, говоритъ, что онъ былъ богатъ виноградниками,—и это обстоятельство заставляетъ многихъ отыскивать Семендеръ не здѣсь, а южнѣе Тарковъ, въ полосѣ винограда. По словамъ Ибнъ-Гаукала, Семендеръ былъ богатъ и многолюденъ; множество мечетей, церквей и синагогъ указывали на разноплеменность воинственнаго населенія, ведшаго безпрерывныя войны съ Дербентомъ. Но какіе-то суровые пришельцы съ далекаго сѣвера (быть можетъ, Святославъ съ его дружиною, ходившій въ южныя страны на Хозаръ) разграбили и разрушили до основанія богатый Семендеръ вмѣстѣ съ сосѣдними городами Хозераномъ и Ишилью. И нынѣ лишь множество обширныхъ кладбищъ, окружающихъ городъ Тарки, говорятъ о быломъ многолюдствѣ захудалой страны; безчисленныя могилы—вотъ все, что сохранили столѣтія. Удивительно, между прочимъ, что вблизи Дербента, въ какихъ нибудь ста двадцати верстахъ отъ мѣста, гдѣ строительное искусство проявилось въ такихъ грандіозныхъ сооруженіяхъ, какъ знаменитыя гигантскія стѣны Дербента, сложенныя изъ огромныхъ камней,—ни въ Таркахъ, ни въ цѣлой странѣ шамхаловъ не сохранилось ни одной развалины, никакого памятника древности. Остается предположить, что Семендеръ, также какъ теперешніе Тарки, построенъ былъ изъ землебитнаго кирпича, или изъ камня на глинѣ. Всякій, кто посѣтилъ бы теперь Тарки, невольно вспомнитъ стихи Полежаева:

Я былъ въ горахъ,—
Какая радость!
Я былъ въ Таркахъ—
Какая радость!
Скажу не въ смѣхъ:
Аулъ шамхала
Похожъ не мало
На русскій хлѣвъ;
Большой и длинный,
Обмазанъ глиной:

Нечистъ внутри,
Нечистъ снаружи,
Мечети съ три,
Ручьи да лужи...

Единственная достопримѣчательность Тарковъ — это дворецъ шамхала, большое каменное зданіе, построенное на полугорѣ, надъ самымъ обрывомъ отвѣсной скалы, а еще выше его—бѣлою лентой взбѣгаютъ къ облакамъ какія-то стѣны, скрывающіяся на самой высшей неприступной точкѣ горы. Это и есть остатки Бурной. Дорога къ ней, пробитая въ известковыхъ скалахъ, вела по крутой горѣ, которую около полугода обработывали четыре батальона посредствомъ взрывовъ, чтобы только сдѣлать ее проѣзжею.

Пустота и безжизненность современныхъ Тарковъ тѣмъ поразительнѣе, что кругомъ раскинулась величественнѣйшая картина природы: горы, покрытыя зеленью, деревьями и кустарниками, перемежаются грозными, голыми, нависшими скалами, какъ бы готовыми низринуться въ долину,—а отъ самой подошвы горы разстилается равнина, медленно спускающаяся къ морю. Особенно прекрасенъ видъ со стѣнъ Бурной, въ лунныя ночи, когда волшебный свѣтъ озаряетъ и окрестныя горы, живописно встающія одна за другою, и мрачные Тарки, представляющіеся съ высоты разбросанными въ очаровательномъ безпорядкѣ, и длинный рядъ высокихъ стройныхъ тополей, стоящихъ надъ обрывами горъ, и эту далеко разстилающуюся желтую песчаную равнину, за которой начинается вѣчно неспокойное, бурное Каспійское море, откуда доносится грохотъ прибоя.

Тарки, съ окружающею ихъ вѣковою природою, видавшею стародавнія, лучшія времена, служатъ какъ бы отраженіемъ судьбы своихъ властителей, — шамхаловъ. Сѣдою стариной отзываются преданія о томъ времени, когда потомки Шахъ-Бала, представителя священнаго арабскаго рода Корейшидовъ, владѣли изъ Казыкумыка всѣмъ Дагестаномъ. И давно уже, по мѣрѣ того какъ шамхалы, „валіи“ Дагестана, удаляли свою резиденцію изъ горъ къ прибрежію моря, власть и вліяніе слабѣли. Постепенно, одно за другимъ отпали отъ нихъ сильная Аварія, Казикумыкское

ханство и уцмійство Каракайтагское; изъ разныхъ обществъ, признававшихъ власть шамхаловъ, образовались: особое Мехтулинское ханство и сильные, независимые союзы Даргинскій, Койсубулинскій и другіе; наконецъ многія вольныя общества: Эрпели, Каранай, Ишкарты, Чиркей, Чиръ-Юртъ и проч. стали управляться каждое своими старшинами. Владѣнія шамхаловъ становились все меньше и меньше, а вмѣстѣ съ тѣмъ утрачивалось и уваженіе къ ихъ родовому имени. Въ такомъ положеніи застали ихъ столкновенія съ русскими. Расположенное на равнинной мѣстности, шамхальство не могло оказать серьезнаго сопротивленія Московскому государству; но и Московское государство не было тогда настолько сильно, чтобы прочно удерживать въ своихъ рукахъ далекія завоеванія. И взятые Тарки приходилось уступать обратно. Много лѣтъ пронеслось съ тѣхъ поръ, какъ, опутанный кровавою измѣной, погибъ отрядъ Бутурлина подъ Тарками; не мало протекло ихъ и со времени погрома, который внесли въ эту мѣстность удалые сподвижники Стеньки Разина; однако ничто не измѣнялось на ближнемъ Каспійскомъ побережьѣ, и шамхалы попрежнему властвовали, поддаваясь то персидскому, то турецкому вліянію, а Россія, занятая своими дѣлами, казалось, забыла о существованіи укромнаго уголка и не высылала къ его негостепріимнымъ горамъ своихъ ратныхъ людей. Но насталъ XVIII вѣкъ, и обстоятельства измѣнились. Съ XVIII вѣка шамхалы нерѣдко уже сами обращались къ помощи и къ покровительству Россіи. Былъ даже моментъ, когда со страницъ исторіи исчезло самое имя шамхаловъ: одного изъ нихъ, Адиль-Гирея, императоръ Петръ приказалъ „за измѣну“ сослать въ г. Колу, а въ его владѣніяхъ ввести русское управленіе. Но историческія событія снова все измѣнили: русскіе покидаютъ Дагестанъ, по ихъ слѣдамъ идутъ персіяне—и Шахъ-Надиръ возстановляетъ снова достоинство шамхаловъ, въ лицѣ прямыхъ наслѣдниковъ умершаго Адиль-Гирея. Но и Надиръ-Шахъ уже не могъ придать этому званію ни прежней силы, вѣками утраченной, ни прежняго блеска. Къ тому же, въ прошедшемъ столѣтіи между дагестанскими ханами являются такія замѣчательныя личности, какъ Чолахъ казикумыкскій, Фетъ-Али-Ханъ ку-

бинскій, Омаръ аварскій, которые своею славою совершенно затмили родовое значеніе шамхаловъ въ глазахъ дагестанскаго населенія. Угрожаемые и сильными сосѣдями и внутренними раздорами, шамхалы, вѣроятно, пали бы въ неравной борьбѣ, если бы обстоятельства не привели ихъ къ сознанію, что спасеніе ихъ лежитъ исключительно въ полной покорности Россіи. Неизмѣнно слѣдуя этому правилу въ теченіи цѣлаго вѣка, шамхалы, дѣйствительно, не только сохранили права владѣтелей до позднѣйшаго времени, но и оградили свой народъ отъ тѣхъ разореній и ужасовъ, которые постигли остальные дагестанскіе народы.

Ермоловъ засталъ на шамхальствѣ Мехти-Хана, человѣка безусловно преданнаго Россіи, оказавшаго ей большія услуги при покореніи Баку, Кубы и Дербента; онъ былъ генералъ-лейтенантъ, имѣлъ саблю, украшенную драгоцѣнными каменьями, съ надписью: „за усердіе и вѣрность", знамя съ императорскимъ гербомъ, бриллiантовое перо, которое носилъ на шапкѣ, какъ знакъ своей власти,—и получалъ шесть тысячъ жалованья.

При своей преданности Россіи, шамхалы однако боялись за свою независимость и берегли ее. Столица шамхальства, Тарки, расположена была на самой коммуникаціонной линіи отъ Кизляра къ Дербенту, и предмѣстники Ермолова не разъ просили шамхала принять къ себѣ наши войска, прикрывая ихъ титуломъ почетнаго караула; шамхалы не соглашались на это; но Ермоловъ добился своего со свойственнымъ ему тактомъ и простотой. Объѣхавъ Кавказъ и сообщая государю планъ своихъ дѣйствій, состоявшій въ томъ, чтобы протянуть цѣпь укрѣпленій отъ Сунжи до Сулака, онъ писалъ между прочимъ:

„Такимъ образомъ со стороны Кавказской линіи приблизимся мы къ Дагестану, и учредится сообщеніе съ богатѣйшею Кубанскою провинціею, а оттуда въ Грузію, въ которую доселѣ лежитъ одинъ путь—черезъ горы, каждый годъ на нѣсколько времени, а иногда и весьма надолго пересѣкаемый. Мимоходомъ въ Дагестанъ черезъ владѣнія шамхала тарковскаго овладѣемъ мы соляными богатыми озерами, довольствующими всѣ горскіе народы. До сего времени шамхалъ не помышлялъ отдать ихъ въ пользу нашу и уклонялся

принять войска въ свою землю, теперь предлагаетъ взять соль, а войска расположу я у него, какъ особенную милость Вашего Императорскаго Величества за его вѣрность, которыя нужны намъ для обезпеченія нашей въ Дагестанъ дороги".

Появленіе русскихъ въ шамхальствѣ съ тѣмъ, чтобы больше не покидать его, и заложеніе крѣпости не могли не встревожить горцевъ, и тѣмъ болѣе самихъ шамхальцевъ. Глухой ропотъ пошелъ по горамъ. Аварскій ханъ думалъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы собрать по прежнему толпы дагестанцевъ; но въ памяти горцевъ еще свѣжи были погромы Мехтулы, Акуши, Каракайтага, Табасарани и Казикумыка,—и на воззваніе хана явилось не болѣе тысячи всадниковъ. Съ этою горстью людей Султанъ-Ахметъ внезапно появился въ шамхальствѣ, успѣлъ произнести волненіе нетолько въ дальнихъ селеніяхъ, но и въ самыхъ Таркахъ, и обложилъ Большіе Казанищи, гдѣ тогда находилось семейство шамхала. Однако первый слухъ о движеніи Вельяминова отъ Бурной заставилъ аварскую шайку поспѣшно оставить шамхальскія владѣнія. Она отошла въ Мехтулу и заняла селеніе Аймяки, лежавшее на самой границѣ съ вольнымъ Койсубулинскимъ обществомъ. 28 августа подошелъ сюда и Вельяминовъ. Передовое укрѣпленіе, расположенное на высокой горѣ, командовавшей ауломъ, было взято штыками храбрыхъ апшеронцевъ, и Вельяминовъ, втащивъ на гору шесть батарейныхъ орудій, принялся громить селеніе, обнесенное каменной стѣною. Артиллерійскій огонь озадачилъ аймяканцевъ. Съ ужасомъ смотрѣли они, какъ русскія ядра быстро обращали крѣпкіе дома ихъ въ развалины, уничтожали каменныя башни и разметывали стѣны, которыя они считали до сихъ поръ непроницаемыми для огнестрѣльныхъ снарядовъ. Въ смятеніи горцы бросили аулъ и врассыпную спасались по горнымъ тропинкамъ, ведущимъ къ Гергебилю. Наступившая ночь не позволила преслѣдовать бѣгущихъ; на утро же Вельяминовъ узналъ, что пораженіе, нанесенное горцамъ и ужасъ, объявшій ихъ, были такъ велики, что и жители Гергебиля, опасаясь пришествія русскихъ, покинули свой, поистинѣ неприступный, аулъ, и бѣжали въ горы. Самъ Ахметъ-Ханъ аварскій былъ раненъ; лошадь, убитая

подъ нимъ, найдена въ гергебильскомъ ущельи, вмѣстѣ съ сѣдломъ, которое не успѣли снять,—такъ поспѣшно и безпорядочно было бѣгство.

Аймяки были разрушены до основанія

Порядокъ былъ возстановленъ, и Вельяминовъ, съ частію отряда, возвратился на линію, оставивъ въ Бурной командира 8-го піонернаго батальона, подполковника Евреинова, съ двумя батальонами пѣхоты (Куринскаго и Апшеронскаго полковъ), съ ротой піонеръ и 4-мя орудіями.

1822 годъ прошелъ въ Дагестанѣ мирно, и Ермоловъ воспользовался этимъ, чтобы произвести нѣкоторыя административныя перемѣны. Командующимъ войсками и военно-окружнымъ начальникомъ Дагестана, вмѣсто барона Вреде, назначенъ былъ генералъ-маіоръ Краббе. Самое управленіе его было перенесено изъ Кубы въ урочище Кусары, гдѣ помѣстилась также и штабъ-квартира Апшеронскаго полка. Куринскій полкъ расположился въ Дербентѣ, и на командира его, полковника Верховскаго, возложено было управленіе Табасаранью и Каракайтагомъ.

Нѣсколько обстоятельствъ способствовали къ тому, чтобы этотъ миръ не нарушился, и между ними не послѣднее мѣсто занимала смерть двухъ наиболѣе выдающихся и безпокойныхъ коноводовъ возстаній. Въ октябрѣ 1822 г. сошелъ въ могилу уцмій каракайтагскій. Еще раньше, въ маѣ того же мѣсяца, умеръ Шихъ-Али-Ханъ безславнымъ изгнанникомъ, далеко отъ родного Дербента, уже не имѣя тамъ ни друзей, ни сообщниковъ, дѣятельно раскрытыхъ и уничтоженныхъ Ермоловымъ. Еще въ Акушѣ главнокомандующему удалось захватить въ свои руки документы, свидѣтельствовавшіе о тайныхъ сношеніяхъ дербентцовъ со своимъ старымъ ханомъ, а одинъ изъ жителей города, нѣкто Истафали-Бекъ, вызвался указать всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя помогали ему деньгами и вещами. Доносчикъ зналъ обстоятельно все, такъ какъ долгое время самъ былъ ихъ товарищемъ, и даже получалъ

субсидіи отъ наслѣднаго персидскаго принца въ вознагражденіе издержекъ на содержаніе хана. Необходимо замѣтить, что всѣ эти лица были не уроженцы дербентской земли, а пришельцы изъ разныхъ странъ, занимавшіеся въ городѣ торговлею. Ермоловъ рѣшился разрушить гнѣздо, черезъ которое Персія имѣла вѣрныя сношенія съ Дагестаномъ, и нарядилъ военный судъ, подъ предсѣдательствомъ полковника Мищенки (извѣстнаго героя Башловъ). „Васъ избралъ я,—писалъ къ нему Ермоловъ:—зная ваши строгія правила чести, и что вы дадите примѣръ правосудія, котораго, къ сожалѣнію, здѣшніе жители весьма мало имѣли въ глазахъ своихъ". Виновные были уличены въ присутствіи Ермолова и подвергнуты строгой карѣ; тѣ, кто еще могъ мечтать объ измѣнѣ, должны были теперь прекратить съ ханомъ сношенія.

Не имѣя болѣе пристанища въ Приморскомъ Дагестанѣ, Шихъ-Али нашелъ себѣ пріютъ въ горахъ Койсубулинскаго общества. Явившись туда съ многочисленною свитой, чтобъ поддержать свое достоинство въ глазахъ дагестанцевъ. онъ скоро истощилъ послѣднія средства, а пособія изъ Персіи становились между тѣмъ все меньше и меньше, такъ что ему не хватало ихъ даже для содержанія своего семейства. Ханъ принужденъ былъ войти въ долги, и его положеніе было тѣмъ бѣдственнѣе, что скоро онъ потерялъ всякую надежду на согласіе Персіи заплатить ихъ. И онъ умеръ въ бѣдности, оставивъ семью свою безъ всякихъ средствъ къ жизни. Койсубулинцы такъ тѣснили ее, и такъ настойчиво требовали уплаты долговъ, что, опасаясь быть ограбленною, она бѣжала въ Акушу и просила позволенія переѣхать въ Дербентъ. Ермоловъ приказалъ отправить ее назадъ къ койсубулинцамъ.

Такъ, одинъ за другимъ сходили со сцены исконные враги Россіи, источники вѣчныхъ смутъ въ Дагестанѣ. Оставался теперь аварскій князь, который однако былъ тѣмъ непримиримѣе, что имѣлъ личные поводы ненавидѣть Ермолова.

Нужно сказать, что еще въ концѣ 1818 года, главнокомандующій, желая создать аварскому хану вѣчную угрозу низложенія, нашелъ между его родственниками молодаго человѣка, которому по му-

сульманскому закону могли принадлежать права на управленіе Аварскимъ ханствомъ. Это былъ сынъ Гебека, Сурхай, оставшійся въ безызвѣстности только вслѣдствіе коварныхъ происковъ старой ханши.

Дѣло въ томъ, что послѣ смерти знаменитаго Омара правленіе должно было перейти къ его брату Гебеку. Гебекъ, чтобы лучше упрочить за собою Аварію, рѣшилъ жениться на вдовѣ Омара—Гехили, и ханша, ненавидѣвшая его всею душею, сдѣлала видъ, что согласна. Но когда Гебекъ, объявленный женихомъ, вошелъ въ ея комнаты, она хладнокровно приказала умертвить его самымъ варварскимъ образомъ. Аварскимъ ханомъ сдѣлался Султанъ-Ахметъ бекъ Мехтулинскій, который вскорѣ за тѣмъ и женился на Гехили.

Послѣ Гебека остался сынъ Сурхай; но этотъ юноша, красивый и даровитый, не былъ опаснымъ претендентомъ для новаго хана, мало и обращавшаго на него вниманія. Рожденный отъ неравнаго брака и, слѣдовательно, имѣвшій только спорныя права на наслѣдіе, Сурхай и самъ понималъ невозможность борьбы, а потому, удалившись изъ родины, жилъ въ Кюрѣ, не мечтая получить какое-нибудь политическое значеніе.

Его-то Ермоловъ и задумалъ выдвинуть соперникомъ аварскому хану. Съ этою цѣлью, еще въ концѣ 1818 года, онъ черезъ посредство шамхала, предложилъ ему создать въ Аваріи партію изъ людей вліятельныхъ, чтобы съ помощію ихъ низложить Султанъ-Ахмета, и въ случаѣ успѣха—обѣщалъ предоставить ему всѣ тѣ права, которыми пользовались аварскіе ханы отъ русскаго правительства, т. е.: чинъ генералъ-маіора, 5-ти тысячное жалованье и т. д. Сурхай согласился. Теперь вопросъ шелъ о томъ, чтобы сдѣлать его популярнымъ среди аварцевъ, и Ермоловъ придумалъ слѣдующую комбинацію. Онъ запретилъ аварцамъ всякія сношенія съ русскими подданными и тѣхъ, кто осмѣливался переходить границу, хватали и ссылали въ крѣпостныя работы. Аварцы лишены были торговли и не могли этимъ путемъ добывать себѣ предметы первой необходимости. Но запрещеніе это было не безусловно. Ермоловъ выдалъ Сурхаю, какъ признанному русскимъ

правительствомъ наслѣднику Аварскаго ханства, особую печать,— и тотъ, кто имѣлъ билетъ за этою печатью, допускался повсюду и могъ торговать свободно. Средство это оказалось необыкновенно дѣйствительнымъ: Сурхай сталъ и извѣстенъ, и необходимъ аварскому народу. Партія его росла, крѣпла, и Ермоловъ выжидалъ только благопріятнаго случая, чтобы объявить его ханомъ. Вотъ это-то обстоятельство, державшее Султанъ-Ахмета въ постоянной тревогѣ, и устраняло для него всякую возможность примиренія съ русскими.

Подъ вліяніемъ именно аварскаго хана, въ Дагестанѣ, въ 1823 году, и возникаетъ цѣлый рядъ смутъ, получившихъ громкую извѣстность всего болѣе по главному дѣйствующему въ нихъ лицу—Амалатъ-Беку.

Нужно сказать, что интриги Султанъ-Ахметъ-Хана, направленныя преимущественно противъ шамхала за его согласіе на постройку крѣпости Бурной, успѣли составить ему довольно значительную партію среди мехтулинцевъ, особенно въ тѣхъ деревняхъ, которыя еще недавно были присоединены Ермоловымъ къ шамхальству. Эти новые подданные шамхала наотрѣзъ отказались участвовать въ крѣпостныхъ работахъ. Тогда мехтулинскій приставъ Батыревъ и переводчикъ Мещериновъ (оба офицеры Кизлярскаго казачьяго войска) отправились въ Аймяки, надѣясь безъ труда возстановить порядокъ. Къ сожалѣнію, они ошиблись въ расчетѣ. Жители, ненавидѣвшіе грубаго пристава, встрѣтили его враждебно; а когда Мещериновъ попробовалъ пустить въ ходъ нагайки, озлобленные аймякинцы сами напали на конвой, забросали его каменьями и, перевязавъ казаковъ, нанесли жестокіе побои и Батыреву, и Мещеринову. Спасеніемъ жизни своей они обязаны были только дженгутаевцамъ, успѣвшимъ уговорить народъ выпустить ихъ изъ плѣна. Изъ Аймяковъ мятежъ быстро охватилъ сосѣднія деревни. Испуганный шамхалъ требовалъ помощи и писалъ, что въ противномъ случаѣ бунтъ охватитъ всѣ его владѣнія. Въ Мехтулу тотчасъ двинуты были два отряда: подполковника Евреинова, изъ Бурной, и полковника Верховскаго, изъ Дербента. Оба отряда должны были соединиться въ Параулѣ,

и отсюда дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ. Но пока войска шли, возстаніе, вызванное главнѣйшимъ образомъ только жестокостью и грубостью пристава, погасло само собою, и лишь нѣкоторыя деревни, напуганныя движеніемъ русскихъ, бѣжали въ горы. Такимъ образомъ, тревога оказалась ложною, и аварскій ханъ, тотчасъ же прискакавшій въ Гергебиль съ пятьюдесятью всадниками уже не встрѣтилъ сочувствія въ народѣ. Но онъ не отказался отъ замысла и нашелъ другой путь къ смутамъ и интригамъ, выдвинувъ на первый планъ Амалатъ-Бека, родственника шамхала, находившагося тогда при отрядѣ Верховскаго.

И преданія, и оффиціальные документы одинаково свидѣтельствуютъ о томъ, что именно этотъ претендентъ на шамхальскія владѣнія былъ дѣйствительнымъ виновникомъ хотя кратковременной, но серьезной опасности, въ которой очутились русскія войска въ Дагестанѣ. Извѣстная повѣсть Марлинскаго, въ которой описаны эти событія, сдѣлала имя Амалатъ-Бека съ тѣхъ поръ извѣстнымъ всей читающей Россіи; но не всѣмъ извѣстно, что въ судьбѣ Амалата, дѣйствительно, было много романическаго.

Амалатъ-Бекъ былъ племянникъ и зять шамхала тарковскаго. Отецъ его, Шаббасъ, приходившійся шамхалу двоюроднымъ братомъ, былъ старшимъ въ родѣ и долженъ бы былъ наслѣдовать шамхальскія владѣнія. Онъ и былъ, дѣйствительно, правителемъ дер. Буйнакъ, — тѣмъ, что встарину называли „крымъ-шавкалами". Титулъ этотъ образовался послѣ того, какъ шамхалы окончательно перенесли резиденцію въ Тарки, и съ тѣхъ поръ званіе правителя Буйнакъ предоставлялось старшему въ родѣ, наслѣднику титула и власти шамхала. Онъ считался какъ бы вице-шамхаломъ, что на мѣстномъ кумыкскомъ языкѣ выражалось словомъ „ярымъ-шамхалъ". Отъ этихъ-то словъ, повидимому, и произошло русское испорченное названіе „крымъ-шавкала".—Ярымъ-шамхалы, какъ показываетъ исторія, нерѣдко заводили интриги противъ настоящихъ шамхаловъ и иногда успѣвали отнимать у нихъ владѣнія.

Одаренный замѣчательной красотою, умомъ и военными способностями, Амалатъ съ дѣтства уже мечталъ объ обладаніи богатою Дагестанскою областью. Но этимъ надеждамъ не суждено

было сбыться, — и онъ остался только буйнакскимъ владѣтелемъ, потому что русская политика поддерживала власть и значеніе въ родѣ Мехти-Шамхала, человѣка преданнаго, и если менѣе способнаго, то своею непритязательностію и миролюбіемъ внушавшаго болѣе довѣрія, чѣмъ пылкій Амалатъ, честолюбивые виды котораго могли быть источникомъ смутъ въ Дагестанѣ.

Вынужденный довольствоваться скромнымъ титуломъ буйнакскаго бека, Амалатъ удалился въ свой живописный аулъ. Тамъ до сихъ поръ еще жители указываютъ домъ, стоящій на полугорѣ и какъ бы выглядывающій изъ-за лезгинскихъ саклей, въ которомъ жилъ Амалатъ. Буйнакцы помнятъ славнаго наѣздника, вспоминаютъ его отвагу и ловкость и охотно разсказываютъ о его набѣгахъ, при которыхъ только одно удальство помогало ему прятать концы и выходить изъ воды сухимъ по отношенію къ русскимъ. Между тѣмъ къ причинамъ, вызывавшимъ его затаенную ненависть къ дядѣ, скоро прибавилась еще и семейная вражда: дочь шамхала, бывшая въ замужествѣ за Амалатомъ, ослѣпла, и Амалатъ, отправивъ ее къ отцу, взялъ съ нею разводъ, что между родовою мусульманскою аристократіею почитается высочайшимъ оскорбленіемъ. Порвавъ, такимъ образомъ, всѣ связи съ шамхальскимъ домомъ, Амалатъ влюбился въ дочь аварскаго хана, извѣстную Салтанету, славившуюся красотой во всемъ Дагестанѣ. и полюбилъ ее со всею пылкостію, на которую только была способна его дикая, энергическая натура. Понятно, что онъ искалъ сближенія съ аварскимъ ханомъ, а ханъ воспользовался этимъ и сдѣлалъ его орудіемъ своихъ политическихъ замысловъ. Откладывая свадьбу съ года на годъ, онъ держалъ Амалата въ рукахъ и, указывая ему въ будущемъ возможность овладѣть шамхальствомъ, вооружалъ противъ русскихъ. Во времена дагестанскихъ волненій Амалатъ-Бекъ, дѣйствительно, сталъ на сторону мятежниковъ и вмѣстѣ съ ними участвовалъ во многихъ битвахъ. Когда же бой подъ Лавашами рѣшилъ судьбу акушинцевъ,—и Амалатъ былъ выданъ головою русскому главнокомандующему. Какъ уроженцу шамхальства, ему угрожала позорная казнь, и если онъ не былъ повѣшенъ, то только благодаря заступничеству Верховскаго

и необыкновенному присутствію духа и презрѣнію къ жизни, высказанными имъ передъ главнокомандующимъ. Когда тотъ, грозно упрекая его за измѣну, объявилъ, что онъ будетъ повѣшенъ, Амалатъ—разсказываетъ Цыловъ: – продолжалъ хладнокровно гладить собаку Ермолова и потомъ, вѣжливо поклонившись ему, молча и гордо отошелъ къ ожидавшимъ его солдатамъ. Говорятъ, что Ермоловъ, пораженный этимъ спокойствіемъ, сказалъ: „да сохранитъ меня Богъ лишить жизни человѣка съ такимъ возвышеннымъ духомъ!“ — и Амалатъ-Бекъ былъ прощенъ. Евстафій Ивановичъ Верховскій взялъ его на поруки. Этотъ Верховскій, тогда оберъ-квартирмейстеръ Грузинскаго корпуса,—былъ одинъ изъ талантливѣйшихъ боевыхъ офицеровъ, передъ которымъ лежала широкая будущность. Ермоловъ зналъ его съ Кульмскаго боя, когда тотъ былъ еще молодымъ свитскимъ офицеромъ, и очень дорожилъ имъ. Разсказываютъ, что, отдавая ему Амалата, онъ сказалъ: „я своею слабостью сдѣлалъ уже много неблагодарныхъ; но такъ и быть, прощаю Амалата; возьми его, но помни: не довѣряйся ему, будь остороженъ“.

Съ тѣхъ поръ въ теченіе четырехъ лѣтъ Амалатъ и Верховскій были неразлучны. Вмѣстѣ жили они въ Тифлисѣ, и вмѣстѣ переѣхали въ Дербентъ, когда Верховскій, послѣ смерти Швецова, назначенъ былъ командиромъ Куринскаго полка. Видя въ Амалатѣ недюжинныя способности, Верховскій задался мыслію образовать его умъ и укротить въ немъ разнузданность азіятскихъ страстей,—словомъ, перевоспитать его и современемъ сдѣлать человѣкомъ, истинно полезнымъ для Россіи. Амалатъ, съ своей стороны, казалось, охотно подчинялся вліянію Верховскаго и питалъ самыя горячія, дружескія чувства къ своему благодѣтелю. Но то была только одна лицевая сторона медали. Честолюбивый азіятецъ разсчитывалъ, что Верховскій, по своему вліянію въ Дагестанѣ, можетъ помочь ему низвергнуть дядю съ шамхальства и овладѣть законнымъ наслѣдствомъ. Но годы шли за годами, а Амалатъ оставался все тѣмъ же ничего не значащимъ бекомъ, какимъ былъ и прежде; онъ видѣлъ, что Верховскій совсѣмъ не расположенъ содѣйствовать его политическимъ замысламъ. И непріязнь къ нему

мало по малу стала закрадываться въ сердце Амалата. Козни аварскаго хана подоспѣли кстати.

Нужно сказать, что, живя въ Дербентѣ, Амалатъ не переставалъ мечтать о Салтанетѣ, съ которою сношенія были прерваны съ тѣхъ поръ, какъ онъ поселился у русскихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ зорко слѣдилъ за дагестанскими событіями, съ которыми связывалъ собственную участь. Онъ зналъ, что неудовольствіе народа противъ Мехти-Шамхала росло; росли и надежды въ душѣ Амалата—добиться тѣмъ или другимъ путемъ шамхальскаго престола. Руководимый этими надеждами, онъ вызвался сопровождать Верховскаго и въ его походѣ противъ аймякинцевъ.

Но едва отрядъ дошелъ до Карабукента, какъ получены были успокоительныя извѣстія, и Верховскій долженъ былъ вернуться въ Дербентъ. Благопріятный моментъ ускользалъ изъ рукъ аварскаго хана, бывшаго уже въ Гергебилѣ съ своими 50 всадниками; но онъ понималъ, что аймякинскій пожаръ можетъ снова вспыхнуть,—и послалъ сказать Амалату, что желаетъ съ нимъ видѣться. Свиданіе, какъ говорятъ, состоялось ночью, за чертою русскаго лагеря; и этому можно дать вѣру, такъ какъ самъ Ермоловъ въ своихъ запискахъ подтверждаетъ о сношеніяхъ, установившихся въ то время между Амалатомъ и аварскимъ ханомъ.

Зная, чѣмъ можно подѣйствовать на сердце Амалата, ханъ прямо объявилъ ему, что Салтанета просватана, что женихъ ея—Абдулъ-Мусселинъ, второй сынъ шамхала, который, послѣ Амалата, по своей высокой крови, болѣе другихъ горскихъ князей имѣетъ право на родство съ древнимъ аварскимъ домомъ. Ударъ былъ направленъ искусною рукой. Замѣтивъ смущеніе Амалата, ханъ сталъ въ заманчивыхъ картинахъ рисовать передъ нимъ будущность, которая могла бы ожидать его въ томъ случаѣ, если бы онъ отказался отъ русскихъ.

— „Слушай! говорилъ онъ ему:—я еще могу взять свое слово назадъ. Салтанета будетъ твоя, но первое условіе для этого—смерть Верховскаго. Его голова будетъ калымомъ за невѣсту. И не одна месть за прошлое, но и самая здравая разсчетливость съ съ твоей стороны требуютъ смерти русскаго полковника. Безъ

него весь Дагестанъ останется безъ головы и оцѣпенѣетъ на нѣсколько дней отъ страха. Въ это время мы налетимъ на разсѣянныхъ по квартирамъ солдатъ. Я сажусь на коня съ двадцатью тысячами аварцевъ, и мы падемъ съ горъ на Тарки, какъ снѣжная лавина. Тогда Амалатъ—шамхалъ дагестанскій!"

Подогрѣвая честолюбивыя мечты Амалата, ханъ распространялъ подъ рукою слухи о козняхъ противу него шамхала тарковскаго. Мамка Амалата, жившая въ Буйнакахъ, и подкупленная ханомъ, со слезами говорила своему питомцу, будто бы подслушала разговоръ шамхала, предлагавшаго Верховскому 5 тысячъ червонцевъ за смерть Амалата, но что Верховскій, отвергнулъ это предложеніе, согласился однакоже взять его съ собою въ Россію и отправить въ Сибирь.

Интрига велась чрезвычайно искусно; Верховскій, дѣйствительно, ожидалъ только окончанія похода, чтобы отправиться въ отпускъ въ Россію, гдѣ его ожидала невѣста—молодая вдова извѣстнаго полковника Пузыревскаго, за два года передъ тѣмъ измѣннически убитаго въ Гуріи. Наканунѣ выступленія изъ Карабукента, разговаривая съ Амалатомъ, онъ предложилъ ему поѣхать въ Россію. Это предложеніе, какъ разъ совпавшее съ зловѣщимъ пророчествомъ мамки, – было послѣднею каплей, переполнившей чашу; подозрѣнія, еще неясно таившіяся въ душѣ Амалата, теперь получили увѣренность. Судьба Верховскаго была рѣшена.

Съ восходомъ солнца, 19 іюля, отрядъ Верховскаго выступилъ изъ Карабукента. Утро было свѣжее и ясное; туманы еще лежали въ удоліяхъ и Верховскій, въѣзжая на вершины, каждый разъ останавливался, чтобы полюбоваться окрестными видами. Его сопровождали штабъ-лекарь Апшеронскаго полка Амарантовъ и переводчикъ, а шагахъ въ пяти сзади ѣхалъ Амалатъ съ своими двумя нукерами. Амалатъ былъ видимо въ волненіи; онъ нѣсколько разъ пускалъ своего коня вскачь, какъ бы стараясь заглушить въ себѣ кипѣвшее чувство мщенія, и опять подъѣзжалъ къ Верховскому, мучимый сомнѣніями и нерѣшимостью. А тотъ спокойно ѣхалъ, грустный и задумчивый. Быть можетъ, и его сердце томилось тайнымъ и горькимъ предчувствіемъ. Наконецъ, между селеніями

Губденъ и Атемишъ, Амалатъ-Бекъ въ послѣдній разъ пустилъ своего коня во весь опоръ, и вдругъ, обернувшись въ сѣдлѣ, выстрѣлилъ въ Верховскаго. Пуля поразила его прямо въ сердце—и онъ молча, медленно свалился съ сѣдла. Пользуясь замѣшательствомъ, Амалатъ указалъ своимъ изумленнымъ нукерамъ на ущеліе, и, какъ стрѣла, ринулся въ горы.

Тревога поднялась въ отрядѣ. Донскіе казаки понеслись на выстрѣлъ, но убійца успѣлъ скрыться, и погоня за нимъ была безполезна. Черезъ пять минутъ окровавленный трупъ измѣннически убитаго полковника былъ окруженъ толпами солдатъ и офицеровъ. Недоумѣніе, негодованіе, жалость были на всѣхъ лицахъ... Верховскаго любили всѣ, и когда тѣло его отправляли въ Дербентъ, солдаты горько и непритворно плакали. Подполковникъ Мищенко, какъ старшій, тотчасъ принялъ команду и, въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній, остановилъ отрядъ около селенія Кая-Кенда.

Говоря о внезапной трагической смерти Верховскаго, нельзя не вспомнить и о судьбѣ его несчастной невѣсты. Первый ея мужъ, командиръ 44-го егерскаго полка, полковникъ Пузыревскій, измѣннически былъ убитъ въ Гуріи; черезъ годъ молодой вдовѣ сдѣлалъ предложеніе Верховскій, былъ объявленъ женихомъ, и за два мѣсяца до свадьбы—измѣннически убитъ въ Дагестанѣ. Сколько радостей отнялъ Кавказъ у этой несчастной женщины и невѣсты... Но невозможно не упрекнуть и самого Верховскаго за легковѣріе и непростительную безпечность; долго живя съ азіятцами, зная ихъ не по одной наслышкѣ, онъ долженъ былъ понимать, что человѣкъ, котораго одною рукою спасали отъ смерти, а другою лишали свободы и достоянія,— не могъ сдѣлаться другомъ.

Трое сутокъ скитался Амалатъ по горамъ Дагестана, мучимый совѣстью. Ничто не оправдывало кроваваго поступка, и образъ падающаго съ коня Верховскаго неотступно преслѣдовалъ убійцу. Завѣтъ хана, не являться безъ головы врага, заставилъ его однакоже опомниться; онъ рѣшилъ ѣхать въ Дербентъ, пробрался ночью съ помощью одного татарина на русское кладбище, и, добывъ голову,—пустился въ Хунзахъ... Есть извѣстіе, будто

бы татаринъ ошибся могилой, и въ руки Амалатъ-Бека попала голова не Верховскаго. Такъ или иначе, но Амалатъ-Бекъ уѣхалъ теперь къ аварскому хану, съ своею кровавою добычей,—калымомъ за Салтанету.

Но въ Хунзахѣ его ожидалъ страшный ударъ, котораго онъ не предвидѣлъ: аварскаго хана не было въ живыхъ. Собирая въ горахъ узденей, отважный Султанъ-Ахметъ ѣхалъ ночью; привычный конь его оборвался съ кручи: ханъ расшибся и, 30 іюля, черезъ 11 дней послѣ смерти Верховскаго, его самого не стало. Съ ужасомъ услышалъ эту вѣсть Амалатъ-Бекъ, лишившійся въ ханѣ единственнаго союзника и руководителя. Убійство Верховскаго оказывалось теперь не только безцѣльнымъ, но и возбудившимъ въ Хунзахѣ презрѣніе и ненависть къ убійцѣ. Вдова Султанъ-Ахметъ-Хана выгнала Амалата изъ своего дома. Салтанета была потеряна для него навѣки.

Не всѣ однако осудили Амалата за вѣроломное убійство. Вѣсть о смерти Верховскаго, быстро разнесшаяся по горамъ, напротивъ, вызвала повсюду волненія. Генералъ-маіоръ Краббе самъ поспѣшно прибылъ къ отряду, притянулъ сюда же отрядъ подполковника Евреинова изъ Бурной, и, чтобы не дать усилиться возмущенію, двинулся на вольныя общества Каранай и Эрпели, лежавшія на западъ отъ шамхальства. 29 іюля Каранай былъ взятъ и разоренъ до основанія. На слѣдующій день войска подошли къ Эрпели; но здѣсь, благодаря лѣсистой мѣстности, бой былъ упорный; мѣстоположеніе лишало русскихъ важнаго преимущества — возможности поражать непріятеля артиллерійскимъ огнемъ,—и они успѣли овладѣть только половиною деревни. Войска ночевали на мѣстѣ боя и на слѣдующій дань отошли въ крѣпкую позицію къ Куфыръ-Кумыку.

Отсюда Краббе отправился въ Кубу, поручивъ отрядъ подполковнику Евреинову. Подробности этого похода мало извѣстны; но нужно думать, что сраженіе при Эрпели было не совсѣмъ удачно. По крайней мѣрѣ Ермоловъ, по полученіи рапорта Краббе, писалъ ему между прочимъ: „жаль трудовъ храбрыхъ войскъ въ пользу шамхала, который управлять народомъ не умѣетъ,

намъ не содѣйствуетъ и еще робостію своею можетъ ободрить непріятеля". Про самое сраженіе онъ замѣчаетъ коротко, что оно „многихъ удержало отъ возстанія, но подъявшіе оружіе не довольно были наказаны".

Мятежъ, дѣйствительно, подавленъ не былъ; напротивъ, онъ угрожалъ разгорѣться съ большею силою. По дорогамъ повсюду стали появляться вооруженныя толпы аварцевъ, койсубулинцевъ, пріѣзжихъ чеченцевъ и даже хищниковъ изъ южныхъ татарскихъ областей. Возмутились снова и жители Мехтулы, нашедшіе сочувствіе къ себѣ среди шамхальцевъ. Приставъ Батыревъ явился въ Дженгутай и, собравъ старшинъ, сталъ грозить имъ саблею; они выхватили свои—и Батыревъ съ двумя казаками были изрублены. Амалатъ въ это время уже былъ среди койсубулинцевъ, которые приняли его съ торжествомъ въ унцукульской мечети, отвели ему помѣщеніе и назначили содержаніе. Положеніе становилось все серьезнѣе и серьезнѣе.

Первымъ дѣйствіемъ непріятеля было нападеніе на роту Апшеронскаго полка, капитана Овечкина, сопровождавшую транспортъ изъ Бурной въ Параулъ, гдѣ стоялъ тогда отрядъ Евреинова. Около Куфыръ-Кумыка транспортъ былъ атакованъ двухтысячною конною толпою. Командиръ роты, храбрый Овечкинъ, знаменитый защитникъ Чирага, устроилъ изъ повозокъ каре и съ помощью орудія удерживалъ непріятеля. Сообщенія, однакоже, были отрѣзаны, и ему невозможно было дать знать въ Параулъ о случившемся. По счастію, безпокоясь за долгое отсутствіе Овечкина, Евреиновъ самъ выступилъ къ нему навстрѣчу. Отряды соединились; но непріятель, усилившись въ это время до 6 тысячъ человѣкъ, обложилъ ихъ, оставивъ свободною одну только дорогу къ Таркамъ. Горцы, вѣроятно, думали, что русскіе поспѣшатъ воспользоваться ею для своего отступленія, и приготовились напасть на нихъ во время похода. Но Евреиновъ отлично понялъ желаніе горцевъ, и потому, устроивъ вагенбургъ на открытой равнинѣ, сталъ выжидать нападенія. Цѣлый день шла перестрѣлка; а 14 августа ночью лезгины повели траншею и, укрываясь въ ней отъ выстрѣловъ, постепенно приблизились поч-

ти къ самому лагерю. Было около полуночи, когда секреты, высланные за нашу передовую цѣпь, открыли непріятельскія работы, и едва успѣли они извѣстить объ этомъ посты, какъ тѣ уже были атакованы. Во-время поддержанные изъ лагеря, посты устояли, и дѣло до самаго разсвѣта ограничивалось сильной перестрѣлкою. Но едва забрезжился свѣтъ, пѣхота съ барабаннымъ боемъ пошла на непріятельскіе окопы. Траншея взята была приступомъ, и горцы, стѣсненные во рву, понесли большія потери. Войска преслѣдовали ихъ до самаго селенія Куфыръ-Кумыкъ, которое немедленно очищено было горцами. 300 непріятельскихъ тѣлъ осталось на мѣстѣ сраженія. Евреиновъ приказалъ тотчасъ-же, на глазахъ непріятеля, повѣсить четырехъ плѣнныхъ койсубулинцевъ, а тѣла убитыхъ мятежниковъ оставить безъ погребенія. Цѣлый день, 15 августа, длилась изъ-за нихъ перестрѣлка, такъ какъ горцы, по обычаю, пытались поднять тѣла; но къ вечеру перестрѣлка стихла; непріятель отступилъ и скрылся въ Койсубулинскія горы. „Въ тотъ день,—доносилъ послѣ того Евреиновъ окружному инженерному генералу:—какъ ваше превосходительство сдѣлали мнѣ замѣчаніе за неприсылку инспекторскихъ бумагъ, въ день Успенія Пресвятой Богородицы, я поражалъ враговъ, и земля стонала отъ ихъ воплей“. Изъ фронта у русскихъ выбыло въ эти три дня 3 офицера и 45 нижнихъ чиновъ.

Получивъ извѣстіе о всѣхъ этихъ происшествіяхъ, Ермоловъ счелъ нужнымъ лично отправиться въ Дагестанъ. Его безпокоило малое число войскъ, занимавшихъ страну,—обстоятельство, которое могло ободрить горцевъ къ новымъ предпріятіямъ, тѣмъ болѣе, что между ними распущены были настойчивые слухи о войнѣ, будто-бы начатой Россіею съ Турціей и Персіей. Даже на акушинцевъ онъ не полагался вполнѣ, а присоединеніе ихъ къ мятежникамъ могло сдѣлаться весьма опаснымъ. 3 октября Ермоловъ уже былъ въ Бурной и, немедленно введя свой отрядъ въ Мехтулинскій округъ, занялъ сел. Большіе Казанищи. Одного по-

явленія русскаго главнокомандующаго было достаточно, чтобы остановить горцевъ отъ слишкомъ смѣлыхъ попытокъ къ нападеніямъ. „Два некомплектные батальона (Херсонскаго и Ширванскаго полковъ), прибывшіе со мною,—говоритъ Ермоловъ:—показались силами ужасными, ибо никого здѣсь не увѣришь, чтобы могло ихъ быть мало при главномъ начальникѣ".

Впрочемъ прибытіе главнокомандующаго и не представлялось необходимымъ при сложившихся тогда обстоятельствахъ. Уже послѣ куфыр-кумыкскаго боя Мехтула притихла. Правда, бѣдный, бездомный и буйный людъ еще требовалъ исполненія данной Амалату клятвы—провести его въ шамхалы, но сильная партія людей степенныхъ и зажиточныхъ желала спокойствія. Къ тому же и всѣ надежды воинственной партіи мехтулинцевъ возлагались только на помощь сосѣдей, а этой помощи ожидать уже было нельзя, такъ какъ и у сосѣдей появлялись партіи, склонявшіяся къ миру. И прежде всего такое раздѣленіе возникло среди самихъ койсубулинцевъ, на которыхъ надежды могли казаться всего основательнѣе. Одни изъ нихъ, правда, еще продолжали покровительствовать Амалату, но за то другіе указывали на него, какъ на источникъ вѣчныхъ смутъ и категорически требовали его изгнанія; они, наконецъ, добились своего,—и Амалатъ долженъ былъ удалиться. Правда, койсубулинцы не желали дѣлать русскимъ новыхъ заявленій о своей покорности, но можно было довольствоваться уже и тѣмъ, что они оставались спокойными. Волненія, начавшіяся было одновременно въ Табасарани и Каракайтагѣ, также легко были прекращены Асланъ-Ханомъ казикумыкскимъ съ его милиціей.

Ермоловъ, однакоже, не думалъ оставить безъ наказанія дерзкія попытки койсубулинцевъ, и рѣшилъ предпринять походъ внутрь ихъ страны, въ самый Нагорный Дагестанъ, куда еще ни разу не проникали русскіе. Войска уже были собраны въ Дженгутай и даже перешли въ Эрпели; но поздняя осень съ ненастною погодой заставила отложить предпріятіе и ограничиться только рекогносцировкою горныхъ путей въ селенія Араканы, Гимры и Ирганау. Тутъ были небольшія перестрѣлки; но вообще непрія-

тель защищался слабо, и даже тотчасъ покинулъ горный хребетъ Аракасъ, какъ только войска показали серьезное намѣреніе продолжать наступленіе. Тогда Ермоловъ вернулся назадъ; а между тѣмъ, зная, что съ наступленіемъ осени, койсубулинцы должны спустить свои стада на равнины, приказалъ тщательно развѣдать, гдѣ они пасутся и захватить ихъ. Мехтулинцамъ было объявлено, что всякій, кто приметъ или укроетъ койсубулинскій скотъ, лишится всей своей собственности. Напрасно койсубулинцы старались выиграть время и затянуть переговоры; Ермоловъ требовалъ аманатовъ тотчасъ—и койсубулинцы уступили: аманаты были даны.

Такимъ образомъ, воевать было не съ кѣмъ, и Ермоловъ, поселившись самъ въ Казанищахъ, расположилъ свои войска на зимовыя квартиры по мехтулинскимъ селеніямъ. Зимовка эта, вопреки ожиданіямъ, оказалась удобной и веселой. Многіе холостые офицеры, а въ томъ числѣ и самъ Ермоловъ, пользуясь свободою мехтулинскихъ нравовъ и заплативъ калымъ, требуемый законами страны, поженились на мехтулинкахъ такъ называемымъ кебиннымъ бракомъ, и—по замѣчанію Ермолова—„скучную стоянку обратили въ рай Магометовъ“.

Перезимовавъ въ Казанищахъ, Ермоловъ возвратился въ Тифлисъ. И съ этого времени, до самой персидской войны 1826 года, во всемъ Дагестанѣ хоть сколько-нибудь крупные безпорядки уже не повторялись.

Именно къ этому времени, къ зимовкѣ въ Казанищахъ, относится цѣлый рядъ мѣръ, предпринятыхъ съ цѣлію всеобщаго успокоенія края. Понимая, что, привязавъ къ себѣ духовное сословіе горцевъ, можно пріобрѣсти большое вліяніе на весь Дагестанъ, Ермоловъ склонилъ шамхала пригласить къ нему въ Казанищи извѣстнаго въ горахъ своею ученостью муллу Сеидъ Эфендія, который, принадлежа къ числу главнѣйшихъ священныхъ особъ, могъ быть очень полезенъ при сношеніяхъ съ горцами. Ермоловъ нѣсколько разъ видѣлся съ нимъ, но не иначе,

какъ по ночамъ и при томъ у шамхала, чтобы не возбудить подозрѣній въ народѣ и оставить его въ томъ мнѣніи, что Сеидъ-Эфенди никогда не угождалъ ни одному изъ русскихъ начальниковъ. О свиданіяхъ этихъ не зналъ никто даже изъ приближенныхъ главнокомандующаго. Ермоловъ встрѣтилъ въ муллѣ человѣка разсудительнаго, искренно желавшаго спокойствія страны, и легко успѣлъ склонить его на русскую сторону. И это было тѣмъ болѣе важно, что въ это самое время росла и расширялась религіозная идея, которой, подъ именемъ мюридизма, предстояла въ скоромъ времени огромная роль въ исторіи Кавказа. Ермоловъ не упустилъ изъ виду вреднаго вліянія новой секты: онъ поручилъ Асланъ-Хану казикумыкскому слѣдить за ея развитіемъ,—и если это ученіе не было подавлено, то все же, несмотря на тайныя попытки многихъ фанатиковъ открыть мюридизму широкое поприще—при Ермоловѣ оно не могло имѣть успѣха, потому что покорные горцы, по свидѣтельству ученаго Казымъ-Бека, были болѣе или менѣе довольны имъ и его боялись.

Въ то же время Ермоловъ обдуманно и систематически подчинялъ себѣ владѣльцевъ, дѣйствуя на нихъ мѣрами то строгости, то щедрости.

Такъ, въ Казанищахъ же явился къ нему, скрывавшійся въ горахъ, сынъ Гассанъ-Хана мехтулинскаго, Ахметъ-Ханъ, испрашивая прощеніе. Возстановленіе на прочныхъ основаніяхъ русскаго управленія въ Мехтулѣ, послѣ бывшаго бунта, представляло много затрудненій, и Ермоловъ, „даровавъ прощеніе“ Ахметъ-Хану, привелъ его къ присягѣ на вѣрность и отдалъ ему Мехтулинское ханство, за исключеніемъ тѣхъ деревень, которыя еще раньше были присоединены къ шамхальству. Эта мѣра, по мнѣнію Ермолова, могла дать народу спокойствіе по привязанности жителей къ новому хану.

Въ то же время, узнавъ, что осиротѣвшее семейство Адиль-Гирея осталось въ крайней нищетѣ, Ермоловъ, какъ-бы снисходя на просьбы шамхала, позволилъ ему возвратиться въ Кайтагъ и далъ на его содержаніе одно изъ имѣній, нѣкогда принадлежавшихъ уцмію,—великодушіе, оказавшееся очень кстати и привед-

шее къ весьма важнымъ результатамъ. Естественно, что дохода отъ одного селенія оказывалось слишкомъ недостаточно для удовлетворенія потребностей семьи нѣкогда владѣтельнаго дома, и вотъ, чтобы выйти изъ такого затруднительнаго положенія, Мамедъ-Ханъ, какъ старшій въ родѣ, началъ искать случая оказать русскимъ какую-нибудь услугу и тѣмъ улучшить свое матеріальное положеніе.

Случай къ этому скоро представился. Въ Кайтагѣ проживалъ тогда извѣстный Абдуллъ-Бекъ ерсинскій, сынъ табасаранскаго кадія и зять Шихъ-Али-Хана, пользовавшійся не малымъ вліяніемъ въ народѣ. Въ селеніи Табасарани и Каракайтага всегда находилось довольно элементовъ, годныхъ для разбоя, и онъ пользовался ими, чтобы держать край въ постоянной тревогѣ. За стѣнами Дербента уже нельзя было считать себя безопаснымъ. Былъ случай, что, въ 1822 году, въ пяти верстахъ отъ этого города, команда рабочихъ, подъ прикрытіемъ 10 куринскихъ солдатъ, подверглась нападенію; два солдата были изрублены шашками, одинъ убитъ пулей и одинъ раненъ. Теперь, когда герои дагестанскихъ возмущеній одинъ за другимъ сходили со сцены, тѣмъ опаснѣе становился Абдуллъ-Бекъ, какъ послѣдній представитель былыхъ временъ необузданной свободы. Всѣ мѣры, принятыя къ его поимкѣ, оставались безъ успѣха, а между тѣмъ Южный Дагестанъ болѣе и болѣе терпѣлъ отъ его разбоевъ. Краббе принужденъ былъ оцѣнить его голову, обѣщая большую награду тому, кто доставитъ его живого или мертваго. Вотъ эту-то задачу и принялъ на себя Мамедъ-Ханъ, ставя условіемъ, чтобы ему возвращены были имѣнія его отца.

Мамедъ сталъ изыскивать средства для достиженія своей цѣли, но всѣ старанія его захватить Абдуллу, во время разъѣздовъ его въ Каракайтагѣ, были напрасны. Тогда Мамедъ подговорилъ жившаго въ д. Падуръ стараго разбойника Наурузъ-Бека, и они вмѣстѣ рѣшили извести Абдуллу другимъ способомъ. Мамедъ съѣздилъ въ Дербентъ и привезъ оттуда цѣлый боченокъ пороху. Въ то же время Наурузъ-Бекъ, рыская по окрестностямъ, узналъ о мѣстопребываніи ерсинскаго бека. И вотъ, вечеромъ 27-го ап-

рѣля 1824 года, оба они съ нѣсколькими нукерами скрытно пробрались къ небольшой деревушкѣ, окруженной лѣсомъ, гдѣ жилъ тогда Абдуллъ-Бекъ. Была темная ночь, когда партія подошла къ самому селенію; тамъ все было тихо; жители спали, и только въ домѣ самаго Абдуллы свѣтился огонекъ. Пока партія стояла въ опушкѣ лѣса—сынъ Наурузъ-Бека, молодой Гюль-Мамедъ и Оруджъ—старый, опытный разбойникъ, вдвоемъ, какъ ночные воры, пробрались въ нижній этажъ дома, гдѣ въ Дагестанѣ обыкновенно помѣщаются конюшни и кладовыя, и заложили тамъ мину, силою въ два пуда пороха.

Прошло съ четверть часа, а взрыва не было. Мамедъ уже хотѣлъ отправиться самъ, чтобы узнать о причинѣ, какъ вдругъ, въ тишинѣ ночи громовой ударъ всколыхнулъ землю и высокій столбъ пламени поднялся къ небу. Картина взрыва была ужасна. Большой двухъ-этажный каменный домъ былъ разбросанъ по частямъ; между развалинами его виднѣлись изувѣченныя, растерзанныя тѣла Абдуллы съ его сыновьями, женами и со всею прислугою. Всего погибло при взрывѣ 17 человѣкъ и въ томъ числѣ самъ Абдулла и двѣ жены его, изъ которыхъ одна была извѣстная Чимнасъ-Ханумъ—дочь Фетх-Али-Хана; только грудной, младшій сынъ Абдуллы, спасся какимъ-то непостижимымъ чудомъ. Такимъ образомъ, изъ всего семейства Абдуллы остался на свободѣ только старшій сынъ его, Зоалъ, уѣзжавшій въ роковую ночь въ сосѣднюю деревню. Но Мамедъ-Ханъ и Наурузъ дали слово доставить и его въ Дербентъ живого или мертваго.

Пострадалъ при взрывѣ сильно и Оруждъ, не успѣвшій заблаговременно отойти на безопасное мѣсто: ему вышибло въ плечѣ правую руку, обожгло лицо и повредило ребра. Не спасся бы онъ отъ разъяренныхъ жителей деревни, если-бы отважный Гюль-Мамедъ, несмотря на угрожавшую самому ему гибель, не вынесъ его на своихъ плечахъ.

„Извѣстіе о взрывѣ дома, въ которомъ за одного виновнаго погибло 16 невинныхъ,—писалъ къ Ермолову императоръ Александръ: для меня весьма непріятно“... Гуманныя чувства императора никакъ не могли примириться съ жестокою необходимостью,

на которую указывалъ Ермоловъ, отвѣчавшій, что „другаго средства къ истребленію разбойника не было, и что нельзя считать совершенно невинными тѣхъ, которые скрывали Абдуллу и помогали ему въ разбойничьихъ подвигахъ“.

Дальнѣйшая исторія Зоала неизвѣстна. Но бѣгство его было причиной слѣдующаго характернаго для дагестанскихъ нравовъ происшествія. Одинъ изъ табасаранскихъ бековъ, Ахмедъ-Паша, обвинилъ двадцатилѣтняго сына своего, Али-Бури, въ невыполненіи отцовскаго приказанія поймать или убить Зоала, и, какъ измѣнника, выдалъ его русскимъ. Нужно думать, однако, что въ этомъ поступкѣ замѣшалась семейная вражда. По крайней мѣрѣ, Али-Бури заявилъ на слѣдствіи, что отецъ донесъ на него въ отмщеніе за укоры, которые дѣлалъ ему сынъ, ибо старикъ прогналъ жену, зарѣзалъ дочь и тѣмъ-же угрожалъ самому Али. Очевидно, что здѣсь разыгрывалась цѣлая семейная драма,—и, тѣмъ не менѣе, Али, по настоянію отца, былъ сосланъ рядовымъ въ батальоны Финляндскаго корпуса.

Въ числѣ мѣръ, принятыхъ Ермоловымъ къ умиротворенію вѣчно мятежнаго края, необходимо отмѣтить и попытку повліять на дагестанскіе народы зрѣлищемъ величія русскаго государства. Ермоловъ зналъ, что мятежи горскихъ народовъ поддерживались, между прочимъ, совершенно ложнымъ представленіемъ о могуществѣ Россіи, которую они склонны были считать неизмѣримо слабѣе, чѣмъ единовѣрныя для нихъ могущественныя мусульманскія царства: Турцію и Персію. И вотъ, чтобы поколебать въ ихъ глазахъ ложный престижъ исконныхъ враговъ Россіи и познакомить съ великою державою русскихъ царей, предположено было отправить въ Москву, въ 1826 году, на коронацію новаго императора Николая Павловича депутатовъ отъ всѣхъ мусульманскихъ провинцій Кавказа, и въ томъ числѣ отъ Дагестана. „Удостоясь видѣть Императора,—писалъ Ермоловъ:—окружающую его славу и великолѣпіе, они передадутъ своимъ единоземцамъ понятіе, которое неминуемо произведетъ большое впечатлѣніе и не малую пользу“.

Первенствующими лицами въ этой депутаціи являлись: самъ мехтулинскій владѣтель Ахметъ-Ханъ, сынъ шамхала тарковскаго,

Гайдаръ-Бекъ, сынъ акушинскаго кадія, затѣмъ Эмиръ-Гамза-Бекъ, —потомокъ древняго рода каракайтагскихъ уцміевъ, зять казикумыкскаго хана, и, наконецъ, Исса-Бекъ; сынъ главнаго кубинскаго первосвященника,—человѣкъ замѣчательной храбрости, израненный въ бояхъ, членъ многочисленной семьи, въ которой всѣ, отъ стараго дѣда до юнаго внука, служили русскому государю.

Выборъ былъ сдѣланъ умѣлою рукою; но, къ сожалѣнію, все это предпріятіе не состоялось. Депутаты уже собраны были на Кавказской линіи, въ Екатериноградъ, и имъ оставалось только нѣсколько дней до выѣзда, — какъ вдругъ получены были извѣстія о вторженіи персіянъ въ Грузію. Можно было опасаться волненій и среди дагестанцевъ. При такихъ условіяхъ, Ермоловъ не счелъ возможнымъ посылать депутатовъ, а приказалъ, напротивъ, поспѣшнѣе разослать ихъ по домамъ, гдѣ они, какъ люди испытанной вѣрности, могли оказаться необходимыми. Но миръ и тишина нигдѣ не нарушались. „При всѣхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ вторженіе непріятеля въ наши предѣлы, при общемъ возмущеніи въ мусульманскихъ провинціяхъ, Дагестанъ, многолюднѣйшій, воинственный и помнящій прежнее свое могущество, пребылъ въ совершенномъ спокойствіи, отзываясь, что новыхъ властелиновъ онъ не желаетъ“. Такъ писалъ Ермоловъ.

Остается сказать о дальнѣйшей судьбѣ героя и героини событій 1823 г., объ Амалатъ-Бекѣ и Салтанетѣ. Куда укрылся Амалатъ, вѣчно тревожимый своею совѣстью, никто навѣрное не знаетъ. Въ Дагестанѣ долго ходили слухи, что онъ скитался между чеченцами, утративъ красоту, здоровье и самую отвагу. Но мало по малу молва объ Амалатѣ запала, и только злодѣйская измѣна его жила въ преданіяхъ Дагестана, гдѣ и до сихъ поръ имя его никѣмъ не произносится безъ укора. Такъ говоритъ Марлинскій. Но есть другое свидѣтельство. Одинъ буйнакскій житель разсказываетъ слѣдующее: „Я былъ товарищемъ Амалата, бывалъ съ нимъ всюду, дѣлилъ съ нимъ и горе и радость, — и сколько разъ эта рука останавливала смерть, висѣвшую надъ го-

ловою пылкаго юноши! Но ни что не сильно передъ опредѣленіемъ судьбы! Мы пробрались къ черкесамъ, и были въ Анапѣ, когда русскіе брали эту крѣпость. Здѣсь Амалатъ былъ раненъ, и мы бѣжали съ нимъ подъ защиту вольнаго, непокорнаго русскимъ народа. Промѣнявши бурную жизнь на мирное пристанище, я пасъ стада у богатыхъ князей, стригъ овецъ и добывалъ скудный хлѣбъ, которымъ и дѣлился съ Амалатомъ. Но Аллахъ не хотѣлъ, чтобы мы жили вмѣстѣ, – и бѣдный Амалатъ умеръ на моихъ рукахъ отъ оспы...“

Участь Салтанеты была иная. Она вышла замужъ за Абу-Мусселимъ-Хана, сдѣлавшагося впослѣдствіи шамхаломъ тарковскимъ, и сынъ ея, князь Шамсудинъ, былъ послѣднимъ шамхальскимъ владѣтелемъ. Салтанета нерѣдко пріѣзжала въ Темиръ-Ханъ-Шуру, и умерла въ 1845 году въ Дербентѣ. Холмъ на которомъ амфитеатромъ раскинуто обширное татарское кладбище, возвышается надъ самымъ моремъ и весь усѣянъ надгробными памятниками, обращенными къ востоку. Посреди этого лѣса могильныхъ камней есть одинъ, причудливо раскрашенный розовою и зеленою красками. Это и есть могила Салтанеты.

Восточныя женщины старѣются скоро. Салтанета умерла, не достигнувъ даже сорокалѣтняго возраста; но современники, встрѣчавшіе ее въ послѣдніе годы ея жизни, говорятъ, что она была уже совершенная старушка. Черты лица ея, однако, были чрезвычайно правильны и сохраняли слѣды замѣчательной красоты.

XX.

Поѣздка Муравьева въ Хиву.

Восточный невѣдомый берегъ Каспійскаго моря, представлявшій въ туманной перспективѣ за обширными степями Татаріи путь въ Индію и по меньшей мѣрѣ выгодныя торговыя сношенія съ богатыми азіятскими странами, откуда шли въ Европу шелкъ и богатыя ткани, былъ постояннымъ предметомъ стремленій русскаго государства. Естественно, энергическій и оригинальный человѣкъ, какъ Ермоловъ, не могъ, съ своей стороны, не попытаться проникнуть своимъ вліяніемъ въ эти желанныя страны, тѣмъ болѣе, что весь западный берегъ Каспійскаго моря, съ Дербентомъ и Баку, былъ уже въ рукахъ Россіи.

Помнились еще и несчастный походъ Бековича, погибшаго подъ Хивою со всѣми своими войсками, и попытка временъ Екатерины Великой, окончившаяся плѣненіемъ Войновича. Но плодо-

творная мысль, которой предстояла великая будущность, несмотря на препятствія, жила и проявлялась, какъ только открывалась возможность къ тому. Даже прежнія, повидимому неудачныя попытки не остались безъ результата, познакомивъ съ русскою страною туземцевъ восточнаго Каспійскаго побережья, и съ начала нынѣшняго столѣтія туркмены уже сами начинаютъ домогаться заведенія у нихъ русской торговой факторіи. Князь Циціановъ, несмотря на ничтожныя средства, которыми русскіе располагали тогда въ Грузіи, нашелъ однако возможнымъ осмотрѣть восточные берега Каспійскаго моря и указалъ три пункта, выгодные для устройства укрѣпленій, именно: урочище Гедикъ, устье Эмбы и Тюпъ-Караганскій уголъ. Дѣло, правда, при тогдашнихъ обстоятельствахъ тѣмъ и ограничилось; Циціановъ погибъ, и всѣ предположенія его по этому вопросу оставлены были „до удобнѣйшаго времени" какъ того желалъ преемникъ князя, графъ Гудовичъ. Ртищевъ, съ своей стороны, пытался возобновить переговоры съ туркменами при посредствѣ дербентскаго купца, армянина Ивана Муратова, который прежде велъ торговлю съ Асхабадомъ и имѣлъ въ тѣхъ странахъ большое знакомство. Муратовъ ѣздилъ въ туркменскими депутатами, прибывшими заявить, что и они возстали противъ Персіи и опустошили всѣ мѣста близъ Астрабада (это было во время русской войны съ Фетх-Али-шахомъ). Но послы застали главнокомандующаго уже въ гюлистанскомъ лагерѣ,—заключающимъ съ Персіей миръ. Персіяне отлично понимали, насколько туркмены, поддержанные Россіею, могли сдѣлаться для нихъ опасными, и потребовали, чтобы русское правительство не входило съ ними ни въ какія сношенія. Ртищевъ принялъ это условіе и, прилично отдаривъ пословъ, отправилъ ихъ обратно. Народъ туркменскій былъ очень огорченъ этою неудачею.

Ермоловъ вполнѣ оцѣнилъ всю пользу, какую можно было извлечь изъ пріязненныхъ отношеній къ намъ туркменъ.

Крѣпкій опорный русскій пунктъ на восточномъ берегу Каспійскаго моря долженъ быть имѣть своимъ результатомъ и еще одно важное преимущество. Имъ создавалась бы Россіею новая серьезная угроза Персіи со стороны Мазандерана и Хорассана, ко-

торая въ случаѣ войны могла бы до значительной степени удержать ее отъ вторженія въ Закавказскіе предѣлы. Ермоловъ, понимавшій Персію и ея политику, какъ не многіе, естественно не могъ упустить изъ виду этихъ важныхъ послѣдствій, хотя и старался повидимому не вызвать подозрѣній со стороны персидскаго правительства. „Мѣсто, выбранное на берегу моря для построенія крѣпостей, — говоритъ онъ въ своемъ предписаніи: — не должно быть слишкомъ близко къ персидскимъ владѣніямъ, дабы не возбудить опасеній противъ насъ, ни слишкомъ близко къ Хорасеану, дабы караваны съ товарами не подвергнуть нападенію хищныхъ народовъ".

И въ 1819 году, въ то самое время, какъ русскія войска покорили Приморскій Дагестанъ, онъ уже рѣшилъ отправить на восточный берегъ Каспія экспедицію, съ тѣмъ, чтобы войти въ сношеніе съ туркменами и собрать подробныя свѣдѣнія о жизни, торговлѣ и промышленности этихъ кочевниковъ, а если окажется возможнымъ, то и основать тамъ складочный пунктъ, съ надежною гаванью, гдѣ русскіе корабли могли бы безопасно разгружаться на якорѣ. Но такъ какъ заведеніе какого бы то ни было торговаго пункта по ту сторону Каспійскаго моря неизбѣжно приводило Россію въ столкновеніе съ Хивою, и такъ какъ въ сущности въ рукахъ русскихъ не было хоть сколько-нибудь основательныхъ свѣдѣній о землѣ, на которой намѣревались завести торговую колонію,—то Ермоловъ поручилъ елисаветпольскому окружному начальнику, маіору Пономареву, отправиться въ приморскія кочевья туркменъ для осмотра мѣстности, а капитана Муравьева (Николая Николаевича, впослѣдствіи—„Карскаго") послалъ къ хивинскому хану съ письмомъ, въ которомъ цвѣтистыми восточными фразами выражалъ желаніе „изъ цвѣтовъ сада дружбы сплести пріятный узелъ соединенія съ нимъ неразрывною пріязнью" и просилъ его „отпереть русскимъ ворота дружбы и любезныхъ сношеній". „Въ письмахъ этихъ—говоритъ Ермоловъ:—употреблены мною сверхъ того скромныя выраженія и собственно на счетъ мой, напримѣръ: великій и могущественный главнокомандующій—и тому подобныя. Долго писалъ я обыкновеннымъ образомъ, но примѣтилъ, что здра-

вое сужденіе не столько понятно здѣшнимъ народамъ, сколько пышная глупость".

„Не смотрите, какъ европеецъ, на средства лести, — писалъ онъ, между прочимъ, и въ предписаніи къ Муравьеву: — между народами азіятскими употребленіе лести обыкновенно, и вы имѣете выгоду не страшиться быть расточительнымъ въ ономъ".

Порученіе, данное Муравьеву, заключалось главнѣйшимъ образомъ въ томъ, чтобы склонить хивинскаго хана направлять торговые караваны не на Мангишлакъ, куда они пріѣзжали послѣ 30-дневнаго пути по безводнымъ и песчанымъ степямъ, а по новому пути, дававшему возможность въ 17 дней достигнуть Красноводска, лежащаго при Балаханскомъ заливѣ; въ Красноводскъ же, ко времени прибытія каравановъ, должны были приходить и русскія купеческія суда изъ Астрахани, для взаимной мѣны товаровъ.

18 іюня 1819 года, Муравьевъ отслушалъ въ Тифлисѣ, въ Сіонскомъ соборѣ, напутственный молебенъ и отправился въ дорогу, почти не надѣясь на возвращеніе. Несчастный примѣръ Бековича, такъ ужасно окончившаго свое полувоенное, полудипломатическое порученіе, извѣстная жестокость тогдашняго хивинскаго хана, Магометъ-Рахима, наконецъ трудное степное путешествіе— не обѣщали новому посланнику ничего утѣшительнаго.

Въ Баку Муравьеву пришлось прожить нѣсколько дней, пока снаряжалась команда, назначенная сопровождать Пономарева. Тутъ же, на рейдѣ, стоялъ уже совершенно готовый къ отплытію 18-пушечный корветъ „Казань", на которомъ путешественникамъ предстояло совершить переѣздъ черезъ море, и при немъ купеческій шкоутъ „Св. Поликарпа", предназначавшійся для перевозки тяжестей. Въ ожиданіи отплытія, офицеры корвета устраивали морскія прогулки; компанія отправлялась обыкновенно къ домику, стоящему на берегу и называемому „морскими банями". Муравьевъ отмѣчаетъ въ своемъ путевомъ дневникѣ, что туда приходилось плыть мимо развалинъ большого караванъ-сарая, скрытаго теперь подъ водою въ полуверстѣ отъ берега; изъ-подъ воды показываются только однѣ верхушки его башенъ. Неизвѣстно, когда

и вслѣдствіе такой катастрофы зданіе это погрузилось въ море; но о немъ упоминаетъ, въ своемъ описаніи Каспійскаго моря, и Соймоновъ, участникъ экспедиціи Петровскаго времени.

18-го іюля корветъ вышелъ, наконецъ, въ открытое море, и, послѣ десятидневнаго плаванія, путешественники увидѣли туркменскій берегъ. 29-го числа Муравьевъ съ Пономаревымъ, въ сопровожденіи шести матросовъ, отправились къ берегу на двѣнадцати-весельномъ баркасѣ, вооруженномъ коронадой и двумя фальконетами. И здѣсь, въ самомъ началѣ экспедиціи, Муравьеву пришлось уже встрѣтить суровыя испытанія. Такъ какъ предполагалось возвратиться въ тотъ же вечеръ на корветъ, то не позаботились взять съ собою воды и продовольствія. А рекогносцировка берега не привела между тѣмъ ни къ какимъ результатамъ; нигдѣ не было даже признаковъ близкаго туркменскаго кочевья. Муравьевъ отправился было въ обратный путь, какъ вдругъ поднялась сильная буря; волны, гонимыя вѣтромъ, высоко вздымаясь, затопляли баркасъ—и вынудили наконецъ снова высадиться и ночевать на берегу. Обстоятельство это не мало встревожило маленькую партію. Бури въ тѣхъ мѣстахъ продолжаются иногда по недѣлямъ, а наши путники не имѣли съ собою ни воды, ни хлѣба; къ тому же ежечасно можно было ждать нападенія хищныхъ туркенъ, которые въ тѣ времена пользовались бурями, чтобы захватывать прибиваемыя къ берегамъ суда промышленниковъ.

Приближалась ночь. Фальконеты были сняты на берегъ, и команда расположилась ночевать на бугрѣ, принявъ строгія мѣры военной предосторожности. Въ то же время, чтобы дать о себѣ вѣсть на корветъ, разложили огромный костеръ, благо отличное топливо — прибрежный камышъ, былъ подъ рукой въ неистощимыхъ размѣрахъ. Къ утру положеніе команды стало еще тяжелѣе; буруны не уменьшались, — а послѣдніе сухари были съѣдены, и воды не осталось ни капли. Томимые жаждой, люди глотали морскую воду, но отъ нея тошнило и появлялись боли въ желудкѣ. Вдругъ огромная волна совершенно затопила баркасъ. И хотя матросы тотчасъ кинулись спасать его и, успѣвъ сбросить въ море коронаду, вытащили судно на берегъ, но оно оказалось поврежден-

нымъ. Тогда попытались еще разъ найти кочевье или прѣсную воду; но безрезультатные поиски только напрасно утомили людей. Муравьеву оставалось, по его собственному выраженію, „сидѣть у моря и ждать погоды“. Въ случаѣ крайности рѣшено было бросить баркасъ и фальконеты, и пѣшкомъ пробраться въ Астрабадъ. Къ счастію, на третій день погода утихла, баркасъ былъ исправленъ, и 31 іюля команда возвратилась на корветъ.

При отсутствіи картъ не было никакой возможности опредѣлить хотя приблизительно даже мѣсто, гдѣ находились путешественники. Къ счастію, на слѣдующее утро увидѣли нѣсколько туркменскихъ „киржимовъ“, лодокъ, плывшихъ около берега. Надо было остановить хотя одну изъ нихъ, чтобы добыть языка, и съ этою цѣлью съ корвета былъ сдѣланъ холостой пушечный выстрѣлъ. Но туркмены не поняли сигнала и, напротивъ, перепуганные выстрѣломъ, налегли на весла. Тогда по нимъ пустили два ядра и отправили въ погоню шестерку съ вооруженною командою. Одна изъ лодокъ была отрѣзана; туркмены, бывшіе на ней, бросились на берегъ: но хозяинъ лодки, Девлетъ-Али, былъ захваченъ и привезенъ на корветъ. Это былъ шестидесятилѣтній старикъ изъ почетнаго сословія. Отъ него узнали, что мѣсто, гдѣ была сдѣлана высадка, носитъ названіе „Бѣлый бугоръ“, или Акъ-Тепе, что южнѣе лежитъ „Серебряный бугоръ“, а между ними стоитъ большое кочевье туркменъ, рода Гассанъ-Кули, гдѣ живетъ и старшина Кіатъ, одинъ изъ ѣздившихъ къ генералу Ртищеву депутатомъ отъ туркменскаго народа.

Благодаря этимъ указаніямъ, явилась возможность оріентироваться. 3-го августа путешественники подплыли къ „Серебряному бугру“ и послали старика извѣстить ближайшія кочевья о прибытіи къ ихъ берегамъ русскаго корвета. Туркмены не замедлили явиться, а вслѣдъ за ними прибылъ и самъ Кіатъ-Ага, — лицо весьма значительное, которому повиновались нѣсколько старшинъ, вмѣстѣ съ ихъ родами. Принятые какъ гости, со всевозможной предупредительностію, туркмены скоро освоились съ русскими настолько, что просили Муравьева показать имъ, „какъ русскіе солдаты играютъ ружьями“. „Мы слышали отъ стариковъ,—говорили

они:—что ваши солдаты такъ выучены, что если одинъ топнетъ ногою, то, сколько ихъ ни есть, всѣ топнутъ разомъ". Имъ показали ученье съ пальбою, и они чрезвычайно дивились ему. Кіатъ отвелъ Муравьева въ сторону и предупредилъ его, чтобы солдаты, ѣздившіе на берегъ за водою, были осторожны и не расходились по одиночкѣ. „Персіяне—сказалъ онъ:—подкупили туркменъ, не нашихъ, а другихъ ауловъ, и по васъ будутъ стрѣлять изъ камыша". Лучшею мѣрою въ сношеніяхъ съ азіятцами, впрочемъ, всегда была собственная осторожность, и, благодаря строгому порядку, заведенному Муравьевымъ, въ продолженіе всей долгой стоянки у „Серебрянаго бугра", не было ни одного несчастнаго или непріятнаго случая. А стояли здѣсь долго; около мѣсяца потребовалось на то, чтобы обозрѣть берега и составить описаніе и карты. Лишь 10-го сентября корветъ прибылъ наконецъ къ Красноводску, и здѣсь начались приготовленія Муравьева къ поѣздкѣ въ Хиву.

„Рѣшаясь на это путешествіе,—говоритъ самъ Муравьевъ въ своихъ запискахъ:—я имѣлъ весьма мало надежды возвратиться назадъ; но шагъ уже былъ сдѣланъ, и я былъ довольно спокоенъ, совершенно положившись на благость Провидѣнія".

19-го сентября, простившись со своими спутниками, Муравьевъ выѣхалъ въ степь. Весь конвой его состоялъ изъ одного солдата, переводчика, армянина Петровича, и проводника туркмена, по имени Сеида. Всѣ четверо ѣхали верхами; солдатъ велъ вьючныхъ верблюдовъ и смотрѣлъ за подарками, предназначавшимися хану и его сановникамъ. Не безопасно было ѣхать черезъ степь съ ничтожнымъ конвоемъ, но „недостатокъ людей—говоритъ Муравьевъ:—я замѣнилъ добрымъ ружьемъ, пистолетами, большимъ кинжаломъ и шашкою, которые не снималъ съ себя цѣлую дорогу".

Поднявшись на высокія скалы, окаймлявшія берега Балаканскаго залива, Муравьевъ въ послѣдній разъ увидѣлъ корветъ, высадившій его на этотъ пустынный берегъ и спокойно стоявшій въ заливѣ на якорѣ. Передъ нимъ лежала теперь безграничная степь, безбрежное песчаное море, лишенная всякой зелени, мертвая пустыня, гдѣ лишь изрѣдка пробивался тощій репейникъ, и глазъ

человѣка не встрѣчалъ ни животнаго, ни перелетной птицы. Мысль объ удаленіи изъ отечества, быть можетъ для того, чтобы впасть въ вѣчную неволю или умереть подъ варварскими истязаніями свирѣпаго хана, невольно западала Муравьеву въ душу. Рѣдкія кочевья, попадавшіяся на пути, не успокоивали взволнованнаго воображенія; чувствовалось, по простому отсутствію пашенъ, что лѣнивые и беззаботные полудикари, добывавшіе хлѣбъ не иначе, какъ на базарахъ Хивы и Астрабада, должны жить на счетъ своихъ сосѣдей. Дѣйствительно, встрѣча съ такими кочевьями была не всегда безопасна: промыселъ ихъ—воровство людей, которыхъ они и продавали въ Хиву за большія деньги; одно ожиданіе такой встрѣчи приводило трусливаго Петровича въ отчаяніе, и страхъ его былъ такъ комиченъ, что заставлялъ Муравьева смѣяться въ самыя тяжелыя минуты. Совсѣмъ другой человѣкъ былъ Сеидъ, самъ извѣстный наѣздникъ, прославившійся разбоями въ Персіи. Когда Сеиду было еще только 16 лѣтъ, онъ ѣздилъ однажды со своимъ престарѣлымъ отцомъ въ степь. Тамъ они нечаянно наткнулись на шайку текинцевъ; отецъ сидѣлъ на добромъ конѣ, а Сеидова лошадь была не изъ лучшихъ. Не имѣя надежды спастись, старикъ соскочилъ съ сѣдла и, отдавая сыну своего коня, сказалъ ему: „Сеидъ! я уже старъ, и довольно пожилъ на свѣтѣ; ты молодъ и можешь поддержать наше семейство. Прощай, спасай себя, пока есть еще время!“ Сеидъ выхватилъ саблю и отвѣчалъ: „Отецъ! если ты не хочешь бѣжать, то я не покину тебя и буду защищаться; тогда мы погибнемъ оба, и семейство наше осиротѣетъ“... Спорить было некогда, они рѣшились спасаться каждый на своемъ конѣ и наступившая ночь укрыла ихъ отъ разбойниковъ. Старый отецъ повсюду разсказывалъ послѣ этого, что сынъ превзошелъ его въ храбрости. На Сеида Муравьевъ могъ, слѣдовательно, понадѣяться.

Но одинъ въ полѣ все-таки не воинъ, и потому всѣ наши путники были рады, догнавъ караванъ, шедшій въ Хиву. И чѣмъ дальше уходилъ караванъ отъ морского берега, тѣмъ становился болѣе и болѣе, увеличиваемый разнымъ людомъ, съѣзжавшимся съ окрестныхъ кочевокъ. На третій день, когда онъ вступалъ въ

совершенно безлюдную степь, въ немъ было уже до двухсотъ верблюдовъ и до сорока вооруженныхъ людей. Все это отправлялось въ Хиву за покупкою хлѣба.

Для нашихъ путниковъ это сообщество было и хорошо и дурно; удобнѣе было защищаться въ случаѣ открытаго нападенія, но за то надо было беречься и своихъ случайныхъ спутниковъ. „Какъ бы то ни было,— говоритъ Муравьевъ:—а я всегда бралъ предосторожность и во всѣ шестнадцать дней и ночей нашей поѣздки не снималъ оружія".

Зная подозрительность всѣхъ вообще азіятцевъ къ людямъ, что-либо срисовывающимъ или записывающимъ, Муравьевъ былъ очень затрудненъ въ веденіи своего дневника, основательно опасаясь прослыть за шпіона. Поэтому онъ записывалъ все видѣнное только по ночамъ, когда всѣ засыпали, и притомъ разными знаками, для того, чтобы никто не могъ разобрать ихъ, если бы эти записки, паче чаянія, попали въ руки хана. Стараясь какъ можно меньше обращать на себя вниманіе, Муравьевъ одѣлся въ туркменское платье и назвался Мурадъ-беемъ. Это представляло своего рода выгоду; хотя въ караванѣ всѣ знали, кто онъ, но при встрѣчѣ съ чужими онъ не возбуждалъ уже опаснаго любопытства и избавлялся отъ вопросовъ, иногда весьма щекотливаго свойства. Только однажды при встрѣчѣ съ большимъ караваномъ, сопровождавшіе его туркмены заподозрили нашихъ путешественниковъ и стали добиваться: что это за люди? Начальникъ каравана отвѣчалъ: „это плѣнные русскіе; нынче пришли ихъ суда къ берегу, мы поймали троихъ и веземъ въ Хиву на продажу" .— „Везите везите невѣрныхъ собакъ,— отвѣчали туркмены:—мы сами только что продали русскихъ и взяли хорошія деньги. Нынче этотъ товаръ въ цѣнѣ".

2-го октября путники достигли предѣловъ Хивы. Но именно въ эту ночь случилось большое лунное затмѣніе, встревожившее весь караванъ, такъ какъ, по понятіямъ туркменъ, оно предзнаменовало ему дурной пріемъ въ Хивѣ, „Съ стѣсненнымъ сердцемъ—говоритъ Муравьевъ:—переѣхали мы границу. Картина природы рѣзко измѣнилась—повсюду воздѣланныя поля, сады и арыки.

— Отчего вы не обработываете свои земли такимъ же образомъ? спросилъ Муравьевъ своихъ спутниковъ.

— „Наши земли ничего не производятъ“, отвѣчали ему.

— А если земли ваши ничего не производятъ, то отчего же вы не переселитесь въ Хиву?

— Посолъ, — отвѣчали ему туркмены съ гордостью: — мы господа, а это наши работники. Они боятся своего владѣльца, а мы, кромѣ Бога, ничего не боимся“.

Нужно сказать, что, несмотря на эти гордыя слова, туркмены охотно служили хивинскому хану. Муравьевъ высказалъ это.

Туркмены обидѣлись.

— „Господинъ посланникъ! — сказалъ ему одинъ изъ нихъ, ударивъ рукою по ефесу сабли: — мы, туркмены, люди простые; намъ такія вещи прощаютъ, но уважаютъ за храбрость нашу и за остріе кривой сабли, которая всегда предстоитъ къ услугамъ хана“.

— „Она также будетъ предстоять и къ услугамъ Бѣлаго Царя,—сказалъ Муравьевъ:—съ той минуты, какъ при моемъ посредничествѣ установится миръ и доброе согласіе между двумя державами“.

Съ дороги Муравьевъ послалъ между тѣмъ двухъ гонцовъ: одного въ Хиву, съ извѣстіемъ къ хану о своемъ прибытіи, а другого— въ ближайшую ханскую крѣпостцу, Акъ-Сарай, для извѣщенія о томъ же тамошняго хивинскаго чиновника. Изъ Хивы въ тотъ же день прибылъ навстрѣчу Муравьеву туркменскій старшина Берди-Ханъ, личность весьма примѣчательная: въ 1812 году онъ служилъ у персіянъ, раненъ въ Асландузскомъ дѣлѣ и былъ однимъ изъ не многихъ, спасшихся въ этотъ страшный день отъ истребленія; вылѣчившись отъ раны, онъ служилъ нѣкоторое время у генерала Лисаневича, потомъ возвратился на родину и, наконецъ, бѣжалъ въ Хиву.

Послѣднюю ночь передъ въѣздомъ въ столицу хивинскаго хана Муравьевъ провелъ въ какой-то бѣдной деревушкѣ. Утромъ онъ хотѣлъ выѣхать рано; но одинъ изъ туркменскихъ старшинъ пригласилъ его на завтракъ, и отказаться было бы весьма неполитично. Обстоятельство это, заставившее его промедлить часа два,

оказалось весьма важнымъ въ этой деспотической странѣ: только что наши путники выѣхали изъ деревни, какъ съ ними встрѣтился конный чапаръ и просилъ отъ имени хана остановиться, чтобы подождать двухъ чиновниковъ, посланныхъ къ нему на встрѣчу. Тѣ, дѣйствительно, скоро пріѣхали и объявили Муравьеву ханское приказаніе—ѣхать въ деревню Иль-Гельды и тамъ ожидать. „Такимъ образомъ,—говоритъ Муравьевъ:—не случись нашего завтрака, обстоятельства могли принять совершенно другой оборотъ. Я въ тотъ же день былъ бы въ Хивѣ, и ханъ, удивленный моимъ внезапнымъ прибытіемъ, можетъ быть, принялъ бы меня хорошо; а съ другой стороны могло быть и то, что народъ растерзалъ бы меня до въѣзда въ городъ по повелѣнію того же хана, до котораго бы вдругъ дошли слухи, что русскіе пришли въ Хиву для отмщенія за кровь Бековича. Такіе слухи въ Хивѣ распространить легко, и владѣлецъ, никогда ничего не видѣвшій, кромѣ своего маленькаго ханства и степей, его окружающихъ, могъ легко этому повѣрить“.

Въ деревнѣ Иль-Гельды была небольшая крѣпостца, принадлежавшая Хаджатъ-Мегрему, одному изъ ханскихъ любимцевъ. Въѣздъ въ нее былъ только одинъ, черезъ большія ворота, запиравшіяся огромнымъ висячимъ замкомъ. Муравьевъ понялъ, что онъ арестованъ. Дѣйствительно, Магометъ-Рахимъ подъ разными предлогами день ото дня откладывалъ пріемъ, а между тѣмъ обращеніе съ Муравьевымъ становилось съ каждымъ днемъ грубѣе, пища отпускалась умѣреннѣе, а чай перестали давать ему и вовсе. Такъ прошло 12 дней. По слухамъ, хану было доложено, что Муравьевъ во время пути велъ какія-то записки, и явилось сомнѣніе, не лазутчикъ ли онъ. Ханъ приказалъ Хаджатъ-Мегрему еще болѣе стѣснить свободу заключенныхъ и учредить за ними строгій надзоръ, а самъ находился въ большой нерѣшительности. Наконецъ, онъ собралъ совѣтъ.

— „Туркмены, проводившіе сюда Муравьева,—сказалъ ханъ собранію: — не должны были допустить его до моихъ владѣній; они должны были убить его и представить ко мнѣ только письма и подарки, которыя онъ везъ. Но такъ какъ онъ уже здѣсь—

то дѣлать нечего, и я желаю знать, что посовѣтуетъ мнѣ кази."

— Этого нечестиваго—отвѣтилъ кази:—слѣдуетъ вывести въ поле и зарыть живымъ.

— „Кази,—сказалъ ханъ:—я предполагалъ у тебя больше ума, чѣмъ у себя самого; но теперь вижу, что у тебя его совсѣмъ нѣтъ. Если я его убью, то на будущій же годъ Бѣлый Царь придетъ и полонитъ всѣхъ женъ моего гарема. Лучше будетъ принять посла и отправить его обратно; а между тѣмъ пускай онъ посидитъ; нужно развѣдать, за какимъ онъ дѣломъ пріѣхалъ сюда,—а ты уйди вонъ!"

Голоса въ совѣтѣ раздѣлились: одни полагали, что Муравьевъ пріѣхалъ, чтобы выручить русскихъ невольниковъ; другіе—требовать удовлетворенія за сожженіе двухъ русскихъ судовъ въ Балаканскомъ заливѣ, случившееся лѣтъ десять назадъ; иные же упорно стояли на томъ, что онъ пріѣхалъ требовать возмездія за кровь князя Бековича. Говорили также, что къ берегамъ Туркменіи пришелъ русскій флотъ, что тамъ заложена большая крѣпость, и что Муравьевъ, узнавъ дорогу, на будущій годъ непремѣнно приведетъ въ Хиву русское войско. И несмотря на изгнаніе кази, всѣ разнородныя мнѣнія сводились къ одному знаменателю: посла надо казнить, а на худой конецъ, тайно убить или взять въ невольники.

Слухи объ этомъ мнѣніи совѣта и о тайныхъ намѣреніяхъ хана, доходя до Муравьева, не могли не тревожить его. Съ перваго шага въ Хиву онъ былъ уже плѣнникомъ. Врожденная свирѣпость хана и безъ совѣта приближенныхъ уже побуждала его умертвить иноплеменника, и только страхъ передъ Бѣлымъ Царемъ еще удерживалъ его. Провѣдавъ о худомъ оборотѣ дѣла, туркмены, сопровождавшіе Муравьева въ пути, стали опасаться, чтобы и имъ не пришлось пострадать изъ-за него, и перестали оказывать ему уваженіе. Даже лучшій изъ нихъ, Сеидъ, и тотъ своимъ измѣнившимся поведеніемъ доставилъ много скорбныхъ минутъ Муравьеву. Поневолѣ приходилось ему болѣе и болѣе убѣждаться, что мрачныя предчувствія, тревожившія его передъ поѣздкой, должны сбыться.

„Я не зналъ,—говоритъ Муравьевъ:—на что мнѣ рѣшиться; мнѣ предстояли неминуемо или томительная неволя, или позорная и мучительная казнь; я помышлялъ о побѣгѣ и лучше желалъ, чтобы меня настигли въ степи, гдѣ я могъ умереть на свободѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, а не на плахѣ, подъ ножемъ хивинскаго палача. Однакоже мысль о неисполненіи своей обязанности, когда еще могла быть на это сомнительная и малая надежда, меня останавливала. Я рѣшился остаться, привелъ въ порядокъ свое оружіе и приготовился къ защитѣ, если бы на меня внезапно напали. Къ счастію, со мною была книга Пôпа - переводъ Иліады; я всякое утро выходилъ въ садъ и занимался чтеніемъ, которое меня развлекало“.

Размышляя о своемъ бѣдственномъ положеніи, Муравьевъ думалъ, если его не лишатъ жизни, то, конечно, обратятъ въ невольники; и мысль эта даже улыбалась ему, въ сравненіи съ тѣмъ одиночнымъ заключеніемъ, въ которомъ онъ томился. „Будучи въ неволѣ, — говоритъ Муравьевъ: — я утѣшался бы тѣмъ, что буду имѣть возможность по крайней мѣрѣ видѣть моихъ соотечественниковъ; я имѣлъ въ виду при первомъ удобномъ случаѣ взбунтовать ихъ противу хивинцевъ и избавить отъ тяжелаго рабства“.

Между тѣмъ быстро приближалась зима. Листъ уже падалъ, утренники становились свѣжѣе. 48 дней прожилъ Муравьевъ между страхомъ смерти и надеждою. Но вотъ, 17 ноября, ханъ, долго колебавшійся, рѣшился, наконецъ, принять посланника. Въ Ильгельды поскакалъ гонецъ, и Муравьевъ въ тотъ же день выѣхалъ изъ крѣпости. „Очутившись въ полѣ,—говоритъ онъ въ запискахъ:—я почти не вѣрилъ, что освобожденъ отъ жестокаго заточенія, въ которомъ ежеминутно ожидалъ себѣ смерти“. Но вотъ и Хива. Высокая каменная стѣна окружала городъ, надъ которымъ возвышался огромный куполъ мечети бирюзоваго цвѣта съ золотымъ шаромъ на верху; пошли древнія могилы, арыки, съ прекрасными каменными перекидными мостами, и, наконецъ, громадные сады. Многочисленная толпа любопытныхъ встрѣтила посланника при въѣздѣ въ городъ и сопровождала его до самаго дома, принадлежавшаго первому ханскому визирю. Такъ какъ обыкно-

венно ханъ Магмедъ-Рахимъ спалъ въ теченіе дня, а занимался дѣлами ночью, то письма и подарки отправлены были къ нему еще съ вечера. Въ числѣ подарковъ видное мѣсто занимали девять хрустальныхъ стакановъ,—именно девять, потому что число это считается хивинцами счастливымъ,—и огромный подносъ, на которомъ стояли двѣ головы сахару и лежали 10 фунтовъ свинцу, такое же количество пороху и 10 кремней. Число десять, нужно сказать, у хивинцевъ одно изъ самыхъ несчастныхъ. Оригинальный подарокъ этотъ хивинцы сами растолковали себѣ слѣдующимъ образомъ: двѣ головы сахару обозначаютъ предложеніе мира и сладкой дружбы; порохъ, свинецъ и кремни — войну, если они не согласятся на дружбу.

На слѣдующій день, передъ вечеромъ, верховный визирь вошелъ къ Муравьеву и торжественно объявилъ ему, что ханъ желаетъ видѣть посланника. Муравьевъ одѣлся въ полный мундиръ, къ которому пришилъ изъ предосторожности вмѣсто чернаго красный воротникъ, опасаясь, чтобы кто-нибудь изъ русскихъ, находившихся въ Хивѣ, не узналъ по мундиру офицера генеральнаго штаба и не растолковалъ бы хану, что спеціальность этого рода службы заключается именно въ снятіи плановъ, въ описаніи дорогъ и обозрѣніи страны въ военномъ отношеніи. Во время пути Муравьевъ потерялъ свой головной уборъ и потому замѣнилъ его высокою персидскою шапкою; оружіе отъ него отобрали.

Пройдя нѣсколько дворовъ, въ предшествіи юзъ-баши и приставовъ, Муравьевъ остановился наконецъ передъ кибиткою, въ глубинѣ которой увидѣлъ колоссальную, поражающую своею громадностію, фигуру хана, въ красномъ халатѣ, сшитомъ уже изъ сукна, привезеннаго ему Муравьевымъ въ подарокъ; небольшая серебряная петлица застегивалась на груди, на головѣ была чалма съ бѣлою, какъ снѣгъ, повязкою. Онъ сидѣлъ неподвижно на дорогомъ хорасанскомъ коврѣ, имѣя по сторонамъ себя двухъ важнѣйшихъ хивинскихъ сановниковъ. Ханъ, по словамъ Муравьева, былъ въ сажень ростомъ, очень широкоплечъ и такъ массивенъ, что ни одна лошадь не могла возить его два часа къ ряду; лицо его, опушенное короткой, свѣтлорусой бородою, вовсе не имѣло на

себѣ отпечатка извѣстной всѣмъ его свирѣпости; онъ говорилъ величественно, громкимъ, но пріятнымъ голосомъ.

Остановившись противъ него, Муравьевъ поклонился, не снимая шапки, и, соблюдая этикетъ, ожидалъ молча, что скажетъ ханъ. Послѣ минутнаго молчанія одинъ изъ ханскихъ приближенныхъ произнесъ молитву: „Да сохранитъ Богъ владѣніе сіе для пользы и славы владѣльца". Тогда ханъ, погладивъ себя по бородѣ, привѣтствовалъ Муравьева:

— „Добро пожаловать, посланникъ! Зачѣмъ пріѣхалъ и какую имѣешь просьбу?"

— Главнокомандующій нашъ—отвѣчалъ Муравьевъ:—желаетъ войти въ тѣсныя сношенія съ вами и хочетъ утвердить торговлю на пользу обѣихъ державъ.

Затѣмъ онъ изложилъ подробно причины этого посольства. Но несмотря на все краснорѣчіе, ему не удалось убѣдить Магметъ-Рахима въ выгодахъ, которыя произойдутъ отъ перемѣны торговаго пути. Ханъ отвѣчалъ на все рѣшительнымъ отказомъ, и въ заключеніе сказалъ: „Жители Мангишлака мнѣ покорны. Для чего же я соглашусь перемѣнить путь и отниму отъ нихъ выгоды, которыя они теперь имѣютъ?" Какъ ни уговаривалъ хана Муравьевъ, обѣщая даже, что въ случаѣ согласія и дружбы, враги его будутъ и русскими врагами, — все было напрасно: ханъ не перемѣнилъ рѣшенія. Аудіенція была окончена.

Пока шли переговоры, двое ханскихъ служителей принесли халатъ изъ золотой парчи съ богатымъ къ нему кушакомъ изъ дорогой ткани, на которомъ висѣлъ кинжалъ въ серебряной оправѣ. Это были ханскіе подарки Муравьеву. По обычаю страны, онъ тутъ же надѣлъ халатъ, поверхъ своего мундира, и въ этомъ уборѣ отошелъ отъ кибитки. У воротъ дворца его ожидалъ прекрасный сѣрый жеребецъ туркменской породы. Едва Муравьевъ сѣлъ въ сѣдло, какъ двое туркменъ повели коня подъ уздцы, двое помѣстились возлѣ стремянъ, и торжественное шествіе посланника направилось по улицамъ Хивы къ дому верховнаго визиря.

Собираясь въ обратный путь, Муравьевъ послалъ къ оружейнику поправить свое двуствольное ружье. Его возвратили дня за

два до отъѣзда починеннымъ очень дурно; но за то оно оказало Муравьеву другаго рода услугу. Когда онъ хотѣлъ зарядить его, оказалось, что лѣвый стволъ чѣмъ-то засоренъ; его осмотрѣли и вытащили изъ него свернутую бумажку: это было коллективное письмо русскихъ плѣнныхъ; они извѣщали, что ихъ три тысячи человѣкъ, и просили довести о ихъ судьбѣ до свѣдѣнія государя.

21 ноября Муравьевъ покинулъ Хиву. Онъ пустился теперь по новой, пролегавшей мимо текинскихъ владѣній, дорогѣ, которая была значительно короче, хотя и гораздо опаснѣй. Сильная стужа очень замедляла походъ, а между тѣмъ явилось опасеніе, что корветъ, при наступленіи зимы, возвратится назадъ въ Баку, не дождавшись посла. Нетерпѣніе Муравьева скорѣе достигнуть берега и узнать свою участь было такъ сильно, что онъ бросилъ наконецъ караванъ и уѣхалъ въ сопровожденіи только трехъ туркменъ. 13 декабря онъ былъ уже на берегу; корветъ его еще ждалъ, и легко представить съ какою радостію онъ встрѣченъ былъ офицерами, уже терявшими надежду увидѣть его въ этой жизни. Муравьевъ прибылъ во-время. Не полагая, чтобы пребываніе Муравьева въ Хивѣ было продолжительно, корветъ не запасся продовольствіемъ и потому все это время бѣдствовалъ: цѣлый мѣсяцъ люди держались на половинной порціи; изъ 140 матросовъ пять уже умерло, а изъ остальныхъ только двадцать были здоровы. Съ половины ноября въ заливѣ сталъ показываться ледъ, — и опоздай Муравьевъ еще день-два, корветъ неминуемо ушелъ бы назадъ.

Обратное плаваніе длилось шесть дней. 26 декабря корветъ вошелъ уже въ Бакинскій рейдъ, а 17 января 1820 года Муравьевъ пріѣхалъ въ Дербентъ, гдѣ представился Ермолову и отдалъ ему отчетъ въ своемъ путешествіи. Съ нимъ вмѣстѣ представились Ермолову два хивинскіе посланника, которые торжественно и вручили ему письмо отъ своего повелителя.

„Отецъ побѣды Абул-Гази-Мамед-Рахимъ-ханъ—сказано было въ этомъ письмѣ:—привѣтствуетъ высокостепеннаго и высокопочтеннаго главнокомандующаго Ермолова, который да будетъ нашею монаршею милостію отличенъ и да вѣдаетъ:

Усердное письмо объ обращеніи по дружбѣ и знакомству, при-

сланное съ Н. Н. Муравьевымъ, предстоящіе при дворѣ нашемъ чиновники получили, и содержаніе онаго стало извѣстно. Что касается до писанія твоего, чтобы основаніе дружбы было возобновлено и утверждено черезъ продолженіе между нами сношеній, и стараніемъ обѣихъ сторонъ купцы имѣли бы открытые пути и спокойно пользовались бы торговлею, то по сему дѣлу будь извѣстенъ, что нынѣ караваны и купцы безопасно и спокойно ѣздятъ въ сторону Яика и Астраханскаго владѣнія. А какъ Ямудскіе и Гокланскіе народы нѣкоторые служатъ намъ, а другіе Каджару, то когда по волѣ Божіей поступятъ и они подъ власть нашу, тогда можетъ исполниться то, что угодно будетъ Богу".

„Передавъ пышное письмо,—говоритъ Ермоловъ;—послы передали мнѣ и ничтожные подарки: двѣ хорошія шали, 10 бухарскихъ мерлушекъ, два простыхъ сѣдла и нѣсколько фунтовъ изюму". Впрочемъ, нужно сказать, что два жеребца, присланные въ подарокъ Ермолову, остались за моремъ, по невозможности перевезти ихъ съ собою. Хивинскихъ посланниковъ отдарили перстнями и отправили въ Тифлисъ, гдѣ они должны были провести зиму, чтобы весной возвратиться на родину.

Ермоловъ очень цѣнилъ совершенное Муравьевымъ путешествіе. „Съ почтеніемъ смотрю на ваши труды и на твердость, съ которою вы превозмогли и затрудненія и самую опасность, противоставшія исполненію положеннаго на васъ порученія,—писалъ онъ къ Муравьеву по поводу его экспедиціи: — Вы собственно мнѣ сдѣлали честь, оправдавъ выборъ мой исполненіемъ столь труднаго порученія, и я почитаю себя обязаннымъ представить Государю Императору объ отличномъ усердіи вашемъ къ пользѣ его службы".

Дѣйствительно, хотя попытка открыть сношенія съ Хивою и не увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, однакоже посольство не осталось безъ результата: Муравьевъ собралъ положительныя свѣдѣнія о странѣ, до тѣхъ поръ совершенно не извѣстной, и убѣдился въ возможности съ большимъ успѣхомъ дѣйствовать противу Хивы даже оружіемъ. „Безбрежныя и горючія степи, окружающія эту страну, — говоритъ онъ въ своихъ запискахъ:— составляютъ ея главную силу. Это препятствіе, положенное са-

мою природой, можетъ устрашить другой народъ, но не русскій. Трехтысячнаго отряда достаточно, чтобы покорить и удержать за Россіею ханство, столь важное для насъ при открытіи торговыхъ сношеній съ Азіей". Таково мнѣніе, которое вынесъ изъ знакомства съ Хивою Муравьевъ, этотъ истинно мужественный и непоколебимый русскій человѣкъ, который въ тяжеломъ заточеніи, среди свирѣпыхъ дикарей, лицомъ къ лицу съ мучительною смертью, безпрерывно ему угрожавшей, помышлялъ только о благѣ своей родной страны.

Обстоятельный журналъ Муравьева, его записки и донесеніе Ермолова имѣли своимъ послѣдствіемъ то, что въ Петербургѣ рѣшено было снарядить еще разъ экспедицію къ восточнымъ берегамъ Каспійскаго моря и окончательно выбрать мѣста подъ русскія укрѣпленія.

Новая экспедиція отправлена была въ 1821 году опять подъ начальствомъ Муравьева, и результатомъ ея было обстоятельное обозрѣніе Балаханскаго залива, а главное—осмотръ Балаханскихъ горъ, вѣрнѣе—отрасли ихъ, гдѣ есть лѣса, хорошая прѣсная вода и пастбища. Горы эти, считавшіяся богатѣйшимъ мѣстомъ по всему восточному берегу Каспійскаго моря и соединявшія всевозможныя выгоды съ хорошимъ климатомъ, могли бы, при построеніи на нихъ укрѣпленій, какъ полагалъ Муравьевъ, привлечь въ окрестности многолюдныя кочевья разсѣянныхъ ямудовъ, изъ которыхъ было бы можно составить впослѣдствіи отличную конницу, исключительно для препровожденія нашихъ степныхъ каравановъ. Нѣкоторое устройство, введенное въ эту конницу, конечно, дало бы ей рѣшительное превосходство надъ прочими племенами туркменъ, зависѣвшими отъ хана, а это повело бы ихъ къ соединенію между собою такъ, что, отъ береговъ Каспійскаго моря до владѣній хивинскихъ, вся дорога пролегала бы среди народа, расположеннаго къ Россіи, и, такимъ образомъ, открылся бы кратчайшій и безопаснѣйшій путь, который доставилъ бы торговлѣ большія выгоды.

Занятія Муравьева въ Балаханскихъ горахъ продлились до самой осени. Приближались неразлучныя съ нею въ Каспійскомъ морѣ опасныя бури, а провіантъ между тѣмъ истощился, между

людьми открылись болѣзни. Муравьевъ вынужденъ былъ возвратиться назадъ, не успѣвъ закончить обозрѣніе Карабугазскаго и Киндерлинскаго заливовъ.

Донося о результатахъ новой экспедиціи и развивая мысль о пользѣ устройства на восточномъ берегу Каспія укрѣпленій, Ермоловъ однакоже не скрывалъ всѣхъ трудностей предпріятія.

„Но такъ какъ—замѣчаетъ онъ въ донесеніи:—нельзя не согласиться, что торговыя сношенія съ Хивою, а паче посредствомъ оной съ Бухаріей, могутъ представить большія выгоды, и, оными еще не ограничиваясь, можно сильному государству имѣть въ предметѣ распространеніе ихъ и до сѣвера Индіи, то въ такомъ смыслѣ нѣтъ затрудненій, кои не достойны бы были испытанія“.

На этомъ донесеніи, къ сожалѣнію, все дѣло и кончилось. Со стороны министерства не послѣдовало никакихъ дальнѣйшихъ распоряженій, и вопросъ объ утвержденіи русскаго владычества на Восточномъ берегу Каспійскаго моря снова отодвинулся на цѣлое десятилѣтіе, до тѣхъ поръ, пока талантливый и энергическій начальникъ Оренбургскаго края, генералъ-адъютантъ графъ Сухтеленъ, вновь не поставилъ его на очередь и не началъ дѣйствовать, но уже со стороны оренбургскихъ степей.

Переходъ черезъ Балканы отряда Генералъ-Адъютанта Гурко зимою 1877 г. Составилъ *А. Пузыревскій.* 1881 г., съ картами. . . . . 1 р. 75 к.

Въ «Русскомъ Инвалидѣ» отъ 30-го января 1881 г. за № 24 о книгѣ сказано:

«. . . Книга г. Пузыревскаго, написанная живымъ языкомъ и снабженная весьма хорошими планами, представляетъ, по полнотѣ разсказа, большой интересъ и заслуживаетъ вниманіе всѣхъ слѣдящихъ за литературою послѣдней войны».

Большіе маневры русской арміи.

Альбомъ, содержащій **30 фототипогравюръ**, съ акварельныхъ рисунковъ и эскизовъ извѣстнаго художника Детайль (составляющихъ собственность Его Императорскаго Величества Государя Императора).

Текстъ альбома: «Замѣтка о русскомъ солдатѣ», составилъ *М. Д.* — Описаніе хода маневровъ и лагерныхъ занятій войскъ русской арміи.

Размѣръ альбома въ переплетѣ 11×8 вершковъ.

Цѣна альбома 15 рублей.

За упаковку и пересылку въ предѣлахъ Европейской Россіи 2 р.

Сочиненія А. АВСѢЕНКО.

Скрежетъ зубовный. Романъ 2 тома . . . . 3 р. 50 к.

Повѣсти и разсказы.

Томъ I. Позолота. — Боярская пора. — Рабыня. — Семейныя радости . . . . . 1 р. 75 к.

» II. Очарованные. — Мисхорская сакля. — Зимняя ночь. — Мгновенье. — Губернская Перикола. — Испанскій дворянинъ . . . . . 1 р. 75 к.

ТРЕБОВАНІЯ АДРЕСОВАТЬ:

Въ складъ В. А. БЕРЕЗОВСКАГО

С.-Петербургъ, Колокольная, собств. домъ, № 14.

Въ складѣ В. А. БЕРЕЗОВСКАГО.

С.-Петербургъ, Колокольная, № 14.

ойна съ Турціей 1806 — 1812 г. Полковника *А. Н. Петрова*, 1885 г. I томъ. . . . . .1 р. **25** к.

Въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1885 г. за № 123 о I томѣ сказано:

«При описаніи сраженій приложены планы «хорошо исполненные, и въ концѣ книги на«печатано въ приложеніи нѣсколько важныхъ «документовъ. Книга написана живымъ язы«комъ, и намъ остается только пожелать ско«рѣйшаго появленія въ печати остальныхъ «томовъ сочиненія». *Д.*

II томъ. 1808 и 1809 гг. Кн. Прозоровскій и Кн. Багратіонъ. 1887 г. . . . . **2** р. **50** р.

III томъ. 1810, 1811 и 1812 гг. Гр. Каменскій 2, Кн. Голенищевъ-Кутузовъ и Чичаговъ. 1887 г. . . . . **2** р.

Трудъ этотъ увѣнчанъ первой Макарьевской преміей.

Описаніе дѣйствій западнаго отряда дѣйствующей арміи подъ начальствомъ Генералъ-Адъютанта Гурко, съ 25 декабря 1877 года до Филиппопольскаго боя включительно. *А. Бальцъ.* Съ планами 1880 года . . . . . **2** р.

Въ газетѣ «Русскій Инвалидъ» 1880 г. за № 49 о книгѣ сказано:

« . . . Изложеніе событій, описанныхъ въ книгѣ полковника Бальца, отличается замѣчательною полнотою, причемъ авторъ не ограничивается однѣми подробностями относительно дѣйствій войскъ, но даетъ массу свѣдѣній по продовольственной и матеріальной части западнаго отряда, приводя распоряженія по снабженію его разными предметами довольствія...

. . . Въ заключеніе не можемъ не указать и на сравнительно дешевую цѣну этого изданія, что дѣлаетъ его вполнѣ доступнымъ для всякаго офицера, который пожелалъ бы этимъ заняться; а таковыхъ, надѣемся, найдется не мало».

РУССКО-АВСТРІЙСКІЙ СОЮЗЪ 1759 г.

Документы, собранные Генеральнаго Штаба Полковникомъ **Масловскимъ**. 1887 г.

Цѣна 1 р. 75 к., съ пересылкой 2 р.

газетъ «Русскій Инвалидъ» 1887 г. за № 202 отзывъ о книгѣ оканчивается такъ:

«... Вообще документы, изданные г. Масловскимъ, проливаютъ совершенно иной свѣтъ на Семилѣтнюю войну и нельзя не выразить желанія, чтобы почтенный историкъ этой войны обнародовалъ и другіе матеріалы, находящіеся въ его распоряженіи».

Кампанія 1759 г. безспорно составляетъ одну изъ славныхъ страницъ русской военной исторіи. Рядъ побѣдъ молодой русской арміи, подъ начальствомъ «все своихъ» генераловъ, надъ первою арміею того времени, подъ предводительствомъ великаго полководца (Фридриха II), останется навсегда важнымъ фактомъ. Объяснять себѣ побѣды русской арміи надъ прусскою «случайностями», авторъ полагаетъ, непростительно.

АВСТРО-ПРУССКАЯ ВОЙНА 1866 г.

КЕНИГГРЕЦКОЕ СРАЖЕНІЕ 3 ІЮЛЯ 1866 Г.

Сост. Генеральнаго Штаба Подполковникъ **Я. Преженцовъ**.

Цѣна 65 к., съ перес. 75 к.

Послѣднее генеральное сраженіе, въ которомъ приняла участіе Австрійская армія, происходило 3-го Іюля 1866 г., на поляхъ Кениггреца. Основательное изученіе этого сраженія, съ цѣлью ознакомленія съ боевымъ духомъ названной арміи и ея дѣйствіями въ этотъ знаменательный для Австрійской Имперіи день, представляетъ много поучительнаго и интереснаго. Составленный авторомъ очеркъ вышеупомянутаго сраженія, съ разборомъ его и приложеніемъ нагляднаго подробнаго плана и схемы, даетъ полную возможность получить основательное представленіе о бывшемъ 3-го Іюля подъ Садовой сраженіи.

Книжный Складъ В. А. Березовскаго.

С.-Петербургъ, Колокольная, собственный домъ, № 14.

Дозволено цензурою. Спб. 26 ноября 1887 г. Типографія Е. Евдокимова. Б. Итальянская, № 11.

Изданіе В.А. Березовскаго
Кавказскій воинъ
въ отдѣльныхъ очеркахъ эпизодахъ легендахъ и біографіяхъ
В. Лотто.
Томъ IIй. Выпускъ третій.
Изданіе второе
С. Петербургъ.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

В. А. БЕРЕЗОВСКАГО

С.-Петербургъ, Колокольная, собств. домъ, № 14.

принимаетъ на себя высылку учебниковъ, учебныхъ пособій, канцелярскихъ принадлежностей и книгъ по всѣмъ отраслямъ знаній, а также всѣхъ литературныхъ произведеній: романовъ, повѣстей, путешествій и т. п., по цѣнамъ, объявленнымъ издателями и магазинами.

ЧАСТНЫЯ ЛИЦА благоволятъ высылать деньги одновременно съ заказами.

Доходъ отъ продажи изданія поступаетъ въ пользу раненыхъ и увѣчныхъ гренадеръ и ихъ семействъ.

ПЛЕВНА

и

ГРЕНАДЕРЫ 28 НОЯБРЯ 1887 Г.

Часть I. Очеркъ дѣйствій Гренадерскаго корпуса подъ Плевною. Сост. Генеральн. Штаба Капитанъ **Кондратовичъ**.

„ II. Плевненскій Памятникъ. Сост. Подполк. **Соколъ**.

Подъ редакціей начальника Штаба Гренадерскаго корпуса Генералъ-Маіора **Маныкина-Невструева**.

Изданіе украшено портретами въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II, Главнокомандующаго Дунайской дѣйствующей арміей Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго, многихъ начальствующихъ лицъ и рисунками памятника, съ картами и планами сраженій.

Цѣна 3 р., съ перес. заказ. бандер. 3 р. 40 к.

ФОТОГРАФЪ-ЛЮБИТЕЛЬ.

Совѣты и подробное описаніе всѣхъ процессовъ современной фотографіи для начинающихъ.

Составилъ **А. Михайловичъ**.

Цѣна 1 р. 25 к.

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

въ отдѣльныхъ

ОЧЕРКАХЪ, ЭПИЗОДАХЪ, ЛЕГЕНДАХЪ И БІОГРАФІЯХЪ.

В. Лотто.

Вы теперь близко увидите, какъ живетъ и умираетъ Кавказскій воинъ, съ какимъ самоотверженіемъ совершаетъ онъ свой подвигъ и сколько неизвѣстныхъ исторіи героевъ молча легло для защиты знамени и долга.

(Изъ привѣтственной рѣчи Графа Соллогуба Е. И. В. Великому Князю Михаилу Николаевичу при назначеніи Его намѣстникомъ Кавказа).

Томъ II рекомендованъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.
Сочиненіе это внесено въ «Основной каталогъ» для офицерскихъ библіотекъ.

ТОМЪ 2-й.

ЕРМОЛОВСКОЕ ВРЕМЯ.

ВЫПУСКЪ III.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Изданіе книжнаго склада В. А. БЕРЕЗОВСКАГО.
С.-Петербургъ, Колокольная, собств. д., № 14.
1888.

110

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 декабря 1887 г.

Типографія Е. Евдокимова. Б. Итальянская, № 11.

ОГЛАВЛЕНІЕ III ВЫПУСКА.

		стр.
XXI.	Адыгскій народъ	355
XXII.	Черкесскіе набѣги	375
XXIII.	Кабардинскія дѣла	391
XXIV.	Покореніе Кабарды	409
XXV.	Правый флангъ	437
XXVI.	Тревоги 1823 года	449
XXVII.	Вельяминовъ за Кубанью	463
XXVIII.	Кацыревъ на правомъ флангѣ	483
XXIX.	Набѣгъ Джембулата	503
XXX.	На бѣглыхъ кабардинцевъ	517
XXXI.	Кабардинскій бунтъ	533
XXXII.	Смерть Джембулата Кучукова	549

XXI.

Адыгскій народъ.

Отъ береговъ Чернаго моря далеко на востокъ, до лѣсистой Чечни, въ границахъ, очерчиваемыхъ съ сѣвера Кубанью и Малкою, съ незапамятныхъ временъ живутъ черкесскія племена, широкою полосою занимая сѣверные склоны Кавказскаго хребта, то плотно примыкая къ нимъ, то оттѣсняемыя отъ нихъ на прилежащія равнины другими народностями: абазинами, между Лабой и Урупомъ, карачаевцами, расположившимися вокругъ величаваго Эльбруса, осетинами — въ верховьяхъ Терека, въ земляхъ, прорѣзываемыхъ военно-грузинскою дорогою.

Изъ множества племенъ черкесскаго народа на сцену исторіи рано выдвинулось племя кабардинское, обнаружившее и бо́льшее развитіе сравнительно съ своими соотчичами, и бо́льшую предпріимчивость. Есть преданіе, что нѣкогда оно пыталось выйти изъ круга своихъ уединяющихъ горъ далеко къ сѣверу, оставило занимаемыя имъ мѣста на Кубани, потянулось къ Дону и скоро появилось даже въ Крыму, гдѣ понынѣ равнина между рѣками Качъ и Бельбекъ именуется черкесскою. Но измѣнчивыя судьбы юга нынѣшней Россіи, представлявшей тогда безпредѣльныя степи съ бродячимъ, волнующимся кочевымъ и разбойничьимъ населеніемъ, не дали утвердиться тамъ воинственнымъ пришельцамъ. Кабардинцы воротились къ роднымъ горамъ и укрѣпились на предкавказской рав-

нинѣ, по обѣ стороны Терека, разбросавъ свои поселенія къ востоку отъ верховій Кубани до Сунжи, и отъ горной Осетіи до верховій рѣки Кумы — на сѣверъ. И съ тѣхъ поръ вся исторія черкесскаго народа совершалась въ указанныхъ выше предѣлахъ— въ Закубаньѣ да на Кабардинской равнинѣ.

Черкесы называютъ сами себя именемъ Адыге. Есть мнѣніе, что слово это представляетъ собою только множественное число древняго слова „антъ", значащаго, вѣроятно, человѣкъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ оно понынѣ выговаривается „антихе".

Живя по восточному берегу Чернаго моря, въ сосѣдствѣ съ таинственною страною, служившей приманкою для смѣлыхъ авантюристовъ древности, искавшихъ тамъ золота, черкесы рано стали извѣстны цивилизованному міру. Задолго до нашей эры, заселяя берега Чернаго моря, греки уже нашли адыгскій народъ на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, и между другими названіями дали ему имя „Керкетовъ", принадлежавшее, вѣроятно, одному изъ тогдашнихъ черкесскихъ племенъ. Это-то имя и считается многими прародителемъ слова „черкесы".

Въ языкѣ адыговъ остались ясныя свидѣтельства о знакомствѣ ихъ съ многочисленными народами. Они помнятъ грековъ подъ именемъ „гирке" или „аллигъ" (эллинъ) и римлянъ — подъ именемъ „румъ". Хазары, турки, маджары, сарматы и какая-то русь оставили тамъ свои имена; обломки этихъ народностей, заброшенные въ чуждыя для нихъ черкесскія горы, понынѣ отражаются въ именахъ нѣкоторыхъ древнихъ дворянскихъ фамилій, каковы Шерматъ, Хазаръ, и въ названіяхъ мѣстностей, какъ напримѣръ Маджаръ-Юртъ,—развалины которыхъ и нынѣ лежатъ на рѣкѣ Кумѣ.

Сношенія съ образованными народами древности естественно не могли не отразиться на бытѣ и характерѣ черкесскаго народа, и, помимо историческихъ свидѣтельствъ, въ самой странѣ ихъ остались многочисленные слѣды зачатковъ цивилизаціи и христіанства. Въ горахъ сохранилось много развалинъ каменныхъ церквей, крестообразная форма которыхъ говоритъ о греческомъ происхожденіи.

Уединенно стоятъ нѣкоторыя изъ нихъ на вершинахъ угрюмыхъ скалъ, среди лѣсныхъ недоступныхъ дебрей, вдали отъ всякаго жилья человѣческаго. Трудно разгадать, что влекло благоче-

стивыхъ строителей въ эти пустынныя и дикія мѣста. Искали ли они тамъ безопасности отъ ежечасно грозящихъ нападеній, были ли то чуждые прелестей человѣческаго міра смиренные поборники креста, среди невозмутимаго уединенія и подвижнической жизни искавшіе созерцанія великихъ дѣлъ Творца въ величавой природѣ, открывавшейся въ далекихъ горныхъ перспективахъ.

Иные храмы, напротивъ, тѣснятся къ людным торговымъ путямъ, съ глубокой древности прорѣзывавшимъ черкесскую землю отъ Чернаго моря, черезъ ущелія кавказскихъ горъ, къ верховьямъ Кумы и Кубани. При этихъ храмахъ обыкновенно встрѣчаются и развалины каменныхъ зданій, называемыхъ черкесами вообще „домами эллиновъ". Быть можетъ, то были греческія монастырскія подворья съ устроенными при нихъ каравансараями, такъ какъ въ тѣ стародавнія времена распространеніе христіанства обыкновенно шло объ руку съ развитіемъ торговли—и купецъ, и священникъ каждый по своему, служили общему дѣлу истинной вѣры и цивилизаціи.

Примѣчательнѣйшимъ памятникомъ христіанской древности въ Черкесіи служатъ между прочимъ живописныя развалины на правомъ берегу Подкумка, гдѣ еще недавно находили въ землѣ церковную утварь, выкованную изъ серебра, а также большіе желѣзные кресты, какими обыкновенно украшаютъ главы русскихъ церквей. Преданіе помѣщаетъ здѣсь древній городъ черкесской земли „Бергусантъ"—имя, значащее „собраніе многихъ антовъ", быть можетъ „собраніе вѣрующихъ", церковь антовъ. Русскіе передѣлали это названіе въ Бургустанъ, и носителемъ имени этого древняго города является нынѣ скромная казацкая станица.

Появленіе христіанства въ Черкесіи восходитъ ко временамъ глубочайшей древности, къ первымъ вѣкамъ его. Съ особенною любовью народныя преданія останавливаются на Юстиніанѣ Великомъ, какъ на распространителѣ истинной вѣры, и имя его понынѣ въ такомъ уваженіи между адыгами, что стало символомъ клятвы.

Съ принятіемъ черкесами христіанства, разсадникомъ и проводникомъ цивилизаціи между ними является греческое духовенство. Преданіе, облекшееся въ форму пѣсни, сохранило даже названіе мѣста, гдѣ жилъ ихъ первый „шехникъ"—епископъ. Это—

лѣсистый курганъ, лежащій верстахъ въ четырехъ за крѣпостію Нальчикомъ

„Шехникъ нашъ защитникъ и воспитатель,—поется въ этой пѣснѣ.—Шехникъ нашъ свѣтъ. Воспитатель разсуждалъ о законѣ Божіемъ съ вершины лѣсистаго кургана.

„И на лѣсистомъ курганѣ сковалъ Ему домъ изъ жести, съ дверями изъ литаго серебра, и тамъ-то обиталъ свѣтлый Божій Духъ.

„И ангелы бесѣдовали съ мудрымъ старцемъ. Свѣтъ отъ бороды его уподоблялся свѣту факела.

„Онъ паритъ въ воздухѣ, какъ земная птица, подымается подъ облака и видитъ творящихъ беззаконія.

„Ребро его не простая кость, но кость слоновая, и благородный золотой крестъ сіяетъ на его груди“.

Отъ священниковъ и епископовъ ведутъ свое начало многіе дворянскіе роды Черкесіи, понынѣ хранящіе о томъ память и съ гордостью говорящіе, что они происходятъ отъ шогеня (священника) гирге, или отъ шогеня румъ.

Подъ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ, христіанство, правда, должно было скоро уступить мѣсто другимъ вліяніямъ, но въ горахъ, въ памяти народной, еще живутъ нѣкогда бывшіе предметомъ его почитанія Аузъ гирге, т. е. греческій Іисусъ, и пророки Яллія (Илья) и Аймысъ (Моисей). Понынѣ народъ клянется именемъ божественной Матери Бога, Маріею, и святымъ Георгіемъ—покровителемъ сосѣдней Иверіи, понынѣ хранитъ обычаи, основавшіеся на христіанскихъ праздникахъ и постахъ, удержалъ греческое дѣленіе годовъ и мѣсяцевъ. Георгій Интеріано, посѣтившій Черкесію уже въ половинѣ XVI вѣка, не усомнился причислить ея населеніе къ христіанамъ,хотя въ то время черкесы были ими развѣ только по имени, сохранивъ отъ вѣры предковъ лишь нѣсколько внѣшнихъ обрядовъ.

Да и трудно было удержаться цивилизиціи и христіанству въ странѣ, скоро ставшей ареною постоянныхъ воинственныхъ столкновеній, укрѣпившихъ въ народѣ рядомъ съ чувствомъ независимости и свойственную ему первобытную грубость нравовъ.

Первый ударъ греческому вліянію въ Черкесіи нанесенъ былъ нашествіемъ аваровъ. Преданіе говоритъ, что въ VI вѣкѣ аварскій

ханъ, Байканъ, опустошивъ многія земли и самый Аллигъ, потребовалъ черезъ своихъ пословъ подданства и отъ черкесовъ. Среди черкесскихъ вождей того времени особенно былъ славенъ князь Лавристанъ, и подъ его вліяніемъ адыгскіе вожди отвѣтили ханскимъ посламъ гордымъ отказомъ. „Кто можетъ лишить насъ вольности? — сказали они: — Мы привыкли отнимать земли, а не свои уступать врагамъ. Такъ будетъ всегда, доколѣ есть война и мечи на свѣтѣ". Возникла ссора и послы были убиты. Тогда Байканъ съ шестьюдесятью тысячами отборныхъ латниковъ вступилъ въ землю адыговъ и отъ береговъ Чернаго моря до вершинъ Кубани опустошилъ ее огнемъ и мечемъ, разграбилъ селенія, сжегъ поля, истребилъ жителей. Самъ Лавристанъ, по сказаніямъ, погибъ въ этой борьбѣ, и могилу его указываютъ подъ горою Бештау. Бѣдный народъ, облитый кровью, безъ хлѣба и пристанища, лишенный лучшихъ изъ своихъ вождей, искалъ спасенія въ горахъ, въ пещерахъ, въ дремучихъ лѣсахъ. Страна запустѣла, и тамъ, гдѣ были селенія и пашни, разросся дикій лѣсъ и бродили лишь дикіе звѣри. Началась эпоха упадка адыгскаго народа.

Кровавое нашествіе и грозный образъ жестокаго хана, на бѣломъ конѣ, неизгладимыми чертами залегли въ народной памяти.

„Спаситель и помощникъ нашъ, могущественный Илья! поется въ одной пѣснѣ: — изъ огромныхъ тучъ неотразимою дланью уничтожь коня Байканова, бѣлизною подобнаго нетающимъ снѣгамъ горныхъ хребтовъ нашихъ".

И понынѣ народъ нѣкоторыя дороги, ведущія отъ береговъ Чернаго моря черезъ горныя ущелья до рѣки Кубани, называетъ смертоносными Байкановыми путями. И нынѣ, при видѣ красивой бѣлой лошади говорятъ: „Байкановъ бѣлый конь".

Пораженному суевѣрнымъ страхомъ, воображенію народа долго повсюду чудился этотъ грозный конь,—и бѣлый каменный бугоръ между крѣпостями Анапой и Сунджутъ-Кале, напоминающій въ туманной дали фигуру лошади, въ суевѣрныхъ устахъ народа получилъ названіе „Байканова коня".

Разбитый и униженный адыгскій народъ сталъ мало по малу забывать задатки цивилизаціи и вышелъ на путь исключитель-

наго воинственнаго быта. На границахъ земли его вновь появлялся какой-то Китайханъ, приходили сюда калмыки, хазары, татары, наконецъ славяне — и все отнимало изъ рукъ черкеса плугъ и вкладывало мечъ и щитъ. Не миновалъ страны и „бичъ Божій, молотъ вселенной", Атилла. Въ одной черкесской пѣснѣ имя грознаго завоевателя прямо такъ и упоминается съ этими эпитетами. „Господь Богъ помиловалъ и насъ, и горы, и ущелья наши,— говорится въ ней:—Бичъ небесный отступилъ отъ насъ благополучно". Нашествіе Атиллы оставило не меньшіе слѣды въ народномъ воображеніи, чѣмъ и вторженіе Байкана. Онъ помнитъ, что Атилла, дойдя до Шатъ-горы, внезапно повернулъ назадъ, и съ тѣхъ поръ Шатъ-гора носитъ названіе „счастливой". Преданія намекаютъ однако, что Атилла покорилъ страну и заставилъ сыновъ ея присоединиться къ своему войску. Въ пѣсняхъ говорится: „По большимъ горамъ, какъ блестящія звѣзды, стекаются къ Атиллѣ воины наши, наносящіе удары, подобные ударамъ грома... Отборная конница наша отправляется вслѣдъ за Атиллой съ охотою; если же этого недостаточно, то приготовимся ѣхать и мы"...

Историческія обстоятельства неотразимымъ ходомъ своимъ измѣнили и самый характеръ адыгскаго народа. По преданіямъ, дошедшимъ отъ старинныхъ временъ, древніе адыге одарены были благородною, возвышенною душою, большимъ умомъ и славились дѣятельностію и трудолюбіемъ. „Трудолюбивый антъ" вошелъ въ пословицу среди окружающихъ народовъ. Но во времена грозныхъ нашествій, среди переселеній, побѣговъ въ горы, въ скудныя пустынныя мѣстности, гдѣ каждый дѣйствовалъ на свой страхъ и рискъ,—общественные нравы черкесовъ пошатнулись. Вѣчно тревожимый, незнавшій, будетъ ли онъ завтра пользоваться плодами сегодняшняго труда, народъ впалъ въ безпечность, въ презрѣніе къ мирнымъ занятіямъ, и въ результатѣ явилась бѣдность, доходящая до нищеты. Черкесъ довольствовался уже скудною, грубою пищею и непривѣтливымъ жилищемъ, въ которомъ простое стекло составляло уже въ наши времена величайшую роскошь.

Такой характеръ народный сказался и на общественномъ устройствѣ, сложившемся чрезвычайно оригинально, въ которомъ

независимость и произволъ личности стояли выше общественной власти и даже общественныхъ интересовъ. Адыгскій народъ имѣлъ князей; но въ то же время онъ не терпѣлъ неограниченныхъ властителей въ своей землѣ, полагая, что лучшее благо для человѣка есть дикая, необузданная воля; и она, дѣйствительно, только и смягчалась, что исконнымъ для всѣхъ народовъ родовымъ бытомъ, основывавшемся на самой природѣ вещей и создавшемъ неограниченную власть старшаго въ семействѣ. Правда, была и еще общественная сила и связь—древній обычай. Во всѣхъ важныхъ случаяхъ дѣло рѣшалось при участіи всего народа: съ общаго согласія предпринимались походы, общимъ же голосомъ избирались вожди. Но привязанность къ независимости ограничивала власть вождя даже посреди самой битвы—и дерзкая заносчивость вносила раздоръ въ ряды воинственной дружины. Совершивъ же общее дѣло и возвратясь домой, всякій уже считалъ себя господиномъ и владыкой въ своей хижинѣ. Князья имѣли въ своихъ рукахъ какъ бы исполнительную власть, повелѣвали вассалами, „уорками"; но они не имѣли собственности, и все принадлежало народу. Единственно, что дѣлало князей не безполезною и вліятельною силою въ странѣ, это—то, что по старинѣ, по исконнымъ обычаямъ, княжеское достоинство почиталось столь священнымъ въ народѣ, что всякій подданный былъ обязанъ жертвовать за князя всѣмъ своимъ имуществомъ и самою жизнію. „За кровь князя самъ Богъ каратель и мститель",—такъ гласитъ древняя истина.

И въ то же время народъ никогда не потерпѣлъ бы надменности со стороны князя; сильнѣйшій и богатѣйшій владѣлецъ жилъ въ такой же хижинѣ, какъ и самый простой уоркъ, и каждый подданный имѣлъ право всегда войти къ нему и раздѣлить его трапезу. Оригинальны и странны были имущественныя отношенія князя: онъ имѣлъ право взять у каждаго все безъ всякаго вознагражденія, но въ свою очередь онъ ни въ чемъ не смѣлъ отказать любому подданному, которому вздумалось бы попросить хотя бы его шапку. Эти строгіе обычаи могли бы при иныхъ обстоятельствахъ стать залогомъ равенства и справедливости; но они извращались злоупотребленіями, которыя вмѣстѣ съ обычаемъ

родовой мести въ послѣдніе вѣка уже сильно разложили весь черкесскій общественный бытъ,

Казалось бы, суровая страна, гдѣ каждый могъ по своему произволу распорядиться съ пришельцемъ, должна была впасть въ полное уединеніе, изолироваться отъ другихъ народовъ; но ее спасло симпатичнѣйшее явленіе всего восточнаго міра—гостепріимство. Для черкеса всякій путникъ, переступившій порогъ его сакли—лицо священное. „Благословеніе на домъ твой",—говоритъ пришелецъ, входя:—„во имя славныхъ дѣлъ твоихъ, джигитъ, требую гостепріимства, сѣдла и бурки".—„Ты гость мой и, стало быть, властелинъ мой",—отвѣчаетъ хозяинъ. Онъ передъ всѣмъ народомъ отвѣчалъ за безопасность чужеземца, который, вступая въ саклю, снималъ и отдавалъ хозяину оружіе, показывая тѣмъ, что не нуждается въ немъ подъ его кровлею. Гостепріимство было единственною мирною чертою черкеса, пережившею вѣка бѣдствій и политическихъ переворотовъ.

Утративъ свойства мирнаго быта, адыге взамѣнъ ихъ, рядомъ съ непреоборимымъ стремленіемъ къ независимости, успѣли развить въ себѣ необыкновенную воинственность, и стали грозою сосѣдей. Строгое воспитаніе пріучало ихъ сносить и сильный зной и горный холодъ и безропотно испытывать суровыя лишенія. Умѣнье владѣть оружіемъ стало главною обязанностью человѣка, и всѣ, кому приходилось сталкиваться съ черкесами, не могли не удивляться имъ. На лихомъ конѣ, въ стальной кольчугѣ, нерѣдко оборванный и грязный, но всегда щегольски вооруженный, ловкій и неутомимый, онъ покидалъ семью и пускался въ набѣгъ, какъ на праздникъ. Все развивало въ немъ буйный духъ наѣздничества. Въ дерзкомъ удальствѣ, въ опасностяхъ, въ самомъ презрѣніи къ жизни энергическій народъ искалъ исхода для своихъ силъ, готовыхъ погрузиться въ дремоту вѣкового умственнаго застоя и неподвижности. Слава воинскихъ дѣлъ спасла его, волнуя кровь юноши и возрождая юность въ сердцѣ старика. Въ народѣ вѣчно жилъ тотъ духъ, который создалъ гордый Лавристановъ отвѣтъ аварскому хану: „Не дадимъ дани доколѣ останется у насъ хоть одинъ мечъ, доколѣ останется хоть одинъ изъ насъ въ живыхъ.

Не смерти, но безславной жизни боялся черкесъ, и смѣло

шелъ на врага. За то останки погибшихъ на полѣ битвы были священны для адыгскаго народа. Могилы предковъ, вообще, составляли предметъ его почитанія и заботъ.

На открытыхъ, далеко отовсюду видныхъ мѣстахъ, чаще всего при устьяхъ ущелій, хоронили черкесы отошедшихъ въ иной лучшій міръ своихъ героевъ, подъ грудами камней, подъ высокими курганами,—хранителями столькихъ преданій, восходящихъ до глубокой древности. Вѣка, проходившіе надъ страною, украшали ихъ роскошною растительностью. Одна ли могила, или ихъ нѣсколько—всегда на нихъ разростаются или непролазныя рощи, перевитыя дикимъ виноградникомъ, или плодовыя деревья. Нерѣдко побѣги молодаго лѣса скрываютъ за собою цѣлыя сотни древнихъ могилъ, свидѣтельствующихъ о нѣкогда густой населенности страны, надъ которыми высятся съ незапамятныхъ временъ вѣковые, кряжистые клены, дубы и ясень.

Иной, но не менѣе внушительный видъ имѣютъ многочисленныя кладбища позднѣйшаго происхожденія, расположившіяся около воинственныхъ ауловъ. Множество украшающихъ могилы надгробныхъ флаговъ, обыкновенно бѣлаго, краснаго или голубаго цвѣта, трепещущихъ на высокихъ шестахъ, напоминаютъ собою фаланги рыцарей, вооруженныхъ копьями съ висящими на нихъ разноцвѣтными флюгерами. Но эти могильныя копья, такъ очаровывающія издали глазъ, и придающія странѣ какой-то грустно величавый характеръ, говорятъ вамъ о томъ, что здѣсь схоронены лучшіе и самые храбрѣйшіе люди Черкесіи, погибшіе въ долгой, отчаянной борьбѣ съ христіанами, что они — свидѣтели пролитой крови и множества павшихъ жертвъ газавата.

Жизненные идеалы черкесовъ, отразившіеся въ поэзіи, носятъ на себѣ отпечатокъ все той же дикой воинственности. Черкесы имѣли своихъ бардовъ, „гекуоковъ“, и обширный циклъ сказаній и пѣсенъ, созданныхъ ими, сохраняетъ въ памяти народной всѣ выдающіеся моменты вѣковой его жизни. Большинство этихъ сказаній и пѣсенъ воспѣваютъ героевъ (нартовъ), игравшихъ въ событіяхъ первенствующую роль, на которыхъ поэтому народъ сосредоточилъ свою любовь, свои идеальныя представленія. Одно

изъ этихъ сказаній, именно о Баксанѣ, сынѣ Дауовѣ, переноситъ насъ въ сѣдую старину.

Въ половинѣ четвертаго вѣка, въ Кабардѣ, на рѣчкѣ Альтудѣ, теперь носящей имя героя сказанія, жилъ нѣкто князь Дауо, имѣвшій восемь сыновей и одну дочь. Старшій сынъ его, Баксанъ, былъ знаменитый нартъ, наполнявшій горы своею славою. И вотъ онъ былъ убитъ готскимъ царемъ, вмѣстѣ со всѣми братьями и восемьюдесятью знаменитѣйшими нартами. При извѣстіи объ этомъ народъ предался отчаянію: мужчины били себя въ грудь, женщины рвали волосы на головѣ, восклицая: „Убиты, убиты Дауовы восемь сыновей! Увы! Дауовы восемь сыновей!" И съ тѣхъ поръ въ Кабардѣ ведется обычай: весною, когда столѣтнія чинары покрываются листвой, молодыя дѣвушки, съ распущенными волосами, поютъ эти слова, составляя хороводы. Преданіе говоритъ, что сестра убитыхъ Дауовыхъ сыновей собрала ихъ тѣла, предала честному погребенію на берегахъ Этока, одного изъ притоковъ Подкумка, и надъ могилою Баксана воздвигла памятникъ. И еще недавно, на высокомъ курганѣ, стоялъ тамъ древній камень, изображающій бюстъ молодого человѣка, въ шитой шапочкѣ и въ одеждѣ, похожей по покрою на нынѣшній черкесскій бешметъ; на пьедесталѣ, имѣющемъ форму низкой колонки, выбиты—на лицевой сторонѣ греческая надпись и множество фигуръ, изображающихъ охоту и воинскія игры пѣшихъ и конныхъ людей; съ правой стороны колчанъ со стрѣлами; съ лѣвой—сабля съ рукоятью на манеръ грузинской и лукъ въ футлярѣ. Въ надписи можно еще разобрать имя Баксана и годъ, показывающій, что памятникъ воздвигнутъ въ четвертомъ столѣтіи. Народъ понынѣ называетъ его „Дауовъ сынъ, Баксанъ", и понынѣ поетъ пѣсню, сложенную, по преданію, самою героинею сказанія:

„Геройство Баксана—говорится въ ней: — освѣщаетъ антскій народъ своими доблестями.

„Весь народъ почиталъ его за благаго духа. И когда началось сраженіе, когда удары блистали, какъ молніи, его присутствіе поселяло въ антахъ увѣренность въ побѣдѣ.

„Но готы не прекращаютъ битвы. Весь антскій народъ при-

шелъ въ отчаяніе, потому что восемь паръ воловъ привезли тѣло Баксана на родину.

„Собравъ грековъ, я предложила имъ сдѣлать памятникъ. И хотя каменный образъ ниже его, но сходство съ нимъ уязвило мое сердце. Народъ не покидаетъ траура и, чтобы увѣковѣчить имя его,—рѣку Альтудъ назвалъ Баксаномъ“.

Въ 1849 году памятникъ этотъ, конечно, носящій на себѣ яркіе слѣды всеразрушающаго времени, перевезенъ въ Пятигорскъ и поставленъ на тамошнемъ бульварѣ. И нынѣ, лишенный дикой и величавой природы, окружавшей его, и духа легенды, витавшаго надъ нимъ, онъ стоитъ забытый, не возбуждая даже празднаго любопытства чуждаго народа.

Въ сказаніи о сватовствѣ Лавристана, мы встрѣчаемъ другой постоянный элементъ поэтическихъ сказаній — любовь. Преданіе говоритъ, что когда герой аварской борьбы, Лавристанъ, задумалъ жениться на дочери одного изъ кабардинскихъ князей, его невѣста сказала ему: „знаменитый князь Лавристанъ! Если ты хочешь взять меня въ замужество, то позволь мнѣ самой назначить за себя „уасса“ (калымъ). Если ты его внесешь — я буду твоею женою, если же не пожелаешь выполнить мое предложеніе — не ищи и моего согласія“. Лавристанъ согласился. Она сказала: „Сто человѣкъ мидійскаго и дакскаго племени, сто одеждъ изъ свѣтлосиняго сукна, сто сирійскихъ налокотниковъ, сто кольчугъ съ золотыми гвоздиками—вотъ мой уасса“. И герой принялъ это безмѣрное условіе, требовавшее многочисленныхъ побѣдъ и подвиговъ, выполнилъ его—и взялъ княжну въ жены.

Но любовь не играетъ и въ этомъ сказаніи первенствующей роли; она—только награда доблести. Черкесская женщина знала цѣну славныхъ дѣлъ и ихъ ставила условіемъ своей любви; въ ней также жилъ духъ своеобразнаго рыцарства.

Миѳическо-героическимъ колоритомъ оттѣняются въ черкесскихъ преданіяхъ и личности позднѣйшихъ временъ, уже исторически достовѣрныя. Народъ помнитъ и идеализируетъ подвиги Инала, исторія котораго записана въ извѣстной турецкой книгѣ Табори „о княжескомъ родословіи“.

Преданія говорятъ, что одинъ изъ вавилонскихъ князей, Ларунъ, вслѣдствіе гоненій на родинѣ, переселился въ Египетъ; тамъ онъ умеръ, тамъ же погибли его сыновья во время возстанія коптовъ, и спасся одинъ только родственникъ, по имени Арабъ-Ханъ, успѣвшій отдаться подъ покровительство греческаго императора. Внукъ этого Арабъ-Хана, знаменитый Кесъ, уже является въ Черкесіи и оставляетъ здѣсь громкое имя тѣмъ, что онъ, чужеземецъ, не только добился княжескаго званія, но и неограниченной власти почти надъ всею страною. Иналъ былъ прямымъ потомкомъ славнаго Кеса. Своими подвигами онъ заслужилъ необыкновенную любовь въ народѣ и въ свою очередь сдѣлался родоначальникомъ Кабардинскихъ, Темиргоевскихъ и Бесленеевскихъ князей. Черкесы именуютъ его великимъ и мудрымъ; онъ названъ былъ даже святымъ, и народъ понынѣ, желая счастія, говоритъ: „дай Боже Иналовъ день". Въ Абхазіи, по ту сторону горъ, и теперь есть мѣсто, носящее названіе „Иналовой могилы". Народъ ревниво оберегаетъ ея спокойствіе: тамъ не пасется скотъ, туда не заходитъ охотникъ: выстрѣлъ, нарушающій тишину священной могилы, давнимъ обычаемъ возведенъ въ преступленіе.

Такимъ же почетомъ окружаютъ темирговцы имя Безруко-Болотокова, „князя изъ князей", представителя народной доблести и мудрости. Его выдвинули, и увѣковѣчили имя его—войны съ хазарами. Пѣсни разсказываютъ о геройскихъ битвахъ, о плѣненіи брата его, Алегико, въ далекій Азовъ, о взятіи Азова самимъ отважнымъ Болотокомъ и объ освобожденіи имъ Алегико.

Съ этими именами мы на половину уже въ достовѣрной исторіи. Въ туманной неопредѣленности преданій мы различаемъ здѣсь точныя событія, записанныя между прочимъ и русскими лѣтописцами.

Славянскія племена съ первыхъ дней своей исторической жизни, въ своемъ стремленіи къ южнымъ большимъ морямъ, естественно должны были прійти въ соприкосновеніе съ черкесскими племенами. Сношенія эти перерывались все новыми и новыми волнами народовъ, приходившихъ по открытымъ степямъ южно-русскимъ, и вновь возникали, какъ только въ этихъ мѣстахъ, хотя бы на время, появлялась возможность осѣдлой жизни — до новой

волны. Возникавшая Москва и Кавказъ представляли собой два постоянныхъ крѣпкихъ пункта, то сближавшихся, то вновь раздѣляемыхъ. Этимъ прерывчатымъ характеромъ и запечатлѣны сношенія между ними.

Уже въ русскихъ лѣтописяхъ разсказываются походы великаго князя Святослава, ходившаго въ союзѣ съ хозарами на яссовъ и коссоговъ (нынѣшнихъ абадзинъ, по Карамзину осетинъ) и на чепсуговъ (шапсуговъ). Затѣмъ выступаетъ на сцену борьба съ черкесскими племенами Тмутаракани,—по вѣрнѣйшимъ предположеніямъ—нынѣшняго Таманскаго полуострова. Съ этою борьбою, самымъ выдающимся эпизодомъ которой было единоборство Мстислава Удалого съ Ридадею, связаны многочисленныя преданія и въ адыгскомъ народѣ. Тамъ княжилъ въ то время внукъ Иналовъ—Идаръ, славный покореніемъ многихъ сосѣднихъ народовъ. Въ войскѣ его славился могучій великанъ, „многосчастливый" богатырь Ридадя. Когда князь Идаръ пошелъ войною на Тамтаракай (Тмутаракань), и тамтаракайцы вышли къ нему навстрѣчу—Ридадя, по обычаю тогдашнихъ временъ, предложилъ рѣшить участь войны единоборствомъ. Онъ сталъ просить у тмутараканскаго князя бойца и говорилъ ему: „чтобы не терять съ обѣихъ сторонъ войска, не проливать напрасно крови и не разрывать дружбы — одолѣй меня, и возьми все, что имѣю". Князь тмутараканскій согласился, но не сталъ искать единоборца въ войскѣ, а пошелъ на вызовъ великана самъ. Битва продолжалась нѣсколько часовъ и Ридадя палъ. Такъ, по свидѣтельству историка адыгскаго народа, говорятъ объ этомъ событіи черкесскія пѣсни, совершенно согласныя и со сказаніями русскаго лѣтописца.

На Кубани живетъ и теперь преданіе, что Мстиславъ, изнемогая въ борьбѣ, воскликнулъ: „Пресвятая Богородица, помоги мнѣ! Если я одолѣю, то построю церковь во имя твое". Неизвѣстно, была ли Мстиславомъ построена церковь, но при заселеніи черноморцами Тамани, въ 1792 году, найдены были развалины древняго монастыря на горѣ, вдавшейся полукругомъ въ Ахтанызовскій лиманъ, а среди развалинъ камень съ древнею надписью изъ временъ Тмутараканскаго княжества. Камень этотъ, какъ говорятъ, былъ кѣмъ-то

увезенъ и, быть можетъ, нынѣ хранится въ какомъ-нибудь музеѣ. А набожные черноморцы изъ набранныхъ въ развалинахъ камней выстроили церковь въ куренѣ Ахтанызовскомъ.

Въ исторіи русской не сохранилось извѣстій о дальнѣйшей судьбѣ Тмутаракани; но адыгскія пѣсни и сказанія помнятъ еще о гибели ея. Они говорятъ, что спустя нѣсколько лѣтъ послѣ побѣды Мстислава, адыгейцы собрали большое войско и пошли на Тамтаракай, чтобы отомстить за свое пораженіе. Они просили помощи у оссовъ, и тѣ прислали имъ шесть тысячъ отборныхъ людей. Завязалась упорная война; много было кровопролитныхъ сраженій, гибли люди, жилища, имущества—и Тамтаракай былъ опустошенъ тогда въ корень. Съ того времени въ адыгскомъ народѣ есть пословица: „да постигнетъ тебя участь Тамтаракая", или: „будь ты Тамтаракаемъ".

Нашествіе монголовъ надолго перервало всякую возможность непосредственныхъ сношеній древней Руси съ черкесскою землей; на долю каждой изъ нихъ досталось испытать напоръ и вліяніе воинственныхъ ордъ. Но лишь только усиливавшаяся Русь свергла чуждое иго,—возобновились и сношенія ея съ черкесскою землею.

Во времена грознаго царя, жилъ въ Кабардѣ знаменитый князь Темрюкъ, потомокъ Идара. Предпріимчивый и славолюбивый, это былъ истинный рыцарственный представитель черкесскаго народа. Онъ никогда не имѣлъ палатки, спалъ подъ открытымъ небомъ на войлокѣ, подъ изголовье клалъ сѣдло и питался конскимъ мясомъ, самъ жаря его на угольяхъ. Народные барды сохранили для потомства прекрасную черту его характера, напоминающую русскаго витязя Святослава. „Князь Темрюкъ Идаровъ—говорятъ они:—никогда не пользовался выгодами нечаяннаго нападенія и всегда заранѣе объявлялъ войну, посылая сказать своимъ непріятелямъ: „иду на васъ!"

И вотъ, въ то время, когда кабардинскимъ племенемъ управлялъ старшій братъ его князь Кемиргоко, Темрюкъ задумалъ возстановить древнюю славу адыгскаго народа, а себя прославить воинственными подвигами. Онъ воевалъ на берегахъ Волги и Дона, громилъ старинныхъ враговъ Кабарды—калмыковъ и татаръ, и, на-

конецъ, смѣло поднялъ оружіе противъ сильнаго крымскаго хана, претендовавшаго властвовать надъ Кабардою. Въ это-то время Темрюкъ и вступилъ въ союзъ съ московскимъ государствомъ. Самъ онъ, и многіе кабардинскіе князья дали тогда присягу въ вѣрности царю Ивану Васильевичу и обязались помогать ему въ войнахъ съ султаномъ и Крымомъ. Скоро Кемиргоко умеръ, и, какъ одинъ изъ представителей доблестнѣйшихъ кабардинскихъ вождей, былъ зарытъ въ землю на конѣ и въ полномъ вооруженіи. Высокій курганъ между рѣками Чегемомъ и Баксаномъ и понынѣ указываетъ мѣсто могилы. Темрюкъ остался одинъ, и съ тѣхъ поръ дружба Россіи съ Кабардою стала еще тѣснѣе. Темрюкъ даже своихъ дѣтей отправилъ на воспитаніе въ Москву, а впослѣдствіи, какъ извѣстно, княжна Марія Темрюковна сдѣлалась женою Ивана Васильевича.

Къ сожалѣнію, историческія обстоятельства слагались неблагопріятно для союза между московскимъ царствомъ и Кабардою. Недовольный этою дружбой, крымскій ханъ Девлетъ-Гирей вторгнулся въ землю шапсуговъ, на голову разбилъ Темрюка на Кубани, затѣмъ повернулъ на самую Москву и, какъ извѣстно, предалъ ее совершенному опустошенію. Москва оказалась недостаточно сильною не только для того, чтобы защитить своихъ отдаленныхъ союзниковъ, но и обезопасить собственную столицу. Такая неудача, жестокія раны, полученныя въ послѣднемъ бою на Кубани, и потеря двухъ сыновей, плѣненныхъ Девлетъ-Гиреемъ, не охладили однако дружескихъ чувствъ Темрюка къ Москвѣ, и скоро мы видимъ его пришедшимъ съ своими войсками подъ Азовъ, на помощь къ московскимъ воеводамъ. Царь весьма благодарилъ Темрюка за вѣрность и щедро наградилъ кабардинцевъ, а для защиты ихъ на будущее время заложена была тогда Терская крѣпость на Сунжѣ, и царь, отдавая ее казакамъ, приказалъ имъ „беречи свою вотчину“ кабардинскую. По смерти Темрюка внуки его старались сохранять тѣ же отношенія къ Москвѣ, и въ царствованіе Федора Ивановича къ титулу русскихъ царей былъ присоединенъ уже титулъ „Государя земли Кабардинской“. Но скоро для Россіи вновь настали тяжелыя времена, и смуты междуцарствія, войны

со Швеціей и Польшей опять отвлекли ея вниманіе отъ далекихъ южныхъ предѣловъ. Кабарда со всею Черкесіею не выстояла въ непосильной борьбѣ за независимость и подпала подъ власть Крыма, изъ-подъ которой уже не могла освободиться вплоть до 18-го вѣка, несмотря на неоднократныя попытки. Но тяготѣніе ея къ Россіи не прекращалось. Во времена Петра мы уже видимъ на русской службѣ одного изъ черкесскихъ князей, Девлета (Александра) Бековича, заплатившаго въ Хивѣ своею кровью за преданность русскому государству; а когда самъ Петръ появился подъ стѣнами Дербента, два кабардинскіе владѣльца—князь Эль-Мурза Черкасскій, младшій братъ Девлета, и Ассанъ-Бекъ Кеметовъ, добровольно явились къ государю со своими дружинами и приняли ближайшее участіе въ дѣлахъ похода. Съ этихъ поръ исторія отношеній кабардинской и вообще черкесской земли къ Россіи становится только частію общей исторіи распространенія русской власти на Кавказѣ. Кабардинцы и черкесы въ рядѣ послѣдовавшихъ событій хотя и были нерѣдко крѣпкими союзниками русской земли, однакоже отношенія ихъ къ ней стали радикально измѣняться.

Дѣло въ томъ, что послѣдній вѣкъ внесъ въ жизнь Черкесіи и Кабарды новый элементъ — магометанство, отдавшее ихъ подъ болѣе или менѣе сильное вліяніе Турціи и ставшее для страны источникомъ неисчислимыхъ бѣдствій. Вначалѣ оно внесло рознь въ самыя черкесскія племена. По преданію, первые приняли исламъ шапсуги, построили мечети и стали молиться на югъ. Натухайцы остались при прежней вѣрѣ, продолжали поклоняться распятію и молились на востокъ. Въ самомъ концѣ прошлаго вѣка, шапсуги въ большомъ числѣ напали на натухайцевъ, собрали всѣ кресты и сожгли ихъ. Натухайцы отплатили имъ разрушеніемъ мечетей. Двадцать лѣтъ продолжалось междоусобіе. „Вы—говорили натухайцы шапсугамъ:—измѣнили закону отцовъ, и мы требуемъ, чтобы вы возвратились къ нему“. Тѣ и другіе обратились съ жалобами къ анапскому пашѣ, требуя удовлетворенія, одни — за истребленіе крестовъ, другіе—за разрушеніе мечетей. Напрасно паша старался склонить натухайцевъ къ исламу они были непреклонны, говоря, что „поклоненіе распятію старѣе

магометанства". Наконецъ, въ началѣ нынѣшняго вѣка анапскій паша покорилъ натухайцевъ исламу—силою оружія.

Съ подобными перипетіями борьбы магометанство водворилось во всей Черкесіи, не исключая Кабарды, и стало сильнымъ орудіемъ въ рукахъ турецкаго духовенства, особенно послѣ мира 1739 года, по которому Черкесія вошла въ составъ турецкой имперіи. Правда, она принадлежала ей только номинально, а Кабарда и вовсе считалась отъ нея независимою и ко временамъ Ермолова даже состояла уже въ русскомъ подданствѣ, — но враждебныя отношенія къ Россіи и Кабарды и Черкесіи являлись уже неизбѣжнымъ слѣдствіемъ религіознаго фанатизма. Магометанская вѣра, отдалявшая черкесовъ отъ Россіи, была тѣмъ опаснѣе, что соединялась съ невѣжествомъ народа, по сокращенной географіи котораго русское государство не простиралось далѣе Дона, а владѣнія намѣстника Пророка, турецкаго султана, чуть не обнимали собою весь міръ.

Дѣйствительно, умственныя силы черкесовъ, отъ природы далеко не бѣдныя, были устремлены такъ исключительно на развитіе военнаго дѣла, что не оставляли мѣста никакимъ другимъ интересамъ жизни. Застой и неподвижность царили въ понятіяхъ черкесовъ, чему много способствовало то весьма характеристическое обстоятельство, что адыгскій языкъ до самыхъ послѣднихъ временъ не имѣлъ письменности, такъ что алфавитъ его созданъ уже въ послѣдніе годы чисто научнымъ путемъ однимъ изъ русскихъ академиковъ.

Надо сказать, что не легко передать всѣ оттѣнки звуковъ черкесскаго языка посредствомъ какого бы то ни было алфавита. И хотя находились въ странѣ передовыя личности, стремившіяся создать для народа письменность, но всѣ попытки ихъ оставались безуспѣшны.

Особенно любопытна попытка, уже въ нашемъ вѣкѣ, одного природнаго шапсуга, жившаго въ верховьяхъ рѣчки Богундыра, среди населенія въ превосходной степени разбойническаго. Дворянинъ Хаджи-Нотаукъ Шеретлуковъ (такъ звали этого замѣчательнаго шапсуга) былъ старый человѣкъ, съ обширною и бѣлою, какъ

крыло богундырскаго лебедя, бородою, съ добрымъ и задумчивымъ взглядомъ и—что всего замѣчательнѣе и исключительнѣе среди буйнаго и страстнаго народа — съ миролюбивыми идеями, за которыя, какъ самъ сознавался, не былъ онъ любимъ въ своемъ околоткѣ. Въ ранней молодости совершилъ онъ путешествіе въ Мекку съ своимъ отцомъ, который, лишившись двухъ реберъ и одного глаза на долголѣтнемъ промыслѣ около русскихъ дорогъ, удостоился скончаться подъ сѣнію колыбели ислама. Оставшись сиротою, молодой Хаджи-Нотаукъ поступилъ въ „медрессе" (школу) и, проведя пять лѣтъ въ книжномъ ученьи, наконецъ вернулся на родину. Война, слава, добыча не имѣли уже для него прелести. Оставивъ свою наслѣдственную винтовку ржавѣть въ чехлѣ, хаджи зарылся въ книги и сдѣлался муллой, къ удивленію всѣхъ ближнихъ и дальнихъ уорковъ. „Клянусь, что во всю мою жизнь, — говорилъ впослѣдствіи Нотаукъ: — я не выпустилъ противъ русскихъ ни одного заряда и не похитилъ у нихъ ни одного барашка". Подъ старость Хаджи-Нотаукъ завелъ на Богундырѣ свое медрессе; но съ прискорбіемъ онъ увидѣлъ, что адыгскіе питомцы его, прочитывая на распѣвъ арабскія книги, не выносятъ изъ нихъ ни одной мысли по той простой причинѣ, что книги тѣ писаны на чужомъ для нихъ языкѣ. Тогда сѣятель просвѣщенія въ богундырскомъ терновникѣ задумалъ перевести арабскія книги на адыгскій языкъ и сталъ составлять адыгскій букварь. Но его долгій и упорный трудъ былъ прерванъ, всѣ его результаты уничтожены однимъ страннымъ событіемъ. Вотъ какъ самъ онъ разсказываетъ о немъ.

„Долго ломалъ я свою грѣшную голову надъ сочиненіемъ букваря для моего родного языка, лучшіе звуки котораго, звуки пѣсней и преданій богатырскихъ, льются и исчезаютъ по глухимъ лѣсамъ и ущельямъ, не попадая въ сосудъ книги. Не такъ ли гремучіе ключи нашихъ горъ, не уловленные фонтаномъ и водоемомъ, льются и исчезаютъ въ камышѣ и тинѣ прикубанскихъ болотъ? Но я не ожидалъ, чтобы мой трудъ, привѣтливо улыбавшійся мнѣ въ замыслѣ, былъ такъ тяжелъ и неподатливъ въ исполненіи. Сознаюсь, что не разъ я ворочался назадъ, пройдя уже большую поло-

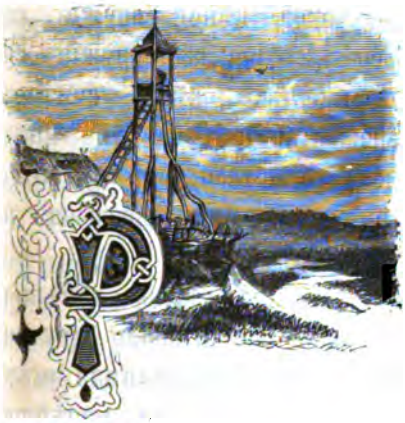
вину пути, и искалъ новой дороги, трогалъ другія струны и искалъ другихъ ключей къ дверямъ сокровищницы знаковъ и начертаній для этихъ неуловимыхъ, не осязаемыхъ ухомъ отзвуковъ отъ звуковъ. Въ минуты отчаяннаго недоумѣнія я молился. И потомъ мнѣ чудилось, что мнѣ пособляли и подсказывали и утреннее щебетанье ласточки и вечерній шумъ стараго дуба у порога моей уны (хижины), и ночное фырканье коня, увозящаго наѣздника въ набѣгъ. Мнѣ уже оставалось уловить одинъ только звукъ, на одинъ только артачливый звукъ оставалось мнѣ наложить бразды буквы; но здѣсь-то, на этомъ препятствіи, я упалъ, чтобы больше не подняться. Въ одинъ ненастный, осенній вечеръ, тоска меня гнела, тоска ума,—это не то, что сердечная кручина,—эта жгучѣй и злѣй. Я уединился въ свою уну, крѣпко заперъ за собою дверь и сталъ молиться. Буря врывалась въ трубу очага и возмущала разложенный на немъ огонь. Я молился и плакалъ, вся душа выходила изъ меня въ молитвѣ, молился я до послѣдняго остатка тѣлесныхъ силъ и тамъ же, на ветхомъ килимѣ молитвенномъ, заснулъ. И вотъ, посѣтило меня видѣніе грозное. Духъ ли свѣта, духъ ли тьмы сталъ прямо передо мною и, вонзивъ въ меня двѣ молніи страшныхъ очей, вѣщалъ громовымъ словомъ:

«Нотаукъ, дерзкій сынъ праха! Кто призвалъ тебя, кто подалъ тебѣ млатъ на скованіе цѣпей вольному языку вольнаго народа адыговъ? Гдѣ твой смыслъ, о человѣкъ, возмечтавшій уловить и удержать въ тенетахъ клокотъ горнаго потока, свистъ стрѣлы, топотъ браннаго скакуна? Вѣдай, Хаджи, что на твой трудъ нѣтъ благословенія тамъ, гдѣ твоя молитва и твой плачъ, въ нынѣшній вечеръ, услышаны. Знай, что мракъ морщинъ не падаетъ на ясное чело народа, доколѣ не заключилъ онъ своихъ поколѣній въ высокоминаретныхъ городахъ, а мыслей и чувствъ, и пѣсней и сказаній своихъ—въ многолиственныхъ книгахъ. Есть на землѣ одна книга, это „книга книгъ“—и довольно. Повелѣваю тебѣ—встань и предай пламени нечестивыя твои начертанія и пепломъ ихъ посыпь осужденную твою голову, чтобы не быть преданнымъ неугасающему пламени джехенема“... Я почувствовалъ толчекъ и вскочилъ, объятый ужасомъ. Холодъ и темнота могилы наполняли

мою уну. Дверь ея была отворена, качалась на петляхъ и уныло скрипѣла... и мнѣ чудились шаги, поспѣшно отъ нея удаляющіеся. Буря выла на крышѣ. На очагѣ ни искры. Дрожа всѣми членами, я развелъ огонь, устроилъ костеръ и возложилъ на него мои дорогіе свитки. Я приготовилъ къ закланію моего Исхака, но не имѣлъ ни вѣры, ни твердости Ибрагима. Что за тревога, что за борьба бушевала въ моей душѣ? То хотѣлъ я бѣжать вонъ, то порывался къ очагу, чтобы спасти мое умственное сокровище и еще было время. И между тѣмъ я оставался на одномъ мѣстѣ, какъ придавленный невидимою рукою. Я уподоблялся безумцу, который изъ своихъ рукъ зажегъ собственный домъ и не имѣлъ больше силъ ни остановить пожара, ни оторвать глазъ отъ потрясающаго зрѣлища. Вотъ огонь уже коснулся, уже вкусилъ моей жертвы. Въ мое сердце вонзился раскаленный гвоздь; я упалъ на колѣни и, внѣ себя, вскрикнулъ: джехеннемъ мнѣ, — но только пощади, злая и добрая стихія, отпусти трудно рожденное дѣтище моей мысли... Но буря, врываясь съ грохотомъ не въ широкую трубу очага, волновала пламя и ускоряла гореніе моего полночнаго жертвоприношенія. Я долго оставался въ одномъ и томъ же положеніи, рыдалъ и ломалъ себѣ руки"...

Такъ создалась легенда, возводившая для черкеса въ непреложный законъ—невозможность уловить начертаніями его вольный языкъ. Но подъ нею скрывается болѣе простой, реальный фактъ. Есть одно достовѣрное свидѣтельство, что не чудесный сонъ и не небесное повелѣніе, а простое противодѣйствіе мѣстнаго магометанскаго духовенства положило предѣлъ плодотворнымъ стремленіямъ мудраго старца.

XXII.
Черкесскіе набѣги.



Русское казачество, приведенное историческимъ предопредѣленіемъ на берега Кубани, встрѣтило здѣсь въ черкесахъ необыкновенныхъ противниковъ, и границы двухъ земель скоро стали ареною, которая вся отъ края до края залилась кровью, усѣялась костями.

На обширной закубанской равнинѣ, простирающейся на четыреста верстъ въ длину, былъ полный разгулъ для конныхъ черкесовъ для русскихъ линейныхъ казаковъ. Первые искали добычи, вторые оберегали линію. И тѣ и другіе отличались мужествомъ — и, встрѣтившись, не отступали и не просили пощады. Завязалась борьба упорная и грозная.

Черкесъ весь былъ поэтическое созданіе войны, и вмѣстѣ творецъ ея. И если справедливо, что по достоинству оружія безошибочно можно заключить о военномъ достоинствѣ народа, — то всего справедливѣе это было по отношенію къ черкесамъ, потому что всѣ восточные наѣздники стояли настолько же ниже закубанскихъ горцовъ въ храбрости, насколько и въ вооруженіи. Самому курду, такъ славному на Востокѣ удальствомъ, закубанскій горецъ не довѣрилъ бы даже почистить свою винтовку или шашку.

Доброе оружіе для храбраго человѣка—кумиръ, которому приноситъ онъ въ даръ и серебро, и золото и все, что могъ бы только сложить къ ногамъ любимѣйшаго существа. Потомокъ Чингизъ-Хана, татаринъ, украшаетъ жену запястьями и ожерельями; черкесъ покрывалъ блестящей оправой винтовку, а женѣ оставлялъ трудъ и нищету боевой жизни. Чтобы достать булатный клинокъ, онъ тревожилъ прахъ умершихъ, разрывалъ могилы крестовыхъ рыцарей, сложившихъ свои кости и доспѣхи въ его землѣ. Чтобъ имѣть добрую винтовку, онъ не жалѣлъ дочерей-красавицъ — продавалъ ихъ за море, туркамъ. И добытое такой цѣной оружіе становилось семейною святынею. Сберечь отцовское оружіе считалось несравненно большею обязанностью, чѣмъ считается у насъ сберечь знаменитое отцовское имя. „Смерть наѣздника въ бою — плачъ въ его дому, а потеря его оружія — плачъ въ цѣломъ народѣ", говоритъ народная черкесская поговорка.

Несмотря на то, что черкесъ съ ногъ до головы обвѣшенъ оружіемъ, оно пригонялось такъ, что одно не мѣшало другому, ничто не бренчало, не болталось... Его шашка, упрятанная вмѣстѣ съ рукояткою въ сафьянныя ножны, не издаетъ ни малѣйшаго звука; винтовка, скрытая въ черномъ косматомъ нагалищѣ, какъ молнія въ тучѣ, не блеснетъ до тѣхъ поръ, пока не грянетъ громъ выстрѣла: его чевякъ, мягкій и гибкій, какъ лапа тигра, ступаетъ неслышно, — и нѣтъ чуткаго уха, которое издали могло бы услыхать шелестъ приближающагося горца: его конь, охлажденный ножемъ легчителя, не ржетъ на засадѣ; самый языкъ его, скудный гласными и созданный изъ односложій, не имѣетъ звуковъ при сговорѣ на ночное нападеніе...

Все незатѣйливое, походное хозяйство черкеса было при немъ: на поясѣ висѣла жирница и отвертка, служившая вмѣстѣ съ тѣмъ и огнивомъ; кремень и трутъ помѣщались въ боковомъ карманѣ черкески вмѣстѣ съ натрускою для пороха; сѣрныя нитки и куски смолистаго дерева для быстраго разведенія огня находили пріютъ въ одномъ изъ газырей, освобожден-

номъ отъ пороха. Рукоять его плети и конецъ его шашки обматывались зеленою бумажною матеріею, напитанною воскомъ, чтобы, скрутивъ ее, мгновенно сдѣлать фитиль или длинную походную свѣчку.

Сѣдло черкеса было легко, покойно и не портило лошадь даже тогда, когда по цѣлымъ недѣлямъ оставалось на ея спинѣ. Для побужденія коня черкесы вмѣсто шпоръ употребляли тонкую, изящно сплетенную нагайку, на концѣ которой навязывалась плоская кожаная лопасть для того, чтобы при ударѣ не столько причинять лошади боль, сколько пугать ее.

Встрѣчая часто непріятеля въ засадѣ, спѣшенный, онъ возилъ еще съ собою присошки, а за сѣдломъ—небольшой запасъ продовольствія и треногу, безъ которой ни одинъ наѣздникъ не выѣзжалъ изъ дому.

Разборчивый вкусъ черкеса, не терпѣвшій ничего тяжелаго и неуклюжаго, положилъ свою печать даже на такой простой вещи, какъ ружейная присошка. Это—два тонкіе калиновые прута, обдѣланные по концамъ костью и связанные наверху ремешкомъ. Мѣсто ихъ — при ружейномъ чехлѣ, къ которому они пристегиваются очень просто, и не мѣшаютъ ни пѣшему, ни всаднику.

Будучи прирожденными наѣздниками, черкесы обращали особое вниманіе на развитіе у себя коневодства. Черкесская порода лошадей, извѣстная у насъ подъ именемъ кабардинской,—представляла благородную смѣсь арабской и персидской крови. Она отличалась необыкновенною легкостію въ скачкѣ, выносливостію, добронравіемъ и смѣлостью; впрочемъ, послѣднее качество было не столько врожденное, сколько составляло результатъ ея отличной выѣздки. Черкесъ въ сѣдлѣ не спускалъ рукавовъ и не оставлялъ нагайки безъ дѣла ни на одну минуту, но зато, какъ скоро вынулъ ногу изъ стремени, онъ дѣлался рабомъ и нянькой своего усталаго скакуна. Послѣ арабовъ никто не школилъ лошадей такъ жестоко, и вмѣстѣ не ухаживалъ за ними съ такой заботливостью и нѣжностію, какъ черкесы. У лучшихъ рубакъ на Кавказѣ, шапсуговъ, развитіемъ смѣлости въ конѣ занимались столько же, какъ и

ловкости въ самомъ наѣздникѣ. Въ числѣ другихъ видовъ джигитовки тамъ былъ такой, въ которомъ конь пріучался толкать грудью супротивнаго коня, чтобы сбить его въ бокъ и доставить сѣдоку профиль противника.

Къ особенностямъ черкесскаго содержанія лошади надо отнести еще то, что конюшни ихъ устраивались непремѣнно темныя. „Пусть лошадь привыкнетъ къ темнотѣ, — говорилъ черкесъ: — она, какъ кошка, должна видѣть ночью лучше, чѣмъ днемъ, потому что человѣкъ видитъ лучше днемъ, нежели ночью". И въ быстрыхъ ночныхъ налетахъ, когда горецъ не отличалъ дня отъ ночи, это условіе становилось для него необходимостью.

Страсть къ набѣгамъ была у черкесовъ повсемѣстная; но желаніе добычи стояло при этомъ далеко не на первомъ планѣ; чаще увлекала ихъ жажда извѣстности, желаніе прославить свое имя какимъ-либо подвигомъ, чтобы стать героемъ былины, пѣсни, предметомъ длинныхъ вечернихъ разсказовъ у очага его бѣдной сакли.

Въ черкесской землѣ, дѣйствительно, существуетъ рядъ разсказовъ и легендъ, отличающихся захватывающимъ поэтизированіемъ кровавыхъ приключеній.

Таковъ, напр., слѣдующій разсказъ изъ тѣхъ стародавнихъ временъ, когда въ Азовѣ сидѣлъ турецкій паша и все азовское побережье занято было турками.

„Молва о красотѣ черкешенокъ разносилась далеко; но между всѣми черкесскими дѣвушками, „какъ полная луна среди звѣздъ", сіяла въ ту пору прекрасная Гюль, а между наѣздниками, „какъ молнія сверкалъ" знаменитый Кунчукъ — весь „созданный изъ дерзости и удальства, и готовый на хвостѣ чорта переплыть черезъ Азовское море".

Гюль часто засматривалась на удалого Кунчука; Кунчукъ былъ влюбленъ въ прелестную Гюль—и всѣ ожидали дня ихъ свадьбы. Однажды азовскому пашѣ случилось быть въ гостяхъ за Кубанью. На одномъ праздникѣ онъ увидалъ прекрасную Гюль и былъ пораженъ ея красотою.

— Чья она? спросилъ паша.

— Невѣста Кунчука, отвѣчали ему.

— Что стоитъ? спросилъ опять паша.

Покупка черкешенокъ турецкими сановниками была въ то время не въ рѣдкость. Но на этотъ разъ всѣ засмѣялись; а паша, ухмыльнувшись въ сѣдую бороду, порѣшилъ во что бы то ни стало завладѣть красавицей. Золото скоро открыло ему доступъ къ сердцу одного изъ друзей Кунчука, и тотъ, какъ Іуда, рѣшился продать своего благодѣтеля.

Однажды, выбравъ время, когда отца Гюли не было дома, онъ вошелъ въ ея саклю и сказалъ:

— „Кунчукъ требуетъ скорѣйшаго соединенія съ тобою; отецъ твой скряга и радъ будетъ, если ты избавишь его отъ издержекъ на свадьбу. Рѣшайся!“

Гюль согласилась. Въ ту же ночь къ терновой оградѣ дома, гдѣ жила красавица, подъѣхало десять всадниковъ. Гюль довѣрчиво вышла къ нимъ навстрѣчу — и черезъ минуту свадебный поѣздъ уже мчался по степи. Сердце красавицы билось отъ радости. „Но не Кунчуковы то были посланные, — говоритъ легенда: - а ногаи, подкупленные пашею“, и съ ними былъ тотъ черкесъ, который утромъ приходилъ обмануть ее. Вмѣсто объятій Кунчука, Гюль очутилась за крѣпкими запорами азовскаго гарема.

Отважный Кунчукъ не долго обдумывалъ планъ кроваваго мщенія. Сто человѣкъ вызвались сопровождать его въ Азовъ, обрекая огню и мечу „гнѣздо разврата и безчестія“. И тотъ, кто былъ виною несчастія красавицы, долженъ былъ стать орудіемъ ея освобожденія. Кунчукъ завелъ переговоры съ черкесомъ, похитившимъ прекресную Гюль, и на его вторичной измѣнѣ основалъ весь успѣхъ дерзкаго предпріятія.

Черныя тучи висѣли надъ Азовомъ; порою вырывались изъ нихъ пламенныя молніи; небо вспыхивало и снова темнѣло; громъ грохоталъ, свирѣпѣла буря. Но городъ тихо засыпалъ, и только окликъ часовыхъ на стѣнахъ крѣпости прерывалъ ночное безмолвіе. Наконецъ замолкла и стража.

Сверкнула молнія и озарила человѣка, который спускался въ ровъ по приставной лѣстницѣ. Осторожно, какъ змѣя, поползъ онъ къ небольшой кучкѣ панцырниковъ, притаившихся на мокрой землѣ неподалеку отъ крѣпости. „Ядъ змѣи—говоритъ въ этомъ мѣстѣ черкесская легенда:—въ милліонъ кратъ менѣе гибеленъ и менѣе гнусенъ, нежели измѣна". Подползшій человѣкъ между тѣмъ далъ условный сигналъ, шепнулъ Кунчуку что-то на ухо—и сто броней заскользило по травѣ такъ тихо, что сама трава не слышала шелеста и звука кольчугъ.

Взобраться по лѣстницѣ на стѣну, изрубить сонную стражу разбить двери гарема и поджечь со всѣхъ сторонъ городъ—было дѣломъ мгновенія для отважной шайки. Прелестная Гюль очутилась въ объятіяхъ Кунчука; но смѣлому джигиту было недостаточно возвратить невѣсту: ему нужно было еще идти отомстить пашѣ за поруганіе его чести,—и черкесъ, измѣнившій поочереди тому и другому, указывалъ дорогу. Паша и Кунчукъ встрѣтились. „Ты не умѣлъ цѣнить мою дружбу,—съ яростью вскричалъ Кунчукъ, выхватывая саблю,—узнай же мое мщеніе!" Но въ это мгновеніе грянулъ выстрѣлъ, и вѣроломный черкесъ, сопровождавшій Кунчука, упалъ мертвымъ.

— Мнѣ прежде нужно было заплатить за дружбу этому измѣннику,—сказалъ паша,—а теперь разочтемся съ тобою!

Другой пистолетъ сверкнулъ въ его рукѣ, но сабля Кунчука, блеснувшая какъ молнія, лишила его жизни прежде, чѣмъ онъ успѣлъ спустить курокъ. Гюль была отомщена.

Азовъ пылалъ. Въ подожженномъ городѣ кипѣла тревога. Партія Кунчука, захвативъ невѣсту, плѣнницъ гарема и богатую добычу, спустилась по лѣстницамъ изъ крѣпости и скрылась въ степи. Одинъ Кунчукъ долго еще стоялъ на курганѣ и любовался дѣломъ рукъ своихъ, смотря на гибель ненавистнаго ему Азова.

Волны пламени, гонимыя порывами вѣтра, разбѣгались шире и шире по городу; онѣ охватывали строеніе за строеніемъ, вились и исчезали въ клубахъ чернаго дыма. Взрывы пороховыхъ погребовъ потрясали землю и взбрасывали подъ пылавшее заревомъ

небо, вмѣстѣ съ грудою камней, сотни истерзанныхъ человѣческихъ труповъ. Но вотъ уже догораютъ послѣднія строенія... Кунчукъ повернулъ коня и быстрѣе вихря помчался въ степь, куда ушла его удалая шайка.

Достигнувъ береговъ Кубани, партія расположилась на отдыхъ. Наѣздники, стреноживъ лошадей, размѣстились вокругъ бивуачныхъ огней, а въ сторонѣ разбиты были два шатра: одинъ для красавицы Гюль, другой—для Кунчука. Весело и шумно пировала шайка, празднуя удачный набѣгъ, и никто не думалъ принять мѣръ предосторожности. Только одинъ сѣдой, бывалый наѣздникъ, прозванный „волкомъ", угрюмо посматривалъ на своихъ товарищей.

„Мы разорили—ворчалъ онъ:—цѣлый турецкій городъ, и теперь надо бы не пировать, а скорѣе убираться во свояси, иначе къ утру погоня будетъ у насъ на хвосту".

Но его никто не слушалъ.

Наступило утро, а шайка, утомленная набѣгомъ и ночнымъ пиршествомъ, еще спокойно спала. Только старый „волкъ" одинъ бодрствовалъ на высокомъ курганѣ. И вдругъ ему что-то почудилось; онъ весь обратился въ зрѣніе, но лѣсъ и густой предразсвѣтный туманъ мѣшали видѣть самые близкіе предметы. Тогда, припавъ ухомъ къ землѣ, онъ ясно разслышалъ топотъ скачущей конницы; и едва успѣлъ онъ крикнуть „погоня!", едва успѣлъ сбѣжать съ крутого ската холма, какъ непріятель нагрянулъ на лагерь.

При первой тревогѣ Кунчукъ отправилъ невѣсту и плѣнницъ на переправу; но было уже поздно,—переправа была занята непріятелемъ. Турки пользуясь громаднымъ превосходствомъ силъ, напали съ ожесточеніемъ; черкесы, перерѣзавъ своихъ лошадей и сдѣлавъ изъ нихъ завалъ, защищались отчаянно, но ряды ихъ быстро рѣдѣли. Кунчукъ, не видя спасенія, уговаривалъ прекрасную Гюль отдаться въ руки враговъ, чтобы спасти свою жизнь, но Гюль не соглашалась. Тогда Кунчукъ, полный отваги и отчаянія, поднялъ ее одною рукою, въ то время какъ въ другой засверкала шашка, и бросился сквозь ряды враговъ къ Кубани. Вотъ

уже берегъ, но онъ высокъ, а внизу кипятъ бурныя волны; позади—мечи неистовыхъ турокъ... Смерть или плѣнъ!—и Кунчукъ съ разбѣга бросился съ обрыва. Волны съ шумомъ раступились, и бурно пѣнясь и клокоча, безучастно стремились впередъ и впередъ. Крутой мысъ, виднѣющійся верстахъ въ пяти съ восточной батареи Павловскаго поста, понынѣ называется „Кунчуковымъ спускомъ".

Разсказы о смѣлыхъ подвигахъ, подобныхъ Кунчукову, воспламеняли воображеніе горца; прекрасныя черкешенки оказывали удальцамъ на праздникахъ явное предпочтеніе, а это такая награда, въ ожиданіи которой сердце наѣздника спокойно и ровно илось подъ градомъ и свистомъ вражескихъ пуль. Столько же по собственному выбору, сколько по указанію стариковъ, царица черкесскаго пира безъ вниманія проходила мимо блистающихъ красотою и галунами юношей и подавала руку оборванному, затертому въ толпѣ хеджрету, чтобы составить съ нимъ звено въ граціозной цѣпи вольнаго, какъ самъ черкесскій народъ, танца,—„ушюкурая".

Въ преданіяхъ черкесской вольности ярко отразились эти вѣковые обычаи, по которымъ любовь была наградою доблести. На томъ же порогѣ сакли, гдѣ разсказы о подвигахъ призывали черкесскую молодежь къ соревнованію въ нихъ, можно было услышать легенды и о томъ, какою цѣною покупалъ удалой джигитъ счастіе — обладать рукою и сердцемъ любимой красавицы.

„Давнымъ давно,—разсказываетъ одна изъ этихъ легендъ, очевидно позднѣйшаго происхожденія: — давнымъ давно, когда „урусы" только что ставили Кизляръ, жилъ въ горахъ среди непроходимыхъ лѣсовъ, кабардинскій князь, по имени Джанъ-Клычъ Улудай. Богатырь былъ князь—уносилъ съ чужого двора быка на плечахъ, а идетъ по лѣсу—дубы передъ нимъ, какъ тростникъ, преклоняются. Однажды вражескій аулъ отказался заплатить ему дань,—такъ князь и воевать не сталъ, а свалилъ гору и задавилъ непокорныхъ. Однакоже и онъ частенько задумывался и хмурилъ брови, какъ двѣ грозовыя тучи.

Кручинится князь, что нѣтъ ему равнаго, нѣтъ достойнаго, кого бы можно было назвать женихомъ его единственной дочери,— а дочь такая красавица, которая была бы жемчужиной и среди райскихъ гурій.

— Объявите всему міру, отъ Дербента до Анапы,—сказалъ наконецъ князь своимъ узденямъ:—что лишь тотъ назовется моимъ зятемъ, кто совершитъ такое дѣло, котораго въ горахъ еще никто не совершалъ.

Прошелъ мѣсяцъ, другой,—и вотъ на дворъ къ Джанъ-Клычу прискакалъ витязь, весь закованный въ броню. По обычаю, узденн князя встрѣтили гостя, приняли отъ него лошадь, взяли оружіе и ввели въ кунакскую.

„Селямъ Алейкюмъ! (благословеніе Господне надъ тобою)", проговорилъ гость, наклонивъ голову и приложивъ руку къ сердцу.

— „Алейкюмъ Селямъ! (да будетъ благословеніе и надъ тобою)", отвѣчалъ гордый хозяинъ, не вставая съ мѣста.

„Я Джембулатъ", объявилъ пріѣзжій.

— Добро пожаловать! Имя знакомое... слыхалъ объ удальствѣ,—садись.

„Цѣлому міру извѣстно,—началъ опять гость:—какого жениха ты хочешь для дочери. Ты зналъ моего отца? Отъ Дербента до Анапы не было человѣка храбрѣе, сильнѣе и выше его. Когда, бывало, онъ поднимался во весь ростъ, то луна задѣвала за макушку его головы".

— Правда, отвѣчалъ Джанъ-Клычъ,—великъ былъ твой отецъ. Самъ видѣлъ, и старики говорятъ, что горы ему были по плечи. Но когда мой отецъ выпрямлялся—твой проходилъ между его ногами....

„Пожалуй,—перебилъ его гость,—не будемъ считаться отцами; скажу лучше о себѣ. Собравъ пять тысячъ панцырниковъ, скакалъ я съ ними до самаго Дона, разграбилъ русскія села и отогналъ пять тысячъ коней. Они тамъ, въ долинѣ: возьми ихъ въ калымъ за дочь. Я сдѣлалъ то, чего еще никто не сдѣлалъ на свѣтѣ отъ Дербента до Анапы".

— Ты сдѣлалъ славное дѣло, отвѣчалъ ему князь.—Но Кун-

чукъ сдѣлалъ больше тебя: со ста панцырниками онъ ворвался въ Азовъ, убилъ пашу, сжегъ городъ, освободилъ свою невѣсту и ускакалъ невредимъ. Будь моимъ гостемъ, но мужемъ моей дочери не будешь.

На слѣдующій день явился новый гость и претендентъ.

„Переплылъ я черезъ Терекъ одинъ—безъ товарищей,—началъ пріѣзжій:—ночью прокрался мимо караульныхъ въ станицу, перекололъ сонныхъ 20 человѣкъ, отрѣзалъ у нихъ правыя руки, зажегъ станицу, вышелъ никѣмъ не примѣченный въ общей суматохѣ, а тебѣ принесъ двадцать рукъ: вотъ онѣ,—перечти! Я сдѣлалъ то, чего еще никто не сдѣлалъ: отдай мнѣ свою дочь“.

— Видѣлъ я пожаръ станицы, отвѣчалъ Джанъ-Клычъ,— и слышалъ, что ты это сдѣлалъ; но Хевсуръ-Аната-Швили сдѣлалъ больше тебя. Изъ мести за смерть своего отца, онъ днемъ пришелъ въ Кистинскій аулъ, въ домъ старшины, окруженнаго семействомъ. На вопросъ: зачѣмъ явился? Аната отвѣчалъ: „за твоею головой!“ Старшина захохоталъ, но Аната однимъ взмахомъ кинжала снялъ съ него голову, схватилъ ее, пробился къ выходу изъ сакли, прошелъ весь аулъ сквозь толпу кистиновъ, поражая на смерть всѣхъ встрѣчныхъ, убилъ 30 человѣкъ, скрылся въ горы, и, весь израненный, истекъ кровью на порогѣ родной своей сакли, принеся домой голову убійцы отца своего. Будь моимъ гостемъ, но мужемъ моей дочери не будешь“.

Много являлось молодыхъ князей разсказывать свои подвиги Джанъ-Клычу, но не было между ними ни одного, который былъ бы достоинъ руки его дочери.

Однажды, когда Джанъ-Клычъ отпустилъ всѣхъ своихъ узденей и нукеровъ на хищничество за Терекъ и только самъ одинъ оставался въ домѣ,—дверь въ кунакскую отворилась, и Джанъ-Клычъ, обернувшись, увидѣлъ на порогѣ статнаго кабардинца.

— Добро пожаловать. Что нужно? спросилъ онъ незнакомца.

„Пришелъ за твоею дочерью“, отвѣчалъ тотъ.

— Ого, какой молодецъ! А знаешь ли, что сотни славнѣйшихъ удальцовъ всего свѣта напрасно домогались этой чести, и никто не могъ получить ее?

„Знаю, и смѣюсь надъ ними. Я получу то, за чѣмъ пришелъ“.

— Что же ты сдѣлалъ такое, что хочешь быть счастливѣе сотни твоихъ предшественниковъ?

„Пока ничего, а сдѣлаю“.

— Когда сдѣлаешь, тогда и приходи.

„Увидишь, что сдѣлаю. Но прежде ты скажи: самъ-то ты храбръ ли, силенъ ли?“

— Слава Аллаху!—отвѣчалъ князь съ достоинствомъ:—Въ нашей фамиліи еще не было труса, и имени Улудая боятся отъ Дербента до Анапы... А силенъ ли я?—вотъ дѣдовскіе панцыри: подыми, если можешь... Я ношу ихъ на себѣ.

„Да, ты храбръ и силенъ; а скажи, ни тебя, ни предковъ твоихъ еще никто не побѣждалъ?“

— И не будетъ такого счастливца.

„Правда ли?“—и вдругъ незнакомецъ вскочилъ и, выхвативъ кинжалъ, приставилъ его къ груди Улудая.

„Слушай,—сказалъ онъ ему:—сопротивленіе напрасно, ты одинъ, а у меня—посмотри на потолокъ: двѣнадцать нукеровъ цѣлятъ въ тебя“.

Взглянулъ Улудай вверхъ и видитъ: двѣнадцать ружейныхъ дулъ направлены въ него съ крыши сакли.

„Я могу сдѣлать то,—продолжалъ незнакомецъ:—чего еще никто никогда не сдѣлалъ на свѣтѣ: могу убить одного изъ Улудаевъ. Хочешь, сдѣлаю?“

— Нѣтъ, не хочу.

„Но ты согласенъ теперь, что могу сдѣлать то, чего еще никто не сдѣлалъ?“

— Да, согласенъ,—отвѣчалъ Джанъ-Клычъ.

И прекрасная княжна Шекюръ-Ханумъ сдѣлалась женою смѣлаго и ловкаго юноши.

Отваженъ и дерзокъ былъ черкесъ въ набѣгѣ; но онъ умѣлъ смѣло и прямо посмотрѣть и въ открытыя очи смерти. Набѣгъ обѣщалъ торжество и славу, но онъ же грозилъ гибелью. И нѣтъ ничего поразительнѣе той гордой отваги, съ которой черкесъ умиралъ. Преданія не оставляютъ безъ вниманія и этой мощной черты черкесскаго наѣздничества.

Разъ, партія предприняла наѣздъ въ позднюю осеннюю пору; долго рыскала она въ степяхъ между Кубанью и Дономъ, и, покрытая кровью и пылью, уже возвращалась съ добычею на родину, оглашая пустыню радостными пѣснями,—какъ вдругъ наступила зима, зашумѣлъ буранъ, покрывшій страшнымъ мракомъ снѣговую пустыню. Небо и земля слились въ одинъ непроглядный вращающійся хаосъ, въ которомъ живое существо теряетъ всякое сознаніе мѣста и времени. Застигнутые врасплохъ, безъ пищи, безъ теплаго платья, въ легкихъ чевякахъ, черкесы очутились въ безвыходномъ положеніи. И когда большая половина людей уже погибла, остальные, числомъ до сорока, слѣзли съ коней и равнодушно усѣвшись въ кружокъ, запѣли похоронную пѣсню, сложенную ими самими въ свой страшный, предсмертный часъ. Въ ней они обращались къ вѣтру и снѣгу—къ стихіямъ, грозившимъ имъ гибелью, передавали имъ свои страданія и свою твердость предъ смертью. Нельзя не остановиться надъ этимъ въ высшей степени оригинальнымъ явленіемъ, надъ этою пѣснею, въ которой, подъ завѣсою скромности, пробивалось честолюбивое желаніе передать свои имена потомству,—и это въ тотъ страшный моментъ, когда многіе изъ пѣвцовъ не надѣялись дожить до конца слагаемой ими пѣсни. И пѣсня не погибла въ грозномъ завываніи пустыннаго вѣтра: семь человѣкъ спаслись и, вмѣстѣ съ печальною вѣстію о гибели товарищей, принесли ее на родину. Одинъ изъ нихъ, Шебане-Лаше, дожилъ до нашихъ дней. „Это былъ — разсказываетъ о немъ Султанъ Ханъ-Гирей: высокій, худощавый старикъ. Мы, дѣти, бывало, украдкою смотримъ на глубокія морщины его чела, и потомъ, съ какимъ-то неизъяснимымъ чувствомъ, поемъ пѣсню о страдальческой кончинѣ наѣздни-

ковъ, хотя старшему изъ насъ было тогда не больше шести лѣтъ".

Такъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе передавались сказанія, а вмѣстѣ съ ними и жажда набѣговъ.

„Красавицы горъ",—говорится въ одной пѣснѣ:—„на порогахъ саклей, за рукодѣльемъ, поютъ про подвиги храбрыхъ. На крутыхъ берегахъ кипучей Лабы, питомцы брани вьютъ арканы; а Темиръ-Казакъ съ небесъ въ ясную ночь указываетъ имъ сакли враговъ. И вотъ, не на ладьяхъ, а грудью бурныхъ коней разсѣкаютъ они шумныя воды Кубани и пустыни безбрежныхъ степей пролетаютъ падучею звѣздою. Вотъ передъ ними и древній Донъ плещетъ и катитъ сѣдыя волны; надъ волнами стелется туманъ; во мглистой выси коршунъ чернѣетъ, да робкія лани бродятъ по берегу..."

Съ появленіемъ русскихъ, по всему берегу Кубани возникла передъ черкесами стѣна казацкихъ поселеній; прикубанскія степи закрылись для нихъ, и Донъ очутился въ недосягаемой дали. Тогда все, что вѣками питало духъ черкесскаго народа, вся его вѣковая воинственная опытность и предпріимчивость, сила и дерзость — устремились на мѣшавшее имъ развернуться Прикубанье, ставшее съ тѣхъ поръ оплотомъ русской границы и вмѣстѣ съ тѣмъ кровавою ареною безчисленныхъ столкновеній.

Но оригинальныя условія жизни создаютъ и оригинальныя явленія, и ко временамъ Ермолова черкесскіе набѣги на Кубань отлились въ весьма своеобразныя формы. Нападенія рѣзко разграничились на два рода. Черкесы переходили Кубань или открыто, большими шумными конными толпами, или перебирались черезъ нее скрытными воровскими партіями. На верхней Кубани эти мелкія партіи всегда появлялись конными; въ низовьяхъ рѣки, въ послѣднемъ участкѣ кордонной линіи, тамъ, гдѣ необозримыя плавни, покрытыя озерами и длинными лентами водъ, остающихся послѣ разливовъ Кубани, широко раздвигаютъ звенья кордонной цѣпи и пролегаютъ мертвыми между ними пространствами; гдѣ прямыя сообщенія между пикетами, батареями и постами за-

громождены безчисленными препятствіями и возможны иногда на однихъ только легкихъ долбленыхъ челнахъ; гдѣ самая мѣстность не много представляетъ непріятелю удобствъ для открытыхъ наѣздовъ, — тамъ дѣйствовали пѣшія хищническія шайки „психадзе", которыя не безъ основанія слыли у черноморскихъ казаковъ болѣе опасными, чѣмъ сильныя полчища „хеджретовъ".

„Психадзе—говоритъ Попка:—тихо просачиваются сквозь кордонную плотину, въ незамѣтныя скважины, которыя, при всемъ стараніи, при всѣхъ хлопотахъ, не могутъ быть прочно забиты; а хеджреты переливаются черезъ верхъ волнами внезапныхъ и шумныхъ приливовъ, для отвращенія которыхъ недостаточно одного возвышенія или упроченія плотины. Психадзе — по-русски „стая водяныхъ псовъ", — такъ называются у самихъ горцевъ пѣшіе, неотвязные и надоѣдливые хищники, достигающіе добычи украдкой, ползкомъ, рядомъ мученическихъ засадъ, — больше шакалы, чѣмъ львы набѣговъ. Хеджретъ—это открытый, доброконный, иногда закованный въ кольчугу наѣздникъ — это левъ набѣга. Первый образъ хищничества свойственъ простымъ по происхожденію и бѣднымъ по состоянію людямъ, а послѣдній—уоркамъ и людямъ достаточнымъ. Когда горецъ выѣхалъ изъ своего аула на такое разстояніе, далѣе котораго не отходятъ отъ жилья куры, — выѣхалъ, разумѣется, не съ однѣми голыми руками, а съ зарядомъ въ ружьѣ и съ десятью другими въ газыряхъ, съ кускомъ сухого сыра въ сумкѣ и съ арканомъ въ торокѣ онъ — хеджретъ. Преимущественно же и существенно принадлежитъ это названіе буйнымъ бездомовникамъ, которые выросли въ кругломъ сиротствѣ и неимуществѣ, — или которые, накликавъ на себя гоненіе въ своихъ обществахъ, бѣжали съ родины на чужбину, и тамъ, по неимѣнію недвижимой собственности и собственнаго тягла, промышляютъ себѣ хлѣбъ насущный кинжаломъ и винтовкою. Эти люди, по выраженію одного высокостепеннаго бжедугскаго эффендія, свинцомъ засѣваютъ, подковой косятъ, шашкою жнутъ.

„Хеджреты принадлежали къ разряду людей, для которыхъ

жизнь копѣйка, а голова наживное дѣло. Они во всякое время готовы были на предпріятія самыя дерзкія, на похожденія самыя отважныя. По одеждѣ—они послѣдніе бѣдняки, по оружію — первые богачи. Дорогой оправой винтовки и лохмотьями черкески одинаково тщеславятся. Кожа съ убитаго хеджрета, говорятъ горцы, ни на что не годится, но когти этого звѣря дорого стоятъ.

„За Кубанью хеджреты то же, что за Терекомъ абреки. Хеджретъ (отъ арабскаго хеджра, бѣгство) значитъ: бѣглецъ, переселенецъ. Это чуждое названіе горцы благосклонно приняли и водворили въ свой языкъ въ честь хеджры, или бѣгства основателя ислама изъ Мекки въ Медину“.

Набѣги на линію производились круглый годъ, и лишь когда по Кубани шелъ ледъ, русскія станицы могли считать себя въ безопасности. Въ полую воду черкесы переправлялись на бурдюкахъ; пѣшіе подвязывали ихъ на спину или подъ мышки; конные – подъ переднія лопатки лошадей. У пѣшихъ укладывались въ бурдюки, кромѣ платья и пищи, кинжалъ, пистолетъ и патроны; а конные переправлялись въ полномъ вооруженіи, имѣя ружье на изготовкѣ, а боевые патроны—заткнутыми вокругъ папахъ, надѣтыхъ на головы.

Пустившись разъ на промыселъ, хеджреты уже не оглядывались назадъ и никогда не сдавались въ плѣнъ, а бились до послѣдней возможности.

Въ большихъ массахъ на открытыхъ равнинахъ черкесская конница любила дѣйствовать холоднымъ оружіемъ, предпочитала всему—ударъ прямо въ шашки; но русскимъ пришлось испытать, что въ оборонительной войнѣ, у себя на порогѣ, она отлично умѣла пользоваться мѣстностью, спѣшиваясь и осыпая нападающій отрядъ мѣткимъ огнемъ изъ-за деревьевъ и камней. Въ лѣсахъ и въ мрачныхъ ущельяхъ, при малѣйшей оплошности съ русской стороны, черкесы являлись какъ изъ земли, и пѣшіе бросались въ кинжалы и шашки; но едва отрядъ выходилъ на поляну—они мгновенно исчезали. „Такая уже у нихъ удача, — говорили казаки:—выростаютъ не сѣянные и пропадаютъ не кошеные“.

Такъ слагалась боевая жизнь русскаго прикубанскаго края. Передъ нимъ былъ сильный, дерзкій врагъ — и только непоколебимому русскому духу подъ силу было сломить желѣзное упорство этихъ враговъ, обладавшихъ рядомъ съ наивностью дѣтей природы—и мужествомъ львовъ.

XXIII.

Кабардинскія дѣла.

къ двадцатымъ годамъ нашего вѣка, Кабарда заняла по отношенію къ Россіи весьма странное положеніе.

Раскинутая на предгорныхъ равнинахъ, сливающихся съ южно-русскими степями, не имѣвшая крѣпкихъ рубежей, какъ Закубанье, Чечня и Дагестанъ, — страна эта, открытая и доступная, должна была прежде другихъ черкесскихъ земель признать надъ собою русское владычество, подготовленная къ тому вѣковою исторіею дружескихъ сношеній. Но власть надъ нею Крыма и магометанство сильно пошатнули вѣковую дружбу. И вотъ, Кабарда давно уже считалась въ подданствѣ Россіи, а между тѣмъ все, что можно было сказать о враждебности черкесовъ и ихъ набѣгахъ на русскую сторону, въ большей или въ меньшей степени относилось и къ Кабардѣ.

Русскія власти должны были употреблять всевозможныя усилія, чтобы сдерживать мятежные порывы кабардинцевъ. Усмирять

ихъ ходили Медемъ, Якоби, Потемкинъ, Глазенапъ и, наконецъ, Булгаковъ. И, вѣроятно, борьба приняла бы въ концѣ концовъ очень острый характеръ, тѣмъ болѣе, что въ кабардинцахъ русскіе нашли весьма серьезныхъ противниковъ, съ которыми надо было считаться. Вліяніе ихъ вообще на Сѣверномъ Кавказѣ было огромно и выражалось ясно въ рабскомъ подражаніи окружающихъ народовъ ихъ одеждѣ, вооруженію, нравамъ и обычаямъ. Ингуши, осетины, чеченцы отправляли своихъ дѣтей въ Кабарду учиться приличіямъ и этикету, и фраза: „онъ одѣтъ“ или „онъ ѣздитъ, какъ кабардинецъ“ — звучала величайшею похвалою въ устахъ сосѣдняго горца. Благородный типъ кабардинца, изящество его манеръ, искусство носить оружіе, своеобразное умѣнье держать себя въ обществѣ, дѣйствительно, поразительны, и уже по одному наружному виду можно отличить кабардинца. Его военныя качества были не менѣе блестящи и обѣщали упорное сопротивленіе. Но тутъ на помощь русскимъ явилась губительная сила природы. Долголѣтняя чума обезлюдила почти совершенно Малую Кабарду и ослабила Большую. Тогда кабардинцы наружно покорились; но они не упускали ни одного случая наносить вредъ русскимъ, и только измѣнили систему враждебныхъ дѣйствій. Вмѣсто поголовныхъ возстаній они ввели въ обычай нападенія мелкими хищническими партіями, и это зло, наносимое ими въ одиночку, еще тяжелѣе отзывалось на прилинейномъ русскомъ населеніи. Гуманное управленіе Дельпоццо, смѣнившаго Булгакова, привело при данныхъ обстоятельствахъ только къ тому, что дерзость кабардинцевъ начала переходить всякія границы.

Въ такомъ положеніи дѣлъ застало Кабарду назначеніе на Кавказъ Ермолова. Ермоловъ зналъ, что его ожидаетъ тамъ. Проницательный умъ новаго главнокомандующаго видѣлъ скрытыя пружины совершающихся событій, и въ его запискахъ имѣются на этотъ счетъ замѣчательныя строки. „Правительство — говорится въ нихъ: — допустило водвориться въ Кабардѣ мусульманской вѣрѣ, — и явились озлобленные противъ насъ священнослужители. Порта съ намѣреніемъ подсылала ихъ. Но ни тайные по-

дарки, ни обѣщанія, ни самая вѣра, потакавшая разврату, снисходившая ко всѣмъ порочнымъ наклонностямъ, долго не могли поколебать кабардинцевъ, сдѣлавшихъ привычку къ русскимъ, въ ихъ дружескомъ расположеніи. Но слишкомъ равнодушное ко всѣмъ симъ перемѣнамъ начальство тогда только предприняло противиться онымъ, когда мѣры насилія сдѣлались необходимы и убѣжденію не давалъ уже мѣста фанатизмъ. Люди, прежде желавшіе намъ добра—охладѣли; неблагонамѣренные сдѣлались совершенными злодѣями. Вѣру и учрежденія свои рѣшились всѣ защищать единодушно. Корыстолюбивые муллы приняли на себя разбирательство дѣлъ; все подпало ихъ власти—и прежніе суды уничтожились. Князья и лучшія фамиліи потеряли всякое вліяніе, лишились всякаго уваженія въ народѣ, и мы не могли имѣть никакой партіи въ пользу нашу. Молодые люди знатнѣйшаго происхожденія вдались въ грабежи и разбои, и между ними отличался тотъ, кто болѣе наносилъ вреда русскимъ, нападая на безоружныхъ поселянъ Кавказской линіи".

Политика требовала, однако, чтобы суровымъ мѣрамъ предшествовали мѣры кротости и убѣжденія, хотя бы для того, чтобы отклонить отъ себя, въ глазахъ самихъ кабардинцевъ, упрекъ въ возбужденіи вражды и безпричинномъ пролитіи крови. И вотъ, когда Ермоловъ, проѣзжая въ Тифлисъ, остановился въ Георгіевскѣ, и нѣкоторые изъ кабардинскихъ князей, частью по доброй волѣ, а частью и по вызову, выѣхали къ нему на встрѣчу, онъ принялъ ихъ привѣтливо, долго говорилъ съ ними о положеніи Кабарды и совѣтовалъ удерживать подвластныхъ имъ узденей отъ разбоевъ, которые могутъ навлечь на нихъ жестокое наказаніе. „Я зналъ,—говоритъ Ермоловъ:—что они все обѣщаютъ и ничего не исполнятъ; но не могъ я приступить къ мѣрамъ смиренія ихъ, ибо еще не извѣстно мнѣ было, какія ожидаютъ меня занятія".

Тѣмъ не менѣе, выѣзжая изъ Георгіевска, Ермоловъ приказалъ взять отъ Кабарды аманатовъ и предупредить, что за всякій разбой или грабежъ на линіи, аманаты будутъ расплачиваться своими головами. „Я столько же мало уважаю ихъ пріязнь,—писалъ онъ по

этому случаю къ Дельпоццо,—сколько боюсь имѣть ихъ непріятелями".

Съ другой стороны Ермоловъ не могъ не обратить вниманія также на распущенность донскихъ полковъ, содержавшихъ передовые посты, нерѣдко дозволявшіе кабардинцамъ разбойничать въ русской землѣ совершенно безнаказанно, и воспользовался первымъ же случаемъ показать, что онъ предъявитъ иныя требованія и къ кордонной стражѣ.

Случай этотъ былъ въ ночь съ 9 на 10 октября того же 1816 года. Въ тотъ самый день, когда Ермоловъ въѣзжалъ въ Тифлисъ, человѣкъ 15 кабардинцевъ напали на мельницу, стоявшую не вдалекѣ отъ станицы Прохладной. Трое казаковъ, спавшихъ въ присѣнцахъ, были изрублены; казакъ и казачка, случайно заночевавшіе на мельницѣ съ возами муки, привезенной на помолъ, взяты въ плѣнъ; спаслась одна старуха, которая спряталась подъ грудами опорожненныхъ мѣшковъ. На мельницѣ грохотали ружейные выстрѣлы, вопли и крики будили ночное безмолвіе... А въ полуверстѣ отсюда стоялъ казачій постъ и находилась почтовая станція, при которой была также конвойная команда, но ни съ той, ни съ другой стороны не было подано помощи. Трудно предположить, чтобы выстрѣлы не были тамъ слышны: вѣрнѣе, что казаки или спали, или же, не зная числа непріятеля, не отважились на битву. Кабардинцы были уже далеко, когда спрятавшаяся женщина съ воплемъ прибѣжала на постъ. Казаки поскакали къ мельницѣ, но, конечно, не нашли тамъ ничего, и только три изрубленныхъ тѣла свидѣтельствовали о недавнемъ присутствіи здѣсь кабардинцевъ.

Ермоловъ отдалъ обоихъ постовыхъ начальниковъ подъ судъ.

Случай на мельницѣ, само собою разумѣется, не былъ чѣмъ-нибудь исключительнымъ; напротивъ, подобныя происшествія были постоянны, пріучая и населеніе и стражу не придавать имъ особаго значенія и хладнокровно смотрѣть въ вѣчно открытыя для нихъ глаза опасности и смерти. Нѣкоторые изъ болѣе мелкихъ случаевъ не доходили даже совсѣмъ до свѣдѣнія властей, такъ какъ населеніе выносило всю тяжесть ихъ на своихъ плечахъ

безропотно; донесенія о многихъ, нужно думать, истреблены временемъ или погребены въ архивахъ. И тѣмъ не менѣе, въ дошедшихъ до насъ офиціальныхъ данныхъ остались еще яркіе слѣды вѣчной тревоги и напряженной борьбы, среди которыхъ жило порубежное съ Кабардою русское населеніе.

Лѣтомъ 1817 года Ермолову было донесено о слѣдующемъ нападеніи кабардинцевъ, представившемъ ему новый случай дать примѣръ строгости и опредѣленно потребовать отъ кордонной стражи не формальнаго отбытія службы, а дѣятельнаго охраненія границы, съ отмщеніемъ за каждое нарушеніе ея неприкосновенности.

Посланный съ Бѣломечетскаго поста утренній разъѣздъ наткнулся на свѣжую сакму отъ четырехъ проѣхавшихъ всадниковъ. Круглыя подковы, рѣзко отпечатавшіяся на росистой травѣ, еще не обсушенной восходящимъ солнцемъ, показывали, что то были кабардинцы. Разъѣздъ далъ знать на постъ, и 11 казаковъ, съ хорунжимъ Карповымъ во главѣ, поскакали по этимъ слѣдамъ. Казаки переѣхали Малку, и скоро увидѣли въ сосѣдней балкѣ четырехъ стреноженныхъ лошадей подъ черкесскими сѣдлами. Но едва они обнаружили намѣреніе захватить ихъ, какъ изъ балки выскочили 4 кабардинца и стали поспѣшно садиться на лошадей. Сбросить треноги, оправиться въ сѣдлахъ и выхватить изъ чехловъ винтовки — было для нихъ дѣломъ минуты. Грянулъ залпъ—и казакъ, скакавшій впереди, грузно упалъ съ лошади, убитый наповалъ. Разскакавшіеся казаки тѣмъ не менѣе ударили въ пики и двоихъ кабардинцевъ ранили. Тогда тѣ пустили коней во всѣ повода: раненые скакали впереди, здоровые, отстрѣливаясь на скаку, прикрывали ихъ,—и всѣ успѣли уйти за Баксанъ. Казаки дальше не пошли и воротились на постъ съ перекинутымъ черезъ сѣдло тѣломъ убитаго товарища.

Ермоловъ былъ крайне недоволенъ этимъ дѣломъ: онъ находилъ дѣйствія хорунжаго Карпова слабыми и нерѣшительными. Здѣсь нельзя было жаловаться на усталость лошадей и невозможность настигнуть кабардинцевъ; казаки были къ нимъ такъ близко, что кололи ихъ пиками, а между тѣмъ, въ концѣ концовъ,

четыре хищника отбились отъ 15 казаковъ, не оставивъ въ ихъ рукахъ ни одного человѣка. Подобные случаи, конечно, могли только возвышать духъ непріятеля.

Но передѣлать годами сложившійся порядокъ вещей сразу было невозможно, и дѣла попрежнему шли своимъ чередомъ. Случай за случаемъ приносили пограничному населенію новое горе и новыя тревоги. Такъ, 7-го декабря 1817-го же года, когда солнце спускалось уже за горизонтъ, восемь донскихъ казаковъ возвращались съ дневнаго пикета. Дѣло происходило около Махина кургана, въ 10 верстахъ отъ Кисловодска. Казаки ѣхали толпой, врасплохъ, съ брошенными поводьями, ружья въ чехлахъ... Вдругъ изъ-за кургана грянулъ залпъ; одинъ казакъ упалъ убитымъ, двое раненыхъ пошатнулись въ сѣдлѣ—остальные поскакали назадъ. Раненые скоро также свалились—и, къ счастію, имѣли еще силы заползти и спрятаться въ придорожныхъ кустахъ, еще одна горячая лошадь сбросила сѣдока. И кабардинцы, поймавъ четырехъ лошадей и обобравъ убитаго, спокойно и безнаказанно скрылись.

Минуло лишь нѣсколько дней, и происшествіе въ Екатериноградской станицѣ вновь взволновало населеніе. Нѣсколько казаковъ Волжскаго полка ловили рыбу на Терекѣ, при устьяхъ Малки. Было туманное утро, рыба ловилась плохо, и отставной казакъ Горшеневъ предложилъ товарищамъ переѣхать на ту сторону рѣки. Никто изъ казаковъ, однако не рѣшился отправиться съ нимъ, и даже его самого уговаривали не ѣхать. Упрямый старикъ сѣлъ въ челнокъ одинъ, и скоро былъ уже на другомъ берегу. Но едва онъ сталъ привязывать лодку, какъ вдругъ изъ кустовъ выскочили семь кабардинцевъ — и Горшеневъ былъ уведенъ въ плѣнъ на глазахъ казаковъ, имѣвшихъ возможность только открыть безполезный огонь черезъ рѣчку.

Погоревали въ станицѣ о старикѣ. А вечеромъ — новая тревога... Кабардинцы схватили 13-лѣтняго казаченка у самыхъ станичныхъ огородовъ, на водопоѣ; и прежде чѣмъ на отчаянный крикъ его сбѣжались казаки — кабардинцы были уже за Терекомъ.

Наступившій новый 1818 годъ принесъ новыя тревоги. 6 января изъ селенія Прохладнаго ѣхалъ фейерверкеръ Антонъ съ пятью артиллерійскими солдатами на четырехъ пароконныхъ саняхъ; они везли лѣсъ, заготовленный для артиллеріи; два казака верхами конвоировали ихъ. Оставалось уже версты три-четыре до Солдатской, когда внезапно напали на нихъ шестеро кабардинцевъ. И хотя русскихъ было больше, однакоже кабардинцамъ удалось отбить трехъ лошадей. Происшествіе это глубоко огорчило Ермолова. „Случай сей — замѣчаетъ онъ: — открываетъ трусость какъ казаковъ, такъ и фейерверкера съ его товарищами, ибо восемь человѣкъ не могли отразить хищниковъ, которыхъ было всего шестеро“.

12 апрѣля того же года, семеро кабардинцевъ опять напали на трехъ казаковъ, ѣхавшихъ въ телѣгѣ изъ Павлодольской станицы за сѣномъ. Одинъ казакъ, схвативъ ружье, соскочилъ съ телѣги, прицѣлился—и подъ однимъ изъ хищниковъ лошадь упала убитою. Но выстрѣлъ испугалъ лошадей, бывшихъ въ запряжкѣ, онѣ начали бить и бѣшено унеслись съ двумя казаками въ телѣгѣ. Кабардинцы нанесли оставшемуся 7 ранъ шашками и потомъ долго гнались за телѣгой...

Такъ въ вѣчной тревогѣ и опасности нападенія шла жизнь на границахъ Кабарды. Дерзко и безнаказанно, ночью и среди бѣлаго дня, совершали кабардинцы свои наѣзды, и населеніе было безсильно предохранить себя отъ нихъ. Случалось, правда, что казаки настигали хищниковъ, но тѣ всегда успѣвали скрываться въ сосѣднихъ затеречныхъ аулахъ, носившихъ имя „мирныхъ“, но въ дѣйствительности не менѣе враждебныхъ и наносившихъ тѣмъ ощутительнѣйшій вредъ, чѣмъ больше безопасности давала имъ эта внѣшняя покорность. Особенной извѣстностью въ этомъ отношеніи пользовался Трамовъ аулъ, лежавшій верстахъ въ десяти отъ Константиногорска.

Однажды есаулъ Савчининъ, объѣзжая посты своей дистанціи, узналъ о прорывѣ партіи выше поста Осторожнаго. Савчининъ немедленно поѣхалъ на постъ и приказалъ на самой переправѣ заложить секретъ изъ 10 пѣшихъ казаковъ. Это было въ

ночь съ 3-го на 4-е мая. Еще не разсвѣло, какъ на секретъ наѣхали пять конныхъ кабардинцевъ, возвращавшихся съ русской стороны съ заводными лошадьми. Раздались выстрѣлы. Казачій резервъ, съ хорунжимъ Малаховымъ, тотчасъ выскочилъ съ поста, но хищники, доскакавъ до Трамова аула, скрылись. Малаховъ вернулся назадъ. Не прошло и получаса, какъ на тотъ же секретъ наѣхали еще семь кабардинцевъ. Казаки вновь кинулись на выстрѣлы, — но и эта партія, отстрѣливаясь отъ нихъ на скаку, прошла по направленію къ Трамову аулу. Между тѣмъ на выстрѣлы прискакалъ съ Верхне-Кирхильскаго поста сотникъ Астаховъ, и обѣ команды, пустившись въ погоню за хищниками, ворвались въ аулъ и въ самыхъ улицахъ его сбили дротиками трехъ кабардинцевъ; остальные скрылись въ сакляхъ. Зная, что въ предшествовавшемъ году въ аулѣ свирѣпствовала чума, Астаховъ остановилъ казаковъ и, выйдя изъ аула, потребовалъ отъ жителей выдачи хищниковъ. Тѣ наотрѣзъ отказались. Астаховъ донесъ обо всемъ Ермолову.

Случай этотъ выходилъ изъ ряда обыкновенныхъ происшествій, и Ермоловъ воспользовался имъ, чтобы уничтожить „Трамовъ аулъ,—это гнѣздо разбоевъ и вѣчной чумы“. Ночью войска окружили его и приказали жителямъ выбираться. Затѣмъ аулъ зажженъ былъ съ четырехъ сторонъ; имущество разграблено, стада и табуны взяты на удовлетвореніе жителей Кавказской линіи. „На этотъ разъ писалъ Ермоловъ къ кабардинцамъ:—ограничиваюсь этимъ; на будущее же время не дамъ никакой пощады уличеннымъ разбойникамъ: деревни ихъ будутъ истреблены, имущество взято, жены и дѣти вырѣзаны“.

Разоренные трамовцы задумали тогда бѣжать за Кубань, въ Черкесію, чтобы оттуда мстить разбоями въ нашихъ границахъ. „Я надѣюсь,—писалъ, узнавши объ этомъ, Ермоловъ къ кабардинскому валію:—что вы удержите ихъ отъ этого безсмысленнаго поступка, ибо они разбоемъ не пріобрѣтутъ того, что могу я имъ доставить, если останутся спокойно жить въ Кабардѣ. Я разъ наказалъ непріязненные ихъ поступки, и не одинъ разъ могу быть имъ полезенъ, если воздержатся отъ шалостей“.

Изъ этого письма, какъ и изъ приведеннаго выше отзыва о враждѣ и дружбѣ кабардинской въ письмѣ къ Дельпоццо, ясно, съ какою осторожностью относился Ермоловъ къ дѣламъ въ Кабардѣ. Серьезныя мѣры по отношенію къ этой странѣ были еще впереди, такъ какъ постройка крѣпостей и военныя дѣйствія въ Чечнѣ и Дагестанѣ отвлекали пока всѣ наличныя силы и главное вниманіе Ермолова, и онъ старался до поры до времени избѣгать крутой постановки дѣла, довольствовался мѣрами палліативными, которыя могли лишь мѣшать возрастанію разбоевъ, но не искоренить ихъ.

Дѣйствительно, ни наказанія казачьей оплошности, ни увѣщанія кабардинскихъ князей, ни грозныя кары, какъ разореніе Трамова аула,—ничто не могло успокоить буйный народъ, искавшій поприща для отличій и грабежа и дѣйствовавшій часто подъ вліяніемъ религіознаго фанатизма. Естественно, что кабардинскіе разбои и нападенія шли своимъ обычнымъ чередомъ.

Даже самъ гуманный, мягкій Дельпоццо потерялъ наконецъ терпѣніе. Желая избѣжать справедливыхъ упрековъ Ермолова въ слабости, онъ разъ круто измѣнилъ характеръ своихъ обычныхъ отношеній къ кабардинцамъ, и зная, что однимъ изъ лучшихъ вожаковъ разбойничьихъ партій считался въ то время князь Эдикъ Айдемировъ, рѣшилъ истребить его во что бы то ни стало. Въ этомъ случаѣ онъ даже не поцеремонился прибѣгнуть къ тайному убійству. Вотъ какъ онъ описываетъ все дѣло въ донесеніи Ермолову.

„Злодѣй сей, бывъ таковымъ собою, возбуждалъ звѣрство въ другихъ и былъ наиболѣе опасенъ. Чтобы уничтожить его, вырвать самый корень кабардинскихъ разбоевъ, предстояло два средства: или захватить Айдемира живымъ, или найти случай его истребить. Въ первомъ разѣ онъ могъ бѣжать въ Чечню и только умножилъ бы свои злодѣянія; а какъ мошенника всего удобнѣе поймать на мошенничествѣ, то я приказалъ одному расторопному казачьему пятидесятнику (извѣстному за отчаяннаго конокрада) вызвать Айдемира къ себѣ, будто бы для пріема воровскихъ лоша-

дей, и ежели не будетъ съ нимъ большого числа людей, то истребить ихъ всѣхъ. Порученіе это исполнено. Айдемиръ пріѣхалъ только съ однимъ человѣкомъ,—и оба были убиты, а тѣла ихъ брошены въ воду. Кабардинцы знаютъ, что онъ пропалъ, но не знаютъ какимъ образомъ".

Расчетъ Дельпоццо былъ однакоже ошибоченъ. Смерть Айдемирова, конечно, не могла повести къ умиротворенію края: на мѣсто одного погибшаго, явились десятки другихъ отчаянныхъ головорѣзовъ,—и все осталось по старому.

Положеніе дѣлъ, во всякомъ случаѣ, было настолько обострено, что Ермоловъ рѣшился самъ посѣтить Кабарду. И вотъ, 1-го октября 1818 года, онъ выѣхалъ изъ-подъ крѣпости Грозной въ станицу Прохладную, куда къ этому времени съѣхались знатнѣйшіе кабардинскіе князья, уздени и представители мусульманскаго духовенства. Ермоловъ явился передъ ними безъ всякой пышности, которою окружали себя его предмѣстники, не исключая стараго Ртищева, и кабардинцы съ изумленіемъ увидѣли малочисленный конвой главнокомандующаго, состоявшій всего изъ 180 человѣкъ пѣхоты съ двумя гарнизонными пушками, запряженными мужичьими лошадьми, и съ прислугою „изъ обветшалыхъ гарнизонныхъ канонировъ", тогда какъ кабардинцевъ было не меньше 600 человѣкъ. „Я могъ сіе сдѣлать съ намѣреніемъ, — говоритъ Ермоловъ:—чтобы не показать особеннаго вниманія, которымъ напрасно давно ихъ баловали, но причина настоящая была та, что нельзя было найти болѣе войскъ праздныхъ.

Депутаты были встрѣчены суровою рѣчью. Указавъ на гибель Трамова аула, Ермоловъ грозилъ въ будущемъ еще болѣе тяжкими наказаніями.

По дальновидному расчету главнокомандующаго, старый Дельпоццо долженъ былъ наконецъ уступить свое мѣсто другому, болѣе твердому и энергичному начальнику. Онъ былъ отравленъ губернаторствовать въ мирную Астрахань, а на его мѣсто вызванъ изъ Тифлиса генералъ-маіоръ Карлъ Ѳедоровичъ Сталь—одинъ изъ послѣднихъ представителей славной циціановской школы. Одновременно съ этимъ былъ удаленъ отъ должности и губернаторъ

Кавказской области, нѣкто Малиновскій, причиною чему, впрочемъ была самая личность его, съ такою безпощадною рѣзкостью очерченная главнокомандующимъ въ письмѣ къ государю. „Какъ человѣкъ умный и долговременнымъ упражненіемъ въ изворотахъ весьма искусный,—писалъ о нѣмъ Ермоловъ:—умѣлъ онъ поступкамъ своимъ придавать наружность законную и прекращать все, что могло обнаружить противное. Однакоже одна недѣля моего пребыванія съ нимъ и нѣкоторыя требуемыя по дѣламъ объясненія заставили его просить позволенія оставить службу. Сего довольно, чтобы сообщить о немъ понятіе.“ Удаленіемъ Малиновскаго Ермоловъ воспользовался, чтобы соединить въ рукахъ Сталя военную и гражданскую власть и тѣмъ устранить въ тревожномъ краѣ, требовавшемъ твердаго управленія, тѣ безпорядки, интриги и несогласія, борьба съ которыми такъ тяжело отозвалась когда-то на судьбѣ и прямодушнаго Булгакова, и „храбрѣйшаго изъ храбрыхъ“ Портнягина.

Въ самомъ началѣ 1819 года, Сталь былъ уже въ Георгіевскѣ. Но смѣна командующаго линіею, конечно, не устраняла причинъ кабардинскихъ разбоевъ, и офиціальныя данныя первыхъ двухъ лѣтъ командованія Сталя возстановляютъ передъ историкомъ все ту же хронику кровавыхъ приключеній, какъ и при Дельпонцо. Рѣдкій день проходилъ безъ какого-нибудь происшествія; между Моздокомъ и Георгіевскомъ почти прекратились сообщенія — такъ часты были здѣсь грабежи и хищничества; выйти за околицу деревни на двѣ—на три версты значило уже подвергаться опасности встрѣчи съ разбойниками. И происшествіе слѣдовало за происшествіемъ непрерывною чередою. Нерѣдко партіи кабардинцевъ, пробравшись черезъ Малку ночью, скрывались въ потаенныхъ мѣстахъ и по цѣлымъ суткамъ терпѣливо выжидали добычу. Однажды подобная партія засѣла подъ самой Александровской слободою, и дерзость ея простерлась до того, что она среди бѣлаго дня кинулись на жителей, вышедшихъ на полевыя работы. Хищники захватили тогда 17 лошадей и много имущества и скрылись, не будучи даже преслѣдуемы.

Въ другой разъ два крестьянина изъ слободы Надеждинской

за Кумою, близъ Ставрополя, услышавъ о появленіи въ степи дикихъ козъ, отправились на охоту, — и оба были застрѣлены изъ кустовъ притаившимися кабардинцами.

Большею частью нападенія дѣлались такъ осторожно и скрытно, что на постахъ узнавали о нихъ иной разъ только спустя сутки и больше, иногда совершенно случайно. Понятно, что никакая стража, никакіе кордоны не могли оградить границу отъ подобныхъ мелкихъ прорывовъ, и если случались со стороны казаковъ небрежность или неосмотрительность, то не въ нихъ все-таки лежали главныя причины опасности тяжелой пограничной жизни.

Ужасъ этихъ разбоевъ увеличивался еще тѣмъ, что возможность свалить на кабардинцевъ всякую бѣду позволяла и не кабардинцамъ смѣло и безопасно совершать преступленія. Въ самомъ пограничномъ населеніи могли находиться испорченные и безнравственные элементы, и имъ открывалась обстоятельствами широкая свобода дѣйствій! Тотъ, кто провинился и долженъ былъ ожидать наказанія, бѣжалъ въ Кабарду и ужъ, конечно, не клалъ охулки на свою руку, покидая родную землю. Извѣстенъ, напримѣръ, случай, относящійся какъ разъ къ этимъ первымъ годамъ командованія на линіи Сталя.

Десять крестьянъ, принадлежавшихъ отставному маіору Ростованову, деревня котораго стояла на Кумѣ, въ самую рождественскую ночь украли у помѣщика пять лучшихъ скакуновъ, захватили по дорогѣ въ Павловской станицѣ косякъ лошадей, ходившій безъ должнаго присмотра, и бѣжали за Малку. Только на утро разъѣздъ, ходившій изъ слободы Солдатской, увидѣлъ свѣжіе слѣды конскаго табуна и поднялъ тревогу. Есаулъ Коноваловъ погнался за бѣглецами. По слѣдамъ ихъ онъ проскакалъ до самаго Баксана, обогнулъ гору Кызъ-Бурунъ и убѣдился, что хищники уже прошли Чегемское ущелье и скрылись въ горахъ.

Между казаками и кабардинцами естественно росла и ширилась безпощадная вражда. Положеніе усложнялось еще тѣмъ, что кабардинецъ, если бы онъ и хотѣлъ, не могъ уже избѣжать враждебныхъ къ себѣ отношеній и самъ ожесточался, потому что вся-

кій изъ нихъ, съ какими бы мирными намѣреніями и цѣлями ни переступалъ рубежъ, возбуждалъ подозрѣнія и нерѣдко расплачивался за грѣхи единоземцевъ, оставляя послѣ себя длинный рядъ обязанныхъ отомстить за него родичей. Такъ, однажды два мирные кабардинца изъ аула узденя Кучмазюкина ѣхали въ русскихъ предѣлахъ на воловьей арбѣ, повидимому, исключавшей всякую мысль о намѣреніи ихъ разбойничать. Но они не избѣгли подозрѣнія. Положимъ, арбу они могли оставить и отправиться за добычею пѣшими, что во многихъ случаяхъ было даже удобнѣе и выгоднѣе; но могло быть и противное, и ѣхали люди просто себѣ, по своимъ домашнимъ дѣламъ. Случилось, къ несчастію, что, переправясь черезъ Малку, они поѣхали не дорогой, гдѣ ѣздятъ всѣ, а стали пробираться кустарникомъ. Съ дневного бекета, стоявшаго передъ слободою Солдатской, замѣтили арбу, и два кордонные казака преградили ей путь. На вопросъ: что за люди?— испуганные кабардинцы отвѣчали: „казаки!"— и въ то же время, соскочивъ съ арбы, юркнули въ кусты. Пятидесятникъ Бугаевскій, спрыгнувъ съ сѣдла, бросился за ними и успѣлъ схватить одного. Началась борьба; и казакъ, и кабардинецъ упали на землю. Но Бугаевскій оказался сильнѣе кабардинца и, навалившись на него, крѣпко держалъ ему руки, чтобы не дать возможности вынуть кинжалъ. На шумъ прискакалъ другой казакъ. „Стрѣляй!" — крикнулъ ему Бугаевскій. Казакъ долго примѣривался, — наконецъ выстрѣлилъ и пуля положила кабардинца на мѣстѣ, а Бугаевскому перебила лѣвую ногу около колѣна. Не единственный печальный случай тяжкихъ пограничныхъ недоразумѣній.

Такъ проходили мѣсяцъ за мѣсяцемъ. Но въ хроникѣ кавказскихъ бѣдствій, 1820 и 1821 годамъ въ Кабардѣ суждено было занять особенно видное мѣсто. Ермоловъ, весь поглощенный заботами пока о Чечнѣ и Дагестанѣ, былъ къ тому же вызванъ въ Петербургъ, гдѣ пробылъ цѣлый годъ до осени 1821 года. Сталь, занятый въ то время устройствомъ Сунженской линіи, получавшей преобладающее значеніе, не могъ принять серьезныхъ мѣръ по отношенію къ Кабардѣ, а полумѣры не привели бы ни къ чему,

Да и отсутствіе главнокомандующаго должно было до нѣкоторой степени стѣснять его дѣятельность, а кабардинскіе разбои между тѣмъ все усиливались и усиливались, принимая характеръ упорной дерзости и открытаго возстанія. Въ это время начинаютъ дѣйствовать уже не отдѣльные искатели приключеній и наживы, а нерѣдко цѣлыя буйныя толпы переходятъ границу и открыто совершаютъ крупные грабежи, оставаясь безнаказанными.

Такъ, въ самыя святки 1820 года, часу въ десятомъ вечера, цѣлая сотня кабардинцевъ подъѣхала къ зимовникамъ на р. Подкумкѣ, у самой Лысой горы, близъ нынѣшняго Пятигорска, и выгнала изъ нихъ до 200 штукъ рогатаго скота. На Верхне-Бамбукскомъ посту услыхали выстрѣлы, которыми кабардинцы безъ стѣсненія вспугнули скотъ, чтобы скорѣе скучить его и перегнать за Малку. Пятидесятникъ Дорофѣевъ съ тремя казаками поскакалъ узнать о причинѣ выстрѣловъ — и неожиданно очутился передъ сотенною партіею. Онъ не потерялся и, пославъ своихъ троихъ казаковъ извѣстить сосѣдніе посты, остался наблюдать за партіей. Но вотъ, кабардинцы уже покончили грабежъ и двинулись въ обратный путь, а на постахъ все тихо, — нигдѣ нѣтъ признака тревоги. Предполагая, что казаки его перебиты, Дорофѣевъ самъ пустился къ Лысогорскому посту— и наѣхалъ на кабардинскій пикетъ; его замѣтили и дали по немъ выстрѣлъ. Тогда онъ бросился вправо—и наткнулся на новый пикетъ, откуда его встрѣтили залпомъ. Уже мерцалъ свѣтъ. Приглядываясь вдаль, Дорофѣевъ съ ужасомъ увидѣлъ, что онъ попалъ въ середину непріятельскихъ пикетовъ, стоявшихъ кругомъ и по Подкумку, и по дорогѣ, и по сосѣднимъ горамъ. Тогда не раздумывая долго, онъ пустился на проломъ посреди перекрестныхъ выстрѣловъ; за нимъ гнались по пятамъ, но, благодаря доброму скакуну, онъ таки ушелъ отъ погони. Между тѣмъ, съ двухъ сосѣднихъ постовъ собралось 23 казака и, подъ командой хорунжаго Пантелѣева, погнались за хищниками. На горѣ, въ вершинахъ Золки, началась перестрѣлка; кабардинцы раздѣлились на двѣ части,—одна гнала скотъ, другая, большая, прикрывала отступленіе и отстрѣливалась на протяженіи нѣсколькихъ верстъ.

Казаки, малочисленные и на утомленныхъ коняхъ, не могли нанести никакого вреда кабардинцамъ, и тѣ спокойно перебрались въ горы.

Мѣсяцемъ позже, въ концѣ января 1821 года, новое происшествіе взволновало населеніе, тѣмъ болѣе, что оно было въ тылу линіи.

Крестьяне, выѣхавшіе изъ Курскаго лѣса въ Георгіевскъ съ дровами, увидѣли стоявшія въ Горькой балкѣ три воловьи повозки безъ людей и воловъ. Догадываясь, что тутъ дѣло что-то не ладно, они дали знать на постъ, стоявшій недалеко, въ Кошевомъ аулѣ. Казаки, выѣхавшіе съ поста, нашли возлѣ возовъ трупъ крестьянина села Незлобнаго, Егольникова, весь изрубленный шашками. Оказалось, что вмѣстѣ съ Егольниковымъ выѣхалъ изъ Незлобнаго также крестьянинъ Чуносовъ; куда онъ дѣвался, никто не зналъ, оставалось предположить, что онъ взятъ въ плѣнъ. Осматривая дальше Горькую балку, верстахъ въ шести отъ повозокъ казаки наткнулись еще на два изрубленные трупа; это были крестьяне селенія Государственнаго, Шеинъ и Зиминъ. Навели справку и узнали, что съ ними выѣхали изъ села еще малолѣтній внукъ Зимина и два мирные кабардинца изъ аула узденя Бекъ-Мурзы Кошева, ѣхавшіе въ табунъ. Сначала явилось подозрѣніе, не совершили ли это убійство сами мирные, бѣжавшіе затѣмъ въ Кабарду; но впослѣдствіи оказалось, что и они, и внукъ Зимина томятся въ неволѣ. Немного дальше казаки нашли еще двоихъ, убитыхъ ружейными пулями. Въ нихъ узнали линейныхъ казаковъ Волжскаго полка Павловской станицы, Маликова и Лопатина, которые наканунѣ выѣхали верхомъ въ слободу Федоровку; ихъ оружіе, кони и сѣдла взяты были хищниками. Очевидно было, что партія, скрывавшаяся въ Горькой балкѣ, распоряжалась здѣсь долго. Между тѣмъ, еще въ то время, какъ найденъ трупъ перваго крестьянина, разъѣздъ далъ знать объ этомъ въ Павловскую станицу. Стоявшій тамъ резервъ, подъ командою пятидесятника Говоркова, тотчасъ выслалъ во всѣ стороны разъѣзды для открытія сакмы. Цѣлый день рыскали казаки и только уже около полуночи, слѣдовательно черезъ сутки, найдены были конные слѣды недалеко

отъ Марьевской станицы. 10 казаковъ тотчасъ пустились въ погоню за хищниками и настигли ихъ неподалеку отъ поста Бѣломечетскаго. Партія кабардинцевъ состояла человѣкъ изъ 15 и, вѣроятно, скрывалась днемъ гдѣ-нибудь въ оврагѣ, а ночами пробиралась во свояси; при нихъ было довольно большое стадо воловъ, не позволявшее имъ быстрѣе уйти отъ погони. Завязалась перестрѣлка. Съ поста Бѣломечетскаго тоже прискакала команда. Но кабардинцы дрались отчаянно, отстаивая свою добычу, и только при переправѣ черезъ Малку казакамъ удалось отбить отъ нихъ 22 вола.

Дерзость кабардинцевъ простерлась до того, что однажды партія ихъ, человѣкъ въ 12, въ самый полдень, правда, туманный и осенній, верстахъ въ 13 отъ Курскаго селенія, на мѣстѣ, называемомъ Сухая Падина, напала на моздокскихъ армянъ, ѣхавшихъ, въ числѣ 11 человѣкъ, съ товарами на федоровскую ярмарку. Изъ 11 торговцевъ 8 было убито, одинъ, весь изрубленный шашками, брошенъ замертво на дорогѣ, а двое взяты хищниками въ плѣнъ. Кабардинцы, впрочемъ, ихъ отпустили, въ благодарность за то, что тѣ покорно исполняли ихъ приказанія и сами вязали въ ихъ тюки награбленные товары. Однакоже партія отняла у нихъ верховыхъ лошадей, раздѣла ихъ донага и бросила въ степи. Когда хищники скрылись, армяне, захвативъ съ собою раненаго, прибѣжали въ Курское село. Жители собрали тѣла убитыхъ и похоронили ихъ на сельскомъ кладбищѣ. Верстахъ въ пяти—въ шести отъ мѣста катастрофы найдены были между тѣмъ шесть брошенныхъ армянскихъ арбъ,—пять разбитыхъ и одна цѣлая, съ товарами; очевидно, хищникамъ невозможно было все забрать съ собою на вьюки.

Пробираясь домой, эта партія наткнулась ночью, близъ рѣки Кумы, на казачій разъѣздъ, слѣдовавшій съ Шимовскаго поста. Пятидесятникъ Хламовъ съ тремя казаками завязалъ съ нею перестрѣлку. На выстрѣлы прискакалъ разъѣздъ съ Павловскаго поста, прибѣжалъ также и ближайшій секретъ. Составившійся такимъ образомъ отрядъ изъ 12 казаковъ гнался за хищниками до самой Малки; одинъ казакъ былъ раненъ, подъ другимъ убита лошадь, тѣмъ не

менѣе Хламовъ отчаянно бросился въ шашки и отбилъ весь награбленный товаръ, увязанный въ 25 вьюкахъ.

За Малкою начались кусты, бурьянъ, и Хламовъ со своею малочисленною командою потерялъ хищниковъ изъ виду. Это не могло бы случиться, если бы съ Соленобродскаго поста, возлѣ котораго переправлялись хищники, была оказана хоть какая-нибудь помощь; но донской хорунжій Медвѣдевъ заперся на посту, опасаясь, чтобы партія мимоходомъ не атаковала его самого. Резервы изъ Павловской и Марьевской станицъ пришли уже тогда, когда кабардинцы были за Малкою, и поискъ, сдѣланный ими до самаго Баксана, не повелъ уже ни къ чему. Не лишнее прибавить, что Ермоловъ отличилъ поступокъ храбраго Хламова и произвелъ его въ урядники.

Изо дня въ день жизнь на границѣ Кабарды становилась все тревожнѣе и тревожнѣе. По самому характеру происшествій на линіи необходимо было заключить, что кабардинскіе владѣльцы не только не старались удерживать своихъ подвластныхъ отъ набѣговъ на русскія земли, но скрытнымъ образомъ поощряли ихъ, а нѣкоторые и сами участвовали въ разбояхъ. И кордонная стража была безсильна передъ набѣгающими волнами возмущенія.

Правда, отряды, преслѣдовавшіе въ разное время хищниковъ, заставили ближайшіе аулы отойти отъ нашихъ кордоновъ; большая часть кабардинцевъ, жившихъ на равнинѣ, удалилась къ горамъ, откуда, въ случаѣ движенія русскихъ войскъ, могла свободнѣе уйти въ земли закубанскихъ народовъ.

Возрастающая дерзость кабардинцевъ указывала на постороннія вліянія, на ихъ надежды найти въ случаѣ крайности защиту и покровительство. Такъ, дѣйствительно, и было. Дѣло въ томъ, что въ 1821 году турецкіе комиссары дѣятельно распространяли по Кавказу слухи о разрывѣ съ Россіей. И вотъ, привыкнувъ видѣть въ султанѣ сильнѣйшаго монарха въ свѣтѣ, естественнаго покровителя всѣхъ мусульманъ, кабардинцы, какъ центральное племя, пользовавшееся большимъ вліяніемъ на Сѣверномъ Кавказѣ, первые откликнулись на этотъ призывъ.

Наступало время, когда уже становилось невозможнымъ дальше откладывать усмиреніе мятежнаго народа. Въ сентябрѣ 1821 года Ермоловъ возвратился изъ Петербурга, сооруженіе Сунженской линіи приходило къ концу,—и ничто уже не мѣшало болѣе энергическимъ дѣйствіямъ въ верховьяхъ Малки и Кубани. Для Кабарды наступалъ роковой часъ.

XXIV.

Покореніе Кабарды.

Зима 1821—22 года была роковою въ жизни Кабарды. Противъ безпрерывныхъ кабардинскихъ разбоевъ до того времени шла только пассивная оборона, такъ какъ всѣ русскія силы на Кавказѣ отвлечены были борьбою съ Чечней и Дагестаномъ. Теперь наступила пора возмездія, и Ермоловъ, возвратившись въ концѣ сентября 1821 года изъ долговременной поѣздки въ Петербургъ, принялъ серьезныя рѣшенія, которыя должны были повести къ полному и окончательному покоренію Кабарды.

Какъ всегда, планъ Ермолова, въ томъ видѣ, какъ выполненъ, былъ простъ и радикаленъ. Онъ предположилъ перенести передовую линію съ Малки и Терека въ самую землю кабардинцевъ и, создавъ при выходахъ изъ горъ, куда они удалялись въ случаѣ возмущенія, рядъ укрѣпленій, отрѣзать, такимъ образомъ, мирные аулы равнины отъ буйныхъ горныхъ элементовъ и отъ вѣчно воинственнаго Закубанья.

Наступала суровая зима; глубокіе снѣга завалили горныя ущелья,— и постройку крѣпостей необходимо было оставить до весны. Но чтобы немедленно положить предѣлъ разбоямъ, а въ то же время наказать кабардинцевъ и, уменьшивъ хотя бы до нѣкоторой степени ихъ престижъ въ горахъ, подготовить тѣмъ почву полному усмиренію, Ермоловъ рѣшилъ тотчасъ же начать противъ нихъ наступательныя дѣйствія. Съ этою цѣлію онъ приказалъ ввести въ Кабарду нѣкоторыя части войскъ, которыя, не имѣя постояннаго мѣстопребыванія, а быстрыми переходами появляясь то тутъ, то тамъ, держали бы кабардинцевъ въ постоянномъ страхѣ нападеній и препятствовали имъ выходить изъ горъ. Мѣра эта была тѣмъ цѣлесообразнѣе, что та же суровая зима и тѣ же глубокіе снѣга вынуждали кабардинцевъ спустить свои стада и табуны на равнину, и такимъ образомъ имъ приходилось думать скорѣе о собственной защитѣ и охранѣ своихъ стадъ, чѣмъ о нападеніяхъ и грабежахъ на линіи.

Первый ударъ нанесенъ былъ кабардинцамъ небольшимъ отрядомъ штабсъ-капитана Токаревскаго. Изъ Елизаветинскаго редута, на военно-грузинской дорогѣ, онъ съ ротою Кабардинскаго полка проникъ въ самыя горы, истребилъ кабардинскій пикетъ и, захвативъ стадо рогатаго скота, распространилъ тревогу среди непокорнаго населенія. Когда рота двинулась назадъ, передъ нею появилась непріятельская конница и завязала жаркую перестрѣлку. По счастію, однимъ изъ первыхъ пушечныхъ выстрѣловъ былъ убитъ предводитель, а вслѣдъ затѣмъ картечь разомъ положила на мѣстѣ до 20 кабардинцевъ. Это рѣшило участь столкновенія: непріятель бѣжалъ съ такою поспѣшностью, что не захватилъ даже двухъ тѣлъ съ поля битвы. Русскій отрядъ отдѣлался въ набѣгѣ однимъ убитымъ казакомъ и однимъ раненымъ солдатомъ.

Вслѣдъ затѣмъ командующій линіею генералъ Сталь рѣшилъ наказать абазинскіе аузы на Кумѣ, служившіе вѣчнымъ притономъ для закубанскихъ горцевъ, и нерѣдко вмѣстѣ съ ними принимавшіе дѣятельное участіе въ набѣгахъ. На первый разъ обречены были на гибель три наиболѣе населенные смежные аула: Махуковъ, Хохандуковъ и Бибердовъ. Въ селеніи Солдатскомъ состав-

ленъ былъ съ этою цѣлію отрядъ изъ двухъ ротъ Тенгинскаго полка, при двухъ орудіяхъ, и трехсотъ линейныхъ казаковъ, подъ общею командою Тенгинскаго полка маіора Курилы.

Въ ночь на 15 декабря 1821 года, отрядъ уже подходилъ къ ауламъ. Было извѣстно, что жители предупреждены, и въ русскомъ отрядѣ не могли разсчитывать на неожиданность нападенія, а надѣялись только на быстроту и стремительность удара. Линейные казаки, имѣя во главѣ командира Волжскаго казачьяго полка капитана Вирзилина и штабсъ-ротмистра Якубовича, дѣйствительно, съ такою рѣшимостью и такъ стремительно ударили въ шашки на передовые посты кабардинцевъ, что моментально сбили ихъ и явились передъ жителями, совершенно не ожидавшими такого результата. Волжская сотня, есаула Лучкина, и моздокская, хорунжаго Старожилова, — первыя ворвались въ аулы. Все, что захвачено внѣ домовъ, было изрублено; все, что успѣло бѣжать и скрыться въ домахъ, было забрано въ плѣнъ. Добычею казаковъ было до тысячи головъ лошадей и рогатаго скота и 149 человѣкъ плѣнныхъ.

Этимъ дѣло, впрочемъ, не кончилось, и жаркій бой по обычаю черкесовъ завязался только тогда, когда отрядъ началъ отступленіе. Сильная кабардинская конница, предводимая княземъ Арсланбекомъ Біарслановымъ, преградила отряду дорогу. Теперь вся тяжесть боя легла на тенгинскія роты. Бѣшеныя атаки кабардинцевъ были, однако, скоро отбиты и самъ Біарслановъ упалъ съ коня раненымъ. Кабардинцы дрогнули и побѣжали. Горячая перестрѣлка однакоже стоила отряду 14 человѣкъ убитыми и ранеными.

Отрядъ вернулся въ Солдатское со всею добычею. Ермоловъ приказалъ отобрать изъ плѣнныхъ всѣхъ годныхъ къ службѣ и сдать въ солдаты, менѣе годныхъ отправить на крѣпостныя работы, а женъ и дѣтей вымѣнять на русскихъ плѣнныхъ; тѣхъ же, которыя останутся за размѣномъ, раздать помѣщикамъ и казакамъ въ услуженіе.

Между тѣмъ сформировался и отрядъ для постоянныхъ дѣйствій въ Кабардѣ, подъ командою полковника Кацырева, имя котораго скоро загремѣло по всей Кавказской линіи. Отрядъ состоялъ изъ батальона Кабардинскаго полка въ тысячу штыковъ, при четы-

рехъ орудіяхъ, и изъ двухъ сотенъ линейцевъ; наканунѣ новаго года онъ былъ уже въ Екатериноградѣ, готовый къ выступленію.

Ему предстояло идти къ Татарбуру, и по пути истребить Боруковскіе аулы, принадлежавшіе узденямъ Кучука Джанхотова. Но, чтобы скрыть истинныя цѣли движенія, Кацыревъ сначала вторгнулся въ Малую Кабарду. Тамъ, у Голюгаевской станицы, къ нему присоединилось 200 конныхъ чеченцевъ и сотня моздокскихъ казаковъ, подъ командою извѣстнаго чеченскаго пристава капитана Чернова, и соединенныя силы, ночью на 2 января, быстро перешли на лѣвый берегъ Терека и двинулись прямо на боруковцевъ. Въ то же время особый отрядъ, высланный изъ Елизаветинскаго редута съ штабсъ-капитаномъ Токаревскимъ, отрѣзалъ аулы отъ горъ, откуда также должны были тѣснить кабардинцевъ мирныя племена осетинъ, дигорцы и алагирцы. Аулы были такимъ образомъ окружены, но оказались почти пустыми: кабардинскія семейства успѣли заблаговременно выбраться въ горы, и только въ двухъ аулахъ, Баташева и Анзорова, стремительно налетѣвшая конница застала и истребила до 30 человѣкъ и 12 захватила въ плѣнъ.

Разореніе пустыхъ ауловъ, конечно, не могло уже произвести большого впечатлѣнія на кабардинцевъ, и Кацыревъ быстро повернулъ на рѣчку Шагволу, къ ауламъ Али-Мурзы Кудякова; но и эти оказались пустыми. Тѣмъ не менѣе, при переправѣ черезъ рѣку Урухъ, произошла горячая перестрѣлка, стоившая кабардинцамъ двухъ извѣстнѣйшихъ предводителей, а русскимъ—храбраго штабсъ-ротмистра Якубовича, раненаго ружейною пулею. Отрядъ пошелъ дальше къ горамъ, предавая огню и опустошенію лежавшіе по пути аулы; но кабардинцы сами предупреждали его, истребляя постройки и запасы, и наконецъ отняли у отряда всякую возможность кормить лошадей. Восемь дней провелъ отрядъ въ безпрерывныхъ движеніяхъ,—и восемь дней довольствовалъ лошадей жалкою травою, оставшейся еще подъ снѣгами. Вдобавокъ настали оттепели, и снѣгъ почти весь сошелъ; кабардинцамъ открылась возможность угнать табуны свои въ горы, и попытка захватить одинъ изъ нихъ, 10 января, въ ущельи Вогацино, вызвала только

напрасную перестрѣлку и напрасныя потери. Ни одно нечаянное нападеніе не удавалось: отрядъ былъ окруженъ наблюдательными кабардинскими пикетами и скрытыя движенія были невозможны. Въ такихъ обстоятельствахъ Сталь рѣшился предписать отряду прекратить военныя дѣйствія до болѣе благопріятнаго времени.

Потеря кабардинцевъ въ дѣлахъ съ Кацыревымъ была значительна главнымъ образомъ въ томъ, что у нихъ, какъ нарочно, перебиты были лучшіе ихъ вожаки. Но и со стороны русскаго отряда общая потеря простиралась за 30 человѣкъ убитыми и ранеными.

Въ то же время дѣйствовали и отдѣльные отряды маіоровъ Курилы и Тарановскаго. Курило 14 января ходилъ къ верховьямъ Малки со стороны Георгіевска, но возвратился безъ всякихъ результатовъ и безъ добычи. Тарановскій дѣйствовалъ гораздо удачнѣе. Переправившись за Малку въ селеніи Солдатскомъ, и оставивъ пѣхоту на рѣкѣ Чегемѣ, онъ съ одною конницей, состоявшей изъ 70 волжскихъ казаковъ, 50 осетинъ и 75 бабуковцевъ (жителей мирнаго кабардинскаго аула, поселеннаго на землѣ волжскихъ казаковъ),—бросился за рѣку Шалуху, и, не потерявъ ни одного всадника, истребилъ кабардинскій пикетъ въ 20 человѣкъ, захватилъ 356 лошадей и до 200 головъ рогатаго скота. Ермоловъ обратилъ особое вниманіе на участіе въ этомъ походѣ бабуковцевъ и, чтобы окончательно разссорить ихъ съ кабардинцами, приказалъ: „изъ получаемой добычи въ дѣлахъ, гдѣ будутъ находиться бабуковцы, непремѣнно давать имъ нѣкоторую часть оной, а если не захотятъ брать, то принуждать къ тому“.

Отрядъ Кацырева между тѣмъ не вышелъ изъ Кабарды и лишь перемѣнилъ систему своихъ дѣйствій. Нужно сказать, что въ тѣ времена вся Большая Кабарда подчинялась четыремъ княжескимъ фамиліямъ: Бекъ-Мурзины и Кантукины владѣли землями противъ линіи, простиравшимися до горной Осетіи; аулы Атажукиныхъ и Мисостовыхъ скрывались при верховьяхъ Баксана, сообщаясь непосредственно съ Закубаньемъ, поддерживавшемъ въ нихъ духъ мятежа и сопротивленія. И вотъ, непрерывными движеніями между Баксаномъ и Терекомъ, Кацыревъ держалъ аулы Бекъ-Мур-

зиныхъ и Кантукиныхъ, не имѣвшихъ выхода изъ своихъ горъ, въ постоянномъ страхѣ и ожиданіи нападеній, и прекратилъ ихъ набѣги на линію. Но въ аулахъ Мисостовыхъ и Атажукиныхъ, гдѣ возникло сильное стремленіе къ побѣгу за Кубань, чему воспрепятствовать Кацыревъ былъ не въ силахъ,—возможность скрыться отъ преслѣдованія русскихъ войскъ поддерживала пламя бунта и жажду мстительныхъ нападеній на русскіе предѣлы.

Для наблюденія за этими послѣдними аулами Сталь составилъ новый отрядъ изъ 2-хъ ротъ Тенгинскаго полка, сотни линейцевъ и части бабуковской конницы, при трехъ орудіяхъ, подъ начальствомъ маіора Курило, и расположилъ его на Малкѣ съ тѣмъ, чтобы онъ постоянными переходами мимо деревень Мисостовыхъ и Атажукиныхъ держалъ ихъ въ страхѣ за свои собственныя жилища. Мѣра эта, однако, не дала ожидаемыхъ результатовъ. Еще отрядъ не успѣлъ сосредоточиться, какъ 500 закубанскихъ наѣздниковъ, подъ предводительствомъ бѣглыхъ кабардинскихъ владѣльцевъ Атажука Магометова, Хамурзы Джембулатова и Карачая Казіева, перешли Кубань въ верховьяхъ, близъ Каменнаго Моста, и 31 января 1822 года уже были въ тѣхъ абазинскихъ аулахъ, которые въ прошломъ году истреблены маіоромъ Курило. Подъ прикрытіемъ этой партіи, около 250 семействъ изъ мятежныхъ кабардинскихъ ауловъ, Жантемирова и Трамова, ушли за Кубань со всѣмъ своимъ имуществомъ. Воспрепятствовать этому побѣгу при наличныхъ силахъ не представлялось никакой возможности; войскъ не было, стянуть же сюда всѣ роты Тенгинскаго полка, расположенныя по селеніямъ Ставропольскаго уѣзда, было бы мѣрою крайне рискованною, потому что та же партія, предводимая такими отчаянными разбойниками, ринулась бы немедленно на беззащитныя селенія и предала бы ихъ грабежу, огню и опустошенію.

При настоящихъ обстоятельствахъ ей, однако, не было возможности значительно вредить русскимъ селамъ. И тѣмъ не менѣе скоро она встревожила линію нѣсколькими дерзкими нападеніями. 4 февраля, почти въ полдень, донского войска хорунжій Тетеревятниковъ ѣхалъ съ поста Шараповскаго на постъ Кумскій. На

половинѣ дороги между ними лежалъ постъ Танлыцкій, на которомъ почему-то не было приготовлено для него конвоя. Тетеревятниковъ на „авось“ поѣхалъ дальше, сопровождаемый только однимъ драбантомъ. Верстахъ въ трехъ отъ селенія, на спускѣ въ балку, онъ вдругъ очутился передъ пятисотенною партіею. Дѣваться ему было некуда. Между тѣмъ человѣкъ семь горцевъ уже скакали къ нему навстрѣчу. Грянулъ залпъ, и драбантъ упалъ мертвый; лошадь его и все имущество офицера, бывшее въ тарокахъ, стало добычею горцевъ. Самъ же Тетеревятниковъ, воспользовавшись удобнымъ моментомъ, соскочилъ съ коня и спрятался въ кустахъ. Выстрѣлы были услышаны между тѣмъ на сосѣднихъ постахъ. Поднялась тревога, и къ мѣсту происшествія поскакали съ одной стороны донскіе посты, подъ личною командою командира полка, подполковника Тарасова, съ другой—конный резервъ Кубанскаго казачьяго полка, съ сотникомъ Кузнецовымъ; собралось всего около девяноста казаковъ.

Въ то же время, по ту сторону балки, несся на тревогу весь Кумскій постъ изъ 10 казаковъ при урядникѣ Вагинѣ, не подозрѣвая гибели, закрытой отъ него крутыми склонами балки. Напрасно казаки Тарасова кричали имъ объ опасности; тѣ съ налета ринулись прямо въ оврагъ и неожиданно врѣзались во всю пятисотенную партію.

Видя страшную опасность, которой подвергся малочисленный казачій постъ, Тарасовъ и Кузнецовъ стремительно ударили на выручку; но кабардинцы сами бросились навстрѣчу имъ въ шашки; и, послѣ минутной схватки, казаки были опрокинуты, оставивъ на мѣстѣ боя 12 тѣлъ и одного раненаго. Храбрый Кузнецовъ, врѣзавшійся на глазахъ у всѣхъ въ самую середину непріятельской толпы, пропалъ безъ вѣсти. Кумскій постъ былъ истребленъ. Казаки Тарасова, отброшенные къ Танлыцкому посту, заперлись въ немъ и отразили жестокое нападеніе горцевъ. Партія не стала, впрочемъ, домогаться взятія поста и отошла за Кубань.

Прошло нѣсколько дней, и та же партія ночью опять вошла въ русскіе предѣлы; но тутъ она ограничилась лишь отгономъ пасшихся верстахъ въ десяти отъ Кубани табуновъ ногайскаго

владѣльца Азаматъ-Гирея. Храбрый Азаматъ съ своими ногайцами немедленно бросился въ погоню за Кубань и скоро настигъ партію. Горцы вступили въ переговоры. Всѣхъ лошадей Азамата они возвратили; остальныхъ же, принадлежавшихъ бабуковцамъ и другимъ мирнымъ кабардинцамъ, увели съ собою, сказавъ, что если хозяева желаютъ получить ихъ обратно, то пусть пріѣдутъ за ними сами.

Было два—три случая и мелкихъ разбоевъ, совершонныхъ малыми шайками, вѣроятно отдѣлявшимися все отъ той же пятисотенной партіи. Такъ, 7 февраля, 15 человѣкъ кабардинцевъ появились въ степи около села, принадлежавшаго генералъ-маіору Столыпину. Четверо изъ нихъ напали на ѣхавшихъ въ арбѣ двухъ мирныхъ кабардинцевъ и завезли ихъ на помѣщичье гумно, гдѣ были уже остальные 11 хищниковъ также съ добычею, состоявшею изъ отставного солдата, женщины, двухъ мальчиковъ, двухъ лошадей и трехъ паръ воловъ съ повозками. Партія осторожно выждала на гумнѣ вечера и только уже тогда, посадивъ женщину и двухъ мальчиковъ на лошадей, отправилась съ ними вверхъ по рѣкѣ Золкѣ; солдата изрубили, мирныхъ же кабардинцевъ, провезя нѣсколько верстъ, связали и бросили среди степи въ ихъ же арбѣ, запряженной волами.

17 февраля, ночью, небольшая шайка повторила нападеніе на моздокскіе хутора, называемые Соколова, захватила двухъ казачьихъ дѣтей и угнала до 180 штукъ лошадей и рогатаго скота.

Большая пятисотенная партія закубанцевъ между тѣмъ не расходилась. Отошедши за Кубань, она расположилась въ верховьяхъ Большого Зеленчука. Князья Мисостовы и Атажукины часто ѣздили туда и вели дѣятельные переговоры о томъ, какъ можно было догадываться, чтобы перевесть за Кубань подвластные имъ аулы.

Тогда Сталь увидѣлъ необходимость возвратиться къ своему прежнему проекту и выставить отрядъ маіора Курилы на Малкѣ, не въ дальнемъ разстояніи отъ Каменнаго Моста, возлѣ котораго сходятся всѣ арбяныя дороги, ведущія изъ Кабарды къ Кубани. Въ то же время Кацыреву было приказано подвинуться къ Баксану, чтобы съ одной стороны поддерживать отрядъ маіора Ку-

рилы, а съ другой—угрожать ауламъ Мисостовыхъ и Атажукиныхъ. Для прикрытія же Ставропольскаго уѣзда вызвана была часть войскъ изъ Чечни и составленъ особый также подвижной отрядъ, расположившійся въ городѣ Александровѣ и въ Круглолѣсскомъ селеніи.

11-го февраля Кацыревъ уже былъ у Кызбуруна, 18-го онъ отогналъ въ Баксанскомъ ущельѣ значительныя стада, 19-го, за рѣкою Гунделеномъ, истребилъ аулъ со всѣми хуторами узденя Мансоха, а 20-го проникъ въ ущелье Табашинъ и, послѣ жаркаго дѣла, истребилъ два аула, принадлежавшіе Мисостовымъ и Атажукинымъ. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ отрядъ потерялъ 1 офицера и 20 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными.

11-го марта Кацыревъ шелъ уже по направленію къ горамъ; но здѣсь, при самомъ же началѣ движенія, онъ былъ открытъ конною партіею кабардинцевъ въ 150 человѣкъ, направлявшихся подъ предводительствомъ извѣстнаго Таусултана Атажукина, для разбоя на линію. Атажукинъ разослалъ во всѣ стороны гонцовъ съ извѣщеніемъ о движеніи отряда, приказавъ отгонять съ равнинъ табуны и стада и собираться для защиты. Казаки, на глазахъ которыхъ угоняли скотъ, пытались воспрепятствовать этому, но вездѣ встрѣчали сильныя партіи и успѣха не имѣли. Тѣмъ не менѣе, въ теченіе семи дней, при безпрерывной перестрѣлкѣ, пять большихъ ауловъ, не считая отдѣльныхъ хуторовъ, кошей и кутановъ—были истреблены до основанія. Между ними аулъ владѣльцевъ Касаевыхъ защищался такъ упорно, что раздраженные солдаты Кабардинскаго полка перекололи въ немъ всѣхъ, не успѣвшихъ скрыться,—и мужчинъ, и женщинъ.

Въ это время въ Кабардѣ появились грозныя прокламаціи Ермолова, требовавшія покорности, но обѣщавшія пощаду всѣмъ, кто добровольно выйдетъ изъ горъ и поселится на равнинѣ. Кабардинцы, дѣйствительно, изъявили готовность покориться, но подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы имъ дозволено было остаться въ ущельяхъ; въ залогъ своей вѣрности они предлагали выдать всѣхъ русскихъ плѣнныхъ. Имъ было отказано и объявлено, что все, остающееся въ горахъ, будетъ признаваться открыто враждебнымъ Россіи. Тогда, устрашенные погромами Кацырева и не

видя другого исхода изъ своего положенія, многіе кабардинцы мало по малу стали склоняться на предложеніе Ермолова, и въ теченіе уже марта мѣсяца вышло на плоскость 14 большихъ ауловъ, въ которыхъ насчитывалось до 945 домовъ. Большая часть изъ нихъ осѣла по лѣвому берегу Терека; другіе расположились по Уруху, Баксану и по небольшимъ рѣчкамъ. Переселенцы, прибывшіе съ семействами и со всѣмъ имуществомъ, стали сперва бивуаками, откладывая постройку домовъ до весенняго времени.

Къ сожалѣнію, положеніе ихъ оказалось весьма критическимъ. Съ одной стороны имъ постоянно угрожали буйные, злобствующіе на ихъ покорность и не хотѣвшіе выходить изъ горъ, кабардинцы; съ другой,—по печальному недоразумѣнію они были разбиты и ограблены самими же русскими. Едва переселенцы стали на своихъ мѣстахъ, какъ на нихъ налетѣли отрядъ штабсъ-капитана Токаревскаго изъ Елизаветинскаго редута и мирные чеченцы, подъ командою капитана Чернова, изъ Моздока; нѣсколько человѣкъ было убито, нѣсколько захвачено въ плѣнъ, стада отогнаны, имущество разграблено. Встревоженныя власти поспѣшили прекратить смятеніе. Переселенцамъ съ лихвою возвращено было все, что они потеряли, но нужно было опасаться острой вражды между кабардинцами и чеченцами,—и кабардинцы, дѣйствительно, уже просили позволенія ограбить чеченцевъ. Токаревскому былъ сдѣланъ строгій выговоръ. „Непростительно, — писалъ къ нему генералъ Вельяминовъ:—если не знали вы, что ауламъ симъ позволено отъ правительства жить на занимаемыхъ ими мѣстахъ, съ обѣщаніемъ, что никакого вреда имъ не будетъ; еще непростительнѣе, если извѣстно вамъ было означенное позволеніе, и вы завѣдомо нарушили данное главнокомандующимъ слово“. Гроза чеченцевъ, Черновъ, не лишился мѣста только благодаря заступничеству Грекова. „Не могутъ быть мнѣ неизвѣстны недостатки Чернова, — писалъ онъ Ермолову:—но этотъ человѣкъ необходимъ, и не по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя онъ доставляетъ,—эти свѣдѣнія я получаю и отъ лазутчиковъ,—но за его необыкновенную храбрость, которая наводитъ страхъ на все чеченское населеніе“.

Всѣ эти обстоятельства затруднили дѣло переселенія кабардин-

цевъ на плоскость. Оставшіеся въ горахъ старшины и князья всѣми силами старались не допускать и мысли о переселеніи. Состоялось даже между ними большое совѣщаніе, на которомъ присутствовали многіе закубанскіе кадіи, и положено было: „если имъ не удастся испросить себѣ у русскихъ властей дозволеніе остаться въ горахъ, то вырвать это позволеніе силою,—разбоями и грабежами на линіи. Одинъ изъ кабардинскихъ владѣльцевъ, Арслан-бекъ Бесленеевъ, первенствовавшій между мятежниками, уже два раза посылалъ своего сына Эдыга въ районъ праваго крыла, а закубанцы, дѣйствуя подъ вліяніемъ брата его, Дженбулата Атажукина, прорвались съ партіею къ селенію Круглолѣсскому, убили нѣсколькихъ жителей и сожгли часть деревни. Партіи самого Арслан-бека, раздѣлившись на части, день и ночь слѣдили за малѣйшими движеніями русскихъ отрядовъ и въ то же время грабили и били тѣхъ кабардинцевъ, которые переселились на плоскость. Въ немирной Кабардѣ открыто говорилось, что какъ только русскія войска уйдутъ (о постоянномъ пребываніи ихъ въ кабардинскихъ земляхъ не допускалось и мысли)—то жилища переселенцевъ будутъ истреблены, стада ихъ угнаны, а сами они переведены обратно въ горы. Уже нѣкоторые изъ переселенцевъ, напуганные угрозами, бѣжали обратно въ ущелья. Задача русскихъ властей чрезвычайно осложнилась. Нужно было заботиться въ одно и то же время и объ охраненіи границъ, и о защитѣ переселенцевъ, и о созданіи препятствій кабардинцамъ къ выселенію за Кубань, куда ихъ сманивали владѣльцы. Въ такихъ обстоятельствахъ, и чтобы наконецъ положить предѣлъ кабардинской дерзости, Кацыревъ вынужденъ былъ сдѣлать еще двѣ экспедиціи. 25 марта онъ вошелъ въ Чегемское ущелье и истребилъ аулы Тамбіева, а 2 апрѣля двинулся на рѣчку Нальчикъ, и занялъ аулы Шаупцова и Кондорова. Здѣсь отрядъ остановился для наблюденія за общимъ собраніемъ кабардинцевъ, которое также подвинулось къ Нальчику. Кабардинцы нѣсколько разъ присылали къ Кацыреву депутатовъ съ просьбой дать имъ свободно совѣщаться, удаливъ отрядъ къ Малкѣ или къ Тереку. Кацыревъ отвѣчалъ, что согласенъ сдѣлать это, если ему дадутъ въ аманаты

шесть князей изъ почетнѣйшихъ фамилій и старшаго кадія. Кабардинцы отказали. Тогда Кацыревъ, видя, что они только стараются выиграть время, 4 апрѣля самъ быстро двинулся къ мѣсту сборища, которое едва успѣло разсѣяться. Аулъ владѣльца Каспулата Канчукова, гдѣ оно происходило, былъ занятъ и истребленъ послѣ недолгой, но горячей перестрѣлки. Русскіе потеряли здѣсь 10 человѣкъ; со стороны кабардинцевъ было убито и ранено также только человѣкъ 15, но въ этомъ незначительномъ числѣ были ранены оба сына Арслан-бека Бесленеева, Тёмботъ и Эдыгъ, и послѣдній смертельно; былъ раненъ также старшій эфендій кабардинскаго народа и бесленеевскій кадій.

Вліяніе закубанцевъ на кабардинскія волненія не подлежало сомнѣнію, и чтобы заставить ихъ заботиться больше о собственной своей оборонѣ, чѣмъ о политической судьбѣ кабардинцевъ, Сталь, одновременно съ послѣднимъ движеніемъ Кацырева, приказалъ донскому полковнику Побѣдпову сосредоточить сильный отрядъ въ Воровсколѣсской станицѣ и сдѣлать набѣгъ въ верховья Кубани, чтобы отогнать конные табуны, принадлежавшіе абазинамъ. Побѣдновъ, имѣя въ сборѣ до 700 казаковъ, ногайцевъ и бабуковцевъ, 2 апрѣля перешелъ Каменный Мостъ и быстрымъ движеніемъ не только захватилъ значительный конскій табунъ, но и отару овецъ болѣе чѣмъ въ 6 тысячъ головъ. Абазины, слабые числомъ, застигнутые врасплохъ, не могли и думать объ открытомъ сопротивленіи, и лишь устроили засаду въ тѣсномъ ущельѣ на пути отступленія отряда. И вотъ, едва скучились въ ущельѣ овцы и лошади,—абазины открыли пальбу, произведя невообразимую сумятицу въ испуганномъ стадѣ. Войска поставлены были въ положеніе затруднительное; къ счастію, удачный картечный выстрѣлъ заставилъ непріятеля покинуть засаду, и отрядъ Побѣднова безъ потери вышелъ къ Баталпашинску.

Отрядъ Кацырева, занимая въ Нальчикѣ центральную для Кабарды позицію, чрезвычайно стѣснялъ кабардинцевъ, и одна депутація за другою являлись къ нему. Но на всѣ попытки начать переговоры онъ отвѣчалъ требованіемъ безусловной покорности и отсылалъ депутатовъ ни съ чѣмъ.

Кацыревъ разсчетливо, но смѣло пользовался всѣми случаями вредить кабардинцамъ. Былъ, напр., такой случай. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ разбойниковъ, Якубъ-бекъ, уже переселившійся на плоскость, явился къ нему съ извѣстіемъ, что близъ стараго аула узденя Аджи Тамбѣева пасется табунъ въ тысячу головъ, и что можно захватить его, если дѣйствовать скрытно и осторожно. Кацыревъ зналъ Якубъ-бека за мошенника, на слова котораго положиться было опасно; но съ другой стороны, ему было извѣстно также о кровной враждѣ его съ узденями, которымъ принадлежали лошади,—и онъ рѣшился воспользоваться его указаніями. 17 апрѣля, какъ только въ лагерѣ пробили вечернюю зорю, Кацыревъ тихо поднялъ отрядъ и ночью повелъ его за рѣку Кешпекъ. На разсвѣтѣ казаки увидали табунъ. Но пока они скакали во весь опоръ — табунъ уже былъ загнанъ въ лѣсистое ущелье, и имъ удалось отхватить только косякъ въ 80 лошадей. Въ то же время другая часть казаковъ вскочила въ аулъ Аджи Тамбѣева. Человѣкъ 20 пѣшихъ горцевъ, захваченныхъ въ немъ, заперлись въ саклѣ, объявивъ, что будутъ драться на смерть. Сакля была каменная, и казаки, ограничившись наблюденіемъ за нею, дали знать въ отрядъ. Оттуда поспѣшно прибыли двѣ роты стараго Ширванскаго полка. Кабардинцамъ предложили сдаться,—они отвѣчали выстрѣлами. И когда изъ русскихъ рядовъ выбыло нѣсколько человѣкъ, Кацыревъ велѣлъ взять саклю штыками. Озлобленные ширванцы ринулись на приступъ. Храбрый капитанъ Красовскій первый вскочилъ въ выбитую дверь и первый палъ на порогѣ ея, сраженный пулею; еще нѣсколько солдатъ было ранено,—но остальные ворвались и истребили всѣхъ безъ пощады. 18 труповъ, вытащенныхъ изъ сакли, были такъ обезображены, что бывшіе въ отрядѣ мирные кабардинцы не могли узнать ни одного изъ нихъ.

Этимъ эпизодомъ закончились самостоятельныя дѣйствія кацыревскаго отряда. Насколько принесло пользы его присутствіе въ Кабардѣ, можно судить уже по тому, что въ теченіе всего времени, пока онъ дѣйствовалъ тамъ, на линіи было почти спокойно, и нападенія кабардинцевъ ограничиваются только вышеприведенными случаями.

Задача, предначертанная ему Ермоловымъ, была исполнена, судя по средствамъ, находившимся въ его распоряженіи, весьма успѣшно. Въ постоянномъ движеніи въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ къ ряду, бивуакируя подъ открытымъ небомъ, въ снѣжныхъ сугробахъ и среди весенней грязи, часто безъ продовольствія и фуража, Кацыревъ держалъ всю Кабарду въ страхѣ и неизвѣстности, откуда ждать нападенія. Заботясь о собственной оборонѣ среди своихъ ауловъ, кабардинцы не могли сосредоточить значительныхъ силъ, чтобы противопоставить отряду серьезную преграду, а между тѣмъ онъ, появляясь всюду, громилъ ихъ и отгонялъ стада. Но Кацыревъ не могъ проникать въ недоступныя ущелья горъ; эту задачу принялъ на себя уже самъ Ермоловъ, когда наступила весна.

Въ маѣ 1822 года Ермоловъ прибылъ въ Екатериноградъ, гдѣ уже собраны были два баталіона пѣхоты, 8 орудій и 300 линейныхъ казаковъ. Надъ отрядомъ Кацырева принялъ начальство самъ генералъ Сталь и передвинулъ его съ Баксана на Малку, къ урочищу Каменный Мостъ. Третій отрядъ, подъ командою донского полковника Побѣднова, наблюдалъ верховья Кубани.

Экспедиція началась 22 мая. Прежде всего въ ущельяхъ Уруха, Черека, Нальчика и наконецъ Чегема произведены рекогносцировки; кое-гдѣ происходили незначительныя стычки; въ ущельѣ Черека сожжено нѣсколько селеній; въ Нальчикѣ отбитъ табунъ лошадей и отара овецъ въ 4 т. головъ; въ Чегемѣ—истребленъ сильный аулъ. Наконецъ войска вступили въ ущелье Баксана, самой многоводной рѣки въ Кабардѣ, вытекающей съ южной покатости горы Эльборуса, и здѣсь имъ пришлось испытать безпримѣрныя трудности. Войска направились по обоимъ берегамъ рѣки: по правому шелъ Ермоловъ, по лѣвому—Сталь. Свирѣпый и шумный Баксанъ, тѣснимый со всѣхъ сторонъ громадными утесами, съ ревомъ и грохотомъ падалъ каскадами, съ поражающею силой ворочая огромныя каменныя глыбы, отторгнутыя отъ горъ. Дорога лѣпилась по карнизамъ скалъ, висѣвшихъ надъ безднами, и была такъ узка, что нѣсколько казачьихъ лошадей сорвались съ кручи

въ волнующуюся бездну. Со страхомъ смотрѣли войска, какъ стремительная сила теченія влекла несчастныхъ животныхъ черезъ подводные камни, дробя ихъ на мелкія части. „Прибоемъ волнъ— говоритъ одинъ участникъ этого похода:—выбрасывало на берегъ то словно топоромъ отрубленныя ноги, то окровавленныя головы несчастныхъ жертвъ. Съ ужасомъ думалось, что точно то же было бы съ тѣми изъ насъ, кто имѣлъ бы несчастіе споткнуться или у кого закружилась бы голова на этомъ страшномъ карнизѣ".

Въ самомъ узкомъ и страшномъ мѣстѣ ущелья, кабардинцы задумали остановить отрядъ и съ этой цѣлію соорудили громадный завалъ на правомъ берегу Баксана. Ермоловъ узналъ объ этомъ черезъ лазутчиковъ, и батальонъ закаленнаго въ бояхъ Ширванскаго полка (старые кабардинцы) былъ высланъ впередъ — овладѣть заваломъ. Въ то же время отрядъ генерала Сталя началъ спускаться къ Баксану выше Мисостова аула, чтобы зайти въ тылъ засѣвшему въ завалахъ непріятелю.

Пройдя нѣкоторое разстояніе узкою тропинкою, лѣпившеюся по карнизамъ скалъ, ширванцы подошли къ такому мѣсту, гдѣ эта тропинка обрушилась, образовавъ провалъ сажени въ три глубиною, за которымъ опять продолжалась та же тропинка. Крутыя каменныя, голыя скалы окружали эту дикую мѣстность, и обойти провалъ не было возможности. Батальонный командиръ уже хотѣлъ было возвратиться назадъ, когда къ нему подошелъ старый кавказскій ветеранъ, котораго въ батальонѣ называли „дядей".

— „Какъ же это такъ, ваше высокоблагородіе,—говорилъ онъ:—воля ваша, а вернуться назадъ намъ не приходится: еще и примѣра такого не было, чтобы мы не дошли туда, куда послалъ Алексѣй Петровичъ".

— Да что же намъ дѣлать? — отвѣчалъ командиръ съ нѣкоторою досадою:—вѣдь у насъ нѣтъ крыльевъ, чтобы перелетѣть черезъ провалъ.

— „Какъ, что дѣлать?—возразилъ батальонный дядя:—а вотъ позвольте-ка, ваше высокоблагородіе"... Съ этими словами онъ снялъ съ себя скатанную шинель, развернулъ ее и бросилъ въ провалъ: „Ну, ребята!—крикнулъ онъ:—шинели долой, бросай ихъ туда".

Солдаты послѣдовали его примѣру. Тогда старикъ перекрестился и, крѣпко обхвативъ ружье, прыгнулъ въ провалъ... „Ой, да какъ же мягко, братцы!—крикнулъ онъ оттуда солдатамъ:—Постойте-ка, дайте-ка я еще поправлю, да поразстелю шинели, чтобы вамъ было еще мягче!“... Батальонный командиръ поблагодарилъ дядю за славную выдумку. Онъ спрыгнулъ первый, потомъ офицеры, а за ними солдаты. Препятствіе было обойдено.

Другому Ширванскому батальону, высланному изъ колонны Сталя, въ обходъ, по ту сторону Баксана, встрѣтилось препятствіе иного рода: тропинка тамъ преграждалась гигантскою отвѣсною скалой, передъ которой отрядъ остановился въ недоумѣніи. Оставалось, повидимому, возвратиться назадъ, чтобы отыскивать новую дорогу; но смѣтливость опытнаго кавказскаго солдата выручила и здѣсь. „Позвольте-ка, ваше высокоблагородіе,—сказалъ одинъ изъ стариковъ командиру:—еще разъ осмотрѣть хорошенько скалу-то: вѣдь бусурманы куда же нибудь да ходили по этой тропинкѣ“. И долгіе поиски увѣнчались успѣхомъ. Онъ нашелъ, дѣйствительно, въ самомъ низу, небольшое узкое отверстіе, заваленное землею и камнями. „Ага! вотъ ихъ лазейка“, крикнулъ онъ—и первый, припавъ на землю, проползъ черезъ тѣсную, шедшую наклонно, щель въ скалѣ; за нимъ одинъ по одному послѣдовали солдаты.

Первые люди изъ предосторожности спустились на веревкахъ; прочіе ложились бокомъ и скатывались, какъ по жолобу, обхвативъ ружье обѣими руками. Дошла очередь до батальоннаго командира, маіора Якубовича. Человѣкъ весьма тучный, онъ завязъ въ отверстіи такъ, что солдаты долго не могли протиснуть его ни взадъ, ни впередъ. Наконецъ схватили за ноги и потащили волокомъ; на немъ изодрали сюртукъ, оборвали всѣ пуговицы, но все-таки протащили. „Мѣсто сіе—говоритъ Ермоловъ въ своихъ воспоминаніяхъ:—такъ и осталось подъ названіемъ: „дыра Якубовича“. Порядочно помятый, маіоръ немного покряхтѣлъ, велѣлъ подать себѣ манерку, выпилъ водки, встряхнулся и всталъ. „Ничего, ребята,—сказалъ онъ:—мы славно пролѣзли. Благодарствуй, дядя, что отыскалъ лазейку. Теперь—впередъ“...

Такимъ образомъ, первое дѣло было сдѣлано. Слѣдовавшія за

батальонами команды уже позаботились объ устройствѣ дороги: провалъ засыпали землею и каменьями, а узкое отверстіе въ скалѣ кое-какъ порасширили, и остальныя войска могли продолжать путь уже съ меньшими препятствіями. Ночью четыре орудія изъ отряда Ермолова подняты были людьми на гору, и нѣсколько выстрѣловъ заставили непріятеля очистить завалъ съ такою быстротою, что не оказалось даже надобности въ содѣйствіи боковой колонны, и когда батальонъ маіора Якубовича подошелъ къ заваламъ, они уже были очищены.

Около осетинскаго аула Ксанти собрались главнѣйшіе кабардинскіе владѣльцы; здѣсь ожидался кровавый бой. Войскамъ еще съ вечера приказано было готовиться къ упорной борьбѣ, въ которой пришлось бы брать штурмомъ рядъ огромныхъ каменныхъ заваловъ. Но кабардинцы не выждали наступленія и ночью бѣжали за Кубань; осетины пришли просить пощады. „Вообще,— замѣчаетъ подъ вліяніемъ этого факта Ермоловъ:—кабардинскій народъ дошелъ до той степени упадка, что нѣтъ уже признака прежнихъ свойствъ его, и въ сраженіяхъ уже нѣтъ прежней смѣлости, которою кабардинцы отличались отъ другихъ народовъ... Воспоминанія прежнихъ воинственныхъ подвиговъ, дѣяній знаменитѣйшихъ изъ ихъ соотечественниковъ,—усиляли въ нихъ чувство нынѣшняго ничтожества, а вмѣстѣ съ нимъ народились и всѣ гнуснѣйшіе пороки ихъ“.

Занявъ оставленные кабардинцами завалы, войска продолжали двигаться впередъ. Батальоны шли по одному человѣку, такъ какъ во многихъ мѣстахъ тропинки на страшной высотѣ извивались по скаламъ, нависшимъ надъ Баксаномъ, будучи шириною не больше аршина. „Я самъ — разсказываетъ Ермоловъ: — нѣкоторое разстояніе переправлялся не иначе какъ ползкомъ, ибо кружилась голова отъ вида волнъ Баксана, кипящихъ подъ ногами“. И такой путь шелъ на протяженіи цѣлыхъ трехъ верстъ. Въ одномъ мѣстѣ даже горныя орудія пришлось перетаскивать на жолобахъ, окованныхъ желѣзомъ; снаряды же розданы были людямъ и переносились на рукахъ. Но сопротивленія нигдѣ не встрѣчалось: непріятель бѣжалъ, и по высотамъ, въ отдаленіи, можно было видѣть спа-

сающіяся семейства кабардинцевъ и угоняемыя стада. Маіоръ Якубовичъ съ своимъ батальономъ преслѣдовалъ бѣгущихъ. Въ одномъ мѣстѣ его отрядъ долженъ былъ проходить подъ горою, а съ вершины ея кабардинцы сбрасывали огромной величины камни. Къ счастію, ударяясь о нависшую скалу, они безвредно пролетали надъ отрядомъ, и батальонъ не потерялъ ни одного человѣка.

Но вотъ и верховья Баксана. Далѣе еще нѣтъ пути. Кругомъ стоятъ громады снѣговыхъ горъ, и сѣдой исполинъ Эльборусъ высится надъ ними величавый и недоступный.

Войска повернули назадъ. На первомъ возвратномъ ночлегѣ отряды Ермолова и Сталя расположились по обѣимъ сторонамъ Баксана, другъ противъ друга. Рѣка здѣсь не шире 20, 30 саженей, но ужасный шумъ волнъ глушитъ человѣческій голосъ, и сношенія между отрядами производились письменно: бумагу привязывали къ камню и перебрасывали черезъ рѣку; попадалъ камень въ воду—писали новую бумагу.

Можно было, впрочемъ, установить сообщеніе и по мосту. Но всякій, кто увидѣлъ бы воздушный мостъ, висѣвшій тамъ надъ бездною, отказался бы отъ самой мысли объ этомъ. То были просто двѣ тонкія слеги, неревязанныя прутьями и перекинутыя съ одного берега на другой; онѣ колыхались, какъ канатъ акробата, а подъ ними ревѣли бѣшеныя воды Баксана, дробясь о подводныя скалы и обдавая путника мелкимъ дождемъ. „Память рисовала намъ кровавую картину гибели казачьихъ лошадей,—говоритъ одинъ очевидецъ:—и охотниковъ балансировать надъ пропастью являлось не много“.

Между кабардинцами распространился ужасъ; они, не допускавшіе и мысли, чтобы русскіе могли предпринять экспедицію хотя бы только въ Баксанское ущелье, видѣли теперь русское оружіе въ такихъ мѣстахъ, которыя въ представленіяхъ самихъ мѣстныхъ жителей были даже и для нихъ недоступны.

Изъ Баксанскаго ущелья войска прошли на Куму и стали близъ истребленныхъ въ предъидущемъ году абазинскихъ ауловъ. Отсюда генералъ Вельяминовъ съ частію отряда отправился на Кубань, къ Каменному Мосту, чтобы препятствовать кабардин-

скимъ князьямъ, при побѣгѣ за Кубань, уводить съ собою и подвластные имъ аулы. Отрядъ, однако, опоздалъ: когда онъ подошелъ къ мѣсту назначенія, большая часть кабардинцевъ уже переходила рѣку. Онъ захватилъ только конецъ переправы и успѣлъ отбить скотъ. Затѣмъ дѣятельность отряда Вельяминова не могла уже быть слишкомъ значительною; случилось разъ, что нѣсколько отборныхъ охотниковъ карабинернаго полка ночью переплыли за Кубань и сожгли селеніе, да во многихъ мѣстахъ происходила перестрѣлка.

24 іюля экспедиція Ермолова совершенно окончилась, и отрядъ возвратился на линію. Главнокомандующій отправился въ Константиноградъ, осмотрѣлъ минеральные источники и положилъ основаніе нынѣшнему городу Пятигорску.

Войска отдыхали, впрочемъ, не долго: въ началѣ августа мѣсяца Ермоловъ снова повелъ ихъ въ Кабарду, на этотъ разъ уже съ тѣмъ, чтобы больше не оставлять ея. Переправа черезъ Терекъ въ Екатериноградѣ была сопряжена съ чрезвычайными трудностями. Рѣка бушевала, и пѣхотѣ пришлось переходить ее въ бродъ тѣсными рядами, держа другъ друга за руки; въ глубокихъ мѣстахъ казаки, верхомъ, составляли улицу; черезъ рѣку протянуты были привязанные концами къ орудіямъ канаты, и люди держались за нихъ въ мѣстахъ наибольшей стремительности теченія. И несмотря на всѣ эти предосторожности, нѣсколько человѣкъ все-таки были увлечены ужасною быстротою рѣки и спасены не безъ усилій. Въ концѣ концовъ вся переправа стоила Ермолову пяти потерянныхъ ружей и двухъ десятковъ овецъ изъ порціоннаго скота.

За Терекомъ войска раздѣлились на двѣ части: одна тотчасъ же приступила къ постройкѣ ряда укрѣпленій, образовавшихъ новую Кабардинскую линію; другая составила подвижные резервы, имѣвшіе назначеніе удерживать кабардинцевъ отъ враждебныхъ дѣйствій и тѣмъ способствовать безпрепятственному возведенію крѣпостей.

Кабардинцы, конечно, не остались равнодушными къ мѣрѣ, навсегда подчинявшей ихъ русской власти и русскому оружію, и домогались всѣми силами остановить постройку крѣпостей.

Ермоловъ отвѣтилъ на эти домогательства съ внушительнымъ лаконизмомъ. „О крѣпостяхъ просьбы безполезны,—писалъ онъ:— я сказалъ, что онѣ будутъ, и онѣ строятся“. Къ осени онѣ были настолько готовы, что могли служить прочнымъ оплотомъ противъ кабардинцевъ.

Новая Кабардинская линія проходила по подошвамъ такъ называемыхъ Черныхъ горъ, отъ Владикавказа до верховій Кубани, состоя изъ пяти главныхъ укрѣпленій, расположенныхъ при выходахъ изъ горныхъ ущелій рѣкъ: Баксана, Чегема, Нальчика, Черека и Уруха, и изъ многочисленныхъ промежуточныхъ постовъ. Все кабардинское населеніе, переселившееся на плоскость, совершенно отрѣзывалось ею какъ отъ горъ, такъ и отъ Закубанья и вынуждалось покинуть самую мысль о враждебныхъ отношеніяхъ къ Россіи.

Такимъ образомъ Кабардинская линія обезпечивала центръ Кавказской линіи со стороны Кабарды. Но на западѣ, за верховьями Кумы и Малки до самой Кубани, лежали пустыя, незанятыя пространства, дававшія возможность производить на него нападеніе изъ-за Кубани. Ермоловъ предположилъ заселить его линейными казаками. Но чтобы теперь же, по возможности, обезопасить и этотъ районъ, представлявшій одинъ изъ слабѣйшихъ пунктовъ Предкавказья, и прикрыть минеральныя воды и Георгіевскъ, онъ возстановилъ Кисловодское укрѣпленіе, а далѣе, въ направленіи къ верховьямъ Кубани, учредилъ сильные укрѣпленные посты: на рѣкѣ Подкумкѣ, при ур. Бургустанъ, въ самыхъ верховьяхъ Кумы, у Ахандукова аула, на самой же Кубани— у Каменнаго Моста и въ верховьяхъ Тахтамыша. Наконецъ, посредствомъ сильнаго укрѣпленнаго поста, выдвинутаго на р. Кулькужинъ, вся эта новая линія связывалась съ Баксанскимъ укрѣпленіемъ.

Всѣ кабардинскіе аулы, еще сидѣвшіе между Кумою и Малкою, были въ то же время переселены за линію укрѣпленій, на правый берегъ Малки, на кабардинскую плоскость. Ногайцы, жившіе по Кубани, также отодвинуты отъ рѣки и подчинены уже русскому приставу. Султану ихъ, Менгли-Гирею, предоставлена

свобода жить гдѣ пожелаетъ, а въ вознагражденіе оказанныхъ Россіи заслугъ, сверхъ пятитысячнаго пенсіона, отведено въ вѣчное потомственное владѣніе 5 тысячъ десятинъ земли. Такъ исчезло политическое значеніе знаменитаго нѣкогда султана, управлявшаго ногайцами еще со временъ перваго командованія на линіи Гудовича.

Воинственная роль Кабарды окончилась навсегда. Но мирный бытъ кабардинскаго населенія, окруженнаго теперь со всѣхъ сторонъ цѣпями русскихъ укрѣпленій, не былъ урегулированъ, его отношенія къ русскимъ властямъ, его гражданскія права и обязанности не были ничѣмъ опредѣлены. Такое положеніе дѣла могло до извѣстной степени держать остававшихся въ горахъ кабардинцевъ въ нерѣшительности и въ боязни селиться за русской линіей.

Чтобы положить конецъ этой неопредѣленности, Ермоловъ разослалъ по всей Кабардѣ, въ горы и въ мирныя селенія, прокламаціи, приглашая довѣриться добрымъ намѣреніямъ Россіи. Князья и узденн, которые останутся въ горахъ, объявлялись измѣнниками и врагами Русскаго государства, лишенными власти и даже простого права владѣть какимъ-либо имуществомъ въ Кабардѣ. Примирившимся съ подчиненіемъ Россіи всѣмъ кабардинцамъ обѣщаны неприкосновенность ихъ вѣры и обычаевъ, но къ нимъ предъявлено требованіе заботиться о спокойствіи и безопасности въ странѣ. „За земли, которыми пользуетесь,—говорилось въ прокламаціи:—должны отвѣтствовать и потому должны защищать ихъ отъ прорыва разбойниковъ“.

Особенное вниманіе обратилъ Ермоловъ на кабардинскій судъ и на вредный обычай аталычества.

Съ тѣхъ поръ какъ князья, занятые борьбою съ Россіею и частію бѣжавшіе, не могли удержать въ своихъ рукахъ судебную власть, ею овладѣло вліятельное магометанское духовенство, захватившее этимъ путемъ, къ великому вреду для Россіи, всю власть въ странѣ, и наклонявшее вѣсы правосудія по своему усмотрѣнію, съ нарушеніемъ древнихъ правъ и обычаевъ народа. Чтобы подорвать вредную власть духовенства, Ермоловъ учредилъ

въ укрѣпленіи Нальчикѣ временный кабардинскій судъ. Онъ поручилъ, съ этой цѣлію, состоявшему при немъ уроженцу Кабарды, капитану Якубу Шардакову, составить записку о кабардинскихъ народныхъ обычаяхъ и о существѣ бывшаго въ Кабардѣ управленія, и, положивъ эту записку въ основу суда, возстановилъ въ немъ исконные обычаи народа. Для наблюденія же за правильнымъ дѣйствіемъ его назначенъ особый русскій чиновникъ. Само собою разумѣется, что подъ враждебнымъ противодѣйствіемъ духовенства, судъ этотъ привился не сразу и по отъѣздѣ Ермолова совершенно бездѣйствовалъ. Два года спустя, военный начальникъ Кабарды, Подпрядовъ, нашелъ средство заставить судъ дѣйствовать. Дѣло въ томъ, что, по стариннымъ обычаямъ, весь кабардинскій народъ обложенъ былъ ничтожнымъ сборомъ на содержаніе судей; Подпрядовъ остановилъ этотъ сборъ, и судьи, не желая лишиться доходовъ, нашли себя вынужденными приняться за свои обязанности. Но вообще судъ, основанный на духѣ и обычаяхъ народа, не могъ не имѣть всѣхъ шансовъ на будущность. Дѣйствительно, впослѣдствіи онъ прочно утвердился, и Н. Н. Муравьевъ, бывшій на Кавказѣ уже въ 1855 году, писалъ о немъ А. П. Ермолову: „Я былъ въ Нальчикѣ, гдѣ уставъ вашъ и прокламаціи служатъ единственнымъ руководствомъ для дѣлъ, встрѣчающихся не только между кабардинцами, но даже и между племенами, живущими въ горахъ. Край этотъ, черезъ который въ 1816 году нельзя было проѣзжать безъ сильнаго конвоя и пушекъ, нынѣ спокоенъ, благодаря началу, вами положенному“.

Аталычество представляло еще большія опасности, чѣмъ судъ въ рукахъ магометанскаго духовенства. Съ глубокой древности знатные черкесы и кабардинцы воспитывали своихъ сыновей не дома, а въ чужихъ людяхъ, гдѣ они могли бы пріобрѣсть строгія привычки военнаго быта. Кабардинцы въ большинствѣ случаевъ посылали своихъ сыновей въ отуреченное Закубанье, откуда тѣ, выростая, вывозили суровую и непримиримую ненависть къ христіанской Россіи. Естественно, что Ермоловъ не могъ относиться равнодушно къ обычаю, шедшему въ разрѣзъ самымъ ближайшимъ русскимъ интересамъ, и категорически воспретилъ его.

„Отнынѣ впредь—гласила прокламація:—запрещается всѣмъ кабардинскимъ владѣльцамъ и узденямъ отдавать дѣтей своихъ на воспитаніе къ чужимъ народамъ, но (предписывается) воспитывать ихъ въ Кабардѣ. Тѣхъ, кои отданы прежде, возвратить тотчасъ же". И чтобы сдѣлать эту мѣру болѣе дѣйствительною, кабардинцамъ было строго воспрещено куда-либо отлучаться изъ Кабарды безъ письменнаго вида и безъ разрѣшенія начальства.

Устроивъ кабардинскія дѣла, Ермоловъ, 7-го сентября 1822 г., уѣхалъ въ Тифлисъ, оставивъ начальникомъ всѣхъ войскъ въ Кабардѣ полковника Кацырева, а получившаго уже громкую извѣстность своею легендарною храбростью Нижегородскаго драгунскаго полка штабсъ-капитана Якубовича—начальникомъ казачьихъ резервовъ, расположенныхъ у извѣстныхъ бродовъ на Малкѣ, на Баксанѣ и Чегемѣ, въ мѣстахъ, гдѣ наиболѣе можно ожидать прорывовъ и нападеній.

Дѣятельность Кацырева, въ этотъ короткій періодъ, до назначенія его, около двухъ лѣтъ спустя, командовать отрядомъ на Кубани, состояла болѣе въ успокоеніи ввѣреннаго ему умиротвореннаго края, чѣмъ въ военныхъ предпріятіяхъ. Однакоже ему пришлось еще разъ сдѣлать и значительную экспедицію въ горы.

Дѣло было вскорѣ послѣ отъѣзда Ермолова, въ ноябрѣ 1822 г. Одинъ кабардинецъ, выбѣжавшій изъ горъ, донесъ Кацыреву, что въ верховьяхъ чегемскаго ущелья скрываются семейства бѣглыхъ кабардинцевъ, и за условленную плату брался провести туда войска. 20 ноября, часа за три до разсвѣта, Кацыревъ съ небольшимъ отрядомъ изъ ширванскихъ ротъ и волжскихъ казаковъ, безъ тяжестей и артиллеріи, двинулся вверхъ по рѣкѣ Нальчику. Густой лѣсъ и безпрерывныя топи задерживали движеніе отряда днемъ, а ночью путь пошелъ по такимъ опаснымъ мѣстамъ, что коннымъ нельзя было ѣхать. То поднимаясь на горы, то спускаясь въ пропасти, люди до того измучились, что Кацыревъ вынужденъ былъ остановиться для отдыха. Ночь была темная. До свѣту еще оставалось два, три часа, и чтобы не терять времени, Кацыревъ послалъ впередъ охотниковъ подъ командою штабсъ-капитана Якубовича.

Прошло болѣе получаса, а отъ Якубовича не было никакихъ извѣстій. Зная, что ему приходилось спускаться въ бездонныя пропасти, что было крайне рисковано въ такую темную ночь, Кацыревъ началъ тревожиться и самъ двинулся по слѣдамъ его. Скоро отрядъ взобрался на какую-то отвѣсную скалу, грозно висѣвшую надъ самымъ Чегемомъ. Отсюда видны были безпрерывно сверкавшіе внизу огни; звуковъ выстрѣловъ, однакоже, слышно не было. Съ большимъ трудомъ войска сползли съ этой гигантской скалы и застали охотниковъ въ жаркой перестрѣлкѣ съ непріятелемъ. Темнота ночи и незнакомыя мѣста помѣшали Кацыреву окружить кабардинцевъ, тѣмъ не менѣе все, что осмѣлилось сопротивляться, было истреблено; пощажены были только жены и дѣти, въ числѣ 20 человѣкъ. Все имущество и стада ихъ составили военную добычу; жилища, запасы хлѣба и сѣна были сожжены. Утро открыло, однакоже, опасное положеніе отряда,—горцы отрѣзали ему выходъ на плоскость. Но Кацыревъ былъ слишкомъ хорошо знакомъ съ горною войною, чтобы затрудниться въ такомъ положеніи. Приказавъ капитану Грекову съ двумя ширванскими ротами завязать перестрѣлку съ непріятелемъ съ фронта, онъ въ то же время отправилъ роту капитана Гебуадзева прямо черезъ скалы въ обходъ заваловъ, которые преграждали ему путь. Появленіе этой роты въ тылу кабардинцевъ рѣшило дѣло; непріятель бѣжалъ. Войска переправились тогда черезъ Чегемъ и трудною горною дорогою перешли въ Баксанское ущелье. Тамъ найденъ былъ осетинскій аулъ, отъ котораго Кацыревъ почелъ нужнымъ взять аманатовъ. 26 ноября отрядъ уже былъ въ Нальчикѣ, потерявъ во всей экспедиціи одного урядника Волжскаго казачьяго полка убитымъ и трехъ ширванцевъ ранеными; въ числѣ послѣднихъ былъ цирюльникъ, перевязывавшій раненыхъ подъ выстрѣлами.

Для Якубовича этотъ періодъ времени былъ, напротивъ, временемъ неустанной военной дѣятельности, въ которой съ блескомъ выразилась вся его предпріимчивая и страстная натура. Въ его характерѣ было что-то загадочное; дерзкая удаль его была такъ поразительна, что храбрѣйшіе джигиты Кабарды и Черкесіи удивлялись ему.

Командуя своими резервами на Малкѣ, Баксанѣ и Чегемѣ, Якубовичъ имѣлъ вполнѣ самостоятельный кругъ дѣйствій и подчинялся непосредственно только начальнику войскъ въ Кабардѣ. Главнымъ предметомъ его дѣйствій было не допускать хищниковъ на линію, ограждать кабардинцевъ, выселявшихся изъ горъ, дѣлать безпрерывные разъѣзды, ходить въ горы и т. п. Такимъ образомъ онъ былъ всегда въ авангардѣ. И Якубовичъ буквально не сходилъ съ сѣдла. Съ своими сподвижниками, такими же храбрецами, онъ часто углублялся въ самыя нѣдра горъ, въ предѣлы закубанцевъ, и разрушалъ малѣйшіе замыслы хищниковъ. Разсказываютъ, что въ 1823 году, на Святую недѣлю, онъ зашелъ съ своею партіею такъ далеко, что добрался почти до Эльборуса; его казаки слышали въ горахъ колокольный звонъ, а потому догадывались — не живутъ ли за карачаевцами бѣглые русскіе старообрядцы некрасовцы? Дѣйствительно, существовало преданіе, что при одной изъ древнихъ церквей за Кубанью, лежащей въ отдаленной глуши, окруженной горами и лѣсомъ, водворилось нѣкогда нѣсколько семействъ бѣглыхъ раскольниковъ. Встревоженные близкимъ появленіемъ русскихъ, они покинули это убѣжище и ушли къ горѣ Эльборусу. Такимъ образомъ жестокая зима, глубокіе снѣга, непроходимыя пропасти и мертвая, безжизненная природа не дали предпріимчивому Якубовичу добраться по колокольному звону, быть можетъ, до нашихъ соотечественниковъ. Онъ успѣлъ только изъ засады съ пятнадцатью своими удальцами напасть на большую толпу черкесовъ. Самъ Якубовичъ, въ бою одинъ на одинъ, изрубилъ непріятельскаго предводителя; прочіе черкесы загнаны были въ глубокіе горные снѣга. Послѣ этого случая, оставившаго въ горахъ глубокое впечатлѣніе, нерѣдко одного появленія Якубовича съ его линейцами достаточно было для разсѣянія уже собравшейся для набѣга партіи.

Слава о немъ разнеслась по цѣлому Кавказу, какъ между русскими, такъ и между горцами. Самые отважные наѣздники искали его дружбы, считая его безукоризненнымъ джигитомъ. Въ знакъ почета, горцы позволяли посланнымъ отъ него ѣздить къ

нимъ безъ оружія—и никто не рѣшился бы нанести имъ малѣйшую обиду. Отчаяннѣйшіе враги Россіи были кунаками Якубовича, цѣня его великодушные поступки, вѣрность данному слову, и зная, что жены и дѣти знатнѣйшихъ изъ нихъ, если бы по жребію войны и достались въ его руки, будутъ возвращены съ почетомъ и безъ выкупа. Одну красавицу-княгиню, попавшуюся въ плѣнъ, онъ самъ оберегалъ, стоя по ночамъ на стражѣ у ея шалаша;—а когда отрядъ его возвратился домой, самъ же доставилъ ее въ горы къ мужу. Признательный князь отпустилъ тогда съ Якубовичемъ также безъ выкупа шесть русскихъ плѣнныхъ, сталъ вѣрнѣйшимъ его кунакомъ, переписывался съ нимъ и не разъ извѣщалъ его о сборищахъ закубанцевъ.

Якубовичъ такъ сроднился съ обычаями горцевъ и образомъ войны ихъ, что не отличался отъ нихъ ни одеждой, ни вооруженіемъ, ни искусствомъ въ наѣздничествѣ, а отчаянною храбростью превосходилъ лучшихъ князей ихъ. При каждой встрѣчѣ съ черкесами онъ первый бросался на нихъ и собственноручно поражалъ того, кто осмѣливался скрестить съ нимъ свою шашку. Его считали въ горахъ заколдованнымъ.

Разъ, во время переговоровъ съ карачаевцами, въ ихъ же горахъ, онъ, раздраженный упорствомъ и несговорчивостью ихъ, грозно взмахнулъ нагайкой и крикнулъ: „прочъ съ глазъ моихъ!“ И несмотря на то, что отдалившись отъ казаковъ, онъ стоялъ передъ ними одинъ, изъ сотни карачаевцевъ не нашлось ни однаго, который осмѣлился бы выстрѣлить въ него: они разбѣжались какъ школьники, отъ грознаго окрика.

Понятно, что вліяніе Якубовича было въ горахъ огромно; одного имени его, предположенія присутствія его, слуха о немъ — иногда достаточно было, чтобы удержать горцевъ отъ нападенія на Кабардинскую линію. Впослѣдствіи, самая наружность его, съ высокимъ челомъ у самаго виска пробитымъ черкесскою пулею, и никогда не заживавшею раною, прикрытою черною повязкою, производила поражающее впечатлѣніе на умы горцевъ.

Розенъ, одинъ изъ извѣстныхъ декабристовъ, служившій на Кавказѣ уже въ 1837 году, разсказываетъ, что и въ его время

многіе на Кавказѣ еще помнили о подвигахъ Якубовича или слышали о нихъ. Штабсъ-капитанъ Кулаковъ, бывшій когда-то у него вахмистромъ, говорилъ о немъ Розену со слезами, вспоминая, что Якубовичъ былъ роднымъ отцомъ для солдатъ, добычу дѣлилъ всегда справедливо на всю команду, а себѣ не бралъ никогда ничего.

Въ Кабардѣ Якубовичъ пробылъ не долго; въ 1823-мъ году, мы его встрѣчаемъ уже въ дѣйствіяхъ противъ закубанскихъ черкесовъ, на новомъ и болѣе широкомъ поприщѣ для его предпріимчивости и мужества.

Къ тому же времени ширванскіе батальоны вмѣстѣ съ полковникомъ Кацыревымъ ушли также на Кубань, и охраненіе всей Кабарды осталось на одномъ Кабардинскомъ (бывшемъ Казанскомъ) полкѣ подъ командою полковника Подпрядова.

Кабарда, занятая теперь русскими укрѣпленіями, навсегда раздѣляетъ воинственные народы Кавказа на двѣ отдѣльныя части, образовавшія на все будущее время два совершенно независимыхъ другъ отъ друга театра военныхъ дѣйствій, — и сохраненіе въ Кабардѣ спокойствія становится дѣломъ особенной важности. Къ тому же по ней, какъ по краю наиболѣе умиротворенному и безопасному, пролегла, подъ защитою крѣпостей, и новая военно-грузинская дорога, охраненіе которой лежало также на обязанности Кабардинскаго полка. Такимъ образомъ на долю Подпрядова выпала трудная задача, которую онъ и выполнилъ съ рѣдкимъ успѣхомъ.

Главнымъ укрѣпленіемъ въ Кабардѣ считался Нальчикъ, а потому здѣсь и помѣстился Подпрядовъ со своимъ штабомъ, перейдя туда изъ Екатериноградa. Ему приходилось въ одно и то же время держать въ повиновеніи всю Кабарду, наблюдать за верхнимъ теченіемъ Кубани, изъ-за которой все еще пытались прорываться, подъ предводительствомъ бѣглыхъ кабардинскихъ князей, партіи черкесовъ, и охранять военную дорогу. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ новый Кабардинскій полкъ, подобно старому Кабардинскому полку, нѣкогда оберегавшему Грузію отъ лезгинъ на Алазани, теперь удерживалъ въ спокойствіи всю Кабарду и

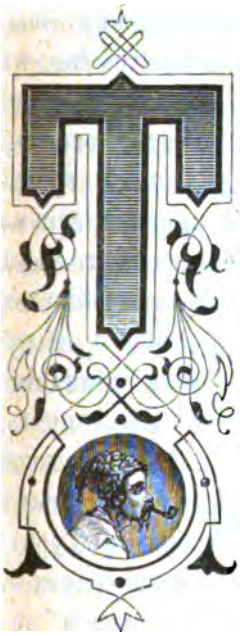
оберегалъ центръ Кавказской линіи. Въ постоянномъ напряженномъ ожиданіи тревоги, постоянно въ полной готовности двинуться при первомъ извѣстіи на угрожаемые пункты, преслѣдуя или прогоняя партіи, полкъ выносилъ на своихъ плечахъ тяжелую и безпокойную кордонную службу, болѣе свойственную конницѣ.

Подпрядовъ командовалъ войсками въ Кабардѣ до осени 1824 г. Онъ оставилъ по себѣ честную и славную память. Обозрѣвая новую линію, Ермоловъ не могъ не обратить вниманія на удивительный порядокъ, въ которомъ содержались всѣ укрѣпленія съ обширными казармами, съ прекрасными огородами, со всѣми удобствами для жизни женатыхъ солдатъ, и оцѣнилъ труды Подпрядова. „Прекращая долговременное служеніе свое,—объявлялось въ приказѣ по корпусу:—г. полковникъ Подпрядовъ приметъ изъявленіе совершеннѣйшей признательности, какъ послѣдній долгъ, принадлежащій уважаемому по службѣ товарищу".

Громы военныхъ бурь въ Кабардѣ все болѣе и болѣе затихали, съ тѣмъ чтобы, въ 1825 году, вспыхнуть послѣднимъ пламенемъ возмущенія—и потухнуть навсегда, оставивъ всѣ тревоги боевой жизни сосѣднему побережью Кубани.

XXV.

Правый флангъ.



Теченіе Кубани распадалось ко времени Ермолова на два независимыхъ района. Отъ Баталпашинска, немного повыше устья Малаго Зеленчука, по правому берегу, чрезъ редутъ Св. Николая, чрезъ крѣпости Прочноокопскую и Кавказскую и до устья Лабы, шла, мимо Ставрополя, такъ называемая Кубанская линія, оканчивавшаяся Устьлабинскимъ укрѣпленіемъ. Это былъ правый флангъ Кавказской линіи. А далѣе, внизъ по Кубани, до самого Чернаго моря, лежала уже земля Черноморскихъ казаковъ, имѣвшая съ Кубанскою линіею общаго врага, тѣсно связанная съ нею общими интересами, но отдѣленная отъ нея и въ административномъ и въ военномъ отношеніяхъ подъ власть отдаленныхъ херсонскихъ губернаторовъ. Ермолову скоро, именно въ 1821 году, пришлось взять подъ свое завѣдываніе и подъ защиту малочисленныхъ кавказскихъ войскъ и Черноморію; но тѣмъ не менѣе она не слилась съ Кубанскою линіею, и каждый изъ этихъ районовъ велъ особую борьбу.

По другую сторону рѣки жилъ дерзкій и надменный врагъ превращавшій мирный бытъ прикубанскихъ русскихъ поселеній въ вѣчно тревожную пограничную кордонную службу.

По Бухарестскому трактату 1812 года рѣка Кубань признана была

границей между Россіей и Турціей, и на анапскаго пашу возложена обязанность удерживать закубанскіе народы отъ набѣговъ въ русскіе предѣлы. Но даже въ первое время по заключеніи мира, когда Турція, быть можетъ и желала соблюсти принятыя на себя обязательства, вліяніе ея на горскіе народы оказалось не настолько сильнымъ, чтобы водворить спокойствіе и миръ на берегахъ Кубани. Когда же между Портой и русскимъ правительствомъ возникли несогласія по греческому вопросу, и русское посольство, въ 1821 году выѣхало изъ Константинополя, турки сами начали поощрять воинственныя предпріятія черкесовъ. При общемъ ожесточеніи мусульманъ противъ христіанскаго міра въ эпоху греческаго возстанія, турецкая пропаганда на Кавказѣ приняла весьма опасный характеръ. Покореніе Кабарды дало еще большій толчокъ этому движенію. Турція не могла не понимать, что постройка въ Кабардѣ укрѣпленій есть первый шагъ къ покоренію и цѣлой Черкесіи, а въ ея планы не входило уступить Россіи обладаніе страною богатой и дарами природы и воинственнымъ населеніемъ. представлявшимъ превосходнѣйшую въ мірѣ конницу. Отдать „такой алмазъ въ огранку гяурамъ“ для Турціи значило, говоря восточнымъ слогомъ,—„проглотить комъ кубанской болотной грязи“—и Турція спѣшила поднять черкесскій народъ и бросить его на русскія границы.

Между тѣмъ состояніе и Кубанской линіи и Черноморья далеко не соотвѣтствовало той важной роли, которая выпадала на ихъ долю. Ермоловъ, осмотрѣвшій Кубанскую линію въ 1818 г., нашелъ ее въ положеніи совсѣмъ безотрадномъ. Первою по пути отъ Георгіевска была крѣпость Темнолѣсская, отодвинутая далеко отъ Кубани внутрь Кавказской губерніи, — Ермоловъ нашелъ ее совершенно ненужною. „Не знаю, какую она и прежде могла приносить пользу, говорилъ онъ:—будучи расположена въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ничего не защищала, и куда не могъ прійти непріятель по мѣстоположенію почти неприступному. Она не могла даже вмѣщать такого числа войскъ, съ которымъ бы можно было пуститься на самое легчайшее предпріятіе. Нельзя было расположить въ ней и никакихъ запасовъ, ибо нѣтъ къ ней дорогъ, кромѣ весьма трудныхъ“. За Темнолѣсскою слѣдовала крѣпость Св. Ни-

колая—памятникъ командованія въ краѣ генерала Ртищева. „Трудно узнать,—замѣчаетъ о ней Ермоловъ: — чего Ртищевъ желалъ болѣе, мѣста нездороваго или безполезнаго. Во время разливовъ, Кубань затопляла водою все укрѣпленіе и черезъ окна вливалась въ казармы. Болѣзни и смертность превосходили вѣроятіе. Я приказалъ уничтожить убійственное сіе укрѣпленіе". Далѣе, внизъ по Кубани, лежалъ Прочный Окопъ, — небольшое укрѣпленіе, занимавшее важный стратегическій пунктъ, не утратившій своего значенія до самыхъ позднѣйшихъ временъ кавказской войны, но находившееся въ жалкомъ состояніи. Лучше другихъ была крѣпость Кавказская, – штабсъ-квартира Вологодскаго пѣхотнаго полка; но крутой берегъ Кубани, на которомъ она была построена, обрушился отъ множества заключавшихся въ немъ источниковъ,— и часть крѣпости теперь лежала въ развалинахъ. Послѣднею къ сторонѣ Черноморіи была крѣпость Усть-Лабинская, построенная Гудовичемъ; она была настолько обширна, что всего количества войскъ, расположенныхъ на линіи, не хватило бы для занятія ея; а между тѣмъ въ ней не было ни одного каменнаго строенія: казармы, магазины, самый арсеналъ — все было деревянное. Вода для гарнизона добывалась изъ одного небольшаго колодца, а брать ее изъ Кубани могъ всегда и легко помѣшать непріятель.

Эта линія укрѣпленій, растянутая на огромномъ протяженіи, среди мѣстъ, повсюду открытыхъ, передъ рѣкою, имѣвшею множество удобныхъ переправъ, — охранялась всего двумя слабыми пѣхотными полками, Вологодскимъ и Суздальскимъ (позже — Тенгинскимъ и Навагинскимъ, пришедшими изъ Россіи); два же поселенные на ней линейные казачьи полка, Кубанскій и Кавказскій, едва были достаточны только для охраненія ихъ собственныхъ станицъ, и кордоны по Кубани занимали уже донцы.

Ко всему этому, пространство между верховьями Кубани и Малкой, отъ Баталпашинска и до Константиногорска, не защищенное ни однимъ укрѣпленіемъ, долго оставалось открытымъ путемъ сообщеній между Черкесіею и Кабардой, обезсиливая тѣмъ еще болѣе Кубанскую линію.

„А между тѣмъ линія эта—говоритъ Ермоловъ:—имѣла важное значеніе, потому что Кубань входящимъ угломъ углубляется

въ наши границы и, касаясь тыла, угрожаетъ Ставрополю, мѣсту склада всѣхъ боевыхъ и жизненныхъ запасовъ войскъ. 15 тысячъ отважныхъ закубанцевъ могли бы, овладѣвши Ставрополемъ, перервать сообщеніе Кавказской линіи съ Дономъ и разорить не только всѣ деревни по пути къ Георгіевску, но и всѣ слабые военные посты по Кубани... И только одному несогласію живущихъ за Кубанью народовъ должно приписать, что они не дѣлаютъ своихъ набѣговъ далеко внутрь линіи, на что по своему многолюдству легко бы могли рѣшиться".

Дѣйствительно, непріятель, владѣвшій отличною конницей, могъ встрѣтить тамъ сопротивленіе лишь небольшой горсти казаковъ. Если бы эти казаки не были даже растянуты кордонами на большомъ протяженіи, а соединились вмѣстѣ, то и тогда они не могли бы противостать черкесамъ по несоразмѣрности силъ; пѣхота же и вовсе не имѣла достаточной подвижности, чтобы препятствовать коннымъ набѣгамъ. А между тѣмъ ростъ населенія въ Кавказской губерніи заставилъ распространить жилища поселянъ почти до самой Кубани, облегчивъ черкесамъ трудность набѣговъ; эти-то надрѣчныя деревни и были, дѣйствительно, наиболѣе подвержены ихъ нападеніямъ.

Въ довершеніе всего линіею по Кубани командовалъ въ то время генералъ-маіоръ Дебу, человѣкъ съ весьма миролюбивыми наклонностями,—извѣстный военный писатель. Отдавая справедливость его уму и способностямъ, Ермоловъ замѣчаетъ, тѣмъ не менѣе, съ ироніею, что „не служба военная должна сдѣлать его наиболѣе полезнымъ, и что главная наклонность его—размноженіе бумагъ, которыя по крайней мѣрѣ сокращать удобно".

Въ то время, когда Ермоловъ объѣзжалъ Кубанскую линію, еще существовало во всей своей силѣ распоряженіе, запрещавшее войскамъ переходить Кубань даже при преслѣдованіи хищниковъ. Причина этого распоряженія лежала главнымъ образомъ въ боязни занести на линію чуму, нерѣдко появлявшуюся среди черкесовъ черезъ Анапу изъ Константинополя. Черкесы знали объ этомъ распоряженіи, и тѣмъ съ большею наглостью разбойничали на линіи. Случалось, что, возвращаясь съ набѣга и перейдя на свою сторону Кубани, они посылали казакамъ насмѣшки, безбоязненно показывая изъ-за рѣки добычу.

Ермоловъ не боялся чумы, зная, что она можетъ распространиться, даже гораздо удобнѣе, иными путями и тотчасъ отмѣнилъ стѣснительное запрещеніе. „Съ радостью приняли войска — говоритъ онъ въ запискахъ:—приказаніе преслѣдовать разбойниковъ, и, конечно, не будетъ упущенъ ни одинъ случай къ отмщенію".

Ермоловъ хотѣлъ бы и здѣсь перенести кордонную линію далеко за Кубань, къ подошвамъ горъ, и поставить противъ ущелій на рѣчкахъ новыя укрѣпленія, какъ сдѣлалъ то впослѣдствіи за Терекомъ и Малкой. Но этотъ проектъ, къ сожалѣнію, былъ невыполнимъ, такъ какъ земля за Кубанью принадлежала Турціи, и малѣйшее посягательство на нее могло бы вызвать разныя усложненія.

Такимъ образомъ, все способствовало тому, чтобы благодатный край, орошаемый величественной рѣкой, представлялъ собою зрѣлище безграничныхъ опасностей и кровавыхъ бѣдствій. Дѣйствительно, что дѣлалось на правомъ флангѣ, — заставляетъ блѣднѣть всѣ ужасы чеченскихъ и кабардинскихъ набѣговъ. Едва ли кто, выходя за порогъ дома, могъ тамъ поручиться, что воротится благополучно, по крайней мѣрѣ, безъ приключеній. Выѣзжали ли казаки въ степь, отправлялись ли они къ берегамъ Кубани, — всегда и вездѣ имъ предстояло натолкнуться на кровавые слѣды черкесской буйной расправы. Свѣжая сакма приведетъ ихъ то къ лужѣ запекшейся крови, да травѣ примятой множествомъ слѣдовъ, свидѣтельствовавшихъ объ отчаянной борьбѣ, о чьей-то безвѣстно сгинувшей жизни; то далеко въ степи къ одиноко, сиротливо стоящей повозкѣ безъ воловъ и хозяина. Подъѣдетъ, заглянетъ въ нее казакъ,—въ глаза ему бросятся широко-открытыя мертвыя очи старика станичника, сплошь порубленнаго шашками... Перекрестится онъ и скачетъ на постъ, поднимать, теперь уже безполезную, тревогу...

Дерзость черкесовъ, воспитанная десятилѣтіями безнаказанности, переходила иногда всякія границы. Не только малыми шайками,—по одиночкѣ прокрадывались они въ укрѣпленныя казачьи станицы, чтобы совершить тамъ свое кровавое дѣло и благополучно ускользнуть отъ преслѣдованій. Разъ, лѣтомъ 1821 года, въ теплую іюльскую ночь, черкесъ забрался въ самый казачій форштадтъ при Кавказской крѣпости, вошелъ въ первый дворъ, у

котораго неплотно приперты были ворота, и сталъ выводить изъ-подъ навѣса двухъ лошадей. Громкій собачій лай заполонилъ улицу. На дворѣ спалъ Вологодскаго полка церковникъ Заикинъ. Но едва онъ, разбуженный гамомъ, вскочилъ и окликнулъ хищника, какъ тотъ бросился на него съ кинжаломъ, — и Заикинъ упалъ, обливаясь кровью; онъ получилъ четыре раны. Та же участь постигла и жену его, выбѣжавшую на крикъ. Хозяинъ дома отставной солдатъ изъ евреевъ, заперся въ горницѣ. Поднялась тревога, всѣ бросились на поиски, но уже и слѣдъ простылъ отважнаго черкеса.

Изо дня въ день, то здѣсь, то тамъ, повторялись подобные факты, обрисовывая тяжелое положеніе края. И вѣчный говоръ стоялъ въ русскихъ селахъ и городахъ о черкесахъ: самый воздухъ былъ насыщенъ тревожными вѣстями и ожиданіями.

Съ 1821 года, подъ вліяніемъ, какъ сказано выше, Турціи, нападенія черкесовъ усиливаются. Не по одиночкѣ, а уже цѣлыми партіями переходятъ они на русскіе берега. И чѣмъ многочисленнѣе была партія, тѣмъ большимъ свидѣтельствомъ служила она о возраставшей враждебности черкесовъ.

Декабрь мѣсяцъ 1821 года былъ началомъ цѣлой эпохи черкесскихъ набѣговъ, которые должны были въ концѣ концовъ вынудить Ермолова принять тѣ же мѣры, что и въ Кабардѣ, т. е., рядомъ экспедицій за Кубань, не взирая на то, что тамъ была уже турецкая территорія, внести во вражескую землю силу и месть, столь понятныя воинственнымъ азіятскимъ народамъ.

Первое нападеніе, отразившееся въ офиціальной перепискѣ, было въ серединѣ декабря, въ дистанціи Прочноокопской. 25 человѣкъ хищниковъ, прокравшись внутрь кордона, напали на фурщиковъ, ночевавшихъ у рѣчки Чалбасъ, верстахъ въ пяти отъ Кубани, и отогнали у нихъ 87 упряжныхъ воловъ. Одинъ изъ фурщиковъ успѣлъ добѣжать до Темижбекскаго поста и поднялъ тревогу. Хищникамъ на этотъ разъ едва ли удалось бы благополучно убраться во свояси съ тяжелыми на подъемъ волами, но ихъ спасла оплошность начальника поста, пятидесятника Залуспина. Вмѣсто того чтобы поднять сосѣдніе посты условнымъ сигналомъ, онъ послалъ къ нимъ съ извѣстіемъ того же пѣшаго

фурщика, а самъ поскакалъ не на мѣсто происшествія, которое и было-то всего въ одной верстѣ отъ поста, а въ степь, по направленію къ Кубани, разсчитывая, вѣроятно отрѣзать горцамъ отступленіе. Въ тщетныхъ поискахъ сакмы казаки проѣздили всю ночь, и на совершенно измученныхъ коняхъ вернулись ни съ чѣмъ. А между тѣмъ дорогое время было потеряно, — пѣшій фурщикъ, бѣжа отъ поста къ посту, никого не могъ извѣстить своевременно. Резервъ Темижбекской станицы, подъ начальствомъ маіора Пирятинскаго, только уже передъ самымъ свѣтомъ попалъ, наконецъ на слѣдъ и настигъ хищниковъ верстахъ въ 30 за Кубанью, на рѣчкѣ Зеленчукѣ. Ему удалось отбить 10 быковъ. Но дальше на измученныхъ казачьихъ лошадяхъ преслѣдованіе оказалось невозможнымъ. Въ это время прискакали новые казачьи резервы, высланные одинъ изъ Григоріополиса, другой—изъ Прочнаго Окопа. Оба они, соединившись, продолжали погоню, вновь настигли черкесовъ на рѣкѣ Чамлыкѣ и еще отбили 25 воловъ. Но уже приближался вечеръ, промѣшкать за Кубанью до ночи было опасно, и казаки возвратились назадъ, дозволивъ хищникамъ уйти съ остальною добычею.

21 декабря подверглась нападенію мѣстность близъ станицы Воронежской. Стоявшіе тамъ, на Липатовомъ посту, казаки увидѣли среди бѣлаго дня но-надъ лѣсомъ двухъ пѣшихъ черкесовъ и мѣткимъ ружейнымъ выстрѣломъ положили одного на мѣстѣ; другой же, проворно снявъ съ убитаго оружіе, ушелъ за Кубань. Казаки подобрали тѣло, полагая, что черкесы, по обычаю, будутъ его выкупать, и вернулись на постъ. Но черкесы на этотъ разъ поступили иначе. Не прошло и часу, какъ на русскую сторону переправилась партія въ 30 человѣкъ и понеслась прямо на пикетъ, съ явнымъ намѣреніемъ отбить у казаковъ тѣло. Донцы однако смѣтили опасность во-время и, привязавъ убитаго къ лошади, ускакали съ нимъ въ станицу. Черкесамъ пришлось возвратиться за Кубань ни съ чѣмъ.

Два дня спустя, ночью, въ самый рождественскій сочельникъ, получены были свѣдѣнія, что партія человѣкъ въ двѣнадцать снова перешла Кубань и ударилась въ степь между Кавказской и Темижбекскою станицами. Пока казаки съ разныхъ сторонъ

съѣзжались на тревогу, разъѣздъ Кубанскаго полка, съ урядникомъ Шишкинымъ во главѣ, уже попалъ на слѣдъ и встрѣтилъ новаго гонца, скакавшаго съ извѣстіемъ, что горцы отхватили табунъ на хуторѣ казака Рогачова. Разъѣздъ повернулъ въ ту сторону и черезъ полчаса насѣлъ на хвостъ уходившей партіи. Завязалась сильная перестрѣлка. Ружейные выстрѣлы, освѣщая мракъ непроглядной ночи, указывали путь, по которому уходила шайка. Горцы поняли опасность своего положенія и, бросивъ табунъ, пустили добрыхъ скакуновъ во всѣ повода, чтобы скорѣе достигнуть Кубани. Но отъ Кубани они были уже отрѣзаны. Новый разъѣздъ, ожидавшій партію на самой переправѣ, сбилъ ее въ сторону. Попыталась она укрыться въ лѣсу — лѣсъ окружили казаки. Тогда, не видя другого спасенія, черкесы стали бросаться съ берега, гдѣ ни попало. Многіе утонули; другіе, неимѣвшіе силъ плыть по студеной водѣ, возвращались назадъ подъ русскія пули. Въ темную ночь не было возможности опредѣлить уронъ, понесенный партіей, но въ рукахъ казаковъ остался одинъ убитый, двое раненыхъ и три осѣдланныя лошади; подъ утро же, объѣзжая и свой, и черкесскій берегъ, казаки нашли еще два трупа, собрали много оружія и поймали семь засѣдланныхъ лошадей, — знакъ, что если партія и не была истреблена въ конецъ, то спаслись изъ нея не многіе, да и тѣ пѣшкомъ.

Съ началомъ 1822 года стали доходить изъ-за Кубани тревожныя извѣстія; говорили, что черкесы собираются большими силами вторгнуться въ русскія границы. До наступленія весны, а съ ней и появленія подножнаго корма, нельзя было ожидать, впрочемъ, значительныхъ вторженій, тѣмъ болѣе, что закубанскіе ногайцы и темиргоевцы, жившіе на плоскости, пока еще опасались пристать къ черкесамъ открыто. Однакоже враждебное расположеніе и ихъ уже не подлежало сомнѣнію. И вотъ, чтобы хоть сколько-нибудь обезпечить линію, Сталь предписалъ генералу Дебу расположить состоящія въ его командѣ войска въ трехъ главныхъ пунктахъ: одинъ отрядъ въ станицѣ Тифлисской, другой — близъ Григоріополиса, у Терноваго поста, представлявшаго собою одно изъ самыхъ удобныхъ мѣстъ, какъ для прорыва, такъ и для пораженія хищниковъ, и, наконецъ, третій, — на горѣ Недреманной,

между Богоявленскимъ селомъ и редутомъ Св. Николая. Войскамъ приказано было стоять налегкѣ, не только безъ обозовъ, стѣснявшихъ движеніе и требовавшихъ прикрытія, но и безъ палатокъ. Конные резервы линейныхъ казаковъ передвинуты такъ, чтобы по первой тревогѣ легко могли сосредоточиться и дѣйствовать массой, а на обязанность донскихъ постовъ возложено слѣдить за непріятелемъ и извѣщать о переправѣ и направленіи партій. Помимо того, въ станицу Темнолѣсскую и въ селенія по Егорлыку: Каменнобродское, Николаевку и Сенгилеевку, какъ ближайшія къ границѣ,—отправлены небольшія команды Тенгинскаго полка на случай, если бы закубанская конница, прорвавшись черезъ линію, бросилась на эти деревни прежде чѣмъ подоспѣли бы казачьи резервы.

Послѣднее распоряженіе вызывалось чисто практическимъ опытомъ, показавшимъ, что и въ прежніе годы, деревни, гдѣ случались команды даже въ 12—15 человѣкъ, всегда успѣшно отбивались отъ нападенія. Принятыя по линіи мѣры не остались секретомъ для горцевъ и до нѣкоторой степени обуздали ихъ. Но, конечно, мелкія нападенія не прекратились. Съ особенною же настойчивостью они сказались въ позднюю осень, въ ноябрѣ 1822 г., когда войска, по случаю наставшихъ холодовъ, были распущены. Офиціальныя донесенія опять сохраняютъ множество относящихся къ этому времени кровавыхъ происшествій, но изъ нихъ особенно выдаются два случая.

Въ темную, глухую ноябрьскую ночь,—такъ разсказывалъ очевидецъ одного изъ нихъ: — человѣкъ тридцать всадниковъ, одѣтыхъ въ бурки, укутанныхъ въ башлыки, закрывающіе ихъ лица, осторожно пробирались по густымъ зарослямъ лѣса, раскинувшагося надъ крутымъ обрывомъ Кубани. Ихъ легкіе, привычные кони неслышно ступали по кочковатой лѣсной тропѣ, заваленной во многихъ мѣстахъ, то сломанными бурей столѣтними деревьями, то хворостомъ, то кучами пожелтѣвшей опавшей листвы. На небѣ ни звѣздочки, въ лѣсу гробовая тишина, только вѣтеръ шумитъ и стонетъ въ полѣ. Поминутно останавливаясь, всадники чутко вглядывались въ ночную темноту и прислушивались къ малѣйшему шороху. Ружья ихъ наготовѣ. На недоброе дѣло собрались

эти люди, ожидавшіе ежеминутно встрѣчи съ опасностью; они знали, что въ заросли таится не мало русскихъ секретовъ, что одно неловкое движеніе, одинъ неумѣстный звукъ, — и имъ придется расплачиваться своими головами. И они не довѣряли окружающей ихъ тишинѣ. Но вотъ еще нѣсколько шаговъ—и передъ ними лѣсная опушка. Секреты обойдены благополучно.

Въ трехъ верстахъ стоитъ казачій постъ «Надзорный», крутизною берега, глубиною водъ и непролазною густотою лѣса защищенный отъ нападеній, которыхъ потому, обыкновенно, тамъ и не ожидали. Нѣсколько человѣкъ, изъ предосторожности, отдѣлились однако въ ту сторону, но скоро вернулись; на посту тихо: казаки спятъ, не чуя бѣды. Теперь всадникамъ оставалось проскакать разстояніе верстъ въ 8, въ 10,—и хутора, захваченные врасплохъ, не успѣютъ ни откуда получить помощь.

Какъ тѣни, едва касаясь земли, беззвучно неслась шайка, обогнула Недреманную гору, проскакала мимо сельца Николаевки, съ ея фантастически и мрачно вырѣзывавшеюся на темномъ ночномъ небѣ высокою бѣлою колокольнею,—и стала сдерживать коней; впереди, на одномъ изъ привольнѣйшихъ займищъ, посреди купы большихъ развѣсистыхъ, но теперь оголенныхъ деревьевъ, бѣлѣли чистые, опрятные домики. Это былъ хуторъ братьевъ-однодворцевъ Мясоѣдовыхъ.

Горцы подскакали къ воротамъ, — но тѣ были на крѣпкихъ запорахъ; хищники повалили плетень и, среди злобнаго лая громадныхъ сторожевыхъ собакъ, вскочили во дворъ. Въ домѣ замелькали тревожные огоньки, чья-то бѣлая растрепанная фигура показалась на крыльцѣ, раздался крикъ ужаса - и огни мгновенно потухли. Черкесы выломали двери, ворвались въ горницы, — но тамъ уже никого не было; все, что было живого въ домѣ, залѣзло въ густой колючій терновникъ, подходившій къ самому хутору.

Горцы сообразили, однако, куда могла укрыться добыча; они оцѣпили кусты, спѣшились—и начались розыски. Первый попавшійся имъ на глаза, Борисъ Мясоѣдовъ, былъ изрубленъ въ куски, его жена съ тремя малютками и двѣ маленькія дѣвочки брата Борисова, Парфена, были захвачены въ плѣнъ; самъ же Парфенъ и его жена съ двумя остальными дѣтьми спаслись непостижимымъ

чудомъ: они забились въ самый кустъ терновника, и не были замѣчены горцами.

Разграбивъ домъ, шайка ударила было на сосѣдній хуторъ Мосолова, лежавшій всего въ двухъ верстахъ. Но время близилось къ разсвѣту, и хищники, удовольствовавшись тѣмъ, что отхватили здѣсь небольшой косякъ лошадей, тою же дорогой, тѣмъ же лѣсомъ, пронеслись опять до Кубани. Счастливый набѣгъ не стоилъ имъ ни одного зерна пороха.

Только подъ утро и Парфенъ Мясоѣдовъ, и Мосоловъ, оправившіеся отъ страха, прибѣжали въ Надзорный постъ и дали знать о случившемся. Вспыхнулъ маякъ, промчались казачьи резервы. Но поправить дѣла уже было невозможно. Хорунжій Сѣровъ доскакалъ до самой вершины Урупа,—но хищники были уже далеко.

Прошло 10 дней, и новая шайка, человѣкъ въ 50, появилась въ степи, у хуторовъ Григоріополинской станицы. Одинъ изъ хуторовъ стоялъ на рѣкѣ Терновникѣ, верстахъ въ 10 отъ Кубани, и тамъ жилъ отставной казакъ Гаврило Максимовичъ съ женою и работникомъ. Какъ на грѣхъ, передъ вечеромъ пріѣхали къ нему на хуторъ погостить еще однодворецъ Кохаревъ и казакъ Бомбардинъ съ 12-лѣтнимъ братомъ и 6-лѣтнею дочкою. Всѣ по обыкновенію заснули рано, а въ самую полночь внезапно налетѣли горцы... Первый, привлеченный на крыльцо шумомъ, Кохаревъ былъ убитъ, остальные захвачены въ плѣнъ; хуторъ разграбленъ, и горцы убрались за Кубань.

Слѣдствіе выяснило, однако, что не безъ вины въ этомъ дѣлѣ были и секреты, и начальникъ ближайшаго Терновскаго поста. Дѣло въ томъ, что двое рядовыхъ Навагинскаго полка, лежавшіе въ секретѣ, слышали и порсканье плывшихъ лошадей, и шуршанье сухой травы; но вмѣсто того, чтобы выстрѣломъ поднять тревогу, оба они бѣгомъ пустились съ извѣстіемъ на постъ, которымъ командовалъ тогда заурядъ-хорунжій Важиринъ. Послѣдній поскакалъ искать хищниковъ не въ степь, куда они прошли, а на то мѣсто, гдѣ лежалъ секретъ; здѣсь даже слѣдовъ не было найдено, и Важиринъ, вообразивъ, что секрету почудились черкесы, не осмотрѣвъ даже близлежащаго лѣса, спокойно воротился

домой. Былъ уже бѣлый день, когда къ нему прискакалъ казакъ отъ сотника Иноземцева, съ извѣстіемъ, что одинъ изъ разъѣздовъ наткнулся на разоренный хуторъ, свидѣтельствовавшій явно о недавнемъ ночномъ посѣщеніи его черкесами, и что Иноземцевъ уже поскакалъ въ преслѣдованіе. Тогда только выѣхалъ и Терновскій постъ; но и слѣдовъ горцевъ уже не было.

Не всегда, конечно, удавалось уходить черкесамъ не расплатившись за хищничество, и случалось, что небольшое количество казаковъ жестоко наказывало сильнѣйшаго врага. Недолго спустя послѣ разгрома хутора Максимовича, восемь человѣкъ черкесовъ осторожно, изъ-подъ вѣтру, подъѣхали къ Усть-Лабинской станицѣ и какъ разъ наткнулись на выѣзжавшій изъ нея разъѣздъ Кубанскаго полка изъ девяти казаковъ, подъ командою хорунжаго Кошелева. Внезапность не озадачила, однако, ни тѣхъ, ни другихъ: противники, равные мужествомъ, бросились въ шашки,—и ни одинъ черкесъ, ни одинъ казакъ не подумалъ выхватить изъ чехла винтовку. Рукопашный бой кончился пораженіемъ горцевъ; четверо изъ нихъ остались на мѣстѣ, оружіе и лошади ихъ достались побѣдителямъ. Изъ числа казаковъ ранены трое—и всѣ холоднымъ оружіемъ.

Такъ изо дня въ день, въ вѣчной тревогѣ проходила жизнь на правомъ флангѣ. Кордоны, по мнѣнію самого начальства, были безсильны предохранить край отъ угнетающихъ его бѣдствій, хотя бы они и отличались идеальною исполнительностію.

„Въ кордонѣ, завѣдуемомъ командиромъ Кубанскаго казачьяго полка маіоромъ Степановскимъ,—доносилъ Ермолову Сталь:—видна его дѣятельность и осторожность, но нѣтъ никакой возможности защищать разбросанные по разнымъ мѣстамъ хутора, когда извѣстія о хищникахъ всегда получаются поздно“.

Но всѣ тревоги 21-го и 22-го годовъ блѣднѣютъ передъ тѣми, которыя грозили впереди.

XXVI.

Тревоги 1823 года.

(Темижбекскіе хутора и Круглолѣсскъ).

ля праваго фланга Кавказской линіи 1823 годъ былъ годомъ тяжелыхъ испытаній. Набѣги затихли; но уже съ конца предшествовавшаго года, по городамъ, станицамъ и казацкимъ хуторамъ вновь распространился, на этотъ разъ упорный, настойчивый слухъ о намѣреніяхъ черкесовъ большими массами ворваться въ русскіе предѣлы и до тла опустошить пограничныя земли. И слухъ былъ не напрасенъ. Давно уже побѣжденные кабардинцы, поставленные передъ жестокою дилеммою—или покориться Россіи и поселиться на кабардинской равнинѣ, или же покинуть родную землю и уйти за Кубань, употребляли всѣ силы, чтобы возжечь среди соплеменныхъ и единовѣрныхъ черкесовъ пламя ненависти къ побѣдителямъ, не разъ уже депутаты ихъ ѣздили по всему Закубанью, прося помощи. И теперь, на собравшемся по этому поводу общемъ совѣщаніи черкесовъ, было рѣшено—совокупными силами освободить отъ чужеземнаго владычества Большую Кабарду и отомстить Россіи полнымъ разгромомъ линіи. Турецкій паша въ Анапѣ употреблялъ, съ своей стороны, всѣ мѣры, чтобы поддержать въ черкесахъ такое благопріятное для мусульманства расположеніе, обѣщая помощь; турецкое золото играло за Кубанью ту же роль, что

персидское въ Дагестанѣ, съ тою лишь выгодною для Турціи разницею, что она была несравненно тароватѣе Персіи. Надъ линіею готова была разразиться жестокая военная гроза. Предстояло имѣть дѣло уже не съ отдѣльными хищниками и не съ мелкими партіями, главное стремленіе которыхъ было поживиться на счетъ казаковъ; вставалъ весь воинственный народъ, чтобы отстоять свою полудикую вѣковую независимость и чтобы отомстить за попранныя, какъ имъ должно было казаться, права, за поруганныя святыни и самобытные обычаи.

По счастію для линіи, общій энтузіазмъ черкесовъ былъ на время ослабленъ внутренними раздорами. Одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ поднимавшаго голову возстанія былъ кабардинскій князь Таустанъ Атажуковъ, и этотъ князь неожиданно погибъ, убитый своимъ двоюроднымъ братомъ, княземъ Магометомъ Атажуковымъ, горячимъ приверженцемъ Россіи. Это обстоятельство было одною изъ причинъ, задержавшихъ нашествіе. Не мало мѣшала ему и давнишняя вражда между родными братьями Джембулатомъ и Мисостомъ Айтековыми, ослабляя необходимое единодушіе. Къ этому присоединились неудачи, испытанныя черкесами въ Черноморіи и, какъ всегда, обнаружившія на впечатлительный азіятскій народъ большое нравственное вліяніе. Но всѣ эти обстоятельства могли только оттянуть нападеніе, внутренніе раздоры въ Черкесіи имѣли для линіи даже свою острую сторону, держа въ сборѣ большія вооруженныя партіи, которыя, въ случаѣ ежеминутно возможнаго замиренія, готовы были немедленно бурнымъ потокомъ разлиться по русской границѣ и залить кровью пожары ея вольныхъ станицъ.

Дѣйствительно, едва наступила весна, отдохнувшая нѣсколько отъ набѣговъ линія должна была готовиться встрѣтить врага. Еще недавно враждовавшія между собою сборища, вмѣстѣ съ бесленеевцами, издавна извѣстными своимъ безпокойнымъ нравомъ, образовали между собою наступательный союзъ, извѣстнѣйшіе закубанскіе князья стали во главѣ его, анапскій паша и магометанское духовенство разжигали энтузіазмъ,—жребій войны былъ брошенъ.

Ареною непріязненныхъ дѣйствій должно было, по плану черкесовъ, сдѣлаться все огромное пространство отъ границъ Черноморскаго войска вверхъ по Кубани до самой Баталпашинской переправы.

Большимъ массовымъ нападеніямъ естественно должны были предшествовать мелкіе прорывы хищниковъ, принимавшихъ на свой страхъ и рискъ выразить возбужденіе, овладѣвшее ихъ страною. Такъ, 1 апрѣля, часу въ восьмомъ вечера, человѣкъ восемь черкесовъ, пробравшись берегомъ р. Енкули, выѣхали на большую Ставропольскую дорогу подъ самой деревней Бешпагиръ. Здѣсь ходили табуны Темнолѣсской станицы. Гикнуть и отхватить косякъ въ 60 лошадей было для хищниковъ дѣломъ минуты. Но насторожившееся населеніе не было настигнуто врасплохъ, и черкесы потерпѣли полную неудачу. Урядникъ Косякинъ, стоявшій въ прикрытіи табуна, тотчасъ послалъ казака извѣстить станицу, а самъ, съ четырьмя малолѣтками и однимъ старымъ казакомъ, кинулся въ погоню. Шестеро казаковъ бросились на восьмерыхъ горцевъ, и прежде чѣмъ изъ станицы и ближняго поста, заслышавшаго выстрѣлы, прискакали резервы, — дѣло уже было кончено; Косякинъ возвратился назадъ съ отбитымъ табуномъ.

Но случай этотъ, не представлявшій собою ничего особеннаго, при всеобщемъ возбужденіи и ожиданіи нападеній, обратилъ на себя особенное вниманіе. Государь, „цѣня мужество, съ которымъ Косякинъ бросился на хищниковъ“, приказалъ произвесть его въ хорунжіи и выдать единовременно 300 р.; а пяти казакамъ—по 100 р. Ермоловъ, умѣвшій цѣнить заслуги, но не разбрасывавшій наградъ, однакоже, умѣрилъ значеніе, приданное подвигу Косякина. «Подобныя происшествія на Кавказской линіи—писалъ онъ начальнику Главнаго Штаба:—бываютъ часто, и я до сего гораздо превосходнѣйшія дѣйствія награждалъ изъ вырученной барантковой суммы. Полагаю достаточнымъ урядника Косякина наградить однимъ чиномъ заурядъ-хорунжаго, а казакамъ выдать по 50 р. Прочія-же деньги обратить для употребленія на награды въ подобныхъ же случаяхъ».

Дѣло Косякина было прологомъ къ суровой драмѣ, готовившейся совершиться на Кубанской линіи. Войска еще не были въ сборѣ, а лазутчики доносили то и дѣло, что гдѣ-нибудь, на обширномъ пространствѣ между станицами Кавказскою и Григоріополинскою, нужно ожидать большого прорыва.

Участкомъ тѣмъ завѣдывалъ полковникъ Урнижовскій, коман-

диръ Тенгинскаго пѣхотнаго полка. Онъ принялъ всѣ мѣры къ охраненію станицъ, и донесъ обо всемъ Сталю, который, съ своей стороны, выставилъ въ видѣ репли небольшой отрядъ у Недреманной горы. Но Сталь допустилъ серьезную ошибку, составивъ отрядъ изъ одной пѣхоты; пѣхота же, конечно, не могла не только опережать, но и просто преслѣдовать коннаго непріятеля, отличавшагося съ своихъ нападеніяхъ быстротою, смѣлостью и рѣшительностью. И эта ошибка стоила дорого.

Донесенія лазутчиковъ оказались вѣрными. Скоро партія горцевъ человѣкъ въ пятьдесятъ появилась на рѣкѣ Чамлыкѣ, не въ дальнемъ разстояніи отъ Кавказкой крѣпости. Два дня она скрытно высматривала мѣстность и, наконецъ, въ ночь на 15-е апрѣля, безпрепятственно переправилась черезъ Кубань, верстахъ въ двухъ отъ Ивановскаго поста, и бросилась на хутора Темижбекской станицы.

Нужно сказать, что еще наканунѣ, на зарѣ, нѣсколько черкесовъ, подъ видомъ мирныхъ, пріѣзжали сюда вызнать, гдѣ пасутся лошади—обыкновенный предметъ ихъ хищничества. Одинъ изъ нихъ даже разспрашивалъ объ этомъ на хуторѣ знакомую дѣвочку; та сказала, что лошади пасутся верстъ за 60, не обративъ вниманія ни на самый вопросъ, ни на неурочное время, въ которое появились всадники, и безпечно отправилась въ станицу къ заутрени. Хутора стояли верстахъ въ 7 отъ станицы, на рѣкѣ Чалбасѣ. Мѣсто было пустынное, въ полѣ—ни души. Крѣпко должна была соблазнять черкесовъ мысль схватить дѣвочку, но они воздержались, чтобы не вызвать переполоха и не испортить задуманнаго дѣла.

Нападеніе пришлось въ самую полночь на Вербное воскресенье. Сторожъ успѣлъ ударить въ набатъ, но горцы бросились по избамъ, начали рѣзать мужчинъ, забирать въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, разбивать сундуки и неистово грабить всякое имущество.

Черкесскія лошади были привязаны къ плетню. Отставной казакъ Ширяевъ, жившій на хуторахъ, успѣлъ украдкой выскочить изъ хаты, обрѣзалъ у одной лошади чумбуръ, вскочилъ въ сѣдло и поскакалъ въ станицу. Нѣсколько человѣкъ черкесовъ погнались за нимъ по пятамъ; но добрый конь умчалъ его отъ погони. Это обстоятельство встревожило горцевъ. Они поторопились убраться

по добру по здорову и, зажегши хутора, къ разсвѣту съ добычею и 18 плѣнными шли уже за Кубанью, направляясь къ Урупу, гдѣ стояло большое главное скопище горцевъ. Всего на хуторахъ убито 3 казака, ранено 2 и въ плѣнъ взято 11 мужчинъ и 7 женщинъ.

Между тѣмъ станичный темижбекскій резервъ сѣлъ на коней; Ширяевъ уже снова скакалъ съ извѣстіемъ на Мало-Темижбекскій постъ, а станичный начальникъ, сотникъ Найденовъ, собравъ оставшихся служащихъ и не служащихъ казаковъ, бросился на постъ Бездорожный, чтобы поднять и его на тревогу.

Ранѣе другихъ попали на слѣдъ хищниковъ урядникъ Кавказскаго полка Каширинъ, съ Темижбекскимъ постомъ, и урядникъ Кубанскаго полка Аверинъ, со станичнымъ резервомъ. Они соединились и смѣло пустились за Кубань, куда вела ихъ еще свѣжая, только что проложенная черкесами, сакма.

Болѣе серьезныхъ мѣръ преслѣдованія принято быть не могло. Какъ нарочно уже приготовившаяся къ отпору линія въ этотъ моментъ не имѣла настоящаго хозяина. Начальникъ праваго фланга Дебу инспектировалъ войска въ Черноморіи, старшій по немъ полковникъ Урнижевскій отлучился куда-то изъ Кавказской крѣпости, гдѣ была его штабъ-квартира, оставивъ вмѣсто себя маіора Пирятинскаго 2-го, офицера отличнаго, но не знавшаго хорошо тогдашнихъ обстоятельствъ и не имѣвшаго вѣрныхъ свѣдѣній о непріятелѣ. Пирятинскій не имѣлъ ни времени, ни права собирать казаковъ съ дальнихъ постовъ, и потому воспользовался только тѣми силами, которыя были у него подъ руками. Взявъ резервъ Кавказской станицы и присоединивъ къ себѣ отрядъ Найденова и Ивановскій постъ, что вмѣстѣ составило человѣкъ сорокъ линейцевъ, онъ поскакалъ спасать хутора; но на хуторахъ уже все было кончено—они догорали. Тогда Пирятинскій поскакалъ за Кубань.

Но тамъ, за Кубанью, всѣмъ этимъ отрядамъ грозила бѣда.

Верстахъ въ двухъ отъ берега, съ вершины высокаго холма Пирятинскій увидѣлъ слѣдующую картину: за сильною непріятельскою партіею неслась малочисленная горсть линейцевъ — кавказскіе и кубанскіе казаки Каширина и Аверина, а верстахъ въ двухъ отъ первой черкесской партіи двигалась шагомъ другая, несравненно

сильнѣйшая, которой казаки, очевидно, не видѣли. Можно было предсказать, что казаки попадутъ въ западню между двумя партіями, и тогда гибель ихъ будетъ неизбѣжна. Одна минута раздумья — и Пирятинскій рѣшается идти впередъ, чтобы соединиться съ ними, а затѣмъ, уже совокупными силами, попытаться отбить у хищниковъ добычу и полонъ съ хуторовъ Темижбекскихъ. Ему предстояло быстро проскакать разстояніе верстъ въ восемь.

Черкесы въ свою очередь увидѣли Пирятинскаго. Они смѣтили, что готовая уже попасться въ ихъ руки добыча можетъ ускользнуть, и рѣшили не дать русскимъ отрядамъ соединиться, а разбить ихъ порознь. Быстро повернувъ назадъ, они бросились въ шашки, и горсть линейцевъ, внезапно охваченная съ двухъ сторонъ, не устояла, дрогнула, и была опрокинута. Вся нравственная вина этого несчастнаго дѣла падаетъ, нужно сказать, на урядника Кубанскаго полка, Аверина. Будь въ эту роковую минуту воглавѣ казаковъ другой человѣкъ—линейцы спѣшились бы, какъ спѣшивались сотни разъ подъ стремительнымъ налетомъ черкесовъ, а черезъ десять минутъ были бы выручены Пирятинскимъ. Аверинъ же совершенно потерялъ присутствіе духа и крикнулъ: «спасайся, кто можетъ!» Зловѣщій крикъ мгновенно распространилъ панику среди казаковъ, все съ копыта шарахнулось назадъ и попало какъ разъ подъ удары шашекъ черкесской засады.

Пирятинскій уже былъ близко. Видя катастрофу, онъ скомандовалъ: „стой! слѣзай!“ — и его казаки уже готовы были обратиться въ неодолимую скалу—какъ, вотъ, на нихъ налетѣла, объятая ужасомъ, бѣгущая толпа. Самъ Аверинъ, внѣ себя отъ страха, весь перепачканный кровью—онъ былъ раненъ въ ногу—скакалъ впереди всѣхъ, крича: „Бѣгите! не то перерубятъ васъ всѣхъ!“ Постыдная трусость Аверина повліяла и на отрядъ Пирятинскаго,—страхъ заразителенъ. Первыми поддались ему два урядника, Даниловъ и Бѣлорусовъ: они вскочили на лошадей и бросились бѣжать, часть казаковъ послѣдовала за ними. Минута была отчаянная. Храбрые офицеры, Пирятинскій и сотникъ Найденовъ, загородили дорогу, угрожая рубить бѣгущихъ. Человѣкъ двадцать опомнились. Тѣснымъ кругомъ обступили они своихъ офицеровъ,—и съ

этой минуты начинается геройская оборона горсти казаковъ противъ сотенъ храбрѣйшихъ наѣздниковъ,—одинъ изъ тѣхъ баснословныхъ подвиговъ, которыми полна боевая лѣтопись кавказскихъ линейцевъ.

Оставя бѣгущихъ, черкесы всею массою обратились теперь на Пирятинскаго. Они считали эту горсть вѣрною добычею, — но жестоко ошиблись. Цѣлый часъ кружились они около желѣзной, сплоченной кучки людей, три раза бросались они въ шашки, и три раза отбитые, скакали назадъ, увозя убитыхъ и раненыхъ. Съ каждою минутой росли нравственныя силы казаковъ, никто уже не думалъ о жизни, а о томъ, чтобы продать ее дорогою цѣною, и всѣ безтрепетно смотрѣли въ глаза смерти. Напрасно черкесы предлагали сдаться,—имъ не отвѣчали.

Въ этой страшной борьбѣ черкесамъ удалось выбить нѣсколькихъ лошадей изъ казачьяго круга, но эти лошади стоили имъ десятковъ убитыхъ и еще болѣе раненыхъ товарищей.

Въ послѣдней атакѣ, шапсугскій старшина Бей-Султанъ, весь закованный въ панцырь, одинъ врѣзался въ кучку храбрыхъ казаковъ и кинулся на самого Пирятинскаго. Мгновеніе — и тотъ былъ бы изрубленъ. Сотникъ Найденовъ, самъ уже раненый, кинулся защитить Пирятинскаго и схатился съ шапсугомъ; въ эту минуту кубанскій казакъ Якимовъ выстрѣлилъ изъ пистолета, и пораженный смертельно пулею въ грудь, шапсугъ едва успѣлъ выскочить изъ кучки казаковъ, какъ тутъ же упалъ мертвымъ. Черкесы успѣли, однако, подхватить его тѣло и вывезли изъ боя.

Потеря вождя смутила горцевъ. А между тѣмъ, вонъ, скачутъ новые сильные казачьи резервы,—ихъ ведетъ самъ командиръ Кубанскаго полка, храбрый маіоръ Степановскій. Роли мгновенно перемѣняются: горцы несутся назадъ, казаки преслѣдуютъ ихъ и гонятъ до Чамлыка.

Дорого стоилъ русскому отряду этотъ кровавый день. Пирятинскій, у котораго весь сюртукъ былъ изстрѣлянъ пулями, получилъ двѣ раны въ кисть лѣвой руки и выше локтя; Найденовъ раненъ на вылетъ пулею въ лѣвую ногу, Казаковъ убито 15, ранено 30, двое пропало безъ вѣсти, — потеря громадная, если припомнить, что въ дѣлѣ было не больше 60—70 казаковъ. Большинство убитыхъ и раненыхъ были, впрочемъ, жертвами собственной оплошно-

сти. Изъ 20 казаковъ, защищавшихся съ Пирятинскимъ, убито и ранено всего 7 человѣкъ. Достойно замѣчанія, что урядникъ Даниловъ, впереди всѣхъ бѣжавшій изъ боя, былъ настигнутъ горцами и изрубленъ.

Такъ совершилась гибель Темижбекскихъ хуторовъ и осталась не отомщенною.

Прошло около мѣсяца. Еще впечатлѣніе отъ бывшаго погрома не улеглось, какъ вдругъ Георгіевскъ и всѣ окружныя селенія были встревожены внезапнымъ и быстрымъ отъѣздомъ областного начальника въ Ставрополь.

Сталь выѣхалъ экстренно, ночью, и это дало пищу разговорамъ. По слухамъ, хищники, ободренные первымъ успѣхомъ на Темижбекѣ, большою массою перешли Кубань, разорили гдѣ-то на Калаусѣ аулъ мирныхъ ногайцевъ, многія семьи взяли въ плѣнъ, а казаковъ изрубили. Войска, разбросанныя по квартирамъ на пространствѣ 17 верстъ, встревожились и зашевелились. Стали говорить, что закубанцы перешли границу не въ одномъ мѣстѣ, а въ разныхъ мѣстахъ большими партіями и даже съ пушками; что одни изъ нихъ заняли около Ставрополя деревни Каменнобродъ и Сенгилеевку, а другіе уже въ Круглолѣсскѣ, т. е. верстахъ въ 25 отъ Георгіевска,—и все бѣжитъ передъ ними. Разсказывали также, что донскіе казаки уже не въ силахъ удерживать стремленіе хищниковъ, и лишь ворочаютъ назадъ всѣхъ ѣдущихъ по дорогамъ изъ Ставрополя или Георгіевска.

Напряженіе слуховъ и тревожнаго ожиданія возросло до невѣроятной степени, когда въ тотъ же день сынъ содержателя почтовой станціи въ дер. Саблѣ, верстахъ въ 50 отъ Георгіевска, молодой мальчикъ, прискакалъ въ городъ къ отцу съ новыми вѣстями. Запыхавшись, онъ разсказывалъ, что въ Саблѣ весь народъ всполошился, что къ нимъ прибѣжали мужики ихъ Круглолѣсска, въ которомъ панцырники и турки жгли дома, порубили всѣхъ солдатъ, мужиковъ съ бабами угнали въ плѣнъ, и что черкесы вышли теперь по сю сторону деревни кормить лошадей. По его словамъ, самъ областной (Сталь) сидитъ въ Ставрополѣ запертымъ, такъ какъ черкесы отрѣзали ему дорогу, и теперь нельзя по ней никому проѣхать.

Георгіевскъ готовился къ оборонѣ; при въѣздахъ расположились караулы, казаки пошли въ разъѣзды, орудія вывезены изъ парка и заряжены. Съ вечера и до полуночи жители всего города толпились передъ крѣпостью, толкуя о нашествіи черкесовъ.

На слѣдующій день слухи разъяснились. Они имѣли въ основаніи своемъ истину и были только преувеличены.

Дѣйствительно, одновременно три сильныхъ партіи появились на линіи, придерживаясь заранѣе обдуманнаго плана. Двѣ изъ нихъ имѣли назначеніе развлекать силы и вниманіе русскихъ; третья, главная, въ числѣ 7.000 человѣкъ, шла опустошать казацкія станицы, подъ предводительствомъ извѣстнаго въ горахъ Джембулата Айтекова. 13-го мая Джембулатъ вышелъ къ Кубани при устьяхъ Урупа, верстахъ въ 7 отъ Прочнаго Окопа. Здѣсь стоялъ отрядъ генералъ-маіора Дебу, настолько сильный, чтобы дать серезный отпоръ, и сконище повернуло вверхъ по Кубани, къ переправѣ выше Невинномысскаго укрѣпленія. Казачій постъ изъ 40 хоперцевъ, съ войсковымъ старшиною Солдатовымъ, встрѣтилъ его на берегу. Но хоперцы были слишкомъ слабы, чтобы остановить двигавшуюся прямо на нихъ грозную силу; они посторонились и, пропустивъ мимо себя непріятеля, пошли по его пятамъ, давая знать во всѣ окрестные отряды о направленіи партіи.

Другой отрядъ горцевъ шелъ къ Ставрополю на Каменнобродскъ и Сенгилеевку, но только съ намѣреніемъ отвлечь отъ перваго главныя русскія силы.

Сталь уже былъ въ то время въ Ставрополѣ. За недѣлю до этого анапскій паша присылалъ къ нему шпіона, подъ видомъ своего адъютанта, предлагая принять совокупныя мѣры для усмиренія черкесовъ. Но пока Сталь слушалъ этого агента, пока сочинялись письма къ пашѣ, черкесы переходили Кубань.

Получивъ извѣстія объ этомъ и собравъ войска, Сталь устремился сначала за второю партіею; но пока онъ за нею гнался, семитысячное скопище Джембулата уже сдѣлало свое дѣло. Направясь къ Сергіевску и забравъ по пути татарскій аулъ на Калаусѣ, оно быстро промчалось чрезъ Круглолѣсскъ, и опустошило его до тла.

Разсказываютъ, что партію провелъ къ деревнѣ мирный ногаецъ.

Поутру дѣвочка изъ крайней избы первая увидѣла хищниковъ и закричала. Горцы изрубили ее и, разсыпавшись по домамъ, напали на безоружное и неуспѣвшее очнуться отъ сна населеніе, предавая все рѣзнѣ, грабежу и опустошенію. Въ нѣкоторыхъ жителяхъ они встрѣтили, однако, геройское сопротивленіе. Одинъ какой-то богатырь въ своей избѣ изрубилъ топоромъ 9 человѣкъ, заваливъ тѣлами всю комнату. Другой, съ двумя сыновьями, засѣлъ за заборомъ и, мѣтко отстрѣливаясь, не только не допустилъ до себя черкесовъ, но самъ убилъ троихъ и забралъ ихъ лошадей. Очевидно, что все еще лежавшее на пограничномъ населеніи запрещеніе носить оружіе имѣло очень вредную сторону; вооруженное, оно само сумѣло бы нерѣдко отстоять себя отъ черкесовъ.

Не лишнее, впрочемъ, замѣтить, что Круглолѣсскъ такъ жестоко поплатился отчасти за свою собственную неосторожность. Разсказываютъ, что въ деревнѣ еще за два дня до катастрофы стояла цѣлая рота Кабардинскаго полка; но мужики, ревнуя своихъ женъ къ солдатамъ, настоятельными просьбами вынудили, наконецъ, вывести ее отъ нихъ. Только 12-го мая рота получила приказаніе передвинуться въ село Александрово, и 13-го выступила. Но не успѣла она пройти половины пути, какъ Джембулатъ нагрянулъ на селеніе.

Капитанъ Цыклауровъ, командовавшій ротой, получивъ объ этомъ извѣстіе, тотчасъ двинулся назадъ; но было уже поздно. Джембулатъ предусмотрительно выслалъ ему навстрѣчу большую партію, чтобы безпрепятственно докончить разореніе станицы. Рота пробилась штыками, но спасти успѣла только незначительную часть селенія, заплативъ за это 25 солдатами, выбывшими изъ строя.

Этихъ подробностей, переданныхъ очевидцами, въ офиціальныхъ данныхъ, однако, нѣтъ. Въ нихъ не совсѣмъ точно говорится только, что двѣ роты Кабардинскаго полка, расположенныя въ станицѣ Невинномысской для охраны переправы, благодаря безпечности капитана Цыклаурова, допустили разграбить дер. Круглолѣсскую.

Сталь, извѣщенный о разореніи Круглолѣсска, понялъ планъ черкесовъ и только тогда быстро повернулъ назадъ, на преслѣдованіе Джембулата. Въ то же время другой отрядъ, подполковника Урнижевскаго, съ двумя Черноморскими полками и частью пѣхоты,

перешелъ Кубань у Прочнаго Окопа и двигался по лѣвому берегу, согласно съ направленіемъ главнаго отряда. Погода была ненастная, шелъ дождикъ, замокшія кремневыя ружья не могли дѣйствовать, и черкесы, которымъ теперь приходилось заботиться о томъ, чтобы въ свою очередь не попасть подъ удары русскихъ отрядовъ съ разныхъ сторонъ, бросили большую часть награбленнаго скота, мѣшавшаго отступленію, и спѣшили переправиться за Кубань, чтобы спасти хоть полонъ и самимъ избѣжать угрожавшей опасности. И они, дѣйствительно, рисковали жестоко поплатиться за дерзкій набѣгъ. На ихъ счастье, пѣхота наша не могла соперничать съ ними въ быстротѣ и далеко отстала. Ихъ настигъ только линейный Кубанскій казачій полкъ при двухъ орудіяхъ конной артиллеріи, подъ командою маіора Степановскаго. На самой переправѣ черезъ Кубань, казаки ринулись въ шашки, и завязался страшный рукопашный бой, безъ выстрѣла. До полутораста черкесовъ было изрублено и лошади ихъ сдѣлались добычею казаковъ. Но не малое число погибло при этомъ и русскихъ поселянъ, которыхъ горцы не успѣли переправить чрезъ рѣку заблаговременно. Ожесточенные, они не хотѣли уступить ихъ и принялись рѣзать и топить въ рѣкѣ, такъ что плѣнныхъ отбито не болѣе сорока человѣкъ. Большая же часть ихъ осталась въ рукахъ непріятеля; нѣкоторыхъ нашли потомъ на берегу варварски израненныхъ. Тутъ же найдено было много скота, брошеннаго черкесами, но съ подсѣченными ногами. Извѣстный Якубовичъ долго преслѣдовалъ горцевъ еще и за Кубанью.

Дѣло кончилось бы для Джембулата значительно хуже, если бы на помощь къ нему не пришла измѣна. Подполковникъ Урнижевскій, двигаясь по лѣвому берегу, вышелъ бы какъ разъ на перерѣзъ къ бѣгущему скопищу; къ несчастію, обманутый проводникомъ, онъ повернулъ назадъ въ то самое время, когда вся партія, вырвавшись изъ-подъ казачьихъ ударовъ, въ страшномъ разстройствѣ скакала въ весьма близкомъ отъ него разстояніи. На Большомъ Зеленчукѣ, верстахъ въ 15 отъ мѣста сраженія, черкесы ночевали, а поутру, раздѣливъ добычу, разошлись.

Почти одновременно съ этимъ ушла и третья партія, имѣвшая

назначеніе не только отвлекать часть русскихъ силъ отъ Круглолѣсска, но и идти къ вершинамъ Кумы и Подкумка, чтобы, по возможности, поднять и встревожить Кабарду. Она появилась между Баталпашинскомъ и Усть-Тахтамышскимъ постомъ, въ числѣ 250 человѣкъ, и направилась на Александрію, всего въ 12 верст. отъ Георгіевска. Но здѣсь она нашла готовый отпоръ. Полковникъ Побѣдновъ отдалъ всѣмъ ногайцамъ, жившимъ на правомъ берегу Кубани, приказаніе—удалить всѣ табуны какъ можно дальше отъ границы, а самъ по пятамъ преслѣдовалъ партію. Хищники успѣли, однако, захватить пасшійся близъ Соленыхъ озеръ большой табунъ ногайскаго владѣльца Балты, не исполнившаго приказанія Побѣднова, а затѣмъ спустились выше Каменнаго Моста на Кубань и отступая къ ея верховьямъ, скрылись на Карачаевскія владѣнія.

Нужно сказать, что и этой партіи удалось уйти безнаказанно, только благодаря безпечности подполковника Тарасова, стоявшаго въ Баталпашинскѣ, во главѣ небольшого отряда съ казачьимъ коннымъ орудіемъ. Какъ при переходѣ закубанцевъ у Усть-Невинскаго поста 13 мая, такъ и во время обратной переправы ихъ между Баталпашинскомъ и Тахтамышемъ 15 мая, онъ, по словамъ донесенія, „остался недвижимъ въ своей квартирѣ", выставивъ только вокругъ укрѣпленія пикеты.

Но такъ или иначе, линія была пока очищена отъ враговъ.

Въ Круглолѣсскъ былъ посланъ войсковой старшина Солдатовъ, чтобы привести въ извѣстность потери жителей. Онъ нашелъ деревню въ положеніи ужасномъ: 90 человѣкъ было убито черкесами, 342 (145 мужчинъ и 197 женщинъ) захвачены въ плѣнъ; имущество разграблено,—однѣхъ лошадей угнано до 600, рогатаго скота до 800 головъ; почти все селеніе было выжжено.

Круглолѣсскъ, представлявшій еще такъ недавно отрадную картину осѣдлой жизни со всѣми ея благами, послѣдствіями неустаннаго труда, поражалъ пустынною мертвенностью. Бѣлыя, чистенькія мазанки, стоявшія стройными рядами, теперь рисовались только одними закопченными и разрушенными глыбами глины; ворота деревни, ея улицы—загромождены были трупами; повсюду валялись оружіе и камни, забрызганные кровью. Рука хищниковъ не пощадила

даже покоя усопшихъ христіанъ. Растащивъ по клочьямъ богатства домовъ, хищники искали его и въ истлѣвшихъ гробахъ, разрывая могилы.

Да и не одинъ Круглолѣсскъ, а и вся страна представляла теперь видъ пустынный. Отступленіе горцевъ не успокоило жителей; всѣ ожидали, что, по азіатской манерѣ, хищники, опьяненные успѣхомъ, нагрянутъ снова и будутъ колобродить по краю до тѣхъ поръ, пока ихъ не проучатъ порядкомъ. И деревни опустѣли. Съѣзжавшіеся изъ Россіи какъ разъ въ то время посѣтители минеральныхъ водъ говорили, что по Ставропольской дорогѣ изъ всѣхъ деревень крестьяне разбѣжались.

Населеніе края, однако, ошибалось, слишкомъ запуганное страшнымъ разгромомъ Темижбекскихъ хуторовъ и Круглолѣсска,—опасность для Кубанской линіи пока миновала. Какъ ни велика была захваченная главною партіею черкесовъ добыча, потери, понесенныя ею, были слишкомъ значительны, чтобы не охладить рвенія. Всеобщее отступленіе, превратившееся въ концѣ концовъ въ бѣгство, не могло поднять духъ вольнаго народа. И какъ быстро восточно-фантастически создался въ Черкесіи планъ полнаго опустошенія линіи, такъ быстро онъ и исчезъ, весь исчерпанный кровавымъ истребленіемъ одной станицы, да и то лишь при помощи благопріятной для черкесовъ случайности, оставившей населеніе беззащитнымъ. Словомъ, ожиданія черкесовъ были обмануты, энтузіазмъ ихъ угасъ. И Сталь 31 мая воротившійся въ Георгіевскъ, весь въ пыли, съ краснымъ, загорѣлымъ лицомъ, имѣлъ основаніе быть довольнымъ. Онъ, дѣйствительно, былъ доволенъ и веселъ, хотя, по прежнему, не словоохотливъ.

Но съ другой стороны, теперь было уже опасно ограничиваться простымъ отраженіемъ черкесовъ: они нуждались въ хорошемъ урокѣ, который бы обуздалъ ихъ непомѣрную дерзость. И въ помощь Сталю, занятому сложными дѣлами гражданскаго управленія Кавказской губерніи, въ Георгіевскѣ ожидали генерала Вельяминова, имѣвшаго порученіе отъ Ермолова объѣхать линію, ближе ознакомиться съ вредомъ, причиненнымъ нашествіемъ черкесовъ, изслѣдовать дѣйствія войскъ и причины оплошностей,—и затѣмъ съ отрядомъ идти за Кубань.

Тутъ оканчивается боевая дѣятельность Карла Ѳедоровича Сталя, одного изъ лучшихъ кавказскихъ генераловъ, современника и ученика Циціанова, оставившаго свое имя и въ горахъ Осетіи, и въ грозныхъ снѣговыхъ ущельяхъ Хевсуріи, и на цвѣтущихъ равнинахъ Кахетіи. Но въ слѣдующемъ затѣмъ послѣднемъ году своей жизни, онъ, имѣвшій уже случай обнаружить административныя способности во время своего военнаго губернаторства въ Тифлисѣ, оказалъ Кавказской губерніи важныя услуги, вписавшія имя его неизгладимыми чертами въ лѣтописи мирнаго развитія края. Его дѣятельностью этого времени начинается преобразованіе Кавказской губерніи въ Кавказскую область, съ перенесеніемъ главнаго центра управленія изъ Георгіевска въ Ставрополь, сохраняющаго это значеніе понынѣ. Ему же обязанъ своимъ основаніемъ, на минеральныхъ водахъ, на мѣстѣ нѣкогда пустынныхъ калмыцкихъ кибитокъ, привлекающій теперь десятки тысячъ посѣтителей,—городъ Горячеводскъ, нынѣ Пятигорскъ, составляющій лучшій памятникъ Сталю.

На горячихъ водахъ Сталь и умеръ 28 іюля 1824 года, внезапно, отъ удара. Разсказываютъ, что передъ смертью, за нѣсколько дней, онъ ѣхалъ верхомъ съ инженернымъ офицеромъ по горѣ Машукъ, и тамъ, указывая мѣсто, выбранное имъ для городского кладбища, прибавилъ шутя: „теперь надо, чтобы здѣсь для начала былъ погребенъ кто-нибудь изъ значительныхъ лицъ“.

И онъ первый легъ на пятигорскомъ кладбищѣ.

XXVII.

Вельяминовъ за Кубанью.

Весною 1823 года Ермоловъ былъ въ Тифлисѣ. Здѣсь застали его донесенія о бѣдствіяхъ на правомъ флангѣ, о разгромѣ Темижбекскихъ хуторовъ и Круглолѣсска. Особенно поразило его несчастіе съ Круглолѣсскомъ; въ одно только командованіе Сталя уже въ третій разъ надъ несчастными жителями станицы разражалась бѣда. Ермолова извѣстили также, что за Кубанью, на Бѣлой, собирались будто бы новыя скопища. Необходимость серьезныхъ мѣръ была очевидна, и начальникъ кавказскаго штаба генералъ-маіоръ Вельяминовъ былъ посланъ на Кубань съ инструкціями и обширными полномочіями.

Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ какъ нельзя больше соотвѣтствовалъ тому назначенію, которое на него возлагалось. Онъ былъ еще довольно молодъ, лѣтъ 37; но въ закаленныхъ чертахъ его рябоватаго лица, съ открытымъ челомъ и проницательнымъ взглядомъ, выражалась какая-то жесткость характера и холодное равнодушіе; про него недаромъ говорили, что онъ никогда не жалѣлъ о потеряхъ, какъ бы велики онѣ ни были, лишь бы сдѣлано было задуманное. Видъ его былъ чрезвычайно суровъ, особенно когда онъ думалъ и начиналъ грызть ногти. Одинъ изъ современниковъ говоритъ о немъ, что „основательнымъ умомъ, жесткимъ характеромъ, твердою волей и обширными свѣдѣніями о кавказскихъ народахъ, — онъ могъ произвесть серьезный перево-

ротъ въ судьбѣ ихъ". „Натура сильная, непреклонная и чрезвычайно талантливая",—какъ пишетъ его біографъ,—„онъ никогда не оставался въ тѣни, даже стоя рядомъ съ такою личностью, какъ Ермоловъ, для котораго Вельяминовъ былъ не только ближайшимъ помощникомъ, но его вторымъ я, другомъ, пользовавшимся его безграничнымъ довѣріемъ".

Такимъ образомъ, личныя свойства Вельяминова, а еще болѣе блестящее боевое прошлое, вселяли къ нему довѣріе. На службу Вельяминовъ зачисленъ былъ по тогдашнему обыкновенію еще въ Л.-Гв. Семеновскій полкъ, и 16-ти лѣтъ отъ роду былъ уже поручикомъ гвардейской артиллеріи. Гдѣ воспитывался онъ, неизвѣстно; но онъ обладалъ обширными познаніями, особенно по математикѣ. Боевая дѣятельность, начавшаяся подъ Аустерлицомъ и кончившаяся въ стѣнахъ Парижа, далеко выдвинула его изъ рядовъ сверстниковъ. Раненный въ руку на штурмѣ Рущука, имѣя Георгіевскій крестъ за блистательное участіе въ трехдневномъ сраженіи подъ Краснымъ,—Вельяминовъ, тогда еще штабсъ-капитанъ 1 гвардейской артиллерійской бригады, уже обратилъ на себя особенное вниманіе Ермолова. По настоянію послѣдняго, въ 1816 году онъ и былъ назначенъ на важный постъ начальника штаба отдѣльнаго Грузинскаго корпуса. Черезъ два года, на 28 году отъ рожденія, онъ былъ уже генераломъ.

На Кавказѣ Вельяминовъ поспѣваетъ всюду, гдѣ только могла встрѣтиться надобность въ его знаніяхъ и энергіи: закладываетъ вмѣстѣ съ Ермоловымъ Сунженскую линію, строитъ Внезапную, громитъ акушинцевъ, затѣмъ усмиряетъ бунтъ въ Имеретіи, гаситъ возстаніе въ Шамхальствѣ, играетъ вліятельную роль въ покореніи Кабарды — и, наконецъ, является въ роли начальника центра и праваго фланга Кавказской линіи.

Еще по дорогѣ въ Георгіевскъ, во Владикавказѣ, Вельяминовъ, ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ въ Кабардѣ и на правомъ флангѣ, сдѣлалъ важныя распоряженія.

Въ то время начался разливъ Кубани, уничтожившій всѣ переправы отъ Невиннаго Мыса вплоть до Чернаго моря, и до спа-

денія водъ нельзя было ожидать никакихъ предпріятій въ этомъ районѣ со стороны закубанцевъ. Воспользовавшись этимъ, Вельяминовъ снялъ съ кордона до шестисотъ кубанскихъ и кавказскихъ казаковъ и образовалъ изъ нихъ сильный отрядъ, расположивъ его у Усть-Невинскаго укрѣпленія съ четырьмя конными орудіями. Другой конный же отрядъ, изъ двухсотъ донскихъ казаковъ съ двумя казачьими орудіями, подъ командою полковника Побѣднова, сталъ между Баталпашинскою переправою и Бѣломечетскимъ постомъ. Почти весь Навагинскій полкъ, силою въ 2000 штыковъ, расположился лагеремъ при горѣ Недреманной, оставивъ лишь слабые караулы по крѣпостямъ Усть-Лабинской, Кавказской, Прочно-Окопской и въ редутѣ Св. Николая. Для конныхъ разъѣздовъ вызвана была къ этому отряду сборная сотня съ лѣваго фланга изъ станицъ Гребенскихъ и Моздокскихъ. Линейнымъ казачьимъ полкамъ—Хоперскому и Волжскому, приказано выставить сильные конные резервы въ станицахъ Горячевской, на Малкѣ и въ Московской, на Ставропольскомъ трактѣ.

Этимъ распоряженіемъ войскъ заграждены были для закубанцевъ всѣ пути наступленія. Въ данное время, при весеннемъ разливѣ, они могли направиться только или къ сторонѣ Александровска, или на новую Кабардинскую линію; но отряды при горѣ Недреманной, у Усть-Невинскаго укрѣпленія и выше Бѣломечетскаго поста—и закрывали именно эти дороги. Закубанцамъ оставался, правда, еще одинъ путь въ Кабарду — черезъ верховье Кубани и черезъ земли карачаевцевъ на Хассаутъ или Куркужинъ,—путь тѣмъ болѣе удобный, что кабардинцы, стремившіеся тогда уйти за Кубань, должны были встрѣтиться съ ними именно около этихъ мѣстъ, чтобы отправиться дальше уже подъ ихъ прикрытіемъ. Но и здѣсь Вельяминовъ принялъ мѣры. У брода на Малкѣ поставленъ былъ сильный казачій постъ, если и недостаточный для того, чтобы остановить кабардинскихъ бѣглецовъ, то по крайней мѣрѣ имѣвшій возможность замедлить ихъ движеніе, а 2-й батальонъ Ширванскаго полка, подъ командою подполковника Волжинскаго, сталъ у Каменнаго Моста, для наблюденій за проходами по Хассауту, черезъ бродъ Урдо и черезъ Куркужинъ.

Сверхъ того, въ случаѣ дѣйствительнаго вторженія черкесовъ въ Кабарду, можно было бы двинуть сюда значительную часть войскъ съ Кубани, и казачій резервъ Волжскаго полка тоже не былъ бы въ этомъ случаѣ безполезенъ. Впрочемъ, какъ и доносилъ Ермолову Вельяминовъ, пока закубанцы сидѣли смирно, и только ходилъ слухъ, что они намѣрены собраться для освобожденія Кабарды. „Надѣюсь,—прибавлялъ Вельяминовъ:—что сіе предпріятіе съ ихъ стороны будетъ по крайней мѣрѣ безуспѣшно". И онъ, располагая войска по выясненному плану, думалъ не объ отраженіи только нападающаго врага, а о нападеніи на него въ его собственныхъ предѣлахъ: отряды поставлены были такъ, чтобы во всякій данный моментъ могли сосредоточиться, гдѣ угодно, и черкесы не имѣли бы никакой возможности помѣшать этому.

Ближайшіе ногайскіе аулы, сидѣвшіе по ту сторону Кубани, въ большинствѣ участники разгрома станицы Круглолѣсской, поняли, что имъ надо ждать наказанія, и едва отряды заняли назначенныя мѣста, какъ депутація ихъ явилась къ Вельяминову, въ лагерь у Невиннаго Мыса.

Вельяминову было извѣстно, что, при послѣднемъ вторженіи, Джембулатъ не только былъ принятъ въ этихъ аулахъ и простоялъ тамъ нѣсколько дней но къ нему присоединились отсюда 500 человѣкъ ногайской конницы съ нѣсколькими князьями, и что потомъ, когда на обратной переправѣ партія понесла значительный уронъ и была преслѣдуема, она нашла первый пріютъ и убѣжище въ тѣхъ же аулахъ. Поэтому Вельяминовъ не церемонился съ депутатами; въ выраженіяхъ весьма сильныхъ онъ говорилъ объ ихъ вѣроломствѣ и потребовалъ, чтобы они или перешли на правый берегъ рѣки и поселились между казачьими станицами, или же совсѣмъ отодвинулись отъ линіи, очистивъ равнину Зеленчука, и основались въ горахъ. Но въ томъ и другомъ случаѣ они должны были сверхъ того вознаградить русскія села за все, что тѣ потерпѣли черезъ ихъ вѣроломный набѣгъ. Ногайцы нашли однако, что въ распоряженіи Вельяминова слишкомъ мало войска, да и притомъ еще пѣхота, чтобы онъ могъ идти за Кубань, и гордо и рѣшительно отказались выполнить его требованія. Утромъ 26 іюня они выѣхали изъ лагеря.

Но едва депутаты оставили лагерь, какъ войскамъ приказано было готовиться къ походу. Вечеромъ, того же 26-го іюня, черезъ часъ послѣ вечерней зори, отправленной съ обычной церемоніей, батальонъ Навагинскаго полка въ 1400 штыковъ и сборная сотня терскихъ казаковъ, при 19 орудіяхъ, уже выступили по направленію къ Баталпашинску. Палатки, между тѣмъ, оставлены въ томъ видѣ, какъ были, и ротѣ Навагинскаго полка поручено поддерживать огни, чтобы изъ аула султана Саламатъ-Гирея, находившагося какъ разъ напротивъ, на лѣвомъ берегу, не могли замѣтить отсутствіе войска. По дорогѣ, въ Бѣломечетскѣ, къ отряду присоединилась сотня Кавказскаго полка съ коннымъ орудіемъ, подъ начальствомъ сотника Гречишкина; у поста Жмурина ожидали еще 300 казаковъ Кубанскаго полка, подъ командою маіора Степановскаго, съ четырьмя конными орудіями, и, наконецъ, у самаго Баталпашинска отрядъ увеличился еще сотнею кавказскихъ казаковъ, прибывшей съ Усть-Тахтамыша, тоже съ коннымъ орудіемъ. Такимъ образомъ, вечеромъ 27 іюня, на переправѣ черезъ Кубань въ Баталпашинскѣ стоялъ уже сильный отрядъ изъ батальона пѣхоты, 6 сотенъ казаковъ и 25 орудій.

Вельяминовъ велъ дѣло такъ, чтобы захватить въ аулахъ семейства и скотъ, а для этого нужны были быстрота и внезапность. Кубань была въ разливѣ, и брода пришлось искать долго. Наконецъ онъ былъ найденъ, но на столько глубокій, что пѣхоту нужно было перевозить на казачьихъ лошадяхъ. На это потребовалось чрезвычайно много времени, и переправа безостановочно продолжалась 20 часовъ. Тѣмъ не менѣе, къ 5 часамъ пополудни 28 іюня, русскія войска стояли уже за Кубанью.

Въ этотъ день, около 10 часовъ утра, казаки, первые перебравшіеся за Кубань, уже заложили свои секреты. На одинъ изъ нихъ скоро наѣхалъ закубанскій князь Наурузъ Ураковъ съ двумя узденями. Ихъ захватили въ плѣнъ. На допросѣ они показали, что въ аулахъ ничего не знаютъ еще о движеніи русскихъ войскъ, но что пріѣхалъ князь Эдыгъ Мансуровъ и уговариваетъ ногайцевъ отодвинуться для безопасности отъ границы. Плѣнныхъ отправили къ Вельяминову.

Между тѣмъ на тотъ же самый пикетъ наѣхала еще арба, сопровождаемая тремя конными ногайцами. Арба была захвачена, одинъ изъ ногайцевъ убитъ, — но два другіе успѣли ускакать и подняли въ аулахъ тревогу.

Въ арбѣ взятъ Менгли-гиреевскій узденъ съ нѣсколькими мужчинами и женщинами, ѣздившіе за Кубань по собственнымъ дѣламъ. Они подтвердили, что въ моментъ ихъ выѣзда ногайцы и не подозрѣвали близости русскихъ.

Къ 11 часамъ ночи стянулся наконецъ весь отрядъ. Казаки немедленно двинулись впередъ. Первые попутные аулы оказались пустыми,—двое бѣжавшихъ ногайцевъ успѣли предупредить ихъ —и казаки нашли здѣсь только пикетъ, человѣкъ изъ 50, который, давъ залпъ, обратился въ бѣгство. Но жители еще не могли, конечно, уйти далеко. Казаки пустились въ погоню во всѣ повода и скоро, дѣйствительно, настигли множество арбъ и скота. Ногайцы, потерявшіе голову, даже не защищались и отдались въ плѣнъ. Это были аулы князей Науруза Уракова и Мусы Таганова; первый изъ этихъ князей былъ захваченъ въ плѣнъ еще утромъ,—Тагановъ успѣлъ ускользнуть.

Ниже этихъ ауловъ по Малому Зеленчуку никакихъ поселеній не было, выше—лежали абазинскіе аулы. Но такъ какъ они находились въ далекомъ разстояніи, у самыхъ верховьевъ рѣки, то Вельяминовъ оставилъ ихъ въ покоѣ и повернулъ къ Большому Зеленчуку, гдѣ, по извѣстію, полученному капитаномъ Якубовичемъ отъ своего кунака, которому онъ когда-то рыцарски возвратилъ жену,—стояли черкесы, грабившіе Круглолѣсское селеніе.

Шесть сотенъ линейныхъ казаковъ, подъ командой маіора Степановскаго, съ пятью орудіями, первые переправились черезъ Малый Зеленчукъ и понеслись на рысяхъ впередъ. Самъ Вельяминовъ остался наблюдать за переправою пѣхоты. Бродъ здѣсь оказался еще неудобнѣе и глубже, чѣмъ на Кубани, и двое рядовыхъ Навагинскаго полка при переправѣ утонули. Между тѣмъ роты, по мѣрѣ того, какъ онѣ переправлялись, быстро двигались по слѣдамъ казаковъ. Первый эшелонъ пошелъ съ капитаномъ Ильинскимъ, второй—велъ самъ Вельяминовъ, третьимъ командовалъ

подполковникъ Урнижевскій. Всѣ тяжести, обозы и арбы съ плѣнными оставлены были на правомъ берегу Малаго Зеленчука, въ наскоро укрѣпленномъ вагенбургѣ.

Но какъ ни быстро двигались войска, черкесы, предупрежденные ногайцами, успѣли удалиться въ горы. Между тѣмъ, доскакавъ до Большого Зеленчука и не найдя переправы, линейцы пустились черезъ рѣку вплавь, — и съ налета захватили пять ногайскихъ ауловъ со всѣмъ ихъ скотомъ и имуществомъ. Въ числѣ плѣнныхъ захваченъ былъ цвѣтъ ногайской аристократіи; здѣсь были взяты: князь Алакай Мансуровъ, со всѣмъ своимъ семействомъ, состоявшимъ изъ 8 человѣкъ, малолѣтній князь Магометъ Нургадыновъ со своею матерью, князь Измаилъ Кирим-гиреевъ, родной братъ извѣстнаго въ горахъ Бай-Мурзы, лично находившагося при разграбленіи Круглолѣсска, наконецъ, жена самого Мурзы и княгиня (Карачачь?) съ двумя дочерьми.

Когда подошла пѣхота, казаки уже переправляли добычу на свою сторону. Преслѣдуя кочевья по разнымъ направленіямъ, они раздробились такъ, что подъ рукою у Степановскаго не осталось и двухъ полныхъ сотенъ. Нападать на дальнѣйшіе аулы было бы неблагоразумно, тѣмъ болѣе, что переправить пѣхоту чрезъ Большой Зеленчукъ не было никакой возможности, и казакамъ пришлось бы однимъ, на своихъ плечахъ выносить всю тяжесть боя что оказалось бы не легко, если бы изъ окрестныхъ ауловъ подоспѣла помощь. Вельяминовъ приказалъ казакамъ начать отступленіе.

Къ вечеру пости вся баранта уже была переправлена и лишь нѣсколько сотенъ барановъ на самой переправѣ были отхвачены внезапно появившеюся сильною партіею горцевъ. Вельяминовъ справедливо почелъ это послѣднее обстоятельство слишкомъ маловажнымъ, чтобы для него рисковать какими-либо потерями, не говоря уже о новой переправѣ казаковъ за рѣку. Но его не могло не безпокоить отсутствіе капитана Якубовича, оставшагося съ небольшимъ числомъ удальцовъ на томъ берегу, тѣмъ болѣе, что оттуда еще доносились глухіе раскаты жаркой перестрѣлки. Тамъ въ дѣйствительности шло горячее дѣло, и самъ Якубовичъ былъ тяжко раненъ. Онъ стоялъ за деревомъ, когда на него напали

два горца; одного онъ положилъ на мѣстѣ ударомъ шашки, но другой выстрѣлилъ въ него почти въ упоръ изъ ружья—и Якубовичъ упалъ; пуля раздробила ему черепъ надъ правымъ глазомъ. Къ счастію, съ Якубовичемъ были все люди, что называется, „отпѣтые", бывшіе не разъ во всякихъ передѣлкахъ, которые умѣли найти выходъ изъ всякаго положенія. Отразивъ нападеніе горцевъ и не давая имъ опомниться, они кинулись въ рѣку вплавь, и благополучно, на глазахъ ихъ, добрались до лагеря, перевезя съ собою и любимаго начальника.

Въ отрядѣ немедленно разнеслась преувеличенная вѣсть, что Якубовичъ убитъ,—и всѣхъ встревожила. Она имѣла нѣкоторое основаніе: Якубовичъ хотя и пришелъ скоро въ себя, но доктора, осмотрѣвшіе рану, признали ее безусловно смертельною. Желѣзная натура этого человѣка показала, однако, что доктора ошибались,—черезъ сутки Якубовичъ, блѣдный, съ завязанною головою, уже ѣхалъ на конѣ передъ удалою ватагою. Черная повязка на лбу съ тѣхъ поръ сопровождала его всюду, и въ рудники и въ холодныя снѣжныя равнины Енисейска: рана не заживала до самой его смерти.

По случаю ненастной погоды два дня простояли войска на правомъ берегу Большого Зеленчука. А тѣмъ временемъ по горамъ распространилась тревога, и на помощь къ ногайцамъ скакали со всѣхъ сторонъ бѣглые кабардинцы, башильбаевцы, бесленеевцы и абазины. Даже отъ абазеховъ успѣлъ пріѣхать старшина, Измаилъ Атуковъ, съ нѣсколькими десятками всадниковъ. Такимъ образомъ составилось сборище приблизительно въ полторы тысячи человѣкъ,—и Вельяминову было ясно, что горцы нападутъ на отрядъ при его отступленіи.

Дѣйствительно, уже 2 іюля, когда весь отрядъ съ плѣнными и стадами двигался обратно съ Большого Зеленчука на Малый, въ арьергардѣ и въ боковыхъ цѣпяхъ, на протяженіи всего пути, шла перестрѣлка, вырвавшая изъ русскихъ рядовъ семь человѣкъ убитыми и ранеными. Переправа черезъ Малый Зеленчукъ была совершена ночью. За отрядомъ, верстахъ въ трехъ выше по рѣкѣ, перешла и часть непріятеля.

Отъ Малаго Зеленчука къ Кубани лежали теперь два пути:

одинъ на Баталпашинскую переправу, по которой пришелъ отрядъ, другой—на Усть-Тахтамышскій постъ. Горцы разсчитывали, очевидно, что отрядъ пойдетъ первымъ путемъ; но Вельяминовъ избралъ послѣдній, во-первыхъ потому, что дорога на Баталпашинскъ шла самымъ берегомъ Малаго Зеленчука, давая возможность черкесамъ стрѣлять черезъ рѣку по отряду изъ-за кустовъ, не подвергаясь съ своей стороны ни малѣйшей опасности, а во-вторыхъ и потому, что переходъ на Усть-Тахтамышъ былъ значительно короче.

Закубанцы, которые оставались еще на лѣвой сторонѣ Малаго Зеленчука, видя, что отрядъ обманулъ ихъ предположенія и ускользаетъ отъ ихъ огня, немедленно переправились также на правую сторону и соединились съ своими. Между тѣмъ отрядъ успѣлъ пройти версты четыре. Начиналась обширная лощина, впереди которой виднѣлась вдали, справа, большая лѣсистая гора, какъ разъ примыкавшая къ самой дорогѣ. Вельяминовъ послалъ маіора Пирятинскаго съ двумя Навагинскими ротами и 4 орудіями заранѣе занять и лѣсъ и высоту, чтобы прикрыть движеніе съ этой стороны,—и отрядъ вдвинулся въ лощину, занимая лежавшую также вправѣ, ближайшую высоту сотнею казаковъ съ двумя конными орудіями, подъ командою Якубовича. Несмотря на тяжелую рану, Якубовичъ явился среди войскъ съ повязкою, чрезъ которую просачивалась еще свѣжая кровь, и во все продолженіе похода, по словамъ Вельяминова, „не переставалъ отправлять самую дѣятельную службу, и въ сей день сражался съ отличною, т. е. съ обыкновенною своею храбростію и благоразуміемъ“. Закубанцы, между тѣмъ, большими толпами двигались также къ лощинѣ, и Вельяминовъ увидѣлъ рѣшительное намѣреніе ихъ атаковать отрядъ съ правой стороны.

Войска остановились. Къ Якубовичу немедленно двинуты еще двѣ сотни казаковъ съ однимъ коннымъ орудіемъ и 50 стрѣлковъ, а маіору Степановскому съ Кубанскими казаками, 3 конными орудіями и ротою пѣхоты, приказано занять высоту впереди той, на которой стоялъ Якубовичъ, и отъ которой она отдѣлялась просторною долиной; на эту же долину наведены были съ дороги три орудія пѣшей артиллеріи. Но еще не выполнены были всѣ эти распоряженія, какъ черкесы стремительно бросились на отрядъ

Якубовича. Якубовинъ отбился; но горцы все-таки прорвались до главнаго отряда и, по словамъ одного изъ участниковъ, врѣзались въ пѣхоту. Вельяминовъ ничего не говоритъ объ этомъ эпизодѣ въ своемъ донесеніи, но разсказываютъ, что навагинцы потеряли здѣсь болѣе 30 человѣкъ изрубленными, что большой опасности подвергся даже самъ Вельяминовъ и что непріятель былъ отброшенъ только мѣткою картечью изъ орудій капитана Давыдова. Въ то же время толпы горцевъ появились и на высотѣ, на которую шелъ Степановскій. Но здѣсь непріятеля встрѣтили уже и цѣпью Навагинскаго полка и пушечными выстрѣлами, какъ съ дороги, на которой стоялъ отрядъ, такъ и съ высоты впереди, которую занималъ Пирятинскій. Горцы остановились. Въ эту минуту Степановскій атаковалъ высоту съ своими кубанцами, сбросилъ горцевъ внизъ, и медленно сталъ подаваться по горѣ навстрѣчу къ маіору Пирятинскому. Главный отрядъ также тронулся, согласуя свои движенія съ движеніями Степановскаго. Тогда горцы всѣми силами снова обрушились на Якубовича, и только отрядили небольшую толпу занять лѣсъ, находившійся впереди, возлѣ самой дороги. Въ лѣсу стояли, однакоже, стрѣлки Пирятинскаго, и партія, встрѣченная здѣсь неожиданно сильнымъ огнемъ, быстро отступила; но нападеніе на отрядъ Якубовича было весьма упорно. Закубанцы, давшіе слово сломить его во что бы то ни стало, дрались съ большею рѣшимостію, нежели обыкновенно, и нѣсколько разъ бросались подъ самыя орудія. Наконецъ, послѣ трехчасовой борьбы, потерявъ много людей убитыми и ранеными, они отступили и съ тѣхъ поръ уже не показывались. Въ девять часовъ вечера отрядъ переправился черезъ Кубань и подошелъ къ Усть-Тахтамышскому посту.

Непріятель понесъ значительныя потери; въ числѣ раненыхъ находились и главнѣйшіе его вожди: Измаилъ Атуковъ, Карамурзинъ и Мамбетовъ.

Въ рукахъ отряда было 1467 человѣкъ плѣнныхъ. Меньшая часть ихъ отправлена въ Георгіевскъ на казенныя работы; бо́льшая—старики, женщины и дѣти—роздана по станицамъ и селамъ.

Такъ кончился первый походъ Вельяминова за Кубань.

Всю экспедицію вынесли на своихъ плечахъ главнымъ обра-

зомъ молодцы линейцы, поддерживаемые нѣсколькими конными орудіями; пѣхота почти не принимала участія въ столкновеніяхъ и тамъ, гдѣ ей это приходилось, какъ въ эпизодѣ прорыва черкесовъ мимо Якубовича, оказалась недостаточно знакомой съ духомъ и боевыми пріемами черкесовъ. Вельяминовъ даже писалъ Ермолову, что въ войскахъ, расположенныхъ по Кубани, и долгое время не имѣвшихъ дѣйствій съ закубанцами, онъ замѣтилъ „чрезмѣрно большое къ черкесамъ уваженіе, въ которомъ участвуютъ и самые офицеры".

Оба Зеленчука, и Большой и Малый, были очищены отъ враждебнаго населенія, а на мѣстѣ его, почти до самой Лабы, лежало теперь обширное пустое пространство, дѣлавшее разбойничьи предпріятія горцевъ значительно труднѣе. Конечно, горцы не относились къ этому обстоятельству равнодушно, и весь августъ мѣсяцъ происходили въ горахъ съѣзды и совѣщанія. Чтобы вознаградить потери на Зеленчукахъ, черкесы въ концѣ концовъ склонялись къ рѣшенію ворваться въ Кабарду и увести за Кубань мирныхъ кабардинцевъ; на этомъ болѣе всего настаивали бѣглые кабардинскіе князья, въ особенности Али-Карамурзинъ и Измаилъ Касаевъ. Но были и противныя мнѣнія,—и партіи то прибывали, то убывали. Наконецъ, въ началѣ сентября, горцы окончательно разошлись по домамъ, не принявъ никакого рѣшенія. Между тѣмъ пониженіе водъ вновь открыло пути мелкому хищничеству: появились партіи, но большею частію, впрочемъ, онѣ возвращались домой безъ добычи и съ потерями.

При такихъ благопріятныхъ предзнаменованіяхъ наступала осень, и Вельяминовъ уже склонялся къ мысли, что мелкими попытками грабежей и разбоевъ ограничатся всѣ предпріятія горцевъ. Вышло, однако, иначе. Въ томъ же сентябрѣ вновь съѣхались горцы на совѣщаніе,—и настоятельныя требованія новаго набѣга немедленно восторжествовали; остался только не рѣшеннымъ вопросъ, куда именно онъ будетъ направленъ. Бѣглые кабардинцы и тутъ настаивали, чтобы идти за Малку; но ногайцы, потерявшіе на Зеленчукахъ большое количество плѣнныхъ и скота, предлагали на-

бѣгъ за Кубань, гдѣ имъ можно было бы грабежемъ русскихъ селеній вознаградить свои потери. Идти за Малку, въ районъ, наполненный скученными русскими укрѣпленіями и войсками, самимъ черкесамъ представлялось дѣломъ рискованнымъ, и они склонились на предложенія ногайцевъ. Было рѣшено дождаться только полнолунія и напасть либо на селеніе Каменнобродское, либо на Сенгилеевку.

Находились, однако, нетерпѣливыя партіи, которыя не стали ожидать новолунія, а пошли грабить теперь же, и на линіи начались тревоги за тревогами. Въ самомъ концѣ августа, 40 кабардинцевъ внезапно появились подъ Воровсколѣсскомъ, схватили двухъ казаковъ, безпечно стоявшихъ за околицей, и на глазахъ просыпавшейся станицы, кустами и балками ускакали назадъ прежде, чѣмъ на площади успѣли ударить въ набатный колоколъ. А 10-го сентября еще болѣе значительная шайка кинулась на Сухопадинскіе хутора, принадлежавшіе селу Александріи. Здѣсь, одна часть горцевъ захватила табунъ и погнала его за Кубань,— другая же, человѣкъ въ 30, устроила засаду на проѣзжей дорогѣ подъ мостомъ близлежащей рѣчки. На зарѣ показался обозъ, медленно спускавшійся съ горы къ этому мосту. Впереди ѣхалъ казакъ; на переднемъ возу сидѣли три крестьянина, на заднихъ— бабы и дѣти. Вдругъ грянулъ выстрѣлъ. Казакъ свалился съ лошади, и черкесы, выросшіе какъ изъ земли, оцѣпили обозъ. Крестьянинъ, схватившійся было за вилы, мгновенно былъ изрубленъ, а всѣ остальные очутились въ плѣну. Не теряя времени, партія опять повернула на хутора, захватила станичное стадо, пасшееся на выгонѣ, вмѣстѣ съ бывшими при немъ четырьмя мальчиками, и ускакала за Кубань. По дорогѣ, черкесы, противъ обыкновенія, бросили женщинъ, а лазутчики говорили потомъ, что они привезли за Кубань только семь мальчиковъ; куда они дѣвали взрослыхъ крестьянъ—осталось неизвѣстнымъ.

Два дня спустя, 12 сентября, новая партія горцевъ отхватила на рѣкѣ Тахтамышѣ большой табунъ, принадлежащій ногайскому князю Мусѣ Таганову. Но тутъ ее постигла неудача. Проѣзжая на возвратномъ пути въ полуверстѣ отъ Открытаго поста, она была замѣчена секретомъ. На тревогу выѣхалъ казачій постъ и настигъ

партію въ трехъ верстахъ за Кубанью. Сотникъ Гласковъ, имѣя въ своемъ распоряженіи не больше сорока казаковъ, не задумался, однако, ударить на хищниковъ. Черкесы дали отпоръ; но, сбитые дротиками, оставили табунъ и обратились въ бѣгство. Казаки гнали ихъ до самыхъ вершинъ Подкумка. Доскакавъ до ущелья, хищники спѣшились; но здѣсь казаки не рѣшились броситься снова въ пики и ограничились только перестрѣлкою. Попытка выбить непріятеля изъ его крѣпкой позиціи могла бы стоить многихъ жертвъ, и Гласковъ возвратился назадъ, потерявъ во всемъ дѣлѣ одного казака убитымъ и двоихъ ранеными.

Намѣренія горцевъ тотчасъ же стали извѣстны Вельяминову; онъ рѣшилъ предупредить ихъ, и какъ только аулы, бѣжавшіе съ Зеленчука, осядутъ на Лабѣ, у предгорій,—нагрянуть на нихъ опять съ линейными казаками.

Послѣ первой экспедиціи Вельяминовъ стоялъ у Невиннаго Мыса, Кацыревъ у Прочнаго Окопа, а донской полковникъ Побѣдновъ у Тахтамышскаго аула. Но въ концѣ сентября отряды вновь пришли въ передвиженіе. Батальонъ Ширванскаго полка отъ Каменнаго Моста перешелъ къ Невинному Мысу, куда прибыли также двѣ роты изъ Круглолѣсска и стягивались казачьи резервы изъ линейныхъ полковъ: Кубанскаго, Кавказскаго, Волжскаго и Хоперскаго. Составился сильный отрядъ, въ три тысячи человѣкъ пѣхоты и 800 линейныхъ казаковъ, при 14 пѣшихъ и двухъ конныхъ орудіяхъ.

Въ ночь съ 29 на 30 сентября, Вельяминовъ вдругъ двинулъ этотъ отрядъ за Кубань. Войска шли всю ночь, не зная, куда и зачѣмъ идутъ; днемъ они скрывались въ балкахъ или въ лѣсахъ, а съ вечера снова шли, и, сдѣлавъ такимъ образомъ, менѣе нежели въ сутки, болѣе ста верстъ, 1 октября утромъ очутились на Чамлыкѣ. Якубовичъ, съ небольшою партіею казаковъ, пустился далѣе, къ сторонѣ Лабы, на развѣдки, а вечеромъ, по его слѣдамъ, двинулся опять и весь отрядъ. Скоро отъ Якубовича пришло донесеніе, что близъ Лабы видны огни, но что сильный лай собакъ мѣшаетъ ему приблизиться. Вельяминовъ тотчасъ послалъ къ нему батальонъ ширванцевъ съ шестью линейскими сотнями. Тревога оказалась, однако, фальшивою: Якубовичъ въ темнотѣ принялъ за

аулъ находившійся вблизи рѣдкій лѣсъ, а огни, имъ видѣнные, вѣроятно, горѣли у караульныхъ пастуховъ. Но вскорѣ отъ Якубовича прискакалъ новый гонецъ съ извѣстіемъ, что онъ перешелъ Лабу и стоитъ подъ ауломъ, что аулъ уже просыпается, и пастухи выгоняютъ скотъ. Тогда шесть сотенъ линейныхъ казаковъ, подъ командою командира Волжскаго казачьяго полка, маіора Верзилина, быстро переправившись черезъ Лабу, во весь духъ понеслись на помощь къ Якубовичу. Двѣ роты Навагинскаго полка и одна Тенгинскаго, съ четырьмя орудіями, поддерживали движеніе конницы.

Казаки успѣли окружить три аула, стоявшіе въ близкомъ разстояніи одинъ отъ другого. Это были ногайцы, прогнанные съ Зеленчука и только что начинавшіе устраивать свои новыя поселенія на Лабѣ, по указанію своего владѣльца, князя Эдиге Мансурова. Аулы захвачены были совершенно врасплохъ. Самъ Эдиге Мансуровъ едва успѣлъ какимъ-то чудомъ ускакать съ женою, но все его имущество осталось въ русскихъ рукахъ. Весь скотъ, въ количествѣ двухъ тысячъ головъ, былъ взятъ при первомъ же налетѣ. Изъ жителей не спаслось почти ни одного: 300 человѣкъ были вырѣзаны, 566 душъ захвачены въ плѣнъ. Непомѣрная потеря непріятеля—замѣчаетъ Ермоловъ:—произошла отъ того, что казаки на самомъ разсвѣтѣ застали жителей спящими и мгновенно отрѣзали сообщеніе между аулами. Свободною оставалась одна сторона, къ Лабѣ, но пѣхота, скрытно прошедшая до самой переправы, заняла прибрежный лѣсъ—и все, что въ немъ искало спасенія, или погибло, или было взято въ плѣнъ.

Современники говорятъ, впрочемъ, что была другая причина жестокаго истребленія горцевъ. Дѣло въ томъ, что плѣнные, во избѣжаніе расходовъ казны, по приказанію Вельяминова раздавались на содержаніе линейныхъ казачьихъ станицъ. Мѣра эта, приводившая казаковъ къ излишнимъ издержкамъ, крайне имъ не нравилась и имѣла печальныя послѣдствія: чтобы отдѣлаться отъ этихъ расходовъ, казаки совсѣмъ перестали брать плѣнныхъ и не щадили ни дѣтей, ни женщинъ.

Въ числѣ плѣнныхъ были: малолѣтній князь Шабанъ-Гирей, дочь князя Каммукая Мансурова и двѣ сестры князя Салибея. При

одной изъ послѣднихъ была прелестная четырехъ-лѣтняя дочь; но испугъ такъ подѣйствовалъ на малютку, что она захворала и умерла на одномъ изъ переходовъ. Тутъ же, въ числѣ плѣнныхъ, оказался и сынъ султана Менгли-Гирея, генерала русской службы, отданный имъ, по народному обычаю, на воспитаніе закубанцамъ. Его вмѣстѣ съ аталыкомъ отправили къ отцу.

Весь бой вели и на этотъ разъ почти одни линейцы; пѣхота подошла только тогда, когда дѣло уже было совершенно окончено. Потеря казаковъ была ничтожна и не превышала 8 человѣкъ; но въ числѣ выбывшихъ изъ строя, къ сожалѣнію, находился храбрый сотникъ Моздокскаго полка, Старожиловъ: онъ былъ раненъ смертельно и на другой день умеръ.

На слѣдующій день, 2-го октября, пока войска стояли еще на правомъ берегу Лабы, въ лагерѣ, закубанцы показывались съ разныхъ сторонъ, но ничего не осмѣлились предпринять противъ отряда. Войска простояли на занятой позиціи до 7 октября, и во все это время черкесы поминутно появлялись то противъ водопоя, то противъ фуражировъ, то противъ наблюдательнаго казачьяго поста, выдвинутаго на высоту, далеко за черту лагеря. Но дѣло всегда ограничивалось лишь перестрѣлкой на дальнемъ разстояніи.

Однообразіе лагерной стоянки нарушилось здѣсь пріѣздомъ къ Вельяминову какого-то турецкаго чиновника, который отъ имени анапскаго паши требовалъ, чтобы Вельяминовъ остановилъ опустошеніе земель, принадлежащихъ султану, и возвратилъ всѣхъ плѣнныхъ, взятыхъ въ аулахъ князя Эдиге Мансурова. „Я отвѣчалъ ему,—говоритъ Вельяминовъ въ донесеніи объ этомъ:—что не мы начали непріязненныя дѣйствія, и потому онъ прежде обязанъ заставить горцевъ возвратить все, что ими взято на линіи, а до тѣхъ поръ не только не возвращу ихъ плѣнныхъ, но буду продолжать опустошенія по мѣрѣ моей возможности, и надѣюсь наконецъ принудить горцевъ повиноваться распоряженіямъ султана, заботящагося о поддержаніи добрыхъ отношеній между Россіею и Портою“.

7 октября, отрядъ, обремененный добычею и плѣнными, двинулся наконецъ обратно къ Кубани. Черкесы провожали его слабою

перестрѣлкою, и только разъ довольно горячо, но не стойко, напали на арьергардъ, не вдаваясь, однакоже, въ опасности. Уронъ, понесенный ими на Маломъ Зеленчукѣ, кажется, сдѣлалъ ихъ болѣе осторожными; по замѣчанію Вельяминова, „они были *скромны* въ своихъ атакахъ“.

Въ часъ пополудни вдругъ подулъ сильный встрѣчный вѣтеръ и замедлилъ движеніе. Отрядъ шелъ не дорогою, а цѣлиною, по густой травѣ и бурьяну. Черкесы быстро сообразили возможность нанести ему ужасный вредъ. Во весь духъ они обскакали его стороною и скрылись изъ виду. Никому изъ русскихъ не приходило и на мысль о возможности степного пожара, какъ вдругъ солдаты увидѣли впереди себя горѣвшую траву, и не болѣе, какъ въ четверть часа стѣна пламени, гонимая вихремъ, съ густымъ дымомъ шла прямо на отрядъ. Поднялась тревога; обозы и артиллерія повернули назадъ. Но огонь быстро догонялъ ихъ; опасность становилась съ каждой минутой страшнѣе и очевиднѣе. Къ счастью, кто то догадался зажечь траву позади отряда и тотъ же степной пожаръ, который грозилъ ему спереди, явился его спасителемъ въ тылу; скоро очистилось обширное пространство безъ травы, и обозы съ артиллеріей расположились въ безопасности на полѣ, еще покрытомъ не остывшимъ пепломъ.

Но еще ранѣе этого уже произошла горячая схватка съ черкесами. Слѣдуя за стѣною пламени и оглашая воздухъ радостнымъ гикомъ, они считали отрядъ своею добычею. По счастію, въ авангардѣ былъ Якубовичъ, быстро сообразившій возможность обратить во вредъ непріятелю самую выгоду его положенія. Триста спѣшенныхъ казаковъ и цѣпь Навагинскаго полка бросились за нимъ черезъ огонь остановить непріятеля. И вотъ, неожиданно выскочившіе изъ пламени казаки и солдаты дружнымъ залпомъ въ упоръ страшно опустошили ряды непріятеля и бросились на него въ кинжалы, въ шашки, въ штыки и приклады. Бой, посреди удушающаго смрада горѣвшей травы, длился лишь нѣсколько минутъ, и горцы бѣжали въ совершенномъ смятеніи. Не лишнее сказать, что первымъ проскочилъ черезъ пламя подпоручикъ Навагинскаго полка Ваницкій.

Такимъ образомъ, отрядъ на этотъ разъ счастливо избѣжалъ грозившей ему опасности. По счастію, закубанцевъ было не много, и только потому придуманная ими хитрость окончилась ничѣмъ. Если бы они, пустивъ линію огня спереди, могли окружить отрядъ съ тылу и фланговъ, стараясь задержать его на мѣстѣ, трудно было бы съ ними справиться: ему приходилось бы или сгорѣть среди взрывовъ зарядныхъ ящиковъ своей артиллеріи, или же погибнуть въ безпорядочной битвѣ, такъ какъ о сохраненіи строя въ подобномъ случаѣ нечего было бы и думать.

Урокъ, данный горцамъ Якубовичемъ, заставилъ ихъ оставить преслѣдованіе. Только вечеромъ, когда отрядъ остановился на Лабѣ, горцы еще разъ попытались занять на противоположномъ берегу довольно значительный лѣсъ, чтобы тревожить выстрѣлами лагерь. Но въ лѣсу уже стоялъ опять вѣчно грозный для нихъ Якубовичъ, и они должны были оставить свое намѣреніе. 12 октября отрядъ, нигдѣ уже больше не тревожимый горцами, прибылъ въ Усть-Лабинскую крѣпость.

Экспедиція эта стоила бѣглымъ кабардинцамъ дорого, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что они потеряли тяжело раненымъ въ ногу, одного изъ извѣстнѣйшихъ своихъ наѣздниковъ, молодого князя Измаила Касаева.

На Кубанской линіи на время опять водворилось относительное спокойствіе.

Показавъ закубанскимъ племенамъ, что наступило время, когда ни одно изъ ихъ нападеній не будетъ оставаться безнаказаннымъ, Вельяминовъ принялся за устройство пограничной линіи. Онъ нашелъ самую систему охраны правильною. Два донскіе полка растянуты были кордономъ по берегу Кубани отъ границъ Черноморіи до Баталпашинска. Сзади этой линіи постовъ, два линейные полка, Кубанскій и Кавказскій, образовали конные подвижные резервы, долженствовавшіе охранять внутреннія селенія. Сверхъ того, въ мѣстахъ наиболѣе опасныхъ каждую ночь закладывались секреты.

Но оплошное исполненіе сторожевыхъ обязанностей здѣсь было, къ сожалѣнію, явленіемъ не рѣдкимъ; особенно страдали этимъ

дистанціи, занятыя донскими казаками, гдѣ замѣчалось и наибольшее число прорывовъ. Вельяминовъ объявилъ, что такія обстоятельства, какъ глухая осень, темныя ночи, бурная, ненастная погода и т. п., на которыя обыкновенно ссылались тогда для оправданія оплошности, не могутъ избавлять кордонныхъ начальниковъ отъ отвѣтственности, что именно въ ненастную пору и не должны случаться прорывы, такъ какъ тогда труднѣе нападать, нежели защищаться. Онъ самъ не полѣнился объѣхать посты и кордоны, и личнымъ опытомъ убѣдился въ необходимости перебросить секреты и на ту сторону рѣки.

Секреты эти приносили большую пользу, которая отразилась въ многочисленныхъ разсказахъ, сохранившихся и понынѣ въ устахъ очевидцевъ. Вотъ одинъ изъ нихъ.

Однажды десять отличныхъ молодцовъ линейцевъ съ двумя офицерами отправились въ секретъ, къ извѣстной казакамъ горѣ, у которой сходятся нѣсколько дорогъ, служившихъ горцамъ обычными путями въ русскія границы. Казаки залегли подъ обрывистыми скалами, въ камышахъ, совершенно скрывавшихъ ихъ. Рано утромъ изъ ущелья показался всадникъ на красивомъ бѣломъ конѣ, за нимъ другой, третій, — и казаки насчитали ихъ до 26. Всадникъ на бѣломъ конѣ ѣхалъ впереди всѣхъ, прочіе толпились въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, и партія направлялась прямо на казаковъ. Въ саженяхъ двухстахъ отъ секрета бѣлый конь вдругъ остановился, какъ бы испуганный, и бросился назадъ. Всадникъ ударилъ его нагайкой, и рьяный конь сдѣлалъ скачокъ, пронесся на большое пространство и, остановленный твердою рукою всадника, уставилъ уши, раздулъ ноздри, фыркнулъ—и опять со всѣхъ ногъ бросился назадъ. Съ удивленіемъ и любопытствомъ смотрѣли казаки на легкія, воздушныя движенія коня и на красивую фигуру всадника. Одежда, панцырь, шишакъ, богатая шашка, кинжалъ и лукъ съ колчаномъ, все облитое серебрянымъ вызолоченнымъ наборомъ подъ чернью,—обрисовывало, при восходящихъ яркихъ лучахъ солнца, высокій, стройный станъ, мужественныя и вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно красивыя черты лица всадника, имѣвшаго видъ красавца-рыцаря среднихъ вѣковъ.

Казаки знали, что этотъ красивый всадникъ былъ изъ числа самыхъ ожесточенныхъ враговъ Россіи, закубанскій владѣлецъ; окруженъ онъ былъ отважнѣйшими своими узденями.

Удержавъ и повернувъ опять бѣлаго коня своего, бросившагося отъ испуга назадъ, всадникъ пригнулся къ сѣдлу и чрезъ нѣсколько мгновеній осадилъ коня уже шагахъ въ 30 отъ секрета. Узденн были также на лихихъ коняхъ и отъ него не отстали. Но вѣрный бѣлый конь съ тончайшимъ инстинктомъ звѣря опять почуялъ засаду. Онъ снова фыркнулъ, поднялъ гриву и весь дрожалъ, какъ бы предупреждая всадника о грозившей ему опасности. Но вотъ раздался условный для секрета сигналъ, легкій, едва слышный свистъ, — и грянулъ залпъ. Нѣсколько пуль поразили закубанскаго владѣльца, и бывшаго вблизи узденя; оба они свались съ лошадей; еще одинъ уздень схватился за грудь и упалъ на луку своего сѣдла; прочіе бросились къ убитымъ, съ необыкновеннымъ проворствомъ подхватили ихъ и во весь опоръ понеслись назадъ въ горы.

Съ сожалѣніемъ смотрѣли казаки на оставшагося безъ всадника, также раненаго, бѣлаго коня. Неся окровавленную ногу, истекая кровью, онъ долго не отставалъ отъ своихъ; но силы постепенно оставляли его, и онъ палъ у подошвы горы, за которой скрылись черкесы.

Секрету оставаться на своемъ мѣстѣ было уже безполезно, да и опасно. Слѣдовало ожидать, что сильная партія закубанцевъ будетъ отправлена для осмотра мѣстности, — и казаки поспѣшили воротиться въ лагерь.

Подобнымъ образомъ секреты не разъ отпугивали закубанцевъ отъ линіи; но частные прорывы, конечно, все-таки попрежнему случались, нерѣдко принимая въ воображеніи населенія размѣры гораздо больше дѣйствительныхъ. Такъ, 2 ноября 1823 г., по линіи распространился слухъ, что будто бы закубанцы опять напали около Ставрополя на деревни Каменнобродку и Сенгилеевку, разорили нѣсколько домовъ и взяли въ плѣнъ около 150 душъ, а на возвратномъ пути сожгли Прочно-Окопскіе хутора, и намѣрены разорить самую станицу. Нарочный, прискакавшій съ этимъ извѣщеніемъ отъ князя Бековича, говорилъ даже, что если бы не удер-

жали хищниковъ небольшія команды солдатъ съ пушками, они истребили бы селенія дочиста. Слухъ этотъ, какъ и слѣдовало ожидать, оказался невѣрнымъ, и дѣло разъяснилось слѣдующимъ образомъ. 2 ноября, человѣкъ 30 кабардинцевъ, пробравшись на Куму, къ Маджарамъ, гдѣ вовсе не было войска, напали около села Владиміровки на табунъ, принадлежавшій помѣщику, угнали шестьдесятъ лошадей, и взяли въ плѣнъ пастуха. За ними погнались вооруженные помѣщичьи крестьяне, напали ночью на сонныхъ грабителей, троихъ убили, и пастуха изъ плѣна выручили; но лошади были все-таки угнаны черкесами, пригрозившими явиться еще разъ и добраться до самого помѣщика.

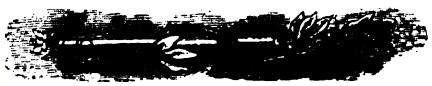
И вотъ, этотъ-то ничтожный и столь обыкновенный на Кубани случай, подъ вліяніемъ все еще господствовавшей круглолѣсской паники, выросъ въ глазахъ испуганнаго населенія до колоссальныхъ размѣровъ истребленія цѣлыхъ селъ и отрядовъ.

Впрочемъ, крестьяне по деревнямъ, наученные горькимъ опытомъ, стали теперь заботиться и сами о своей защитѣ. Одно офиціальное донесеніе отмѣчаетъ, что они закупали безпрестанно, гдѣ могли, ружья, съ цѣлію, конечно, быть готовыми встрѣтить врага не съ голыми руками.

Съ другой стороны, войска не оставались также равнодушными передъ фактами грабежей, и время отъ времени предпринимались отвѣтные набѣги. Такъ, 1 ноября, полковникъ Побѣдновъ съ пятьюстами казаковъ, при трехъ орудіяхъ, сдѣлалъ движеніе къ сторонѣ Эльборуса, и высланная имъ впередъ команда изъ 23 человѣкъ, напавъ на Карачаевскій кошъ, угнала, при слабой перестрѣлкѣ, до тысячи барановъ.

Словомъ, тревожная жизнь Кубанской линіи вступила въ обычную свою колею, въ которой спокойствія не было, но и не было, по крайней мѣрѣ, слишкомъ крупныхъ тревогъ и нашествій.

Вельяминовъ вскорѣ уѣхалъ на минеральныя воды, поручивъ войска на Кубани своему достойному помощнику, Кацыреву.



XXVIII.

Кацыревъ на правомъ флангѣ.

(1824 годъ).

Не многіе изъ кавказскихъ дѣятелей пользовались такою громкою и заслуженною извѣстностью, какъ Юрій Павловичъ Кацыревъ, давшій своими дѣйствіями на правомъ флангѣ въ 1824 году примѣръ самостоятельной и весьма практичной системы отношеній къ черкесскимъ племенамъ Закубанья.

Кацыревъ былъ личностью не заурядной. Настоящая фамилія его была Казара. По словамъ Родожицкаго онъ происходилъ изъ грековъ, поселившихся въ Полтавской губерніи, куда онъ часто и ѣздилъ съ Кавказа въ отпускъ, къ матери и сестрамъ. Но самъ онъ выдавалъ себя всегда за родственника извѣстнаго генерала Мелиссино. Воспитаніе онъ получилъ въ кадетскомъ корпусѣ, откуда вышелъ въ 1804 году подпоручикомъ въ 7 артиллерійскій полкъ, расположенный въ то время на Кубани. Хорошо образованный, прекрасно владѣвшій иностранными языками, онъ обратилъ на себя вниманіе генерала Глазенапа, командовавшаго тогда Кавказскою линіею, и сдѣлалъ съ нимъ Кабардинскій походъ, бывшій началомъ его необыкновенно дѣятельной боевой жизни. Вся служба Кацырева есть непрерывная цѣпь походовъ въ Грузіи, на линіи, въ

Чечнѣ и въ Дагестанѣ. Ермоловъ имѣлъ случай оцѣнить его военныя дарованія и постарался выдвинуть его изъ ряда сверстниковъ. Награжденный за Мехтулинскій походъ и бой подъ Лавашами владимірскимъ крестомъ и чиномъ подполковника, онъ получилъ въ командованіе 22-ю артиллерійскую бригаду. Энергическія дѣйствія его въ Кабардѣ и походъ съ Ермоловымъ въ Баксанское ущелье доставили ему чинъ полковника, орденъ св. Анны 2 ст., украшенный бриллiантами, и назначеніе командовать войсками, расположенными въ центрѣ Кавказской линіи. Съ пріѣздомъ на правый флангъ Вельяминова, Кацыревъ былъ вызванъ въ дѣйствующій отрядъ, въ качествѣ начальника всей артиллеріи, и въ обоихъ походахъ за Кубань является однимъ изъ важнѣйшихъ его помощниковъ.

Проведя всю свою жизнь среди военныхъ треволненій Кавказскаго края, Кацыревъ былъ незамѣнимъ по своей опытности. Для центра и праваго фланга Кавказской линіи онъ сталъ тѣмъ же, чѣмъ былъ Грековъ для лѣваго,—хотя, при равныхъ военныхъ дарованіяхъ, они отличались рѣзко другъ отъ друга характерами и самою наружностью. Родожицкій, хорошо знавшій обоихъ, характеризуя въ своихъ запискахъ Кацырева именно по сравненію съ Грековымъ, говоритъ: „Грековъ по виду воинъ не бойкій, смирный, кроткій, и я съ перваго пріема даже не почелъ его за генерала, такъ онъ показался мнѣ молодъ и неказистъ. Кацыревъ, напротивъ, былъ человѣкъ суровый, скрытный и нелюдимый. Онъ былъ очень завистливъ къ успѣхамъ другихъ, и не терпѣлъ князя Бековича, когда тотъ сталъ выдвигаться на Кубани своими боевыми подвигами“. И Кацыревъ въ своихъ отношеніяхъ съ горцами былъ, точно, суровъ до безпощадности.

Такимъ образомъ, когда, осенью 1823 года, Вельяминовъ уѣхалъ въ Георгіевскъ, оставивъ охраненіе праваго фланга на рукахъ Кацырева, постигавшаго лучше, чѣмъ кто-либо, систему черкесской войны,—нужно было ожидать важныхъ проявленій его энергіи.

Дѣйствительно, хотя на всемъ огромномъ, въ 250 верстъ, протяженіи праваго фланга, отъ Баталпашинска до Черноморья, линія оборонялась только двумя линейными казачьими полками, Кавказскимъ и Кубанскимъ, двумя полками донцовъ да 5 батальонами пѣхоты (полковъ: Ширванскаго, Тенгинскаго и Навагинскаго) съ

22 орудіями; хотя съ этими ограниченными средствами приходилось охранять и пятигорскія минеральныя воды, и Георгіевскъ съ Ставрополемъ, и полковыя штабъ-квартиры въ Кавказской и Темнолѣсской крѣпостяхъ, и наблюдать еще всю незаселенную часть Кубани, отъ вершинъ ея и до Прочнаго Окопа, гдѣ, благодаря гористой, покрытой лѣсомъ мѣстности, преимущественно и дѣлались набѣги вглубь края до самой почтовой дороги, хотя, такимъ образомъ, для дѣйствія въ полѣ у Кацырева оставалось не болѣе трехъ съ половиною тысячъ пѣхоты и конницы, такъ какъ все остальное было, такъ сказать, прикрѣплено къ извѣстному мѣсту, а донскіе полки для дѣйствія противъ черкесовъ и вовсе не употреблялись,—несмотря на все это онъ нашелъ средства не только останавливать мелкіе набѣги черкесовъ, но и продолжить Вельяминовскую систему наказанія горцевъ жестокимъ разореніемъ за каждую ихъ попытку грабежа и насилія.

Главныя правила Кацырева въ походахъ были скрытность сбора, секретные марши, внезапность нападенія и ударъ рѣшительный. Онъ никогда не держалъ войскъ на виду; большая часть ихъ была расположена по квартирамъ въ ближайшихъ селеніяхъ, нѣкоторыя части стояли лагеремъ гдѣ-нибудь въ секретныхъ мѣстахъ и тотчасъ перемѣняли стоянку, если Кацыревъ замѣчалъ, что черкесы узнавали о ней. Самъ же онъ не жалѣлъ средствъ на лазутчиковъ и заранѣе узнавалъ рѣшительно все, что затѣвалось у черкесовъ.

Замысливъ походъ, онъ секретно разсылалъ войскамъ приказаніе, чтобы они по ночамъ, тайными переходами, собрались къ опредѣленному часу прямо на мѣсто, назначенное для переправы черезъ Кубань. Заблаговременно собравъ свѣдѣнія о мѣстности Закубанскаго края, онъ никогда никому не довѣрялъ предположенной имъ цѣли экспедиціи. Велитъ, бывало, проводнику вести себя на такую-то рѣчку; придутъ,—„веди на такое-то урочище". Войска дѣлаютъ ночью усиленный переходъ —и какъ снѣгъ на голову являются тамъ, гдѣ ихъ вовсе не ожидаютъ. И скоро Кацыревъ сталъ истинною грозою Закубанья. Важнѣйшіе черкесскіе князья не разъ пріѣзжали на линію, исключительно затѣмъ, чтобы видѣть въ лицо человѣка, который такъ удачно перенялъ ихъ систему

набѣговъ; имя его до послѣднихъ дней кавказской войны помнилось и поминалось горцами.

Къ сожалѣнію, Кацыреву не удалось вполнѣ развернуть свои блестящія военныя дарованія: онъ умеръ слишкомъ рано (7 марта 1828 года, на сорокъ первомъ году отъ рожденія).

Ставъ, съ отъѣздомъ Вельяминова, самостоятельнымъ начальникомъ праваго фланга, Кацыревъ прежде всего нашелъ возможнымъ отпустить домой два Черноморскіе полка, столь необходимые самому Черноморью, и даже послалъ съ ними еще двѣ роты навагинцевъ, на помощь къ храброму генералу Власову, защищавшему тамошній край. Всѣмъ остальнымъ войскамъ приказано было стоять въ постоянной готовности двинуться въ походъ, по первому сигналу тревоги.

Зима начиналась тревожно. Ходили слухи о неудачномъ набѣгѣ храбраго Власова со стороны Черноморской линіи, и слухи эти сильно волновали горцевъ. Многіе аулы, считавшіеся мирными, поспѣшно стали откочевывать въ горы. Кацыревъ нашелъ, что наступила пора дѣйствовать.

Къ 10-му января 1824 года, по ночамъ, незамѣтно, въ Усть-Лабинской крѣпости собрался отрядъ, и Кацыревъ быстро двинулъ его за Кубань, чтобы остановить бѣглецовъ. Къ сожалѣнію, онъ почему-то не рѣшился идти безъ артиллеріи; а между тѣмъ по Кубани шелъ ледъ, переправа была трудна и громоздка—и, конечно, замѣчена горцами. Правда, пока пѣхоту и пушки переправляли на лодкахъ, казаки пустились вплавь; но даже и они опоздали. Джембулатъ Айтековъ успѣлъ увести принадлежавшіе ему шесть ауловъ со всѣмъ скотомъ и имуществомъ и предупредить другіе. Войска могли воочію убѣдиться въ этомъ, проходя мимо ауловъ, которые всѣ уже были пусты. Тогда раздосадованный Кацыревъ, бросивъ пѣхоту, повернулъ съ одними казаками къ бжедугамъ, и на нихъ, что называется, сорвалъ свое сердце. Аулы ихъ были разгромлены. Случилось, однако, что женщины, дѣти и старики и здѣсь успѣли сѣсть на арбы и уйти подъ прикрытіемъ бжедугской конницы. Кацыревъ приказалъ нагнать ихъ. Казаки пустились вскачь и

скоро увидѣли огромный обозъ, спускавшійся къ рѣчкѣ. Командиръ Хоперскаго полка, ротмистръ Шаховъ, съ своими хоперцами и волжцами, понесся между аулами и арбами, на которыхъ спасались бжедугскія семьи; триста казаковъ кубанскихъ и моздокскихъ, подъ начальствомъ капитана Якубовича, ударили на прикрытіе; Кавказскій полкъ, съ маіоромъ Дадымовымъ во главѣ, скакалъ напрямикъ, безъ дорогъ, стараясь отрѣзать черкесовъ отъ лѣса и заскакать имъ на встрѣчу. Казаки не успѣли, однако, выполнить приказаніе въ точности: головныя арбы прежде ихъ дошли до рѣки—и спаслись отъ погони. Но большая часть все-таки была окружена,—и изъ всего огромнаго обоза только 150 человѣкъ стариковъ, женщинъ и дѣтей было захвачено въ плѣнъ; все остальное, пытавшееся сопротивляться, было перебито или потоплено.

Пока на переправѣ шла кровавая рѣзня, черкесы со всѣхъ сторонъ спѣшили къ мѣсту тревоги; но было уже поздно. Казаки, соединившись, спѣшились и заняли сосѣдній аулъ и опушку ближайшаго лѣса. Въ такомъ расположеніи черкесы не могли имъ сдѣлать никакого вреда. Первая бѣшеная атака ихъ была легко отбита, и пять бжедугскихъ старшинъ заплатили жизнію за свою отвагу. Часа три шла затѣмъ безцѣльная перестрѣлка. Между тѣмъ къ мѣсту боя подошли двѣ роты Навагинскаго полка, а вслѣдъ за ними показалась и вся остальная пѣхота. Черкесы отступили. 14-го января Кацыревъ вернулся за Кубань съ плѣнными и добычею въ 1000 головъ скота.

Императоръ Александръ, узнавъ объ экспедиціи, остался весьма недоволенъ кровавымъ эпизодомъ на переправѣ. Кацыреву объявленъ былъ выговоръ; но Ермоловъ энергически отстаивалъ его, ссылаясь на то, что при обстоятельствахъ, при какихъ ведется война на Кубани, не всегда возможно спасать невинныхъ отъ гибели...

Неудача Власова съ одной стороны, а съ другой—побѣгъ Джембулата, помѣшать которому не удалось Кацыреву, ободрили закубанцевъ. И едва возвратившійся изъ экспедиціи отрядъ распущенъ былъ по квартирамъ, какъ, 31-го января, партія горцевъ, человѣкъ въ 70, появилась на линіи. Къ несчастію, казаки Донского Андріанова полка, занимавшіе одинъ изъ постовъ, допустили черкесовъ

безпрепятственно прорваться далеко внутрь края. Дѣло въ томъ, что, заперевъ постовую казарму, они отправились на охоту и, разумѣется, не видѣли горцевъ. Горцы, въ свою очередь, не тронули пустой казармы, а проскакавъ въ ночь нѣсколько десятковъ верстъ, напали прямо на крестьянскіе коши, стоявшіе въ Сенгилеевской балкѣ. Четырехъ мужиковъ они изрубили, четырехъ ранили, семерыхъ взяли въ плѣнъ, и, захвативъ съ собою 40 лошадей, тою же дорогой проскакали обратно, прежде чѣмъ донцы возвратились съ своей охоты.

Кацыревъ не считалъ возможнымъ оставить даже и эту дерзость черкесовъ безъ наказанія. Онъ быстро собралъ войска, перешелъ, 3 февраля, черезъ Кубань, у Казанской станицы, и быстрымъ переходомъ достигъ до рѣки Чамлыка. Тамъ войска остановились часа на три, до захожденія солнца, въ глубокой балкѣ, стараясь не подать никакого признака своего присутствія,—не было ни шуму, ни огня, ни дыму. Ночью они двинулись дальше, и 4 февраля, на разсвѣтѣ, линейные казаки опять понеслись впередъ. Цѣлью набѣга былъ отдаленный темиргоевскій аулъ Мишхіонъ, служившій пристанищемъ для всѣхъ хищниковъ и бѣглыхъ кабардинцевъ. Кацыревъ не оставилъ въ немъ камня на камнѣ. Та же участь постигла и другой, сосѣдній аулъ. Потери горцевъ были огромны: 250 человѣкъ изъ нихъ взяты въ плѣнъ, скота отбито болѣе 2000 головъ. Но главнымъ результатомъ этой экспедиціи было то, что ногайскіе султаны и мурзы, бѣжавшіе въ горы еще при Суворовѣ, явились къ Кацыреву съ повинной головою. Кацыревъ поселилъ ихъ аулы на лѣвомъ берегу Кубани.

Энергическія дѣйствія Кацырева, и самая его подвижная, дѣятельная, энергическая натура, ничего не обѣщавшія горцамъ въ будущемъ, кромѣ новыхъ разгромовъ, побудили ближайшія къ границѣ племена черкесовъ искать примиренія съ Россіей. Но зная суровую недовѣрчивость Кацырева, они отправили своихъ депутатовъ, помимо его прямо въ Георгіевскъ, къ Сталю, прося принять отъ нихъ присягу на вѣрноподданство.

На предложеніе дать по этому поводу свое мнѣніе, Кацыревъ отвѣчалъ, что онъ, въ командованіе свое на Кубани, всячески

старался узнавать закубанскихъ владѣльцевъ,—но такого, на котораго можно было бы положиться, по сіе время отыскать не могъ. Онъ настойчиво обращалъ вниманіе на то, что въ прошломъ году черкесы, опасаясь наказанія за разореніе села Кругло-лѣсска, бѣжали въ горы, оставивъ на равнинѣ не снятые хлѣба, и что теперь, при наступленіи времени новыхъ посѣвовъ, они, испытавшіе уже голодъ, изъявляютъ покорность вовсе не съ тѣмъ, чтобы жить спокойно, а чтобы заготовить себѣ хлѣбъ и безопасно пасти свой скотъ на равнинахъ. Поэтому, по его мнѣнію, покорность съ ихъ стороны можетъ быть принята только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они переселились на правый берегъ Кубани, и притомъ обязались защищать мѣста своихъ поселеній отъ прорывовъ хищниковъ. „Аманатовъ отъ нихъ не надо,—писалъ Кацыревъ:—ихъ жены, дѣти и имущество будутъ у меня лучшими аманатами“.

Горцы этихъ условій не приняли.

Бѣглые кабардинцы также извѣстили Сталя о своемъ желаніи покориться Россіи, и одинъ изъ знатнѣйшихъ князей ихъ, Арсланъ-Бекъ Бесленевъ, окруженный нѣсколькими знатными всадниками, ѣздилъ въ Дагестанъ, гдѣ въ то время находился Ермоловъ. Но эти уже сами предлагали условія, заключавшіяся въ томъ, чтобы срыты были крѣпости, построенныя въ 1822 году, войска отодвинуты отъ горъ, и чтобы кабардинскій судъ совершался по Шаріату.

Ермоловъ принялъ одного Бесленева, не считая приличнымъ говорить съ другими. „Встрѣтивъ въ немъ человѣка болѣе другихъ кабардинцевъ здравомыслящаго,—разсказываетъ Ермоловъ въ своихъ запискахъ:—легко мнѣ было вразумить его, что виновные должны просить о прощеніи, а не предлагать условія; что они могутъ надѣяться на великодушіе правительства,—но что правительству несправедливо бы было предоставить больше выгодъ измѣнникамъ, нежели тѣмъ, которые подчинились ему безпрекословно“. Бесленевъ тѣмъ болѣе не могъ не согласиться съ доводами Ермолова, что тотъ не прибѣгалъ къ угрозамъ, не скрывая, впрочемъ, что не будетъ терпѣть бѣглыхъ кабардинцевъ вблизи отъ русскихъ границъ. Арсланъ былъ принятъ ласково, съ уваженіемъ, и щедро

одаренъ Ермоловымъ. „Кажется, ему пріятно было дать мнѣ почувствовать,—говоритъ Ермоловъ:—что онъ, лишь только будетъ возможно, возвратится въ Кабарду, и что онъ получилъ о русскихъ совсѣмъ другое понятіе. Онъ прежде не бывалъ ни у одного изъ русскихъ начальниковъ.“

Судя по предложеннымъ условіямъ, бѣглые кабардинцы считали свою покорность весьма необходимою для русскихъ, и Кацыреву предстояло теперь доказать противное. Но расчетъ съ ними онъ отложилъ до наступленія весны, рѣшивъ сначала помочь черноморцамъ, противъ которыхъ собирались значительныя силы черкесовъ. Кацыреву было извѣстно, что большая партія ихъ сосредоточивается на Сагаушѣ (Бѣлой), и онъ задумалъ разсѣять ее прежде, чѣмъ она соединится съ другими.

Январьская и февральская экспедиціи, происходившія въ ненастную пору, при полной безкормицѣ, сильно утомили казачьихъ лошадей. Несмотря на то, 8 марта, тѣ же кавказскіе и кубанскіе казаки быстрымъ маршемъ приближались къ Бѣлой,—впадающей въ Кубань, уже въ предѣлахъ Черноморіи.

Только что начиналась весна; всѣ рѣки были въ разливѣ, и экспедиція казалась дѣломъ весьма рискованнымъ даже для безусловныхъ сторонниковъ и поклонниковъ Кацырева. Но Кацыревъ вѣрилъ въ линейцевъ, зналъ, на что они способны, и не сомнѣвался въ успѣхѣ.

Отрядъ уже былъ недалеко отъ Бѣлой, когда казаки, ходившіе на развѣдки, возвратились съ извѣстіемъ, что по ту сторону рѣки виденъ большой аулъ, въ которомъ замѣчается необычайное движеніе, но что переправиться туда невозможно. Въ отвѣтъ на это Кацыревъ двинулъ казаковъ на рысяхъ, приказавъ двумъ ротамъ ширванцевъ бѣгомъ слѣдовать за кавалеріею; пять конныхъ орудій понеслись съ казаками. Черезъ часъ весь отрядъ уже былъ на берегу страшно бушевавшаго Сагауша.

Черкесы, привлеченные на противоположный берегъ шумомъ прискакавшей коницы, открыли черезъ рѣку огонь. Ширванцы съ своей стороны тоже разсыпались въ прибрежныхъ кустахъ, орудія снялись съ передковъ—и жестокій огонь началъ осыпать непрія-

теля. Все вниманіе горцевъ сосредоточилось на этомъ пунктѣ, какъ вдругъ, неожиданно, нѣсколько въ сторонѣ, линейцы, съ храбрѣйшимъ маіоромъ Дадымовымъ во главѣ, бросились на коняхъ въ бушующія волны. Черкесы скоро замѣтили, что казаки плывутъ на ихъ сторону, и сосредоточили на нихъ огонь, но, осыпаемые картечью и сами, не могли много вредить имъ. А казаки уже доплываютъ до берега и, мокрые съ головы до ногъ, выскакиваютъ изъ рѣчки. Ружья ихъ замокли,—да и терять времени на перестрѣлку некогда—казаки бросаются въ шашки. Это было одно изъ замѣчательнѣйшихъ дѣлъ, совершенныхъ когда либо кавказскою конницею. Мгновенно черкесы были сбиты и загнаны въ лѣсъ, стада и табуны ихъ захвачены. Пытались казаки переправить черезъ рѣку добычу, не это оказалось невозможнымъ; скотъ уносило теченіемъ, и онъ или тонулъ, или прибивался къ топямъ, въ мѣста, покрытыя лѣсомъ, такъ что казаки успѣли спасти и доставить къ отряду только двѣсти головъ,—все остальное погибло.

Лѣсъ, въ которомъ засѣли черкесы, былъ очень густъ. Казаки, хозяйничавшіе на томъ берегу одни, безъ пѣхоты и артиллеріи, и при полной невозможности получить подкрѣпленіе, не рѣшились атаковать его. Этому только семейства горцевъ и были обязаны своимъ спасеніемъ; казаки зажгли аулъ и переправились обратно на правый берегъ Сагауша.

Этотъ смѣлый набѣгъ поразилъ впечатлительныхъ черкесовъ. Многіе старшины враждебныхъ племенъ пріѣзжали въ русскій лагерь, любопытствуя видѣть Дадымова и Кацырева. Кацыреву это видимо льстило, и онъ принималъ гостей съ большимъ почетомъ. Едва разъѣхались эти гости,—пріѣхалъ извѣстный Росламбекъ съ кабардинскими князьями; уѣхали они,—прибыли султаны и мурзы ногайскіе. Всѣ они просили позволенія выйти изъ горъ и поселиться въ равнинахъ, обѣщая защищать русскую границу отъ набѣговъ хищниковъ. Но Кацыревъ никакихъ заявленій покорности не принималъ, не желая, какъ онъ говорилъ, быть обманутымъ,—и селиться на равнинахъ никому не позволилъ. Ему было хорошо извѣстно на опытѣ, что черкесы почитаютъ столь же

славнымъ дѣломъ обмануть христіанина въ переговорахъ, какъ и истребить его въ открытомъ бою или изъ засады.

Возвращаясь домой, Кацыревъ съ удовольствіемъ узналъ, что въ отсутствіе его на линіи все было тихо и спокойно. Былъ одинъ только случай, жертвою котораго сдѣлались безпечные малороссы, расположившіеся въ степи пасти своихъ воловъ; изъ нихъ одинъ былъ убитъ, двое ранены, и волы, разумѣется, угнаны.

Наступило лѣто. Закубанскія степи покрылись роскошною зеленою травою; появились прекрасные всходы хлѣба, засѣянные тѣми, которые бѣжали въ горы. Но среди этой роскоши природы не было человѣка,—горцы не смѣли спуститься съ горъ на равнины, разстилавшіяся между Лабою и Зеленчуками, и служившія житницею для всѣхъ закубанцевъ. Грозный Кацыревъ сторожилъ ихъ каждое движеніе и черезъ своего лазутчика, абазинскаго князя Данбекъ-Лова, зналъ рѣшительно все, что они задумывали. Горцы опять усиленно стали домогаться о принятіи ихъ въ русское подданство, и бесленеевцы, пользуясь начатыми переговорами, спустили весь свой скотъ на равнины. Кацыревъ переговоры продолжалъ, но 12 мая уже былъ на Урупѣ и, безпрерывно мѣняя мѣста, держалъ горцевъ въ недоумѣніи и страхѣ насчетъ того, гдѣ ожидать имъ удара. 14 мая, когда отрядъ стоялъ невдалекѣ отъ рѣки Тегени, казаки, ходившіе на поискъ, дали знать, что за рѣкою слышенъ лай собакъ. Тенгинскаго полка унтеръ-офицеръ Агаларовъ съ нѣсколькими татарами отправленъ былъ на развѣдки и, возвратясь, сообщилъ, что въ двухъ верстахъ отъ отряда, за горою, стоятъ бараньи коши, но что отряду нельзя обойти ихъ, не будучи замѣченнымъ, такъ какъ гора крута, изрыта, и ночью спустить по ней артиллерію невозможно. Кацыревъ переждалъ ночь, а на самомъ свѣту, разбивъ отрядъ на малыя партіи, устремилъ ихъ на коши. Перейдя верховья Тегеней, одна изъ этихъ партій, при которой находился самъ Кацыревъ, увидѣла расположенные въ лѣсу два большіе бесленеевскіе аула. Въ партіи было не болѣе двухъ-трехъ сотъ казаковъ, а потому атаковать съ такими малыми силами большіе аулы, окруженные лѣсомъ, Кацыревъ не отважился: онъ скрылъ казаковъ въ лощинѣ и послалъ за пѣхо-

той. Бѣгомъ прибѣжалъ сюда батальонъ ширванцевъ, съ храбрѣйшимъ своимъ командиромъ подполковникомъ Волжинскимъ,—но аулы уже были пусты: тревога, поднявшаяся въ кошахъ, предупредила непріятеля, и всѣ семейства, скотъ и имущество успѣли укрыться въ лѣсу. Идти въ этотъ страшный, дремучій лѣсъ, съ однимъ батальономъ измученной до нельзя пѣхоты, не рѣшился даже и самъ Волжинскій. Онъ только сжегъ аулы и, вмѣстѣ съ Кацыревымъ, отошелъ за Тегени. Скоро со всѣхъ сторонъ стали сходиться казачьи партіи съ барантою; 9 плѣнныхъ пастуховъ, 250 лошадей, 350 головъ рогатаго скота и больше 1000 барановъ сдѣлались добычею отряда,—и это было почти все состояніе бесленеевцевъ. Больше за Кубанью дѣлать было нечего, и отрядъ, 20 числа, возвратился на линію безъ всякихъ потерь, если не считать казака и 6 лошадей, утонувшихъ при обратной переправѣ черезъ Кубань.

Не долго, однако, оставался Кацыревъ въ покоѣ. Скоро его извѣстили, что бѣглые кабардинцы переселяются съ Урупа къ верховьямъ Кубани, къ самому Каменному Мосту, и что имъ помогаютъ въ этомъ абазины, которые въ то же время, подъ видомъ ногайскихъ отаръ, держатъ своихъ овецъ на равнинѣ. Кацыревъ порѣшилъ немедленно наказать абазиновъ, кстати припомнивъ, что Ермоловъ еще въ 1822 году великодушно даровалъ имъ пощаду, но что они, по привычкѣ нарушать свои клятвы, тогда же обратились снова къ разбоямъ и хищничеству.

Но прежде чѣмъ напасть на нихъ, Кацыревъ принялъ мѣры къ тому, чтобы усыпить ихъ бдительность, и лучшій лазутчикъ его князь Данбекъ-Ловъ отправился съ этою цѣлію въ землю соотечественниковъ. Ловъ ѣздилъ по ауламъ, куначилъ и бражничалъ тамъ, увѣряя всѣхъ и каждаго, что Кацыревъ собирается идти къ абадзехамъ, а объ нихъ и не думаетъ. Между тѣмъ онъ высмотрѣлъ и изучилъ удобные пути, чтобы быть проводникомъ у отряда.

18 іюня все было готово. Кацыревъ перешелъ Кубань и береговою дорогой двинулся къ ея верховьямъ; но скоро отрядъ свернулъ въ сторону и пошелъ по такимъ трущобамъ, что поминутно происходили остановки. Проводникъ говорилъ, между тѣмъ, что

дальше будетъ и того хуже. При этихъ условіяхъ успѣхъ набѣга самому Кацыреву сталъ казаться сомнительнымъ: настанетъ день,— и черкесы, конечно, примутъ мѣры, чтобы не быть захваченными врасплохъ. Казаки, впрочемъ, были другого мнѣнія, и вотъ на какомъ основаніи. Передъ самымъ выступленіемъ въ походъ, когда собранныя сотни стояли уже за станицею, одинъ старый татаринъ загадалъ имъ на бараньей лопаткѣ объ успѣхѣ похода и крѣпко обнадеживалъ, что у непріятеля будетъ убитъ какой-то князь, княгиня—ранена, и много, много людей взято въ плѣнъ. И казаки никакъ не могли допустить теперь, чтобы это предсказаніе на бараньей лопаткѣ могло не исполниться.

Наконецъ Кацыревъ, не выносившій неопредѣленности и медленности, оставилъ пѣхоту въ командѣ полковника Урнижевскаго, а самъ съ одними казаками, съ тремя ротами ширванцевъ и тремя конными орудіями, быстро двинулся впередъ налегкѣ. Около часу ночи онъ прошелъ весьма трудное ущелье, и скоро, спустившись въ долину Малаго Зеленчука, услышалъ лай собакъ. Здѣсь былъ бараній кошъ, горѣлъ огонь и сидѣли пастухи со своими семействами. На развѣдки у Кацырева ходили особенные люди, умѣвшіе говорить по-черкесски; среди нихъ были и казаки, и пѣхотинцы, которыхъ плѣняла опасность. Это былъ первообразъ тѣхъ знаменитыхъ охотничьихъ командъ, которыхъ впослѣдствіи, уже въ сороковыхъ годахъ, создали сами обстоятельства въ нѣкоторыхъ полкахъ, оберегавшихъ передовыя кавказскія линіи... Но на этотъ разъ развѣдчики въ кошу посланы не были. Ночь была темная, дорога адская; и, при всей сметкѣ и навыкѣ охотниковъ, нельзя было надѣяться, чтобы изъ пастуховъ кто-нибудь не ускользнулъ,—а спасись хоть одинъ, дѣло было бы потеряно. Поэтому кошъ былъ обойденъ стороною. На дорогѣ отрядъ встрѣтилъ, однако черкесскій пикетъ, въ которомъ тотчасъ же грянулъ сигнальный выстрѣлъ,—призывъ на тревогу. Медлить было нельзя, и казаки пустились во всѣ повода.

Вотъ уже зорька. Въ предразсвѣтной мглѣ, еще закутанные раннимъ туманомъ, видны три большіе аула,—одинъ по правую, и два по лѣвую сторону рѣчки. Ловъ, подскакавшій къ Кацыреву

сказалъ, что вправо—аулы Клычева, влѣво князей Дударуковыхъ. Сигнальный выстрѣлъ, между тѣмъ, былъ услышанъ въ аулахъ, и въ нихъ пошла суматоха. Жители полураздѣтые, безоружные—метались во всѣ стороны. Чтобы пересѣчь имъ всѣ пути къ отступленію, хоперцы, съ маіоромъ Шаховымъ, обскакали аулы справа, кавказцы, съ маіоромъ Дадымовымъ,—слѣва. Кубанскій казачій полкъ въ полномъ составѣ, подъ командою подполковника Степановскаго, проскакавъ мимо всѣхъ ауловъ, отрѣзалъ ихъ отъ горнаго ущелья, по которому жители могли уйти, и занялъ всѣ тропы и дороги. Конныя орудія, подъ прикрытіемъ казачьей сотни, заняли пригорокъ, снялись съ передковъ и приготовились дѣйствовать гранатами.

Кацыревъ хотѣлъ окружить аулы, и затѣмъ, дождавшись прибытія пѣхоты, штурмовать. Но все сдѣлалось какъ-то само собою. Изъ Дударуковскихъ ауловъ, не надѣясь отстоять ихъ, горцы бросились на правую сторону рѣчки, гдѣ начиналась крутая лѣсистая гора, изрѣзанная балками. Хоперцы встрѣтили ихъ изъ лѣсу, но не могли выбить изъ овраговъ, и потому заняли единственный перевалъ, по которому бѣгущіе могли перебраться за гору. Такимъ образомъ все, что нашло первоначальное спасеніе въ оврагахъ, теперь было въ западнѣ. Дадымовъ и Степановскій заняли между тѣмъ аулы, и скоро въ нихъ бурно уже шумѣли и ходили волны пламени. Пока одни казаки растаскивали покинутое имущество, другіе раскинулись цѣпью по берегу рѣки, чтобы не пропустить бѣглецовъ назадъ, третьи скакали въ погоню за угнанными стадами, настигали и возвращали ихъ на сборное мѣсто. Подоспѣвшіе ширванцы двинуты были въ овраги. Съ мужествомъ отчаянія черкесы защищали свои семьи, но это повело только къ ихъ гибели. Ширванцы ударили въ штыки, и началось поголовное истребленіе. Гибель мужей, отчаяніе женъ и дѣтей, отторгнутыхъ отъ своихъ защитниковъ, представляло ужасное зрѣлище. Двѣсти труповъ разбросаны были по оврагамъ и лѣснымъ тропинкамъ; 370 плѣнныхъ, согнанныхъ въ кучу, стояли подъ конвоемъ, оглашая воздухъ воплями. Въ числѣ убитыхъ лежали тѣла: карачаевскаго старшины Кубіева и молодого сына извѣстнаго кабардинскаго князя

Магомета Атажухина. Оба владѣльца ауловъ, Клычевъ и князь Мамсиръ Дударуковъ, также пали въ битвѣ; княгиня, жена послѣдняго, ранена шашкой и взята въ плѣнъ... Такъ исполнилось предсказаніе татарина.

Потери горцевъ въ дѣйствительности были гораздо значительнѣе, чѣмъ даже казались по первому взгляду. Многіе изъ жителей, не отысканные вовсе, сдѣлались жертвою случайныхъ обстоятельствъ, многіе потонули при спѣшной переправѣ черезъ рѣчку; особенно много погибло дѣтей, которыхъ спасать было некому.

Вмѣстѣ съ этими аулами легко было бы захватить и аулъ Биберды, находившійся отъ нихъ въ трехъ верстахъ разстоянія. Но Кацыреву было извѣстно, что въ этотъ аулъ всего за нѣсколько дней переселился Арсланъ-Бекъ Бесленевъ,—и онъ рѣшилъ пощадить его, чтобы поддержать въ немъ добрыя чувства, вынесенныя изъ свиданія съ Ермоловымъ. Однакоже, желая показать, что и его кабардинцы могли раздѣлить кровавую судьбу абазиновъ, Кацыревъ послалъ туда двѣ сотни казаковъ, давъ имъ въ проводники одного изъ плѣнныхъ абазинцевъ. Казаки остановились въ виду аула и послали въ него плѣннаго пригласить кабардинскаго князя въ русскій лагерь для свиданія съ Кацыревымъ. Но при появленіи казаковъ и князь и жители бѣжали изъ аула, покинувъ на произволъ судьбы и скотъ, и имущество. Казаки не тронули ничего и, отпустивъ плѣннаго домой, возвратились къ отряду.

Между тѣмъ, по окончаніи боя, около полудня, всѣ отдѣльные отряды стянулись на сборное мѣсто, въ полуверстѣ отъ горѣвшихъ ауловъ. Добыча оказалась огромною: лошадей пригнано было 600, рогатаго скота болѣе 1.200 головъ, овецъ свыше 10 тысячъ. Не миновали солдатскихъ рукъ и тѣ бараньи коши, которые были обойдены наканунѣ; ихъ захватилъ по дорогѣ полковникъ Урнижевскій съ пѣхотою.

Вся потеря въ отрядѣ ограничивалась 2 убитыми и 5 ранеными.

Когда отрядъ шелъ назадъ, въ лагерь пріѣхалъ самъ Арсланъ Бесленевъ. Кацыревъ объявилъ ему волю Ермолова, что бѣглые кабардинцы не должны селиться у Каменнаго Моста, и что въ противномъ случаѣ онъ, Кацыревъ, за спокойствіе и безопасность

его не отвѣчаетъ. Арсланъ просилъ позволенія написать объ этомъ къ Ермолову, и до полученія отвѣта не разорять его. Кацыревъ согласился.

25-го іюня войска разошлись по квартирамъ.

Поступокъ князя Данбека-Лова скоро огласился по всѣмъ закубанскимъ ауламъ, и имя его стало въ горахъ синонимомъ измѣны и предательства. Ловъ и не избѣжалъ кроваваго мщенія своихъ соотечественниковъ. Черезъ два мѣсяца, братъ убитаго князя Мамсира Дударука, однажды, подстерегъ его съ своими узденями въ то время, когда Ловъ подъѣзжалъ къ своему аулу на лѣвомъ берегу Кубани. Вдругъ грянулъ залпъ,—и Ловъ, пробитый семью пулями, былъ убитъ наповалъ. Но гибель одного не избыла людей преданныхъ Россіи даже въ средѣ гордыхъ черкесскихъ князей, и послѣ Лова сталъ водить русскіе отряды Измаилъ-Аліевъ.

Кацыревъ запомнилъ смерть Лова и не упустилъ случая отомстить за нее. Въ іюлѣ мѣсяцѣ онъ предпринялъ новую экспедицію за Кубань, и 24-го числа перешелъ уже за Урупъ. Послѣ четырехдневныхъ безпрерывныхъ передвиженій, отрядъ его, въ ночь на 28 число, двинулся вверхъ по этой рѣкѣ, оставивъ обозы подъ прикрытіемъ колонны съ маіоромъ Пирятинскимъ. Пройдя верстъ 20, войска встрѣтили конную партію черкесовъ, ѣхавшую, какъ оказалось впослѣдствіи, для грабежа въ русскіе предѣлы; пользуясь темнотою ночи, партія поспѣшно скрылась. И если нежданная встрѣча помѣшала ей идти на линію, за то она разнесла тревогу и значительно затруднила экспедицію. На зарѣ войска остановились близъ Башильбаевскихъ ауловъ, у самаго входа въ тѣсное Урупское ущелье,—но они уже были пусты. Казаки, однако, раздѣлились на партіи, разсыпались на широкое пространство по окрестностямъ, и скоро пригнали около трехъ тысячъ барановъ. Весь слѣдующій день Кацыревъ посвятилъ рекогносцировкѣ ущелья. Съ гребня лѣсистыхъ горъ онъ видѣлъ множество ауловъ, раскинутыхъ по ту сторону ущелья, но дороги для артиллеріи нигдѣ найти не могъ. Нѣсколько дней простоялъ здѣсь отрядъ въ угрожающемъ положеніи. Мирные татары, рыскавшіе кругомъ, возвращались съ извѣстіемъ, что горцевъ нигдѣ не видно, что стадъ на

равнинѣ нѣтъ, а хлѣба стоятъ неубранные. Отъ нихъ же Кацыревъ узналъ, что Каменный Мостъ и ущелье по Большому Зеленчуку никѣмъ не охраняются.

Тогда, не оставляя намѣренія пройти за Урупское ущелье и изгнать поселившихся тамъ бѣглыхъ кабардинцевъ, Кацыревъ оставилъ у Башильбаевскихъ ауловъ 2 роты пѣхоты, а съ остальнымъ отрядомъ сдѣлалъ ночной набѣгъ за Большой Зеленчукъ.

Цѣль набѣга и была именно разорить аулы абазинскаго князя Дударука за смерть Данбека-Лова. Кацыревъ, однако, не захватилъ его врасплохъ,—Дударукъ былъ на—сторожѣ и успѣлъ спастись со всѣмъ семействомъ, но оставилъ въ аулахъ 700 головъ рогатаго скота и 5,000 овецъ. До какой степени поспѣшно было его бѣгство, свидѣтельствовали брошенные на очагахъ даже котлы съ недоваренным мясомъ, которые, конечно, и сдѣлались добычею солдатъ; въ ихъ же руки на этотъ разъ попало также множество домашней птицы, столь необычной и рѣдкой у черкесовъ, при ихъ передвижной и тревожной жизни. Войска сожгли и разорили аулы и истребили уже сжатое въ снопахъ просо. На другой день Дударукъ съ своими узденями самъ пріѣхалъ къ Кацыреву, просилъ мира и далъ аманатовъ.

5-го августа, ночью, войска перешли Каменный Мостъ, затѣмъ утесистое ущелье, и къ свѣту 6-го числа были въ абазинскихъ аулахъ Джантемирова. Здѣсь они нашли только караулъ, часть котораго перебили, а нѣсколько человѣкъ взяли въ плѣнъ. Отъ плѣнныхъ Кацыревъ узналъ, что верстахъ въ 8 скрываются черкесскія семейства и скотъ. Кавказскій казачій полкъ, съ маіоромъ Дадымовымъ, кинувшійся немедленно въ лѣсъ,—тамъ уже ничего не засталъ, кромѣ 700 барановъ и быковъ; но длинный обозъ изъ арбъ, уходившій оттуда, былъ усмотрѣнъ казаками на возвратномъ пути. Онъ былъ окруженъ, и все, что оказало сопротивленіе, погибло, а 39 душъ отдались въ плѣнъ.

На слѣдующій день такой же поискъ повторилъ Кубанскій казачій полкъ, съ подполковникомъ Степановскимъ, къ верховьямъ Зеленчука. Казаки и тамъ сожгли нѣсколько брошенныхъ ауловъ и вытоптали поля, принадлежавшія джантемировцамъ.

Покончивъ съ Зеленчукомъ, отрядъ воротился 6-го числа на Урупъ и здѣсь также предалъ истребленію хлѣба и аулы бѣглыхъ кабардинцевъ. Между тѣмъ дорога для артиллеріи была найдена, и 10-го августа войска вошли въ темное, мрачное ущелье, которое Кацыревъ называетъ Ходосъ. До сихъ поръ черкесы, занятые спасеніемъ своихъ семействъ, даже не показывались въ виду отряда; но едва онъ вступилъ въ это ущелье, какъ началась перестрѣлка. Постепенно все съуживаясь и съуживаясь, горный проходъ заставилъ наконецъ весь отрядъ вытянуться въ нитку. Вотъ въ этомъ-то мѣстѣ 30 отчаянныхъ черкесовъ преградили дорогу — и остановили нѣсколько батальоновъ. Несмотря на всѣ усилія, ширванскіе и навагинскіе стрѣлки никакъ не могли выбить малочисленнаго непріятеля изъ крѣпкаго пункта, защищеннаго скалами и лѣсомъ; дѣйствія орудій были не болѣе удачны,—и отрядъ стоялъ. Перестрѣлка тянулась цѣлый день и вырвала изъ русскихъ рядовъ офицера и 15 солдатъ убитыми и ранеными.

Во время перестрѣлки,—разсказываетъ одинъ участникъ этого похода,—среди черкесовъ замѣтили бѣглаго русскаго солдата. Правая рука у него была оторвана по локоть, но онъ проворно управлялся лѣвою, и при помощи подсошекъ стрѣлялъ съ замѣчательною мѣткостью. Заряжая винтовку, онъ хладнокровно, и какъ бы дразня солдатъ, распѣвалъ русскую пѣсню: „Разлюбились, разголубились, добрые молодцы“... Точно заколдованный стоялъ онъ на высокой скалѣ, осыпаемый пулями, и только когда нѣкоторыя изъ нихъ ложились уже очень близко, онъ громко кричалъ: „жидко брызжешь, — не попадешь!“—и, припадая къ подсошкамъ, посылалъ выстрѣлъ за выстрѣломъ. Этотъ отчаянный молодецъ бѣсилъ и солдатъ, и Кацырева.

Къ вечеру пришлось, наконецъ, прекратить безполезную перестрѣлку; а ночью посланы были въ обходъ двѣ роты Навагинскаго полка съ маіоромъ Широковымъ; онѣ зашли непріятелю въ тылъ — и только тогда русскіе овладѣли ущельемъ. Защитники его, очутившись въ западнѣ, частью были перебиты, частію взяты въ плѣнъ. Но русскій дезертиръ успѣлъ ускользнуть. „Видно, — замѣчаетъ Родожицкій;—онъ былъ слишкомъ ожесточенъ противъ

насъ, и слишкомъ уважаемъ черкесами за свою отчаянную храбрость, что въ самыхъ крайнихъ обстоятельствахъ они не захотѣли его выдать".

Едва войска прошли черезъ ущелье, какъ въ лагерь явились бесленеевскіе старшины съ просьбою пощады. Кацыревъ, имѣя надобность послать за провіантомъ на линію, охотно заключилъ перемиріе, назначивъ 7-дневный срокъ для доставленія аманатовъ. Когда же срокъ прошелъ, а аманатовъ не было, Кацыревъ, чтобы понудить бесленеевцевъ къ скорѣйшей покорности, двинулся въ ихъ землю. Опять явились къ нему старшины, но привезли съ собою только двухъ аманатовъ и двухъ русскихъ плѣнныхъ, обѣщая доставить остальныхъ на слѣдующій день. Но прошло три дня, а бесленеевцы и не думали исполнять своего обѣщанія. Тогда Кацыревъ, 28 августа, пустилъ войска топтать и истреблять на разстояніи нѣсколькихъ верстъ обширныя поля, засѣянныя просомъ. Бесленеевцы съ горестью видѣли уничтоженіе послѣднихъ средствъ своего существованія, не имѣя возможности воспрепятствовать ему по своей малочисленности.

Снова появились старшины ихъ въ лагерѣ, и снова убѣдительно просили Кацырева остановить истребленіе, обѣщая вскорѣ выслать аматановъ. Кацыревъ остановился. Но вмѣсто аматановъ на слѣдующій день явился къ нему племянникъ анапскаго паши Казнадаръ-Ага.

На требованіе его прекратить истребленіе полей, Кацыревъ отвѣчалъ, что бесленеевцы легко могутъ сберечь свой хлѣбъ, доставя требуемыхъ аманатовъ.

— „Выдачу аманатовъ—возразилъ посолъ:—остановилъ самъ паша: онъ полагаетъ, что русскому правительству нѣтъ надобности брать аманатовъ отъ турецкихъ подданныхъ".

Кацыревъ отвѣчалъ коротко, что аманаты необходимы ему, — и бесленеевцы дадутъ ихъ, или лишатся всего имущества. Тогда ага грубо спросилъ у Кацырева, зачѣмъ онъ пришелъ сюда: топтать ли просо, или драться?

— Кабановъ, какіе были тутъ, мы всѣхъ перебили, ага, а теперь намъ драться не съ кѣмъ,—насмѣшливо отвѣчалъ ему переводчикъ, Измаилъ-Аліевъ.

Ага опять обратился къ Кацыреву.

— По какому праву вы пришли разорять бесленеевцевъ?

— По такому же,—отвѣчалъ Кацыревъ:—по какому они приходили разорять село Круглолѣсское.

— Это были разбойники, — возразилъ ага:—и если вы такіе же разбойники, какъ тѣ,—то паша прикажетъ васъ истребить.

Кацыревъ выгналъ посланника вонъ, и велѣлъ передать, что анапскій паша ему не указъ, и что его самого онъ щадитъ теперь только изъ милости.

Покидая лагерь, раздраженный ага поклялся своею бородою, что если Кацыревъ тотчасъ не уйдетъ за Кубань, то онъ двинетъ 30 тысячъ турокъ и татаръ въ русскія границы, и что тогда отвѣтственность за нарушеніе мира между двумя державами падетъ на Кацырева.

Кацыревъ приказалъ отвѣчать, что онъ будетъ ждать турокъ на Кубани, а пока займется тѣмъ, за чѣмъ пришелъ сюда, — и войскамъ отданъ былъ приказъ продолжать истребленіе полей.

Положеніе отряда становилось, между тѣмъ, все затруднительнѣе. Отъ безпрерывныхъ трудовъ и переходовъ по горамъ люди и лошади были чрезвычайно изнурены. Запасъ провіанта истощился. Солдаты кормились только просомъ, сами вымолачивая или вытирая его каменьями изъ сноповъ, и варя изъ него кашу безъ соли и безъ сала; у офицеровъ не стало чаю, сахару, не было табаку, и даже у маркитантовъ перевелась водка. Къ счастію, болѣзненности въ отрядѣ, несмотря на неимовѣрные труды солдатъ, не было. А нанести существенный вредъ закубанцамъ съ другой стороны не представлялось возможнымъ. Черкесы не спускали съ отряда глазъ и на семьдесятъ верстъ кругомъ спасали семейства и имущество, оставляя пустые аулы.

Трудно сказать, чѣмъ бы кончилось это неопредѣленное положеніе и какъ вышелъ бы изъ него самолюбивый Кацыревъ, если бы на помощь ему не явилось неожиданно постороннее и важное обстоятельство. 31 августа къ нему прискакалъ курьеръ съ извѣстіемъ о начинающихся волненіяхъ въ Кабардѣ и съ приказаніемъ немедленно командировать туда батальонъ ширванцевъ.

Въ тотъ же день войска снялись съ позиціи и возвратились за Кубань.

Экспедиціи Кацырева въ 1824 году были послѣдними, въ которыхъ принималъ участіе Якубовичъ, оставившій по себѣ память на Кавказѣ подвигами почти легендарнаго характера.

Вскорѣ онъ уѣхалъ въ отпускъ въ Петербургъ, и тамъ, завлеченный въ заговоръ декабристовъ, навсегда погибъ для Кавказа и для Россіи. О дальнѣйшей судьбѣ его, Розенъ — одинъ изъ товарищей его по несчастію — разсказываетъ, что „когда наступилъ срокъ его перемѣщенія изъ Петровской (каторжной) тюрьмы на поселеніе, Якубовичъ основалъ въ Енисейскѣ небольшую школу, устроилъ мыловаренный заводъ, и такъ удачно велъ дѣло, что не только самъ содержалъ себя безбѣдно, но и помогалъ другимъ безпомощнымъ товарищамъ. Онъ скончался въ Енисейскѣ, отъ горячки, въ 1845 году.

Но забытый въ снѣжныхъ пустыняхъ азіятскаго сѣвера, онъ оставался долго въ памяти тѣхъ, съ кѣмъ вмѣстѣ на южной окраинѣ дорогой родины боролся за будущій миръ и гражданственное процвѣтаніе плодоносного края, которому только воинственныя преданія старины и мѣшали выступить изъ періода умственнаго застоя и вѣковой неподвижности быта и понятія. И не только въ памяти ихъ — Якубовичъ жилъ и въ памяти самыхъ враговъ, уважавшихъ въ немъ его рыцарскія качества, представлявшія собою рѣдкое сочетаніе безумной отваги съ полнымъ хладнокровіемъ въ бою, и съ умѣньемъ побѣждать — умѣнье уважать и цѣнить доблести побѣжденнаго.

XXIX.

Набѣгъ Джембулата.

Осенью 1824 года, въ то время какъ въ Кабардѣ начинало мало по малу разгораться возстаніе, привлекая къ себѣ и вниманіе и русскія силы,—на правомъ флангѣ распространилась, необычная даже для этого испытаннаго несчастіями края, тревога. Поздно вечеромъ, 14 сентября, прискакалъ къ полковнику Побѣднову, завѣдывавшему частію Кубанскаго кордона, нарочный отъ извѣстнаго лазутчика Али-Мурзы, съ извѣстіемъ, что въ горахъ, на небольшой рѣчкѣ Хуншѣ, между верховьями Лабы и Урупа, стоитъ самъ анапскій паша съ значительною партію черкесовъ и стягиваетъ къ себѣ все новыя и новыя силы. Али-Мурза зналъ это съ полной достовѣрностью, потому что паша самого его требовалъ въ свой станъ, но только онъ уклонился отъ этого свиданія, зная, что не добромъ для него можетъ оно кончиться. Али-Мурза писалъ Побѣднову, что черкесы ждутъ только пушекъ, чтобы ворваться въ русскія границы, и что прежде всего они намѣрены напасть на Тахтамышскій аулъ, разорить его и жителей угнать въ горы.

Все это была совершенная правда. Паша былъ не прочь привести въ исполненіе угрозу, брошенную его чиновникомъ въ лицо Кацыреву, во время августовской экспедиціи, и пойти воевать русское побережье Кубани, съ 30-ти тысячною турецкой арміей. Но такъ какъ въ его распоряженіи 30 тысячъ турецкихъ солдатъ на подобное предпріятіе быть не могло, то онъ собралъ большія толпы шапсуговъ и абадзеховъ и съ ними двинулся къ средней Кубани. Маскируя свои дѣйствія и намѣренія дипломатической

перепиской о мирномъ улаженіи прикубанскихъ дѣлъ, онъ стоялъ теперь на Хуншѣ, во главѣ 3-хъ тысячной партіи горцевъ, и къ нему, дѣйствительно, шли со всѣхъ сторонъ все новыя и новыя толпы. Всѣ враждебныя дѣйствія его до сихъ поръ ограничились однако тѣмъ, что онъ напустилъ своихъ абадзеховъ и шапсуговъ на бесленеевцевъ, давшихъ Кацыреву аманатовъ, и тѣ въ наказаніе подверглись полнѣйшему разоренію.

Получивъ эти тревожныя извѣстія, Вельяминовъ почелъ нужнымъ немедленно пріѣхать на Кубань для личныхъ распоряженій. Въ Тахтамышскій аулъ онъ тотчасъ же послалъ роту Тенгинскаго полка, предписавъ полковнику Побѣднову стянуть туда же двѣ сотни донскихъ казаковъ, при двухъ орудіяхъ конной артиллеріи, и потребовать отъ самихъ тахтамышцевъ тысячу вооруженныхъ всадниковъ. Кацыревъ получилъ приказаніе быть съ своимъ отрядомъ въ совершенной готовности идти за Кубань, чтобы предупредить вторженіе быстрымъ нападеніемъ на самое скопище.

20 сентября стало извѣстно, что черкесы тронулись въ походъ, но куда они направятся — свѣдѣній не было, — горцы на этотъ разъ держали свои намѣренія въ величайшемъ секретѣ. Кацыревъ въ то время былъ уже въ Прочномъ Окопѣ и писалъ Вельяминову, что если извѣстія о приближеніи закубанцевъ окажутся вѣрными, то онъ немедленно двинется къ нимъ навстрѣчу. Вельяминовъ почелъ и здѣсь необходимымъ свое личное присутствіе и, спустя нѣсколько дней, былъ самъ въ отрядѣ Кацырева. И вотъ, 28 сентября, два батальона Навагинскаго полка, батальонъ тенгинцевъ, Кавказскій и Кубанскій казачьи полки, Хоперская и Моздокско-Гребенская сотни, при 16 пѣшихъ и 4 конныхъ орудіяхъ, перешли подъ его предводительствомъ Кубань, на нѣсколько верстъ ниже Прочно-Окопской станицы, и заняли позицію на рѣкѣ Чамлыкѣ. Это движеніе сильнаго русскаго отряда заставило черкесское скопище воротиться и занять прежнее мѣсто на Хуншѣ. Вельяминовъ съ своей стороны, 2 октября, передвинулся на Лабу со всѣмъ отрядомъ, къ которому присоединились прибывшіе сюда форсированнымъ маршемъ изъ Кабарды: 9-го числа—2-й, а 15-го и 1-й батальоны ширванцевъ.

Отрядъ стоялъ на Лабѣ въ выжидательномъ положеніи, не имѣя никакихъ опредѣленныхъ извѣстій ни о движеніяхъ, ни о намѣреніяхъ непріятеля. Но слухи были тревожны. Говорили, что черкесы намѣрены, обойдя отрядъ либо горами, либо плоскостью между Лабою и Малымъ Зеленчукомъ, ударить на линію въ тылу Вельяминова. Вельяминовъ сознавалъ, что дерзкое предпріятіе это можетъ имъ удаться, и принималъ свои мѣры. Онъ предупредилъ полковника Побѣднова, стоявшаго у Тахтамыша, о грозившей опасности подробнымъ сообщеніемъ и писалъ ему:

„Непріятель собирается въ значительныхъ силахъ, чтобы ворваться въ наши предѣлы; я нахожусь съ отрядомъ на Лабѣ и надѣюсь не упустить его изъ виду; но такъ какъ черкесская конница можетъ выиграть большой переходъ и появиться на Кубани прежде, чѣмъ я успѣю настигнуть ее, то вамъ съ своей стороны нужно принять мѣры, которыя поставили бы васъ въ состояніе сражаться съ закубанцами, если бы имъ удалось уйти отъ меня“.

Побѣдновъ былъ достаточно силенъ самъ по себѣ, но онъ могъ еще разсчитывать на помощь завѣдывавшаго другимъ кордоннымъ участкомъ полковника Исаева и дѣйствовать съ нимъ, смотря по обстоятельствамъ, совокупными силами. Вельяминовъ послалъ и Исаеву точно такое же подробное извѣщеніе, предписывая и ему быть въ постоянной и полной готовности встрѣтить вторженіе. А такъ какъ въ районѣ Исаева находились селенія Николаевка и Сенгилеевка, которыя, какъ ближайшія къ границѣ, болѣе другихъ подвержены были опасности, то въ распоряженіе его дана еще рота пѣхоты, и казачій резервъ (двѣ сотни съ однимъ коннымъ орудіемъ), расположенный у редута Св. Николая, подъ командою полковника Луковкина. При первомъ извѣстіи о приближеніи партіи къ границѣ, Исаевъ долженъ былъ снять всѣ кордоны и образовать изъ нихъ конный отрядъ въ тысячу человѣкъ съ двумя орудіями.

„Если бы непріятель и превосходилъ васъ силой, — писалъ Вельяминовъ къ нему и къ Побѣднову,—то, имѣя на своей сторонѣ артиллерію, вы можете сражаться не безъ выгоды. Нужно только спѣшивать по крайней мѣрѣ третью часть казаковъ для

прикрытія орудій, и изъ-за нихъ дѣйствовать конницею, пользуясь благопріятными къ тому моментами".

Линія подготовилась, такимъ образомъ, дать отпоръ непріятелю; но непріятель не подавалъ никакихъ признаковъ наступленія. Вельяминовъ стоялъ съ своимъ отрядомъ на Лабѣ болѣе двухъ недѣль, до 18 октября, почти въ совершенномъ бездѣйствіи, тщетно ожидая движенія черкесовъ на линію. Впрочемъ, Кацыревъ воспользовался этимъ временемъ для двухъ набѣговъ на кабардинскіе коши и захватилъ въ нихъ болѣе двухъ тысячъ барановъ.

18 октября отрядъ Вельяминова перешелъ за Лабу и расположился на рѣчкѣ Ходзь, ближе къ горамъ; но и здѣсь слуховъ о непріятелѣ не было. Кацыревъ, между тѣмъ, сдѣлалъ отсюда новый набѣгъ на махошевцевъ, но нашелъ аулы пустыми и захватилъ только 24 человѣка плѣнныхъ и до 700 штукъ рогатаго скота. Главнымъ же результатомъ этого набѣга было то, что махошевцы и бесленеевцы прислали аманатовъ. Отъ абадзеховъ потребовали также заложниковъ, но тѣ отказали. Вельяминовъ до времени оставилъ ихъ въ покоѣ, удовольствовавшись отгономъ у нихъ до 3 тысячъ головъ скота. 25 октября Кацыревъ вновь попытался захватить врасплохъ абазинскіе аулы; но на этотъ разъ бдительность непріятеля оказалась чрезвычайною, и движеніе отряда немедленно было открыто; сигнальные выстрѣлы одинъ за другимъ поднимали жителей, и гдѣ ни появлялся Кацыревъ, онъ находилъ лишь пустые, безжизненные аулы. Всѣ военныя дѣйствія ограничились въ этомъ набѣгѣ лишь тѣмъ, что какая-то партія, очевидно слѣдившая за отрядомъ, ночью подкралась къ русскому пикету на рѣчкѣ Хамкеты и дала по немъ залпъ, ранивъ двухъ навагинцевъ, и одного изъ нихъ—смертельно. Нужно, однако, сказать, что самое присутствіе за Кубанью отряда Вельяминова наносило черкесамъ весьма ощутительный вредъ уже тѣмъ, что семьи ихъ, вынужденныя въ глубокую ненастную осень скитаться безъ пріюта по горамъ и лѣсамъ, гибли если не отъ русскихъ пуль, то отъ болѣзней и голода.

Ненастная осень сказывалась, между тѣмъ, и на русскомъ отрядѣ. Повсюду, кругомъ его стояла такая невылазная грязь, что движенія артиллеріи представляли неимовѣрныя трудности, а провод-

ники, при малѣйшей попыткѣ отряда передвинуться въ глубь черкесской земли, единогласно утверждали, что чѣмъ дальше туда, тѣмъ дороги будутъ грязнѣе и хуже. Продолжать походъ при такихъ условіяхъ оказывалось рѣшительно невозможнымъ, и отрядъ, 18-го числа, возвратился въ Прочный Окопъ, потерявъ во всю эту длинную экспедицію двухъ раненыхъ въ набѣгѣ на Хамкеты.

Но закубанцы только до тѣхъ поръ и не отваживались идти на линію, пока Вельяминовъ стоялъ въ ихъ землѣ, угрожая ихъ семьямъ и имуществу. Но едва отрядъ, вынужденный осеннею распутицею, вернулся на Кубань, какъ изъ земли абадзеховъ показалась большая партія горцевъ. Не прошло и трехъ дней послѣ вступленія Вельяминова въ Прочный Окопъ, какъ партія эти была уже въ верховьяхъ Лабы, откуда быстро перенеслась на Малый Зеленчукъ, и тамъ остановилась. Силу партіи опредѣляли въ 600—800 всадниковъ; здѣсь были бѣглые кабардинцы, предводимые 18-лѣтнимъ юношею, княземъ Измаиломъ Касаевымъ, и абадзехи, которыхъ велъ старый извѣстный наѣздникъ Джембулатъ Айтековъ-Болотоко. Ближайшею цѣлью партіи было помочь Росламбеку Бесленеву уйти съ своими аулами отъ Каменнаго Моста въ Закубанскія горы, а въ случаѣ возможности ворваться и въ самую Кабарду, чтобы увести оттуда мирные аулы.

Вельяминовъ немедленно сдѣлалъ распоряженіе о сосредоточеніи войскъ на Малкѣ, а полковнику Побѣднову предписалъ быстро двинуться къ Каменному Мосту и захватить аулы Росламбека, если непріятель еще не перешелъ Кубань; въ противномъ же случаѣ,—возможно скорѣе и кратчайшимъ путемъ идти или на Малку къ кабардинскимъ ауламъ, или же, соображаясь съ обстоятельствами, преслѣдовать непріятеля по тѣмъ направленіямъ, которыя онъ приметъ. Предписаніе это отправлено было изъ Прочнаго Окопа 3 ноября, и, какъ увидимъ, уже не попало въ руки Побѣднова.

Непріятель, между тѣмъ, подвинулся ближе и сталъ въ аулахъ темиргоевскаго князя Мисоста Айтекова, сидѣвшихъ надъ Кубанью. Владѣлецъ этотъ считался однимъ изъ преданныхъ Россіи людей, а между тѣмъ, прикрываясь именно этою преданностію, онъ, несмотря даже на вражду, издавна существовавшую между

нимъ и Джембулатомъ, подвелъ его партію къ русскимъ предѣламъ. И тутъ произошли трагическія обстоятельства, которыхъ ни ожидать, ни предвидѣть было невозможно.

Исаевъ и Побѣдновъ, получая извѣстія о постепенномъ приближеніи непріятеля къ Кубани, передвинули и собранные ими отряды: Исаевъ—къ Бѣломечетскому посту, Побѣдновъ—къ Тахтамышскому аулу. 3-го ноября сотникъ Фетисовъ, ѣздившій изъ отряда Исаева съ партіею казаковъ къ самому Зеленчуку, далъ знать, что непріятель въ значительныхъ силахъ вышелъ изъ мисостовыхъ ауловъ и тянется къ Кубани. Исаевъ тотчасъ поскакалъ въ Тахтамышъ, разсчитывая соединиться съ Побѣдновымъ и общими силами встрѣтить врага на переправѣ. Но уже на пути онъ получилъ отъ Побѣднова два извѣщенія: первое, что непріятель переправляется черезъ Кубань, второе—что онъ, Побѣдновъ, вступилъ съ нимъ въ сраженіе. Послѣднее, по донесенію Вельяминова, „было ложно". Исаевъ былъ уже въ трехъ верстахъ отъ Тахтамыша, торопясь на помощь и удивляясь, что не слышитъ выстрѣловъ, какъ прискакалъ отъ Побѣднова третій казакъ и сообщилъ, что непріятель повернулъ влѣво, на Воровсколѣсскую станицу. Исаевъ понесся наперерѣзъ, разсчитывая предупредить черкесовъ и занять станицу прежде, чѣмъ подойдетъ туда скопище. Было темно, когда онъ проскакалъ уже покинутый казаками Соленоозерскій постъ, и въ самую полночь прибылъ въ Воровсколѣсскъ. Здѣсь о непріятелѣ не было даже и слуховъ. Исаевъ рѣшился ждать свѣта.

Между тѣмъ, происходило вотъ что. Непріятель приблизился къ Кубани 3-го ноября, около 10 часовъ утра, и началъ переправу, всего верстахъ въ пяти отъ Тахтамышскаго аула, гдѣ находился Побѣдновъ во главѣ двухъ ротъ пѣхоты и четырехсотъ казаковъ съ четырьмя орудіями. Если бы Побѣдновъ, какъ и слѣдовало ожидать, бросился къ переправѣ съ казаками и конными орудіями, приказавъ слѣдовать за собою туда же и пѣхотѣ, то, безъ сомнѣнія, уже однимъ пушечнымъ огнемъ онъ могъ бы остановить непріятеля. Но Побѣдновъ, почему-то представлявшій себѣ непріятеля въ громадныхъ силахъ, не рѣшился идти навстрѣчу, и пропустилъ его на русскую сторону безъ выстрѣла, не сдѣлавъ

даже шагу изъ Тахтамышскаго аула. Черкесы спокойно переправились и, мимо Тахтамыша, шагомъ потянулись къ Соленымъ озерамъ. Они проходили такъ близко отъ отряда Побѣднова, что по нимъ сдѣлано было нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. Партія, однакоже, не прибавила шагу. Когда она уже миновала постъ и взяла направленіе между Воровсколѣсскою станицею и Кумскимъ редутомъ, Побѣдновъ, наконецъ, вышелъ изъ своего аула и направился по ея слѣдамъ. Черкесы понеслись крупною рысью; Побѣдновъ съ казаками и конною артиллеріею, оставивъ пѣхоту, пошелъ также рысью, стараясь не упустить непріятеля изъ виду.

Изъ Тахтамышскаго аула, вмѣстѣ съ Побѣдновымъ, выѣхалъ и ногайскій князь Муса Тагаевъ съ своими узденями; на пути подошли еще ногайцы съ княземъ Салибеемъ Мансуровымъ, а на Соленоозерскомъ посту къ отряду присоединился еще командиръ Донскаго казачьяго полка полковникъ Луковкинъ, съ двумя сотнями донцовъ, сотнею Кавказскаго линейнаго казачьяго полка и коннымъ орудіемъ. Подъ командою Побѣднова составился теперь отрядъ, не уступавшій непріятелю въ числѣ, но имѣвшій на своей сторонѣ огромное преимущество въ конной артиллеріи. Но и тутъ Побѣдновъ не подумалъ о быстромъ наступленіи. Достигнувъ Соленоозерскаго поста, онъ расположился отдыхать, а потомъ, когда стемнѣло, и совершенно остановился, „не взявъ въ соображеніе,— какъ говоритъ Вельяминовъ:—что непріятель, сдѣлавъ въ этотъ день около 20 верстъ болѣе его, продолжаетъ идти все далѣе и далѣе“...

Такимъ образомъ, Побѣдновъ далъ непріятелю всѣ средства отойти отъ себя на значительное разстояніе—и уже безъ всякой помѣхи разорять и грабить русскія селенія.

Пройдя мимо Воровсколѣсской станицы, занятой въ то время уже Исаевымъ, черкесы раздѣлились: Джембулатъ съ абадзехами двинулся вправо, Касаевъ съ кабардинцами—влѣво, чтобы соединиться подъ деревнею Саблей и напасть на нее одновременно съ двухъ разныхъ сторонъ. Одно ничтожное обстоятельство испортило, между тѣмъ, всѣ планы Джембулата. Приближаясь къ Саблѣ и разсчитывая накрыть ее совершенно врасплохъ, абадзехи съ изумленіемъ увидѣли передъ деревней большіе бивачные огни; слышенъ

былъ шумъ, говоръ, неясно мелькали тѣни солтатъ. Партія остановилась въ нерѣшимости; очевидно, намѣреніе ея было открыто и уже взяты предосторожности. Нужно сказать, что грозное войско, которое увидѣли горцы,—была безоружная партія рекрутъ, поздно пришедшая къ деревнѣ и расположившаяся бивуакомъ. И вотъ эта-та безоружная партія, представлявшая черкесамъ случай взять нѣсколько сотъ человѣкъ лишнихъ плѣнныхъ, спасла Саблю отъ безпощаднаго погрома. Абадзехи не могли себѣ представить, чтобы русскія военныя команды, въ столь близкомъ разстояніи отъ Кубани, могли ходить безъ всякаго оружія; они стали пятиться и неожиданно наткнулись на большой конный табунъ, ходившій на пастьбѣ и принадлежавшій жителямъ Тахтамышскаго аула. Обрадованные, они дали изъ ружей залпъ, и, заворотивъ табунъ, погнали его на рѣчку Барсуклы.

На залпъ немедленно прискакала и другая партія кабардинцевъ. Видя, что абадзехи уже имѣютъ добычу, Касаевъ не хотѣлъ слѣдовать за ними съ пустыми руками, и бросился на Шошины хутора, лежавшіе въ двухъ верстахъ отъ большой дороги, какъ разъ на половинѣ пути изъ Сабли въ Александрію. Кабардинцы напали на нихъ уже на разсвѣтѣ, 4 февраля; но здѣсь они наткнулись на сборный постъ изъ 20 казаковъ линейцевъ и нѣсколькихъ донцовъ, подъ начальствомъ Волжскаго линейнаго полка заурядъ-хорунжаго Федотова. Волжцы не дали захватить себя врасплохъ,—и мѣткій залпъ заставилъ кабардинцевъ отшатнуться. Вторая атака была не болѣе удачна, безполезно лишивъ кабардинцевъ еще нѣсколькихъ человѣкъ убитыми и ранеными. Но когда толпы наступавшихъ поколебались и готовы были бѣжать, молодой, пылкій Касаевъ пустилъ въ ходъ нагайку,—и кабардинцы остановились. Часть ихъ спѣшилась; другая на лошадяхъ пошла въ обходъ, чтобы не выпустить живымъ ни одного казака. Волжцы видѣли, что наступила для нихъ рѣшительная минута, и, не помышляя о плѣнѣ, стали готовиться къ смерти. Пока пѣшіе горцы вели открытый приступъ, конные зажгли сзади плетни, и пламя отрѣзало казакамъ отступленіе. Гибель волжцевъ стала неизбѣжною. Мужественно отстрѣливаясь и отбиваясь шашками, они переходили отъ одного плетня къ другому, но пламя, захватывав-

шее все большее и большее пространство, повсюду настигало ихъ; наконецъ и отступать стало некуда. Тогда закипѣла отчаянная послѣдняя сѣча. Храбрый Федотовъ, выхвативъ длинный кинжалъ, первымъ врѣзался въ густую толпу непріятеля,—и первый палъ, въ куски изрубленный шашками. Волжцы и донцы не отстали отъ своего начальника,—и честно всѣ сложили свои казацкія головы въ этомъ неизмѣримо неравномъ бою: изъ 20 человѣкъ, 15 были изрублены, пять брошены кабардинцами тяжко израненные,—и когда подоспѣла помощь, одинъ изъ нихъ также уже отошелъ въ вѣчность. Въ плѣнъ никто не дался; только лошади, одежда и оружіе казачье достались кабардинцамъ.

Уничтоживъ постъ, горцы бросились въ дома, и черезъ полчаса весь хуторъ былъ уже разбитъ, разграбленъ и сожженъ дочиста. Изъ хуторянъ 6 человѣкъ были зарѣзаны, четверо ранены, 17 попали въ плѣнъ. И кабардинцы быстро соединились съ Джембулатомъ.

Гамъ битвы и пожаръ въ Шошинскомъ хуторѣ вызвали, между тѣмъ, повсюду тревогу. Находившаяся въ Александріи казачья команда линейнаго Хоперскаго полка и донцы, подъ командою есаула Попова, немедленно отправились на выстрѣлы. Табунщики извѣстили о нападеніи черкесовъ генералъ-маіора Султана Менгли-Гирея, и тотъ, быстро собравъ до 200 ногайцевъ, также поскакалъ по слѣдамъ непріятеля; но, къ сожалѣнію, въ отрядѣ его было не больше 50 человѣкъ, исправно вооруженныхъ, а остальные не имѣли ни ружей, ни шашекъ. Менгли-Гирей живо напалъ на слѣдъ непріятеля, но, въ ожиданіи помощи со стороны русскихъ войскъ, слѣдовалъ за нимъ стороною. Есаулъ Поповъ также настигъ горцевъ у рѣчки Барсуклы и, также не рѣшаясь одинъ ударить на сильнаго непріятеля, ограничивался только наблюденіемъ. Горцы шли, между тѣмъ, шагомъ, часто останавливаясь, видимо готовые отстаивать свою добычу. А въ то время, какъ происходила катастрофа на хуторахъ, и малыя команды слѣдили непріятеля,—большіе казачьи отряды, Исаева и Побѣднова, спокойно отдыхали, одинъ въ Воровсколѣсскѣ, другой недалеко отъ Соленыхъ озеръ.

Только около полудня, 4 февраля, Побѣдновъ, оставивъ въ степи, по причинѣ усталости лошадей, конное орудіе и при немъ

сотню кавказскихъ казаковъ, появился опять въ виду непріятеля. Съ нимъ было два конныя орудія, пятьсотъ донскихъ казаковъ и до сотни ногайцевъ. Князья Салибей Мансуровъ и Муса Тагановъ первые замѣтили, что хищники гонятъ табунъ, въ которомъ было не менѣе трехъ тысячъ лошадей,—и, не раздумывая, гикнули на непріятеля со своими людьми, къ которымъ скоро присоединилось еще человѣкъ 30 калаусскихъ ногайцевъ. Султанъ Менгли-Гирей, видя это смѣлое нападеніе, съ своей стороны приказалъ сыну своему, Асланъ-Гирею, съ 50 всадниками скакать къ нимъ на помощь. И вотъ, вся эта смѣлая ватага, не превышавшая общей численностью ста человѣкъ, сдѣлавъ на скаку залпъ, врѣзалась въ середину непріятеля. Мурза Салибей Мансуровъ получилъ при этомъ тяжкія раны, и на слѣдующій день скончался въ родномъ аулѣ; убитъ былъ также одинъ ногаецъ и пять ранены.

Пока шла эта схватка, другіе ногайцы успѣли обскакать табунъ и, отхвативъ большую часть его, завернули влѣво, прямо на казачью команду Попова, которая, такимъ образомъ, и сама была втянута въ дѣло. Видя, что абадзехи уже окружаютъ ногайцевъ, чтобы снова отбить табунъ, казаки кинулись впередъ и, затуманенные пылью, очутились между двумя большими толпами хищниковъ. Неизбѣжность гибели заставила было ихъ попытаться перескочить назадъ, черезъ рѣчку Барсуклы, но берега были круты и утесисты,—и только самого Попова вынесла его добрая лошадь. Прижатые къ берегу, казаки мгновенно спѣшились и, по казачьему обычаю, стали въ грозномъ выжидательномъ положеніи.

А на сосѣднихъ высотахъ, „хладнокровно“, какъ выражается Вельяминовъ, стоялъ отрядъ полковника Побѣдова.

Родожицкій разсказываетъ, что одинъ изъ казачьихъ офицеровъ подъ градомъ непріятельскихъ пуль прискакалъ къ Побѣднову съ просьбою помощи. Полковникъ не только отвѣтилъ ему выговоромъ, какъ онъ осмѣлился съ горстью казаковъ броситься на столь многочисленнаго непріятеля, но угрожалъ даже Сибирью. Офицеръ возразилъ, что его долгомъ было защищать своихъ, несмотря ни на какую многочисленность враговъ, и что неизвѣстно еще, кто изъ нихъ прежде попадетъ въ Сибирь,—онъ ли, свято

исполнившій долгъ свой, или полковникъ, стоящій въ бездѣйствіи, когда на глазахъ его гибнутъ храбрые люди. Благородный офицеръ повернулъ коня и поскакалъ къ оставленнымъ товарищамъ. Горцы пересѣкли ему путь, и онъ палъ, разстрѣлянный пулями и изрубленный шашками.

Къ сожалѣнію, Родожицкій не называетъ имени храбраго офицера; Вельяминовъ также не говоритъ о немъ въ своей реляціи,— и имя, которое должно бы быть славно, подобно тысячѣ другихъ именъ, исчезло для потомства...

А окруженные казаки, между тѣмъ, отчаянно бились съ наступавшими на нихъ абадзехами—и всѣ до одного полегли на мѣстѣ. 12 хоперцевъ, 1 казакъ Волжскаго полка и 10 донцовъ заплатили жизнію за честное исполненіе долга. Изъ всей команды спаслись двое хоперцевъ: Лучкинъ и Назаренко, жестоко израненные и брошенные горцами на полѣ сраженія.

Такъ кровавый набѣгъ Джембулата стоилъ русскимъ трехъ храбрѣйшихъ офицеровъ и до 50 лучшихъ казаковъ и ногайцевъ, не считая крестьянъ.

Уничтоживъ горсть геройскихъ защитниковъ и отбивъ обратно табунъ, Джембулатъ на глазахъ Побѣднова спокойно переправился черезъ Куму и тамъ остановился кормить лошадей. Подвигаясь шагъ за шагомъ, отрядъ Побѣднова опять сблизился съ непріятелемъ. Тогда храбрый Асланъ-Гирей и другіе ногайскіе мурзы не выдержали и вновь одни ударили на хищниковъ. Половина непріятельской партіи сѣла на коней, чтобы встрѣтить ногайцевъ, и тѣ, подавляемые силой и не поддержанные Побѣдновымъ, вновь вынуждены были отступить. Бѣшеная атака стоила имъ опять двухъ убитыхъ князей, братьевъ Дженаевыхъ, и двухъ простыхъ всадниковъ.

Вечерѣло, когда вся непріятельская партія, преслѣдуемая одними ногайцами, спустилась къ Подкумку и потянулась лѣсистымъ ущельемъ, между Бургусантскимъ укрѣпленіемъ и Открытымъ постомъ.

Полковникъ Побѣдновъ, проводивъ непріятеля до самаго Подкумка, повернулъ отсюда со всѣмъ отрядомъ на Хохандуковское укрѣпленіе и здѣсь, уже 6 ноября, нашелъ предписаніе Вельяминова, отъ 3 числа, о захватѣ аула Росламбека на Кубани. Объ исполненіи распоряженія этого, даннаго при совершенно другихъ

обстоятельствахъ, казалось бы, теперь нечего было и думать; но Побѣдновъ тотчасъ взялся за него, и двинулся къ Каменному Мосту. Росламбекова аула онъ, разумѣется, не засталъ, но этимъ движеніемъ уже окончательно выпустилъ изъ виду Джембулата, которому еще могъ преградить путь на самой Кубани.

Одни ногайцы долго еще преслѣдовали непріятеля, и затѣмъ разъѣхались по домамъ. Полковникъ Побѣдновъ также возвратился къ Тахтамышу.

Дѣйствія Исаева во все это время были еще безсвязнѣе, безцѣльнѣе и страннѣе, чѣмъ дѣйствія Побѣднова.

Въ Воровсколѣсскѣ, куда онъ 3 ноября попалъ вслѣдствіе сообщеній, доставленныхъ Побѣдновымъ, отрядъ его простоялъ до полудня слѣдующаго дня, все поджидая новыхъ извѣстій. Но извѣстій не было; а между тѣмъ, стоило только выслать разъѣздъ—и онъ, отъѣхавъ отъ станицы нѣсколько верстъ, услышалъ бы гулъ ружейной перестрѣлки, и тогда Исаевъ могъ бы поспѣть еще къ дѣлу, происходившему неподалеку отъ него, около Кумскаго редута. Только передъ вечеромъ отъ Побѣднова пришло наконецъ извѣстіе, что непріятель идетъ на Круглолѣсскъ, а вслѣдъ за нимъ—другое, что онъ повернулъ на Саблю. Окончательно спутанный, Исаевъ призналъ за лучшее идти на Кубань, къ Верхне-Барсуковскому посту, чтобы тамъ отрѣзать горцамъ отступленіе, и, такимъ образомъ, въ роковую ночь съ 4 на 5-е число, онъ былъ далеко отъ кровавыхъ происшествій на Кумѣ. Но не успѣли здѣсь казаки разсѣдлать лошадей, какъ третій казакъ извѣстилъ, что Побѣдновъ сражается около Кумскаго редута, то-есть тамъ, откуда только что ушелъ Исаевъ. Исаевъ поспѣшно двинулся обратно, опять черезъ Воровсколѣсскъ, и прибылъ къ Кумскому редуту въ 8 часовъ утра 5 числа, то-есть тогда, когда непріятель уже давно былъ за Кумою. Теперь оставалось Исаеву одно—открыть сообщеніе съ Побѣдновымъ. Но измучивъ напрасно лошадей и людей и потерявъ всякую надежду найти непріятеля, онъ повернулъ въ Баталпашинскъ и распустилъ отрядъ по квартирамъ въ то время, когда непріятель еще былъ въ русскихъ границахъ и стоялъ въ вершинахъ Подкумка.

Несвоевременный роспускъ отрядовъ Исаева и Побѣднова лишилъ

линію и послѣдней возможности сдѣлать какой-либо отпоръ непріятелю, если бы онъ вздумалъ возвратиться для новыхъ предпріятій. Но Джембулатъ, конечно, не подозрѣвалъ истины, и новыхъ предпріятій не замышлялъ. Достигнувъ Подкумка, онъ не рѣшился идти на Малку, увѣдомленный, что тамъ встрѣтилъ бы другія войска, дѣйствительно прибывшія туда по распоряженію Вельяминова, и, довольный первымъ успѣхомъ набѣга, отказался отъ дальнѣйшихъ приключеній.

12 ноября Вельяминовъ отдалъ слѣдующій приказъ:

„Уклоненіе войска Донского полковника Побѣднова отъ сраженія не позволяетъ имѣть къ нему ни малѣйшаго довѣрія, а потому кордонъ, состоящій подъ его начальствомъ, поручается командиру Кубанскаго казачьяго полка подполковнику Степановскому. Не болѣе похвалы заслуживаютъ и дѣйствія полковника Исаева, который употребилъ все искусство, чтобы не встрѣтиться съ непріятелемъ. Подобныя дѣйствія также не внушаютъ довѣренности, и кордонъ, находившійся подъ его начальствомъ, поручается войска Донского войсковому старшинѣ Грекову 14“.

Побѣдновъ, нужно думать, самъ хорошо понималъ значеніе своихъ поступковъ и, стараясь маскировать ихъ, посылалъ Исаеву извѣщенія о томъ, гдѣ и когда онъ „вступалъ въ сраженія“ съ непріятелемъ, пытаясь этимъ путемъ оправдать свои дѣйствія въ глазахъ и подчиненныхъ и начальства.

Черезъ нѣсколько дней послѣ описанныхъ событій, въ Георгіевскъ пріѣзжалъ, по словамъ Родожицкаго, одинъ офицеръ изъ бывшаго отряда Побѣднова, и разсказывалъ, что Побѣдновъ просто былъ обманутъ своими лазутчиками, увѣрившими его, что позади Джембулата идетъ другая, вдвое большая партія, и что будто бы Побѣдновъ потому только и не рѣшился дѣйствовать энергически, сберегая силы для новаго, сильнѣйшаго врага. Въ этомъ же смыслѣ Побѣдновъ сдѣлалъ офиціальное донесеніе о событіяхъ, и изложилъ въ немъ факты невѣрно.

„Ваше Высокопревосходительство—писалъ Ермолову Вельяминовъ по этому поводу:—безъ сомнѣнія замѣтите въ донесеніи моемъ нѣкоторое несходство съ донесеніемъ полковника Побѣднова. Оно происходитъ оттого, что дѣйствія свои описываетъ онъ не

совсѣмъ чистосердечно. Свѣдѣнія, собранныя мною отъ постороннихъ лицъ, объяснили мнѣ всѣ обстоятельства сего происшествія". „Надѣюсь,—прибавляетъ онъ далѣе:—что замѣстившіе ихъ въ командованіи кордонами, подполковникъ Степановскій и войсковой старшина Грековъ 14-й, въ подобномъ случаѣ сдѣлаютъ что-нибудь лучшее, увѣренъ будучи, что хуже сего ничего сдѣлать невозможно".

Дерзкій набѣгъ Джембулата, прекрасно разсчитанный и, нужно думать, основанный именно на личныхъ качествахъ Побѣднова и Исаева, о которыхъ Джембулатъ имѣлъ возможность собрать положительныя свѣдѣнія, могъ бы нанести еще большій ущербъ линіи, если бы горцамъ удалось разорить и д. Саблю, — а это бы случилось неминуемо, если бы не подошла туда рекрутская партія изъ Ставрополя. Жители въ Сабляхъ такъ перепугались угрожавшаго имъ бѣдствія, что на утро, когда уже миновала всякая опасность, они разбѣжались, и собрались не прежде, пока не поставили къ нимъ для охраны небольшой отрядъ пѣхоты съ пушкою.

Суровый Кацыревъ, конечно, не могъ смотрѣть равнодушно на то униженіе, которому подвергъ линію Джембулатъ, и задумалъ отвѣтный набѣгъ.

Въ декабрѣ, передъ Рождественскими праздниками, проведя наканунѣ весь вечеръ съ Вельяминовымъ, онъ внезапно выѣхалъ изъ станицы куда-то по своимъ дѣламъ, — и не вернулся домой. Всѣ были встревожены участью храбраго офицера, но на слѣдующій день узнали, что онъ уже за Кубанью съ казачьими сотнями, которыя приготовилъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ станицы такъ скрытно, что даже самые приближенные къ нему люди, не говоря уже о прочноокопскихъ жителяхъ, ничего не подозрѣвали. Кацыревъ сдѣлалъ набѣгъ на темиргоевскія пастбища и отбилъ у Мисоста Айтекова 1000 лошадей. Это было Мисосту наказаніе за его вѣроломное поведеніе.

XXX.

На бѣглыхъ кабардинцевъ.

(1825 годъ.—Князь Бековичъ-Черкасскій).

Проходили годы усилій, направленныхъ на то, чтобы заставить воинственныя племена Кавказа уважать русскія границы. Но если была усмирена и оттѣснена въ горы хищная Чечня; если Дагестанъ замолкъ предъ грознымъ рокотомъ русскаго оружія; если пала окончательно покоренная Кабарда, — если все это совершилось и вписалось въ скрижали исторіи само отверженныхъ подвиговъ русскаго солдата, то невозможно было сказать того же о Черкесіи, въ которой Россія встрѣтила непримиримаго врага, предпочитавшаго гибель своихъ сыновъ и пожары ауловъ мирнымъ отношеніямъ съ могущественнымъ сосѣдомъ.

Покореніе Кабарды создало новую причину вѣчныхъ тревогъ на правомъ флангѣ, на верхней и средней Кубани. „Бѣглые“,— по русскому офиціальному выраженію, — кабардинцы стали за Кубанью новымъ элементомъ, постоянно возбуждавшимъ къ безпрерывнымъ и мстительнымъ набѣгамъ. Подъ ихъ вліяніемъ выходили тогда на линію всѣ крупныя шайки, устремлявшіяся нерѣдко прямо на мирную Кабарду, чтобы наказать ее за подчи-

неніе Россіи и увести въ горы. Но въ этомъ послѣднемъ раіонѣ, до самаго 1825 года, черкесы терпѣли однѣ неудачи, за которыя и мстили внезапными нападеніями на Кубанскую линію, не такъ крѣпко огражденную, какъ Кабарда. Осень 1824 года была временемъ обостренной вражды и усиленной дѣятельности черкесовъ. Начинаются настойчивыя стремленія прорваться въ Кабарду, тогда уже волновавшуюся, одновременно съ набѣгами на Кубанскую линію.

Дѣло защиты усложняется. Русскій солдатъ долженъ былъ поспѣвать всюду,—и на всемъ обширномъ протяженіи Кубани до Черноморіи, и въ безпокойной Кабардѣ, преодолѣвая неимовѣрныя трудности.

Въ запискахъ Родожицкаго есть поражающая картина передвиженія одного отряда съ праваго фланга въ Нальчикъ, ясно обрисовывающая и тревожное положеніе тогда края, и геройскій духъ кавказскихъ солдатъ.

„За нѣсколько верстъ до Прочно-Окопской станицы,—разсказываетъ онъ:—встрѣтился мнѣ обозъ Ширванскаго батальона и потомъ весь батальонъ, идущій въ Кабарду. Солдаты большею частію безъ мундировъ, въ курткахъ разнаго покроя, подходящихъ къ зеленому цвѣту, въ мохнатыхъ черкесскихъ шапкахъ, въ синихъ холщевыхъ шальварахъ и въ пестрыхъ рубахахъ; всѣ они были очень навьючены ранцами, сумками и мѣшками; лица у всѣхъ загорѣлыя, отважныя, воинственныя; народъ не крупный, но плечистый и сильный—ужасъ черкесовъ. Это первые воины, которыхъ я увидѣлъ здѣсь въ настоящемъ ихъ видѣ, какъ они совершаютъ набѣги на закубанцевъ. Этотъ батальонъ, послѣ утомительнаго похода за Кубанью, въ шесть дней прошелъ въ Кабарду триста верстъ, т. е. по пятидесяти въ сутки!“ „Одна только любовь къ дядюшкѣ, какъ они называли Ермолова,—замѣчаетъ Родожицкій:—могла дать имъ такую чудесную силу“.

Прямою обязанностью русскихъ властей, понимавшихъ нравственную силу кавказскихъ войскъ и мѣстныя особенности войны, близко знавшихъ полудикое уваженіе черкесовъ къ силѣ и презрѣніе къ снисходительности и гуманности, — было не оставлять безъ отвѣта ихъ враждебныхъ дѣйствій. Кровавый набѣгъ Джембулата, безнаказанно, въ виду русскихъ войскъ ушедшаго въ горы,

призывалъ къ такому отмщенію, которое возстановило бы въ горахъ должное уваженіе къ русскому имени и русской силѣ. Наступившая зима при тогдашнихъ обстоятельствахъ удержала войска отъ немедленнаго перехода за Кубань и отсрочила кару бѣглыхъ кабардинцевъ, главныхъ виновниковъ набѣга Джембулата. Но едва наступила весна, какъ русскія войска приготовились къ экспедиціи. Въ ней суждено было выдвинуться новой замѣчательной личности, оставившей по себѣ громкое имя на Кавказѣ, — князю Бековичу-Черкасскому.

1-го апрѣля 1825 г. значительный отрядъ, изъ трехъ батальоновъ пѣхоты и двухъ линейныхъ казачьихъ полковъ, Кубанскаго и Кавказскаго, при 18 орудіяхъ пѣшей и конной артиллеріи, подъ командою самого Вельяминова, переправился черезъ Кубань у Прочнаго Окопа. Рѣка была въ разливѣ и артиллерію пришлось переправлять на паромахъ; 3-го апрѣля войска стояли тѣмъ не менѣе уже на Чамлыкѣ. Цѣль похода была захватить бѣглые кабардинскіе аулы князя Али-Кара-Мурзина, богатѣйшаго и вліятельнѣйшаго изъ кабардинскихъ владѣтелей, дерзко расположившаго свои аулы около плоскости, недалеко отъ русскихъ границъ, какъ вѣчную для нихъ угрозу. На Чамлыкѣ получены были извѣстія, что кабардинцы провѣдали о движеніи войскъ, и что аулъ Кара-Мурзина уже бѣжалъ въ горы. 4 числа отрядъ перешелъ Лабу и сталъ на ней лагеремъ. Вельяминовъ отрядилъ полковника князя Бековича-Черкасскаго съ линейными казаками впередъ—подобрать баранту, которая должна была оставаться послѣ бѣглыхъ кабардинцевъ, и узнать, вѣренъ ли слухъ о побѣгѣ Кара-Мурзина съ его аулами въ горы.

Бековичъ переправился черезъ Лабу верстахъ въ 10 ниже отряда и сразу наткнулся на большой конскій табунъ. Пастухи были допрошены и сообщили, что аулъ Кара-Мурзина стоитъ еще на мѣстѣ, не дальше какъ въ 20 верстахъ, что кабардинцы всю ночь не спали, ожидая нападенія русскихъ; но слыша, что отрядъ все еще стоитъ на Чамлыкѣ, они совершенно успокоились—и теперь, вѣроятно, спятъ.

Бековичъ послалъ сказать Вельяминову, что онъ идетъ впередъ и просилъ пѣхоты. Вельяминовъ немедленно двинулъ за нимъ батальонъ и послалъ приказаніе обложить аулъ и держать его въ блока-

дѣ до прибытія главныхъ силъ. Приказаніе это не поспѣло во-время,— не поспѣлъ и батальонъ. Казаки управились безъ пѣхоты и пушекъ.

Дѣло въ томъ, что, отправивъ къ Вельяминову извѣстіе, Бековичъ не могъ не подумать, что какъ бы ни торопилась пѣхота, она раньше, чѣмъ черезъ пять часовъ, подойти не можетъ, а между тѣмъ настанетъ день, и непріятель или уйдетъ, или успѣетъ подготовиться къ оборонѣ. Очевидно, слѣдовало пользоваться выгодами внезапнаго нападенія, и Бековичъ рѣшился произвести его съ одними казаками.

Предпріятіе было не легкое. Самому Бековичу было извѣстно, что аулъ большой, домовъ въ 40, что Кара-Мурзинъ одинъ изъ храбрѣйшихъ наѣздниковъ, славившійся по всему Закубанью, и что при немъ большая часть лучшихъ узденей его—цвѣтъ бѣглой Кабарды. А въ распоряженіи Бековича было только 350 линейныхъ казаковъ.

Путь лежалъ по отлогости горы Ахметъ, мимо бесленеевскихъ ауловъ, гдѣ все спало. Верстъ пять казаки проскакали въ карьеръ, опять перешли Лабу и очутились въ узкой лѣсистой тѣснинѣ, задвинутой съ обѣихъ сторонъ громадными горами; тутъ сотня черкесовъ могла бы остановить тысячи войскъ. Казаки, разсыпавшись по одному и по два, съ трудомъ подымались все выше и выше, по едва примѣтной каменистой тропинкѣ, на протяженіи почти 20 верстъ. Поднявшись на послѣдній уступъ, они увидѣли аулъ.

Отрядъ остановился въ недоумѣніи. Передъ нимъ былъ не простой аулъ въ тридцать-сорокъ хижинъ, какъ разсчитывали найти его, а цѣлый городъ, въ которомъ было не менѣе двухсотъ укрѣпленныхъ домовъ, мрачно смотрѣвшихъ своими узкими амбразурами, замѣнявшими окна. Отступать, однако, было уже поздно. Назади — бесленеевцы, впереди—огромный аулъ, который вотъ-вотъ проснется; и тѣснина, пройденная съ такимъ трудомъ, сдѣлась бы могилою храбраго отряда. Бековичъ зналъ къ тому же, что у людей, подобныхъ кавказскихъ линейцамъ, мужество растетъ по мѣрѣ опасности, — и рѣшился дѣйствовать. Объѣхавъ ряды казаковъ, онъ подъ страхомъ смертной казни запретилъ имъ грабить прежде, нежели кончится бой, и пустилъ ихъ съ мѣста карьеромъ... Заря чуть брезжилась, аулъ крѣпко спалъ и былъ захваченъ совершенно врасплохъ. При первомъ крикѣ „ура!“—кабардинцы выскочили и

схватились за оружіе. Они выбѣгали изъ домовъ неодѣтые, только съ ружьями и кинжалами въ рукахъ. Начался безпощадный приступъ, казаки зажгли дома,—и населеніе гибло въ пламени.

Кавказскій полкъ пронесся съ одного конца аула на другой. Его командиръ, Дадымовъ, налетѣлъ на самого князя Али-Кара-Мурзина, котораго зналъ въ лицо. Князь стоялъ полураздѣтый у порога своей сакли, и почти въ упоръ выстрѣлилъ въ Дадымова. Пуля пролетѣла мимо. Тогда Дадымовъ кинулся на него, крикнувъ по-черкесски: „теперь ты мой!“—и, въ свою очередь, выстрѣлилъ изъ пистолета. Пуля ударила въ князя ниже праваго глаза и вышла, въ затылокъ пронизавъ мозгъ. Кара-Мурзинъ палъ мертвымъ на порогѣ своего дома.

Княгиня видѣла въ окно гибель своего мужа. Она выскочила изъ сакли, держа въ рукахъ мѣшокъ съ семьюстами червонцевъ. Казаки мгновенно выхватили золото, но ее оставили въ живыхъ и отправили къ Бековичу. Другая женщина, жена убитаго узденя, высыпала 400 червонцевъ въ яму, сама подожгла строенія, окружавшія ее, и сгорѣла вмѣстѣ съ червонцами и со всѣмъ имуществомъ. Послѣ боя во многихъ мѣстахъ аула находили слитки золота и серебра. Добыча была вообще огромная. Казаки захватили до 4 тысячъ головъ скота и лошадей. Въ плѣнъ взято только 139 душъ; все остальное населеніе погибло или въ бою, или въ пламени. Линейцы собрали и похоронили 570 труповъ; но по свидѣтельству самихъ кабардинцевъ, однихъ убитыхъ между ними было болѣе тысячи человѣкъ.

Никогда еще кабардинцы не терпѣли такого страшнаго пораженія, нанесеннаго столь ничтожной горстью людей. „Кто не былъ самъ на мѣстѣ пепелища,—говоритъ Вельяминовъ:—тотъ почитаетъ сказкою, чтобы 350 казаковъ могли пройти черезъ такія неприступныя мѣста и сдѣлать такое страшное опустошеніе“. Черезъ часъ послѣ погрома подошла къ аулу помощь,—триста баракаевцевъ. Но имъ дѣлать уже было нечего.

Между тѣмъ самъ Вельяминовъ двигался съ отрядомъ по слѣдамъ Бековича. У горы Ахметъ, верстахъ въ 20 отъ мѣста битвы, его застали первыя извѣстія, что бой оконченъ и что Бековичъ отправилъ уже плѣнныхъ впередъ, что-бы они не стѣснили его при отступленіи. Вельяминовъ повернулъ назадъ и въ три часа пополудни былъ въ прежнемъ лагерѣ на Лабѣ.

Скоро стали подвозить плѣнныхъ. Прежде всѣхъ пріѣхала, въ сопровожденіи казака, княгиня, вдова Али-Кара-Мурзина, верхомъ на конѣ, вся съ ногъ до головы окутанная густымъ покрываломъ. Вельяминовъ тотчасъ велѣлъ очистить для нея солдатскую палатку и приставить къ ней караулъ. Сходя съ лошади, княгиня показалась всѣмъ молодою, стройною, съ маленькими аристократическими руками, но густое покрывало никому не дозволяло видѣть ея лица. За княгинею появились и другіе плѣнные. Дѣтей привезли отдѣльно, и малютки тотчасъ же бросились къ своимъ матерямъ. Жалкій видъ представляли всѣ эти женщины, дѣвушки и дѣти, собранныя въ вагенбургѣ. Одна была ранена въ ногу; нѣкоторыя, какъ помѣшанныя, съ дикими взорами, рвали на себѣ волосы, плакали, обнимались. Среди кровавыхъ ужасовъ минувшей ночи, матери сберегли для своихъ дѣтей кусочки хлѣба, и страшно было смотрѣть теперь, какъ онѣ старались усладить для нихъ горестную участь плѣна этими жалкими кусками.

Въ числѣ пожилыхъ женщинъ выдавалась жена одного убитаго узденя, представительная и гордая; ее окружали нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ съ длинными косами и съ благородными чертами лицъ, одѣтыя въ пестрые шелковые халаты. Одна молодая женщина, совершенно нагая, какъ восковая фигура Венеры прекрасная собою, почти безъ чувствъ лежала на землѣ, ничего не слыша и испуская нѣмые стоны. Опираясь головою на правую руку, она простирала лѣвую къ сидѣвшему передъ нею также обнаженному, курчавому и прекрасному мальчику.

Впрочемъ, всѣ плѣнные не казались въ тотъ моментъ особенно привлекательными; большіе глаза, большіе носы и тонкія губы — отличительныя черты черкесской физіономіи, искажены были страхомъ и горестію. Лишь дѣти, не понимавшія хорошо, что съ ними дѣлается, производили впечатлѣніе своею характерною горскою красотою; но даже и между дѣтьми нѣкоторыя были полны тревоги, — одна 8-лѣтняя дѣвочка отъ испуга какъ бы помѣшалась и къ утру умерла въ страшныхъ конвульсіяхъ.

Не лишенъ значенія тотъ фактъ, что этотъ страшный погромъ бѣглымъ кабардинцамъ былъ нанесенъ, въ лицѣ князя Бековича-Черкасскаго, ихъ же соплеменникомъ древней княжеской фамиліи, одной изъ отраслей Джембулатова рода. Князь Федоръ Александровичъ былъ внучатнымъ племянникомъ того Бековича, уроженца Малой Кабарды, извѣстнаго у черкесовъ подъ именемъ Тембота или Темиръ-Булата, который погибъ съ русскимъ отрядомъ подъ Хивою.

Исторія этого рода и его отношеній къ Россіи весьма замѣчательна. Родной братъ Тембота, ходившаго въ Хиву,—впослѣдствіи также генералъ-маіоръ русской службы, Эль-Мурза Бекъ-Черкасскій выѣхалъ въ Россію изъ своего отечества въ царствованіе Петра Великаго, при которомъ и находился во все время персидскаго похода съ своими узденями. Петръ пожаловалъ ему земли, лежавшія вокругъ новопостроенной крѣпости Св. Креста; а когда крѣпость была оставлена и жители ея перешли въ Кизляръ—переселился туда со своими людьми и Эль-Мурза. Въ Кизлярѣ вновь были отведены ему значительныя земли, такъ какъ мѣста были привольныя, и ни грузинъ, ни армянъ тогда еще тамъ не появлялось. Князь командовалъ здѣсь терскими казаками, и защищалъ съ ними край отъ набѣговъ горскихъ народовъ.

Сынъ его Александръ, отецъ виновника разгрома Кара-Мурзинова аула, былъ также генералъ русской службы. Женившись на княгинѣ Любови Александровнѣ Кончаковой (изъ кабардинской фамиліи Мударовыхъ), воспитывавшейся, вѣроятно, въ Россіи и до смерти сохранившей большія связи въ Петербургѣ, онъ жилъ въ своемъ аулѣ по европейски. Въ концѣ минувшаго столѣтія большая пріязнь связывала его съ графомъ Гудовичемъ, командовавшимъ тогда Кавказскою линіею; но эта же дружба была и причиной его несчастій. Оба страстные охотники, они, какъ говорятъ, поссорились изъ-за собакъ, и, по интригамъ Гудовича, императоръ Павелъ отнялъ у Бековича всѣ его имѣнія, на томъ основаніи, что онъ не могъ представить на нихъ документовъ. Старикъ, пораженный параличемъ, прожилъ восемь лѣтъ въ совершенной бѣдности.

Ермоловъ исправилъ эту несправедливость. Послѣ моровой язвы, опустошившей и обезлюдившей Малую Кабарду, обширныя степи

между Сунжею и Терекомъ представляли для чеченскихъ хищниковъ удобнѣйшіе пути для набѣговъ на линію. Признавъ, вслѣдствіе этого, необходимымъ вновь заселить эти плодоносныя мѣста, Ермоловъ искалъ ихъ хозяина. Земли эти издавна принадлежали роду Мударовыхъ. Но такъ какъ весь родъ Мударовыхъ и Кончаковыхъ былъ истребленъ заразою, и единственною представительницею его оставалась Любовь Александровна Бековичъ, то она, по ходатайству Ермолова, и была признана вмѣстѣ съ сыновьями, Федоромъ и Ефимомъ, законною наслѣдницей всѣхъ этихъ земель. Послѣдній, Ефимъ, былъ въ то время на русской службѣ въ чинѣ прапорщика.

Бековичи переселили сюда своихъ крестьянъ изъ Кизляра, также возвращенныхъ имъ, и сдѣлались владѣльцами Малой Кабарды, заградивши русскія земли со стороны безпокойной Чечни.

Князь Федоръ Александровичъ былъ младшій сынъ князя Александра. Послужной его списокъ говоритъ, что онъ началъ свою службу на Кавказѣ. Въ 1806 году, въ чинѣ губернскаго секретаря, онъ находился при Булгаковѣ, во время покоренія Кубанской и Бакинской провинцій, и за отличіе въ этой компаніи переименованъ въ поручики. Такъ началась его военная карьера. Въ 1807 году онъ участвовалъ въ штурмѣ Ханкальскаго ущелья, въ 10 былъ за Кубанью, а въ 12-мъ—при усмиреніи кахетинскаго бунта. Родожицкій, близко знавшій князя Федора Александровича, передаетъ, не всегда согласно съ офиціальными данными, многія подробности его жизни. По словамъ его, молодой князь сопровождалъ въ Петербургъ персидскаго посла, приводившаго императору слона въ подарокъ отъ шаха. Ловкій, статный кабардинецъ, разъѣжавшій по Петербургу на прекрасномъ персидскомъ жеребцѣ, обратилъ на себя общее вниманіе, понравился, между прочимъ, графамъ Милорадовичу и Бенигсену, и сопровождалъ перваго въ Варшаву, а послѣдняго въ Молдавію. Родожицкій говоритъ, что Бенигсену князь и обязанъ переводомъ въ гвардію, въ лейбъ-казачій полкъ (по послужному списку въ 1816 году), и что онъ, при представленіи императору Александру, получилъ 2500 р. на обмундированіе. Между тѣмъ мать его, вспомнившая свои петербургскія связи

написала о сынѣ къ графинѣ Орловой-Чесменской, съ которою когда-то была пріятельницею. Графиня приняла Бековича въ свой домъ, какъ родного, и тамъ молодой кабардинскій князь имѣлъ случай вращаться въ высшемъ аристократическомъ обществѣ.

Ермоловъ, отправляясь на Кавказъ, пригласилъ Бековича съ собою, предвидя въ немъ человѣка, незамѣнимаго въ предстоявшихъ ему дѣлахъ, такъ какъ, кромѣ европейскихъ и природнаго черкесскаго, князь владѣлъ въ совершенствѣ языками турецкимъ, персидскимъ, кумыкскимъ и татарскимъ,—и уже этимъ однимъ былъ, дѣйствительно, необходимымъ для Ермолова человѣкомъ. Онъ былъ его неразлучнымъ спутникомъ въ Персіи, въ походахъ по Чечнѣ и Дагестану —и дослужился до чина полковника. Ермоловъ такъ полюбилъ храбраго кабардинца, пользуясь въ то же время его знаніями мѣстныхъ народовъ, что жилъ съ нимъ вмѣстѣ, въ одной палаткѣ. Въ это-то время онъ и употребилъ все свое вліяніе, чтобы исправить несправедливость, нанесенную Гудовичемъ роду Бековичей.

Событія 1825 года теперь выдвигали князя Бековича-Черкасскаго изъ ряда сподвижниковъ Вельяминова. Получивъ донесеніе о погромѣ бѣглыхъ кабардинцевъ, Ермоловъ ходатайствовалъ о награжденіи его орденомъ св. Георгія 4 степени „за предпріятіе отлично смѣлое и самымъ удачнымъ образомъ исполненное“,—какъ доносилъ онъ государю. Императоръ Александръ не былъ, однако, доволенъ дѣйствіями Бековича. „Если распоряженія его къ первоначальному нападенію и заслуживаютъ награды, — писалъ государь къ Ермолову: — то съ другой стороны онъ теряетъ право на нее тѣмъ, что благоразумно начатое дѣло было окончено совершеннымъ истребленіемъ болѣе трехсотъ семействъ, въ коихъ, конечно, большая часть были женщины и дѣти, не принимавшія участія въ защитѣ“. „Умѣнье удержать подчиненныхъ въ должномъ повиновеніи при побѣдѣ, равно какъ и въ несчастіи—пояснялъ императоръ: — есть изъ первыхъ достоинствъ военоначальника, и я не намѣренъ награждать тѣхъ, кои не дѣйствуютъ въ семъ важномъ случаѣ во всей точности моихъ повелѣній“.

Гуманныя чувства и взгляды императора Александра опять сталкивались здѣсь съ жестокою необходимостью въ кавказской

войнѣ—не щадить сопротивляющихся враговъ. Но Ермоловъ глубже смотрѣлъ на дѣло, наученный горькимъ опытомъ ежедневныхъ несчастій на линіи, — и неудовольствіе государя не имѣло для Бековича дальнѣйшихъ послѣдствій, а слѣдующая затѣмъ экспедиція доставила ему даже и георгіевскій крестъ.

Бѣглые кабардинцы, съ своей стороны, поклялись тогда истребить весь родъ и аулы Бековича; они рѣшили даже похитить престарѣлую мать его, продолжавшую жить въ Малой Кабардѣ, и предать ее истязаніямъ въ отмщеніе сыну. Къ счастію, имъ никогда не удалось привести этотъ мстительный планъ въ исполненіе.

Разоривъ гнѣздо бѣглыхъ кабардинцевъ, Вельяминовъ возвратился на линію, спокойствіе которой, однако, продолжало нарушаться черкесами, попрежнему дерзко вторгавшимися въ русскія границы. Какъ ни мало сохранилось отъ того времени офиціальныхъ свѣдѣній, но нѣкоторыя событія, однакоже, извѣстны и ярко рисуютъ все то же тревожное состояніе края. Въ одномъ изъ донесеній Ермолову разсказывается нижеслѣдующій случай. 3 мая 1825 года, когда солнце зашло уже за горизонтъ, по дорогѣ отъ Баталпашинска ѣхали къ станицѣ Воровсколѣсской трое вооруженныхъ черкесовъ, имѣвшихъ видъ мирныхъ. Саженяхъ во ста отъ селенія играли въ это время 5 дѣвочекъ. Черкесы схватили двухъ изъ нихъ и поскакали обратно по той же дорогѣ. Стоявшій у воротъ станицы часовой поднялъ тревогу. Сотникъ Монтиковъ съ казачьимъ резервомъ поскакалъ вслѣдъ за хищниками; но догнать ихъ ему удалось только въ 10 верстахъ, да и то лишь съ 3 казаками, такъ какъ другіе остались далеко позади на усталыхъ отъ быстрой скачки лошадяхъ. Здѣсь онъ успѣлъ отбить одну дѣвочку, и продолжалъ погоню. Опять отъ него отстали еще 2 казака, и Монтиковъ, уже вдвоемъ, доскакалъ до Соляныхъ озеръ, поддерживая перестрѣлку. Но тутъ наступила темная ночь,— и черкесы скрылись.

Вельяминовъ, справедливо возмущенный и тѣмъ, что въ казачьемъ резервѣ не нашлось нѣсколькихъ путныхъ лошадей, чтобы догнать черкесовъ, и тою оплошностью, съ какою они были

подпущены такъ близко къ станицѣ, и вялыми дѣйствіями Монтикова, не отбившаго при равныхъ силахъ полона, считалъ необходимымъ прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости: Монтиковъ былъ преданъ суду, станичный начальникъ заурядъ-хорунжій Косякинъ— разжалованъ въ казаки.

Прошло два мѣсяца послѣ погрома ауловъ Карамурзина, и Вельяминовъ снова пошелъ за Кубань, чтобы наказать далекихъ абадзеховъ за ихъ набѣги и за покровительство бѣглымъ кабардинцамъ. Войска перешли Кубань близъ Усть-Лабинской крѣпости, 16 іюня, а чрезъ пять дней, на рѣчкѣ Карасу, въ первый разъ встрѣтились съ непріятелемъ. Абадзехи напали съ тылу на обозъ, но были тотчасъ же опрокинуты храбрыми казаками съ помощію подоспѣвшей роты. Тѣмъ не менѣе схватка была горячая и вывела изъ строя 7 казаковъ и двухъ навагинцевъ.

23 іюня отрядъ расположился лагеремъ на рѣкѣ Сагаушѣ (Бѣлой), противъ горы Таглекъ, тамъ, гдѣ теперь стоитъ городъ Майкопъ. Абадзехи и здѣсь попытались было захватить въ свои руки водопой, но были опять отбиты. На этой позиціи Вельяминовъ простоялъ весьма долго, посылая въ разныя стороны небольшія колонны для истребленія горскихъ посѣвовъ. Въ концѣ іюня непріятель показался въ значительныхъ силахъ, даже съ двумя пушками, добытыми отъ турокъ, и сталъ обстрѣливать лагерь съ противоположнаго берега. Предпріятія сдѣлались труднѣе. Князь Бековичъ-Черкасскій, отдѣлавшійся въ первую экспедицію для уничтоженія посѣвовъ ничтожной перестрѣлкой, во второй разъ, 30 іюня, уже долженъ былъ выдержать серьезный бой. Тысячная партія конныхъ абадзеховъ и кабардинцевъ напала разомъ на всѣ пункты отряда, но, поражаемая перекрестнымъ огнемъ, скоро обратилась въ бѣгство, попала при обратной переправѣ черезъ рѣку подъ картечь конной артиллеріи, — и понесла громадный уронъ. Но и въ отрядѣ Бековича изъ строя выбыло болѣе 20 нижнихъ чиновъ.

Вельяминовъ нашелъ, между тѣмъ, позицію на Сагаушѣ чрезвычайно удобною для всѣхъ будущихъ предпріятій въ землѣ абадзеховъ, и приказалъ построить здѣсь укрѣпленіе. А чтобы

облегчить на будущее время переправу черезъ рѣку, онъ велѣлъ вырыть для нея отводный каналъ, а дремучій лѣсъ, тянувшійся по правому берегу,—вырубить. Абадзехи, стараясь помѣшать работамъ, не разъ вывозили пушки и днемъ стрѣляли по рабочимъ, а ночью бомбардировали лагерь.

Такъ шли дѣла до 10-го іюля.

Въ этотъ день, изъ лагеря выступила колонна въ Усть-Лабинскую крѣпость за провіантомъ. Огромный обозъ шелъ подъ прикрытіемъ батальона тенгинцевъ, полка кубанскихъ казаковъ и 6 орудій, подъ командою князя Бековича-Черкасскаго, — и горцы пропустили его свободно. Но едва тотъ же транспортъ, нагруженный провіантомъ, двинулся обратно, какъ, 11-го числа, на обширной кубанской равнинѣ, онъ былъ атакованъ 2-хъ тысячною партіей конныхъ абадзеховъ и кабардинцевъ. Отрядъ свернулся въ каре, былъ окруженъ, и отбивался на всѣ четыре стороны. Нападенія были такъ стремительны, что приходилось дѣйствовать картечью даже въ упоръ, и только послѣ двухъ-часоваго жестокаго боя непріятель сталъ отступать, оставивъ на мѣстѣ 15 тѣлъ. Въ отрядѣ Бековича выбыло изъ строя 2 офицера и 35 нижнихъ чиновъ,—но ни одна арба изъ всего громаднаго обоза не была потеряна. Ермоловъ засвидѣтельствовалъ въ приказѣ, что „столь счастливое препровожденіе транспорта надо приписать только благоразумнымъ распоряженіямъ и извѣстной храбрости Бековича“,— и Бековичъ получилъ георгіевскій крестъ, въ которомъ ему еще недавно было отказано.

Насталъ августъ мѣсяцъ, — и нападенія абадзеховъ снова усилились. То и дѣло подъѣзжали они къ казачьимъ пикетамъ, давали залпъ и мгновенно скрывались. Съ горы Таглека все чаще и чаще гремѣли пушечные выстрѣлы. Нужно было ждать большого нападенія,—и за цѣпью стали закладывать пѣшіе резервы, которые могли бы дать отпоръ, по крайней мѣрѣ при первомъ натискѣ.

Между тѣмъ укрѣпленіе, послужившее началомъ знаменитаго Майкопа, и отводный каналъ—были готовы. Вельяминовъ назначилъ комендантомъ маіора Пирятинскаго и, оставивъ въ его распоряженіи 2 роты Навагинскаго полка съ 6 орудіями, приказалъ

остальнымъ войскамъ готовиться къ выступленію. Въ отрядѣ въ то время уже носились неясные слухи о поголовномъ возмущеніи Чечни, и Вельяминовъ, предвидя, что придется скоро покончить экспедицію, торопился наказать абадзеховъ. 16 августа войска уже выступали въ походъ.

Цѣлью движенія былъ аулъ абадзехскаго старшины Аджи-Тляма, пользовавшагося въ горахъ большою славою и значеніемъ, какъ человѣкъ замѣчательно богатый и храбрый. Это былъ одинъ изъ главнѣйшихъ покровителей бѣглыхъ кабардинцевъ, которыхъ большая часть и поселилась вблизи его аула. Вельяминовъ рѣшилъ истребить этотъ аулъ со всѣми его полями и угодьями, а также и поля ближайшихъ къ нему кабардинцевъ.

Войска вышли изъ укрѣпленія такъ тихо и съ такими предосторожностями, что абадзехскій караулъ открылъ движеніе ихъ только тогда, когда начало уже разсвѣтать, и отрядъ сталъ переправляться чрезъ Бѣлую верстахъ въ пяти ниже Майкопа.

Дорога, которою двигались войска, пересѣкалась множествомъ балокъ, опушенныхъ лѣсовъ, и почти въ каждой изъ нихъ засѣли абадзехи, чтобы препятствовать движенію. Двѣ роты Тенгинскаго полка, бывшія въ авангардѣ съ маіоромъ Тихоновымъ, шли въ постоянной перестрѣлкѣ и должны были штыками выгонять черкесовъ изъ ихъ засадъ, — а войска тѣмъ временемъ истребляли попадавшіеся имъ на пути аулы бѣглыхъ ногайцевъ и абадзеховъ. Съ полудня непріятель, занимая высоты, ближайшія къ дорогѣ, началъ стрѣлять изъ пушекъ и продолжалъ пальбу уже до поздняго вечера. Тревожный день этотъ, прошедшій въ постоянной перестрѣлкѣ, стоилъ Вельяминову опять 11-ти человѣкъ убитыми и ранеными.

Отрядъ ночевалъ на лѣвомъ берегу какой-то рѣчки, впадавшей въ Сагаушъ, и утромъ другого дня, 17 августа, двинулся дальше, къ аулу Аджи-Тляма. Абадзехи тотчасъ открыли по немъ пушечную пальбу. Опять пошли лѣсистыя балки съ черкесскими засадами, снова пошла постоянная перестрѣлка, и снова тенгинцы, съ маіоромъ Тихоновымъ, должны были штыками открывать дорогу.

Верстахъ въ 6 отъ ночлега былъ бродъ, по которому отрядъ долженъ былъ переправиться черезъ Сагаушъ на правую сторону,

чтобы идти къ аулу Аджи-Тляма, лежавшему отсюда уже не въ дальнемъ разстояніи. На противоположномъ берегу, какъ разъ напротивъ мѣста переправы, находилось лѣсистое, крутое возвышеніе, представлявшее для непріятеля весьма удобную позицію. Партія человѣкъ въ 500 абадзеховъ и предприняла остановить здѣсь отрядъ въ то время, какъ другія толпы ихъ, спѣшившія по лѣвой сторонѣ Сагауша, должны были атаковать его съ тылу. Вельяминовъ выдвинулъ впередъ батарею изъ 10 орудій, и она—какъ выражается Ермоловъ—„растолковала непріятелю, что и сіе мѣсто сраженія еще недовольно для него выгодно". Поручикъ Тенгинскаго полка Петровъ съ своею ротою первый бросился, подъ защитой артиллеріи, въ бродъ; за нимъ послѣдовала рота штабсъ-капитана Сергѣева,—и затѣмъ маіоръ Тихоновъ, снова принявшій команду надъ авангардомъ, быстро очистилъ лѣсъ до самаго возвышенія, такъ что остальныя войска могли уже свободно переходить рѣку, ничѣмъ не тревожимыя. Только когда переправлялся арьергардъ, появились на лѣвомъ берегу Сагауша новыя толпы абадзеховъ,—но нѣсколькихъ пушечныхъ выстрѣловъ было достаточно, чтобы заставить ихъ удалиться. Переправа въ общемъ стоила отряду 25 человѣкъ; но кровавые слѣды, найденные къ сторонѣ непріятеля, показывали, что и ему не дешево обошлось это дѣло.

Перейдя Сагаушъ, войска остановились лагеремъ, выжегши лежавшій передъ ними небольшой кабардинскій аулъ. Абадзехи подошли сюда въ два часа ночи, съ пушкой, и стали обстрѣливать лагерь. Ихъ выстрѣлы, впрочемъ, далеко не долетали, и ночь прошла бы сравнительно спокойно, если бы абадзехамъ не удалось обойти отрядъ и кинуться на цѣпь, слишкомъ близко расположившуюся къ опушкѣ лѣса. Произошла горячая схватка,—и войска понесли значительныя потери; пострадалъ особенно Тенгинскій батальонъ, лишившійся 32 человѣкъ выбывшими изъ строя.

Къ свѣту пальба утихла. Войска тронулись впередъ,—и на зарѣ, 18 августа, запылалъ знаменитый въ горахъ богатствомъ и красотою строеній аулъ Аджи-Тлямовъ,—цѣль Вельяминовской экспедиціи. Черезъ два часа дѣло разрушенія было войсками покончено, и при томъ безо всякой помѣхи со стороны абадзеховъ,—

горцы нигдѣ не показывались. Это затишье заставляло думать, что непріятель понесъ большія потери въ минувшую ночь и хотя на время оставитъ отрядъ въ покоѣ. Войска разбили лагерь и занялись фуражировкой.

Верстахъ въ трехъ отсюда, на скатѣ лѣсистой горы, стояло въ стогахъ громадное количество свѣже накошеннаго сѣна. Вельяминовъ приказалъ казачьимъ полкамъ забрать и перевезти его въ лагерь. Въ прикрытіе фуражировъ назначенъ былъ батальонъ навагинцевъ съ четырьмя орудіями, подъ командою полковника князя Бековича-Черкасскаго. Въ самый полдень колонна вышла изъ лагеря. На горѣ она забрала сѣна сколько могла, нагрузила имъ всѣ артельныя повозки, навьючила всѣхъ лошадей—и тронулась назадъ. Казаки шли пѣшіе. Но еще не успѣли они спуститься съ горы, какъ показалась сильная партія, тысячи въ двѣ всадниковъ, скакавшая прямо на колонну. Бековичъ остановился. Навагинцы и спѣшенные казаки стойко встрѣтили нападеніе,—и первый бѣшеный налетъ черкесской конницы былъ отраженъ съ большимъ для нея урономъ. Тогда абадзехи также спѣшились и, пользуясь пересѣченною мѣстностью, мѣшавшей удачному дѣйствію русской артиллеріи, бросились въ кинжалы. Здѣсь ранены были храбрые казачьи командиры, Дадымовъ и Степановскій, а въ Навагинскомъ полку—капитанъ Завадскій. Потери наши стали быстро расти. Самъ Вельяминовъ, встревоженный сильной перестрѣлкой, доносившейся до лагеря, сѣлъ на коня и явился на мѣсто сраженія. Но когда онъ прибылъ—результаты боя уже не могли подлежать сомнѣнію: безпорядочные натиски стоили абадзехамъ громадныхъ жертвъ,—и непріятель, послѣ трехчасовой борьбы, истощившись въ безплодныхъ усиліяхъ, наконецъ обратился въ бѣгство.

Въ кровавый день этотъ „потери наши — какъ выражается Вельяминовъ:—были болѣе, нежели бываютъ обыкновенно“. Кромѣ двухъ полковыхъ командировъ и капитана Завадскаго, выбыло изъ строя 18 убитыхъ и 113 раненыхъ нижнихъ чиновъ.

Но потерею, наиболѣе поразившею всѣхъ,—была смерть храбраго Дадымова: онъ умеръ на слѣдующій день, 19 августа, въ лагерѣ, окруженный своими соратниками. Казаки не захотѣли

оставить тѣло своего командира во вражеской землѣ, и перевезли его въ станицу Ладожскую. Тамъ, на скромномъ станичномъ кладбищѣ, и донынѣ стоитъ его одинокая, забытая могила. Но старые „кавказцы“ и понынѣ помнятъ, что съ именемъ Дадымова загремѣло по всей линіи имя ихъ родного полка,—что онъ именно былъ основателемъ его боевой извѣстности, которую они, люди Ермоловскаго времени, оставили послѣдующимъ поколѣніямъ, какъ дорогой завѣтъ прошлаго.

Три дня простоялъ отрядъ на мѣстѣ, опустошая за Сагаушемъ абадзехскія земли, и во все это время непріятель показывался только небольшими партіями, въ 15—20 человѣкъ, не рискуя приближаться къ отряду. Ничтожныя перестрѣлки, тѣмъ не менѣе, происходили каждый день, то въ передовой цѣпи, то на казачьихъ пикетахъ. Иногда абадзехи залегали въ кустахъ, въ опушкахъ лѣса, подъ кручею берега—и стрѣляли изъ засады. Однажды, самъ Вельяминовъ подвергся большой опасности: указывая мѣсто для лагеря, онъ слишкомъ близко подъѣхалъ къ рѣкѣ и встрѣченъ былъ мѣткимъ залпомъ съ противоположнаго берега,—нѣсколько человѣкъ изъ его конвоя были ранены.

Наконецъ, когда истреблять на правомъ берегу Сагауша больше уже было нечего, Вельяминовъ перешелъ на лѣвый берегъ,—и 25 августа возвратился въ Майкопскій станъ, оставивъ позади себя, на пути слѣдованія, длинный рядъ сожженныхъ ауловъ и вытоптанныя, опустошенныя поля. На дорогѣ получено было извѣстіе, что самъ Аджи-Тлямъ, а съ нимъ и кабардинцы, жившіе по Сагаушу въ землѣ абадзеховъ, окончательно покинули эти мѣста и переселились въ верховья Фарса. Экспедиція была окончена.

Въ Майкопѣ Вельяминова ожидала вѣсть о смерти генерала Лисаневича и приказаніе вступить въ командованіе войсками Кавказской линіи. Черезъ нѣсколько дней онъ выѣхалъ въ Ставрополь, поручивъ начальство надъ Майкопскимъ отрядомъ князю Бековичу-Черкасскому.

XXXI.
Кабардинскій бунтъ.

(1825 годъ).

Подъ именемъ кабардинскаго бунта 1825 года разумѣется тревожное состояніе поселенныхъ на плоскости кабардинцевъ, въ связи съ настойчивыми попытками черкесовъ и бѣглыхъ кабардинцевъ же увести за Кубань, въ горы, это мирное населеніе. Какими враждебными дѣйствіями противъ русскихъ проявлялось это тревожное настроеніе—съ достовѣрностію не возстановляется ни офиціальными данными, ни воспоминаніями современниковъ, и самое слово „бунтъ“ едва ли точно выражаетъ ихъ.

Несомнѣнно, однако, извѣстно, что примирившіеся съ подчиненіемъ Россіи, мирные кабардинцы обнаруживаютъ въ это время сильное стремленіе выселиться опять изъ русскихъ границъ, а иногда и принимаютъ участіе въ набѣгахъ закубанцевъ на линію. Дѣло въ томъ, что кабардинцы никогда не переставали домогаться различныхъ льготъ и возбуждать поземельные споры; а рядъ отказовъ на нихъ и неуклонность строгихъ мѣръ, введенныхъ Ермоловымъ, уже давно вызывали среди нихъ неудовольствія и ожесточеніе. Теперь въ Кабардѣ съ неудержимою силой и вспыхнуло эмиграціонное движеніе; кабардинцы одни за другими цѣлыми семьями стали предпринимать тайные побѣги за Кубань, гдѣ и основывали новые „бѣглые“ кабардинскіе аулы.

Переселенцы эти естественно становились лютыми врагами всего русскаго и причиняли множество хлопотъ уже тѣмъ, что служили ширмами для всѣхъ преступленій, совершаемыхъ кабардинцами покорными. Что бы ни случилось на линіи, все сваливалось на немирныхъ, ушедшихъ за Кубань, а если и являлись улики

неотразимыя,—то на подмогу поспѣвалъ „кабардинскій судъ“, всегда, во что бы то ни стало, оправлявшій виновныхъ. Нужно замѣтить, что въ числѣ причинъ кабардинскихъ волненій было и слабое управленіе Кабардою, преемника Подпрядова, подполковника Булгакова, назначеннаго въ 1824 году командиромъ Кабардинскаго пѣхотнаго полка.

Не безъ вліянія на нихъ было и возстаніе сосѣдней Чечни, и убійство Лисаневича и необыкновенно усилившіеся къ этому времени набѣги закубанцевъ. Возстаніе Кабарды сдѣлалось не съ разу. Скрытое недовольство, лежавшее въ основаніи его, должно было сказаться сначала мелкими и какъ бы случайными проявленіями, постепенно усиливавшимися. Такъ дѣйствительно и было. Со времени Ермоловскаго похода и до самой осени 1824 года, въ примиренной Кабардѣ прекратились хищническіе разбои и ничто, повидимому, не нарушало мирнаго теченія дѣлъ; воинственная жизнь этого края, казалось, отходила въ область преданій. Какъ вдругъ, 14 сентября 1824 года, неожиданно взволновало всѣхъ событіе, въ сущности ничтожное, но ярко напомнившее времена вѣчной войны въ краѣ, — случай, совершенно подобный разбойническимъ предпріятіямъ самыхъ враждебныхъ черкесовъ. Въ станицу Марьевскую (Солдатское тожъ) возвращались съ поля съ сѣномъ казакъ Волжскаго полка, Разсказовъ, съ женою, еще съ одною казачкою да съ тремя малолѣтними дѣтьми. Это было ночью, въ 11 часовъ, верстахъ въ пяти отъ поста Извѣстнаго-Брода. Вдругъ внезапно, изъ балки, выскочили на нихъ шесть кабардинцевъ. Разсказовъ былъ тотчасъ убитъ, жена его ранена, а съ казачкою и съ дѣтьми хищники помчались немедленно за Малку. За рѣкою, верстахъ въ пяти, казачку они бросили—и скрылись. Три сосѣдніе поста, соединившись въ одинъ отрядъ, поскакали за хищниками. Слѣды привели ихъ прямо къ аулу узденя Атабекова, что на Малкѣ, близъ укрѣпленія Извѣстнаго-Брода; жители его, однако, сказали, что ничего не знаютъ и никого не видѣли. Случилось, между тѣмъ, что одинъ изъ разъѣздовъ, отправившійся на розыски, увидѣлъ двухъ кабардинцевъ, ѣхавшихъ на взмыленныхъ лошадяхъ, какъ разъ подъ ауломъ; ихъ взяли и обезоружили: винтовки ихъ оказались только что вы-

стрѣленными, шашки—съ запекшеюся свѣжею кровью. Въ то же время другой разъѣздъ нечаянно набѣжалъ на четвертыхъ кабардинцевъ, безпечно расположившихся на отдыхъ въ балкѣ близъ самой дороги: ихъ шашки, винтовки и кинжалы лежали у огня, а лошади паслись саженяхъ въ десяти. Поздно замѣтивъ казаковъ, кабардинцы бросились къ своимъ лошадямъ, а казаки—къ ихъ оружію. Захвативъ его, они переловили и хищниковъ. Вѣроятно это и были тѣ шестеро, которые напали на Разсказова; но дѣтей при нихъ уже не было.

Этотъ случай былъ началомъ цѣлаго ряда подобныхъ мелкихъ происшествій; осенью же, послѣ экспедиціи Вельяминова за Кубань, въ Кабардѣ разразилась наконецъ страшная катастрофа, напомнившая линіи набѣгъ Джембулата. Дѣло происходило такъ:

Въ то время, когда войска стояли еще за Кубанью, въ окопѣ на Сагаушѣ,—сильная партія шапсуговъ, абадзеховъ и бѣглыхъ кабардинцевъ, отдаленными и скрытыми путями, пробиралась на линію, къ вершинамъ Кубани. Вельяминовъ, находившійся въ то время въ Ставрополѣ, скоро получилъ свѣдѣніе объ этой партіи, слѣдилъ за нею и принималъ свои мѣры. Прорыва ожидали около Тахтамыша, гдѣ находился подполковникъ Родіоновъ съ донскимъ казачьимъ полкомъ; другой донской же полкъ, Луковкина, сталъ на Кубани, у Погорѣлова поста; третій, подполковника Карѣева,—у Невиннаго Мыса; кромѣ того, вся конница дѣйствующаго отряда (Кавказскій и Кубанскій полки) сближена была съ линіей и стала на Урупѣ, подъ командою маіора Навагинскаго полка Грекова. Въ этотъ послѣдній отрядъ посланы были: ногайскій султанъ Ханъ-Гирей и князь Измаилъ Аліевъ, какъ развѣдчики.

Несмотря, однако, на всѣ предосторожности, непріятель, 25 сентября, перешелъ Кубань у Каменнаго Моста, не будучи замѣченъ. Отсюда черкесы еще съ большею скрытностью двинулись по Малкѣ. Кабардинцы тотчасъ вошли съ ними въ сношенія, и даже сынъ преданнаго Россіи кабардинскаго валія, Джембулатъ Кучуковъ, примкнулъ къ нимъ съ своими узденями. И вдругъ, 29 сентября, вся огромная ватага непріятеля обрушилась внезапно на Оплошный постъ, оберегавшій дорогу, и, уничтоживъ его, устремилась на селеніе Солдатское, иначе Марьевку, какъ она называлась прежде

и какъ звали ее сами жители. По дорогѣ туда они встрѣтили двухъ казаковъ, ѣхавшихъ изъ табуна на худыхъ лошаденкахъ. Завидѣвъ черкесовъ, двигавшихся прямо на станицу, шагомъ, они приняли ихъ за казаковъ и сдѣлали маякъ. Черкесы дали по нимъ залпъ и человѣкъ двадцать наѣздниковъ мгновенно окружили ихъ. Одинъ казакъ былъ взятъ въ плѣнъ; другой не хотѣлъ отдаться живымъ и, получивъ восемь шашечныхъ ранъ, былъ брошенъ въ полѣ замертво [1]).

Черкесы подошли къ Солдатскому. Мѣстность эта исторически одна изъ замѣчательнѣйшихъ. Въ 1387 году, какъ разсказываютъ преданія, Тамерланъ грозною тучею двигался на Кавказъ. Навстрѣчу ему изъ Крыма шелъ Тахтамышъ съ кумыкскою ордою монголовъ. Тамерланъ смялъ и уничтожилъ эту орду и, двигаясь дальше по сѣверной сторонѣ Кавказа, гналъ Тахтамыша на Западъ. На рѣкѣ Малкѣ, именно тамъ, гдѣ стоитъ теперь станица Солдатская, Тахтамышъ вступилъ съ Тамерланомъ въ рѣшительный бой. Тамерланъ разбилъ его на голову, и остатки орды Тахтамыша спаслись въ трущобахъ Эльборуса...

Но возвратимся къ разсказу.

Утро 29 сентября случилось туманное и пасмурное. Шелъ сильный дождь. Несмотря на дурную погоду, всѣ казаки, едва только забрежжился свѣтъ, ушли на работу въ далекія поля, и въ станицѣ, кромѣ бабъ, стариковъ да малыхъ ребятишекъ, никого не осталось. Тысячная шайка конныхъ черкесовъ нагрянула на нихъ, какъ снѣгъ на голову. Бабы первыя замѣтили налетѣвшую бѣду, похватали своихъ ребятъ и забились въ густой тутовый садъ.

У верхнихъ воротъ станицы стоялъ часовой, астраханскій казакъ [2]). Честный служака не оставилъ своего поста; онъ изрубилъ двухъ первыхъ бросившихся на него кабардинцевъ, но былъ изрубленъ самъ,—и только черезъ трупъ его черкесы вломились въ станицу. Казачій резервъ, также астраханскій, заперся на поч-

[1]) Не лишнее замѣтить, что утромъ товарищи нашли его еще живымъ; онъ вылѣчился въ Георгіевскомъ госпиталѣ, и, впослѣдствіи, за свое молодечество попалъ въ число отборныхъ линейцевъ, назначенныхъ въ Варшаву, въ конвой къ фельдмаршалу Паскевичу.

[2]) Конный полкъ Астраханскаго казачьяго войска былъ вызванъ изъ Астрахани для усиленія войскъ въ Кабардѣ и расположенъ частями по станицамъ и укрѣпленіямъ.

товой станціи и не двинулся съ мѣста. Черкесы съ своей стороны тоже „не ворошили ихъ“—по выраженію одной казачки,—а забирали тѣхъ, кто попадался живымъ въ домахъ и на улицахъ. Человѣкъ 12 было убито. „Похватали они всѣхъ лошадей—разсказывала потомъ казачка:—и принялись обшаривать въ домахъ, да такъ чисто, что синь-пороха въ нихъ не оставили: перины повытащили, сундуки разбили, пухъ съ подушекъ повыпустили, даже рушники,—и тѣ посдирали со святыхъ образовъ; но особенно накидывались они на всякое желѣзо: на топоры, косы и даже на гвозди. Навьючили они всѣмъ этимъ добромъ своихъ лошадей, и зажгли избы. Тутъ они добрались и до насъ, бабъ, спрятавшихся въ саду, и всѣхъ позабирали“...

Селеніе было разгромлено. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ немъ убито 8 человѣкъ, въ плѣнъ попало 113 душъ; домовъ, благодаря сырой, дождливой погодѣ, сгорѣло только десять, но въ томъ числѣ молитвенный домъ, больница и хлѣбные магазины.

Покончивъ съ селомъ, черкесы, обремененные добычею, перешли за Малку и, никѣмъ не преслѣдуемые, потянулись къ Баксанскому ущелью. Ночью они перешли Баксанъ выше укрѣпленія, и, пройдя еще сутки, приблизились ко входу въ ущелье Чегемское.

Одна изъ плѣнныхъ казачекъ впослѣдствіи разсказывала, что, на пути этого отступленія, черкесамъ встрѣтились русскія войска. „На другой день послѣ разгрома нашей станицы,—говорила она:—когда партія ночевала въ ущельѣ, мы слышали, какъ въ русскомъ отрядѣ билъ барабанъ, и видѣли на горахъ казачьи пикеты. Черкесы, услышавъ барабанъ, всполошились, тотчасъ стали сѣдлать лошадей и погнали насъ дальше, на самый конецъ Баксанскаго (нужно понимать—Чегемскаго) ущелья, почти подъ Шатъ-гору“.

Дѣйствительно, всего вѣроятнѣе, что именно при входѣ въ Чегемское ущелье упущенъ былъ самый удобный случай наказать хищниковъ и отнять отъ нихъ добычу,—что, какъ увидимъ ниже, такъ возмутило Ермолова. Разграбивши Солдатское и лишь издали преслѣдуемая ничтожнымъ числомъ казаковъ, партія шла обремененная добычей и уже измученная, растерявшая своихъ лошадей. Въ этомъ состояніи она нечаянно наткнулась передъ Чегемскимъ

ущельемъ на командира Кабардинскаго полка, подполковника Булгакова, который съ ротою пѣхоты и артиллеріей шелъ отъ Баксанскаго укрѣпленія на Малку. Черкесы всполошились и бросились въ горы. Но Булгаковъ не почелъ себя, вѣроятно, достаточно сильнымъ, чтобы ударить на непріятеля, и безъ выстрѣла дозволилъ ему уйти, несмотря на открытый ропотъ солдатъ. Впослѣдствіи, онъ старался объяснить свой поступокъ боязнью, чтобы черкесы, поставленные въ отчаянное положеніе, не перерѣзали плѣнныхъ.

Всѣ эти обстоятельства глубоко возмутили Ермолова. Пріѣхавши самъ на линію, онъ обратился къ Булгакову съ письмомъ, въ которомъ съ безпощадной откровенностью высказалъ чувства, волновавшія его.

„Мнѣ надо было проѣхать черезъ всю Кабарду,—писалъ онъ ему:—чтобы удостовѣриться, до какой степени простиралась подлая трусость ваша, когда, догнавъ шайку, уже утомленную разбоемъ и обремененную добычею, вы не осмѣлились напасть на нее. Слышны были голоса нашихъ, просящихъ о помощи, — но васъ заглушала подлая трусость; рвались подчиненные ваши освободить своихъ соотечественниковъ—но вы удержали ихъ. Изъ мыслей ихъ нельзя изгнать, что вы или подлый трусъ, или измѣнникъ. И съ тѣмъ и съ другимъ титуломъ нельзя оставаться между людьми, имѣющими право гнушаться вами, а потому я прошу успокоить ихъ поспѣшнымъ отъѣздомъ въ Россію. Я принялъ мѣры, чтобы, проѣзжая село Солдатское, вы не были осрамлены оставшимися жителями. Примите увѣреніе въ томъ почтеніи, которое только вы заслуживать можете“.

И долго спустя, когда давно уже исчезла рѣзкость перваго впечатлѣнія, Ермоловъ не отказался отъ своего взгляда на это дѣло. „Трусость подполковника Булгакова—сказано въ его „Запискахъ“: — не допустила наказать хищниковъ, ибо, догнавши ихъ въ тѣсномъ ущельѣ, обремененныхъ добычею и плѣнными, имѣя у себя достаточно силъ и пушки, не смѣлъ на нихъ ударить. Солдаты явно негодовали за сію робость; я назначилъ тотчасъ другого начальника и, вразумительно изъяснившись насчетъ подлой его трусости, приказалъ ему подать прошеніе въ отставку“...

Оплошность Булгакова принесла горькіе плоды. Хищники, ушедшіе въ Чегемское ущелье, не ограничились разгромомъ русской

станицы, а произвели еще рядъ нападеній на мирныхъ кабардинцевъ, по Череку и Баксану. Впослѣдствіи разъяснилось, что, съ 6 на 7 октября, извѣстный кабардинскій бѣглецъ, князь Хамурзинъ, съ сыновьями и большою толпою черкесовъ,—несомнѣнно часть партіи, разорившей Солдатское,—напалъ на аулы узденей Асланкирова, Казанишева и другихъ, лежавшіе по Череку, разграбилъ ихъ, угналъ скотъ и отнялъ свою дочь, бывшую замужемъ за оставшимся здѣсь княземъ Камботомъ Кливчукинымъ. Партію эту преслѣдовалъ самъ кабардинскій валій князь Кучукъ Джанхотовъ и отнялъ почти все награбленное въ аулахъ.

Въ слѣдующую ночь хищники спустились по Чегему къ ауламъ Мисоста и потребовали отъ нихъ согласія выселиться за Кубань. Получивъ отказъ, князь Магометъ Атажукинъ провелъ партію дальше къ Баксану—и рядъ ауловъ, не хотѣвшихъ бросать насиженную землю, запылалъ; жители насильно уводились въ Чегемское ущелье.

На Кабардинской линіи поднялась тревога. Изъ Мечетскаго укрѣпленія поспѣшно выступилъ отрядъ маіора Тарановскаго; но когда онъ прибылъ на мѣсто черкесскихъ разбоевъ—аулы горѣли уже кругомъ, а отъ Мечетокъ почти до Кишпека тянулись арбы, уходившія въ горы. Тарановскій двинулся наперерѣзъ бѣгущимъ; загремѣли пушки, завязалась сильная ружейная перестрѣлка и разгорѣлся кровавый бой. Большая толпа хищниковъ бросилась на отрядъ Тарановскаго въ шашки,—но была отбита. Тогда поручикъ Кабардинскаго полка Каблуковъ и прапорщики Воропановъ и Костинъ сбили непріятеля съ высотъ, лежавшихъ по обѣ стороны дороги, и горцы, поставленные подъ перекрестный огонь, бросились назадъ, въ Чегемское ущелье. Значительная часть бѣжавшихъ съ Баксана ауловъ была отрѣзана и забрана хоперцами.

Тарановскій остановился на самомъ мѣстѣ боя, чтобы дать отряду отдохнуть и разобраться съ отбитыми обозами. Между тѣмъ къ нему подошли казаки изъ Нальчика, съ Баксана и даже отъ Извѣстнаго-Брода. Тогда, не теряя времени, онъ быстро двинулся по слѣдамъ непріятеля и вновь настигъ его уже въ самомъ ущельѣ. Опять завязался упорный бой—и кончился новымъ пораженіемъ черкесовъ. Нельзя не отмѣтить, что смѣлыя нападенія

Тарановскаго заслуживаютъ полнаго вниманія, какъ по отвагѣ, съ которой дѣйствовалъ его небольшой отрядъ, такъ и по достигнутымъ имъ результатамъ. Только ничтожная часть бѣжавшихъ съ Баксана кабардинцевъ, пользуясь суматохой боя, успѣла пробраться въ Чегемское ущелье; громадное же большинство было отбито и возвращено на плоскость. Смѣлостью же и энергичностью дѣйствій можно объяснить и ничтожность потери въ русскомъ отрядѣ, лишившемся всего семи человѣкъ убитыми и ранеными; но въ числѣ послѣднихъ, къ сожалѣнію, былъ храбрый хоперскій есаулъ Старжинскій, которому горецъ разрубилъ и плечо и шею. Черкесы понесли серьезную потерю, главнымъ образомъ въ лицѣ своихъ предводителей: убитъ абадзехскій кадій и тяжко раненъ князь Магометъ Атажукинъ,— одинъ изъ тѣхъ кабардинскихъ князей, отважные наѣзды которыхъ и теперь еще помнятъ на линіи.

Всѣ эти воинственныя предпріятія черкесовъ отразились, между прочимъ, и въ разсказѣ той бывшей въ плѣну казачки, о которой сказано выше. Несмотря на то, что всякое приближеніе русскихъ войскъ должно было вынуждать черкесовъ по возможности удалять плѣнныхъ и добычу отъ мѣстъ прямыхъ столкновеній съ ними, она видѣла и разгромы ауловъ, и битвы. По словамъ ея, „у Шатъ-горы“ (нужно думать, въ глубинѣ Чегемскаго ущелья, такъ какъ разскащица, естественно, не знала географіи кавказскихъ горъ)—черкесы стояли недѣли двѣ, и, не довольствуясь захваченной добычей, оставили при плѣнныхъ караулъ, „а сами пустились на мирный кабардинскій ли, ногайскій ли аулъ... Тамъ было у нихъ, видно, большое сраженіе, потому что много они привезли оттуда своихъ раненыхъ; однако же аулъ разорили и пригнали много арбъ съ марушками, ребятами и пожитками; пригнали также и стадо овецъ, которыхъ тотчасъ подѣлили и порѣзали“. Это, вѣроятно, и былъ разгромъ баксановскихъ ауловъ и битва съ Тарановскимъ.

Смѣлыя дѣйствія партіи, очевидно, были разсчитаны на то, что почти всѣ свободныя войска оставались послѣ Вельяминовской осенней экспедиціи еще за Кубанью. И Родожицкій съ нѣкоторой горечью говоритъ, что „въ то время, какъ мы стояли въ своемъ непри-

ступномъ окопѣ на Сагаушѣ, они (черкесы) успѣли сходить верстъ за 200 взадъ и впередъ, разорили станицу, увели мирный аулъ, и добычей, взятой на линіи, вознаградили потерю ауловъ, которые мы выжгли".

Долговременная стоянка въ Чегемскомъ ущельѣ, однако, едва не имѣла для черкесовъ трагическаго исхода. Извѣщенныя о разгромѣ Солдатской и о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ партіи, войска стягивались со всѣхъ сторонъ. Возвращавшійся изъ экспедиціи отрядъ Бековича-Черкасскаго уже подходилъ къ Кубани, когда узналъ о набѣгѣ черкесовъ, и, быстро повернувъ назадъ, занялъ сильную позицію у Каменнаго Моста,—единственный удобный пунктъ переправы черезъ Кубань. Въ то же время отрядъ маіора Родіонова изъ Тахтамыша передвинулся къ верховьямъ Зеленчука, и заградилъ черкесамъ горные проходы на Хассаутъ, Куркуджинъ и Киджалъ, а полковникъ Луковкинъ занялъ центральную позицію между двумя предыдущими отрядами: пѣхота его оберегала дорогу, пробитую по одной изъ горныхъ рѣчекъ, а 600 казаковъ, составивъ подвижной отрядъ, посредствомъ разъѣздовъ и скрытыхъ движеній небольшими партіями, слѣдили за выходами къ сторонѣ карачаевцевъ. Съ другой стороны, путь по открытой кабардинской равнинѣ также не обѣщалъ хищникамъ ничего добраго,—на немъ грозило неизбѣжное преслѣдованіе, и въ концѣ концовъ онъ все-таки привелъ бы ихъ къ тому же Каменному Мосту на Кубани. Непріятель, такимъ образомъ, былъ запертъ въ Чегемскомъ ущельѣ. Передъ нимъ лежала открытою только одна тропинка, проходившая выше Уруспіевскаго аула, подъ самымъ снѣжнымъ хребтомъ, и доступная лишь въ лѣтнее время—и то для пѣшеходовъ. Но дѣлать было нечего, и большая часть горцевъ рѣшились на баснословный переходъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ, быть можетъ, до того не ступала нога человѣка: она пошла на Уруспій, пробралась подъ карнизомъ вѣчнаго снѣга и спустилась на Лабу къ Ахмедъ-горѣ, миновавъ войска, сторожившія ихъ въ верховьяхъ Кубани и Малаго Зеленчука. Но не дешево достался имъ этотъ необычайный переходъ среди снѣговъ и мятелей,—и большинство поплатилось здоровьемъ, а многіе и жизнію.

Отъ этого не легче было, впрочемъ, цѣлой массѣ русскихъ

плѣнныхъ, которыхъ, по разсказу все той же казачки, на каждаго хищника „досталось по дѣвкѣ и по мальчику". Имъ пришлось вынести тѣ же труды на горномъ перевалѣ и затѣмъ большинству навѣки исчезнуть и сгинуть на чужбинѣ, на малоазійскихъ рынкахъ, въ гаремахъ разныхъ странъ и на тяжкихъ работахъ. „Черкесы пошли черезъ Карачай, — говорила бывшая плѣнница:—и тамъ, у карачаевцевъ, они продали и промѣняли все награбленное, что имъ не годилось. Отъ Кубани насъ повели у самыхъ снѣговыхъ горъ. Такъ шли мы шесть недѣль, почти подъ Анапъ... Тамъ-то, по долинамъ и по ущельямъ черкесовъ кишмя кишитъ,—аулъ подлѣ аула"...

Сама разсказчица освободилась изъ плѣна, благодаря только случаю и ловкости какого-то армянина. Армянинъ этотъ скупилъ въ горахъ нѣсколько плѣнницъ и вымѣнялъ ихъ на столько же черкешенокъ, захваченныхъ Бековичемъ въ Карамурзиномъ аулѣ. Хорошимъ поступкомъ этимъ, приписаннымъ его усердію, онъ заслужилъ награду отъ русскихъ властей, но не остался въ накладѣ и со стороны черкесовъ, которымъ перепродалъ ихъ женъ, дочерей и сестеръ съ огромнымъ для себя барышемъ. Это былъ новый родъ торговли, остроумно изобрѣтенный тогда армянами.

Двѣ же взрослыя дочери разсказчицы такъ и остались въ плѣну и пропали безъ вѣсти.

Съ уходомъ закубанцевъ въ свои горы бѣдствія Кабарды не кончились.

Дѣло въ томъ, что изъ Чегемскаго ущелья ушли, какъ сказано выше, не всѣ, а только большая часть хищниковъ, и плѣнная казачка помнитъ хорошо, что они раздѣлились тогда на двѣ партіи. Нужно предположить, что ушли только дальніе горцы—шапсуги и абадзехи; бѣглые же кабардинцы, съ князьями Кучукъ Ажгирѣевымъ, Дженхотъ Кейтукинымъ, Измаиломъ Касаевымъ и Кайсыкъ Казіевымъ, остались въ горахъ и соединились съ Хамурзинымъ, чтобы хищничать на линіи.

Русскіе секреты, выставленные на Черекѣ, видѣли, дѣйствительно, партію человѣкъ въ полтораста, разъѣзжавшую по ущельямъ, которая скоро и ознаменовала свое пребываніе здѣсь отгономъ съ Малки

табуна, болѣе чѣмъ въ 2000 лошадей, принадлежавшаго валію Кучуку Джанхотову и другимъ мирнымъ кабардинскимъ князьямъ.

Положеніе дѣлъ становилось настолько серьезно, что Ермоловъ въ ноябрѣ самъ пріѣхалъ въ Екатериноградъ, гдѣ его и застало тогда извѣстіе о кончинѣ Императора Александра. Но даже личное присутствіе на линіи грознаго для горцевъ главнокомандующаго было безсильно обуздать ихъ,—и со времени разоренія Солдатской идетъ рядъ нападеній то въ Кабардѣ, то на правомъ флангѣ, которыя, въ этотъ тревожный періодъ, слились въ единствѣ враждебныхъ дѣйствій и усилій горцевъ противъ русскихъ.

Еще не улеглась общая тревога, вызванная присутствіемъ сильной вражеской партіи въ Чегемскомъ ущельѣ, какъ, 18-го октября, 14 человѣкъ горцевъ наѣхали на жителей селенія Новосельцы, бывшихъ въ полѣ, верстахъ въ десяти отъ дому, и захватили въ плѣнъ двухъ крестьянъ, а третьяго изранили. Прошло нѣсколько дней—и новое происшествіе. 30 человѣкъ напали на хуторъ нѣкоего Великанова, при селеніи Отказномъ, троихъ убили, пять взяли въ плѣнъ и угнали семь лошадей.

Это было 25-го октября. А 3-го числа слѣдующаго мѣсяца, кабардинская партія была замѣчена за Малкою, съ поста Извѣстнаго-Брода. Сотникъ Евсѣевъ съ командою немедленно поскакалъ за ними; но партія скрылась. Только послѣ долгихъ поисковъ, уже за рѣчкой Куркуджиномъ, въ полуверстѣ впереди, замѣтилъ онъ трехъ пѣшихъ кабардинцевъ, и, чтобы не мучить напрасно лошадей, послалъ хорунжаго Таририна узнать, мирные это, или хищники. Таририна встрѣтили прицѣленныя ружья. Онъ громко крикнулъ, что если они мирные, то имъ бояться нечего, пусть отдадутъ оружіе и слѣдуютъ къ начальству. Въ отвѣтъ раздался залпъ,—и лошадь подъ хорунжимъ была убита. Тариринъ, въ свою очередь, выстрѣлилъ въ нихъ изъ ружья,—а тутъ подоспѣлъ и Евсѣевъ съ командою. Хищники, не имѣвшіе возможности ни бѣжать отъ конныхъ казаковъ, ни одолѣть ихъ, засѣли въ яръ и не давали приблизиться къ себѣ, посылая выстрѣлъ за выстрѣломъ. Между тѣмъ наступала ночь. Казаки, боясь упустить хищниковъ, двинулись на нихъ всею массой, и тогда кабардинцы,

увидѣвъ, что имъ не избѣжать уже смерти,—сами бросились на казаковъ съ кинжалами; двое изъ нихъ тотчасъ были изрублены, но третьему, сильно раненому, удалось, въ наступившей темнотѣ, спрятаться въ густой бурьянъ, и онъ не былъ найденъ. Хищники бились съ такой отвагой, что, несмотря на большой перевѣсъ въ силахъ, казаки потеряли трехъ человѣкъ ранеными.

Въ то же время Кубанская линія вновь неожиданно подверглась бурному черкесскому набѣгу, о которомъ власти на линіи не были даже предупреждены лазутчиками. Нѣсколько дней раньше происшествія у Извѣстнаго-Брода и ровно мѣсяцъ спустя послѣ разгрома Солдатской, 29 октября, партія въ 500 человѣкъ, опять съ Джембулатомъ Айтековымъ во главѣ, перешла Кубань у Прочнаго Окопа. Здѣсь она разгромила казачій постъ и безпрепятственно двинулась по дорогѣ, ведущей къ селамъ Каменнобродскому и Сенгилеевкѣ, забирая и опустошая все, что попадалось на пути. Жители, работавшіе въ поляхъ и на молотьбѣ хлѣбовъ, избивались или забирались въ плѣнъ. Такъ партія дошла до Временнаго поста, гдѣ дорога раздѣляется. Они окружили постъ и забрали казачьихъ лошадей; но сами казаки заперлись въ караульной избѣ и отбились. Тогда партія повернула на хутора Кубанскаго полка, много казачьихъ семействъ побила или забрала въ плѣнъ, захватила полковые табуны — и затѣмъ бросилась на селенія. Малочисленныя войска, охранявшія ихъ, мужественно встрѣтили горцевъ и не допустили до совершеннаго истребленія деревень; тѣмъ не менѣе и здѣсь много жителей было убито и забрано въ плѣнъ.

Рота Навагинскаго полка гналась за непріятелемъ отъ самаго Прочнаго Окопа, но, разумѣется, отстала, и только встрѣтила его уже возвращавшимся, изъ набѣга. Выстрѣлъ картечью остановилъ черкесовъ. Они кинулись вправо, сбили на Кубани казачій постъ и переправились, не успѣвъ захватить съ собою изъ всей огромной добычи только около 170 лошадей, отбитыхъ сотнею донцовъ, насѣвшею на нихъ, подъ командою есаула Дуткина, на самой переправѣ у Погорѣлаго поста, называемой Овечьимъ Бродомъ. Это несчастное событіе, случившееся при удвоенномъ числѣ войскъ на линіи, и при такомъ начальникѣ, какимъ былъ

Вельяминовъ, служило доказательствомъ, что безъ предварительныхъ увѣдомленій о сборѣ черкесовъ, невозможно предупреждать ихъ быстрыя, неожиданныя вторженія.

Не такъ, напротивъ, посчастливилось горцамъ, когда, два мѣсяца спустя, 18 декабря, такая же большая партія въ 500 человѣкъ, и съ тѣмъ же Джембулатомъ—перешла Кубань у Романовскаго поста и двинулась по направленію на рѣчку Чалбасъ. На линіи уже знали о готовившемся нашествіи и были настороже. Поэтому ни на чалбасской мельницѣ, ни на чалбасскихъ хуторахъ—черкесы не нашли ничего. Опытный Джембулатъ смѣтилъ грозившую опасность и, захвативъ наскоро что попало подъ руку, быстро повернулъ назадъ, къ Кубани. Но уйти отъ погони ему уже было нельзя. Зловѣщимъ факеломъ вспыхнулъ сигнальный маякъ, глухо раскатился пушечный выстрѣлъ,—и со всѣхъ сторонъ понеслись казаки на тревогу... Первымъ настигъ и насѣлъ на непріятеля резервъ Казанской станицы; къ нему подоспѣли станицы Тифлисская и Темижбекская, прискакалъ князь Бековичъ съ кавказцами, донцы — съ подполковникомъ Залещинскимъ,—и всѣ совокупными силами гнали непріятеля на разстояніи цѣлыхъ 35 верстъ. Черкесы оставили по пути отступленія множество тѣлъ, но имъ удалось и на этотъ разъ увести въ плѣнъ десятилѣтняго мальчика, сына дьячка изъ села Ильинскаго.

Изъ тревожныхъ событій этого времени, выдается геройская защита одной незначительной команды Кабардинскаго полка, противъ вдвое сильнѣйшей партіи хищниковъ. Дѣло было такъ. Изъ Екатериноградa во Владикавказъ шелъ транспортъ съ боевыми патронами, провіантомъ и съ солдатскими женами. 29 марта 1826 года онъ выступилъ изъ Ардонскаго поста, съ прикрытіемъ изъ 35 солдатъ, подъ начальствомъ унтеръ-офицера Пучкова. Отошли верстъ 15, какъ вдругъ изъ лѣсу появилась большая конная партія черкесовъ. Пучковъ, не теряя присутствія духа, встрѣтилъ ихъ залпомъ. Шайка отскочила,—а солдаты, воспользовавшись этимъ моментомъ, быстро устроили изъ повозокъ каре. Жестокій бой, длившійся нѣсколько часовъ, кончился тѣмъ, что непріятель бѣжалъ; но конвою это нападеніе стоило 14 человѣкъ,

т. е. почти половины команды; ранены также двѣ солдатки и пропалъ безъ вѣсти 4-хъ лѣтній мальчикъ.

Есть извѣстіе, передаваемое въ частныхъ запискахъ одного путешественника, что женщины принимали близкое участіе въ бою,—недаромъ двѣ изъ нихъ ранены. „Мы, бабы, разсказывала одна изъ этихъ раненыхъ солдатокъ:—нанимаемся для перевозки всякой рухляди... Въ тотъ разъ я везла патроны, другія муку. Оказія была сильная. И вдругъ, со всѣхъ сторонъ налетѣли черкесы!.. Вѣдь они бы не такъ еще были страшны,—да ужъ визжатъ больно! Господи! какой визгъ подняли!.. Шашки наголо—и летятъ!... Мы „скаренлись", да изъ-за арбъ и давай ихъ душить. Отобьемся, отобьемся, смотримъ: опять летятъ!.. Дадутъ залпъ изъ ружей, — и въ шашки!.. А прорваться въ карею не могутъ: за арбами и фурами нашимъ ловко было отсиживаться. Вдругъ, слышимъ, конвойные кричатъ: „Патроны всѣ!" Мы, бабье дѣло,—да не будь плохи, разбили тюки, да и давай разносить патроны-то! И, вотъ какъ я подавала уже скушенный патронъ солдату, пуля и отшибла мнѣ палецъ: вотъ видите? За то, теперь, я получаю пенсіонъ и полный паекъ—Государь такъ приказалъ"...

„Русская Амазонка — прибавляетъ авторъ записокъ: — разсказывала это съ видомъ равнодушія, какъ дѣло очень обыкновенное. Оружіе, порохъ, грабежъ, пожаръ—вотъ слова, на коихъ основаны вседневные разсказы на линіи".

Ермоловъ по достоинству оцѣнилъ подвигъ Пучкова, и просилъ Георгія какъ для него, такъ и для двухъ людей изъ его команды. Императоръ Николай не только утвердилъ представленіе Ермолова, но сверхъ того произвелъ Пучкова въ прапорщики и всѣмъ нижнимъ чинамъ назначилъ денежную награду. Не лишнее замѣтить, что это были первые георгіевскіе кресты, розданные Николаемъ Павловичемъ, а награды, увеличенныя лично государемъ, впервые проявили ту истинно царственную щедрость, съ которою покойный императоръ постоянно отличалъ военную доблесть *).

Случай съ Пучковымъ не былъ единственный, хотя далеко

*) Леонъ Трофимовичъ Пучковъ, — служилъ въ 4-мъ линейномъ Кавказскомъ батальонѣ и въ 1837 году вышелъ въ отставку штабсъ-капитаномъ

не всѣ они дошли до насъ въ донесеніяхъ начальниковъ и въ частныхъ разсказахъ. Въ тѣхъ же запискахъ, которыя такъ просто и вѣрно отражаютъ духъ воинственной кавказской женщины, воспитанной подъ грохотъ перестрѣлки и засыпавшей въ дѣтствѣ подъ мирныя легенды о воинственныхъ подвигахъ—разсказанъ между прочимъ слѣдующій, столь же доблестный, но уже менѣе счастливый случай. „Одинъ штабсъ-капитанъ и съ нимъ 3 субалтернъ-офицера, возвращаясь послѣ освидѣтельствованія сгорѣвшаго въ какой-то крѣпостцѣ магазина, встрѣчены были 40 хищниками, подъ предводительствомъ князька, не только мирнаго, но и находившагося прежде на нашей службѣ. Имѣя въ конвоѣ только 17 человѣкъ донскихъ казаковъ, штабсъ-капитанъ увидѣлъ всю безполезность сопротивленія, но не хотѣлъ и сдаться безъ боя. Какъ яростно было нападеніе,—такъ и защита отчаянна. Изъ всего конвоя уцѣлѣли два казака, обязанные спасеніемъ быстротѣ своихъ лошадей; остальные изрублены... Одинъ офицеръ, жестоко израненный, остался замертво на мѣстѣ; другой, геркулесъ по росту и силѣ, защищавшійся съ геройскимъ мужествомъ, разрѣзанъ на части уже мертвый!.. Изъ звѣрскаго остервененія горцы разможжили ему голову, отрѣзали руки и ноги, и дали тѣлу неисчислимое множество ранъ...“ Происшествіе это было немного спустя послѣ случая съ Пучковымъ, и также между Екатериноградомъ и Владикавказомъ.

Офиціальные источники въ свою очередь упоминаютъ о нѣсколькихъ случаяхъ появленія хищническихъ партій, о грабежахъ и разбояхъ, случавшихся въ Кабардѣ около того же самаго времени. Такъ, 12 мая, человѣкъ 40 кабардинскихъ абрековъ, подъ предводительствомъ знаменитыхъ князей Бесленея Хамурзина и Тембота Кантукина, прорвались на кабардинскую плоскость со стороны Чечни, но, встрѣченные здѣсь двадцатью казаками Волжскаго полка, поспѣшно укрылись въ лѣсахъ Черекскаго ущелья. Отсюда они пробрались въ землю дигорскихъ осетинъ, и вмѣстѣ съ ними замышляли новые набѣги на русскія границы.

Такъ шла жизнь Кабарды, среди треволненій, кототыя незадолго передъ тѣмъ населеніе стало было уже забывать. Русское

правительство отвѣчало на участіе мирныхъ кабардинцевъ въ безпорядкахъ—непреклонною политикой, карая ихъ, какъ за измѣну присяги и долгу подданныхъ. И первою жертвою правосудія палъ сынъ самого валія, Джембулатъ Кучуковъ, со своимъ сообщникомъ княземъ Канамиромъ Касаевымъ. Казнь эта произвела на Кабарду глубокое впечатлѣніе.

Происшествія 1826 года были въ Кабардѣ послѣдними вспышками затихавшаго броженія, переходными явленіями къ эпохѣ мирной жизни. И если берегамъ Кубани предстояло еще быть поприщемъ дикихъ насилій безпощадной религіозно-фанатической войны, то передъ Кабардою лежалъ путь гражданскаго порядка, котораго впослѣдствіи не могло поколебать даже вторженіе могущественнаго Шамиля.

Смягченію, а потомъ и исчезновенію воинственныхъ инстиктовъ въ кабардинскомъ народѣ послужило и постепенное исчезновеніе вождей, проникнутымъ духомъ необузданной воли и страстно искавшихъ выхода для своихъ непочатыхъ силъ въ громкихъ военныхъ подвигахъ. Подъ непосредственнымъ управленіемъ русскаго правительства, бывшія междусословныя отношенія въ Кабардѣ постепенно, но круто измѣнились. Сила и значеніе князей каждый день утрачивали свое обаяніе, и съ каждымъ днемъ народная масса становилась самостоятельнѣе. Да и такихъ князей, которые образомъ жизни соотвѣтствовали бы прежнимъ понятіямъ кабардинцевъ о княжескомъ достоинствѣ, становилось все меньше и меньше, и когда, въ шестидесятыхъ годахъ, умеръ послѣдній представитель древняго типа кабардинскаго князя, Атажукинъ,—въ Кабардѣ остался только ничего не значащій княжескій титулъ. Нѣкогда широкая жизнь кабардинскаго „пши“ мало по малу переходила въ область легендарныхъ преданій, а съ тѣмъ вмѣстѣ затихла навѣкъ и нѣкогда воинственная Кабарда.

XXXII.

Смерть Джембулата Кучукова.

Въ Кабардѣ зародился тревожный слухъ: Вельяминовъ требуетъ валія и Джембулата въ Нальчикъ! — „Правда ли?“ тревожно спрашивали другъ друга встрѣчавшіеся кабардинцы.

Слухъ подтвердился. Нарочный изъ Екатеринограда привезъ валію приглашеніе явиться съ сыномъ и князьями Канамиромъ Касаевымъ и Росламбекомъ Батоковымъ въ Нальчикъ. Какъ молнія пролетѣла эта вѣсть по ауламъ,— и вся Кабарда, какъ одинъ человѣкъ, сѣла на коней и поѣхала въ аулъ стараго валія.

Всѣ знали, что дѣло идетъ о жизни и смерти Джембулата; всѣмъ было извѣстно, что Джемулатъ и князья Касаевъ и Батоковъ были душою той тысячной партіи черкесовъ, которая Божьей грозой пронеслась надъ станицей Солдатской, увлекая въ плѣнъ женщинъ и дѣтей и оставила послѣ себя, на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде цвѣли довольство и благоденствіе,—лишь слѣды разруше-

нія, да печальные стоны немногихъ уцѣлѣвшихъ и теперь на тлѣющихъ грудахъ пепла оплакивавшихъ потерю дорогихъ лицъ и всего своего достоянія.

Вельяминову поручено было наказать этотъ неслыханно-дерзкій поступокъ.

Никогда еще кабардинцы въ душѣ не были покорными подданными Россіи. Слишкомъ живо было въ нихъ сознаніе своего удалого молодечества, еще сильна была въ нихъ жажда славы и военныхъ подвиговъ. У домашняго очага съ раннихъ лѣтъ слушалъ юноша-кабардинецъ разсказы отца про дѣла князей, про битвы съ крымскими татарами, съ кубанскими мурзами и казацкими атаманами. Старинныя пѣсни въ устахъ прекрасныхъ дѣвъ говорили про храбрыхъ, благородныхъ кабардинскихъ князей, про награды, которыя ожидаютъ ихъ: здѣсь — въ пѣсняхъ пѣвцовъ и горячихъ лобзаніяхъ женщинъ; тамъ, за предѣлами человѣческой жизни — въ вѣчномъ эдемѣ и ласкахъ черноокихъ гурій... Закипала кровь юноши и горячая фантазія рисовала предъ нимъ его собственное будущее въ образѣ подвиговъ неустрашимаго мужества и безпечности передъ грозными очами смерти. Пѣли дѣвушки и о томъ, какъ изнѣженный и трусъ приговорены здѣсь—къ презрѣнію, тамъ—къ вѣчному рабству. И не могъ помыслить юноша о жизни безъ тревоги и подвиговъ бранныхъ.

Старый, любимый, всѣми уважаемый валій не всегда могъ сдерживать своеволіе молодежи, и оттого довелось ему, какъ старому древесному стволу, пережить свои молодыя вѣтви. Изъ троихъ сыновей его старшій утонулъ на переправѣ черезъ Кубань; второй погибъ гдѣ-то въ окрестностяхъ Георгіевска. Теперь ему оставался только третій, послѣдній сынъ, единственная радость и утѣшеніе въ старости, его гордость и надежда, единственный преемникъ древняго, славнаго имени. И этотъ послѣдній сынъ сдѣлался преступникомъ.

Страшна была для отца та минута, когда онъ получилъ требованіе Вельяминова; еще страшнѣе та, когда онъ приказывалъ сыну готовиться ѣхать съ нимъ въ Нальчикъ. Быть можетъ, мелькнула въ головѣ Джембулата мысль бѣжать въ горы; но онъ взгля-

нулъ на отца, увидѣлъ глубокое спокойствіе на его почтенномъ лицѣ—и молча повиновался.

Со всѣхъ сторонъ съѣхались къ валію князья съ своими узденями, собирались и волны народа, шумѣвшія, какъ море, готовое, при первомъ порывѣ вѣтра, разыграться разрушительною бурею. Старый валій важно и безмолвно принималъ прибывшихъ князей и приказывалъ отвести ихъ въ особыя комнаты для отдыха послѣ утомительнаго пути.

Торжественна и трогательна была картина, когда на слѣдующій день, съ первыми лучами восходящаго солнца, старый валій сѣлъ на коня и шагомъ выѣхалъ со двора, сопровождаемый князьями и сотнями всадниковъ, готовыхъ пролить за него послѣднюю каплю крови. Старшіе князья отличались простотою одежды, важнымъ спокойствіемъ и гордою осанкою; молодежь блистала и одеждой, обложенной серебряными галунами, и сверкавшимъ на солнцѣ оружіемъ, покрытымъ серебряной и золотой насѣчкой, и дорогимъ уборомъ своихъ кровныхъ коней.

Кабардинская степь, широко раскинувшаяся на необозримомъ горизонтѣ, загремѣла шумною, веселою джигитовкою. Въ джигитовкѣ, въ этомъ живомъ разгулѣ гарцующей моложеди, есть для кабардинца что то поэтическое, увлекающее. Даже тѣ, кому лѣта и санъ не дозволяли принимать участіе въ общей забавѣ, громкими восклицаніями выражали сочувствіе смѣлымъ и ловкимъ джигитамъ, напоминавшимъ, быть можетъ, имъ ихъ собственную бурную, удалую молодость. Джембулатъ, красивый и ловкій, отличался больше всей молодежи. Старые князья смотрѣли на него съ грустнымъ участіемъ и думали про себя: „какъ ни остра стрѣла, а все же она должна сломиться о твердую скалу“. Отцовское сердце стараго валія обливалось кровію: онъ зналъ, что сынъ его преступникъ, и что судья его Вельяминовъ.

Какое мстительное чувство скрытно волновало молодежь, когда впереди встали передъ нею грозные валы Нальчика, сверкавшіе штыками и жерлами орудій! Веселые крики замолкли, всѣ столпились въ кучу, и нѣмою массою подвигались впередъ. Въ крѣпостныя ворота впущены были только валій, сынъ его, князья Ка-

намиръ Касаевъ и Росламбекъ Батоковъ, и съ ними три узденя. Зная неукротимый характеръ Джембулата, Вельяминовъ приказалъ приготовить заранѣе 25 солдатъ съ заряженными ружьями. Джембулата и князей ввели въ домъ кабардинскаго суда; валія съ его узденями Вельяминовъ пригласилъ къ себѣ, чтобы избавить ихъ отъ возможныхъ опасностей. Между двумя этими домами, стоявшими другъ противъ друга на противоположныхъ концахъ площади, расположился взводъ егерей.

Переводчикъ Соколовъ, по приказанію Вельяминова, вошелъ въ домъ, гдѣ были арестованные князья, и сказалъ, что генералъ хочетъ ихъ видѣть и чтобы они сняли оружіе и слѣдовали за нимъ. Они повиновались. Но едва Джембулатъ, переступивъ порогъ, увидѣлъ солдатъ, какъ бросился назадъ въ комнату и схватился за оружіе; Батоковъ и Касаевъ (братъ извѣстнаго мятежника Измаила Касаева) сдѣлали то же—и Соколовъ вынужденъ былъ удалиться. Тогда Вельяминовъ рѣшилъ подѣйствовать на Джембулата и склонить его къ повиновенію путемъ увѣщаній стараго валія.

Необыкновенныя обстоятельства свели здѣсь двухъ необыкновенныхъ людей, два необыкновенные характера, которые могли возникнуть только въ томъ суровомъ краю и въ ту суровую эпоху. Вельяминовъ принадлежалъ къ рѣдкимъ людямъ, которые обнаруживаются только при стеченіи чрезвычайныхъ обстоятельствъ. Отъ его необыкновенной проницательности ускользало развѣ только то, чѣмъ онъ пренебрегалъ. Передъ желѣзной силой его воли преклонялось все, исчезали всѣ трудности. Онъ не терялъ никогда словъ попустому, рѣчь его была проста и ясна, повелѣнія — коротки. Рѣдко видѣли его улыбающимся или сердитымъ. Спокойная осанка и рѣчь прямая, безъ всякихъ изворотовъ—говорили о спокойномъ и доброжелательномъ его настроеніи; напротивъ, молчаніе, привычка выдергивать волосы изъ бакенбардъ и сдувать ихъ съ ладони—означали противное, и кто былъ принятъ Вельяминовымъ въ такомъ расположеніи духа, тому не доводилось похвалиться хорошимъ пріемомъ. Таковъ былъ постоянно Вельяминовъ и въ своемъ кабинетѣ, и передъ войсками, и въ походахъ черезъ лѣса и горы, и въ са-

момъ пылу сраженія. Любовь къ отдѣльнымъ лицамъ поглощалась въ немъ любовью къ отечеству, въ обширномъ смыслѣ этого слова, и чувство долга преобладало у него надъ всѣмъ. Горцы благоговѣли передъ этимъ суровымъ вождемъ и видѣли въ немъ силу неодолимую. Слова: „Вельяминовъ хочетъ“ — значили для нихъ, что всякое сопротивленіе безполезно; „Вельяминовъ идетъ“—значило: нѣтъ спасенія.

Такою же силою воли обладалъ и старый Кучукъ. Въ немъ хорошія свойства его народа явились въ высокой степени облагороженными. Въ немъ уже перегорѣлъ огонь опрометчивой и необузданной юности и уступилъ мѣсто холодному разсудку. Никакая жертва не могла ему казаться великою, когда дѣло шло объ отвращеніи бѣдствій отъ его любимой родины. Онъ не мстилъ за смерть своихъ сыновей, и послѣдняго готовъ былъ предать заслуженной карѣ, лишь бы избавить свой народъ отъ гибели.

Вельяминовъ встрѣтилъ почтеннаго валія на порогѣ комнаты и ласково протянулъ ему руку.

— „Здравствуй, Кучукъ,—сказалъ онъ. — Къ сожалѣнію, я не могу радоваться свиданію съ тобою. И то, что я долженъ сказать, будетъ столько же больно слушать тебѣ, сколько и мнѣ говорить“.

Вельяминовъ молча указалъ старику стулъ возлѣ окна. Оба сѣли. Кучукъ исподлобья бросилъ взглядъ на улицу и увидѣлъ, что домъ, гдѣ находился его сынъ, окруженъ солдатами. Лицо стараго валія осталось неподвижнымъ.

Послѣ минутнаго молчанія Вельяминовъ сказалъ ему:

— „Кучукъ! твой сынъ сдѣлался измѣнникомъ; онъ забылъ и присягу, и милости царскія, и дружбу Ермолова къ тебѣ, забылъ свой долгъ, честь и, какъ разбойникъ напалъ на наши деревни. Онъ уже арестованъ. Тебѣ, какъ валію и отцу, я поручаю узнать, не найдетъ ли онъ хоть что нибудь къ своему оправданію“.

Старикъ спокойно отвѣтилъ:

— Виноватъ ли мой сынъ, или нѣтъ, ты это лучше меня долженъ знать и судить. Одного прошу: избавь меня отъ печальной

обязанности говорить съ нимъ; тяжело мнѣ быть исполнителемъ наказанія, а еще тяжелѣе подвергнуться стыду, если я встрѣчу съ его стороны непослушаніе моей власти. Я знаю гордый, неукротимый нравъ своего сына—и могу ожидать этого.

— „Я это дѣлаю — сказалъ Вельяминовъ: — изъ уваженія и участія къ тебѣ. Мои средства для достиженія цѣли заключаются въ силѣ; но сила не гнетъ, а ломаетъ; твое средство—любовь, и думаю, что отцовское сердце съумѣетъ покорить упрямство сына. Участь этого сына я и ввѣряю отцу его".

Въ душѣ старика скользнулъ лучъ надежды, и онъ пошелъ къ Джембулату. Джембулатъ сидѣлъ въ комнатѣ, на широкой деревянной скамьѣ и чистилъ ружье, закоптѣвшее отъ пороха во время послѣдней джигитовки. Онъ всталъ и поклонился отцу.

Лицо старика не обнаруживало тревожнаго состоянія духа; оно было спокойно и серьезно, какъ будто бы валій готовился дать сыну обыкновенное приказаніе.

— Джембулатъ! — сказалъ онъ:—по приказанію Вельяминова ты арестованъ, и я пришелъ взять у тебя оружіе.

— „Не дамъ", глухо отвѣчалъ Джембулатъ.

— Повинуйся мнѣ, валію и отцу!—грозно крикнулъ Кучукъ.

— „Оружія не отдамъ", еще глуше прошепталъ Джембулатъ.

— Ты измѣнилъ слову,—продолжалъ старый Кучукъ дрогнувшимъ голосомъ;—ты нарушилъ клятву: ты воровски, не какъ природный князь, а какъ разбойникъ, поднялъ оружіе противъ тѣхъ, кому твой отецъ, твой повелитель, глава всего кабардинскаго народа — безусловно повинуется. Что скажешь ты въ свое оправданіе?

Джембулатъ молчалъ. Онъ видимо боролся съ собою; но, наконецъ, сказалъ твердо:

— „Нѣтъ! Таково предопредѣленіе Аллаха. Я не отдамъ оружія".

Кучукъ вышелъ изъ комнаты.

Вельяминовъ пытливымъ взглядомъ встрѣтилъ возвратившагося валія.

— „Ты не принесъ съ собою оружіе Джембулата?“ сказалъ онъ.

Вельяминовъ всталъ и началъ задумчиво ходить по комнатѣ. Наконецъ онъ остановился передъ валіемъ.

— „Кучукъ!—сказалъ онъ ему:—ты знаешь, со мною не шутятъ. Не хочу знать, что побудило сына твоего къ измѣнѣ; но знай что его спасеніе — въ слѣпомъ повиновеніи... Больше надѣяться ему не на что“...

Снова пошелъ старый Кучукъ, и на этотъ разъ засталъ Джембулата стоявшимъ посреди комнаты, съ заряженною винтовкою Безмолвно смотрѣлъ отецъ на мятежнаго сына. Въ эту минуту вошелъ комендантъ.

— „Гяуръ!“ —неистово крикнулъ Джембулатъ и бросился съ обнаженнымъ кинжаломъ. Отецъ быстро заслонилъ ему дорогу, и внезапно и сильно схватилъ его руку. Кинжалъ, звеня, упалъ на полъ. Всякая тѣнь надежды исчезла: за такое преступленіе помилованія уже быть не могло. Кучукъ воротился къ Вельяминову.

— Генералъ — сказалъ онъ: — я сдѣлалъ все, что отъ меня зависѣло; теперь ты поступай, какъ велитъ тебѣ долгъ твой и совѣсть.

И валій съ глубокимъ спокойствіемъ сѣлъ у окна.

Вельяминовъ позвалъ адъютанта, отдалъ ему короткій приказъ, и сѣлъ противъ валія.

Взводъ солдатъ сталъ приближаться къ дому, гдѣ находился неукротимый Джембулатъ. Вдругъ изъ окна грянулъ выстрѣлъ, вслѣдъ за нимъ — другой; двое солдатъ повалились на землю. Бѣшеный Джембулатъ вышибъ ногою окно и выскочилъ вмѣстѣ съ Касаевымъ, сверкая шашкою... Тогда солдаты дали залпъ — и преступники, окровавленные, грянулись о-земь... Росламбекъ сдался; онъ оставался въ комнатѣ, не стрѣлялъ самъ и старался уговорить и товарищей по несчастію.

Съ холоднымъ видомъ смотрѣлъ валій на эту страшную

сцену. Наконецъ онъ поднялся и сталъ прощаться съ Вельяминовымъ.

— „Такому человѣку, какъ ты,—сказалъ ему Вельяминовъ:— никто не можетъ отказать въ уваженіи. Знай, что оказать тебѣ довѣріе я почту для себя за счастіе“.

И они разстались.

Невозможно выразить, какое впечатлѣніе произвела казнь Джембулата на кабардинцевъ, стоявшихъ внѣ крѣпости. Слыша выстрѣлы и догадываясь о ихъ значеніи, сотни отчаянныхъ наѣздниковъ, съ обнаженной грудью, съ разгорѣвшимися глазами, съ устами, запекшимися кровью, неистово волновались, горя желаніемъ мести. Имъ хотѣлось бы разорить, уничтожить крѣпость и все, что въ ней находилось и жило, сравнять ее съ землею, и самое мѣсто это посыпать солью.

Но вотъ среди тревожной толпы появился валій, холодный и спокойный. По знаку его толпа замолкла. Съ повелительнымъ жестомъ онъ крикнулъ: „на конь!“, и мѣрнымъ шагомъ поѣхалъ домой. Толпа безмолвно послѣдовала за нимъ.

Солнце уже склонялось за горизонтъ и, золотя долины своими лучами, яркими красками играло на ледяныхъ вершинахъ отдаленныхъ горъ. Конвой валія шелъ мрачно и уныло.

Въ душѣ каждаго изъ этой толпы нѣкогда вольнаго народа возникало ясное сознаніе, что кончилась эпоха стремительныхъ, волнующихъ кровь предпріятій, что храбрый джигитъ долженъ будетъ скоро снять свои военные доспѣхи и промѣнять острую шашку „гурду“ и незамѣнимаго товарища боевой жизни, коня, на мирный плугъ земледѣльца, влекомый лѣнивыми волами. И поникали головы, и мысли тревожнѣе и тревожнѣе омрачали суровыя лица. Видя гибель родного и привычнаго быта, они думали, что рушится счастье и будущность ихъ вольнаго края. Не сознавали они, что то занимается заря свѣтлаго будущаго, которое внесетъ въ ихъ край родной блага вѣковой цивилизаціи и превратитъ ихъ кровью покрытыя поля въ роскошныя нивы.

И въ концѣ концовъ, размысливъ, кабардинцы не могли не

сознавать, что самъ Джембулатъ былъ виною своей гибели. Вельяминовъ имѣлъ полное право написать къ Ермолову въ своемъ донесеніи:

„Кабардинцы хотя и опечалены смертью Джембулата Кучукова, но хорошо понимаютъ, что единственно упорство его и неукротимый характеръ были причиною оной. Надѣюсь, что происшествіе сіе не произведетъ никакихъ лишнихъ безпокойствъ въ Кабардѣ, а напротивъ того, многихъ должно воздержать отъ измѣнническихъ предпріятій".

Тѣмъ не менѣе трагедія, разыгравшаяся въ Нальчикѣ, въ которой сошлись желѣзные характеры изъ желѣзнаго быта воинственныхъ горъ, глубоко поразила умы современниковъ. Имя Джембулата Кучукова прошло по горамъ Кавказа и смерть его послужила темою преданій и многочисленныхъ разсказовъ.

Вельяминовъ, проводивши Кучука, былъ между тѣмъ въ затрудненіи. Въ Кабардѣ умы были слишкомъ взволнованы, и ему нельзя было проѣхать изъ Нальчика на линію съ малымъ конвоемъ,—не отъ страха, котораго онъ никогда не зналъ, а чтобы не измѣнить своему правилу — быть всегда сильнѣйшимъ. И вотъ, онъ послалъ на линію привести себѣ батальонъ пѣхоты съ двумя орудіями — и ждалъ его прибытія. Вѣсть объ этомъ дошла до валія.

Однажды ночью Вельяминова разбудили и подали ему письмо отъ Кучука. Валій писалъ ему:

„Генералъ! ты изъявилъ желаніе доказать мнѣ свое довѣріе. Вотъ теперь представился къ этому случай. Тебѣ дорога на линію кажется опасною, и ты потребовалъ себѣ конвой изъ Екатериноградa. Прошу тебя, довѣрься моимъ пятистамъ кабардинцамъ, которыхъ я тебѣ посылаю. Они проводятъ тебя до Екатериноградa".

Утромъ, съ восходомъ солнца, партія кабардинцевъ двигалась

по плоскости отъ Нальчика къ Екатеринограду. Но веселая джигитовка уже не оживляла этого поѣзда. Угрюмо ѣхали всадники, надвинувъ на глаза папахи. Ни слова не слышно было въ конной толпѣ, и только земля глухо звучала подъ копытами лошадей.

Впереди, одинъ, задумчиво ѣхалъ—Вельяминовъ.

Въ складѣ В. А. БЕРЕЗОВСКАГО.

С.-Петербургъ, Колокольная, № 14.

(Метода ТУССЭНА и ЛАНГЕНШЕЙДТА)

САМОУЧИТЕЛЬ ФРАНЦУЗСКАГО ЯЗЫКА

ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ (1 курсъ).

Цѣна **7** рублей, съ пересылкой **8** рублей.

Допускается **разсрочка** на слѣдующихъ условіяхъ:

При первомъ взносѣ **3** р. (въ томъ числѣ 1 р. на перес.) выдаются съ 1 по 5 выпуски.

При второмъ взносѣ **3** р. (въ томъ числѣ 1 р. на перес.) выдаются съ 6 по 10 выпуски.

При третьемъ взносѣ **2** р. (въ томъ числѣ 1 р. на перес.) выдаются съ 11 по 18 выпуски.

Лица, вносящія деньги за весь I-й курсъ **полностью**, получаютъ изданіе **въ папкѣ-футлярѣ**. Выписывающіе изданіе по разсрочкѣ могутъ получать папку-футляръ за **40** к., а съ пересылкой по почтѣ **1** р.

18-мъ выпускомъ законченъ I-й (общій) курсъ «Самоучителя». Курсъ этотъ ставитъ учащихся въ возможность читать съ лексикономъ французскія книги, писать и, въ извѣстной мѣрѣ, объясняться по французски, т. е. даетъ ту степень подготовки, которую признаетъ желательною для себя большинство русскихъ, приступая къ изученію иностранныхъ языковъ. Поэтому изданіе ограничивается пока однимъ этимъ общимъ курсомъ.

Лица желающія **усовершенствовать** свои познанія во французскомъ языкѣ, что достигается изученіемъ II-го (спеціальнаго) курса, благоволятъ присылать заявленія (безденежныя) о желаніи подписаться и на II-й курсъ **въ книжный складъ В. А. Березовскаго**. По количеству такихъ заявленій можно будетъ судить о томъ, возможно ли теперь же приступать къ изданію русской обработки II-го курса.

Подписка съ разсрочкой принимается исключительно въ складѣ **В. А. БЕРЕЗОВСКАГО**.

СЛОВАРЬ

НѢМЕЦКО-РУССКІЙ Военно-Техническій, содержащій техническія выраженія какъ по военному искусству, въ обширномъ значеніи этого слова, такъ и по всѣмъ отраслямъ знаній, имѣющихъ отношеніе къ военному дѣлу.

Состоитъ изъ 13 выпусковъ.

Составили **И. Миллеръ и К. Модрахъ.**

Цѣна **8** рублей.

СЪ РАЗРѢШЕНІЯ НИЖЕПОИМЕНОВАННЫХЪ ЛИЦЪ

В. А. БЕРЕЗОВСКИМЪ изданы

ПОРТРЕТЫ:

Военнаго министра Генералъ-Адъютанта ***Ванновскаго.***
Начальника Главнаго Штаба Генералъ-Адъютанта ***Обручева.***
Генералъ-Адъютанта ***Гурко.***
Генералъ-Адъютанта ***Радецкаго.***
Генералъ-Адъютанта ***Драгомирова.***
Генералъ-Адъютанта Князя ***Дондукова-Корсакова.***
Генералъ-Адъютанта ***Рихтера.***
Генералъ-Адъютанта Графа ***Шувалова 2-го.***
Генералъ-Лейтенанта ***Фонъ-Нотбека.***
По способу фототипіи, размѣръ $5^1/_2 \times 7$ вер., съ полями $9^1/_2 \times 13$ вер.
По способу литографіи, размѣръ $4^1/_2 \times 5$ вер., съ полями 7×10 вер.

Цѣна портрета безъ перес. **75** к.

Пересылка за одинъ экз. 20 к., за два экз. 25 к., за три экз. 30 к. и т. д.

Въ отзывѣ „Русскаго Инвалида" 1887 г. за № 215 сказано:

« . . . . Обращая вниманіе читателей на это полезное и превосходное въ « техническомъ отношеніи изданіе, мы при этомъ не можемъ не вспомнить, что « въ прежнія времена портреты извѣстныхъ военныхъ дѣятелей, какъ на воен- « но-административномъ, такъ и на боевомъ поприщахъ, издавались, во мно- « жествѣ экземпляровъ, нерѣдко съ правительственной субсидіей, причемъ по- « пулярнѣйшіе изъ нихъ можно было найти во всѣхъ войсковыхъ частяхъ и « управленіяхъ, а въ кадетскихъ корпусахъ всѣ стѣны были ими украшены".

Въ газетѣ «Гражданинъ» 1887 г. за № 66 между прочимъ сказано:

Портреты исполнены замѣчательно хорошо и крайне дешево: 75 к. экзем.

ТРЕБОВАНІЯ АДРЕСОВАТЬ:

Въ складъ В. А. БЕРЕЗОВСКАГО.

С.-Петербургъ, Колокольная, собств. домъ, № 14.

Дозволено цензурою. Спб. 8 декабря 1887 г. Типографія Е. Евдокимова. Б. Итальянская, № 11.

Изданіе
В.А. Березовскаго
Кавказскій воинъ
въ отдѣльныхъ очеркахъ
эпизодахъ
легендахъ
и
біографіяхъ
В. Лотто.
Томъ IIй. Выпускъ четвертый.
Изданіе второе
С. Петербургъ.

Въ складѣ В. А. БЕРЕЗОВСКАГО.

С.-Петербургъ, Колокольная, собств. домъ, № 14.

Изданіе 2-е, посмертное, 1888 г.

СЪ ДОПОЛНЕНІЯМИ И ВКЛЮЧЕНІЕМЪ НЕИЗДАННЫХЪ СТАТЕЙ

УРАЛЬЦЫ.

ОЧЕРКИ БЫТА УРАЛЬСКИХЪ КАЗАКОВЪ.

Полное собраніе сочиненій **Іоасафа Игнатьевича Желѣзнова.**

Цѣна за три тома **4** р. съ перес. **4** р. **60** к.

Сочиненія І. И. Желѣзнова въ настоящее время сдѣлались библіографической рѣдкостью: внѣ земли Уральскихъ казаковъ его мало кто знаетъ, даже по имени, хотя въ свое время вся періодическая печать дала о немъ самые лестные отзывы. По этому нельзя не привѣтствовать появленіе новаго изданія.

ТРУДЫ КОММИСІИ ПЕДАГОГИЧЕСКАГО МУЗЕЯ

по составленію чтеній для войскъ и народа.

ПОКОРЕНІЕ ТУРКМЕНЪ-ТЕКИНЦЕВЪ

РУССКИМИ ВОЙСКАМИ

подъ начальствомъ генерала Скобелева въ 1880—81 гг. Составилъ Л. К. Артамоновъ. Читано въ С.-Петербургѣ въ аудиторіи Солянаго Городка и признано коммисіей Педагогическаго Музея достойнымъ напечатанія. Изданіе 2-е исправленное и дополненное, съ портретами и виньетками. 1888 г.

Цѣна **20** коп., съ перес. **25** коп.

При требованіи **20** экз. и болѣе перес. на счетъ издателя.
30 » (и болѣе по 18 к.) съ перес. **5** р. **40** к.
50 » » » 16 » » **8** » — »
100 » » » 15 » » **15** » — »

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

ВЪ ОТДѢЛЬНЫХЪ

ОЧЕРКАХЪ, ЭПИЗОДАХЪ, ЛЕГЕНДАХЪ И БІОГРАФІЯХЪ.

В. Лотто.

Вы теперь близко увидите, какъ живетъ и умираетъ Кавказскій воинъ, съ какимъ самоотверженіемъ совершаетъ онъ свой подвигъ и сколько неизвѣстныхъ исторіи героевъ молча легло для защиты знамени и долга.

(Изъ привѣтственной рѣчи Графа Соллогуба Е. И. В. Великому Князю Михаилу Николаевичу при назначеніи Его намѣстникомъ Кавказа).

Томъ II рекомендованъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.
Сочиненіе это внесено въ «Основной каталогъ» для офицерскихъ библіотекъ.

ТОМЪ 2-й.

ЕРМОЛОВСКОЕ ВРЕМЯ.

ВЫПУСКЪ IV.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Изданіе книжнаго склада В. А. БЕРЕЗОВСКАГО.
С.-Петербургъ. Колокольная, собств. д., № 14.
1888.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 декабря 1887 г.

Типографія Е Евдокимова. Б. Итальянская, № 11.

ОГЛАВЛЕНІЕ IV ВЫПУСКА.

		стр.
XXXIII.	Черноморье при атаманѣ Матвѣевѣ	559
XXXIV.	Калаусское пораженіе шапсуговъ	577
XXXV.	Послѣ Калаусской битвы	585
XXXVI.	Черноморье въ 1825—26 годахъ	605
XXXVII.	Послѣдніе дни Власова	621
XXXVIII.	Закавказье при Ермоловѣ и Вельяминовѣ	633
XXXIX.	Кахетія и Карталинія	643
XL.	Татарскія дистанціи	657
XLI.	Присоединеніе ханствъ	669
XLII.	Церковный бунтъ	693
XLIII.	Абхазія	719
XLIV.	Ермоловъ въ персидской войнѣ	739
XLV.	Послѣдніе годы Ермолова	761

XXXIII.

Черноморье при атаманѣ Матвѣевѣ.

Противъ Черноморіи, стоявшей безсмѣннымъ стражемъ на рубежѣ Россіи по самому важному нижнему теченію Кубани, отъ Усть-Лабинскаго укрѣпленія и до Чернаго моря, сидѣли въ горахъ сильнѣйшія враждебныя черкесскія племена, шапсуги и абадзехи, готовыя ежеминутно обрушиться на нее бичемъ смерти и истребленія. И тѣмъ не менѣе 1817-й годъ, которымъ начиналась на Кавказѣ Ермоловская эпоха, засталъ ее въ относительномъ спокойствіи; черкесы помнили еще опустошенія ихъ земель, которыми энергическій атаманъ Бурсакъ отвѣтилъ на ихъ набѣги, и до поры до времени оставляли Черноморскую линію въ покоѣ.

Но этотъ миръ, это спокойствіе были даже очень относительны. Не было крупныхъ вторженій, не приходили тысячныя партіи, но мелкіе набѣги продолжались, и офиціальные источники того времени представляютъ краснорѣчивые факты вѣчной тревоги, царившей на линіи. Съ 1812 по 1816-й годъ—въ періодъ, кото-

рый и самими казаками называется „мирнымъ“, въ разное время, по одиночкѣ, черкесами уведены въ неволю 60 казаковъ и женщинъ и угнано болѣе тысячи головъ скота.

Но не прочно было даже и это тревожное затишье. Къ тому времени надъ Черноморіею уже не бодрствовало неусыпное вниманіе стараго атамана ея Бурсака: годы взяли свое, и онъ, удрученный трудами и ранами, сталъ проситься на отдыхъ и сложилъ наконецъ, въ 16 году, свою атаманскую насѣку. Преемникомъ его является непремѣнный членъ войсковой канцеляріи, подполковникъ Матвѣевъ.

Сѣдовласый, кроткій, „весьма занимательной наружности“ — какъ описываетъ его путешественникъ Гераковъ,—Григорій Кондратьевичъ Матвѣевъ былъ казакъ еще Потемкинскаго времени. Онъ видѣлъ штурмы Очакова, Измаила и Березани, ходилъ съ Головатымъ въ Персію, искрестилъ черкесскія земли съ Бурсакомъ, наконецъ, командовалъ на Дунаѣ, послѣ геройской смерти Поливады, пѣшимъ полкомъ черноморцевъ. Тамъ, 4 іюля 1810 года, заслужилъ онъ георгіевскій крестъ, прорвавшись съ своимъ полкомъ на гребной флотиліи между Рущукомъ, Журжею и батареями, устроенными по обоимъ берегамъ Дуная, и въ 12 году возвратился на родину уже подполковникомъ, съ Владиміромъ въ петлицѣ и Анною на шеѣ.

Такимъ образомъ, вся предшествовавшая жизнь, повидимому, давала ему право съ достоинствомъ и честью держать атаманскую палицу.

Но въ то время въ Черноморіи заводились порядки, разлагавшіе старинный казацкій бытъ, а съ нимъ вмѣстѣ и казацкую силу. Среди свободной общины, важнѣйшимъ закономъ которой было воинственное братство и равенство, заводилась богатая аристократія, уже однимъ своимъ существованіемъ нарушавшая весь стародавній казацкій строй. Дѣло въ томъ, что по старому обычаю, по войсковому укладу, каждому члену войсковой общины, какъ чиновному, такъ и простому казаку, предоставлялось пользоваться землею по мѣрѣ надобности. Но это патріархальное „по мѣрѣ надобности“ скоро обратилось, какъ выражается историкъ Черноморскаго войска, въ феодальное „по мѣрѣ возможности“. И

тѣ, кто былъ облеченъ чинами и властію, насколько могли, стали расширять свои поземельныя владѣнія, не заботясь о томъ, что останется на долю ихъ нечиновнымъ собратамъ. Чтобы придать „пользованію“ характеръ „владѣнія“, люди эти отособились отъ своихъ нечиновныхъ сочленовъ и водворились хуторами; хутора закрѣплялись за ними пожизненно, а затѣмъ, мало по малу, стали переходить и въ вѣчное потомственное владѣніе. Появились даже крестьяне, скупленные во внутренней Россіи и переселенные оттуда на далекое черноморское побережье.

Все это начиналось уже давно; не безъ вины были въ этомъ дѣлѣ и батько-кошевой Чепѣга, и умный Головатый, и храбрый Бурсакъ; но при нихъ на новыхъ отношеніяхъ лежалъ все еще характеръ простоты и патріархальности, а главное — не отражались новые порядки непосредственно на боевыхъ обязанностяхъ войска, на защитѣ границъ.

При Матвѣевѣ положеніе дѣлъ стало круто измѣняться и въ послѣднемъ отношеніи. Атаманъ, человѣкъ слабаго характера, сразу попалъ подъ вліяніе этой новой аристократіи, разбогатѣвшаго казачества, и въ землѣ Черноморскаго войска начинается безурядица: военныя повинности распредѣляются неуравнительно, нарядъ на кордонную службу производится безъ очереди, служба внутренная, несравненно легчайшая, въ угоду богатымъ казакамъ, не различается больше отъ службы пограничной. Самъ атаманъ лишь изрѣдка выѣзжалъ изъ города, а глядя на него, и полковники бросали свои полки и кордонную стражу и уѣзжали на хутора—хозяйничать. Зданіе, сколоченное мощною рукою Бурсака, начинало валиться; оборона границы слабѣла день ото дня.

Черкесы, зорко слѣдившіе за всѣмъ, что дѣлается на линіи, должны были ясно видѣть, что теперь имъ уже нечего бояться, и надъ низовымъ побережьемъ Кубани начинали собираться грозовыя тучи.

Къ сожалѣнію, не такъ смотрѣли на дѣло въ Херсонѣ, которому подчинена была Черноморія, а еще идеальнѣе воззрѣнія на этотъ счетъ царили въ Петербургѣ. Продолжительный миръ, который былъ купленъ Бурсакомъ дорогою цѣною безграничныхъ усилій и жертвъ и поддерживался постоянной готовностью Кубанской

линіи снова отвѣтить на вражду безпощадной враждой, тамъ принятъ былъ какъ доказательство возможности жить съ черкесами въ мирѣ, какъ начало новаго періода, обѣщающаго въ самомъ скоромъ времени гражданственное развитіе черкесовъ. И слабый атаманъ, которому, какъ старому казаку, лучше были извѣстны свойства черкесскаго мира, не съумѣлъ ничего сдѣлать противъ этого направленія, соотвѣтствовавшаго высокимъ гуманнымъ идеямъ императора, но непримѣнимаго къ краю. Матвѣевъ оказался ниже предстоявшей ему задачи.

Изъ Петербурга пріѣхалъ чиновникъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, надворный совѣтникъ де-Скасси, и принялъ на себя роль посредника между черкесами и казаками. Чтобы упрочить пріязненныя отношенія горцевъ, по его совѣту заведены были мѣновые дворы. Мѣра эта была по вкусу черкесамъ, и торговля немедленно завязалась. Изъ-за Кубани шелъ въ русскія границы лѣсъ и сырые матеріалы, Черноморія давала черкесамъ соль и мануфактурные товары. Чтобы облегчить эти мирныя торговыя сношенія, де-Скасси вошелъ съ представленіемъ о дозволеніи черкесамъ расположиться аулами на самомъ лѣвомъ берегу Кубани, а хуторами такъ даже селиться на правомъ ея берегу, среди русскихъ станицъ. И хотя войсковое начальство наконецъ взялось за умъ, но ему удалось отстоять лишь родную территорію; лѣвый же берегъ Кубани скоро покрылся черкесскими аулами, стоявшими постоянной грозой передъ самыми глазами русскаго порубежнаго населенія. Такъ, въ полную противоположность политикѣ Ермолова, очищавшаго въ это самое время Терекъ отъ „мирныхъ“ чеченцевъ, на Кубани создавалось это ненадежное сословіе лукавыхъ враговъ, и принимались всѣ мѣры къ ихъ благосостоянію. „Особенно наблюдать,—писалъ императоръ, вводимый де-Скасси въ заблужденіе, — чтобы владѣльцы, поселившіеся при Кубани, не имѣли отъ мѣстнаго казачьяго населенія никакихъ притѣсненій и чтобы не было съ нихъ сбора денегъ ни на какія земскія повинности или расходы“. Де-Скасси не ограничивался даже и этими проявленіями благосклонности къ черкесамъ. Располагая большими казенными суммами, онъ собиралъ къ себѣ горцевъ,

угощалъ ихъ, ласкалъ, осыпалъ подарками, уговаривая быть мирными. Мирныя сношенія были въ полномъ ходу и донесенія о нихъ могли быть составляемы въ самыхъ радужныхъ краскахъ.

Была, однако, оборотная сторона медали. Черкесы, конечно, охотно торговали, еще охотнѣе ѣздили въ гости къ де-Скасси, живали у него десятками по нѣскольку дней, принимали подарки и охотно давали, пока были на правомъ берегу Кубани, всякія обѣщанія, благо они ничего не стоили, но, переходя на свой, лѣвый берегъ, они просто потѣшались надъ простодушной довѣрчивостью европейскаго дипломата. „Мирные“ черкесы, пользуясь свободнымъ доступомъ на русскую сторону, высматривали расположеніе кордонной стражи и съ наступленіемъ ночи отправлялись за добычею; въ этихъ набѣгахъ принимали дѣятельное участіе и недавніе гости дипломата, и были случаи, что горца, котораго утромъ угощалъ и одаривалъ де-Скасси, вечеромъ захватывали на хищничествѣ, вмѣстѣ съ его подарками. Воровство, грабежи и разбои, замолкшіе было подъ желѣзною рукою Бурсака, приняли размѣры поистинѣ ужасающіе. Тогда-то потомокъ насмѣшливаго запорожца и сложилъ свою поговорку о „мирныхъ“ черкесахъ, „въ день мирній, а въ ночи дурній“...

Но разбои и грабежи можно было считать просто разбоями и грабежами, а не военно-враждебными дѣйствіями со стороны черкесовъ, и они, все усиливаясь, въ теченіе двухъ лѣтъ не мѣшали, однако, существовать иллюзіи о будто бы развивавшихся мирныхъ сношеніяхъ съ черкесами.

Какъ вдругъ трагическое происшествіе, потрясшее Кубанскую линію, сразу прекратило эту недостойную комедію недоразумѣній. 4 января 1818 года, давно уже забытая на Кубани тревога всполошила всю линію. Сильная черкесская партія, спокойно переночевавъ въ мирныхъ аулахъ, ринулась на Капанскую почтовую станцію. Тамъ все было захвачено врасплохъ, и прежде чѣмъ маяки разнесли тревогу, горцы уже покончили со станціей. На этотъ разъ они, однако, удовольствовались малымъ и возвратились домой. Матвѣевъ пожаловался анапскому пашѣ. Паша отвѣчалъ резонно, что черкесы разбойники, которыхъ слѣдуетъ ловить и,

привязавъ камень на шею, бросать въ Кубань, и что пусть-де атаманъ самъ принимаетъ мѣры для охраны своей границы.

Два года прошли послѣ того въ какомъ-то напряженномъ состояніи съ обѣихъ сторонъ; не было войны, не было и мира, и только разбой свирѣпѣлъ на Кубани. Но вотъ, уже въ концѣ 1819 года, лазутчики дали знать, что какъ только Кубань покроется льдомъ, черкесы снова вторгнутся въ Черноморію.

Матвѣевъ чувствовалъ необходимость принять мѣры. Нужно сказать, что Черноморское войско, выставлявшее тогда 21 полкъ пѣхоты и конницы, дѣлилось на три смѣны, или очереди; въ первыхъ двухъ очередяхъ было по семи полковъ, въ третьей — шесть, такъ какъ одинъ изъ конныхъ полковъ съ 1819 года постоянно командировался съ Кубани на службу въ царство Польское. Одна очередь обыкновенно занимала кордонъ, двѣ — находились въ домахъ „на льготѣ“ и вызывались только въ случаѣ надобности. Матвѣевъ и ограничился тѣмъ, что выдвинулъ на границу эти льготныя строевыя части и послалъ донесеніе графу Ланжерону, который, зная малочисленность Черноморскаго войска, потребовалъ полки съ Дона. Но полки эти пришли, когда въ нихъ уже не было надобности.

Между тѣмъ донесенія лачутчиковъ скоро оправдались, и, не далѣе какъ въ январѣ 1820 года, сильная партія черкесовъ появилась на правомъ берегу, направляясь къ Вассюринскому селенію. Это первое покушеніе имъ, впрочемъ, не удалось: есаулы Косовичъ, Забора и войсковой старшина Гаврюшъ успѣли преградить имъ путь. Горцы воротились за Кубань, но только затѣмъ, чтобы тамъ усилиться,—и вдругъ, 24 января, семь тысячъ всадниковъ двинулись на русскую сторону. Прорывъ былъ сдѣланъ въ дистанціи Елизаветинскаго поста, и горцы ударили на хутора „Осѣчки“, находившіеся верстахъ въ 65 отъ Екатеринодара и въ 15 верстахъ отъ Кубани. 800 казаковъ, предводимыхъ подполковникомъ Ляшенко и войсковымъ старшиной Порохней, выскакали на перерѣзъ скопищу и стали на отбой. Черкесы однимъ натискомъ семитысячной массы смяли казаковъ, а черезъ часъ однѣ обгорѣлыя головни показывали мѣсто, гдѣ жили хуторяне. Горцы

забрали 30 человѣкъ въ плѣнъ, много скота—и ушли во свояси. Прошла недѣля, и 1 февраля вторженіе повторилось. Теперь уже осьмитысячное скопище двинулось къ Полтавской станицѣ. Съ ближайшихъ постовъ не проглядѣли непріятеля. Есаулъ Сиромаха и хорунжій Синьговскій быстро прискакали съ резервами; но вся ихъ сила состояла не болѣе какъ изъ двухсотъ казаковъ, и потому имъ нечего было и думать удержать многочисленную черкесскую конницу. Но въ Сиромахѣ и Синьговскомъ жилъ еще мощный духъ стараго Запорожья. Видя, что горцы обложили со всѣхъ сторонъ несчастную станицу, и не имѣя силы отклонить ударъ, они, имѣвшіе полную возможность не вмѣшиваться въ дѣло, не хотѣли оставаться равнодушными зрителями разгрома родныхъ куреней и бросились на непріятельскую облаву съ тѣмъ, чтобы прорубиться и раздѣлить одну общую участь съ своими братьями. Благородная рѣшимость ихъ увѣнчалась неожиданнымъ спасеніемъ станицы.

Уже горцы вторглись въ нее, уже пылали жилища казаковъ и упорный бой закипѣлъ въ улицахъ. Сиромаха и Синьговскій, соединившись съ жителями, геройски, шагъ за шагомъ, отстаивали Полтавскую; священникъ съ крестомъ въ рукахъ явился посреди защитниковъ. Но, къ счастію полтавцевъ, помощь была уже не далеко. Все ближе и ближе, сверкая въ лучахъ восходящаго солнца длиннымъ лѣсомъ наклоненныхъ пикъ, несутся на тревогу полки Стороженки и Животовскаго. Смѣлымъ и дружнымъ ударомъ свѣжихъ силъ имъ удались выбить черкесовъ изъ станицы, и Стороженко, пользуясь смятеніемъ враговъ, соединилъ подъ свою команду всѣ наличныя оборонительныя силы и погналъ горцевъ къ Кубани.

Казаки при этомъ взяли съ боя два непріятельскіе значка и успѣли отбить часть полона; но 15 полтавскихъ жителей все-таки уведены были въ плѣнъ. Храбрый Синьговскій находился въ числѣ убитыхъ.

По всей Черноморіи поднялась тревога. Но прошло еще лишь нѣсколько дней, и двухтысячная партія черкесовъ снова вторглась въ казацкія земли, прорвавшись въ дистанціи Петровскаго поста. Напрасно казачій есаулъ Кумпанъ со своимъ отрядомъ пытался загородить имъ дорогу. Отбросивъ горсть казаковъ, черкесы ударили на хутора; и хотя въ то же время на помощь къ Кумпану

прискакалъ Копыльскій постъ съ войсковымъ старшиною Головинскимъ,—но оба они были безсильны остановить непріятеля. Горцы сожгли хутора, забрали скотъ, имущество и полонили людей. Головинскій и Кумпанъ до конца не сторонились отъ боя и рядомъ смѣлыхъ нападеній много мѣшали непріятелю; но всѣ энергическія усилія ихъ были напрасны, — слишкомъ малое число было казаковъ, чтобы отстоять хуторянъ.

Набѣги черкесовъ, не находившіе отпора, сильно поколебали довѣріе черноморцевъ къ своему начальству. Общее негодованіе особенно было противъ атамана Матвѣева, допускавшаго горцевъ безнаказанно разорять казачьи станицы. Дѣйствительно, только нераспорядительности начальствующихъ и небрежности ихъ приходилось приписывать бѣдствія Черноморской линіи. Геройская смерть Синьговскаго и доблесть Сиромахи, даже энергія Кумпана и Головинскаго и смѣлая удаль Стороженки свидѣтельствовали, что не вымерла еще въ Черноморіи старая Запорожская Сѣчь. Да не было кому распорядиться ею, направить ее; нигдѣ не видимъ мы войсковаго атамана, ни разу не сѣлъ онъ на коня, чтобы лично вести на бой своихъ черноморцевъ. Роптали казаки и заклеймили на вѣки вѣковъ память своего атамана злою насмѣшкою: „Матюха, развішавъ уха“.

И правы были казаки. Втянувшись въ безполезную переписку съ анапскимъ пашею, атаманъ ихъ не обращалъ должнаго вниманія на тревожныя извѣстія изъ-за Кубани, и всѣ распоряженія его состояли исключительно все въ томъ же вызовѣ на службу льготныхъ частей. Не позаботился онъ, зная недостатокъ силъ на кордонной линіи, вызвать изъ войска для защиты границы всѣхъ способныхъ носить оружіе, такъ это дѣлывалъ Бурсакъ, умѣвшій въ чрезвычайныхъ случаяхъ даже обойти запрещеніе переходить Кубань или прямо добивавшійся разрѣшенія наказывать черкесовъ въ ихъ собственныхъ земляхъ.

Разгромомъ Петровскихъ хуторовъ окончились бѣдствія этого года; наступившая оттепель разбила на Кубани ледъ, переправы стали трудны, и вторженія прекратились.

Въ такомъ положеніи дѣлъ застало Черноморію распоряженіе

о включеніи ея въ общій составъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса. Горькій опытъ, вынесенный въ послѣдніе годы черноморскимъ казачествомъ, убѣдилъ наконецъ и высшую петербургскую администрацію въ неудачахъ той системы, представителемъ которой былъ де-Скасси, и край рѣшено передать въ распоряженіе Ермолова. Высочайшее повелѣніе объ этомъ послѣдовало 11 апрѣля 1820 года.

Неохотно принималъ въ свои руки черноморское казачество Ермоловъ. Соединеніе двухъ районовъ, имѣвшихъ общаго врага, подъ одною властью представляло неизмѣримыя выгоды; но Ермоловъ зналъ, что край разоренъ войной и требуетъ для своей защиты новыхъ войскъ, которыхъ и такъ мало было въ его распоряженіи; зналъ также безурядицу, внесенную сюда управленіемъ отдаленныхъ херсонскихъ губернаторовъ, незнакомыхъ со свойствами и положеніемъ края, и начинавшимся внутреннимъ разложеніемъ казацкаго строя. „Задолго прежде—говоритъ онъ въ своихъ запискахъ:—искалъ я случая избавиться отъ сего войска, ибо извѣстны были мнѣ допущенные въ немъ безпорядки, разстроенное онаго хозяйство и безтолковыя распоряженія войсковой канцеляріи, которою самовластно управляли адъютанты генераловъ Дюка-де Ришелье и потомъ графа Ланжерона. Французскимъ администраторамъ не легко было познакомиться съ нуждами и особенно свойствами запорожцевъ. Сверхъ того, зналъ я, что самое отправленіе службы производится казаками нерадиво, и закубанцы, дѣлая частые и весьма удачные набѣги на земли ихъ, содержатъ ихъ въ большомъ страхѣ. Прежде для охраненія ихъ расположенъ былъ полкъ пѣхоты и полурота артиллеріи и хотя представлялъ я о необходимости продолжить пребываніе тамъ полка, но оный оттуда удаленъ, и я долженъ былъ удѣлить въ помощь войска Кавказской линіи, тогда какъ для собственной защиты оной ихъ недостаточно“.

Дѣйствительно, хотя Ермоловъ и не былъ правъ относительно казаковъ, хотя онъ забывалъ вѣковую службу ихъ, въ самыхъ несчастіяхъ полную доблестныхъ дѣлъ, но положеніе края, которое онъ засталъ, должно было возбуждать въ немъ серьезныя опасенія.

Черноморія располагалась тогда на обширной территоріи въ 28 тысячъ квадратныхъ верстъ, на которой жило населеніе, насчитывавшее только около тридцати шести тысячъ душъ, считая въ этомъ числѣ дряхлыхъ стариковъ, увѣчныхъ и раненыхъ воиновъ, уже не годившихся для службы, и малыхъ дѣтей. Такимъ образомъ, не приходилось на квадратную версту и одного человѣка, который долженъ былъ въ одно и то же время и воздѣлывать и защищать ее. И это малочисленное населеніе, раскинутое на обширнѣйшей территоріи, далеко не все было уже настоящимъ казачествомъ, привычнымъ къ ратному дѣлу.

Первые обитатели Черноморіи, казаки екатерининскаго вѣка, не найдя на первое время никакого пріюта въ негостепріимныхъ степяхъ, вынуждены были селиться въ землянкахъ, а эти мрачныя, сырыя убѣжища становились могилами для цѣлыхъ сотенъ поселенцевъ. Войско, въ значительной степени лишенное къ тому же семейнаго элемента, таяло и уменьшалось день ото дня, тѣмъ болѣе, что къ дурнымъ гигіеническимъ условіямъ скоро присоединилась безконечная суровая война, такъ что уже въ 1809 году признано было необходимымъ значительно усилить населеніе новыми переселенцами изъ малороссійскихъ казаковъ Полтавской и Черниговской губерній. Ихъ прибыло тогда до 23 тысячъ душъ; и хотя эти переселенцы принесли съ собою тотъ же казацкій духъ, но не принесли они оружія и умѣнья владѣть имъ. Старые безженные сѣчевики между тѣмъ вымирали, молодые казаки только еще учились да привыкали къ порубежному воинственному быту, и боевая опытность старыхъ запорожцевъ постепенно падала. Постоянная война при такихъ обстоятельствахъ губительно отзывалась на населеніи, и ко временамъ Ермолова оно снова уменьшилось, какъ сказано выше до 36 тысячъ душъ.

И вотъ, это-то тридцатишеститысячное населеніе обязано было держать на службѣ 11 конныхъ и 10 пѣшихъ полковъ, въ числѣ 16,000 строевыхъ казаковъ. Очевидно, населеніе выставить ихъ не могло, и полки были въ постоянномъ некомплектѣ.

Населеніе это, разоряемое и тѣснимое, было бѣдно. Вельяминовъ какъ-то сказалъ, что „казакъ не долженъ быть богатъ, по-

тому что богатство изнѣживаетъ воина". И это—совершенно справедливо. Но не менѣе справедливо было бы, если бы онъ прибавилъ, что „казакъ не долженъ быть и бѣденъ", потому что только извѣстное благосостояніе могло дать ему средства явиться на службу исправно вооруженнымъ, бойкимъ молодцомъ-казакомъ, не имѣющимъ нужды заботиться о достаточно обезпеченной семьѣ. Недаромъ старинное казачество создало поговорку: „хорошъ на гумнѣ, хорошъ и на войнѣ". Но именно эти двѣ крайности и были тогда въ черноморской казачинѣ: съ одной стороны — неправо разбогатѣвшіе чины, съ другой — непокрытая бѣднота, у которой на гумнѣ-то именно ничего и было. Бѣдность населенія отражалась и на его вооруженіи. Старые черноморцы справедливо гордились имъ, но новое населеніе приходило безоружнымъ, и требовалось не мало времени, чтобы завести его при той бѣдности, которая тяжкимъ гнетомъ лежала на нихъ.

Такимъ образомъ, Черноморская земля уже сама по себѣ не была достаточно сильна, чтобы обуздать дерзкаго врага, рѣдко упускавшаго случай вредить ей, которому притомъ же петербургская политика дала всевозможныя выгоды положенія. Неурядица въ отбываніи службы, возникшая при Матвѣевѣ, окончательно обезсилила край, довела его почти до полнаго истощенія. Передъ Ермоловымъ лежала теперь сложная задача обезопасить край, поднять его благосостояніе и уничтожить тѣ злоупотребленія, которыя могли бы помѣшать исполненію всѣхъ его намѣреній. И онъ ревностно принялся за дѣло.

Мѣры къ увеличенію населенія края приняты были, впрочемъ, еще раньше, и въ 1820-мъ году изъ Малороссіи уже отправлены вновь до 25 тысячъ казацкихъ семействъ. Но вначалѣ не много выиграла Черноморія отъ этихъ переселенцевъ. Ермоловъ встрѣтилъ ихъ на пути, когда онъ возвращался уже изъ Петербурга въ 1821 году; переселенцы шли въ бѣдственномъ положеніи. „На прежнихъ жилищахъ своихъ—говоритъ онъ: — они продали имущество за безцѣнокъ, ограблены были чиновниками земской полиціи и отправлены въ путь въ самое позднее осеннее время; на дорогѣ они лишились всего скота, остались безъ средствъ идти

далѣе и зимовали по разнымъ губерніямъ, выпрашивая милостыню для своего существованія. И эти несчастные должны были умножить силу войска черноморскаго, противу многочисленнаго угрожающаго ему непріятеля!“ Такимъ образомъ, переселенцы легли новымъ бременемъ на истощенную страну. Какъ ни были бѣдны черноморцы, но, въ сравненіи съ пришедшими къ нимъ изъ Малороссіи собратами, даже они могли похвалиться довольствомъ; по крайней мѣрѣ у нихъ былъ свой кровъ и скудный кусокъ хлѣба, а у переселенцевъ не было ни того, ни другого. Атаманъ Матвѣевъ долженъ былъ обратиться съ призывомъ къ благотворительности,—и не напрасно; сами бѣдняки, черноморцы собрали 10 т. руб., хлѣбъ, скотъ и овецъ—что дало переселенцамъ возможность хоть какъ-нибудь устроить свое хозяйство на первыхъ шагахъ. Теперь численность войска возросла до 61 тысячи, но боевого элемента отъ того не прибавилось въ немъ нисколько; требовалось время, чтобы новые переселенцы стали казаками. И войско попрежнему такъ нуждалось въ военныхъ людяхъ, что даже казаки, уволенные отъ службы за тяжкими ранами, не могли разсчитывать на безусловный отдыхъ,—ихъ посылали или на внутреннюю службу, или на кордоны со стороны Кавказской области.

Ермоловъ, чтобы поддержать казачество и помѣшать раскищенію войсковыхъ земель, сдѣлалъ одно распоряженіе, которое до нѣкоторой степени должно было поколебать заводившійся порядокъ. Онъ приказалъ обратить въ казачье сословіе крестьянъ, выведенныхъ изъ Россіи въ Черноморію, которыхъ помѣщики въ извѣстный срокъ не пожелаютъ удалить обратно въ Россію. Этимъ достигались двѣ цѣли: обращалось само въ военный элементъ то сословіе, которое прежде только отвлекало силы края на свою защиту, и уничтожалось одно изъ побужденій захватывать въ свои руки казацкія земли, которыя теперь уже не было возможности заселять и обработывать крѣпостнымъ трудомъ.

Пришлось Ермолову обратить вниманіе и на вооруженіе населенія. До него, Богъ знаетъ почему, потребовали отъ черноморцевъ, чтобы они имѣли не ружья, а кавалерійскіе карабины на панталерахъ. Ермоловъ возсталъ противъ этого ни съ чѣмъ не-

сообразнаго требованія. „Можетъ быть,—писалъ онъ въ Петербургъ:—карабины сіи противъ европейской конницы на что-нибудь и годятся, но противъ горцевъ, имѣющихъ прекрасныя винтовки, они совершенно негодны". Замѣчательно, что Ермоловъ высказался, однакоже, и противъ вооруженія винтовками. „У казаковъ отнюдь допускать ихъ не слѣдуетъ,—писалъ онъ въ своемъ представленіи:—ибо, послѣ весьма небольшого количества выстрѣловъ, остающаяся отъ пороха въ стволѣ нечистота препятствуетъ скорому заряжанію, требуя особеннаго усилія". И винтовки замѣнены были кремневыми ружьями. Остается, впрочемъ, неизвѣстнымъ, дѣйствительно ли онъ причудливо предпочиталъ кремневыя ружья мѣткимъ, дальнобойнымъ винтовкамъ, или просто хотѣлъ покончить съ вопросомъ вооруженія казаковъ, оставивъ имъ, что у нихъ было, и не требовать отъ населенія, и безъ того уже разореннаго, новыхъ непосильныхъ затратъ на оружіе, хотя бы даже и лучшее.

Само собою разумѣется, что, устраивая бытъ казаковъ, Ермоловъ круто измѣнилъ и политику по отношенію къ черкесамъ. Онъ не вѣрилъ въ пріязненныя отношенія ни турокъ, ни горцевъ и всѣхъ черкесовъ, мирныхъ и не мирныхъ, одинаково считалъ постоянными врагами русскихъ, и врагами не прямыми, не открытыми, а—какъ онъ называлъ ихъ—„мошенниками". И дѣлая свои представленія, онъ хлопоталъ о томъ, чтобы черкесы, поселенные на самомъ берегу Кубани по проекту де-Скасси, были вновь, по возможности, оттѣсняемы вдаль, а чтобы на русскихъ границахъ была создаваема передовая линія укрѣпленій, какъ это имъ предположено было по отношенію къ Чечнѣ и другимъ частямъ линіи. И на первый случай онъ предполагалъ занять Каракубанскій островъ и поставить на немъ сильное укрѣпленіе, которое могло бы значительно усилить оборонительныя средства Черноморской земли.

„Народы закубанскіе—писалъ онъ по поводу всѣхъ этихъ своихъ намѣреній и предположеній въ Петербургъ:—явно непослушны турецкому правительству и паша, начальствовавшій въ Анапѣ, самъ находится во всегдашней опасности. Онъ рѣдко выѣзжаетъ изъ крѣпости, и никогда команды турецкихъ войскъ не выходятъ оттуда въ маломъ числѣ. Очевидно, что онъ не имѣетъ средствъ прекратить разбои, а напротивъ, тайнымъ подстрекательствомъ вѣрнѣе снискиваетъ къ себѣ ихъ привязанность. Хищники, въ селеніяхъ, лежащихъ на самомъ берегу

Кубани, имѣютъ вѣрное убѣжище между сообщниками, не боясь преслѣдованія, ибо знаютъ, что воспрещено оное. Не вижу я никакой надобности такъ далеко простирать заботливость объ успокоеніи горцевъ и относить къ одному невѣжеству тѣ наглости, которыя дѣлаютъ они обдуманнымъ образомъ, ободряемые только чрезмѣрнымъ снисхожденіемъ. Не здѣсь надобно бояться раздражать: здѣшніе народы издавна дѣлаютъ намъ вредъ какой только могутъ, и кто близко видитъ ихъ, тотъ знаетъ, что дѣлать болѣе онаго они не въ состояніи. Графъ Ланжеронъ, коего постоянное попеченіе о благоустройствѣ чувствуетъ войско Черноморское, будучи отвлекаемъ важнѣйшими должностями, не могъ часто посѣщать здѣшней страны, а закубанцы всегда замѣчаютъ отсутствіе начальника; меня же принуждаютъ обстоятельства къ жизни болѣе подвижной, занимаясь дѣлами съ народами, во всемъ имъ подобными—и сіе замѣтятъ новые мои сосѣди. Итакъ, по моему мнѣнію, не заботясь о томъ, какъ покажется закубанцамъ,—слѣдуетъ занять Каракубанскій островъ и поставить на немъ укрѣпленіе; не терпѣть наглыхъ и оскорбительныхъ вторженій закубанцевъ, преслѣдовать и наказывать ближайшія селенія, участвующія въ злодѣяніяхъ,—иначе не будетъ безопасности, и всегда потери будутъ на нашей сторонѣ".

Предположеніе Ермолова о занятіи Каракубанскаго острова было полно серьезнаго смысла, что очевидно уже изъ самаго географическаго положенія и характера острова. Немного выше того мѣста, гдѣ когда-то стояло старое турецкое укрѣпленіе Копылъ, а именно у поста Славянскаго, Кубань разрывалась тогда на два параллельныя теченія и, слившись вновь, верстахъ въ шестидесяти ниже точки своего разъединенія, образовывала продолговатый и низменный островъ, шириною до 12 верстъ. Теченіе по лѣвую, т. е. обращенную къ горамъ, сторону составляло рѣку Каракубань, которая текла въ черкесскихъ земляхъ и была гораздо шире и глубже, чѣмъ теченіе по правую сторону, извѣстное подъ названіемъ Старой Кубани, или просто Кубанки.

Не лишнее прибавить, что черкесское владѣніе островомъ не оправдывалось и исторически. По всему Каракубанскому острову и внизъ оттуда, по протяженію праваго берега Кубани до самаго Бугаза, еще были свѣжи слѣды цѣлой цѣпи опустѣлыхъ, поросшихъ травою городковъ, въ которыхъ когда-то жили русскіе Некрасовскіе казаки, прав-

да, служившіе султану „за іудины сребренники". Съ приходомъ сюда черноморцевъ, противъ которыхъ дрались они, какъ непріятели, некрасовцы перебрались за Кубань, къ Анапѣ, а когда Анапа перешла въ русскія руки, они ушли за море, въ Турцію. Распространяющееся могущество отечества гналось за отступниками грознымъ преслѣдователемъ, и настигаемые имъ повсюду, они могли воскликнуть съ псалмопѣвцемъ: „камо уйду отъ духа твоего, и отъ лица твоего камо бѣгу!.."

Вотъ этотъ-то важный пунктъ и предполагалъ занять Ермоловъ съ тѣмъ, чтобы укрѣпленіе стояло грозою на обширномъ пространствѣ въ тылу партій, перешедшихъ въ русскія границы, а съ этимъ вмѣстѣ и истинное, труднѣе переходимое теченіе Кубани становилось уже русскою границею. Сама рѣка какъ бы взялась впослѣдствіи представить доказательство правоты Ермолова: нынѣ Кубанка давно уже пересохла. Каракубань течетъ подъ общимъ именемъ Кубани, и самый Каракубанскій островъ не существуетъ.

Проектъ этотъ, однако, не встрѣтилъ сочувствія въ Петербургѣ, гдѣ опасались турецкаго вмѣшательства въ дѣло, и строить укрѣпленіе Ермолову не позволили. Единственное, чего добился онъ, было разрѣшеніе репрессалій по отношенію къ черкесамъ, возможность наказывать ихъ дерзкіе набѣги въ ихъ собственныхъ земляхъ.

Отъ самого Черноморскаго войска Ермоловъ потребовалъ строжайшаго исполненія кордонной службы. Онъ внимательно слѣдилъ за нею и воспользовался первыми же случаями показать, что настали другія времена и должны быть другіе порядки на Черноморской линіи.

Случилось (28 августа 1820 года), что небольшая партія пѣшихъ горцевъ пробралась черезъ кордонъ и увела въ плѣнъ одного казака съ сыномъ, двѣ лошади и пару быковъ. Ермоловъ тотчасъ приказалъ арестовать кордоннаго начальника на мѣсяцъ и, сверхъ того, взыскать съ него деньги за быковъ и за лошадь. Указывая на этотъ случай, Ермоловъ угрожалъ оплошнымъ офицерамъ вызовомъ ихъ на службу въ Грузію и въ закавказскія крѣпости.

Спустя нѣсколько дней, полковникъ Паденко отразилъ сильную конную партію, пытавшуюся перейти Кубань, съ чувствительнымъ для нея урономъ,—и Ермоловъ благодарилъ его въ приказѣ по корпусу.

„Со вниманіемъ—говорилось тамъ: - замѣчаю я дѣйствіе войскъ

и за сей подвигъ тѣмъ болѣе благодаренъ Паденкѣ, что не разъ уже нерадивое охраненіе границы войскомъ черноморскимъ облегчало успѣхъ закубанцамъ".

„Настаетъ зимнее время,—писалъ тогда же Ермоловъ:—къ набѣгамъ черезъ Кубань удобное. Знаю, что можно прекратить оное смѣлымъ сопротивленіемъ"—и онъ требовалъ усиленія бдительности.

Въ самомъ управленіи краемъ произошла крупная перемѣна. Уѣзжая въ концѣ 1820 года въ Петербургъ, Ермоловъ поручилъ командованіе войсками на Черноморской кордонной линіи донскому генералу Власову, а чтобы ближе и подробнѣе ознакомиться съ положеніемъ черноморскихъ дѣлъ, приказалъ ему осмотрѣть полки и сдѣлать подробное донесеніе. Въ этомъ сказалось отчасти и недовѣріе къ атаману, при которомъ столько бѣдствій обрушилось на казаковъ. Власовъ составилъ о Черноморскихъ полкахъ самое невыгодное заключеніе, и Ермоловъ, уже и такъ расположенный не въ пользу вновь порученной ему страны, 10 января 1821 г., обратился къ атаману съ слѣдующимъ рѣзкимъ, поразившимъ всю Черноморію, письмомъ:

„Генералъ-маіоръ Власовъ прислалъ мнѣ донесеніе объ осмотрѣ полковъ, содержащихъ по Кубани кордонную стражу. Сколько онъ ни старался смягчить выраженія при описаніи неисправностей сихъ полковъ, не могу я однакоже не видѣть до какой степени достигли оныя.

„Начну съ того, что въ нихъ некомплектъ, но вы, господинъ атаманъ, должны вспомнить, что есть мой приказъ о собраніи къ полкамъ отлучныхъ людей, и чтобы оные не были развлекаемы.

„Оружія на людяхъ многаго не состоитъ, а находящееся налицо—въ непозволительномъ состояніи. Не у храбраго воина оружіе въ небреженіи, а у казаковъ черноморскихъ съѣдаетъ его ржавчина.

„Лошадей много неспособныхъ; въ пяти полкахъ казаковъ съ лошадьми надежными только 1598. Разочтите, господинъ атаманъ, сколько остается негодныхъ.

„Въ разборѣ людей не пріемлется въ разсужденіе родъ службы. Казакъ, ловкій на конѣ, служитъ пѣшій; неумѣющій управлять—взлѣзъ на коня,—и самъ не радъ и конь непослушенъ подъ сѣдокомъ боязливымъ.

„Судя по стрѣльбѣ казаковъ въ цѣль, можно заключить, что многіе изъ казаковъ пороха съ макомъ не распознаютъ.

„Обращеніе офицеровъ съ казаками не внушаетъ въ сихъ послѣднихъ къ себѣ должнаго почтенія. Не слабостью и потворствомъ пріобрѣтается любовь подчиненныхъ. Большая часть офицеровъ Черноморскаго войска сего не понимаетъ.

„Казаки, послабленіемъ допущенные до состоянія, уничижающаго званіе воиновъ, заставляютъ краснѣть начальниковъ, поставленныхъ надъ ними, и мнѣ, новому сотруднику вашему, едва остается право признать васъ болѣе не за начальника войска, а за пристава надъ мужиками.

„Столько же непріятно мнѣ видѣть въ васъ начальника, не вселяющаго почтенія, которымъ должны бы быть почтены и лѣта ваши, и заслуги, такъ ровно и имѣть подъ начальствомъ моимъ сбродъ людей, похищающихъ именованіе военныхъ. Есть время все поправить, и мнѣ пріятно будетъ щадить стараго служиваго.“

Таковъ этотъ знаменитый документъ, горько отозвавшійся въ сердцахъ черноморцевъ. Но не въ укоръ имъ приводитъ его исторія. Выясненные выше факты, обрисовывающіе тогдашнее положеніе Черноморья, убѣдительно доказываютъ всю неосновательность упрековъ Ермолова. Онъ обвинялъ казачество въ томъ, что составляло естественное послѣдствіе непреоборимыхъ обстоятельствъ, дѣлалъ его отвѣтственнымъ и за вымираніе опытныхъ запорожцевъ и за неопытность переселенцевъ въ еще чуждомъ имъ дѣлѣ войны. Не шло обвиненіе въ неумѣньѣ „отличить маку отъ пороху“ къ казацкой украйнѣ, гдѣ, по выраженію казацкаго барда: „безъ преувеличенія говоря, расходовалось больше пороху, чѣмъ сѣмянъ“. Напрасно видѣлъ Ермоловъ несообразность и въ сортировкѣ казаковъ для конницы и пѣхоты: казакъ выходилъ на службу на своемъ иждивеніи, и въ конницу поступалъ не тотъ, кто умѣлъ ѣздить, а кто могъ купить коня, а лучшіе наѣздники, по бѣдности, могли служить въ пѣхотѣ,—и помочь этому было невозможно. Пустое и вольное обращеніе между собою „пановъ“ и простыхъ казаковъ также не означало ни слабости, ни потворства; оно было занесено изъ Запорожья вмѣстѣ съ многими другими хорошими особенностями и нимало не мѣшало каждому свято исполнять свои обязанности. Ермоловъ не сказалъ бы того, что сказалъ, не впалъ бы въ ошибку, если бы ближе зналъ и понялъ положеніе Черноморскаго войска.

И черноморцы не склонили свои головы передъ суровымъ приговоромъ; они отвѣтили на него длиннымъ рядомъ доблестныхъ дѣлъ и нечеловѣческими трудами, свидѣтелемъ и участникомъ которыхъ довелось быть имен[illegible] Власову.

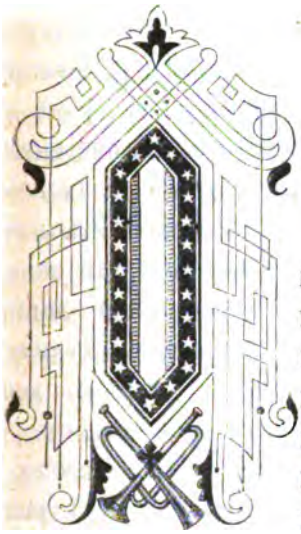
Власову дана была полная воля карать хищныхъ черкесовъ въ ихъ собственной землѣ — и имя его скоро загремѣло въ горахъ Западнаго Кавказа. Недовольствуясь охраною кордонной линіи, онъ перенесъ войну съ тѣми же черноморцами за Кубань и смѣлыми дѣйствіями распространилъ ужасъ въ горахъ, воскрешая въ памяти черкесовъ бурнаковскіе погромы. Грозою и пугаломъ сталъ Власовъ для закубанскихъ народовъ. Бывали и при немъ попытки вторженій, но черкесы уже не возвращались съ добычею на свой берегъ Кубани,—и сотни тѣлъ ихъ оставались на русскомъ берегу.

Роль атамана Матвѣева отодвигается съ тѣхъ поръ на второй планъ. За нимъ вначалѣ остаются еще внутреннія хозяйственныя распоряженія, и Ермоловъ писалъ къ нему, что пребываніе въ войскѣ Власова не должно мѣшать атаману въ исполненіи его обязанностей. Власовъ не имѣлъ права входить ни въ какія внутреннія его распоряженія; атаманъ же безъ согласія Власова не могъ только производить никакихъ перемѣнъ въ оборонѣ границы и въ войскахъ, занимавшихъ кордоны. Но, вѣроятно, двойственность власти сказалась невыгодно на краѣ и повела къ новому распоряженію. 2 марта 1822 г. Ермоловъ приказалъ не только ввести лучшее устройство по всѣмъ частямъ войскового правленія, но и преобразовать самую войсковую канцелярію, по примѣру Донского войска. Власову присвоивается званіе командующаго Черноморскимъ войскомъ, а атаманъ становится лицомъ подчиненнымъ ему и въ спискѣ, представленномъ генералъ-адъютанту Стрекалову, въ 1826 году, уже значится: „Командуетъ пограничными полками и распоряжается внутренними дѣлами войска генералъ-маіоръ Власовъ, а подъ нимъ войсковой атаманъ полковникъ Матвѣевъ“.

XXXIV.

Калаусское пораженіе шапсуговъ.

(Генералъ Власовъ).



Оканчивался годъ командованія въ Черноморіи генерала Власова. И годъ этотъ прошелъ не безплодно. До 1820 года черноморцы, опасаясь черкесскихъ набѣговъ, старались селиться возможно дальше отъ береговъ Кубани, оставляя границы подъ защитою лишь слабыхъ кордоновъ, почти не представлявшихъ серьезнаго препятствія для хищныхъ и смѣлыхъ враговъ. Ермоловъ задумалъ разрушить это старинное предубѣжденіе и вызвалъ со всего казачества охотниковъ поселиться на самой Кубани. Превосходная побережная земля, рыбная ловля и двухлѣтняя льгота служили достаточною приманкою, и тысяча семействъ старожиловъ отозвались на вызовъ. Прибавивъ къ нимъ новыхъ переселенцевъ изъ Малороссіи, Ермоловъ основалъ на Кубани многолюдныя селенія, ставшія опорою кордонной стражѣ и сдѣлавшія нападенія хищниковъ незначительными шайками весьма для нихъ не безопасными. Выполняя предначертанія Ермолова, генералъ Власовъ не ограничился устройствомъ этихъ селеній и долженъ былъ позаботиться объ ихъ безопасности. Лѣвый берегъ Кубани почти сплошь покрытъ былъ тогда лѣсомъ, и черкесы, прикрываемые имъ, могли въ большихъ силахъ подходить къ самой рѣкѣ и высматривать, гдѣ закладываются секреты, гдѣ ходятъ разъѣзды, что

дѣлается на постахъ и въ резервахъ. Новыя селенія естественно подвергались постоянной опасности внезапнаго нападенія; особенно ихъ скотъ, пригоняемый къ Кубани на водопой, могъ служить хищникамъ постоянною лакомою приманкою. И вотъ, на берегахъ Кубани застучали топоры и застонали падающіе великаны растительнаго царства; противъ каждаго селенія на лѣвомъ берегу расчищались обширныя площади. Черкесы держались во все это время смирно, были только случаи мелкихъ хищничествъ.

Такъ настала осень 1821 года, не предвѣщавшаая, повидимому, никакихъ тревогъ. Какъ вдругъ, — это было вечеромъ со 2-го на 3-е октября, огромное скопище шапсуговъ и жанеевцевъ неожиданно появилось на Кубани близъ рѣчки Давыдовки (теперь высохшей). Его велъ знаменитый шапсугскій старшина Измаилъ. Рыскавшіе на закубанской сторонѣ пластуны первые дали знать на Петровскій постъ, начальнику 4-й части кордонной линіи, Журавлю. Къ счастію, въ это самое время на посту случился самъ генералъ Власовъ, объѣзжавшій съ летучимъ отрядомъ кордонную линію. Времени терять на сборы войскъ было некогда, и Власовъ рѣшился дѣйствовать съ тѣми силами, которыя оказались у него подъ рукою, — а эти силы состояли всего изъ 611 конныхъ и 65 пѣшихъ казаковъ, при 2 орудіяхъ. Немедленно посланы были разъѣзды для наблюденія за горцами; кордонная цѣпь усилена. Въ половинѣ девятаго часа съ поста выступилъ самъ Власовъ, выслѣдилъ переправу горцевъ и, въ темнотѣ бурной осенней ночи, пропустилъ враговъ мимо, чтобы зайти имъ въ тылъ. Горцы перешли Кубань верстахъ въ двухъ отъ Петровскаго поста, въ какой-нибудь верстѣ отъ отряда, и всею массою двинулись на хутора Петровской станицы, стоявшіе въ 15 и въ 30 верстахъ отъ кордона. Какъ только направленіе непріятеля точно обозначилось, Власовъ остался съ своимъ отрядомъ на мѣстѣ и приказалъ пластунамъ засѣсть въ камыши, облегавшіе переправу, а войсковому старшинѣ Журавлю съ постовою командою преслѣдовать шапсуговъ по пятамъ, вступить съ ними въ бой и ложнымъ отступленіемъ навести на засады. Казаки въ точности выполнили это приказаніе. Верстахъ въ шести отъ кордона, Жу-

равль съ гикомъ налетѣлъ на шапсуговъ и открылъ ружейный огонь. Въ это время прискакала къ Власову со Славянскаго поста сотня есаула Залѣсскаго, съ коннымъ орудіемъ; Власовъ отправилъ и ее на помощь сражавшимся. Орудіе смѣло подскакало къ черкесамъ и ударило картечью. И не успѣлъ смолкнуть гулъ выстрѣла, какъ темная ночь освѣтилась огнями зажженныхъ маяковъ. Запылали смоляныя вѣхи, и съ поста на постъ, отъ станицы къ станицѣ загремѣли непрерывные выстрѣлы, будя и поднимая на тревогу. Озадаченные зрѣлищемъ множества маячныхъ огней, не зная хорошо значенія ихъ, но отгадывая въ нихъ нѣчто для себя зловѣщее, поражаемые въ то же время картечью, горцы смѣшались и дрогнули. Напрасно старшины старались ободрить шапсуговъ. Въ ночной тьмѣ и бурѣ имъ чудились массы войскъ— и, полагая себя окруженными, горцы ринулись назадъ къ переправѣ, преслѣдуемые по пятамъ Журавлемъ и Залѣсскимъ. Но тамъ, изъ густого камыша, встрѣтили ихъ пластуны. Дружный огонь и картечь заставили ихъ отхлынуть влѣво, какъ разъ на отрядъ Власова. Здѣсь приняли ихъ картечью уже изъ двухъ орудій. Горцы опять повернули назадъ, а Власовъ со своими казаками уже несся наперерѣзъ имъ, къ Кубани. Отбитые вправо, черкесы въ ночной темнотѣ попали въ прогнойный калауссклй лиманъ, обширный прибрежный заливъ. И тутъ, на берегу лимана, казаки и насѣли на нихъ, поражая шашками и пиками. Самъ Власовъ находился впереди и принималъ участіе въ рукопашной схваткѣ наравнѣ съ другими. „Я ажъ ахнулъ, разсказывалъ впослѣдствіи одинъ изъ казаковъ:—когда увидѣлъ, что и самъ генералъ рубится съ нами. Знаемъ мы — другого не заманишь и близко подъѣхать къ черкесамъ, командуетъ себѣ издалека... А этотъ командовать командуетъ, а самъ,—маленькій да широкоплечій — знай на ряду съ казаками работаетъ шашкой, и не одному черкесу снесъ голову... Самъ рубитъ, а самъ пріободряетъ, да покрикиваетъ: „Бей, ребята! Топи, коли бусурманина!.. Ну, и досталось же имъ на орѣхи“!..

И дѣйствительно, „досталось-таки черкесамъ на орѣхи“. Только небольшой партіи, въ нѣсколько десятковъ человѣкъ, еще до при-

хода къ лиману успѣвшей прорваться сквозь нашъ отрядъ, удалось бѣжать за Кубань; остальные, вмѣстѣ съ лошадьми, погибли въ прогнояхъ Калаусса. Калаусскій лиманъ при берегахъ не глубокъ, но топокъ, и по своей обширности непроходимъ. Напрасно передніе всадники, не видя конца водѣ, хотѣли поворотить назадъ; на нихъ напирали густыя толпы, гонимыя ужасомъ, и всѣ увлекали другъ друга впередъ и поглощались пучиною. Утро открыло страшную картину гибели хищниковъ: калаусскія поля были усѣяны трупами горцевъ; волны лимана бороздились еще отъ предсмертныхъ судорогъ тонувшихъ. Слышались стоны и вопли погибавшихъ, трупы людей и лошадей плавали въ мутной водѣ грудами.

Уронъ непріятеля въ страшный день Калаусской битвы былъ чрезвычайный; сами шапсуги считаютъ утонувшими въ лиманѣ болѣе 20 знатнѣйшихъ князей и 1,200 всадниковъ, не считая погибшихъ въ камышахъ и на полѣ. Казаки отбили два знамени и взяли въ плѣнъ князя и 42 простыхъ черкеса — примѣръ небывалый въ тогдашнихъ схваткахъ съ горцами. Въ добычу казакамъ досталось 516 лошадей и много превосходнаго оружія, да и послѣ долго еще жители находили въ болотахъ черкесскія шашки, ружья и панцыри. На русской сторонѣ потеря была незначительна, но казаки до того увлеклись преслѣдованіемъ непріятелей, что четыре человѣка вмѣстѣ съ ними утонуло въ лиманѣ; кромѣ ихъ, 1 убитъ и 14 ранено.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе полувѣка; замолкъ громъ оружія на берегахъ Кубани, умиротворился край; но горцы и донынѣ въ печальной заунывной пѣснѣ вспоминаютъ роковую для нихъ калаусскую ночь. Напрасно, однакоже, любознательный путешественникъ сталъ бы искать знаменательнаго урочища: теперь на мѣстѣ нѣкогда тинистаго лимана, близъ дороги отъ Копыла на Петровскую, разстилается прекрасный лугъ, доставляющій превосходное сѣно.

Для черноморцевъ Калаусское пораженіе имѣло чрезвычайно важное нравственное значеніе. Оно было первое, въ которомъ сильный численностью и отвагой врагъ былъ побитъ сравнительно не-

большимъ казачьимъ отрядомъ. Запорожцы, переселившись въ Черноморію, встрѣтили въ черкесскихъ племенахъ противниковъ не только сильныхъ и храбрыхъ, но всей своей жизнію, своею одеждою и вооруженіемъ несравненно болѣе приноровленныхъ къ мѣстнымъ условіямъ кавказской войны. Противъ казаковъ выѣзжала лучшая въ мірѣ, легкая и подвижная конница, въ блестящихъ кольчугахъ, съ добрымъ оружіемъ и на превосходныхъ коняхъ арабско-персидской крови. Казакъ привезъ съ собою тяжелую сбрую, длинное оружіе,—все, что такъ кстати было въ широкихъ, необозримыхъ, вольныхъ приднѣпровскихъ и крымскихъ степяхъ, и что здѣсь, въ горахъ, въ лѣсистыхъ ущельяхъ и въ прикубанскихъ плавняхъ могло только мѣшать его подвижности. Понятно, что длинное татарское дреколіе, „ратище“ дюжаго запорожца служило предметомъ ѣдкихъ насмѣшекъ адыгскаго наѣздника, у котораго не полагалось никакого разстоянія для схватки съ противникомъ, и открытымъ знакомъ всегдашней готовности схватиться грудь съ грудью былъ короткій кинжалъ, никогда не сходившій съ пояса, даже въ мирной бесѣдѣ съ кунакомъ у очага родной сакли. Другіе и пріемы войны требовались въ новой странѣ. Въ степи можно было завидѣть опасность далеко, съ кургана,—здѣсь она вспархивала изъ-подъ копытъ коня. Не прихоть, не произволъ руководили военными вкусами черкесовъ; ихъ боевые обычаи и вооруженіе были результатомъ вѣкового опыта, и потому всякій, кто хотѣлъ поравняться съ ними, долженъ былъ поспѣшить заимствовать отъ нихъ все: и сбрую, и оружіе, и способы управлять конемъ и всѣ сноровки и ухватки этого воинственнаго племени. Такъ именно и сдѣлали линейные казаки. Но старые запорожцы, упрямые и гордые, крѣпко держались за старину, освященную днѣпровскими преданіями, и потому сразу уступили первенство черкесской конницѣ. И вотъ, тѣ же конные черноморскіе казаки, которые били и татаръ, и турокъ, и французовъ, и побили бы и черкесовъ въ своихъ степяхъ,—здѣсь, на Кубани, рѣдко въ состояніи были состязаться съ превосходными вражескими силами. Калаусское дѣло показало казакамъ, что хотя и силенъ врагъ, да милостивъ Богъ, а черкесамъ,—что передъ ними такая сила,

которая можетъ согнуть и непреклонныя горы подъ власть сѣвернаго великаго народа.

Побѣда, одержанная Власовымъ, была оцѣнена Ермоловымъ по достоинству. Донося о ней, онъ писалъ начальнику Главнаго штаба: „Прошу исходатайствовать генералу Власову награжденіе орденомъ св. Анны 1-й степени. Онъ имѣетъ всѣ прочія награды и даже св. Георгія 3 класса, и теперь, мною испрашиваемой, совершенно достоинъ. Въ заключеніе доношу, что со времени водворенія войска Черноморскаго въ Тамани, не было подобнаго пораженія закубанцевъ на землѣ, войскомъ занимаемой". Императоръ Александръ, минуя анненскую ленту, пожаловалъ Власову прямо орденъ св. Владиміра 2 класса. Но лучшею наградой для Власова осталась вѣковѣчная память о немъ въ Черноморьѣ, внѣшнимъ выраженіемъ которой служила поднесенная ему отъ черноморцевъ, оправленная въ золото сабля, на клинкѣ которой изображено было калаусское сраженіе.

Войсковой старшина Журавль и есаулъ Залѣсскій получили тоже владимірскіе кресты.

Калаусскою битвою Михаилъ Григорьевичъ Власовъ начиналъ свою славную боевую дѣятельность въ Черноморьѣ. Но она была только продолженіемъ цѣлаго ряда славныхъ дѣлъ, которыми ознаменованъ каждый шагъ его многотрудной жизни.

Власовъ родился въ 1767 году, въ донской станицѣ Раздорской, гдѣ и протекло его первое дѣтство. Отецъ его, бѣдный казачій офицеръ, выходя на службу, взялъ съ собою сына и оставилъ въ Кіево-печерской лаврѣ на попеченіе монаховъ, и тамъ въ немъ заложены были религіозныя начала такъ глубоко, что легли особымъ отпечаткомъ на всей его жизни.

Служебное поприще Власовъ началъ въ 1784 году казакомъ въ новочеркасскомъ войсковомъ правленіи. Нераздѣльность гражданской службы отъ военной составляла тогда на Дону неизмѣнный обычай и не мѣшала выдаваться военнымъ дарованіямъ. Послужной списокъ Власова и удостовѣряетъ, что первые военные

подвиги оказаны были имъ въ Польшѣ, въ войну 1794 года, подъ начальствомъ Суворова, и настолько выдвинули его изъ ряда сверстниковъ, что, выступивъ въ походъ простымъ казакомъ, онъ возвратился тогда на Донъ есауломъ. Въ войну 1807 года, когда начинается европейская слава донцовъ, имя Власова уже нерѣдко встрѣчается въ реляціяхъ.

Есть свѣдѣнія, что въ промежуткахъ между войнами, Власовъ продолжалъ гражданскую службу, и въ 1809 году былъ вызванъ въ молдавскую армію именно для управленія походной канцеляріей донского атамана. Здѣсь, участвуя волонтеромъ въ одномъ изъ сраженій, онъ обратилъ на себя орлиный взоръ Платова, сразу оцѣнившаго въ немъ рѣдкія военныя качества,—и Власовъ получилъ въ командованіе казачій полкъ. Въ отечественную войну онъ уже является однимъ изъ видныхъ дѣятелей, участвуя въ цѣломъ рядѣ битвъ отъ береговъ Нѣмана и до бородинскихъ полей. Партизанская война дала ему случай къ новымъ заслугамъ и отличіямъ. Бодрый, неутомимый Власовъ не зналъ сна и появлялся съ своими казаками всюду, гдѣ только было слышно о французахъ; онъ отбивалъ знамена, пушки и забиралъ въ плѣнъ цѣлыя колонны враговъ. Георгіевскій крестъ, золотая сабля и чинъ полковника—достаточно свидѣтельствуютъ о его громкихъ подвигахъ. Въ заграничныхъ походахъ онъ былъ въ огнѣ подъ Кульмомъ, подъ Лейпцигомъ, во всѣхъ славныхъ бояхъ этого славнаго времени; но особенныя отличія были оказаны имъ въ летучемъ отрядѣ графа Чернышева. Здѣсь-то и завязалась тѣсная дружба, которая и впослѣдствіи соединяла незнатнаго родомъ донского казака съ однимъ изъ могущественныхъ вельможъ царствованія императора Николая. Имя Власова было тогда уже извѣстно въ арміи,—онъ былъ одинъ изъ немногихъ офицеровъ, которые въ чинѣ полковника носили бриллiантовую саблю и Георгія на шеѣ. Послѣдній орденъ пожалованъ ему былъ за дѣло подъ Бельцигомъ, гдѣ онъ съ однимъ казачьимъ полкомъ разбилъ три сильныя французскія колонны и взялъ въ плѣнъ болѣе 20 офицеровъ и 1200 французскихъ солдатъ. Храбрый полкъ, предводимый Власовымъ, получилъ тогда бѣлое георгіевское знамя.

Воротившись въ Россію уже генераломъ, Власовъ назначенъ былъ походнымъ атаманомъ донскихъ казачьихъ полковъ на Кавказѣ. Ермоловъ принялъ его, какъ стараго соратника, на котораго могъ вполнѣ положиться, и Власовъ первыми же своими дѣйствіями, при усмиреніи имеретинскаго бунта и затѣмъ въ Ширвани, вполнѣ оправдалъ возложенныя на него надежды.

Энергія и храбрость Власова и дали Ермолову мысль поручить ему въ управленіе черноморскую кордонную линію, гдѣ такъ нуженъ былъ энергическій начальникъ.

XXXV.

Послѣ Калаусской битвы.

(Шапсугъ Казбичъ).

Въ горахъ Черкесіи стояло смятеніе. Неожиданное и страшное пораженіе, нанесенное Власовымъ шапсугамъ и жанеевцамъ, распаляло страсти необузданнаго и гордаго народа и требовало отмщенія. Поднимались поголовно всѣ племена; даже натухайскій владѣлецъ Колоботокъ-Кодчь призывалъ свой народъ, ближайшій къ русской границѣ и считавшійся „мирнымъ“, къ поголовному возстанію.

Черноморской линіи грозили серьезныя опасности, и Власовъ принималъ свои мѣры, чтобы быть готовымъ встрѣтить врага. Онъ вытребовалъ на кордонъ извѣстныхъ своею храбростью и распорядительностію полковниковъ Безкровнаго, Гаврюша, Вербицкаго и Бѣлаго. Четвертый участокъ кордонной линіи, отъ поста Копольскаго до поста Смоляного, представлявшій наибольшія опасности, болѣе доступный для набѣговъ, былъ усиленъ резервами;

сюда стянуты были четыре конные полка; двѣ роты навагинцевъ заняли Полтавскую станицу, жители изъ пограничныхъ хуторовъ отправлены въ Темрюкъ подъ защиту войска.

Враждебныя стороны стояли другъ противъ друга, готовыя къ борьбѣ. И какъ ни разнорѣчивы были извѣстія изъ-за Кубани, но всѣ они сходились на томъ, что сильныя партіи, то увеличивавшіяся, то уменьшавшіяся по временамъ, стояли на рѣчкахъ Афипсѣ, Хоблѣ, Арьгедѣ, Абинѣ и другихъ мѣстахъ, готовыя нахлынуть на русскія границы. Но партіи стояли смирно: вожди ихъ были въ Анапѣ. Дѣло въ томъ, что паша испугался за послѣдствія событій, которыя готовы были разыграться на берегахъ Кубани, и принялъ всѣ мѣры, чтобы на этотъ разъ потушить тревожное возбужденіе, овладѣвшее горцами. Онъ даже обязательно извѣстилъ о томъ черноморскаго атамана, прибавляя, что ему ничего еще неизвѣстно достовѣрно о калаусскомъ побоищѣ и прося увѣдомить его о числѣ убитыхъ и потопленныхъ въ лиманѣ горцахъ. Усилія его на этотъ разъ увѣнчались успѣхомъ. Черкесскіе вожди воротились изъ Анапы только съ тѣмъ, чтобы распустить свои скопища, и черкесы съ ропотомъ—но повиновались. Черноморье на время могло вздохнуть свободно.

Но между черкесскими вождями былъ одинъ человѣкъ, который, во все это время, не сообразовался съ дѣйствіями другихъ, не ѣздилъ въ Анапу, и на свой рискъ и страхъ, съ отборной партіей въ 500 наѣздниковъ, грозилъ русскимъ предѣламъ. Это былъ шапсугскій уоркъ Казбичъ (собственно—Кзильбечъ) изъ знаменитой фамиліи Шеретлуковыхъ.

Даже среди черкесскихъ головорѣзовъ и удальцовъ, Казбичъ былъ личностью необыкновенной, исключительной. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ онъ отличался поражающей неустрашимостью, соединенной съ характеромъ суровымъ, упрямымъ и грубымъ. Самая наружность его, огромный ростъ, громкій голосъ, дерзкія и грубыя ухватки, казалось, созданы были для того, чтобы имѣть неотразимое вліяніе на народъ, для котораго война была ремесломъ. Бурная, безпечная, удалая жизнь среди битвъ и набѣговъ отвѣчала его наружности. И тамъ, гдѣ другіе предводители должны

были употреблять усилія, чтобы собрать нѣсколько сотъ всадниковъ, Казбичъ, который, однако, не славился ни особеннымъ умомъ, ни краснорѣчіемъ и общественностью, могъ во всякое время располагать цѣлыми тысячами. Счастливыя стеченія обстоятельствъ видимо покровительствовали этому герою разбоевъ: предпринималъ онъ набѣгъ — и набѣгъ удавался, хотѣлъ съ нимъ соперничать другой — и терпѣлъ пораженіе. Въ концѣ концовъ въ народѣ сложилось суевѣрное представленіе, что Казбичъ своимъ присутствіемъ приноситъ счастье въ набѣгѣ.

Какъ нарочно, калаусское пораженіе шапсуговъ должно было необыкновенно поднять тогда уже немолодого Казбича въ мнѣніи соплеменниковъ и облечь его какой-то мистической загадочностью: онъ, только и жившій боевыми тревогами, на этотъ разъ не только самъ отказался идти въ набѣгъ, но, по какому-то темному предчувствію, горячо оттоваривалъ и другихъ. И теперь безполезная гибель, и гибель позорная, тысячи двухсотъ человѣкъ, какъ бы на поруганіе брошенныхъ въ болото, въ мутную воду, грудами, и лишенныхъ покрова родной земли, — представлялась какъ бы слѣдствіемъ того, что не послушались Казбича.

Чтобы докончить характеристику знаменитаго шапсуга, необдимо сказать, что и впослѣдствіи ни гибель сыновей, ни множество ранъ, ни старость не отучили Казбича отъ любимаго ремесла—войны и набѣговъ. Подъ старость онъ сходилъ въ Мекку, но и священный титулъ хаджи не усмирилъ въ немъ строптивое сердце суроваго наѣздника; всю свою жизнь онъ остался грубымъ шапсугомъ стараго покроя. И умеръ онъ, хотя въ глубокой старости, но отъ раны, полученной въ набѣгѣ въ 1839 году, оставя по себѣ долгую память. Еще при жизни его была сложена у шапсуговъ пѣсня, въ которой подробно передавались его дѣла и подвиги,—явленіе необыкновенное при извѣстной скромности черкесовъ, и величайшимъ наслажденіемъ Казбича въ дни старости и бездѣйствія было слушать эту пѣсню, въ которой постоянно

говорится объ обнаженной шашкѣ героя. Суровая личность Казбича такъ поразила воображеніе соплеменниковъ, что въ жаркихъ сраженіяхъ съ русскими онъ, долго спустя послѣ смерти, не разъ чудился черкесамъ на бѣломъ конѣ и въ бѣлой одеждѣ; объ этомъ существуетъ, по крайней мѣрѣ, множество разсказовъ.

Вотъ этотъ-то необузданный шапсугъ стоялъ теперь передъ русскими предѣлами, и въ то время какъ другіе предводители совѣщались съ пашею въ Анапѣ, пытался не разъ прорваться къ русскимъ селеніямъ. Бдительность постовъ и личное присутствіе на кордонахъ Власова заставили, однако, и Казбича отложить удовлетвореніе чувства мести до болѣе удобнаго времени.

Но немыслимо было думать, чтобы воинственные народы Закубанья такъ легко помирились съ унизительнымъ пораженіемъ;— и едва разошлись первыя партіи, какъ отовсюду стали получаться о дѣятельныхъ и обширныхъ приготовленіяхъ черкесовъ къ новымъ вторженіямъ въ Черноморье. Дѣла стали принимать такой тревожный оборотъ, что анапскій паша вновь почелъ свою обязанностью вмѣшаться въ пограничныя распри и, въ январѣ 1822 года, изъявилъ желаніе пріѣхать въ Екатеринодаръ, для личныхъ переговоровъ съ атаманомъ Матвѣевымъ. Паша ѣхалъ, однакоже, съ тремя тысячами шапсуговъ и натухайцевъ. Власовъ изъ предосторожности усилилъ пограничные посты и увѣдомилъ пашу, что онъ можетъ принять его подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы на русскую сторону Кубани, кромѣ трехъ-четырехъ почетнѣйшихъ горскихъ князей, никто изъ черкесовъ не переходилъ. 22-го числа паша, въ сопровожденіи только ста человѣкъ, прибылъ къ переправѣ, и просилъ, чтобы Матвѣевъ и Власовъ пріѣхали на совѣщаніе на лѣвый берегъ. Власовъ съ своей стороны предлагалъ пашѣ пожаловать на русскій мѣновой дворъ, и вновь потребовалъ, чтобы съ нимъ черкесовъ не было. Получивши этотъ отвѣтъ, паша молча сѣлъ на коня и вмѣстѣ съ конвоемъ уѣхалъ назадъ. Переговоры, такимъ образомъ, не состоялись, и теперь нужно было ожидать горскихъ вторженій.

Власовъ рѣшилъ предупредить предпріятія горцевъ, и какъ только сдѣлалось извѣстнымъ, что паша возвратился въ Анапу, быстро стянулъ войска и, 2-го февраля, повелъ ихъ за Кубань. Это было еще первое вторженіе въ Черкескую землю при атаманѣ Матвѣевѣ. Черноморцы воспрянули духомъ; многіе изъ нихъ шли волонтерами. Войска двинулись двумя колоннами: Власовъ отъ Ольгинскаго поста, полковникъ Бурсакъ — отъ Александровскаго.

Имѣя въ своемъ распоряженіи три полка конныхъ и полкъ пѣшихъ черноморцевъ, при 8 орудіяхъ, Власовъ быстро шелъ на шапсугскіе аулы и хутора, тѣсно раскинутые по рѣкамъ Пшецизу, Кунъ и Богундыръ. Къ несчастію, по ошибкѣ проводника, поведшаго войска въ темнотѣ ночи не тою дорогою, переправляться черезъ Пшецизъ пришлось въ виду одного изъ ауловъ, и тревога мгновенно распространилась по окрестности. Но смятеніе горцевъ при вѣсти, что казаки уже въ аулахъ, было такъ велико, что они повсюду безъ сопротивленія бѣжали, покидая скотъ, имущество и думая только о спасеніи семей. Власовъ разослалъ по всѣмъ направленіямъ отряды, и тѣ быстро истребили огнемъ 17 большихъ ауловъ, 119 хуторовъ и множество заготовленнаго хлѣба. Въ одномъ изъ ауловъ казаки нашли закованнаго въ кандалы плѣннаго черноморца, второпяхъ позабытаго горцами.

Предавъ полному опустошенію пространство на 30 верстъ въ окружности и захвативъ болѣе тысячи головъ скота, казачьи отряды опять сосредоточились на рѣчку Пшецизъ, и только одному изъ нихъ, подъ командою полковника Табанца, пришлось выдержать при отступленіи жаркое дѣло. Изъ опушки лѣса, приходившагося на его пути, внезапно выдвинулась сильная конная партія и безъ выстрѣла ринулась въ шашки. Табанецъ храбро встрѣтилъ атаку, а между тѣмъ на помощь къ нему подоспѣли съ одной стороны полковникъ Безкровный, съ другой—подполковникъ Кундрюцкій. Охваченные съ трехъ сторонъ, черкесы загнаны были въ лѣсъ. Но едва казаки стали отходить отъ опушки, какъ

горцы еще въ бо́льшихъ силахъ бросились ихъ преслѣдовать. Тогда Власовъ заложилъ на пути отряда въ разныхъ мѣстахъ пѣшія залоги, и черкесы, поминутно наскакивая на нихъ,—остановились.

4 февраля отрядъ возвратился на Кубань.

Экспедиція полковника Бурсака, между тѣмъ, не удалась. Одинъ изъ мирныхъ черкесовъ, служившій въ пѣшихъ казачьихъ полкахъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ бѣжалъ къ абадзехамъ, и тѣ, предупрежденные имъ, успѣли выставить значительныя силы къ самой переправѣ черезъ Кубань. Бурсакъ, убѣдившись въ безполезности набѣга, остался на линіи.

Власовъ ходатайствовалъ о награжденіи отличившихся въ экспедиціи. Вотъ что отвѣчалъ ему Вельяминовъ: „Вынужденныя наглостями закубанцевъ, дѣйствія наши хотя необходимы, но не менѣе того, по извѣстному великодушію Государя Императора, онъ, безъ сомнѣнія, желалъ бы, чтобы возможно было обойтись безъ оныхъ, а потому корпусный командиръ испрашивать высочайшихъ наградъ за оныя не можетъ, ограничиваясь признательностію своею Вамъ и вашимъ сотрудникамъ въ приказѣ по корпусу“. „Что же касается до денежныхъ наградъ казакамъ,—прибавлялъ Вельяминовъ:—то, при недостаткѣ средствъ, должно таковыя умѣрить; да къ тому же деньги и не награда воину“. Ермоловъ, дѣйствительно, отдалъ приказъ, въ которомъ изъявлялъ свою признательность Власову, благодарилъ всѣхъ офицеровъ, и въ числѣ ихъ особенно подполковника Дубоноса, участвовавшаго въ экспедиціи по собственному вызову. „Такая черта—говоритъ Ермоловъ:—дѣлаетъ ему честь, и я вижу въ оной духъ извѣстныхъ запорожцевъ“.

Дѣйствія русскихъ за Кубанью заставили черкесовъ заботиться прежде всего о собственной безопасности, а черноморцы по собственному почину стали уже ходить за Кубань и устраивать тамъ засады. Это было тѣмъ болѣе кстати, что черкесы, не рискуя переправляться на русскую сторону, постоянно разъѣзжали по лѣвому берегу и стрѣляли по часовымъ: засады могли служить для нихъ предостереженіемъ и противовѣсомъ.

Разъ, партія такихъ охотниковъ забралась даже за рѣку Убынь.

Три пластуна, отправленные впередъ, на развѣдки, подстерегли трехъ черкесовъ, и двухъ изъ нихъ убили; но третій спасся въ аулъ, откуда тотчасъ же выскочили двѣ сильныя партіи; отступая, пластуны искусно навели ихъ на засаду, и конные черноморцы, бросившись на горцевъ въ пики, 28 человѣкъ убили и одного взяли въ плѣнъ, отдѣлавшись сами однимъ только раненымъ. Но тутъ появилась новая партія, и наши зарвавшіеся удальцы должны были убраться по добру по здорову, захвативъ съ собою, однако, даже тѣла побитыхъ черкесовъ.

Настало для Черноморья томительное и тяжелое время. Частію подъ вліяніемъ настояній анапскаго паши, частію подъ впечатлѣніемъ калаусскаго пораженія, научившаго ихъ не быть слишкомъ самонадѣянными, черкесы не рѣшались на крупный набѣгъ; но, озлобленные, они не упустили бы малѣйшаго случая сдѣлать зло русскимъ землямъ. На сторонѣ ихъ было огромное преимущество: они могли нападать и не нападать, смотря по желанію; а между тѣмъ держали все пограничное населеніе и пограничную стражу въ постоянномъ напряженіи всѣхъ своихъ силъ, потому что малѣйшая оплошность могла бы обойтись слишкомъ дорого. И вотъ, въ теченіе почти двухъ лѣтъ, идетъ на Черноморской линіи лихорадочная сторожевая дѣятельность, да развѣ еще вырубаніе лѣсовъ на вражескомъ берегу Кубани. Но какъ ни внимательно стереглись русскія границы, невозможно было отвратить хищническихъ продѣлокъ черкесовъ, и исторія этого времени отмѣчаетъ цѣлый рядъ ихъ, постепенно принимающихъ все болѣе и болѣе острый характеръ.

3-го апрѣля 1822 г., человѣкъ 50 черкесовъ перешли Кубань ниже Марьевскаго поста и, не доходя шаговъ 20 до дневной вышки, наткнулись на залогу. Пять казаковъ разомъ ударили изъ ружей. Но горцы не ушли, а напротивъ, окружили ихъ. Они встрѣтили геройскій отпоръ, — и тѣмъ не менѣе трое казаковъ взяты въ плѣнъ, одинъ, весь израненный, брошенъ на мѣстѣ, и одинъ успѣлъ скрыться. На выстрѣлы тотчасъ прискакалъ весь Марьевскій постъ, но горцы уже плыли на серединѣ Кубани.

Посланные въ погоню пластуны принесли съ собою только растерянныя черкесами вещи: два пистолета, двѣ шашки, ружье, три плети, подсошекъ, двѣ папахи и шесть паръ чевяковъ, показывавшихъ и силу оказаннаго черкесамъ сопротивленія и поспѣшность ихъ бѣгства.

Власовъ былъ очень огорченъ происшествіемъ, но долженъ былъ сознаться, что причиною его была не оплошность. „Мѣстоположеніе — писалъ онъ къ Ермолову: — самое критическое: лѣсъ, ночь, темнота... Растерянныя вещи показываютъ, что секретъ защищался храбро и уступилъ только многочисленности".

Въ августѣ, ночью на 5-е число, 25 человѣкъ черкесовъ перешли Кубань на дистанціи Павловскаго поста, въ такъ называемомъ Дубовомъ кутѣ, противъ устья рѣчки Пшекупса. Подкравшись къ резервному пикету, они съ двухъ сторонъ сразу бросились на него, и захватили врасплохъ. Начальникъ резерва, урядникъ Вѣренко, спалъ тогда въ пологу; но, узнавъ въ чемъ дѣло, выстрѣлилъ изъ ружья и потомъ спрятался; ближайшія залоги были одна въ семидесяти, другая – въ ста саженяхъ, но онѣ не смѣли подняться съ своихъ мѣстъ, и помощи не дали. Черкесы въ одно мгновеніе убили часового, схватили казака въ плѣнъ, но трое остальныхъ отбились, отдѣлавшись легкими ранами. Разъѣздъ, прискакавшій на выстрѣлы, не засталъ на мѣстѣ происшествія уже никого, и погоня за хищниками была безполезна. Разслѣдованіе выяснило, что партію провелъ одинъ черкесъ, хорошо знавшій окрестную мѣстность. Онъ жилъ прежде въ мирномъ аулѣ, на правомъ берегу Кубани, и когда добровольно переселился на рѣчку Пшекупсъ, то скотъ его былъ задержанъ въ аулѣ за какой-то долгъ его же односельцами. Набѣгъ и былъ его местью за это.

Такой же случай былъ 17 октября. Четверо пластуновъ съ Старо-редутскаго поста, осматривая берегъ Кубани, наткнулись на переправившихся хищниковъ, — и одинъ изъ нихъ былъ убитъ, двое взяты въ плѣнъ, и только послѣдній, шедшій нѣсколько поодаль, успѣлъ добѣжать до поста и поднялъ трево-

гу. Бросились казаки къ Кубани, но тамъ никого уже не нашли.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ черкесы не могли, однако, проникнуть дальше сторожевыхъ частей,—система охраны границы, введенная Власовымъ, полагала имъ серьезныя преграды.

Наступила зима; Кубань покрылась льдомъ, и нападенія черкесовъ становятся настойчивѣе. 22 декабря, въ 15 верстахъ ниже Екатеринодара, въ такъ называемомъ Тимошевскомъ кутѣ, переправился самъ Казбичъ съ толпами шапсуговъ и абадзеховъ; но узнавъ, что на Елизаветинскомъ посту стоитъ сильный казачій отрядъ полковника Дубоносова, тотчасъ повернулъ назадъ и ушелъ за Кубань.

И вслѣдъ затѣмъ случились происшествія, доказавшія, что непріятельскія партіи держатся близъ границъ. По издавна заведенному порядку, Каракубанскій островъ постоянно осматривался, по казачьему выраженію „открывался", пластунами съ постовъ Славянскаго и Копыльскаго такимъ образомъ, что, начиная каждый съ своей стороны, они сходились въ условленномъ мѣстѣ. Въ одинъ изъ зимнихъ дней съ поста Славянскаго шли 6 человѣкъ, съ поста Копыльскаго—5. Самъ начальникъ послѣдняго, есаулъ Соляникъ-Краса, съ 14 казаками стоялъ на Кубани, ожидая возвращенія своихъ развѣдчиковъ. Пластуны не отошли и съ версту отъ берега, какъ замѣтили впереди черкесовъ. Они попытались вернуться, чтобы соединиться съ командою, какъ вдругъ партія въ 100 человѣкъ выѣхала изъ-за камышей. Двое пластуновъ были моментально схвачены, трое засѣли въ кусты и, отстрѣливаясь, не давались черкесамъ. Соляникъ бросился къ нимъ на помощь, а на тревогу, между тѣмъ, прискакала сотня казаковъ,—и черкесы стали уходить. Множество слѣдовъ, открытыхъ на острову, убѣдили, однако, что партія горцевъ, скрывавшаяся здѣсь, несравненно сильнѣе казаковъ, и они вернулись назадъ. Два пластуна такъ и остались въ рукахъ непріятеля.

Съ весны 1823 года и до глубокой осени продолжались все тѣ же нападенія, преимущественно на сторожевыхъ казаковъ. Такъ, въ ночь на 29 апрѣля, 30 пѣшихъ черкесовъ напали на залогу изъ 4 казаковъ, ниже Константиновской батарейки, въ глухомъ

и лѣсистомъ Антоковомъ кутѣ,—двоихъ убили и двоихъ взяли въ плѣнъ. Ближайшій постъ выскочилъ на тревогу, но поздно, когда черкесы были уже за Кубанью. Начатая перестрѣлка, впрочемъ, дала возможность одному изъ плѣнныхъ бѣжать и спрятаться въ лѣсу, откуда, ночью, онъ и переплылъ на русскую сторону. Вскорѣ послѣ того, 40 человѣкъ пѣшихъ же хищниковъ, на разсвѣтѣ, напали опять на залогу въ Тимошевскомъ кутѣ, въ дистанціи Александрова поста, и опять двоихъ захватили въ плѣнъ и двоихъ изранили. Партію преслѣдовали на этотъ разъ сотникъ Башнякъ и полковникъ Перекрестъ съ постовымъ орудіемъ,—и горцы оставили на мѣстѣ 3-хъ человѣкъ убитыми и одного раненымъ. Не всегда черкесы шли за полономъ открытою силой, а иногда пытались дѣйствовать и хитростью. Таковъ именно былъ случай въ августѣ, показывающій, до какой степени казакамъ надо было быть осторожными. Ниже Екатеринодара, противъ Александрова поста, утромъ, часовъ въ 9, какой-то человѣкъ появился на лѣвомъ берегу и кричалъ, что онъ бѣжалъ изъ плѣна, и чтобы казаки скорѣе дали каюкъ и перевезли его черезъ Кубань. Казакамъ онъ показался подозрительнымъ, такъ какъ старался прятаться въ кустахъ, а потомъ, въ тѣхъ же кустахъ, послышались шорохъ и фырканье лошадей. Стало ясно, что черкесы просто старались заманить казаковъ, чтобы схватить ихъ на своемъ берегу. Видя, что обманъ не удался, партія, человѣкъ въ 25, выѣхала изъ кустовъ и, вмѣстѣ съ просившимъ о помощи, отправилась внизъ по Кубани; тамъ они искали бродовъ,—но бродовъ не было, и горцы ограничились лишь нѣсколькими выстрѣлами изъ-за рѣки.

Въ ночь подъ 9 сентября, хищники, въ числѣ 30 человѣкъ, переплыли Кубань ниже Новогеоргіевскаго поста, около Тарановскаго селенія. Случилось, что два казака, стоявшіе на пикетѣ, въ самый моментъ переправы черкесовъ отошли къ рѣкѣ посмотрѣть на свои рыболовные крючья; третій, остававшійся на мѣстѣ, немедленно выстрѣлилъ,—и всѣ трое успѣли спрятаться. Это обстоятельство испортило черкесамъ все ихъ предпріятіе. Немедленно на тревогу появились команды съ сосѣднихъ постовъ, и хищники, настигнутые въ плавняхъ, бросили захваченный было табунъ

и едва убрались за Кубань, отдѣлавшись только однимъ убитымъ.

Такъ время подошло къ октябрю 1823 года, которому суждено было стать началомъ болѣе крупныхъ событій. Казбичъ, бывшій душою и всѣхъ предыдущихъ мелкихъ нападеній, появляется теперь на берегахъ Кубани съ сильной партіей и открываетъ рядъ враждебныхъ дѣйствій, поведшихъ за собою отвѣтные походы Власова за Кубань. Уже давно ходили слухи о приготовленіяхъ Казбича. Еще въ августѣ получены были вѣрныя свѣдѣнія, что, уѣзжая къ натухайцамъ, онъ посылалъ бѣглаго черноморскаго казака, какого-то Андрея, служившаго не разъ и прежде вожакомъ для черкесскихъ партій, осматривать переправы черезъ Кубань, а между тѣмъ въ его владѣніяхъ уже собирались значительныя партіи. Говорили, что перебѣжчикъ съ двумя черкесами три дня ходилъ по Кубани, высматривая броды, и, наконецъ, отправился къ Казбичу. Нужно было ждать скорыхъ нападеній.

И вотъ, 9 октября, часу въ девятомъ вечера, черкесы появились на Кубани. До ста всадниковъ засѣло въ лѣсу противъ Александровскаго поста, а передовой разъѣздъ началъ переходить Кубань въ бродъ, въ верстѣ отъ постовой вышки. Былъ густой туманъ; постовые казаки безпечно вели къ водопою своихъ лошадей, и какъ разъ попали бы на черкесовъ, но, къ счастію, часовой замѣтилъ непріятелей и далъ выстрѣлъ. Казаки, забывъ о водопоѣ, вскочили на лошадей и поскакали обратно къ посту; а изъ поста тѣмъ временемъ человѣкъ 30 черноморцевъ уже заняли берегъ, и едва партія, выѣхавшая изъ лѣсу, стала спускаться къ броду, открыли огонь. Изъ Екатеринодара также прискакалъ резервъ. Горцы повернули назадъ и скрылись въ лѣсу. На другой день узнали, что съ партіей былъ самъ Казбичъ, и что онъ легко раненъ пулею въ шею.

Съ вечера 11 октября разнесся слухъ, что непріятель въ значительныхъ силахъ стоитъ по ту сторону Кубани противъ Елизаветинскаго селенія. Нужно сказать, что въ этомъ мѣстѣ теченіе Кубани, четыре раза переломляющееся почти подъ прямымъ угломъ сначала къ югу, потомъ къ западу, затѣмъ къ сѣверу и

опять къ западу, — образуетъ обширный четыреугольникъ, сѣверную сторону котораго составляетъ почтовая дорога изъ Екатеринодара въ Тамань.

На двухъ концахъ этой послѣдней стороны и расположены были два сильныхъ поста: Елизаветинскій на западѣ, и Александровскій на востокѣ; а между ними, почти въ центрѣ четыреугольника, стоялъ постъ Могильный. Можно было ожидать нападенія со всѣхъ сторонъ этого, выдвигающагося впередъ далеко за линію, четыреугольника, и Власовъ, немедленно пріѣхавъ на Александровскій постъ, сдвинулъ сюда всѣ конные казачьи резервы. Подполковникъ Ляшенко занялъ позицію передъ Елизаветинскимъ постомъ, прикрывая селеніе; полковникъ Табанецъ сталъ, между имъ и Власовымъ, противъ Могильнаго поста, а на Могильный пикетъ, устроенный на высокомъ курганѣ, откуда видно на далекое разстояніе, послана сотня казаковъ, подъ командою сотника Скакуна. Сильный разъѣздъ въ то же время пошелъ къ Тимошевскому куту, гдѣ Кубань по обоимъ берегамъ покрыта то лѣсомъ и кустарникомъ, то камышами и густою травою, и повсюду усѣяна кочкарникомъ.

Въ десятомъ часу ночи Ляшенко прискакалъ сказать Власову, что въ Тимошевскомъ куту, около впаденія въ Кубань рѣчки Афипсы, слышны сильный шумъ и даже плескъ воды, вѣроятно отъ плывущей черезъ рѣку конницы. Густой лѣсъ и широко раскинувшійся прибрежный камышъ, однако, скрывали переправу.

Еще не начинался разсвѣтъ, какъ масса непріятельской конницы выдвинулась изъ камыша. Часть ея бросилась къ Могильному кургану, зажгла кордонное сѣно и атаковала казачій пикетъ; большая,—обогнувъ его, на полныхъ рысяхъ понеслась налѣво, на Елизаветинское селеніе.

Только быстрыя движенія непріятеля не позволяли Власову отрѣзать его отъ переправы, и заставили встрѣтиться съ нимъ лицомъ къ лицу. Пока Скакунъ отстаивалъ Могильный постъ, главная масса черкесской конницы уже достигла Елизаветинскаго селенія. Ляшенко встрѣтилъ ее пушечнымъ огнемъ. На помощь къ

нему прискакалъ Табанецъ съ двумя своими сотнями, и подоспѣли резервы окрестныхъ куреней. Но черкесы надѣялись сломить эту живую стѣну и нѣсколько разъ бросались въ шашки, чтобы прорваться въ селеніе. Казаки подъ прикрытіемъ четырехъ орудій, держались стойко. Трудно сказать, однако, чѣмъ кончилось бы дѣло, если бы Казбичу не доложили, что Власовъ съ другимъ казачьимъ отрядомъ скачетъ изъ Александровскаго поста на перерѣзъ ему, къ переправѣ. Это неожиданное извѣстіе всполошило горцевъ; вся масса ихъ, готовившаяся послѣднимъ ударомъ сломить преграду, теперь поворотила къ Кубани. Къ сожалѣнію, только небольшая часть русскаго отряда могла настигнуть ихъ; казаки собрались всего за часъ до набѣга, шли форсированнымъ маршемъ, и лошади ихъ были измучены; орудія застряли въ кочкахъ и не могли поспѣвать за конницей. Все это помѣшало Власову дружно ударить въ пики; но почти у самой переправы небольшая казачья команда все-таки заскакала дорогу непріятелю; Казбичъ смялъ ее. Казаки дрались отчаянно, но панцыри не поддавались ударамъ пикъ, и въ рукопашной схваткѣ урядникъ и два казака, сбитые съ лошадей, были даже захвачены въ плѣнъ. За эту минутную удачу горцамъ пришлось расплатиться дорого. Упорная схватка задержала отступленіе ихъ и дала возможность подойти казачьей артиллеріи. Но и къ горцамъ въ тотъ же моментъ подоспѣлъ ихъ резервъ, стоявшій у Свиного Ерика, —небольшой рѣчки, протекавшей между Могильнымъ постомъ и Кубанью,—и они, повернувъ коней, бросились на Власова въ шашки. Самъ Казбичъ дрался, какъ бѣшеный: ему разрубили лѣвый високъ и шею, проткнули бокъ пикою. Но онъ все-таки возвратился за Кубань на конѣ, покрытый кровью, и не съ пустыми руками,—трое казаковъ остались въ плѣну. Партія понесла большія потери, и даже лѣвый берегъ Кубани, какъ доносилъ Власовъ, оказался упитаннымъ вражескою кровью. Въ числѣ убитыхъ находился сынъ стараго Казбича, и тѣло его не было выручено.

Партія Казбича разошлась по домамъ.

Нападенія черкесовъ на Черноморію, принявшія осенью 1823 г. въ набѣгѣ Казбича, размѣры окрытой войны, вынудили генерала Власова отвѣтить на нихъ опустошеніемъ самихъ черкесскихъ земель. И едва скопище Казбича разсѣялось по домамъ, какъ Власовъ стянулъ къ себѣ льготные казачьи полки и, 22 ноября, перешелъ Кубань. Главною цѣлію похода было показать шапсугамъ и абадзехамъ, приходившимъ съ Казбичемъ, что ихъ разбои не останутся безнаказанными. Но земли шапсуговъ и абадзеховъ были отдѣлены отъ русскихъ границъ владѣніями народа Хамышейскаго, который хотя и считался болѣе мирнымъ, но не упускалъ случая принимать живое участіе въ набѣгахъ на казацкія селенія. Особенно враждебенъ былъ русскимъ хамышейскій князь Нагай-Крымъ-Гирей, имѣвшій въ своемъ распоряженіи даже одно изъ орудій, розданныхъ закубанцамъ еще въ 1820 году турецкимъ правительствомъ, и хранившій его въ одномъ изъ абадзехскихъ ауловъ, верстахъ въ 60 отъ Екатеринодара. И вотъ, первый ударъ Власова и былъ направленъ именно на этотъ аулъ, при чемъ прямо имѣлось въ виду захватить орудіе. Власовъ шелъ съ одною кавалеріею, ускоряя по временамъ свой маршъ, и всячески стараясь проходить незамѣтно мимо попадавшихся на пути хамышейскихъ селеній.

Въ 6 часовъ утра отрядъ стоялъ уже вблизи враждебнаго аула. Полковникъ Табанецъ, съ двумя стами спѣшенныхъ казаковъ и съ частью конницы, получилъ приказаніе идти впередъ и съ возможною тишиною обвести вокругъ аула цѣпь, чтобы затѣмъ напасть на него совокупными силами. Но едва Табанецъ выступилъ, какъ въ лагерь пріѣхалъ сынъ одного изъ хамышейскихъ князей, — и для всѣхъ стало ясно, что аулъ теперь уже предваренъ объ опасности. Дѣйствительно, вскорѣ послышались два ружейныхъ выстрѣла и затѣмъ крикъ, вѣроятно, служившій сигналомъ для жителей. Табанецъ бросился на выстрѣлы—и сверхъ всякаго ожиданія, къ удивленію даже самихъ проводниковъ, наткнулся на довольно прочное плетневое укрѣпленіе съ воротами, задвинутыми изнутри крѣпкими засовами и съ караульнею, въ которой горѣлъ тогда огонь. Пока шла перестрѣлка и пѣшіе казаки ломали воро-

та, стало свѣтать, — а аулъ былъ еще далеко, почти на версту впереди, окруженный горами и лѣсомъ. Конечно, для казаковъ проскакать съ версту было бы дѣломъ минуты; но путь къ аулу пересѣкали двѣ рѣчки, Цаора и Ярки, заваленныя большими колодами, очевидно, служившими ему защитой до постройки укрѣпленія. И вотъ, какъ ни торопились казаки, — въ аулѣ они уже никого не нашли: жители разбѣжались и скотъ былъ угнанъ. Только небольшой черкесскій караулъ встрѣтилъ русскій отрядъ ружейнымъ огнемъ, но и тотъ скоро разсѣялся. Въ сакляхъ повсюду были доказательства недавняго присутствія жителей: на очагахъ горѣли еще огни, и оставалось на мѣстѣ все горское имущество. Власовъ, подоспѣвшій вслѣдъ за Табанцемъ съ главными силами, бросился между тѣмъ въ крайній отъ въѣзда дворъ, гдѣ, по словамъ лазутчиковъ, стояла пушка. Но тамъ нашли только лафетъ, совершенно готовый къ увозу, а самого орудія не было. Власовъ приказалъ искать, обѣщая награду тому, кто первый увидитъ его,—и орудіе было разыскано казакомъ Кобыляцкимъ, подъ толстымъ слоемъ дубоваго хвороста, наваленнаго, очевидно, недавно, возлѣ стѣнки какого-то сарая. Это была мѣдная шестифунтовая пушка съ изображеніемъ на ней луны.

Цѣль экспедиціи была достигнута, и вдаваться въ дремучіе лѣса для преслѣдованія жителей не было надобности. Казаки зажгли аулъ, и, когда огонь покончилъ свое разрушительное дѣло, Власовъ приказалъ отступать. Есть извѣстіе, что на обратномъ пути черкесы пытались отбить свое орудіе, но что эта попытка имъ стоила очень дорого. Захваченную пушку казаки привезли на Кубань, и она съ тѣхъ поръ хранилась въ войсковомъ арсеналѣ, какъ трофей, рѣдкій въ войнѣ съ кавказскими горцами.

Воротившись на линію, Власовъ дѣятельно занялся изученіемъ мѣстности, лежавшей по рѣчкамъ Азыпсу, Катель-Джукъ и другимъ, гдѣ, всего въ 20 верстахъ отъ Кубани, въ укрѣпленныхъ самою природою аулахъ и хуторахъ, жила часть шапсугскаго народа, совершавшая отважные набѣги, очевидно, въ расчетѣ на недоступность своихъ жилищъ. Посылаемые съ этою цѣлью пластуны не разъ пробирались своею неслышною поступью сквозь вражескія

цѣпи и приносили извѣстія о состояніи дорогъ, о расположеніи ауловъ, о числѣ въ нихъ жителей и даже о количествѣ на хуторахъ скота, хлѣба и сѣна.

Только заручившись всѣми нужными свѣдѣніями, Власовъ незамѣтно стянулъ въ лѣсную засѣку, на самый берегъ Кубани, значительный отрядъ—и, 15 декабря, ночью, тысяча конныхъ и тысяча пѣшихъ черноморцевъ, съ четырьмя орудіями, двинулись за своимъ отважнымъ предводителемъ громить и жечь шапсугскіе аулы. Впереди всѣхъ, съ авангардомъ, пошелъ полковникъ Табанецъ.

Путь, по которому двигался отрядъ, пролегалъ отъ самой Кубани по низменному, болотистому и лѣсистому пространству, заключавшему въ себѣ довольно большіе лиманы. Самый Азыпсъ протекаетъ въ густомъ лѣсу, и топкіе берега его представляютъ большія затрудненія для переправы. Въ то время какъ пѣхота еще могла кое-какъ перебираться по тонкому, ненадежному льду, для кавалеріи пришлось заваливать топкія мѣста фашинникомъ, а отъ переправы орудій и вовсе надо было отказаться, оставивъ ихъ на берегу съ небольшимъ прикрытіемъ. Тѣмъ не менѣе въ пять часовъ утра двухтысячный отрядъ черноморцевъ былъ уже въ заранѣе намѣченномъ пунктѣ. Отсюда Власовъ разослалъ казачьи отряды по всѣмъ направленіямъ, чтобы захватить сразу возможно большее число хуторовъ. Но хутора были разсѣяны въ лѣсахъ, верстъ на пятнадцать отъ рѣки Азыпса, и это обстоятельство, при замѣчательной сторожкости шапсуговъ, заставило даже Власова сомнѣваться въ успѣхѣ.

На Кавказѣ въ то время было общеизвѣстною истиной, что шагъ за Низовую Кубань былъ шагомъ въ непріятельскій лагерь, потому что поселенія шапсуговъ, на самомъ дѣлѣ, представляли собою обширный военный станъ, гдѣ шатры замѣнялись хижинами, и охрана домашняго расплоха производилась такъ бдительно, что днемъ—по первому дыму сигнальнаго костра, а ночью по первому выстрѣлу, — все было подъ ружьемъ, на конѣ и въ сборѣ. И на этотъ разъ шапсуги не проглядѣли непрошенныхъ гостей; но ихъ было слишкомъ мало, чтобы защищать хутора, и прискакавшіе ка-

заки ни въ одномъ изъ нихъ уже не застали жителей. Все скрылось въ сосѣднихъ лѣсахъ; но вѣковыя дебри смотрѣли такъ мрачно, такъ грозно, что никому не приходило желаніе углубиться въ нихъ, чтобы разыскивать бѣжавшія семьи. Торопились покончить съ тѣмъ, что уже было схвачено при первомъ налетѣ, — и вотъ, большой аулъ и тридцать прилегавшихъ къ нему хуторовъ запылали разомъ; все имущество, покинутое въ сакляхъ, проворно перемѣщалось въ походныя казацкія саквы или предавалось огню, скотъ захватывался.

Въ полдень Власовъ приказалъ начать отступленіе. А тѣмъ временемъ тревога распространялась по окрестностямъ, и со всѣхъ сторонъ ближніе и дальніе шапсуги скакали занимать въ тылу отряда узкія лѣсныя тѣснины. Власову уже пришлось проходить ихъ съ боемъ, и тяжесть его легла на пѣшихъ черноморцевъ, окружавшихъ отрядъ, какъ густою непроницаемой завѣсою, своими цѣпями. И только благодаря ихъ хладнокровному мужеству, ихъ упрямой стойкости, конница, сопровождавшая отбитый скотъ (болѣе тысячи головъ), могла благополучно выбраться изъ этого топкаго, мрачнаго пространства. Но едва отрядъ вышелъ на открытое мѣсто, разстилавшееся почти на версту по берегу Азыпса, какъ двѣ тысячи пѣшихъ шапсуговъ встрѣтили его учащеннымъ огнемъ изъ засады, а конница повела атаку, „даже съ остервененіемъ“, какъ выражается въ своемъ донесеніи Власовъ. Непріятель, очевидно, хотѣлъ воспользоваться тѣмъ, что при войскахъ не было орудій, оставшихся на другомъ берегу, далеко отъ мѣста битвы; но онъ ошибся въ расчетѣ, встрѣтивъ непреодолимую силу въ самихъ черноморцахъ. Пока казачья пѣхота мѣткимъ, хладнокровнымъ огнемъ сдерживала пѣшихъ шапсуговъ, казачья конница длинною лавой бросилась въ пики — и въ одно мгновеніе смятые шапсуги были загнаны въ лѣсъ. Одушевленіе черноморцевъ было такъ велико, что одинъ изъ нихъ, увлекшись преслѣдованіемъ, былъ убитъ ружейнымъ выстрѣломъ почти подъ опушкою лѣса. Три черкеса бросились было рубить его тѣло—и всѣ трое мгновенно пали мертвыми на трупъ казака.

Такъ, защищаясь шагъ за шагомъ, отрядъ подошелъ, наконецъ,

къ переправѣ. Здѣсь шапсуги въ послѣдній разъ попытались броситься въ шашки, но поражаемые теперь уже орудійнымъ огнемъ съ противоположнаго берега, скоро вынуждены были совершенно прекратить нападеніе. Отрядъ безъ боя перешелъ Азыпсъ и вернулся въ свою лѣсную засѣку, потерявъ въ экспедиціи 4-хъ офицеровъ и 27 казаковъ.

Походы Власова, на первое время, не принесли, однакоже, Черноморской линіи желательнаго успокоенія. Напротивъ, озлобленные черкесы, пользуясь зимою, открываютъ цѣлый рядъ нападеній; но, при общей бдительности и стойкости кордонныхъ постовъ, они нигдѣ не имѣли успѣха. Только разъ стряслась бѣда надъ однимъ казацкимъ отрядомъ, и бѣда большая, но и этотъ единственный случай былъ результатомъ крайне невыгодной для казаковъ обстановки.

Это было 3 января 1824 года. Полковникъ Табанецъ, одинъ изъ типичныхъ старыхъ сѣчевниковъ, которыхъ не много уже оставалось тогда въ Черноморскомъ войскѣ, стоялъ съ своимъ полкомъ за Кубанью, прикрывая рабочихъ, рубившихъ лѣсъ противъ одного изъ новопостроенныхъ на берегу селеній. Покончивъ работы въ одномъ участкѣ, онъ перешелъ на смежную лѣсную дачу, но едва сталъ разставлять тамъ цѣпь, какъ кто-то крикнулъ: черкесы! Дѣйствительно, 18 всадниковъ скакали въ виду русскаго отряда. Есаулъ Залѣсскій, памятный горцамъ со дня Калаусской битвы, пустился на нихъ съ 30 казаками. Горцы стали уходить, и казаки ввязались въ погоню. Табанецъ, видя, что удальцы его зарвались уже слишкомъ далеко, поспѣшилъ за ними съ цѣлымъ полкомъ. И было это во-время. Едва онъ соединился съ Залѣсскимъ, какъ тысяча двѣсти конныхъ черкесовъ, безъ выстрѣла и крика, ударили на казаковъ изъ скрывавшихъ ихъ камышей. Все это произошло такъ внезапно, что черноморцы, дрогнувшіе на первыхъ порахъ, уже не могли оправиться, были опрокинуты и горячо преслѣдуемы горцами.

Въ лѣсу уже видѣли катастрофу, и все, что тамъ было на работахъ, высыпало изъ опушки, разсчитывая удержать непрія-

теля. Но черкесы съ налета врѣзались въ пѣхоту, стоптали ее,— и тогда все обратилось въ бѣгство, ища спасенія въ засѣкѣ. 30 казаковъ были изрублены.

Неудача была очевидная. Но Ермоловъ на этотъ разъ не винилъ въ ней никого, сознавая, что первоначальный источникъ пораженія лежалъ не въ недостаткѣ храбрости, а скорѣе въ избыткѣ ея, и что подобные случаи въ войнѣ почти неизбѣжны. „Ошибка и запальчивость Табанца и Залѣсскаго—писалъ онъ въ Петербургъ:—достойны снисхожденія, какъ по отличной храбрости ихъ вообще, такъ и потому, что, участвуя въ дѣлѣ, они подвергали себя несомнѣнной опасности наравнѣ со всѣми казаками".

Въ общемъ результатѣ черкесы ничего не выигрывали отъ случайнаго пораженія одного полка, но во времена Власова и этотъ незначительный успѣхъ получилъ въ глазахъ ихъ размѣры значительные; въ горахъ ликовали, волновались мирные аулы, откочевывая къ горамъ, и Кацыревъ даже на правомъ флангѣ почелъ необходимымъ экспедицію за Кубань охладить это волненіе.

Власовъ также не хотѣлъ подарить черкесамъ минутнаго успѣха и немедленно отвѣтилъ на него новымъ вторженіемъ въ ихъ земли. Онъ быстро двинулся на рѣчку Тихеньку, гдѣ были раскинуты аулы горскихъ предводителей Джамбора, Цапъ-Дедека и Аслапъ-Мурзы, и, 5 февраля 1824 года, на разсвѣтѣ, казаки дружно ударили на жилища горцевъ. Въ минуту все запылало. Страшная суматоха поднялась въ испуганныхъ аулахъ, не ожидавшихъ нападенія; горцы метались во всѣ стороны, гибли въ огнѣ, тонули въ бушевавшихъ при аулахъ горныхъ потокахъ, или падали подъ оружіемъ русскихъ. Разоривъ жилища, Власовъ, безъ всякой потери, взялъ въ плѣнъ 140 человѣкъ и захватилъ до 2,000 головъ скота. На возвратномъ пути отряду пришлось, однако, выдержать жаркую схватку съ горцами, пытавшимися отбить своихъ плѣнныхъ. Двѣсти отчаянныхъ панцырниковъ врѣзались въ самые ряды черноморцевъ; но изъ этихъ смѣльчаковъ не одинъ де-

сятокъ палъ жертвою своей запальчивой храбрости, а человѣкъ 20, сбитые съ коней, захвачены живыми, и даже съ оружіемъ въ рукахъ.

Горцы нѣсколько притихли, и почти годъ Черноморская линія пользовалась сравнительнымъ спокойствіемъ. Но это затишье было передъ бурнымъ временемъ, которое вновь наступаетъ для Черноморіи въ 1825 году.

XXXVI.

Черноморье въ 1825—26 годахъ.

1825 годъ настолько же памятенъ Черноморіи, какъ и другимъ частямъ обширной Кавказской линіи, въ исторіи которой онъ записанъ кровавыми чертами. Это былъ годъ страстной и упорной борьбы кавказскихъ народовъ противъ окрѣпшаго русскаго владычества.

Тревоги этой поры въ Черноморіи стояли въ тѣсной связи съ событіями въ Кабардѣ и на правомъ флангѣ. Но сильныя черкесскія племена, жившія противъ черноморской казачины, волновались и боролись не подъ вліяніемъ племенъ верхнекубанскихъ и кабардинскихъ, а, напротивъ, сами служили вліяющимъ на тѣхъ элементомъ. Шапсуги и абадзехи посылали тогда свои партіи до далекой кабардинской равнины, и участвовали въ извѣстномъ разгромѣ станицы Солдатской. Понятно поэтому, что воинственная лихорадка, овладѣвшая черкесскими племенами, проявилась въ Черноморіи раньше, и окончилась гораздо позже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, такъ что, когда, къ началу 26-го года, въ Кабардѣ уже все было спокойно, здѣсь, на Нижней Кубани, борьба еще росла и разгоралась.

Началось съ того, что 23 января 1825 года, на Кубань, покрытую льдомъ, легендарный Казбичъ привелъ партію въ 2.500 человѣкъ шапсуговъ и абадзеховъ. Главныя силы его шли на Елизаветинское селеніе, правое крыло ударило на Александринъ постъ.

Сильный ружейный и пушечный огонь и отчаянная вылазка съ послѣдняго поста остановили непріятеля. Это разстроило Казбичу весь планъ нападенія, а горцы, опасаясь повторенія того, что уже случилось разъ въ этой же мѣстности, и съ тѣмъ же самымъ Казбичемъ, поспѣшно отошли за Кубань. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ произошли, однакоже, схватки и стоили черноморцамъ 3 офицеровъ и 15 казаковъ, выбывшими изъ строя.

Не прошло и недѣли, какъ Власовъ, въ отместку Казбичу, былъ уже за Кубанью и, 1-го февраля, громилъ абадзехскіе аулы. Но едва онъ вернулся назадъ, какъ неугомонные черкесы снова собрались въ значительныхъ силахъ, и Власовъ, разсчитавъ основательно, что черноморцамъ легче нападать, чѣмъ выжидать самимъ нападенія, вторично повелъ ихъ за Кубань — и, 16 февраля, появился въ землѣ шапсуговъ. Походъ этотъ былъ, однако, сопряженъ съ чрезвычайными трудами; отрядъ выдержалъ рядъ упорнѣйшихъ битвъ и, оставаясь побѣдителемъ, тѣмъ не менѣе потерялъ трехъ офицеровъ и около ста казаковъ.

Но болѣе ожесточенная борьба была еще впереди. Она началась въ сентябрѣ и совпала какъ разъ съ тѣмъ временемъ, когда въ Кабардѣ мятежъ горѣлъ полнымъ пламенемъ, а правому флангу угрожали черкесскія нашествія. Еще въ послѣднихъ дняхъ августа мѣсяца изъ горъ стали получаться вѣсти, что черкесы намѣрены разорить Ново-Екатерининскую станицу, только что выстроившуюся на берегу Кубани. Власовъ легко могъ оградить ее, сдвинувъ сюда нѣсколько конныхъ и пѣшихъ полковъ. Но онъ не хотѣлъ подпускать непріятеля даже близко къ новымъ селеніямъ, чтобы избавить еще непривычныхъ къ военнымъ тревогамъ жителей отъ первыхъ тяжкихъ впечатлѣній черкесскаго погрома, и рѣшилъ держаться разъ принятой имъ системы предупредительныхъ набѣговъ.

И вотъ, 5 сентября, казаки опять стали переправляться на лѣвый берегъ Кубани. Но тутъ они сразу наткнулись на сильную партію, которая, при видѣ ихъ, поскакала въ горы. Власовъ остановилъ переправу, зная, какъ онъ выражается, «что уже не получитъ иного успѣха, кромѣ большого сраженія», и возвратился назадъ.

Набѣгъ не удался; но слухъ о казацкомъ нашествіи былъ пу-

щенъ и заставилъ черкесовъ нѣсколько дней держаться въ сборѣ около своихъ ауловъ. Не распускалъ отряда и Власовъ, предвидя, что слѣдуетъ ждать новыхъ нападеній. И онъ не ошибся. Прошло лишь нѣсколько дней, и сильное скопище снова появилось на Кубани, угрожая станицѣ Марьевской. Власовъ разсчиталъ, что и на этотъ разъ выгоднѣе предупредить ударъ нападеніемъ на ихъ аулы, и, 19 сентября, ночью, часть пѣшихъ казаковъ, перейдя чрезъ рѣку, уже заложила цѣпь, чтобы не допустить черкесовъ помѣшать переправѣ. Но едва пластуны залегли въ скрытыхъ мѣстахъ, какъ партія конныхъ черкесовъ, дѣлавшая разъѣздъ по берегу, нечаянно врѣзалась въ самую середину расположенія нашихъ секретовъ. Осенняя ночь была такъ темна, что въ двухъ шагахъ ничего не было видно, и глазъ и обычная чуткость шапсуговъ имъ измѣнили. Внезапно и со всѣхъ сторонъ принятая въ перекрестный ружейный огонь, партія до того смѣшалась, что бросила своихъ лошадей и уже ползкомъ, по одиночкѣ, спасалась въ разныя стороны. На мѣстѣ катастрофы осталось шесть непріятельскихъ тѣлъ, много оружія и до сорока осѣдланныхъ коней. Послѣ этой встрѣчи, Власовъ опять долженъ былъ отложить свое намѣреніе, и вернулся назадъ. Вернулась назадъ и партія.

Но черкесы ушли, однако, какъ оказалось, только затѣмъ, чтобы направить ударъ съ другой стороны, и, сдѣлавъ быстрый переходъ, 25 сентября они появились въ первомъ участкѣ кордонной линіи. Но Власовъ и здѣсь стоялъ уже передъ ними, готовый броситься въ ихъ собственныя земли. Скопище отступило снова. Тогда Власовъ самъ перешелъ Кубань и, расположивъ отрядъ въ ближайшей засѣкѣ, ожидалъ только случая, чтобы жестоко наказать горцевъ за безпрерывныя тревоги, причиняемыя линіи.

Лагерная стоянка въ ненастную осеннюю пору, въ низменномъ прикубанскомъ лѣсу, конечно, была тяжела, но за то Власовъ теперь не имѣлъ уже передъ собою трудной переправы и могъ свободно направлять удары въ какую угодно сторону. Черкесы это скоро и почувствовали.

Въ половинѣ октября, когда шапсуги и абадзехи въ четвертый разъ стали собираться на вершинахъ рѣкъ Супса и Шебже, впа-

дающихъ въ Афипсъ, Власовъ быстро двинулъ отрядъ изъ своей засѣки и, черезъ владѣнія хомышейцевъ, бросился на ихъ аулы, раскинутые по рѣчкѣ Догай, впадающей въ Шебже, верстахъ въ 40 по прямому направленію отъ Екатеринодара.

На разсвѣтѣ, 16 октября, казаки стояли уже передъ лѣсистымъ Догайскимъ ущельемъ. Когда-то сильное укрѣпленіе, состоявшее изъ толстыхъ палисадовъ, запирало выходъ изъ него къ сторонѣ ауловъ; но теперь оно было брошено, и казаки поспѣшно его разломали. За этимъ укрѣпленіемъ возвышался небольшой пригорокъ съ пологимъ спускомъ къ рѣкѣ, а далѣе, верстахъ въ двухъ, стояли самые аулы; въ нихъ было все спокойно, и высланные впередъ пластуны слышали, какъ жители, при свѣтѣ луны, молотили хлѣбъ передъ своими домами.

Тотчасъ полковникъ Табанецъ съ пѣхотой и полковникъ Перекрестовъ съ конницей стали обходить аулы справа и слѣва, чтобы разомъ напасть на нихъ съ двухъ сторонъ. Власовъ остался въ центрѣ, у самаго укрѣпленія, прикрывая дороги отъ Супса и Шебже, гдѣ стояли скопища.

Казаки двигались тихо; но въ это самое время изъ ауловъ вышелъ небольшой караванъ, принадлежавшій закубанскимъ армянамъ, и сталъ подниматься на пригорокъ. При полномъ свѣтѣ луны одинъ изъ проводниковъ увидѣлъ конницу, уже спускавшуюся къ самой рѣчкѣ, и выстрѣлилъ. Въ аулахъ поднялась тревога. Караванъ немедленно былъ захваченъ, но Табанецъ и Перекрестовъ, бросившіеся въ аулы, застали ихъ уже готовыми къ оборонѣ. Только немногіе изъ жителей бѣжали въ окрестные лѣса; прочіе заперлись въ домахъ и открыли по казакамъ сильный ружейный огонь. Не прошло, быть можетъ, и получаса, какъ въ отрядѣ былъ убитъ офицеръ и ранено 29 казаковъ. Видя, что штурмъ поведетъ за собою потери еще большія, Власовъ приказалъ зажечь аулы съ четырехъ сторонъ — и пламя быстро охватило всѣ сакли. Къ 9 часамъ утра Табанецъ и Перекрестовъ отошли отъ ауловъ, въ которыхъ слышались вопли людей и ревъ скота, погибавшихъ въ пламени.

Поздно узнали на Супсѣ и Шебжѣ о грозномъ набѣгѣ Вла-

сова, и какъ ни торопились черкесы на выручку—они опоздали. Власовъ, сторожившій дороги, встрѣтилъ ихъ картечью и сдерживалъ напоръ, пока весь отрядъ не миновалъ разломаннаго укрѣпленія и не вышелъ на чистое поле, — а здѣсь непріятель вступить въ бой уже не отважился.

Въ этотъ набѣгъ истреблено было четыре большихъ аула, но изъ числа жителей въ плѣнъ взято 4 старика и 7 женщинъ; остальные, какъ доносилъ Власовъ, „погорѣли въ пламени".

Впечатлѣніе догайскаго погрома было такъ сильно въ горахъ, что даже неугомонные шапсуги нѣсколько поугомонились и почти два съ половиною мѣсяца не тревожили линіи. Между тѣмъ наступили рождественскіе праздники, а съ ними явилась у горцевъ надежда не распуститъ ли Власовъ отряда, не будутъ ли казаки оплошнѣе,—и партіи стали собираться снова.

26 декабря, одна изъ нихъ, человѣкъ въ 200 — 300, съ распущеннымъ значкомъ, среди бѣлаго дня, явилась на лѣвомъ берегу, противъ Ново-Екатерининскаго селенія. Ближайшій постъ, однако, тотчасъ же завязалъ перестрѣлку, а на выстрѣлы со всѣхъ окрестныхъ станицъ прискакали резервы. Непріятель скрылся.

Съ этого дня и до новаго года лазутчики по нѣскольку разъ въ сутки извѣщали, что вотъ-вотъ черкесы нагрянутъ на линію. Всѣмъ было извѣстно, что горцы, подъ начальствомъ шапсугскихъ дворянъ Беги и Хопача, стоятъ наготовѣ, но нельзя было предвидѣть, куда направятъ они свой ударъ: ихъ ждали и около Бжедугскаля, главнаго войскового города, и въ Тимошевскомъ куту, и на посту Великолагерномъ, и противъ станицъ Елизаветинской, Марьевской, Ново-Екатерининской и Ольгинской. Нехорошія были эти святки; Власовъ такъ и не выѣзжалъ съ кордоновъ, перекочевывая съ поста на постъ и поддерживая бодрость и бдительность кордонной стражи.

Наконецъ, пластуны, каждую ночь занимавшіе Каракубанскій островъ, дали знать Власову, что на томъ берегу видѣли конную партію человѣкъ въ полтораста, что горцы, замѣтивъ ихъ, открыли огонь, но когда прискакалъ резервъ со Славянскаго поста—скрылись.

Внезапное появленіе партіи въ такомъ удаленномъ мѣстѣ дало мысль, что горцы имѣютъ намѣреніе напасть на Ольгинское. Извѣ-

стія, приходившія 2 и 3 января, только подтвердили эти соображенія. Начальникъ 3-го кордоннаго участка, войсковой старшина Гаврюшъ, отправился на Кубанскій островъ самъ, чтобы ближе наблюдать за непріятелемъ, и какъ разъ наткнулся на три конныя партіи, рыскавшія по острову; четвертая—скрывалась подъ берегомъ. Съ Гаврюшемъ былъ только обычный разъѣздъ изъ нѣсколькихъ казаковъ, а потому онъ спрятался въ кусты и сталъ выжидать, что будетъ.

До полудня горцы разъѣзжали по острову, видимо разыскивая тѣхъ пластуновъ, которыхъ видѣли здѣсь наканунѣ, но, наконецъ, всѣ партіи стянулись вмѣстѣ и ушли за Кубань. Гаврюшъ остался на острову. Вечеромъ онъ увидѣлъ за рѣкою большіе бивуачные огни, раскинутые на большомъ протяженіи, и ясно говорившіе, что значительное скопище стоитъ тутъ, грозя рѣшительнымъ нападеніемъ.

Наступила ночь, и Власовъ сталъ сдвигать войска къ Славянскому посту. Часть ихъ расположилась въ окрестностяхъ Ольгинскаго, другая—около Ново-Екатерининской станицы. Ночь на 4 января прошла, однако, спокойно. Казаки, только что сдѣлавшіе быстрый ночной переходъ, успѣли немного отдохнуть. Но едва забрезжилась заря, какъ весь лѣвый берегъ Кубани, между постами Ольгинскимъ и Славянскимъ, покрылся многочисленною черкесскою конницей. Власовъ отдалъ приказаніе войскамъ „не шелохнуться" и дать непріятелю свободу перейти черезъ Кубань, а когда онъ удалится отъ берега,—разомъ зажечь всѣ маяки, ударить тревогу и всѣми силами съ тылу отрѣзать ему отступленіе. Три тысячи черкесовъ спустились, между тѣмъ, на ледъ, и, не видя на русской сторонѣ никакого движенія, раздѣлились на партіи, человѣкъ по 100, по 200 въ каждой, и стремительно бросились одновременно на всѣ дневные казачьи пикеты. Но плетневыя хаты были пусты и стояли съ раскрытыми настежъ дверями,—Власовъ заранѣе убралъ пикеты, чтобы не подвергать ихъ опасности. Черкесы зажгли постовыя строенія и стоявшее тутъ же кордонное сѣно. Вспыхнули громадные стога, далеко освѣщая мѣстность, — а на берегу ни звука, ни движенія. Горцы подозрительно смотрѣли на эту зловѣщую тишину; однакоже, пѣшія толпы ихъ все-таки двинулись на Ольгинское селеніе, расположенное на самомъ берегу Кубани.

Власовъ увидѣлъ, что непріятель дальше внутрь страны не пойдетъ и, конечно, ограничится только разгромомъ Ольгинскаго. Времени терять было невозможно. Гулко грянуло сигнальное орудіе, и еще не смолкъ отзвукъ выстрѣла, какъ пѣшіе полки разомъ выдвинулись и изъ Славянскаго поста, и изъ Тиховской батареи, и изъ Краснаго лѣса, и изъ самаго Ольгинскаго, а конница уже скакала къ Кубани и занимала переправу. Принятые орудійнымъ и ружейнымъ огнемъ со всѣхъ сторонъ, растерявшіеся горцы стремительно повернули назадъ и бросились къ Кубани. Пѣшіе казаки настигли ихъ на льду, пушки били ихъ съ берега, и непріятелю грозило полное истребленіе, если бы къ нему не подоспѣла другая патрія, тысячи въ двѣ человѣкъ, остававшаяся по ту сторону рѣки. Она быстро спѣшилась, разсыпала цѣпь по лѣвому берегу, и, подъ ея прикрытіемъ, горцы кое-какъ успѣли убраться во свояси.

Неудача и большія потери не охладили, однакоже, рвенія черкесовъ; они двинулись въ угрожающемъ положеніи вверхъ по Кубани, и вдругъ рванулись на Екатерининское селеніе. Но пока они переходили ледъ, Власовъ, зорко слѣдившій за каждымъ движеніемъ непріятеля, успѣлъ подойти сюда со всѣми казаками и принялъ ихъ картечью. И только тогда горцы рѣшились, наконецъ, прекратить нападенія и потянулись назадъ въ горы. „Я бы могъ преслѣдовать ихъ и за Кубань, — говоритъ Власовъ; — но зналъ, что это не обойдется безъ большой взаимной потери, совершенно безполезной,—и остановился“...

Непріятель, однакоже, видимо рѣшилъ во что бы то ни стало разгромить Черноморію, и партіи его не разошлись по домамъ, а стояли во всеоружіи между рѣками Иль и Убыномъ. Непрерывное ожиданіе непріятеля до крайности утомило черноморцевъ, и чтобы избавить ихъ отъ этого напряженнаго состоянія, Власовъ счелъ за лучшее самому атаковать непріятеля. Въ ночь съ 9 на 10 января 1826 года, войска перешли Кубань, а въ часъ пополуночи уже подходили къ тому мѣсту, гдѣ стояло скопище, огражденное ущельями горъ и густыми лѣсами. Непріятельскій караулъ замѣтилъ подходившій отрядъ, и по всей Заплійской мѣстности разнеслась тревога Загремѣли сигнальные ружейные выстрѣлы, а гдѣ-то въ

горахъ глухо бухнула даже пушка. Власовъ не пошелъ дальше и, выбравъ крѣпкую позицію, сталъ ожидать приближенія дня. На разсвѣтѣ, казаки ясно увидѣли большое скопище, занимавшее окрестныя высоты; а впереди, между горъ, на полянахъ, пересѣкаемыхъ частыми перелѣсками, виднѣлись аулы. Можно было опасаться, что непріятель, воспользовавшись удаленіемъ войскъ отъ Кубани, самъ бросится на линію; и вотъ, чтобы отвлечь его отъ этой мысли, Власовъ послалъ полковника Табанца съ частію пѣшихъ казаковъ сдѣлать фальшивое движеніе на аулы. Обманъ удался. Непріятель, дѣйствительно, сосредоточилъ въ ту сторону значительныя силы, и когда Табанецъ медленно сталъ отходить, горцы, въ жару преслѣдованія, почти на плечахъ его ударили на главный отрядъ—и бой завязался разомъ на всѣхъ пунктахъ нашей позиціи. Солнце уже склонилось къ закату, когда Власовъ приказалъ отступать. Войска, подъ натискомъ громадной толпы, отодвигались назадъ медленно, съ перестрѣлкою, поминутно останавливаясь и отражая нападенія. Уже наступили темныя зимнія сумерки, когда непріятель прекратилъ, наконецъ, преслѣдованіе, и казаки стали бивуакомъ на обширномъ полѣ, сплошь заставленномъ скирдами шапсугскаго сѣна.

Ночь прошла спокойно, и только на пикетахъ кое-гдѣ раздавались ружейные выстрѣлы; но утромъ, 11 числа, непріятель повелъ нападеніе всѣми силами, и бой разгорѣлся упорный, особенно на правомъ флангѣ, гдѣ не было артиллеріи; тамъ горцамъ удалось даже потѣснить стрѣлковъ. Конный полкъ Перекрестова блистательнымъ ударомъ въ пики высвободилъ цѣпь, но не съумѣлъ остановиться во-время, пронесся слишкомъ далеко, и былъ окруженъ черкесами... „Тутъ—говоритъ Власовъ:—завязалась жаркая сѣча и убійство съ обѣихъ сторонъ произведено жестокое“. Подавленные грозною массою конницы, казаки не выстояли и понеслись назадъ... Горцы настигали и рубили ихъ... 28 казачьихъ тѣлъ осталось въ рукахъ непріятеля, болѣе 20 казаковъ прискакали израненные шашками... По счастію, оправившаяся пѣхота остановила черкесовъ,—и дальнѣйшаго успѣха они не имѣли. Въ два часа пополудни непріятель самъ прекратилъ нападенія и сталъ

отступать. Поле сраженія осталось за нами. Власовъ приказалъ зажечь разомъ все шапсугское сѣно и, подъ прикрытіемъ разлившагося моря огня, отошелъ къ Кубани.

Потери, понесенныя казаками въ этомъ двухдневномъ бою, были бы ничтожны, если бы конница въ жару преслѣдованія не заскакала слишкомъ далеко. „Случай,—какъ выражается Власовъ:—непредвидѣнный и неизбѣжный въ подобныхъ военныхъ обстоятельствахъ".

„Ни въ одномъ дѣлѣ со мною, — доносилъ онъ Ермолову: — непріятель еще не дрался съ такимъ жаромъ и остервененіемъ, и вѣроятно потому, что Запльская мѣстность есть та самая, съ которой черкесы обыкновенно производятъ всѣ свои нападенія на линію".

Обезкураженные большою потерею, шапсуги вслѣдъ затѣмъ разошлись по домамъ; но абадзехи стояли на готовѣ.

Была на готовѣ и линія. Тяжелую службу несли черноморцы въ эти послѣдніе два-три самые суровые въ году зимніе мѣсяца. Еще постовымъ казакамъ было ничего—на посту, нѣтъ-нѣтъ, да и задымится, бывало, труба въ болѣе или менѣе гостепріимной хатѣ; но безпріютные вспомогательные отряды, вынужденные блуждать, какъ метеоры, по всему громадному пространству этой ломаной, излучистой линіи постовъ и пикетовъ, довольствовались одними скудными бивуачными огнями и проводили ночи и дни подъ открытымъ, задернутымъ тяжелыми тучами небомъ, сыпавшимъ на нихъ безъ устали то хлопьями снѣга, то мелкою изморозью... А отдохнуть, обогрѣться—нельзя. Лазутчики то и дѣло наѣзжали изъ-за Кубани съ грозными вѣстями, — и что ни лазутчикъ, то новая вѣсть, и этихъ вѣстей такъ много, что трудно въ нихъ разобраться и отличить услужливую истину отъ коварныхъ подвоховъ или пустой, праздной лжи. Линейная опытность предписывала считать вѣрнымъ лишь то, что добудутъ свои неутомимые, безтрепетные лазутчики-пластуны, но нельзя было пренебрегать и слухами, шедшими изъ-за Кубани. А по этимъ слухамъ приходилось ждать нападеній на верховые, болѣе удаленные отъ моря участки линіи. Пластуны тоже подтверждали, что абадзехи, подъ начальствомъ бѣглаго чирчинейскаго князя Евбока, стягивали партіи къ Корсунскому селенію. Въ ночь на 18 января, двинулся

туда и Власовъ. Казаки незамѣтно перешли Кубань и скрылись въ лѣсу, на самой дорогѣ, которую горцамъ миновать было нельзя. Абадзехи уже подходили къ этому лѣсу, и, конечно, поплатились бы жестоко за свою попытку, но мирные чирчипеевцы дали знать о засадѣ — и партія вдругъ повернула въ сторону. Быстро шелъ непріятель на лѣсную засѣку при Павловскомъ посту, гдѣ новые переселенцы съ небольшимъ прикрытіемъ рубили тогда лѣсъ. Власову нельзя было терять ни минуты. Усиленнымъ переходомъ онъ успѣлъ предупредить непріятеля; но абадзехи, и здѣсь предваренные мирными хомышеевцами, остановились во-время. Тогда Евбокъ, убѣдившись въ безполезности дальнѣйшихъ попытокъ, распустилъ свою партію.

Разошлись абадзехи, стали собираться шапсуги. 23 января пластуны дали знать на Славянскій постъ, что непріятель намѣренъ прорваться черезъ Каракубанскій островъ. Есаулъ Чепурный взялъ съ собою 12 конныхъ казаковъ и поѣхалъ осматривать каракубанскій берегъ; но тамъ онъ моментально былъ окруженъ сотнею пѣшихъ черкесовъ. Пришлось отчаянно и безнадежно прорубаться. Чепурный былъ раненъ, одинъ казакъ убитъ—и, вѣроятно, эта горсть сложила бы здѣсь свои казацкія головы, если бы не подоспѣла внезапная помощь. Изъ Ольгинскаго поста прискакалъ неутомимый, вездѣсущій Власовъ,—и Чепурный былъ выученъ.

Но тревожныя извѣстія не прекращались. Тогда на слѣдующій же день, 24 числа, Власовъ самъ перешелъ Кубань въ Тимошевскомъ кутѣ и сталъ впереди Елизаветинскаго селенія, въ лѣсахъ, по лѣвому берегу Афипса, укрѣпивъ свой лагерь засѣками и тремя батареями. Шапсуги этого никакъ не ожидали. Пушечный выстрѣлъ въ горахъ возвѣстилъ тревогу, и партіи, уже находившіяся въ сборѣ, быстро стянулись къ русскому лагерю. Теперь обѣ стороны стояли другъ противъ друга въ полной боевой готовности, но ни та, ни другая не начинали наступательныхъ дѣйствій. Казаки закрывали линію и угрожали ауламъ; шапсуги стерегли аулы и угрожали линіи. Такъ прошла недѣля. Въ самую полночь, съ 29 на 30 января, Власовъ тихо поднялъ отрядъ и отвелъ его обратно за Кубань, на отдыхъ. Въ лагерѣ осталась только горсть пласту-

новъ, которые днемъ поддерживали перестрѣлку, ночью раскладывали большіе огни и, вмѣсто часовыхъ, разставляли на вышкахъ чучелъ. Этимъ способомъ удалось продержать шапсуговъ еще два дня въ сборѣ противъ опустѣвшаго лагеря. Но наконецъ, и ихъ терпѣніе истощилось. Шапсуги стали разсуждать, что если Власовъ стоитъ на Афипсѣ, и большія силы закрываютъ 2-й участокъ, то, значитъ, въ остальныхъ частяхъ кордона охрана слаба, посты менѣе бдительны, и потому не мѣшало бы имъ заглянуть на Кубань. Предложеніе это было принято. И вотъ, 1 февраля, оставивъ на мѣстѣ своего становища большіе огни, чтобы ввести въ заблужденіе Власова, котораго они все еще считали стоявшимъ въ лагерѣ,—скопище двинулось на Марьевскую станицу.

Въ Марьевской, дѣйствительно, не ожидали нападенія; къ тому же былъ праздникъ, Срѣтеніе, и казаки собирались къ обѣднѣ. Скотъ, какъ и всегда, съ ранняго утра былъ выпущенъ на пастьбу въ степь. Горцы все это вывѣдали, и 200 всадниковъ перебрались на русскую сторону, четыреста—остались на томъ берегу, чтобы принять добычу и плѣнныхъ. Переправа сдѣлана была въ Марьевскомъ кутѣ, гдѣ стояла батарейка, которую горцамъ миновать было нельзя. Но они такъ были увѣрены въ успѣхѣ, что даже не обратили на нее никакого вниманія,—а между тѣмъ съ батарейки дали сигнальный пушечный выстрѣлъ и пустили по нимъ нѣсколько ядеръ. Въ станицѣ также ударили тревогу. Тамъ въ это время стояли 70 конныхъ казаковъ, съ войсковымъ полковникомъ Зиниченко, и пѣшій Черноморскій полкъ, съ полковникомъ Долинскимъ. Не зная причины тревоги, оба они быстро двинулись къ той батарейкѣ, откуда былъ поданъ сигналъ, — и на пути, въ глухомъ Марьевскомъ кутѣ, тамъ, гдѣ Кубань дѣлаетъ крутую излучину, Зиниченко первый наткнулся на непріятеля. 200 черкесовъ, скрытно пробиравшихся камышами къ селенію, не дали казакамъ опомниться и бросились въ шашки. Казаки подались назадъ; но тутъ подоспѣлъ Долинскій,—и горцы, увидѣвъ передъ собой значительныя силы, поскакали къ Кубани. На переправѣ ихъ захватило, однако, подоспѣвшее орудіе и проводило картечью.

Въ тотъ же самый день, и въ то же самое время, двѣ дру-

гія партіи пытались прорваться въ дистанціяхъ Ольгинскаго и Славянскаго постовъ—и такъ же безуспѣшно. Горцы должны были убѣдиться, что линію стерегли зорко и бдительно.

Оставалась, впрочемъ, надежда на четвертый, низовой участокъ, на который горцы давно не обращали вниманія, и, слѣдовательно, какъ они полагали, не обращалъ вниманія и Власовъ. На этомъ расчетѣ они и основали цѣлое большое предпріятіе.

3-го февраля, семь тысячъ всадниковъ, съ двумя полевыми орудіями, появились въ 3-мъ участкѣ, противъ Елизаветинскаго селенія. Здѣсь уже были не одни шапсуги и абадзехи, но были и натухайцы—народъ, считавшійся покорнымъ и мирнымъ. Истинная цѣль предпріятія хранилась въ такой глубокой тайнѣ, что Власовъ не могъ быть предупрежденъ ни однимъ изъ своихъ лазутчиковъ. „И только сіе одно—говоритъ онъ:—спасло толпу отъ пораженія, подобнаго Калаусскому, ибо, не знавши ни времени, ни мѣста переправы, я не могъ расположить свои войска такъ, чтобы пресѣчь ей всѣ пути къ возврату и потопить въ лиманахъ".

4-го февраля, когда Власовъ находился на Ольгинскомъ посту, прискакалъ къ нему казакъ съ извѣстіемъ отъ войскового старшины Гаврюша, стоявшаго съ пѣшимъ полкомъ въ 4-мъ участкѣ, у Тиховской батарейки, что непріятель въ значительныхъ силахъ прошелъ Каракубанскій островъ и двигается къ Петровскому посту. Неожиданное направленіе, взятое горцами, заставляло думать, что они намѣрены напасть на новое селеніе у Черной Протоки. Власовъ приказалъ Гаврюшу занять переправы по Каракубани и тотчасъ извѣстить объ этомъ сигнальнымъ выстрѣломъ изъ орудія; на помощь къ Гаврюшу двинулись главныя силы, а конный черноморскій полкъ, изъ Ольгинскаго, отряженъ былъ черезъ Копыльскій постъ, также на отрѣзъ непріятелю, въ томъ предположеніи, что горцы, услыша орудійный выстрѣлъ въ тылу, обратятся назадъ, къ переправѣ.

Но едва Власовъ вышелъ изъ Ольгинскаго, какъ прискакалъ казакъ ужъ изъ 3-го участка, съ новымъ, тревожнымъ извѣстіемъ, что другая партія, и также съ пушками, появилась противъ Ново-Екатерининской станицы и открыла по ней канонаду. Глухіе ра-

скаты пушечныхъ выстрѣловъ, дѣйствительно чуть слышно доносились оттуда по вѣтру. Власовъ призадумался. Но такъ какъ первая партія была гораздо сильнѣе, то онъ отправилъ къ Екатерининской только половину отряда, а съ остальной поспѣшилъ на островъ.

Тѣмъ временемъ шапсуги и натухайцы уже достигли почтовой тамапской дороги. Дневной пикетъ изъ четырехъ казаковъ, попавшійся имъ на пути, былъ изрубленъ; другой—изъ 12 человѣкъ, стоявшій между Петровскимъ и Черноиротоцкою батарейкою,—отбился. Горцы оставили противъ него только наблюдательный постъ, и пустились дальше, на новое селеніе.

Въ это самое время на Каракубанскомъ островѣ грянулъ сигнальный пушечный выстрѣлъ, а со стороны Копыльскаго поста заклубилась пыль — очевидно, скакала какая-то конница. Партія собразила грозившую ей опасность, и повернула назадъ, такъ быстро, что казаки, на усталыхъ лошадяхъ, не только не могли обскакать, но даже и настигнуть непріятеля; одни орудія проводили его гранатами и ядрами.

Наученные опытомъ, горцы не искали уже прежней переправы, а кинулись вправо, къ калаусскимъ лиманамъ. И какъ ни торопился Власовъ, но съ пѣшими полками опередить конницу было нельзя, — и онъ опоздалъ. Пришлось и здѣсь ограничиться лишь нѣсколькими картечными выстрѣлами въ догонку непріятеля.

Одною канонадою окончилось дѣло и подъ Екатерининскимъ селеніемъ; горцы увидѣли подходившее къ нему подкрѣпленіе, и отступили.

Но тревожная пора не миновала. Продолжались еще морозы, доходившіе до 20° и державшіе Кубань подъ крѣпкимъ, легко проходимымъ льдомъ. Нужно было ждать новыхъ и новыхъ нападеній. Опытъ научилъ, между тѣмъ, горцевъ, что самая система охраны линіи, принятая Власовымъ, и основанная на быстрыхъ передвиженіяхъ сильнаго резерва, не дастъ имъ развернуться въ русскихъ предѣлахъ по прежнему, на всей своей волѣ, и они стали искать средствъ, чтобы заставить Власова прежде всего раздробить свои силы. Первое, что могло представиться имъ въ этомъ смыслѣ, было прорваться на нѣсколькихъ пунктахъ сразу. И вотъ,

13 февраля они, дѣйствительно, собрались одновременно противъ селеній Марьевскаго, Ново-Екатерининскаго, Ольгинскаго и Черноротоцкаго. Власову дали объ этомъ знать. Положеніе его представляло не заурядныя трудности. Раздѣлить войска для защиты каждаго селенія, значило стать слабымъ на каждомъ пунктѣ, а потому онъ рѣшилъ опять подѣйствовать на горцевъ страхомъ разгрома ихъ собственныхъ жилищъ,—и 15-го февраля былъ уже далеко за Афипсомъ. Казаки наступали тремя колоннами: правая, подъ личнымъ начальствомъ Власова, шла изъ Екатерининскаго селенія, средняя, войскового старшины Чернаго, изъ Марьевской, а лѣвая, Стороженки, изъ Елизаветинскаго,—черезъ знакомыя мѣста бывшаго афипскаго лагеря. Внезапное вторженіе Власова произвело на горцевъ ошеломляющее дѣйствіе. Сами разсѣянные на большомъ протяженіи, они теперь уже не могли собраться вовремя, чтобы остановить истребленіе, и съ ужасомъ видѣли, какъ на огромномъ пространствѣ кругомъ горѣли ихъ хутора и зимовники, погибалъ скотъ, уничтожались запасы. Броситься при такихъ условіяхъ на линію было невозможно, такъ какъ войска, подвигаясь все дальше и дальше, уже приближались къ самымъ ауламъ, гдѣ находились ихъ семьи. Горцы вернулись. Тогда Власовъ отошелъ назадъ, и сталъ на Афипсѣ.

Прошло нѣсколько дней. Томительное выжидательное положеніе скоро наскучило горцамъ, и они предпринимаютъ новый быстрый набѣгъ, основывая его, на этотъ разъ, уже на самой системѣ Власовскихъ дѣйствій. 21 февраля, въ сумеркахъ, сильная конная партія прошла мимо афипскаго лагеря и потянулась внизъ по Кубани. Черкесы разсчитывали, что Власовъ, постоянно слѣдившій за каждымъ движеніемъ ихъ и всюду встрѣчавшій врага лицомъ къ лицу, устремится за ними на перерѣзъ и, такимъ образомъ, откроетъ Елизаветинское селеніе. Партія, поэтому, отошла недалеко и притаилась въ одномъ изъ попутныхъ лѣсовъ; тамъ она дождалась ночи, и скрытно, на быстрыхъ аллюрахъ, вернулась къ Тимошевскому куту. Но, къ ихъ изумленію, Власовъ стоялъ передъ ними въ самомъ Елизаветинскѣ. Тогда, озлобленные, они бросились внизъ по Кубани, въ 4-й участокъ, по

едва вступили на Каракубанскій островъ, какъ узнали, что Власовъ опять передъ ними—въ Петровскомъ...

Это была послѣдняя попытка, послѣднее усиліе прорваться внутрь Черноморіи. Несокрушимымъ оплотомъ вездѣ вставали передъ ними казацкіе полки, и горцы должны были понять, что имъ не разорвать желѣзныя, на диво спаянныя Власовымъ звенья кордонной цѣпи... 23 февраля партіи разошлись по домамъ.

Въ Петровскомъ Власовъ получилъ, между тѣмъ, подробныя свѣдѣнія о цѣломъ рядѣ разбоевъ и грабежей, производимыхъ въ русскихъ предѣлахъ сосѣднимъ натухайскимъ племенемъ. Нужно сказать, что натухайцы, принимавшіе такое дѣятельное участіе въ послѣднихъ набѣгахъ на Черноморскую линію, считались по бумагамъ, въ канцеляріяхъ, народомъ мирнымъ и совершенно покорнымъ Россіи. Въ дѣйствительности, прикрытые со стороны Кубани озерами и болотами, они пользовались этой номинальной покорностью только для того, чтобы тѣмъ съ большею дерзостью и съ расчетомъ на безнаказанность, тревожить русскія владѣнія. Враги скрытые и коварные, они были хуже открытыхъ противниковъ. И они не ограничивались тѣмъ, что высылали значительныя конныя партіи въ помощь шапсугамъ, а наводняли весь четвертый участокъ кордона мелкими хищничествами, чуть не ежедневно волновавшими приграничное населеніе. Такъ, въ одномъ февралѣ этого 1826 года, былъ совершенъ ими длинный рядъ нападеній. 10 числа, они угнали съ Курчанскихъ хуторовъ 9 быковъ; ночью, 12-го, у Новогригорьевскаго поста отбили косякъ лошадей; 14-го, сдѣлали попытку противъ Темрюка и только потому вернулись безъ добычи, что нашли войска наготовѣ встрѣтить ихъ. 15-го числа, 100 конныхъ натухайцевъ атаковали секретъ изъ трехъ казаковъ, одного ранили и другихъ, мужественно отстрѣливавшихся въ постовой казармѣ, оставили въ покоѣ только тогда, когда съ ближайшихъ постовъ прискакали резервы, а въ это время другая часть партіи угнала табунъ. Въ ту же ночь, пробравшись камышами, натухайцы угнали другой табунъ, у Петровскаго поста, и подоспѣвшіе казаки успѣли отбить обратно только 10 лошадей. 16 числа, около Бугазскаго лимана, они угнали

было третій табунъ, и если вынуждены были бросить его, то только потому, что наткнулись на разъѣздъ, тотчасъ поднявшій тревогу.

Выведенный изъ терпѣнія, Власовъ рѣшилъ, наконецъ, жестоко наказать натухайцевъ. Кстати войска были въ сборѣ — и вотъ, въ ночь съ 24 на 25-е февраля, сильный отрядъ, подъ личнымъ начальствомъ Власова, уже двигался къ натухайскимъ ауламъ. Въ самую полночь сдѣланъ былъ привалъ на рѣкѣ Псебепсѣ, и отрядъ раздѣлился: полковникъ Табанецъ двинулся вправо, полковникъ Стороженко влѣво, чтобы обхватить аулы сверху и снизу. На разсвѣтѣ, по данному сигналу, началось нападеніе. Часть жителей бросилась было бѣжать, но, повсюду встрѣчая казаковъ, частію была побита, а частію забрана въ плѣнъ; другіе, засѣвъ въ домахъ, защищались упорно и не хотѣли сдаваться. Тогда Власовъ приказалъ Стороженкѣ ворваться въ аулы, зажечь строенія и истребить все до основанія. Въ 10 часовъ утра бой уже былъ покончень. Сгорѣло четыре аула, со всѣмъ имуществомъ и запасами хлѣба, отогнано до 2.000 головъ скота и взято въ плѣнъ 46 человѣкъ; остальное населеніе погибло или въ огнѣ или отъ оружія.

На линіи Власовъ узналъ, что шапсуги, послѣ отраженія ихъ 23-го февраля отъ Каракубанскаго острова, возвращаясь домой, напали на мирный аулъ хамышейскаго владѣльца Заурбека, жившаго на самой границѣ Шапсугіи, истребили нѣсколько домовъ, взяли въ плѣнъ 4 мальчиковъ, отогнали часть скота, но что тѣмъ не менѣе хамышейскіе князья и дворяне защищались такъ храбро, что не допустили до полнаго разоренія ауловъ и, въ концѣ концовъ, прогнали шапсуговъ съ значительною для нихъ потерею.

Стоитъ упомянуть, что въ нападеніи этомъ принимали дѣятельное участіе и многіе натухайцы изъ тѣхъ самыхъ ауловъ, которые были разгромлены Власовымъ; нападая на хамышейцевъ, они не подозрѣвали, что въ это самое время ихъ собственныя жилища пылали въ огнѣ.

1-го марта наступила, наконецъ, давно жданная оттепель. Кубань вскрылась, и Черноморская линія могла вздохнуть свободнѣе.

XXXVII.

Послѣдніе дни Власова.

Походъ на натухайцевъ былъ послѣднимъ походомъ Власова въ Черноморіи и вызвалъ, какъ въ исторіи этого края, такъ и въ жизни самого Власова, крутой поворотъ. Нужно сказать, что въ то время, какъ Черноморія отдавалась въ распоряженіе Ермолова, коммиссія по развитію мирной политики съ черкесами, состоявшая подъ предсѣдательствомъ де-Скасси, продолжала существовать и только самими фактами была отодвинута на дальній планъ и лишена значенія. Послѣднее обстоятельство не мѣшало де-Скасси не обращать никакого вниманія на то, что жизнь, дѣйствительность, на каждомъ шагу опровергала его соображенія и уничтожала плоды его канцелярской работы. И вотъ, въ то самое время, когда черкесы безчинствовали на границахъ, и на кордонной линіи раздавались громы битвъ, онъ пытался хоть что нибудь спасти и выполнить изъ своихъ предположеній и тянулъ съ горцами безконечные переговоры о мирныхъ сношеніяхъ. Натухайцы ловко и пользовались именно политикой де-Скасси, чтобы слыть мирными и подъ покровомъ этого званія совершать свои разбои.

Случилось, что въ послѣдній походъ Власова на натухайцевъ были разорены аулы, принадлежавшіе именно одному изъ такихъ мирныхъ князей, Согатъ-Гирею-Калабатъ-Оглы. Тотъ подалъ жалобу, и де-Скасси, давно уже искавшій подобнаго случая, ухватился за него со всѣмъ упорствомъ и страстію самолюбиваго человѣка, потерпѣвшаго неудачу и не могшаго мириться съ торжествомъ политики, прямо противоположной его предположеніямъ. Помимо Ермолова, онъ написалъ въ Петербургъ, объясняя дѣйствія Власова желаніемъ доставить казакамъ возможность поживиться добычею, да и самому воспользоваться тѣмъ же. Въ этомъ видѣ дѣло дошло до государя, и въ Черноморію пріѣхалъ генералъ-адъютантъ Стрекаловъ, чтобы произвести слѣдствіе.

Дѣйствія Стрекалова не отличались особеннымъ безпристрастіемъ, и всѣ доказательства Власова, что натухайцы, прикрываясь званіемъ мирныхъ, укрывали у себя злѣйшихъ враговъ Россіи и сами участвовали въ набѣгахъ,—не послужили ни къ чему. Съ другой стороны, положеніе въ этомъ дѣлѣ самаго безпристрастнаго слѣдователя было бы въ высшей степени затруднительно. Власовъ не однихъ друзей имѣлъ въ Черноморіи. Войсковыя власти, не съумѣвшія, при одинаковыхъ съ нимъ средствахъ, оградить страну отъ вражескихъ погромовъ, ненавидѣли этого, чуждаго имъ, донского генерала, давшаго черноморскимъ знаменамъ такой грозный смыслъ въ глазахъ сосѣднихъ народовъ, завидовали ему и втихомолку желали его паденія. Въ то же время и въ низшихъ классахъ черноморскаго населенія не всѣ были, по крайней мѣрѣ въ тотъ моментъ, довольны Власовымъ. Конечно, время его было отрадною порою для Черноморіи: упавшіе было духомъ казаки ободрились, и черкесы перестали быть имъ страшными; но тяжесть военнаго положенія не могла не отзываться на внутреннемъ экономическомъ бытѣ страны. Постоянная служба строевыхъ и даже нестроевыхъ казаковъ, обусловленная крайними обстоятельствами, разоряла ихъ семейства, оставшіяся безъ рабочихъ рукъ, и многіе прямо роптали на Власова. Онъ старался, сколько могъ, помогать горю черноморцевъ; всю боевую добычу,—а въ ней попадались цѣнныя вещи, богатая домашняя утварь,

шелковыя одежды изъ турецкихъ матерій, дорогое оружіе, богатая конская сбруя, щегольскіе костюмы горцевъ, панцыри, превосходные скакуны, крупный рогатый скотъ и рабочіе быки,—онъ отдавалъ казакамъ на поправку хозяйства, для поддержанія осиротѣвшихъ семей. Но все это не могло загладить тяжести войны и успокоить недовольныхъ. Между тѣмъ, именно этими-то обстоятельствами и могли пользоваться враги Власова для его обвиненій: черноморскіе казаки могли казаться то закупленными добычею, то недовольными, и слѣдователю, недостаточно знакомому съ горцами и ихъ отношеніями къ Россіи, не легко было узнать истину, намѣренно притомъ для него затемняемую.

Въ такомъ именно положеніи былъ генералъ-адъютантъ Стрекаловъ. И нѣтъ, потому, ничего удивительнаго, что онъ обвинилъ Власова въ нарушеніи мирныхъ сношеній съ натухайцами, пополнилъ на счетъ его всѣ убытки разоренныхъ жителей, приказалъ отобрать у казаковъ захваченную добычу — и въ этомъ смыслѣ донесъ императору.

„Съ крайнимъ неудовольствіемъ усмотрѣлъ я, — писалъ государь къ Ермолову:—противозаконныя дѣйствія генерала Власова, превышающія еще степень первоначальныхъ обвиненій, дошедшихъ до меня. Ясно видно изъ донесеній генералъ-адъютанта Стрекалова, что не только одно лишь презрительное желаніе пріобрѣсть для себя и подчиненныхъ знаки военныхъ отличій легкими трудами при разореніи жилищъ несчастныхъ жертвъ, но непростительное тщеславіе и постыднѣйшіе виды корысти служили имъ основаніемъ“...

Власова повелѣно отрѣшить отъ командованія Черноморскимъ войскомъ и предать военному суду при войскѣ Донскомъ. Самому Ермолову поставлено было на видъ, что свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Власова дошли до государя прежде, чѣмъ до него, и потому Власовъ воспользовался наградой за то же самое дѣло, за которое теперь предается суду.

Враги Власова торжествовали. Ликовали и горцы.

Между тѣмъ, дальнѣйшее теченіе дѣлъ въ Черноморіи складывалось такъ, что обвиненіе Власова казалось правдоподобнымъ и

естественнымъ. Одновременно съ тѣмъ, какъ Ермоловымъ (12 іюня 1826 года), подъ давленіемъ изъ Петербурга, было предписано черноморскимъ казакамъ не переходить за Кубань и ограничиться исключительно бдительною охраною границъ, — и черкесы совершенно прекратили свои нападенія. Назначенный на мѣсто Власова и съ тѣми же правами, донской генералъ Сысоевъ нашелъ полное спокойствіе на Черноморской линіи. Началась персидская война, Черноморія была ослаблена посылкою отъ себя въ дѣйствующую армію двухъ конныхъ и одного пѣшаго полковъ, но и это не вызвало черкесовъ на враждебныя дѣйствія. Такою же мирною и спокойною принялъ Черноморію, по отъѣздѣ Сысоева на Донъ, въ концѣ 1827 года, новый атаманъ, полковникъ Безкровный, назначенный вмѣсто умершаго въ томъ же году Матвѣева. Казалось, въ личности Власова лежали всѣ причины военныхъ тревогъ на берегахъ Кубани.

Въ дѣйствительности дѣло объяснялось совершенно иначе. Еще въ исходѣ 1825 года, въ Анапу съѣзжалось человѣкъ до 400 черкесовъ, вызванныхъ новымъ пашею для объясненій по пограничнымъ дѣламъ съ Россіей. Черкесы стояли станомъ возлѣ крѣпости, и то и дѣло сходились на совѣщанія между собою. Результатомъ было то, что, вызванные къ отвѣту, они сами спрашивали пашу: должны ли они почитать себя подданными Турціи? И на утвердительный отвѣтъ, потребовали, чтобы султанъ вознаградилъ ихъ за всѣ убытки, которые они понесли съ тѣхъ поръ, какъ русскіе стали на Кубани. А эти убытки были не малые: черкесы показывали, что они потеряли за послѣднія 25 лѣтъ 25.225 человѣкъ, убитыми и плѣнными, 50 тысячъ лошадей, 60 тысячъ рогатаго скота и 100 тысячъ овецъ. Послѣ безполезныхъ переговоровъ, 11 человѣкъ изъ этихъ черкесовъ отправились моремъ къ трапезундскому пашѣ съ тою же просьбою, въ то время какъ остальные разъѣхались по домамъ. Изъ Трапезунда депутація ѣздила въ Константинополь къ султану; но султанъ ея не принялъ и отправилъ обратно въ Трапезундъ, поручивъ разобрать ихъ дѣло тамошнему пашѣ. Паша и нашелъ, что черкесы сами виноваты въ пограничныхъ недоразумѣніяхъ на Кубани. Такой исходъ

дѣла поразилъ впечатлительныхъ горцевъ. Не разсчитывая уже на помощь турокъ, недовольные анапскимъ пашею, они собрались на совѣщанія, и должны были почувствовать свое безсиліе передъ гнетущими ихъ обстоятельствами. Враждебныя отношенія къ русскимъ стали для нихъ тягостны. Абадзехскіе старшины первые заявили, что будутъ жить съ черноморцами мирно, если черноморцы перестанутъ ходить на ихъ сторону для враждебныхъ дѣйствій. Казакамъ, какъ сказано, и было воспрещено переходить на лѣвый берегъ Кубани, въ то время, какъ анапскій паша, съ своей стороны, воспретилъ горцамъ переходить на правый. Между тѣмъ Турція, встревоженная такимъ настроеніемъ умовъ въ Черкесіи, принимала всѣ мѣры къ дѣйствительному подчиненію себѣ горцевъ. Разосланные ею чиновники, заптіи и муллы ѣздили по всѣмъ горамъ, приводили народъ къ присягѣ султану, брали отъ него аманатовъ и собирали подать, которая шла на содержаніе анапскаго гарнизона. Тутъ оказалось, что большая часть черкесовъ не хотѣла признать надъ собою турецкаго владычества, и явно или тайно старалась отъ него уклониться. Шапсуги даже вовсе не пустили въ свои земли сборщиковъ податей, и когда тѣ хотѣли ворваться силой—произошла схватка: двое турецкихъ заптіевъ были убиты, а остальные выгнаны. На новыя требованія они отвѣчали, что скорѣе покорятся Россіи, чѣмъ будутъ данниками турокъ. Такимъ образомъ, шапсуги стали во враждебныя отношенія и къ Турціи.

Вотъ эти-то обстоятельства, совпавшія съ интригами де-Скасси противъ Власова, и были настоящею причиною временнаго спокойствія на Черноморской линіи. Горцамъ ничего не оставалось болѣе, какъ до выясненія своихъ дѣлъ сидѣть смирно, — и они сидѣли смирно до 1828 года, вплоть до турецкой войны, когда ихъ набѣги пріобрѣтаютъ снова поражающе кровавый характеръ.

Но эти дѣйствительныя обстоятельства не были ни достаточно извѣстны, ни понятны въ Россіи, не говоря уже о стараніяхъ извратить дѣйствительный смыслъ событій. Вотъ какъ изложены, напримѣръ, эти послѣднія въ одномъ изъ рапортовъ къ Паске-

вичу, въ апрѣлѣ 1827 года. Писалъ коллежскій асессоръ Кодинцъ, замѣнившій собою де-Скасси.

„Въ іюнѣ 1826 года для управленія Анапскою крѣпостью былъ присланъ трапезундскій паша Чеченъ-Оглы. Онъ принялся приводить всѣ горскіе народы къ присягѣ на подданство султана, что имѣло крайне невыгодное вліяніе на наши сближенія съ закубанцами. Въ настоящее время хотя они не оказываютъ никакихъ непріязненныхъ дѣйствій, но видимо отъ насъ удаляются, прилѣпляясь къ Турціи.

„Главнѣйшею и единственною причиною сей готовности горцевъ вступить въ турецкое подданство было командованіе кубанскою границею генерала Власова. Слѣдуя какой-то разрушительной системѣ, основанной быть можетъ на видахъ корыстолюбивыхъ, онъ, вскорѣ по вступленіи своемъ въ управленіе черноморскимъ войскомъ, первый нарушилъ спокойствіе, бывшее на границѣ, со времени заключенія мира съ закубанцами. Дѣйствія свои онъ началъ внезапными переправами черезъ Кубань въ земли черкесовъ, гдѣ онъ вырубалъ лѣса, жегъ поля и истреблялъ аулы. Сдѣланное имъ несправедливое нападеніе, въ мартѣ 1823 года, на аулы бжедуговъ и другихъ племенъ, преданныхъ Россіи, произвело величайшее смятеніе въ горахъ. Черкесы, воспламенившись местью, отплатили намъ сожженіемъ Круглолѣсска, случившимся въ маѣ того же 23 года, слѣдовательно въ скоромъ времени послѣ экспедиціи Власова, которому и должно приписать гибель сей многолюдной и богатой деревни“.

Такъ пишетъ Кодинцъ, умышленно забывая и всѣ предшествовавшія обстоятельства, вызвавшія самое назначеніе Власова, и даже калаусскую битву, совершившуюся въ русскихъ, а не въ черкесскихъ предѣлахъ.

„Со времени отчисленія Власова, — говорится далѣе въ томъ же рапортѣ: —граница наша пользуется ненарушимымъ спокойствіемъ, что служитъ неоспоримымъ доказательствомъ, что съ черкесами всегда можно легко жить въ мирѣ, подавая имъ примѣръ правосудія и вѣрности въ сохраненіи съ ними договоровъ“. Кодинцъ разсказываетъ при этомъ, что въ 1824 году, шапсуги,

болѣе другихъ склонные къ мщенію, приходили въ натухайское селеніе Пшадъ, чтобы расхитить имущество русскихъ промышленниковъ, основавшихъ тамъ торговыя заведенія, но были отражены вѣрными намъ жителями, въ особенности княземъ Индаръ-Оглы, который, защищая ихъ, подвергался вмѣстѣ съ своими сыновьями явной опасности.

„Миссія наша, занимающаяся мирными сношеніями съ черкесами,—пишетъ въ заключеніе Кодинцъ:—сдѣлала гораздо прежде турецкаго правительства самые счастливые успѣхи въ сближеніи съ нами сихъ полудикихъ людей. Русскіе промышленники въ продолженіе многихъ лѣтъ приставали безъ малѣйшей опасности къ разнымъ мѣстамъ на берегахъ Чернаго моря, и въ послѣдніе четыре года до 30-ти судовъ нашихъ находились въ портахъ ихъ, какъ бы въ отечественныхъ, безъ всякихъ способовъ къ защитѣ, производя мѣну съ жителями съ полною свободою.

„Къ сожалѣнію, безпрерывныя затрудненія, встрѣчаемыя миссіею со стороны командовавшихъ черноморскою границею, ихъ совершенно противный образъ дѣйствій и самое стараніе унизить власть и способы миссіи въ глазахъ черкесовъ, отнимаютъ у насъ возможность достигнуть цѣли съ ожидаемымъ успѣхомъ.

„Все это мы испытали во время командованія Власова: но и преемникъ его, генералъ Сысоевъ, къ истинному сожалѣнію, не болѣе намъ благопріятствуетъ, ибо не только мы, но и сами черкесы извѣстны о стараніяхъ его къ оправданію обвиненнаго во всемъ Власова. Многія дѣйствія его прямо клонятся къ тому, чтобы завладѣть правами нашей миссіи и присвоить себѣ вмѣсто насъ управленіе сношеніями съ черкесами“.

Таковъ этотъ любопытный документъ. Понятно, что когда такія воззрѣнія получили преобладаніе, Власовъ ничего не могъ ждать для себя хорошаго.

Съ грустью въ сердцѣ, оскорбленный, удалился тотъ, чье имя еще грозою носилось по горамъ, отъ мѣстъ своихъ подвиговъ на берега тихаго Дона, въ скромный родной уголокъ, и три года съ половиной провелъ тамъ въ ожиданіи рѣшенія суда. Судьба не рѣшилась быть, однако, несправедливою по отношенію къ нему до

конца. Сами событія на Кубани, опять полныя тревогъ и крови, должны были вновь убѣдить въ фантастичности мирныхъ проектовъ лицъ подобныхъ де-Скасси и Кодинцу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣйствія Власова должны были предстать въ иномъ свѣтѣ. Судъ далъ ему полнѣйшее оправданіе.

Императоръ Николай, съ его безупречною рыцарскою честью, поспѣшилъ загладить невольную несправедливость, оказанную доблестному воину, и тогда же торжественно выразилъ Власову свое довѣріе и милость, поручивъ ему управленіе войскомъ Донскимъ, на время отсутствія наказнаго атамана Кутейникова. Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ,—и Власовъ былъ вызванъ въ дѣйствующую армію походнымъ атаманомъ Донскихъ казачьихъ полковъ.

Въ этомъ званіи онъ совершилъ польскую войну 1831 г. и, 7 февраля, въ извѣстномъ сраженіи при Ваврѣ, лично водилъ своихъ казаковъ въ атаку на польскую конницу. Старикъ, уже покрытый сѣдинами, онъ съ юношескимъ пыломъ врубился въ середину польскихъ уланъ и былъ тяжко израненъ. Восемь сабельныхъ ранъ по лицу и по головѣ, раздробленная челюсть, и грудь, пробитая двумя ударами пикъ—служили неопровержимымъ доказательствомъ его участія въ рукопашной свалкѣ. Замертво вынесли Власова изъ боя. Но онъ лѣчился недолго, и въ апрѣлѣ мѣсяцѣ снова былъ на конѣ. Осыпанный милостями государя и произведенный въ генералъ-лейтенанты, онъ оставался въ Варшавѣ и послѣ войны походнымъ атаманомъ, пользуясь особымъ расположеніемъ фельдмаршала Паскевича, имѣвшаго случай ближе оцѣнить дѣятельность Власова, во время своихъ походовъ на шапсуговъ и абадзеховъ.

А между тѣмъ на Дону приготовлялись событія, долженствовавшія составить эпоху въ жизни донскаго казачества. Уже много лѣтъ особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ военнаго министра графа Чернышева, работалъ надъ составленіемъ войскового положенія, которое, подтверждая донцамъ неприкосновенность правъ и привилегій, пожалованныхъ имъ прежними вѣнценосцами Россіи, вмѣстѣ съ тѣмъ упрочивало бы дальнѣйшее благосостояніе Дона. До этихъ поръ войско не имѣло правильной организаціи, управ-

ляясь отчасти устарѣлымъ войсковымъ положеніемъ 1775 года, отчасти общими законами имперіи, а болѣе всего преданіями о древнихъ казачьихъ обычаяхъ.

Въ 1835 году новое положеніе было готово. Но, чтобы ввести его, требовался человѣкъ, который съумѣлъ бы устранить всѣ превратные толки, неизбѣжные при каждомъ нововведеніи, удержать порядокъ и истолковать казакамъ истинное значеніе и благо этого положенія.

Выборъ государя остановился на Власовѣ.

Вызванный въ Петербургъ, онъ принятъ былъ государемъ въ кабинетѣ и встрѣченъ слѣдующими милостивыми словами:

— Я боялся за тебя!—сказалъ ему государь.—Теперь снѣга, морозы, дорога тяжелая,—а твои раны еще тяжелѣе! Я хочу дать тебѣ новое назначеніе. Знаю, что ты любишь меня, а потому не откажешься отъ новыхъ трудовъ. Я назначаю тебя наказнымъ атаманомъ на Донъ, вмѣсто Кутейникова. Кутейниковъ старъ, удрученъ недугами и не въ силахъ поднять новое бремя при введеніи моего положенія".

„Послужи мнѣ еще, Михаилъ Григорьевичъ!—продолжалъ государь. Знаю, что ты страдаешь отъ ранъ; но эти раны такъ почетны, такъ славны, что жаль бы было запрятать ихъ въ какую-нибудь глушь. Пусть онѣ будутъ на виду всего Дона и служатъ для его молодежи примѣромъ, какъ служили отечеству старые его слуги. Пусть въ тебѣ будетъ живой примѣръ, что и такія раны не прекращаютъ дѣятельности въ подобныхъ тебѣ богатыряхъ".

Въ другой разъ государь сказалъ ему:

„Я прошу тебя обратить особое вниманіе на соблюденіе породы донскихъ лошадей. Казакъ и конь его — наши центавры. Конь—это душа казака. Я боюсь, что, пренебрегая этимъ важнымъ предметомъ, у меня—чего смотри—и казаковъ не будетъ! Позаботься же всячески сохранить породу донскихъ лошадей. Надобно заимствовать эту породу отъ горскихъ и отъ киргизскихъ. Съ одной стороны—горы, съ другой—степи. Это хорошее ручательство къ тому, чтобы казаки имѣли отличныхъ лошадей".

Другой вопросъ, заботившій государя, это—разнокалиберность казацкаго оружія. Но Власовъ отвѣчалъ, что у казаковъ, именно, не должно требовать строгаго единства въ вооруженіи уже потому, что въ большинствѣ случаевъ сынъ и внукъ служатъ съ отцовскимъ или съ дѣдовскимъ оружіемъ, что это даетъ казакамъ особый, только имъ свойственный характеръ, а отцовское ружье и дѣдовская сабля воспламеняютъ духъ молодежи къ подражанію имъ на полѣ брани.

Государь согласился.

Чернышевъ, съ своей стороны, принялъ Власова, какъ стараго сослуживца, товарища дѣлъ подъ Берлиномъ, Гильберштадтомъ, Касселемъ и Суассономъ. Въ разговорѣ онъ сказалъ ему между прочимъ: „Помни, Михаилъ Григорьевичъ, что государь прежде всего требуетъ отъ казаковъ—казачьяго духа; изгони съ Дона подъячество; на сценѣ донской должна быть пика, а не перо. Онъ всегда недоволенъ, когда ему докладываютъ какую-нибудь донскую бумагу: въ ней непремѣнно все пахнетъ крючкодѣйствомъ, подъяческими увертками. Государь то и дѣло говоритъ: „пропалъ Донъ, запишутъ его и замараютъ чернилами". Онъ недоволенъ даже, когда слышитъ, что среди казаковъ исчезаютъ патріархальные обычаи, и говоритъ, что это-то именно и погубитъ казачество".

Говорилъ Чернышевъ съ Власовымъ также и о донскихъ лошадяхъ.

— „Въ послѣдній турецкій походъ, — замѣтилъ онъ между прочимъ:—у казаковъ были уже не тѣ *землеѣды*, какихъ мы видѣли у нихъ въ отечественную войну".

Въ прощальной аудіенціи государь спросилъ Власова, хорошо ли онъ понялъ предстоящую ему задачу въ войскѣ, и на утвердительный отвѣтъ прибавилъ слѣдующія памятныя слова:

— „Озаботься дать казакамъ прежній воинственный духъ, который теперь вовсе утраченъ. Скажи архіерею, чтобы онъ внушалъ всѣмъ своимъ ораторамъ учить съ каѳедры тому, чѣмъ отличались встарину дѣды и отцы нынѣшнихъ казаковъ. Цѣлью — должно быть самоотверженіе на пользу престола и молодечество

казачье. Объ этомъ надобно внушать и всѣмъ учителямъ въ народныхъ училищахъ,—они первые проводники электричества народности. Старайся, чтобы всѣ управленія, всѣ власти и лица, владѣющія началомъ, обходились съ казаками въ духѣ древней простоты, съ уваженіемъ къ лѣтамъ. Надобно, чтобы патріархальность была главною чертою всѣхъ стремленій донского начальства".

Такъ, израненный 68-лѣтній воинъ, не разсчитывавшій уже ни на какія служебныя повышенія, сдѣлался начальникомъ воинственнаго края. Велики были труды и заслуги его на родномъ Дону и долго будетъ жить въ казацкомъ народѣ благодарная о немъ память.

Двѣнадцать лѣтъ атаманствовалъ Власовъ; ни силы, ни энергія не измѣняли доблестному старцу, закаленному въ бояхъ. Смерть постигла его неожиданно. Объѣзжая въ 48 году станицы, Власовъ былъ пораженъ сильнѣйшими припадками холеры, и въ полдень 21 іюня испустилъ послѣдній вздохъ въ станицѣ Усть-Медвѣдинской, на 82 году отъ рожденія. Послѣдними словами набожнаго старца была молитва: „Заутра услыши гласъ мой, царю мой и Боже мой".

Усть-Медвѣдинская станица, заброшенная въ глушь, за 400 верстъ отъ главнаго города донской земли, не имѣетъ никакихъ памятниковъ древностей; но въ оградѣ станичнаго храма путешественнику укажутъ могилу послѣдняго атамана-донца — Михаила Григорьевича Власова. Колонна чернаго гранита, увѣнчанная крестомъ, указываетъ мѣсто его успокоенія. „Но добрыя дѣла — говоритъ о немъ одинъ изъ его біографовъ: — сами себѣ творятъ несокрушимые памятники". И долго надъ могилою усопшаго слышалось панихидное пѣніе, то и дѣло навѣщавшихъ ее, старыхъ соратниковъ атамана.

На памятникѣ начертана эпитафія, служащая какъ бы отвѣтомъ на его послѣднее предсмертное слово.

Заутра услышитъ гласъ твой Господь,
Понеже молился Ему съ упованьемъ,
Понеже стремился къ Нему ты мечтаньемъ

И чувствами сердца, и сердца желаньемъ,
Воздастъ тебѣ Богъ на небѣ сторицею
За добрую душу твою,
За то, что дѣлилъ ты съ убогимъ, съ вдовицею
Послѣднюю лепту свою;
За то, что страдальцамъ ты былъ утѣшеньемъ,
Ихъ вѣрный помощникъ, защитникъ, отецъ,
И слѣдуя твердо стезею спасенья,
Стяжалъ ты нетлѣнный небесный вѣнецъ.

XXXVIII.

Закавказье при Ермоловѣ и Вельяминовѣ.

Генералъ Ртищевъ, непосредственный предмѣстникъ Ермолова, оставляя Закавказскій край и желая обрисовать въ общихъ чертахъ результаты своего управленія имъ, между прочимъ, писалъ императору Александру:

„Принявъ край здѣшній въ бѣдственномъ положеніи, обуреваемый внутренними возмущеніями, разлившимися по всѣмъ частямъ Грузіи, тѣснимый напоромъ многочисленныхъ войскъ двухъ сильныхъ державъ, Персіи и Турціи, разоряемый вторженіями въ Кахетію значительныхъ дагестанскихъ силъ для возстановленія въ Грузіи царемъ бѣглаго царевича Александра, — край, истребляемый смертоносною язвою и доведенный до послѣдней крайности чрезвычайнымъ голодомъ,—я оставляю теперь оный въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, наслаждающимся внутри совершеннымъ спокойствіемъ, изобиліемъ и ничѣмъ не нарушаемымъ благоденствіемъ, а извнѣ—безопасностью отъ сосѣдей“.

Такъ могло представляться дѣло маститому генералу, принявшему отъ маркиза Паулуччи сложное и запутанное положеніе дѣлъ въ краѣ и, несмотря на слабую политику, оставившаго его, благодаря дѣятельности нѣсколькихъ талантливыхъ личностей циціановской школы, въ сравнительно спокойномъ состояніи. Но дѣйствительность далеко не оправдывала оптимистическаго воззрѣнія Ртищева, и Ермоловъ, при первомъ же знакомствѣ съ дѣлами края, нѣсколько иначе взглянулъ на положеніе его.

„Съ полуденной стороны Кавказа — говоритъ онъ: — наиболѣе безпокойствъ дѣлали намъ дагестанскіе народы нападеніями на Кубу — и часто значительными силами. Кахетію разоряли многолюдныя толпы спускавшихся съ горъ лезгинъ, въ Карталинію впадали сосѣдніе съ ней осетины и тѣ же лезгины, которыхъ содержалъ у себя ахалцыхскій паша. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на персидской границѣ нерѣдко производились грабежи; — и причиною ихъ былъ не одинъ недостатокъ средствъ правительства держать въ повиновеніи кочующіе народы, но и алчность персидскихъ чиновниковъ, съ которыми разбойники дѣлились добычею. Со стороны Чернаго моря — Грузію безпокоили аджары и кабулеты; на Абхазію нападали убыхи“.

Этою характеристикою намѣчались главнѣйшія военныя задачи, естественно вытекавшія для Ермолова изъ самаго положенія дѣлъ. Весь Закавказскій край самъ по себѣ, не исключая татарскихъ ханствъ, въ противоположность воинственнымъ странамъ сѣвернаго склона Кавказа, былъ уже подъ сильною рукою Россіи, на пути мирнаго развитія, прерываемаго лишь временными и мѣстными волненіями, и дѣятельность тамъ Ермолова, какъ уже сказано въ общей характеристикѣ ея, должна была главнѣйшимъ образомъ заключаться въ мирномъ закрѣпленіи русскаго владычества. Но со всѣхъ сторонъ грозили Закавказью непримиримые враги, которые пользовались каждымъ удобнымъ моментомъ волновать его населеніе и всѣми способами вредить русскому владычеству. Ермолову, человѣку радикальныхъ мѣръ и неуклонной, неуступчивой политики, предстояло создать цѣлую систему охраны страны.

Такое совпаденіе мирныхъ и военныхъ цѣлей создавало въ управленіи краемъ особенныя трудности. Ермоловъ нуждался въ многостороннихъ помощникахъ, которые соединяли бы въ себѣ политическую мудрость съ военнымъ талантомъ, равно необходимыми въ странѣ, гдѣ мечъ безъ плуга и плугъ безъ меча были явленіями несообразными. Судьба благопріятствовала Ермолову и въ этомъ отношеніи; съ тактомъ замѣчательнаго человѣка, умѣющаго выбирать людей, онъ остановилъ свой взглядъ на человѣкѣ именно такомъ, какой ему былъ нуженъ, который сталъ его правою рукою и замѣчательнымъ дѣятелемъ, оставившимъ глубокіе слѣды въ жизни Закавказья. Это былъ генералъ-лейтенантъ Иванъ Алексѣевичъ Вельяминовъ, старшій изъ двухъ братьевъ, равно отличавшихся умомъ, образованіемъ и военными дарованіями.

Сначала Ермоловъ возлагалъ свои надежды на генерала Александра Петровича Кутузова, друга и сотоварища прежнихъ лѣтъ. Это былъ тотъ храбрый Кутузовъ, израненный въ бояхъ (онъ имѣлъ три раны: двѣ пулями, полученныя подъ Аустерлицемъ и Фридландомъ, и одну осколкомъ гранаты — подъ Люценомъ), который въ Бородинскомъ бою, съ своимъ Измайловскимъ полкомъ, выдержалъ бурный натискъ двухъ французскихъ кавалерійскихъ корпусовъ, Нансути и Латуръ-Мобура, и—одинъ ихъ всѣхъ штабъ-офицеровъ полка—вышелъ не раненымъ; впослѣдствіи онъ командовалъ гренадерской бригадой. Отправляясь на Кавказъ въ 1816 году, Ермоловъ, „знавшій его отличныя способности“, пригласилъ его съ собою въ Грузію начальникомъ 20-й пѣхотной дивизіи, и предполагалъ соединить въ его рукахъ и военное и гражданское управленіе всѣмъ Закавказьемъ. Но на возвратномъ пути изъ Персіи, между Тавризомъ и Нахичеванью, онъ получилъ извѣстіе объ утратѣ этого замѣчательнаго человѣка.

Извѣстіе это глубоко поразило Ермолова. „Подъѣзжая къ лагерю,—говоритъ онъ въ своемъ дневникѣ: — я увидѣлъ присланнаго изъ Грузіи офицера; доселѣ съ бумагами присылаемы были татары, и предчувствіе, что я долженъ узнать непріятное извѣстіе, меня не обмануло. Офицеръ привезъ донесеніе о смерти Ку-

тузова, которому въ отсутствіе мое я поручилъ начальствованіе Грузіею. Въ немъ я потерялъ вѣрнаго друга, наилучшаго помощника по службѣ, товарища, съ которымъ вмѣстѣ сдѣлалъ я всѣ послѣднія компаніи противъ французовъ. Я былъ въ отчаяніи, ибо хорошо зналъ, что Кутузова замѣнить не легко".

Дѣйствительно, не легко было замѣнить Кутузова. Но въ Вельяминовѣ Ермоловъ угадалъ человѣка, способнаго его замѣнить, и Вельяминовъ какъ нельзя болѣе оправдалъ возложенную на него надежду.

Боевую репутацію свою, начавшуюся подъ Аустерлицемъ, гдѣ онъ получилъ георгіевскій крестъ,—Вельяминовъ, правда, не имѣлъ возможности упрочить: Финляндская компанія не представила къ тому особенныхъ случаевъ; между тѣмъ, ни въ отечественной войнѣ, ни въ заграничныхъ походахъ ему не довелось принимать серьезнаго участія, такъ какъ на его долю выпали негромкія дѣла защиты Риги и осады Данцига, а послѣ взятія послѣдняго, командованіе корпусомъ, въ составѣ резервной арміи. Такимъ образомъ, предшествовавшая служба его не представляла собой какихъ-либо яркихъ, выдающихся фактовъ. Но въ самомъ характерѣ этого человѣка лежало нѣсколько такихъ крупныхъ чертъ, которыя невольно останавливали на немъ вниманіе современниковъ. Былъ ли онъ пажемъ императора Павла, командовалъ ли въ гвардіи батальономъ семеновцевъ, водилъ ли на бой со шведами своихъ кексгольмскихъ гренадеровъ, занимался ли мирнымъ обученіемъ полковъ резервнаго корпуса или 25-й дивизіи, которою командовалъ съ 15-го года,—всегда и вездѣ онъ оставлялъ по себѣ капитальную память, какъ человѣкъ съ неуклонной волей и основательнымъ умомъ, упорно стремившійся къ разъ намѣченной цѣли. Обширный умъ и твердая воля, конечно, не избавляли его отъ странностей и отъ недостатковъ; но и самые его недостатки были симпатичны и замѣчательны оригинальностью и силой. Такъ, онъ былъ извѣстенъ необузданной расточительностью, тамъ, гдѣ дѣло шло о его собственныхъ деньгахъ. Но тѣмъ поразительнѣе выдавалась его почти суровая скупость по отношенію къ деньгамъ казны.

Этому-то человѣку и выпало на долю стать лучшимъ помощникомъ Ермолова. 1 января 1818 года Вельяминовъ былъ назначенъ начальникомъ 20-й пѣхотной дивизіи и вмѣстѣ съ тѣмъ управляющимъ гражданскою частію въ Грузіи, и съ этихъ поръ, въ теченіе десяти лѣтъ Ермоловскаго времени на Кавказѣ, Вельяминовъ является однимъ изъ крупнѣйшихъ дѣятелей, истиннымъ выразителемъ идей Ермолова, его предначертаній и плановъ, такъ что, по выраженію одного современника, трудно было доискаться, гдѣ начиналась мысль одного и продолжалась другого.

Съ пріѣздомъ Вельяминова на Кавказъ и начинается рядъ крупныхъ предпріятій Ермолова, имѣвшихъ цѣлію оградить безопасность Закавказскаго края и поставить его, въ будущемъ, въ благопріятныя условія широкаго гражданскаго развитія.

Вѣрный своей системѣ, Ермоловъ и здѣсь, въ Закавказьѣ, видѣлъ необходимость создать оплотъ внѣшнихъ вторженій—изъ ряда пограничныхъ крѣпостей. Ими достигались, нужно сказать, и цѣли внутренняго спокойствія. Заграждая персамъ и туркамъ путь въ страну, онѣ тѣмъ самымъ устраняли и вліяніе этихъ постоянныхъ враговъ Россіи на жителей ея, на тѣ элементы, которые, по тѣмъ или другимъ побужденіямъ, желали внѣшнихъ вторженій и внутреннихъ смутъ.

И вотъ, для прикрытія и загражденія путей, ведущихъ къ Тифлису, по ходатайству Ермолова разрѣшено было оставить въ Грузіи, кромѣ Тифлисской, двѣ старыя крѣпости въ Баку и въ Дербентѣ, и кромѣ того построить еще семь новыхъ:

1) Въ Редутъ-Кале, на берегу Чернаго моря,—для прикрытія всѣхъ боевыхъ и жизненныхъ складовъ, идущихъ въ Грузію морскимъ путемъ; 2) въ Кутаисѣ, для удержанія спокойствія западной части Закавказья; 3) въ Старой Шемахѣ, для прикрытія Кубинской провинціи со стороны Дагестана; 4) въ Елизаветполѣ, для защиты мусульманскихъ провинцій отъ Персіи; 5) въ Карабагѣ,—при Асландузскомъ бродѣ, на Араксѣ; 6) въ Гумри,—на границѣ съ Турціей и 7) въ Гартискарѣ, на военно-грузинской дорогѣ для охраненія единственнаго сообщенія съ Россіей черезъ Кавказскія горы. Построить послѣднюю крѣпость было, по мнѣнію Ермолова,

особенно важно, на случай неудачъ, такъ какъ она оставляла русскимъ всегда свободный въ Грузію входъ, котораго отнять не будетъ уже никакой возможности. Это были главныя крѣпости; но кромѣ нихъ, меньшія, второразрядныя, могли, смотря по обстоятельствамъ, устраиваться и уничтожаться по усмотрѣнію самого главнокомандующаго.

Быть можетъ, еще плодотворнѣе была мысль Ермолова, съ послѣдовательностію проведенная Вельяминовымъ, объ учрежденіи такъ называемыхъ штабъ-квартиръ на мѣстахъ постоянныхъ. Это было нѣчто въ родѣ основанія для солдатъ полуосѣдлаго, полуказацкаго, быта, который только одинъ и могъ придать непреодолимую крѣпость русскимъ границамъ. Въ этомъ тревожномъ азіатскомъ уголкѣ, споконъ вѣковъ бывшемъ цѣлію нашествій, ежеминутно можно было ожидать набѣга и вторженія. Персидскій курдъ и турецкій разбойникъ, качагъ, не ждали объявленія войны и являлись при благопріятныхъ для нихъ обстоятельствахъ внезапною грозой, отъ которой населеніе имѣло единственное спасеніе — въ бѣгствѣ. Среди уже покоренныхъ татарскихъ племенъ, отличавшихся наѣздничествомъ, могли также найтись охотники совершить кровавое дѣло, и противъ нихъ также необходима была угрожающая сила. И вотъ, Ермолову пришла геніальная мысль поселить полки на постоянныхъ мѣстахъ, на пунктахъ, выборъ которыхъ оправдывался бы стратегическими соображеніями, а при нихъ — образовать роты женатыхъ солдатъ, которые вели бы, развивали и послѣдовательно улучшали полковое хозяйство, столь важное въ походномъ быту солдатъ. Невозможно исчислить всѣхъ благъ, принесенныхъ этимъ нововведеніемъ въ жизнь закавказскаго солдата. Выступая въ походъ, онъ оставлялъ за собою почти родной уголъ, подъ присмотромъ внимательнаго женскаго глаза и подъ крѣпкою защитою хорошо вооруженнаго товарища, такъ какъ женатыя роты обыкновенно въ походъ не ходили; кончился походъ,—и онъ возвращался опять въ тотъ же уголокъ, домой, гдѣ у него завязывались крѣпкія нравственныя связи. А въ то же время, на случай войны и всякой тревоги, во всемъ районѣ Закавказья, въ странѣ только что подчиненной, на безусловную вѣрность которой разсчи-

тывать было еще трудно; уже имѣлись готовые опорные пункты, охраняемые этими женатыми ротами, которые были постояннымъ гарнизономъ штабъ-квартиръ и защищали бы ихъ какъ родной домъ съ родною семьею.

Въ самомъ началѣ эти штабъ-квартиры были учреждены только въ Закавказскомъ округѣ, такъ какъ на линіи, въ Чечнѣ и въ Дагестанѣ—строить ихъ было бы еще преждевременно; но и тамъ онѣ возникли впослѣдствіи. Возведеніе штабъ-квартиръ началось съ гренадерской бригады, которая предназначалась собственно для внутренней охраны Грузіи, — положеніе, ставившее полки ея въ роль постояннаго резерва, выдвигавшагося только въ необходимыхъ случаяхъ. Такимъ образомъ, въ Карталиніи расположились полки: Херсонскій гренадерскій — въ старинномъ городѣ Гори; Эриванскій (тогда еще 7-й карабинерный) сперва въ Башкичетѣ, а потомъ въ Манглисѣ, какъ въ пунктѣ наиболѣе важномъ по отношенію къ турецкой границѣ, и 41-й егерскій въ Бѣломъ Ключѣ, — нынѣшней штабъ-квартирѣ Грузинскаго полка. Въ Кахетіи стояли: артиллерійская рота—въ Гамборахъ, Грузинскій гренадерскій полкъ—въ Мухровани, Нижегородскій драгунскій—въ Кара-Агачѣ и ширванцы—въ Царскихъ Колодцахъ. Въ послѣднемъ помѣщался, впрочемъ, только одинъ 3-й батальонъ полка; первые же два, какъ вышли съ Ермоловымъ строить Грозную въ 1818 году, такъ и не возвращались домой, находясь 12 лѣтъ въ безпрерывныхъ походахъ въ Чечнѣ и Дагестанѣ, въ Кабардѣ и Закубаньѣ, а впослѣдствіи, съ Паскевичемъ,—въ Персіи и Турціи. Затѣмъ къ сторонѣ Эривани—Тифлисскій полкъ занялъ селеніе Большой Караклисъ, имѣя женатую роту въ Гергерахъ, по ту сторону Бомбакскаго хребта, а артиллерійская рота—урочище Джелалъ-Оглы, на самомъ мѣстѣ переправы черезъ рѣчку Каменную; 42-й егерскій полкъ расположился въ Карабагѣ, близъ Шуши, въ селеніи Чинахчи; а полки Дагестанской бригады стали: Куринскій — около Дербента, и Апшеронскій близъ города Кубы въ урочищѣ Кусарахъ.

И нужно сказать, что всѣ эти штабъ-квартиры учреждались и строились самими солдатами; они и лѣсъ рубили, и возили его

съ ближайшихъ горъ, и камень ломали, и кирпичъ дѣлали; и известь приготовляли, и сами же были плотниками, каменщиками и малярами. Вмѣстѣ съ боевыми подвигами, кавказскій солдатъ былъ еще чернорабочимъ, и созиданіе громадныхъ построекъ и цѣлыхъ штабъ-квартиръ обходилось неимовѣрно дешево. Русскій человѣкъ, въ образѣ кавказскаго солдата, былъ мастеръ, поистинѣ, на всѣ руки.

Нечего и говорить о томъ, какое громадное нравственное значеніе имѣло за собою такое учрежденіе, какъ женатыя роты. Вотъ что записалъ объ этомъ одинъ изъ путешественниковъ, придерживаясь словъ одной старой солдатки.

„Пообстроились полковыя штабъ-квартиры,—говоритъ онъ: — пообзавелись солдатики разными необходимыми атрибутами осѣдлой жизни,—а все чего-то имъ недоставало. Скученъ и молчаливъ былъ народъ, и оживлялся только во время вражескихъ нашествій; мало того, госпитали и лазареты были переполнены больными... Думало, думало начальство — какъ бы пособить горю. Музыка на плацу по три раза въ день играла, качелей вездѣ понастроили,— нѣтъ, не беретъ! Ходятъ солдатики скучные, понасупились, ѣсть не ѣдятъ, пить не пьютъ, поисхудали страхъ какъ. На счастье, нашелся одинъ генералъ (Ермоловъ), большой знатокъ людей; онъ и разгадалъ, чего не достаетъ для солдатушекъ, и отписалъ по начальству, что при долговременной, молъ, службѣ на Кавказѣ, въ глуши, въ горахъ да лѣсахъ,—имъ необходимы жены. Начальство пособрало въ Россіи нѣсколько тысячъ вдовъ съ дѣтьми, да молодыхъ дѣвушекъ (между послѣдними всякія были) — и отправило ихъ моремъ изъ Астрахани на Кавказъ, а часть переслало и сухимъ путемъ на Ставрополь. Такъ знаете, какую встрѣчу дѣлали? Только что подошли къ берегу, гдѣ теперь Петровское, какъ артиллерія изъ пушекъ палить стала,—въ честь бабы, значитъ, а солдатики шапки подбрасывали, да „ура!“ кричали. А замужъ выходили по жеребью, кому какая достанется. Тутъ уже приказаніе начальства да Божья планида всѣмъ дѣломъ заправляли. А чтобы иная попалась другому, да не по сердцу — такъ нѣтъ, что ты! — Они, прости, Господи, на козахъ бы пережени-

лись, а тутъ милостивое начальство имъ настоящихъ женъ даетъ"...

Такъ создалась, благодаря Ермолову, семейная осѣдлая жизнь закавказскихъ полковъ, до значительной степени смягчавшая великое зло среди нихъ—тоску по родинѣ, тѣмъ болѣе сильную, что новый край для солдатъ былъ такъ отличенъ отъ ихъ родныхъ мѣстъ не одною природою, а и совершенно чуждымъ для нихъ населеніемъ.

Оградивъ военную безопасность страны, Ермоловъ долженъ былъ позаботиться и о внутреннемъ строѣ ея. Исторія наложила на всѣ ея учрежденія азіатскій характеръ безпорядочности и личнаго произвола, опредѣляемаго сословными основаніями. Среди христіанскаго населенія князья и дворяне, въ татарскихъ земляхъ и дистанціяхъ ханы, беки и агалары въ церковныхъ дѣлахъ — могущественные епископы изъ княжескихъ родовъ — замѣняли своею волею право и справедливость. Предмѣстники Ермолова, занятые болѣе внѣшними войнами, нежели вопросами внутренней политики, оставляли укоренившіеся обычаи общественной жизни безъ перемѣны. Но Ермолову довелось нарушить этотъ вѣковой порядокъ, при чемъ реформы въ татарскихъ дистанціяхъ и въ церковныхъ дѣлахъ не обошлись безъ волненій. Но въ коренной Грузіи урегулировать сословныя отношенія Ермолову удалось спокойно, хотя и не безъ нѣкотораго сопротивленія. „Здѣсь, — говоритъ онъ: — дворянство весьма многочисленно; князей же по крайней мѣрѣ столько, сколько графовъ въ Польшѣ, и также ни тѣ, ни другіе правъ своихъ на сіи преимущества доказывать не желаютъ"...

Ермоловъ настоялъ, однако на учрежденіи депутатскаго собранія и съ помощью его имѣлъ возможность положить начало образованію сплоченнаго и доказавшаго свои права дворянства, владѣющаго извѣстными сословными привилегіями, но уже и несущаго передъ правительствомъ извѣстныя обязанности. „Отдаляю я—говоритъ онъ въ своихъ запискахъ: — всякое преимущество князей надъ дворянами, а между самими князьями не поставлю никакого различія; чины и награды даются рѣдко, ибо даются достойнымъ; повиновенія требую безусловнаго".

Но среди этихъ полумирныхъ, полувоенныхъ заботъ, передъ Ермоловымъ вставали одно за другимъ явленія смутъ и волненій во ввѣренномъ ему краѣ, требовавшія всей его энергіи. Длинной перспективой расположились они въ длинномъ ряду лѣтъ, посвященныхъ имъ работѣ на благоденствіе новой русской страны, составивъ собою крупнѣйшіе факты исторіи Закавказья Ермоловской эпохи.

XXXIX.

Кахетія и Карталинія.

Съ тѣхъ поръ, какъ грузинскій народъ, утомленный тысячелѣтней мученической ролью въ исторіи Востока, былъ отданъ царемъ Иракліемъ подъ покровительство единовѣрнаго великаго царства, для Грузіи настала, наконецъ, возможность мирныхъ временъ. Но историческія судьбы народовъ не измѣняются сразу. Надъ полями Грузіи еще носились кровавыя тѣни Шахъ-Аббаса и Аги-Магометъ-Хана, еще не заросли быльемъ могильные холмы на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ гибли за родину доблестныя силы древняго царства. И, несмотря на грозную русскую силу, до самыхъ Ермоловскихъ временъ, на странѣ все еще отзывалась вѣковая старина нападеніями вѣковыхъ враговъ ея. Карталинія и Кахетія, составлявшія ядро древняго Грузинскаго царства, страдали всего болѣе отъ этихъ нападеній. Въ то время турецкія земли вдавались въ русское Закавказье, съ юго-западной его стороны, почти прямымъ угломъ, въ вершинѣ котораго лежали крѣпости Ахалцыхъ и Ахалкалаки; и безпокойныя турецкія пле-

мена разбойничали оттуда по русскимъ границамъ отъ Чернаго моря и до татарскихъ провинцій, — въ Гуріи, Мингреліи, Имеретіи и преимущественно въ Карталиніи. Съ сѣвера нападали на ту же Карталинію осетины. На сѣверо-востокѣ Кахетіи жили джаро-бѣлоканскіе лезгины, которые, соединяясь съ своими единоплеменниками Дагестана, время отъ времени воодушевлялись вѣковыми привычками разбойничьяго быта. Набѣги всѣхъ этихъ племенъ теперь были, конечно, лишь постепенно слабѣвшими отзвуками нѣкогда грозныхъ нашествій; но все же они нарушали мирное теченіе жизни и безпокоили христіанское населеніе края, терявшее мало по малу всѣ обычаи и вкусы воинственныхъ временъ.

Ермоловъ горячо взялся за дѣло, чтобы по возможности защитить населеніе отъ подобныхъ случайностей разбойничьихъ набѣговъ, и прежде всего онъ остановилъ свое вниманіе на турецкихъ границахъ. Нужно сказать, что гнѣздомъ разбоя служила турецкая крѣпость Ахалцыхъ, гдѣ поселились многія семьи лезгинъ, этихъ своевольныхъ необузданныхъ выходцевъ горъ, не хотѣвшихъ слушаться и ахалцыхскаго паши. Да и не очень настаивалъ на послушаніи паша, когда дѣло касалось нападенія на русскія границы. И грабежи и разбои достигли до того, что мелкія партіи турокъ и лезгинъ доходили до самыхъ окрестностей Тифлиса, и иногда пытались даже нападать и на войска.

Лѣтомъ 1818 года былъ, напр., такой случай, что хищники неожиданно бросились на лагерь Донского, маіора Балабина, полка и, пользуясь поднявшейся тамъ суматохой, отбили 9 казачьихъ лошадей.

Ермоловъ, какъ и вездѣ, потребовалъ здѣсь прежде всего болѣе внимательной пограничной службы, и приказъ его по поводу нападенія на лагерь Балабина чрезвычайно характеристиченъ именно въ этомъ смыслѣ.

„Одна дѣятельность и неусыпное стараніе начальствующаго донскими казаками генералъ-маіора Сысоева — объявлялъ онъ въ этомъ приказѣ: — могла удержать ихъ (казаковъ) въ нѣкоторомъ порядкѣ; но лишь отозвалъ я его изъ Грузіи къ другому назна-

ченію, какъ не узнаю казаковъ, и у самыхъ хищниковъ, извѣстныхъ трусостью, впали они въ неуваженіе и терпятъ отъ нихъ поносныя поруганія. Не было еще примѣра, чтобы когда-либо хищники сдѣлали нападеніе на лагерь, сколько бы мало людей въ немъ ни находилось. Не всегда можно преслѣдовать хищниковъ съ малымъ числомъ людей, но довольно нѣсколькимъ человѣкамъ показать намѣреніе защищаться, чтобы не смѣли они сдѣлать нападеніе. Маіора Балабина я потому не удостоиваю наказанія, что уже нѣтъ большаго, какъ быть пренебреженну хищниками, и мнѣ остается только остеречь его, чтобы и самого его когда-нибудь не утащили".

Борьбѣ съ хищниками мѣшали и здѣсь, какъ на Кубанской и Черноморской линіяхъ, европейски-щепетильное отношеніе къ неприкосновенности турецкихъ границъ и постоянная дипломатическая боязнь недоразумѣній съ Турціею. Ермоловъ положилъ конецъ этой непримѣнимой въ Азіи политикѣ, а отъ министерства иностранныхъ дѣлъ прямо потребовалъ вмѣшательства и представленій высшему турецкому правительству, чтобы оно наложило узду на пограничныхъ съ Россіею пашей. Вотъ что писалъ онъ между прочимъ, къ графу Нессельроде, министру иностранныхъ дѣлъ:

„Съ самаго моего прибытія въ здѣшній край, удерживаю я справедливое мщеніе жителей, и не долженъ скрыть, что далѣе удерживать его не въ состояніи, ибо безуспѣшны внушенія мои простому народу. Сколь много чести дѣлаетъ ему священное храненіе обязанностей дружбы, когда понятіе о чести сей свыше пониманія простого простолюдина, и когда скорбящее сердце его о потерѣ отца, жены или дѣтей, убитыхъ или увлеченныхъ въ плѣнъ, о разрушенномъ благосостояніи, о вырванномъ послѣднемъ кускѣ пищи, гораздо вразумительнѣе толкуютъ о необходимости мщенія! Грозить народу, что оскорбленіе Порты можетъ навлечь невыгодныя послѣдствія, непристойно, и здѣсь каждый весьма хорошо разумѣетъ, что, смиряя хищниковъ во времена царей грузинскихъ, не менѣе имѣютъ они для того средствъ, будучи подданными императора русскаго.

„Увѣряю, ваше сіятельство, что, не вызывая негодованія Порты, я самими жителями смирю сихъ гнусныхъ разбойниковъ, и что сіе гораздо легче сдѣлать, нежели во мнѣніи собственныхъ жителей допустить далѣе мысль о безсиліи нашемъ, или, паче, боязни. Въ прошедшемъ году, въ отсутствіе мое въ Персію, владѣлецъ Гуріи нападеніемъ на партію турокъ предупредилъ вторженіе ихъ въ наши границы, и они не произнесли слова жалобы. Здѣсь нельзя руководствоваться одними правилами, какъ въ Европѣ“.

Энергическая политика Ермолова, его настоятельныя требованія и угрозы не остались безслѣдны и значительно обезопасили русскія границы со стороны Турціи.

На сѣверѣ, внутри русскихъ владѣній, въ дѣлахъ съ осетинами, явились также неожиданныя усложненія. Дѣло въ томъ, что осетины пользовались особымъ покровительствомъ экзарха Грузіи, преосвященнаго Ѳеофилакта, съ замѣчательною энергіею проводившаго дѣло распространенія христіанства среди кавказскихъ горцевъ, и особенно между осетинами. Онъ учредилъ даже особую осетинскую духовную комиссію, продолжавшую существовать и дѣйствовать долго послѣ него, до самыхъ послѣднихъ временъ, когда учрежденіе это поступило въ вѣдѣніе общества возстановленія христіанства на Кавказѣ.

Осетины охотно принимали христіанскую вѣру, что, однако, не мѣшало имъ попрежнему предаваться грабежамъ въ сосѣдней Карталиніи, а всякая попытка наказать ихъ оружіемъ вызывала протесты экзарха, опасавшагося за судьбу христіанства между ними, и приводила къ непріятнымъ столкновеніямъ свѣтской и духовной власти. Новые христіане пользовались выгодами своего положенія для того, чтобы съ большею смѣлостью совершать свои набѣги, и въ концѣ концовъ заставили, въ 1821 году, предпринять противъ нихъ небольшую экспедицію. Окружной начальникъ въ г. Гори, маіоръ Титовъ, вошелъ въ землю осетинъ и подвергъ разоренію нѣкоторыя болѣе виновныя въ набѣгахъ селенія, отобравъ отъ нихъ и угнанный скотъ. Но не успѣлъ онъ возвратиться назадъ, какъ осетинское духовенство засыпало экзарха жалобами. Писали,

будто бы войска не только разоряли новыхъ христіанъ, но и предавались всевозможнымъ буйствамъ, насиловали женщинъ и не щадили никого, и что народъ прибѣгаетъ къ покровительству Ѳеофилакта, какъ ихъ духовнаго пастыря. Ѳеофилактъ обратился къ Вельяминову съ рѣзкими упреками.

Вельяминовъ отвѣчалъ, что „осетины, какъ до принятія христіанства, такъ и послѣ онаго, не перестаютъ дѣлать грабежи и набѣги. Ихъ усмирили оружіемъ. Но разореніе ихъ вовсе не такъ велико, какъ сообщаетъ осетинское духовенство. Изъ похищеннаго ими скота не возвращена и половина, такъ какъ они успѣли угнать его въ горы. Въ 15 селеніяхъ, пройденныхъ Титовымъ, сожжено всего 27 домовъ, и то единственно потому, что разбойники, засѣвши въ нихъ, стрѣляли по солдатамъ: мѣра необходимая, не только дозволенная военными законами, но, можно сказать, даже повелѣваемая. Въ насилованіи женщинъ въ ночное время можно усомниться, потому что команда въ 200 человѣкъ столь слаба, что болѣе должна заботиться о спасеніи себя, чѣмъ предаваться неистовствамъ насилія“. И, дѣйствительно, положеніе маіора Титова было очень опасно, такъ какъ осетины, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, стали окружать его отрядъ.

Строгость и неуступчивость Ермоловской политики и здѣсь оказали свое дѣйствіе: осетины стали осторожнѣе.

Нападенія со стороны Осетіи носили, впрочемъ, характеръ простыхъ внутреннихъ безпокойствъ, разбоевъ, противъ которыхъ нужны были почти только полицейскія мѣры. Но этого нельзя было сказать о буйствахъ лезгинъ, на сѣверовосточныхъ границахъ Кахетіи. Ихъ враждебныя дѣйствія, тревоги, вносимыя ими, были совершенно сходны съ тѣми, которыя составляли великое зло на Кавказской линіи.

Съ ранней весны, когда листва начинала одѣвать деревья, и вплоть до ноября, когда она опадала, лезгины рыскали по полямъ Кахетіи. Они проползали между постами, обходили деревни, гдѣ замѣчали осторожность, прятались по лѣсамъ и оттуда совершали свои варварскіе набѣги нерѣдко на отдаленныя отъ границъ по-

селенія. Услѣдить за этими мелкими шайками, просачивавшимися какъ вода черезъ плотину, не могли никакіе кордоны; шайки эти жили по нѣскольку дней внутри самой страны, скрывались въ кустарникахъ и котловинахъ, иногда взбирались на деревья и оттуда высматривали и выжидали добычу. А между тѣмъ, защита обширной Кахетинской провинціи лежала только на двухъ полкахъ, изъ которыхъ Нижегородскій драгунскій стоялъ въ Кара-Агачѣ, а Грузинскій гренадерскій занималъ Мухровань, — и лезгинскія шайки всегда могли найти пути не охраняемыме и селенія не защищенныя, гдѣ они отнимали скотъ, забирали имущество и плѣнныхъ. Преслѣдованіе ихъ почти всегда стоило жизни послѣднимъ, такъ какъ лезгины звѣрски перерѣзывали ихъ и бросали на дорогѣ, если не видѣли возможности увезти съ собою за Алазань.

До какой степени простирались ненависть къ русскимъ и дерзость лезгинъ, можно видѣть изъ слѣдующаго случая, оставившаго такое тяжелое впечатлѣніе, что онъ сохранился не только въ офиціальныхъ документахъ, но и долго жилъ въ разсказахъ старыхъ нижегородскихъ драгунъ. Въ 1818 году, 14 апрѣля, часовъ въ девять вечера, одинъ лезгинецъ, съ кинжаломъ на поясѣ, смѣло пробрался чрезъ цѣпь, стоявшую вокругъ селенія Кара-Агача, достигъ штабъ-квартиры и вбѣжалъ въ первый попавшійся на глаза домъ. Это была швальня одного эскадрона. Тамъ пять человѣкъ драгуновъ спали, и двое работали при свѣтѣ поставца. Прежде чѣмъ тѣ успѣли всмотрѣться въ пришедшаго, лезгинъ бросился на спящихъ и двумъ изъ нихъ нанесъ тяжелыя раны кинжаломъ. Работавшіе драгуны бросились на него съ голыми руками; онъ ранилъ ихъ обоихъ, и, наконецъ, уже былъ заколотъ остальными проснувшимися драгунами, успѣвшими схватить свои ружья. Всѣ четверо раненыхъ въ тотъ же день умерли. Что за причина привела лезгина на вѣрную смерть, — осталось неизвѣстнымъ.

Хроника кровавыхъ происшествій въ Кахетіи была велика. Не далѣе, какъ въ томъ же 1818 году, 3 іюля, шайка въ 500 конныхъ лезгинъ спустилась съ горъ на деревни Алматы и Сабуэ.

Мѣстные караулы изъ жителей стояли, однако, исправно на своихъ мѣстахъ, и лезгинамъ не посчастливилось. Принятые ружейнымъ огнемъ и оставивъ до 30 человѣкъ убитыми на мѣстѣ, они должны были уйти. Кахетинцы потеряли только 6 человѣкъ; но, къ общему сожалѣнію, въ числѣ ихъ были два храбрые князя Джарджидзевы,—одинъ изъ нихъ былъ убитъ наповалъ, другой тяжко израненъ.

Лезгины, конечно, не помирились съ такою неудачею, и 7 іюля набѣгъ повторился. Въ этотъ день на тѣ же деревни нагрянула тысячная партія и тотчасъ отрѣзала сабуйскихъ жителей отъ воды. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что на этотъ разъ лезгины уничтожили бы деревни, если бы не подоспѣла русская помощь. Съ одной стороны подошелъ грузинскій батальонъ, съ княземъ Алхазовымъ, съ другой—прискакалъ полковникъ Климовскій съ нижегородскими драгунами, — и лезгины быстро отступили, спасаясь, въ свою очередь, отъ грозившаго имъ уже неизбѣжнаго пораженія.

Двукратная неудача могла, конечно, только озлобить лезгинъ, и жителямъ Сабуэ нужно было ожидать новаго нападенія. Дѣйствительно, въ ночь на 3 января 1821 года, огромная шайка снова нагрянула на деревню. Въ деревнѣ на этотъ разъ была расположена команда грузинскихъ гренадеръ, подъ начальствомъ поручика Кошелева. Грузинцы смѣло встрѣтили непріятеля рукопашною схваткою, самъ Кошелевъ былъ раненъ кинжаломъ въ шею, но, несмотря на геройскую защиту гренадеръ, успѣвшихъ отстоять селеніе отъ конечной гибели, хищники все таки сожгли семь домовъ, 12 человѣкъ убили, пятерыхъ ранили и 23 грузинъ увели въ плѣнъ. Въ нападеніи участвовали лезгины изъ Нагорнаго Дагестана, въ числѣ 800 человѣкъ, по преимуществу дидойцы. Вельяминовъ, узнавъ объ этомъ, распорядился заключить аманатовъ ихъ въ крѣпость и заковать въ желѣзо. Дидойцы просили имъ пощады, обѣщая прекратить нападенія; и, дѣйствительно, въ теченіе года оставались спокойными.

Таково было обычное состояніе края. Но насталъ 1822 годъ— и обстоятельства измѣнились къ худшему. Въ горахъ носился

слухъ о разрывѣ Россіи съ Турціей, и общее волненіе разлилось по Кавказу. Возмутились вмѣстѣ съ другими и джарцы. Тогда начальникъ войскъ въ Кахетіи, генералъ-маіоръ князь Эристовъ, увидѣлъ необходимость репрессалій. Онъ собралъ отрядъ въ 3 тысячи человѣкъ—все, что только было въ Кахетіи, и, переправясь черезъ Алазань, 23 февраля 1822 года, прибылъ къ закатальскимъ хуторамъ Таначъ. Закатальцы вышли къ нему навстрѣчу съ изъявленіями покорности; но коноводы движенія и всѣ недовольные бѣжали въ селеніе Катехи и тамъ рѣшились защищаться, говоря, что они не нуждаются въ великодушіи и помилованіи русскихъ, и что въ ущельѣ ихъ никто показаться не осмѣлится. Примѣръ катеховъ могъ упасть искрой на порохъ и вызвать общій взрывъ, увлечь всѣхъ недовольныхъ и безпокойныхъ людей, какъ въ странѣ зааланскихъ лезгинъ, такъ и въ Дагестанѣ.

Эристову необходимо было наказать ихъ именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ они считали себя безопасными. Немедленно три батальона грузинскихъ гренадеръ, команды отъ полковъ Ширванскаго и 41 егерскаго, и дивизіона нижегородскихъ драгунъ двинулись къ Катехамъ. Ихъ встрѣтили ружейнымъ огнемъ изъ заваловъ, устроенныхъ впереди селенія. Эристовъ выдвинулъ впередъ пушки, и подъ ихъ прикрытіемъ первый батальонъ грузинскихъ гренадеръ, съ командиромъ полка, полковникомъ Ермоловымъ во главѣ, пошелъ на приступъ; рота, разсыпанная въ стрѣлки, охватила завалы съ фланговъ, три роты ударили съ фронта. Подполковникъ графъ Симоничъ тотчасъ же овладѣлъ завалами и, преслѣдуя непріятеля, на плечахъ его ворвался въ Катехи, заплативъ за эту побѣду и собственною кровію: онъ былъ раненъ въ лѣвую ногу.

Джарцы и катехцы смирились. Но не прочны были всегда ихъ обѣщанія мира, и противъ набѣговъ ихъ въ будущемъ, на линіи поддерживались еще съ большею тщательностью и старыя мѣры предосторожности, и примѣнялись новыя. По прежнему, батальонъ Грузинскаго полка, выходившій изъ Мухровани, располагался на квартирахъ, по деревнямъ, занимая всѣ важнѣйшіе пункты на Алазани, и служа постояннымъ резервомъ для обывательскихъ карауловъ; самые же караулы были усилены и передвинуты ближе

къ Катехамъ. Нужно сказать, что около этого селенія и понынѣ видны еще развалины старинной каменной стѣны, простиравшейся когда-то, по преданіямъ, отъ Сабуэ до самой Нухи, и цѣлые вѣка служившей оплотомъ Кахетіи противъ хищническихъ вторженій. Теперь вспомнили снова объ этомъ грандіозномъ, но отжившемъ свой вѣкъ сооруженіи, и, какъ въ старинные годы, подъ его защитой расположились грузинскіе караулы.

На нѣкоторое время на Алазанской линіи водворилось относительное спокойствіе. И въ то время, какъ на Сѣверномъ Кавказѣ раздавались безпрерывные громы войны, войска, расположенныя въ Кахетіи, пользовались отдыхомъ послѣ многолѣтней безпрерывной брани, изрѣдка принимая участіе лишь въ небольшихъ стычкахъ съ мелкими разбойничьими шайками.

Разбои, конечно, и не могли совершенно прекратиться въ этой безпокойной странѣ. Такъ, напримѣръ, въ томъ же 22 году, 25 мая, партія лезгинъ, человѣкъ въ 50, напала на 10 артиллерійскихъ солдатъ, ночевавшихъ на Алазани, у брода Урдо, и успѣла изрубить троихъ, въ то время какъ остальные снаслись бѣгствомъ, пользуясь темнотою ночи. Нѣсколько разъ небольшія шайки лезгинъ прокрадывались къ пограничнымъ грузинскимъ селеніямъ; но все это были обычные случаи, въ которыхъ жители сами умѣли справиться съ врагомъ и войскамъ не приходилось принимать серьезнаго участія.

Такъ дѣло шло до 1825 года, когда стали возникать, поведшія въ концѣ концовъ къ войнѣ, недоразумѣнія съ Персіей, и со стороны этой послѣдней стали употребляться возможныя средства къ тому, чтобы возмутить противъ Россіи магометанское населеніе Кавказа. При этихъ условіяхъ, одно незначительное обстоятельство повело уже къ серьезнымъ послѣдствіямъ. Дѣло было такъ:

10 іюня, ночью, лезгины напали на селеніе Гремы, лежавшее недалеко отъ Сабуэ, и ворвались въ два крайніе дома; девять грузинъ были тотчасъ убиты, трое дѣтей захвачены въ плѣнъ. На поднявшуюся тревогу, изъ Сабуэ быстро прибыла команда Гру-

зинскаго гренадерскаго полка, въ числѣ 60 человѣкъ, подъ командою поручика Серафимовича. Выбитые изъ деревни штыками, лезгины, которыхъ оказалась значительная партія, пробовали удержаться послѣдовательно въ трехъ завалахъ, заранѣе ими приготовленныхъ, но, каждый разъ вытѣсняемые, бросились, наконецъ, на высокую гору и засѣли тамъ въ четвертый, высокій и грозный завалъ, куда къ тому времени успѣли собраться еще нѣсколько ходившихъ порознь шаекъ, такъ что общее число лезгинъ возросло до четырехсотъ человѣкъ. Серафимовичъ двинулся было на приступъ; но лезгины съ отчаянною рѣшимостью предупредили его, и сами бросились на его отрядъ въ кинжалы и шашки.. 40 человѣкъ грузинской милиціи при первомъ же натискѣ бѣжали; гренадеры дрались отчаянно, но, въ концѣ концовъ, были смяты подавляющими силами и отступили съ урономъ.

Это обстоятельство послужило прологомъ къ упорной борьбѣ. Черезъ двѣ недѣли получены были извѣстія, что 6 тысячъ человѣкъ лезгинъ, преимущественно дидойцевъ, предпринимаютъ вторженіе въ Кахетію, чтобы напасть на Сабуэ и разсчитаться съ гренадерами за Гремы. Командиръ Грузинскаго полка, подполковникъ графъ Симоничъ, самъ прибылъ въ Сабуэ и, 23 іюня, съ батальономъ Грузинскаго полка, силою въ 400 штыковъ, занялъ высокую гору Кадоръ,—обычное мѣсто, гдѣ собирались хищники. Громадное скопище лезгинъ, дѣйствительно, стояло на сосѣднихъ горахъ, выжидая время и не рѣшаясь пока на нападеніе. Графъ Симоничъ съ своей стороны видѣлъ, что сбить ихъ съ занятой ими крѣпкой позиціи безъ большой потери также нельзя, а потому, въ ожиданіи болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, рѣшилъ спуститься на равнину, чтобы защищать Кахетію со стороны Алазани.

„Но едва батальонъ повернулъ назадъ,—пишетъ графъ Симоничъ въ своемъ донесеніи:—лезгины вообразили по своей глупости, что мы отступаемъ отъ страха, и, стремительно бросившись занимать Кадоръ, очутились на ровной и безлѣсной мѣстности“. Этимъ благопріятнымъ случаемъ Симоничъ не замедлилъ воспользоваться и приказалъ батальону ударить въ штыки. Шесть тысячъ

лезгинъ дрогнули передъ стремительнымъ натискомъ четырехъ отважныхъ гренадеръ,—и черезъ десять минутъ разбитое скопище уже бѣжало и скрылось за горнымъ переваломъ. Короткая рукопашная свалка стоила грузинцамъ десяти человѣкъ, — раненыхъ исключительно кинжалами и шашками.

„Не могу не засвидѣтельствовать, — доносилъ графъ Симоничъ:—что гг. офицеры 2-го батальона—всѣ молодые, въ первый разъ видѣвшіе непріятеля, дѣйствовали съ отличною распорядительностью; солдаты же не измѣнили репутаціи, давно пріобрѣтенной Грузинскимъ гренадерскимъ полкомъ".

Несмотря на эту неудачу, лезгины въ третій разъ попытались ворваться въ Кахетію черезъ селеніе Напараулъ; но жители, бывшіе настороже, однако отразили нападеніе, и самъ предводитель партіи, знаменитый въ горахъ белатъ Магмудъ, былъ убитъ. Горцы оставили на мѣстѣ больше 20 тѣлъ, и, преслѣдуемые 20 гренадерами, подоспѣвшими изъ сосѣдней деревни, бѣжали въ горы съ такою поспѣшностью, что графъ Симоничъ, въ тотъ же день, 3 іюля, занявшій Кадоры, уже не засталъ тамъ непріятеля.

Осенью 1825 года, съ возникновеніемъ чеченскаго мятежа и бунта въ Кабардѣ, усилились и волненія на Кахетинской линіи. Но отношенія Закавказья къ сосѣдямъ, Персіи и Турціи, становились до того натянутыми, что благоразуміе предписывало не вызывать новыхъ волненій въ Дагестанѣ, и Вельяминовъ писалъ къ князю Эристову:

„По теперешнимъ обстоятельствамъ ничего другого не остается дѣлать, какъ терпѣливо сносить дерзости джарцевъ и насколько возможно избѣгать дѣлать такія требованія, въ которыхъ можно встрѣтить отъ нихъ отказъ. Вы не настолько сильны въ Кахетіи, чтобы могли предпринять что-либо рѣшительное, а я не въ правѣ предписать вамъ пойти съ ничтожнымъ отрядомъ противъ неповинующихся лезгинъ. Неповиновеніе ихъ есть непремѣнное слѣдствіе тайныхъ подстрекательствъ персидскаго правительства, переговоры съ которымъ о границахъ еще не имѣютъ желаемаго успѣха".

Такимъ образомъ, приходилось пока ограничиваться на Алазани только оборонительными дѣйствіями. Лезгины поняли это, и дерзость ихъ возростала. Дѣло дошло до того, что, 2 декабря, катехцы среди бѣлаго дня кинулись на грузинскія стада, пасшіяся на лѣвомъ берегу Алазани, противъ Александровскаго редута, и угнали ихъ съ собою.

„Они видимо — говоритъ Эристовъ: — мало по малу испытываютъ, какое дѣйствіе будутъ имѣть начальныя шалости, дабы послѣ, при бездѣйствіи съ нашей стороны, начать болѣе крупныя военныя предпріятія“.

Соглашаясь съ Вельяминовымъ, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ нельзя было дѣйствовать противъ лезгинъ вооруженною рукою, Эристовъ, однакоже, считалъ необходимымъ показать имъ, по крайней мѣрѣ, видъ, что онъ намѣренъ двинуться за Алазань, и что въ его распоряженіи довольно силъ для обузданія горцевъ. Въ противномъ случаѣ онъ не ручался, чтобы лезгины, поощряемые безнаказанностью, не рѣшились напасть даже и на войска.

„Если принять мѣры только оборонительныя и удалить скотъ принадлежащій жителямъ Кахетіи, отъ береговъ Алазани, — писалъ онъ Вельяминову: — то грузины, по недостатку пастбищъ, вовсе лишатся скота, а если его оставить на Алазани, то навѣрное можно сказать, что онъ будетъ угнанъ лезгинами“.

И Эристовъ энергически объявилъ старшинамъ джарцевъ и бѣлокаменцевъ, что если скотъ, отогнанный катехцами, не будетъ возвращенъ и виновные наказаны,—то вся вина падетъ исключительно на нихъ, какъ на народъ сильнѣйшій, и они отвѣтятъ за катехцевъ всѣмъ своимъ достояніемъ.

Твердость и угроза возымѣли дѣйствіе: скотъ былъ возвращенъ, и даже выданъ одинъ изъ важнѣйшихъ лезгинскихъ разбойниковъ.

Но злоба лезгинъ на селеніе Сабуэ, стоившее имъ столько неудачъ и жертвъ, не прошла, и, въ концѣ концовъ, они нашли-таки удобный моментъ для мести. Это случилось въ суровую зиму,

когда никому не приходила въ голову мысль, чтобы какая-нибудь шайка лезгинъ осмѣлилась спуститься съ горъ, заваленныхъ громадами снѣга, а потому въ Кахетіи мѣры осторожности повсюду были ослаблены, караулы спущены, и войска стояли уже не съ тою обычною чуткостью, какъ это было лѣтомъ или въ темныя осеннія ночи. Между тѣмъ, партія человѣкъ въ 600, собравшаяся въ Дидо, подъ предводительствомъ одного изъ бывалыхъ вожаковъ, очевидно, хорошо знавшаго мѣстность и грузинскій языкъ, спустилась съ горъ Дагестана, и въ полночь, 18 декабря, пользуясь тѣмъ, что обывательскіе караулы были сняты, безъ выстрѣловъ и обычнаго крика ворвалась въ селеніе. Молча бросились лезгины въ дома съ одними кинжалами — и началась безпощадная рѣзня сонныхъ жителей... Изъ нѣсколькихъ сакель послышались, однакоже, выстрѣлы. Въ деревнѣ стояла тогда рота Грузинскаго полка, подъ командою штабсъ-капитана Горба. Но она оставалась въ казармахъ, вмѣсто того чтобы спасать гибнувшее селеніе, и лишь тогда, когда на тревогу подоспѣла другая рота, изъ деревни Шильде, Горбъ рѣшился идти за непріятелемъ. Но преслѣдовать было поздно,—лезгины скрылись уже за горнымъ ущельемъ. А между тѣмъ, если бы рота, по первымъ же выстрѣламъ, не ожидая помощи, заняла это ущелье, то партія могла бы быть совершенно истреблена, такъ какъ всѣ другіе горные проходы въ то время были, какъ сказано, завалены снѣгомъ, и путь лезгинамъ былъ бы окончательно отрѣзанъ. Виноватъ былъ въ этомъ дѣлѣ также и телавскій окружной начальникъ, маіоръ Степановъ, позволившій для облегченія жителей не выставлять обычныхъ карауловъ.

Въ Сабуэ разрушено было 12 домовъ, убито 17 грузинъ, трое ранены и 38 человѣкъ взяты въ плѣнъ.

Не лишнее сказать, что въ 1825 году случилось одно обстоятельство, значительно смягчившее борьбу на Алазани. Дѣло въ томъ что джарцы поссорились съ султаномъ елисуйсскимъ, владѣнія котораго лежали между Нухой и Закаталами, и вынуждены были направить противъ него всѣ свои наличныя силы. Завязалась борьба, и, въ концѣ концовъ, силою самихъ обстоятельствъ обѣ

стороны вынуждены были обратиться къ посредничеству русской власти.

Но всѣ эти мелкія обстоятельства борьбы на Алазанской линіи скоро должны были поблѣднѣть передъ крупными событіями наступавшей русско-персидской войны.

XL.

Татарскія дистанціи.

По границамъ христіанскихъ странъ Грузіи, прилегавшимъ къ южнымъ татарскимъ ханствамъ, съ давнихъ поръ шелъ рядъ татарскихъ поселеній, оставленныхъ тамъ разными завоевателями. Эти поселенія и были то, что носило на офиціальномъ русскомъ языкѣ названіе „татарскихъ дистанцій“.

Когда, съ присоединеніемъ Грузіи, подъ вѣдѣніе кавказскихъ главнокомандующихъ поступили и татарскія дистанціи, русское правительство приняло по отношенію къ нимъ лишь одну существенную мѣру, назначивъ для наблюденія за ними русскихъ приставовъ, и предоставивъ имъ во всемъ остальномъ вѣдаться по своимъ вѣковымъ установленіямъ и обычаямъ, подъ властію привилегированнаго сословія агаларовъ, которые вели свои родословныя отъ древнихъ ханскихъ родовъ.

Этотъ порядокъ дѣлъ былъ неблагопріятенъ для укрѣпленія въ дистанціяхъ русской власти и русскаго обаянія, потому что агалары втайнѣ всегда тянулись болѣе къ Персіи, чѣмъ къ Россіи. Къ тому же Ермоловъ засталъ оба основныя учрежденія страны, какъ русскихъ приставовъ, такъ и мѣстныхъ агаларовъ, отклонив-

шимися отъ своего назначенія и дѣйствующими неправильно. Онъ поднялъ о нихъ вопросы и придалъ татарскимъ дистанціямъ совершенно иной характеръ управленія.

Главными приставами опредѣлялись по укоренившемуся обычаю отставные раненые офицеры, присылаемые большею частію изъ Россіи. Офицеры эти, „никогда не слыхавъ, — какъ выражается Ермоловъ, — даже названіе татаръ, благосостояніе которыхъ ввѣрялось имъ правительствомъ“, вступали въ отправленіе своихъ должностей, не знавши ни свойствъ народа, ни обычаевъ его, ни языка. Блуждая сами во тьмѣ, они по необходимости ввѣрялись переводчикамъ а переводчики, большею частью армяне, „соразмѣряли свое усердіе — по словамъ Ермолова же — или съ платой, получаемой отъ пристава, или съ тѣми выгодами, которыя пріобрѣтались ими отъ агаларовъ“. Конечно, это не способствовало усиленію значенія русскихъ властей въ краѣ.

Особенно безпорядки усиливались при кочевкѣ татаръ, когда они удалялись въ горы, почти на самую границу, гдѣ со своими семействами, имуществомъ и скотомъ проводили цѣлое лѣто. Пристава безъ знанія языка, безъ связей съ агаларами, безъ пониманія коварныхъ свойствъ татаръ были совершенно безсильными и безполезными лицами, и приходилось караулить татаръ, во время ихъ кочевій, особыми отрядами войскъ, чтобы препятствовать имъ бѣжать за границу, куда персіяне и турки, обыкновенно пользуясь этимъ временемъ, усиленно старались ихъ привлекать посредствомъ всякихъ обольщеній.

Ермоловъ рѣшилъ немедленно прекратить этотъ ненормальный порядокъ дѣлъ. Онъ началъ добиваться, чтобы въ пристава назначались, какъ и было нѣкогда, грузинскіе князья и дворяне, и писалъ въ Петербургъ, что они, какъ одноземцы, зная въ совершенствѣ языкъ и весь бытъ татаръ и даже образъ ихъ мыслей,— конечно, были бы болѣе полезны цѣлямъ русскаго правительства. Грузинскіе дворяне, по мнѣнію Ермолова, могли быть замѣняемы и строевыми русскими офицерами, но только такими, которые, при долговременной службѣ на Кавказѣ, совершенно изучили татарскій языкъ и свойства татарскаго народа.

Комитетъ министровъ отвѣтилъ Ермолову, что Ртищевъ, донося о злоупотребленіяхъ приставовъ изъ грузинъ, самъ просилъ, чтобы опредѣлялись на эту должность русскіе чиновники, что въ пристава должны назначаться, по смыслу высочайшихъ повелѣній, непремѣнно отставные офицеры, но что къ назначенію изъ нихъ только такихъ, которые хорошо знаютъ татарскій народъ, комитетъ министровъ препятствій не имѣетъ.

— „Если бы легко было находить такихъ штабъ-офицеровъ,— отвѣчалъ Ермоловъ: — то, конечно, я и не хлопоталъ бы о назначеніи приставами грузинъ. Но просить о послѣднемъ меня принудилъ совершенный недостатокъ такихъ офицеровъ, ибо, при знаніи языка, необходимы еще и способности. И къ тому же не всякій изъ офицеровъ рѣшится оставить строй и прежде выйти въ отставку, чтобы занять потомъ уже мѣсто пристава".

Комитетъ министровъ отклонилъ отъ себя рѣшеніе вопроса, такъ какъ о назначеніи отставныхъ офицеровъ уже послѣдовало двукратное высочайшее повелѣніе; комитетъ считалъ неудобнымъ утруждать государя въ третій разъ объ одномъ и томъ же предметѣ. Тогда Ермоловъ написалъ прямо къ государю, и вопросъ о приставахъ, наконецъ, легко разрѣшился въ желательномъ для Ермолова смыслѣ.

Но усиливъ русскую власть въ татарскихъ дистанціяхъ назначеніемъ приставовъ, имѣвшихъ возможность вліять на татаръ въ благопріятномъ для Россіи смыслѣ, Ермоловъ задумалъ въ то же время уменьшить значеніе въ дистанціяхъ агаларовъ.

Агалары издавна присвоили себѣ такую власть надъ народомъ, что послѣдній, свободный по своему состоянію, зависѣвшій отъ агаларовъ только потому, что былъ порученъ ихъ управленію, превратился малу по малу въ совершенныхъ рабовъ,—и агалары сдѣлались маленькими ханами, подражавшими большимъ ханамъ въ Шекѣ, Ширвани и Карабагѣ.

Такое устройство дистанцій, освященное столѣтіями, сохранилось въ полной силѣ до назначенія на Кавказъ Ермолова. Гру-

зинскіе цари, неоднократно испытывавшіе измѣну татарскихъ народовъ, думали удержать ихъ въ повиновеніи, возвышая власть агаларовъ; агалары, привыкшіе къ такимъ преимуществамъ, устрашали царей, а потомъ и русскихъ главнокомандующихъ, что при малѣйшемъ неудовольствіи народъ свободный, ведущій кочевую жизнь, не привязанный къ землѣ осѣдлостію, перейдетъ къ персіянамъ. Предмѣстники Ермолова вѣрили этому и мирились съ установившимся порядкомъ. Но Ермоловъ безъ колебаній приступилъ „къ нѣкоторымъ въ ономъ перемѣнамъ", какъ онъ самъ выражается, не желая болѣе допускать такое управленіе татарами, которое шло прямо въ ущербъ интересамъ Россіи.

Составлено было новое положеніе, которымъ татарскія деревни вырваны изъ-подъ крѣпостной зависимости агаларовъ, и только, сообразно древнимъ обычаямъ, каждому изъ послѣднихъ, смотря по знатности рода, по уваженію въ народѣ и заслугамъ правительству, оставлено въ услуженіи по нѣскольку семей, которыя отбывали эту службу по очереди и на это время освобождались уже отъ всѣхъ государственныхъ податей и повинностей.

„Положеніе" объявлено было въ апрѣлѣ 1818 года и, по донесенію главнаго пристава, полковника Вадарскаго, принято народомъ „съ изъявленіемъ чувствъ глубокой благодарности". Но на самомъ дѣлѣ было нѣчто иное.

Ограниченные въ матеріальныхъ выгодахъ, агалары, конечно, не легко мирились съ „положеніемъ", и жаловались на стѣсненіе своихъ привилегій. По ихъ словамъ, во времена владычества надъ ними персіянъ и турокъ и при царяхъ грузинскихъ, они имѣли полную власть надъ народомъ, были чтимы не менѣе грузинскихъ князей, и что только поэтому они и могли служить правительству съ пользой, но что теперь, лишаясь власти, а вмѣстѣ съ тѣмъ и значенія въ народѣ, они „не могутъ отвѣчать уже ни за что". Грузинскіе князья съ своей стороны увѣряли Ермолова, что татары никогда не привыкнутъ къ новому порядку, и что персіяне воспользуются имъ, чтобы подговорить ихъ къ побѣгу. „Я

ожидалъ, что побѣги будутъ, — писалъ впослѣдствіи Ермоловъ: — но что побѣгутъ лишь агалары, да по привычкѣ покорствовать имъ—нѣкоторые изъ простого народа. Но я былъ убѣжденъ, что большинство татаръ на побѣгъ никогда не согласится, что простой народъ скоро увидитъ выгоды своего освобожденія, будетъ трудиться уже для собственной пользы, и вліяніе агаларовъ само собою уничтожится".

На этомъ основаніи Ермоловъ отвергъ всѣ жалобы и просьбы агаларовъ и, отправляясь строить Грозную, приказалъ приставамъ наблюсти за точнымъ исполненіемъ новыхъ постановленій.

Ермоловъ, конечно, былъ правъ; но не совсѣмъ ошибались и грузинскіе князья, отговаривавшіе его вводить положеніе.

Персія, офиціально давно уже отказавшаяся отъ своихъ домогательствъ на завоеванныя Россіею земли, и въ томъ числѣ на Грузію и татарскія дистанціи, не переставала втайнѣ поддерживать сношенія и не упускала случаевъ пріобрѣтать себѣ союзниковъ среди населенія татарскихъ дистанцій; она волновала народъ и не давала, что называется, осѣсться броженію.

Неудовольствіе агаларовъ было ей на руку. И вотъ, между татарами распущенъ былъ слухъ, что новое положеніе есть только начало къ окончательному порабощенію ихъ русскими, что съ нихъ будутъ брать рекрутъ и увеличатъ подати. Татары заволновались и сами стали просить о возвращеніи агаларамъ прежней власти и значенія. Приближалось, между тѣмъ, время, въ которое жители дистанцій удаляются на кочевья въ горы, къ самымъ границамъ Персіи, и были слухи, что шамшадильскій султанъ намѣревается бѣжать и увлечь съ собою народъ своей дистанціи. Ермоловъ двинулъ къ нимъ войска и въ то же время издалъ прокламацію, приглашавшую жителей оставаться спокойными и не вѣрить слухамъ. „Государь не имѣетъ нужды дѣлать васъ солдатами,—гласила прокламація: — взгляните только на войска, занимающія обширныя области Грузіи, Дагестана и другихъ земель, и вы увидите русскихъ солдатъ, и не увидите между ними иноплеменни-

ковъ. Безъ васъ много войскъ у могущественнаго императора нашего. Если нужно, то столько придетъ ихъ, что вы и счесть ихъ не безъ труда можете"...

„Кто говоритъ, что будутъ увеличены подати, — писалось въ другой прокламаціи: — не вѣрьте, ибо великій государь желаетъ счастія и богатства своего народа, а не его разоренія".

Волненія на время утихли. Но съ весны, слѣдующаго 1819 г., они возобновились съ новою силой. Тогда Ермоловъ предписалъ арестовать двухъ главнѣйшихъ коноводовъ смутъ: шамшадильскаго Насибъ-султана и Мустафу-агу казахскаго. 7 мая 1819 года князь Мадатовъ вызвалъ ихъ въ Елизаветполь, и оттуда отправилъ въ Тифлисъ.

Это послужило сигналомъ къ тому броженію, которое извѣстно подъ несовсѣмъ точнымъ именемъ „бунтъ татарскихъ дистанцій". Главный приставъ, подполковникъ Вадарскій, доносилъ, что арестованіе султана Насибъ-бека произвело на жителей шамшадильской дистанціи тяжелое впечатлѣніе. Дѣйствительно, въ провинціи царили смятеніе и плачъ. Жители бросили полевыя работы и намѣревались силой освободить султана на пути изъ Елизаветполя въ Тифлисъ. Самъ Насибъ-бекъ предвидѣлъ эту катастрофу и прислалъ нарочнаго татарина отговорить народъ отъ покушенія, которое ничего не могло доставить, кромѣ несчастія еще большаго и ему и народу. Тогда все населеніе, съ женщинами впереди, толпами повалило къ приставу, прося его ходатайства объ освобожденіи султана. Вадарскій далъ имъ слово. Такое же волненіе, какъ доносилъ подполковникъ Лапинскій, казахскій приставъ, происходило и въ его дистанціи по случаю ареста Мустафы-аги.

Волненія эти искусно поддерживались царевичемъ Александромъ, жившимъ въ Персіи, и даже приглашавшимъ татаръ бѣжать къ нему во время лѣтнихъ кочевокъ. Ермоловъ приказалъ отправиться въ татарскія дистанціи командиру 7 карабинернаго полка полковнику Ладынскому, отлично знавшему и языкъ и нравы татаръ, и постараться успокоить народъ.

Ладынскій прибылъ, 2 іюня, въ с. Амирлы, и встрѣченъ былъ волнующимися толпами. Едва онъ объявилъ, что султанъ Насибъ-бекъ ссылается въ Россію, какъ жители предались выраженіямъ отчаянія. Они говорили, что „всѣмъ, что имѣютъ, они обязаны только султану, и если не будетъ онъ возвращенъ, то они бросятъ все и уйдутъ, куда глаза глядятъ, со своими семьями; а если семей нельзя будетъ взять, то вырѣжутъ ихъ на мѣстѣ, хлѣбъ истребятъ, сады и дома сожгутъ, и даже лучше лишатъ себя жизни, чѣмъ останутся на этихъ мѣстахъ безъ султана“.

Вадарскому, обѣщавшему освобожденіе его, угрожали теперь смертію. „Ты долженъ умереть вмѣстѣ съ нами,—говорили они:— и мы тебя не выпустимъ“. Громче всѣхъ кричали женщины, требуя, чтобы ихъ мужья и братья не жалѣли ни своей, ни ихъ жизни для освобожденія султана.

Ладынскій, офицеръ извѣстной храбрости и энергіи, сподвижникъ Карягина, участникъ славнаго Аскаранскаго дѣла, пораженный искреннимъ отчаяніемъ толпы, и не зная, что дѣлать, присоединился къ обѣщанію просить начальство о возвращеніи султана.

„Въ Шамшадиляхъ возмущеніе общее,—писалъ онъ къ Ермолову,—и если не отложится отправленіе Насибъ-бека въ Россію, то потеря Шамшадиля—неизбѣжна; такой жертвы для одного человѣка дѣлать не должно“. Ладынскій прибавлялъ, что, по вѣстямъ изъ Эривани, царевичу Александру даны сарбазы и пушки, и что онъ двинулся уже къ Даралагезу, граничащему съ Шамшадилемъ.

Но ни Ермоловъ, ни Вельяминовъ и не думали объ уступкахъ. „Объявите народу, — писалъ Вельяминовъ Ладынскому: — что султанъ ссылается въ Россію только на время, съ тѣмъ, что впослѣдствіи онъ можетъ быть возвращенъ въ свой домъ. Но малѣйшее движеніе народа — и шамшадильцы никогда не увидятъ его возвращенія. Скажите, что безразсудныя ихъ угрозы перерѣзать своихъ дѣтей и уйти за границу не только не принесли султану пользы, но, напротивъ, ускорили его отправленіе, ибо пра-

вительство, презирая ничтожность ихъ угрозъ, нынѣшній же день выслало его въ Россію. Буйство же народа, если онъ спокойно не разойдется къ своимъ занятіямъ, — усмирятъ штыки и пушки".

Ладынскій обнародовалъ это письмо и, считая свою задачу оконченной, хотѣлъ уѣхать изъ Амирлы; но его не пустили армяне, опасаясь, чтобы въ его отсутствіе татары не поднялись и не вырѣзали ихъ семей.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда на шамшадильскія кочевья прибылъ, 15 іюня, отрядъ подполковника Тихоцкаго. На походѣ, по словамъ его, отрядъ былъ также встрѣченъ толпами народа и рыдающими женщинами, которыя съ восточною страстностью и экзальтаціей выражали ему свою горесть. И толпа опять требовала возвращенія султана. Матери въ бѣшенствѣ бросали дѣтей къ ногамъ Тихоцкаго. Онѣ думали, что прибывшій отрядъ въ концѣ концовъ истребитъ ихъ всѣхъ, кричали, что насталъ послѣдній день ихъ, — и требовали или султана или смерти!

Тихоцкій видѣлъ смутное положеніе народа, полное разстройство его хозяйства, и такъ какъ всѣ мѣры къ успокоенію оказывались тщетными, то и онъ послѣдовалъ примѣру Вадарскаго, и обѣщалъ народу просить возвращенія султана. Въ тотъ же день онъ написалъ объ этомъ Вельяминову, выставляя на видъ полную невозможность удержать народъ иначе въ подданствѣ Россіи. То же самое писалъ въ Тифлисъ и капитанъ Эксгольмъ, состоявшій при отрядѣ, въ качествѣ офицера генеральнаго штаба, прибывшій сюда произвести съемку этой малоизвѣстной страны.

„Всѣ горы и кочевки, — говоритъ онъ въ своемъ письмѣ: — покрыты толпами блуждающаго народа и бѣшенствующими женщинами, вопли которыхъ наполняютъ окрестности. Увидѣвъ кого-нибудь изъ насъ, ѣдущихъ по дорогѣ, они съ яростью бросаются подъ лошадей, ища смерти; матери отрываютъ отъ грудей своихъ младенцевъ—и кидаютъ ихъ къ намъ подъ ноги. Однимъ словомъ, горесть, отчаяніе и изступленіе овладѣли всѣми. Чувство сіе наполняетъ жителей не одной только деревни, либо округа, но 30

тысячъ народа". Эксгольмъ не рѣшался даже приступить къ работамъ.

„Народъ,—писалъ онъ:—непонимающій настоящей цѣли съемки, не видавши никогда дѣлъ подобнаго рода и инструментовъ, можетъ почесть это относящимся къ вящшему вреду его и къ стѣсненію вольности его кочевокъ. Разстроенные умы могутъ воспринять ложное понятіе и раздражиться еще болѣе. Приведеніе въ извѣстность мѣстоположенія слабо только замѣнило бы могущее произойти отъ моей неосторожности зло, которое, будучи столь же непріятно для начальства, погрузило бы въ бездну гибели и народъ шамшадильскій".

Донесенія шли за донесеніями; и едва Вельяминовъ получилъ письмо Эксгольма, какъ пришло другое отъ Тихоцкаго: „Вчера я имѣлъ честь доносить объ обстоятельствахъ, — писалъ онъ:— въ которыхъ я нахожусь, но ужасы ежечасно умножаются; весь народъ въ волненіи, которое изобразить не возможно. Огромныя толпы являются на дорогѣ и несутъ съ собою не оружіе, а дѣтей и женъ своихъ на жертву. Они утверждаютъ, что злонамѣренныя партіи въ прочихъ дистанціяхъ и въ самой Грузіи уже давно подстрекаютъ ихъ къ возмущенію, и что первый выстрѣлъ съ ихъ стороны подниметъ и прочихъ. Народъ присягнулъ однако, что не подниметъ оружія, а истребитъ хлѣбъ свой и скотъ, принесетъ ко мнѣ въ лагерь умерщвленныхъ дѣтей и женщинъ,— и будетъ спасаться бѣгствомъ. Вообще лозунгъ народа одинъ: „Насибъ-султанъ или смерть!"

„Персидскія войска на границѣ; бѣглый царевичъ Александръ разъѣзжаетъ по оной, и ежели народу не будетъ возвращенъ султанъ, я долженъ ожидать худыхъ послѣдствій, ибо вліяніе его (султана) не только простирается на его народъ, но вообще болѣе, нежели сильно, какъ между жителями, населяющими Грузію, такъ и въ заграничныхъ мѣстахъ.

„Спасите вѣрный россійскому правительству народъ, или должно будетъ ожидать тѣхъ ужаснѣйшихъ происшествій которыхъ примѣры со всѣми ужасами еще не были въ странѣ сей".

Но, быть можетъ, нигдѣ не сказалась съ такою силою настойчивость и опредѣленность политики Ермолова, какъ именно въ этомъ случаѣ.

Вельяминовъ отвѣчалъ Тихоцкому:

„Вы напрасно завѣряли честнымъ словомъ бунтующія толпы татаръ о возвращеніи султана. Вамъ извѣстна твердость Алексѣя Петровича, а потому и не слѣдовало вамъ завѣрять въ томъ, чего сдѣлать нельзя. Повторите народу, что одно только повиновеніе его можетъ когда-либо возвратить султана; всякій же бунтъ еще болѣе отягчитъ участь его, и народъ лишится его навсегда. Побѣгомъ нѣсколькихъ агаларовъ и родни султана не затрудняйтесь: потеря нѣсколькихъ семействъ и даже половины народа меньше вредна для правительства, чѣмъ потворство бунтующимъ; нѣсколько выстрѣловъ картечью (въ крайнемъ только случаѣ) все успокоитъ.

„Бѣглый царевичъ Александръ, съ толпою своихъ трусливыхъ приверженцевъ, а не персидскихъ войскъ, не долженъ васъ нимало безпокоить, ибо онъ, по силѣ мирныхъ трактатовъ съ Персіей, явно дѣйствовать не можетъ. Цѣль его — только возмущать шамшадильцевъ и прикрывать ихъ во время побѣга.

„Помните, что ничто не можетъ заставить главнокомандующаго удовлетворить буйнымъ требованіямъ народа, и онъ готовъ на всякія пожертвованія“.

Какъ Вельяминовъ, такъ и Ермоловъ были убѣждены, что безпорядки происходятъ преимущественно по наущенію агаларовъ и родственниковъ султана и имѣютъ между прочимъ опасеніе, чтобы султанъ, въ случаѣ его возвращенія, не сталъ мстить народу за равнодушіе къ его судьбѣ. Поэтому сочтено было нужнымъ еще разъ обратиться къ жителямъ Шамшадиля съ новою прокламаціей.

„Если бы изъ васъ, хотя и многіе, — писалъ въ ней Ермоловъ: — вознамѣрились бѣжать за границу, я ничего не сдѣлаю, чтобы удержать ихъ; никогда благонамѣренный не оставитъ своей родины, — слѣдовательно, бѣжавшіе будутъ измѣнники, и полезно не имѣть ихъ въ краѣ. Не думайте, чтобы когда-либо позволено

было таковымъ возвратиться на родину,—никогда! И мнѣ пріятно будетъ изобильныя земли ваши и многочисленныя стада отдать въ награду подданнымъ моего великаго государя, вѣрнымъ и покорнымъ. Я найду таковыхъ между вашими единовѣрцами. Стѣсненные жители казахскіе и елизаветпольскіе воспользуются ими, и не будетъ сожалѣющихъ о бѣдственной участи измѣнниковъ".

Прокламація эта, посланная изъ Тифлиса съ ахуномъ (главнымъ священникомъ татарскимъ), появилась въ шамшадильской странѣ въ тотъ моментъ, когда первое острое возбужденіе уже проходило и оставляло мѣсто внушеніямъ холоднаго разсудка. Съ другой стороны, ахунъ умѣлъ успокоить взволнованное населеніе, указавъ на выгоды даннаго ему общественнаго устройства. И „бунтъ" татарскихъ дистанцій естественно затихъ.

Ермоловъ былъ убѣжденъ, что исключительно строгости онъ обязанъ былъ спокойнымъ рѣшеніемъ вопроса. „Строгость—говоритъ онъ: — водворила спокойствіе, и здѣшніе жители увидѣли примѣръ, что упрямство не всегда средство благонадежное противъ распоряженій начальства". Но не безъ значительнаго вліянія на дѣло было и мягкое отношеніе къ жителямъ Ладынскаго и другихъ, старавшихся успокоить народъ въ самые критическіе моменты его возбужденія.

Съ этихъ поръ спокойствіе въ татарскихъ дистанціяхъ до самаго начала персидской войны 1826 года уже нарушаемо не было.

Прошли годы и дѣйствительные плоды Ермоловской реформы сказались... Свободный татаринъ могъ скоро залѣчить тѣ нравственныя и экономическія раны, которыя такъ поразили Тихоцкаго, при его вступленіи въ шамшадильскую дистанцію. Самая физіономія края быстро измѣнилась. И тамъ, гдѣ прежде путешественника поражали лишь голыя степи, унылое безмолвіе, да непокрытая бѣдность, гдѣ подневольный трудъ закрѣпощеннаго народа обогащалъ лишь хищныхъ и жадныхъ агаларовъ, — тамъ зазеленѣли теперь роскошныя нивы, и степи покрылись безчисленными стадами скота, стадами овецъ и табунами коней — свидѣ-

тельствующими о народномъ довольствѣ и благосостояніи. Вольный татаринъ не позабылъ, конечно, преданій своей старины, и попрежнему, время отъ времени, предавался дикому разгулу наѣзднической жизни... Но то были уже проявленія воспитанныхъ вѣками инстинктовъ, — и не въ матеріальной нуждѣ были ихъ источники.

XII.

Присоединеніе ханствъ.

Въ Закавказскомъ краѣ, ко временамъ Ермолова, наименѣе упроченными за Россіею владѣніями оставались, примыкавшія къ Грузіи съ юга и юго-востока, татарскія ханства. Давно замиренныя, они продолжали служить послушнымъ орудіемъ враждебной персидской политики, и все еще стояли передъ Россіей вѣчною угрозой возмущенія. Персія, потерявшая ихъ по гюлистанскому трактату, естественно искала случая возвратить себѣ эти богатѣйшія, нѣкогда принадлежавшія ей провинціи, и всѣми силами старалась поддерживать въ нихъ свое вліяніе. Ханства, близкія къ ней и религіей и всѣмъ своимъ общественнымъ азіатскимъ строемъ, легко подчинялись этому вліянію, — да и невозможно было ожидать ничего иного, пока они представляли собою какія-то совершенно автономныя, самостоятельныя государства, стоявшія къ Россіи въ отношеніи только данниковъ.

Лучшіе государственные умы давно уже сознавали, что для дѣйствительнаго владычества русскихъ въ Закавказьѣ и для объединенія этого края въ одно органически цѣлое, необходимо было прежде всего уничтожить самостоятельность ханствъ и обратить ихъ въ простыя русскія провинціи. Еще ко временамъ Екатерины относится замѣчательнѣйшая мысль — завоевать сначала именно эти ханства, и потомъ уже занять Грузію. И если бы эта мысль тогда получила осуществленіе, Россія избавилась бы отъ цѣлаго

ряда войнъ, которыя пришлось ей вести за обладаніе тѣми же ханствами, но уже при обстоятельствахъ гораздо менѣе благопріятныхъ.

Ермоловъ понималъ, что только одна необходимость вырвала у князя Циціанова трактаты и привилегіи, которыми пользовались ханы; но пока трактаты эти существовали — покончить съ ними иначе было нельзя, какъ выжидая благопріятныхъ случаевъ или прекращенія наслѣдственной линіи, или измѣны хановъ. И подобные случаи были не разъ, но ими никогда не пользовались.

Такъ, измѣна шекинскаго хана Селима, въ 1806 году, прямо давала поводъ присоединить къ Россіи его богатое владѣніе; главный городъ былъ взятъ тогда приступомъ, ханъ бѣжалъ въ Персію, и въ Нухѣ уже введено было русское управленіе; но Гудовичъ безъ всякой необходимости вдругъ вызвалъ на ханство Джафаръ-Кули хана хойсскаго, бѣжавшаго изъ Персіи, и ханская власть снова стала наслѣдственною. Измѣнилъ и былъ убитъ карабагскій ханъ,—и Гудовичъ посадилъ на ханство его сына; но такъ какъ новый ханъ былъ бездѣтенъ, и его здоровье не обѣщало долгаго вѣка, то преемникъ Гудовича,—Ртищевъ, самъ озаботился пріисканіемъ ему наслѣдника и вызвалъ изъ Персіи же племянника его, Джафаръ-Кули-Агу, уже разъ измѣнившаго русскимъ и участвовавшаго вмѣстѣ съ персіянами въ истребленіи троицкаго батальона подъ Султанъ-Будою.

Ермоловъ, вѣрный своей прямой политической системѣ, не хотѣлъ допустить, чтобы ханы продолжали неудобную для русскихъ интересовъ игру въ союзники, тѣмъ болѣе, что ханскій деспотизмъ, не принося владѣніямъ никакого блага, служилъ только тормазомъ для мирнаго развитія ихъ. Самый бѣглый обзоръ, сдѣланный ханствамъ передъ отъѣздомъ въ Персію, убѣдилъ Ермолова окончательно въ непригодности ханской власти и поселилъ въ немъ желаніе какъ можно скорѣе отъ нея отдѣлаться. Намѣренія его въ этомъ смыслѣ были такъ опредѣленны, что онъ не допускалъ ни сомнѣній, ни колебаній. „Я не испрашиваю на сей предметъ повелѣнія—писалъ Ермоловъ къ государю, въ февралѣ 1817 года:— обязанности мои истолкуютъ попеченіе Вашего Величества о благѣ

народовъ, покорствующихъ высокой державѣ Вашей. Правила мои— не призывать власти Государя моего тамъ, гдѣ она благотворить не можетъ. По возвращеніи изъ Персіи, сообразуясь съ обстоятельствами, приступлю къ нѣкоторымъ необходимымъ преобразованіямъ".

По отношенію къ самимъ ханамъ въ высшей степени замѣчателенъ и оригиналенъ приказъ Ермолова по Грузинскому корпусу, отъ 17 февраля 1817 года.

„При обозрѣніи мною границъ,—говорится въ немъ:—владѣтели ханствъ Ширванскаго, Шекинскаго и Карабагскаго, по обычаю здѣшнихъ странъ, предложили мнѣ въ даръ верховыхъ лошадей, золотые уборы, оружіе, шали и прочія вещи. Не хотѣлъ я обидѣть ихъ, отказавъ принять подарки, неприличнымъ почиталъ и воспользоваться ими, а потому, вмѣсто дорогихъ вещей, согласился принять семь тысячъ овецъ, которыхъ и дарю полкамъ. Хочу, чтобы солдаты, товарищи мои по службѣ, видѣли, сколько мнѣ пріятно стараться о пользѣ ихъ. Обѣщаю имъ и всегда о томъ заботиться".

Гордые и надменные ханы были оскорблены и унижены.

По возвращеніи изъ Персіи, Ермоловъ, зорко слѣдя за всѣмъ, что дѣлается въ ханствахъ, выжидалъ только удобныхъ обстоятельствъ, чтобы уничтожить ихъ самостоятельность. И первымъ пало ханство Шекинское.

Нельзя не сказать, впрочемъ, что самъ шекинскій ханъ, своей самовластной жестокостью раздражавшій даже терпѣливыхъ азіатскихъ подданныхъ, постарался облегчить Ермолову эту задачу. По смерти Джафара, посаженнаго Гудовичемъ, званіе шекинскаго хана, со всѣми его прерогативами, чиномъ генералъ-маіора, знаками инвеституры и большимъ денежнымъ содержаніемъ, перешло, въ 1815 году, къ единственному сыну его Измаилу-Хану. Человѣкъ еще молодой, но жестокій и кровожадный, презиравшій туземное населеніе, онъ окружилъ себя хойсскими выходцами и, заручившись расположеніемъ лицъ, окружавшихъ слабаго Ртищева, жестоко расправлялся со своими подданными; а все, что осмѣливалось жаловаться на хана, выдавалось ему же головою и давало

только поводъ къ новымъ безчеловѣчнымъ пыткамъ и истязаніямъ. „Съ негодованіемъ—говорилъ Ермоловъ: — я долженъ упомянуть объ одномъ постыдномъ поступкѣ начальства, по отношенію къ шекинскимъ жителямъ“.

Трагическое происшествіе, о которомъ такъ рѣзко отзывается Ермоловъ, ярко рисуетъ и ханскій деспотизмъ, и недальновидную политику Ртищева. Еще во времена персидскаго Хаджи-Челеби-хана, на шекинской землѣ стояли три армянскія деревни, пользовавшіяся если не избыткомъ, то, по крайней мѣрѣ, не видѣвшія нужды у своихъ домашнихъ очаговъ. Слухъ объ этомъ скоро дошелъ до жаднаго Челеби-хана —вошедшаго и въ исторію подъ именемъ „бездушнаго“,—и армянамъ предложено было выбирать любое: или магометанскій законъ, или подать съ каждаго армянина по 60 батмановъ шелку, за право вѣровать по-своему. Къ чести армянъ нужно сказать, что между ними не нашлось никого, кто бы отрекся отъ вѣры отцовъ, — и тяжкій налогъ скоро въ конецъ разорилъ опальныя селенія. Прошли многіе годы, шекинское ханство уже было подъ властію христіанской Россіи, а несчастные армяне продолжали покупать непосильнымъ налогомъ право исповѣдывать Христа. Кто-то надоумилъ ихъ, наконецъ, обратиться съ жалобою къ Ртищеву. Армяне выбрали изъ среды своей шесть депутатовъ и отправили ихъ въ Тифлисъ. „Мы христіане,—говорили они главнокомандующему:—мы подданные христіанскаго государя; за что же враги христіанства берутъ съ насъ штрафъ за исповѣдываніе христіанской вѣры?“... Ртищевъ не нашелъ лучшаго, какъ просто сказать имъ: „идите въ ваши домы, и не платите штрафа“. Но едва депутаты вернулись въ Нуху, какъ были подвергнуты Джафаромъ жестокой казни, а на жителей, за попытку къ жалобѣ, сверхъ 60 батмановъ шелку, наложенъ былъ штрафъ въ двѣ тысячи рублей.

Когда Джафаръ умеръ, армяне разсудили, что просьба шести человѣкъ не была уважена, какъ имъ представлялось, только потому, что ихъ было мало; и теперь уже не одни армяне, но евреи, проживавшіе въ ханствѣ, и даже татары отправились въ Тифлисъ, въ числѣ трехсотъ человѣкъ; они явились къ Ртищеву

и просили его не отдавать шекинскія земли во владѣніе хойцамъ, а назначить для управленія русскаго чиновника. „Жалобы ихъ, слезы и отчаяніе—говоритъ Ермоловъ:—не тронули начальства; ихъ назвали бунтовщиками, многихъ наказали плетьми, человѣкъ 20 сослали въ Сибирь, а остальныхъ выдали головою новому хану, который подвергъ ихъ безчеловѣчнымъ истязаніямъ, пыткамъ и казнямъ".

Не менѣе характеренъ и слѣдующій случай ханскаго самосуда, имѣвшій мѣсто уже при преемникѣ Джафара, — Измаилѣ. Лѣтомъ 1816 года, въ деревнѣ Ханабади, былъ убитъ семилѣтній мальчикъ, сынъ тамошняго муллы; малюткѣ нанесено было нѣсколько ранъ кинжаломъ и перерѣзана шея. Никто не зналъ, кѣмъ было совершено звѣрское преступленіе, и лишь нѣсколько женщинъ сказали, что въ этотъ день черезъ ихъ деревню проѣхали трое евреевъ изъ Карабалдыра. Этого было довольно, чтобы евреевъ привлекли къ отвѣту. Измаилъ-Ханъ, явившись самъ на судилище, приказалъ пытать ихъ; несчастныхъ били палками, рвали клещами тѣло ихъ, выбили имъ зубы, и потомъ зубы эти вколачивали имъ въ головы. Въ безпамятствѣ и изступленіи, терзаемые оговаривали другихъ евреевъ, которыхъ сейчасъ же хватали и предавали такимъ же истязаніямъ. Еврейскія деревни Карабалдыръ и Варташены были опустошены, женщины и мальчики изнасилованы. Такова была самостоятельность ханствъ и ихъ самоуправленіе.

Едва Ермоловъ прибылъ въ край, какъ былъ буквально заваленъ жалобами шекинскихъ жителей. „Если бы моря обратились въ чернила, деревья въ перья, а люди въ писарей,—говорилось въ одной просьбѣ: — то еще не могли бы описать тѣхъ обидъ и безчинствъ, какія причинили намъ хойцы.... Когда Джафаръ съ своими подвластными прибылъ въ Шеки, хойцы были въ такомъ видѣ, что и дьяволы отъ нихъ отворачивались: на спинахъ было по лоскуту рубища, ноги босыя, на головахъ шапки по 15 лѣтъ; но какъ скоро животъ ихъ насытился хлѣбомъ, они, какъ хищные волки, напали на жизнь нашу и имущество"...

Ермоловъ, увидѣвшись съ ханомъ, 7 декабря 1816 года, въ

его владѣніяхъ, въ селеніи Мингечаурѣ, обошелся съ нимъ крайне сурово. Онъ публично, при всемъ народѣ, высказалъ ему осужденіе его звѣрскихъ поступковъ и приказалъ, собравъ всѣхъ несчастныхъ, искалѣченныхъ имъ, размѣстить ихъ въ ханскомъ дворцѣ до тѣхъ поръ, пока ханъ не обезпечитъ семейства ихъ. Приставу, маіору Пономареву, вмѣнено было въ обязанность „немедленно возстановить равновѣсіе между ханскою властію и народною безопасностью".

Измаилъ-Ханъ видѣлъ во всѣхъ этихъ распоряженіяхъ только ограниченіе своей власти, и, понимая непрочность своего положенія, сталъ искать поддержки въ Персіи и у народовъ Дагестана. Скрываясь отъ взоровъ русскаго пристава, онъ проводилъ большую часть времени въ „диванной", куда допускались лишь самыя приближенныя лица, черезъ которыхъ и велись всѣ интриги и сношенія. Въ то же время, на всякій случай, онъ мало-по-малу отправлялъ свои богатства въ Персію, куда и самъ намѣревался бѣжать при первомъ удобномъ случаѣ. Судьба распорядилась иначе. Лѣтомъ 1819 года, когда Мадатовъ собиралъ въ дагестанскій походъ шекинскую конницу, Измаилъ-Ханъ, вынужденный сопровождать его во время этихъ поѣздокъ, внезапно заболѣлъ, и въ деревнѣ Нижъ, послѣ восьмидневной тяжкой болѣзни, скончался. Нѣкоторое время держался слухъ, что ханъ отравленъ былъ ядомъ, при чемъ одни обвиняли русскихъ, другіе втихомолку указывали, какъ на виновницу смерти, на его родную сестру. Слухи эти не имѣли никакихъ основаній. Ханъ умеръ отъ пьянства; въ послѣднее время онъ пилъ безъ просыпу, пилъ голый ромъ бутылками, — и въ результатѣ получилъ жестокое воспаленіе кишекъ, сопровождавшееся конвульсіями и кровавою рвотой. Тѣло Измаила, по обычаю хойцевъ, отправлено было въ Персію и предано землѣ въ мѣстечкѣ Кербелай.

„Жалѣлъ бы я очень объ Измаилѣ-Ханѣ, — писалъ Ермоловъ къ князю Мадатову: — если бы ханство должно было поступить такому же, какъ онъ, наслѣднику; но утѣшаюсь, что оно не поступитъ въ гнусное управленіе, и потому остается мнѣ только просить Магомета стараться о спасеніи души его".

Прямыхъ наслѣдниковъ послѣ Измаила-Хана не было. Мать его, женщина до крайности хитрая, жена его, а также родственники прежняго ханскаго дома, давно уже скитавшіеся въ Персіи, принялись интриговать каждый въ свою пользу. Но всѣ хлопоты ихъ остались безплодными. При первомъ извѣстіи о смерти Измаила, Ермоловъ, чтобы предупредить народныя волненія, двинулъ въ ханство войска. Сильный батальонъ пѣхоты, донской казачій полкъ и два орудія заняли Нуху,—и прокламація Ермолова возвѣстила шекинцамъ, что „отнынѣ на вѣчныя времена уничтожается самое имя ханства, и оное называется Шекинскою областью".

29 августа 1819 года жители приведены были къ присягѣ на подданство русскому императору. Ханскія грамоты, печать и знамя были отобраны отъ семейства покойнаго хана, а взамѣнъ ихъ изъ Тифлиса отправлены были въ Нуху казенная печать, зерцало и царскій портретъ, — принадлежности русскаго присутственнаго мѣста. Приближенные къ хану хойцы, въ числѣ 130 семействъ, подъ конвоемъ высланы въ Персію, но ханская фамилія вся удержана въ Россіи и поселена въ Елизаветполѣ, съ назначеніемъ ей приличнаго содержанія. Напрасно карабагскій ханъ домогался, чтобы семейству Измаила позволено было поселиться въ Шушѣ подъ его попеченіемъ. Ему политично замѣтили, что „когда императоръ принимаетъ кого подъ свое высокое покровительство, то затѣмъ пособіе карабагскаго хана ему будетъ не нужно". Такъ совершилось присоединеніе Шекинскаго ханства, не вызвавшее въ населеніи ни малѣйшаго волненія.

Уничтоженіе ханской власти сразу оказалось полезнымъ для Россіи даже и въ чисто экономическомъ отношеніи. „До сихъ поръ Шекинское ханство,—говоритъ Ермоловъ:—при меньшемъ пространствѣ и населеніи, нежели въ Ширванскомъ, давало доходу больше, и платило казнѣ подать въ 7 тысячъ червонцевъ, а теперь доходы эти должны будутъ увеличиться вчетверо". Ермоловъ употреблялъ нерѣдко весьма оригинальные пріемы, чтобы увеличить казенный доходъ, не обременяя въ то же время жителей никакими новыми налогами или повинностями. Была, напр., въ Нухѣ казенная,

прекрасно устроенная баня, оставшаяся послѣ хана. Несмотря на роскошь и удобства ея, баня не приносила, однако, казнѣ никакого дохода. Секретное разслѣдованіе показало, что народъ обходитъ ее по суевѣрному представленію, втайнѣ поддерживаемому стариками и эфендіями, что тяжкій грѣхъ мыться въ банѣ, насильно отнятой у хана. Чтобы уничтожить предразсудокъ, лишавшій казну значительныхъ доходовъ, Ермоловъ приказалъ отдать баню въ содержаніе восьми духовнымъ мусульманскимъ особамъ, вмѣсто получаемаго ими до того казеннаго жалованья. Казна, такимъ образомъ, сдѣлала значительное сбереженіе, а муллы позаботились уже сами привлечь въ баню народъ, чтобы наверстать съ лихвою потерянное жалованье.

Но увеличеніе доходовъ, о которомъ говоритъ Ермоловъ, являлось результатомъ только уничтоженія ханскаго самовластія, а не богатства народнаго. Ханство было совершенно разорено, причиною чего, впрочемъ, было не одно сумасбродное управленіе хановъ, но и наклонность населенія къ непомѣрной расточительности. Вотъ въ какихъ краскахъ рисуетъ нухинскій комендантъ тогдашній бытъ шекинскихъ жителей:

„Если не двѣ части населенія,—писалъ онъ:—то основательно можно сказать, что половина его имѣютъ по двѣ и по три жены, за которыхъ платятъ огромный калымъ (мѐхри). А такъ какъ наличныхъ денегъ почти никто не имѣетъ, то они занимаютъ ихъ на чудовищные проценты. Но этого мало: женившись большею частію въ немолодыхъ лѣтахъ и не имѣя другой возможности привязать къ себѣ молодую жену, они стараются дѣлать имъ все угодное и исполняютъ ихъ прихоти, покупая разныя золотыя украшенія и парчевыя платья, такъ что жена простого поселянина равняется своимъ убранствомъ съ женою богатѣйшаго человѣка. Отсюда начало разоренія. Не успѣвъ выплатить перваго займа, онъ дѣлаетъ новый, а проценты растутъ на проценты. Въ результатѣ полная несостоятельность и двойное разореніе, — какъ должника, такъ и заимодавца, лишающагося своего капитала“.

Заботясь о благосостояніи жителей, Ермоловъ обратилъ и на

этотъ вопросъ серьезное вниманіе. Онъ передалъ его на обсужденіе почетнѣйшихъ шекинскихъ стариковъ и членовъ городоваго суда, и тѣ постановили, чтобы никто, подъ опасеніемъ наказанія, не давалъ поселянину взаймы болѣе 10 монетъ; самое мѐхри ограничено было 50 рублями, а поселенцамъ поставлено въ обязанность имѣть только одну жену; кто же желалъ взять другую, тотъ долженъ былъ сперва представить доказательства своей состоятельности.

Несмотря на эти крутыя мѣры, шедшія въ разрѣзъ съ обычаями, установившимися вѣками, спокойствіе въ ханствѣ не нарушалось, а благосостояніе его жителей возрастало. Персидское вторженіе 1826 года, правда, вновь взволновало все ханство; но то былъ мимолетный ураганъ, оставившій на поверхности шекинской земли только печальные слѣды разрушенія, но не затронувшій внутреннихъ силъ и основъ, на которыхъ стояла она. Оно было въ то же время и освѣжающею бурею, разрѣшившею грозовые элементы въ странѣ. Блестящія побѣды Россіи убѣдили населеніе ханства, что не Персіи остановить грозную, надвигающуюся съ сѣвера силу, вносившую въ ихъ благодатную страну новый бытъ и новыя понятія,—и оно затихло навѣки.

Не прошло и года послѣ паденія Шекинскаго ханства, какъ безвозвратно рѣшилась участь и сосѣдняго съ нимъ богатаго ханства Ширванскаго.

Въ то время владѣлъ имъ старый ханъ Мустафа, угрюмый, подозрительный и надменный. Высокомѣріе его не имѣло границъ, и послѣ князя Циціанова онъ не хотѣлъ видѣться ни съ однимъ изъ русскихъ главнокомандующихъ.

Къ Ермолову, предшествуемому громкою молвою, онъ выѣхалъ, однакоже, навстрѣчу, и свиданіе произошло 4 декабря 1816 г. въ селѣ Зардобѣ. „Со мною,—иронически говорилъ Ермоловъ:—ханъ поступилъ снисходительнѣе, — и былъ удивленъ, когда я пріѣхалъ къ нему только съ пятью человѣками свиты, тогда какъ онъ сопровождаемъ былъ многочисленною конницею. Онъ, однако,

далъ мнѣ замѣтить, что не каждому долженъ я ввѣряться подобнымъ образомъ, и что онъ точно такъ же предостерегалъ князя Циціанова"... „Ханъ не разсудилъ, — прибавляетъ Ермоловъ: — какая между княземъ Циціановымъ и мною была разница. Тотъ славными по истинѣ своими дѣлами былъ имъ страшенъ, а я только что пріѣхалъ и былъ совершенно имъ неизвѣстенъ"...

Ширванское ханство Ермоловъ нашелъ въ лучшемъ порядкѣ, чѣмъ остальныя; по крайней мѣрѣ, народъ не былъ отягощенъ поборами, и ханъ исправно вносилъ въ казну восемь тысячъ червонцевъ дани.

Столицею Ширвани, въ то время, былъ древній историческій городъ Шемаха, сохранявшій свое значеніе для страны въ теченіе многихъ вѣковъ. Но старый ханъ не жилъ ни въ ней, ни въ Новой Шемахѣ, построенной уже во времена Шахъ-Надира, а перенесъ свою резиденцію на Фитъ-Дагъ, въ крѣпкую горную позицію, гдѣ могъ считать себя гораздо безопаснѣе, чѣмъ на открытыхъ шемахинскихъ равнинахъ.

Новая резиденція хана, расположившаяся па крутыхъ склонахъ двухъ высочайшихъ горъ, образующихъ тѣсное и дикое ущелье, непривѣтливо встрѣтила новыхъ переселенцевъ: дома во время проливныхъ дождей сползали по крутизнамъ и рушились; горные сырые туманы порождали болѣзни; воды вблизи не было, а трудныя сообщенія съ деревнями, по скаламъ и обрывамъ, безмѣрно поднимали цѣну всѣхъ жизненныхъ припасовъ, которыхъ по временамъ и совсѣмъ достать было невозможно. Понятно, что, несмотря ни на какія заботы владѣльца, городъ здѣсь существовать не могъ; но крѣпость стояла грозной и неприступною твердыней.

Но и въ этомъ совиномъ гнѣздѣ Мустафа не чувствовалъ себя спокойнымъ и безопаснымъ. Суровый и надменный, онъ видѣлъ на своемъ долгомъ вѣку столько политическихъ бурь и событій, столько крушеній троновъ и паденій царскихъ династій, что поневолѣ сталъ остороженъ и подозрителенъ. Русскихъ онъ боялся и никогда не довѣрялъ имъ. Правда, послѣ перваго свиданія съ Ермоловымъ, онъ могъ, повидимому, разсчитывать на долгое и

спокойное управленіе своимъ богатымъ и благоустроеннымъ ханствомъ; но фатумъ тяготѣлъ на немъ, какъ на всемъ азіатскомъ складѣ жизни тѣхъ странъ, столкнувшихся съ европейскою культурою, — и самъ же онъ первый и подготовилъ свое паденіе.

Когда политика Ермолова встала передъ нимъ во всей ея опредѣленности, Мустафа понялъ ясно, что самостоятельность его ханства продержится не долго. Онъ сталъ искать сближенія съ Персіей, вмѣшивался въ дѣла Дагестана, гдѣ у него были большія родственныя связи,—и этимъ, конечно, только ускорилъ роковую развязку.

И вотъ, въ то время, когда Ермоловъ строилъ Грозную, а генералъ Пестель готовился вступить въ Каракайтагъ и стоялъ въ Кубѣ, Мустафа вдругъ началъ также готовиться къ военнымъ дѣйствіямъ, собиралъ войска и приглашалъ къ себѣ на помощь лезгинъ. Приставъ донесъ Вельяминову, что ханъ намѣревается бѣжать и что между нимъ и Аббасъ-Мирзою идетъ по этому поводу дѣятельная переписка; изъ Персіи, по словамъ того же донесенія, пріѣзжалъ къ хану какой-то чиновникъ съ предложеніемъ 150 тысячъ тумановъ тому, кто подниметъ на русскихъ дагестанскіе народы; во дворцѣ Мустафы происходило совѣщаніе, послѣ котораго 18 человѣкъ ширванскихъ бековъ, подъ видомъ купцовъ, поѣхали къ Сурхаю, а Сурхай, въ свою очередь, немедленно послалъ какія-то сообщенія Шихъ-Али-Хану; наконецъ, 80 человѣкъ горцевъ, съ сыномъ акушинскаго кадія, также подъ видомъ купцовъ, гостили у хана двѣ недѣли, и персидскій посолъ лично объявлялъ имъ волю шаха и ожидавшія ихъ награды.

Медлить было опасно, и Вельяминовъ быстро двинулъ въ Ширванское ханство войска, приказавъ казакамъ занять всѣ переправы черезъ Куру, чтобы воспрепятствовать побѣгу хана въ Персію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, желая по возможности смягчить рѣзкость принятыхъ мѣръ, онъ сдѣлалъ видъ, что войска посылаются не противъ хана, а для его защиты. Въ свою очередь и Ермоловъ написалъ къ Мустафѣ угрожающее письмо, въ которомъ, подъ видомъ дружескихъ упрековъ, съ рѣзкою ироніею давалъ ему

почувствовать, что каждый шагъ его извѣстенъ, и что за нимъ слѣдятъ.

„Вы не увѣдомили меня,—писалъ къ нему Ермоловъ:—что въ ханствѣ вашемъ жители вооружаются по вашему приказанію, и что вы приглашаете къ себѣ лезгинъ, о чемъ вы должны бы были дать мнѣ знать, какъ главнокомандующему, и какъ пріятелю, ибо я обязанъ отвѣтствовать передъ великимъ государемъ нашимъ, если не защищу вѣрныхъ его подданныхъ; а къ вамъ, и какъ къ пріятелю, сверхъ того, я долженъ прійти на помощь. Скажите мнѣ, кто смѣетъ быть вашимъ противникомъ, когда россійскій императоръ удостоиваетъ васъ своего высокаго благоволенія?

„Не хотя, въ ожиданіи отвѣта вашего, потерять время быть вамъ полезнымъ, я теперь же далъ приказаніе войскамъ идти къ вамъ на помощь. Такъ пріятельски и всегда поступать я буду, и если нужно, то не почту въ трудъ и самъ пріѣхать, дабы показать, каковъ я пріятелемъ, и каковъ буду противъ враговъ нашихъ“.

Нужно, впрочемъ, сказать, что Мустафа на этотъ разъ имѣлъ дѣйствительныя основанія тревожиться. По донесенію Мадатова, посланнаго разслѣдовать дѣло въ Ширванъ, Мустафа сталъ собирать войска въ то время, когда Пестель стоялъ въ Кубѣ, предполагая, что русскій отрядъ направится противъ его владѣній, и поводомъ къ этому послужили безтактныя дѣйствія самого же Пестеля.

Дѣло въ томъ, что еще во время Дербентскаго похода, въ 1796 году, главнокомандующій графъ Зубовъ возвелъ въ достоинство ширванскаго хана на мѣсто Мустафы, бѣжавшаго тогда въ Карабагъ, двоюроднаго брата его Касима. Но только что русскія войска вышли изъ Дагестана, Мустафа возвратился въ Ширванъ снова завладѣвъ правленіемъ, и съ тѣхъ поръ въ теченіе многихъ лѣтъ оставался независимымъ. Но шли годы: Грузія была занята русскими войсками, пало Ганжинское ханство, исчезла самостоятельность Карабага, и удерживать долѣе независимость Ширвани казалось невозможнымъ. Мустафа добровольно принялъ русское подданство и былъ утвержденъ въ достоинствѣ хана.

А между тѣмъ, изгнанный имъ изъ Ширвани, Касимъ-ханъ въ теченіе 15 лѣтъ скитался въ горахъ Дагестана въ суровой бѣдности. И вотъ теперь Пестель, пришедши въ Кубу, вызвалъ его къ себѣ, обласкалъ, и имѣлъ съ нимъ какіе-то тайные переговоры, поселяя въ немъ надежду снова сдѣлаться владѣтелемъ Ширванскаго ханства. Слухъ объ этомъ дошелъ до Мустафы и, конечно, не могъ не встревожить его. Въ разговорѣ съ приставомъ, онъ даже прямо сказалъ: „Зачѣмъ генералъ имѣетъ сношенія съ Касимомъ?“ И на всѣ убѣжденія пристава, что слухи эти не имѣютъ основанія, онъ твердилъ одно: „Увидимъ, кто тогда выиграетъ“. Вотъ это-то обстоятельство и было причиною его воинственныхъ приготовленій.

Ермоловъ старался успокоить подозрительность хана, но вмѣстѣ съ тѣмъ и напоминалъ ему о долгѣ вѣрноподданнаго. „Ваша воля—писалъ онъ къ нему:—вѣрить или нѣтъ искренности моего совѣта; но если вы будете упорствовать въ преступныхъ намѣреніяхъ, то, сколько ни прискорбно мнѣ, какъ доброму вашему пріятелю, я скоро вразумлю васъ, что я не забылъ моихъ обязанностей къ великому моему государю“.

А тутъ, какъ нарочно, пало Шекинское ханство, и Мустафа уже сталъ въ явно враждебныя отношенія къ русскимъ. „Я давно зналъ, что такъ будетъ!“ повторялъ онъ угрюмо, когда до него дошла Ермоловская прокламація къ шекинскимъ жителямъ.

„Неужели русскіе полагаютъ, что Дагестанъ имъ покорится, и что они могутъ владѣть имъ?“—часто говорилъ онъ въ это время въ раздумьи. „Ни Шахъ-Абассъ, ни другіе славные завоеватели тамъ ничего не сдѣлали. Право, русскіе не знаютъ дагестанскихъ народовъ, и скорѣе они обезсилятъ и истребятъ сами себя, нежели покорятъ дагестанскія горы и ущелья“. Озираясь, то на пять пушекъ, стоявшихъ на дворѣ его дома, то на высоты Фитъ-Дага, на окружающіе ихъ скалы и утесы, онъ съ удовольствіемъ выражалъ непреложную увѣренность, что резиденція его неприступна, и тысячу разъ повторялъ, что во всей Ширвани нѣтъ мѣста лучше и пріятнѣе для него, какъ Фитъ-Дагъ.

Бѣгство Сурхая Казикумыкскаго черезъ его владѣнія и съ помощію его же нукеровъ, между тѣмъ, окончательно испортило отношенія Мустафы къ Россіи. Къ этому прибавилось то, что Ермоловъ, какъ разъ въ это же время, захватилъ въ свои руки одного изъ самыхъ близкихъ къ хану людей, который и выдалъ всѣ его связи съ дагестанцами. Мустафа рѣшился было на подкупъ; но значительныя денежныя суммы, отправленныя имъ къ разнымъ лицамъ въ Тифлисъ и къ приставу Макаеву, были представлены Ермолову и обращены въ казну. Мустафа узналъ объ этомъ и, ожидая наказанія, началъ готовиться къ побѣгу въ Персію. Все цѣнное имущество его, заключавшееся въ 140 тысячахъ звонкихъ червонцевъ, постепенно перевозилось за Куру; туда же отправились многія семейства бековъ; самъ Мустафа стоялъ еще на укрѣпленныхъ высотахъ Фитъ-Дага, но при немъ оставалось уже только небольшое число туземной конницы и до ста человѣкъ сурхаевскихъ нукеровъ; жены его были совершенно готовы къ отъѣзду; лошади и катеры были собраны и по ночамъ стояли осѣдланными. Ходилъ слухъ, что Мустафа, выпроводивъ изъ стана всѣхъ женщинъ, нападетъ на русскія войска, стоявшія въ ханствѣ, и уже по истребленіи ихъ уйдетъ въ Персію. А на Муганской степи, по ту сторону Куры, стояло 800 шахсеванскихъ наѣздниковъ, и съ ними самъ Ата-Ханъ, готовый принять Мустафу подъ свою защиту.

„Мы ожидаемъ побѣга хана съ часу на часъ, — писалъ къ Ермолову приставъ, капитанъ Макаевъ:—я стою въ деревнѣ Сагьянъ съ ротою и сорока казаками; стоимъ осторожно, потому что всякую ночь даютъ знать, что на насъ будетъ нападеніе“.

Одновременно съ донесеніями, шедшими отъ пристава, Ермоловъ продолжалъ получать и дружескія письма хана, старавшагося оправдывать свое поведеніе и выражавшаго въ нихъ чувства неизмѣнной вѣрности къ русскому императору. Но въ отвѣтъ на эти лживыя письма, два батальона и 800 казаковъ, подъ командою донского генерала Власова, форсированнымъ маршемъ уже двигались въ ханство. Ермоловъ ожидалъ, что Мустафа, собравъ своихъ приверженцевъ, будетъ защищаться въ крѣпкомъ Фитъ-дагскомъ замкѣ. Но ханъ о защитѣ не думалъ и, предупрежденный во-время,

19 августа 1820 года бѣжалъ въ Персію. Казаки, однакоже, шли съ такою быстротою, что ханъ едва успѣлъ переѣхать Куру, какъ и они появились уже въ виду переправы. Два, три часа промедленія, малѣйшая задержка неминуемо отдали бы хана въ ихъ руки. О поспѣшности бѣгства его можно судить по тому, что ханъ оставилъ во дворцѣ двухъ меньшихъ своихъ дочерей, изъ которыхъ одну, грудную, нашли раздавленною между разбросанными сундуками и пожитками.

Впослѣдствіи объяснилось, что Мустафа бѣжалъ черезъ мѣстечко Сулута; проѣхавъ ночью горные магалы, онъ перебрался потомъ черезъ большую дорогу изъ Тифлиса въ Баку, почти въ виду Инчинскаго поста, и переѣхалъ черезъ Куру на лодкахъ, которыя были приготовленны заблаговременно. Казакамъ Инчинскаго поста удалось схватить 15 человѣкъ отсталыхъ конно-вооруженныхъ татаръ, спѣшившихъ вслѣдъ за Мустафою. А одинъ изъ бековъ, враждовавшій съ ханомъ, съ толпою своихъ людей догналъ у переправы и захватилъ часть ханскихъ драгоцѣнностей. Это былъ Камбай-бекъ съ тѣми ширванскими всадниками, которые такъ славно дрались въ Казикумыкѣ подъ русскими знаменами. Къ сожалѣнію, здѣсь, у самой переправы, произошло съ ними какое-то печальное недоразумѣніе: казаки и апшеронская рота подполковника Саглинова, подоспѣвшіе сюда вслѣдъ за татарами, напали на конницу Камбай-бека, принявъ ее за непріятеля, и не только отняли ханскія вещи, но и ограбили ея собственныя... А Мустафа, между тѣмъ, открылъ ружейный огонь изъ-за рѣки и собственноручно ранилъ выстрѣломъ одного изъ ширванскихъ всадниковъ...

Ханскій дворецъ въ Фитъ-Дагѣ, никѣмъ не охраняемый, болѣе сутокъ стоялъ открытымъ, со всѣмъ покинутымъ въ немъ имуществомъ. И прежде чѣмъ русскія власти успѣли принять какія-нибудь мѣры, онъ былъ уже разграбленъ жителями. Подошедшіе сюда черезъ день казаки съ генераломъ Власовымъ нашли только пять азіатскихъ пушекъ и два мѣдныя русскія орудія съ клеймами на нихъ: „Петербургъ, 1784 года“. По увѣренію старожиловъ, орудія эти достались Мустафѣ-хану съ Муганской степи,

гдѣ они были брошены отрядомъ грузинскихъ войскъ, при поспѣшномъ отступленіи ихъ, послѣ внезапнаго возвращенія графа Зубова въ Россію.

Ермоловъ воспользовался всѣми этими обстоятельствами, чтобы навсегда покончить съ ханомъ. Съ рѣдкимъ тактомъ онъ приказалъ отправить къ Мустафѣ дочь его, въ сопровожденіи почетной свиты, составленной изъ прежнихъ ханскихъ нукеровъ, и женъ тѣхъ ширванскихъ бековъ, которые бѣжали съ ханомъ. Послѣднимъ позволили взять все движимое ихъ имущество и даже часть прислуги. Этотъ поступокъ удивилъ персіянъ, имѣвшихъ обыкновеніе въ подобныхъ случаяхъ до тла разорять и конфисковать имущество бѣглецовъ. Старый ханъ былъ видимо тронутъ возвращеніемъ своей маленькой дочери:—„а, я,—говоритъ Ермоловъ:—имѣлъ благовидный предлогъ избавиться отъ многихъ безпокойныхъ людей, которые, оставаясь у насъ, конечно, имѣли бы съ ними сношенія“.

Вслѣдъ затѣмъ прокламація Ермолова возвѣстила ширванцамъ, что „Мустафа, за побѣгъ въ Персію, навсегда лишается ханскаго достоинства, а Ширванское ханство принимается въ Россійское управленіе“. Жители отнеслись совершенно равнодушно къ совершившимся фактамъ и остались спокойными. Генералъ Вреде, прибывшій изъ Кубы, тотчасъ учредилъ управленіе и привелъ къ присягѣ всѣ ближніе и дальніе магалы.

30-го августа, въ день тезоименинства русскаго государя, на неприступномъ Фитъ-Дагѣ въ первый разъ въ армянскихъ церквахъ и татарскихъ мечетяхъ совершено было при громѣ пушекъ молебствіе о здравіи императора. Духовенство, беки и почетнѣйшіе жители обѣдали въ этотъ день у Вреде, а вечеромъ городъ былъ иллюминованъ, и народъ забавлялся фейерверками.

Но и самый Фитъ-Дагъ доживалъ свои послѣдніе дни. По неудобству гористаго мѣстоположенія городъ здѣсь былъ упраздненъ, и всѣ присутственныя мѣста переведены изъ него обратно въ Старую Шемаху.

Такъ, въ два года, два главнѣйшія ханства, Шекинское и Ширванское, одно за другимъ, безъ выстрѣла, на вѣчныя времена

присоединились къ Россіи. „Первое пріобрѣлъ я—говоритъ Ермоловъ въ одномъ изъ своихъ писемъ:—истолкованіемъ трактатовъ, какъ мусульмане толкуютъ алкоранъ, т. е., какъ приличествуетъ обстоятельствамъ; Ширванское ханство досталъ познаніемъ свойствъ хана: онъ наклоненъ къ боязни и ее увеличиваетъ въ немъ ипохондрія“.

Помимо политическаго значенія, присоединеніе Ширванскаго ханства принесло русской казнѣ и большіе доходы, что можно сказать лишь о немногихъ покоренныхъ окраинахъ. „Бѣгство хана—говоритъ Ермоловъ:—отяготило насъ сладкимъ бременемъ полумилліоннаго дохода“. Казнѣ достались между прочимъ прекрасный оружейный заводъ, находившійся въ деревнѣ Лагоджанѣ, въ гористой полосѣ Ширвани, и превосходные конскіе табуны, державшіеся на шемахинскихъ равнинахъ. Лучшіе жеребцы и кобылицы были отобраны и, по распоряженію Ермолова, отправлены въ заводы Воронежской губерніи; къ нимъ присоединилъ онъ еще и двухъ собственныхъ текинскихъ жеребцовъ—подарокъ ему туркменскаго народа. По отличной породѣ и необычайной быстротѣ это были необыкновенные и дорогіе экземпляры. Любопытенъ фактъ, что, отправляя лошадей, Ермоловъ приказалъ назначить для сопровожденія ихъ самаго благонадежнаго офицера, „но ни въ какомъ случаѣ не изъ казаковъ“. Вѣроятно, онъ опасался, что казаки не доведутъ безъ грѣха такого сокровища, какъ добрые кони.

Политическая роль ширванскаго хана кончилась. Аббасъ-Мирза выслалъ къ нему навстрѣчу, на границу Персіи, дядю своего съ привѣтствіемъ и съ приглашеніемъ пріѣхать въ Тавризъ, а впослѣдствіи отдалъ въ его управленіе два сосѣдніе съ Россіею магала, и даже содержалъ при немъ почетный конвой изъ 500 конныхъ татаръ. Но это было все, что ему осталось отъ прошлаго величія. Призракъ прежней власти не переставалъ, однако, тревожить хана, — и его конвой, время отъ времени, врывался въ русскія владѣнія. Понынѣ помнятъ случай, когда одна изъ подобныхъ шаекъ, въ іюлѣ 1823 года, была открыта и понесла жестокое пораженіе при балкѣ Экси-Кюръ, между Зардобомъ и дер. Агаджеби. Ширванскій комендантъ, полковникъ Старковъ, отзы-

вается въ своемъ донесеніи съ особенной похвалой объ усердіи и храбрости ширванскихъ бековъ, изъ которыхъ одинъ, Гассанъ-Ага, изрубилъ въ этой схваткѣ родного племянника, другой — Умбай-бекъ, положилъ на мѣстѣ четырехъ ханскихъ нукеровъ. Мустафа долженъ былъ убѣдиться, что ему разсчитывать на населеніе и поддерживать волненія и смуты въ Ширвани — нельзя... Персидская война вновь воскресила было въ немъ большія надежды, — но и имъ сбыться было не суждено.

Очередь была теперь за Карабагомъ.

Карабагъ, т. е. „Черный садъ“ — одна изъ богатѣйшихъ и плодороднѣйшихъ провинцій за Кавказомъ, – нѣкогда принадлежалъ Арменіи; позднѣе завладѣли имъ персіяне, и Шахъ-Надиръ большую часть карабагскихъ татаръ переселилъ въ Хороссанъ. Одному изъ этихъ переселенцевъ, по имени Пана-Хану, старшинѣ Джеванширскаго племени, удалось бѣжать съ значительнымъ числомъ подговоренныхъ имъ земляковъ на родину, и тамъ поднять знамя возстанія. Карабагъ отложился отъ Персіи и, въ 1747 году, провозгласилъ Пана-Хана своимъ повелителемъ.

Такъ, на границѣ обширнаго государства возникло небольшое, независимое владѣніе, упорно отстаивавшее свою самостоятельность. Пана-Ханъ поселился сперва въ Шахъ-Булахѣ; но въ 1752 году онъ построилъ неприступную шушинскую крѣпость и перенесъ туда свою резиденцію. На стѣнахъ городской мечети и понынѣ сохранилась надпись, свидѣтельствующая, что городъ и крѣпость основаны Пана-Ханомъ въ 1167 году Геджры.

Но не долго Шуша служила резиденціею первому карабагскому владѣтелю. Въ слѣдующемъ же году онъ умеръ, а сынъ его, Ибрагимъ, наслѣдовавшій владѣніе, уже принялъ титулъ карабагскаго хана — и Шуша стала столицею ханства.

Нужно сказать, что еще при Пана-Ханѣ въ Карабагѣ вспыхнула междоусобная война между татарами и карабагскими же армянами, старавшимися выдвинуть въ правители одного изъ своихъ меликовъ, Атамъ-Шахъ-Назарова. Пана-Ханъ вынудилъ тогда своего соперника бѣжать въ Ганжу; но при Ибрагимѣ онъ снова

явился въ Карабагъ, и новый ханъ, чтобы разъ на всегда отдѣлаться отъ претендента, опаснаго и безпокойнаго, пустилъ въ дѣло подкупъ: Назаровъ сталъ жертвою измѣны, и умеръ, отравленный ядомъ.

Съ его смертію внутреннія смуты въ Карабагѣ окончились, и Ибрагимъ имѣлъ возможность заняться устройствомъ страны и развитіемъ ея внутреннихъ силъ.

Пятьдесятъ два года властвовалъ Ибрагимъ въ Карабагѣ, 52 года отстаивалъ свою независимость отъ Персіи, и геройская оборона Шуши противъ громадныхъ полчищъ Аги-Магомета-Хана составляетъ одинъ изъ лучшихъ моментовъ воинственной исторіи этого воинственнаго края. Но роковой часъ пробилъ и для Ибрагима. Паденіе Ганжи и смерть Джаватъ-Хана показали мусульманскимъ владѣльцамъ, что ожидаетъ ихъ при сопротивленіи русскому оружію. Старый Ибрагимъ рѣшился предупредить кровавую развязку и, въ 1805 году, первый изъ всѣхъ мусульманскихъ владѣтелей добровольно присягнулъ на вѣрность Россіи. Но присяга была далеко не искренна. Едва русскій батальонъ, привѣтствуемый шумною оваціей христіанскаго населенія, вступилъ въ Шушу и сталъ въ армянскомъ кварталѣ, какъ Ибрагимъ раскаялся въ своей поспѣшности и отправилъ гонца къ персидскому шаху, прося его прислать войска для занятія Карабага. Персіяне подошли къ Араксу, распуская слухъ, что идутъ наказать Ибрагима. Ибрагимъ дѣятельно готовился къ защитѣ, но въ то же время изыскивалъ способы тайно уѣхать изъ Шуши и передаться персіянамъ. Нужно сказать, что онъ имѣлъ привычку выѣзжать каждый вечеръ, со всѣмъ своимъ семействомъ, за городъ, проводилъ ночь въ полѣ, верстахъ въ двухъ отъ городскихъ воротъ, и въ пятницу, вечеромъ, возращался въ крѣпость. И на этотъ разъ ханъ, подъ видомъ обычной прогулки, выѣхалъ съ большою свитой, но съ тѣмъ, чтобы ночью уже бѣжать въ непріятельскій лагерь. Внучатый племянникъ его, Джафаръ-Кули-Ага,—тогда еще юноша, впослѣдствіи наслѣдникъ карабагскаго ханства, — успѣлъ увѣдомить обо всемъ Лисаневича. Лисаневичъ, задержавъ его въ своей квартирѣ, самъ скрытно вышелъ изъ города, чтобы арестовать Ибрагима,—

и, въ произошедшей при этомъ стычкѣ, ханъ былъ убитъ. Тогда карабагское владѣніе перешло по наслѣдству къ старшему сыну его Мехти-Кули-хану. Этому-то третьему владѣтелю Карабага и суждено было вмѣстѣ съ тѣмъ быть и послѣднимъ его повелителемъ.

Джафаръ также остался въ Шушѣ; но естественно, что онъ и Мехти никогда уже не могли примириться: между ними стояла кровавая тѣнь Ибрагима.

Ермоловскія времена застали Карабагъ въ положеніи весьма печальномъ. Изъ нѣкогда богатаго населенія, простиравшагося до 24,000 семействъ, теперь же не оставалось въ немъ и половины. Персидскія войны, дѣлавшія Карабагъ по преимуществу ареною военныхъ дѣйствій, совершенно разорили страну; огромное количество жителей увлечено было въ плѣнъ, не меньшее—разошлось по разнымъ мѣстамъ. Въ равнинахъ Карабага, прилегавшихъ къ персидскимъ границамъ, никто не осмѣливался даже и селиться. Повсюду виднѣлись тамъ лишь развалины селъ, остатки обширныхъ шелковичныхъ садовъ и запущенныя, заброшенныя поля.

Подъ русскимъ владычествомъ персидскія войны давно уже утратили характеръ народныхъ бѣдствій для Карабага, но страна не только не поправилась, а, напротивъ, падала. Мехти-ханъ не дѣлалъ ничего для благосостоянія подданныхъ, проводя все время въ гаремахъ, да занимаясь охотою съ собаками и ястребами. Даже ханскій дворецъ представлялъ развалины, въ которыхъ не было и признака той роскоши, которая когда-то окружала дѣда, и потомъ отца Мехти-хана. Между тѣмъ ханскіе любимцы обирали не только народъ, но и его самого такъ что нерѣдко ему недоставало средствъ содержать себя приличнымъ образомъ. Ничтожная дань уже не вносилась въ казну нѣсколько лѣтъ къ ряду. Ермоловъ, еще при первомъ объѣздѣ Карабага, былъ пораженъ нищетою края и его дурнымъ управленіемъ. Онъ это и далъ почувствовать хану. Замѣтивъ близъ самаго дворца въ Шушѣ маленькую и некрасивую мечеть, приходившую въ совершенный упадокъ, Ермоловъ грозно сказалъ Мехти: — „Я требую, чтобы къ моему будущему пріѣзду, на мѣстѣ этихъ развалинъ, выстроена была новая мечеть, которая соотвѣтствовала бы великолѣпію вашего

дворца". Эти слова, сказанныя по-татарски, въ присутствіи многихъ лицъ, произвели на малодушнаго хана подавляющее впечатлѣніе, отъ котораго онъ никогда уже не могъ оправиться. Боязнь скоро и подготовила ему паденіе.

Прошло уже два года съ тѣхъ поръ, какъ перестали существовать Шекинское и Ширванское ханства; о Карабагѣ, повидимому, забыли, — какъ вдругъ, 21-го ноября 1822 года, въ Тифлисъ пришла вѣсть, что Мехти-ханъ бѣжалъ въ Персію. Долго не могли понять причинъ, побудившихъ его къ побѣгу. Но причины были. Къ этому времени открылось одно обстоятельство, по поводу котораго ханъ могъ опасаться серьезной отвѣтственности. Дѣло въ томъ, что съ жителей ханства, по волѣ государя, были сложены значительныя недоимки, накопившіяся за нѣсколько лѣтъ; но они не воспользовались этою милостью: расточительный ханъ скрылъ отъ нихъ это обстоятельство и собралъ недоимки въ свою пользу. Но была и другая, еще болѣе вѣская причина—это трагическая исторія, разыгравшаяся тогда въ Карабагѣ между Мехти-ханомъ и Джафаръ-Кули-Агою, наслѣдникомъ карабагскаго ханства. Между ними давно уже, какъ сказано, шла тайная, но постоянная борьба, разгоравшаяся съ каждымъ днемъ; и Ермоловъ, несмотря на всѣ старанія, никогда не могъ примирить враждующихъ.

Джафаръ велъ жизнь разсѣянную и разгульную. Было время, когда онъ безъ утомленія по сорока часовъ сряду просиживалъ за карточнымъ столомъ, и потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, садился на коня и отправлялся на охоту. Разъ, заигравшись въ карты у Мадатова, онъ поздно ночью возвращался верхомъ домой. У мостика, неподалеку отъ ханскаго дворца, его ожидала, между тѣмъ, засада. Судьба, въ которую Джафаръ такъ безусловно и искренно вѣрилъ, спасла его: три пули просвистали мимо, и только четвертая пронизала ему руку; но рана была легкая.

Пораженные неожиданностью выстрѣловъ, сопровождавшіе Джафара нукеры смѣшались, — и убійцы успѣли скрыться. Джафаръ заявилъ подозрѣніе на самого хана, такъ какъ никому болѣе и не могла быть нужна его смерть. Джафаръ говорилъ, что за нѣсколько дней передъ тѣмъ его секретно предупреждали о преступ-

номъ намѣреніи хана, и если онъ не бралъ никакихъ мѣръ предосторожности, то только потому, что не могъ предвидѣть, чтобы покушеніе произведено было съ такою наглою дерзостью. Назначено было формальное слѣдствіе, нѣсколько приближенныхъ лицъ къ хану были арестованы и, вѣроятно, это-то обстоятельство такъ напугало мнительнаго Мехти, что онъ, въ сопровожденіи всего 15—20 нукеровъ, выѣхалъ изъ дворца,—и больше въ него не возвращался. На другой день узнали, что ханъ уже въ Персіи. Онъ бѣжалъ почти безъ денегъ, покинувъ въ Карабагѣ и женъ, и все свое имущество.

Между тѣмъ слѣдствіе выяснило, что ханъ ни въ чемъ виноватъ не былъ. Напротивъ, на самого Джафара падало уже подозрѣніе, что онъ подстроилъ всю эту исторію самъ, и самъ себя легко ранилъ въ руку, чтобы имѣть возможность выступить обвинителемъ противъ хана и занять его мѣсто. Всѣ обстоятельства сложились такъ, что Джафаръ, при тѣхъ подозрѣніяхъ, которыя на немъ тяготѣли, уже не могъ оставаться въ краѣ, и вмѣстѣ со своею семьею былъ высланъ въ Симбирскъ. Семейство Мехти также отправлено въ Персію. Карабагъ остался безъ хана и безъ наслѣдника,—и былъ обращенъ въ простую русскую провинцію.

Въ томъ же году, осенью, возвращаясь изъ Кабарды, Ермоловъ посѣтилъ Карабагъ, и въ его присутствіи въ Шушѣ открытъ былъ „диванъ“ (провинціальный судъ), введено русское управленіе, и народъ принялъ присягу на вѣрность русскому императору. Жители города поднесли тогда Ермолову, въ память присоединенія области, булатную саблю съ соотвѣтствующею надписью.

Присоединеніе ханствъ—стало совершившимся фактомъ.

Правда, оставалось еще одно самостоятельное ханство, Талышинское, управлявшееся полковникомъ Миръ-Хассанъ-ханомъ, утвержденнымъ въ этомъ званіи только съ 14 іюля 1821 года, но оно, издавна разоряемое персіянами и находившееся въ кровной враждѣ съ ними, было не только неопасно для Россіи, но еще

освобождало ее отъ охраны самой отдаленнѣйшей части русской границы. Было время, когда и Миръ-Хассанъ-ханъ, напуганный участью сосѣднихъ владѣльцевъ, собирался покинуть все и также бѣжать подъ покровительство Персіи. Но Ермоловъ поспѣшилъ его успокоить. Онъ извѣстилъ его, что бѣжавшіе ханы лишились своихъ владѣній вслѣдствіе измѣны, но что русское правительство никогда не имѣло притязаній на уничтоженіе ханской власти. —„Посмотрите на высокостепеннаго Асланъ-хана, — писалъ къ нему Ермоловъ: — ему государь великодушный далъ и ханство Кюринское, и ханство Казикумыкское. Такъ вознаграждаетъ онъ служащихъ ему съ вѣрностью!“

„Но, впрочемъ,—прибавлялъ Ермоловъ:—если вы точно намѣрены удалиться, то мѣсто ваше тотчасъ же займетъ одинъ изъ старшихъ братьевъ вашихъ, который захочетъ быть усерднымъ подданнымъ великаго государя. Такъ предписано уже отъ меня военному въ Талышахъ начальнику, и отъ братьевъ вашихъ сего скрывать я не имѣю причины“. Миръ-Хассанъ-ханъ остался. Это, впрочемъ, не помѣшало ему измѣнить при первомъ слухѣ о готовившейся войнѣ съ персіянами.

Ханства болѣе не существовали. Этимъ мирнымъ присоединеніемъ ихъ, обошедшимся безъ всякихъ тревогъ и волненій, Россія обязана была въ весьма значительной степени князю Мадатову. Назначенный въ 1817 году военноокружнымъ начальникомъ въ ханствахъ, онъ, самъ уроженецъ Карабага, съ его воинственнымъ характеромъ, съ его глубокимъ знаніемъ татарскихъ нравовъ и языковъ, былъ незамѣнимымъ на его посту человѣкомъ. Его благоразумная осторожность, соединенная со справедливостью и открытымъ, благороднымъ характеромъ, снискали ему всеобщую любовь жителей. Въ его дѣятельности народъ познакомился именно съ мирнымъ управленіемъ русскихъ и научился видѣть недостатки управленія ханскаго; а подъ его предводительствомъ — онъ вскорѣ побратался съ русскими войсками кровью и на поляхъ битвъ.

Въ свободное отъ походовъ время Мадатовъ отдавалъ всѣ свои мысли на устройство закавказскихъ провинцій, особенно въ это неопредѣленное время перехода ихъ отъ ханской власти подъ русское управленіе; и онъ успѣлъ утвердить въ нихъ такое спокойствіе и безопасность, что самъ Ермоловъ ѣздилъ тамъ, и даже по ночамъ, въ сопровожденіи лишь конвоя изъ туземныхъ бековъ. При Мадатовѣ появилась пословица, что „въ Карабагѣ женщина можетъ ходить безопасно съ блюдомъ золота на головѣ“.

Такимъ образомъ мысль Ермолова, направленная на закрѣпленіе ханствъ за русскою властью, нашла въ Мадатовѣ замѣчательнѣйшаго и энергичнѣйшаго исполнителя, котораго не должна забыть исторія.

XLII.

Церковный бунтъ

въ Имеретіи и Гуріи.

Почти одновременно съ назначеніемъ Ермолова на Кавказъ, экзархомъ Грузіи сдѣлался извѣстный преосвященный Ѳеофилактъ, землякъ Ломоносова, одна изъ тѣхъ рѣдкихъ, выдающихся личностей, которыя всѣмъ своимъ гордымъ, упорнымъ характеромъ и направленіемъ умственнаго развитія какъ бы предназначаются на реформаторскую дѣятельность, страстно отдаются ей и становятся или жертвою своей идеи, или добиваются торжества ея.

Ѳеофилактъ засталъ церковное устройство въ Грузіи въ самомъ шаткомъ и неопредѣленномъ положеніи. Былъ учрежденъ экзархатъ, открыта сѵнодальная контора, но они существовали только на бумагѣ, а на дѣлѣ продолжали господствовать старинные грузинскіе безпорядки и полный произволъ духовенства, соединенный съ безконтрольностью въ доходахъ и расходахъ церковнаго имущества. Ѳеофилактъ со всею своей обычною страстностью принялся ломать и передѣлывать это неурядливое, но сложившееся вѣками церковное устройство Грузіи. По его представленію святѣй-

шій сѵнодъ въ Петербургѣ издалъ распоряженіе о сокращеніи въ Грузинскомъ экзархатѣ церквей, и вмѣсто девяти, существовавшихъ въ Имеретіи, Мингреліи и Гуріи, эпархій опредѣлилъ быть только тремъ,—по одной на каждую область. А чтобы привести эту мѣру въ исполненіе, необходимо было прежде опредѣлить и привести въ извѣстность количество церковнаго дохода, и сдѣлать перепись церковному имуществу.

Мѣстное духовенство встрѣтило это распоряженіе ропотомъ. Не могли быть, конечно, довольны священники, остававшіеся по сокращенію церквей за штатомъ; но это неудовольствіе еще болѣе разжигалось и поддерживалось въ нихъ самими митрополитами, стремившимися отстоять свою независимость отъ петербургскаго сѵнода. И такъ какъ въ духовенствѣ Закавказья были люди знатнѣйшихъ княжескихъ фамилій, имѣвшихъ большія связи и значеніе въ странѣ, то не трудно было предвидѣть, что церковный вопросъ скоро перейдетъ на гражданскую почву, что подъ видомъ защиты религіи, князья встанутъ на защиту своихъ, нарушенныхъ экзархомъ, привилегій безконтрольности и произвола — подымутъ народъ. Такъ, дѣйствительно, и случилось.

Въ Карталиніи реформы прошли довольно спокойно; но въ Имеретіи, еще недавно пережившей кровавые дни возстанія, гдѣ русская власть не успѣла окрѣпнуть, сразу начались волненія. Жители не только не допустили сдѣлать описи церковному имуществу, но едва не убили посланныхъ для того комиссаровъ. Гордый и настойчивый Ѳеофилактъ рѣшился самъ отправиться въ Имеретію, думая, что его личное присутствіе тамъ устранитъ сопротивленіе, а въ Гурію и Мингрелію послалъ прокурора сѵнодальной конторы. Ермоловъ, видѣвшій несвоевременность затѣяннаго экзархомъ церковнаго переустройства, совѣтовалъ ему по крайней мѣрѣ повременить съ реформами, предупреждая, что по грубости населенія изъ-за этого вопроса могутъ возникнуть серьезные безпорядки. Но Ѳеофилактъ уже былъ въ Кутаисѣ, и суровыя, крутыя распоряженія его не замедлили усилить волненіе, быстро охватившее всю Имеретію. Нужно сказать, что распоряженіе о закрытіи церквей и объ описи церковнаго имущества не имѣло

въ виду княжескихъ и дворянскихъ помѣстій, ограничиваясь на первый разъ лишь такими имѣніями, которыя находились въ непосредственномъ распоряженіи властей; но Ѳеофилактъ далъ реформѣ всеобщее примѣненіе и принялся проводить ее повсюду, затрогивая самые близкіе интересы лицъ частныхъ и даже права ихъ собственности. Естественно, что дѣло не могло обойтись безъ открытаго неудовольствія и ропота.

Имеретины жаловались. Они писали, «что они долго были въ рукахъ неправедныхъ агарянъ, и много перенесли страданій, но что и агаряне до дѣлъ духовныхъ у нихъ не касались; что они, народъ исповѣдующій вѣру, удержавшуюся у нихъ отъ самаго распятія Христа, не могутъ быть презрительнѣе ослѣпленныхъ іудеевъ, которые благоденствуютъ подъ русскимъ правленіемъ, и что ихъ скорбь не имѣетъ предѣла при видѣ, какъ закрываютъ святыя ихъ церкви, какъ отторгаютъ отъ нихъ благочестивыхъ священниковъ, приносившихъ безкровныя жертвы за спасеніе душъ ихъ, какъ отбираютъ кресты и образа, украшенные ихъ скуднымъ достояніемъ; и какъ отчуждаютъ, наконецъ, церковныя имущества, пріобрѣтавшіяся вѣками и кровью, и жалованныя имъ прежними царями въ награду прежнихъ заслугъ ихъ».

Между тѣмъ, подъ видомъ поборничества за утѣсненную вѣру, злонамѣренные люди распускали слухъ, что русскіе намѣрены обратить ихъ въ еретичество, и призывали народъ постоять за вѣру за Божьи храмы, за оскорбленное и униженное святое духовенство, Волненіе росло и уже вооруженныя толпы стали стекаться въ селеніе Химши.

Вельяминовъ, при первомъ же извѣстіи о столь неблагопріятномъ оборотѣ дѣла, просилъ Ѳеофилакта немедленно вернуться въ Тифлисъ. Но Ѳеофилактъ медлилъ, и дождался того, что самъ народъ потребовалъ его немедленнаго удаленія. Управлявшій въ то время Имеретіею генералъ-маіоръ Курнатовскій,—нѣкогда человѣкъ замѣчательной энергіи и храбрости (онъ былъ преемникъ Лихачева по командованію славнымъ 16 егерскимъ полкомъ на Кавказской линіи), а тогда уже изможденный болѣзнями, ранами и старостью,—самъ отправился на Квирильскій постъ; но вмѣсто

того, чтобы дѣйствовать энергически и требовать отъ населенія спокойствія, онъ вступилъ съ мятежниками въ переговоры.

„Мы не разойдемся,—отвѣчали ему коноводы движенія:—пока Ѳеофилактъ не выѣдетъ изъ Имеретіи. Покуда онъ здѣсь,—ни почты въ Грузію, ни дорогъ для купцовъ не будетъ“...

И Ѳеофилактъ долженъ былъ уступить необходимости и выѣхать изъ Кутаиса. Возбужденіе противъ него народа было такъ велико, что одинъ изъ толпы, собравшейся при его отъѣздѣ, покушался даже на жизнь его и былъ схваченъ съ оружіемъ въ рукахъ у самыхъ колесъ его экипажа. Курнатовскій, между тѣмъ, такъ растерялся въ этихъ сложныхъ обстоятельствахъ, что даже выдалъ мятежникамъ уже составленныя описи церковнаго имущества, оставленныя у него на храненіе уѣхавшимъ экзархомъ.

„Я всячески буду стараться,—писалъ Курнатовскій въ то же время къ генералу Вельяминову:—избѣгать дѣла съ мятежниками, которые, повидимому, только того и ждутъ, чтобы мы начали управляться оружіемъ. Первый выстрѣлъ будетъ сигналомъ, и пламя мятежа обниметъ весь здѣшній край“.

Слабость эта естественно повела только къ дальнѣйшему развитію безпорядковъ. Духъ мятежа былъ всеобщій; въ Гуріи и Мингреліи готовились дѣйствовать заодно съ имеретинцами, и подъ рукою тайно сносились съ Абхазіей и даже съ Турціей. Нѣкоторые владѣтельные князья еще показывали преданность Россіи, но эта преданность, при ихъ всегдашней полуазіатской двуличности, была болѣе чѣмъ сомнительна, а сила ихъ противъ общаго народнаго движенія—ничтожна.

Ермоловъ, съ своей стороны, принималъ всѣ мѣры, чтобы избѣжать необходимости дѣйствовать оружіемъ, и войска, подъ начальствомъ генерала Сысоева, были только придвинуты къ границамъ Имеретіи, а народу объявлена прокламація, призывавшая его къ порядку. Создалось странное и безпокойное положеніе. Открытаго вооруженнаго возстанія не было, но русскія войска должны были стоять съ ружьемъ у ноги. Злонамѣренные люди воспользовались и этимъ, и распустили слухъ, что солдаты собираются по ночамъ, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ вырѣзать жителей.

Оставлять дѣла въ такомъ положеніи было невозможно. Ермоловъ писалъ изъ Дагестана къ экзарху, что, разъ начатое, церковное преобразованіе должно быть доведено до конца, несмотря ни на какія препятствія,—иначе народъ признаетъ уступку за слабость и даже за боязнь со стороны правительства, что въ будущемъ обѣщало бы только вѣчныя смуты. А потому онъ указывалъ ему на необходимость взять и выслать въ Россію двухъ старѣйшихъ имеретинскихъ митрополитовъ, стоявшихъ, какъ было извѣстно, во главѣ движенія, и не оказывавшихъ самому ему, какъ первосвященнику, должнаго уваженія.

„Оскорбленное самолюбіе горделиваго монаха—говоритъ Ермоловъ—одобряло сіе распоряженіе". Но арестъ митрополитовъ являлся дѣломъ не легкимъ, и требовалъ большой осторожности, чтобы не вызвать окончательно мятежнаго взрыва въ народѣ. Генералъ Курнатовскій—„слабое управленіе котораго, по выраженію Ермолова, было хуже нашествія татаръ"—для этой роли былъ неудобенъ. „Храбрый офицеръ этотъ—писалъ про него главнокомандующій императору Александру:—достоинъ уваженія; но старость, притупя способности, сдѣлала его слабымъ къ командованію". Курнатовскій былъ смѣненъ, а на его мѣсто правителемъ Имеретіи назначенъ командиръ 44-го егерскаго полка, полковникъ Пузыревскій,—нѣкогда, въ отечественной войнѣ, адъютантъ знаменитаго князя Виттенштейна.

Ермоловъ вполнѣ полагался на извѣстную энергію и благоразуміе Пузыревскаго, однакоже, въ предвидѣніи новыхъ безпорядковъ, онъ отложилъ свою поѣздку въ Петербургъ и поспѣшилъ вернуться изъ Дагестана въ Тифлисъ.

Пузыревскій прибылъ въ Кутаисъ въ началѣ 1820 года. Осмотрѣвшись въ краѣ, онъ увидалъ, что замыслы мятежниковъ приняли размѣры неизмѣримо шире, чѣмъ можно было бы судить по внѣшности. Митрополиты открыто благословляли народъ на подвигъ освобожденія отечества; въ церквахъ освящалось оружіе, и священники раздавали его своимъ прихожанамъ. Имеретинцы даже выбирали себѣ уже и царя: одни требовали князя Зураба Церетели, другіе—сына его, Григорія, третьи указывали на князя Ивана

Абашидзе—сына царевны Дареджаны, дочери Соломона Великаго. Но большинство отвергало всѣхъ этихъ трехъ претендентовъ и требовало царя по прямой линіи отъ древней крови Багратидовъ.

Медлить долѣе съ арестованіемъ главныхъ заговорщиковъ Пузыревскій считалъ невозможнымъ. Предположено было выбрать темную ночь, и, направивъ нѣсколько малыхъ летучихъ отрядовъ, разомъ захватить въ свои руки всѣхъ коноводовъ возстанія. Намѣреніе хранилось въ величайшемъ секретѣ. Солдаты не должны были знать, куда и зачѣмъ ихъ ведутъ, да и каждому изъ начальниковъ этихъ летучихъ партій должно было быть извѣстно только то, что ему поручено.

Всѣхъ арестованныхъ Пузыревскій предполагалъ привезти въ редутъ, построенный внѣ Кутаиса еще покойнымъ Симановичемъ. а отсюда отправить ихъ подъ сильнымъ конвоемъ въ Тифлисъ, въ случаѣ же крайности перебить, и трупы бросить въ рѣку. „Чтобы плѣнные были смирнѣе, не могли бѣжать и не были узнаны во время провоза жителями, я прикажу—проектировалъ, между прочимъ, Пузыревскій въ письмѣ къ Вельяминову: — надѣть на нихъ холщевые мѣшки съ отверстіемъ противъ рта, и перевяжу сверхъ мѣшковъ по шеѣ и по поясу“. Предоставляя Пузыревскому полную свободу дѣйствій, Вельяминовъ отвергъ, однакоже, послѣднюю мѣру, какъ слишкомъ суровую и совершенно напрасную. „Вообще,—писалъ онъ къ нему:—надо болѣе всего страшиться смерти митрополитовъ, убійство которыхъ можетъ не только возмутить имеретинцевъ, но произведетъ дурное впечатлѣніе и на нашихъ солдатъ, привыкшихъ относиться къ духовенству благоговѣйно“. Но если бы крайность заставила прибѣгнуть къ этому средству, то Пузыревскому приказано было отнюдь не оставлять тѣла убитыхъ въ Имеретіи, а тѣмъ болѣе не кидать ихъ въ рѣку, такъ какъ тѣла могутъ всплыть и дать только пищу суевѣрію народа; напротивъ, ихъ велѣно было вывезти даже изъ Грузіи и предать землѣ не ближе Койшаура.

Мѣры, принятыя Пузыревскимъ, увѣнчались полнымъ успѣхомъ. 4 марта 1820 года, вечеромъ, одновременно схвачены были оба митрополита, гелатскій и кутаисскій, царевна Дареджана и

нѣсколько болѣе вліятельныхъ имеретинскихъ князей, которые подъ сильнымъ конвоемъ тотчасъ и были благополучно высланы въ Россію. Только одинъ изъ этихъ митрополитовъ, Досифей Кутатели, заболѣлъ въ дорогѣ простудною горячкою, и умеръ на пути между Сурамомъ и Гори. Долго не знали, какъ поступить съ его тѣломъ, и скрывали смерть его даже отъ конвойныхъ солдатъ; наконецъ изъ Тифлиса пришло разрѣшеніе похоронить его въ ближайшей церкви, но безъ всякой пышности и церемоніи; тѣло покойнаго митрополита провезли еще нѣсколько дней, и предали землѣ въ старинномъ монастырѣ Ананура. Аресты не произвели, по внѣшности, на народъ особеннаго впечатлѣнія, и въ столицѣ Имеретіи все было спокойно. Но Пузыревскій не вѣрилъ этой наружной тишинѣ. «Кругомъ все тихо,—писалъ онъ Вельяминову 8 марта:—но спокойствіе это, быть можетъ, предвѣщаетъ бурю, и я для утишенія ея готовлю мѣры».

И Пузыревскій не ошибался.

Съ удаленіемъ изъ Имеретіи митрополитовъ и царевны Дареджаны, во главѣ движенія сталъ князь Иванъ Абашидзе, одинъ изъ всѣхъ успѣвшій избѣжать ареста и нашедшій себѣ убѣжище въ Гуріи, у князя Койхосро Гуріели, дяди тогдашняго гурійскаго владѣтеля, Мамія. Къ нему спѣшило теперь все, что было недовольно дѣйствіями русскаго правительства. Центръ возмущенія передвинулся въ Гурію.

Страна эта, извѣстная въ древности подъ именемъ Лазики, наполнена памятниками, по которымъ, какъ по открытой книгѣ, читается исторія народа и его древняго образованія. Здѣсь руины старыхъ укрѣпленныхъ замковъ римскихъ императоровъ перемѣшиваются съ остатками древнихъ городовъ, съ ихъ христіанскими памятниками — церквами. Греки, римляне, венеціанцы, евреи и персы, христіане, магометане и огнепоклонники попеременно занимали этотъ цвѣтущій край, бывшій ареною постоянныхъ тревогъ и борьбы. Народы исчезали здѣсь одинъ за другимъ съ своими богатыми цвѣтущими колоніями, оставляя заступавшимъ ихъ мѣсто только слабые слѣды своего существованія.

Трудно опредѣлить, въ какихъ отношеніяхъ была въ древности вся эта область къ царямъ грузинскимъ. Феодальная подчи-

ненность имъ всѣхъ земель, составлявшихъ коронное достояніе грузинскаго народа, которую застала исторія, позволяетъ думать, что и Гурія была также ленною областью Грузіи, но удержала свою племенную особенность. Возникавшее могущество грузинскихъ властителей соединяло по временамъ весь картвельскій народъ подъ одинъ общій скипетръ, но не утверждало общаго чувства народности. Достовѣрно извѣстно, однако, что до царствованія Баграта I-го, т. е. до IX вѣка, Гурія принадлежала грекамъ; но съ ослабленіемъ власти восточныхъ императоровъ, они должны были мало по малу отказываться отъ правъ своихъ на отдаленныя береговыя земли, а грузинскіе цари, пользуясь этимъ, завладѣвали Гуріей, и управляли ею чрезъ эриставовъ, — званіе, изъ всѣхъ въ Гуріи древнѣйшее. Послѣ несчастнаго раздѣленія царства между тремя сыновьями Александра I-го, является званіе атабека Гуріи. Но уже съ конца XV вѣка правители ея стали называться прямо владѣтельными князьями съ титуломъ Гуріелей.

Вскорѣ послѣ того Гурія дѣлается добычею турокъ,—и гуріецъ всею душою ненавидитъ ихъ до настоящаго времени. Воинственный и гордый, онъ не можетъ простить имъ униженія, которому они подвергали его отечество въ былыя времена набѣговъ, накладывая святотатственную руку и на гробы его владѣтелей, и на его бѣдный домъ, на жену и дѣтей, не щадя и оскорбляя даже самую святыню церквей. Но прошло и это время со всѣми его ужасами, Гурія успокоилась было подъ мощнымъ скипетромъ Россіи, какъ вдругъ имеретинское движеніе вовлекло ее снова на измѣнчивый и шаткій путь воинственнаго возбужденія.

Укрывшись въ Гуріи, въ замкѣ князя Койхосро, князь Абашидзе повелъ ревностную агитацію, призывая имеретинъ къ оружію. Князь Койхосро, въ душѣ всегда сочувствовавшій русскимъ, не могъ не понимать послѣдствій своего фальшиваго положенія; но, по народнымъ обычаямъ, онъ не могъ поступить иначе, чтобы не подвергнуться позору за отказъ въ гостепріимствѣ людямъ въ несчастіи, а тѣмъ болѣе родственникамъ. Такъ въ борьбу вовлеченъ былъ этотъ замѣчательнѣйшій человѣкъ Гуріи, на которомъ стоитъ остановиться.

Койхосро Гуріели, третій сынъ владѣтельнаго князя Георгія, съ самаго дѣтства, по обычаямъ страны, предназначался къ занятію важнаго духовнаго сана шемокмедскаго епископа, и получилъ самое лучшее по тогдашнему времени образованіе: онъ говорилъ на многихъ языкахъ и читалъ въ подлинникѣ латинскихъ и греческихъ классиковъ, что въ странѣ, подобной Гуріи, было чрезвычайною рѣдкостью. Но пылкій, страстный характеръ Койхосро скоро, однако, отклонилъ его отъ предназначеннаго ему жизненнаго пути. Не чувствуя влеченія къ монашеству, онъ, уже посвященный въ діаконы, сложилъ съ себя духовный санъ, и сталъ однимъ изъ блестящихъ политическихъ дѣятелей своей страны въ смутное время конца прошедшаго столѣтія, когда Гурія признавала еще надъ собою власть Турціи, а Турція опустошала и грабила край безъ всякой пощады.

По смерти владѣтеля Гуріи, Симона (преемника Георгія), законнымъ наслѣдникомъ остался трехлѣтній сынъ его, Мамій. Пользуясь его малолѣтствомъ, безпокойные дядья его, братья Койхосро, Вахтангъ и Леванъ, попеременно захватывали власть въ свои руки, наполняя страну ужасами междоусобія. Койхосро Гуріели, уже тогда извѣстный своимъ умомъ и силою характера, заступился за малолѣтняго владѣтеля, выгналъ Вахтанга въ Турцію, смирилъ Левана, и при ничтожныхъ средствахъ съумѣлъ водворить порядокъ и спокойствіе въ странѣ, гдѣ въ продолженіе многихъ вѣковъ царило одно только право сильнаго. Эта темная сила, въ конецъ губившая родину, олицетворялась въ лицѣ мятежныхъ моуравовъ, князей и сильныхъ азнауровъ, которые, запершись въ свои заоблачные, крѣпкіе замки, предавались разбойничьему образу жизни.

На Аджарскомъ хребтѣ, отдѣлявшемъ Гурію отъ турецкихъ владѣній, понынѣ множество развалинъ старыхъ замковъ и крѣпостей — Аскана, Ликауры, Байлети и другіе. Пустыми стоятъ теперь эти разбойничьи вертепы; рука времени довершила то, чего не сдѣлали люди: разсыпались стѣнные зубцы, стѣны башенъ треснули, въ разсѣлинахъ выросли деревья, и плющъ своимъ изумруднымъ ковромъ покрылъ развалины,—могильные памятники

прошлаго. Человѣкъ давно уже не живетъ здѣсь, и лишь ящерицы да змѣи, „злыя, но, быть можетъ, менѣе зловредныя и ядовитыя творенія, чѣмъ прежніе обитатели этихъ замковъ“, выползаютъ изъ своихъ норъ, да воронъ, сидя на вершинѣ башни, каркаетъ еще, какъ будто жалуясь, что нѣтъ ему теперь уже прежней кровавой пищи, что не выбрасываютъ изъ замковъ труповъ — обычныхъ жертвъ насилія и вѣроломства: своды подземелій пробиты все тѣмъ же неумолимымъ временемъ, и лучъ солнца свободно входитъ туда, гдѣ сидѣли въ цѣпяхъ истомленные узники или назначенныя въ продажу для турецкихъ гаремовъ красавицы...

Но тогда, въ концѣ минувшаго вѣка, развалины были еще полны жизни, и изъ этихъ-то логовищъ владѣтели замковъ выѣзжали на дороги съ цѣлыми шайками, грабили жителей и, забирая въ плѣнъ красивѣйшихъ женщинъ, дѣвушекъ и мальчиковъ, продавали ихъ въ Турцію. Этотъ постыдный торгъ обратился, наконецъ, въ постоянный и прибыльнѣйшій промыселъ. Не только люди, чуждые другъ другу по крови, но даже родственники перестали цѣнить священныя узы, связывавшія ихъ, — мужъ жену, отецъ дочь, братъ сестру влекли на невольничій рынокъ и продавали пограничнымъ туркамъ.

Койхосро не могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ такого глубокаго паденія родины, и съумѣлъ обуздать своевольныхъ разбойниковъ князей. Понынѣ памятна въ странѣ борьба, которую велъ Койхосро противъ двухъ злѣйшихъ враговъ порядка, двухъ моуравовъ: асканскаго—Давида Асатіани, и ланчутскаго—Забуедиля Жардонія.

Народное преданіе облекло паденіе Асканы легендарнымъ ореоломъ, и въ этой легендѣ рисуются въ яркихъ чертахъ и характеръ Койхосро и состояніе въ тогдашней Гуріи нравовъ.

Построенный въ глубокомъ ущельѣ, на отвѣсной скалѣ, Асканскій замокъ по выгодному мѣстоположенію болѣе другихъ крѣпостей представлялъ собою надежный оплотъ и притонъ для разбойниковъ. Въ немъ, послѣ буйно проведенной молодости доживалъ свой вѣкъ старый Давидъ Асатіани, окруженный толпою своихъ родныхъ, такихъ же своевольныхъ и непокорныхъ, какъ

онъ самъ, и всякихъ людей, отверженныхъ родиной, укрывавшихся здѣсь отъ преслѣдованія закона.

Много мѣръ было предпринято со стороны Койхосро, чтобы истребить Аскану, но всѣ онѣ были безуспѣшны; а отъ этого только умножалось число приверженцевъ Асатіани. Склонить его на миръ, заставить добровольно отказаться отъ разбойничьей жизни нечего было и думать, и напрасно Койхосро засылалъ людей, предлагая старому Давиду сдать его неприступную крѣпость, чтобы получить взамѣнъ ея лучшія помѣстья Гуріи. Гордый и надменный владѣлецъ замка упрямо отвергалъ всѣ предложенія. Увѣренный, что въ стѣнахъ древней Асканы онъ непобѣдимъ и не имѣетъ надобности въ чужомъ покровительствѣ, Асатіани не хотѣлъ отдаться безъ боя въ руки того человѣка, къ которому питалъ непримиримую ненависть. А между тѣмъ и оставить Асатіани въ томъ положеніи, въ которое поставили его смуты края и междоусобные раздоры князей, было еще менѣе возможно. Тогда Койхосро рѣшился прибѣгнуть къ помощи измѣны и предательства. Къ этому то событію и относится легендарное сказаніе объ Асканѣ.

„Въ одну изъ тѣхъ минутъ,—говоритъ оно: —когда азіатскій вельможа съ патріархальною торжественностію рѣшаетъ политическія дѣла и вопросы подъ открытымъ небомъ, среди безпечнаго и празднаго народа, Койхосро завелъ рѣчь объ Асканѣ.

— Я подожду еще немного, — говорилъ онъ: — посмотрю, что будетъ дальше; но если дѣла не измѣнятся къ лучшему, то клянусь гробомъ отца моего истребить въ ней всѣхъ, а стараго Асатіани велю сжечь живого.

— „Стоитъ ли этотъ звѣрь, чтобы объ немъ такъ много безпокоиться,—отвѣчалъ одинъ изъ присутствующихъ.—Пусть живетъ себѣ на скалахъ, какъ коршунъ,—пока голова его не скатится съ утесовъ. Намъ слѣдуетъ только окружить Аскану, пресѣчь къ ней всѣ сообщенія,—и дѣлу будетъ конецъ“.

— Крѣпость была окружена шесть недѣль,—возразилъ Койхосро,—и мы ничего не выиграли. Давидъ жилъ себѣ, какъ живалъ всегда, а людей моихъ отправлялъ на тотъ свѣтъ десят-

ками; въ крѣпости есть подземные ходы, и для него все равно, хоть вѣкъ сиди подъ стѣнами Асканы. Да и дѣло не въ Асканѣ; нужно только вытянуть оттуда самого Асатіани. Истребить негодяя не грѣшно передъ Богомъ, и я, для общаго блага, готовъ пожертвовать собою, лишь бы достигнуть той цѣли, отъ которой ожидаю счастливой будущности для Гуріи.

— „Жизнь твоя нужна для всѣхъ, — прервалъ его старый Беридзе,—но жизнь такая, какъ моя, нужна очень немногимъ. Я старъ, стою у дверей гроба. Скажи, что надо сдѣлать, и за мной остановки не будетъ. Но объ одномъ прошу: если меня убьютъ, не оставь жену и дѣтей; ты знаешь—я бѣденъ“.

Койхосро озабоченно и угрюмо посмотрѣлъ на говорившаго.

— Фамилія Беридзе, фамилія древнѣйшихъ азнауровъ Гуріи,— сказалъ онъ,—издревле отличалась преданностію владѣльческому дому, и я это вижу теперь на дѣлѣ. Семейство твое отнынѣ будетъ моимъ семействомъ, но ты самъ иди и приготовься на все, что я отъ тебя потребую.

Смутно почувствовалъ старый Беридзе, какую именно службу потребуетъ отъ него Койхосро. Страшно и безчестно казалось ему быть предателемъ Давида, съ которымъ вмѣстѣ они проводили первые дни своей безпечной молодости. Только къ разсвѣту забылся онъ мимолетнымъ сномъ, но и во снѣ воспоминанія говорили ему о прошедшемъ, о дружбѣ съ Асатіани.

Утромъ онъ пошелъ къ Койхосро. Тамъ засталъ онъ князя Т. Д., пріѣхавшаго въ ночь на совѣщаніе съ правителемъ по тому же дѣлу. Беридзе, привыкшій съ юныхъ лѣтъ уважать обычаи родины, былъ непріятно изумленъ, не хотѣлъ повѣрить, чтобы князь Т. Д., нѣкогда усыновившій Асатіани, могъ измѣнить вѣковѣчнымъ и святымъ обязанностямъ этого духовнаго родства. Но дѣло говорило само за себя. Подавивъ тяжелое чувство, Беридзе выслушалъ, что ему нужно дѣлать, молча накинулъ на плечи бурку, закрылъ лицо башлыкомъ и отправился въ путь съ нѣсколькими изъ своихъ товарищей.

Была темная ночь, когда путники приблизились къ ущелью, гдѣ жилъ Асатіани, и стали осторожно спускаться по скаламъ и

утесамъ къ рѣкѣ, шумѣвшей у обрывовъ Асканы. Какъ змѣи подползли они къ замку и залегли за каменьями. Никто не видѣлъ и не слышалъ ихъ прихода. На разсвѣтѣ Беридзе одинъ поднялся на скалу и окликнулъ окрестность громкимъ голосомъ. Но въ крѣпости всѣ еще спали; одно только эхо повторило окликъ и перекатомъ отдалось по горамъ смутнымъ зловѣщимъ гуломъ. Беридзе стало страшно; онъ замолчалъ и плотно завернулся въ бурку. Вотъ уже солнце поднялось изъ-за горъ, и на крѣпостной стѣнѣ стали появляться вооруженные люди. Беридзе стоялъ у всѣхъ на виду.

— Кто ты? окликнули его изъ крѣпости.

— „Божаръ Беридзе. Скажите Давиду Асатіани, что я, безоружный, хочу его видѣть. Бояться ему нечего; я одинъ, а васъ при немъ цѣлыя сотни“.

— Отъ кого ты присланъ?

— „Отъ князя Т. Д.“.

Прошло нѣсколько минутъ, и въ воротахъ неприступнаго замка показался самъ Асатіани.

— Что тебѣ нужно, Божаръ? — спросилъ онъ, видимо ни на одну минуту не покидая осторожности. — Если ты хочешь погубить меня, то это трудъ, который не дастъ тебѣ покоя и въ могилѣ. Ремесло, за которое ты взялся, пріятель, тяжело и недостойно тебя, если ты только не забылъ нашу молодость.

— „Давидъ! — отвѣчалъ Беридзе: — въ роду моемъ не было предателей. Тридцать лѣтъ, какъ мы разстались съ тобой, и вотъ, ты живешь на этихъ скалахъ между орлами, а я, по старому, все еще рыскаю на конѣ по лѣсамъ и полямъ моей родины“.

— Зачѣмъ ты пришелъ ко мнѣ?

— „По просьбѣ князя, усыновившаго тебя. Я пришелъ сказать, что онъ, какъ отецъ, принимаетъ къ сердцу твою ссору съ родиной и желаетъ видѣть въ своемъ Асатіани добраго азнаура, вѣрнаго слугу отечества. Кромѣ того, я бы сказалъ тебѣ много, но отсюда говорить неудобно. Сойди, мы потолкуемъ наединѣ, а если боишься, возьми людей и оружіе“.

— Ни тебя, ни твоего владѣтеля еще никогда не боялись

Асатіани! — гордо отвѣчалъ Давидъ на коварныя слова стараго друга. — Одинъ изъ предковъ моихъ построилъ эту крѣпость, и она, послѣ смерти моего отца, досталась мнѣ, также, какъ и ему, отъ предковъ. Отъ меня она перейдетъ къ моему наслѣднику. Слѣдовательно, если меня и не станетъ на свѣтѣ, для всѣхъ васъ пользы не много. Замокъ будутъ защищать до тѣхъ поръ, пока существуетъ хотя одинъ Асатіани.

Оба они замолчали. Асатіани вернулся домой.

Глубокая тишина царствовала повсюду, и только доносился по вѣтру отдаленный гулъ рѣчки, бѣшено бившейся по обрывамъ и скаламъ въ глубокой пропасти. Вдали виднѣлись сходившіяся тѣни пирамидальныхъ горныхъ вершинъ, изъ-за которыхъ выходило блестящее солнце.

— Помнишь ли ты сонъ, который я вчера разсказывалъ тебѣ? — говорилъ Асатіани, обращаясь къ женѣ. — Взгляни въ ущелье, на тѣнь, что падаетъ правѣе рѣки. Не имѣетъ ли она поразительнаго сходства съ тѣмъ чернымъ крестомъ, который снился мнѣ на прошлой недѣлѣ? И это мѣсто назначено мнѣ для свиданія! Неужели тамъ ждетъ меня измѣна? Неужели тотъ, кто усыновилъ меня, рѣшится быть виновникомъ моей гибели?

Томимыя предчувствіемъ, жена и дѣти не хотѣли отпускать его; но онъ, полный вѣры въ самого себя, покорный судьбѣ, вышелъ изъ крѣпости и сталъ спускаться въ ущелье. Тамъ встрѣтилъ его Беридзе. — „А гдѣ же князь Т.?“ спросилъ у него Асатіани. — Князь будетъ сію минуту, а между тѣмъ мы поговоримъ съ тобою вонъ тамъ, — и онъ указалъ рукою на огромный камень, свалившійся съ горъ на дорогу. Молча они отправились туда; но едва Давидъ поднялся на обломокъ скалы, какъ грянулъ выстрѣлъ, и, пораженный смертельною пулею, старикъ свалился съ утеса на то самое мѣсто, гдѣ тѣнь образовала собою черный крестъ.

Падая, Асатіани успѣлъ, однакоже, выстрѣлить изъ пистолета, и тяжко ранилъ Божара.

Въ крѣпости слышали выстрѣлы. Изъ замка бросились внизъ вооруженные люди. Но прежде чѣмъ они успѣли сойти, Беридзе скрылся; Койхосро и князь Т. Д., пріѣхавшіе также къ замку и

издали видѣвшіе эту сцену, по первому выстрѣлу поскакали на мѣсто убійства; но тамъ все было пусто и тихо, какъ за день передъ тѣмъ, и лишь лужа свѣжей, запекшейся крови указывала мѣсто, гдѣ совершилось предательство... Смертельно раненаго Асатіани уже умчали въ крѣпость.

Удачное начало обѣщало успѣхъ. Койхосро предполагалъ, что Аскана, лишившись главнаго своего предводителя, не представитъ ему серьезнаго сопротивленія, и немедленно кинулся на приступъ; но онъ былъ отбитъ,—торжество побѣды осталось все-таки за умирающимъ Асатіани. Но крѣпость не праздновала свою побѣду; въ тотъ же день, къ вечеру, изнеможенный смертельною раною, измученный душевными тревогами, старый Асатіани умеръ, заклиная дѣтей и родственниковъ защищать его Аскану.

Но часъ Асканы уже приближался. Старикъ, передавая дѣтямъ все, что ему принадлежало при жизни, не могъ передать имъ своего ума и опытности, — а они одни, въ теченіе сорока лѣтъ, только и поддерживали грозную славу Асканы, заставлявшую трепетать его родину. Понимали это и люди, окружавшіе Асатіани, и, предвидя неизбѣжную гибель себѣ, если останутся въ стѣнахъ Асканы, разсѣялись, кто въ Турцію, кто по полямъ своей родины,—и Асатіани остались съ слабыми и ненадежными силами. Койхосро, избѣгая потери людей, предлагалъ сыновьямъ покойнаго Давида сдать ему крѣпость; но всѣ предложенія его были, какъ и прежде, отвергнуты: потомки Асатіани опасались мучительной казни.

Тогда Койхосро рѣшился овладѣть Асканой посредствомъ внезапнаго нападенія. И вотъ, однажды, на самомъ разсвѣтѣ, съ нѣсколькими десятками отважныхъ гурійцевъ онъ бросился на приступъ и быстро, по ступенямъ, выбитымъ въ скалѣ, поднялся на крѣпостныя стѣны. Перекаты безпрерывныхъ выстрѣловъ не умолкали почти до заката солнца, но потомъ вдругъ все затихло, точно въ крѣпости не осталось болѣе ни одной живой души. А спустя немного, Аскана, вся закрытая до того пеленою порохового дыма, показалась на просвѣтлѣвшемъ небосклонѣ, какъ бы уходящею съ грѣшной земли въ волнахъ пламени: она пала, какъ падаетъ окро-

вавленный разбойникъ на сценѣ своей буйной и беззавѣтной жизни въ толпѣ себѣ подобныхъ...

Беридзе, виновникъ успѣха, не дожилъ до радостной вѣсти; онъ умеръ наканунѣ паденія Асканы, и умеръ, „благословляя щедроты и милости къ себѣ Койхосро". Такъ говоритъ легенда.

Вслѣдъ за Асканой палъ и Ланчутскій замокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратились и всѣ безпорядки, тревожившіе край. Койхосро сталъ грозою безпокойныхъ азнауровъ. Такъ еще до вступленія Мамія въ наслѣдственное управленіе страною, въ Гуріи, благодаря энергіи Койхосро, наступило спокойствіе, и страна отдохнула отъ долго тяготѣвшихъ надъ нею бѣдствій. Во времена Циціанова, Мамій вступилъ подъ покровительство Россіи, и тогда Койхосро, отличенный русскимъ правительствомъ, получилъ чинъ полковника. Съ этимъ-то энергическимъ человѣкомъ и приходилось теперь имѣть дѣло Пузыревскому.

Итакъ, арестованіе главныхъ вожаковъ имеретинскихъ волненій и бѣгство князя Абашидзе въ замокъ Койхосро—перенесли центръ дѣйствій въ Гурію и вовлекли въ дѣло замѣчательнѣйшаго человѣка этой страны. Обстоятельства усложнялись. А между тѣмъ, по внѣшности, по первому впечатлѣнію, могло казаться совершенно иное, и самъ Пузыревскій поддался успокоительному дѣйствію окружавшей его тишины. Дѣйствительно, въ мартѣ 1820 года, и въ Имеретіи и въ сопредѣльной съ нею Мингреліи было все такъ смирно, что онъ нашелъ возможнымъ увѣдомить Вельяминова, что „тишина Имеретіи и покорность ея жителей удостовѣряютъ его, что послѣдніе слишкомъ напуганы выдумками о его строгости»; при этомъ онъ прибавлялъ, что проводитъ все время въ бесѣдахъ съ имеретинами, разъясняя имъ „попеченіе о нихъ начальства и то благоустройство земли, которое послѣдуетъ, когда правительство увѣрится въ довѣріи къ себѣ народа". „Имеретины—писалъ онъ далѣе:—соглашаются, что теперешній способъ ихъ жизни, степень просвѣщенія, хлѣбопашество и ремесла не соотвѣтствуютъ народу, озаренному христіанскою вѣрою. Они желаютъ училищъ, желаютъ устройства, и тѣмъ заставляютъ меня обратить начальническое

вниманіе на образованіе сей земли. Въ этихъ предположеніяхъ будутъ затрудненія, даже препятствія, но постоянный ходъ къ предначертанной цѣли преодолѣетъ все, и страна, угнетаемая невѣжествомъ, лишенная отъ набѣговъ турокъ христіанской нравственности, нищая отъ лѣни и жадности князей и духовенства, будучи богата дарами природы,—подъ защитою законовъ, озаренная необходимыми познаніями, утѣшитъ попечительное начальство своимъ благоденствіемъ".

Очевидно, Пузыревскій, одушевляемый такими добрыми намѣреніями, не придавалъ особеннаго значенія смутѣ, затѣянной княземъ Абашидзе, и послалъ ему предложеніе явиться съ повинною головой. Но Абашидзе наотрѣзъ отказался. Отказался и вліятельный Койхосро выдать измѣнника. Можно думать, что Пузыревскій не ожидалъ и этого; онъ былъ пораженъ и обиженъ. Есть свѣдѣнія, что онъ до этихъ событій водилъ съ Койхосро дружбу и уважалъ его умъ и достоинства. Но теперь все перемѣнилось: Пузыревскій настаивалъ на истребленіи Койхосро, „какъ извѣстнаго разбойника, нестоящаго пощады", и просилъ разрѣшенія внезапно напасть на замокъ Шемокмеди, чтобы уничтожить „гнѣздо и шайку Койхосро". „Подъ предлогомъ исправленія дорогъ и карантиновъ,—писалъ онъ къ Вельяминову:—я введу въ Гурію войска по частямъ, и до послѣдней минуты никто не будетъ знать о настоящей цѣли". Затѣмъ рѣшено было потребовать Койхосро на объясненія, и такъ какъ онъ, вѣроятно, не явится, то это и можетъ послужить законнымъ предлогомъ для дѣйствій противъ него оружіемъ.

Дѣйствительно, 10-го апрѣля, Койхосро потребованъ былъ въ Кутаисъ, и, конечно, не явился. Тогда Пузыревскій, 13-го числа, внезапно подступилъ къ Шемокмеди и, остановивъ войска въ отдаленіи, самъ, съ небольшимъ конвоемъ, отправился въ укрѣпленный замокъ Койхосро. Но онъ нашелъ его покинутымъ и узналъ только, что Койхосро находится неподалеку, въ какой-то деревушкѣ. На возвратномъ пути къ отряду неожиданно стряслась надъ Пузыревскимъ бѣда, которая сразу опрокинула всѣ составленные до того расчеты и обострила до послѣдней крайности все дѣло.

Спускаясь съ горы по густому лѣсу, Пузыревскій встрѣтилъ трехъ гурійцевъ.

— Гдѣ Койхосро? спросилъ онъ ихъ.

Въ отвѣтъ грянуло три выстрѣла, и Пузыревскій, смертельно раненый въ бокъ, упалъ съ лошади; изъ бывшихъ съ нимъ конвойныхъ казаковъ одинъ былъ также раненъ и потомъ добитъ кинжалами, а другой казакъ и офицеръ схвачены въ плѣнъ и доставлены къ Койхосро, который, какъ будто бы, подарилъ убійцѣ Пузыревскаго ружье и саблю. Отрядъ, стоявшій подъ горою, слышалъ выстрѣлы, но не посмѣлъ броситься въ лѣсъ, и отступилъ къ Озургетамъ. Такъ передаетъ дѣло офиціальное донесеніе. Но есть частныя свѣдѣнія, въ иномъ свѣтѣ представляющія катастрофу. Говорятъ, ничего похожаго на засаду не было, но что Пузыревскій, разспрашивая 15-ти-лѣтняго мальчика о мѣстопребываніи Койхосро, ударилъ его плетью за то, что тотъ сталъ отговариваться незнаніемъ, и юноша, не стерпѣвъ обиды, выхватилъ изъ чехла ружье—и положилъ его на мѣстѣ. Теперь положительно извѣстно также, что Койхосро не принималъ никакого участія въ убійствѣ Пузыревскаго и, напротивъ, былъ огорченъ смертью человѣка, котораго привыкъ уважать, тѣмъ болѣе, что ему самому смерть эта ничего добраго не обѣщала. Но въ то время вся вина преступленія пала на одного Койхосро. Встревоженный смертью Пузыревскаго, онъ не рѣшался возвратиться въ свой замокъ, хотя и не предпринималъ ничего враждебнаго противу русскихъ. Но уже и этого было достаточно; нашлись люди, которые постарались выставить поведеніе Койхосро явнымъ доказательствомъ его принадлежности къ возмутителямъ, и самый Мамій, всѣмъ обязанный Койхосро, но давно уже тяготившійся вліяніемъ умнаго дяди, первый представилъ его въ этомъ свѣтѣ передъ Ермоловымъ.

А обстоятельства, между тѣмъ, все усложнялись. Когда извѣстіе о смерти Пузыревскаго дошло до Озургетъ, подполковникъ Згорѣльскій, стоявшій тамъ съ двумя ротами Мингрельскаго полка, при двухъ орудіяхъ, вопреки совѣтамъ владѣтеля тотчасъ двинулся на Шемокмеди, чтобы выручить тѣло Пузыревскаго и освободить захваченнаго въ плѣнъ офицера. Это былъ тотъ самый Згорѣль-

скій, который, подъ командою еще Несвѣтаева, выдвинулся, въ 1809 году, въ знаменитомъ трехдневномъ бою съ персіянами подъ Амамлами, Беканомъ и Гумри. Въ то время Згорѣльскій былъ маіоромъ Саратовскаго полка, но съ тѣхъ поръ военная карьера его подвигалась впередъ не особенно быстро. Ермоловъ засталъ его еще подполковникомъ, исправлявшимъ обязанности дежурнаго штабъ-офицера Грузинскаго корпуса. „Не долженъ былъ я сомнѣваться ни въ способности, ни въ храбрости его,—говоритъ Ермоловъ въ своихъ запискахъ:—ибо на подполковникѣ видѣлъ орденъ св. Владиміра 3-й степени, и оказанный имъ подвигъ описанъ былъ великолѣпно".—И онъ представилъ его въ командиры одного изъ кавказскихъ полковъ. Но дѣйствія Згорѣльскаго въ Имеретіи объяснили Ермолову, почему онъ такъ долго оставался въ тѣни.

Въ ночь на 15 апрѣля, Згорѣльскій прибылъ въ селеніе Чахатауры, и, оставивъ здѣсь для поддержанія своихъ сообщеній сильный постъ отъ двухъ ротъ 44-го егерскаго полка, подъ командою подпоручика Клугена, двинулся дальше. Отъ Озургетъ до Шемокмеди только семь верстъ; но на третьей верстѣ дорога углубляется въ дремучій лѣсъ, который тянется уже сплошь до подошвы Шемокмедской горы, омываемой рѣчкою Бзуджи, глубокой и быстрой, черезъ которую устроенъ былъ постоянный мостъ. Въ этомъ лѣсу, въ пяти верстахъ отъ замка, Згорѣльскій далъ себя окружить сильному непріятелю. Пробиваясь штыками, отрядъ дошелъ, наконецъ, до подошвы высокой горы, на которой стоялъ замокъ Койхосро. Но тамъ онъ нашелъ мостъ чрезъ рѣку уничтоженнымъ, а между тѣмъ приближалась ночь, — и переходить съ боемъ глубокую, быструю рѣчку въ бродъ Згорѣльскій не рѣшился. Всю ночь шла перестрѣлка, и на утро Згорѣльскій увидѣлъ весь противоположный берегъ въ завалахъ и засѣкахъ, которые надо было брать штурмомъ. Не считая себя достаточно сильнымъ, чтобы справиться съ этими препятствіями, онъ началъ отступать къ Озургетамъ. Но едва отрядъ, тѣснимый на каждомъ шагу мятежниками, дошелъ до Марани, какъ вслѣдъ за нимъ туда же явились 3 унтеръ-офицера и 20 рядовыхъ съ Чахатуарскаго поста и сообщили, что постъ взятъ непріятелемъ.

Дѣйствительно, 18 апрѣля, въ то самое время, какъ отрядъ Згорѣльскаго отступалъ отъ Шемокмеди, нѣкто Давидъ Эристанъ, собравъ большую шайку, напалъ на Чахатауры. Постъ этотъ не только не былъ укрѣпленъ, а даже, какъ можно предположить, не былъ и оберегаемъ съ должною бдительностью. Подпоручикъ Клугенъ заперся съ горстью людей въ деревянномъ магазинѣ и тамъ защищался. Но когда строеніе охвачено было пламенемъ, команда бросилась вонъ и попала въ руки мятежниковъ. Клугенъ, раненый пулею, упалъ и былъ схваченъ въ плѣнъ. Большинство солдатъ перебито, больные, лежавшіе въ лазаретѣ, вырѣзаны, до 20 человѣкъ схвачено въ плѣнъ, а остальные, пробившись штыками, разсѣялись по лѣсу и кое-какъ успѣли добраться до Марани.

Теперь къ торжествующему мятежу пристали и мингрельцы. Князь Иванъ Абашидзе поспѣшилъ въ Имеретію, чтобы и тамъ поднять возстаніе. Подъ его личнымъ начальствомъ, сотня мятежниковъ сняла постъ изъ восьми казаковъ на р. Чалобури, и прервала этимъ сообщеніе съ Тифлисомъ. Тогда имеретинцы провозгласили въ селеніи Сазано царемъ Имеретіи Вахтанга, незаконнаго сына царевича Давыда, и двинулись съ нимъ къ Кутаису, чтобы тамъ вѣнчать его на царство. Въ Мингреліи безпорядки съ каждымъ днемъ росли. Самъ владѣльный князь, Леванъ, оставался вѣренъ Россіи; но родной братъ его, Георгій, воспитанникъ пажескаго корпуса и офицеръ Преображенскаго полка, находившійся въ то время въ отпуску на родинѣ, сталъ во главѣ мятежа и покусился даже на жизнь брата съ тѣмъ, чтобы овладѣть кормиломъ правленія. Къ счастію, покушеніе не удалось. Мятежники напали на роту Мингрельскаго полка, стоявшую въ Чалодиди, и заставили ее отступить къ Ріонской пристани, а вслѣдъ затѣмъ едва-едва не овладѣли и русскимъ транспортомъ, слѣдовавшимъ изъ Редутъ-Кале. На этомъ, однако, подвиги Георгія и окончились. Милиція князя Левана разсѣяла буйную шайку его и заставила самого Георгія бѣжать въ Абхазскія горы.

Въ такомъ видѣ дошли до Ермолова извѣстія о дѣлахъ въ возмутившемся краѣ. Извѣстіе о смерти Пузыревскаго онъ принялъ слишкомъ близко къ сердцу. „Не при мнѣ умирать достойному

офицеру безъ отмщенія!“ — вотъ роковыя слова, которыя вырвались у него подъ первымъ впечатлѣніемъ.

„Вы лишились, храбрые товарищи,—говорилось въ приказѣ по корпусу отъ 28 апрѣля:—начальника усердіемъ къ службѣ великаго Государя отличнаго, попеченіемъ о васъ примѣрнаго. Жалѣю вмѣстѣ съ вами, что погибъ онъ отъ руки подлыхъ измѣнниковъ; вмѣстѣ съ вами не забуду, какъ надлежитъ отомщевать за гнусное убійство достойнаго начальника. Я покажу вамъ мѣсто, гдѣ жилъ подлѣйшій разбойникъ Койхосро Гуріель,—не оставьте камня на камнѣ въ семъ убѣжищѣ злодѣевъ; ни одного живого не оставьте изъ гнусныхъ его сообщниковъ. Требую, храбрые товарищи, дружескаго поведенія съ жителями мирными, кроткими, вѣрноподданными Императора—приказываю наказывать безъ сожалѣнія злобныхъ измѣнниковъ“.

Разроставшійся мятежъ требовалъ теперь уже рѣшительныхъ мѣръ. Въ послѣдній разъ обратился Ермоловъ къ имеретинскому народу съ воззваніемъ, приглашая его возвратиться къ порядку. На мѣсто Пузыревскаго командиромъ 44-го егерскаго полка назначенъ былъ полковникъ князь Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ Имеретію отправленъ и начальникъ корпуснаго штаба генералъ-маіоръ Вельяминовъ съ большими полномочіями: всѣхъ захваченныхъ съ оружіемъ приказано было наказывать смертію; Койхосро и князь Абашидзе были объявлены измѣнниками государства и лишены покровительства законовъ; мятежнаго Вахтанга приказано было схватить и разстрѣлять въ Кутаисѣ.

Вельяминовъ прибылъ въ Кутаисъ 25 апрѣля. Здѣсь, въ сердцѣ Имеретіи, онъ получилъ болѣе опредѣленное представленіе о возмущеніи въ этой странѣ. Оказывалось, что большая часть тамошняго населенія оставалось спокойною, и лишь жители округа Горной Рачи отказались принять воззваніе Ермолова и безпощадно грабили тѣхъ, кто не хотѣлъ пристать къ возстанію. Главныя силы мятежниковъ, стоявшія въ Ханыйскомъ ущельѣ, подъ начальствомъ князя Абашидзе, не превышали двухсотъ человѣкъ; но по всему краю бродили разбойничьи шайки, появляясь даже вблизи

самаго Кутаиса. Такова была общая физіономія возстанія. И вотъ, для истребленія шаекъ посланы были небольшіе казачьи отряды, подъ общею командою генерала Власова; въ Рачинскій округъ, который, по своей воинственности и по своему неприступному мѣстоположенію, могъ сдѣлаться опаснымъ ядромъ возмущенія, двинулся самъ правитель Имеретіи, князь Горчаковъ. Вельяминовъ остался въ Кутаисѣ. Первый ударъ мятежу былъ нанесенъ именно въ Рачинскомъ округѣ: быстрое прибытіе туда войскъ заставило мятежниковъ разсѣяться, и князь Горчаковъ безъ труда освободилъ изъ блокады небольшую русскую команду, запершуюся съ окружнымъ начальникомъ въ горномъ замкѣ Минде. Затѣмъ всѣ жители Рачинскаго округа были обезоружены, и изъ ихъ кинжаловъ и шашекъ, по приказанію Горчакова, сдѣланы были гвозди, замочные приборы и другія мелкія желѣзныя вещи для казармы, строившейся тогда въ селеніи Катевѣ. Вмѣстѣ съ оружіемъ отъ жителей отобраны даже и „буки", нѣчто въ родѣ рупоровъ; звуки, извлекаемые изъ этихъ инструментовъ, такъ рѣзки, что съ незапамятныхъ временъ служили имеретинцамъ сигналомъ, которымъ предупреждались жители самыхъ высокихъ горъ и глухихъ лѣсовъ о вражескомъ нашествіи. Не лишнее сказать, что подобные же рупоры еще недавно можно было встрѣтить во всей горной Шотландіи, гдѣ они служили для той же самой цѣли.

Въ Миндѣ Горчакову удалось завладѣть въ оригиналѣ всѣми документами, содержавшими въ себѣ цѣль, планъ и средства мятежниковъ. По этимъ бумагамъ добрались до виновныхъ и арестовали всѣхъ коноводовъ. При обыскѣ, производившемся въ домѣ одного изъ нихъ, князя Цулукудзе,—произошелъ трагическій случай, едва не стоившій жизни Горчакову, но за то поведшій къ полному разоблаченію заговора. Дѣло въ томъ, что Цулукудзе внезапно бросился на Горчакова съ кинжаломъ, и князь спасся отъ смерти только благодаря тому, что переводчикъ, стоявшій возлѣ, моментально выхватилъ шашку,—и Цулукудзе самъ упалъ съ разрубленной головою. Князь, замѣтивъ въ немъ признаки жизни, приказалъ перенести его къ себѣ на квартиру, окружилъ всевозможными попеченіями, и только благодаря этому Цулукудзе

совершенно оправился. Тронутый великодушіемъ Горчакова, онъ сдѣлался преданнымъ его слугою и раскрылъ передъ нимъ всѣ нити заговора. Армянинъ-переводчикъ, которому князь обязанъ былъ своимъ спасеніемъ, получилъ почетную саблю и пожизненную пенсію.

По усмиреніи Рачинскаго округа, отряды Горчакова и Власова съ двухъ сторонъ двинулись къ Хонійскому ущелью, и 1-го іюля, послѣ незначительной стычки, оно было занято. Абашидзе бѣжалъ въ Турцію, и населеніе изъявило покорность. Возстаніе въ Имеретіи потухло.

Заслуга русскихъ войскъ въ этомъ походѣ заключалась не въ битвахъ, а въ необыкновенной быстротѣ движеній, предупреждавшихъ мятежническія попытки. И потому прочное подавленіе мятежа, вмѣстѣ съ тѣмъ, почти не стоило крови.

Теперь Вельяминовъ двинулся въ Гурію.

24 іюня войска его подошли къ Шемокмеди.

Шемокмеди одно изъ замѣчательнѣйшихъ мѣстъ въ Гуріи, какъ въ отношеніи историческомъ, такъ и по живописному своему положенію. Надъ древнею обителью съ каѳедральнымъ храмомъ, которому когда-то подчинялась вся Гурія, пронеслось не одно столѣтіе; но величавое зданіе выдержало напоръ всесокрушающаго времени и гордо противостояло даже разрушительному дѣйствію политическихъ бурь. Пролетѣвшіе надъ нею вѣка положили только печать глубокой древности на громадныя глыбы голубого порфира, изъ котораго сложенъ храмъ: онѣ поросли мохомъ и обвились плющемъ, неразлучнымъ спутникомъ развалинъ Гуріи и Имеретіи. Другая церковь, меньшая, но такая же дервняя, замѣчательна тѣмъ, что въ ней хранятся лѣтописи Грузіи, нѣчто въ родѣ Кіево-печерскаго патерика — долгій трудъ шемокмедскихъ иноковъ. Самый монастырь, осѣненный старыми каштанами, — этотъ нѣмой свидѣтель треволненій, пережитыхъ Гуріей, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и стражъ праха нѣсколькихъ поколѣній ея владѣтелей. Ихъ скромные саркофаги, сложенные изъ тесаныхъ плитъ, покрываютъ весь полъ церкви; но святотатственная рука турокъ, во

время набѣговъ, не пощадила и послѣдняго жилища могущественныхъ нѣкогда сосѣдей.

Отсюда, съ вершины замка, глазъ обнимаетъ почти всю Гурію, часть Мингреліи и Имеретіи и теряется въ зелени сплошныхъ лѣсовъ, сливающихся въ неясную синеву на далекомъ горизонтѣ, окаймленномъ громадою горъ, снѣговыя вершины которыхъ кажутся отсюда неподвижными облаками. Съ другой стороны—далекое, безбрежное море...

Вельяминовъ нашелъ Шемокмеди готовою къ оборонѣ. Три роты 44-го егерскаго полка, подъ командою маіора Михина, двинулись на приступъ—и, подъ огнемъ непріятеля, менѣе чѣмъ въ полчаса, овладѣли высокою лѣсистою горою. Пока егеря ломились въ ворота замка, генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Боборыкинъ обошелъ его съ противоположной стороны, нашелъ тамъ дверь и приставленную къ ней лѣстницу, по которой солдаты тотчасъ же и пробрались внутрь замка. Но тамъ никого уже не было. Шемокмеди было разрушено, поля и виноградники окрестныхъ жителей—уничтожены. Самый замокъ былъ истребленъ до основанія; въ немъ оставили одну только церковь, и при ней построили полковнику Пузыревскому гробницу. Владѣтельный князь Мамій прислалъ къ Вельяминову и самаго убійцу Пузыревскаго, молодого человѣка, который сознался, что будто бы былъ подговоренъ на то Койхосро Гуріелемъ; его загнали сквозь строй на самомъ мѣстѣ преступленія. Гурійцы просили пощады,—и Вельяминовъ вернулся въ Озургеты.

Отсюда сдѣлана была еще экспедиція въ Мингрелію, въ которую ходили пять ротъ съ двумя орудіями, подъ начальствомъ того же маіора Михина. Взятіе приступомъ с. Гведы, гдѣ былъ извѣстный монастырь, положило и здѣсь конецъ мятежу. Болѣе упорные жители, при приближеніи войскъ, сами зажигали свои дома и башни, забирали имущество и бѣжали въ Поти. Остальное населеніе успокоилось. Церковная реформа повсюду была проведена уже безъ препятствій.

Ермоловъ былъ необыкновенно доволенъ быстрымъ подавленіемъ возстанія, и это отразилось въ приказѣ его, отданномъ по корпусу.

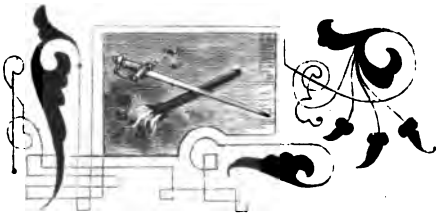
„Безпокойства, въ прошломъ году въ Имеретіи оказавшіяся,— писалъ онъ: — прекращены были мѣрами кроткими. Готовый къ снисхожденію, далъ я виновнымъ время раскаяться; напротивъ, возгорѣлся вскорѣ мятежъ, сопровождаемый злодѣяніями. Неприлично вамъ было, храбрые воины, терпѣть гнусную измѣну Государю великому и великодушному,—и наказаніе должно было постигнуть измѣнниковъ. При появленіи вашемъ разсѣялись мятежныя скопища; спасенія искали они въ лѣсахъ и твердыхъ мѣстахъ, доселѣ почитаемыхъ непроходимыми; но что можетъ быть препятствіемъ, когда васъ предводятъ начальники благоразумные? Итакъ, мятежникамъ бѣгство осталось единымъ спасеніемъ. Равно уважаю, храбрые товарищи, неустрашимость вашу и усердіе. Не потерпимъ измѣнниковъ, и не будетъ ихъ. Благодарю, между прочими войсками, и 44 егерскій полкъ, который какъ чувствовать, такъ и отмщать умѣетъ потерю своего начальника. Не существуетъ слѣдовъ крѣпости, гдѣ лишенъ жизни полковникъ Пузыревскій. Такъ, по истребленіи измѣнниковъ одно имя ихъ остается въ поношеніи“.

О судьбѣ лицъ, принимавшихъ участіе въ имеретинскихъ безпорядкахъ, можно сказать немногое.

Преосвященный Ѳеофилактъ, давшій своими неосторожными дѣйствіями первый толчекъ возстанію, умеръ отъ желчной горячки, въ іюнѣ 1821 года, во время объѣзда своего экзархата. Онъ скончался вблизи Сигнаха, въ монастырѣ св. Нины, гдѣ и понынѣ находится его гробница. Братъ мингрельскаго Дадіана, Георгій, былъ арестованъ и сосланъ на службу въ дальніе гарнизоны сибирскаго корпуса. Мамія постигла еще болѣе печальная судьба. Привязанность, которую сначала питалъ къ нему народъ, послѣ событій 20 года исчезла, и подъ конецъ своей жизни, испытывая домашнія огорченія, чувствуя себя одинокимъ и всѣми покинутымъ, онъ впалъ въ меланхолію, и умеръ 21 ноября 1826 года, двадцати семи лѣтъ отъ роду. Дѣтямъ Койхосро черезъ годъ позволили возвратиться на родину, но самъ онъ не захотѣлъ воспользоваться амнистіей, остался за границей и под-

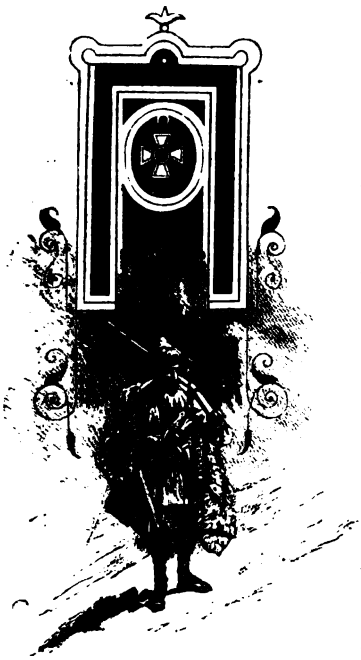
держивалъ переписку съ Маміемъ, до самой смерти послѣдняго. Несмотря на свое изгнаніе, какъ умный и опытный человѣкъ, онъ въ своихъ письмахъ постоянно предостерегалъ его, чтобы тотъ никогда не полагался на турокъ, а оставался бы вѣренъ Россіи.

Такъ окончилось недоразумѣніе, возникшее между двумя единовѣрными народами, сошли со сцены дѣятели его, а затѣмъ, историческія волны смыли и всѣ слѣды людского неразумія.



XLIII.

Абхазія.



По берегу Чернаго моря, начиная отъ Гагръ до рѣки Ингура, лежитъ Абхазія— одна изъ благодатныхъ странъ Кавказа, покрытая вѣчною, неувядающею зеленью. Здѣсь подъ открытымъ небомъ растутъ лимонныя, персиковыя и чайныя деревья, цвѣтутъ киномоны, розы и лавры, есть цѣлыя пальмовыя рощи, и громадные дѣвственные лѣса еще неприступнѣе и диче, чѣмъ лѣса Мингреліи и Имеретіи. Всякая растительность, имѣющая характеръ травъ и кустовъ, подъ вліяніемъ абхазскаго солнца принимаетъ древообразныя формы, достигая гигантскихъ размѣровъ. Тонколиственныя азаліи, съ своими красивыми желтыми цвѣтами, испускающими тяжелый, одуряющій запахъ, вытягиваются до шести аршинъ и покрываютъ собою долины и поля Самурзакани и Абхазіи; гигантскій папоротникъ встрѣчается въ видѣ густыхъ и частыхъ посѣвовъ; колѣнчатый рододендронъ — краса Черноморскаго прибрежья, съ длинными листьями и роскошными лиловыми букетами, образуетъ цѣлыя чащи по скатамъ и оврагамъ. И надо всѣмъ этимъ раскидываютъ темнозеленую листву античныя деревья: чинаръ, букъ, каштанъ и пальма...

Край этотъ могъ бы считаться однимъ изъ прекраснѣйшихъ уголковъ земного шара, если бы не его нездоровый климатъ. Гро-

мадные лѣса, особенно колоссальные папоротники, скрываютъ подъ собою болота, служащія источникомъ губительныхъ лихорадокъ. Опытъ показалъ, однакоже, что если папоротникъ выкашивать три года сряду, то онъ погибаетъ окончательно, и тогда на мѣстѣ нездоровыхъ болотъ образуются превосходные покосы и луга. Это обстоятельство такъ важно и такъ очевидно, что предъ нимъ не устояла даже классическая лѣнь абхазцевъ, и тамъ, гдѣ они истребляли папоротникъ, климатъ быстро измѣнялся къ лучшему.

Богатая почва Абхазіи, казалось, должна бы служить источникомъ довольства и даже роскоши для ея обитателей. Въ дѣйствительности она-то и служитъ причиною ихъ крайней бѣдности. Абхазцы сѣютъ только гоми и кукурузу, которые не требуютъ ухода и даютъ чудовищные урожаи; и потому абхазецъ работаетъ въ теченіе года много 20—30 дней, а остальное время проводитъ въ безпечной бродяжнической жизни. Только немногіе изъ нихъ промышляютъ ловлею дельфиновъ, которыхъ у береговъ Чернаго моря такъ много, что они нерѣдко опрокидываютъ каюки охотниковъ; но абхазцы этого не боятся, потому что плаваютъ не хуже дикарей океанійскихъ острововъ.

Абхазское племя занимало не одну Абхазію; оно жило также въ Самурзакани и Цебельдѣ, и наконецъ, по ту сторону Кавказскаго хребта, въ землѣ абазиновъ. Самурзакань, населенная преимущественно выходцами изъ Имеретіи, Мингреліи и Гуріи, подчинялась мингрельскимъ Дадіанамъ; но власть этихъ послѣднихъ была чисто номинальною. Цебельда всегда оставалась независимою; это было просто небольшое разбойничье племя, жившее въ неприступныхъ верховьяхъ Кодора, откуда оно не давало покоя даже самимъ абхазцамъ. Абазины, малочисленное племя, въ сущности тѣ же абхазцы, которые покинули родину, вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ, ссоръ и кровомщеній, и, перевалившись черезъ Кавказскій хребетъ, поселились среди закубанскихъ черкесовъ между истоками Зеленчука и Бѣлой; отъ коренныхъ абхазцевъ они отличались болѣе суровою воинственностью и чистотою нравовъ.

Абхазцы были когда-то христіанами, потомъ, подъ вліяніемъ Турціи, приняли исламъ, затѣмъ многіе снова возвратились къ

христіанству, и, въ концѣ концовъ, не было у нихъ ни одной религіи, которая сохранила бы свою чистоту. И христіане и магометане одинаково исполняли лишь наружные обряды, и только одни абазины придерживались строго магометанскаго закона.

Не отличаясь религіозностью, абхазецъ въ то же время не отличался ни умственными способностями, ни строгою нравственностію. Въ его національномъ характерѣ рѣзко выдѣлялись: отвращеніе къ честному труду, воровскія наклонности, корыстолюбіе и вѣроломство. „Помоги тебѣ Богъ", говорила мать, благословляя сына и передавая ему въ первый разъ шашку, „пріобрѣсти этою шашкою много добычи и *днемъ*, и *ночью*", — иначе сказать: путемъ правымъ и неправымъ. Вся слава абхазца состояла въ томъ, чтобы бродить изъ одного мѣста въ другое, воровать чужой скотъ и имущество, а при удачѣ, и самихъ поселянъ для продажи въ неволю. Позднѣе, подъ властью русскихъ, торговля людьми стала для нихъ трудна, если не совершенно недоступна; но воровать можно было почти попрежнему, отдѣлываясь только временнымъ заключеніемъ, а выпущенный изъ-подъ ареста абхазецъ не безъ гордости говорилъ, что онъ воротился изъ плѣна.

Убить кого-нибудь изъ-засады было въ Абхазіи дѣломъ самымъ обыкновеннымъ, чему способствовали густые лѣса, гдѣ, даже видя непріятеля, не всегда возможно было до него добраться. То и дѣло получались извѣстія о солдатахъ, о казакахъ, даже о самихъ абхазцахъ, убитыхъ въ лѣсу невѣдомо кѣмъ; и хотя все это обыкновенно валилось на цебельдинцевъ, но справедливость требуетъ сказать, что никто такъ не способенъ пырнуть ножемъ изъ-за угла, какъ житель самой коренной Абхазіи.

Всѣ народы абхазскаго племени носили черкесскую одежду, которая отличалась, однакоже, двумя особенностями, не важными, но весьма примѣтными для жителей горъ: черкеска абхазцевъ была гораздо короче черкески сосѣднихъ съ ними племенъ Адыге, а башлыкъ они обвивали около шапки, въ видѣ чалмы, чего никогда не дѣлали черкесы; кромѣ того, у черкесовъ башлыкъ всегда былъ бѣлаго цвѣта, а у абазинъ и абхазцевъ — черный или коричневый.

Когда-то Абхазія славилась своими красавицами, и у абазинъ

остались еще яркіе слѣды женской красоты этого племени; всѣ женщины тамъ безусловно прекрасны, и турки, скупая горскихъ красавицъ, до послѣднихъ дней предпочитали имъ только гуріекъ. Но изъ коренной Абхазіи давно уже вывезены лучшіе женскіе типы за море; на долю туземцевъ осталась только посредственность, и красота мужчинъ рѣзко преобладаетъ теперь надъ красотою женщинъ.

Россіи Абхазія досталась безъ затрудненій, безъ усилій, спустя шесть-семь лѣтъ послѣ занятія Грузіи; абхазцы сами изъявили готовность подчиниться Россіи. Въ 1810 году русскіе окончательно выгнали турокъ, господствовавшихъ въ странѣ въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ, и, занявъ Сухумъ, утвердились на всемъ Черноморскомъ побережьѣ. Русское правительство, впрочемъ, заботилось въ то время исключительно объ уничтоженіи турецкаго вліянія въ этихъ краяхъ, и оставило тогдашняго владѣтеля Абхазіи, князя Сеферъ-бея Шервашидзе (въ христіанствѣ Георгія), полнымъ властелиномъ страны.

Но описанный выше національный характеръ абхазцевъ не обѣщалъ въ будущемъ ничего, кромѣ безконечныхъ смутъ; и дѣйствительно, Абхазія и подъ властью Россіи осталась классическою страною вѣроломства, предательства и интригъ, въ которыхъ не послѣднюю роль игралъ и самъ правитель ея. Русское вліяніе было ничтожно, поддерживаемое исключительно малочисленнымъ гарнизономъ въ Сухумѣ. За стѣнами Сухумъ-Кале уже не было безопасности. Самый гарнизонъ жилъ какъ бы въ постоянной блокадѣ: нужно ли было нарубить въ ближайшемъ лѣсу дровъ, или накосить сѣна — солдаты посылались вооруженными командами; никто изъ абхазцевъ не впускался въ крѣпость вооруженнымъ; сторожевая цѣпь, съ ружьемъ у ноги, днемъ выдвигалась впередъ на сто шаговъ отъ крѣпости; на ночь она убиралась, но крѣпостныя ворота тогда запирались, и за стѣны выпускались собаки, которыя оберегали гарнизонъ отъ нечаянныхъ ночныхъ нападеній, громкимъ лаемъ давая знать о приближеніи абхазцевъ которыхъ онѣ ненавидѣли.

Да и въ самомъ Сухумѣ положеніе гарнизона было печально. Сухумъ городъ старый; его основаніе, также какъ и Поти, отно-

сится къ послѣдней четверти шестнадцатаго вѣка, — и это были первые пункты, построенные турками на берегу Чернаго моря, когда они подчинили своей власти Имеретію, Мингрелію, Гурію и Абхазію. Во время владычества турокъ, Сухумъ имѣлъ около 6000 жителей, крѣпость окружена была красивыми предмѣстьями со множествомъ тѣнистыхъ садовъ и пользовалась отличной водою, проведенною изъ горъ. По красотѣ мѣстоположенія, Сухумъ обыкновенно называли вторымъ Истамбуломъ. Но послѣ занятія города русскими, турки немедленно покинули предмѣстья; абхазцы вообще не имѣли обыкновенія жить въ городахъ, а русское населеніе не могло существовать въ сосѣдствѣ ихъ, при неустроенномъ состояніи края,—и Сухумъ опустѣлъ. Французскій путешественникъ Гамба, посѣтившій его въ 20 году, говоритъ, что крѣпость, построенная въ немъ изъ дикаго камня, съ четырьмя бастіонами по угламъ, имѣла видъ развалинъ. Городъ весь состоялъ изъ единственной улицы и базара, въ которомъ торговало до 60 наѣзжихъ армянъ—вотъ и все мирное населеніе Сухума. Дольше другихъ предмѣстій, за стѣнами крѣпости, держались деревянные бараки, занятые греческими и армянскими купцами и служившіе базаромъ, на который стекалось окрестное населеніе; но лѣтъ за шесть до проѣзда Гамбы и эти бараки были уничтожены, потому что мало по малу они обратились въ притонъ разбойниковъ и контрабандистовъ: подъ видомъ торговли, здѣсь скрывались шайки хищниковъ, а греки и армяне, падкіе на барыши отъ продажи невольниковъ, помогали имъ въ нападеніяхъ на русскихъ солдатъ.

Климатъ былъ здѣсь прекрасный; въ Сухумѣ росли даже лавры, и наши солдаты употребляли ихъ просто на банные вѣники—парились лаврами. Но когда водопроводы были разрушены, а кругомъ крѣпости разостлались заразительныя болота, солдаты должны были пить вонючую воду, и въ крѣпости появились страшныя лихорадки. Гарнизонъ имѣлъ болѣзненный видъ несчастныхъ жертвъ, обреченныхъ на гибель. Половина солдатъ, дѣйствительно, и вымирала ежегодно; они знали это, но безропотно довѣрялись своей судьбѣ, не переставая исполнять тяжелую службу съ покорностію, свойственною русскому солдату.

Неудивительно, поэтому, что русскіе не могли ничего сдѣлать противъ постоянныхъ смутъ, царившихъ въ Абхазіи, и владѣтель тщетно жаловался на неповиновеніе народа. Одною изъ главныхъ причинъ такого положенія дѣлъ было то, что князь Георгій сдѣлался владѣтелемъ Абхазіи противъ желанія народа, болѣе склонявшагося въ пользу младшаго брата его, Хассанъ-бея, человѣка желѣзнаго, предпріимчиваго характера, но, къ сожалѣнію, всею душою преданнаго мусульманству. И до самыхъ ермоловскихъ временъ страну терзали постоянныя междоусобицы. Владѣніе Абхазіею было сопряжено съ такими затрудненіями, что нѣсколько разъ возбуждался вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли отдать ее обратно туркамъ. Съ особенною настойчивостью мысль эта проводилась въ двадцатыхъ годахъ. Ермоловъ явился крайнимъ противникомъ этой мѣры.

Вотъ проницательные и неопровержимые доводы, приводимые имъ:

„Абхазія въ теперешнемъ состояніи доставляетъ намъ безопасныя бухты, и Мингрелія почти не подвержена хищнымъ набѣгамъ, ибо абхазцевъ обуздываетъ страхъ.

„При первомъ взглядѣ эти выгоды могутъ показаться весьма ограниченными, но смотрѣть надо не на нихъ, а на тѣ неудобства и вредъ, кои произойти должны, если Абхазія отдана будетъ туркамъ.

„Прежде всего довѣренность здѣшнихъ народовъ къ Россіи чрезмѣрно должна поколебаться, такъ какъ уступку земель они отнесутъ на счетъ могущества Турціи. Владѣтельные князья Мингреліи, Гуріи и даже князья имеретинскіе, видя участь Абхазіи, могутъ ожидать таковой же впослѣдствіи и для себя, и заранѣе будутъ искать расположенія турокъ, доказывая имъ свою приверженность безконечными возмущеніями, которыя турки въ свою очередь не упустятъ поддерживать.

„Участь абхазскаго владѣльца, князя Георгія Шервашидзе, произведетъ на всѣхъ самое дурное впечатлѣніе. По чрезвычайной привязанности къ родинѣ, онъ не оставитъ земли своей, и первая жертва, принесенная имъ новому правительству — будетъ христіанская вѣра. Но едва ли и это спасетъ его, ибо турки никогда не простятъ ему прежнюю перемѣну закона и вступленіе подъ

покровительство христіанскаго государя. Братъ его, Хассанъ-бей, ревностнѣйшій мусульманинъ, человѣкъ звѣрскаго характера, воспользуется расположеніемъ къ себѣ турецкаго правительства,—и сдѣлается владѣтельнымъ княземъ коварнѣйшій изъ враговъ нашихъ.

„Распространеніе христіанской религіи, которая столь нужна для смягченія здѣшнихъ нравовъ, не только прекратится, но надо ожидать страшныхъ истязаній тѣмъ, которые отреклись отъ прежней вѣры и приняли христіанство, надѣясь на могущественную защиту Россіи. Оставленіе единовѣрцевъ нашихъ произведетъ наибольшій для насъ вредъ въ общественномъ мнѣніи.

„По уступкѣ Абхазіи торгъ невольниками усилится въ полной мѣрѣ. И между тѣмъ какъ всѣ государства прилагаютъ столько заботъ о прекращеніи продажи негровъ, мы, хотя и невольно, будемъ содѣйствовать торговлѣ людьми,—и для насъ это будетъ тѣмъ болѣе чувствительно, что продаваемые будутъ христіане, жители Мингреліи и Имеретіи.

„Съ уступкою Сухумской бухты разовьется морское пиратство и въ короткое время наши купеческія суда уже не осмѣлятся приходить въ Редутъ-Кале, и мы, лишившись подвоза изъ Россіи провіанта, не въ силахъ будемъ защитить нашихъ владѣній,—и тогда лишимся не одной Абхазіи“.

„Если же я не довольно сильно умѣлъ выразить всѣ описанныя мною неудовольствія, и участь Абхазіи будетъ рѣшена,—писалъ въ заключеніе Ермоловъ: — то прошу, чтобы исполненіе этого было возложено на другого, ибо я, будучи начальникомъ, много потеряю въ общемъ мнѣніи, тому способствуя“.

Такъ писалъ Ермоловъ министру иностранныхъ дѣлъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1820 года.

Прошелъ послѣ этого годъ и выдвинулъ совершенно новыя обстоятельства, которыя заставили русское правительство рядомъ усилій прочно и навсегда подчинить Абхазію своей власти. Первымъ изъ этихъ обстоятельствъ была смерть князя Георгія и поставленный ею вопросъ о наслѣдованіи абхазскаго владѣнія.

Князь Георгій Шервашидзе (Сеферъ-бей) скончался 7-го февраля 1821 года. Въ странѣ сейчасъ же закипѣла борьба партій.

Уже 8-го числа жители селеній, сосѣднихъ съ Сухумомъ и подвластныхъ Хассанъ-бею, брату и личному врагу умершаго князя, собрались въ числѣ 200 человѣкъ и внезапно напали на русскую команду, посланную въ лѣсъ за дровами. Въ Сухумѣ услышали выстрѣлы, и комендантъ маіоръ Могилянскій отправилъ въ помощь къ атакованнымъ поручика Гришкова съ ротою пѣхоты и однимъ орудіемъ. При его появленіи абхазцы разсѣялись. Команда возвратилась домой, потерявъ одного человѣка убитымъ и четырехъ ранеными.

Вопросъ о престолонаслѣдіи, между тѣмъ, зависѣлъ отъ воли русскаго императора, а пока шла переписка по этому поводу, правительницей была объявлена вдовствующая княгиня Тамара. Положеніе ея было весьма затруднительно, и она просила помощи; но сухумскій гарнизонъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы серьезно вмѣшаться въ дѣла страны, и комендантъ получилъ только повелѣніе, въ случаѣ необходимости, дать въ крѣпости убѣжище княгинѣ, которая легко могла бы попасть въ руки мятежниковъ.

Между тѣмъ Могилянскому приказано было всѣми средствами стараться захватить въ свои руки Хассанъ-бея, какъ одного изъ самыхъ опасныхъ противниковъ. Могилянскій прибѣгнулъ къ вѣроломству. Онъ пригласилъ его въ Сухумъ, подъ предлогомъ совѣщанія объ абхазскихъ дѣлахъ, и когда Хассанъ, какъ почетный гость, вошелъ въ его домъ,—на него набросилась толпа солдатъ, свалила его на полъ, сорвала съ него оружіе и связала веревками. Немногочисленная свита князя, стоявшая во дворѣ, услыша шумъ, догадалась въ чемъ дѣло и съ обнаженными шашками бросилась къ нему на выручку. Запертыя двери были сорваны съ петель; но здѣсь солдаты встрѣтили нападавшихъ штыками: два цебельдинскіе князя были заколоты, остальные обезоружены.

Вѣсть объ арестѣ Хассанъ-бея подняла почти всю Абхазію. Братъ его, извѣстный отцеубійца, Арсланъ-бей, тотчасъ явился съ большими силами убыховъ и джегетовъ въ окрестности Сухума, и утромъ 11 сентября, во главѣ значительной конницы, съ распущенными знаменами, торжественно проѣхалъ даже подъ самыми стѣнами крѣпости. Толпы его ежедневно росли. Комендантъ Су-

хума, подполковникъ Михинъ, смѣнившій Могилянскаго, настоятельно требовалъ помощи.

Правитель Имеретіи князь Горчаковъ собиралъ войска, а, между тѣмъ, въ это время изъ Петербурга прибылъ законный владѣтель Абхазіи, старшій сынъ покойнаго Георгія, князь Димитрій Шервашидзе, юноша, только что вышедшій изъ Пажескаго корпуса. Горчаковъ вмѣстѣ съ нимъ немедленно выѣхалъ изъ Кутаиса въ Абхазію. Сопровождаемые мингрельскою конницею, они догнали войска уже на походѣ, на самой границѣ Самурзакани, и здѣсь, 1 ноября, получили извѣстіе, что Арсланъ-бей съ тремя тысячами горцевъ стоитъ въ крѣпкой позиціи между Кодорскимъ мысомъ и д. Хелассури.

Дорога отъ границъ Самурзакани идетъ по низменному песчаному морскому берегу, окаймленному съ одной стороны густымъ и трудно проходимымъ лѣсомъ. Здѣсь-то, верстахъ въ четырехъ отъ Кодора, мингрельская конница, слѣдовавшая въ авангардѣ, первая наткнулась на непріятеля и понесла большія потери. Русская пѣхота также встрѣчена была сильнымъ огнемъ. Но князь Горчаковъ, не останавливаясь, двинулъ войска впередъ, и овладѣлъ завалами. Напрасно горцы, вооруженные дальнобойными винтовками, пытались удержать наступленіе. Пушки расчищали дорогу, а въ лѣсу, на близкомъ разстояніи, и русскіе стрѣлки били не хуже черкесовъ. Непріятель, наконецъ, сталъ отступать и скрылся изъ виду. День этотъ стоилъ, однако, отряду двухъ офицеровъ и 75 нижнихъ чиновъ,—при чемъ большая часть потери выпала на долю мингрельцевъ, дрогнувшихъ и смѣшавшихся при первомъ натискѣ горцевъ.

Съ прибытіемъ Горчакова въ Сухумъ, волненія въ Абхазіи скоро затихли. Цебельдинцы первые изъявили покорность; знатнѣйшія абхазскія фамиліи также дали аманатовъ, — и Арсланъ-бей долженъ былъ удалиться въ Анапу. 30 ноября 1821 года, въ княжеской резиденціи Соупсу, при многочисленномъ собраніи князей и дворянъ страны, и въ присутствіи русскихъ войскъ, князь Димитрій Шервашидзе торжественно провозглашенъ былъ владѣтелемъ Абхазіи, — и князь Горчаковъ лично вручилъ ему знамя и мечъ, какъ знаки его верховнаго владычества.

Устроивъ дѣла въ Абхазіи, Горчаковъ возвратился въ Имеретію, а въ Соупсу оставилъ двѣ роты егерей, — что было весьма кстати, такъ какъ безпокойный Арсланъ-бей снова успѣлъ собрать значительныя партіи горцевъ и, спустя короткое время, напалъ на самую резиденцію Димитрія. Двѣ русскія роты отразили нападеніе.

Новый владѣтель Абхазіи не принесъ, однако, странѣ спокойствія, какъ и она не дала ему ничего, кромѣ тяжкихъ заботъ и ранней смерти. Гамба въ своихъ запискахъ разсказываетъ, что онъ былъ въ Петербургѣ, какъ разъ въ то время, когда тамъ получены были извѣстія о смерти Сеферъ-бея. Императоръ Александръ потребовалъ тогда князя Димитрія, бывшаго въ Пажескомъ корпусѣ, въ Зимній дворецъ, и лично объявилъ ему, что съ этой минуты онъ—владѣтель Абхазіи. Вечеромъ, приглашенный ко Двору, смущенный юноша сидѣлъ уже рядомъ съ русскимъ государемъ и служилъ предметомъ общаго вниманія сильной петербургской знати. Теперь, брошенный судьбою съ далекаго сѣвера, изъ пышной столицы русскихъ монарховъ, въ дремучіе лѣса своей полудикой родины, незнакомый народу и самъ не знавшій ни его языка, ни его обычаевъ, окруженный притомъ интригами партій, онъ не съумѣлъ взяться твердою рукой за кормило правленія, и жилъ не полновластнымъ государемъ своей земли, а плѣнникомъ, за каждымъ шагомъ котораго слѣдили тысячи глазъ. И власть его естественно была кратковременна: 16 октября 1822 года Димитрій умеръ внезапно, отравленный однимъ изъ приверженцевъ Арсланъ-бея.

Ближайшимъ наслѣдникомъ Абхазіи теперь остался младшій братъ его, князь Михаилъ, тогда еще 16-ти-лѣтній юноша, но уже обладавшій многими качествами, имѣющими высокую цѣну у кавказскихъ горцевъ: онъ былъ воспитанъ въ обычаяхъ родины, отлично стрѣлялъ изъ ружья, ловко владѣлъ конемъ и не боялся опасностей; въ молодыхъ лѣтахъ онъ уже участвовалъ в битвахъ, и князь Горчаковъ свидѣтельствовалъ объ отличіяхъ оказанныхъ имъ при усмиреніи послѣдняго абхазскаго возстанія По ходатайству Ермолова императоръ Александръ пожаловалъ ем чинъ маіора и утвердилъ владѣтелемъ.

Такъ вступилъ во владѣніе Абхазіей знаменитый князь Михаилъ Шервашидзе (по-абхазски Хамитъ-бей)—впослѣдствіи генералъ-адъютантъ русской службы, которому суждено было управлять страною 44 года, до окончательнаго покоренія Кавказа, когда владѣтельныя права князей Шервашидзе были, наконецъ, уничтожены и Абхазія обратилась въ простую русскую провинцію.

Князь Михаилъ очутился въ еще болѣе тревожномъ положеніи, чѣмъ его покойный братъ. Онъ былъ слишкомъ молодъ, чтобы не вызвать попытокъ играть роль правителей со стороны сильныхъ и знатныхъ вассаловъ, изъ которыхъ каждый считалъ себя неизмѣримо выше, умнѣе и опытнѣе юнаго князя. И около него не нашлось искренно приверженныхъ людей, которые остерегли бы его отъ опасности; напротивъ, многіе изъ приближенныхъ къ нему явно держали сторону Арслана, а мать его своими безтактными дѣйствіями еще болѣе умножала число недовольныхъ. Сдѣлана была даже попытка отравить Михаила, такъ же какъ былъ отравленъ и Димитрій. Одинъ изъ дворянъ, по имени Урусъ Лаквари, поднесъ ему воду, насыщенную какимъ-то особеннымъ ядомъ. Но осторожный князь обмакнулъ въ воду кусокъ хлѣба и бросилъ его собакѣ; та тотчасъ же стала бѣшено бросаться на людей, и ее принуждены были убить. Преступника схватили, и послѣ сознанія, что онъ же отравилъ и Димитрія, повѣсили въ Соупсу на площади.

Молодой владѣтель съ удивительной энергіей и тактомъ умѣлъ выходить изъ самыхъ затруднительныхъ положеній; но онъ былъ еще слишкомъ юнъ и неопытенъ, чтобы бороться съ внутренними смутами и заговорами, — нити которыхъ сосредоточивались тогда въ искусныхъ и сильныхъ рукахъ его дяди, Арсланъ-бея. И вотъ, въ апрѣлѣ, 1824 года, волненія въ странѣ настолько усилились, что сухумскій гарнизонъ былъ вынужденъ напасть на одну деревню, гдѣ собирались мятежники. Деревня была разрушена, жители разсѣяны; но на возвратномъ пути отрядъ попалъ въ густомъ лѣсу на засаду,—и однимъ изъ первыхъ былъ убитъ храбрый начальникъ его, подполковникъ Михинъ. „Вѣроятно, — говоритъ Ермоловъ:—что за симъ послѣдовалъ нѣкоторый безпорядокъ, и онъ былъ причиной потери нашей, ибо убито и ранено

42 человѣка,—что не весьма обыкновенно". Этой частной неудачи достаточно было, чтобы въ краѣ вспыхнулъ общій мятежъ. Владѣтель едва успѣлъ отправить свою мать въ Сухумъ, подъ защиту русскаго гарнизона, какъ былъ атакованъ въ Соупсу нѣсколькими тысячами абхазцевъ. Двѣ роты Мингрельскаго полка и два орудія, стоявшія въ княжескомъ домѣ, подъ командою капитана Марачевскаго,—очутились въ блокадѣ.

Тревожная вѣсть объ этомъ скоро достигла до князя Горчакова, – и правитель Имеретіи самъ двинулся изъ Кутаиса въ Абхазію на помощь осажденному владѣтелю. При переправѣ черезъ рѣку Ингуръ произошла первая, незначительная стычка съ мятежниками; но далѣе, по дорогѣ къ Сухуму, войска встрѣчали уже завалъ за заваломъ, и непріятель дрался упорнѣе. Такъ дошли до рѣки Кодора. Здѣсь стояли цебельдинцы, убыхи и джегеты. Къ Горчакову также подошли подкрѣпленія: прибылъ владѣтель Мингреліи, генералъ-лейтенантъ князь Дадіанъ, съ своею милиціею. Переправа взята была штурмомъ,—и войска, при безпрерывномъ боѣ, дошли до села Дранды.

Отсюда дорога спускалась черезъ густой лѣсъ къ морю, и потомъ, новоротивъ направо, шла вплоть до Сухума берегомъ, по глубокому песку, въ которомъ колеса орудій вязли по ступицу. Съ одной стороны ея шумѣло море, съ другой—высился сплошной страшный лѣсъ, и подымались, одѣтые имъ, крутые контръфорсы главнаго хребта, подпиравшіе ряды снѣговыхъ вершинъ, врѣзывавшихся въ горизонтъ зубчатою блестящею стѣною. Путь былъ тѣсенъ, мѣстами не шире 4—5 саженъ, и грозилъ опасностями — страшными именно своею неизвѣстностью. Въ этомъ-то мѣстѣ абхазцы и преградили русскимъ дорогу. Отъ самаго моря и до лѣса вытянулся высокій завалъ, прикрытый съ фронта развалинами старой генуэзской крѣпости, и упиравшійся флангами съ одной стороны въ отвѣсный каменистый утесъ, съ другой — въ морскую пучину. Обойти его было нельзя, слѣдовательно — его надо было взять штурмомъ, такъ какъ объ отступленіи не могло быть и рѣчи.

Поражаемые почти въ упоръ сильнымъ огнемъ невидимаго

противника, шесть ротъ пѣхоты, молча, безъ выстрѣла, двинулись на штурмъ—и взяли завалъ штыками. Но за однимъ заваломъ тянулся рядъ другихъ. Трудно сказать, какая судьба постигла бы наступавшія войска безъ помощи судовъ, крейсировавшихъ у берега Чернаго моря. Это были: бригъ Орфей и фрегатъ Свѣтлана. Не теряя отряда изъ виду, они медленно подвигались вдоль берега и анфилировали завалы прежде чѣмъ войска устремлялись на приступъ. Не выдерживая картечнаго огня морскихъ корронадъ, горцы постепенно очищали завалъ за заваломъ, и, такимъ образомъ, они переходили въ наши руки уже безъ большихъ усилій. Не лишнее сказать, что на одинъ изъ нихъ первымъ вошелъ самъ владѣтель Мингреліи, князь Дадіанъ, во главѣ своей милиціи.

Убѣдившись, что остановить наступленіе русскихъ нельзя, абхазцы разсыпались по опушкѣ лѣса, и, оставивъ въ покоѣ солдатъ, стали стрѣлять исключительно по артиллерійскимъ и вьючнымъ лошадямъ. Скоро большая часть изъ нихъ была перебита, и отрядъ хотя дошелъ до Сухума, но тамъ вынужденъ былъ остановиться, такъ какъ не на чемъ было везти ни провіанта, ни снарядовъ, ни орудій. Болѣе шестисотъ убитыхъ лошадей лежали на морскомъ берегу и заражали воздухъ, что принудило на другой годъ нарядить два военные транспорта спеціально для отвоза ихъ остатковъ въ открытое море.

Отъ Сухума до Соупсу только тридцать верстъ, но узкая дорога опять пролегала по самому берегу моря подъ утесистыми скалами, одѣтыми почти непроходимымъ лѣсомъ. Отрядъ уже потерялъ около ста человѣкъ въ предшествовавшемъ бою, а потому князь Горчаковъ рѣшился миновать этотъ опасный путь, тѣмъ болѣе, что лошадей нельзя было достать даже подъ орудія. 20-го іюня половина отряда сѣла въ Сухумѣ на суда и отправилась моремъ въ Бомборы, лежавшія всего въ пяти верстахъ отъ Соупсу. Тамъ, при помощи жестокаго огня съ русскихъ судовъ, войска вышли на лѣсистый берегъ и стали укрѣпленнымъ лагеремъ, въ ожиданіи остальной половины, которая не могла быть перевезена сразу по недостатку транспортнаго флота.

Только 23-го іюня явилась, наконецъ, возможность двинуться на выручку владѣтеля. И была пора. Въ Соупсу двѣ русскія роты, защищавшія князя, изнемогали въ борьбѣ противъ скопища джегетовъ, убыховъ и мятежныхъ абхазцевъ, общая численность которыхъ простиралась уже до 10-ти или 12-ти тысячъ человѣкъ.

Домъ владѣтеля, обычной абхазской архитектуры, отличался отъ остальныхъ только своими размѣрами, будучи несравненно выше ихъ и просторнѣе. Высокій плетневый заборъ съ широкими воротами огораживалъ обширный дворъ, отъ котораго влѣво, въ разстояніи близкаго ружейнаго выстрѣла, находилась старинная церковь. Здѣсь, въ этомъ дворѣ, и засѣли двѣ роты 44-го егерскаго полка, подъ командою капитана Марачевскаго, и съ ними 22 абхазца, оставшіеся вѣрными своему князю.

Послѣ нѣсколькихъ дней осады, абхазцы прежде всего попытались занять церковь, какъ пунктъ, командовавшій всею окрестностью. Это имъ удалось, и они стали обстрѣливать внутренность двора, что угрожало гарнизону неизбѣжною гибелью. И вотъ, однажды, ночью, 20 человѣкъ солдатъ, подъ командой офицера—имя котораго, къ сожалѣнію, утеряно—сдѣлали отчаянную вылазку, ворвались въ церковь и перекололи всѣхъ, засѣвшихъ въ ней абхазцевъ, за исключеніемъ одного, успѣвшаго скрыться на хорахъ. Очистивъ церковь, они снова отступили въ ограду владѣтельскаго дома, потерявъ сами четырехъ человѣкъ убитыми. Этотъ урокъ подѣйствовалъ на непріятеля такъ сильно, что онъ не рѣшился болѣе занимать церковь, стоявшую, какъ показалъ ему опытъ, слишкомъ близко отъ руки и штыка русскаго солдата. Человѣкъ, уцѣлѣвшій въ церкви отъ побоища, былъ извѣстный впослѣдствіи абхазецъ Каца-Маргани, передавшійся позже всею душою на сторону владѣтеля. Разсказывая объ этомъ ночномъ происшествіи, Каца говорилъ, что, при одномъ воспоминаніи о немъ, его пробираетъ дрожь, и что онъ, видѣвшій много рѣзни и крови на своемъ вѣку, не испытывалъ въ своей жизни ничего болѣе ужаснаго.

Но положеніе гарнизона представляло еще большія опасности съ другой стоны: на дворѣ владѣтельскаго дома не было колодца, и приходилось пользоваться водою изъ ручья, протекавшаго возлѣ

самой ограды. Но къ ручью велъ спускъ, около десяти саженъ, по совершенно открытому мѣсту, и непріятель, занимая всѣ пункты, съ которыхъ можно было обстрѣливать ручей, — днемъ засыпалъ пулями каждаго, кто подходилъ къ водѣ, а ночью самъ приближался къ ручью и по берегу его закладывалъ цѣпь. Въ гарнизонѣ придумали, однако, другое, болѣе безопасное средство запасаться водою. У князя нашелся старый винный бурдюкъ. Его поставили на колеса, придѣлали къ верхнему концу его клапанъ, а къ нижнему грузъ, и въ этомъ видѣ пускали его катиться подъ гору прямо въ ручей; тамъ онъ наполнялся водою, веревка натягивалась и бурдюкъ втаскивали на гору. Нѣсколько дней гарнизонъ пользовался водою, добытою этимъ замысловатымъ способомъ. Непріятель осыпалъ бурдюкъ выстрѣлами, но пули скользили по его толстой и упругой оболочкѣ. Тогда нѣсколько абхазцевъ засѣли ночью у самой ограды, и когда, на разсвѣтѣ, бурдюкъ шелъ за водою, они напали на него и изрубили кинжалами; почти всѣ они заплатили жизнію за это отважное дѣло,—но другого бурдюка не было, и солдаты остались безъ воды. Послѣ нѣсколькихъ дней мучительной жажды прошелъ сильный дождь, и гарнизонъ на время успѣлъ запастись водою; но провіанта уже не было: люди доѣдали послѣднюю кукурузу, заготовленную для владѣтельскихъ лошадей, которыя всѣ были съѣдены уже прежде. Такъ прошло три недѣли.

И вотъ, однажды, Марачевскій увидѣлъ, что непріятель снимаетъ блокаду и тянется къ морю. Стало ясно, что съ той стороны нужно ждать скорой помощи. Марачевскій сдѣлалъ вылазку и выжегъ всѣ окрестныя селенія, служившія для непріятеля притономъ и закрытіемъ.

Прошло еще два дня — и, 23-го іюня, перекаты ружейной и пушечной пальбы, огласившіе горы и лѣсъ, дали знать, что помощь приближается. Это дѣйствительно, шелъ изъ Бомборъ князь Горчаковъ. Но его движеніе по дремучему лѣсу, при безпрерывной перестрѣлкѣ и схваткахъ съ непріятелемъ,—съ орудіями, которыя за неимѣніемъ лошадей, приходилось тащить на людяхъ, — представляло такія неимовѣрныя трудности, что на переходъ пятиверстнаго разстоянія, отъ Бомборъ до Соупсу, требовалось не менѣе

(если, пожалуй, еще не болѣе) сутокъ. По счастію, смѣлый Марачевскій сдѣлалъ новую вылазку въ тылъ непріятеля, и абхазцы, поставленные между двухъ огней, разсѣялись. Княжескій домъ былъ, наконецъ, освобожденъ отъ блокады.

Ермоловъ самъ назначилъ капитану Марачевскому орденъ св. Владиміра 4-й степени.

Присутствіе сильнаго русскаго отряда, разсѣявшаго главныя силы мятежниковъ, принесло изнуренной междоусобіями странѣ лишь кратковременное успокоеніе. Какъ только войска вернулись въ Имеретію, и снова остался въ Абхазіи одинъ сухумскій гарнизонъ, — опять закипѣли и смута и волненія. Правда, попытокъ одолѣть молодого князя и на его гибели создать новое правленіе уже больше не было; абхазцы въ походѣ Горчакова видѣли примѣръ того, какую непреодолимую защиту князь имѣетъ въ Россіи,— и власть его упрочилась. Но по всей странѣ стояло броженіе, шла борьба партій, и мелкія шайки разбойниковъ повсюду нападали на приверженцевъ и сторонниковъ князя Михаила. Бывали даже случаи открытыхъ нападеній и на русскія команды. Такъ, напримѣръ, въ декабрѣ 1826 года, абхазцы атаковали небольшой отрядъ, высланный изъ Сухума въ лѣсъ за дровами, и въ упорномъ бою убили 5 казаковъ и 17 ранили. Все это являлось какъ бы нормальнымъ состояніемъ края, а между тѣмъ, пользуясь этимъ, несчастную страну терзали и цебельдинцы, и самурзаканцы, и особенно убыхи, свирѣпые и вольные наѣздники, пускавшіеся въ свои набѣги не для добычи, не изъ нужды въ средствахъ существованія а просто изъ неугомонной страсти къ приключеніямъ и грабежамъ.

Къ счастію, убыхи, постоянно увеличивавшіе смуту въ Абхазіи, къ этому времени получили хорошій урокъ и стали осторожнѣе. Разъ, какъ-то лѣтомъ, еще въ 1823 году, партія ихъ, болѣе чѣмъ въ тысячу человѣкъ, предпринимавшая набѣгъ, была замѣчена въ горахъ абхазскими пастухами и попала въ ловушку. Предупрежденные абхазцы, позволивъ ей спуститься на равнины, немедленно заняли всѣ горные проходы, чрезъ которые хищники могли отступить,—и вся партія сдѣлалась жертвою неосторожности. Палъ въ битвѣ и самъ предводитель ея. Съ тѣхъ поръ убыхи ограни-

чили свои набѣги зимнимъ временемъ, когда имъ приходилось преодолѣвать неимовѣрныя трудности.

Такъ дѣло шло до начала 1827 года, когда, по выраженію Паскевича, „Абхазія свернула, наконецъ, знамя бунта и въ чистосердечномъ раскаяніи въ своемъ безуміи, дорого стоившемъ ей отъ междоусобнаго кровопролитія, изъявила готовность покорствовать священной волѣ всеавгустѣйшаго монарха". Тогда же добровольно подчинились Россіи и цебельдинцы. Но съ Самурзаканью пришлось еще много и долго возиться. Нужно сказать, что въ 1826году, вынужденный настоятельными просьбами мингрельскаго князя Дадіана, Ермоловъ отправилъ въ Самурзакань отрядъ изъ 300 человѣкъ при одномъ орудіи, и присутствіе войскъ въ самомъ сердцѣ безпокойной страны удерживало еще хотя какое-нибудь спокойствіе и повиновеніе владѣтелю. Но началась персидская война, одинъ батальонъ изъ Имеретіи нужно было передвинуть въ Грузію, и Ермоловъ предписалъ снять отрядъ изъ Самурзакани. Тогда жители ея, предоставленные самимъ себѣ, вновь принялись за плѣнопродавство и другія „непростительныя шалости".

Любопытно замѣтить, что донесеніе Паскевича о судьбахъ Абхазіи обнаружило весьма странное обстоятельство. Оказалась, что объ Абхазіи, уже фактически давно отвоеванной отъ турецкой власти и даже отъ турецкаго вліянія, въ Петербургѣ, въ дипломатическихъ сферахъ, имѣли представленіе совершенно смутное, считая ее даже еще принадлежащей Турціи, за исключеніемъ развѣ одного Сухума. Вотъ что писалъ въ 1827 году Паскевичу тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Нессельроде:

„Говоря объ Абхазіи, я не могу скрыть отъ васъ, что о возмущеніи, послѣдовавшемъ въ оной, я не имѣлъ никакихъ до сего свѣдѣній. Абхазія, и Большая и Малая—признавали себя подвластными Портѣ Оттоманской, которая только въ послѣднее время, аккерманскою конвенціею, согласилась уступить намъ Сухумъ-Кале, крѣпостцу, лежащую въ Малой Абхазіи и служившую мѣстопребываніемъ князя оной земли. Изъ сего вы заключить можете, сколь необходимо мнѣ знать о всемъ, что тамъ происходитъ, дабы я могъ заблаговременно снабжать наставленіями посланника нашего въ Константинополѣ, ибо, при положеніи его доселѣ, если бы ту-

рецкое министерство вошло съ нимъ въ объясненіе о дѣлахъ Абхазіи, онъ нашелся бы въ крайнемъ затрудненіи отвѣчать удовлетворительнымъ образомъ".

Очевидно, тогдашняя русская политика не достаточно цѣнила факты, совершавшіеся на Кавказѣ, и не умѣла угадать громадной роли этого края въ исторіи Россіи,—той роли, которую предвидѣли Петръ и Екатерина, и которая скоро должна была стать совершившимся фактомъ.

Остается сказать нѣсколько словъ о трагической судьбѣ одного изъ главнѣйшихъ дѣятелей абхазскаго возмущенія, — о Хассанъ-беѣ. Захваченный въ Сухумѣ Могилянскимъ, онъ напрасно старался выставить себя сторонникомъ Россіи и приводилъ въ доказательство свои заслуги передъ нею. Онъ говорилъ, что не разъ помогалъ освобожденію плѣнныхъ солдатъ, захваченныхъ горцами, выдавалъ преступниковъ, и разъ имѣлъ даже случай спасти отъ гибели батальонъ маіора Огаркова, слѣдовавшій изъ Сухума въ Редутъ-Кале. Дѣйствительно, батальонъ этотъ, застигнутый мятелью, сбился съ дороги и, съ обмороженными на половину людьми не могъ тронуться съ мѣста. Горцы окружили его. Не смѣя нападать открыто, они, какъ волки, хватали все, что отставало или отдѣлялось хотя на нѣсколько шаговъ отъ колонны. И отрядъ уже былъ близокъ къ гибели, когда явился Хассанъ-бей, вывелъ его на дорогу, далъ своихъ лошадей для перевозки больныхъ, снабдилъ его провіантомъ, а впослѣдствіи выручилъ даже плѣнныхъ, захваченныхъ при этомъ бѣдственномъ переходѣ. Но всѣ объясненія его не послужили ни къ чему: онъ былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ въ Иркутскѣ и прожилъ до 1828 года, когда ему позволили вернуться на родину. Гордый абхазскій князь уединенно и мрачно провелъ эти годы изгнанія, не прося ни участія, ни снисхожденія. Съ однимъ онъ не могъ помириться—съ потерею дорогого для него оружія. Неоднократно обращался онъ и въ Тифлисъ и въ Петербургъ, прося единственной милости—возвращенія ему завѣтной шашки, отобранной у него Могилянскимъ при арестованіи.

Онъ писалъ, что шашка эта досталась ему по наслѣдству отъ

предковъ, что по добротѣ и древности своей она не имѣетъ цѣны и извѣстна цѣлой Абхазіи. Ему не отвѣчали. Но когда онъ вернулся изъ Сибири, то принялся хлопотать съ такою настойчивостью, что просьба его дошла, наконецъ, до самого государя. Императоръ Николай рыцарскимъ чувствомъ оцѣнилъ всю важность утраты азіатскаго князя и приказалъ во что бы то ни стало разыскать шашку. Могилянскаго въ то время уже не было на Кавказѣ; онъ служилъ въ Херсони, и на всѣ вопросы отвѣчалъ, что ни вещей, ни сабли Хассанъ-бея, при его арестованіи, къ нему не поступало, что вещи и оружіе захвачены были командою, и что Могилянскій не считалъ для себя возможнымъ отбирать ихъ отъ солдатъ, которымъ они достались по праву войны. Могилянскій писалъ, однако, что у него, дѣйствительно, имѣется сабля, которую онъ купилъ на Кавказѣ у поручика Бочкарева за 150 голландскихъ червонцевъ,—но чья была эта сабля, ему неизвѣстно. Потребовали мнѣнія по этому поводу отъ командовавшаго тогда войсками на Кавказѣ барона Розена. Розенъ отвѣчалъ, что Хассанъ-бей былъ взятъ не въ бою, а арестованъ въ Сухумѣ, и что поэтому вещи его никакъ не могли принадлежать командѣ по праву войны. „Что же касается до отзыва Могилянскаго о неизвѣстности, кому принадлежала сабля,—писалъ онъ далѣе:—то онъ неоснователенъ: кто знаетъ здѣшніе обычаи, тотъ можетъ удостовѣрить, что никакое оружіе никогда не продается здѣсь безъ большихъ или меньшихъ разсказовъ объ его исторіи“. По резолюціи государя сабля была отобрана у Могилянскаго, и Хассанъ-бей имѣлъ удовольствіе получить ее ровно черезъ 11 лѣтъ послѣ своего ареста. Сабля препровождена была къ нему при собственноручномъ письмѣ барона Розена.

Возвратившись изъ Сибири, Хассанъ поселился въ Келассури, окруживъ себя угрюмой воинственной обстановкой. Его рубленый деревянный домъ, имѣвшій видъ широкой четвероугольной башни, стоялъ на высокихъ каменныхъ столбахъ; крытая, обхватывавшая весь домъ галлерея, на которую вела узкая и чрезвычайно крутая лѣстница, облегчала его оборону; дворъ былъ окруженъ высокимъ палисадомъ съ бойницами, въ которомъ имѣлась лишь тѣсная ка-

литка, способная пропустить только одного человѣка или одну лошадь. Довольно было взглянуть на постройку дома, на окружавшій его палисадъ, на эту маленькую, плотно закрытую калитку, чтобы понять всегдашнее состояніе подозрительности и опасенія, въ которомъ Хассанъ-бей проводилъ свою жизнь.

Тревожное положеніе Абхазіи вообще, личная вражда, которую онъ успѣлъ возбудить во многихъ, нѣсколько покушеній на его собственную жизнь—заставляли бея не пренебрегать никакими предосторожностями. Баронъ Торнау, навѣстившій его во время своего извѣстнаго путешествія въ горы, такъ описываетъ свое свиданіе съ нимъ: „Подъѣхавъ къ дому,—говоритъ онъ:—я остановился и послалъ узнать, желаетъ ли Хассанъ-бей видѣть у себя проѣзжаго. Пока обо мнѣ докладывали, прошло хорошихъ полчаса. Въ это время разсматривали изъ дому меня и моихъ конвойныхъ съ большимъ вниманіемъ. Безпрестанно показывались у бойницъ разныя лица, вглядывались въ меня пристально и потомъ исчезали. Наконецъ, калитка отворилась и Хассанъ-бей вышелъ ко мнѣ навстрѣчу, имѣя за собой нѣсколько абхазцевъ съ ружьями. Я увидѣлъ въ немъ плотнаго человѣка, небольшого роста, одѣтаго въ богатую черкеску, съ высокою турецкою чалмою на головѣ, и вооруженнаго двумя длинными пистолетами въ серебряной оправѣ. Одинъ изъ нихъ онъ держалъ въ рукѣ, готовый для выстрѣла. Кто только знавалъ Хассанъ-бея, не помнитъ его безъ этихъ пистолетовъ, спасавшихъ его раза два отъ смерти, и изъ которыхъ онъ стрѣлялъ почти безъ промаха“.

Въ Сухумѣ онъ никогда не бывалъ, имѣя къ нему непреодолимое отвращеніе со времени своей ссылки въ Сибирь. Но время шло, и, въ концѣ концовъ, Хассанъ примирился съ русскимъ владычествомъ и новымъ установившимся порядкомъ дѣлъ на его родинѣ.

XLVI.

Ермоловъ въ персидской войнѣ.

(Паскевичъ и Дибичъ).

Лѣтомъ 1826 года внезапно началась персидская война *), и съ тѣмъ вмѣстѣ звѣзда Ермолова склонилась къ горизонту.

У Ермолова, какъ у человѣка замѣчательнаго и своеобразнаго, было всегда много враговъ. Разъ какъ-то ему высказалъ это в. к. Константинъ Павловичъ, съ которымъ онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ.—„Я считалъ ихъ, когда ихъ было много, но теперь ихъ набралось безъ счету, и я пересталъ о нихъ думать“,—отвѣтилъ Ермоловъ. „Ермоловъ былъ неуступчивъ и шероховатъ въ сношеніяхъ съ высшими сановниками,—говоритъ о немъ одинъ изъ современниковъ его:—рѣзко писалъ и еще рѣзче говорилъ имъ свои убѣжденія, шедшія нерѣдко въ разрѣзъ съ петербургскими

*) Подробная исторія персидской войны 1826—1828 годовъ будетъ изложена въ III-мъ томѣ настоящаго сочиненія.

взглядами; а сарказмы его, на которые онъ не скупился, задѣвали за живое многихъ сильныхъ міра сего". „Только врагъ отечества могъ присовѣтовать такую мѣру!" писалъ онъ, напр., по одному случаю въ Петербургъ, какъ будто не зная виновника этой мѣры, и мѣтко попадая въ одно важное тогда лицо—меттерниховскую креатуру.

Но пока живъ былъ императоръ Александръ, Ермоловъ былъ неуязвимъ,—и враги его молчали. Государь, еще передъ отечественною войною пославшій сказать ему, что „отнынѣ всѣ назначенія его будутъ зависѣть прямо отъ него, и что онъ ни въ комъ не нуждается", имѣлъ къ Ермолову неограниченное довѣріе. Но перемѣнилось царствованіе—и враги Ермолова подняли голову. Въ молодомъ государѣ уже были задатки недовѣрія къ нему, а тутъ, какъ разъ, случились такія обстоятельства, которыми интрига могла воспользоваться съ тѣмъ, чтобы набросить тѣнь и на личность Ермолова, и на его дѣйствія и намѣренія. Извѣстія о внезапной кончинѣ императора Александра, присяга цесаревичу Константину, отреченіе его отъ трона и присяга новому государю—слѣдовали такъ быстро одно за другимъ, что, можетъ быть, и заставили Ермолова, никогда не чуждаго осторожности, промедлить съ присягой императору Николаю нѣсколько дней, въ ожиданіи подтвердительныхъ извѣстій; полагаютъ, что онъ даже посылалъ нарочнаго въ Крымъ къ Воронцову, узнать вѣрнѣе о происшествіяхъ. Но это промедленіе, находящее себѣ оправданіе даже въ смыслѣ государственнаго благоразумія, сильные враги Ермолова могли истолковывать иначе, особенно въ виду послѣдовавшихъ за восшествіемъ на престолъ императора извѣстныхъ декабрьскихъ событій.

Такъ или иначе, но положеніе Ермолова въ высшихъ петербургскихъ сферахъ круто измѣнилось, и надъ головой его стали собираться черныя тучи. По словамъ того же современника, „стало распространяться мнѣніе, будто ермоловская слава, въ которую до того вѣрили,—только „славны бубны за горами",—что въ управленіи его много произвола, что министерскихъ предписаній онъ рѣдко слушается и на составленные въ Петербургѣ проекты пишетъ рѣзкія возраженія; а что военные его подвиги—сущій дымъ:

съ нестройною толпою полудикихъ горцевъ всегда можно справиться. Въ доказательство же приводили, что онъ унимаетъ и держитъ горцевъ въ страхѣ при помощи такого запущеннаго и плохо обученнаго войска, какъ кавказскіе солдаты; говорили также что онъ окружилъ себя слѣпо преданными ему людьми, какъ въ гражданскомъ, такъ и въ военномъ управленіи, которые трубятъ про его славу и дѣлаютъ между тѣмъ большія злоупотребленія. По рукамъ ходила въ Петербургѣ каррикатура, изображающая кавказскаго солдата въ изодранномъ мундирѣ на распашку, въ синихъ холщевыхъ широкихъ шаравахъ, заправленныхъ въ сапоги, въ черкесской папахѣ на головѣ, съ маленькимъ котелкомъ сбоку и съ травянкой вмѣсто манерки. Каррикатура эта была подослана къ Ермолову изъ Петербурга въ конвертѣ отъ неизвѣстнаго лица.

Есть много темнаго, не разъясненнаго въ этихъ обстоятельствахъ, и неизвѣстно насколько имѣли успѣха и силы интриги противъ Ермолова у самого государя. Но полгода спустя, въ мартѣ 1827 года, императоръ уже выражаетъ въ письмѣ къ Дибичу надежду, что онъ „не позволитъ обольстить себя этому человѣку (Ермолову), для котораго ложь составляетъ добродѣтель, если онъ можетъ извлечь изъ нея пользу, и который пренебрегаетъ получаемыми приказаніями“.

И этихъ однихъ словъ, которыя не объясняются ни донесеніями Паскевича, ни письмами Дибича, совершенно достаточно, чтобы показать, какъ глубоко интрига подкопала Ермолова въ глазахъ государя. Положеніе его становилось для проницательнаго глаза настолько непрочно, что лѣтомъ 1826 года, еще до персидской войны, его близкій другъ статсъ-секретарь Кикинъ, пріѣхавшій лѣчиться на кавказскія воды, предсказалъ ему близкое паденіе. „Вы настращали меня вашими пророчествами,—писалъ ему Ермоловъ, годъ спустя:—вы предсказали мнѣ удаленіе, или справедливѣе назвать, изгнаніе изъ службы“.

При такихъ неблагопріятныхъ для Ермолова обстоятельствахъ открылась персидская война,—и открылась внезапно, во время мирныхъ переговоровъ о границахъ, когда въ Тереганѣ былъ чрезвычайный русскій посолъ, и уже поэтому, казалось бы, не могла

угрожать нашимъ предѣламъ никакая опасность. На первыхъ порахъ война приняла стремительный и угрожающій характеръ вторженія. 19 іюля весь Тифлисъ какъ громомъ пораженъ былъ вѣстью, что персіяне уже въ предѣлахъ Грузіи, что малочисленныя русскія войска отступаютъ и эриванскій ханъ предаетъ мечу и огню все христіанское населеніе. И эти вѣсти не были особенно преувеличены. Между тѣмъ персіяне шли не со стороны только Эривани. Въ это же время сорокатысячная персидская армія, подъ личнымъ начальствомъ Аббасъ-Мирзы, вступила въ Карабагъ. Ермоловъ далъ приказаніе войскамъ отступать и сосредоточиваться къ Тифлису; но и это приказаніе уже не поспѣло во-время: стоявшій въ Карабагѣ 42-й егерскій полкъ былъ отрѣзанъ и запертъ въ Шушѣ, одинъ батальонъ его, захваченный въ Горюсахъ, истребленъ и потерялъ орудія. Персіяне обложили Шушу, заняли Елизаветполь и отдѣлили часть своихъ силъ для возмущенія мусульманскихъ провинцій; конныя партіи непріятеля проникали въ самую Иверію и предавались грабежу въ 70 верстахъ отъ Тифлиса. Въ Тифлисѣ началась паника.

Не ожидая внезапнаго нападенія, по азіатски, безъ объявленія разрыва, Ермоловъ, однако, вопреки петербургскимъ взглядамъ, давно уже видѣлъ неизбѣжность войны съ Персіей. Еще при императорѣ Александрѣ онъ неоднократно писалъ въ Петербургъ, что Персія воспользуется первымъ случаемъ, чтобы попытаться возвратить отъ Россіи мусульманскія провинціи, просилъ подкрѣпленій, и въ этой перепискѣ вооружилъ противъ себя тогдашняго министра иностранныхъ дѣлъ, графа Нессельроде, рѣзкою критикою его взглядовъ на азіатскія дѣла. Императоръ, упоенный міровою славой въ стѣнахъ Парижа, былъ теперь рѣшительнымъ противникомъ всякой войны, и Ермоловъ, благодаря министерству, получалъ, вмѣстѣ съ отказомъ въ подкрѣпленіяхъ, предписанія сохранять миръ съ Персіей, хотя бы даже и цѣною нѣкоторыхъ уступокъ. При новомъ царствованіи взгляды министерства получили еще большую устойчивость, и поведеніе Ермолова по отношенію къ нему подверглось рѣзкому осужденію; отсюда-то именно и выходили обвиненія его въ произволѣ, въ неисполненіи министерскихъ

предписаній и въ рѣзкости возраженій на петербургскіе проекты.

Теперь, когда персидское вторженіе, совершившееся такъ внезапно, оправдало предвидѣнія Ермолова, онъ естественно долженъ былъ вернуться къ старымъ своимъ соображеніямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что можно было открыто и прямо встрѣтить врага съ тѣми силами, какія у него были подъ рукою, и рядомъ побѣдъ надъ нестройными персидскими полчищами разсѣять надвигающуюся опасность;—но эти побѣды достались другому, а онъ вновь и вновь просилъ подкрѣпленій. Въ воззрѣніяхъ Ермолова необходимо допустить роковую ошибку, которая не могла не привести его къ крупнѣйшимъ недоразумѣніямъ. Персидская армія, сильная только числительностью, представлялась ему опасною, требующею для отпора сильнаго числительностію же русскаго войска. Повѣренный въ дѣлахъ при персидскомъ дворѣ, любимецъ Ермолова, Мазаровичъ, писалъ ему постоянно, что персидскія войска теперь уже не тѣ, которыя такъ легко били Циціановъ и Котляревскій, что подъ вліяніемъ Англіи они превратились въ настоящія европейскія войска, стройно двигавшіяся и снабженныя превосходною артиллеріею; можно было ожидать, что англійскіе офицеры будутъ руководить дѣйствіями этихъ войскъ, и малочисленные русскіе батальоны, разбросанные на обширномъ пространствѣ, рисковали бы очучиться въ положеніи весьма непрочномъ и тяжкомъ. Съ другой стороны край, въ который вступали непріятельскія войска, — тотъ край, гдѣ столько было еще враждебныхъ намъ элементовъ, гдѣ самъ Ермоловъ испыталъ столько предательствъ и возмущеній, не внушалъ ему довѣрія; можно было думать, что съ появленіемъ персіянъ одна за другою встанутъ провинціи — и борьба еще болѣе усложнится. Ермоловъ, подъ вліяніемъ преувеличенной осторожности, на которую, безъ сомнѣнія, имѣла вліяніе и шаткость его собственнаго положенія, не вышелъ, какъ бы слѣдовало, самъ навстрѣчу непріятеля, а напротивъ, въ своихъ донесеніяхъ государю представилъ наступившія обстоятельства въ видѣ несоразмѣрно опасномъ. И скоро дѣла приняли такой оборотъ, что ихъ легко уже было повернуть противъ Ермолова.

Первыя извѣстія о персидскомъ вторженіи со стороны Эривани императоръ получилъ въ Москвѣ, которая готовилась тогда къ торжеству коронованія. Извѣстія эти поразили его. Ермоловъ писалъ, что защищать обширныя границы, не раздробляя войска и не подвергая ихъ опасности, рѣшительно невозможно, что нужно внести войну въ собственныя земли персіянъ, а для этого необходимо въ скорѣйшемъ времени усиленіе кавказскаго корпуса еще двумя пѣхотными дивизіями и, по крайней мѣрѣ, шестью казачьими полками.

Но императоръ Николай, находясь еще подъ впечатлѣніемъ, что дерзкое вторженіе есть только слѣдствіе своевольства сардаря, дѣйствовавшаго безъ воли своего правительства, смотрѣлъ на дѣло иначе. Да и свободныхъ войскъ подъ рукою не было.

„Ни положеніе политическихъ дѣлъ, ни самое расквартированіе русскихъ армій — писалъ къ Ермолову начальникъ главнаго штаба Дибичъ:—не позволяютъ въ полной мѣрѣ удовлетворить вашихъ требованій и отдѣлить къ вамъ столь значительныя подкрѣпленія“. Въ результатѣ рѣшено было послать на Кавказъ только одну 20-ю дивизію изъ Крыма и шесть казачьихъ полковъ изъ Донского войска. Но вмѣстѣ съ тѣмъ государь, ссылаясь на то, что собственно въ Грузіи и на границахъ Эриванскаго ханства находится до 15 тысячъ войска, требовалъ, чтобы Ермоловъ немедленно образовалъ изъ нихъ дѣйствующій корпусъ и занялъ съ нимъ Эриванское ханство, а въ случаѣ упорства персіянъ двигался бы дальше—къ Тавризу. „Государь—писалъ къ Ермолову Дибичъ:—не сомнѣвается, чтобы подъ предводительствомъ вождя столь опытнаго, столь отличнаго и въ столь высокой степени имѣющаго довѣренность своихъ подчиненныхъ, какъ ваше высокопревосходительство,—этихъ войскъ было недостаточно для ниспроверженія всѣхъ силъ, которыя персіяне только могли бы противопоставить вамъ“.

Въ то же время въ частномъ, собственноручномъ письмѣ, въ которомъ соблюдены всѣ признаки высочайшаго довѣрія, быть можетъ тогда еще и не совершенно пошатнувшагося, государь писалъ Ермолову:—„ожидаю скораго извѣщенія вашего, что нѣтъ уже сардаря и Эривань съ ея областями заняты вами. Вы и 15 тысячъ русскихъ—для меня достойный залогъ успѣха“... „За симъ

Богъ съ вами! Былъ бы Николай Павловичъ прежній человѣкъ, можетъ быть, явился бы къ вамъ, у кого въ командѣ въ первый разъ извлекъ изъ ноженъ шпагу. Теперь мнѣ остается только радоваться извѣстіямъ о вашихъ подвигахъ и награждать тѣхъ, которые привыкли подъ вашимъ начальствомъ пожинать лавры. Еще разъ — Богъ съ вами!".

Но за первыми извѣстіями пришли другія, нарисовавшія мрачную картину начинавшейся войны. Не одинъ эриванскій ханъ, какъ полагали, дѣйствовалъ съ толпою своихъ буйныхъ подданныхъ, — самъ наслѣдникъ персидскаго престола, съ значительною арміею, вступилъ въ Карабагъ и обложилъ Шушу. Ханства, занятыя персіянами, были въ возмущеніи, мелкіе русскіе отряды во многихъ мѣстахъ истреблены, другіе сидѣли въ осадѣ. Ермоловъ писалъ, что единственно возможный образъ дѣйствій для него, пока не подойдутъ подкрѣпленія—только оборонительный, а блокада Шуши ставитъ его въ крайнее затрудненіе, такъ какъ освобожденіе ея требуетъ раздробленія силъ, чрезвычайно опаснаго, могущаго открыть персіянамъ путь въ Грузію, съ другой же стороны, идти на помощь къ Шушѣ необходимо—иначе крѣпость погибнетъ отъ недостатка продовольствія.

Въ еще болѣе мрачныхъ краскахъ обрисовываетъ онъ свое положеніе въ отзывѣ къ начальнику главнаго штаба; онъ извѣщаетъ его, что со взятіемъ персіянами Балыкчайскаго поста дорога въ татарскія дистанціи открыта, что война, возбужденная религіей и фанатизмомъ, вооружила противъ насъ всѣхъ мусульманъ, — и намъ не остается ничего, кромѣ Грузіи.

Чтобы хоть сколько-нибудь отстранить отъ себя упрекъ за эти тяжкія обстоятельства, Ермоловъ въ письмѣ къ государю ссылался на то, что печальныя событія, которыя уже совершились, были имъ предвидѣны за нѣсколько лѣтъ, что онъ писалъ объ нихъ покойному императору Александру, извѣщалъ графа Нессельроде— и не былъ удостоенъ довѣрія только потому, что графъ Нессельроде былъ убѣжденъ въ невозможности войны со стороны персіянъ. Но государь естественно могъ отвѣтить ему, „что тамъ, гдѣ ждались военныя обстоятельства— нужно было къ нимъ и приготовиться".

„Съ душевнымъ прискорбіемъ и, не скрою, съ изумленіемъ— писалъ къ нему государь:—читалъ я донесенія ваши о тѣхъ неблагоразумныхъ частныхъ распоряженіяхъ, по какимъ частицы россійскихъ войскъ подвергались неудачамъ и потерямъ отъ непріятеля,—доселѣ ими всегда презираемаго"... „Русскихъ превосходствомъ силъ одолѣвали, истребляли, но въ плѣнъ не брали. Сколько изъ бумагъ понять могу, вездѣ въ частномъ исполненіи видна оплошность неимовѣрная, и никакихъ приготовленій къ предвидѣннымъ военнымъ обстоятельствамъ".

Государь не видѣлъ, однако, причины измѣнять своихъ первоначальныхъ предначертаній, и, считая Ермолова достаточно сильнымъ, чтобы хотя на время перейти въ наступленіе, требовалъ отъ него быстрыхъ и рѣшительныхъ дѣйствій. „Они тѣмъ необходимѣе — писалъ государь: — что послѣ несчастнаго начала надо ободрить войска блестящимъ успѣхомъ".

Но судьба Ермолова была уже предрѣшена. Въ виду неудовлетворительныхъ извѣстій изъ Грузіи, у государя является мысль послать на Кавказъ Котляревскаго; но такъ какъ израненный страдалецъ не могъ исполнить державной воли молодого императора, то выборъ государя остановился тогда на Паскевичѣ. „Для подробнѣйшаго изъясненія вамъ моихъ намѣреній—писалъ онъ къ Ермолову:—посылаю къ вамъ генералъ-адъютанта Паскевича. Это мой бывшій начальникъ, пользующійся всею моею довѣренностью, и онъ лично можетъ объяснить вамъ все, что по краткости времени и по безъизвѣстности не могу я вамъ приказать письменно. Я увѣренъ, что вы употребите съ удовольствіемъ сего храбраго генерала, лично вамъ извѣстнаго, препоручивъ ему командованіе войсками подъ главнымъ начальствомъ вашимъ".

Такъ является на Кавказѣ Паскевичъ.

Между тѣмъ въ Грузіи сами обстоятельства слагались такъ, что исправляли невольную ошибку Ермолова. Тифлисъ, взволнованный слухами объ угрожающей странѣ опасности, глухо протестовалъ противъ излишне осторожныхъ дѣйствій Ермолова. Разсказываютъ, что приближенные главнокомандующаго, преданныя ему лица, предвидя исходъ его медлительности и не будучи въ

состоянiи сами подвинуть его къ болѣе энергическимъ дѣйствiямъ, упросили престарѣлую княгиню Бебутову (мать князя Василiя Осиповича) объяснить Ермолову ропотъ и боязнь тифлисскаго населенiя. Княгиня была не изнѣженная, робкая женщина мирной страны; туземная армянка, она видѣла въ молодости разоренiе Тифлиса Ага-Магометъ-Ханомъ, на глазахъ ея совершилось много кровавыхъ сценъ при грузинскихъ царяхъ, когда лезгины рыскали по всей несчастной странѣ и, врываясь въ самое предмѣстье Тифлиса, Авлабаръ, рѣзали жителей. И когда эта женщина, освоившаяся съ опасностями вѣчно тревожной жизни, съ горечью стала говорить Ермолову объ ужасѣ, господствовавшемъ въ Тифлисѣ и во всей Грузiи, въ ожиданiи тѣхъ же бѣдствiй, какимъ уже подверглись нѣмецкiя колонiи и армянскiя деревни, передала толки и ропотъ народа на его нерѣшительность и никогда не бывалое прежде домосѣдство,—Ермоловъ понялъ необходимость дѣйствовать немедленно, не поджидая уже подкрѣпленiй. Къ этому времени какъ разъ прiѣхалъ изъ Пятигорска Мадатовъ. Ермоловъ поручилъ ему передовой отрядъ, и князь Мадатовъ, 2-го сентября подъ Шамхоромъ, на голову разбилъ десятитысячный персидскiй корпусъ: русскiе заняли Елизаветполь,—персiяне сняли блокаду Шуши. Шамхорская побѣда, по самому характеру персiянъ, была фактомъ, предрѣшавшимъ исходъ войны; вѣсы склонились на русскую сторону, и будущее обѣщало только новыя и новыя побѣды. Но время для Ермолова уже прошло безвозвратно. На сценѣ стоялъ Паскевичъ, — и вслѣдъ за Шамхоромъ, 13-го сентября, вся огромная персидская армiя была разбита подъ Елизаветполемъ кавказскими войсками, подъ начальствомъ того же Паскевича. Это обстоятельство окончательно порѣшило судьбу Ермолова. По справедливому выраженiю одного изъ современниковъ, „черезъ Елизаветполь Россiя лишилась въ Ермоловѣ фельдмаршала съ замѣчательными способностями“.

Есть положительныя свидѣтельства, что Паскевичъ обязанъ Елизаветпольскою побѣдою исключительно настоянiю ермоловскихъ генераловъ. Увидѣвъ передъ собою тучу персидской конницы, онъ былъ смущенъ этою тяжелой надвигающеюся массой непрiятель-

скихъ войскъ, и хотѣлъ отступить; но Мадатовъ и Вельяминовъ настоятельно доказали ему необходимость принять сраженіе,—и полная побѣда была результатомъ. Не будь тутъ Паскевича, персіяне одинаково были бы разбиты ермоловскими генералами, — и новая справедливая слава покрыла бы Ермолова. Теперь побѣдные лавры лежали на головѣ Паскевича, открывъ ему полную возможность повернуть дѣло въ ту сторону, въ какую онъ хотѣлъ.

И въ то время, какъ совершались эти знаменательныя событія, давшія войнѣ такой счастливый исходъ, когда Ермоловъ самъ грозою шелъ по возмутившимся ханствамъ, и, какъ по мановенію волшебнаго жезла, передъ нимъ возстановлялись спокойствіе и безопасность,—между императоромъ Николаемъ и Паскевичемъ шла дѣятельная переписка: Паскевичъ набрасывалъ на Ермолова и на всю его дѣятельность на Кавказѣ черныя тѣни.

Паскевичъ прибылъ въ Тифлисъ, облеченный обширными полномочіями. Едва ли справедливы извѣстія, что государь далъ ему право объявить Ермолову о его смѣщеніи и самому занять его мѣсто; здѣсь, вѣроятно, современники смѣшиваютъ Паскевича и Дибича. Но не подлежитъ сомнѣнію, что государь былъ встревоженъ неудачами, говорилъ Паскевичу, что тотъ встрѣтитъ Ермолова, быть можетъ, уже на Кавказской линіи, и подъ вліяніемъ этой тревоги далъ Паскевичу обширныя полномочія и право писать обо всемъ непосредственно къ нему.

И Паскевичъ широко воспользовался этимъ правомъ.

Облеченный конфиденціально чрезвычайною властью, онъ видѣлъ въ Ермоловѣ падающаго соперника. Ермоловъ съ своей стороны отлично понималъ это и смотрѣлъ на Паскевича, какъ на случайнаго временщика, старавшагося возвыситься на его счетъ. И уже отъ 7 сентября, немедленно по полученіи извѣстія о Шамхорской побѣдѣ, онъ писалъ Мадатову: „какъ хорошо случилось что вы, любезный князь, сдѣлали начало совершенно въ подтвержденіе донесенія моего, что распорядилъ я наступательныя дѣйствія прежде прибытія генерала Паскевича. Думали, что мы перепугались и ничего не смѣли предпринять!“... „Происшествіе сіе порадуетъ столицу, а я ожидаю донесенія о взятіи Елизаветполя.

гдѣ, можетъ быть, также случиться попугать мошенниковъ. Дай Богъ!"...

Естественно, что отношенія между Ермоловымъ и Паскевичемъ сразу установились натянутыя, а послѣ Елизаветпольской побѣды, въ которой непріятеля не „попугали" только, а разбили начисто,— они окончательно испортились. Паскевичъ могъ теперь открыто поставить передъ государемъ вопросъ о дѣйствіяхъ Ермолова. Ермоловъ же, казалось, самими обстоятельствами обвинялся въ бездѣйствіи и ошибкахъ, какъ бы опровергнутыхъ дѣйствіями Паскевича,—и не могъ ничего сказать противъ фактовъ.

Скоро обстоятельства еще болѣе обострили дѣло. Паскевичъ, мало знакомый съ страною, но окрыленный успѣхомъ, стремился внести войну въ предѣлы Персіи. Ермоловъ не признавалъ это возможнымъ до прибытія новыхъ силъ,—и Паскевичъ прямо приписалъ все зависти Ермолова, желанію помѣшать ему. Въ то же время Паскевичъ съумѣлъ оскорбить и войска высокомѣрнымъ отношеніемъ хотя и боевого, но параднаго генерала къ честному трудовому кавказскому солдату. Наканунѣ Елизаветпольскаго боя онъ ихъ училъ маршировкѣ и построеніямъ, и, недовольный выправкой, говорилъ шамхорскимъ побѣдителямъ, что ему „стыдно показать ихъ непріятелю". Воротившись изъ-подъ Елизаветполя въ Тифлисъ, онъ занялся разводами и парадами, въ которыхъ боевыя, закаленныя въ походахъ и сраженіяхъ войска были съ петербургской точки зрѣнія далеко не сильны,—и довольнымъ ими Паскевичъ не оставался.

Памятна старымъ кавказцамъ первая встрѣча Паскевича съ знаменитымъ Ширванскимъ полкомъ,—съ этимъ 10-мъ римскимъ легіономъ, какъ называлъ его Ермоловъ. Возвращавшійся въ то время послѣ многолѣтнихъ походовъ по горамъ Дагестана и лѣсамъ Чечни и Черкесіи, полкъ вступалъ въ Тифлисъ, какъ вступалъ всегда и всюду, съ музыкою и пѣснями. Веселые, бодрые, увѣренные получить похвалу, проходили ширванцы мимо дворца главнокомандующаго, съ балкона котораго смотрѣлъ на нихъ Паскевичъ. Вглядѣвшись въ одежду солдатъ, изъ которыхъ многіе вовсе не имѣли панталонъ и были въ лаптяхъ или въ азіятскихъ

чевякахъ—дѣло весьма обыкновенное для тогдашнихъ кавказцевъ, Паскевичъ пришелъ въ такое негодованіе, что прогналъ полкъ долой съ своихъ глазъ, — и ширванцы никакъ не могли уяснить себѣ, что такое случилось. Уже готовился грозный приказъ по корпусу съ объявленіемъ строжайшихъ взысканій полковому начальству. Къ счастію, Ермоловъ, въ качествѣ главнокомандующаго, призналъ за самимъ собою право отдать приказъ, и въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ благодарилъ Ширванскій полкъ за оказанныя имъ въ бояхъ чудеса храбрости и за твердость въ перенесеніи необычайныхъ трудовъ и лишеній, выпавшихъ на его долю.

Вернувшись изъ похода, Паскевичъ не ограничился одними только военными дѣлами; онъ почелъ себя въ правѣ вмѣшиваться по всѣмъ частямъ управленія и принялся разыскивать повсюду злоупотребленія. При самомъ внимательномъ изученіи документовъ того времени и донесеній самого Паскевича, невозможно найти даже намека на серьезное изслѣдованіе имъ кавказскихъ обстоятельствъ; онъ просто ловилъ слухи и сплетни, притомъ отъ личностей совершенно незаслуживающихъ довѣрія, и этимъ еще болѣе вооружалъ противъ себя всѣхъ. Неудивительно поэтому, что онъ писалъ государю: „я одинокъ, совершенно одинокъ“... Но приписывалъ онъ свое одиночество интригамъ Ермолова.

Обо всѣхъ, будто бы найденныхъ имъ, безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ онъ, нужно думать, сообщалъ государю въ общихъ чертахъ и прежде; но въ рапортѣ отъ 11 декабря онъ почелъ возможнымъ уже создать противъ Ермолова цѣлый рядъ обвинительныхъ пунктовъ. Всѣ они въ сущности представляютъ,—однако, только повтореніе того, въ чемъ уже обвиняли Ермолова въ Петербургѣ,— подтвержденіе тамошнихъ слуховъ и толковъ о Кавказѣ, появившихся въ новое царствованіе.

Кавказскія войска, по этому донесенію, находились въ совершенномъ безпорядкѣ: они представляются необученными, оборванными, грязными, въ ветхихъ, покрытыхъ заплатами мундирахъ безъ пуговицъ, въ брюкахъ разнаго цвѣта (въ Ширванскомъ полку не было даже и таковыхъ), съ изорванными ранцами, вмѣсто портупей—веревочки... „Выучки нельзя отъ нихъ требовать, ибо

они ничего не знаютъ"—говоритъ Паскевичъ. Здѣсь онъ подвергаетъ поверхностной критикѣ, установившійся десятилѣтіями и обусловленный вѣчною войною, обычный порядокъ, который остался на Кавказѣ и при немъ и послѣ него. Но, преувеличивая передъ государемъ значеніе его отрицательныхъ сторонъ, онъ идетъ еще далѣе, — и даже боевыя качества побѣдоносныхъ кавказскихъ войскъ, покрывшихъ подъ Елизаветполемъ славою того же Паскевича, не внушаютъ ему большого довѣрія. „Войска храбры, но не стойки"... „Сохрани Богъ быть съ такими войсками въ первый разъ въ дѣлѣ"—пишетъ онъ къ государю. „Въ походѣ моемъ за Араксъ—говорится въ другомъ донесеніи:—ничего замѣчательнаго не случилось, я замѣтилъ только, что войска не привыкли драться въ горахъ"... (Это—ширванцы-то!?).

Сдѣлавъ такую характеристику войскъ, Паскевичъ старается уронить въ глазахъ государя и признанную всѣми высокую репутацію Ермолова, и его военныя дарованія, и даже его политическую благонадежность. „Кампанія кончена — кампанія испорчена!" — восклицаетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ нему, — и бросаетъ въ противника свое рѣзкое обвиненіе въ томъ, что онъ помѣшалъ ему продолжить войну до Тавриза изъ личныхъ видовъ. „Не доброе желаніе къ общему благу я встрѣчаю здѣсь на каждомъ шагу"—говоритъ Паскевичъ. Приготовленіе къ новой кампаніи также возбуждаетъ въ немъ большія опасенія, и главнымъ образомъ опять со стороны медлительности того же Ермолова. „Время уходитъ, — пишетъ Паскевичъ: — а съ нимъ весьма опасное для здоровья нашихъ войскъ лѣто приближается" (это 11 декабря-то!?). Въ другой разъ онъ ядовито замѣчаетъ: „что можно было сдѣлать при Циціановѣ, того нельзя сдѣлать при генералѣ Ермоловѣ".

Вся политика Ермолова въ ханствахъ, веденная, конечно, съ высочайшаго соизволенія, служитъ новымъ поводомъ для Паскевича къ тяжкимъ обвиненіямъ Ермолова, который выставляется жестокимъ угнетателемъ хановъ, возбудившимъ черезъ то во всемъ мусульманскомъ населеніи ненависть къ русскому имени. По этимъ донесеніямъ выходило такъ, что Измаилъ-ханъ шекин-

скій былъ отравленъ Ермоловымъ, что Мустафа бѣжалъ, опасаясь для себя той же самой участи; и если Мехти-ханъ держался долѣе другихъ, несмотря на оскорбленія, наносимыя ему Мадатовымъ,— „о чемъ онъ самъ говорилъ персидскому шаху,—добавляетъ Паскевичъ,—то только благодаря подаркамъ, которые онъ дѣлалъ Мадатову землею и крестьянами. И, несмотря на то, Мадатовъ все-таки подсылалъ людей отравить его, а когда это не удалось, онъ приказалъ татарину выстрѣлить въ Джафаръ-Кули-агу, и поступокъ этотъ былъ приписанъ хану, который, вслѣдствіе того, опасаясь ссылки, бѣжалъ“... „Мадатовъ—добавляетъ Паскевичъ:—весьма легко могъ поймать его; но, видно, опасался улики, чтобы ханъ не вывелъ всѣ ихъ дѣйствія наружу“...

Впрочемъ, не одинъ Ермоловъ, вообще политика дѣятельности и сильныхъ кавказскихъ главнокомандующихъ встрѣчала въ Паскевичѣ строгаго порицателя и представлялась ему неумѣстною. „Честолюбіе здѣшнихъ начальниковъ—говоритъ онъ:—дорого стоило Россіи. Честолюбіе Циціанова, который съ большими ухищреніями пріобрѣлъ подъ покровительство Россіи четыре провинціи,—стоило десятилѣтней войны. Честолюбіе нынѣшняго начальника произвело новую войну“...

И въ доказательство послѣдняго Паскевичъ наивно приводитъ то, „что персіяне сіе утверждаютъ“. „Абасъ-Мирза, — говоритъ онъ: — къ коему я посылалъ предложеніе о размѣнѣ плѣнныхъ, тоже сіе утверждаетъ“... „Здѣсь вообще согласны въ томъ, что генералъ Ермоловъ причина войны разными ухищреніями“. „Угурлуханъ елизаветпольскій мнѣ также это сказалъ и, обнадеженный въ секретѣ, диктовалъ сіе показаніе“...

Такимъ образомъ, свидѣтельства враговъ Россіи, ненавидѣвшихъ въ лицѣ Ермолова силу и твердость русской политики, являются единственными, авторитетными доказательствами его виновности. И Паскевичъ вмѣстѣ съ Амбургеромъ, секретаремъ посольства, думаетъ, что если бы предложены были съ нашей стороны какія-либо уступки (чего, конечно, не допускалъ и въ мысляхъ Ермоловъ), то и война не возгорѣлась бы.

Наконецъ, послѣднія обвиненія сосредоточены на личныхъ от-

ношеніяхъ Ермолова къ Паскевичу. „Съ пріѣзда моего въ Тифлисъ,—пишетъ послѣдній:—я замѣтилъ, что генералъ Ермоловъ не будетъ ко мнѣ расположенъ". И послѣ разъясненія мелочныхъ фактовъ несвоевременнаго отправленія къ нему адъютантовъ и тому подобное, онъ говоритъ: „къ стыду русскихъ я узналъ отъ грузина, армянина-переводчика Корганова, который со страхомъ объявилъ мнѣ, что я окруженъ шпіонами и интриганами, что князь Мадатовъ, въ то же самое время какъ дѣлаетъ мнѣ увѣреніе въ дружбѣ, бранитъ меня, окруженный всѣми старшими чиновниками въ лагерѣ". Паскевичъ не могъ не знать, что Коргановъ ненавидѣлъ Ермолова и Мадатова по личнымъ причинамъ — (Ермоловъ всегда называлъ его Ванькой-каиномъ), и тѣмъ не менѣе считаетъ нужнымъ довѣрять его словамъ безусловно.

Раздражительный характеръ Паскевича заставлялъ его всюду видѣть себѣ недоброжелателей, и онъ писалъ къ Дибичу, что ему нельзя оставаться съ Ермоловымъ, „съ самымъ злымъ и хитрымъ человѣкомъ, желающимъ даже въ реляціяхъ затмить его имя"... „Государь Императоръ— писалъ онъ: — найдетъ другого, который угодитъ Ермолову, а я не могу: онъ будетъ мѣшать всѣмъ моимъ операціямъ, отчего всѣ военныя дѣйствія могутъ остановиться"... И Паскевичъ просилъ доложить государю о своемъ желаніи быть вызваннымъ въ Петербургъ. Онъ предлагалъ, другими словами, выбирать между нимъ, побѣдителемъ подъ Елизаветполемъ, и Ермоловымъ, котораго онъ такъ чернилъ.

Но Паскевичъ и самъ чувствовалъ полную возможность и естественность заподозрить въ его дѣйствіяхъ и донесеніяхъ желаніе занять мѣсто Ермолова, и спѣшитъ заранѣе возразить на это. „Не думайте,—пишетъ онъ,—чтобы я игралъ комедію: кто здѣсь останется, будетъ въ весьма трудныхъ обстоятельствахъ"...

Доносы Паскевича не ограничились однимъ Ермоловымъ, а захватили и его ближайшихъ помощниковъ. Удары ихъ прежде всего обрушились на Мадатова и Вельяминова, на тѣхъ самыхъ лицъ, которымъ Паскевичъ былъ обязанъ и самой побѣдою подъ Елизаветполемъ. „Болѣе всѣхъ лживѣе, — писалъ онъ Дибичу своимъ неправильнымъ языкомъ:—и обманчивѣе его (Ермолова) генералъ-

лейтенантъ князь Мадатовъ"... „Генералъ-маіоръ Вельяминовъ его поддерживаетъ: они всѣ другъ друга поддерживаютъ, и ничего нѣтъ труднѣе, какъ узнать истину". Брошено было сомнѣніе въ самыхъ способностяхъ Мадатова. „Въ распоряженіяхъ своихъ онъ способностей не имѣетъ, а только храбрый гусаръ", писалъ о немъ Паскевичъ. Наконецъ, онъ прямо обвинялъ его въ незаконномъ захватѣ имѣнія въ ханствахъ, при содѣйствіи Ермолова,—несмотря на то, что имѣніе это досталось тому съ высочайшаго соизволенія императора Александра, засвидѣтельствованнаго особымъ рескриптомъ. На Вельяминова взведено обвиненіе въ смерти казачьяго офицера. Эти тайные доносы стояли въ прямомъ противорѣчіи съ его же открытымъ поведеніемъ, и онъ опять спѣшитъ оговорить и это обстоятельство. „Прошу ваше высокопревосходительство—пишетъ онъ Дибичу:—не взять въ дурное, что есть нѣкоторыя противорѣчія между моимъ поведеніемъ съ нѣкоторыми людьми, и что послѣ я про нихъ говорю; но это отъ того, что я объ нихъ не зналъ и послѣ уже получилъ объ нихъ свѣдѣнія"....

Въ письмѣ отъ 9 февраля, Паскевичъ доноситъ Дибичу, будто бы Ермоловъ домогался „имѣть отъ всего грузинскаго дворянства прошеніе къ императору, дабы его здѣсь, какъ хорошаго начальника, оставить: они въ собраніи отказали; но онъ, неудовольствовавшись симъ отказомъ, велѣлъ своимъ приближеннымъ носить по домамъ подписку, надѣясь, что обществомъ хотя вмѣстѣ и отказали, но поодиночно сего не осмѣлятся сдѣлать, ибо всякій изъ нихъ будетъ ему извѣстенъ; но несмотря на все сіе ему еще отказали. Негодованіе противу его велико!!!"

Было впослѣдствіи мнѣніе, что Паскевичъ, будто бы искренно находилъ въ управленіи Ермолова Кавказомъ безпорядочность, и искренно писалъ о враждебности къ нему главнокомандующаго, а что впослѣдствіи онъ понялъ ошибочность своихъ воззрѣній и требованій. Трудно, однако, допустить, чтобы опытный генералъ не видѣлъ неизбѣжности, въ тяжелое боевое время, тѣхъ мелочныхъ неисправностей, которыя онъ раздувалъ въ обстоятельства огромнаго значенія; непонятно, зачѣмъ было бы ему тогда грязнить

Ермолова такими донесеніями, какъ послѣднее. Къ тому же, вслѣдъ за отъѣздомъ Ермолова, одерживая свои знаменитыя побѣды, онъ уже не предъявлялъ къ войскамъ тѣхъ требованій, о которыхъ теперь столько хлопоталъ, — хотя войска эти оставались совершенно все въ томъ же положеніи. Но, расхваливая ихъ въ письмахъ къ государю, онъ нигдѣ, даже намеками, не говоритъ объ ошибочности его первоначальныхъ взглядовъ на дѣятельность Ермолова. Какъ только Ермоловъ сошелъ со сцены, онъ пересталъ существовать для Паскевича.

Но такъ или иначе, жребій былъ брошенъ, и теперь все зависѣло отъ воли государя.

Императоръ Николай былъ смущенъ и встревоженъ доносами Паскевича, въ которыхъ сквозило слишкомъ пристрастное отношеніе къ дѣлу, и, чтобы приличнымъ образомъ положить конецъ этой распрѣ, столь неудобной въ военное время, былъ посланъ на Кавказъ Дибичъ. Государь поручилъ ему въ случаѣ необходимости объявить Ермолову отставку и назначить на его мѣсто Паскевича. Въ собственноручномъ письмѣ (отъ 9 марта), сильно предубѣжденный государь пишетъ Дибичу: „да поможетъ вамъ Господь и да вразумитъ Онъ васъ, чтобы быть справедливымъ“; но эта справедливость какъ бы предрѣшается имъ самимъ не въ пользу Ермолова непосредственно предшествующими словами: „надѣюсь, что вы не позволите обольстить себя этому человѣку, для котораго ложь составляетъ добродѣтель, если онъ можетъ извлечь изъ нея пользу“...

Ермоловъ былъ, повидимому, доволенъ вмѣшательствомъ третьяго лица. Навстрѣчу подъѣзжавшему Дибичу, въ отвѣтъ на его письмо изъ Владикавказа, онъ выслалъ слѣдующее короткое письмо отъ 10 февраля: „Милостивый государь, баронъ Иванъ Ивановичъ! Въ короткихъ словахъ дамъ себя выразумѣть: радъ душевно, что вы ѣдете сюда и знаю, сколько облегчены будутъ мои дѣйствія. Имѣю честь быть и проч. Алексѣй Ермоловъ“.

Дибичъ пріѣхалъ въ Тифлисъ 20 февраля 1827 года, прямо въ квартиру Ермолова, и отношенія между ними обѣщали быть хорошими. Скоро пришлось Дибичу убѣдиться и въ блестящихъ

свойствахъ кавказскихъ войскъ ермоловской школы; по крайней мѣрѣ, уѣзжая, недолго спустя, съ Кавказа, онъ говорилъ встрѣтившемуся ему на линіи генералу Сабанееву: „Я нашелъ тамъ войска одушевленныя духомъ екатерининскимъ и суворовскимъ; съ такими войсками Паскевичу одерживать побѣды будетъ не трудно". Но надеждамъ и ожиданіямъ Ермолова сбыться было все-таки не суждено.

Нѣкоторые изъ современниковъ думали, что Дибичъ самъ не прочь былъ занять постъ главнокомандующаго кавказскимъ корпусомъ—тотъ постъ, на которомъ такъ „нетрудно было одерживать побѣды", благодаря войску, подготовленному Ермоловымъ; и весь смыслъ и характеръ его донесеній можетъ служить подтвержденіемъ этого. Въ нихъ онъ не подтверждаетъ совершенно донесеній Паскевича. Злоупотребленій онъ не нашелъ; по поводу доносовъ на жестокость Ермолова, онъ пишетъ, напротивъ, что „строгость его имѣла, безъ сомнѣнія, хорошее вліяніе на скорое покореніе взбунтовавшихся"; упущенія дисциплины онъ „нигдѣ не замѣтилъ", и не могъ ни въ чемъ найти „упорства или нежеланія Ермолова выполнять волю государя"; онъ говоритъ также, что „сколь ни значительны его (Ермолова) ошибки по военной части и вѣроятно большія упущенія по гражданской, но, не менѣе того, имя его страшно для горскихъ народовъ,—что въ нынѣшнее время, мнѣ кажется, столько же уважительно, какъ и 10-ти-лѣтнее сношеніе его съ разными особами въ Персіи..."

Наконецъ Дибичъ снимаетъ съ Ермолова и тяжкое оскорбительное обвиненіе, хотя бы даже косвеннаго участія его въ декабрьскихъ событіяхъ. Когда разговоръ коснулся этого предмета, Ермоловъ, по словамъ Дибича, съ полною откровенностью жаловался на свое несчастіе, что нѣкоторыя ошибки его молодыхъ лѣтъ,—никогда противъ правительства, — но противъ начальниковъ, которые ему казались несправедливыми, а болѣе всего врожденное ему снисходительное обращеніе съ молодыми людьми, въ которыхъ онъ замѣчалъ дарованія,—дали поводъ къ оскорбительному заключенію, что онъ можетъ быть причастенъ подобнымъ мыслямъ; что ему кажется, что самое званіе и лѣта его должны

бы были защищать его отъ подозрѣній такого рода, тѣмъ болѣе, что ни одинъ изъ его окружающихъ въ этомъ отдаленномъ краю, и даже ни одинъ изъ его корпуса не былъ замѣшанъ въ политическихъ замыслахъ: Якубовичъ, вовлеченный въ заговоръ Волконскимъ, въ то же время удалился изъ корпуса; Кюхельбекера— онъ выслалъ съ Кавказа самъ. „Я удостовѣрился — пишетъ въ заключеніе Дибичъ:—что обвиненіе генерала Ермолова въ семъ отношеніи есть совершенно неосновательное".

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, отстраняя отъ Ермолова тѣни, наброшенныя Паскевичемъ, онъ сгущаетъ на немъ другія. Онъ пишетъ государю, что Ермоловъ „признаетъ себя виновнымъ въ томъ, что послѣ елисаветпольскаго сраженія не рѣшился идти къ Тавризу",— вѣроятно, присоединяя слово „виновный" къ простому объясненію Ермолова, не считавшаго, при данныхъ обстоятельствахъ, какъ тутъ же сказано, „выгоднымъ переправиться черезъ Араксъ до прибытія новыхъ подкрѣпленій, не усмиривъ прежде Ширвани" и пр. Онъ объясняетъ медлительныя дѣйствія со словъ Ермолова „неточными свѣдѣніями о силѣ и свойствахъ непріятеля" и „боязнью распространенія бунта въ горскихъ народахъ",—доводы, полные убѣдительности,—но придаетъ всему этому характеръ „значительныхъ упущеній". Любопытно, однако, что въ другомъ письмѣ онъ говоритъ о большомъ некомплектѣ кавказскихъ войскъ и необходимости его пополнить,—и тѣмъ не менѣе все-таки находитъ возможнымъ прямо обвинять Ермолова въ нерѣшительности и въ недостаткѣ предпріимчивости. Онъ категорически заявляетъ, что „отъ генерала Ермолова нельзя ожидать блистательныхъ дѣйствій". Этотъ вопросъ о самой способности Ермолова вести военныя дѣйствія,—вопросъ такъ поздно поставленный,—постоянно привлекаетъ къ себѣ Дибича. Въ рядѣ писемъ онъ говоритъ государю, что на вопросы генералу Ермолову, „не чувствуетъ ли онъ себя менѣе противу прежняго способнымъ", „увѣренъ ли онъ, что исполнитъ точно высочайшія предположенія?" — тотъ отвѣчалъ, что „чувствуетъ себя еще при прежнихъ своихъ силахъ и способности, но что мысль о неполномъ довѣріи къ нему государя приводитъ его къ нерѣшительности". Словомъ, выходило такъ, что

хотя донесенія Паскевича на Ермолова и несправедливы, но замѣнить Ермолова было бы лучше.

Дибичъ защитилъ и Мадатова съ Вельяминовымъ, но защитилъ условно и уклончиво. По объясненію его, „Вельяминовъ человѣкъ съ познаніями и здравыми военными мыслями, но кажется, по весьма холодному характеру и систематическому образу сужденій, болѣе склоненъ къ вѣрнымъ, нежели блистательнымъ дѣйствіямъ". Въ другомъ донесеніи онъ говоритъ, впрочемъ, что „лишиться Вельяминова было бы жаль", вѣроятно, не желая лишиться его совсѣмъ, если бы онъ, Дибичъ, самъ былъ назначенъ на мѣсто Ермолова.

Въ отношеніяхъ къ Паскевичу, Дибичъ обнаруживаетъ ту же нерѣшительную уклончивость. Онъ говоритъ о „благородномъ, но чрезвычайно чувствительномъ и недовѣрчивомъ характерѣ его"; отдаетъ ему „совершенную справедливость насчетъ откровенности и справедливости его видовъ". „Хотя,—говоритъ онъ,—я не могу раздѣлить мнѣніе его о причинахъ дѣйствій генерала Ермолова, которыя онъ полагаетъ зловредными и упрямыми, но весьма понимаю, что въ положеніи генерала Паскевича оныя могли ему представиться въ такомъ видѣ"...

Но въ то же время Дибичъ осторожно старался показать, что Паскевичъ неудобенъ на мѣстѣ кавказскаго главнокомандующаго. Онъ медлитъ замѣстить имъ Ермолова и пишетъ государю, что онъ „не считалъ себя въ правѣ рѣшиться перемѣнить посредственное положеніе дѣлъ (т. е. при Ермоловѣ) безъ вѣрной надежды лучшаго" (т. е. при Паскевичѣ). Предлагая назначить на Кавказъ генералъ-фельдмаршала Витгенштейна, онъ выражаетъ надежду, что Паскевичъ будетъ съ усердіемъ служить подъ его командою; и вмѣстѣ съ тѣмъ подвергаетъ сомнѣнію и кандидатуру Витгенштейна, какъ незнакомаго съ краемъ.

И въ то же время Дибичъ усиленно разрабатываетъ въ своихъ донесеніяхъ планъ предстоящей кампаніи въ Персію, какъ бы именно съ цѣлію показать свои личныя способности къ управленію Кавказскимъ краемъ и военными дѣйствіями.

Ермоловъ скоро понялъ свое положеніе. Измученный интригою,

сплетавшеюся вокругъ него, онъ, 3 марта, двѣ недѣли спустя послѣ прибытія въ Тифлисъ Дибича, пишетъ слѣдующее открытое, полное достоинства и никого не задѣвающее письмо государю объ увольненіи. „Не имѣвъ счастія заслужить довѣренность Вашего Императорскаго Величества,—говорится въ немъ:—долженъ я чувствовать, сколько можетъ безпокоить Ваше Величество мысль, что при теперешнихъ обстоятельствахъ, дѣла здѣшняго края поручены человѣку, не имѣющему ни довольно способности, ни дѣятельности, ни доброй воли. Сей недостатокъ довѣренности Вашего Императорскаго Величества поставилъ и меня въ положеніе чрезвычайно затруднительное: не могу я имѣть нужной въ военныхъ дѣлахъ рѣшительности, хотя природа и не совсѣмъ отказала мнѣ въ оной. Дѣятельность моя охлаждается той мыслью, что не буду я умѣть исполнить волю Вашу, всемилостивѣйшій Государь!“

„Въ семъ положеніи, не видя возможности быть полезнымъ для службы, не смѣю, однакоже, просить объ увольненіи отъ командованія кавказскимъ корпусомъ, ибо въ теперешнихъ обстоятельствахъ можетъ быть приписано желанію уклониться отъ трудностей войны, которыхъ я совсѣмъ не считаю непреодолимыми; но, устраняя всѣ виды личныхъ выгодъ, всеподданнѣйше осмѣливаюсь представить Вашему Императорскому Величеству мѣру сію, какъ согласную съ общею пользою, которая была главною цѣлію моихъ дѣйствій“.

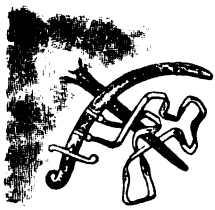
Между тѣмъ императоръ, тщетно ожидая болѣе категорическихъ донесеній Дибича, уже пересталъ, насколько можно судить по его дѣйствіямъ, вполнѣ довѣрять его безпристрастію и готовности безъ всякихъ видовъ исполнить его волю, и письмомъ отъ 27 марта самъ разрѣшилъ всѣ недоумѣнія и вопросы. „Я снова убѣдился,—писалъ онъ:—въ полной невозможности оставить дѣло въ прежнемъ положеніи, т. е. видѣть васъ и Паскевича внѣ этого края, а слѣдовательно себя отданнаго на жертву недоумѣніямъ, безпокойствамъ и т. д., какъ это было до командировки вашей и Паскевича. Я радуюсь, что далъ назначеніе Паскевичу, ибо я вижу изъ вашего письма, что если мой выборъ остановится на немъ, вы не считаете необходимымъ продлить ваше отсутствіе“...

Вмѣстѣ съ этимъ, косвеннымъ отзывомъ Дибича въ Петербургъ, государь увѣдомлялъ его: „Паскевича я приказомъ завтрашняго числа назначаю вмѣсто Ермолова, со всѣми его правами". „Уполномочиваю васъ—говоритъ онъ далѣе:—удалить Мадатова, Вельяминова, однимъ словомъ, всѣхъ лицъ, коихъ вы признаете вредными".

Государь позаботился и о томъ, чтобы все сдѣлалось спокойно. „Только безъ шума и скандала,—писалъ онъ:—я воспрещаю всякое оскорбленіе самымъ положительнымъ образомъ и дѣлаю васъ всѣхъ въ томъ отвѣтственными; пусть все совершится въ порядкѣ, съ достоинствомъ и согласно точному порядку службы".

Дибичу оставалось теперь только исполнить волю императора. Но онъ предвидѣлъ ранѣе исходъ этого дѣла, понявъ, наконецъ, какое полное довѣріе питаетъ государь къ Паскевичу,—и высочайшее повелѣніе 27-го марта застало уже совершившіеся факты. По странному стеченію обстоятельствъ, 28-го числа, въ тотъ самый день, когда въ Петербургѣ печатался приказъ о назначеніи Паскевича, въ Тифлисѣ Дибичъ имѣлъ серьезныя объясненія съ Ермоловымъ по этому же самому предмету и объявилъ ему высочайшую волю объ отозваніи его въ Россію.

28 марта 1827 года Ермоловъ сошелъ со сцены кавказскихъ войнъ.



XLV.

Послѣдніе годы Ермолова *)

Предъ нимъ, за нимъ нѣтъ пышныхъ титлъ,
Не громокъ онъ средь гордой знати,
Но за него усердный гласъ молитвъ
Непобѣдимой русской рати.

Жуковскій (Къ портрету Ермолова).

Ермоловъ сошелъ съ политической сцены въ самую цвѣтущую пору своей жизни, когда ему не было и пятидесяти лѣтъ отъ роду.

Первые шаги его въ жизни частнымъ человѣкомъ были чрезвычайно тяжелы. Какъ характеръ высокій и благородный, онъ принялъ высочайшее рѣшеніе о замѣщеніи Паскевичемъ „съ величайшею покорностью, безъ малѣйшаго изъявленія неудовольствія или ропота“, какъ писалъ о томъ государю Дибичъ. И однакоже, не смотря на категорическое запрещеніе императоромъ малѣйшихъ оскорбленій ему со стороны Паскевича, его удаленіе съ блестящего поприща славы и незабвенныхъ заслугъ предъ

---

*) Матеріалами для статей: Ермоловъ въ персидской войнѣ и послѣдніе годы Ермолова, служили: Дѣла военно-ученаго архива главнаго штаба (собственноручныя письма Ермолова, Паскевича и Дибича), Акты кавказской археографической коммиссіи Берже т. VI, «Русская Старина» 72 г. т. V и VI, 73 г. т. X, 75 г. т. XIII, 1880 г. т XXIX, 84 г. т. XLIII, «Кавказская Старина» т. I, Записки Ермолова ч. 2-я, матеріалы Погодина и др.

отечествомъ—не обошлось безъ оскорбленій. Когда онъ, уже уволенный отъ должности, оставался еще въ Тифлисѣ, приводя въ порядокъ свои дѣла, Дибичъ, по свидѣтельству Погодина, прямо совѣтовалъ ему поспѣшить отъѣздомъ, такъ какъ Паскевичъ могъ сдѣлать ему непріятность,—и Ермоловъ уѣхалъ.

Грозный главнокомандующій тѣхъ войскъ, въ которыя онъ вложилъ суворовскій духъ, выѣхалъ изъ Тифлиса въ той же простой рогожной кибиткѣ, въ которой десять лѣтъ назадъ его встрѣтили здѣсь, — выѣхалъ съ третнымъ жалованьемъ въ карманѣ и съ глубокою раною въ сердцѣ. „Новое начальство—говоритъ онъ въ своихъ запискахъ: — не имѣло ко мнѣ даже и того вниманія, чтобы дать мнѣ конвой, въ которомъ не отказываютъ ни одному изъ отъѣзжающихъ. Въ Тифлисѣ я его выпросилъ самъ, а на военныхъ постахъ по дорогѣ давали его начальники, по привычкѣ повиноваться мнѣ". А какъ необходимъ былъ этотъ конвой, можно судить уже потому, что подъ Урухскимъ укрѣпленіемъ, недалеко отъ минарета на военно-грузинской дорогѣ, только за часъ до его проѣзда чеченская партія отогнала табунъ у татарханова аула, и самъ Татарханъ, одинъ изъ храбрѣйшихъ осетинъ, былъ убитъ въ перестрѣлкѣ.

Миновавъ Кавказъ, Ермоловъ заѣхалъ въ Таганрогъ, единственно затѣмъ, чтобы видѣть мѣсто кончины своего благодѣтеля, императора Александра Павловича вмѣстѣ съ которымъ было похоронено его счастіе, и затѣмъ заключился безвыѣздно въ бѣдной орловской деревушкѣ своего отца.

Непривѣтливо встрѣтила уѣздная глушь и тишь знаменитаго главнокомандующаго, привыкшаго къ власти и блеску тысячъ штыковъ, послушныхъ мановенію его руки. Надо было создавать для себя новый бытъ съ новыми интересами, и жизнь Ермолова была скучна и угрюма. Старикъ отецъ и сестра — вотъ все его общество; къ счастію, онъ имѣлъ значительную библіотеку, и истинныхъ, неизмѣнчивыхъ друзей для себя онъ нашелъ въ твореніяхъ великихъ писателей. Часть времени отдавалась, впрочемъ, механической работѣ—переплету книгъ, и въ этомъ искусствѣ Ермоловъ достигъ впослѣдствіи до значительнаго совершенства.

Къ своему новому положенію онъ относился спокойно, хотя не безъ ироніи и не безъ горечи „Тебѣ Мазаровичъ все скажетъ относящееся до меня, — писалъ онъ 16-го августа своему пріятелю, статсъ-секретарю Кикину:—онъ былъ въ Тифлисѣ послѣднее время моего пребыванія, тамъ и ты услышишь множество странныхъ вещей... Ты не удивишься, ибо нѣтъ ничего новаго подъ луною! Можетъ быть, найдешь не совсѣмъ справедливымъ поведеніе могущественныхъ людей противъ меня, но сіе весьма обыкновенно“...

Среди своего уединенія, Ермоловъ съ понятнымъ интересомъ слѣдитъ за дѣлами Кавказа. И какъ ни глубоко страдало оскорбленное самолюбіе его, онъ умѣлъ оставаться справедливымъ даже по отношенію къ своимъ открытымъ врагамъ. „Удивляетъ меня,— писалъ онъ Кикину 12 октября 1827 года, когда еще свѣжи были нанесенныя ему раны:—удивляетъ меня, что дѣла въ Персіи идутъ не совсѣмъ успѣшно. Однакоже, если, какъ ты увѣдомляешь, пошелъ Паскевичъ съ 30 тысячами прямо въ Тавризъ, онъ дастъ оборотъ дѣламъ“...

Въ Орлѣ Ермоловъ жилъ очень скромно, и простымъ до суровости солдатскимъ бытомъ напоминалъ героевъ древности, съ которыми любили сравнивать его современники. Да и не на что было позволить себѣ иной образъ жизни. Изъ всего содержанія ему оставлено было только одно жалованье, не превышавшее 4 тысячъ рублей ассигнаціями, — и это было все, что онъ имѣлъ потому что во всю свою службу постоянно отказывался отъ полученія арендъ и денежныхъ наградъ, которыя настойчиво предлагалъ ему неоднократно императоръ Александръ Павловичъ. Уже впослѣдствіи положеніе Ермолова измѣнилось къ лучшему, и, какъ говорятъ, вотъ по какому обстоятельству. Графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская, услышавъ о такомъ скудномъ содержаніи Ермолова, какъ то сказала у себя за столомъ, что почла бы за счастье, если бы Алексѣю Петровичу угодно было взять въ свое распоряженіе ея подмосковное имѣніе (оно стоило болѣе милліона). Слова эти были доведены до государя,—и Ермоловъ сталъ получать по 30 тысячъ рублей ассигнаціями въ годъ. Эти-то деньги,

сберегаемыя болѣе нежели скромною жизнію, и сдѣлались основаніемъ оставленнаго имъ небольшого состоянія.

Уволенный отъ службы, Ермоловъ облачился въ непривычное для него статское платье, и это обстоятельство служитъ ему поводомъ къ новой ироніи надъ самимъ собою и надъ тѣмъ положеніемъ, въ которое онъ былъ поставленъ. Въ высшей степени любопытно и характеристично въ этомъ смыслѣ слѣдующее письмо его, посланное къ женѣ Кикина:

„Чудесно счастливая мысль прислать сукна на сюртукъ, ибо не только я буду имѣть щегольской, но избавлюсь насмѣшекъ, которыя, конечно, вызвалъ бы я собственнымъ вкусомъ. Я уже готовъ былъ выбрать какой-то аптекарскій цвѣтъ и появиться въ свѣтъ въ этой микстурѣ. Уже въ тяжкихъ спорахъ были мы съ Анной Петровной (съ сестрой), а какъ мнѣ, теперь отставному, повелѣвать некѣмъ, то я находилъ удовольствіе по крайней мѣрѣ ея не слушать. Но въ то время, какъ я исполненъ благодарности за сукно, напуганъ рисункомъ, по которому я долженъ быть одѣтъ. Огромная фигура моя не можетъ имѣть стройной таліи, которая требуется. Я бы рѣшился, несмотря на 50 лѣтъ, прибѣгнуть даже къ корсету, но и въ семъ случаѣ не думаю, чтобы изъ меня что нибудь вышло. Въ рисункѣ означена шляпа дикаго цвѣта. Говорили прежде, что это цвѣтъ людей подозрительныхъ правилъ—и я содрогнулся. Впрочемъ, простите человѣку, долго жившему въ глуши, если не довольно знаетъ, какъ могутъ часто перемѣняться моды. Однакоже по боязни прежнихъ толковъ не пущусь я на шляпу подобнаго цвѣта. Если согласно съ рисункомъ въ петлицѣ будетъ роза, я надѣюсь, что вы не почтете, что я ношу собственное изображеніе. Много стоитъ скромности моей, когда нечаянно даже коснется красоты моей".

Не весело слагалась, такимъ образомъ, жизнь бородинскаго героя, грозы Кавказа. Добрые пріятели, остававшіеся еще у него въ тяжелое время опалы, старались по возможности смягчить обрушившіеся на него удары судьбы. Былъ даже проектъ — женить Ермолова. Но суровый герой мягко, однакоже тономъ не допускавшимъ возраженій, отстранилъ женскую руку, искавшую се-

мейнымъ счастьемъ скрасить его суровое существованіе. Обычное его благородство сказалось и въ самыхъ доводахъ его отказа: онъ былъ слишкомъ не молодъ, чтобы вызвать серьезную любовь, а на половинной любви онъ не мирился.

Было и другое основаніе, которое могло побудить Ермолова къ отказу отъ семейной жизни. Онъ не былъ женатъ по русскимъ законамъ; но на Кавказѣ у него были такъ называемыя „кебинныя" жены, т. е. такія, которымъ, по шаріату, при бракосочетаніи назначается отъ мужа извѣстная денежная сумма, и которыя сохраняютъ право на извѣстную часть наслѣдства послѣ его смерти. Отъ нихъ у Ермолова были три сына (Викторъ, Северъ и Клавдій), впослѣдствіи, повелѣніемъ императора Александра II признанные законными его сыновьями и унаслѣдовавшіе его славное имя. Дочь Ермолова отъ кебиннаго брака осталась на Кавказѣ и вышла замужъ за горца; но сыновья были въ Россіи, и Ермоловъ заботился дать имъ хорошее образованіе и положеніе въ обществѣ. Онъ не былъ, слѣдовательно, совершенно безсемейнымъ, одинокимъ человѣкомъ, и это обстоятельство могло исключать для него всякую мысль о новой женитьбѣ, о новой семьѣ.

Въ 1829 году посѣтилъ Ермолова, проѣздомъ въ Арзерумъ, Алексадръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Вотъ какъ описываетъ великій поэтъ это свиданіе. „Изъ Москвы — говоритъ онъ: — поѣхалъ я въ Калугу, Бѣлевъ и Орелъ; сдѣлалъ такимъ образомъ 200 верстъ лишнихъ, но за то увидѣлъ Ермолова. Съ перваго взгляда я не нашелъ въ немъ ни малѣйшаго сходства съ его портретами, писанными обыкновенно въ профиль. Лицо круглое, огненные сѣрые глаза, сѣдые волосы дыбомъ, — голова тигра на геркулесовомъ торсѣ; улыбка непріятная, потому что неестественная. Когда же онъ задумывается или хмурится, то становится прекрасенъ и разительно напоминаетъ поэтическій портретъ, писанный Довомъ. Онъ былъ въ зеленомъ черкесскомъ чекменѣ, а на стѣнахъ его кабинета висѣли шашки и кинжалы—памятники его владычества на Кавказѣ. Онъ повидимому нетерпѣливо сноситъ свое бездѣйствіе; нѣсколько разъ принимался говорить о Паскевичѣ и всегда язвительно. Разговоръ нѣсколько разъ касался и литературы. Нѣм-

цамъ досталось. „Лѣтъ черезъ 50—сказалъ онъ:—подумаютъ, что въ нынѣшнемъ походѣ (въ турецкой войнѣ 1828—1829 г.) была вспомогательная прусская или австрійская армія, предводимая такими-то и такими-то нѣмецкими генералами“.

Посѣщеніе Пушкина было Ермолову дорого, и впослѣдствіи онъ любилъ вспоминать о немъ. „И какъ хорошъ былъ этотъ среброволосый герой Кавказа,—разсказывалъ Бартеневъ;—когда онъ говорилъ, что поэты суть гордость націи. Съ какимъ сожалѣніемъ онъ отзывался о ранней смерти Лермонтова. На мои глаза онъ былъ истинно прекрасенъ. Это слоновое могущество, эта неповоротливая шея съ шалашомъ сѣдыхъ волосъ, и этотъ умъ, это одушевленіе на 78 году возраста!... Передо мной сидѣлъ человѣкъ, бравшій съ Суворовымъ Прагу, съ Зубовымъ ходившій къ Дербенту, съ Каменскимъ осаждавшій турецкія крѣпости, одинъ изъ главныхъ бойцовъ Бородина и Кульма, гроза Кавказа!... И послѣ этого говорите противъ екатерининскаго вѣка—онъ его чадо!“

Пушкину суждено было быть первой ласточкой, возвѣстившей весну воскресавшей славы Ермолова. Годы бездѣйствія не затмили народнаго героя, и величавый образъ его, на время оттѣсненный обстоятельствами, все ярче и ярче начинаетъ выступать передъ современниками. И скоро всѣ взоры устремляются на тотъ безвѣстный уголокъ, гдѣ скрылось одно изъ блестящихъ свѣтилъ русскаго царства. Чувства, которыя одушевляли общество, прекрасно выражены слѣдующими стихами неизвѣстнаго поэта:

«Хоть дѣлъ великихъ окончанья
Рукою ты не довершилъ,
Но духъ твой изъ глуши изгнанья
Другихъ къ побѣдамъ предводилъ.
Свершить—тебѣ не дали время,
Но всюду тамъ твои слѣды;
Тобою брошеннаго сѣмя
Россія соберетъ плоды»....

И, дѣйствительно, современники знали, кто былъ истиннымъ виновникомъ громкихъ побѣдъ и въ Персіи и въ Азіатской Турціи. Но вотъ, начинается польская война; русскіе разбиты, почти оттѣснены къ границамъ. Шесть мѣсяцевъ продолжаются неудачи. Поляки ликуютъ и мечтаютъ. Они вспомнили о Ермоловѣ и, не

зная великости его русской души, провозглашаютъ отъ имени его мятежную прокламацію къ русскому войску. По странной случайности, первые экземпляры ея попались въ руки Дениса Давыдова. Сочли за нужное довести о ней до свѣдѣнія Ермолова. Ермоловъ отвѣчалъ съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства упрекомъ, какъ можно было удостоить вниманія такую нелѣпую клевету. „Вы узнали—писалъ онъ къ Давыдову съ своей обычной ироніей: —о моихъ походахъ; этого мало: вы, вѣроятно, услышите скоро о моихъ побѣдахъ, въ которыхъ жестокая судьба такъ долго отказываетъ генералу Дибичу!“

Поляки, между тѣмъ, продолжаютъ брать верхъ; во враждебной Европѣ проносится радостный гулъ отъ края до края; поднимается говоръ и въ безмолвномъ отечествѣ, и взоры всѣхъ устремлены на Ермолова. Но вызванъ Паскевичъ изъ Грузіи. Онъ двинулся къ Варшавѣ — и взялъ ее приступомъ.... А Ермоловъ живетъ въ деревнѣ, читаетъ реляціи, переплетаетъ книги...

Въ 1831 году Ермоловъ лишился отца. Тогда онъ продалъ свое орловское имѣніе и переѣхалъ на жительство въ Москву, гдѣ имѣлъ случай оцѣнить всю глубину уваженія и сочувствія къ себѣ, жившія въ сердцѣ Россіи. Всѣмъ памятна первая встрѣча его въ московскомъ дворянскомъ собраніи. „Онъ прибылъ—говоритъ очевидецъ: — въ черномъ фракѣ съ однимъ георгіевскимъ крестомъ въ петлицѣ (крестъ этотъ Ермоловъ получилъ изъ рукъ великаго Суворова и никогда съ нимъ не разставался). При его появленіи въ залѣ—мужчины и дамы, всѣ безъ исключенія, встали и встрѣтили поклономъ отставного героя“.

Москва переживала въ тотъ годъ тяжелое холерное время, и императоръ Николай самъ прибылъ въ Москву, чтобы успокоить и ободрить населеніе древней столицы. Ермоловъ получилъ приглашеніе явиться во дворецъ. Онъ прибылъ туда въ отставномъ мундирѣ; государь увелъ его въ кабинетъ и, какъ тогда говорили, самъ надѣлъ на него эполеты. На слѣдующій день послѣдовало представленіе императрицѣ, которая была смущена и сказала ему: „я бы васъ сейчасъ узнала, генералъ; такъ всѣ ваши портреты похожи на васъ“. Вскорѣ вошелъ государь, и вмѣстѣ втроемъ

вышли они изъ кабинета передъ взорами удивленной московской знати...

„Я хочу—сказалъ государь:—всѣхъ васъ, стариковъ, собрать около себя и беречь, какъ старыя знамена". Ермоловъ назначенъ былъ тогда членомъ государственнаго совѣта и долженъ былъ переѣхать въ Петербургъ. Государь продолжалъ оказывать ему свое благоволеніе. Однажды онъ пригласилъ его и Паскевича вмѣстѣ съ собою въ Кронштадтъ; тамъ ихъ встрѣтилъ знаменитый адмиралъ Беллингсгаузенъ, до тѣхъ поръ никогда не видѣвшій Ермолова. „Передъ вами стоитъ обладатель острова на Тихомъ Океанѣ", отрекомендовался ему Алексѣй Петровичъ, намекая на то, что островъ, открытый Беллингсгаузеномъ, былъ названъ имъ островомъ „Ермолова".

Беллингсгаузенъ, чисто русскій человѣкъ, несмотря на свою нѣмецкую фамилію, сталъ съ тѣхъ поръ однимъ изъ лучшихъ друзей Ермолова.

Обязанности члена государственнаго совѣта, между тѣмъ, только тяготили Ермолова. Его назначили членомъ коммиссіи по преобразованію карантиннаго устава, гдѣ онъ не могъ оказать ни малѣйшей пользы, и въ то же время онъ не попадалъ въ такіе комитеты, гдѣ дѣло шло о преобразованіи войскъ или рѣшались другіе знакомые ему чисто военные вопросы. „Ваше величество, — сказалъ онъ однажды государю:—вѣроятно, потеряли изъ виду, что я лишь военный человѣкъ и не могу быть полезнымъ въ новыхъ моихъ назначеніяхъ". На это государь отвѣтилъ ему: „вѣрно, ты слишкомъ любишь отечество, чтобы желать войны; намъ нуженъ миръ для преобразованій и улучшеній; но въ случаѣ войны я употреблю тебя". Тѣмъ не менѣе военный министръ предложилъ Ермолову занять постъ предсѣдателя военнаго генералъ-аудиторіата. Ермоловъ отказался и отъ этого назначенія. „До сихъ поръ, — сказалъ онъ графу Чернышеву; — единственнымъ моимъ утѣшеніемъ была привязанность войска, и я не хочу потерять ее, сдѣлавшись наказателемъ". Видя себя безполезнымъ въ званіи рядового члена государственнаго совѣта, онъ просилъ увольненія отъ присутствія въ немъ, и, получивъ его, въ мартѣ 1839 г. снова удалился въ Москву.

Въ то время, по выраженію его біографа Погодина, можно было сказать про Ермолова, что его страсти утихали, вспыхивая только изрѣдка въ острыхъ словахъ или сдерживаемыхъ движеніяхъ, волосы побѣлѣли, орлиный взглядъ началъ угасать. Ермоловъ купилъ себѣ деревянный домъ въ Москвѣ, и съ этого времени считаетъ онъ свою мудрость.

Образъ его жизни остался тотъ же, что и въ деревнѣ. Вставалъ онъ въ шесть часовъ и тотчасъ одѣвался, не зная никогда ни шлафрока, ни туфлей, ни спальныхъ сапоговъ, надѣвалъ свой казинетовый сюртукъ и садился за столъ въ кабинетѣ, куда подавался ему чай. Время до обѣда посвящалось работѣ и занятіямъ: послѣ него оставались весьма интересныя записки, обнимающія собою періодъ его служебной жизни съ 1812 по 1826 годы. Слогъ Ермолова тяжелъ, напоминаетъ екатерининское время, но отличается остроуміемъ, своеобразными оборотами рѣчи, колкостью, блещетъ юморомъ, а подчасъ возвышается до истиннаго краснорѣчія:

Захочетъ,—о себѣ, какъ Тацитъ, онъ напишетъ
И лихо рукопись свою переплететъ,—

сказалъ про него Жуковскій.

Въ три часа слѣдовалъ неизмѣнный неприхотливый обѣдъ: изъ пирога, щей и жаркого; потомъ опять занятія, а вечеромъ Ермоловъ любилъ принимать гостей и сидѣть долго за полночь, пока слуга Мемека, какъ Суворову Прошка, не напоминалъ, что пора ложиться спать.

Въ высшихъ петербургскихъ сферахъ на Ермолова продолжали смотрѣть недоброжелательно; но государь лично оказывалъ ему всѣ признаки своего благоволенія. Въ 1839 году Ермоловъ былъ приглашенъ сопровождать его на Бородинское поле, и, какъ очевидецъ, объяснялъ подробности сраженія, въ которомъ игралъ такую крупную роль. Въ день открытія Кульмскаго памятника государь прислалъ ему Андреевскій орденъ,—высшую награду, которой онъ до сихъ поръ не имѣлъ.

Русская армія чтила въ немъ героя Валутина, Бородина, Кульма и Парижа, и потомство съ удивленіемъ не встрѣтитъ славнаго имени его ни на одномъ изъ памятниковъ, воздвигнутыхъ въ воспоминаніе 12, 13 и 14 годовъ. Но память о немъ жила крѣпче

бронзы и мрамора. И вотъ, когда, 9 апрѣля 1849 года, въ Москвѣ праздновался день учрежденія Преображенскаго полка, самъ главнокомандующій гвардейскимъ корпусомъ, великій князь Михаилъ Павловичъ, въ сопровожденіи наслѣдника престола и всѣхъ наличныхъ офицеровъ, отправился, послѣ дворцовой церемоніи, къ знаменитому ветерану русской славы, подъ начальствомъ котораго императорская гвардія покрылась побѣдными лаврами и Преображенскій полкъ заслужилъ георгіевскія знамена.

„И какъ пріятно и сладко москвичамъ было видѣть—говоритъ Погодинъ: — этотъ торжественный поѣздъ сына царева, государя наслѣдника, и брата царева, со всѣми представителями русской гвардіи, къ деревянному семиоконному домику на Арбатскомъ бульварѣ, гдѣ живетъ убѣленный сѣдинами герой Бородина, Кульма и Кавказа, гдѣ надъ низменной крышей ярко горитъ лучъ русской славы“.

Но этимъ внѣшнимъ почетомъ и ограничивалась, впрочемъ, офиціальная общественная роль Ермолова. Удаленный отъ дѣлъ, онъ находилъ себѣ утѣшеніе въ той необычайной популярности своего имени, которая проходила черезъ всѣ классы населенія и служила ему живымъ свидѣтельствомъ его заслугъ передъ родиной. Одинъ за другимъ являлись факты, выражавшіе это отношеніе къ нему общественнаго мнѣнія. Когда графъ Воронцовъ, передъ отъѣздомъ на Кавказъ, былъ выбранъ въ почетные члены англійскаго клуба, въ обществѣ тотчасъ заговорили: „нельзя выбирать Воронцова, не сдѣлавъ по крайней мѣрѣ того же самаго для Ермолова“. И Ермоловъ, далекій отъ всякихъ вліяній и связей, уединенно доживавшій свой вѣкъ въ Москвѣ, вдругъ единогласно выбирается въ почетные члены петербургскаго англійскаго клуба.

„Когда Алексѣй Петровичъ — разсказываетъ одинъ современникъ: — появлялся въ театрѣ или собраніи, приверженные къ нему русскіе люди, и старые и молодые, оборачивались въ ту сторону, гдѣ стоялъ Ермоловъ, опершись на свою вѣрную саблю, и задумчиво смотрѣли на его бѣлые волосы, на эту львиную голову, твердо стоявшую еще на исполинскомъ туловищѣ, и въ потускнѣв-

шихъ глазахъ его искали глубоко запавшія мысли"... Всѣ проѣзжавшіе черезъ Москву кавказцы и всякій, кто только цѣнилъ въ Ермоловѣ представителя русскаго ума и русской славы, заѣзжали поклониться „батюшкѣ Алексѣю Петровичу", — какъ называлъ его обыкновенно великій князь Михаилъ Павловичъ. Это утѣшало и радовало Ермолова.

Русская лира не хотѣла отстать отъ общественнаго мнѣнія и не разъ возвышала свой благородный голосъ за униженное достоинство: имени Ермолова посвящено много поэтическихъ произведеній. На одномъ изъ московскихъ вечеровъ, гдѣ былъ Ермоловъ, поэтъ Глинка, поднимая заздравный кубокъ, привѣтствовалъ знаменитаго гостя слѣдующимъ экспромптомъ:

Умомъ затмилъ онъ блескъ алмаза,
Въ бояхъ былъ славный онъ боецъ.—
Да здравствуетъ герой Кавказа!
Да здравствуетъ герой сердецъ!
Подъ буркою надъ русскимъ станомъ,
Съ морщиной умной на челѣ,
Не разъ стоялъ онъ великаномъ
Монументально на скалѣ.
А шашка между тѣмъ чеченцевъ
Вела съ штыкомъ трехграннымъ споръ;
И именемъ его младенцевъ
Пугали жены дикихъ горъ.
И вотъ еще изъ-за тумана,
Которымъ ликъ его покрытъ,
Глядитъ героемъ Оссіана
Онъ на мельчающій нашъ бытъ.
И подъ маститой сѣдиною,
Хоть взоръ орлиный и пригасъ,—
Все баснословной стариною
И славой обдаетъ онъ насъ.

На этотъ экспромитъ Дмитріевъ отвѣчалъ не менѣе прекраснымъ стихотвореніемъ:

Ты бывалъ и самъ средь боевъ,
Видѣлъ близко славы слѣдъ,—
Не изъ нынѣшнихъ героевъ,
Ты—не нынѣшній поэтъ!
Оттого, какъ блескъ алмаза,
Блещетъ твой гранитный стихъ,
И въ тебѣ герой Кавказа
Вспламенилъ восторга мигъ!

Не видавъ войны кровавой,
Я смиренно созерцалъ
Мужа, избраннаго славой,
Пѣть не смѣлъ я,—и молчалъ.
Я дивился исполину—
Исполинскій былъ и вѣкъ,—
И какъ горную вершину
И его вѣнчаетъ снѣгъ.
Но какъ тотъ горитъ и блещетъ
Въ искрахъ солнечныхъ огней,
Мнѣ казалось, что трепещетъ
И надъ нимъ вѣнецъ лучей!

Но гдѣ память о немъ, гдѣ его слава были громки и вѣковѣчны, такъ это въ той странѣ, на которую онъ положилъ свои лучшія силы, опытность мужа и энергію героя. Кавказъ помнитъ своего богатыря отъ края и до края.

Кавказскій солдатъ съ любовью вспоминаетъ Ермолова, имя котораго было для нихъ символомъ побѣды, и о которомъ безконечны разсказы. „То ли дѣло при Ермоловѣ!“ — такова обычная фраза, долго жившая среди кавказскаго войска. „При немъ, — разсказывалъ однажды старый казацкій есаулъ: — бывало, наберемся и страху и всего; ну, да и порадоваться было чему. Картина — посмотрѣть на „Ермолая“ (такъ горцы звали его). Чудо-богатырь! Надѣнь онъ мужицкій тулупъ и пройди промежь чернаго народа, — ей-Богу! — ни разу не видавши, узнаете — сама шапка долой просится... Разъ, какъ сейчасъ помню, въ Чечняхъ это было,—идемъ ночью съ отрядомъ. Темно, хоть глазъ выколи; дождь такъ и поливаетъ; грязь по колѣно. Вотъ солдаты и раздобариваютъ. Я былъ въ конвоѣ, такъ ѣду за Алексѣемъ Петровичемъ, да тоже слушаю.

Ай да походъ! хоть бы знать куда?—а то пропадешь ни за что; ноги не вытащишь—такая грязища. Мы все слышимъ—и ни гу-гу. Какъ трогался отрядъ съ мѣста, Алексѣй Петровичъ оставался зачѣмъ-то въ крѣпости, а потомъ догналъ отрядъ и ѣдетъ себѣ сторонкою. Темно—его и не видно солдатамъ; стали мы уже равняться съ головой колонны, Пѣхтура все болтаетъ: „Вишь повели! А куда?—чортъ знаетъ, да и какой дьяволъ ведетъ-то. Хоть бы Алеша-то нашъ былъ съ нами...“

— Съ вами, ребята, съ вами! — вдругъ загремѣлъ знакомый богатырскій голосъ.

Батюшки мои! Какъ грянутъ ура — такъ ажъ въ ушахъ затрещало; куда и дождь и грязь дѣвались; пѣсенники впередъ, ряды стянулись, пошли какъ по плацъ-парадному мѣсту, бодро, весело, въ охотку; духомъ отхватали 45 верстъ.

Вотъ было время, такъ время! Бывало только скажетъ—„ребята, за мною!“ — Ура! загремитъ въ отвѣтъ; нужды нѣтъ, куда, зачѣмъ и съ чѣмъ. Батюшка Петровичъ и накормитъ, и напоитъ, и къ ночлегу приведетъ — въ напасть не дастъ. Нехристь, бывало, какъ заслышитъ, что *самъ* идетъ, куда и удаль дѣвалась, не до фрижитовки, - такъ и ложится, бывало: бери живьемъ, налагай присягу, возьми и аманатовъ—только душу пусти на покаянье. Сама вражья сила говоритъ, бывало: на небѣ — Аллахъ; здѣсь Ермолай!“

И вражья сила Кавказа, дѣйствительно, долго помнила и почитала знаменитаго „Ермолая“. Горцы относились къ нему съ суевѣрнымъ страхомъ, близкимъ къ невольному благоговѣнію, и передали память о немъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Легенды ихъ представляютъ его человѣкомъ гиганскаго роста, съ огромной львиной головой, могущимъ все сокрушить однимъ мановеніемъ своей атлетической длани. „Горы дрожатъ отъ гнѣва его, — говоритъ одна изъ пѣсенъ,—а взоръ его разсѣкаетъ, какъ молнія“.

Когда, по окончаніи турецкой войны 29 года, передъ отъѣздомъ съ Кавказа графа Паскевича разнесся слухъ, что главнокомандующимъ опять будетъ Ермоловъ, горцы заблаговременно приготовили аманатовъ. Спустя 14 лѣтъ послѣ этого, они толпами съѣзжались въ Шуру, прося позволенія только видѣть пріѣхавшаго на Кавказъ одного изъ сыновей Ермолова, о чемъ молва немедленно облетѣла всѣ горы.

Когда Шамиля спросили въ Москвѣ, что онъ желаетъ видѣть,— онъ отвѣчалъ: „прежде всего Ермолова“. Въ альбомѣ князя Барятинскаго хранится рисунокъ, изображающій это характерное свиданіе двухъ знаменитѣйшихъ бойцовъ Кавказа.

И во время военныхъ дѣйствій, на верху своего могущества,

Шамиль показывалъ всегда особое уваженіе къ имени Ермолова и даже велѣлъ пощадить аулъ, въ которомъ жили родные его кебинныхъ женъ. Мало того, на берегу Каспійскаго моря, неподалеку отъ Низоваго укрѣпленія стояла изба, или, пожалуй, домикъ, выстроенный здѣсь когда-то войсками, бывшими съ Ермоловымъ въ походѣ, для укрытія отъ непогоды „батюшки Алексѣя Петровича". Домикъ этотъ построенъ былъ изъ чинаръ въ два обхвата каждый, и при немъ всегда стоялъ часовой, не столько для охраны домика, сколько изъ благоговѣйнаго чувства къ памяти Алексѣя Петровича. Домикъ этотъ былъ дорогъ кавказскимъ войскамъ, и всѣ его берегли, какъ славное преданіе минувшаго времени. Вотъ почему въ 1843 году, когда возстаніе охватило весь Дагестанъ, и Низовое было окружено непріятелемъ, всѣ съ грустью помышляли о печальной судьбѣ, которая должна была постигнуть этотъ домикъ, стоявшій одинъ-одинешенекъ, посреди бушующаго населенія. Но такова сила историческаго имени Ермолова, что при всеобщемъ, можно сказать, разрушеніи до этого домика не коснулась ни одна рука горскаго хищника, и по окончаніи смутъ, „мы—говоритъ одинъ очевидецъ—вновь имѣли счастіе поклониться этому скромному пріюту великаго кавказскаго дѣятеля".

Но, къ сожалѣнію, то, чего не сдѣлали дикіе горцы, сдѣлало холодное равнодушіе къ исторической славѣ и невѣжество нашихъ современниковъ. Въ настоящее время вы уже не найдете и слѣдовъ этого домика: онъ куда-то исчезъ, какъ исчезла еще болѣе знаменитая грозненская землянка Ермолова.

Ермоловъ, съ своей стороны, платилъ Кавказу тою же полною любовью; онъ слишкомъ, всѣми фибрами своего сердца приросъ къ нему, чтобы не слѣдить съ горячимъ участіемъ за всѣмъ, что дѣлается въ краѣ. А тамъ, между тѣмъ, торжествовала система, противоположная его системѣ, и Ермоловъ, слишкомъ хорошо знавшій Кавказъ, не могъ не видѣть печальныхъ послѣдствій этого. Онъ всегда и являлся въ роли ироническаго предвѣстника событій.

Какъ извѣстно, послѣ Паскевича назначенъ былъ на Кавказъ

баронъ Розенъ, Розена смѣнилъ Головинъ, Головина Нейдгардтъ,— и дѣла тамъ шли все хуже и хуже.

Когда смѣненный Розенъ пріѣхалъ въ Москву и посѣтилъ Ермолова, чтобы посовѣтоваться съ нимъ, не слѣдуетъ ли ему поѣхать въ Петербургъ для объясненій, Ермоловъ серьезнымъ тономъ отвѣтилъ ему: „Погоди немного, скоро вернется Головинъ, и тогда мы втроемъ поѣдемъ въ Питеръ". Головинъ, въ самомъ дѣлѣ, не долго пробылъ на Кавказѣ, и на его мѣсто отправился Нейдгардтъ. Узнавъ объ этомъ, Ермоловъ сказалъ: — Ну! Нейдгардтъ, видно, что нѣмецъ — предусмотрителенъ: нанялъ себѣ домъ въ Москвѣ заранѣе и далъ задатокъ, — знаетъ, что скоро вернется.

Узнавъ же, что Розенъ и Головинъ собираются въ Петербургъ, онъ, при первой встрѣчѣ, сказалъ имъ:—знаете ли что, любезнѣйшіе: не обождать ли Нейдгардта? Онъ, вѣроятно, не замедлитъ пріѣхать. Тогда наймемъ четырехъ-мѣстную карету, да такъ вмѣстѣ, вчетверомъ, и отправимся въ Питеръ. И Нейдгардтъ, дѣйствительно, не былъ счастливѣе своихъ предмѣстниковъ.

Только назначеніе Воронцова Ермоловъ привѣтствовалъ съ истиннымъ доброжелательствомъ и предсказалъ ему блестящіе успѣхи. Но, впрочемъ, и здѣсь значительную долю успѣховъ онъ относилъ также къ увеличенію матеріальныхъ средствъ въ рукахъ намѣстника:—„Теперь за Кавказомъ—говорилъ онъ:—20 генераловъ, а при мнѣ былъ одинъ Вельяминовъ, котораго я вызвалъ къ брату; теперь въ каждомъ изъ пяти отдѣленій такой штабъ, какъ былъ у меня во всемъ корпусѣ; теперь войскъ подъ ружьемъ 250 тысячъ, а у меня было 70. Теперь намѣстникъ получаетъ на свое содержаніе 150 тысячъ р. серебромъ, а я получалъ сорокъ ассигнаціями и жилъ полгода въ лагерѣ, чтобы скопить денегъ на балъ или на обѣдъ".

Уже на полномъ склонѣ дней, Ермолову выпала честь вновь появиться въ дѣятельной роли защитника отечества, и притомъ въ одинъ изъ самыхъ критическихъ моментовъ исторіи Россіи.

Началась Севастопольская война. Заговорили о народномъ ополченіи и вся Москва, вспоминая избраніе Кутузова начальни-

комъ Петербургскихъ дружинъ въ 1812 г., выразила желаніе имѣть начальникомъ московскаго ополченія — Ермолова. Избраніе состоялось торжественное, единодушное, потому что изъ могихъ тысячъ голосовъ, въ избирательной урнѣ оказалось только девять черныхъ шаровъ...

Невозможно изобразить волненія, объявшаго всѣхъ присутствовавшихъ въ огромной залѣ благороднаго собранія, когда извѣстно стало количество избирательныхъ голосовъ. Долго не прерывались рукоплесканія и крики восторга. Въ привѣтственной рѣчи, обращенной по этому случаю къ Ермолову, между прочимъ говорилось:

„Самъ Богъ сберегалъ васъ, кажется, для этой тягостной годины общаго испытанія. Идите же, Алексѣй Петровичъ, съ силами Москвы, въ которой издревле отечество искало и всегда находило себѣ спасеніе, идите принять участіе въ подвигахъ дѣйствующихъ армій. Пусть развернется передъ ними наше старое, наше славное знамя 12-го года. Всѣ русскіе воины будутъ рады увидѣть вашу бѣлую голову и услышать ваше любимое имя; оно неразлучно въ ихъ памяти съ именемъ Суворова, изъ рукъ котораго вы получили первый георгіевскій крестъ, и съ именемъ Кутузова, которому служили правою рукою въ незабвенномъ Бородинскомъ сраженіи".

Вся Москва ликовала. Купцы въ рядахъ, извозчики съ своими сѣдоками, — все толковало о Ермоловѣ и радовалось, какъ будто побѣда уже осѣнила русскія знамена и враги изгнаны изъ предѣловъ отечества.

Графиня Ростопчина выразила это общее настроеніе Москвы въ слѣдующихъ звучныхъ стихахъ:

«Народный голосъ—голосъ Бога.
Онъ нынѣ громко вопіетъ:
«Вставай Ермоловъ! Русь зоветъ!»—
Тебѣ знакома вѣдь дорога.
Съ единодушнымъ увлеченьемъ
Тебя назначила молва,
И надъ московскимъ ополченьемъ
Вождемъ поставила Москва.
Возьми рукой неослабѣлой
Свой старый мечъ—французовъ страхъ.

Нашъ вождь, въ покоѣ посѣдѣлый,—
Помолодѣешь ты въ бояхъ.
Вставай! Честь русскаго народа
Его врагамъ припомяни,
И пусть двѣнадцатаго года
Великіе воскреснутъ дни.
Вставай! Когда по всей Россіи
Извѣстенъ станетъ выборъ нашъ:
Шатры восплещутъ боевые,
Хвалой откликнется шалашъ!»

Какой-то анонимъ отвѣтилъ ей отъ имени Ермолова:

«Не неизвѣстнаго поэта
Читалъ я добрыя слова:
По звукамъ лестнаго привѣта
Васъ прямо назоветъ молва.
Вы помянули годъ возстанья,
Для нашей славы дивный вѣкъ,
Когда, услыша гласъ призванья,
Явился русскій человѣкъ.
Вы правы! Пусть меня забыли,—
Но нашъ не позабылъ народъ,
Когда Москву мы хоронили,
Двѣнадцатый свершали годъ.
И нынѣ чтутъ мои сѣдины
Въ воспоминанье старины,
И этой памятной годины,—
Ея достойные сыны.
Но горделивыми мечтами,
Повѣрьте, я не ослѣпленъ:
Давно я удрученъ годами,
Отъ дѣла битвы удаленъ.
Давно заржавѣлъ мечъ мой бранный
Ослабла дряхлая рука,—
И пиръ кровавый, пиръ желанный—
Едва ль по силамъ старика».

Московскому ополченію, какъ извѣстно, не привелось принять непосредственнаго участія въ дѣлѣ защиты отечества.

Тихо и незамѣтно прошли послѣдніе дни героя, въ Москвѣ; 12 апрѣля 1861 года онъ скончался, на 85 году отъ рожденія, сидя въ своемъ любимомъ креслѣ, имѣя одну руку на столѣ, другую на колѣнѣ; за нѣсколько минутъ, онъ еще, по своей привычкѣ, притопывалъ ногою.

Невозможно лучше выразить чувствъ Россіи при этой смерти,

какъ некрологомъ газеты „Кавказъ“, умѣвшимъ не сказать ничего лишняго.

„11 апрѣля, въ 11¾ часа утра, — говорилось, въ немъ:— скончался въ Москвѣ извѣстный всей Россіи генералъ отъ артиллеріи Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. Каждый русскій знаетъ это имя: оно соединено съ самыми блестящими воспоминаніями нашей народной славы: Валутино, Бородино, Кульмъ, Парижъ и Кавказъ—вѣчно передавать будутъ имя героя,—гордость и украшеніе русскаго войска и народа.

„Имя Ермолова дорого каждому русскому еще и потому, что онъ принималъ участіе въ каждомъ умственномъ трудѣ, поддерживалъ начинающаго, благословлялъ его на новый трудъ, и всегда былъ доступенъ людскому горю и несчастію.

„Не исчисляемъ заслугъ и званій Ермолова: его имя и званіе—истинно русскій человѣкъ въ полномъ значеніи этого слова“.

Любопытенъ фактъ, что смерть его не обошлась безъ легенды, характера страннаго и мистическаго.

Вотъ что разсказывалъ одинъ изъ людей, близко знавшихъ Ермолова.

„Однажды (говорилъ онъ), уѣзжая изъ Москвы, я заѣхалъ проститься съ Ермоловымъ, и не могъ при этомъ скрыть своего волненія.

— Полно,—сказалъ онъ: — мы еще увидимся; я не умру до твоего возвращенія.

Это было года за полтора до его кончины.

— Въ смерти и въ животѣ Богъ воленъ!—возразилъ я.

— А я тебѣ положительно говорю, что умру не черезъ годъ, а позднѣе, — сказалъ онъ; и съ этими словами повелъ меня къ себѣ въ кабинетъ, вынулъ изъ запертого ящика листъ исписанной бумаги и поднесъ его къ моимъ глазамъ.—„Чьей рукою писано?“ спросилъ онъ.—„Вашей“.—„Читай“.—Это было нѣчто въ родѣ послужнаго списка, начиная съ чина подполковника, съ указаніемъ времени, когда произошелъ каждый мало-мальски замѣчательный случай изъ его богатой событіями жизни.

Онъ слѣдилъ за моимъ чтеніемъ, и когда я подходилъ къ

концу листа, онъ закрылъ рукой послѣднія строки.—„Этого тебѣ читать не слѣдуетъ,—сказалъ онъ· — тутъ обозначены годъ, мѣсяцъ и день моей смерти.—Все, что ты прочелъ здѣсь, продолжалъ онъ, — написано впередъ и сбылось до мельчайшихъ подробностей. Вотъ какъ это случилось.

„Когда я былъ еще подполковникомъ, меня командировали разъ на слѣдствіе въ уѣздный городъ Т. Квартира моя состояла изъ двухъ комнатъ: въ первой помѣщалась прислуга, а во второй я. Пройти въ эту послѣднюю можно было не иначе, какъ черезъ первую комнату. Разъ ночью я сидѣлъ за письменнымъ столомъ и писалъ. Окончивъ, я закурилъ трубку, откинулся на спинку кресла и задумался. Поднимаю глаза—передо мной, по ту сторону стола, стоитъ какой-то неизвѣстный мнѣ человѣкъ, судя по одеждѣ - мѣщанинъ. Прежде чѣмъ я успѣлъ спросить: кто онъ? и что ему нужно?—незнакомецъ сказалъ: „Возьми листъ бумаги, перо и пиши". Я безмолвно повиновался, чувствуя, что нахожусь подъ вліяніемъ неотразимой силы. Тогда онъ продиктовалъ мнѣ все, что должно со мною случиться въ теченіе всей моей жизни и заключилъ днемъ моей смерти. Съ послѣднимъ словомъ онъ исчезъ. Прошло нѣсколько минутъ прежде, чѣмъ я опомнился, вскочилъ съ мѣста и бросился въ первую комнату, миновать которую не могъ незнакомецъ. Тамъ я увидѣлъ, что писарь сидитъ и пишетъ при свѣтѣ сальнаго огарка, а денщикъ спитъ на полу у двери, которая оказалась запертою. На вопросъ мой: „кто сейчасъ вышелъ отсюда?"—удивленный писарь отвѣчалъ:—„никого". До сихъ поръ я никому не разсказывалъ объ этомъ,—заключилъ Алексѣй Петровичъ,—зная напередъ, что одни подумаютъ, что я выдумалъ, а другіе сочтутъ меня за человѣка, подвержденнаго галлюцинаціямъ, но для меня это фактъ, неподлежащій сомнѣнію—видимымъ осязательнымъ доказательствомъ котораго служитъ вотъ эта бумага".

И умирая, Ермоловъ не отклонился отъ величавой простоты, характеризующей его. Въ духовномъ завѣщаніи онъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія о своемъ погребеніи. „Завѣщаю похоронить меня какъ можно проще. Прошу сдѣлать гробъ простой, деревян-

ный, по образцу солдатскаго, выкрашенный желтою краскою. Панихиду обо мнѣ отслужить одному священнику. Не хотѣлъ бы я ни военныхъ почестей, ни несенія за мною орденовъ, но какъ это не зависитъ отъ меня, то предоставляю на этотъ счетъ распорядиться, кому слѣдуетъ. Желаю, чтобы меня похоронили въ Орлѣ, возлѣ моей матери и сестры; свезти меня туда на простыхъ дрогахъ безъ балдахина, на парѣ лошадей; за мною поѣдутъ дѣти, да Николай мой, а черезъ Москву, вѣроятно, не откажутся стащить меня старые товарищи артиллеристы".

Ермоловъ похороненъ въ Орлѣ, рядомъ со своимъ отцомъ, въ особомъ придѣлѣ Троицко-Кладбищенской церкви. На одной изъ стѣнъ могильнаго склепа вдѣлана доска съ простою надписью: „Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, скончался 12 апрѣля 1861 года". Передъ его гробницей теплится чугунная лампада, поражающая своимъ устройствомъ и происхожденіемъ. Она утверждена на мѣдномъ пьедесталѣ и состоитъ изъ настоящей чугунной гранаты, въ которую вставлена стеклянная лампада. На чугунѣ грубыми литерами отчеканено: „Служащіе на Гунибѣ кавказскіе солдаты". Лампада устроена усердіемъ нижнихъ чиновъ кавказской арміи, на собранную ими сумму въ сорокъ рублей серебромъ. И этотъ простой памятникъ дороже и краше всякаго мавзолея.

Ермолову нѣтъ нигдѣ памятника. Но горныя скалы Кавказа составляютъ несокрушимый пьедесталъ, на которомъ истинно русскій человѣкъ вѣчно будетъ видѣть величавый образъ Ермолова, окруженный лучами безсмертной славы.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

JUL 2 4 '95 ILL
4928201

WIDENER
MAR 1 7 1996
BOOK DUE

STALL STUDY
WIDENER
CHARGE
JUL 2 4 1997
CANCELLED

3 2044 021 795 307